

902.6 (с-м).

A-87

ТРУДЫ

ПЕРКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1869

I

(Изданы подъ редакціей гр. А. С. Уварова)

МОСКВА

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ

1871

~~Получено 1960 г.~~

~~ПРОВЕРКА
1948 г.~~

ТРУДЫ

1962 г.

1965 г.

ПЕРКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1869

(Изданы под редакціей гр. А. С. Уварова)

182 8   ОМЕТУ ИВОНЕ   10221
Библиотека Музея
Историческо-родоведен. отд.

МОСКВА

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ

1871

1908 г.

81
1950. Библиотека
Лит. М-та Краеведческой
и Музейной работы В-287

Ответственное лицо гр. А. С. Уваровъ.

ТРУДЫ ПЕРВАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ МОСКВѢ

Перваго Русскаго Археологическаго Съѣзда

ВЪ МОСКВѢ.

I

Правила Съѣзда, утвержденныя г. Министромъ народнаго просвѣщенія.

1. Съѣздъ открывается въ Москвѣ 16-го марта 1869 г. и будетъ продолжаться не болѣе трехъ недѣль.

2. За недѣлю до открытія Съѣзда, именно 9-го марта 1869 г., открываетъ свои дѣйствія въ Москвѣ совѣтъ Съѣзда.

3. Совѣтъ Съѣзда составляютъ: а) всѣ прибывшіе въ Москву члены предварительнаго комитета, и б) по одному изъ присланныхъ на Съѣздъ депутатовъ отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ обществъ, коихъ представителей не было въ предварительномъ комитетѣ.

4. Членами Съѣзда признаются: а) всѣ депутаты, прибывшіе на Съѣздъ; б) всѣ лица, получившія отъ предварительнаго комитета или совѣта Съѣзда приглашеніе участвовать въ ономъ, и пріѣхавшія на Съѣздъ или приславшія къ нему свои сообщенія; в) всѣ лица, заявившія напередъ предварительному комитету или совѣту о желаніи своемъ участвовать въ занятіяхъ Съѣзда, и допущенныя къ тому комитетомъ или совѣтомъ.

5. Совѣтъ Съѣзда въ первомъ засѣданіи своемъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя совѣта и шесть членовъ въ распорядительный комитетъ Съѣзда и казначея Съѣзда. Независимо отъ сего совѣтъ, въ томъ же засѣданіи, раздѣляется по специальностямъ на комиссіи, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей.

6. Въ секретари отдѣленій Съѣзда приглашаются заблаговременно совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда.

7. Съѣздъ раздѣляется на отдѣленія. Число отдѣленій и кругъ ихъ занятій опредѣляются совѣтомъ Съѣзда, въ первомъ засѣданіи, и публикуются заблаговременно во всеобщее извѣстіе.

II

8. Всякій членъ Съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ тому или другому отдѣленію.

9. Распорядительный комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ распорядкомъ Съѣзда.

10. Въ составъ распорядительнаго комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ совѣтомъ, входитъ казначей Съѣзда.

11. Предсѣдатели комиссій совѣта и секретари отдѣленій Съѣзда составляютъ ученый комитетъ Съѣзда.

12. Ученый комитетъ завѣдуетъ всею ученою частью Съѣзда и слѣдитъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

13. Комитеты распорядительный и ученый сами избираютъ своихъ предсѣдателей. Они засѣдаютъ ежедневно въ продолженіи всего Съѣзда.

14. Совѣтъ Съѣзда и комиссіи совѣта созываются ихъ предсѣдателями. Каждая комиссія вправѣ избирать въ свои члены изъ среды Съѣзда ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она считаетъ для себя необходимымъ. Лица, избранныя комиссіями, дѣлаются членами совѣта. О такихъ выборахъ предсѣдатели комиссій доводятъ до свѣдѣнія предсѣдателя совѣта.

15. Засѣданія какъ совѣта, такъ и комитетовъ, распорядительнаго и ученаго, а равнымъ образомъ комиссій совѣта, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

16. Засѣданія Съѣзда бываютъ общія и частныя по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ предметы, относящіеся вообще къ археологіи по всѣмъ ея отраслямъ. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальныя вопросы, относящіеся исключительно къ той или другой отрасли археологіи.

17. Засѣданія Съѣзда всѣ публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ распорядительный комитетъ для полученія особыхъ мѣстъ.

18. Предсѣд. и помощники предсѣдателей какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и отдѣленій назначаются, на каждое засѣданіе особо, ученымъ комитетомъ изъ среды членовъ Съѣзда.

19. Программа cadaго засѣданія какъ общихъ собраній, такъ и отдѣленій опредѣляется заблаговременно, на каждый разъ особо, ученымъ комитетомъ. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго разрѣшенія ученаго комитета.

20. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на предсѣдателяхъ. Предсѣдатель обязанъ остановить cadaго члена Съѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсуждения или уклонится отъ научной цѣли.

21. На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія; но ни одинъ членъ Съѣзда не вправѣ говорить или читать болѣе полубаса, не испросивъ предварительно на то разрѣшенія ученаго комитета.

22. Исслѣдованія и сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ ученый комитетъ, разсматриваются въ комиссіяхъ совѣта и докладываются кѣмъ либо изъ ея членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

23. Всякій членъ Съѣзда получаетъ особый личный билетъ для входа на Съѣздъ.

24. Каждый членъ Съѣзда и всѣ ученые учрежденія и общества, принимавшія участіе въ Съѣздѣ посредствомъ своихъ депутатовъ, получаютъ медаль, вычеканенную въ память Съѣзда, и печатный экземпляръ Трудовъ Съѣзда.

25. Для напечатанія Трудовъ Съѣзда избирается совѣтомъ Съѣзда особый редакціонный комитетъ.

26. При Съѣздѣ предполагается устроить, если окажется возможнымъ, археологическую выставку.

II

Помѣщеніе съѣзда и устройство при немъ археологической выставки.

Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ предложилъ залы своего музея для собраній Съѣзда. Предварительный комитетъ, принявъ съ глубочайшею благодарностію предложеніе князя Голицына, приготовилъ главную залу музея для засѣданій Съѣзда, а въ двухъ боковыхъ залахъ и въ библіотекѣ размѣстилъ археологическую выставку.

Въ библіотекѣ членъ Съѣзда В. Е. Румянцовъ выставилъ **орудія и образцы древнерусскаго книгопечатанія и гравированія**, собранные имъ въ библіотекахъ: Московскаго Печатнаго двора, А. И. Хлудова, К. И. Невоструева и П. В. Щапова. Выставка эта, имѣвшая цѣлю показать наглядно начало и дальнѣйшій ходъ русскаго печатнаго дѣла до Петра I включительно, состояла изъ трехъ отдѣловъ:

I. Первопечатаніе въ Европѣ и у югозападныхъ Славянъ. Этотъ отдѣлъ, составлявшій введеніе въ исторію русскаго книгопечатанія, заключалъ въ себѣ нѣкоторые перво-

Изображеніе древней книгопечатни.
Снимокъ съ гравюры 1568 года ⁽¹⁾.

печатныя изданія западно-европейскихъ типографій и первыя книги, напечатанныя кирилловскими буквами у югозападныхъ Славянъ, какъ-то: изданія Краковскія, Венеціанскія, Скорининскія и нѣкоторыхъ южно-славянскихъ типографій, послужившія образцами при заведеніи книгопечатанія въ Россіи.

Здѣсь между прочимъ были выставлены: Краковскій Шестодневъ 1491 г. и Тріодъ Цвѣтная, печат. въ Скадарѣ (Скутари) 1563 г., обѣ in-f°, изъ библіотеки П. В. Ща-

(1) Эта гравюра вырѣзана франкфуртскимъ рѣзчикомъ — lost Ammon въ 1568 г., слѣдов. почти одновременно съ началомъ нашего книгопечатанія; см. Typogr. Messenger New York 1871, VI, 1. Изображенный на ней книгопечатный станъ совершенно одинаковаго вида и конструкціи съ русскимъ древне-печатнымъ станкомъ, см. на об. стр.

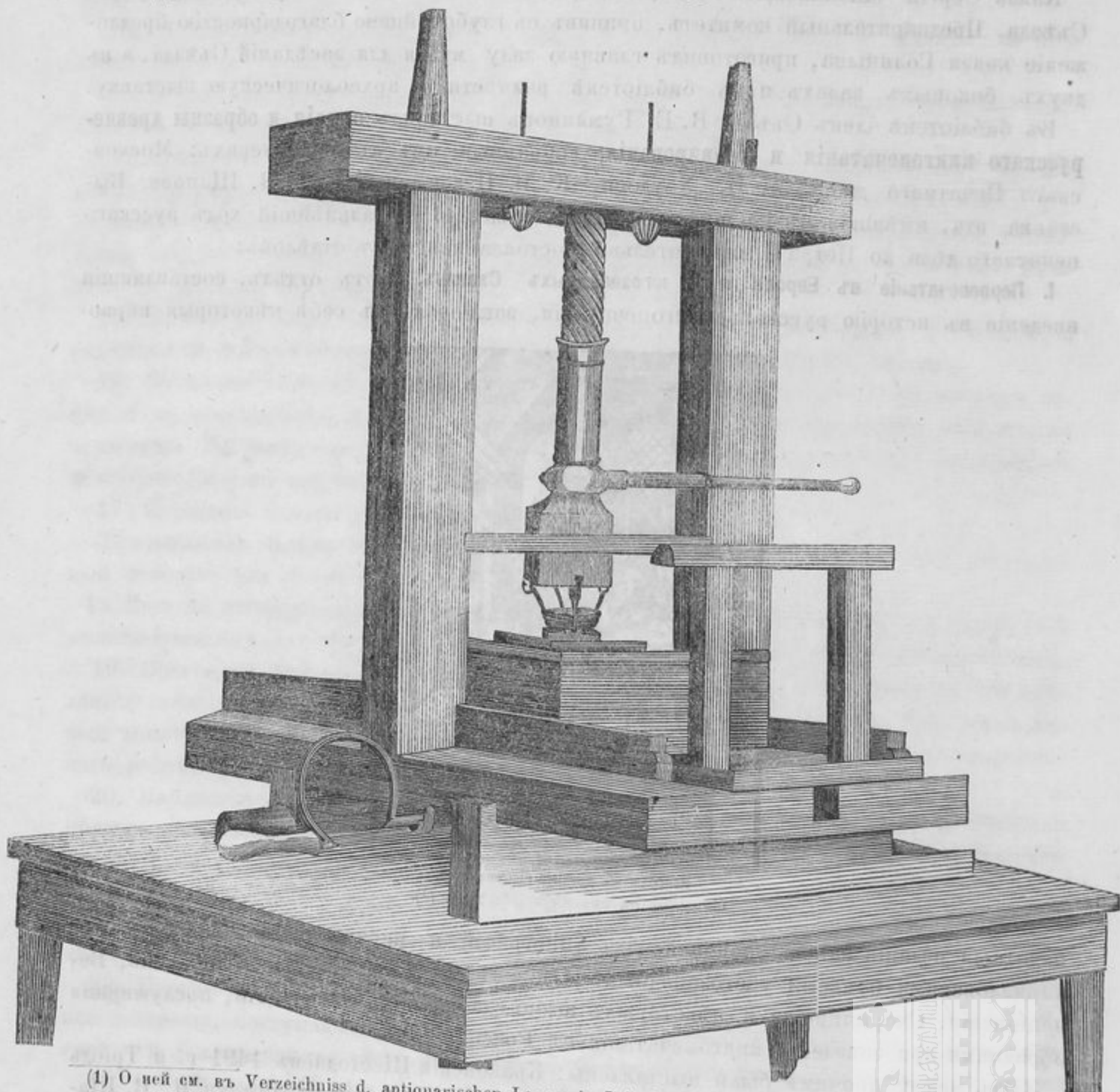

пова; Триодъ Постная in-f^o, также вѣроятно Краковское изданіе около 1491 г., съ собственноручными примѣчаніями К. Ѳ. Калайдовича, изъ библ. Моск. Печ. двора; Biblia Vulgata, ed. Thielmanni Kerver, Parisiis 1505 in-f^o (1), изъ библ. К. И. Невоструева; Псалтырь, напечат. Скориною въ Прагѣ 1517 г. in-4°, экземпляръ доселѣ единственный, изъ библиот. А. И. Хлудова.

II Русская печать и гравюра до Петра I. Въ этомъ отдѣлѣ были выставлены:

А. Орудія древне-русскаго книгопечатанія:

1. Древній образцовый книгопечатный станокъ (2).

(1) О ней см. въ Verzeichniss d. antiquarischen Lagers in Leipzig N 116, 1868...«sehr selten»

(2) Объ этомъ образцовомъ книгопечатномъ станкѣ упоминается еще въ расх. книгѣ Печ. приказа 1624 г., л. 326 об; въ послѣдствіи онъ значится въ описяхъ Печатнаго двора: 1649 года, л. 2 об., и 1681 г., л. 130 об., и наконецъ въ старинныхъ каталогахъ книгохранительной палаты; по послѣднему каталогу Моск. типогр. библіотеки онъ записанъ подъ № 30.

2. Пунсоны (слова стальные) и мѣдныя набивныя матрицы для отливки буквъ большой евангельской азбуки ⁽¹⁾, устроенныя пунсоннымъ мастеромъ іеродіакономъ Арсеніемъ изъ Чернигова въ концѣ XVII вѣка; при нихъ приложены были самыя буквы, вновь отлитыя въ эти матрицы, по древнему способу, изъ одного олова.

3. Словолитная форма древней конструкціи съ безполнымъ жеребьемъ ⁽²⁾.

4. Рѣзная оловянная доска для печатанія антиминовъ, московской работы, второй половины XVII вѣка ⁽³⁾.

5. Рисунки древней славянорусской наборной кассы и наборной деревянной верстатки (въ видѣ полочки съ рукоятью), приспособленной къ набору лѣвою рукой.

Б. Образцы древнѣйшей ксилографіи, употреблявшейся русскими книгописцами еще до заведенія книгопечатанія въ Москвѣ: заставки, заглавныя строки и начальные буквы (въ снимкахъ) рукописнаго Евангелія 1537 г., оттиснутыя рѣзными обранными досками ⁽⁴⁾.

В. Образцы древне-русскаго книгопечатанія:

1. Первая печатная книга въ Россіи—Московский Апостолъ 1564 г., въ десть, печати діакона Ивана Ѳеодорова и Петра Тимоѳеева Мстиславца ⁽⁵⁾.

2. Книги, изданныя бѣжавшими изъ Москвы первопечатниками на юго-западѣ Россіи: Евангеліе Учительное 1569 г. in-^{fo} и Псалтирь 1570 г. in-4°, въ Заблудовѣ; Апостолъ 1574 г. in-^{fo}, въ Львовѣ; Евангеліе напрестольное 1575 г. и Псалтирь 1576 г., обѣ in-^{fo}, въ Вильнѣ; Новый Завѣтъ съ Псалтирю 1580 г. in-8° и Библия 1581 г. in ^{fo}, въ Острогѣ Волынскомъ.

3. Изданія Московскаго Печатнаго двора XVI и XVII стол., представляющія образцы всѣхъ шрифтовъ или книгопечатныхъ азбукъ, употреблявшихся въ теченіе этого времени въ московской печати, а именно:

а) Азбуки первопечатной, существовавшей въ Московской типографіи до литовскаго погрома; изъ книгъ, напечатанныхъ этою азбукой, выставлены были, кромѣ первопеч. Апостола, слѣдующія: Тріодъ Постная 1589 г. и Цвѣтная 1591 г., Апостолъ 1597 г., всѣ три in-^{fo}, Часовникъ 1601 г. in-8° ⁽⁶⁾, Псалтирь 1602 г. in-4°, всѣ печати Андроника Тимоѳеева Невѣжи; Минея служебная мѣсяцъ Ноябрь 1610 г. in-^{fo}, Ивана Андронико-

(1) О большой евангельской азбукѣ см. ниже стр. VI и VII. Пунсоны и матрицы, первоначально устроенныя для этой азбуки Арсеніемъ, сохранились почти всѣ. Это видно изъ сличенія оттисковъ съ нынѣшнихъ буквъ, отлитыхъ въ эти матрицы, съ тѣми, которыми напечатано Евангеліе 1689 г. Тѣ и другія буквы во всѣхъ своихъ очертаніяхъ совершенно тождественны.

(2) Славянскія буквы въ древности (какъ и теперь) отливались въ двухъ видахъ: полныя и безполныя; послѣднія имѣютъ вверху надъ очкомъ вырѣзку для постановки удареній. Такія буквы видѣлъ въ Моск. типографіи Кемпферъ, посѣщавшій Россію въ 1681 г. Для отливки ихъ, внутри словолитной формы устроивается особый «безполный жеребей».

(3) О корректурныхъ оттискахъ, сдѣланныхъ съ этой доски въ концѣ XVII в., см. ниже на стр. VIII.

(4) См. въ кн. Д. А. Ровинск. «Русскіе граверы» и проч. М. 1870—ст. В. Е. Румянцова: «Свѣдѣнія о гравированіи» и проч., стр. 356.

(5) Выставленный экземпляръ—изъ библиот. Моск. Печ. двора; на бѣломъ листѣ въ началѣ книги находится слѣдующая надпись: «Книга Великаго Государя казенная; взята изъ книгохранительной палаты Чудова монастыря для того, что она перваго изданія печатнымъ тишеніемъ, и отъ сей книги почала быть Московская книжная типографія, и отдана въ книгохранительную палату, потому что на Печатномъ дворѣ въ книгохранительной палатѣ такой книги не было. Закрѣпилъ ее по листомъ дякъ Андрей Михайловъ нынѣшняго 206-го (1697) году, ноября въ 3-й день».

(6) Экземпляръ этого Часовника, незначащагося въ каталогахъ, съ полнымъ послѣсловіемъ, находится въ библиотекѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря.

ва Невѣжина, его же—Минейя Декабрь—in ^ф, печатаніе которой прервано разореніемъ Типографскаго двора Поляко-Литовцами (экземпляръ рѣдкій; изъ библ. П. В. Щапова).

б) Азбуки книгопечатнаго мастера О. М. Радишевскаго (уставной крупной), принесенной имъ въ Москву вѣроятно изъ Острожской типографіи: Евангеліе напрестольное 1606 г. и Уставъ церк. 1610 г., обѣ кн. in-^ф.

в) Азбуки печатнаго мастера Аникиты Ѳедорова Ѳофанова Псковитина, полууставной, нѣсколько отличающейся отъ первопечатной размѣромъ и рисункомъ буквъ: Минейя Общая 1609 г. in-^ф.

г) Другой азбуки того же мастера Ѳофанова, но иного рисунка, устроенной имъ при возстановленіи книгопечатанія въ Москвѣ съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича: Псалтирь 1615 г. in-4^о и Октоихъ 1618 г. въ 2-хъ книгахъ in-^ф.

д) Азбуки евангельской неизвѣстнаго мастера: Евангеліе напрестольное безъ выхода, изданное въ Москвѣ около 1615 г. in-^ф.

е) Азбуки мелкой; также неизвѣстнаго мастера: Служебникъ 1616 г. in-4^о.

ж) Азбуки Осиповской, сдѣланной печатн. мастеромъ Іосифомъ Кириловымъ изъ Плеса Повольскаго: Минейя Общая 1618 г. и Мѣсячная Декабрь 1619 г., обѣ in-4^о.

з) Азбуки Никоновской, сдѣланной печатнымъ мастеромъ Софійскимъ попомъ Никономъ: Псалтирь 1620 г. in-4^о.

и) Азбуки мастера Кондратія Иванова полууставной: Апостоль 1623 г. in-^ф.

і) Азбуки того же мастера Кондратія евангельской: Евангеліе напрестольное 1627 г. in-^ф (1). Эта азбука, впослѣдствіи передѣланная разными мастерами, употребляется, какъ показано будетъ ниже, въ церковной печати и теперь подъ именемъ «евангельской малой».

к) Азбуки печатнаго мастера Василія Ѳедорова Бурцева: Служебникъ 1637 г. in-8 и Апостоль 1638 г. in-^ф.

л) Двухъ мелкихъ азбукъ—библейной и мелкобиблейной, сдѣланныхъ рѣзчикомъ Печатнаго двора Ѳедоромъ Ивановымъ (2): Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры 1649 in-8^о и Библія 1663 г. in-^ф.

м) Азбуки Воскресенской, привезенной въ 1676 году изъ Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря (см. расх. кн. Печ. Приказа N 75 л. 1—3): Требникъ 1677 г. in-4^о (въ немъ Воскресенскою азбукою печатаны: святцы, пасхалія, лунникъ и слово о святыхъ душахъ).

н) Азбуки Евангельской большой, устроенной вновь пунсоннымъ мастеромъ іеродіакономъ Арсеніемъ изъ Чернигова въ 1689 году (см. расх. кн. Печ. прик. N 91, л. Б об.): Евангеліе напрестольное 1689 г. въ большой александрійскій листъ.

о) Азбуки Арсеньевской, устроенной въ 1692 г. тѣмъ же мастеромъ іеродіакономъ Арсеніемъ изъ Чернигова (см. расх. кн. Печ. прик. N 91, л. 138): Шестодневъ 1694 г. in-^ф.

(1) См. въ вышеуказ. кн. Д. А. Ровинск. ст. В. Е. Румянцова: Свѣдѣнія о гравиров. и проч. стр. 365.

(2) Тамъ же, стр. 367.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше книгопечатныхъ азбукъ XVII в. удержались въ московской церковной печати съ небольшими измѣненіями и донынѣ; таковы:

Азбука Ѡсиповская
ЕВАНГЕЛЬСКАЯ МАЛАЯ

Библейная и Житіе Библейная

Воскресенская

Арсеньевская

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ БОЛЬШАЯ.

Г. Образцами древне-русского гравированія служили, во первыхъ, орнаменты и лицевыя изображенія въ первопечатныхъ московскихъ изданіяхъ (въ Апостолахъ 1564 и 1597 гг. изображенія Евангелиста Луки, въ Псалтири 1602 г. изобр. царя Давида).

Заставица первопечатнаго Апостола 1564г., помещенная въ началѣ книги Дѣяній.

За тѣмъ выставлены были гравюры и украшенія, заключающіяся въ московскихъ изданіяхъ XVII вѣка, съ означеніемъ (на приложенныхъ при нихъ карточкахъ) по архивнымъ документамъ самыхъ мастеровъ, которыми эти гравюры были нарисованы и вырѣзаны ⁽¹⁾, а именно:

а) Изображенія 4-хъ евангелистовъ и разные орнаменты въ Евангеліи 1627 г. in-f^o (вырѣзаны на деревѣ печатнымъ мастеромъ Кондратіемъ Ивановымъ по рисункамъ придворнаго иконописца Прокопія Чирина).

(1) См. въ книгѣ Д. А. Ровинск. «Русскіе граверы» и проч. М. 1870 г. ст. В. Е. Румянцова, стр. 364—378.

б) Картинка, изображающая внутренний вид училища, въ Азбукѣ В. Ѳ. Бурцева 1637 г. in-8° (вырѣзана вѣроятно самимъ Бурцевымъ, который былъ и печатникъ и рѣзчикъ буквъ).

в) Степенная лѣствица и восхождение по лѣствицѣ въ лицахъ въ книгѣ Іоанна Лѣствичника 1647 г. in-f^o (рѣзаны на деревѣ казеннымъ рѣзчикомъ Печатнаго двора Ѳедоромъ Ивановымъ Поповымъ по рисункамъ наемнаго знаменщика Третьяка Аверкіева).

г) Изображеніе Ефрема Сирина въ книгѣ его «Поучительныхъ словъ» 1647 г. in-f^o (вырѣзано тѣмъ же Ѳ. И. Поповымъ по рисунку казеннаго типографскаго знаменщика Григорія Абрамова).

д) Заглавный листъ въ книгѣ: Ученіе и хитрость ратнаго строенія 1649 г. in-f^o, на которомъ помѣщенъ русскій скорописный текстъ, окруженный травами и цвѣтами, съ двуглавымъ орломъ вверху и съ миниатюрными изображеніями въ орнаментахъ разныхъ военныхъ сценъ (гравированъ на мѣди и напечатанъ въ Голландіи по рисунку Посольскаго приказа золотописца Григорія Благушина).

е) Изображеніе еванг. Луки въ Апостолѣ 1653 г. in-f^o (вырѣзано на деревѣ казеннымъ рѣзчикомъ Гаврилою Ивановымъ по рисунку «Серебряной палаты» знаменщика Никиты Петрова Коленинова).

ж) Пять гравюръ съ изображеніями въ лицахъ 5-ти церковныхъ таинствъ въ книгѣ: Евхологій или Требникъ 1658 г. in-f^o (рѣзаны Захаріемъ Лукинымъ, казеннымъ знаменщикомъ и рѣзцомъ).

з) Изображенія евангелистовъ Матѳея и Луки въ Евангеліи на престольномъ 1662 г. in-f^o (рѣзаны Зосимою, старцемъ моск. Новинскаго монастыря).

и) Гравюра въ Библии 1663 г. in-f^o, на которой изображенъ россійскій гербъ, съ миниатюрными по сторонамъ картинками изъ Библии и небольшимъ планомъ Москвы внизу (рѣзана тѣмъ же Зосимою).

і) Изображенія Евангелистовъ: Марка, Луки и Іоанна въ Евангеліи 1677 г. in-f^o (два первыхъ и нѣсколько украшеній для этого Евангелія вырѣзаны іеромонахомъ Іоасафомъ, казначеемъ Знаменскаго монастыря, а изображеніе евангелиста Іоанна — казеннымъ рѣзчикомъ Алексѣемъ Нефедьевымъ по рисунку, сдѣланному Ѳедоромъ Евтихьевымъ, «государевымъ знаменщикомъ и иконописцемъ»).

к) Четыре корректурныхъ оттиска 1680 — 90-хъ годовъ съ изображающей положеніе Христа во гробъ оловянной антиминой доски, выставленной между орудіями книгопечатанія (см. стр. V) и вырѣзанной вѣроятно упомянутымъ выше іеромонахомъ Іоасафомъ.

л) Заглавный листъ и изображенія св. Варлаама и Іоасафа въ «Житіи» ихъ, напечатанномъ въ Верхней (дворцовой) типографіи въ 1681 г. in-f^o (гравированы на мѣди Симономъ Ушаковымъ).

м) Миниатюрныя изображенія праздниковъ: Рождества Христова, Богоявленія, Благовѣщенія и Воскресенія, заставки, рамка или бордюръ и другія украшенія въ Евангеліи 1689 г. большаго формата (вырѣзаны Алексѣемъ Нефедьевымъ по рисункамъ казеннаго знаменщика Ивана Епифанова).

н) Букварь славяно-россійскихъ письменъ въ листъ, съ разными изображеніями, составленный Каріономъ Истоминымъ (выгравированъ на мѣди Леонтиемъ Бунинымъ).

и напечатанъ въ Верхней типографіи въ 1694 г. на 42 одностороннихъ полулистахъ безъ всякой помѣты).

Кромѣ перечисленныхъ выше книгъ выставлены были и нѣкоторыя другія изъ московскихъ изданій XVII вѣка, заслуживающія вниманія или по своей рѣдкости, или по самому содержанію, какъ-то: а) Катихизисъ большой, сочиненіе Лавренція Зизанія, напечатанный въ 1627 г., но неизданный въ свѣтъ, а потому и неимѣющій выходнаго листа, in-f^o, на 346 л.; б) Часовникъ съ азбукою 1631 г. in-8°, в) Служебникъ 1632 г. in-4°. Всѣ три книги весьма рѣдкія, изъ библіотеки А. И. Хлудова; г) Книга Кириллова, 1644 г. in-f^o; д) Книга о вѣрѣ 1648 г. in-f^o; е) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. in-f^o; ж) Кормчая 1650 г. in-f^o.

Д. Документы для исторіи московскаго книгопечатанія въ XVII вѣкѣ:

1. «Переводы» или рукописные оригиналы, съ которыхъ набирались старопечатныя московскія книги: а) рукописный оригиналъ книги Кормчей, вышедшей въ 1650 и 1653 гг., въ листъ, на 401 л. и б) часть подлиннаго Соборнаго Свитка 1666 г., за собственноручными подписями патріарховъ и духовныхъ властей, на 26 четверткахъ.

2. Книги «кавычныя» или корректурныя: корректурный экземпляръ Апостола 1679 г. in-f^o, съ рукописнымъ въ началѣ изложеніемъ подробностей объ исправленіи и изданіи этой книги (слич. Правосл. Обзор. 1861 г. № 2, стр. 294—306).

3. Автографы справщиковъ Московскаго Печатнаго двора XVII вѣка: Арсенія Глухого, Ивана (въ инокахъ Юсифа) Насѣдки, Арсенія Суханова, Александра Мезенца, Діонисія Святогорца, іерея Никифора, Евѣимія, Сильвестра Медвѣдева, Тимофея (ректора Греко-славянскаго типографскаго училища), Каріона Истомина и Ѳеодора Поликарпова (въ расход. книгахъ Печат. приказа XVII в.).

4. Наказъ Арсенія Суханова, управлявшаго Печатнымъ дворомъ въ половинѣ XVII вѣка, данный въ 1664 г.,—какъ производить наборныя и печатныя работы и какіе должны быть соблюдаемы при этомъ порядки (въ книгѣ Печ. Приказа съ выписк. изъ дѣлъ и указовъ XVII в.).

III. Русское книгопечатаніе и сдѣланныя въ немъ преобразованія при Петрѣ Великомъ.

Петръ I еще въ дѣтствѣ, лѣтъ 12-ти, уже началъ заниматься книгопечатнымъ дѣломъ. Въ расходн. книгѣ Печатнаго приказа, N 91, въ декабрѣ 7193 (1684) г. между прочимъ записано: «Декабря 6 д., по указу Великихъ Государей, иманъ изъ Приказу книгъ-печатнаго дѣла въ хоромы къ В. Г. Ц. и В. К. Петру Алексѣевичу, В. В. и М. и Б. Россіи самодержцу, станъ со всякими станowymi снастьми; да къ тому стану мастеровые люди 6 человекъ; да въ хоромы куплено къ переплетному дѣлу бумаги волнистой, веревокъ, нитей, клею, книжныхъ досокъ на 6 алт. на 4 д.» Онъ посѣщалъ Печатный дворъ и въ послѣдствіи: «1710 г. генваря въ 18 д., куплена скляница ренского, да водки приказной 1½ фунта, икры зернистой 3 фунта, семги, баранковъ,—въ вышеписанное число извоилъ быть Великій Государь на Печатномъ дворѣ» (см. расх. кн. Печ. прик. XVIII в. N 13, л. 451).

Представителями книгопечатанія Петровской эпохи служили:

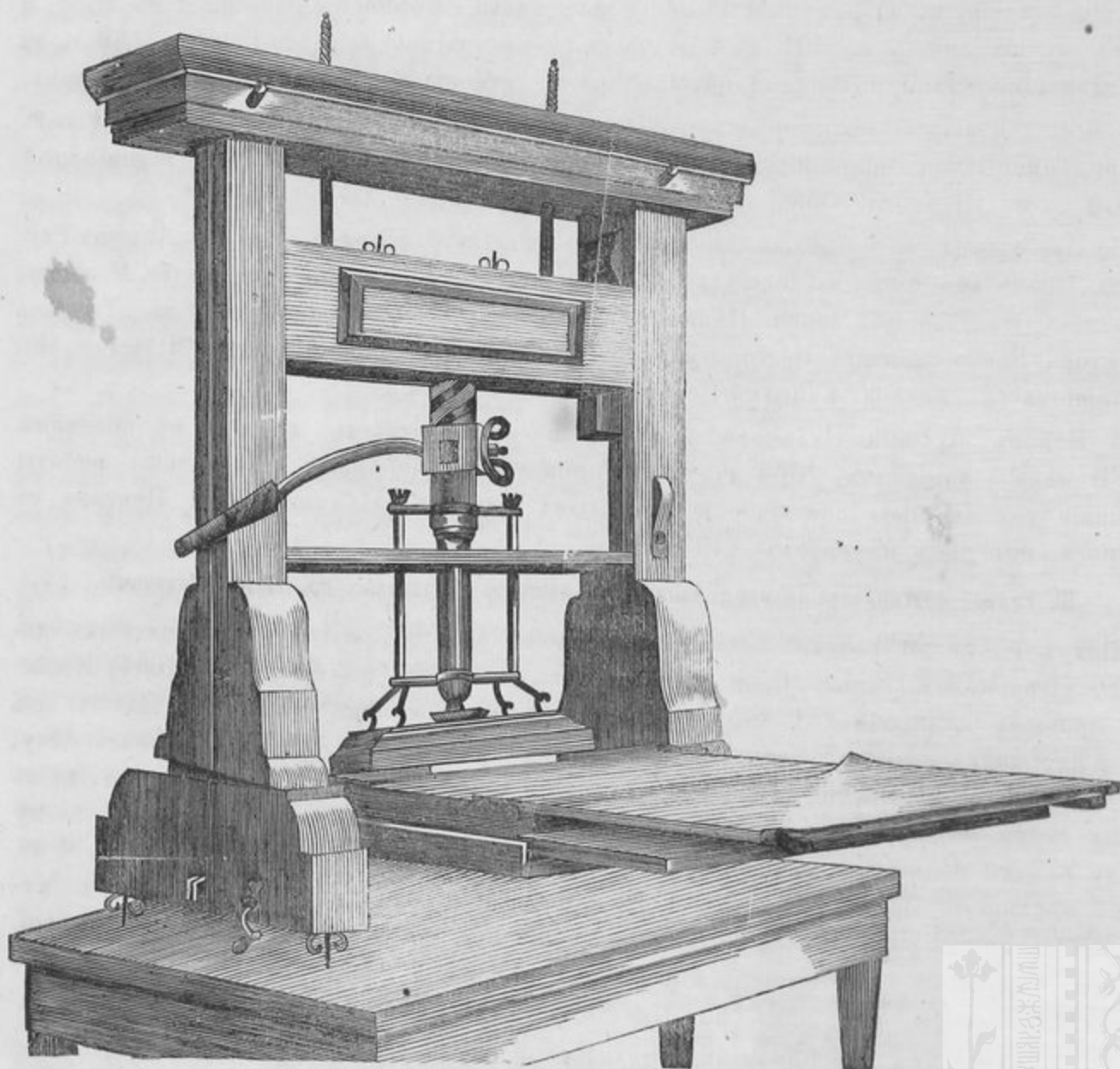
1. Первые русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году, въ 8-ку. Онѣ переплетены въ книжку, заключающую въ себѣ 9 выпусковъ или NN этихъ вѣдомостей: N 1-й Января 2-го; N 2-й—8-го; N 3-й—24-го; N 4-й—корректурный листъ, въ немъ на мѣ-

стъ, оставленномъ для оттиска числа, написано: «Февраля въ 9-й д.» ; N 5-й—Марта 4-го, въ концѣ отмѣтка: «дѣлано 2 т. экземпляровъ» ; N 6-й—Марта 22-го, въ концѣ отмѣтка: «сихъ вѣдомостей сдѣлано 4 т. экзempl.» ; N 7-й—Апрѣля 5-го; N 8-й—Апрѣля 18-го, въ концѣ отмѣтка: «дѣлано 1 т. экзempl.» ; N 9-й—корректурный листъ, на немъ обозначенъ годъ 1703-й и мѣсяцъ Юль. Всѣ эти N N напечатаны церковными азбуками: N 1-й мелко-кѣвскою, а остальные N N мелко-библейною.

2. Корректурные листы, правленные собственноручно Петромъ I: а) первые 10 листовъ «Морскаго устава» ; б) 2 полулиста «Объявленія, какимъ образомъ асамблею быть надлежитъ» (сл. Пекарск. II, 455).

3. Корректурные листы суднаго дѣла надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ со многими поправками, приписками и вставками.

4. Походный книгопечатный станъ Петра Великаго (слич. Пекарск. II, 652, 653).

5. Оттиски съ первыхъ гражданскихъ буквъ, вырѣзанныхъ въ 1707 году, въ Московской типографіи, пунсоннымъ мастеромъ Михайломъ Ефремовымъ (находятся въ

книгъ Печатнаго приказа, заключающей въ себѣ дѣла 1707—1710 гг., N 13, лл. 48 об.—51).

6. Первые книги, напечатанныя въ 1708 г. гражданскими буквами, првезенными изъ Голландіи: а) «Пріклады како пишутся комплементы» и проч. in-8°; б) «Побѣждающая крѣпость» и проч. in-8°; «Пріемы цѣркуля і лінейки» 1709 г. in-8°

п р і е м ы
цѣркуля і лінейки
і л і

исбраннѣйшее начало

Во математическихъ искусствахъ, імжа
возможно легкѣмъ і новымъ способомъ
вскорѣ доступнѣе землемѣрія, і
иныхъ ісб онаго происходящихъ
искуствъ.

н ы н ѣ ж е.
п о в е л ѣ н і е м ъ
е г о

ц а р с к а г о

в е л і ч е с т в а.

Напечатано въ Москвѣ
1709 го лѣта,
въ Февруаріи мѣсяцѣ.

Образцы первоначальныхъ гражданскихъ шрифтовъ.

Членъ Съѣзда В. И. Бутовскій выставилъ цѣлый рядъ рисунковъ съ украшеній, заставокъ и миниатюръ изъ славянскихъ рукописей, начиная съ XI до XVII вѣка. Къ этому собранію, расположенному по столѣтіямъ, присоединены были также рисунки съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ изъ церковной утвари, сосудовъ, вооруженій и пр.

По части архитектуры и иконописи членъ Съѣзда В. А. Прохоровъ выставилъ виды и планы Старо-Ладожской крѣпости и снимки съ стѣнописей въ церкви Св. Георгія, Д. М. Струковъ—рисунки и планы древнихъ церковныхъ зданій югозападнаго края, А. А. Мартыновъ—виды Пскова и рисунки съ извѣстныхъ древнихъ палатъ Паганкиныхъ въ Псковѣ.

Отъ члена Съѣзда К. И. Невоструева сообщены на археологическую выставку слѣдующія четыре гравюры:

1) Видъ кремлевскаго строенія и его-окружностей въ Москвѣ, иждивеніемъ Іоанна Вальзера, московскаго 1 гильдіи купца, опубликовано въ 1799 г. съ всевысочайшимъ дозволеніемъ Его Императорскаго Величества Павла I-го, Императора всея Россіи.

2) Видъ кремлевскаго строенія въ Москвѣ съ Каменнаго моста, иждивеніемъ Іоанна Вальзера и проч. то же, что выше.

3) Видъ старой площади въ Москвѣ, иждивеніемъ Іоанна Вальзера и проч., то же, что въ N 1-мъ.

4) Видъ Моховой и дома г. Пашкова въ Москвѣ, иждивеніемъ Іоанна Вальзера и проч., то же, что въ N 1-мъ.

Всѣ сіи гравюры, художественно сдѣланныя, длины около 1 арш., ширины около 3-хъ четвертей, на бумагѣ.

Для той же цѣли сообщены слѣдующія вырытыя въ Ананьиномъ могильникѣ, близъ города Елабуги, вещи:

1. Бронзовый кельтъ, украшенный гиззагами и другими фигурами, дл. 4 дюйма, въ видѣ заступа.

2. Бронзовый же кельтъ, дл. 4 дюйма, съ двумя ушками для прицѣпленія къ рукояткѣ.

3. Бронзовый кельтъ, украшенный гиззаговыми и другими линіями, съ однимъ ушкомъ, дл. около 4 дюймовъ.

4. Бронзовая военная сѣкира, особенной формы, въ видѣ кирки, дл. 6 дюймовъ.

5. Бронзовое копье, съ двумя дырочками для прикрѣпленія къ древку, украшенное фигурами, дл. болѣе 6 дюймовъ.

6. Нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ, изящной отдѣлки.

7. Бронзовое, круглое съ выемкой, долото, дл. 5 дюймовъ.

8. Двѣ бронзовыя части шейнаго жгута.

9. Бронзовая сережка, около 2 дюймовъ.

10. Баранья головка, бронзовая, служившая вѣроятно украшеніемъ къ одеждѣ.

11. Бронзовая вещь, въ видѣ желобка, съ треугольными насѣчками.

12. Бронзовыя удила.

Въ боковой залѣ были собраны памятники, по преимуществу относящіеся къ югу Россіи. Отъ Императорской Археологической Коммиссіи были выставлены рисунки съ греческихъ могилъ и кургановъ Таврическаго и Таманскаго полуострова, съ вазъ, золотыхъ вещей и другихъ предметовъ, найденныхъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Н. Н. Мурзакевичъ выставилъ любопытное собраніе рисунковъ, принадлежащихъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, и между прочимъ цѣлый рядъ изображеній каменныхъ бабъ; тутъ, начиная съ рисунковъ Гюльденштедта и Зуева, находились всѣ главные типы подобныхъ изваяній. В. Г. Тизенгаузенъ приготовилъ къ Съѣзду полную карту всѣхъ найденныхъ въ Россіи кладовъ съ восточными монетами. Этотъ трудъ, въ высшей степени любопытный для изслѣдованія торговыхъ сношеній древней Руси съ Востокомъ, пополняетъ всѣ предшествующіе труды Ледебура, Френа и Савельева.

Возлѣ этой залы были выставлены предметы, доставленные изъ Музея Владимірскаго Статистическаго Комитета:

1. Мѣдный шестиконечный крестъ съ позолотою—копія съ креста, находящагося въ ростовскомъ Авраміевѣ монастырѣ, отлитая въ размѣръ подлинника. Рисунокъ съ ростовскаго креста XII вѣка приложенъ къ описанію Авраміева монастыря, помѣщенному въ соч. графа М. В. Толстаго: «Святѣни и древности Ростова Великаго», стр. 72.

2. Мѣдный складной крестъ четвероконечный, тѣльной, съ литымъ изображеніемъ Распятія и двенадцатыхъ праздниковъ, величиною $1\frac{1}{4}$ верш.

3. Правая сторона тройныхъ складней съ вырѣзанными изображеніями на грушевомъ деревѣ св. ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, величиною въ 1 вершокъ.

4. Крестъ грушеваго дерева съ округленными концами, величиною въ $\frac{1}{4}$ арш; на немъ въ срединѣ вырѣзанъ выпукло восьмиконечный крестъ съ цатою; по сторонамъ креста—орудія страданій, а внизу—голова Адама. Сверху слова: ЦРЬ ЄІВЫ; въ клеймахъ подъ этими словами: ІС ХС.

5. Крестъ тѣльной серебряный-вызолоченный, съ цатою вмѣсто изображенія Распятія; по концамъ украшенъ десятью кружечками, съ вложенною въ углубленіи ихъ эмалью синяго и зеленого цвѣта.

6. Рѣзная икона, на деревѣ, Божіей Матери съ Младенцемъ; по убрусу и оплечью замѣтны слѣды позолоты; величиною образъ въ 2 вершка.

7. Рукописный синодикъ съ рисунками раскрашенными: на одномъ изъ нихъ изображена колокольница съ тремя пролетами и тремя надъ ними главами; на другомъ представленъ алтарь, въ коемъ предъ престоломъ стоитъ священникъ въ круглой шапкѣ со свиткомъ въ рукѣ; на свиткѣ написаны имена патріарховъ Іова и Гермогена. Всѣхъ рисунковъ 26.

8. Двѣ поднизи. Въ старину на сборникѣ, шитый шелками и золотомъ (вродѣ нынѣшнихъ повоиниковъ), надѣвали поднизь сверху такъ низко, что жемчужная бисерная или стеклярусная бахрама закрывала даже брови. Представленные поднизи по фольгѣ вышиты—одна стеклярусомъ, а другая бисеромъ съ цвѣтными камнями и китайскимъ бисеромъ. Узоры вышиты по холсту и къ нему сверху наклеена бумага.

9. Пряничная форма, вырѣзанная на грушевой доскѣ съ изображеніемъ птицы въ коронѣ; съ лѣвой стороны за птицею клейма: І Н.

10. Каменный молотокъ, найденный въ Меленковскомъ уѣздѣ на полѣ, распаханномъ подъ хлѣбъ.

П. И. Севастьяновъ доставилъ на выставку финифтяный крестъ, пріобрѣтенный покойнымъ его братомъ Петромъ Ивановичемъ, при слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Въ здѣшнемъ Благовѣщенскомъ соборѣ находится образокъ сошествія Спасителя во адъ, того же способа перегородчатой эмали, и это самое изображеніе помѣщено между рисунками (Т. II, planche CI) извѣстной книги Юлія Лабарта: *Histoire des arts industriels au moyen âge*, гдѣ удостовѣряется, что оригиналъ приводимой копіи находится въ Коммунальной Сіенской библіотекѣ на крышкѣ одного греческаго манускрипта и принадлежитъ къ X вѣку.

Всматриваясь въ эти изображенія и руководствуясь объясненіями Дидрона (*Annal. archéologiques* T. V, p. 318) о признакахъ крестовъ древнѣйшаго восточнаго происхожденія, которые всѣ находятся на представленномъ крестѣ, и припоминая (Labarte T. I, pl. XL), что издѣлія перегородчатой эмали привозимы были въ Европу Греками не позже IX вѣка и въ послѣдствіи подражались Италіанцами и Нѣмцами, конечно, гдѣ дѣло шло объ изображеніяхъ святыхъ иконъ, съ принадлежностями католическими, а не православными,—должно придти къ заключенію, что представленный мною крестъ относится ко временамъ предшествующимъ IX вѣку и есть рѣдчайшее произведеніе эмалеваго искусства на Востокѣ».

Этотъ крестъ былъ рассмотренъ многими знатоками подобныхъ памятниковъ, и они пришли къ заключенію, что на основаніи иконографическихъ признаковъ онъ долженъ быть отнесенъ къ византійскимъ издѣліямъ XII вѣка. Членъ Московскаго Археологическаго Общества А. А. Гатцукъ выставилъ предметы, найденные имъ въ курганахъ Подольскаго уѣзда. Наконецъ, съ разрѣшенія В. А. Дашкова, были выставлены

предметы, найденные въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерніи во время раскопокъ, произведенныхъ гр. Уваровымъ и П. С. Савельевымъ, и серебряныя вещи (всего 3 фунта 80 $\frac{1}{2}$ золотниковъ), найденныя въ 1853 году въ Орловской губерніи, на землѣ деревни Лѣсковъ, въ промойкѣ близъ рѣчки Заревни, въ глиняномъ горшкѣ. Онѣ состоятъ изъ девяти плетеныхъ и витыхъ шейныхъ гривенъ трехъ различныхъ рисунковъ, двухъ серегъ въ видѣ шестиконечныхъ звѣздъ, пяти бубенчиковъ, четырехъ крестиковъ изъ аспида, обложеннаго по концамъ серебромъ, вязаннаго изъ серебряной проволоки мониста и наконецъ изъ монетной гривны, тонкой, продолговатой формы, рѣзко отличающейся отъ рязанскихъ и новгородскихъ гривенъ.

III

Проектъ медали въ память перваго Археологическаго Съѣзда въ Россіи.

Вслѣдствіе утвержденныхъ правилъ Съѣзда Предсѣдатель Предварительнаго Комитета гр. А. С. Уваровъ представилъ Господину Министру народнаго просвѣщенія проектъ медали въ память перваго Археологическаго Съѣзда въ Россіи, составленный профессоромъ Д. И. Генсеномъ, и проектъ этотъ былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія 14 марта 1869 года. На лицевой сторонѣ представленъ видъ Кремля изъ-за-Москворѣчья, а на оборотѣ, въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, стоитъ пятистрочная надпись славянскими буквами:

Въ память перваго русскаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ ꙗѡѡѡѡ.

Внизу подъ вѣнкомъ: 1869.

Медаль имѣетъ 1 $\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ; ее лѣпилъ профессоръ скульптуры Д. И. Генсенъ, а рѣзалъ ее Г. Кубли.

Вопросы, предположенные къ обсужденію на Създѣ.

I. вопросы общіе.

1. Въ какомъ состояніи находится нынѣ наука русской археологіи? Средства къ дальнѣйшему, болѣе успѣшному развитію оной. Необходимость введенія преподаванія русской археологіи.

2. Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи?

3. Точнѣйшее опредѣленіе метода и приѣмовъ въ изслѣдованіи памятниковъ. Составленіе подробной инструкціи археологическихъ изысканій. Терминологія русской археологіи.

4. Составленіе археологическихъ картъ, чертежей и т. п., между прочимъ такой карты, на которой были бы обозначены лишь мѣста битвъ, съ указаніемъ когда и съ кѣмъ онѣ происходили, а также раскопокъ, если такія были произведены.

5. Архивы. Какіе документы должны составлять архивъ? Раздѣленіе архивовъ на частные и общественные или правительственные. Какія должны быть постановлены правила при разборѣ документовъ съ цѣлію признанія однихъ подлежащими храненію, а другихъ уничтоженію? Какіе должны быть приняты способы храненія документовъ въ архивахъ для предохраненія ихъ отъ сырости, огня и порчи? На какіе отдѣлы должны быть распредѣляемы и какъ должны быть размѣщаемы документы для занятія ими въ архивѣ возможно меньшаго пространства и для удобнѣйшаго пользованія ими? Какіе реестры или другаго рода описанія должны быть имъ составляемы? Что изъ этихъ описаній подлежитъ изданію въ свѣтъ и что должно быть предметомъ секретныхъ отдѣловъ архивовъ? Какія лица и въ какомъ составѣ должны быть назначаемы для завѣдыванія архивами, приведенія ихъ въ порядокъ, описанія и повѣрки документовъ, а также какія должны быть правила для повѣрки дѣятельности означенныхъ лицъ и ревизіи самыхъ архивовъ высшими правительственными органами? Какія должны быть правила относительно предоставленія архивныхъ документовъ въ пользованіе мѣстамъ и лицамъ, правительственнымъ и частнымъ, какъ для справокъ, такъ и для ученыхъ розысканій?

6. Въ какихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ по губерніямъ и областямъ Россіи могутъ или должны сосредоточиваться мѣстныя археологическія работы? Какъ велика можетъ быть степень участія статистическихъ комитетовъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ вообще?

7. Польза періодичности археологическихъ създовъ въ разныхъ городахъ Россіи.

8. Важность учрежденія провинціальныхъ археологическихъ музеевъ.

II. вопросы частные.

а) Археологія доисторическая.

* 9. Встрѣчаются ли орудія и оружія каменные и мѣдные (или сдѣланные изъ сплава мѣди съ другими металлами) въ сѣверной половинѣ европейской Россіи

вмѣстѣ съ орудіями и оружіями желѣзными, и сходны ли сіи послѣднія по своей формѣ и техническимъ свойствамъ съ подобными желѣзными предметами, находимыми въ могилахъ, которыя, по отысканнымъ въ нихъ монетамъ, могутъ быть относимы къ IX—XII вѣкамъ по Р. Хр?

* 10. Если орудія и оружія мѣдныя (или сдѣланныя изъ сплава мѣди съ другими металлами) находимы были вмѣстѣ съ желѣзными, то различаются ли отъ послѣднихъ въ своихъ формахъ?

* 11. Какія замѣчаются черты сродства или различія въ матеріалѣ и формѣ, а по-этому въ цѣли назначенія каменныхъ орудій и оружій, которыя находятся въ Финляндіи, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ и въ Сѣверо-западномъ краяхъ?

* 12. Въ изслѣдованныхъ на пространствѣ между нижними теченіями Днѣпра и Дона могилахъ какія представляются различія относительно способа ихъ устройства и образа погребенія въ нихъ умершихъ?

* 13. Въ какихъ могилахъ на томъ же пространствѣ были находимы орудія и оружія каменные или костяные, при совершенномъ отсутствіи слѣдовъ предметовъ металлических? Какого устройства были эти могилы, и въ какихъ изъ нихъ были найдены умершіе погребенными, и въ какихъ слѣды сожженія труповъ?

* 14. Формы желѣзныхъ мечей и кинжаловъ, а также мѣдныхъ сосудовъ, находимыхъ въ могилахъ, раскрытыхъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона, повтораются ли въ находкахъ, которыя отысканы въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Кіевской или одной изъ приволжскихъ или приуральскихъ губерній, или наконецъ въ Западной Сибири?

* 15. Между могилами Западной Сибири встрѣчались ли такія, которыя содержали бы въ себѣ орудія и оружія (а не однѣ украшенія одежды или части лошадиной сбруи), сдѣланныя исключительно изъ мѣди или сплава этого металла съ другими?

* 16. Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какъ европейской, такъ и азіатской въ древнихъ могилахъ были находимы слѣды сожженія труповъ, и на сколько отличаются такія могилы отъ тѣхъ, въ которыхъ покойники погребались? Какія данныя представляютъ могилы того и другаго рода для приблизительнаго опредѣленія эпохъ, къ которымъ онѣ относятся?

17. На сколько каменные бабы Западной Сибири отличаются по своимъ общимъ формамъ и по одеждѣ изображаемыхъ ими людей отъ каменныхъ бабъ, встрѣчающихся въ южной Россіи на пространствѣ отъ Днѣпра до Кавказа и Урала?

* 18. Подтверждается ли новѣйшими лингвистическими изслѣдованіями указанное впервые покойнымъ Шегреномъ различіе въ названіяхъ металловъ, въ особенности золота, серебра и желѣза, у западныхъ финскихъ племенъ отъ таковыхъ же названій у восточныхъ Финновъ (чудско-угорскихъ племенъ)? Заимствованы ли названія помянутыхъ металловъ западно-финскими племенами изъ языковъ славянскихъ и вѣмекскихъ, а восточными Финнами—изъ языка одного изъ народовъ иранскаго племени?

19. Въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ обстоятельствахъ были находимы въ Россіи каменные или костяные орудія и оружія? На какой глубинѣ отъ поверхности,

Примѣчаніе. Вопросы, отмѣченные звѣздочкою, не обсуждались на Сѣздѣ, или по нимъ не было достаточнаго свидѣній.

въ какой почвѣ, и съ какими другими предметами, свидѣтельствующими о дѣятельности человѣка (какъ-то: углями, черепками отъ сосудовъ или цѣльными сосудами, тканями), лежали онѣ? Были ли вблизи ихъ, или въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, находимы человѣческія кости или кости животныхъ? Не встрѣчались ли въ почвѣ, въ которой лежали орудія, слѣды растений (мохъ, отдѣльные листья, стебельки, куски дерева)? Не было ли находимо вмѣстѣ съ орудіями какихъ либо камней, большей или меньшей величины, почернѣвшихъ отъ дѣйствія огня или носившихъ слѣды ихъ употребленія, напр. для молотбы зеренъ, для шлифовки каменныхъ орудій и пр? Не найдены ли вмѣстѣ съ каменными орудіями, получившими свою форму посредствомъ обтески матеріала, и его осколки? Не замѣчены ли между костями животныхъ такія, которыя несутъ на себѣ слѣды ихъ обрѣзыванія или раскалыванія? Если при подобныхъ находкахъ каменныхъ и костяныхъ орудій не встрѣчено никакихъ металлическихъ предметовъ, то не были ли замѣчены какіе либо слѣды окиси мѣди или желѣза?

*20. Въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ обстоятельствахъ были находимы въ Россіи орудія или оружія мѣдныя или бронзовыя; на какой глубинѣ отъ поверхности, въ какой почвѣ и вмѣстѣ съ какими другими предметами?

—Примѣчаніе. Желательно, чтобы при сообщеніи свѣдѣній по изложеннымъ вопросамъ были сообщены, по возможности, и самые предметы находки. Если это представитъ какія либо затрудненія, то просить доставить точные рисунки съ этихъ предметовъ, съ обозначеніемъ ихъ размѣровъ, или гипсовые слѣпки. Если эти послѣдніе будутъ сняты съ каменныхъ орудій, то просить указать породу, къ которой принадлежит матеріалъ, служившій для изготовленія ихъ.

*21. Въ Сибири и въ Уральскихъ горахъ, равно и на берегахъ Онежскаго озера, были сняты изображенія животныхъ, людей и различныхъ фигуръ и знаковъ, выдолбленныя на скалахъ или писанныя на нихъ краскою. Какія могутъ быть сдѣланы сообщенія о непубликованныхъ до настоящаго времени подобнаго рода надписяхъ, съ точнымъ описаніемъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ встрѣчаются? Желательно получить новыя точныя копіи или оттиски на бумагѣ съ обнародованныхъ уже такихъ надписей. Равнымъ образомъ желательно получить подлинныя деревянные или костяные календари, съ вырѣзанными на нихъ знаками для обозначенія временъ года, мѣсяцевъ и дней, встрѣчающіеся у инородческихъ племенъ. Любопытно было бы доставленіе копій съ тамгъ, тугръ или тавръ, служащихъ знаками собственности какъ на отдѣльныхъ предметахъ хозяйства, такъ и на скотѣ и на вспаханныхъ поляхъ.

22. Не употребляются ли гдѣ нибудь въ Россіи до сихъ поръ каменные орудія вродѣ молотовъ и т. п?

*23. Въ настоящее время, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, могутъ быть дѣлаемы весьма важныя находки доисторическихъ древностей. Какія средства слѣдуетъ предпринять, чтобъ обезпечить успѣхъ какъ въ отысканіи, такъ и въ сохраненіи означенныхъ древностей?

24. Какъ составлять курганныя карты? Нужно ли обозначать на нихъ все типы кургановъ?

25. Въ какой мѣрѣ собранія краніологическія могутъ служить пособіемъ при изысканіяхъ археологическихъ, относящихся къ временамъ отдаленнымъ?

*26. Свайныя озерныя постройки, находимыя во всѣхъ краяхъ Европы, и давшія обильный матеріалъ для изученія потребностей жизни и степени развитія первобытныхъ обитателей ея, конечно должны находиться и у насъ. Невѣроятно, чтобы треть

Европы и полъ Азіи не имѣли ихъ на своемъ громадномъ пространствѣ, тогда какъ ежегодно открываютъ ихъ въ остальной меньшей части нашего материка. Въ Швейцаріи этихъ жилищъ начинающагося человѣка уже извѣстно болѣе 200; Франція, Англія, Данія, Шлезвигъ, Пруссія, Бельгія, Мекленбургъ открыли и продолжаютъ открывать ихъ у себя. Мы одни до сихъ поръ не прибавили ни слова къ этимъ открытіямъ; между тѣмъ мы болѣе другихъ имѣемъ право на доисторическую эпоху и по нашему пространству для изысканій, и по многочисленности народовъ, перешедшихъ чрезъ наши предѣлы.

Предлагая этотъ вопросъ, Д. П. Сонцовъ присовокупляетъ: Основываю мое мнѣніе на слѣдующемъ:

1. Первобытныя жители Россіи, какъ и другихъ странъ, въ началѣ своего бытія жили въ сообществѣ съ хищниками и мало, надо сознаться, отличались отъ нихъ своею жизнію и своими нуждами, а ежели и отличались чѣмъ либо, то всего болѣе своимъ безсиліемъ въ борьбѣ съ ними за существованіе. Понятно, слѣдовательно, что аборигены Россіи, какъ и другихъ странъ, должны были искать всѣхъ способовъ для защиты, для обезпеченія своего отъ сильнѣйшаго врага, и такъ же какъ другіе строить свои жилища, для большей безопасности, на озерахъ, въ которыхъ не имѣли недостатка.

2. По общепринятому убѣжденію, колыбель человѣка была Азія; древнѣйшіе переселенцы изъ Азіи въ Европу были племена чудскія (финскія), вышедшія изъ нея до употребленія бронзы; они переходили чрезъ Россію, какъ и другія племена, но ихъ осталось у насъ болѣе чѣмъ другихъ (до нашего времени они занимаютъ сѣверо-восточныя наши окраины). Многіе археологи полагаютъ, что эти же племена были и первыми обитателями Запада, а нѣкоторые приписываютъ имъ кухонный соръ Даніи, долмены и сточенныя каменные орудія. По всей вѣроятности, къ нимъ же надо отнести и свайныя постройки каменнаго вѣка (древнѣйшій остатокъ человѣка во Франціи—челюсть Абевильская оказывается челюстью Финна). Ежели эти племена имѣли въ обычаяхъ своихъ озерныя постройки, то нѣтъ основанія предполагать, что они строили ихъ только на Западѣ: въ Россіи тоже были хищники, были и озера; тотъ же страхъ и то же желаніе отстранить отъ себя опасность были въ этихъ людяхъ каменнаго вѣка какъ на западѣ, такъ и въ Россіи.

3. Далеко не раздѣляю я мнѣнія нѣкоторыхъ археологовъ, что постройки каменнаго вѣка были истреблены людьми, владѣющими бронзою, сознавая, что каменные орудія не могли быть вытѣснены внезапно бронзовыми, и что они, какъ всякое полезное нововведеніе, водворились въ общій обиходъ постепеннымъ развитіемъ человѣка и мѣновою торговлею. Не могу не признать, что главною причиною господства и употребленія бронзы въ средѣ автохтоновъ Европы были новые выходцы Азіи, знавшіе уже употребленіе и выработку ея. Эти новые пришельцы: Германцы, Италійцы, Кельты, строители западныхъ свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка, перешли также всѣ черезъ наши предѣлы. Кельты, оставившіе болѣе другихъ по себѣ память въ бронзовыхъ издѣліяхъ, долго жили въ южныхъ степяхъ нашихъ.

4. Народы въ своихъ переселеніяхъ не перебѣгаютъ пространства; они живутъ соды, десятки лѣтъ на одной мѣстности, покуда новый наплывъ не вынудитъ ихъ продолжать путь. Отъ Урала и Кавказа до Вислы пространство немалое, и много времени кочевали и жили у насъ выходцы Азіи въ своемъ пути на Западъ. Опять нѣтъ до-

казательствъ предполагать, что и эти племена бронзоваго вѣка только на Западѣ начали строить свои жилища на озерахъ; они имѣли для этихъ построекъ тѣ же необходимости, живя въ Россіи. Но что они у насъ неизвѣстны—это совершенно понятно; мы ихъ не искали, повѣривъ наслово, что ихъ у насъ нѣтъ и не можетъ быть. Конечно, также думали о свайныхъ постройкахъ и въ Швейцаріи до Келлера, Троена, Месикомера и Дессара.

5. Свайныя постройки, болѣе чѣмъ пещеры, насыпи и гробницы, принесли пользы доисторической археологіи: онѣ показали намъ весь бытъ, всю обстановку первобытнаго человѣка; чрезъ нихъ узнали мы, что за тысячи лѣтъ онъ былъ хлѣбопашецъ, ткачъ, имѣлъ уже зародышъ къ изящному.

6. Открытіе свайныхъ построекъ много помогло бы намъ въ нашей доисторической археологіи. Конечно, не можемъ мы ихъ имѣть отъ нашихъ предковъ—Славянъ, пришедшихъ уже съ желѣзомъ; но можемъ и должны имѣть ихъ отъ племенъ чудскихъ, поселившихся у насъ, и отъ племенъ арійскихъ, перешедшихъ чрезъ Россію на Западъ.

б) Археологія русская.

27. Имѣютъ ли курганы славянскихъ племенъ особые отличительные признаки? Какимъ образомъ различаются эти курганы отъ кургановъ норманскихъ? Въ какихъ мѣстностяхъ находимы были норманскія могилы? Курганы какихъ мѣстностей Россіи болѣе всего сходны съ курганами Даніи и Скандинавіи? Какъ опредѣлить хронологію курганныхъ насыпей, и по какимъ признакамъ можно узнать время, къ которому эти насыпи принадлежать?

*28. Названія предметовъ, звучація одинаково на всѣхъ славянскихъ языкахъ, ведутъ ли свое происхожденіе изъ той эпохи, когда славянское племя жило въ своей природинѣ? Къ доказательствамъ, собраннымъ въ подтвержденіе этого мнѣнія г. Воцелемъ въ его книгѣ: *Pravěk země české* (на стр. 242—260) желательно присоединить новыя.

*29. Имѣютъ ли значеніе для опредѣленія вѣка славянскихъ могилъ ихъ форма и способъ сооруженія? Не существуетъ ли большее сходство между вещами, находимыми въ славянскихъ могилахъ позднѣйшаго языческаго періода и позднѣйшихъ христіанскихъ временъ?

*30. Встрѣчаются ли внутри русской земли, между Вислою, Днѣпромъ и Волгою, въ могилахъ бронзовыя вещи, особенно такъ называемые кельты и пальставы, которые должно принимать за памятники народа, не понимавшаго желѣза и обитавшаго въ этихъ краяхъ предъ Славянами? Желательно имѣть свѣдѣнія о химическихъ изслѣдованіяхъ бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ Россіи.

*31. Гдѣ оканчиваются могилы съ греческими и скиѣскими вещами, и гдѣ начинаютъ встрѣчаться могилы съ древностями другаго рода, какъ бронзовыми такъ и желѣзными? Опредѣлить, которыя изъ этихъ вещей могутъ служить признакомъ славянскаго происхожденія могилы.

*32. Какіе признаки должно считать свойственными стародавней одеждѣ, общей всѣмъ славянскимъ племенамъ?

33. Имѣются ли опредѣленные доказательства тому, что славянское кирилловское письмо, по рисунку буквъ, должно быть относимо къ IX вѣку, а не ко времени болѣе древнему?

34. Имѣются ли доказательства тому, что глаголическая азбука есть произведеніе болѣе древнее, чѣмъ азбука кирилловская?

*35. Въ какомъ соотношеніи находится употребленіе какъ разнаго рода пергамена, такъ чернилъ и красокъ въ буквѣхъ и заставкахъ съ мѣстностями, гдѣ писаны древнія славянскія рукописи, и съ особенностями ихъ языка?

*36. Существуетъ ли различіе между почеркомъ писанныхъ памятниковъ и почеркомъ вещественныхъ памятниковъ? Если такое различіе существуетъ, то въ чемъ состоятъ его отличительные признаки, и какъ измѣнились эти признаки по столѣтіямъ?

37. Необходимость составленія сборника всѣхъ русскихъ надписей, находящихся на зданіяхъ, надгробныхъ камняхъ, плитахъ, крестахъ, евангеліяхъ, сосудахъ, чашахъ, покрывахъ и пр., съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ главнѣйшихъ памятниковъ.

*38. Примѣненіе археологическихъ изслѣдованій къ русской исторіи. Какія мѣстности или поля битвъ, упомянутыя въ лѣтописяхъ, опредѣлены были археологическими изслѣдованіями? Какія географическія мѣстности, извѣстныя по лѣтописямъ, остаются доселѣ неопредѣленными?

39. Русскія юридическія древности. Предметы, которые должны быть отнесены къ этой части русскихъ древностей. Раздѣленіе означенныхъ предметовъ на отдѣлы и различныя системы ихъ изложенія. Соображенія о томъ, какъ должны быть разрабатываемы отдѣльныя части русскихъ юридическихъ древностей: а) съ помощію документовъ, въ которыхъ находятся указанія на символы, межевые знаки, формы взаимныхъ сношеній между лицами и установленіями, на вѣшнюю и внутреннюю сторону документовъ, юридическія дѣйствія и самый бытъ нашихъ предковъ въ отношеніи юридическомъ; и б) съ помощію остатковъ древнихъ обычаевъ, вѣрованій, формъ и другихъ проявленій въ современныхъ намъ—бытѣ, дѣйствіяхъ и обстановкѣ разныхъ классовъ русскаго общества.

40. Засѣки въ древней Россіи. Значеніе засѣкъ и важность ихъ въ археологическомъ отношеніи. Мѣстности въ древней Россіи, въ которыхъ находились засѣки, въ хронологическомъ порядкѣ. Отчетъ объ извѣстныхъ уцѣлѣвшихъ засѣкахъ въ означенныхъ мѣстностяхъ. Правила для обозрѣнія и описанія засѣкъ: а) на мѣстахъ живущими близъ нихъ лицами, и б) комиссіями или лицами, посылаемыми для этой цѣли; выгоды и неудобства того и другаго способа и мѣры къ устраненію послѣднихъ. О составленіи карты засѣкъ, какъ послѣдствіи ихъ описанія; пособіе, представляемое для такой карты дошедшими до насъ въ большомъ количествѣ засѣчными книгами.

*41. Нѣтъ ли въ Сибири такихъ же городищъ (валовъ совершенно округленныхъ со входомъ и безъ входа или полукруглыхъ), какія находятся въ средней европейской Россіи и въ средней Европѣ? и если есть, то гдѣ, какого вида и какой величины? При отвѣтахъ желательно было бы получить рисунки самыхъ городищъ.

42. Гдѣ находится теперь Рогволодовъ камень съ записью 6679—1171 года, и вѣренъ ли снимокъ съ нея, изданный академикомъ Кеппеномъ въ 3 томѣ Ученыхъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ въ 1855 г.

43. Уцѣлѣли ли двинскіе камни съ записями, и нѣтъ ли вѣрныхъ снимковъ съ этихъ записей?

*44. Какіе камни съ записями уцѣлѣли въ югозападномъ краѣ, особенно на Волини?

*45. Кромѣ иконныхъ изображеній святыхъ: Владиміра, Бориса и Глѣба, нѣтъ ли подобныхъ же изображеній и другихъ святыхъ князей въ такомъ же древнемъ одѣяніи (въ короткомъ, безъ рукавовъ, плащѣ)?

*46. Какія изображенія князей древняго времени находятся въ другихъ рукописяхъ?

47. Сохранились ли остатки древняго вала, бывшаго уже при Владимірѣ Святомъ южнѣе Кіева, на границѣ земли Печенѣговъ, и въ какомъ видѣ?

48. Что такое земля Трояня и тропа Трояня, упоминаемая въ пѣсни о полку Игоревѣ.

*49. Имѣли ли всѣ славянскіе народы во времена ихъ язычества одну болѣе общую религію съ своими мѣстными оттѣнками, или сказанія отдѣльныхъ славянскихъ отраслей, подъ различнымъ вліяніемъ на нихъ климатическихъ и историческихъ условій, развились другъ отъ друга совершенно отдѣльно и раздѣлились на нѣсколько группъ, имѣющихъ свою особую характеристику? Какое мѣсто занимаетъ въ этихъ группахъ собственно русская міѳологія, и вправдѣ ли мы присвоивать Россіи сказанія и вѣрованія другихъ Славянъ? Если нѣтъ, то какою мѣстностію именно ограничивается кругъ характеристической особенности собственно русскихъ преданій? Такъ, напри-
мѣръ, очевидно, что невозможно приписывать русской старинѣ поклоненіе идоламъ Рюгенскаго полуострова, но—по скольку могутъ Бѣлорусскія преданія, часто совершенно чуждыя духу русскихъ повѣрій, входить въ кругъ нашей туземной міѳологіи?

*50. Какія главныя черты, опредѣляющія характеристичную особенность русско-славянскаго преданія?—Всѣ преданія, какъ русской народности, такъ и прочихъ Славянъ, Германцевъ и всѣхъ вообще Индо-Европейцевъ, не что иное какъ разрозненные осколки одного общаго древнѣйшаго арійскаго міѳа, но въ каждой странѣ, въ каждомъ народѣ эти осколки приняли свой особый мѣстный колоритъ, въ которомъ именно заключается характеристика міѳическихъ вѣрованій означенной страны или народа.

*51. Нельзя ли опредѣлить причину, почему изустное народное преданіе до насъ совершенно другіе имена и образцы, чѣмъ какіе встрѣчаются въ памятникахъ нашей письменной старины? Перуны и Дажбоги совершенно неизвѣстны изустному преданію, между тѣмъ какъ лѣшіе, домовые, русалки и пр., за весьма рѣдкими исключеніями, не встрѣчаются у нашихъ лѣтописцевъ и духовныхъ проповѣдниковъ. Наконецъ и сказки знакомятъ насъ съ третьимъ разрядомъ лицъ и образовъ, какъ-то: Баба-Яга, Кощей, Царь-дѣвица, Жаръ-птица и пр., которые хотя хорошо извѣстны народу по этимъ сказкамъ, но тѣмъ не менѣе нисколько не входятъ въ кругъ его предразсудковъ и суевѣрій. Не скрывается ли въ этихъ различныхъ разрядахъ сказаній вліяніе разныхъ народностей или совершенно отдѣльныхъ эпохъ развитія?

*52. Не относится ли ѳеогонія письменныхъ памятниковъ къ вліянію религіозныхъ вѣрованій Варяговъ, подобно тому какъ и въ позднѣйшее время въ нашу старинную письменность проникло множество суевѣрныхъ примѣтъ и баснословныхъ рассказовъ, прямо заимствованныхъ изъ византійскихъ и болгарскихъ источниковъ, и которые, хотя и вовсе чужды нашей народной старины, тѣмъ не менѣе получили у насъ отчасти право гражданства, проникая въ такъ называемые духовные стихи о Егорѣ

Храбромъ, Оедорѣ Тиронѣ, Голубиной книгѣ и пр. и пр., и во многія сказки, получившія въ народѣ чисто туземный характеръ, не смотря на явное ихъ иноземное происхожденіе. Наши народныя звѣриныя сказки имѣютъ въ общей основѣ своей ткани много сходства какъ съ баснями Эзопа и Оедра, такъ и съ звѣринымъ эпосомъ средневѣковой Европы; но даетъ ли намъ это право признать такія сказки за позднѣйшія литературныя заимствованія, или слѣдуетъ это сходство въ ткани сказа искать глубже въ досторическихъ преданіяхъ обще-арійской колыбели?

*53. Разъяснить, какое значеніе въ исторіи христіанскаго искусства и въ археологіи имѣли мѣстные образа, кресты, панагіи и другія подобнаго рода произведенія, начиная съ XII по XVIII вѣкъ.

*54. Въ какія времена какія измѣненія происходили въ нашей иконописи (въ школахъ новгородской и московской), и какія нововведенія произвело въ ней вліяніе западное относительно рисунка, пошиба, содержанія, символики и пр?

*55. На сколько миниатюры древнихъ рукописей могутъ быть полезны при изслѣдованіи исторіи нашей иконописи?

*56. Представить сравнительные рисунки извѣстныхъ святыхъ и праздниковъ, а также—символическія изображенія, начиная съ древнѣйшихъ временъ, какъ они въ какихъ вѣкахъ изображались. Въ какой степени возможно въ такомъ же родѣ составить лицевые подлинники?

*57. Въ древнихъ памятникахъ искусствъ, относящихся къ извѣстнымъ вѣкамъ, привести въ ясность тѣ признаки или особенности, которые могли бы служить данными для опредѣленія подобныхъ памятниковъ неопредѣленнаго времени; потому что въ каждомъ почти вѣкѣ есть свои отличительные признаки въ выраженіяхъ или общаго ихъ характера, или нѣкоторыхъ частей, начиная съ рисунка, костюма, обстановки и проч.

*58. Какое значеніе имѣли въ нашемъ искусствѣ рѣзьба на деревѣ, слоновой и преимущественно моржовой кости, и также на камняхъ?

*59. Архитектура древнихъ деревянныхъ нашихъ церквей.

*60. Необходимость собранія подобныхъ образцовъ для разъясненія характера древней нашей архитектуры вообще.

*61. Существуетъ ли различіе между орнаментными украшеніями рукописей русскихъ и византійскихъ, и если подобное различіе существуетъ, то велико ли оно, и вправѣ ли мы сказать, что въ Россіи былъ въ этомъ отношеніи свой особый русскій художественный элементъ?

62. Русская архитектура XII вѣка. Не слѣдуетъ ли признать XII столѣтіе началомъ новаго періода въ русской архитектурѣ подвліяніемъ романскихъ зодчихъ, пришедшихъ изъ Германіи чрезъ Новгородъ и Псковъ, и начавшихъ строить церкви не по планамъ романскихъ зданій, а по особому общему плану, совершенно различному отъ плановъ западныхъ церквей. Когда и какимъ образомъ утвердился у насъ этотъ типичный планъ? Своеобразныя особенности какъ плана, такъ и внѣшней формы церквей состоятъ въ слѣдующемъ: а) прямоугольный четырехугольникъ съ узкими сторонами, обращенными на востокъ и западъ; четыре столба, поддерживающіе главу, раздѣляютъ весь планъ крестообразно; б) алтарная часть (abside) выдается тремя полукруглыми выступами, изъ которыхъ средній болѣе остальныхъ; в) круглый и высочій барабанъ главы завершается весьма плоскимъ куполомъ; д) южный, западный

и сѣверный фасады храма раздѣлены на три части пиластрами или полуколоннами, начиная съ основанія зданія до самой кровли, гдѣ эти части заканчиваются тремя полукружіями; е) четырехскатная кровля загибалась по числу полукружій и алтарныхъ выступовъ; ж) на каждомъ фасадѣ, южномъ, западномъ и сѣверномъ, по одному входу; з) на каждомъ фасадѣ три узкихъ высокихъ окна, съ круглою перемычкою; на каждомъ алтарномъ выступѣ, какъ кажется, было по одному окну; и) отсутствіе всякой пристройки для колоколовъ. Типичный планъ этихъ церквей въ Суздальской области образовался ли самостоятельно, или заимствованъ съ греческаго образца? Принять ли былъ этотъ планъ только для церквей Суздальской области, или былъ онъ повсемѣстно принятъ въ сѣверной полосѣ Россіи? Строились ли въ южной Россіи церкви по такому же плану, или по другому? Такъ какъ въ типичномъ планѣ церквей Суздальской области нѣтъ слѣдовъ колоколенъ, то спрашивается: когда начали строить особые зданія для колоколовъ, и когда начали строить колокольни въ связи съ самимъ храмомъ? Типичный планъ имѣетъ только одну главу, а между тѣмъ извѣстно, что Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новѣгородѣ имѣли по тринадцати главъ; а каменный Софійскій соборъ въ Новѣгородѣ и Спасскій соборъ въ Черниговѣ—по пяти и т. д. Слѣдовательно, до какого времени строили церкви съ одною главою, и въ какихъ случаяхъ строили ихъ со многими главами? На Дмитріевскомъ соборѣ стоитъ четырехконечный крестъ; когда начали ставить на церквахъ шестиконечные кресты? По кладкѣ стѣнъ, по толщинѣ слоя извести и по клеймамъ на кирпичачъ можно ли опредѣлить время постройки зданія?

63. Къ числу важнѣйшихъ и наименѣе изслѣдованныхъ археологическихъ предметовъ принадлежатъ: наше церковное пѣніе, а равно и наши мірскіе напѣвы. Важное мѣсто, занимаемое пѣснопѣніями въ богослуженіи, съ другой стороны—соприсутствіе напѣвовъ во всѣхъ почти явленіяхъ русскаго быта, указываютъ на значеніе вопросовъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу русской археологіи.

Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не былъ подвергнутъ подробной, ученой разработкѣ, наравнѣ съ древнею нашею иконописью, архитектурою и орнаментаціею. Въ то время какъ изъ нашей архитектуры и живописи все болѣе и болѣе изгоняются чуждые имъ элементы и выясняются основные законы нашихъ образовательныхъ искусствъ, наше пѣніе въ церквахъ постепенно удаляется отъ древней своеобытности и подвергается постоянному искаженію отъ наплыва невѣжественныхъ и болѣею частію враждебныхъ русскому исконному духу оборотовъ и разныхъ заимствованій; такъ что если этому великому дѣлу не будетъ дано надлежащаго движенія, то можетъ быть къ тому времени, когда постройка нашихъ храмовъ достигнетъ полной сообразности съ преданіями и убѣжденіями Русскаго народа, храмы эти, возстановленные археологическимъ путемъ, огласятся чистымъ *западнымъ* пѣніемъ, столь противнымъ и православію, и нашимъ преданіямъ, и нашему народному, художественному, своеобытному чувству.

Въ дѣлѣ музыкальной археологіи—болѣе трудностей нежели во всѣхъ другихъ археологическихъ предметахъ. Тому причиною: скудость тѣхъ теоретическихъ указаний относительно нашего древняго пѣнія, какія мы донынѣ находимъ лишь въ сборникахъ Александра Мезенца и Тихона Макаріевскаго, и еще въ весьма немногихъ уцѣлѣвшихъ рукописяхъ по этой части; за исключеніемъ синодскаго изданія нѣтъ вовсе печатныхъ нотныхъ памятниковъ церковнаго пѣнія, изданныхъ сообразно съ

требованіями науки. По части же мірскаго пѣнія поражаетъ отсутствіе вѣрно записанныхъ народныхъ напѣвовъ и, напротивъ, даже нѣкоторое изобиліе напечатанныхъ напѣвовъ, искаженныхъ западною примѣсью людьми, вовсе не разъяснившими себѣ тѣхъ условій, безъ соблюденія которыхъ русскій напѣвъ перестаетъ быть русскимъ.

Слѣдовательно разработка этой части русской археологій стоитъ еще на самой низкой степени, такъ какъ она требуетъ а) собранія матеріаловъ и б) постановки вопросовъ о томъ, что преимущественно должно быть предметомъ изысканій?

Эти оба предмета таковы, что не могутъ быть совершены одноличнымъ трудомъ; ихъ совершеніе можетъ быть плодомъ лишь соединенныхъ усилій многихъ лицъ, занимающихся различными отраслями археологій.

Вниманіе, которое Археологическій Сѣздъ обратитъ на эту часть отечественной археологій, значительно будетъ способствовать къ разрѣшенію возникшихъ донинѣ вопросовъ.

*64. I. Церковноерусское пѣніе. 1) *Происхожденіе нотописанія въ русской церкви.* Нѣтъ ли въ славянскихъ или греческихъ земляхъ нотныхъ рукописей, писанныхъ ранѣе X или XI вѣка?

*65. Если существуютъ такія рукописи, то знаки ихъ не имѣютъ ли сходства съ безлинейными (крюковыми) знаками, извѣстными съ давняго времени въ русской церкви, и съ какими именно?

*66. Если нѣтъ, то какъ объяснить происхожденіе этихъ крюковыхъ знаковъ въ началѣ русской церкви?

*67. 2) *Относительная древность безлинейныхъ знаковъ русской церкви.* Нѣтъ ли въ Россіи или славянскихъ земляхъ музыкальныхъ знаковъ дѣмественнаго пѣнія ранѣе XVI вѣка?

*68. Нѣтъ ли въ Россіи памятниковъ казанскаго знамени ранѣе послѣдней половины XVI вѣка?

*69. 3) *Чтенія безлинейныхъ крюковыхъ знаковъ русской церкви и переходъ къ линейнымъ нотамъ.* Нельзя ли открыть способа читать кондакарные музыкальные знаки?

*70. Съ какою точностію можно читать безлинейные знаки знаменнаго роспѣва XII и XI вѣка?

*71. Съ какою точностію можно читать казанское знамя?

*72. Какое различіе между крюковыми знаками съ помѣтами и безъ помѣтъ?

*73. Какія свѣдѣнія сохранились о Шайдуровѣ, изобрѣтателѣ степенныхъ помѣтъ?

*74. Какія свѣдѣнія сохранились о работахъ двухъ собраній дидакаловъ въ 1652 и 1655 гг. въ Москвѣ для провѣрки рукописей, написанныхъ безлинейными знаками, о чемъ упоминаетъ Александръ Мезенецъ, принимавшій участіе въ этихъ собраніяхъ, говоря, что онъ справлялся съ харатейными списками «за 400 лѣтъ и вѣще?»

*75. Принималъ ли въ этихъ работахъ участіе Тихонъ Макаріевскій?

*76. Что было причиною перехода отъ безлинейныхъ крюковыхъ знаковъ къ нотнолинейнымъ, и кѣмъ произведено такое переложеніе?

*77. Какая связь существуетъ между рукописями Александра Мезенца и тѣми, весьма рѣдкими, рукописями, гдѣ безлинейные знаки подписаны подъ нотными? Существуютъ ли кромѣ Ирмологія и Стихираря Троицко-Лаврской Библіотеки другія такія двойныя рукописи, въ особенности Октоиха и Обихода?

*78. Какая связь существует между этими двойными рукописями и печатнымъ синодскимъ изданіемъ Ирмологія, Обихода, Октоиха и Праздниковъ?

*79. 4) *Потнолинейныя рукописи русской церкви второй половины XVII вѣка.* Что было принято за основаніе при первоначальномъ (въ 1772 г.) печатномъ синодскомъ изданіи Ирмологія, Обихода, Октоиха и Праздниковъ?

*80. Съ того времени не вкрались ли въ это изданіе опечатки, и какимъ образомъ онѣ могутъ быть исправлены?

*81. Что было принято за основаніе при изданіи Сокращеннаго Обихода?

*82. Какимъ путемъ въ азбуку, находящуюся при Сокращенномъ Обиходѣ, вошла западная система *мутацій*, и какое она нынѣ имѣетъ значеніе?

*83. Въ какой степени разныя новѣйшія печатныя двухъ и четырехголосныя переложенія воспроизводятъ богослужебныя напѣвы, находящіеся въ синодскомъ изданіи, и сообразны ли съ ихъ характеромъ?

*84. 5) *Гармонизація церковной мелодіи.* Какое значеніе нашихъ церковныхъ гласовъ? Въ чемъ ихъ отличіе отъ новѣйшихъ ладовъ (Tonarten)? Что происходитъ отъ смѣшенія этихъ понятій?

*85. Какое отношеніе существуетъ между греческими и русскими гласами какъ церковными, такъ и древними (языческими)?

*86. Въ какомъ смыслѣ должно принимать существующее вообще мнѣніе, что наше церковное пѣніе заимствовано у Грековъ?

*87. Какое отношеніе между нашими ласами и западными церковными тонами (Modi ecclesiastici, Kirchentonarten)?

*88. Что должно быть принято за основаніе при положеніи богослужебныхъ напѣвовъ на два, три и четыре голоса?

*89. II. Народное мірское пѣніе и собственно музыка. 1) *Роды народнаго пѣнія: домашнее духовное пѣніе и собственно пѣсня.* Какіе звукоряды служатъ матеріаломъ для народныхъ русскихъ напѣвовъ въ домашнемъ духовномъ пѣніи и въ мірскихъ пѣсняхъ, и какимъ образомъ тѣ и другія могутъ быть гармонизированы?

*90. Гдѣ сохранились слѣды нашего домашняго духовнаго пѣнія?

*91. Какъ велико было вліяніе въ древности церковной музыки на народную мірскую югозапада и сѣвера Россіи, и обратно? Какъ велико было вліяніе народной русской музыки на церковное пѣніе до XVIII вѣка?

*92. Какъ рано проникло въ Россію вліяніе западной (европейской) музыки, и чѣмъ именно выразилось оно въ музыкѣ юга и сѣвера Россіи до XVIII вѣка?

*93. Замѣтны ли въ русской народной музыкѣ слѣды вліянія музыки чуждыхъ и восточныхъ (монгольскихъ) племенъ?

*94. Какія должно принять мѣры къ сохраненію народныхъ напѣвовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ?

*95. 2) *Народная инструментальная музыка.* Давно ли сдѣлалась извѣстна Русскимъ инструментальная музыка?

96. Какіе музыкальные инструменты употреблялись Русскими до XVIII вѣка?

*97. Въ какомъ видѣ, съ какими названіями, когда и гдѣ преимущественно употреблялись они? Какіе изъ нихъ можно почитать исконными народными (дуда, рожокъ, сопилка, гудокъ)? Какіе изъ струнныхъ инструментовъ, въ какое время и откуда

заимствованы (гусли, цимбалы или кимвалы, балалайка, кобза, бандура, торбанъ и проч.)?

*98. Ш. Особыя замѣчанія. Какія должно постановить правила для опредѣленія музыкальных терминовъ, издавна извѣстныхъ русскимъ пѣвцамъ?

*99. Какія должно принять средства къ распространенію свѣдѣній о народномъ русскомъ пѣніи?

*100. Какой характеръ и отличительныя качества должны имѣть народные учебники по церковному и мірскому пѣнію?

*101. Въ чемъ именно, нынѣ еще употребляемое нѣкоторыми лицами, крюковое пѣніе удалилось отъ настоящаго древняго русскаго пѣснопѣнія?

в) Археологія классическая и византийская.

*102. Топографія греческихъ поселеній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

*103. Культы, господствовавшіе въ означенныхъ мѣстностяхъ, по надписямъ, монетамъ и другимъ памятникамъ.

*104. Различныя формы гробницъ, открытыхъ въ южной Россіи.

*105. Хронологія Босфорскихъ царей.

*106. Составленіе сборника греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ Россіи.

*107. Древне-христіанскіе памятники Таврическаго полуострова.

*108. Обзоръ предметовъ, найденныхъ въ томъ или другомъ изъ главнѣйшихъ кургановъ, временъ классическихъ, разрытыхъ въ южной Россіи. Объясненіе той связи, въ которой находятся эти предметы между собою.

*109. Какое вліяніе имѣетъ греческая письменность, начиная съ IX по конецъ XV и начало XVI вѣка, на славянскую письменность за то же время въ палеографическомъ отношеніи?

110. Ольвія: типъ чайки на рыбѣ, въ его нарицательномъ соотношеніи къ мѣстности (type parlant). Мѣдные серебрянники Ольвіи, прозванные медаліонами или ассами; историческія и экономическія причины ихъ выпуска. Значеніе клеймъ на ольвійскихъ деньгахъ.

*111. Херсонисъ-Таврическій и его мѣстные культы: Дѣва-Ифигенія, какъ жрица демовической Дѣвы Тавровъ (по изображенію неизданной монеты).

*112. Θεοδοσία, ея первоначальное названіе до покоренія и переименованія Левкономъ (по нумизматическимъ новымъ фактамъ).

*113. Историческіе типы Пантикапей: память Книдской битвы, 394 г. до Р. Х., на монетѣ современной воцаренію Левкона I.

*114. Мѣдные деньги Фарнака, золотыя Мперадата II и проч.

г) Археологія восточная.

115. Топографія восточныхъ кладовъ въ Россіи. Новыя данныя въ дополненіе прежнихъ, изложенныхъ въ разныхъ трудахъ по этому предмету.

*116. Всѣ ли памятники, находямые на мѣстности древняго Болгара, относятся къ мусульманской эпохѣ, и не встрѣчаются ли между ними такіе памятники, которые могутъ быть отнесены къ болѣе древней эпохѣ?

117. О происхожденіи имени «Русь», на основаніи извѣстій арабскихъ писателей.

118. О значеніи древне-еврейскихъ памятниковъ Таврическаго полуострова для древней этнографіи Южной Россіи.

V

Списокъ членовъ и участниковъ Археологическаго Съѣзда, съ означеніемъ мѣста ихъ жительства.

1. А. П. Артемьевъ (Петербургъ)	33. Кн. П. П. Вяземскій (Петербургъ)
2. Н. Я. Аристовъ (Казань)	34. Г. П. Васильевъ (Казань)
3. Н. А. Афанасьевъ (Москва)	35. Кн. С. М. Голицынъ (Москва)
4. А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій (Петербургъ)	36. А. А. Гатцугъ. »
5. Н. А. Артлебенъ (Владимиръ на Клязьмѣ)	37. Я. О. Головацкій (Вильна)
6. А. Я. Артыновъ (Угодичи)	38. Д. Г. Геденовъ (Зарайскъ)
7. А. Н. Андреевъ (Москва)	39. Н. П. Гаражанскій (Владимиръ-Волынский)
8. Архимандритъ Амфилохій »	40. О. Н. Глинка (Тверь)
9. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Петербургъ)	41. К. К. Герцъ (Москва)
10. Н. П. Бочаровъ (Москва)	42. А. С. Гацискій (Нижній-Новгородъ)
11. В. А. Бильбасовъ (Петербургъ)	43. П. И. Гундобинъ (Рыбинскъ)
12. А. М. Быковскій (Москва)	44. К. М. Гинзбургъ (Москва)
13. Н. Д. Борисякъ (Харьковъ)	45. В. П. Герье »
14. А. В. Брыкинъ (Москва)	46. И. А. Голышевъ (Мстера)
15. В. П. Бутовскій » »	47. Г. К. Гудимъ-Левковичъ (Кіевъ)
16. Н. О. Бутеневъ (Петербургъ)	48. Б. А. Дорнъ (Петербургъ)
17. О. П. Буслаевъ (Москва)	49. В. А. Дашковъ (Москва)
18. А. О. Бычковъ (Петербургъ)	50. Л. В. Даль (Нижній-Новгородъ)
19. П. А. Безсоновъ (Москва)	51. В. П. Даль (Москва)
20. А. Н. Богдановъ » »	52. П. С. Ефименко (Архангельскъ)
21. Ф. К. Брунъ (Одесса)	53. К. Г. Евлентьевъ (Псковъ)
22. Д. П. Бѣляевъ (Москва)	54. И. Е. Забѣлинъ (Москва)
23. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (Петербургъ).	55. Н. В. Закревскій »
24. А. Н. Веселовскій (Москва)	56. Д. П. Иловайскій »
25. Ал. Н. Веселовскій »	57. О. Юсифъ, синодальный ризничій
26. В. Н. Виноградскій »	58. Р. Г. Игнатьевъ (Уфа)
27. А. О. Вельтманъ »	59. Н. В. Калачовъ (Петербургъ)
28. П. А. Воротниковъ »	60. И. П. Корниловъ »
29. А. Е. Викторовъ »	61. Н. Д. Кашкинъ (Москва)
30. В. М. Ведровъ »	62. П. С. Казанскій (Троицко-Сергіевская Лавра)
31. И. И. Василевъ (Псковъ)	63. А. Н. Клочковъ (Новгородъ)
32. И. Ворсо (Копенгагенъ)	64. Н. П. Кондаковъ (Москва)
	65. М. Ф. Кущинскій (Лепель)
	66. В. Н. Кашнеровъ (Москва)

67. П. Л. Лавровскій (Харьковъ)	99. П. А. Ревакинъ »
68. П. М. Леонтьевъ (Москва)	100. П. И. Саввантовъ (Петербургъ)
69. В. И. Лѣствицинъ (Ярославль)	101. Кн. А. А. Сибирскій »
70. П. И. Лерхъ (Петербургъ)	102. Н. М. Сементовскій (Кіевъ).
71. В. Н. Лешковъ (Москва)	103. С. К. Смирновъ (Тройц. Серг. Лавра)
72. Н. Н. Львовъ »	104. Д. Д. Смышляевъ (Петербургъ)
73. Г. Е. Ларошъ »	105. А. И. Савельевъ »
74. П. А. Лашкаревъ (Кіевъ)	106. И. И. Срезневскій »
75. А. Э. Лазаревъ (Москва)	107. В. И. Срезневскій »
76. А. Θ. Лихачевъ (Казань)	108. М. И. Сухомлиновъ »
77. М. А. Максимовичъ (Золотоноша)	109. А. И. Свирѣлинъ (Ярославль)
78. И. Д. Мансветовъ (Троицко-Сергіев- ская Лавра)	110. С. М. Соловьевъ (Москва)
79. П. П. Муромцевъ (Могилевъ)	111. Д. М. Струковъ (Москва)
80. Н. Н. Мурзакевичъ (Одесса)	112. Д. П. Сонцовъ (Москва)
81. А. А. Мартыновъ (Москва)	113. В. К. Савельевъ (Казань)
82. П. И. Мельниковъ »	114. В. И. Сергѣевичъ (Москва)
83. Л. Н. Майковъ (Петербургъ)	105. В. Е. Тизенгаузенъ (Петербургъ)
84. А. Н. Майковъ »	116. А. Г. Тышинскій (Архангельскъ)
85. К. И. Невоструевъ (Москва)	117. К. Н. Тихонравовъ (Владиміръ на Клязьмѣ)
86. В. А. Прохоровъ (Петербургъ)	118. Н. С. Тихонравовъ (Москва)
87. Х. И. Поповъ (Ростовъ на Дону)	119. Гр. М. В. Толстой »
88. В. И. Площанскій	120. Гр. А. С. Уваровъ »
89. А. Н. Поповъ (Москва)	121. Г. Д. Филимоновъ »
90. К. А. Поповъ »	122. Θ. Н. Фортунатовъ »
91. Н. А. Поповъ »	123. Д. А. Хвольсонъ (Петербургъ)
92. Д. В. Полѣновъ (Петербургъ)	124. П. А. Хвоцинскій (Москва)
93. М. П. Погодинъ (Москва)	125. Н. А. Чаевъ »
94. А. А. Потебня (Харьковъ).	126. Д. О. Шеппингъ »
95. Д. В. Разумовскій (Москва)	127. К. И. Шмидтъ (Вильна)
96. Д. А. Ровинскій »	128. В. Н. Юргевичъ (Одесса)
97. В. Е. Румянцовъ »	129. Г. Е. Щуровскій Москва.
98. Н. Г. Рубинштейнъ »	130. М. М. Θоминъ »

VI

ОТКРЫТІЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА 16 МАРТА 1869 г.

Хоръ синодальныхъ пѣвчихъ исполнилъ: «Кто Богъ велій», потомъ г. Товарищъ Министра Народнаго просвѣщенія открылъ Съѣздъ слѣдующею рѣчью:

«Вслѣдствіе ходатайства Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и по представленію Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Комитетъ гг. Министровъ, Государю Императору благоугодно было, въ 23 апрѣля 1868 года, высочайше соизволить на открытіе Съѣзда Археологическаго въ Москвѣ». Открыть Съѣздъ предполагалъ г. Министръ народнаго просвѣщенія, но

болѣзнь воспрепятствовала ему исполнить это желаніе его. На меня такимъ образомъ возложена эта лестная обязанность.

Собирая на нѣкоторое время специалистовъ въ одно мѣсто для обмѣна мыслей, посредствомъ живаго сѣзда, для совокупнаго и разносторонняго обсужденія результатовъ ихъ работъ, сѣзды, въ нѣкоторомъ отношеніи, способствуютъ движенію науки впередъ. Какъ дѣло не прихоти, но живо сознаваемой учеными потребности гласно подѣлиться другъ съ другомъ и съ обществомъ запасомъ выработанныхъ свѣдѣній, сѣзды служатъ также, нѣкоторымъ образомъ, мѣриломъ извѣстной отрасли знанія въ странѣ. Археологія—наука относительно не новая у насъ; надъ ней уже трудились многіе, и имена этихъ дѣятелей съ признательностію произносятся всѣми, которымъ дорого прошлое отечества. Основанныя въ разныхъ мѣстахъ археологическія общества указываютъ на развившееся уже живое сочувствіе къ разработкѣ нашихъ древностей, на то, что сѣмена, посѣянные митрополитомъ Евгеніемъ, графомъ Румянцевымъ, Калайдовичемъ, Строевымъ и другими уже, сошедшими въ могилу, не упомывая о живыхъ, привнесли плоды.

Для насъ, собравшихся въ первопрестольную столицу съ разныхъ концовъ Россіи, настоящий Археологическій Сѣздъ составляетъ отрадное явленіе. Онъ служитъ новымъ и очевиднымъ доказательствомъ, что заботливость о сохраненіи памятниковъ старины у насъ усиливается; что число лицъ, которыя относятся къ нимъ не съ безразличнымъ равнодушіемъ, умножается; что уваженіе къ нимъ желаютъ провести въ народъ. Это—шагъ въ дѣлѣ народнаго самопознанія и самоуваженія. Народъ, который начинаетъ любить памятники прошлаго, ихъ сохранять и разъяснять,—уже этимъ однимъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, показываетъ, что онъ проникся любовью къ своей исторіи и предчувствіемъ своего будущаго.

Позвольте же мнѣ отъ лица г. Министра народнаго просвѣщенія пожелать, чтобы настоящий Сѣздъ принесъ ожидаемые плоды для науки и чтобы труды ваши способствовали укрѣпленію въ народѣ уваженія къ остаткамъ старины. Это будетъ лепта ваша въ неисчерпаемую сокровищницу Верховнаго Начинателя и Совершителя всего для Россіи благаго,—лепта, на которую, конечно, будетъ Имъ обращено молостивое вниманіе; такъ какъ все полезное, какъ бы оно повидимому ни было скромно, не чуждо Его любвеобильнаго, доброжелательнаго и добротворительнаго ума и сердца.

Мнѣ лично, какъ урожденцу Москвы и воспитаннику Императорскаго Московскаго Университета, такъ называемыхъ Уваровскихъ и Строгоновскихъ временъ, и бывшему попечителю С.-Петербургскаго Университета, обязаннаго своимъ основаніемъ энергической инициативѣ графа Сергѣя Семеновича Уварова, здѣсь, среди историковъ и археологовъ, а частью и сподвижниковъ его, не могутъ не придти на память труды покойнаго Министра по содѣйствію его разработкѣ памятниковъ прошлаго. Теперь, когда дѣятельность его подлежитъ суду потомства, никто не обвинитъ насъ въ пристрастіи, если скажемъ, что его горячему и сознательному сочувствію, трудамъ историческимъ и вообще успѣхамъ основательнаго просвѣщенія, мы нѣкоторымъ образомъ обязаны возможностью осуществленія и настоящаго Сѣзда. Да не сочтется нарушеніемъ чувства скромности, если я прибавлю, что нынѣшнему Министру народнаго просвѣщенія, какъ весьма съ самыхъ юныхъ лѣтъ близко стоявшему къ графу Сергѣю Семеновичу Уварову и почитателю памяти его, да и всѣмъ ученикамъ и студентамъ Уваровскаго времени, а равно и сотрудникамъ графа

Уварова въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ высшей степени пріятно видѣть, что сынъ знаменитаго отца, нынѣшній предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, наслѣдовалъ не только имя, но и достоиніе усопшаго,—любовь его къ наукѣ и готовность содѣйствовать успѣхамъ ея въ мѣрѣ зависящихъ отъ него средствъ.

Объявляю Съѣздъ открытымъ.

Г. предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества и предсѣдатель Совѣта графъ А. С. Уваровъ прочелъ:

Мм. Гг.

Совѣтъ Съѣзда возложилъ на меня обязанность представить вамъ отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ для устройства перваго Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Выборъ совѣта палъ на меня, потому что приписываютъ Московскому Археологическому Обществу первую мысль о Съѣздѣ и первые начатки по этому дѣлу. Но есть мысли, на начало которыхъ, мнѣ кажется, невозможно указать, потому что онѣ принадлежатъ не одному лицу, не одному кругу людей, а служатъ общимъ выраженіемъ потребности времени.

Къ такимъ мыслямъ надо отнести и начало перваго Археологическаго Съѣзда.

Всеобщее опасеніе за сохранность нашихъ отечественныхъ памятниковъ неоднократно высказалось печатнымъ словомъ; между тѣмъ какъ ежедневно до насъ доходятъ рассказы объ утратѣ такихъ остатковъ старины, которые неоцѣнимы для разъясненія древняго нашего быта. Такія утраты многочисленны, такое разрушеніе идетъ быстро, и каждый годъ уноситъ съ собою нѣкоторые изъ тѣхъ важныхъ памятниковъ старины, которые пополняютъ пробѣлы въ нашихъ лѣтописяхъ или разъясняютъ намъ все то, что въ нихъ недописано и недосказано. Но сколько ни многочисленны такія утраты, мы съ прискорбіемъ должны быть увѣрены, что еще большая часть изъ нихъ остается для насъ неизвѣстною и пропадаетъ совершенно безслѣдно. Теперь каждый трудолюбивый ученый, снимая рисунокъ съ памятника, описывая его историческое значеніе для древняго быта Россіи, можетъ думать, что тридцать или сорокъ лѣтъ спустя придется спрашивать: гдѣ этотъ памятникъ? существуетъ ли онъ, или онъ уже совершенно разрушенъ?

Вотъ опасенія, которыя слышались со всѣхъ сторонъ, и противъ которыхъ всѣ чувствуютъ необходимость принять мѣры, и мѣры самыя дѣйствительныя. Но для дѣйствительнаго сохраненія памятниковъ, мм. гг., мнѣ кажется, недостаточно письменныхъ запрещеній и каменныхъ оградъ. Сколько разъ вносились въ законъ нашъ строжайшія распоряженія для охраны отечественныхъ памятниковъ, а между тѣмъ наши памятники сохраняются не лучше и подвергаются тѣмъ же опасностямъ. Хорошее пониманіе и разумная оцѣнка остатковъ старины лучше всего обезпечить ихъ цѣлость; но для этого надо, чтобы наука о древностяхъ, которая доселѣ была достоиніемъ только нѣкоторыхъ лицъ, сдѣлалась достоиніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Достигнуть этой цѣли можно только преподаваніемъ русской археологіи, которая сама уже приучитъ уважать и хранить отечественные памятники.

Ставъ наряду съ другими науками, русская археологія приведетъ въ извѣстность всѣ наши памятники, установитъ правильные приемы къ открытію и изслѣдованію ихъ, составитъ имъ списокъ съ историко-топографическими описаніями, и тогда, благодаря такому содѣйствію науки, наши памятники старины, спасенные отъ забвенія, будутъ также спасены и отъ разрушенія.

Но для достиженія этой цѣли и для успѣшнаго рѣшенія такихъ вопросовъ, важныхъ для всей Россіи, необходимо дружеское содѣйствіе и взаимная помощь всѣхъ лицъ, доселѣ трудившихся одиноко и отдаленно другъ отъ друга. Сблизить и соединить разрозненные пространствомъ ученныя наши силы для взаимнаго соглашенія и посильнаго рѣшенія вопросовъ, стоящихъ на очереди,—вотъ главная и, смѣю сказать, существенная заслуга ученыхъ сѣздовъ.

Послѣ этого, когда со всѣхъ сторонъ услышалось выраженіе неотлагательной потребности въ единодушномъ обсужденіи археологическихъ вопросовъ и въ столь же единодушномъ содѣйствіи всѣхъ русскихъ ученыхъ для оживленія занятій по отечественнымъ древностямъ, тогда Московское Археологическое Общество обратилось ко всѣмъ высшимъ ученымъ учрежденіямъ, ко всѣмъ ученымъ обществамъ и ко всѣмъ частнымъ лицамъ, извѣстнымъ своими трудами по части русской археологіи, предлагая имъ всѣмъ мысль о созывѣ перваго въ Россіи Археологическаго Сѣзда. Наше предложеніе было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, и лучшимъ тому доказательствомъ служить многочисленность нашего сегоднешняго собранія, такъ что можетъ показаться лишнимъ, что я останавливаю ваше вниманіе, м. г., на этомъ общемъ сочувствіи; но для исторіи русской археологіи будетъ дорого воспоминаніе той живой помощи, которую всѣ ученныя учрежденія и всѣ ученые оказали Московскому Археологическому Обществу и тѣмъ способствовали осуществленію предложенной мысли. Поэтому позвольте мнѣ сказать хоть нѣсколько словъ объ отрадныхъ отзывахъ, полученныхъ отовсюду нашимъ Обществомъ.

Академія Наукъ, всегда стоящая во главѣ всякаго полезнаго начинанія, не только выразила, что вполне раздѣляетъ мнѣніе о пользѣ сѣзда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доказала намъ свою готовность оказать нашему предпріятію возможное содѣйствіе.

Русскіе университеты не отстали отъ такого примѣра, и мы теперь имѣемъ честь считать въ числѣ членовъ нашего Сѣзда депутатовъ Петербургскаго, Московскаго, Александровскаго, Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ.

Отвѣты духовныхъ ученыхъ были столь же сочувственны, и между ними отвѣтъ Московской Духовной Академіи въ особенности достоинъ нашего вниманія, какъ ярко выставляющій всю важность успѣшнаго изслѣдованія отечественныхъ древностей и преимущественно церковныхъ. Основательное знакомство съ русскими церковными древностями, пишетъ Академія, необходимое при преподаваніи историко-археологическихъ наукъ, имѣетъ живое отношеніе къ практикѣ церковной, основанной на преемственномъ преданіи, и служитъ основаніемъ для значительнаго отдѣла полемическаго богословія. Неправильное понятіе о древностяхъ церковныхъ послужило, какъ извѣстно, поводомъ отдѣленія значительнаго числа Русскихъ отъ православной Церкви. Недостаточное знакомство съ древностями русскими доселѣ еще поддерживаетъ споръ о такихъ предметахъ, которые давно должны считаться рѣшенными, послѣ приведенія въ извѣстность памятниковъ древности.

Мы не упоминали еще о сочувствіи, нами встрѣченномъ въ кругу нашихъ археологическихъ обществъ и комиссій, потому что полное ихъ содѣйствіе было для насъ несомнѣнно. Напередъ мы были убѣждены, что люди, избравшіе предметомъ своихъ занятій науку о древностяхъ и изслѣдованіе о ея памятникахъ, не могутъ не способствовать всѣми силами къ исполненію сдѣланнаго нами предложенія.

Наконецъ, Московское Археологическое Общество обратилось также и ко всѣмъ губернскимъ статистическимъ комитетамъ и въ отвѣтахъ ихъ увидѣло отрадное сознание важности отечественной археологiи. Хотя этотъ предметъ самъ по себѣ не прямо входитъ въ кругъ ихъ занятій, но статистическіе комитеты желали опредѣлить степень своего участія въ археологическихъ изслѣдованіяхъ. Собрать свѣдѣнія о мѣстныхъ памятникахъ древности, составить имъ полное описаніе, и, создавъ изъ всего этого одно цѣлое, образовать драгоцѣнный матеріалъ для русской монументальной статистики,—вотъ прямая ихъ обязанность, какъ выразился Казанскій Статистическій Комитетъ.

Затѣмъ Московское Археологическое Общество желало еще узнать, на какой городъ указать общее мнѣніе для собранія перваго съѣзда русскихъ археологовъ.

Всѣ единогласно указали на древнюю нашу столицу, какъ на центръ государства, а для совѣщаній предварительнаго комитета назначили Петербургъ.

Съ такими доказательствами общаго сочувствія и съ такими задатками на общее содѣйствіе, Московское Археологическое Общество могло, безъ опасенія за успѣхъ предложенной мысли, обратиться къ Министру народнаго просвѣщенія съ просьбою исходатайствовать разрѣшеніе Государя Императора на открытіе въ Москвѣ перваго Русскаго Археологическаго Съѣзда, и уже 14 ноября состоялось первое засѣданіе предварительнаго комитета.

Московское Археологическое Общество поручило мнѣ принести выраженіе искренней своей признательности г. Министру народнаго просвѣщенія за то постоянное, живое содѣйствіе, которое онъ оказывалъ въ дѣлѣ устройства Археологическаго Съѣзда; если мысль о съѣздѣ могла осуществиться, то конечно мы обязаны тѣмъ Его Сіятельству Графу Д. А. Толстому; а потому, за отсутствіемъ его, просимъ г. Товарища Министра передать ему выраженіе глубочайшей нашей признательности.

Предсѣдатель распорядительнаго комитета и членъ совѣта Съѣзда В. В. Вельяминовъ Зерновъ прочелъ отчетъ о дѣйствіяхъ предварительнаго комитета и совѣта Съѣзда слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ Съѣзда поручилъ мнѣ, какъ помощнику предсѣдателя бывшаго предварительнаго комитета Съѣзда, представить отчетъ о дѣйствіяхъ предварительнаго комитета и совѣта Съѣзда.

Постараюсь, не утруждая вашего, м. г., вниманія, изложить въ общихъ чертахъ все то, что было сдѣлано до сихъ поръ какъ комитетомъ, такъ и совѣтомъ Съѣзда.

Первоначальною мыслью объ Археологическомъ Съѣздѣ обязаны мы Московскому Археологическому Обществу и достойному Предсѣдателю его Графу А. С. Уварову. Они исходатайствовали чрезъ благосклонное посредство г. Министра народнаго просвѣщенія всемілостивѣйшее разрѣшеніе открыть первый Съѣздъ русскихъ археологовъ въ Москвѣ.

На основаніи высочайшаго повелѣнія, состоявшагося по сему предмету, всѣ распоряженія объ устройствѣ Съѣзда возложены были на особый предварительный комитетъ, который долженъ былъ открыть свои дѣйствія въ С.-Петербургѣ.

Комитетъ впервые собрался въ С.-Петербургѣ въ ноябрѣ прошлаго 1868 года. Онъ состоялъ изъ представителей тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ обществъ, которыя пожелали принять участіе въ устройствѣ Съѣзда. Члена-

ми комитета были слѣдующія лица: представители Императорской Академіи Наукъ, академики: И. И. Срезневскій, М. И. Броссе и Л. Э. Стефани; представитель Императорской Археологической Коммисіи, членъ Коммисіи, В. Г. Тизенгаузенъ; представители археографической Коммисіи, члены Коммисіи: А. Θ. Бычковъ и П. И. Саввантовъ; представитель Центрального Статистическаго Комитета при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, директоръ П. П. Семеновъ; представители Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, секретарь Общества В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и члены Общества: А. И. Артемьевъ, А. А. Куникъ и Д. В. Полъновъ; представители Московскаго Археологическаго Общества: предсѣдатель Общества Графъ А. С. Уваровъ, секретарь Общества К. К. Гёрцъ и члены Общества: о. архимандритъ Амфилохій и Н. В. Калачовъ; представитель Нарвскаго Общества Исторіи и Древностей П. П. Фонъ-Гецъ.

Главнѣйшія задачи предварительнаго комитета, по его открытіи, состояли въ слѣдующемъ: 1) опредѣлить время Съѣзда, 2) постановить правила, которыми могъ бы руководствоваться Съѣздъ, и 3) изложить вопросы, подлежащіе обсужденію на Съѣздѣ.

Комитетъ не рѣшился откладывать Съѣзда на продолжительный срокъ и назначилъ его на 16 марта 1869 года. Въ виду того сочувствія, съ которымъ вообще встрѣчена была въ кругу ученыхъ и любителей археологіи первая мысль о Съѣздѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ стараться осуществить ее въ возможно-скоромъ времени.

Правила Съѣзда, постановленныя комитетомъ, были утверждены г. Министромъ народнаго просвѣщенія 12 декабря 1868 года. Основною мыслью при составленіи правилъ было искреннее желаніе комитета основать ихъ на возможно широкихъ началахъ съ тѣмъ, чтобы членамъ Съѣзда были предоставлены—наибольшее участіе и полная возможность излагать свободно свои мнѣнія; не выходя изъ предѣловъ науки. Въ этомъ комитетъ видѣлъ прочный залогъ къ скорѣйшему и лучшему достиженію цѣли ученаго Съѣзда.

Самою трудною задачей было изложить вопросы, подлежащіе къ обсужденію на Съѣздѣ. Для этого представились двѣ системы: первая заключалась въ томъ, чтобы комитету предложить вопросы прямо отъ себя, прося любителей археологіи отвѣчать на нихъ на Съѣздѣ и выбравъ такого рода предметы спорные или мало изслѣдованные, разъясненіе которыхъ оказалось бы въ настоящее время комитету наиболѣе полезнымъ или важнымъ въ научномъ отношеніи; вторая система была совершенно противоположна первой: можно было комитету вопросовъ прямо отъ себя не предлагать вовсе, а предоставить право заявлять ихъ каждому занимающемуся археологіею, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы лице, предложившее вопросъ, обязалось представить по нему на Съѣздъ докладъ или сообщеніе.

Комитетъ избралъ вторую систему. Въ ея пользу склонили въ особенности двѣ причины: во-первыхъ, ею предоставлялся полный просторъ частному начинанію; всякій могъ заявлять такого рода вопросъ, который его наиболѣе занималъ и въ разъясненіи котораго онъ слѣдовательно наиболѣе нуждался; во-вторыхъ, вопросы, предложенные къ обсужденію на Съѣздѣ, не могли ни въ какомъ случаѣ остаться безъ отвѣта или по крайней мѣрѣ безъ нѣкотораго обслѣдованія, какъ легко могло случиться при первой системѣ.

Главное возраженіе противъ принятой комитетомъ системы заключалось въ томъ, что вопросовъ къ Съѣзду могло поступить слишкомъ мало. Комитетъ, рассчитывая

преимущественно на любовь къ древностямъ, которая видимо возрастаетъ, чувствовалъ себя вправѣ надѣяться, что недостатка въ вопросахъ и сообщеніяхъ не будетъ. Надежды комитета осуществились. Послѣ напечатанія первой программы Съѣзда, составленной исключительно изъ вопросовъ, предложенныхъ разными отдѣльными лицами, новые вопросы и новыя сообщенія стали поступать въ такомъ количествѣ, что комитетъ призналъ полезнымъ издать дополнительную программу. На дняхъ совѣтомъ Съѣзда напечатана вторая дополнительная программа. Такимъ образомъ мы приступаемъ къ Съѣзду не только съ значительнымъ числомъ вопросовъ, но еще, что весьма важно, съ готовымъ запасомъ сообщеній, цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и трудовъ, которые должны служить разъясненіемъ предложенныхъ вопросовъ. Успѣхъ Съѣзда, такъ сказать, болѣе или менѣе обезпеченъ.

По окончаніи главныхъ работъ по устройству Съѣзда, предварительный комитетъ, для болѣе успѣшнаго хода дѣла, раздѣлился на двѣ части: одинъ отдѣлъ комитета продолжалъ работать въ Петербургѣ, другой отдѣлъ въ Москвѣ.

Трудами обоихъ отдѣловъ, между прочимъ, выработанъ удостоившійся высочайшаго утвержденія проектъ медали въ память Съѣзда. Медаль эта, по ея изготовленіи, будетъ разослана всѣмъ гг. членамъ Съѣзда. На одной сторонѣ ея предположено изобразить видъ Кремля, а на другой надпись: «Въ память перваго Русскаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 года». Устроена сверхъ того при Съѣздѣ археологическая выставка, которую гг. члены Съѣзда могутъ обозрѣть послѣ сегодняшняго засѣданія.

9 марта, на основаніи правилъ Съѣзда, предварительный комитетъ объявленъ былъ закрытымъ, и мѣсто его заступилъ совѣтъ Съѣзда, образовавшійся изъ членовъ бывшаго предварительнаго комитета и депутатовъ отъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ обществъ.

Совѣтъ Съѣзда въ первомъ же засѣданіи своемъ избралъ изъ среды своей предсѣдателемъ совѣта Графа А. С. Уварова и комитетъ распорядительный изъ 6 членовъ: В. В. Вельяминова-Зернова, О. И. Буслаева, К. К. Гѣрца, Н. Н. Мурзакевича, Н. А. Попова, В. Г. Тизенгаузена и Казначея Съѣзда П. И. Савантова.

Независимо отъ сего совѣтъ раздѣлился по специальностямъ на 7 комиссій. Предсѣдателями означенныхъ комиссій избраны: Графъ А. С. Уваровъ, И. И. Срезневскій, О. И. Буслаевъ, Н. И. Калачовъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, К. К. Гѣрцъ, и Н. Д. Кашкинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ, на основаніи предоставленнаго ему права, опредѣлилъ число отдѣленій Съѣзда и кругъ ихъ занятій.

Отдѣленія эти, числомъ шесть, слѣдующія:

І. Первобытныя древности:

Неизвѣстныхъ народовъ,
Финновъ,
Литовцевъ,
Скандинавовъ,
Западныхъ Славянъ.
Мнеологія.

ІІ. Русскія древности:

Насыпи и постройки.

Древне-русское искусство: ваѣніе, живопись, музыка и пѣніе.

III. Русскія древности:

Памятники языка и письма.

Древній бытъ.

IV. Русскія древности:

Юридическія древности.

V. Восточныя древности.

VI. Классическія и византійскія древности.

Секретарями отдѣленій Сѣзда назначены: 1-го отдѣленія — Н. А. Поповъ и А. А. Потебня, 2-го отдѣленія — В. Н. Виноградскій и Г. Е. Ларошъ, 3-го отдѣленія — Н. Я. Аристовъ и К. Н. Бестужевъ, 4-го отдѣленія — В. И. Сергѣевичъ, 5-го отдѣленія — В. Е. Тизенгаузенъ, 6-го отдѣленія — Ф. К. Брунъ. Лица эти, вмѣстѣ съ председателями комиссій совѣта, составляютъ ученый комитетъ Сѣзда.

Программа каждаго засѣданія, какъ общихъ засѣданій, такъ и отдѣленій, будетъ опредѣляема заблаговременно на каждый разъ особо ученымъ комитетомъ.

Всякій членъ Сѣзда приглашается приписаться по своему желанію къ тому или другому отдѣленію.

Въ заключеніе моего отчета, позвольте мнѣ, м. г., провозгласить имена тѣхъ депутатовъ ученыхъ учреждений и обществъ, которые находятся нынѣ въ средѣ нашей:

Отъ Императорской Академіи Наукъ: ординарные академики: Дорнъ, Срезневскій, экстра-ординарный академикъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Отъ Императорскихъ Университетовъ: С.-Петербургскаго: ординарный профессоръ Сухомлиновъ, экстра-ординарные профессора: Бестужевъ-Рюминъ и Хвольсонъ; Московскаго — ординарный профессоръ Буслевъ; Харьковскаго — ординарный профессоръ Лавровскій; Казанскаго — доцентъ Аристовъ; Александровскаго — профессоръ Альквистъ и Новороссійскаго — доцентъ Брунъ.

Отъ Духовныхъ Академій: Московской — ординарный профессоръ Казанскій, бакалавръ Мансветовъ, Кіевской — экстра-ординарный профессоръ Лашкаревъ.

Отъ Императорской Академіи Художествъ древняго русскаго искусства — Прохоровъ.

— Императорской Археологической Комиссіи — членъ Комиссіи Тизенгаузенъ.

— Императорской Археогграфической Комиссіи — членъ Комиссіи Бычковъ.

— Московскаго Общества Исторіи и древностей — членъ Общества Филимоновъ.

— Одесскаго Общества Исторіи и древностей — секретарь Общества Мурзакевичъ.

— Нарвскаго Общества Исторіи и древностей — членъ Общества Фонъ-Гецъ.

— Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества — секретарь Общества Вельяминовъ-Зерновъ, члены Общества: Поляновъ, Саввантовъ.

Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ — члены Общества: Сонцевъ и Пензовъ.

Отъ Общества Древне-русскаго Искусства — членъ Общества Виноградскій.

Отъ Центрального Статистическаго Комитета — дѣйствительный статскій совѣтникъ Артемьевъ и надворный совѣтникъ Майковъ.

Отъ Статистическихъ Комитетовъ: Казанскаго — членъ Комитета Савельевъ; Могилевскаго — членъ Комитета Муромцевъ; Нижегородскаго — членъ Комитета Даль; Оренбургскаго — членъ Комитета Игнатьевъ; Псковскаго — членъ Комитета Васильевъ; Ярославскаго — членъ Комитета Лѣвстицынъ.

Отъ Консерваторіи при Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ въ Москвѣ—профессоръ Кашкинъ.

Отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія—Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

Присутствіе столькихъ депутатовъ уже само по себѣ представляетъ фактъ замѣчательный: оно свидѣтельствуєтъ о томъ живомъ сочувствіи, съ которымъ отнеслись къ нашему дѣлу не только отдѣльныя лица, но и разныя, и въ томъ числѣ высшія ученыя учрежденія и общества; оно доказываетъ, что настоящій Сѣздъ не есть явленіе случайное, а составляетъ дѣйствительную потребность времени, прямое слѣдствіе того уровня, на которомъ стоитъ нынѣ наука археологіи въ Россіи».

Среди депутатовъ и членовъ Сѣзда мы видимъ многихъ достойнѣйшихъ представителей науки въ Россіи; участіе ихъ въ предстоящихъ трудахъ должно несомнѣнно вліять благотворительно на успѣхъ Сѣзда. Будемъ же, м.г., стараться общими силами, чтобы Сѣздъ нашъ, открываемый при столькихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вполне достигъ своей чисто ученой цѣли, и принесъ именно полезныя плоды какъ для науки вообще, такъ и въ особенности для науки въ Россіи».

Членъ совѣта Сѣзда и депутатъ Императорской Академіи Наукъ П. И. Срезневскій произнесъ слово о значеніи Сѣзда.

«Нашъ Археологическій Сѣздъ открытъ. Съ завтрашняго дня начнутся его ежедневныя засѣданія. Каждое изъ нихъ должно помочь достиженію общей цѣли Сѣзда. Какой цѣли? Конечно, цѣли содѣйствовать по возможности успѣхамъ археологіи въ Россіи.

Но какъ же можетъ вообще Сѣздъ достигнуть такой важной цѣли? Отъ кратковременнаго соединенія любителей знаній на нѣсколько дней, для нѣсколькихъ засѣданій, можно ли ожидать чего нибудь прочнаго, полезнаго въ такомъ важномъ дѣлѣ? Эти вопросы возможны даже и тамъ, гдѣ сѣзды не новостъ. Эти вопросы слышались не разъ. Предположимъ, на самомъ дѣлѣ, что для рѣшенія впередъ назначенныхъ разныхъ вопросовъ,—какъ это и дѣлается для нѣкоторыхъ сѣздовъ,—явятся многіе участники съ заранѣе приготовленными отвѣтами на эти вопросы,—что при постановкѣ вопросовъ и отвѣтовъ будутъ удачно ведены пренія и соглашенія, удачно устранены недоразумѣнія и сомнѣнія: кто можетъ поручиться, что въ результатъ будутъ добыты такія рѣшенія, которыми обогатится наука, которыми люди науки должны дорожить какъ несомнѣнными; что эти рѣшенія не будутъ полюбовными сдѣлками, приговорами большинства, побѣдившими меньшинство численною силою, а не убѣжденіемъ; что не за это смолкнувшее меньшинство будутъ стоять лучшіе знатоки дѣла, почему бы то ни было не принявшіе участія въ Сѣздѣ?—А если же еще и самое веденіе дѣла на Сѣздѣ при рѣшеніи вопросовъ не пойдетъ удачно, если совѣщанія будутъ состоять изъ заявленій разныхъ недоказанныхъ предположеній, случайныхъ домысловъ, опирающихся на случайно подобранныхъ данныхъ, и все будетъ заканчиваться по каждому изъ вопросовъ такими заявленіями,—какой пользы можно ожидать отъ всего этого только изъ-за того, что все это будетъ предложено на Сѣздѣ? можетъ ли быть этимъ полезенъ Сѣздъ?

Этимъ, и всѣмъ подобнымъ, прямо и непосредственно, Сѣздъ, конечно, не можетъ быть полезенъ—по крайней мѣрѣ на столько, чтобы можно было изъ-за этого одного настойчиво хлопотать о Сѣздѣ и желать въ немъ участвовать. И то однако не безъ важныхъ исключеній.

Есть вопросы, къ отвѣтамъ на которые нѣтъ надобности особенно приготовляться, въ отвѣтахъ на которые могутъ съ пользою принимать участіе всѣ, кому извѣстны тѣ или другія не общеизвѣстныя данныя, относящіяся къ дѣлу,—такъ что чѣмъ больше будетъ сообщено такихъ данныхъ, чѣмъ они будутъ разнообразнѣе, тѣмъ отвѣтъ станетъ самъ собою яснѣе. Таковы въ археологій вопросы: о мѣрахъ, какія принимаются и могутъ быть приняты къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ древности и старины, и что этому мѣшаетъ и можетъ мѣшать; о разныхъ способахъ, употребляемыхъ при археологическихъ поискахъ и наблюденіяхъ; о способахъ снятія вѣрныхъ снимковъ и списковъ съ памятниковъ и ихъ описаній; о частяхъ археологій, которыхъ систематическое преподаваніе болѣе полезно для распространенія любви къ археологическимъ занятіямъ и пониманія цѣнности памятниковъ и т. п. Таковы и частные вопросы, на которые отвѣчать могутъ не тѣ такъ другіе участники Съезда просто по памяти, какъ наблюдатели, или какъ люди бывалые; напр. нѣтъ ли въ Сибири такихъ городищъ, какія находятся въ средней Европѣ? Не употребляются ли гдѣ въ Россіи и доселѣ каменные орудія вродѣ молотовъ, заступовъ, кирокъ и т. п? Не встрѣчались ли кому гдѣ нибудь книги и надписи съ письменами пермскими? Не уцѣлѣли ли гдѣ нибудь на югозападѣ Руси каменные и деревянные большіе кресты съ рѣзными надписями? Нѣтъ ли гдѣ еще изображеній святыхъ князей древней Руси, кромѣ открытыхъ? Нѣтъ ли изображеній князей на стѣнахъ храмовъ? и т. п. Рѣшеніе такихъ вопросовъ всего удобнѣе на Създѣ, лишь бы въ немъ приняли участіе люди знающіе въ возможно большемъ числѣ и сколько возможно болѣе разнѣющиеся по мѣсту жительства, роду занятій, опытности и наблюдательности.

Кромѣ всего этого и всего подобнаго, кромѣ всякаго рода починныхъ вопросовъ и запросовъ, есть многое, что можетъ быть желаннымъ предметомъ занятій Съезда, можетъ быть предложено съ наибольшею пользою на Създѣ, и дѣйствительно было предлагаемо на многихъ създахъ съ успѣхомъ.

У всякаго, занимающагося наукой съ любовью, есть труды, вполнѣ или вчернѣ оконченные, есть работы издавна продолжающіяся или только начатыя, есть въ отношеніи къ ихъ обработкѣ свои сомнѣнія и недоумѣнія, свои причины недовѣрять личнымъ силамъ и желать помощи другихъ; у иного если нѣтъ этого, такъ есть новости, находки, открытія или предметы, стоящіе вниманія и затрудняющіе своею особенною рѣшимостью приговора о ихъ значеніи.... Для всего подобнаго всякому желательно было бы отыскать такихъ знатоковъ, которые могли бы помочь ему знаніями, указаніями, даже совѣтами или пожеланіями. Всего удобнѣе найти такихъ знатоковъ на Създѣ,—знатоковъ, о которыхъ иногда до этого не удалось можетъ быть и слышать, и услышать отъ нихъ замѣчанія можетъ быть самыя важныя, самыя независимыя, ни сколько не лицепріятныя, и потому самыя полезныя. Итогъ частныхъ пользъ будетъ, конечно, польза общая, тѣмъ болѣе важная, чѣмъ болѣе будетъ сдѣлано сообщеній, и чѣмъ болѣе участія доброжелательнаго, искреннаго участія къ нимъ выскажется соучастниками. Сомнѣваться въ пользѣ Създа въ этомъ отношеніи невозможно.

Члены Създа не могутъ при этомъ не обмѣняться многими болѣе или менѣе важными свѣдѣніями, собранными и посредствомъ мѣстныхъ наблюденій, и мѣстныхъ рассказовъ, отвѣтами и замѣчаніями на разнообразныя мелочныя и немелочныя во-

просы,—такими отвѣтами, замѣчаніями и свѣдѣніями, которыя добываются только посредствомъ устныхъ бесѣдъ—съ боковыми вопросами и переспросами, съ оговорками и разъясненіями, съ разнообразнымъ развитіемъ соображеній, съ разрѣшеніями недоумѣній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ члены Съѣзда не могутъ не обмѣняться своими основными понятіями о наукѣ и разныхъ ея частяхъ, своими научными требованіями, своими правилами научной критики, своими приѣмами научныхъ работъ. Обмѣняться всѣмъ этимъ значитъ взаимно себя провѣрить и усилить, и сдѣлать частное достояніе общимъ.

При этомъ не рѣдко рѣзко и мѣтко высказанныя замѣчанія кѣмъ нибудь изъ даровитыхъ и опытныхъ соучастниковъ могутъ быть для другихъ, для многихъ другихъ, гораздо полезнѣе печатныхъ статей и книгъ, гдѣ имъ тѣмъ легче запропастъ или и совсѣмъ не быть, чѣмъ они менѣе могутъ казаться умѣстными при сдержанномъ книжномъ изложеніи дѣла, и чѣмъ они ближе къ кругу первичныхъ, такъ сказать, черновыхъ приготовленій писателя. Кто пользовался частными научными бесѣдами съ другими лицами, особенно съ такими, которыя долго и усердно занимались тѣмъ или другимъ научнымъ дѣломъ, тотъ можетъ припомнить, какъ много выносилось имъ изъ этихъ бесѣдъ, съ перваго раза можетъ быть имъ и неоцѣненного, пробуждавшаго въ немъ сомнѣніе или недовѣріе, непріятно щекотавшаго его самоувѣренность, его самолюбіе, непріятно тревожившаго его застарѣлые навыки думать и дѣлать такъ а не иначе,—и все-таки хотъ понемногу его измѣнявшаго и заставлявшаго его дорожить бесѣдами, если не съ тѣмъ или другимъ лицомъ отдѣльно, то бесѣдами вообще, и стараться пользоваться ими. Такія бесѣды, случайно доступныя для немногихъ съ немногими, получаютъ болѣе широкіе размѣры въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; но ихъ польза умѣряется тѣмъ, что эти засѣданія происходятъ обыкновенно въ небольшомъ кругѣ болѣе или менѣе постоянныхъ посѣтителей, давно взаимно знакомыхъ и другъ къ другу привыкшихъ. Такія бесѣды становятся достояніемъ очень многихъ въ съѣздныхъ засѣданіяхъ и свиданіяхъ, между прочимъ достояніемъ тѣхъ, которые помимо съѣзда не могутъ и свидѣться, не только послушать того, кого бы и отъ кого бы хотѣлось узнать сколько можно болѣе.

На съѣздѣ люди, посвящающіе свое время и труды однороднымъ или сроднымъ научнымъ занятіямъ, узнаютъ другъ друга, взаимно сближаются, взаимно условиwiają свои связи на будущее время, свою готовность на взаимныя услуги. Отчужденность людей науки другъ отъ друга всегда и вездѣ мѣшала успѣху трудовъ научныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—успѣхамъ наукъ. Въ давнее время противъ этой отчужденности были употребляемы въ дѣло только частныя свиданія и переписка, особенно переписка. То и другое теперь усиливается съѣздами, устраняющими притомъ и неудобства первыхъ знакомствъ.

Съѣзды у насъ—новость, и потому не мудрено, что они у насъ не легко могутъ быть устраиваемы, не единодушно принимаются, какъ предпріятія безспорно полезныя, и черезъ это, хотя отчасти, могутъ терять силу своего благотворнаго значенія. Они у насъ—болѣе попытки на добро, чѣмъ само добро, всѣми за добро признаваемое.

Такою попыткою на добро въ отношеніи къ археологій долженъ быть и нашъ нынѣшній Съѣздъ. Каковъ бы ни былъ исходъ этой попытки, она безспорно достойна сочувствія тѣхъ, кому дороги успѣхи науки въ нашемъ отечествѣ; а если достойна ихъ

сочувствія, то и исходъ ея, если не въ частностяхъ, то въ общемъ, не можетъ дать мѣста сомнѣніямъ.

Есть надежда, что и въ частностяхъ исходъ нашего Съѣзда будетъ полезенъ.

На виду у совѣта Съѣзда есть уже не мало разнаго рода любопытныхъ и важныхъ сообщеній, которыя и будутъ поочередно заявлены въ засѣданіяхъ по назначенію ученаго комитета Съѣзда,—и число этихъ заявленій все болѣе увеличивается. Сколько можно судить, все это—далеко не все, что можетъ быть сообщено членами Съѣзда и что достойно вниманія Съѣзда. Отъ имени всѣхъ, сочувствующихъ успѣхамъ русской науки, позволяю себѣ обратиться къ глубоко уважаемому собранію съ выраженіемъ надежды, что всякій, принявшій участіе въ Съѣздѣ, какъ членъ его, или какъ посѣтитель его засѣданій, соблаговолитъ внести отъ себя на Съѣздъ, въ общую сокровищницу нашей археологіи, все что можетъ. Что изъ вносимаго будетъ болѣе важно для науки, не можетъ окончательно рѣшить ни лице вносящаго, ни частные приговоры его друзей и недруговъ: это рѣшить благодарное сочувствіе друзей науки.

Для успѣха Съѣзда и вмѣстѣ для успѣха археологіи въ Россіи было бы желательно, чтобы не скрылось изъ вида Съѣзда ни что изъ того, что можетъ быть сообщено какъ идущее къ дѣлу.

Было бы желательно, чтобы каждымъ изъ членовъ и участниковъ были сообщены не только его научныя изслѣдованія и соображенія, но и свѣдѣнія о трудахъ, предпріятіяхъ и археологическихъ собраніяхъ, какъ его собственныхъ, такъ и другихъ ему близкихъ лицъ, а равно и учреждений, въ которыхъ онъ состоитъ членомъ,—свѣдѣнія по вопросамъ: кто занятъ какими археологическими работами, кто какъ работаетъ надъ своимъ трудомъ, и что у него уже готово? Кто и какъ занимается собираніемъ остатковъ древности и старины, и какія есть собранія ихъ,—въ частныхъ ли рукахъ, или при учрежденіяхъ, и чѣмъ эти собранія особенно богаты или особенно важны? Гдѣ есть любопытныя старинныя собранія остатковъ древности и старины такія, какими уже прославились нѣкоторыя церкви, монастыри, архивы и т. п., и что въ нихъ стоить особеннаго вниманія? Гдѣ есть памятники древности и старины, еще не обратившіе на себя вниманіе людей науки.

Усердное, дружное соучастіе всѣхъ и каждого въ дѣлѣ сообщенія такихъ данныхъ на Съѣздѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ все сообщенное сдѣлалось общеизвѣстнымъ, такъ очевидно важно, что не нуждается ни въ какихъ объяснительныхъ доказательствахъ. Нельзя сомнѣваться, что посредствомъ этихъ заявленій откроется много новаго, многимъ вовсе неизвѣстнаго,—окажется, гдѣ, у кого или при чьей помощи можно искать и находить что кому нужно по предмету его изслѣдованій, и обнаружится вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой степени развита у насъ любовь къ археологическимъ занятіямъ и изслѣдованіямъ, и на какомъ уровнѣ стоитъ у насъ археологія какъ наука.

Съ взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ другъ къ другу, съ уваженіемъ ко всякому труду и занятію, полезному по цѣли, съ готовностью братски сближаться во имя науки и отечества, съ надеждою, что посильное участіе каждого изъ насъ,—пусть и маловажное само по себѣ отдѣльно,—не исчезнетъ безслѣдно отъ связи съ силами другихъ и съ ихъ дружескою подпорою, мы можемъ покойно начать наши работы на Съѣздѣ. Не пророча ему удачи, но единодушно ея помогаясь, можемъ не напрасно стараться, чтобы этотъ первый въ Россіи Археологическій Съѣздъ былъ поле-

зень—по крайней мѣрѣ какъ начало тому, что послѣ насъ другими будетъ сдѣлано лучше и плодотворнѣе».

Членъ Совѣта Съѣзда М. П. Погодинъ прочелъ первую часть своего обзорнѣя археологическихъ работъ въ Россіи подъ заглавіемъ: «Судьбы Археологіи въ Россіи». Онъ сначала указалъ на тѣсную связь, существующую между памятниками вещественными и памятниками письменными, устными и бытовыми, потомъ перешелъ къ тѣмъ, которые еще до Петра собирали отечественные памятники. Тутъ онъ припомнилъ о митрополитѣ Макаріѣ, о священникѣ Сильвестрѣ, о Симеонѣ Полоцкомъ, Сильвестрѣ Медвѣдевѣ и св. Димитріѣ Ростовскомъ. Затѣмъ, переходя къ заслугамъ Петра Великаго, который, привезя съ собою копію съ Кенигсбергскаго списка, приказалъ собрать въ Москву въ Синодъ изъ всѣхъ епархій лѣтописи и хронографы, писанные на пергаментѣ и на бумагѣ, М. П. Погодинъ изложилъ труды Коля, Байера, Татищева, Кирилова, Миллера, Ломоносова и наконецъ Шлёцера и, перешедши къ археологическимъ трудамъ временъ Екатерины, заключилъ первое свое чтеніе кончиною Гр. Н. П. Румянцева (см. прилож. 1—10).

VII

Протоколы Засѣданій Археологическаго Съѣзда.

А) Общія Собранія. Первое засѣданіе 19 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта М. П. Погодина:

М. И. Погодинъ продолжалъ начатое имъ въ засѣданіи, при открытіи Съѣзда, чтеніе: «О судьбахъ Археологіи въ Россіи». Онъ показалъ дѣятельность и заслуги сподвижниковъ Гр. Румянцева на пользу русской археологіи въ царствованіе Александра I до 1825 года и въ краткомъ очеркѣ познакомилъ съ трудами Аделунга, Калайдовича, Строева, Востокова, Кенцена, Круга, митрополита Евгенія, Ходаковского, Языкова, Бороздина, Ермолова, Буткова и Руссова (см. прилож. 10—17). Окончаніе своего обзора М. П. Погодинъ отложилъ до слѣдующаго общаго собранія.

Затѣмъ приступлено къ обсужденію 1-го общаго вопроса:

Въ какомъ состояніи находится нынѣ наука русской археологіи? Средства къ дальнѣйшему, болѣе успѣшному развитію оной. Необходимость введенія преподаванія русской археологіи.

Θ. И. Буслаевъ, по поводу этого вопроса, обратилъ вниманіе Съѣзда на необходимость преподаванія русской археологіи. Имѣя въ виду даже одну только сторону этого преподаванія, именно часть иконографическую, онъ указалъ на необходимость введенія этого преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Еще по Стоглаву вмѣняется въ обязанность митрополиту, архіепископамъ и епископамъ слѣдить за иконописаніемъ и установить твердые правила для иконописной практики; рекомендуются добрые образцы древнихъ иконописцевъ, — и этимъ положено начало цѣлой системѣ, основанной, такъ сказать, на археологическомъ преданіи. Указывая значеніе подлинниковъ въ русскомъ иконописаніи, Θ. И. Буслаевъ доказываетъ, что наша русская старина не можетъ быть объяснена и понята безъ предварительнаго изученія цѣлой системы древне-христіанской археологіи, и въ за-

ключеніе приходитъ къ необходимости преподаванія археологій и устройства музеевъ при нашихъ учебныхъ заведеніяхъ (приложеніе стр. 75—82).

Чтеніе *Θ. И. Буслаева* возбудило замѣчанія нѣкоторыхъ членовъ.

М. П. Погодинъ подтвердилъ замѣчанія *Θ. И. Буслаева* о вредномъ вліяніи италіанской живописи на нашу иконопись и выразилъ желаніе, чтобы не только исправленіе иконописи, но вообще преподаваніе археологій начато было университетами, и чтобы примѣръ былъ поданъ Московскимъ Университетомъ.

Д. П. Сонцевъ заявилъ, что современное состояніе нашей археологій—не блестящее, хотя мы имѣемъ нѣсколько личностей, занимающихся по разнымъ отдѣламъ археологій, нѣсколько обществъ археологическихъ, старающихся расширить кругъ своей дѣятельности, возбуждающихъ любовь къ старинѣ и отыскивающихъ памятники древности; но не смотря на все это, видно вообще мало сочувствія къ археологій. Между тѣмъ, въ другихъ странахъ это общее сочувствіе дало возможность сдѣлать по всѣмъ отраслямъ археологій важнѣйшія открытія и развить самую науку до той степени, на которой она теперь стоитъ на Западѣ. Пока археологія не получитъ своего права гражданства въ ученой сферѣ, пока она не будетъ уравниена съ другими признанными науками, сочувствіе къ ней останется постоянно слабымъ, и она будетъ лишена возможности принести существенную пользу отечественной исторіи. Поэтому необходимо ввести въ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе археологій, какъ отдѣла отечественной исторіи.

И. И. Срезневскій замѣтилъ, что прежде чѣмъ обсудить и вполнѣ оцѣнить важность преподаванія археологій, необходимо опредѣлить тотъ кругъ предметовъ, который входитъ въ ея составъ. По его мнѣнію *Θ. И. Буслаевъ* представилъ только одну сторону вопроса, сторону безъ сомнѣнія чрезвычайно важную, особенно для учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства; но слѣдуетъ сдѣлать вопросъ болѣе общимъ, т. е. уравнивать предъ глазами наблюдателей всѣ части археологической науки. Народъ, прожившій нѣсколько вѣковъ, оставляетъ послѣ себя многіе памятники своей жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ—памятники жизни религіозной, общественной и частной. Объ этихъ памятникахъ должны озаботиться изслѣдователи, чтобы собрать всѣ эти остатки прошлыхъ вѣковъ, и собрать ихъ съ тѣмъ болѣею тщательностію, чѣмъ ясенѣ они выражаютъ жизнь народа. Съѣздъ, составивъ три отдѣла: археологій искусства, археологій языка, письма и быта и археологій юридической, этимъ самымъ отмѣтилъ три главные стороны отечественной археологій и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ, что подъ археологіей нельзя понимать одни вещественные памятники. Археологія въ томъ объемѣ, въ которомъ излагаетъ ее кафедра римскихъ и греческихъ древностей, возбуждаетъ, во первыхъ, слѣдующій вопросъ: должна ли быть уравниена будущая кафедра русской археологій въ отношеніи своего содержанія съ кафедрою греческихъ и римскихъ древностей, или же она должна ограничиться одними вещественными памятниками? Затѣмъ второй вопросъ: если кафедра русской археологій должна ограничиться одними вещественными памятниками, то въ какомъ именно смыслѣ должно состояться это ограниченіе? По мнѣнію *И. И. Срезневскаго*, преподаваніе археологій не должно ограничиваться одними вещественными памятниками; но если бы пожелали ограничить ее одною этою стороною, то въ такомъ случаѣ должно быть обращено одинаковое вниманіе на всѣ отдѣлы вещественныхъ памятниковъ по отношенію къ тому значенію, какое имѣетъ

тотъ или другой памятникъ въ общей жизни народа. Слѣдуя затѣмъ тому раздѣленію, которое обыкновенно принимается въ учебникахъ археологіи, на примѣръ въ Германіи, можно раздѣлить вещественные памятники на два отдѣла: на памятники искусства и на памятники быта. Вотъ два главные отдѣла археологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Для того, чтобы излагать ихъ съ каѳедры, нужно знать всю общую археологію, т. е. умѣть оцѣнить отношеніе того или другаго памятника къ жизни народа. Затѣмъ, нужно выбрать главные выводы изъ матеріаловъ, имѣющихся налицо, систематизировать ихъ и представить главные основанія науки. Какая метода должна быть употреблена при преподаваніи археологіи? Мы видимъ, что при изложеніи, на примѣръ физики, сначала объясняются предварительныя пособія для изученія физики, какъ-то: мѣра, вѣсъ и т. п., и затѣмъ уже излагается самая наука. Къ преподаванію археологіи можетъ быть приложена та же самая метода, т. е. сначала нужно передать какъ пользоваться памятниками, имѣющимися въ виду: какъ ихъ снимать, уменьшать, увеличивать, словомъ—каждый изъ приѣмовъ, которые могутъ быть примѣнены къ изученію памятника, и затѣмъ уже представить систематическое изложеніе предмета. Къ двумъ отдѣламъ археологіи, художественному и бытовому, И. И. Срезневскій не добавляетъ отдѣла христіанскихъ древностей, потому что, по его мнѣнію, онъ можетъ быть совершенно соединенъ съ двумя первыми указанными отдѣлами, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые могутъ представиться въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, въ духовныхъ академіяхъ или семинаріяхъ, какъ предполагаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, гдѣ при изложеніи литургіи предполагается исторія археологіи христіанскихъ обрядовъ. Здѣсь отдѣлъ христіанскихъ древностей долженъ будетъ излагаться гораздо подробнѣе, чѣмъ въ университетахъ.

Н. А. Поповъ указалъ, что въ университетскомъ уставѣ существуетъ каѳедра исторіи изящныхъ искусствъ, и если просить о введеніи преподаванія археологіи въ той формѣ, какъ предлагаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, то каѳедра эта будетъ почти одинакова съ каѳедрой изящныхъ искусствъ. Если, напротивъ того, принять форму, предложенную И. И. Срезневскимъ, то по обширности своей эта каѳедра будетъ не доступна силамъ одного человѣка. Отсюда Н. А. Поповъ полагаетъ ограничиться какимъ-нибудь отдѣломъ съ тѣмъ, чтобы одну часть ввести въ духовныхъ училищахъ, какъ предполагаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, а другую въ университетахъ. Программа преподаванія, по его мнѣнію, должна быть обсуждена въ особой комиссіи, избранной для этой цѣли; но, возвращаясь къ прежней мысли, онъ повторилъ, что, по его мнѣнію, археологія можетъ преподаваться только съ точки зрѣнія изложенной Ѳ. И. Буслаевымъ, и тогда эта каѳедра будетъ совпадать съ каѳедрою исторіи изящныхъ искусствъ.

На это Ѳ. И. Буслаевъ замѣтилъ, что по университетскому уставу преподается только исторія искусства древне-классическаго, греческаго и римскаго, а не русскаго, и держать экзаменъ можно только по исторіи искусства древняго.

Н. А. Поповъ возразилъ, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ Ѳ. И. Буслаева, будто въ преподаваніе изящныхъ искусствъ входитъ только классическая древность—греческая и римская. Онъ полагаетъ, что въ программу этого предмета должно входить и русское древнее искусство; но ввести въ программу русской археологіи древности вѣсѣхъ народовъ, имѣвшихъ вліяніе на исторію Россіи, неисполнимо для одного преподавателя. Русскій народъ получилъ названіе русскаго только по вступленіи въ исторію, и прежде

чѣмъ сдѣлаться русскимъ, онъ подвергся тремъ разнымъ вліяніямъ. Поэтому для изучающаго русскую археологію нужно быть знакомымъ съ древностями византійскими, скандинавскими и съ бытомъ всѣхъ Славянъ; нужно изучить вліяніе разныхъ восточныхъ народовъ, наконецъ и тѣ многія частныя вліянія, которыя Русскій народъ испыталъ прежде, чѣмъ войти въ общую европейскую жизнь, напримѣръ—польское, шведское и т. п. Преподаваніе русской археологіи въ такомъ обширномъ размѣрѣ дѣлается задачею неисполнимою, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Н. А. Попова, древнее русское искусство прямо относится къ каѳедрѣ изящныхъ искусствъ, куда должны входить не только греческія и латинскія древности, но вообще древнее искусство.

Изъ этого мнѣнія можно заключить, замѣтилъ И. И. Срезневскій, что возможное и исполнимое для Греціи и Рима, для насъ, Русскихъ, невозможно.

Гр. М. В. Толстой добавилъ, что изъ всего сказаннаго замѣтно—до какой степени всѣ члены Съѣзда сознаютъ необходимость принятія радикальныхъ, коренныхъ мѣръ для распространенія археологическихъ знаній въ Россіи. Учрежденіе каѳедры русской археологіи въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, будетъ, безъ сомнѣнія, одною изъ самыхъ существенныхъ мѣръ для достиженія этой цѣли; но скоро ли каѳедра русской археологіи принесетъ плоды, и скоро ли настанетъ то блаженное время, когда Русскіе люди, изъ уваженія къ археологіи, будутъ стараться сберегать всѣ тѣ памятники старины, которые дошли до нашего времени? Не случится ли, можетъ быть, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, что наша отечественная археологія тогда только начнетъ разрабатывать свои памятники, когда бѣольшая часть изъ нихъ будетъ уже истреблена? Въ виду того, что многіе памятники уже истреблены, истребляются или приближаются къ разрушенію, гр. Толстой обратилъ вниманіе Съѣзда на одинъ фактъ, можетъ быть не безынтересный для любителей археологіи и въ особенности для любителей нашей древней иконописи. Въ болѣе отдаленныхъ церквахъ и монастыряхъ, какъ напримѣръ въ Вологодской и Псковской губерніяхъ, близъ Бѣлаго озера, древнія иконы остаются неприкосновенными, между тѣмъ какъ по близости отъ Москвы поступаютъ совершенно иначе. Кто бы напримѣръ могъ подумать, что въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, гдѣ такъ хорошо сохраняется библіотека, гдѣ имѣется такой каталогъ, какихъ немного найдется въ Россіи, гдѣ ризница приведена въ прекрасную историческую опись, по которой всякая вещь можетъ быть оцѣнена и осмотрѣна въ настоящемъ ея видѣ,—чтобы въ той же самой Лаврѣ въ настоящее время принялись поновлять старинныя иконы, удѣлѣвшія въ иконостасѣ? Однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ XVII вѣка былъ Симонъ или Пименъ Ушаковъ, иконы котораго, между прочимъ, сберегаются въ Переславскомъ Спасскомъ соборѣ. Въ Троицкой Лаврѣ одна изъ его иконъ, Успеніе Божіей Матери, находящаяся близъ южной двери иконостаса, переписана совершенно вновь въ прошедшемъ году. Въ настоящее время икона Спасителя, стоящая рядомъ съ иконою Божіей Матери, написанная тѣмъ же Пименомъ Ушаковымъ по обѣту послѣ исцѣленія отъ болѣзни и почитающаяся лучшею изъ написанныхъ имъ иконъ, взята также для обновленія, т. е. вѣроятно также для обезображенія Ушаковского письма. Въ виду такихъ печальныхъ фактовъ, гр. Толстой желалъ бы найти средство прекратить дальнѣйшее поновленіе или точнѣе переписку иконъ какъ въ Лаврѣ, такъ и въ другихъ храмахъ; иначе страсть къ поновленію коснется по очереди и всѣхъ нашихъ древнихъ иконъ.

П. С. Казанскій, какъ житель Лавры и коротко знакомый съ ея древностями, счелъ долгомъ возразить противъ заявленія гр. Толстаго, который такъ рѣзко отозвался объ измѣненіяхъ и поправкахъ, совершающихся въ Лаврѣ. Всякій, кто слѣдилъ за распоряженіями духовнаго вѣдомства относительно древностей, долженъ знать, что ни одно вѣдомство не приняло такъ много мѣръ къ сохраненію всѣхъ древностей, какъ духовное. Напримѣръ, если взять распоряженія Св. Синода, которыя были дѣлаемы отъ имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Николая Павловича въ 1842 году, то мы увидимъ тамъ цѣлый рядъ указовъ и распоряженій, ограждающихъ цѣлость и неизмѣнность до мелочей всѣхъ древностей, относящихся ко времени ранѣе XVIII столѣтія; такъ всѣ зданія древнія велѣно оставлять неизмѣнными не только во внутреннихъ, но даже и во внѣшнихъ наружныхъ украшеніяхъ. Никакое измѣненіе, никакое возобновленіе иконописи въ соборахъ не можетъ быть сдѣлано иначе какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Эти указы повторялись неоднократно. Въ послѣднее еще время, въ 1863 году, митрополитъ Филаретъ предписалъ произвести описи всѣхъ древнихъ вещей, находящихся въ церквахъ. Эти описи состоятъ изъ двухъ частей: въ одну входятъ вещи, ни въ какомъ случаѣ не подлежащія уничтоженію или измѣненію; сюда относятся не только иконы, но рѣшительно всѣ вещи, даже свѣтскія, которыя только могутъ быть названы древними. Кромѣ того, въ прошломъ году сдѣлано также по духовному вѣдомству такого рода распоряженіе, чтобы, по примѣру Оренбургской епархіи, во всѣхъ церквахъ заведены были лѣтописи, въ которыя должно записывать все то, что было и что есть замѣчательнаго въ церкви. Это можетъ служить новымъ доказательствомъ, что духовное вѣдомство сдѣлало все возможное для сохраненія древностей, а потому, по мнѣнію П. С. Казанскаго, нѣтъ надобности просить о принятіи новыхъ мѣръ для того, чтобы не искажали церковныя древности. Что же касается до сдѣланнаго заявленія, будто икона Успенія Божіей Матери принадлежитъ Симону Ушакову, то это заявленіе несправедливо, потому что икона написана не Симономъ Ушаковымъ, а другимъ художникомъ. Затѣмъ, исправлялась ли эта икона, и въ чемъ состояли исправленія, П. С. Казанскій указать не можетъ; относительно же иконы Спасителя, о которой гр. Толстой сказалъ, что она отдана для поправленія, онъ положительно знаетъ, что она находится на прежнемъ мѣстѣ, и что не предполагается ее исправлять. Если же въ этой иконѣ сдѣланы какія-нибудь измѣненія, то, прежде, а никакъ не въ послѣднее время. Обвиняли также Лавру въ искаженіи иконы Нерукотвореннаго Образа Спасителя, но на этой иконѣ, какъ ему, П. С. Казанскому, достовѣрно извѣстно, только разъ, при неосторожномъ промываніи ея, было сдѣлано маленькое поврежденіе, и художникъ, которому было поручено заглаживать это поврежденіе, клялся и божился, что онъ старался только возвратитъ иконѣ прежній видъ и уничтожить это поврежденіе, не дѣлая никакихъ другихъ исправленій или измѣненій, и что онъ вполнѣ достигъ своей цѣли.

Послѣ этого гр. Толстой точнѣе опредѣлилъ время, когда икона Успенія не находилась на своемъ мѣстѣ, указавъ, что онъ это самъ видѣлъ на первой недѣлѣ поста, т. е. за недѣлю до открытія Съѣзда. Вообще, по его мнѣнію, въ Лаврѣ сдѣлано очень много поврежденій памятниковъ старины; такъ напримѣръ, стѣна Сошествіенской церкви, писанная въ 1651 году, окончательно погублена.

П. С. Казанскій добавилъ, что эта стѣна была передѣлана при митрополитѣ Платонѣ, и что при возобновленіи ея сдѣланы были отступленія отъ первоначальнаго ея вида.

На это Предсѣдатель замѣтилъ, что распоряженій правительства о сохраненіи памятниковъ древности было очень много, и что всѣ эти распоряженія были прекрасны, но исполнялись онѣ совершенно иначе.

При этомъ М. П. Погодинъ припомнилъ одинъ случай въ исторіи нашей литературы. Когда Капнистъ, въ царствованіе Екатерины, написалъ оду на уничтоженіе въ Россіи званія раба, тогда-то именно и раздавались тысячи тысячъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость. Высочайшія повелѣнія предписывали хранить памятники древности, а въ то же время церковный староста представлялъ архіерею предложеніе о необходимости расширить такое-то окно; архіерей же никакъ не могъ понять, что это окно есть также памятникъ. Доселѣ еще не понимаютъ ясно, что слѣдуетъ считать памятникомъ; въ общемъ понятіи у насъ называются памятниками: монументъ Минину и Пожарскому на Красной площади, да монументъ Петру Великому въ С.-Петербургѣ. Итакъ, отдавая полную справедливость распоряженіямъ духовнаго вѣдомства, можно смѣло сказать, что, вопреки этимъ распоряженіямъ, памятники древности постоянно еще уничтожаются.

Хотя этотъ предметъ, замѣтилъ Предсѣдатель, и первой важности, но слѣдуетъ обратиться къ настоящему предмету засѣданія.

Тогда В. А. Прохоровъ указалъ на необходимость сперва привести въ извѣстность всѣ памятники древности, подробно описать и издать ихъ, прежде чѣмъ осуществить мысль о преподаваніи археологіи въ той формѣ, какъ разъяснилъ это Ѳ. И. Буслаевъ. Съ своей стороны В. А. Прохоровъ изъявилъ готовность жертвовать и трудомъ и деньгами для такого изданія; при чемъ онъ добавилъ, что готовъ также повсюду ѣздить, срисовывать и приводить въ извѣстность памятники старины и дѣлать все, что только по его силамъ. Онъ выразилъ также убѣжденіе, что каждый изъ ревностныхъ почитателей нашей старины согласится принести посильную жертву и, сдѣлавъ складчину, можно будетъ начать полное изданіе нашихъ отечественныхъ памятниковъ.

Предсѣдатель, выразивъ В. А. Прохорову несомнѣнную признательность всѣхъ членовъ Съѣзда за сдѣланное имъ предложеніе, отложилъ дальнѣйшее обсужденіе вопроса о преподаваніи археологіи до слѣдующаго засѣданія.

Второе засѣданіе 21 марта 1869 года, вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта С. М. Соловьева.

Продолжалось обсужденіе перваго общаго вопроса о программѣ преподаванія русской археологіи.

Ѳ. Н. Фортунатовъ, сознавая необходимость знакомства съ археологіей, полагалъ, что сдѣлать изъ нея особаго предмета преподаванія нельзя по множеству предметовъ, вошедшихъ въ программу среднихъ учебныхъ заведеній. По его мнѣнію, въ гимназіяхъ и семинаріяхъ слѣдуетъ соединить преподаваніе церковныхъ древностей съ исторіей Россіи. Сверхъ того, онъ считаетъ необходимымъ распространить по гимназіямъ и семинаріямъ особую программу для собиранія археологическихъ свѣдѣній. Подобная программа разослана была въ тридцатыхъ годахъ по училищамъ Вологодской дирекціи и вызвала доставленіе многихъ интересныхъ статей; то же самое было послѣдствіемъ распространенія программы Географическаго Общества.

Въ числѣ средствъ къ успѣшнѣйшему развитію въ отечествѣ нашемъ какъ археологическихъ разысканій, такъ и вообще археологическихъ знаній, проф. Ѳ. И. Буслаевъ въ рефератѣ своемъ, читанномъ въ прошломъ общемъ засѣданіи Съѣзда, ука-

зывать на необходимость введенія науки археологiи, или, по крайней мѣрѣ, того, что относится къ церковнымъ древностямъ (въ особенности по иконописанiю) въ курсъ среднихъ учебныхъ заведенiй, и преимущественно семинарiй. Прибавимъ къ этому, что не только для семинарiй, но и для гимназiй, весьма полезно бы было какъ распространенiе между учащимися общихъ элементарныхъ знанiй по наукамъ древности, такъ и возбужденiе любви въ учащихся къ сохраненiю и разысканiю древнихъ памятниковъ. Но при этомъ рождается вопросъ: не усложнить ли это курсъ среднихъ учебныхъ заведенiй въ то время, какъ и безъ того раздаются не безосновательныя жалобы на нашу гимназическую и семинарскую многопредметность курса ученiя, нерѣдко подавляющую не слишкомъ счастливыя, не слишкомъ острые способности учащихся? Мнѣ казалось бы, что нѣтъ нужды ни открывать въ гимназiяхъ и семинарiяхъ особыхъ классовъ по археологiи, ни назначать для сего особыхъ уроковъ. Ознакомленiе съ церковными древностями въ доступномъ для учащихся размѣрѣ всего удобнѣе соединить съ уроками законоучителей, при преподаванiи ими ученiя о богослуженiи и священнхъ предметахъ, а также при повторенiи этого отдѣла съ учащимися въ высшемъ классѣ гимназiи или семинарiи. Что же касается до отдѣла археологiи, относящагося къ прочимъ историческимъ памятникамъ разнаго рода, то этотъ отдѣлъ всего удобнѣе могъ бы войти въ уроки учителя, преподающаго въ высшихъ классахъ отечественную исторiю, въ особенности, когда онъ касается, при заключенiи каждаго историческаго періода, обзоровъ внутренняго быта въ нашемъ отечествѣ. Здѣсь, конечно, благоразумный преподаватель будетъ имѣть въ виду въ особенности ту мѣстность, гдѣ находится учебное заведенiе, и подробнѣе будетъ знакомить учащихся съ историческими памятниками ихъ мѣстности.

У насъ еще нѣтъ руководства для преподаванiя археологiи въ средн. учебн. заведенiяхъ. Между тѣмъ, какъ замѣчено было справедливо, надобно спѣшить этимъ для сохраненiя памятниковъ, постепенно исчезающихъ съ каждымъ годомъ, что частію зависитъ отъ невѣжества и равнодушія тѣхъ, которые должны были бы дорожить сохраненiемъ этихъ памятниковъ. На обязанности русскихъ археологовъ лежитъ безотлагательное составленiе подробной инструкціи для археологическихъ изысканiй. Само собою разумѣется, что программа должна быть изложена, сколько возможно, общедоступно. Необходимо распространенiе ея въ большомъ количествѣ экземпляровъ по гимназiямъ, семинарiямъ, свѣтскимъ и духовнымъ уѣзднымъ училищамъ, а также по приходскимъ священникамъ; при томъ должно быть указано—куда и къ кому адресовать труды провинціальныхъ дѣятелей по археологiи. Убѣждаюсь изъ опыта въ важности и несомнѣнной пользѣ желанной инструкціи и программы для археологическихъ изысканiй. Въ 30 годахъ разосланы были по училищамъ Волог. дирекціи къ штатнымъ смотрителямъ руководства къ собиранiю разныхъ историческихъ свѣдѣній и изслѣдованiю разныхъ историческихъ памятниковъ, которымъ желалось имѣть описанiя. Учителя и смотрители уѣздныхъ училищъ, изъ которыхъ были многіе моими учениками по исторiи, стали доставлять въ такомъ обиліи свои заявленiя, что, издавая въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ Вологод. губернскаго вѣдомости, я имѣлъ возможность въ неофициальной части каждаго еженедѣльнаго номера вѣдомостей помѣщать историческія или статистическія свѣдѣнія, относящiяся до Вологод. губерніи. Не говорю уже о томъ, какъ полезно вообще это ознакомленiе съ предметами археологическими для самихъ учащихся: оно образуетъ будущихъ дѣятелей

на поприщѣ бытописанія, отечествовѣдѣнія и преподаванія русской и всеобщей исторіи. Укажу при этомъ на одного изъ бывшихъ моихъ учениковъ—Н. Е. Андреевскаго. Каждый годъ, возвращаясь съ каникулъ отъ родителей изъ Сольвычегодска или изъ усадебъ помѣщиковъ, приглашавшихъ его на лѣтнее время для занятій съ своими дѣтьми, Андреевскій привозилъ съ собою описаніе какого нибудь историческаго памятника или мѣстности, въ которой провелъ онъ каникулярное время. Хорошо, если и другіе учителя гимназій и семинарій, и въ особенности учителя русскаго языка и словесности, будутъ раздѣлять труды учителей исторіи относительно распространенія между учащимися любви къ археологін.

М. И. Сухомлиновъ указалъ на то, что при обсужденіи вопроса о преподаваніи археологін высказано было два мнѣнія: одни предлагали учредить отдѣльную каѳедру археологін; другіе хотѣли раздѣлить этотъ предметъ по разнымъ каѳедрамъ. Противъ мысли объ отдѣльной каѳедрѣ можно возразить, во 1-хъ, что трудно разграничить самый предметъ археологін, а во 2-хъ, что открытіе новой каѳедры представляетъ практическія затрудненія. Соединить преподаваніе археологін съ каѳедрою исторіи искусствъ, какъ предлагалъ Н. А. Поповъ, тоже затруднительно, потому что на первомъ планѣ будетъ тогда стоять искусство, а слѣдовательно будетъ заслонять русскую археологію. Лучшее всего преподаваніе русской археологін соединить съ преподаваніемъ русской исторіи. Извѣстно, что 50 лѣтъ тому назадъ профессоръ русской исторіи Успенскій издалъ единственный доселѣ у насъ учебникъ русской археологін.

С. М. Соловьевъ обратилъ вниманіе на то, что сохраненіемъ памятниковъ старины всюду завѣдуютъ правительство и общество. Общество съ раннихъ поръ идетъ на помощь правительству: сначала частныя лица, а потомъ, при высшемъ развитіи общества, и цѣлыя общества. Онъ полагаетъ, что мы достигли этой высшей ступени, а между тѣмъ нѣкоторые хотятъ идти назадъ и обратиться къ правительству съ просьбою объ учрежденіи каѳедры для такой науки, границы которой еще не опредѣлены: почему же не обратиться къ существующимъ уже археологическимъ обществамъ и не открыть при нихъ курсъ археологін?

Графъ Уваровъ, соглашаясь съ общемою мыслию С. М. Соловьева—предоставить починъ преподаванія археологическимъ обществамъ,—замѣтилъ только, что въ этомъ дѣлѣ безъ помощи правительства мы еще не можемъ обойтись. При этомъ онъ возразилъ противъ невозможности устроить каѳедру для науки, предметъ которой будто бы еще не опредѣленъ, и сослался для примѣра на каѳедру славянскихъ нарѣчій, учрежденную лѣтъ 25-тъ тому назадъ, когда предметъ славянскихъ филологическихъ изученій гораздо менѣе точно былъ опредѣленъ, чѣмъ археологія въ наше время. На Западѣ она, какъ стройная наука, пользуется уже давно правомъ гражданства, и одинаковое право гражданства желаетъ онъ получить и для русской археологін въ русскихъ университетахъ. Пока археологія не войдетъ въ число наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, до тѣхъ поръ она сохранитъ характеръ шаткій. Ее будутъ изучать одѣльные лица; но общая масса не будетъ сознавать пользы археологін.

На это С. М. Соловьевъ возразилъ, что науку не слѣдуетъ запираить въ стѣнахъ университетовъ, хотя правительство не откажетъ въ помощи и хотя въ университетахъ обращаютъ вниманіе на археологію и вѣроятно примутъ къ свѣдѣнію и исполненію то, что будетъ сказано на Сѣздѣ, но университеты могутъ принять науку толь-

ко въ полномъ вооруженіи, а развиваться она должна въ курсахъ при археологическихъ обществахъ.

И. И. Срезневскій замѣтилъ, что оба мнѣнія можно помирить: и при существованіи университетскихъ курсовъ желательны курсы также и при археологическихъ обществахъ, которыми двигалась бы наука впередъ.

Ө. И. Буслаевъ напомнилъ, что въ духовныхъ заведеніяхъ преподаваніе археологій уже существуетъ.

На это П. И. Савваитовъ заявилъ, что въ новыхъ программахъ для семинарій археологія исключена, а прежде подъ названіемъ археологій разумѣлось только изъясненіе символическаго значенія облачений, обрядовъ, литургій и т. п. То же самое было и въ академіяхъ, только въ болѣе обширной рамкѣ.

То же самое подтвердилъ П. А. Лашкаревъ, добавивъ, что преподаваніе археологій тѣмъ необходимѣе въ духовныхъ заведеніяхъ, что на духовенствѣ лежитъ обязанность храненія памятниковъ. Но при всей желательности этого преподаванія, оно чрезвычайно трудно, ибо преподаванію тутъ должно предшествовать созданіе археологій въ самомъ обществѣ. Отсюда очевидна польза съѣздовъ, ибо они могутъ установить твердое воззрѣніе на археологію. Для обобщенія же археологическихъ свѣдѣній желательно, во 1-хъ, избраніе одного органа для помѣщенія статей археологическихъ, чѣмъ облегчено будетъ приобрѣтеніе сборниковъ для небогатыхъ духовныхъ училищъ; во 2-хъ, составленіе ученой систематической программы для церковной археологій.

На эти слова графъ Уваровъ замѣтилъ, что необходимо составить комиссію для обсужденія программы для преподаванія археологій и вмѣстѣ съ тѣмъ издать руководство для преподавателей и для учащихся русской археологій. Съѣздъ согласился съ мнѣніемъ гр. Уварова и постановилъ передать дальнѣйшее развитіе предпріятія по составленію какъ программы, такъ и руководства къ русской археологій существующимъ археологическимъ обществамъ.

Л. В. Даль предлагаетъ изданіе популярной русской исторіи съ археологическими картинками; на что было ему замѣчено, что такую исторію готовить къ изданію М. П. Погодинъ.

П. С. Казанскій доставилъ на Съѣздъ свои соображенія о преподаваніи археологій (приложеніе стр. 83—88).

За тѣмъ перешли къ обсужденію втораго общаго вопроса программы:

Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи?

Д. П. Сонцовъ предложилъ слѣдующее: «Я полагаю, сказалъ онъ, что было бы лучшею мѣрою къ сохраненію нашихъ древностей, если бы археологическія общества знали, гдѣ онѣ находятся и гдѣ вновь открываются. Для этого необходимо археологическимъ Обществамъ имѣть своихъ корреспондентовъ въ каждой изъ губерній, обязанность которыхъ состояла бы въ томъ, чтобы немедленно увѣдомлять Общества о всѣхъ памятникахъ древности, открываемыхъ въ ихъ мѣстностяхъ, съ описаніемъ и изображеніемъ предметовъ, и обозначеніемъ—въ чьихъ рукахъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ онѣ находятся: въ надежныхъ ли рукахъ или въ явной опасности исчезнуть безъ пользы для науки? Хорошо было бы также не ограничиваться при выборѣ корреспондентовъ, по былой методѣ, одними официальными по мѣсту

служенія археологами. Эта метода не оказалась удовлетворительной; при ней наиболѣе получалось увѣдомленій отрицательныхъ, отвѣтовъ за № такимъ-то; полезнѣе будетъ пригласить корреспондентовъ изъ мѣстныхъ жителей, которые не по одному служебному значенію, но по сочувствію къ археологiи, по трудамъ своимъ въ оной, могли бы практичнѣе и съ болѣющимъ усердіемъ исполнить принятую ими обязанность корреспондентовъ археологическихъ обществъ. Конечно, въ каждой губерніи найдутся такія полезныя личности, въ особенности въ наше время, когда столько молодыхъ людей, кончивъ курсъ, избираютъ мѣстомъ своей разносторонней дѣятельности не однѣ столицы. Другой способъ для полученія археологическихъ свѣдѣній изъ центра и съ окраинъ Россіи—пригласить губернскія вѣдомости помѣщать на столбцахъ своихъ археологическія открытія въ ихъ мѣстностяхъ и просить одну изъ столичныхъ газетъ о принятіи на себя труда собирать эти губернскія заявленія и имѣть для нихъ особый археологическій отдѣлъ въ своихъ столбцахъ. Я увѣренъ, что многіе изъ нашихъ редакторовъ не откажутъ въ своемъ содѣйствіи. Я предлагаю мѣры, зависящія отъ насъ, но вполнѣ сознаю, что для рациональнаго, прочнаго сохраненія еще остающихся у насъ памятниковъ древней Россіи, для защиты ихъ отъ совершеннаго разрушенія по невниманію, незнанію, неподдержкѣ ихъ хранителей, отъ попытокъ подновлять ихъ со стороны дилетантовъ-археологовъ, желательно было бы признанное вліяніе археологическихъ обществъ въ надзорѣ за сохраненіемъ древнихъ нашихъ памятниковъ, служащихъ живою лѣтописью славнаго прошлаго, мѣриломъ развитія всего быта нашихъ праотцевъ.

К. Л. Бестужевъ-Рюминъ представилъ докладъ о тѣхъ газетныхъ статьяхъ и частныхъ заявленіяхъ, которыя были присланы на Съѣздъ по вопросу о сохраненіи памятниковъ. Мѣры, предлагаемыя въ этихъ статьяхъ, суть: 1) Периодичность Съѣздовъ (Новое Время). 2) Основаніе мѣстныхъ археологическихъ обществъ (Паровозъ № 8). 3) Заведеніе мѣстныхъ музеевъ (Паровозъ № 8) (К. Г. Евлентьевъ изъ Пскова представилъ планъ подобнаго музея на развалинахъ Булгаръ; см. приложение стр. 89—95). При этомъ докладчикъ заявилъ о существованіи уже нѣкоторыхъ мѣстныхъ музеевъ, изъ которыхъ одинъ: Музей Новгородскаго Земства, составленный трудами Н. Г. Богословскаго, извѣстенъ по недавно вышедшему описанію. 4) Усиленіе участія губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ собираніи археологическихъ свѣдѣній (Паровозъ № 10: статья, перепечатанная изъ Русскихъ Вѣдомостей, и постановленіе Казанскаго Статистическаго Комитета). 5) Критическій выборъ археологическихъ статей изъ губернскихъ вѣдомостей (заявленіе членовъ Съѣзда: П. И. Мельникова и Н. Я. Аристова и постановленіе Казанскаго Статистическаго Комитета).

А. А. Мартыновъ указалъ на извѣстные ему примѣры невѣжественнаго обращенія съ памятниками въ слѣдующей рѣчи:

«По поводу вопроса, какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію древностей, позвольте мнѣ, Мм. Гг., сказать нѣсколько словъ о сокрушеніи памятниковъ старины въ нашемъ отечествѣ. Занимаясь болѣе двадцати лѣтъ изслѣдованіями и изданіемъ русской старины, я видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ ревнителей отечественныхъ древностей много случаевъ невниманія къ предметамъ старины. Несмотря на законъ, оградившій старину и сдѣлавшій ее такъ сказать неприкосновенною, она и по сіе время, можетъ быть даже и въ сію минуту, находится въ полномъ распоряженіи или ктитора церковнаго, или какого-нибудь сторонняго жертвователя.

Издавая «Русскую Старину», я помѣстилъ въ одну изъ тетрадей Введенскую церковь бывшаго Новинскаго монастыря въ Москвѣ. Старостою при этомъ храмѣ тогда былъ одинъ изъ именитыхъ гражданъ Москвы, желавшій во чтобы ни стало разобратъ старинную церковь и построить новую. Но въ то самое время, когда уже рука, утверждающая новый проэктъ, готовилась однимъ взмахомъ подписать сломку, рука Провидѣнія спасла отъ сокрушенія храмъ этотъ, потому именно, какъ значилось въ указѣ Консисторіи, что изображеніе и описаніе этой церкви уже вошли въ мое изданіе, посвященное Августѣйшему имени въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Не достигнувъ своей цѣли, ктиторъ возобновилъ храмъ почти въ томъ же видѣ. Не стану исчислять здѣсь всѣхъ церквей, разобранныхъ въ Москвѣ послѣ 1812 года; скажу только, что близъ Большаго театра, гдѣ въ послѣдствіи построенъ былъ сарай для декорацій, существовала церковь Спаса Преображенія, что въ Копѣ. Въ Кремлѣ, тамъ, гдѣ теперь мѣсто для парада войскамъ, стоялъ соборъ Святителя Николая Гостунскаго. Тщетно будемъ искать Царскую или гербовую башню, Троицкое подворье и много другихъ, можетъ быть, обѣтныхъ кремлевскихъ храмовъ. Снесена церковь Рождества Предтечи, бывшая на митрополичьемъ дворѣ Святителя Петра, памятникъ XV вѣка. Не желая приводить васъ, почтенные слушатели, въ ужасъ, я умолчу,—на какія потребности обращена церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы на Потѣшномъ дворцѣ. Нѣтъ уже болѣе башенъ при вѣздѣ на Большой каменный мостъ, и даже въ недавнее время, именно въ 1867 году, разобрана въ Москвѣ церковь Св. Захаріи и Елисаветы, построенная, какъ сказано въ просьбѣ храмоздательницы княгини Шаховской, «за здравіе Императрицы Елисаветы Петровны». Мѣста, занимаемые храмами, вопреки закона, ничѣмъ не обозначились и доселѣ не обозначаются. Москву называютъ деревнею; я радъ бы былъ, если бы ее назвали большимъ селомъ, потому что въ селахъ, безъ средствъ къ перестройкамъ, только и сохраняются древніе памятники и зодчества, и иконописи, и утвари.

Императора Николая Павловича, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву, сопровождалъ извѣстный французскій живописецъ Горасъ Вернетъ. Государь повезъ его на Воробьевы горы, поставилъ лицомъ къ своей первопрестольной столицѣ и спросилъ: что скажетъ онъ о Москвѣ?—«Ваше Величество, отвѣчалъ Вернетъ, Вы можете выстроить городъ, какой Вы хотите, но другой Москвы Вы не выстроите». Не обязываетъ ли это насъ всѣми силами стараться отстаивать сердце Россіи отъ разорителей и при томъ доморожденных? Иностранцы насъ удивляютъ своею внимательностію къ ихъ старинѣ, раскольники и старообрядцы намъ служатъ въ томъ примѣромъ. Въ недавнее время невѣжество грозило уничтоженіемъ Красныхъ и Воскресенскихъ воротъ; но, благодаря Бога, дѣло это не получило дальнѣйшаго хода, хотя и сѣкира была уже при корени. Здѣсь замѣтимъ особенность, поражающую каждаго новаго пріѣзжаго въ Москву. Желая осмотрѣть древности, онъ обращается къ возничему, чтобы тотъ везъ его къ Тверскимъ воротамъ; подъѣзжая къ Тверской площади, извозчикъ спрашиваетъ сѣдока-путешественника: куда прикажете поворотить?—Подъѣзжай къ самымъ воротамъ!—Да вотъ ворота, отвѣчаетъ положительно извозчикъ; но проѣзжій все-таки не видитъ ихъ. Ъдутъ далѣе къ Арбатскимъ, и тамъ тоже площадь, а воротъ невидно; къ Яузскимъ, и тутъ какъ бы ихъ никогда не существовало. Такъ скрыты съ лица земли десять воротъ, десять историческихъ памятниковъ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ письменности, къ утварямъ, къ внутреннимъ расписаніямъ церквей. Извѣстно миѣ, что въ одномъ изъ женскихъ монастырей, впрочемъ не московскихъ, въ ожиданіи пріѣзда новой игуменіи, готовились предать огню всѣ старинныя рукописи; въ одной пустыни, окруженной курганами, иноки рѣшительно отказались руководить любителей древностей, изъ опасенія какой-то мнимой отвѣтственности, и убрали всѣ найденные ими въ курганахъ предметы древности. Нерѣдко старинныя массивныя мѣдныя паникадила складываются на вѣчное храненіе и замѣняются сдѣланными изъ легкаго аплике. Куда дѣвались всѣ надгробныя памятники?—не только на погостахъ церковныхъ, со времени уничтоженія кладбищъ при церквахъ, но и въ самыхъ храмахъ мы ихъ рѣдко встрѣчаемъ; драгоценныя надписи навсегда изгладились. Мы тщетно будемъ искать плиту надъ казенною головою Соковнина, погребенною на погостѣ церкви Святителя Николая, что у Красныхъ колоколовъ, тогда какъ трупъ его лежитъ на одномъ изъ убогихъ домовъ. Мы уже не прочтемъ на камнѣ въ церкви Святаго Георгія, что у Старыхъ тюремъ, повѣствованія: какъ отъ неожиданной радости мать, при видѣ своего сына, именно математика Леонтія Магницкаго, скончалась мгновенною смертію. Старинныя колокола, эти благовѣстники, призывающіе къ молитвѣ, не менѣе того призываютъ и археолога къ изслѣдованіямъ: на одномъ вы прочтете урочище, о которомъ не имѣли прежде никакого понятія, на другомъ вкладчика, какъ напримѣръ князя Пожарскаго, при церкви Зачатія Святыя Анны, въ углу Китая города. Москвичи и по сіе время убѣждены, что упраздненный въ Москвѣ монастырь Андреевскій въ Плѣницахъ получилъ названіе отъ плѣнниковъ, здѣсь содержавшихся. Но что же даетъ намъ настоящее понятіе объ этомъ урочищѣ?—Надпись на мѣстной иконѣ Святаго Андрея Стратилата, свидѣтельствующая, что «си образъ принесенъ бысть изъ селца глаголемаго Пленницы; егда будетъ церковь, си образъ паки отнести тамо». Не драгоценны ли, поистинѣ, подобныя надписи, на чемъ бы мы ихъ ни встрѣтили? Въ бытность мою въ Новгородѣ, я самъ видѣлъ, осматривая Городищенскую церковь, столбики отъ древнихъ царскихъ дверей, обреченные на топливо. Счастливъ тотъ археологъ, который не живетъ на погостѣ церковномъ; сердце его изныло бы отъ подобныхъ случаевъ; не даромъ говоритъ русская пословица: на погостѣ жить—обо всемъ тужить.

Щелеобразныя окна въ церквахъ и доселѣ раздѣляются, подъ предлогомъ темноты въ храмѣ; но неужели свѣчи воску яраго не освѣщаютъ, какъ прежде, лика святыхъ и не даютъ возможности продолжать чтеніе при наступленіи темноты? Стѣнная живопись представляетъ, по часту, орнаменты, заимствованные изъ новѣйшихъ безтолковыхъ рисунковъ.

Однажды въ Кремлѣ вихремъ снесло желѣзныя кровли съ алтарныхъ выступовъ на церкви Дванадцати Апостоловъ; обнаженные стѣны показывали, что кровли первоначально были ниже, что онѣ теперь закрывали украшенія; но какъ нашъ древній Кремль и по сіе время не имѣетъ своего собственнаго блюстителя старины, не смотря на то, что во многихъ губерніяхъ уже имѣются епархіальныя архитекторы, то невѣжественная рука кровельщика по прежнему и по тѣмъ же стропиламъ закрыла желѣзными листами, и можетъ быть закрыла на вѣки, самымъ Провидѣніемъ открытыя украшенія.

Дѣйствительно правда, какъ выразился г. профессоръ Казанскій, что намъ не нужно болѣе ни приказаній, ни Высочайшихъ повелѣній: ихъ уже довольно намъ

объявлено; намъ нужно желать исполнителей этихъ повелѣній, исполнителей не смотрящихъ сквозь пальцы на цѣлость старины русской, не поощряющихъ наградами нарушителей закона.

Извѣстно каждому, что самодержцы наши Николай I и Александръ II являли безпрестанную заботу о сохраненіи отечественныхъ древностей. Николай Павловичъ, услыхавъ о предполагаемой будто бы разломкѣ воротъ съ теремомъ бывшаго Крутицкаго архіерейскаго дома, строго воспретилъ приводить въ исполненіе это невѣжественное предпріятіе, а нынѣ благополучно царствующій Императоръ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, въ пріѣздъ свой въ Звенигородъ, уѣздный городъ Московской губерніи, извѣстившись, что власти Звенигородскія намѣревались разобрать городской соборъ, древнѣйшій памятникъ русскаго зодчества XII вѣка, выразился, что Англичане на подобный храмъ устроили бы непременно футляръ.

Кстати объ Англичанахъ. Москву какъ-то посѣтилъ англійскій путешественникъ, многосторонне образованный. Чѣмъ угостить заѣзжаго гостя? Начали возить его по кадетскимъ корпусамъ, выѣхали всѣ пожарныя команды на Дѣвичье поле. Но не этого искалъ нашъ путешественникъ въ древней первопрестольной столицѣ русской. Между прочимъ онъ выразилъ желаніе видѣть памятникъ боярину Артамону Матвѣеву, скончавшемуся вѣнцемъ страданія отъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Власти московскія въ смущеніи начали переглядываться, вѣроятно не зная совершенно о существованіи памятника, ни о существованіи мученика-боярина, но къ счастью кто-то вывелъ ихъ изъ затрудненія и предложилъ вести Англичанина къ церкви Святителя Николая, что въ Столпахъ.

Щедрою рукою жалуя нашему Московскому Археологическому Обществу Берсневскій домъ, Вѣнценосный уроженецъ Москвы указываетъ сохранить характеръ этого зданія, не измѣнять существенныхъ принадлежностей его архитектуры. Будемъ же слѣдовать Его указаніямъ, и не въ одномъ этомъ случаѣ; иначе посраимъ себя и сдѣлаемся ослушниками Монаршей воли».

Послѣ этого Н. А. Поповъ извѣстилъ, что древнія стѣны Коломенскаго кремля готовятся къ сломкѣ. По случаю этого заявленія Съѣздъ постановилъ сдѣлать особое представленіе чрезъ Министра народнаго просвѣщенія о сохраненіи стѣнъ Коломенскаго кремля.

П. И. Мельниковъ также сообщилъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему примѣрахъ невѣжественнаго обращенія съ памятниками старины.

Д. М. Струковъ указалъ на вредъ, причиняемый древностямъ такъ называемой «ходьбою», и представилъ слѣдующую записку:

«Металлическія старинныя вещи преимущественно сохранились въ православныхъ монастыряхъ и церквахъ, находящихся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ православнаго духовенства—людей сочувствующихъ дѣлу благолѣпія храмовъ; но большинство ихъ совершенно незнакомо съ значеніемъ старины и древностей церковныхъ, такъ какъ въ семинаріяхъ нѣтъ преподаванія археологій.

Слѣдствіемъ невѣдѣнія въ средѣ духовенства нерѣдко бываетъ, что замѣчательныя по древности, по искусству или для исторіи вещи вымѣниваются на предметы новые, а старые отдаются въ обмѣнъ или продаются за ничтожную плату; покупателями являются преимущественно люди, переходящіе всю Россію изъ конца въ конецъ, называемые на языкѣ торговцевъ московскаго серебрянаго ряда—*ходьба*. Эти промыш-

лениями не имѣютъ ничего общаго съ такъ называемыми *офенями*. Офени преимущественно уроженцы Владимірской губерніи, а «ходьба» — Московской губерніи, Подольскаго уѣзда, гдѣ цѣлыя волости занимаются металлическимъ церковнымъ производствомъ.

«Ходьба» свой промыселъ ведетъ — приобретаая вещи преимущественно на наличныя деньги, и приобретенное большею частію безъ разбора ломаетъ и переливаетъ въ слитки, какъ напримѣръ древній басменъ, оклады, кресты и проч., а парчу и вышиванье золотомъ и серебромъ на мѣстѣ купли обращаетъ въ выжигу и въ этомъ видѣ продаетъ купцамъ, торгующимъ золотомъ и серебромъ. Эта промышленность есть одна изъ вреднѣйшихъ для древнихъ и старинныхъ вещей.

Мнѣ часто приходилось видѣть этотъ способъ уничтоженія; такъ напримѣръ: въ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ на образѣ Богоматери, принесенномъ дочерью царя Іоанна IV Еленою, серебряный басменный окладъ XIII вѣка, а можетъ быть и старѣе, въ 1864 году я видѣлъ цѣлымъ и сохраннымъ, но уже въ 1868 году этотъ древній окладъ замѣненъ новою ризою, и самый ликъ бывшаго превосходнаго греческаго письма записанъ новою масляною краскою.

Въ Москвѣ, въ церкви Св. Николая чудотворца, что въ Голутвинѣ, образъ Богоматери, именуемой Кипрскою, былъ древняго хорошаго греческаго письма и имѣлъ на себѣ окладъ серебрянаго древняго басмена; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ басменъ замѣненъ новою ризою и самый образъ записанъ вновь плохимъ живописцемъ.

Такихъ примѣровъ пересчитать невозможно, а въ сельскихъ церквахъ почти всюду «ходьба» все скупилъ и переплавливаетъ скорѣе. Къ сожалѣнію, отъ этихъ промышленниковъ весьма рѣдко попадаютъ вещи въ руки любителей старины. Причину скорого обращенія вещей въ сплавленный металлъ можно искать въ темнотѣ этого промысла, ибо покупатели и продавцы хорошо знаютъ о существованіи указовъ, запрещающихъ уничтоженіе древностей.

При обзорѣ ризницъ въ церквахъ и монастыряхъ встрѣчаются весьма рѣдко описи, составленныя ясно и подробно. Большею частію древнія и старинныя вещи обозначены фразою: «ветхи» или и совсѣмъ не записаны, — такъ напр: облаченія, вышитыя золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, нерѣдко обозначены такъ: «риза шитая», «риза съ жемчугомъ», «воздухи шитые», «крестъ серебряный», «крестъ металлическій», «крестъ обложенъ металломъ», «Евангеліе въ переплетѣ», «Евангеліе въ окладѣ» и т. п., безъ означенія подробностей, такъ что ихъ всегда весьма удобно вымѣнять на новую вещь; такъ въ ризницѣ Владимірскаго Рождественскаго монастыря есть Евангеліе, гдѣ окладъ съ надписью 1346 г., а текстъ печатный 1804 г.

Представляя вниманію Съѣзда вышеозначенное, имѣю честь предложить мѣры для будущаго охраненія памятниковъ старины:

- 1) Ходатайствовать предъ правительствомъ объ уничтоженіи промысла «ходьбы» или принять мѣры, чтобы покупки ея были заявляемы: въ столицахъ — членамъ археологическихъ обществъ, а въ губернскихъ городахъ — статистическимъ комитетамъ.
- 2) Исходатайствовать Обществамъ разрѣшеніе для свободнаго обзора всѣхъ церковныхъ хранилищъ.
- 3) Обзорѣть ризницы членамъ Археологическихъ Обществъ и занести въ установленную для сего книгу съ своими замѣчаніями.

4) Ходатайствовать о введеніи преподаванія въ семинаріяхъ археологіи церковной и вообще свѣдѣній о значеніи старины.

5) Предложить начальству духовно-учебныхъ заведеній имѣть кабинеты съ образцами старинныхъ вещей и иконописи.

При этомъ были заявлены двѣ записки, относящіяся до вопроса о сохраненіи памятниковъ, одна г. Николая Горожанскаго (приложеніе стр. 96—104), другая члена Съѣзда И. Голышева (приложеніе стр. 105—107).

Графъ М. В. Толстой добавилъ, что необходимо издать наиболѣе рисунковъ, которые сохранять видъ памятниковъ, когда самые памятники ежедневно погибаютъ или отъ времени, или отъ руки человѣческой. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень полезно составить путеводители къ древностямъ.

Графъ Уваровъ полагаетъ, что всѣ эти мѣры не вполне достигаютъ цѣли, потому что хотя всѣ онѣ имѣютъ въ виду сохраненіе памятниковъ, но не указываютъ на лица, на которыхъ будетъ лежать отвѣтственность за поврежденіе или уничтоженіе памятника. Во Франціи сохраненіе памятниковъ составляетъ особую организацію: вся страна раздѣлена на археологическіе округа; въ каждомъ округѣ находится лицо, отвѣчающее за сохраненіе памятниковъ, *le conservateur des monuments*. Такимъ былъ долгое время Просперъ Мериме. Затѣмъ составляется опись памятникамъ, признаннымъ историческими и заслуживающими сохраненія; въ особой графѣ отмѣчается положеніе, въ которомъ находится памятникъ, и какая сумма требуется на его поддержаніе. За всѣ памятники, такимъ образомъ внесенные въ списокъ, отвѣчаетъ консерваторъ, и законы о сохранности такъ строги, что даже владѣлецъ частнаго памятника, на примѣръ зámка, признаннаго историческимъ монументомъ, не вправе поправлять его, а тѣмъ болѣе перестраивать безъ разрѣшенія мѣстнаго консерватора. Такія мѣры необходимы и для Россіи.

Нѣкоторые члены Съѣзда замѣтили, что въ XII томѣ Св. Зак., въ ст. 181 и 182, опредѣлено, что охраненіе памятниковъ принадлежитъ городу, а въ случаѣ отреченія города отъ этой обязанности, — Министерству путей сообщенія, которое впрочемъ не всегда въ состояніи исполнить эту возложенную на него обязанность. Вообще, какъ замѣтилъ Л. В. Даль, храненіе памятниковъ, лежащее на обязанности полиціи, архитекторовъ и духовенства, не весьма надежно, потому что, кромѣ своихъ особыхъ занятій, эти лица не имѣютъ надлежащей археологической подготовки. Въ заключеніе принято было Съѣздомъ составить комиссію изъ членовъ Московскаго и Петербургскаго археологическихъ Обществъ, которая обязана будетъ представить будущему Съѣзду тѣ мѣры, которыя оно признаетъ самыми дѣйствительными для охраненія отечественныхъ памятниковъ отъ всякихъ поврежденій.

За тѣмъ приступлено къ обсужденію четвертаго вопроса:

Составленіе археологическихъ картъ, чертежей и т. п., между прочимъ, такой карты, на которой были бы обозначены лишь мѣста битвъ, съ указаніемъ когда и съ кѣмъ онѣ происходили, а также раскопокъ, если такія были произведены.

По поводу составленія картъ П. П. Муромцевъ предложилъ четыре вопроса:

1) Нужно ли обозначать всѣ типы кургановъ? 2) Какъ составлять курганные карты? 3) Какъ составить собственно археологическую карту? 4) Нужны ли для археологическихъ обществъ краниологическія собранія? При этомъ онъ разъяснилъ и свое воззрѣніе на эти вопросы (приложеніе стр. 114—123).

В. Г. Тизенгаузенъ заявилъ, что карта кургановъ для южной Россіи существуетъ: она издана была въ Военно-топографическомъ Депо.

Къ этому В. А. Афанасьевъ-Чужбинскій добавилъ, что упомянутая карта слишкомъ мала по размѣру, и что существуетъ гораздо больше родовъ кургановъ, чѣмъ полагаетъ г. Муромцевъ.

Графъ Уваровъ отрицалъ возможность составленія курганной карты по одной виѣшней формѣ насыпей, безъ особыхъ археологическихъ раскопокъ, потому что, по его мнѣнію, невозможно по одной формѣ кургановъ рѣшить—какому народу они принадлежатъ.

В. Г. Тизенгаузенъ подтвердилъ мнѣніе графа Уварова, а А. С. Гацисскій указалъ на то, что легко иногда принять за курганъ естественную возвышенность, какъ это случилось въ Нижегородской губерніи.

Дальнѣйшее обсужденіе отложено до слѣдующаго засѣданія, а самая разработка дѣйствительныхъ мѣръ къ сохраненію памятниковъ передана Московскому и Петербургскому Обществу, съ тѣмъ чтобы особый объ этомъ докладъ былъ представленъ на обсужденіе втораго Съѣзда.

Третье засѣданіе 27 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ А. Θ. Вельтмана. На очереди стоялъ 5-й вопросъ:

Архивы. Какіе документы должны составлять архивъ? Раздѣленіе архивовъ на частныя и общественныя или правительственныя. Какія должны быть постановлены правила при разборѣ документовъ съ цѣлью признанія однихъ подлежащими храненію, а другихъ уничтоженію? Какіе должны быть приняты способы храненія документовъ въ архивахъ для предохраненія ихъ отъ сырости, огня и порчи? На какіе отдѣлы должны быть распределяемы и какъ должны быть размѣщаемы документы для занятія ими въ архивѣ возможно меньшаго пространства и для удобнѣйшаго пользованія ими? Какіе реестры или другаго рода описанія должны быть имъ составляемы? Что изъ этихъ описаній подлежитъ изданію въ свѣтъ и что должно быть предметомъ секретныхъ отдѣловъ архивовъ? Какія лица и въ какомъ составѣ должны быть назначаемы для завѣдыванія архивами, приведенія ихъ въ порядокъ, описанія и повѣрки документовъ, а также какія должны быть правила для повѣрки дѣятельности означенныхъ лицъ и ревизіи самихъ архивовъ высшими правительственными органами? Какія должны быть правила относительно предоставленія архивныхъ документовъ въ пользованіе мѣстамъ и лицамъ, правительственнымъ и частнымъ, какъ для справокъ, такъ и для ученыхъ разысканій?

По этому вопросу Н. В. Калачовъ прочиталъ свой докладъ (приложеніе стр. 207—218).

По поводу этого доклада Н. А. Поповъ высказалъ, что по его мнѣнію Археологическій Съѣздъ, во 1-хъ, долженъ отозваться на заявленіе, сдѣланное Н. В. Калачовымъ и указать на необходимыя мѣры къ сохраненію старинныхъ актовъ. Хотя старинные акты уничтожаются очень часто въ огромномъ количествѣ, по все-таки остается масса ихъ, сбереженіе которой требуетъ большаго труда и большихъ издержекъ, а потому завѣдываніе архивами должно принадлежать правительству. Во 2-хъ, способомъ къ легчайшему сохраненію старинныхъ актовъ можетъ служить образованіе центральныхъ архивовъ, примѣръ чему уже имѣется въ Кіевѣ и Вильнѣ;

но, къ сожалѣнію, нѣтъ центральныхъ архивовъ ни для Новороссійскаго края въ Харьковѣ, ни для Вольскаго края въ Казани, и врядъ ли существуютъ подобныя архивы въ Тифлисѣ и Сибири. Между тѣмъ, содержаніе одного центрального архива сократило бы расходъ на многочисленныя мѣстные архивы, существующіе по городамъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что очень важно принять для нихъ раздѣленіе, существующее въ дѣлахъ консульствъ французскаго и англійскаго на Востокѣ, гдѣ всѣ дѣла раздѣляются на дипломатическія и канцелярскія. Въ случаѣ разрыва съ дворомъ, дѣла канцелярскія оставляются на произволъ судьбы, а дипломатическія увозятся. Точно такое же раздѣленіе слѣдовало бы сдѣлать и въ нашихъ архивахъ, и такимъ образомъ дѣла, признанныя канцелярскими, могли бы быть уничтожены.

Н. В. Калачовъ объяснилъ, что мысль объ образованіи центральныхъ архивовъ чрезвычайно полезна и даже отчасти имѣлась уже въ виду; такъ, напримѣръ, графъ Блудовъ нѣсколько разъ говорилъ, что онъ мечтаетъ о такихъ центральныхъ архивахъ и даже готовилъ объ этомъ докладъ Государю; все затрудненіе заключалось въ томъ, что каждое у насъ министерство имѣетъ свой собственный архивъ и считаетъ своею обязанностію выдавать справки и получать бумаги только по дѣламъ своего вѣдомства. Во всякомъ случаѣ, если Съѣздъ находитъ полезнымъ такую мысль, то не лишнимъ было бы поддержать ее и указать о ней въ докладѣ Министру. Въ настоящее время одно только Министерство Юстиціи старается объ образованіи центральныхъ архивовъ, и къ такимъ архивамъ относится Московскій архивъ Министерства Юстиціи.

Послѣ того членъ Съѣзда Гацисскій сдѣлалъ свои замѣчанія по тому же вопросу и въ заключеніе заявилъ, что по случаю мысли, высказанной Н. В. Калачовымъ объ опасности, угрожающей нашимъ письменнымъ памятникамъ, въ настоящее время существуетъ циркуляръ Министра внутреннихъ дѣлъ, основанный на общемъ совѣщаніи съ Министромъ юстиціи, въ которомъ признано полезнымъ привлечь къ разбору мѣстныхъ архивовъ статистическіе комитеты, и, какъ видно изъ протоколовъ этихъ комитетовъ, разборъ дѣлъ въ большинствѣ случаевъ производится весьма успѣшно.

Одинъ изъ членовъ высказалъ желаніе, чтобы письменные памятники первостепенной исторической важности снимались въ вѣрныхъ копіяхъ или факсимиле, и такимъ образомъ могли бы замѣнить утрату оригиналовъ; во вторыхъ, чтобы историческіе документы, имѣющіе важность второстепенную, печатались въ какомъ либо определенномъ сборникѣ слово въ слово, буква въ букву, и наконецъ, чтобы изъ памятниковъ географическихъ и статистическихъ дѣлались краткія извлеченія. Тогда можно будетъ припомнить слова, сказанныя митрополитомъ Евгеніемъ: «если памятникъ, вѣрно изданный, не сохранится, то сожалѣть не можемъ».

А. А. Мартыновъ, по поводу высказаннаго опасенія за письменные памятники, прочелъ слѣдующее:

«Коснувшись въ одномъ изъ общихъ собраній сокрушенія памятниковъ нашей старины, я не могу умолчать и о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ находится дѣла, размѣщенные по башнямъ, частію Кремля, частію Китая - города. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, если еще не болѣе, былъ составленъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ тогдашняго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго для приведенія въ извѣстность помянутыхъ дѣлъ; но—странное обстоятельство,—комитетъ этотъ по сіе

время ни одного раза не собирался. Недоумѣваемъ, что́ тому причиною. Неужели члены его не сознають тѣхъ дѣлъ довольно состарѣвшимися, чтобы утвердить за ними права гражданства? Между тѣмъ тамъ находились, не знаемъ находятся ли теперь, даже и чертежи города. Говорю: находились, потому что одинъ изъ нашихъ сочленовъ, желая воспользоваться фактами по дѣламъ объ открытіи Московской губерніи и вѣдая, что онѣ значатся подъ №№ 14, 20 и 21, дѣйствительно нашелъ на одной изъ башенъ картоны съ этими нумерами, но самыхъ дѣлъ уже не оказалось: бумага тлѣетъ и уничтожается. Но когда же соберется этотъ комитетъ? Можно ли надѣяться, что къ столѣтнему юбилею перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ наши потомки, въ видѣ доклада, получатъ толковый каталогъ дѣламъ этого архива? Не должно оставлять безъ вниманія и архивъ бывшей Коммисіи для строеній въ Москвѣ: дѣла въ высшей степени интересныя переданы или въ Городскую Думу, или въ преобразованный изъ Коммисіи IV Округъ корпуса путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Въ заключеніе представлю еще примѣръ нерадѣнія, не знаю впрочемъ чьего, къ сохраненію памятника, если не глубокой древности и не почтенной старины, то по крайней мѣрѣ памятника историческаго. Въ сторонѣ отъ Дорогомиловской дороги, верстахъ въ четырехъ съ небольшимъ отъ заставы нашей столицы, на открытомъ полѣ стояла такъ называемая Кутузовская изба. Деревянный домикъ этотъ находился прежде въ ряду избъ деревни Фили; въ 1812 году онъ принадлежалъ крестьянину Флорову, а въ 1852 году сыну его Ивану Скачкову. Въ послѣдствіи селеніе Фили перенесено на другое мѣсто, но историческая изба оставлена. Въ этой избѣ князь Кутузовъ съ Беннгсеномъ, Барклаемъ де-Толли, Дохтуровымъ, Уваровымъ, Остерманомъ, Раевскимъ, Коновницынымъ, Ермоловымъ, въ военномъ совѣтѣ 1 сентября 1812 года, рѣшилъ сдать Москву Наполеону. На ветшавшій все болѣе и болѣе этотъ домикъ въ три окошечка сдѣланъ былъ футляръ, т. е. стѣны тесовыя съ окнами, подъ деревянною крышею. Владѣлецъ Филей, Эммануилъ Димитріевичъ Нарышкинъ, въ теченіе 16 лѣтъ жертвовалъ на содержаніе и охраненіе этой избы по двѣсти рублей въ годъ. Съ осени 1867 года сторожъ былъ уволенъ и изба заколочена, представляя видъ опустѣлаго, осиротѣлаго жилища. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 года г. Нарышкинъ изъявилъ желаніе подарить эту избу городу. Но спустя нѣсколько дней, а именно 7 іюля вечеромъ, отъ неизвѣстной причины, какъ говорится обыкновенно въ казусныхъ случаяхъ, необитаемая изба эта вдругъ загорѣлась, и въ настоящее время памятника не существуетъ. Остается жалѣть, что владѣлецъ Филей не успѣлъ раньше передать городу достопамятный домикъ, и что никто, кому это надлежало вѣдать, видя его заколоченнымъ, не озаботился ассигновать на содержаніе этого скромнаго памятника и сторожа требуемую сумму.

Милостивые государи! Долгомъ поставляю принести вамъ мою благодарность за знаки одобренія, которыми вы увѣнчали первое мое заявленіе о сокрушеніи отечественныхъ памятниковъ старины. Не отношу этого лично къ себѣ, но принимаю тогдашнія ваши рукоплесканія за выраженіе сочувствія словамъ моимъ, а потому мысленно рукоплещу и я вамъ, почтенному ученому собранію.

Сегодня мы завершаемъ Съѣздъ нашъ. Собравшись нѣсколько дней тому назадъ въ этихъ стѣнахъ чуть не со всѣхъ концовъ Россіи, мы, Москвичи, со многими изъ членовъ Съѣзда впервые встрѣтились, но за то расстаемся, смѣло могу сказать,

друзьями. Не малое воинство съѣхалось въ первопрестольную столицу нашу; съ такимъ числомъ ратниковъ побѣждали не рѣдко и многочисленныя толпы варваровъ непріятелей! Вооруженные любовію къ старинѣ отечественной, начнемъ и мы воздвигать нерукотворенныя археологическія сторожевыя курганы, и будемъ дозорнымъ окомъ наблюдать за сохраненіемъ неоцѣненныхъ памятниковъ старины русской».

Затѣмъ членъ Съѣзда В. И. Б у т о в с к і й прочелъ записку о трудахъ, предпринятыхъ имъ по части снятія рисунковъ съ древнихъ рукописей и вещей; при этомъ онъ объяснилъ, какъ Строгоновское училище рисованія имѣетъ цѣлью примѣнить эти древніе орнаменты русскаго стиля къ теперешнимъ произведеніямъ мануфактуры. Многочисленные опыты увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и В. И. Б у т о в с к і й указалъ, какимъ образомъ эти опыты удостоились полного одобренія не только на нашихъ выставкахъ, но и въ Парижѣ.

Четвертое засѣданіе 28 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ М. П. Погодина.

М. П. Погодинъ окончилъ свое чтеніе «О судьбахъ археологіи въ Россіи» (приложеніе стр. 17—74).

Графъ Уваровъ предложилъ обратиться къ обсужденію всѣхъ остальныхъ общихъ вопросовъ, которые не были еще на очереди. Первый изъ нихъ: *О пользѣ періодичности археологическихъ съѣздовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи*, сообщенный двумя членами, Н. Сементовскимъ и А. Киркоромъ, привелъ обоихъ членовъ, хотя одинъ живетъ на югѣ—въ Кіевѣ, а другой—въ Петербургѣ, къ одному и тому же выводу, что только тогда археологическія съѣзды могутъ принести дѣйствительную пользу, когда послѣ извѣстнаго періода времени они будутъ возобновляться и будутъ каждый разъ выбирать другой городъ для своихъ засѣданій.

И. И. Срезневскій сказалъ, что подобный вопросъ не можетъ подлежать сомнѣнію, и что слѣдуетъ только согласиться о мѣстѣ, гдѣ долженъ собраться будущій съѣздъ.

М. П. Погодинъ предложилъ Кіевъ, указывая что этимъ возбуждена будетъ дѣятельность мѣстныхъ археологовъ на пользу русской науки, при чемъ онъ добавилъ, чтобы кіевскіе археологи позаботились о матеріалахъ для такого съѣзда.

И. И. Срезневскій замѣтилъ, что сперва слѣдуетъ опредѣлить періодичность съѣздовъ, и съ своей стороны предложилъ собраніе съѣзда года черезъ два или три.

Съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать о періодичности съѣздовъ черезъ каждые три года. При этомъ графъ Уваровъ напомнилъ, что инициативу будущаго съѣзда приметъ на себя отчасти тотъ комитетъ, который останется для распоряженій по печатанію «Трудовъ Съѣзда» и по ходатайствамъ и постановленіямъ теперешняго Съѣзда. Къ этому комитету навѣрно присоединить и Петербургское Археологическое Общество свою дѣятельность.

За тѣмъ гр. Уваровъ предложилъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ: *Въ какихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ по губерніямъ и областямъ Россіи могутъ или должны сосредоточиваться мѣстныя археологическія работы? Какъ велика можетъ быть степень участія статистическихъ комитетовъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ вообще?*

При этомъ было прочитано слѣдующее мнѣніе Казанскаго Статистическаго Комитета: «Московское Археологическое Общество, извѣщая Комитетъ объ открытіи въ Москвѣ, съ Высочайшаго соизволенія, Съѣзда русскихъ археологовъ, проситъ содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, успѣху онаго. Обсуждая настоящее предложеніе

Археологическаго Общества, Комитетъ находить, что оно можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: во 1-хъ, относительно вообще участія комитетовъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ, и во 2-хъ, собственно въ предполагаемомъ Сѣздѣ. Что касается перваго вопроса, то, говоря вообще, при отсутствіи въ средѣ членовъ комитетовъ лицъ, специально знакомыхъ съ археологіей, какъ съ наукой, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ были бы хорошо извѣстны мѣстные памятники старины, нельзя думать, чтобы содѣйствіе комитетовъ было успѣшно до тѣхъ поръ, пока въ члены не будутъ избраны такія лица изъ мѣстныхъ археологовъ.

Опредѣляя собственно степень своего участія въ археологическихъ изслѣдованіяхъ, Казанскій Статистическій Комитетъ находить, что археологическія работы въ Казанской губерніи были весьма незначительны, отрывочны, случайны. Главное археологическое ея богатство состоитъ въ остаткахъ болгарскаго и татарскаго царствъ; второстепенное значеніе имѣютъ древности языческія и позднѣйшія христіанскія. Въ первомъ отношеніи кое-что сдѣлано нашими оріенталистами, но многое еще остается сдѣлать. Остатки старины, случайно открываемые и состоящіе главнымъ образомъ въ монетахъ и обломкахъ вещей обыденнаго быта или украшеній, находятся преимущественно въ частныхъ рукахъ (собраніе монетъ у г. Савельева, кабинетъ древностей у г. Лихачева). Описанія нѣкоторыхъ древностей, или указанія на нихъ, были помѣщены въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, памятныхъ книгахъ и другихъ изданіяхъ. Собрать эти свѣдѣнія въ одно цѣлое и составить, по возможности, полное ихъ описаніе—это, по мнѣнію Комитета, должно быть имъ принято на свою обязанность и помѣщено въ предполагаемомъ изданіи его трудовъ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса объ участіи комитетовъ въ русскомъ археологическомъ Сѣздѣ, Казанскій Статистическій Комитетъ, вполне оцѣнивая всю его важность для русской археологической науки, сознаетъ, что статистическіе комитеты, какъ единственныя ученые учрежденія, существующія въ каждомъ губернскомъ городѣ (хотя и не съ исключительно археологическими цѣлями), которымъ болѣе или менѣе извѣстны мѣстные памятники старины,—должны быть дѣятельными пособниками специальныхъ археологическихъ учреждений, а вслѣдствіе этого должны принять дѣйствительное участіе въ Сѣздѣ и имѣть на немъ своихъ представителей: во 1-хъ потому, что только чрезъ ихъ посредство комитеты могутъ участвовать въ рѣшеніяхъ Сѣзда по различнымъ вопросамъ, касающимся отечественной археологіи, и во 2-хъ потому, что только Сѣздъ, при слабомъ развитіи у насъ археологической науки, можетъ дать имъ методъ и приемы въ археологическихъ изслѣдованіяхъ и научить ихъ, что имъ дѣлать. Но въ этихъ видахъ необходимо, чтобы выбранное Комитетомъ лице было основательно знакомо съ географіей мѣстныхъ древностей, съ остатками укрѣпленій и различными архитектурными памятниками; оно должно имѣть общія свѣдѣнія о мѣстѣ и развалинахъ болгарскихъ городовъ,—изучить все то, что о нихъ было писано, и быть наглядно и по описаніямъ знакомо съ тѣмъ, что имѣется древняго у насъ, по крайней мѣрѣ съ XVI вѣка; и наконецъ такое лице должно имѣть любовь къ предмету своихъ занятій.

Соображая все это и признавая лицомъ наиболѣе соответствующимъ этимъ условіямъ члена археологическихъ обществъ В. К. Савельева, служащаго въ правленіи Университета, Комитетъ опредѣляетъ: 1) пригласить г. Савельева чрезъ попечителя учебнаго округа быть его представителемъ на Археологическомъ Сѣздѣ въ Мо-

свѣѣ, отпустивъ ему прогоны до Москвы и обратно и суточные деньги на мѣсяць изъ суммы, назначенной по примѣч. къ 21-й ст. Положенія о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ. 2) Предложить, отъ лица г. председателя Комитета, гг. Савельеву и Буличу званіе дѣйствительныхъ членовъ Комитета съ тѣмъ условіемъ, чтобы они приняли участіе въ трудахъ Комитета по всѣмъ вопросамъ, касающимся отечественной археологіи, въ разработкѣ которыхъ пришлось бы участвовать Комитету. 3) Копію съ настоящаго журнала препроводить въ Московское Археологическое Общество и Центральный Статистическій Комитетъ».

По поводу участія статистическихъ комитетовъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ, И. И. Василевъ заявилъ, что при командировкѣ его Псковскій Комитетъ выразилъ почти ту же мысль, что и Казанскій Статистическій Комитетъ; а именно— въ препровожденной къ нему отъ председателя Комитета бумагѣ сказано: «Комитетъ ожидаетъ отъ васъ, по возвращеніи изъ командировки, получить соображенія относительно тѣхъ предметовъ его дѣятельности, которые могутъ имѣть соотношеніе къ предметамъ занятій предстоящаго Съѣзда». При этомъ, не смотря на общее сочувствіе членовъ Комитета къ Археологическому Съѣзду, первымъ вопросомъ поставленъ былъ слѣдующій: какая связь можетъ быть между статистикою и археологіею? По положенію о комитетахъ и циркулярамъ Министра внутреннихъ дѣлъ, статистическіе губернскіе комитеты суть учено-административныя учрежденія, и слѣдовательно археологія, какъ наука, можетъ входить въ предметы ихъ занятій; но, съ другой стороны, указанное выраженіе можно понимать и такъ, что статистическіе комитеты свѣдѣнія свои по статистикѣ должны обрабатывать научнымъ образомъ. Между тѣмъ въ комитеты за свѣдѣніями обращаются чуть ли не всѣ ученые общества, и прежде чѣмъ комитетъ сдѣлаетъ распоряженіе о собираніи такихъ свѣдѣній, всякій разъ подымается вопросъ, обязательно ли исполненіе подобнаго рода просьбъ или требованій. Изъ этого можно вывести такое заключеніе, что еще до сего времени не уяснено то отношеніе, въ которомъ должны стоять статистическіе комитеты къ требованіямъ науки и ученыхъ обществъ, и что собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для ученыхъ обществъ, весьма часто могутъ быть отнесены къ постороннимъ занятіямъ и производимы съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ слѣдовало и какъ того требуетъ точность научныхъ выводовъ. По мнѣнію г. Василева для того, чтобы освободить статистическіе комитеты отъ предварительнаго обсужденія одного и того же вопроса, обязательно ли или нѣтъ собираніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній, равно и для того, чтобы поставить ученыхъ общества въ прямое къ статистическимъ комитетамъ отношеніе, не излишне было бы на настоящемъ Съѣздѣ разъяснить: чѣмъ могутъ быть полезны статистическіе комитеты ученымъ обществамъ?

По поводу того же вопроса Н. П. Бочаровъ развилъ свое мнѣніе о значеніи статистическихъ комитетовъ и о значеніи ихъ содѣйствія для отечественной археологіи. При этомъ онъ также затронулъ вопросъ о важности учрежденія провинціальныхъ археологическихъ музеевъ (приложеніе стр. 124—129).

Касательно важности учрежденія провинціальныхъ археологическихъ музеевъ, кромѣ мнѣнія, изложеннаго Н. Сементовскимъ въ газетѣ Паровозъ, была доставлена на Съѣздъ особая записка К. Г. Евлентьева изъ Пскова (приложеніе стр. 89—95).

Одинъ изъ членовъ Създа замѣтилъ, что по случаю вопроса о составленіи археологическихъ картъ слѣдовало бы отнести къ статистическимъ комитетамъ съ предложеніемъ о томъ, чтобы они отмѣчали на картѣ бурганы, городища и валы, находящіеся въ ихъ мѣстности.

Послѣ того графъ Уваровъ обратилъ вниманіе членовъ, что по поводу третьяго вопроса: точнѣйшее опредѣленіе метода и приемовъ въ изслѣдованіи памятниковъ; составленіе подробной инструкціи археологическихъ изысканій; терминологія русской археологіи,—Съездъ не высказалъ еще своего мнѣнія.

Н. А. Поповъ предложилъ отложить этотъ вопросъ до слѣдующаго Създа, или передать его на обработку остающагося комитета Създа.

Графъ Уваровъ возразилъ, что не можетъ согласиться съ мнѣніемъ Н. А. Попова, потому что этотъ вопросъ, по предмету своему, требуетъ не только всесторонняго обсужденія, но и мнѣній всѣхъ членовъ, съѣхавшихся на Съездъ. Вопросъ о терминологіи или о точныхъ научныхъ выраженіяхъ, вводимыхъ въ археологическій языкъ,—первой важности, и каждое выраженіе должно предварительно быть одобрено всѣми специалистами, собравшимися на Съездъ; тогда только новое выраженіе или терминъ пріобрѣтетъ надлежащую общую извѣстность, послѣ которой ученые будутъ его употреблять въ своихъ трудахъ, и этимъ будетъ избѣгнуто разнообразіе въ выраженіяхъ для опредѣленія одного и того же предмета или одной и той же мысли. Для разъясненія высказаннаго стоить только указать на происшедшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи, когда начали обращать особенное вниманіе на финифть и финифтяныя издѣлія, но не имѣли еще точныхъ и научныхъ выраженій для опредѣленія способа изготовленія византійской финифти и финифти западной. Тогда были созданы два выраженія: *émail cloisonné*, и *émail champs levé* которыми стали опредѣлять эти два различные способа изготовленія финифтяныхъ издѣлій. Между тѣмъ у насъ въ Россіи, гдѣ изобилуютъ византійскіе памятники съ финифтью, мы постоянно видимъ въ описаніяхъ, что одни называютъ ихъ финифтью, а другіе эмалью, иные даже—мусією, такъ что невольно призадумываешься, когда въ археологическомъ сочиненіи попадешь на одинъ изъ этихъ терминовъ. Однимъ словомъ, для удаленія подобной неточности и такого разнообразія въ выраженіяхъ далеко недостаточно усилій отдѣльнаго ученаго; въ этомъ дѣлѣ долженъ принять участіе цѣлый Съездъ. Сверхъ того, кромѣ новѣйшей терминологіи, сколько имѣется въ письменныхъ памятникахъ выраженій, относящихся къ искусствамъ и художествамъ, которыя недостаточно еще разъяснены, или о которыхъ существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія?

Н. А. Поповъ, соглашаясь съ справедливостью сдѣланнаго замѣчанія, предложилъ просить членовъ Създа представить матеріалы для рѣшенія этого вопроса на второй археологическій съездъ и вообще обратить вниманіе на собраніе матеріаловъ для археологическаго словаря; такъ какъ по важности своей этотъ вопросъ теперь не можетъ обсуждаться, потому что Съездъ закрывается.

Послѣ того графъ Уваровъ обратился къ Съезду съ слѣдующими словами:

Мм. Гг.

«Мы пришли сегодня къ концу нашихъ занятій, и ученый комитетъ препоручилъ мнѣ закрыть Съездъ, хотя мы далеко не исчерпали весь доставленный намъ матеріалъ. Многихъ вопросовъ мы не успѣли обсудить окончательно, а другіе—принуждены отложить до другаго времени; но все-таки, не смотря на то, что мы останавливаемъ занятія

Съѣзда слишкомъ рано въ виду нетронутыхъ еще вопросовъ, мы успѣли убѣдиться, что главный вопросъ о существованіи археологическихъ съѣздовъ въ Россіи рѣшенъ окончательно.

Успѣхомъ перваго русскаго археологическаго Съѣзда мы обязаны тѣмъ депутатамъ и ученымъ, которые собрались въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи. Въ продолженіе двадцати засѣданій утромъ и вечеромъ они съ теплою любовію къ наукѣ, съ живымъ участіемъ къ отечественнымъ памятникамъ, заботились о пользѣ и развитіи русской археологіи; а потому я сожалею, что не могу теперь же представить вамъ, м.г., хоть краткаго обзора дѣятельности нашего Съѣзда. Объ этой дѣятельности постороннія лица будутъ судить тогда, когда наши труды будутъ напечатаны, а пока мнѣ навѣрно предоставится право отъ лица всѣхъ Русскихъ, дорожащихъ развитіемъ отечественной археологіи, поблагодарить всѣхъ участвовавшихъ своими учеными трудами въ занятіяхъ Съѣзда. Поблагодаримъ также, м.г., радушнаго хозяина нашего, князя С. М. Голицына, который съ такою готовностію открылъ намъ залы своего гостепріимнаго дома. За тѣмъ позвольте обратить ваше вниманіе, м.г., на первый результатъ нашего Съѣзда, теперь уже осязательный, который неоспоримо повліяетъ благотворно на археологическую науку. Нашему первому Съѣзду мы обязаны тѣмъ сближеніемъ между нами, которое онъ вызвалъ, тѣми отношеніями искренними, позвольте даже добавить, дружескими, которыя завязались теперь между нами. Эти-то отношенія содѣйствовали успѣху Съѣзда, и ими мы всегда будемъ дорожить; отъ того я думаю, что теперь, разставаясь, намъ лучше сказать другъ другу не «прощай», а «до свиданія».

М. И. Сухомлиновъ:

«Мы слышали сейчасъ прощальное слово графа Уварова, но въ этомъ словѣ есть весьма важный недостатокъ, который я постараюсь исправить. Обращаясь съ благодарностію къ настоящимъ членамъ Съѣзда, онъ забылъ упомянуть того, кто былъ душою этого Съѣзда, кто руководилъ всѣми нашими преніями—графа А. С. Уварова. Позвольте мнѣ пополнить этотъ пропускъ и поблагодарить его отъ лица всѣхъ членовъ».

Послѣ того гр. Уваровымъ отъ имени всѣхъ членовъ отправлена депеша Его Сіятельству, г. Министру народнаго просвѣщенія, слѣдующаго содержанія: «Археологическій Съѣздъ закрывается. Члены Съѣзда просятъ меня передать Вашему Сіятельству чувства искренней признательности за Ваше благосклонное содѣйствіе и сочувствіе къ занятіямъ Съѣзда».

Въ тотъ же день полученъ отвѣтъ отъ Е. С. г. Министра народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія: «Прошу принять и выразить членамъ Археологическаго Съѣзда мою глубокую благодарность за оказанное мнѣ вниманіе и вполне искреннее сожалѣніе, что болѣзнь помѣшала мнѣ быть на Съѣздѣ».

Б). Засѣданія I Отдѣленія: Древности первобытныя. Первое засѣданіе 19 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ А. Θ. Быкова. Секретари: Н. А. Поповъ и А. А. Потебня.

Н. А. Поповъ прочелъ письмо (переводъ съ чешскаго) профессора Пражскаго университета Воцеля, присланное на имя Съѣзда.

Приглашенный отъ имени Московскаго Археологическаго Общества, профессоромъ Н. А. Поповымъ, прислать Съѣзду нѣкоторыя свѣдѣнія о чешскихъ древностяхъ,

имѣющихъ какую либо связь съ древними памятниками на Руси, позволяю себѣ обратить вниманіе Съѣзда на слѣдующіе предметы:

1) Наиважнѣйшій предметъ, на который славянскій археологъ долженъ обратить свое главное вниманіе, по моему мнѣнію, есть *славянскій языкъ*. Доказательства и примѣры на то я представилъ въ своемъ сочиненіи: «Правѣкъ Чешской земли» (Pravěk země Češské) на стр. 242—260. Я не могу иначе думать, какъ принимая, что названія предметовъ, звучащія одинаково на всѣхъ славянскихъ языкахъ, ведутъ свое происхожденіе изъ той отдаленной эпохи, когда славянское племя жило еще въ своей прародинѣ, между Балтійскимъ и Чернымъ морями, и что такія названія были принесены разными славянскими племенами, живущими въ настоящее время по берегамъ: Лабы, Дуная, у Балканъ и т. д., въ позднѣйшее ихъ отечество. Чѣмъ инымъ можно объяснить, что напримѣръ желѣзо и многія вещи, сдѣланныя изъ него, имѣютъ однѣ и тѣ же названія на всѣхъ славянскихъ языкахъ? Напримѣръ: *рало*, по-чешски и польски *radlo*, по-болгарски *орало*, *рало*, по-словински и сербско-хорватски *рало*; *лемешъ*, по-чешски *leměš*, по-польски *lemiesz*, по-болгарски и сербско-хорватски *лемешъ*; *коса*, по-чешски, польски, хорватски, по-сербски и болгарски тоже *коса*; *долото*, по-чешски *dlato*, по-польски *dloto*, по-сербско-хорватски и болгарски *дліето*; *клещи*, по-чешски *klěste*, по-польски *kleszcze*, по-сербско-хорватски и болгарски *клешче*; *сѣкира*, по-чешски *sekera*, по-польски *siekiera*, по-сербско-хорватски и болгарски *сѣкира*; *котва*, по-чешски *kotva*, по-польски *kotwica*, по-сербско-хорватски и болгарски *котва* и т. д. Доказательствомъ справедливости такого взгляда можетъ быть и то, что имена предметовъ, которые изобрѣтены или введены были въ позднѣйшее время и въ средніе вѣка, уже не имѣютъ между собою сходства въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; ибо у каждаго славянскаго племени, удаленнаго отъ своей первой родины, произошли отъ разныхъ корней, такъ напр: *часы*, по-чешски *hodiny*, по-польски *zegar*, сербско-хорватски *urì*; *бумага*; по-чешски *papír*, сербско-хорватски *kartija*, болгарски *книга*; *мостовая*, по-чешски *dlažba*, по-польски *bruk*, по-сербско-хорватски *плочник*, *тарац*. О значеніи и великой важности изслѣдованія культурныхъ отношеній старыхъ Славянъ я разсуждалъ обширно на вышеупомянутыхъ страницахъ своего сочиненія; но все-таки этотъ предметъ требуетъ еще ревностнѣйшаго и обстоятельнѣйшаго изученія; а потому обращаюсь съ просьбой къ славному Съѣзду, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ, и чтобы извѣстнѣйшіе между русскими изслѣдователями древностей и языка не покидали этого вопроса безъ разъясненія.

2) Другой вопросъ касается славянскихъ могилъ языческаго вѣка и вещей, находящихся въ нихъ. Нѣмецкіе археологи различаютъ языческія могилы по ихъ формѣ и способу дѣланія: сдѣланъ ли надъ могилой памятникъ изъ земли или изъ камня, выложена ли могила или только окружена камнями, находится ли прахъ умершихъ въ пещельницахъ и обложены ли онѣ камнемъ или нѣтъ, или же трупъ не сожженный положенъ среди голой земли, или же былъ огороженъ каменными досками и т. д.

Основываясь на такихъ различіяхъ, нѣмецкіе ученые старались опредѣлить, какому вѣку и народу принадлежатъ могилы и остатки въ нихъ находящіеся. Я же въ 12-й главѣ II отдѣленія «Правѣка», надѣюсь, достаточно доказалъ, что для изслѣдователя древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ не имѣютъ ни малѣйшаго значенія формы могилъ и способы погребенія, ибо, особенно въ Чехахъ, находятъ могилы

различнаго вида, какъ съ пепельницами, такъ и съ непалеными кострами, въ которыхъ встрѣчаются вещи одинаковой формы и матеріала и того же рода. Къ такому выводу я былъ приведенъ регрессивною методой, найдя, что точно такого же рода наручники, кольца и запонки металлическіе, а равно и остатки пепельницъ встрѣчаются еще въ христіанскихъ могилахъ древнѣйшей эпохи, почему надо думать, что языческія могилы, въ которыхъ находятся подобныя же вещи, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ къ позднѣйшему вѣку языческихъ Славянъ,—будутъ ли такія могилы насыпаны изъ камня или изъ глины, будутъ ли заключать въ себѣ пепель въ сосудахъ или костры, чему множество примѣровъ я представилъ въ упомянутой главѣ. Но дабы мое мнѣніе получило всеобщее значеніе, необходимо, чтобы и на русской почвѣ сдѣланы были такія же изслѣдованія.

3) Весьма важный вопросъ: встрѣчаются ли и внутри русской земли, между Вислою, Днѣпромъ и Волгою, въ могилахъ бронзовыя вещи, особенно такъ называемые кельты и пальстабы, которые должно принимать за памятники народа, не знавшаго желѣза и обитавшаго въ этихъ краяхъ предъ Славянами. Что въ Финляндіи и Балтійскомъ побережьи кельты и пальстабы встрѣчаются тамъ и сямъ, это мнѣ извѣстно; но они пришли въ эти прибрежныя земли, безъ сомнѣнія, изъ чужой земли морскимъ путемъ. Топоры, клинья и ножи изъ мѣди и бронзы также находимы были въ южныхъ и восточныхъ провинціяхъ Русской Имперіи, однакожъ занесены туда изъ средней Азіи, гдѣ, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, были приготовляемы въ самыя древнія времена. Даже отрицательное указаніе, въ какихъ мѣстахъ русской земли такія бронзовыя вещи, особенно кельты и пальстабы, не встрѣчаются, было бы, я полагаю, весьма важно для объясненія древнѣйшей этнографіи Россіи.

При этомъ позволяю себѣ обратить вниманіе на важность химическаго изслѣдованія древнихъ бронзовыхъ вещей и выразить желаніе, чтобы продолжаемы были труды, начатыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ гг. Струме и Гёбель. О значеніи химическаго изслѣдованія античныхъ бронзъ я говорилъ въ одной изъ главъ моего сочиненія, гдѣ привелъ большое число такихъ изслѣдованій. Хотя донынѣшніе результаты такихъ работъ не были достаточно тверды и рѣшительны, думаю однакожъ, что они важны и, не смотря на свою трудность и кропотливость, вполне заслуживаютъ того, чтобы славянскіе ученые занялись ими, содѣйствуя такимъ образомъ къ объясненію доисторической жизни европейскихъ народовъ.

4) Я очень сожалѣю, что мнѣ невозможно было посѣтить славную русскую землю и осмотрѣть богатые собранія древностей въ Москвѣ и Петербургѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, я извлекъ бы много поучительнаго изъ такого обширнаго и желаннаго знакомства, составилъ бы основательнѣе свое сочиненіе о «Правѣхъ земли Чешской» и устранилъ бы нѣкоторыя ошибки въ немъ. Особенно были бы полезны мнѣ такія свѣдѣнія при описаніи одежды Славянъ въ языческую эпоху, о чемъ нѣчто сказано мною на стр. 341—347 моего сочиненія. Старорусскія одѣянія отчасти описаны и изображены въ русскихъ книгахъ; но въ Прагѣ очень трудно встрѣтить русское сочиненіе этого рода. Я сдѣлалъ, что могъ, воспользовавшись тѣмъ, что напечатъ. А потому заявляю послѣднее желаніе, чтобы славный Съѣздъ обратилъ вниманіе на вопросъ о наистарѣйшемъ всѣмъ Славянамъ общемъ одѣяніи. Хотя памятники стародавней одежды и сохранились только на христіанскихъ средневѣковыхъ изображеніяхъ, но такія изображенія особенно важны теперь, когда подобнаго же рода одѣянія не

только въ картинахъ, но кое-гдѣ и до сихъ поръ встрѣчаются въ жизни какъ на Руси, такъ въ Чехахъ, Польшѣ и у южныхъ Славянъ, изъ чего мы должны заключать, что такія одежды уже въ древнѣйшія времена были въ употребленіи уѣтихъ славянскихъ народовъ. Признаки общаго славянскаго одѣянія, по моему мнѣнію, суть слѣдующіе: верхняя кожаная шубка, на груди завязываемая стежками, какъ на чамарахъ, курткахъ и т. п. чешскихъ, польскихъ и хорватскихъ, рукава у кафтана или кожуха спущенные, шапки отороченныя мѣхомъ, и т. д. (смотри Правѣкъ 343, и сл.).

Предложивъ славному Съѣзду эти скромные вопросы и желанія мои, горячо желаю, чтобы славянская національная археологія, которую считаю одной изъ связей славянской взаимности, развивалась успѣшно и могущественно, и провозглашаю отъ вѣрнаго славянскаго сердца успѣхъ и славу Съѣзду русскихъ археологовъ въ славной Москвѣ.

Затѣмъ въ письмѣ своемъ г. профессоръ Воцель ставитъ слѣдующіе пять вопросовъ и надѣется на содѣйствіе Съѣзда для рѣшенія ихъ:

1. Названія предметовъ, звучація одинаково во всѣхъ славянскихъ языкахъ, ведутъ ли свое происхожденіе изъ той эпохи, когда славянское племя жило въ своей прародинѣ? Къ доказательствамъ, собраннымъ въ подтвержденіе этого импнія г. Воцелемъ въ его книгѣ: *Pravěk země české* (на стр. 242—260), желательно присоединить новыя.

2. Импыютъ ли значеніе для опредѣленія вѣка славянскихъ моилъ ихъ форма и способъ сооруженія? Не существуетъ ли бодьшее сходство между вещами, находящимися въ славянскихъ моилахъ позднѣйшаго языческаго періода и позднѣйшихъ христіанскихъ временъ?

3. Встрѣчаются ли внутри русской земли, между Вислою, Днѣпромъ и Волгою, въ моилахъ бронзовыя вещи, особенно такъ называемыя кельты и пальставы (особаго рода топоры), которые должно принимать за памятники народа, не понимавшаго желѣза и обитавшаго въ этихъ краяхъ предъ Славянами? Желательно импыть свѣдѣніе о химическихъ изслѣдованіяхъ бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ Россіи.

4. Гдѣ оканчиваются могилы съ греческими и скивскими вещами, и гдѣ начинаютъ встрѣчаться моилы съ древностями другаго рода, какъ бронзовыми, такъ и желѣзными? Опредѣлить, которыя изъ этихъ вещей могутъ служить признакомъ славянскаго происхожденія моилъ.

5. Какіе признаки должно считать свойственными стародавней одеждѣ, общей всѣмъ славянскимъ племенамъ?

Далѣе, прибавляетъ Н. А. Поповъ, профессоръ Воцель помѣстилъ въ одной статьѣ, принадлежащей къ его письмамъ о панславизмѣ, нѣсколько словъ о древнихъ могилахъ, общихъ всѣмъ славянскимъ народамъ; при чемъ объяснилъ, что на югѣ Россіи, на берегахъ Чернаго моря, находится множество могилъ, переполненныхъ греческими и скивскими вещами, между тѣмъ какъ на востокъ и въ особенности на сѣверо-востокъ Россіи встрѣчаются и даже преобладаютъ могилы, въ которыхъ попадаются кельты, пальставы (особый родъ топоровъ) и прочіе предметы, служащіе, по его мнѣнію, отличительными признаками славянскихъ могилъ. Для опредѣленія границъ между этими могилами совершенно различнаго характера, Воцель не нашелъ между трудами русскихъ археологовъ ни одной карты по этому предмету. Между тѣмъ рѣшеніе вопроса о границахъ могло бы вполне уяснить вопросъ о характеристикѣ

славянскихъ могилъ, на который Н. А. Поповъ также желаетъ обратить вниманіе Съѣзда, какъ на главный вопросъ, который Воцель имѣлъ въ виду.

И. И. Срезневскій, по этому поводу, сдѣлалъ предложеніе—обратиться къ присутствующему на Съѣздѣ датскому археологу Ворсо, съ просьбой разсмотрѣть рисунки вещей, находимыхъ въ курганахъ, которыя Воцель считаетъ славянскими, и рѣшить: не находятъ ли такихъ же предметовъ въ могилахъ скандинавскихъ? Если бы присутствовали на Съѣздѣ представители и другихъ западныхъ земель, то слѣдовало бы обратиться и къ нимъ для лучшаго уясненія этого вопроса. За отсутствіемъ такихъ представителей надо удовлетвориться печатными рисунками, и сравненіемъ ихъ способствовать рѣшенію вопроса о характерѣ славянскихъ могилъ.

Предсѣдатель, присоединившись къ мнѣнію И. И. Срезневскаго, обратилъ вниманіе Съѣзда на особенную важность пятого вопроса профессора Воцеля, выразивъ при этомъ надежду, что вопросъ этотъ уяснится доставленными на Съѣздѣ археологическими изслѣдованіями. По этому же случаю графъ Уваровъ также просилъ отложить окончательное обсужденіе этого вопроса до прослушанія всѣхъ изслѣдованій и свѣдѣній о курганахъ, сообщенныхъ Съѣзду.

Затѣмъ Н. А. Поповъ, въ дополненіе къ письму Воцеля, изложилъ, на основаніи сочиненія Воцеля: *Pravěk země české*, сочиненій Тышкевича, Лелевеля и другихъ, нынѣшнее состояніе вопроса о признакахъ славянскихъ могилъ, въ отвѣтъ на первую часть 16 вопроса: имѣютъ ли курганы славянскихъ племенъ особые отличительные признаки?

Послѣ этого сообщенія Съѣздъ выслушалъ заявленіе П. П. Муромцова о важности Могилевской губерніи относительно кургановъ. Онъ указалъ на курганъ, находящійся подъ мѣстечкомъ Шкловымъ, между рѣчкою Друтью и низовьемъ Березины. Другіе курганы лежатъ между городомъ Могилевымъ и рѣчкою Лѣсною; другіе еще курганы, по его мнѣнію,—позднѣйшихъ временъ, находятся близъ мѣстечка Пропойска; и всѣ эти курганы доселѣ еще не изслѣдованы.

Потомъ гр. Уваровъ доложилъ Съѣзду, что М. А. Максимовичъ не могъ по болѣзни пріѣхать въ Москву, но, горячо сочувствуя Съѣзду, онъ желалъ принять своими трудами участіе въ его занятіяхъ. Между прочими сообщеніями, доставленными на Съѣздъ, М. А. Максимовичъ выразилъ желаніе, чтобы мнѣніе его о бронзовыхъ наконечникахъ стрѣлъ, находимыхъ въ Полтавской губерніи (см. Археологическій Вѣстникъ 1869 года, сентябрь и октябрь, стр. 204—219), было представлено на обсужденіе Съѣзда.

Небольшая усадьба М. А. Максимовича, Михайлова-гора, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, надъ селомъ Прохоровкою, уѣзда Золотоношскаго. Тамъ, возлѣ урочища «Княжой горы», былъ нѣкогда городъ Родня, извѣстный осадою Ярополка Владиміромъ 980 года. Здѣсь, противъ устья Роси, впадаетъ въ Днѣпръ судоходный рукавъ его, называемый Козаркою, а на сѣверъ отъ Михайловой-горы лежатъ вдоль Днѣпра песчаные холмы и розсыпи. Въ этихъ пескахъ, и особенно вокругъ долины Савранки, встрѣчаются иногда бронзовые наконечники древнихъ стрѣлъ, называемые здѣсь *плючиками*. Въ числѣ стрѣлъ, собранныхъ М. А. Максимовичемъ, нашлось красномѣдныхъ и бронзовыхъ 44 вида, кремневыхъ 1 видъ, и только одна стрѣла желѣзная (четырехгранная). Онъ распредѣлилъ ихъ, судя по формѣ и металлу, на два отряда (*tribus*) и на восемь родовъ (Таб. XV). Трегранные стрѣлы постоянно находятся въ

древнихъ украинскихъ могилахъ, начиная съ знаменитой могилы Перипетихи; а стрѣлы крюковыя надо отнести къ иноплеменнымъ находникамъ на землю украинскую. Треугольныя стрѣлы однородны по формѣ со стрѣлами, находимыми въ Ольвіи и Пантикапеи, хотя немного различествуютъ съ ними въ составѣ бронзы:

Стрѣлы Украинскія.

А. Изъ рода желобковыхъ (alveata), видъ 5
(№ 19 и 20).

Мѣди.	64,08.
Олова	19,77.
Цинка	16,19.
	<hr/> 100,04.

Б. Изъ рода корытчатыхъ (lintrata), видъ 4
(№ 31).

Мѣди.	76,73.
Олова	19,53.
Цинка	3,77.
	<hr/> 100,03.

В. Изъ рода бороздчатыхъ (sulcata), видъ 6
(№ 43).

Мѣди.	71,83.
Цинка	28,19.
	<hr/> 100,02.

Г. Изъ рода гладкихъ (glabra), видъ 1 (№ 50).

Мѣди.	78,97.
Цинка	21,02.
	<hr/> 99,99.

Д. Стрѣлы Ольвійскія ⁽¹⁾.

Табл. XVI, № 15.

Мѣди.	73,69%.
-------	---------

Олова . . . 23,13.

Свинца . . . 2,26.

Желѣза . . . слѣды.

Цинка . . . слѣды.

Мышьяка . . . слѣды.

99,08%.

Е. Табл. XVI, № 14.

Мѣди. . . 72,87.

Олова . . . 22,93.

Свинца . . . 3,41.

Желѣза . . . слѣды.

Цинка . . . слѣды.

Мышьяка . . . слѣды.

99,21.

Стрѣлы Скиѣскія изъ Александропольскаго кургана, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ ⁽²⁾.

Ж. Мѣди. . . 66,07.

Олова . . . 4,28.

Свинца . . . 29,65.

99,00.

З. Мѣди. . . 97,05.

Олова . . . 2,53.

Серебра. . . 0,42.

100,00.

Допуская распространіе трехгранныхъ стрѣлъ между Скиѣами посредствомъ торговыхъ сношеній съ греческими поселеніями на берегахъ Чернаго моря, М. А. Максимовичъ продолжаетъ на стр. 206—207: «Такъ и..... полчища персидскія».

По выслушаніи мнѣнія М. А. Максимовича, Н. Н. Мурзакевичъ замѣтилъ, что тридцатилѣтнія наблюденія надъ раскопками въ южной Россіи привели его къ слѣдующему выводу. — Онъ полагаетъ, что древнѣйшія стрѣлы, находимыя на югѣ Россіи, были длинныя, какъ видно по изображенію въ описаніи Музея князя Кочубея. Попадая въ мѣдные нагрудники непріятелей, стрѣлки эти ломались, а обломки ихъ, по нуждѣ, собирались, перетачивались и снова шли въ дѣло. Наконецъ постепенными переправками ихъ величина уменьшалась и дошла до самаго меньшаго образца, который прислалъ М. А. Максимовичъ. Стрѣлки всегда были прекрасно сдѣланы и выполированы. Древнѣйшія изъ стрѣлокъ такого разряда попадаютъ вездѣ, куда только проникали греческіе обитатели Понтевксинскихъ поселеній, а извѣстно, что эти ко-

(1) Графа Уварова: Изслѣдованія о древност. южн. Россіи, выпускъ первый, стр. 119.

(2) Köhne: Desc. du Musée de feu le Pr. V. Kotschoubey, T. II, p. 413.

лоніи стали основываться лѣтъ за 700 до христіанской эры. Стрѣлки другаго вида и другаго состава бронзы попадаются на тѣхъ же мѣстностяхъ. Онѣ всѣ плосковатыя (у Максимовича двубокія, *ancipites*), съ хвостикомъ, большею частію красноватой мѣди, и по формѣ своей называются въ народѣ «площиками». Эти именно стрѣлы Н. Н. Мурзакевичъ отнесъ бы къ самымъ древнимъ временамъ, но не имѣетъ на то довольно сильныхъ доказательствъ. Площики попадаются преимущественно по лѣвой сторонѣ Днѣпра, начиная отъ Бериславля и простираясь до Олешекъ. Вообще онѣ считаетъ площики древнѣе трехгранныхъ стрѣлъ, и даже на островѣ Змѣиномъ (Фидониси), во время раскопокъ въ 1841 году, нашелъ стрѣлку, нѣсколько подходящую къ этимъ площикамъ; но она была болѣе острая, а на концѣ болѣе затуплена. Не составляютъ ли эти площики переходъ къ другой, менѣе древней, трехгранной формѣ? Но опредѣлить, къ какому именно періоду онѣ принадлежать, весьма трудно, потому что такія стрѣлки находятся и въ Днѣпровскихъ кучугурахъ (пескахъ), и въ мѣстахъ, гдѣ не было греческихъ поселеній. Трехгранные стрѣлки, попадающіяся въ курганахъ Кіевской губерніи, по мнѣнію Н. Н. Мурзакевича, занесены туда Татарами, которые добывали ихъ раскопкою древнихъ кургановъ и пользовались ими за недостаткомъ своихъ собственныхъ стрѣлъ. вмѣстѣ съ трехгранными бронзовыми стрѣлами въ Херсонской губерніи часто находятся и желѣзные; первыя Н. Н. Мурзакевичъ относитъ къ чисто эллинскимъ стрѣламъ, а желѣзные къ татарскимъ.

При этомъ Предсѣдатель спросилъ Н. Н. Мурзакевича: отъ чего въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ также бывали Татары, не находится бронзовыхъ стрѣлъ?

Н. Н. Мурзакевичъ объясняетъ, что, по его предположенію, Татары запасались бронзовыми стрѣлами на югѣ, въ пепелищахъ греческихъ поселеній и въ могильныхъ курганахъ, и часто бывали въ губерніяхъ Кіевской и Полтавской, переправляясь черезъ Днѣпръ у Бериславля.

А. А. Гатцукъ обратилъ вниманіе Съѣзда на находку, сдѣланую въ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, у рѣки Сестры, близъ деревни Загорья. На значителей глубинѣ, при копкѣ канавы, нашли мѣдный топоръ въ видѣ кельта и вмѣстѣ съ тѣмъ бронзовыя стрѣлки такого же вида, какъ площики, которые г-нъ Мурзакевичъ относитъ къ древнѣйшей формѣ. Скажутъ, что найденныя въ Московской губерніи, на глубинѣ 20 футовъ, стрѣлы могутъ считаться случайностью, такъ какъ почва Московской губерніи вообще не изобилуетъ стрѣлами древнѣйшей формы, но какъ скоро точно такія же стрѣлы и такой же искусной работы встрѣчаются въ Казанской, Пермской, Вятской губерніяхъ, на Уралѣ и у Алтая, то это случайностью называть нельзя. Отсюда онъ полагаетъ, что можно вывести обратное заключеніе, т. е. что мѣста бывшихъ греческихъ поселеній изобилуютъ такими стрѣлами потому, что были заселены разными скиѣскими народами, несшими свою цивилизацію изъ-за Урала. Но такъ какъ теперь нельзя сдѣлать никакого рѣшительнаго вывода о происхожденіи этихъ стрѣлъ, то г. Гатцукъ желалъ бы, чтобы привели съ точностію въ извѣстность, въ какихъ именно мѣстностяхъ, въ какомъ количествѣ и какого рода встрѣчаются мѣдныя стрѣлы. Такія спеціальныя свѣдѣнія пролили бы новый свѣтъ на скиѣскую древность.

Къ этому Н. Я. Аристовъ добавилъ, что такія же трехугольныя и двубокія бронзовыя стрѣлы попадаются въ уральскихъ курганахъ и на берегахъ Волги. Образцы находятся въ собраніи Казанскаго Университета.

Потомъ Д. А. Хвольсонъ представилъ свои соображенія о происхожденіи имени «Русь» по извѣстіямъ арабскихъ писателей. Онъ старался доказать, что это названіе не заимствовано отъ Норманновъ, а туземное (см. приложение стр. 130—134).

М. П. Погодинъ возразилъ профессору Хвольсону, что онъ сознаетъ весь интересъ высказаннаго имъ мнѣнія, но такъ какъ вопросъ о происхожденіи слова «Русь» рѣшался гораздо прежде, чѣмъ мы познакомились съ восточными писателями, и рѣшался на основаніи лѣтописей русскихъ, западныхъ и византійскихъ; то отъ восточныхъ писателей, съ которыми впервые познакомились по сочиненію Френа, ожидалось—и въ этомъ состоитъ ихъ важность—подкрѣпленіе свѣдѣній западныхъ и византійскихъ лѣтописей. У восточныхъ писателей находятся подробныя свѣдѣнія о происхожденіи слова «Русь», и весьма важно мѣсто изъ Масуди, сообщенное профессоромъ Хвольсономъ о Руссахъ, торговавшихъ съ Испанією, съ Константинополемъ и проникавшихъ до береговъ Каспійскаго моря. Послѣ такихъ любопытныхъ свѣдѣній, догадка о происхожденіи самаго названія «Русь» переходитъ уже на второй планъ. Быстрое распространеніе на всѣ стороны этого названія изъ одной мѣстности Кіевской объясняется тѣмъ, что оно шло, такъ сказать, концентрическими кругами, если взять сравненіе съ камнемъ брошеннымъ въ воду, отъ паденія котораго образуются круги сперва маленькіе, а потомъ расширяющіеся все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ Русью назывался сперва только одинъ Кіевъ, потомъ Кіевская страна; есть даже свидѣтельства XI и XII столѣтія, что въ Новгородѣ подъ выраженіемъ «ити въ Русь» подразумѣвался одинъ Кіевъ. Слѣдовательно, наименованіе Руси на прочія части Россіи уже распространилось гораздо позже, и по мѣрѣ того какъ Русь завоевывала всѣ племена, онѣ назывались русскими.

На это замѣчаніе Д. А. Хвольсонъ возразилъ, что рѣчь идетъ объ арабскихъ писателяхъ X вѣка, а имя Русь, если пришло отъ Норманновъ, можетъ начинаться не раньше 862 года; такимъ образомъ по истеченіи только нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ мы находимъ, что Черное море уже называется русскимъ, что Руссы живутъ на берегахъ Азовскаго моря, на Волгѣ, что даже Пермь называется Русью. Между тѣмъ имѣются примѣры изъ исторіи совершенно противоположнаго значенія: такъ Норманны завоевали Англію, но не придали ей своего имени—Нормандіи; герцоги бранденбургскіе завоевали часть Германіи, но эта часть называется Пруссією.

М. П. Погодинъ полагаетъ, что можно иначе объяснить значеніе Волжской Руси профессора Хвольсона и самымъ текстомъ Ибнъ-Дасты (см. приложение стр. 135—142).

А. А. Гатцугъ сдѣлалъ также возраженіе противъ мнѣнія Д. А. Хвольсона о происхожденіи слова «Русь» (см. приложение стр. 143—146).

Второе засѣданіе 21 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ А. И. Артемьева; секретари: Н. А. Поповъ и А. А. Потебня.

Съѣздъ постановилъ въ этомъ засѣданіи прослушать сообщенныя свѣдѣнія о курганныхъ насыпяхъ, о мѣстностяхъ, на которыхъ встрѣчаются курганы, и о находкахъ, сдѣланныхъ въ нихъ.

По этому поводу Я. Θ. Головацкій, бросивъ сначала бѣглый взглядъ на археологическіе труды, совершенные въ новѣйшее время въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, показалъ и разъяснилъ рисунки предметовъ, найденныхъ въ литовскихъ кур-

ганахъ, о которыхъ К. И. Шмидтъ приготовилъ особое сочиненіе подъ заглавіемъ: Necrolithuanica (см. приложение стр. 147—152).

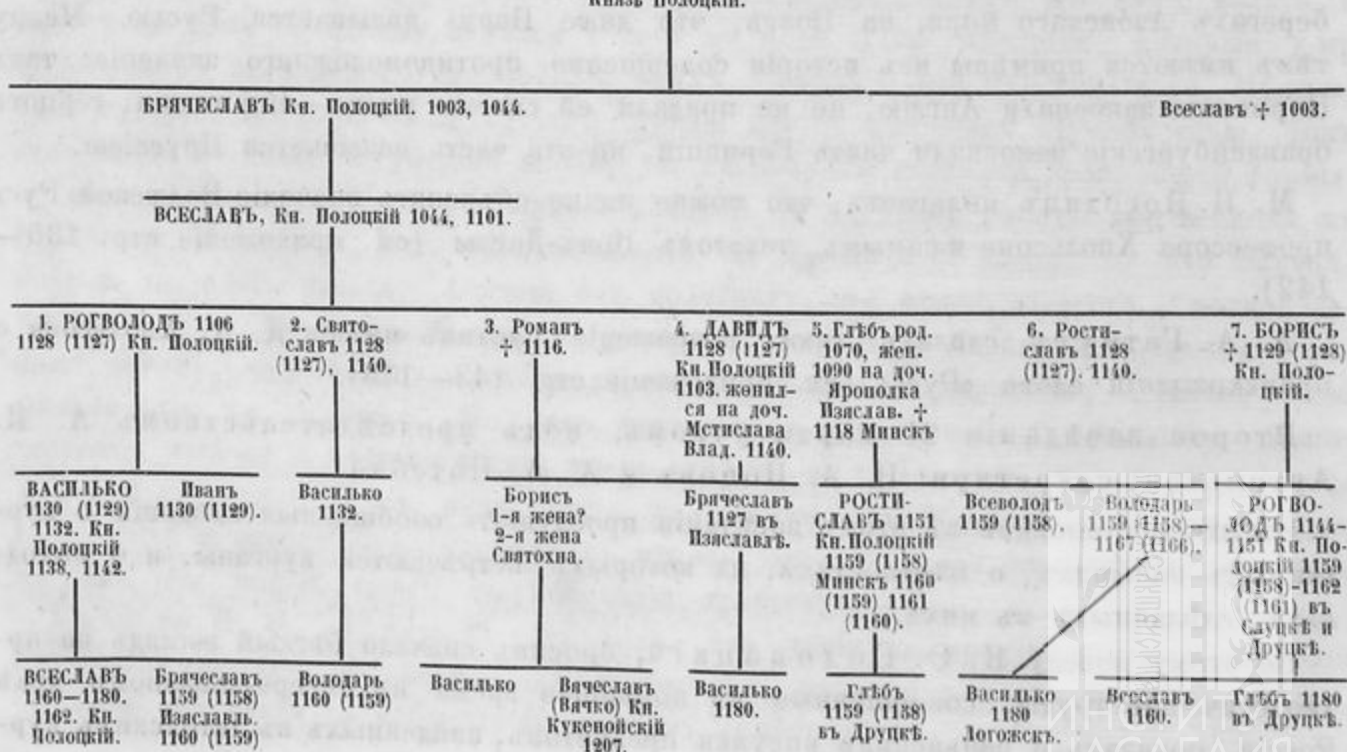
За тѣмъ Я. Ѳ. Головацкій представилъ статью того же К. И. Шмидта о двинскихъ камняхъ подъ заглавіемъ: «Описаніе древнихъ камней съ славянскими надписями, находящихся съ XIII вѣка въ руслѣ рѣки Западной Двины около Полоцка и Дисны».

Выслушавъ «Описаніе двинскихъ камней», сдѣланное г. фонъ Шмидтомъ, М. П. Погодинъ замѣтилъ, что къ такому любопытному труду слѣдовало бы присоединить еще другія соображенія—о князьяхъ полоцкихъ, потому что г. Шмидтъ напрасно, сославшись на Стрыйковского, вывелъ родословіе князей полоцкихъ отъ князей литовскихъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что князья полоцкіе происходятъ отъ старшаго сына Владиміра святаго, Изяслава. Имена Рогволода и Бориса, встрѣчающіяся на камняхъ, принадлежатъ потомкамъ Всеслава Брючиславича, какъ видно изъ всѣхъ лѣтописей; слѣдовательно напрасно мы стали бы отыскивать эти историческія лица въ баснословныхъ свѣдѣніяхъ Стрыйковского о мнѣическомъ Мингайлѣ, сынѣ Эрдивиллы (*).

Графъ Уваровъ замѣтилъ, что несмотря на любопытные рисунки двинскихъ камней, приложенные г. фонъ Шмидтомъ къ его описанію, желательно было бы, по важности этихъ памятниковъ не только для исторіи, но также для нашей отечественной палеографіи, имѣть съ нихъ изображенія, сдѣланные не отъ руки, а посредствомъ фотографіи, чтобы вполне удостовѣриться въ точности очертанія каждой буквы.

По поводу тѣхъ же вопросовъ И. И. Срезневскій сообщилъ содержаніе письма, доставленнаго на Съѣздъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества М. Ф. Кусцинскимъ. Изучивъ фотографическое искусство, какъ вспомогательное средство для археологіи, М. Ф. Кусцинскій предполагаетъ составить собраніе фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ старины какъ Витебской, такъ и смежныхъ западныхъ губерній. Въ это собраніе войдутъ: а) снимки предметовъ, найденныхъ въ курганахъ

(*) ИЗЯСЛАВЪ Владиміровичъ
Князь Полоцкій.

и хранящихся въ собраніяхъ частныхъ лицъ, какъ напримѣръ въ весьма богатомъ музеѣ покойнаго нашего сочлена гр. К. П. Тышкевича; б) виды древнѣйшихъ храмовъ, развалинъ замковъ, какъ наприм. Рѣжескаго, Люцинскаго, Мариенгаузскаго, Мидницкаго и др; в) изображенія древней церковной утвари и иконъ; г) старинныхъ надгробныхъ плитъ съ записями, а также снимки со всѣхъ двинскихъ камней. М. Ф. Кусцинскій предполагаетъ также изслѣдовать въ археологическомъ отношеніи поля битвъ XVI вѣка, во время войны Россіи съ Польшею за Ливонію, что уже имъ начато въ прошедшемъ году съ помощью лѣтописи Стрыйковскаго, который, какъ лицо, принимавшее участіе въ этой войнѣ, довольно ясно указываетъ на мѣстности, гдѣ происходили сраженія, какъ напр. Ивановское поле близъ мѣстечка Чашникъ, на которомъ была кровопролитная битва въ 1564 году. Онъ желаетъ также опредѣлить съ точностію и изслѣдовать въ археологическомъ отношеніи мѣсто битвы Полочанъ съ литовскимъ княземъ Мингайлою въ 1190 году, вслѣдствіе коей Полоцкое княжество подпало подъ владычество литовскихъ князей. По сказаніямъ лѣтописцевъ, сраженіе это происходило близъ Городина или Городца. Мѣстностей съ подобнымъ названіемъ на протяженіи между Новогрудкомъ, откуда вышелъ съ войскомъ Мингайло, и Полоцкомъ — весьма много. Но, принявъ въ соображеніе, что путь этотъ, безъ сомнѣнія, пролегалъ чрезъ нынѣшній Лепельскій уѣздъ и что вблизи этой дороги существуетъ понынѣ имѣніе, называемое Городенецъ, въ которомъ одно урочище носитъ названіе Замчище, съ явными признаками оборонительнаго замка, можно предположить, что здѣсь — мѣсто битвы Полочанъ съ Мингайлою. Археологическія изслѣдованія разрѣшатъ, на мѣстѣ на сколько справедливо это предположеніе.

Затѣмъ М. Ф. Кусцинскій доставилъ также сообщенія по вопросамъ 6 и 7. На первый изъ нихъ: *идъ находится теперь Рогволодовъ камень съ записью 6679-1171 года, и впренъ ли снимокъ съ нея, изданный академикомъ Кеппеномъ въ 3 томѣ Ученыхъ записокъ Академіи Наукъ въ 1855 г., —* М. Ф. Кусцинскій подтвердилъ слова Кеппена о мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ этотъ камень, и представилъ фотографическій снимокъ съ рисунка, снятаго гр. Тышкевичемъ въ 1847 году съ Рогволодова камня.

Съ перваго взгляда видно, что рисунокъ графа Тышкевича снятъ былъ отъ руки, и передаетъ палеографическіе признаки записи менѣе точно, чѣмъ рисунокъ акад. Кеппена. Не только форма буквъ неудовлетворительна, но и самое расположеніе

записи на камнѣ, очевидно, сдѣлано только приблизительно, потому что между записью и краями камня на рисунокѣ гр. Тышкевича болѣе сохранилось пространства, чѣмъ на рисунокѣ Кеппена. Но не смотря на неточность этого рисунка, любопытно замѣтить нѣкоторыя важныя разницы, можетъ быть происшедшія отъ порчи самаго камня. Послѣ *лѣ* поставлены двѣ точки : ; въ словѣ *помози* вмѣсто *о* стоятъ двѣ точки : ; послѣ слова *помози* поставлено *к*, чего у Кеппена не могло и быть, потому что тутъ отбитъ кусокъ камня; отъ слова *рѣкѣ* (у Кеппена) тутъ стоитъ только *кѣ*. Послѣ этого остается пожелать, чтобы М. Ф. Кусцинскій самъ снялъ или по-

средствомъ гипса, или посредствомъ мягкой бумагой и фотографіи, вполне точную копию съ этого любопытнаго памятника XII вѣка.*

Рогволодовъ камень находится въ 19 верстахъ отъ города Орши, въ Оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, вправо отъ почтовой дороги, ведущей чрезъ мѣстечко Коханово въ Минскъ, именно въ полуверстѣ отъ деревни Дятловки. На черноватой или бурой песчаной плитѣ изсѣчена широкая надпись, глубоко выдолбленными чертами (Кеппенъ). Лежитъ онъ на землѣ, принадлежащей имѣнію графини Воронцовой, близъ деревни Листоновъ. Длина этого камня 4 шага, а ширина—3; темя его подымается на четыре вершка надъ поверхностью земли (гр. Тышкевичъ).

Въ 1792 году найденъ былъ Оршанскій камень.

1794 г. Тимоѣей Мальгинъ упомянулъ объ немъ въ Зерцалѣ Россійскихъ Государей. Спб. 1794 г., стр. 168.

Въ 1805 году, по увѣренію старожиловъ, надъ этимъ камнемъ построена часовня.

Планъ и размѣры деркви сообщены академикомъ Кеппеномъ.

Въ томъ же году, какъ архіепископъ Анастасій, такъ и пребывавшій въ мѣстечкѣ Шкловѣ генераль-маіоръ Зоричъ, посылали нарочныхъ въ Дятловку для осмотра и снятія изображенія съ Рогволодова камня.

Въ 1812 году, при нашествіи Наполеона, деревянная церковь была разрушена.

Въ 1818 году 9 мая графъ Николай Петровичъ Румянцовъ осмотрѣлъ этотъ камень; того же года въ Сѣверной Почтѣ, № 74, была статья объ Оршанскомъ камнѣ, въ которой неправильно прочитана была запись.

Въ № 89 того же журнала и того же года напечатана пространная статья изъ Шклова, заимствованная изъ письма Егора Францовича Канкринъ къ графу Н. П. Румянцову. Тутъ въ первый разъ правильно прочтена запись:

въ лѣтѣ 5800, мѣсяца мая въ 3 днѣ допснѣхъ крѣхъ снѣ ги помози рѣу своему Василію въ крѣпости именемъ Рогволоду снѣу Борисову.

Того же 1818 года въ Виленскомъ Дневникѣ, № 11, стр. 394, сообщены свѣдѣнія о Рогволодовомъ камнѣ, и между прочимъ сказано, что «гробница эта имѣетъ въ ширину 3 арш. и 6 вершк., въ длину 4 арш. и 4 вершка. Камень этотъ въ большомъ почитаніи у окрестныхъ жителей; зовутъ его Борисоглѣбскимъ, а иные Владимірскимъ камнемъ. Надгробный камень утвержденъ на четырехъ столбахъ, и многіе старики помнятъ, что подъ нимъ можно было проходить и что дѣти, гуляя, бѣгали подъ нимъ. Очевидно, что гробница подалась въ землю, ибо теперь она лежитъ со-всѣмъ на землѣ».

Въ 1819 году 29 мая академикъ Кеппенъ, съ И. А. Гарижскимъ, осмотрѣлъ и срисовалъ Оршанскій камень.

Карамзинъ воспользовался этими свѣдѣніями и помѣстилъ описаніе камня и записи во второмъ изданіи Исторіи Г. Рос. т. II, пр. 386.

Въ 1822 г. изданъ К. Ѳ. Калайдовичемъ Списокъ русскимъ памятникамъ П. Кеппена, гдѣ на стр. 45—48 находится описаніе Рогволодова камня.

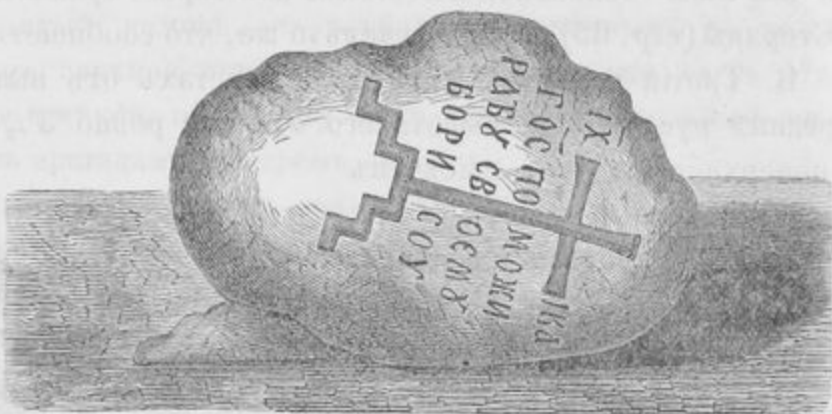
Въ 1847 году гр. К. Тышкевичъ снялъ приложенный рисунокъ Рогволодова камня.

Въ 1855 году Академія издала рисунокъ, снятый Кеппеномъ въ 1819 году, п описаніе его въ *Melanges russes*, Т. II, р. 390; III томъ Ученыхъ Записокъ И. А. Н. по 1 и 3 отд., стр. 59—70.

Относительно 7 вопроса: «уцѣлѣли ли двинскіе камни съ записями и имѣть ли вѣрныхъ снимковъ съ этихъ записей?» М. Ф. Кусцинскій, кромѣ точныхъ свѣдѣній о положеніи двинскихъ камней, прислалъ еще рисунки съ двухъ изъ нихъ.

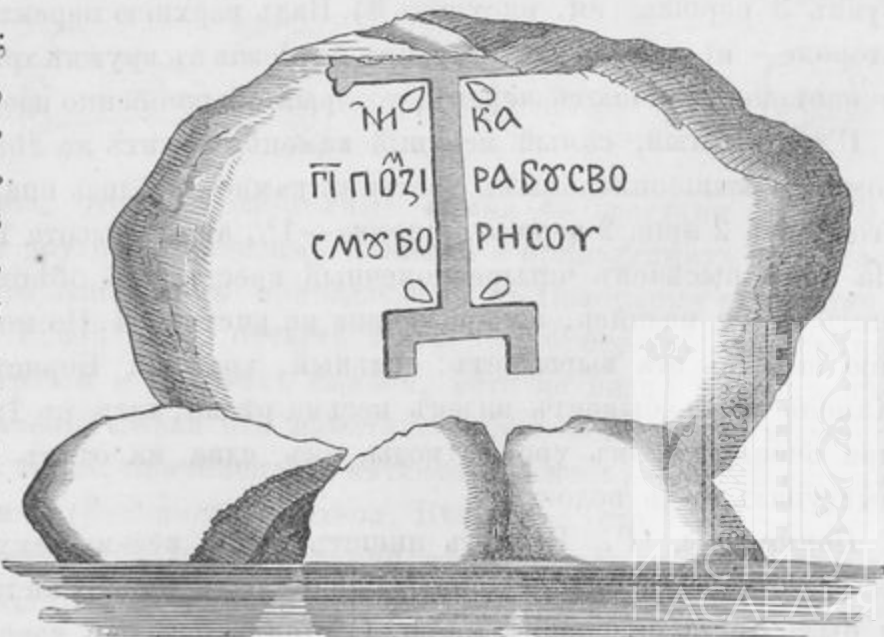
«Четыре двинскіе камня съ записями, пишетъ М. Ф. Кусцинскій, лежатъ по теченію Двины, между Полоцкомъ и устьемъ рѣчки Повянушки, впадающей въ Двину съ лѣвой ея стороны въ семи верстахъ ниже города Дисны.

А. Первый камень лежитъ въ пяти верстахъ отъ Полоцка, на лѣвомъ берегу Двины, противъ имѣнія Герахты, лежащаго на правомъ берегу рѣчки. Въ высоту онъ имѣетъ $4\frac{1}{4}$ арш., въ длину $5\frac{1}{2}$ арш. Камень этотъ, вѣроятно напоромъ льда, опрокинутъ такъ, что въ настоящее время надпись и крестъ на немъ представляются основаніемъ вверхъ. Надпись на немъ и на двухъ слѣдующихъ гласитъ: *Гѣ поможи рабѣ своему Борису.*

Примѣчаніе. Прилагаю здѣсь рисунокъ, сообщенный г. фонъ Шмидтомъ, у котораго размѣры другіе: высота камня отъ дна рѣчки 4 арш. 2 вершка, длина 5 арш. и окружность 14 арш. Онъ состоитъ изъ краснаго гранита, и поверхность его, находясь подъ водою, отъ вывѣтриженія полевого шпата сдѣлалась неровною, какъ бы раковистою. Этотъ камень натискомъ льда, или отъ осадки грунта, почти повернутъ сильнымъ наклоненіемъ къ западу. Надпись на немъ сдѣлалась уже весьма неясною, отъ чего нѣкоторыя буквы могли быть нарисованы ошибочно. Маленькій рисунокъ съ этого камня приложенъ къ памятникамъ Старины Витеб. губ. А. Сементовскаго. Спб. 1867 г., стр. 64, 65.

Б. Второй камень, изображенный на рисункѣ 1, лежитъ въ 5 верстахъ ниже города Дисны, на правомъ берегу, близъ деревни Наковники; имѣетъ въ длину $5\frac{1}{2}$ арш., въ высоту $2\frac{3}{4}$ арш. Надпись и форму креста я срисовалъ на мѣстѣ въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго 1868 года. Въ 1818 году управленіе путей сообщенія, для очищенія фарватера, предположило взорвать порохомъ большіе камни. Эта участь постигла и настоящій камень, но, къ счастью, только верхняя часть креста раздробилась въ куски, остальная

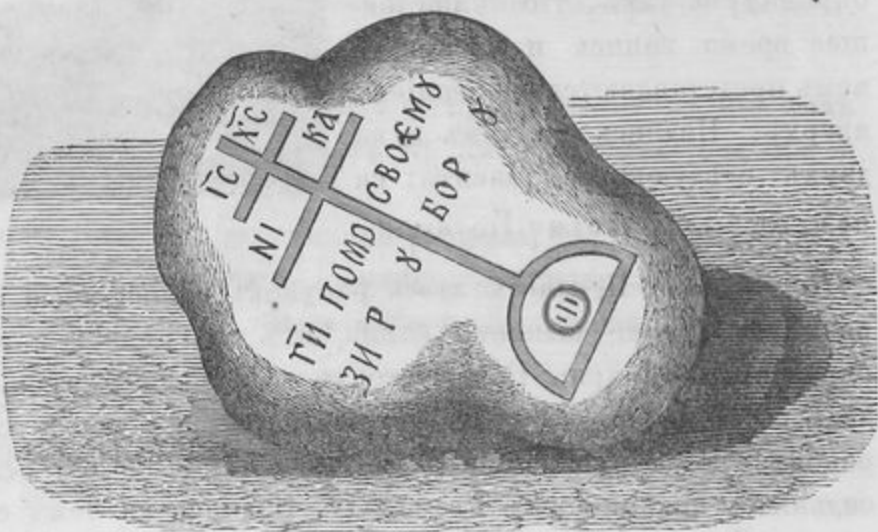

же часть креста и запись уцѣлѣли. Лѣтомъ 1858 года, при весьма низкомъ горизонтѣ воды, мнѣ удалось собрать почти все раздробленные куски камня, изъ коихъ можно было составить первоначальную форму креста. Она представлена на рисункѣ 2.

Примѣчаніе. Академикъ Кеппенъ въ статьѣ о Роговолодовомъ камнѣ говоритъ также и о двинскихъ камняхъ, и сообщаетъ рисунокъ этого втораго камня, посланный Е. Ф. Канкринымъ графу Румянцову. Г. фонъ Шмидтъ говоритъ, что этотъ камень лежитъ между деревнею Наковниками и харчмою Осиновкой и состоитъ изъ сѣраго гранита. Г. Сементовскій въ Памятникахъ Старины (стр. 65) рассказываетъ то же, что сообщаетъ подробнѣе самъ М. Ф. Кусцинскій.

В. Третій камень лежитъ въ 2 верстахъ отъ вышеописаннаго камня почти на серединѣ русла рѣки; высота его отъ дна ровно $3\frac{1}{2}$ арш., длина $5\frac{3}{4}$ арш. На плоской поверхности его высѣченъ шестиконечный крестъ, а по обѣимъ сторонамъ надпись: *ГІИ ПОМОЗИ РАКУ СВОЕМУ БОРИСУ.*

Примѣчаніе. По словамъ г. фонъ Шмидта: «третій самый большой камень лежитъ на серединѣ Двины, въ 7 верстахъ отъ города Дисны, между имѣніями Волотками (Болотниками по А. Сементовскому, стр. 65, 66) съ правой и Поянушками съ лѣвой стороны рѣки, надъ водою одинъ арш.

и вѣроятно также перевернуть на бокъ сильнымъ натискомъ льда. На ровной плоскости вырѣзанъ большой греческій крестъ съ двумя перекладинами, вышина его 3 арш. 11 вершк.; верхняя перекладина въ 1 арш., нижняя—1 арш. 7 вершк. Подножіе креста: вышина 1 арш. $1\frac{1}{2}$ вершка; ширина—1 арш. $3\frac{1}{2}$ вершка; величина буквъ 3 вершка (см. рисунокъ 3). Надъ верхнею перекладиною—буквы: *IC—XC*, надъ второю—*NI—KA*.... Въ серединѣ подножія въ кружкѣ три черты на подобіе буквы: *m* и навѣрно означаютъ черепъ, который обыкновенно изображали у подножія крестовъ».

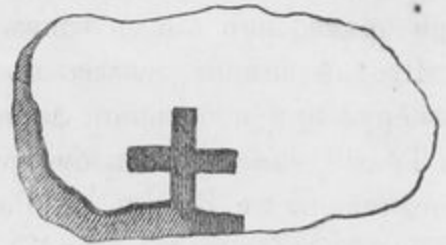
Г. Четвертый, самый меньшій камень, лежитъ на лѣвомъ берегу Двины, почти рядомъ съ вышеописаннымъ третьимъ камнемъ, близъ впаденія рѣчки Поянушки; длина его равна 2 арш. 2 вершк., ширина— $1\frac{3}{4}$ арш., высота 12 вершк. На немъ высѣченъ четырехконечный крестъ, по обѣимъ сторонамъ коего надпись, изображенная на рисункѣ 4. По моему мнѣнію надпись эта выражаетъ: сильный, храбрый Борисъ святъ. Камень этотъ бываетъ виденъ весьма рѣдко; такъ въ 1858 году, при очень низкомъ уровнѣ воды, онъ едва на одинъ вершокъ выступалъ надъ водою.

Примѣчаніе. Г. Шмидтъ пишетъ: «въ весьма сухое лѣто 1820 года былъ онъ еще на $\frac{1}{4}$ арш. надъ поверхностью воды и былъ тогда срисованъ мною. Состоитъ онъ изъ краснаго гранита; длина его $2\frac{1}{4}$ арш., ширина 1 арш., 12 вершк., толщина

10 вершк. Поверхность его плоская, и на ней вырѣзанъ крестъ длиною въ 14 вершк., обращенный къ востоку, съ подставкою въ видѣ кольца». Г. Шмидтъ читаетъ эту надпись совершенно одинаково, какъ и г. Кусцинскій, и рисунки ихъ также совершенно сходны, за исключеніемъ второй буквы первой строки, которой у г. Шмидта не видно, и сверхъ того недостаетъ у него также четвертой буквы во второй строкѣ.

Д. О пятомъ двинскомъ камнѣ мы находимъ свѣдѣнія у А. Сементовскаго (Памятники, стр. 67), который пишетъ, что «въ 1865 году, въ самомъ городѣ Витебскѣ, насупротивъ древней Успенской церкви, шагахъ въ 25 отъ подошвы круто подымающагося берега Двины, найденъ пятый камень, съ глубоко высѣченнымъ на немъ шестиконечнымъ крестомъ, размѣръ верхней перекладины коего, а также часть отъ вершины до большой перекладины имѣють по одному футу длины. Наибольшая видимая величина камня равна двумъ аршинамъ четыремъ вершкамъ, а наибольшая ширина — одинъ аршинъ два вершка. Кусокъ камня, на которомъ была высѣчена остальная часть креста, отломленъ, и мы никакъ не могли отыскать его между множествомъ гранитныхъ обломковъ, лежащихъ вокругъ крестоваго камня. Въ весеннее и осеннее половодіе онъ постоянно покрываетъ водою: мы видѣли его 15 іюня 1866 года при высотѣ уровня воды 2 арш. 13 вершк., и нашли его такимъ. Намъ называли этотъ камень Иосафатовымъ и постоянно твердили только одно, что камень этотъ лежитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, и что никто не помнитъ даже, когда и по какому случаю часть его обрушилась». Сверхъ того, г. Сементовскій упоминаетъ еще о двухъ камняхъ, но безъ надписей и крестовъ. Одинъ, извѣстный подъ именемъ Витольдовыхъ тарелокъ, имѣющій на вершинѣ 6 круглыхъ углубленій, лежалъ близъ замка Воронечъ у берега озера Воронечскаго. Другой камень, Витольдовы вилки, такъ прозванный по знаку, похожему на вилки, лежитъ у берега рѣки Ушачи. Точныхъ свѣдѣній не сообщаетъ.

Примѣчаніе. При описаніи двинскихъ камней доселѣ не обратили вниманія, что эти памятники не прекращаются, какъ полагаютъ М. Ф. Кусцинскій и другіе, у рѣки Повянушки, въ семи верстахъ ниже города Дисны, а встрѣчаются еще ниже въ Двинѣ близъ Ашерадена въ Фридрихштадтскомъ уѣздѣ, Лифляндской губерніи. Профессоръ Крузе (Necrolivonica.

Generalbericht, p. 24) замѣчаетъ, что многочисленные камни съ крестами (tab. 69, № 1—6) совершенно подобны другимъ двинскимъ камнямъ и принадлежать вѣроятно къ одному времени, потому что Ашераденъ принадлежалъ къ Полоцкому княжеству. Эти камни отчасти лежатъ въ самой рѣкѣ, отчасти также около берега. Любопытно было бы имѣть хорошія фотографіи и съ этихъ камней, хотя не видно на нихъ никакихъ записей. Но какое значеніе имѣли эти памятники, безъ сомнѣнія намѣренно воздвигнутые, какъ видно изъ вреда, причиненнаго натискомъ льдовъ, — доселѣ еще не объяснено. Графъ К. Тышкевичъ (Древности. Археол. Вѣстникъ, стр. 154 — 160, рисунки на стр. 192) принимаетъ какъ двинскіе камни, такъ и всѣ другіе камни — памятники западной Руси и Подляхія, за пограничные знаки. Онъ причисляетъ къ такимъ пограничнымъ камнямъ: Рогволодовъ камень, второй двинскій камень и всѣ

остальные четыре, и насчитываетъ еще пять камней въ Подлясѣ. По его мнѣнію, камни, лежащіе въ Подляхія, служили граничными знаками не только частныхъ имѣній, но и составляли одну изъ границъ между Литвою и Польшею; свою догадку онъ основываетъ на межевыхъ документахъ, начиная съ XVI вѣка. Система класть та-кого рода знаки, какъ подковы, мечи, стопы, была употребительна въ дохристіанскомъ славянскомъ мірѣ, чего слѣды имѣемъ въ западной Руси на кладкахъ, положенныхъ чрезъ ручьи; въ Литвѣ же и Самогитіи — на камняхъ по ручьямъ и небольшимъ рѣчкамъ. Описываемые имъ камни онъ считаетъ современными двинскими по славянской записи на одномъ изъ нихъ. Всѣ они лежатъ въ Подлясскомъ (въ Сѣдлицкой губерніи) при маленькой рѣчкѣ Пивоніи, между имѣніемъ Сухой-Волею и Вогинскимъ Ключемъ; лежатъ они подъ-рядъ, отъ юга къ сѣверу.

Первый камень А начинается граничный рядъ; лежитъ въ дубравѣ; на немъ видны три знака, изъ коихъ одинъ напоминаетъ латинскую—w или греческую букву ω.

Второй камень лежитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ первого, по направленію къ сѣверу, при небольшой дорожкѣ. На немъ два знака вродѣ копыта.

Третій камень подъ буквою С лежитъ по тому же направленію на полѣ при тракѣ, соединяющемъ Вогинъ съ Радзиномъ. На немъ славянская записъ, которую графъ Тышкевичъ читаетъ: ĩ(радъ) сангѣш(е)в. Мнѣ кажется, что сравнивая эту надписъ съ двинскими записями слѣдуетъ читать: ĩ(осподи) си(ас)и ĩ(д?)ш Ѣ(асилія?). Вообще желательно бы было имѣть оттискъ съ этой надписи на бумагѣ.

Четвертый камень D, съ пятиконечнымъ крестомъ, лежитъ въ лѣсу.

Пятый камень E, съ изображеніями четырехконечнаго креста и фигуры вродѣ копыта, также лежитъ въ лѣсу.

Наконецъ гр. Тышкевичъ на рисункѣ подъ буквою F изобразилъ шестой камень, находящійся въ Виленскомъ уѣздѣ, на берегу Вилии, въ имѣніи Долгиновъ помѣщика Каменскаго въ деревнѣ Камень. Это—самородная глыба темнаго гранита, получившая отъ природы видъ конуса, вышиною почти въ 5 аршинъ и два сличкомъ аршина въ поперечникѣ основанія; на этомъ камнѣ изсѣченъ шестиконечный крестъ.

Время, къ которому принадлежатъ всѣ эти камни, вѣроятно опредѣляется по палеографическимъ признакамъ буквъ и по формѣ крестовъ въ сравненіи съ Роговолодовымъ и съ двинскими камнями. Эти послѣдніе, какъ и Ашераденскіе камни, несомнѣнно поставлены князьями Полоцкими, коихъ родословіе, по изслѣдованіямъ Погодина и Соловьева, тутъ прилагается.

Н. Я. Аристовъ докладывалъ о статьѣ Р. Г. Игнатьева о курганахъ и городищахъ Оренбургскаго края (см. приложение стр. 153—158).

Затѣмъ Н. Я. Аристовъ сообщилъ свѣдѣнія о мѣстностяхъ ему извѣстныхъ и заслуживающихъ вниманія археологовъ:

1. *Городище* въ одной части города Липецка, Тамбовской губерніи, въ которомъ находимы были древнія орудія каменные и желѣзные.

2. *Чортово городище* около деревни Монастырки, недалеко отъ города Елабуги, Вятской губерніи, на берегу Камы. На этомъ мѣстѣ, кромѣ татарскихъ монетъ, находили разнаго рода древнія мѣдныя издѣлія и тотчасъ сбывали ихъ на тамошній колокольный заводъ. Монеты, какъ говорятъ, доселѣ хранятся у нѣкоторыхъ мѣстныхъ священниковъ. Елабужское городище, какъ ему рассказывали, занимаетъ большое

пространство по берегу Камы, и каменная его стѣна частью находится уже подъ распаханной землей. Правильныхъ раскопокъ, сколько извѣстно, никто тамъ не дѣлалъ. Въ 1860 году Н. Я. Аристовъ видѣлъ еще одну не разрушившуюся стѣну главной башни, но теперь, говорятъ, на этомъ мѣстѣ жители выстроили бесѣдку.

3. На мѣстѣ *Старой Казани*, версть на 60 отъ Новой Казани, на рѣкѣ Казанкѣ, доселѣ не было никакихъ раскопокъ и розысканій; изъ ученыхъ, сколько помнится, одинъ Палласъ былъ на этомъ мѣстѣ, но не обратилъ вниманія на археологическую его сторону.

4. Выше города Чистополя на Волгѣ лежитъ *Савинъ городокъ*, гдѣ находятъ татарскія монеты и вещи. По всей вѣроятности, здѣсь стоялъ извѣстный старинный городъ *Жукотинъ* Болгарскій.

5. По одному большому кургану находится: въ Лебедянскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, около деревни Чибезовки, недалеко отъ дороги въ село Свѣтлое-озеро; потомъ—близъ дороги между селами Стенинскимъ и Бутырками, Липецкаго уѣзда; и наконецъ—около села Бутырокъ, въ большой тамбовской дорогѣ. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, есть цѣлые луга, усыянные множествомъ кургановъ.

6. Планы древнихъ церквей Вышегородской и Полоцкой можно видѣть въ Румянцевскомъ музеѣ—№ 177, л. 49 и 142. Тамъ же находятся указанія на камни, найденные по рѣкѣ Тоснѣ, Новгородскаго уѣзда, въ Тесовской вотчинѣ, и на двинскій камень Бориса Всеславича—№ 177, л. 139 оборотъ и л. 171. Тамъ же упоминается о каменномъ топорѣ и молотѣ, желѣзномъ бердышѣ, глиняной урнѣ, каменномъ копѣѣ изъ сѣраго гранита, найденныхъ на Ольгердовой дорогѣ къ Москвѣ. Рисунки со всѣхъ этихъ вещей находятся подъ № 177, л. 120.

П. И. Мельниковъ изложилъ свое мнѣніе о курганахъ, расположенныхъ въ Симбирской, Нижегородской и Казанской губерніяхъ (см. приложение стр. 159—162).

На сообщеніе П. И. Мельникова А. А. Гатцугъ замѣтилъ съ своей стороны, что онъ заподозриваетъ существованіе сторожевыхъ кургановъ гдѣ бы то ни было. Многіе изслѣдователи, не находя ничего въ курганахъ, считаютъ ихъ сторожевыми по положенію ихъ на высокомъ мѣстѣ, между тѣмъ, сколько г. Гатцугу ни приходилось изслѣдовать кургановъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, онъ нигдѣ не находилъ собственно сторожевыхъ кургановъ. На самомъ дѣлѣ, многіе курганы дѣйствительно могли служить для сторожекъ, для наблюденія за движеніемъ непріятеля, но никто доселѣ не можетъ указать ни на одинъ курганъ, который былъ бы насыпанъ единственно для этой цѣли. Да и не было нужды древнимъ жителямъ насыпать подобнаго рода курганы, когда на каждомъ шагѣ встрѣчаются на возвышенныхъ мѣстахъ могильные курганы, которые могутъ служить сторожевыми пунктами.

Противъ мнѣнія, высказаннаго А. А. Гатцугомъ, гр. Уваровъ возразилъ, что невозможно такъ рѣшительно отрицать существованіе сторожевыхъ кургановъ, но нельзя, отчасти, не согласиться съ мнѣніемъ А. А. Гатцуга въ томъ, что весьма часто могильныя насыпи служили сторожевыми пунктами. При семъ надо замѣтить, что есть цѣлыя степныя полосы Россіи, на которыя гр. Уваровъ обращалъ вниманіе археологовъ въ первой главѣ своего сочиненія о Древностяхъ южной Россіи, и на этихъ полосахъ почти нигдѣ не встрѣчается могильныхъ кургановъ. Въ такихъ степныхъ мѣстностяхъ необходимо было насыпать особые курганы или холмы для

указанія пути и для сторожи. Читая книгу «Большаго Чертежа» (Москва. Изд. Спаскаго, стр. 18, 37, 44), видимъ во первыхъ, что курганы опредѣляли въ степяхъ направление пути (шляха), а во вторыхъ, при описаніи мѣстъ, гдѣ станичники должны были оставлять дождныя памяти, замѣтно довольно ясное различіе между могильными и сторожевыми курганами. При первыхъ иногда обозначается, что стоитъ на нихъ одна или нѣсколько каменныхъ бабъ («а на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ человекъ каменный... и у дву дѣвокъ каменныхъ»); въ другой разъ могильный курганъ прямо называется могилою: «на устьѣ рѣки Мечи съ вышнія страны Волотова могила». При этомъ неизлишне замѣтить, что въ книгѣ «Большаго Чертежа» слово курганъ принимается иногда какъ синонимъ городища: «... съ Крымской страны Зміево городище, а Зміевъ курганъ тожь». Наконецъ мы вправѣ предположить, что сторожевые курганы не только насыпались древнѣйшими жителями съ извѣстною цѣлью, но также и въ болѣе новѣйшее время воздвигались при устроеніи засѣкъ на особыхъ мѣстахъ, удобныхъ для наблюденія за безопасностью засѣки. Сверхъ того, раскопки кургановъ во Владимірской губерніи убѣдили гр. Уварова окончательно въ томъ, что древніе жители устраивали нарочно и особымъ способомъ сторожевые насыпи или холмы. Три замѣчательные примѣра подобныхъ насыпей встрѣчаются при селахъ: Ефимьевѣ, Купани и Хмѣльникахъ въ Переславскомъ уѣздѣ ¹⁾.

И. И. Срезневскій полагаетъ, что пока не достаточно еще изслѣдованъ самый бытъ древнѣйшихъ жителей Россіи; трудно навѣрно знать, имѣли ли эти обитатели такія ясныя понятія о средствахъ, употребляемыхъ для защиты отъ непріятеля.

8. Изъ Казани Г. П. Васильевъ извѣстилъ Съѣздъ, что въ нѣкоторыхъ станахъ Чебоксарскаго и Тетюшскаго уѣздовъ, Казанской губерніи, находятся значительной величины камни и небольшіе курганы. По народному преданію эти камни будто бы поставлены Пугачевымъ. Объ нихъ были статьи въ Казанскихъ Вѣдомостяхъ 1865, 1866 и 1867 г. и въ Справочномъ Листкѣ города Казани 1867 года.

9. Изъ Одессы профессоръ В. А. Юргевичъ доставилъ слѣдующую замѣтку о курганахъ Подольской губерніи, при мѣстечкѣ Рыбницѣ.

«Лѣтомъ 1867 года, находясь въ командировкѣ въ Кишинеv, я воспользовался приглашеніемъ бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа, дѣйств. стат. совѣтн. Арцимовича для того, чтобы съ помощью нанятыхъ имъ рабочихъ разслѣдовать степныя могилы, находящіяся надъ Днѣстромъ въ его имѣніи, мѣстечкѣ Рыбницѣ, Подольской губерніи. Прибывъ на мѣсто, я нашелъ, въ разстояніи 8 верстъ отъ мѣстечка, на высотахъ, его окружающихъ, группу изъ 6 могилъ, изъ коихъ одна большая находится посреди, другія же пять разбросаны довольно близко вокругъ нея по степи, которая, можетъ быть, въ древнія времена была покрыта лѣсомъ, если судить по его остаткамъ, тянущимся въ отдаленіи. Большая могила имѣетъ въ окружности 98 шаговъ, при высотѣ около 2 сажень выше уровня земли, меньшія — около пятидесяти шаговъ, при высотѣ двухъ аршинъ надъ уровнемъ. По народному преданію это — чумныя турецкія могилы, къ чему, повидимому, подали мысль большіе камни, которыми онѣ обложены, бѣлѣющіеся въ разныхъ мѣстахъ по ихъ окраинамъ. Каменная броня большой могилы состоитъ изъ большихъ камней, поставленныхъ часто стоймя, и составляетъ ограду толщиною въ одинъ аршинъ, вы-

(1) По случаю обсужденія этого вопроса прилагаемъ свѣдѣнія, доставленныя А. Н. Мухомъ о сторожевыхъ курганахъ Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи (см. приложение стр. 163—165).

сотою въ сажень. Не имѣя достаточно времени для того, чтобы раскопать самую замѣчательнѣйшую могилу по ея величинѣ, я принужденъ былъ прорѣзать ее корридоромъ въ двѣ стороны, начиная отъ середины. Углубившись корридоромъ до уровня, я пробовалъ еще глубже сверломъ, и прекратилъ раскопку, когда увидѣлъ, что дошелъ до слоя матерой глины. Въ могилѣ не нашли ничего, кромѣ нѣсколькихъ лошадиныхъ зубовъ, нѣсколькихъ косточекъ какого-то меньшаго животнаго, довольно значительнаго количества зеренъ просо и гречихи, лежащихъ подъ самими камнями, и множества сливяныхъ косточекъ, съ вырѣзанною съ боку, пожикомъ, дырочкою, какъ будто для того, чтобы вынуть изъ нихъ зернушко. Тутъ же найдена половина рукоятки изъ оленьяго рога отъ большого ножа или сабли, съ дырочками, черезъ которыя проходили прикрѣпляющіе ее гвозди. Ни другой половины, ни самага клинка не было. При раскопкѣ замѣчено, что по срединѣ, на значительной глубинѣ, земля была рыхлая и влажная, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ сухости и твердости, она раскапывалась съ трудомъ. Рылъ ли кто нибудь эту могилу? или можетъ быть по срединѣ было углубленіе съ самага начала, подобное тѣмъ, какія находятъ въ другихъ, такъ называемыхъ обрядовыхъ, могилахъ? Мои работники увѣряли меня, что въ 35 верстахъ отъ этого мѣста, по дорогѣ въ Дубоссары, надъ Днѣстромъ, раскопали точно такую же могилу и нашли въ ней урну съ пепломъ. Принадлежать ли эти могилы къ такъ называемымъ въ западной Европѣ арійскимъ, которыя въ Польшѣ называютъ *жалями* (*zale*), гдѣ также находятъ горшки съ пепломъ? Что это не были ни турецкія ни даже похоронныя, я убѣдился, разрывъ другую маленькую, гдѣ нашелъ только просо, гречиху и сливяныя косточки, но никакихъ ножей въ ней не было».

Изъ Новочеркаска отъ Х. И. П о п о в а получены свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ, находящихся въ землѣ войска Донскаго. Въ первомъ отдѣлѣ: Городища, пустоши, остатки укрѣпленій и пещеры; во второмъ отдѣлѣ: Замѣчательные курганы; въ третьемъ отдѣлѣ: Особыя свѣдѣнія о находкѣ вещей древности; въ четвертомъ отдѣлѣ: Урочища о коихъ есть преданія. Эта статья ко дню открытія Съѣзда представлена была членомъ Московскаго Археологическаго Общества Н. Д. Борисякомъ въ редакцію Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей для напечатанія (см. № 30 отъ 15 марта 1869 года), при слѣдующемъ письмѣ:

«Во время моихъ командировокъ въ землю войска Донскаго, я, на сколько могъ, обращалъ вниманіе на памятники древностей, находящіеся въ этомъ краѣ. Руководясь мыслию, что для полнаго, столь желательнаго, сборника археологическихъ памятниковъ, разсѣянныхъ на обширныхъ пространствахъ Россіи, было бы полезно собраніе свѣдѣній объ этихъ памятникахъ, частію разбросанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, частію вовсе необнародованныхъ, я пригласилъ Х. И. Попова извлечь изъ Войсковыхъ Вѣдомостей свѣдѣнія, касающіяся этого предмета, дополнить ихъ, съ цѣлью препроводить затѣмъ въ Московское Археологическое Общество. Г. Поповъ съ полною готовностію принялъ это предложеніе и составилъ прилагаемый при этомъ и отданный въ мое распоряженіе свой трудъ.

Находя благоприятнымъ и своевременнымъ, по случаю нынѣшняго археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, довести до свѣдѣнія Московскаго Археологическаго Общества и членовъ Съѣзда трудъ г. Попова, касающійся рѣшенія предложенныхъ предварительнымъ комитетомъ Съѣзда вопросовъ, я считаю удобнымъ, напечатать этотъ трудъ,

при содѣйствіи редакціи Харьковскихъ Вѣдомостей, въ достаточномъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ, — препроводить послѣдніе, согласно предисловію автора, въ Московское Археологическое Общество ко дню Съѣзда».

Послѣ того Х. И. Поповъ доставилъ новыя пополненія къ своему труду, съ разными исправленіями (см. приложение стр. 166—183).

Съ своей стороны Н. Д. Борисьякъ отправилъ на Съѣздъ, при подробной пояснительной запискѣ, слѣдующіе предметы, доставленные ему отъ разныхъ лицъ:

а) Планъ древнихъ валовъ, окружающихъ древній городъ Переяславль, Полтавской губерніи, снятый глазомѣрно и доставленный покойнымъ профессоромъ Харьковского университета Н. Т. Костыремъ.

б) Рисунокъ каменной стрѣлы изъ Басовскаго урочища близъ Ромна, доставленный Ал. Ив. Мандикосомъ.

в) Рисунокъ молота каменнаго вѣка съ береговъ рѣки Большой Быстрой (на Дону), составленный донскимъ сотникомъ Чернояровымъ.

г) Молотокъ изъ серпентина, вымытый рѣкою Окою въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, доставленный Н. А. Булаковымъ.

е) Рисунокъ меча, найденнаго въ Чучеревѣ, доставленный Ф. П. Шимковымъ.

ф) Нѣсколько монетъ, найденныхъ въ древнемъ городищѣ у Бѣлгорода, на мѣстѣ древняго Саркела; доставлены аптекаремъ Гросселимомъ.

г) Запорожская чарка, найденная на островѣ Хортицѣ, на мѣстѣ Запорожской сѣчи; получена отъ столѣтней старухи П. П. Нельговской.

h) Нѣсколько монетъ, найденныхъ у Митякинской станицы на Дону; получены отъ артиста Галяшека.

В. В. Вельяминовъ-Зерновъ прочелъ слѣдующее сообщеніе, присланное отъ кандидата Московскаго Университета Николая Сарандинаки.

«Считаю долгомъ сообщить Съѣзду слѣдующія свѣдѣнія о курганахъ Южной Россіи:

1) Если ѣхать по почтовому тракту отъ Воронежа въ Ростовъ на Дону, то по сторонамъ дороги, верстахъ въ трехъ-стахъ отъ Воронежа, начинаютъ попадаться поля, усѣянные небольшими курганами. Въ особенности много такихъ полей находится между станціями Ушаковской и далѣе къ югу до станціи Константиновской (земли войска Донскаго). Замѣчательно, что каждое такое поле лежитъ обыкновенно на возвышенномъ плоскогорьѣ. У южнаго склона плоскогорья стоитъ обыкновенно около пяти довольно высокихъ кургановъ, съ вершины которыхъ открывается весьма обширный кругозоръ, на которомъ вдали всегда можно различать, по меньшей мѣрѣ, хотя одну подобную же группу кургановъ. Начиная отъ подножья каждой такой группы, на сѣверъ, верстъ на 6 въ длину и версты на 4 въ ширину, тянется поле, усѣянное безчисленнымъ множествомъ небольшихъ кургановъ, въ аршинъ вышиною и сажени четыре въ окружности. Эти маленькіе курганы расположены также группами, по 4 кургана въ каждой. Курганы каждой группы расположены либо по угламъ четвероугольника, либо по угламъ ромба и отстоятъ одинъ отъ другаго на 2 или 3 сажени. Вообще расположеніе этихъ кургановъ очень напоминаетъ собою остатки какого нибудь громаднаго лагеря. Такихъ лагерей на протяженіи 200 верстъ я насчиталъ вблизи дороги свыше двухъ десятковъ, да въ сторонѣ видѣлось значительное количество группъ по пяти кургановъ, у подошвы которыхъ, безъ сомнѣнія, расположены такія же поля кургановъ.

2) Не говоря о безчисленном множествѣ очень высокихъ кургановъ, разбросанныхъ по степямъ Новороссіи и въ особенности по задонской части Екатеринославской губ. и смежной съ нею части земли Войска Донскаго, особенный интересъ представляютъ слѣдующія группы ихъ: а) Группы кургановъ, лежащихъ на правой сторонѣ Дона, верстахъ въ тридцати отъ Ростова на Дону и верстахъ въ 15-ти отъ Азова, не вдалекѣ отъ казацкой столицы Щучьей. Группа эта извѣстна мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ «Семи Братьевъ». в) Огромное скопленіе кургановъ версть на 5 южнѣе «Семи Братьевъ». Это скопленіе кургановъ извѣстно подъ именемъ «Городка». «Городокъ» расположенъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, на которомъ, судя по геологическому строенію почвы, Донъ нѣкогда впадалъ въ Азовское море. Теперь устье его значительно отодвинулось къ югу. Въ народѣ есть молва, будто бы въ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ, даже и при поверхностныхъ раскопкахъ, отыскано было много старинныхъ вещей и монетъ. За достовѣрность этого слуха не ручаюсь, равно какъ не ручаюсь и за тотъ слухъ, будто бы много вещей найдено при поверхностной раскопкѣ огромнѣйшаго кургана, находящагося въ трехъ верстахъ отъ Ростова на Дону, на границѣ городской земли съ землею Войска Донскаго, вблизи дачи, принадлежавшей Акціонерному Обществу «Сельскій Хозяинъ».

3) На берегу рѣчки Сухой Чумбурки, въ имѣніи г. Сарандинаки, расположенномъ на лѣвомъ берегу Азовскаго моря, въ сорока верстахъ отъ устья Дона, находится скопленіе небольшихъ кургановъ, занимающихъ собою довольно значительную площадь. Эти курганы, безъ всякаго сомнѣнія, суть остатки какого нибудь древняго поселенія. Даже къ поверхностнымъ раскопкамъ этихъ кургановъ никто еще доселѣ не приступалъ. Сѣвернѣе ихъ находится огромный курганъ, поражающій своей остроконечной формой; въ народѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ «Острой Могилы».

На это сообщеніе В. Г. Тизенгаузенъ замѣтилъ, что вѣкоторые изъ кургановъ, о которыхъ пишетъ г. Сарандинаки, ему извѣстны и были уже раскапываемы; бѣльшая часть изъ нихъ заключаетъ предметы всѣхъ трехъ вѣковъ: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго.

Въ заключеніе засѣданія членъ Съѣзда и вице-президентъ Копенгагенскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ Ворсо произнесъ (на французскомъ языкѣ) рѣчь, въ которой представилъ общую характеристику различныхъ эпохъ сѣверной древности. Указавъ на вещи доисторической эпохи, находимыя въ скандинавскихъ земляхъ и принадлежавшія неизвѣстнымъ народамъ, г. Ворсо представилъ характеристику вещей каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Говоря о томъ, что ни въ Норвегіи, ни въ сѣверной половинѣ Швеціи не встрѣчаются курганы изъ большихъ камней, вертикально поставленныхъ, обращенныхъ плоскою стороною внутрь и покрытыхъ громадными каменными плитами, г. Ворсо сослался на чтеніе г. Головацкаго, упомянувшего, что литовскіе курганы также не представляютъ подобныхъ признаковъ. Приурочивъ способъ погребенія несожженныхъ труповъ къ каменному вѣку, а сожиганіе труповъ къ бронзовому, г. Ворсо замѣтилъ о продолжительности послѣдняго, подтверждаемой множествомъ бронзовыхъ вещей, встрѣчаемыхъ въ скандинавскихъ курганахъ. Вещи эти приходили большею частью изъ югозападной Европы морскимъ путемъ. Желѣзный вѣкъ начался на сѣверѣ Европы съ распространенія римскаго владычества по Дунаю и Рейну. Когда на сѣверѣ Европы проникаетъ римское вліяніе,

появляются серебряныя и желѣзныя вещи, а также и руиническія. За тѣмъ начинается новый отбѣнокъ желѣзнаго вѣка. Съ одной стороны сѣверные народы подражаютъ римской культурѣ; съ другой стороны въ Скандинавію начинается проникать черезъ Россію вліяніе византійское: показываются золотыя вещи. Наконецъ черезъ Россію же проникаютъ на сѣверъ и монеты восточныя. По водвореніи христіанства на сѣверѣ, въ Даніи появляется особенный архитектурный стиль, близкій къ византійскому, но отличающійся отъ него большею простотою и нѣкоторою суровостію, перешедшій даже къ прибалтійскимъ Славянамъ. Останавливаясь не разъ въ своемъ изложеніи на той видимой связи, которая существуетъ между древностями скандинавскими и русскими во время бронзоваго и еще болѣе желѣзнаго періода, г. Ворсо приглашалъ русскихъ ученыхъ содѣйствовать своими изслѣдованіями успѣхамъ сравнительнаго изученія сѣверныхъ древностей, а также и русскихъ издателей археологическихъ сочиненій—прилагать къ нимъ краткое изложеніе ихъ содержанія на французскомъ языкѣ, чтобы сдѣлать тѣмъ доступнѣе плоды своихъ трудовъ и для иностранныхъ ученыхъ.

Третье засѣданіе 24 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ А. Ворсо.

Графъ Уваровъ прочелъ вопросы по части древностей доисторическихъ, отъ 6 до 15-го, а за тѣмъ приступлено къ докладу доставленныхъ отвѣтовъ на эти вопросы.

Ө. Н. Фортунатовъ прочелъ записку Н. Ө. Бутенева въ отвѣтъ на шестой вопросъ:

Встрѣчаются ли орудія и оружія, каменные и мѣдные (или спланные изъ сплава мѣди съ другими металлами), въ сѣверной половинѣ европейской Россіи вмѣстѣ съ орудіями и оружіями желѣзными, и сходны ли сіи послѣднія по своей формѣ и техническимъ свойствамъ съ подобными желѣзными предметами, находимыми въ могилахъ, которыя по отысканнымъ въ нихъ монетамъ, могутъ быть относимы къ IX—XII вѣкамъ по Р. Х.?

Авторъ записки пришелъ къ отрицательному отвѣту и полагаетъ, что вмѣстѣ съ орудіями каменнаго вѣка никогда не были находимы современные имъ предметы, сдѣланные изъ металловъ. Но такъ какъ вообще слишкомъ мало произведено доселѣ правильныхъ раскопокъ, то трудно собрать вѣрныя и точныя данныя о способѣ нахождения каменныхъ орудій (приложеніе стр. 184—186).

Ө. Н. Фортунатовъ добавилъ еще нѣкоторыя подробности о древнихъ костюмахъ жителей Олонецкой губерніи (см. прил. стр. 194—196).

Съ мнѣніемъ г. Бутенева вполне согласился Д. П. Сонцовъ, замѣтивъ при этомъ, что, даже судя по одной виѣшней формѣ предметовъ бронзоваго вѣка, они ясно облачаютъ болѣе развитую культуру, чѣмъ грубыя орудія каменнаго вѣка, а потому, по его мнѣнію, равномернаго смѣшенія вещей каменныхъ и бронзовыхъ въ одномъ и томъ же курганѣ быть не можетъ; во всякомъ случаѣ, которыя-либо изъ нихъ должны преобладать.

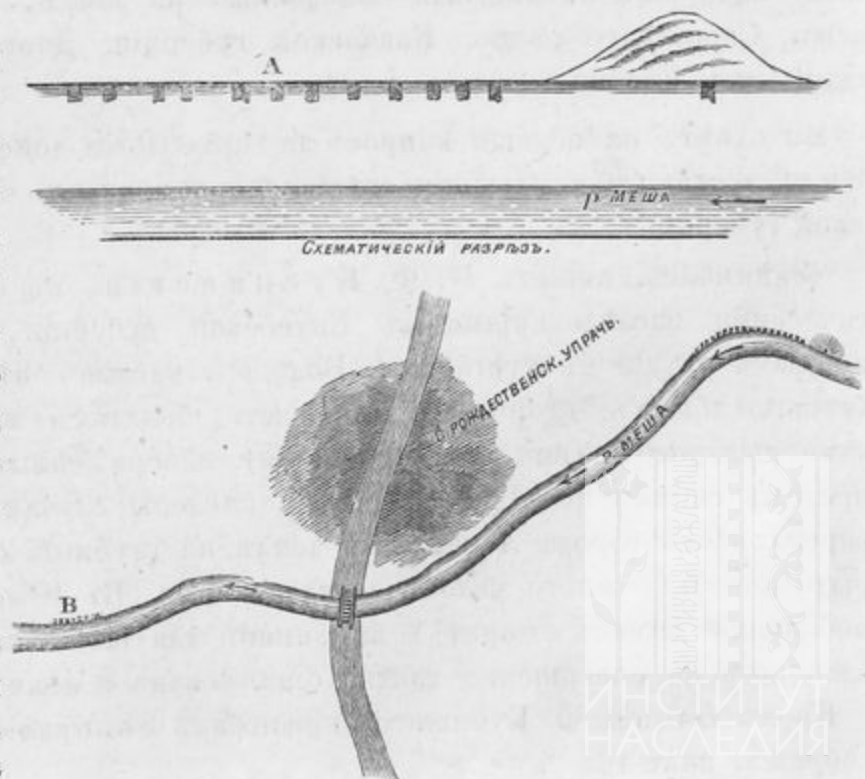
Графъ Уваровъ полагаетъ, что смѣшеніе каменныхъ орудій съ другими позднѣйшими предметами въ одномъ и томъ же курганѣ легко объясняется употребленіемъ каменныхъ орудій, въ особенности стрѣлъ и молотковъ, въ весьма позднія времена. Онъ напомнилъ, что М. А. Максимовичъ нашелъ кремневую стрѣлу вмѣстѣ со многими бронзовыми стрѣлами, а самъ онъ въ курганѣ Владимірской губерніи, Юрьев-

скаго уѣзда, близъ деревни Петряхи, на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Нерли, нашель шлифованный базальтовый (діоритъ?) молотъ, слѣдовательно второй эпохи каменнаго вѣка, вмѣстѣ съ черепками глинянаго сосуда, раздавленнаго тяжестью земли. Въ той же группѣ кургановъ, къ которой принадлежалъ и этотъ курганъ, нашли браслетъ изъ тонкой мѣдной проволоки, серебряную запонку спиралью и нѣсколько другихъ глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ одинъ сохранился довольно хорошо и имѣлъ одинъ вершокъ вышины.

Н. Я. Аристовъ сообщилъ, что въ собраніи Казанскаго Университета хранится нѣсколько орудій изъ оленьяго рога, изъ камня и изъ бронзы. Это—каменя, копыя, стрѣлы, кинжалы и топоры. Орудія эти доставлены изъ Уральскихъ могилъ (на табл. III, 1 и 16), приложены изображенія бронзоваго топора и желѣзнаго кинжала, найденныхъ въ Ланшевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи). Вообще въ Казанской и Самарской губерніяхъ находимы были бронзовыя орудія, образцы которыхъ находятся въ университетскомъ собраніи и у профессора Якоби. Лѣтъ семь тому назадъ, Н. Я. Аристовъ видѣлъ у помѣщика Кондратина бронзовую стрѣлу, найденную въ деревнѣ Ольговкѣ Самарской губерніи. Верстахъ въ 40 отъ Казани встрѣчаются на берегу рѣки Мѣши, впадающей въ Волгу, замѣчательныя древнія могилы. Такъ какъ правый берегъ Мѣши—довольно высокій и глинистый, то во время разлива воды онъ постепенно смывается и оползаетъ. Это обстоятельство послужило къ открытію здѣсь могилъ, которыя обнаружались въ разрывѣ въ видѣ четвероугольниковъ. Проѣзжая по рѣкѣ, легко отличить эти могилы на желтомъ глинистомъ обрывѣ берега, тѣмъ болѣе что онѣ полны чернозема. Профессоръ Казанскаго Университета Якоби дѣлалъ попытки разрывать эти могилы и находилъ въ нихъ множество костей разныхъ животныхъ, глиняныя черепки, и даже встрѣтилъ кости человѣческія, между которыми нашель довольно хорошо сохранившійся черепъ. Доселѣ эти кости не изслѣдованы. Подобныя могилы, добавляетъ Н. Я. Аристовъ, встрѣчаются и по берегамъ другихъ рѣчекъ Казанской губерніи. Профессоръ Якоби доставилъ слѣдующія свѣдѣнія о могилахъ на рѣкѣ Мѣшѣ.

«Въ одну изъ геологическихъ экскурсій по Казанской губерніи, Н. А. Головинскій замѣтилъ въ Ланшевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Мѣши, версты на полторы выше моста, между дер. Дятловкой и с. Рождественское - Упречъ, рядъ могилъ (онъ ихъ насчиталъ 28; см. на рис. А). Надъ одной изъ нихъ холмъ 15' вышиной и около 50' въ разрывѣ основанія. При бѣгломъ осмотрѣ нѣкоторыхъ могилъ, найдены кости домашнихъ животныхъ (трубчатая кость быка, лошади, зубъ свиньи, черепъ собаки), древесный

уголь, черепки глиняной посуды, грубой работы, и обломок верхней челюсти человека. Проѣзжая по той же дорогѣ, я замѣтилъ на правомъ берегу рѣки Мѣши, съ $1\frac{1}{2}$ версты пониже моста, рядъ могилъ (см. на рис. В); ихъ чернобурый цвѣтъ рѣзко выдѣлывается на красновато-желтомъ грунтѣ обрывистаго берега. При поверхностномъ осмотрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, я нашелъ сломанныя кости животныхъ (трубчатая кость лошади, остистый отростокъ спиннаго позвонка, кажется, лося), неполный скелетъ человека и много черепковъ глиняной посуды (нѣкоторые очень грубой работы). Вспомнивъ объ извѣстномъ уже мнѣ замѣчаніи Н. А. Головинскаго, я разыскалъ могилы А и нашелъ въ одной изъ нихъ очень хорошо сохранившійся черепъ человека. Судя по положенію черепа въ землѣ, должно думать, что скелетъ лежитъ на спинѣ, ногами на востокъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что на обоихъ сказанныхъ мѣстахъ окрестные жители не запомнятъ никогда никакого поселенія; только въ холмѣ кто-то, говорятъ, нашелъ должно быть бронзовый обломокъ (по его мнѣнію кусокъ колокола) и представилъ его въ г. Казань, гдѣ онъ затерялся, но сохранилась еще легенда о кладѣ.

Л. В. Даль сказалъ, что ему извѣстна находка каменнаго молотка въ одномъ сельскомъ пруду, Арзамаскаго уѣзда.

Д. Г. Геденовъ доставилъ свои замѣчанія о древностяхъ Веневскаго уѣзда (см. приложение стр. 243—248).

Н. Я. Аристовъ въ дополненіе къ прежде сообщеннымъ свѣдѣніямъ о каменныхъ орудіяхъ, представилъ фотографическіе оттиски, присланные пр. Якоби изъ Казани (табл. III, 12, 12а, 13, 14) и представляющіе:

а) Топоръ изъ кремнисто-известковой массы, пермской формаціи (по опредѣленію проф. Н. А. Головинскаго), мѣстнаго матеріала; найденъ близъ Камы, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи (изображенъ впрямь и въ профиль).

б) Кремневое копьѣ и кварцовый кинжалъ или копьѣ (рис. 13 и 14)—повидимому матеріалъ не мѣстный—найденные на землѣ, принадлежащей къ селу Буртасамъ, Свіяжскаго уѣзда, Казанской губерніи. Доставлены проф. Н. А. Головинскимъ изъ Казани.

Въ отвѣтъ на первый вопросъ по археологіи доисторической, М. Ф. Кусцинскій доставилъ слѣдующія свѣдѣнія о каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Витебской губерніи.

«Занимаясь, пишетъ М. Ф. Кусцинскій, въ продолженіи 17 лѣтъ археологическими изслѣдованіями въ Витебской губерніи, я ни разу не находилъ каменныхъ орудій въ курганахъ. Большею частію онѣ попадаются случайно на пахатныхъ поляхъ, огородахъ, въ лѣсахъ, болотахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ. Два каменные долота (изъ моего собранія), изображенные на приложенномъ фотографическомъ снимкѣ подъ №№ 17 и 18, найдены случайно при копкѣ канавы въ шести верстахъ отъ города Лепеля, въ землѣ на глубинѣ 2 аршинъ, при чемъ было вырыто довольно много человѣческихъ костей. Въ Полоцкомъ уѣздѣ найденъ случайно небольшой камень (діоритъ), служившій для шлифовки каменныхъ издѣлій; въ немъ одна сторона совершенно гладко ошлифована и немного выпукла; вѣситъ два фунта».

Кромѣ того, М. Ф. Кусцинскій приложилъ фотографіи съ другихъ предметовъ своего собранія, какъ-то:

№ 1 Булава изъ камня кремнистой породы желто-зеленаго цвѣта; найдена на пахатномъ полѣ, въ Лепельскомъ уѣздѣ. Употреблялась какъ отличный знакъ достоинства; формою она похожа на такое же орудіе, найденное въ Силезіи и описанное Бюшингомъ (*Die Heidnischen Alterthümer Schlesiens, herausg. von. I. G. G. Büsching. Leipzig. 1820*).

№ 2—5. Топоры изъ діорита.

№ 6. Отбитая тупая часть топора изъ сіенита.

№ 7. Топоръ изъ змѣвика съ отбитымъ тупымъ концемъ и вновь просверленнымъ отверстіемъ.

№ 8. Топоръ изъ діорита.

№ 9—10. Топоры съ отбитыми тупыми концами.

№ 11—14. Рубила изъ діорита; къ нимъ, вѣроятно, придѣлывались рукоятки изъ дерева (или рога?).

№ 15—19. Долота изъ змѣвика.

№ 20. Долота изъ кремня.

№ 21—23. Долота изъ діорита.

Изъ Казани А. Θ. Лихачевъ прислалъ литографированные рисунки съ предметовъ, найденныхъ въ развалинахъ Булгаръ (рисунки эти приложены будутъ къ его изслѣдованіямъ объ этомъ замѣчательномъ городѣ). Между этими таблицами, двѣ изъ нихъ (IV и IV bis) представляютъ изображенія каменныхъ орудій, найденныхъ на той же мѣстности. Изъ этихъ орудій часть принадлежитъ къ каменнымъ грубо обтесаннымъ орудіямъ (табл. IV, 1, 2, 3, 5, 6; табл. IV bis, 1, 2, 3, 4).

Табл. III, 1. Наконечникъ отъ копья, дрота или быть можетъ остроги изъ весьма твердаго роговика, темно-бураго цвѣта, ясно просвѣчивающаго по краямъ, подобно агату. Съ одной стороны замѣтны на немъ образовавшіеся дендриты.

— — 2. Особой формы орудіе, быть можетъ также наконечникъ отъ копья; но по причинѣ его слишкомъ плоской формы и довольно острымъ краямъ, кажется, оно могло бы служить ножомъ или скребелемъ при выдѣлкѣ кожъ. Матеріалъ—роговикъ цвѣта подобнаго предыдущему, но повидимому не столь хорошаго качества. По краямъ слегка просвѣчивается.

- — 3. Прямое долото изъ кремня, большого размѣра; верхній конецъ отломанъ.
- — 4. Наконечникъ отъ стрѣлы изъ твердаго кремня, бѣловатаго цвѣта съ темною жилою; верхній конецъ нѣсколько отломанъ.
- — 5. Наконечникъ отъ копья изъ кремня, отчасти проникнутаго известковою массою бѣловатаго цвѣта.
- — 6. Прямое долото изъ такого же кремня, бѣловато-сѣраго цвѣта.
- — 7. Клинь или быть можетъ также долото, весьма грубой обдѣлки, или недодѣланное, изъ кремня; свойствами подобный № 9.
- — 8. Прямое долото изъ кремня.
- — 9. Тоже, изъ кремня; нижній конецъ имѣетъ полукруглую форму.

Другая часть орудій принадлежитъ уже ко второму періоду каменнаго вѣка—къ орудіямъ шлифованнымъ.

Табл. III, 10. Круглое долото изъ аспиднаго камня, чернаго цвѣта, по формѣ подобное № 18 у Ворсо (Сѣверн. Древности) и № 3 у П. П. Лерха (въ V т. Извѣстій Имп. Арх. Общ.).

- — 11. Предметъ неизвѣстнаго назначенія, съ одного конца обломленный; сдѣланъ изъ кварцовика и гладко отшлифованъ: мѣстами какъ будто даже замѣтны слѣды полировки. Можетъ быть онъ относится къ болѣе позднему времени.

Изъ Архангельска А. Г. Тышинскій доставилъ свѣдѣнія о каменныхъ орудіяхъ, помѣщенные въ его статьѣ (см. приложение стр. 319—364).

Изъ Холмогоръ П. С. Еоименко сообщилъ также свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ орудій въ Архангельской губерніи (см. приложение стр. 187—193).

Наконецъ четвертый вопросъ: «не употребляются ли гдѣ нибудь въ Россіи до сихъ поръ каменные орудія вродѣ молотовъ и т. п.?» вызвалъ замѣтку князя П. П. Вяземскаго о свѣдѣніяхъ, встрѣчающихся объ этомъ у нѣкоторыхъ путешественниковъ.

Каменные и костяные орудія: топоры, копья, ножи и стрѣлы были въ употребленіи въ прошломъ столѣтіи у Камчадаловъ, Чукчей, Коряковъ и Курильцевъ. Желѣзо и чугуны начали вводиться у нихъ посредствомъ разбитой чугуной посуды, ввозимой къ нимъ Русскими. Русскимъ было воспрещено продавать желѣзо Чукчамъ; наконечники стрѣлъ и ножи Чукчи выдѣлывали изъ битой чугуной посуды: они точили обломки между двухъ камней. Крашенинниковъ говоритъ, что они платили за чугуны котлы дорогой цѣной. Щекатовъ говоритъ, что судя по разсказамъ, было время, что Чукчи за котелъ платили числомъ собольихъ и лисьихъ шкуръ—сколько ихъ взойдетъ въ котелъ. Сержантъ Андреевъ видѣлъ въ 1763 году на Медвѣжьихъ островахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ устьевъ рѣки Крестовой, юрты Чукчей, обитыя досками и подпертыя бревнами, заносимыми на берегъ морскими волнами. Доски и бревна были какъ бы изгложены зубами, что ясно указывало на то, что они были обдѣланы каменными или костяными топорами.

На островѣ Кадьякѣ и прочихъ прилежащихъ къ Америкѣ островахъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ловили треску костяными удами, прикрепленными звѣриными жилами или травой. Жители этихъ острововъ употребляли кривые ножи, выдѣланные изъ камня вмѣсто топоровъ, также рогатины и наконечники стрѣлъ изъ

кости. Головинъ доносилъ, что на эти острова и на американскій берегъ американскіе промышленники доставляютъ оружіе и порохъ. Желѣзо имъ доставляли постоянно и Русскіе, но и до Русскихъ Курильцы получали орудія и желѣзо отъ Японцевъ. Крашенинниковъ говоритъ, что онъ видѣлъ на Курильскихъ островахъ японскую саблю и другіе предметы японской работы. Стальные иглы и Чукчи получали сперва отъ Японцевъ, а потомъ отъ Русскихъ. Крашенинниковъ замѣчаетъ, что вообще всѣ Курильцы, Камчадалы, Коряки и сѣверные Чукчи всѣ выдѣлываютъ орудія изъ китовыхъ костей и моржовыхъ зубовъ, желѣзо же доступно только для богатыхъ. Желѣзные или скорѣе стальные орудія могли къ этимъ народамъ попадать отъ Якутовъ и Тунгусовъ, которые занимаются сами выдѣлкой оружія.

Ал. Марковъ (Русскіе въ Восточномъ океанѣ) говоритъ, что Алеуты и нынѣ, при ловлѣ бобровъ, употребляютъ стрѣлки изъ кости, съ зубчиками на одной сторонѣ, при ловлѣ же китовъ употребляютъ аспидныя стрѣлы.

По случаю обсужденія находокъ съ доисторическими древностями, Г. Д. Филимоновъ прочелъ слѣдующую записку о томъ, какое мѣсто должны занять доисторическія древности въ нашихъ собраніяхъ:

«Хотя русскіе археологи только въ весьма недавнее время, по инициативѣ западной науки, обратились къ тщательному собиранію и болѣе точной оцѣнкѣ памятниковъ доисторической древности своей почвы, но послѣднихъ уже представляется въ сборѣ такая масса, что невольно возбуждается вопросъ: какое мѣсто занять должны они въ тѣхъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, гдѣ уже существуетъ самостоятельное отдѣленіе древностей русскихъ? Должны ли они войти въ составъ этого послѣдняго отдѣленія, и, ставъ во главѣ его, образовать собою существенную и необходимую часть доисторическихъ древностей національныхъ, или должны быть отнесены въ отдѣленіе доисторическихъ древностей вообще?

Для разъясненія вопроса намъ кажется не слѣдуетъ опускать изъ вида слѣдующихъ соображеній:

Во первыхъ. Въ настоящее время такія собранія доисторическихъ древностей Россіи не имѣютъ опредѣленнаго мѣста. Онѣ находятся и въ Эрмитажѣ, гдѣ помѣщены въ одной залѣ съ скифскими, и въ Московскомъ Музеѣ, гдѣ еще возбуждается вопросъ о ихъ окончательномъ размѣщеніи, и въ Музеѣ Этнографіи при Академіи Наукъ, гдѣ однако онѣ отнесены къ Русскому отдѣленію.

Вовторыхъ. Большинство такъ называемыхъ доисторическихъ древностей Россіи въ относителномъ только смыслѣ можетъ быть названо памятниками доисторическими, именно только по отношенію къ исторіи Россіи, и весьма незначительная часть ихъ принадлежитъ къ тѣмъ общимъ типамъ доисторическихъ древностей, которыя на Западѣ признаются за безусловно-доисторическія.

Въ третьихъ. Если эти послѣдніе, т. е. безусловно доисторическіе памятники, не имѣющіе отношенія ни къ исторіи общей, ни къ исторіи частной извѣстныхъ народовъ, на почвѣ которыхъ они открыты, относятся какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ собраніяхъ западной Европы къ національнымъ: то тѣмъ болѣе должны быть отнесены къ національнымъ древностямъ Россіи тѣ найденные здѣсь предметы, которые очевидно относятся къ временамъ, непосредственно предшествовавшимъ христіанству въ Россіи.

Въ четвертыхъ. Рѣшеніе вопроса объ отнесеніи такихъ доисторическихъ древностей въ Русское отдѣленіе имѣетъ значеніе не только научное, но и политическое. Признаніе нашихъ мѣстныхъ древностей національными тѣсно связано съ признаніемъ доисторическаго туземства, или недавней прищлости нашей на сѣверъ Европы. Если Славяне жили здѣсь въ доисторическую эпоху, а наша исторія едва только пережила тысячелѣтіе: то у насъ должны быть свои національные памятники того времени, и задача современной археологіи отыскать и указать ихъ.

Въ пятыхъ. Наконецъ населявшіе Россію въ доисторическія времена кромѣ Славянъ, и неславянскаго племени народы, оставившіе слѣды свой въ языкѣ нашемъ и другихъ этнографическихъ признакахъ, равно и народы, вошедшіе въ составъ нашей національности, могли бы повидимому быть допущены, для сравнительнаго изученія, въ отдѣленіе русскихъ національныхъ древностей».

Загѣмъ, въ отвѣтъ на вопросъ 13-й, прочтена была замѣтка, доставленная М. Ф. Кузнецкимъ, что ему, въ Витебской губерніи, нѣсколько разъ случалось находить въ курганахъ сожженные трупы. Болѣе замѣчательный примѣръ встрѣтился въ 15 верстахъ отъ города Лепеля, близъ имѣнія Черцы (Лепельскаго уѣзда): въ двухъ рядомъ лежащихъ курганахъ трупы были сожжены. Въ одномъ изъ нихъ сожженные кости лежали на землѣ въ центрѣ кургана; въ другомъ, часть сожженныхъ костей помѣщалась въ глиняномъ сосудѣ (родъ горшка), на днѣ котораго лежалъ бронзовый бердышъ, который по его малому размѣру (полтора дюйма) скорѣе можно считать эмблематическимъ знакомъ, чѣмъ настоящимъ орудіемъ. Остальная часть костей сложена была на землѣ близъ сосуда.

На вопросъ 14: «на сколько каменные бабы западной Сибири отличаются по своимъ общимъ формамъ и по одеждѣ изображаемыхъ ими людей отъ каменныхъ бабъ, встрѣчающихся въ южной Россіи на пространствѣ отъ Днѣпра до Кавказа и Урала»?—не поступило никакихъ свѣдѣній о формѣ сибирскихъ каменныхъ бабъ; но зато Н. Н. Мурзакевичъ представилъ четыре тетради рисунковъ каменныхъ бабъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Россіи. При этомъ графъ Уваровъ показалъ фотографію съ семи каменныхъ бабъ, находящихся въ городскомъ саду въ Новочеркасскѣ и замѣчательныхъ какъ по общей формѣ, такъ и по особенностямъ, отличающимъ эти изваянія отъ обыкновенно находимыхъ каменныхъ бабъ. Весьма любопытны подробности одѣянія: шапочка и даже шапка, дугообразныя кося какъ украшеніе прически, ожерелья, наплечныя украшенія, браслеты и сапоги (см. приложение стр. 501—520).

Ф. К. Брунъ обратилъ вниманіе на особенно замѣчательную каменную фигуру, находящуюся въ Екатеринославской губерніи, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, въ селѣ и почтовой станціи Чермухиной (по дорогѣ изъ Бахмута въ Ростовъ), у крестьянина Бахарова. «Проѣзжая, пишетъ г. Подберезскій, въ 1857 г. изъ Ростова въ Екатеринославль, мнѣ удалось открыть случайно необыкновенный каменный памятникъ, изображающій человѣка въ сидячемъ положеніи. Это—младенецъ, сидящій на четырехугольномъ камнѣ, въ остроконечной шапкѣ, лѣвою рукою держащій себя за ухо, а правой упирающійся въ колѣно. Изваяніе сохранилось почти въ цѣлости, а рѣзба тоньше всѣхъ остальныхъ, доселѣ извѣстныхъ, каменныхъ бабъ. Замѣчательно также что усы находятся подъ нижнею губою. Оно найдено было на верху кургана, на глубинѣ двухъ аршинъ, и оттуда перенесено владѣльцемъ мѣста въ свое помѣстье, гдѣ брошено среди двора» (таблица III, рис. 17, 17 а).

Кромѣ этого памятника Ф. К. Брунъ показалъ рисунокъ еще другаго изваянія, найденнаго четыре года тому назадъ поселяниномъ, пахавшимъ землю въ селеніи Сѣвериновкѣ, въ 40 верстахъ отъ Одессы. Камень къ сожалѣнію не сохранился въ цѣлости, но имѣетъ теперь приблизительно $1\frac{1}{2}$ аршина въ длину и почти столько же въ ширину; онъ довольно мягкій и представляетъ три человѣческія фигуры, отъ которыхъ остались однѣ руки (табл. III, рис. 18). Какъ положеніе рукъ, такъ и изображеніе многихъ фигуръ напоминаетъ истуканъ, найденный въ рѣкѣ Збручѣ, Подольской губерніи, и иные подобныя памятники, упомянутые въ Археологическомъ Вѣстникѣ Московскаго Общества (стр. 45, 46).

Затѣмъ перешли къ обсужденію 16-го вопроса: «курганы какихъ мѣстностей Россіи болѣе всего сходны съ курганами Даніи и Скандинавіи»? На часть этого вопроса М. Ф. Кусцинскій прислалъ замѣтку. Онъ пишетъ: «Курганы, сходные съ датскими и скандинавскими, т. е. построенные изъ каменныхъ плитъ, встрѣчаются у насъ болѣею частью въ мѣстностяхъ близкихъ къ Балтійскому морю. Профессоръ Крузе, авторъ извѣстной книги «Necrolivonica», нашелъ значительное количество ихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, именно: около Либавы, Конштентъ, Дондангенъ и Ашерде. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находилъ онъ каменные орудія вмѣстѣ съ издѣліями желѣзными. Такія же могилы существуютъ въ Ковенской губерніи, въ окрестностяхъ мѣстечка Крожи, близъ источника рѣки Виндавы. Окрестные жители называютъ ихъ «Мильжиню Капай», что на литовскомъ языкѣ значитъ «могилы исполиновъ». Одинъ курганъ, лежащій надъ рѣкою Окмяною (Ковенской губерніи), весьма искусно построенъ изъ каменныхъ плитъ; въ немъ найдены кости человѣческія и лошадиныя. Французскій путешественникъ Dubois de Montpereux встрѣчалъ такіе же курганы въ окрестностяхъ Шавель и Упиты, Ковенской губерніи (см. *Annuaire de voyage et de géographie par une réunion de géographes et de voyageurs, sous la direction de Mr Frederic Lacroix. Paris. 1845—46. Его статья: Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale*). Путешественникъ этотъ въ окрестностяхъ мѣстечекъ: Ландышки, Пакальнишки, Рогиняны, Розалинь и Карнишки насчиталъ до 330 могилъ, построенныхъ изъ камней. Въ Курляндской губерніи, Тукумскаго уѣзда, близъ имѣнія Любъ-Эссернъ изслѣдовалъ каменную могилу секретарь Курляндскаго ученаго Общества Юлій Дѣрингъ въ 1863 году. Въ народѣ она извѣстна подъ названіемъ «Велла Лайва», что на латышскомъ языкѣ значитъ «Чертва лодка», вѣроятно по причинѣ продолговатой формы кургана, нѣсколько похожаго на лодку. Въ ней найдены сожженные кости и куски глиняныхъ сосудовъ.

По тому же вопросу графъ Уваровъ для разясненія отличительныхъ признаковъ могильныхъ насыпей и для рѣшенія вопроса: «какъ опредѣлить хронологію курганныхъ насыпей, и по какимъ признакамъ можно узнать время, къ которому эти насыпи принадлежатъ» — прочелъ свое изслѣдованіе о курганахъ Владимірской губерніи подъ заглавіемъ: Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (см. въ приложеніяхъ).

Для объясненія, какимъ критическимъ способомъ онъ руководствовался при опредѣленіи времени и характера мерянскихъ могилъ, графъ Уваровъ разсказалъ, какъ онъ сравнивалъ между собою и самыя могилы, и предметы въ нихъ найденные. Благодаря В. Г. Тизенгаузену, онъ могъ воспользоваться дневникомъ и отчетами покойнаго П. С. Савельева, которые для него были необходимы, какъ продолженіе

начатыхъ имъ изслѣдованій. Въ дневникахъ и журналахъ какъ графа Уварова, такъ и П. С. Савельева записаны подробно всѣ произведенныя раскопки въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Благодаря также К. Н. Тихонравову, дневникъ и журналы ведены были съ величайшею точностью и подробностью. Находясь почти постоянно при работахъ, К. Н. Тихонравовъ содѣйствовалъ своимъ опытомъ и знаніемъ дѣла поясненію производимыхъ изслѣдованій и тѣмъ облегчилъ трудъ для вывода окончательныхъ заключеній. Изъ всѣхъ этихъ документовъ графъ Уваровъ составилъ свое изслѣдованіе о Мерянахъ, состоящее изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) введеніе или общая характеристика мерянскихъ могилъ; б) первыя жилища Мерянъ; в) погребальныя обряды Мерянъ: сожженіе и погребеніе; г) религіозное вѣрованіе; д) первые слѣды христіанства; е) торговля сношенія съ Востокомъ и Западомъ, и наконецъ ж) подробное описаніе всѣхъ найденныхъ предметовъ. Для нагляднаго подтвержденія дѣлаемыхъ выводовъ, авторъ приложилъ выписки изъ дневниковъ раскопокъ съ подробнымъ описаніемъ, въ какомъ видѣ находились раскрытыя могилы, и какія вещи и въ какомъ порядкѣ въ нихъ найдены. На эти выписки онъ каждый разъ ссылается, чтобы облегчить проверку его заключеній, и сверхъ того къ концу изслѣдованія приложена еще подробная опись всѣхъ открытыхъ въ курганахъ вещей. Для опредѣленія хронологической послѣдовательности мерянскихъ могилъ, гр. Уваровъ принялъ за исходную точку могилы, въ которыхъ находились монеты, и затѣмъ сравненіемъ съ предметами, добываемыми изъ этихъ могилъ, могъ уже опредѣлить время и остальныхъ кургановъ, въ которыхъ находились подобные же предметы, но безъ присутствія монетъ. Значеніе и цѣль многихъ изъ этихъ предметовъ разясняется сравненіемъ ихъ съ находками, сдѣланными въ Даніи, Скандинавскихъ странахъ, и вообще въ странахъ, гдѣ пребывали Норманны. Къ изслѣдованію графа Уварова приложены: карта Мерянской земли и карта всѣхъ раскопокъ и изображенія важнѣйшихъ предметовъ.

Въ заключеніе графъ Уваровъ доложилъ Съѣзду о доставленныхъ статьяхъ: одна отъ Ѳ. Н. Глинки: «Мои замѣтки о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Кореліи въ Бѣжецкомъ уѣздѣ», другая статья отъ П. В. Воейкова: «О нѣкоторыхъ древностяхъ Владимірской губерніи».

Четвертое засѣданіе 24 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Д. П. Сонцова.

П. И. Саввантовъ сообщилъ свое изслѣдованіе о Зырянахъ, ихъ языкѣ, азбукѣ и календаряхъ (см. приложеніе стр. 408—416).

При этомъ Ѳ. Н. Фортунатовъ представилъ рисунки деревяннаго рѣзнаго календаря. По его объясненію, календарь этотъ, отличающійся отъ описаннаго въ изслѣдованіи П. И. Саввантова, представляетъ собою четырехстороннюю палочку. На каждой сторонѣ ея находится по три мѣсяца, начиная съ марта. Каждый мѣсяць отдѣляется отъ другаго чертами неодинаковой величины; дней означено 365. Надъ праздниками и нѣкоторыми другими днями вырѣзаны знаки, указывающіе на ихъ церковное или хозяйственное значеніе. Знаки эти находятся иногда вверху, надъ зарубкой дня, иногда внизу. При большихъ праздникахъ, соединяющихся притомъ съ какимъ нибудь хозяйственнымъ распорядкомъ, замѣтки сдѣланы и вверху и внизу. Дней, отличенныхъ замѣтками, всего 51 въ году. На первой сторонѣ палочки находятся три мѣсяца: мартъ, апрѣль и май. Въ мартѣ выставлены знаки надъ слѣдующими числами: 9-мъ (40 мучениковъ), 17-мъ (Алексѣя человека Божія) и 25-мъ (Бла-

говѣщеніе); въ апрѣлѣ надъ 1-мъ (Маріи Египетской) и 23-мъ (Георгія побѣдоносца, — день, въ который, какъ справедливо замѣтилъ П. И. Саввантовъ, въ сельскомъ быту выгоняютъ скотъ); въ маѣ надъ 1-мъ (замѣтка, здѣсь поставленная, означаетъ, по всему вѣроятію, соху, такъ какъ въ этотъ день крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, начинаетъ прилаживать свою соху и борону), 8-мъ (Іоанна Богослова), 9-мъ (Николая Чудотворца) и 21-мъ (Константина и Елены; здѣсь поставленъ четвероконечный крестъ, въ память явившагося на небеси знаменія креста). Затѣмъ находится значекъ въ видѣ стрѣлки, показывающій, что нужно палочку перевернуть на другую сторону и начинать отъ правой руки къ лѣвой. На этой второй сторонѣ находятся слѣдующіе три мѣсяца: іюнь, іюль и августъ. Въ іюнѣ видѣнъ большой крестъ надъ 12 числомъ, вѣроятно потому, что этотъ день самый продолжительный въ году, потомъ 25 число въ квадратѣ, можетъ быть въ память какого-нибудь гражданскаго торжества, наконецъ 29 число (Петра и Павла) отличено кружечкомъ. Въ іюлѣ отличены знаками числа: 8-е (Казанской Божіей Матери) кружечкомъ, 20 (Пророка Іліи). Въ августѣ знаки—надъ 1-мъ числомъ (Спасъ на водѣ), 6-мъ (Спасъ на горѣ, Преображеніе), 15-мъ (Успеніе—съ тремя продольными чертами) 16-мъ (Спасъ на холстѣ), 29-мъ (Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи; 30-е число не имѣетъ никакого знака. По мнѣнію П. И. Саввантова, этотъ календарь—новый сибирскій, между тѣмъ праздника позднѣйшаго уже времени—перенесенія мощей св. Александра Невскаго—въ немъ нѣтъ. Далѣе нужно опять перевернуть и опять начинать уже отъ лѣвой руки къ правой. Здѣсь (на третьей сторонѣ палочки)—три мѣсяца: сентябрь, октябрь и ноябрь. 8-е сентября (Рождество Богородицы) означено большимъ крестомъ; надъ 23-мъ (Рождество Предтечи)—какая-то таинственная замѣтка. Вообще всѣ праздники Предтечи обозначаются здѣсь какъ-то особо. 26-е число (Іоанна Богослова) отмѣчено крестомъ; 1-е октября (Покровъ — праздникъ весьма чтимый въ Россіи, но неизвѣстный въ Греціи) обозначено особо, крестомъ внизу. Затѣмъ отмѣчены: 14-е октября (св. Параскевы), 22-е (Казанской Божіей Матери), 26-е (Димитрія Солунскаго), а также и 29-е, но почему,—неизвѣстно. Въ ноябрѣ замѣчены числа: 1-е (Космы и Даміана) 8-е (Архистратига Михаила — крестъ), 13-е (Іоанна Златоустаго — крестъ внизу и таинственный знакъ), 23-е (преставленіе Александра Невскаго), 24-е (Екатерины великомученицы), 25 также отмѣчено, но почему—неизвѣстно. Наконецъ опять нужно перевернуть на четвертую сторону, на которой остальные три мѣсяца: декабрь, январь и февраль. Въ декабрѣ имѣютъ при себѣ знаки: 6-е число (Святителя Николая), 13-е (вѣроятно какъ самый кратчайшій въ году день), 25-е (здѣсь стоитъ что-то вродѣ звѣзды) и 26-е (Соборъ Богоматери—обозначено такимъ же таинственнымъ знакомъ); въ январѣ—1-е (отмѣчено крестомъ, какъ праздникъ дванадесятый), 6-е (Крещеніе), 7-е (Іоанна Предтечи), 24-е (Аксиньи полузимницы). Я не указалъ еще на другіе дни, также отмѣченные, какъ напр. на 15-е сентября—память мученика Никиты, который называется въ народѣ Никитарѣ порѣзъ, такъ какъ въ это время у насъ обыкновенно убираютъ рѣпу.

Потомъ П. И. Саввантовъ доложилъ о второмъ сообщеніи П. С. Е и именки въ отвѣтъ на второй вопросъ:

Въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ обстоятельствахъ были найдены въ Россіи орудія или оружія мѣдныя или бронзовыя, на какой глубинѣ отъ поверхности, въ какой почвѣ и вмѣстѣ съ какими другими предметами?

П. С. Еёименко въ особомъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: «Заволоцкая Чудь», основываясь на печатныхъ и рукописныхъ источникахъ и устныхъ преданіяхъ, заявляетъ, что Заволоцкая Чудь заселяла почти все пространство Архангельской губерніи, отъ Кандалажской губы Бѣлаго моря до рѣки Коротаихи за Большеземельской тундрой, и т. д. Проверка свѣдѣній и преданій о Чуди принадлежитъ топографическимъ, геологическимъ и антропологическимъ изслѣдованіямъ, и примѣромъ тому можетъ служить попытка генераль-маіора Паренсова къ изслѣдованію долины рѣки Онеги. Изслѣдованія П. С. Еёименки составляютъ особый трудъ, къ печатанію котораго онъ уже приступилъ.

Гр. Уваровъ доложилъ, что А. Г. Тышинскій прислалъ изслѣдованіе о чудскихъ древностяхъ въ Архангельской губерніи, заключающее въ себѣ матеріалы для исторіи Заволоцкой Чуди и общія описанія нѣкоторыхъ новгородскихъ памятниковъ, а также находокъ изъ каменнаго періода въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Архангельской губерніи. Авторъ приложилъ къ статьѣ своей рисунки, и доставилъ на Сѣздъ нѣкоторыя образцы найденныхъ предметовъ, какъ-то: каменные копья и стрѣлы, человѣческія кости, образчики древняго кирпича и пр. (см. приложение 20).

Я. О. Головацкій, желая обратить вниманіе Сѣзда на развитіе археологическихъ занятій въ Галиціи и на средства къ достиженію точныхъ свѣдѣній о замѣчательныхъ памятникахъ старины, передалъ для напечатанія въ «Трудахъ Сѣзда» записку подъ заглавіемъ: «Объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галиціи и въ Буковинѣ» (см. прилож. стр. 210—242. Табл. XII).

К. И. Невоструевъ прочелъ изслѣдованіе о городищахъ.

4. Д. О. Шеппингъ представилъ свои соображенія по слѣдующимъ вопросамъ, имъ поставленнымъ:

12. Имѣли ли всѣ славянскіе народы во времена ихъ язычества одну болѣе общую религію съ своими мѣстными отпрысками, или сказанія отдѣльныхъ славянскихъ отраслей, подъ различнымъ вліяніемъ на нихъ климатическихъ и историческихъ условій, развились другъ отъ друга совершенно отдѣльно и раздѣлились на нѣсколько группъ, имѣющихъ свою особую характеристику? Какое мѣсто занимаетъ въ этихъ группахъ собственно русская мифологія, и вправдѣ ли мы присвоивать Россіи сказанія и впрованія другихъ Славянъ? Если нѣтъ, то какою мѣстностію именно ограничивается кругъ характеристической особенности собственно русскихъ преданій? Такъ, напримѣръ, очевидно, что невозможно приписывать русской старинѣ поклоненіе идоламъ Рюгенскаго полуострова; но по скольку могутъ Бѣлорусскія преданія, часто совершенно чуждыя духу русскихъ повѣрій, входить въ кругъ нашей туземной мифологіи?

13. Какія главныя черты, опредѣляющія характеристичную особенность русско-славянскаго преданія?—Всѣ преданія, какъ русской народности, такъ и прочихъ Славянъ, Германцевъ и всѣхъ вообще Индо-Европейцевъ, не что иное какъ разрозненные осколки одного общаго древнѣйшаго арійскаго міа; но въ каждой странѣ, въ каждомъ народѣ эти осколки приняли свой особый мѣстный колоритъ, въ которомъ именно заключается характеристика мифическихъ впрованій означенной страны или народа.

14. Нельзя ли опредѣлить причину, почему изустное народное преданіе доноситъ до насъ совершенно другіе имена и образы, чѣмъ какіе встрѣчаются въ памятникахъ

нашей письменной старины?—Перуны и Дажбоги совершенно неизвестны изустному преданію, между тѣмъ какъ лѣшіе, домовые, русалки и пр., за весьма рѣдкими исключеніями, не встрѣчаются у нашихъ лѣтописцевъ и духовныхъ проповѣдниковъ. Наконецъ и сказки знакомятъ насъ съ третьимъ разрядомъ лицъ и образовъ, какъ-то: Баба-Яга, Кощей, Царь-дѣвица, Жарь-птица и пр., которые хотя хорошо известны народу по этимъ сказкамъ, но тѣмъ не менѣе нисколько не входятъ въ кругъ его предразсудковъ и суевѣрій. Не скрывается ли въ этихъ различныхъ разрядахъ сказаній вліяніе разныхъ народностей или совершенно отдѣльныхъ эпохъ развитія?

15. Не относится ли оеогонія письменныхъ памятниковъ къ вліянію религіозныхъ вѣрованій Варяговъ, подобно тому какъ и въ позднѣйшее время въ нашу старинную письменность проникло множество суевѣрныхъ примѣтъ и баснословныхъ разсказовъ, прямо заимствованныхъ изъ византійскихъ и болгарскихъ источниковъ, которые, хотя и вовсе чужды нашей народной старины, тѣмъ не менѣе получили у насъ отчасти право гражданства, проникая въ такъ называемые духовные стихи о Егорѣ Храбромъ, Оеодорѣ Тиронѣ, Голубиной книгѣ и пр. и пр., и во многія сказки, получившія въ народѣ чисто туземный характеръ, не смотря на явное ихъ иноземное происхожденіе? Наши народныя зѣвринныя сказки имѣютъ въ общей основѣ своей ткани много сходства какъ съ баснями Эзопа и Оеодра, такъ и съ зѣвриннымъ эпосомъ средневѣковой Европы; но даетъ ли намъ это право признать такія сказки за позднѣйшія литературныя заимствованія, или слѣдуетъ это сходство въ ткани разсказа искать глубже въ доисторическихъ преданіяхъ обще-арійской колыбели? (см. въ приложен. стр. 249—251).

Въ заключеніе Д. О. Шеппингъ обратился къ членамъ Съѣзда съ просьбою—при возвращеніи ихъ на мѣста своего пребыванія, обратить вниманіе на тѣ матеріалы, которые они найдутъ для рѣшенія этихъ вопросовъ по части славянской міеологіи, и по которымъ возможно бы было провѣрить тѣ печатаемые свѣдѣнія, которые возбуждаютъ сомнѣніе. Такая провѣрка тѣмъ болѣе важна для Д. О. Шеппинга, что онъ теперь предпринимаетъ издать трудъ, изготовлявшійся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, подъ названіемъ славянскаго или лучше сказать русскаго міеологическаго словаря. Сверхъ того, онъ проситъ еще членовъ Съѣзда, для пополненія его изслѣдованія, доставить ему по возможности полныя свѣдѣнія о мѣстныхъ преданіяхъ, объ остаткахъ религіозныхъ вѣрованій и вообще обо всемъ, что относится какъ къ славянской, такъ и къ русской міеологіи.

В) Засѣданія II Отдѣленія: Древне-русское искусство—архитектура.

Первое засѣданіе 17 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ М. И. Сухомлинова; секретарь В. Н. Виноградскій.

Графъ Уваровъ указалъ на правило, установленное предварительнымъ комитетомъ, что каждый членъ, предложившій вопросъ на обсужденіе Съѣзда, обязанъ представить по нему докладъ, и на этомъ основаніи изложилъ свои соображенія объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ въ разъясненіе поставленнаго имъ 25 вопроса:

Русская архитектура XII вѣка. Не слѣдуетъ ли признать XII столѣтіе началомъ новаго періода въ русской архитектурѣ подъ вліяніемъ романскихъ зодчихъ, пришедшихъ изъ Германіи черезъ Новгородъ и Псковъ, и начавшихъ строить церкви не по планамъ романскихъ зданій, а по особому общему плану, совершенно различному отъ плановъ

западныхъ церквей. Когда и какимъ образомъ утвердился у насъ этотъ типичный планъ? Своеобразныя особенности какъ плана, такъ и внешней формы церквей состоятъ въ слѣдующемъ: а) прямоугольный четырехугольникъ съ узкими сторонами, обращенными на востокъ и западъ; четыре столба, поддерживающіе главу, раздѣляютъ весь планъ крестообразно; б) алтарная часть (abside) выдается тремя полукруглыми выступами, изъ которыхъ средній болѣе остальныхъ; в) круглый и высокій барабанъ главы завершается весьма плоскимъ куполомъ; д) южный, западный и сѣверный фасады храма раздѣлены на три части пиластрами или полуколоннами, начиная съ основанія зданія до самой кровли, идя эти части заканчиваются тремя полукругами; е) четырехскатная кровля заималась по числу полукруговъ и алтарныхъ выступовъ; ж) на каждомъ фасадѣ, южномъ, западномъ и сѣверномъ, по одному входу; з) на каждомъ фасадѣ три узкихъ высокихъ окна, съ круглою перемычкою; на каждомъ алтарномъ выступѣ, какъ кажется, было по одному окну; и) отсутствіе всякой пристройки для колоколовъ. Типичный планъ этихъ церквей въ Суздальской области образовался ли самостоятельно или заимствованъ съ греческаго образца? Принятъ ли былъ этотъ планъ только для церквей Суздальской области, или былъ онъ повсемѣстно принятъ въ сѣверной полосѣ Россіи? Строились ли въ южной Россіи церкви по такому же плану или по другому? Такъ какъ въ типичномъ планѣ церквей Суздальской области нѣтъ слѣдовъ колоколенъ, то спрашивается: когда начали строить особые зданія для колоколовъ и когда начали строить колокольни въ связи съ самимъ храмомъ? Типичный планъ имѣетъ только одну главу, а между тѣмъ извѣстно, что Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ имѣли по тринадцати главъ, а каменный Софійскій соборъ въ Новгородѣ и Спасскій соборъ въ Черниговѣ—по пяти и т. д. Слѣдовательно, до какого времени строили церкви съ одною главою, и въ какихъ случаяхъ строили ихъ со многими главами? На Дмитріевскомъ соборѣ стоитъ четырехконечный крестъ; когда начали ставить на церквахъ шестиконечные кресты? По кладкѣ стѣнъ, по толщинѣ слоя извести и по клеймамъ на кирпичахъ можно ли опредѣлить время постройки зданія?

Въ первомъ отдѣлѣ своего реферата графъ Уваровъ указалъ на сходство церквей Суздальской области съ современными имъ постройками романскаго стиля на западѣ. Не только формы и украшенія романской архитектуры принесены были иностранными зодчими въ Россію, но также вмѣстѣ съ ними принесли они съ собою и преданія и легенды запада. Изученіе всѣхъ этихъ неоспоримыхъ признаковъ романскаго вліянія можетъ отчасти указать и на самую страну, на Германію, изъ которой вызваны были первые чужеземцы зодчіе, и на путь, какимъ они прошли,—черезъ Псковъ и Новгородъ.

Во второмъ отдѣлѣ своего доклада графъ Уваровъ объяснилъ, что суздальскія постройки, не смотря на сходство съ романскими зданіями, имѣютъ свои существенныя отличія отъ западныхъ церквей. Впервые—типичный планъ, первый самостоятельный признакъ развитія народнаго стиля, и въ вторыхъ—ясныя еще слѣды византійскаго вліянія. Въ заключеніе онъ предложилъ Сѣзду обсудить тѣ одиннадцать вопросовъ, которые вытекаютъ изъ его доклада, при чемъ обратилъ вниманіе членовъ на то содѣйствіе, котораго мы вправе ожидать отъ Академіи Художествъ и архитектурныхъ училищъ для изслѣдованія памятниковъ нашей древней архитектуры (см. прилож. стр. 252—266, табл. XIII, XV, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII).

П. А. Лашкаревъ заявилъ, что для рѣшенія вопроса о происхожденіи типичнаго плана суздальскихъ церквей имѣютъ особенную важность сохранившіяся черты архитектурнаго типа въ древнихъ церквахъ кievскихъ. Первые монументальныя зданія въ русской землѣ были христіанскія церкви въ Кіевѣ, и первыми строителями этихъ церквей были зодчіе—Греки. Изъ Кіева уже строительное искусство распространилось и по другимъ областямъ земли русской. Изъ кievскихъ церквей г. Лашкаревъ указалъ, какъ на близко подходящую къ типу суздальскихъ церквей XII столѣтія, на церковь св. Троицы, что на святыхъ воротахъ Печерской лавры; при чемъ показалъ фотографію этой церкви. Она построена вмѣстѣ съ воротами въ 1106 году черниговскимъ княземъ Николаемъ Святошей. Древность церкви подтверждаетъ онъ личнымъ наблюденіемъ какъ надъ кладкою стѣнъ, такъ и надъ устройствомъ оконъ церкви. Кладка ихъ состоитъ изъ древнихъ кирпичей вродѣ большихъ плитъ, переложенныхъ большими камнями на цементъ изъ извести съ толченымъ кирпичемъ; и такая кладка, по его мнѣнію, встрѣчается только въ древнихъ церквахъ. Что касается до формъ фасадовъ, то доселѣ еще замѣтны слѣды пиластръ, раздѣляющихъ фасады на три части. Такія же пиластры видны на западныхъ фасадахъ Кирилловской церкви, Златоверхо-Михайловской и на церкви Выдубицко-Михайловской. Западные фасады этихъ церквей дѣлятся на три части, а сѣверный и южный фасады Кирилловской—на четыре. На древнемъ (южномъ) фасадѣ Выдубицко-Михайловской церкви уцѣлѣла даже одна полная дуга (см. прилож. стр. 267—271).

Г. Д. Филимоновъ, признавая планъ суздальскихъ церквей (крестъ вписанный въ четырехугольникъ) чисто византійскимъ, не считаетъ фризы и приставленные колонны исключительнымъ признакомъ романскаго стиля. По его мнѣнію эти формы одинаково принадлежатъ какъ византійскому, такъ и древне-христіанскому стилю. Согласно съ мнѣніемъ Гюбша, въ романскомъ стилѣ онъ видитъ искаженіе древне-христіанскаго. Напримѣръ арки на пиластрахъ встрѣчаются также и въ Византіи (Гюбшъ, Тексье). Узорчатыхъ травъ и звѣрей, правда, нѣтъ на фасадахъ византійскихъ церквей, но, по своему характеру, эти украшенія принадлежатъ Востоку. Изображеніе Спасителя юнымъ, безъ бороды, есть собственно древне-христіанское, перешедшее и въ Византію.

Н. А. Поповъ обратилъ вниманіе Съѣзда на сербскія церкви, на которыхъ также встрѣчаются обранные узоры на вышнихъ стѣнахъ.

В. А. Прохоровъ присоединился къ мнѣнію г. Филимонова,—что изображеніе Спасителя на Покровской церкви свойственно также и Византіи. Онъ указалъ въ греческой иконографіи на изображенія Еммануила молодымъ и безъ бороды. Затѣмъ, переходя къ вопросу: когда начали ставить на церквахъ шестиконечные кресты,—онъ замѣтилъ, что до XVI вѣка нѣтъ шестиконечныхъ или восьмиконечныхъ крестовъ; послѣдніе появляются въ особенности съ XVI вѣка, хотя въ началѣ этого столѣтія встрѣчаются иногда и четвероконечные кресты. Свое мнѣніе В. А. Прохоровъ подтвердилъ рисунками съ крестовъ, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ по столѣтіямъ. Далѣе онъ указалъ на различныя формы главъ на древнихъ церквахъ, и замѣтилъ, что за неимѣніемъ большихъ стеколъ, строились узкія продолговатыя окна отъ XI до XVI вѣка.

И. Д. Мансветовъ возражалъ на положеніе графа Уварова объ обранныхъ украшеніяхъ фасадовъ, состоящихъ изъ предметовъ животнаго и растительнаго царства,

утверждая, что такіа украшенія не составляютъ исключительной принадлежности романскаго стиля, но употреблялись и въ византійской архитектурѣ (прилож. стр. 272—276).

М. П. Погодинъ высказалъ мнѣніе, что вообще въ нашей архитектурѣ не замѣтно ничего сильнаго вліянія. При постройкѣ монастырей не было никакого общепринятаго типа, и даже романское вліяніе было только временное. Отвращеніе отъ всякой формы въ русской жизни привело нашихъ зодчихъ къ тому, что всякій строилъ посвоему.

Возражая М. П. Погодину, И. И. Срезневскій замѣтилъ, что нѣтъ ничего случайнаго въ жизни: все подчиняется историческому закону. Такимъ же образомъ и въ архитектурѣ дарованіе и образованіе даютъ преобладающій типъ, который, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ разнообразій, устанавливается во всей странѣ одинъ и тотъ же.

По мнѣнію П. И. Савваитова вопросы, возбужденные графомъ Уваровымъ, не могутъ быть рѣшены безъ основательнаго сравненія суздальскихъ церквей съ кіевскими и новгородскими. Въ суздальской землѣ сходились два вліянія—сѣвера и юга; а потому, обративъ вниманіе на кіевскія постройки, надо обратить вниманіе и на сѣверныя церкви. Изучая архитектуру этихъ церквей, мы видимъ, что переходъ суздальскаго типа чрезъ Псковъ и Новгородъ, какъ указалъ графъ Уваровъ, подтверждается примѣромъ Спасо-Мирожскаго монастыря, коего главная церковь—Преображенія, основанная въ 1156 году, доселѣ въ главныхъ чертахъ имѣетъ большое сходство съ планомъ суздальскихъ церквей.

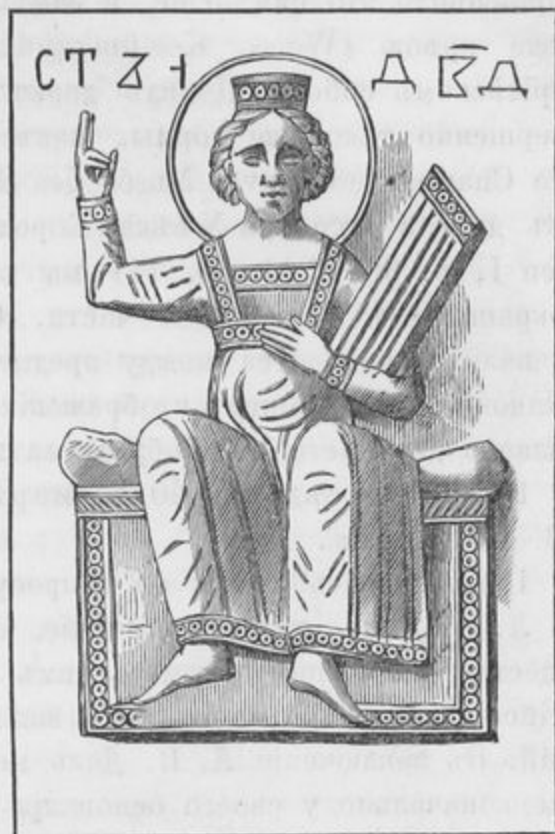
Д. И. Иловайскій, сопоставляя тѣ данныя, что суздальскій соборъ построенъ по византійскому плану, а во внѣшнихъ украшеніяхъ его видно рѣзкое сходство съ романскою архитектурой, привелъ извѣстія лѣтописцевъ о Владимірскомъ соборѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что Андрей Боголюбскій призвалъ мастеровъ «изъ всѣхъ земель». Татищевъ добавляетъ, что Андрею Боголюбскому прислалъ этихъ мастеровъ Фридрихъ Барбаросса, но добавляетъ это въ примѣчаніи, вскользь, слѣдовательно не придавая этому особаго значенія. По поводу постройки московскаго Успенскаго собора, въ лѣтописи говорится, что Аристотель ѣздилъ во Владиміръ смотрѣть соборъ, похвалилъ его и замѣтилъ, что его дѣлалъ «нѣкій отъ нашихъ мастеровъ». Лѣтописецъ не опустилъ случая по этому поводу вспомнить о дивномъ венеціанскомъ соборѣ св. Марка, который служить однимъ изъ великолѣпныхъ представителей византійскаго стиля и дѣйствительно имѣетъ много общаго съ Владимірскимъ соборомъ. Византійскій типъ былъ уже нами усвоенъ, когда приходили къ намъ иностранные мастера, создавшіе суздальскіе храмы. Если бы призывались архитекторы знаменитые, оказавшіе вліяніе на стиль нашихъ зданій, то ихъ назвалъ бы лѣтописецъ; вообще, по всей вѣроятности, онъ упомянулъ бы, если бы при постройкѣ храмовъ сдѣланы были существенныя нововведенія противъ прежнихъ образцовъ, и особенно нововведенія латинскія. Не были ли архитектурныя формы суздальскихъ церквей продолженіемъ прежней строительной дѣятельности у насъ? Не есть ли это выработка русскаго типа на византійской основѣ?

Возраженіе Л. В. Даля и объясненія графа Уварова отложены до слѣдующаго засѣданія.

Примѣчаніе редакц. Послѣ обсужденія стиля изображеній (какъ я полагаю) Спасителя, находящихся на Покровской церкви и на Дмитріевскомъ соборѣ, я обратился къ членамъ Съѣзда Н. А. Артлебену и К. Н. Тихонравову, прося ихъ еще разъ осмотрѣть эти изображенія, такъ какъ по особому своему стилю онѣ не подходятъ къ со-

временнымъ имъ памятникамъ византійской и византійско-русской иконографіи. Въ маѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ нихъ описаніе этихъ изображеній и приложенный рисунокъ, сдѣланный Н. А. Артлебенемъ. Они мнѣ писали, что изваянное изображение на Покровской церкви представляетъ не Спасителя, какъ я полагалъ, а царя Давида, какъ видно изъ вырѣзанной вглубь надписи по обѣимъ сторонамъ лица: **стыц—дѣд** «святый царь Давидъ». Онъ представленъ въ молодомъ возрастѣ, безъ бороды, съ длинными волосами, сидящимъ на богатомъ престолѣ. Лѣвой рукой онъ держитъ гусли, или вообще струнный инструментъ, коего струны обозначены рѣзкими отвѣсными чертами. Верхняя часть инструмента украшена узорчатою полосой. На головѣ Давида надѣта шапочка, а вокругъ головы сіяніе. Какъ форма шапочки, такъ и вся одежда одинаковаго покроя съ одеждою Александра Великаго на Дмитріевскомъ соборѣ. Это изображеніе царя Давида, срисованное съ сѣверной стороны церкви, находится на среднемъ полукружій и повторяется также на стѣнахъ западной и южной. Совершенно подобныя изображенія Давида сдѣланы и на Дмитріевскомъ соборѣ, тоже съ трехъ сторонъ, съ тою только разницею, что на Покровской церкви Давидъ держитъ гусли, *psalterium*, какъ видно по отвѣсно-высѣченными чертамъ, а на Дмитріевскомъ соборѣ онъ держитъ свитокъ, и черты высѣчены поперегъ свитка. Все одѣяніе царя Давида, одинаковое съ одѣяніемъ Александра Великаго, имѣетъ еще отпечатокъ византійскаго вліянія; но мнѣ кажется страннымъ, что (какъ видно изъ рисунка Н. А. Артлебена) и на царѣ Давидѣ и на Александрѣ шея и даже часть груди оставлены обнаженными. Такого покроя одежды я не нашелъ ни на одномъ памятникѣ. Форма шапочки отчасти напоминаетъ вѣнецъ императора Василия II въ рукописи X вѣка, въ Парижѣ (d'Agincourt. peint. I. T. XLII. 5), отчасти также епископскую митру XII вѣка, описанную Вейсомъ (Kostümkunde. Stutgard 1862. p. 677. fig. 887, e.). Мы представляемъ здѣсь рисунокъ съ изображенія царя Соломона изъ греческой рукописи XI вѣка (Bibl. imp. Paris. № 74. Arts somptuaires. D), очень схожаго съ нашимъ изваяніемъ; на немъ также надѣта маленькая золотая шапочка, но правою рукою Соломонъ благословляетъ именованно; костюмъ чисто византійскій, также совершенно другаго покроя. Четырехугольная форма гуслей вполне соотвѣтствуетъ рисунку *psalterium*, инструмента извѣстнаго съ древнихъ временъ (Coussemaker. Annales arch III. p. 83—87). Въ статьѣ о музыкальныхъ инструментахъ Куссемакеръ замѣчаетъ, что въ рукописяхъ съ IX до XI вѣка изображаютъ Давида, играющаго на четырехугольномъ *psalterium* «in modum clupeis»; напротивъ того, начиная съ XII вѣка, четырехугольный *psalterium* замѣняется арфою. Это замѣщеніе на памятникахъ одного инструмента другимъ совпадаетъ съ измѣненіемъ формы и составныхъ частей самаго инструмента.

До начала XII вѣка, psalterium, составлявшій до тѣхъ поръ только особый родъ арфы, четырехугольной или треугольной формы, былъ существенно измѣненъ добавкою особой пустой части для усиленія звука; тогда вѣроятно и на памятникахъ произошло это измѣненіе и замѣщеніе древняго psalterium болѣе употребляемою уже арфою (Weiss, *Kostümkunde*. pag. 852). На Покровской церкви и на Дмитріевскомъ соборѣ Давидъ держитъ еще древній четырехугольный psalterium, совершенно такой же формы, какъ въ парижской рукописи IX вѣка (*Livre d'heures de Charles-le Chauve. Musée des Souverains. Les arts somptuaires I. texte II, p. 47*). Въ другой рукописи X вѣка (Королевская библ. въ Штутгартѣ. *Hefner-Altenek. Trachten I, p. 68, Tabl. 53, 74*) мы видимъ уже иной образецъ гуслей, съ какимъ-то украшеніемъ на верхней части. Совершенно такой же престолъ, какъ на нашемъ изваяніи, находится между предметами XII вѣка въ *Arts somptuaires I, № 10, fig. 10*. Наконецъ, на нашихъ изображеніяхъ царь Давидъ поднималъ правую руку и благословляетъ двуперстно, по обряду латинской церкви. *Гр. У—въ.*

Второе засѣданіе 20-го марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Д. В. Полѣнова.

Продолжались пренія по вопросу 25-му.

Л. В. Даль изложилъ мнѣніе, что типичный планъ, принадлежащій по преимуществу небольшимъ суздальскимъ церквамъ, есть чисто византійскій планъ. Византійскія формы во многомъ измѣнились у насъ подъ вліяніемъ климатическихъ условій. Въ заключеніе Л. В. Даль высказалъ мнѣніе, что крестъ на церквахъ имѣлъ первоначально у своего основанія растительный орнаментъ, что въ послѣдствіи замѣнилось изображеніемъ луны (см. приложение стр. 277—281. Табл. VIII, IX, XIII).

Н. В. Закревскій предложилъ на обсужденіе Съѣзда нѣсколько мыслей, возникшихъ во время слушанія статей о постройкѣ или архитектурѣ русскихъ церквей XII вѣка.

«Многоуважаемый авторъ говоритъ, что старинныя православныя церкви въ сѣверной, южной и восточной Россіи, въ отношеніи своего плана, выстроены по одной общей идеѣ, и такимъ образомъ, при незначительныхъ отступленіяхъ, носятъ на себѣ отпечатокъ одного и того же типа. Типъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: православный храмъ нашъ имѣетъ форму параллелограмма, близко подходящаго къ квадрату, коего южная и сѣверная стороны нѣсколько длиннѣе другихъ двухъ сторонъ. Далѣе: южная, западная и сѣверная стороны прямолинейныя, а восточная всегда устраиваема была въ видѣ трехъ дугъ или полукружій, или, какъ нѣкоторые называютъ, абсидъ, изъ коихъ среднее полукружіе обыкновенно предназначалось для вмѣщенія въ себѣ алтаря. Въ срединѣ храма находились четыре четырехстороннія подпоры; на нихъ покоился сводъ церковный и утверждался куполъ. Таковъ былъ общій типъ всѣхъ старинныхъ русскихъ церквей съ небольшими отступленіями. Отступленія эти были болѣе или менѣе удачны, что зависѣло, по весьма дѣльному замѣчанію г. Срезневскаго, отъ большей или меньшей даровитости самыхъ строителей. — Мысль, выраженная графомъ А. С. Уваровымъ о типѣ старинныхъ русскихъ церквей, во многомъ совпадаетъ съ замѣчаніемъ Блазіуса, которое онъ высказалъ въ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ: *Reise im Europäischen Russland in den Jahren 1840 und 41. Braunschweig 1844*. Истина изложеннаго здѣсь мнѣнія столь очевидна, что противъ него едва ли можно что возразить. Разсматривая сочиненія Дюканжа, Грелота, Понселена, Фоссати, Зальценберга, Тексье, изданіе графа

Строганова и проч. и проч., кратко—сравнивая планы церквей греческихъ и латинскихъ съ русскими, невольно приходишь къ мысли, что наши церкви имѣють свой отличный характеръ, такъ сказать, національный, подходящий нѣсколько къ греческому, но весьма отличный отъ латинскихъ храмовъ. Я не разсматриваю строительныхъ украшеній, потому что онѣ, по моему мнѣнію, можетъ быть и ошибочному, принадлежать скорѣе къ случайностямъ, а не къ существенной идеѣ постройки. Почтенный авторъ вывелъ свои заключенія, разсмотрѣвъ, или вѣрнѣе сказать, изучивъ постройку Дмитріевскаго храма во Владимірѣ. Въ подтвержденіе своихъ результатовъ онъ говоритъ о церквахъ, находящихся и въ другихъ городахъ Россіи; наконецъ ссылается и на церковь св. Василія, т. е. Трехсвятительскую въ Кіевѣ. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ кіевскія церкви, для подтвержденія мысли графа, могли быть положены во главу угла, но не Трехсвятительская церковь, по слѣдующимъ соображеніямъ: при Владимірѣ святомъ она была хртя и первая, имѣ построенная, но деревянная. Когда собственно выстроена каменная, неизвѣстно, но не позже конца XII вѣка; при томъ же она не имѣетъ внутри никакихъ подпоръ или четырехстороннихъ столбовъ, слѣдовательно нѣтъ и купола. Около 1640 года Бопланъ видѣлъ однѣ только развалины ея. Она перестраивалась неоднократно и служила въ XVII вѣкѣ хлѣбнымъ амбаромъ для русскаго гарнизона. И такъ первоначальный планъ ея для насъ совершенно неизвѣстенъ. Ясный и безспорный типъ русскихъ церквей сохранился въ церкви св. Кирилла и въ другой, построенной въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы на Подолѣ въ Кіевѣ. Г. Лашкаревъ находитъ этотъ русскій типъ въ церкви св. Троицы, что на Святыхъ Вратахъ Кіево-Печерскія Лавры.—Посмотримъ, такъ ли.—Г. Лашкаревъ приводитъ слова преосвященнаго Евгенія изъ его описанія Лавры, гдѣ сказано: «первоначально на семъ мѣстѣ Троицкая церковь построена еще съ 1106 г. черниговскимъ княземъ Николаемъ Святошею, въ Печерскомъ монастырѣ постригшимся» и проч. (с. 37). Польза трудовъ сего іерарха всѣми признана, и имя его произносится съ должнымъ уваженіемъ; но этотъ достойный дѣлатель въ вертоградѣ наукъ, какъ и всякій другой, былъ подъ вліяніемъ своего времени. Онъ думалъ такъ же, какъ и его предшественники. Мысль о построеніи Троицкой церкви на Св. Вратахъ Лавры заимствовалъ онъ слово въ слово изъ Краткаго Описанія Лавры, сочиненнаго, какъ увѣряютъ, кіевскимъ митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ: «построена первоначально въ 1106 г. Святымъ Николаемъ Святошею» и проч. (стр. 29). Замѣтимъ здѣсь осторожное выраженіе митрополита Самуила, а за нимъ и Евгенія: *первоначально* построена, слѣдовательно не теперешняя; хотя мы ниже увидимъ, что и это мнѣніе ошибочно. Далѣе мы видимъ, что преосвященный Самуилъ выписалъ это свидѣтельство изъ книги Тератургима, сочиненной печерскимъ монахомъ Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ въ 1638 г. Привожу слова Кальнофойскаго, чтобы можно было видѣть, какъ Кіево-описатели одно и то же списывали одинъ у другаго.—Объясняя свой перспективный рисунокъ, несправедливо называемый планомъ, отецъ Аѳанасій, подъ № 20, говоритъ: «это самая церковь св. Троицы. Чѣмъ иживеніемъ была она построена, скажемъ ниже». А подъ № 37 говоритъ: «отъ соборной Печерской церкви дорога идетъ до святой брамы, т. е. до Святыхъ Вратъ, на коихъ находится церковь Св. Троицы. Какъ врата, такъ и церковь выстроены святымъ княземъ Николаемъ Давидовичемъ». Въ оригиналѣ на польскомъ языкѣ стр. 20. Еслибы это свѣдѣніе мы могли встрѣтить въ лѣтописи преп.

Нестора, или въ древнѣйшемъ Патерикѣ Печерскомъ, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ сочиненій трехъ авторовъ, какъ-то: изъ жизнеописанія св. Ѳеодосія, написаннаго преподобнымъ Несторомъ, и изъ двухъ посланій, изъ коихъ одно принадлежитъ краснорѣчивому перу Симона, епископа владимірскаго, а другое есть привлекательное произведеніе Поликарпа, монаха печерскаго,—итакъ, еслибы это свѣдѣніе находилось въ сказанныхъ древнихъ источникахъ, то это составляло бы для насъ, такъ сказать, историческую аксіому, противъ которой спорить невозможно. Что касалось до построенія или освященія церквей, даже если учреждались часовни или божницы, то печерскіе иноки весьма дорожили подобнаго рода извѣстіями. Такъ о Трапезной печерской церкви, о Пещерной, о Больничной или Гостинничной упоминается въ Лѣтописи и въ Патерикѣ неоднократно; но извѣстіе о постройкѣ Троицкой церкви княземъ Николаемъ Святошею является въ первый разъ только въ XVII вѣкѣ. По крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ этого извѣстія нигдѣ раньше сказаннаго XVII вѣка. Здѣсь невольно рождается сомнѣніе, которое еще болѣе увеличивается, если мы примемъ во вниманіе, какъ тогдашніе кіевскіе ученые смотрѣли на древніе историческіе факты и какъ безцеремонно съ ними обращались. Желая защитить нашего историка Татищева отъ нареканій въ составленіи такъ называемой Якимовской лѣтописи, г. Лавровскій, между прочимъ, о XVII вѣкѣ выразилъ ту весьма дѣльную, хотя уже и давно извѣстную, мысль, что это время можно по всей справедливости почитать баснословнымъ періодомъ лѣтописей; что басни польскія, чешскія и нашихъ хронографовъ какъ нарочно спорили между собою о пальмѣ первенства. Дѣйствительно, въ исторіи Кіева можно представить изрядное число подобныхъ явленій. Тогдашніе ученые Кіевляне, заимствуя всю мудрость свою изъ Мѣховскаго, Кромера, Кадлубка, Стрыйковскаго и прочихъ очень неблагонадежныхъ польскихъ историковъ, привыкли, по примѣру образцовъ своихъ, и сами давать просторъ фантазіи въ области исторіи, лишь бы это имѣло видъ исторической важности. Такъ они приурочили перваго кіевского митрополита св. Михаила ко времени св. Владимира, что можно видѣть въ Патерикѣ Сильвестра Коссова, въ Тератургимѣ Аѳанасія Кальнофойскаго, въ Хроникѣ Софоновича, въ Кіевскомъ Синописѣ, изданномъ при Иннокентіѣ Гизелѣ, въ Печерскомъ Патерикѣ, изданномъ при томъ же Гизелѣ. Ко временамъ св. князя Владимира отнесли основаніе церкви Спаса на Берестовѣ, церкви Рождества Христова на Подолѣ, также Михайловскихъ монастырей,—одного Златоверхаго, а другаго Выдубицкаго, даже Межигорскаго; говорили о крещеніи сыновъ св. Владимира на Крещатикѣ; приписали супругѣ великаго князя Святополка-Михаила (1093—1112 г.) названіе Варвары; увѣряли, что новгородскій епископъ Нифонтъ воспротивился митрополиту Клименту въ 1147 г. на основаніи будто бы письменной хартіи перваго митрополита Михаила. Составили грамоту, данную будто бы Владиміромъ Мономахомъ въ пользу какихъ-то Рожиновскихъ, а потомъ въ пользу Михайловскаго монастыря на право собирать мыто съ проѣзжихъ куницъ черезъ рѣку Вѣту. Ссылались на грамоту, данную будто Андреемъ Боголюбскимъ въ 1159 г. въ пользу Печерскаго монастыря. Выдумали построеніе въ Кіевѣ Крестовоздвиженской церкви галицкимъ княземъ Мстиславомъ Храбрымъ (Удатнымъ) въ 1212 г. и проч. и проч. Кратко, они любили все возводить къ отдаленной древности и особенно относить ко времени крещенія Руси при св. Владимірѣ. Все это было бы хорошо, если бы только можно было доказать исторически. Но какъ это невозможно,

то мы имѣемъ полное право недовѣрять свидѣтельствамъ Коссова, Кальнофойскаго, Софоновича, Гизеля, издателей перваго печатнаго Патерика Печерскаго и ихъ ученыхъ современниковъ о происшествіяхъ, совершившихся отъ X до XV вѣка, если этого не подтверждаютъ наши безцѣнные лѣтописи. Не время приводить здѣсь опроверженія вышеприведенныхъ мнѣній и выставлять всю ихъ несостоятельность. Опроверженія изложены съ довольною подробностію въ описаніи Кіева. Здѣсь скажемъ только, что къ тому же баснолюбивому времени принадлежитъ и извѣстіе Кальнофойскаго о построеніи княземъ Николаемъ Святошею Троицкой церкви. Кіевскіе ученые XVII вѣка, какъ видно изъ словъ Кальнофойскаго, видѣли предъ собою каменную церковь св. Троицы на Вратахъ Печерской обители; свѣдѣній же о постройкѣ оной не отыскалось; но они знали изъ Патерика, что проникнутый христіанскимъ смиреніемъ князь Черниговскій не погнушался быть даже привратникомъ святой обители; между тѣмъ онъ имѣлъ довольно матеріальныхъ средствъ для построенія церкви, слѣдовательно выстроилъ. Такимъ образомъ и фактъ готовъ! Но такого рода соображенія нисколько неубѣдительны. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что построеніе этой церкви никакъ нельзя относить къ XII или XIII вѣку. По всей вѣроятности она выстроена благочестивыми князьями Олельковичами около 1470 года при всеобщемъ возобновленіи Лавры. Послѣднее устройство Троицкой церкви произведено иждивеніемъ Мазепы около 1694 г., что видно изъ панегирика, сочиненнаго извѣстнымъ Орликомъ и напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1695 году.

Желая подкрѣпить свое мнѣніе, что Троицкая церковь выстроена въ началѣ XII вѣка, и именно въ 1106 году, г. Лашкаревъ обращается къ строительнымъ матеріаламъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что кирпичи, которые употреблялись при постройкѣ церквей св. Софій, Михайловской, однимъ словомъ, всѣхъ древнихъ кіевскихъ церквей¹,—кирпичи эти состоятъ изъ той же самой глины, изъ которой они и теперь дѣлаются. Нельзя думать, чтобы даже кирпичи для древнихъ нашихъ церквей привозились къ намъ изъ Константинополя. Притомъ же извѣстно, что изъ кіевской глины, при тщательной обработкѣ, добываются кирпичи самой лучшей доброты. Намъ могутъ возразить, что форма кирпичей и способъ кладки стѣнъ могутъ указать на XII столѣтіе. Но г. Лашкаревъ не видѣлъ разломанной стѣны Троицкой церкви, а по обвалившейся штукатуркѣ еще нельзя вывести удовлетворительнаго заключенія. Если при перестройкѣ этой церкви въ 1690-хъ годахъ Мазепою и сохраненъ древній русскій типъ: то можно ли утверждать, что эта церковь выстроена въ XII вѣкѣ? Всѣмъ извѣстно, что Мазепа выстроилъ двѣ соборныя церкви: одну въ Братскомъ монастырѣ, а другую въ Пустынно-Николаевскомъ (теперь Военный Соборъ); но планы этихъ церквей выражаютъ собою тотъ же древній типъ. Развѣ мы не можемъ то же самое сдѣлать и въ наше время? Изъ всего этого видно, что г. Лашкаревъ увлекся авторитетомъ преосв. Евгенія, или, собственно говоря, мнѣніемъ отца Аѳанасія Кальнофойскаго. Такъ опасны для изслѣдователя авторитеты! Справедливо сказалъ великій критикъ Шлѣцеръ: «не вѣрь ничьему слову!» По этой причинѣ обмѣнъ мыслей, многосторонній обзоръ и возраженія могутъ только содѣйствовать къ уясненію предмета, потому что силы одинокаго человѣка ограничены. Не мнѣ говорить предъ избраннымъ Собраніемъ, что путь къ истинѣ многотруденъ и усѣянъ терніемъ, что только взаимная помощь и безкорыстная любовь къ наукѣ поддерживаютъ часто усталаго странника. Въ такомъ смыслѣ мы понимаемъ и теперешній Археологическій Сѣздъ, и онъ долженъ принести благотворные плоды.

Видя оживленныя пренія, возбужденныя его рефератомъ, гр. Уваровъ заключилъ изъ этого, что важность поставленнаго имъ 25 вопроса требуетъ еще дальнѣйшаго всесторонняго обсужденія, а потому онъ долженъ снова возвратиться къ нѣкоторымъ изъ мыслей, высказанныхъ имъ въ докладѣ. Въ первой части онъ представилъ слѣды западнаго вліянія на зданіяхъ Суздальскаго княжества, и затѣмъ указалъ—какъ самые памятники пополняютъ отрывочныя свѣдѣнія лѣтописей, и какимъ также образомъ, на основаніи ихъ свидѣтельства, можно отодвинуть на шесть лѣтъ приходъ иностранныхъ зодчихъ и вмѣсто 1156 или 1158 принять 1152 годъ. Во второмъ отдѣлѣ, показывая различіе между суздальскими постройками и современными имъ романскими зданіями, гр. Уваровъ не отрицаетъ византійскаго вліянія, а напротивъ того указываетъ на него, упоминая, что подлѣ восхожденія Александра Великаго представлено «Уготованіе престола». Но при этомъ онъ находитъ, что въ типичномъ планѣ суздальскомъ, кромѣ византійскаго вліянія, замѣтны уже слѣды особаго—ни западнаго, ни византійскаго вліянія, которые слѣдуетъ, по его мнѣнію, признать за начатки народнаго творчества. Такое же проявленіе этихъ начатковъ онъ замѣчаетъ въ церквахъ Пскова и Новгорода, и вообще въ древнихъ церквахъ сѣверной полосы Россіи. Напротивъ того, въ церквахъ южной Россіи, въ особенности кіевскихъ, онъ не видитъ того первообраза, который могъ бы служить основой для суздальскаго типичнаго плана. Можетъ быть онъ со временемъ измѣнитъ свое мнѣніе, когда представлены будутъ положительные факты; но, напримѣръ, въ планахъ церквей св. Ирины, св. Василия, Спаса на Берестовѣ и пр. онъ хотя и видитъ трехалтарное раздѣленіе и три выступа алтарной части, но эти выступы имѣютъ совершенно отличный характеръ отъ выступовъ суздальскихъ церквей. Въ суздальскихъ церквахъ выступы круглые, средній изъ нихъ выдвигается болѣе впередъ чѣмъ остальные два; между тѣмъ въ кіевскихъ церквахъ средній выступаетъ, а другіе или почти вовсе не выступаютъ, или даже закрываются совершенно толщиною стѣны, такъ что снаружи является только одинъ выступъ, одна алтарная часть (abside). Изъ всего сказаннаго графъ Уваровъ дѣлаетъ выводъ, что мы доселѣ не имѣемъ доказательствъ, опровергающихъ его предположеніе о томъ, что суздальскіе зодчіе пришли изъ Германіи чрезъ Псковъ и Новгородъ. Онъ тѣмъ менѣе можетъ согласиться съ мнѣніемъ П. А. Лашкарева, будто бы въ XII вѣкѣ зодчіе пришли въ Суздаль чрезъ Кіевъ, что политическія происшествія первой половины этого столѣтія, волновавшія Кіевъ и все Кіевское княжество, мало способствовали процвѣтанію здѣсь архитектуры, въ особенности гражданской. Постоянныя войны и междоусобицы мѣшали всякому развитію, а потому въ это именно время вліяніе Кіева въ отношеніи архитектурномъ должно было умалиться. Затѣмъ, планъ кіевскихъ церквей не придерживается типичной формы квадрата, а болѣе приближается къ формѣ креста. П. А. Лашкаревъ указалъ на церковь св. Троицы, у которой алтарныя части не выступаютъ и не образуютъ три полукруга, какъ въ суздальскихъ церквахъ. Другой членъ Съѣзда Н. А. Поповъ замѣтилъ, что не на однихъ романскихъ церквахъ находятся обронныя украшенія, что и церкви Сербіи часто покрыты такими же украшеніями. Замѣчаніе вполнѣ справедливое, судя по рисункамъ сообщеннымъ барономъ Канацемъ; но различіе между этими украшеніями, какъ объяснилъ гр. Уваровъ, находится въ самомъ ихъ стилѣ. Узорчатыя главы сербскихъ церквей съ перваго же взгляда хотя покрыты также арабскими и узорами, прямо напоминаютъ стиль мавританскій.

Коснувшись обронныхъ украшеній, надо сюда отнести и возраженіе г. Мансветова, указавшаго на переписку св. Нила, какъ на доказательство, что украшенія изъ животнаго царства не могутъ считаться исключительнымъ признакомъ романскаго стиля. Между тѣмъ, изъ письма Нила къ Олимпіодору мы узнаемъ, что изображенія охоты, ловли или другія подобныя сцены отсовѣтываются, какъ неприличныя для церкви. Павлинъ Ноланскій, повидимому, держится того же мнѣнія, когда, при описаніи стѣнописей своей церкви, упоминаетъ только о крестахъ, о цвѣтахъ и о голубяхъ. Въ V вѣкѣ звѣрныя охоты, кромѣ простаго своего значенія, имѣли для подвижниковъ этого времени еще другую причину для устраненія ихъ изъ круга церковныхъ изображеній: онѣ отъ недавно прошедшаго язычества сохраняли еще то символическое погребальное значеніе, съ которымъ ихъ изображали на урнахъ и саркофагахъ. Отъ того и св. Нилъ отсовѣтывалъ Олимпіодору подобныя изображенія. Слѣдуетъ къ этому добавить, что хотя на Востокѣ встрѣчаются первые намеки на изображенія животныхъ, но именно въ Греціи эти изображенія вскорѣ совершенно почти прекращаются (припомнимъ запрещеніе Трульскаго собора противъ символическаго льва), между тѣмъ какъ на Западѣ съ развитіемъ романскаго стиля развивается и животный эпосъ. Въ отвѣтъ Г. Д. Филимонову, заявившему мнѣніе, что онъ не считаетъ фризъ изъ колоннъ отличительнымъ признакомъ романскихъ построекъ, гр. Уваровъ указалъ на мнѣніе профессора Остена, о которомъ упомянуто въ докладѣ, и въ примѣръ привелъ рисунки церквей въ Рюффеѣ и Пуатье. Примѣръ Спасо-Мирожскаго монастыря, приведенный П. И. Саввантовымъ, подтверждаетъ предположеніе, сдѣланное въ докладѣ, что зодчіе суздальскіе пришли чрезъ Псковъ и Новгородъ. Въ заключеніе гр. Уваровъ замѣтилъ, что на выставкѣ Съѣзда теперь находятся два плана древнихъ церквей: св. Василия въ Овручѣ, выстроенной въ XI вѣкѣ, и Спасскаго собора въ Полоцкѣ, изъ которыхъ первый напоминаетъ намъ типичный планъ суздальскихъ церквей, между тѣмъ какъ второй—Спасскаго собора—совершенно отъ него отступаетъ.

А. М. Быковскій высказалъ свои замѣчанія о стилѣ Дмитріевскаго собора, котораго такъ сказать общую концепцію (или остоу строенія) онъ признаетъ, согласно съ мнѣніемъ Л. В. Даля, за византійскую и по плану, и по отсутствію въ фасадѣ прямолинейнаго горизонтальнаго верха. Что касается общей наружной формы зданія, Дмитріевскій соборъ, несмотря на различіе плановъ, имѣетъ общее характеристическое сходство съ церковью св. Марка въ Венеціи: отсутствіе въ фасадѣ горизонтальнаго верха, очертаніе полукружій свода—пріемъ, прозванный французами: *extrados*. Ленуаръ и Тексье въ своихъ изслѣдованіяхъ одинаково признаютъ этотъ пріемъ характеристическою чертою византійскаго зодчества; они расходятся только въ томъ, что Ленуаръ относитъ появленіе этихъ формъ къ VIII вѣку, а Тексье полагаетъ начало этого появленія нѣсколько позднѣе. Если оставить авторитеты въ сторонѣ и обратиться къ источникамъ, т. е. къ сохранившимся и изданнымъ памятникамъ, то увидимъ примѣры очертанія на фасадахъ полукружій сводовъ и въ Константинополѣ и въ Морѣѣ и въ малой Азіи и въ Италіи: въ Константинополѣ—Пантократоръ, Теотокосъ и Монетекарось, въ Морѣѣ—церковь Божей Матери въ Мистрѣ, въ Солуни—св. Вардія, въ Италіи,—храмъ св. Марка въ Венеціи. Изъ перечисленныхъ примѣровъ въ особенности достойны вниманія константинопольскія церкви, какъ памятники чистаго византійскаго стиля безъ всякой чуждой примѣси, видимой въ церкви въ Мистрѣ или у св. Марка въ Венеціи. Если

отъ разсмотрѣнія общей формы перейти къ украшеніямъ Дмитріевскаго собора, деталямъ его фасада, къ формѣ купола, то тутъ замѣчается романское вліяніе, о которомъ упомянуто у графа Уварова. Всѣ характеристическія черты романскаго стиля выступаютъ здѣсь не только въ общемъ, но даже и въ мелочахъ: воспроизведеніе ихъ доходитъ до точности копировки. Вопервыхъ,—поясъ изъ столбиковъ съ арочками; этотъ приѣмъ ведетъ свое начало изъ древне-христіанскаго искусства, но, по свидѣтельству Гюбша, онъ получилъ только въ романскомъ искусствѣ характеръ приставнаго украшенія, неимѣющаго прямого строительнаго смысла. Примѣры такихъ поясовъ многочисленны въ Италіи; наиболѣе близкіе къ Дмитріевскому собору видимъ на соборахъ въ Піаченцѣ (1132), въ Павіи (VIII вѣка), въ Феррарѣ, въ Веронѣ, въ Пармѣ. Въ этихъ церквахъ находятся кромѣ того длинныя, ничего не поддерживающія, полуколонны, дѣлящія фасадъ на три части. Наконецъ самое разительное сходство съ Дмитріевскимъ соборомъ представляетъ соборъ въ Вормсѣ X и XI вѣка; здѣсь колонны или столбики также упираются на изображенія животныхъ; кромѣ того, примѣры подобнаго же украшенія находятся на фасадѣ собора въ Регенсбургѣ. Въ заключеніе г. Быковский замѣтилъ, что даже и куполъ Дмитріевскаго собора носитъ на себѣ слѣды сильнаго романскаго вліянія, и что детали романскихъ построекъ въ Швейцаріи тождественны съ карнизомъ Дмитріевскаго собора.

П. А. Лашкаревъ въ отвѣтъ на возраженіе Н. В. Закревскаго о неточности свѣдѣній, сообщенныхъ Калынофойскимъ, замѣтилъ, что отсутствіе лѣтописныхъ извѣстій о построеніи церкви не доказываетъ еще, что церковь не древняя. Извѣстно, что въ Кіевѣ было много церквей, между тѣмъ какъ въ лѣтописяхъ встрѣчаются свидѣтельства только о постройкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ; напримѣръ на Подолѣ существовало до 400 или 600 церквей, а между тѣмъ о постройкѣ какой бы то ни было изъ нихъ и гдѣ бы то ни было нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ подтвержденіе древности церкви св. Троицы онъ прежде указалъ на кладку, теперь же указываетъ еще на форму оконъ на южномъ фасадѣ этой церкви. Н. В. Закревскій сказалъ, что Калынофойскій могъ не знать, кто построилъ эту церковь, что она могла быть построена около 1470 года Олельковичами при общемъ возобновленіи Лавры; но подобное свѣдѣніе не могло бы укрыться отъ Калынофойскаго, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ замѣчанія о постройкахъ гораздо менѣ важныхъ, какъ напримѣръ незначительная пристройка придѣловъ вокругъ Лаврской церкви, и указываетъ даже на лице, принявшее расходъ такой постройки. Къ прежнимъ замѣчаніямъ о сходствѣ кіевскихъ церквей съ суздальскими, П. А. Лашкаревъ добавилъ, что на Софійской церкви, у придѣла Іоанна Богослова, устроеннаго съ лѣвой стороны храма, замѣтно возвышеніе надъ штукатуркою, которое идетъ вверхъ въ видѣ ленты; такое возвышеніе могло образоваться, по его мнѣнію, только при существованіи здѣсь пиластры. Въ другихъ мѣстахъ предполагаемая пиластра закрывается позднѣйшею пиластрою, на которую опираются своды теперешнихъ придѣловъ, но древняя пиластра не вполне скрывается новою и выступаетъ изъ нея примѣрно на четверть аршина. Потомъ онъ указалъ на сходство, по его мнѣнію, фресокъ у лѣстницы въ Кіевскомъ соборѣ съ изображеніями Дмитріевскаго собора, и хотя рисунокъ кіевскихъ фресокъ лучше лѣпныхъ украшеній во Владимірѣ на Клязьмѣ, но мотивы этихъ изображеній почти одни и тѣ же. Наконецъ, въ доказательство постоянной памяти и на сѣверѣ о церквахъ кіевскихъ, П. А. Лашкаревъ привелъ слова Кіевской лѣтописи, когда привезли во Владиміръ тѣло убитаго Андрея боголюбскаго (П, С. Л. II. стр. 115):

«И поча весь народъ плача молвити: уже ли Кіеву поѣха, господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ быше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочу создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будетъ память всему отечеству моему?»

Онъ объяснилъ, что въ Лѣтописи идетъ рѣчь именно о церкви Благовѣщенія на Золотыхъ воротахъ кіевскихъ, церкви, которая по свидѣтельству Кальнофойскаго, имѣла такой же фасадъ, какъ церковь на воротахъ Кіево-Печерской лавры, и по образцу этой церкви на Золотыхъ вратахъ князь Андрей Боголюбскій строилъ церковь во Владимірѣ. Тожество типа этихъ церквей съ типомъ суздальскихъ церквей, по мнѣнію П. А. Лашкарева, не подлежитъ сомнѣнію.

И. И. Василевъ сообщилъ свои замѣчанія о самостоятельной архитектурѣ псковскихъ церквей, и въ особенности Преображенской церкви въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. По его мнѣнію, западнаго вліянія на псковскую архитектуру незамѣтно (см. прилож. стр. 282—287).

Д. И. Иловайскій возражаетъ противъ положенія, высказаннаго гр. Уваровымъ въ своемъ рефератѣ, что: «типичный планъ имѣетъ только одну главу, а между тѣмъ извѣстно, что Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ имѣли по тринадцати главъ, а каменный Софійскій соборъ въ Новгородѣ и Спасскій соборъ въ Черниговѣ по пяти и т. д.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ дѣйствительно говорится, что Андрей Боголюбскій создалъ во Владимірѣ соборъ Богородицы «о единомъ версѣ»; но это выраженіе встрѣчается только въ сводахъ позднѣйшихъ, каковы: Степенная Книга и Никоновская Лѣтопись. Между тѣмъ въ спискахъ первоначальныхъ мы совсѣмъ не находимъ подобнаго выраженія. Въ Лаврентьевскомъ о числѣ верховъ не упоминается, а сказано просто: «и верхъ ея позлати». Но зато въ Ипатьевскомъ спискѣ прямо упоминается о пяти верхахъ, а именно: подъ 1158 г: «сверши же церковь пять верховъ»; потомъ по поводу смерти Андрея: «и пять верховъ ея позолоти», и еще разъ подъ 1183 г: «вся пять верховъ златая сгорѣ». А извѣстно, что рассказъ Ипатьевского списка о суздальскихъ событіяхъ этого времени ничѣмъ почти не разнится отъ Лаврентьевскаго, но только гораздо полнѣе его и обстоятельнѣе. Нѣкоторые несомнѣнные признави указываютъ на то, что это рассказъ современника. Въ данномъ случаѣ также нѣтъ никакого противорѣчія между этими списками, такъ какъ слово «верхъ» Лаврентьевской лѣтописи мы можемъ принять въ смыслѣ совокупности всѣхъ главъ, или просто въ смыслѣ верхней части храма. А что это дѣйствительно такъ, показываетъ та же Ипатьевская лѣтопись. Мы видѣли, что она три раза положительно говоритъ о пяти верхахъ; но тутъ же въ иномъ мѣстѣ, говоря о построенныхъ Андреемъ соборахъ во Владимірѣ и Боголюбовѣ, выражается такъ: «верхъ бо золотомъ устрои», т. е. употребляетъ и единственное число. Далѣе, въ Псковской лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе: «упалъ верхъ св. Троицы». Здѣсь вѣроятно надобно понимать не одну главу, а всю верхнюю часть зданія, т. е. своды и главы. Итакъ одна глава не составляла существенной принадлежности суздальскихъ храмовъ.

Затѣмъ г. Иловайскій переходитъ къ вопросу, откуда ведетъ свое происхожденіе суздальскій типъ, и говоритъ въ пользу родства его съ кіевскими, вообще южно-русскими, постройками. О вліяніи новгородскомъ и псковскомъ на сѣверо-восточную Россію едва ли можетъ быть рѣчь въ XII столѣтіи. Новгородско-псковская

образованность развилась позднѣе. Суздальская земля въ этомъ столѣтіи находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ Кіевской Руси. Юрій Долгорукій, при которомъ являются первые храмы суздальскаго стиля, живетъ по преимуществу интересами южной Руси и постоянно стремится въ Кіевъ. Андрей Боголюбскій, прославившійся своею строительною дѣятельностію, также воспитанъ на югѣ; отсюда онъ принесъ съ собою уже готовые вкусы и симпатіи. Постройки его имѣютъ непосредственную связь съ югомъ. Изъ Вышгорода онъ привезъ греческую икону Богородицы, и въ честь Ея строить храмы во Владимірѣ и въ Боголюбовѣ. По примѣру Золотыхъ кіевскихъ воротъ, онъ воздвигаетъ Золотыя ворота во Владимірѣ. Самая резиденція его въ Боголюбовѣ вѣроятно была устроена по образцу кіевского Вышгорода. Итакъ прототипъ суздальскихъ храмовъ мы должны искать въ Кіевской Руси.

По поводу замѣчанія Д. И. Иловайскаго, о словѣ «верхъ», И. И. Василевъ добавилъ, что когда говорится въ лѣтописи, о «верхѣ» псковскаго Троицкаго собора, то не можетъ подразумѣваться нѣсколько главъ, потому что настоящий соборъ съ нѣсколькими главами построенъ въ концѣ XVII столѣтія, а въ лѣтописи говорится о древнемъ соборѣ, построенномъ княземъ Гавріиломъ, отъ котораго уцѣлѣлъ рисунокъ одноглаваго креста на иконѣ благовѣрнаго князя Гавріила въ псковскомъ соборномъ храмѣ.

М. П. Погодинъ подтвердилъ мнѣніе, высказанное Д. И. Иловайскимъ, и при этомъ объяснилъ, что нельзя имѣть никакого сомнѣнія объ извѣстии о пяти главахъ Владимірскаго собора, потому что оно принадлежитъ писателю современнику. Разница между Кіевскою и Суздальскою лѣтописью та, что въ Кіевской—по Ипатьевскому списку—находится извѣстіе о пяти главахъ, а въ Суздальской—по Лаврентьевскому списку—объ одномъ верхѣ. Но такая разница не можетъ возбудить сомнѣніе, ибо ни одна изъ двухъ лѣтописей не дошла до насъ въ подлинникѣ, а переписчики какъ той, такъ и другой переносили однѣ извѣстія и пропускали другія, и такимъ образомъ произошло, что въ Кіевской лѣтописи оказалось гораздо больше извѣстій о Владимірскомъ соборѣ и о убіеніи Андрея Боголюбскаго, нежели въ самой Суздальской лѣтописи.

Съ своей стороны Д. И. Иловайскій замѣтилъ, что, оставляя въ сторонѣ Псковскій соборъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ смыслѣ слова «верхъ», о которомъ онъ говоритъ, т. е. иногда оно означаетъ всю верхнюю часть зданія или всю совокупность главъ. Если поискать въ лѣтописяхъ, то найдутся тому и другія подтвержденія.

В. А. Прохоровъ, въ подтвержденіе прежде высказаннаго имъ мнѣнія, что типъ Спасителя, юнаго и безъ бороды, встрѣчается также и въ византійской иконографіи, привелъ примѣры изъ греческихъ, сирійскихъ, сербскихъ и русскихъ рукописей. Изъ греческихъ рукописей онъ указалъ на парижскую рукопись Григорія Назіанзина IX вѣка и на Менологіи Василя Македонянина въ Ватиканѣ, на аеонскія рукописи и фрески, на сиріанскую рукопись во Флоренціи, при чемъ добавилъ, что въ его собраніи находятся двѣ иконы, одна греческая XIV вѣка, другая новгородская XVI вѣка, на которыхъ Спаситель также изображенъ въ видѣ юноши. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упомянулъ, что видѣлъ у одного московскаго купца большую икону XVI вѣка, на которой Христосъ представленъ юношею, сидящимъ на престолѣ, окруженнымъ пророками и

ангелами, съ надписью: «Красенъ бѣ паче сыновъ человѣческихъ». За тѣмъ В. А. Прохоровъ подтвердилъ мнѣніе графа Уварова о сходствѣ новгородскихъ церквей съ суздальскими.

Къ тому же 25 вопросу относится изслѣдованіе Н. А. Артлебена (читанное въ засѣданіи 28 марта) объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальской области; къ изслѣдованію приложены планы и разрѣзы самыхъ зданій (см. прилож. стр. 288).

П. С. Казанскій доставилъ свои соображенія о колоколахъ и колокольняхъ, въ отвѣтъ на поставленный вопросъ: когда начали строить особыя зданія для колоколовъ, отдѣльно или въ связи съ самимъ храмомъ? (Прилож. стр. 300).

Третье засѣданіе 22 марта утромъ, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Мурзакевича.

А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій заявилъ Съѣзду о вновь открываемомъ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ. Начало его относится почти къ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда въ старый С.-Петербургскій арсеналъ свозились трофеи и другіе памятники, находившіеся въ крѣпостяхъ, церквахъ, монастыряхъ и другихъ мѣстахъ. Этотъ музей имѣлъ, разумѣется, специальное назначеніе быть музеемъ собственно артиллерійскимъ, состоящимъ изъ разнаго рода оружія и вооруженій; но на самомъ дѣлѣ онъ носитъ характеръ смѣшанный, потому что въ немъ есть многіе предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ вооруженію, какъ-то: костюмы, знамена, надписи и тому подобное. Въ особенности этотъ музей богатъ древнимъ русскимъ оружіемъ, и по исторіи артиллеріи подобнаго собранія нѣтъ нигдѣ въ Европѣ: тутъ есть батарея съ огромнымъ количествомъ стволовъ, которые заряжались съ казенной части, нѣмецкія пушки XIV вѣка, 9-ти зарядная пушка-револьверъ временъ Петра Великаго, древніе бердыши, крѣпостныя ружья, самопалы. Въ особенности интересны для арсеналовъ стрѣлцкія знамена громадныхъ размѣровъ. Одно изъ нихъ съ изображеніемъ страшнаго суда и съ длинною надписью; впрочемъ живопись на этомъ знамени, судя по постановкѣ фигуръ, не принадлежитъ русскимъ мастерамъ. Такихъ знаменъ въ цѣлости пять, но много кусковъ и остатковъ. Тамъ хранится преображенскій мундиръ Петра Великаго, въ которомъ онъ былъ подъ Полтавою, шляпа его, пробитая пулей. Есть также костюмъ, въ которомъ Петръ Великій работалъ на кораблѣ въ Саардамѣ. Далѣе въ музеѣ есть полное стрѣлцкое вооруженіе чрезвычайно любопытной работы; есть также вооруженіе пѣшихъ ратниковъ, такъ называемые ослопы, состоящіе изъ обыкновенной жерди съ булавою, усѣянною гвоздями; наконецъ, тутъ находится также табуретъ Стеньки Разина съ его вооруженіемъ и дубинкою, и цѣлыя пирамиды разнаго оружія, добытаго подъ Полтавою. За тѣмъ г. Афанасьевъ-Чужбинскій представилъ Съѣзду одно древнее знамя, найденное въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ въ 1857 году, которое, судя по надписи, принадлежитъ къ потѣшнымъ знаменамъ Петра Великаго. Надпись прочтена А. Θ. Бычковымъ, и нѣкоторыя выраженія—такого свойства, что прямо указываютъ на его назначеніе. Въ заключеніе г. Афанасьевъ-Чужбинскій сказалъ нѣсколько словъ по вопросу о сохраненіи древностей. Онъ выходилъ пѣшкомъ всю южную и западную Россію, для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, и убѣдился, что памятники древности погибаютъ больше всего отъ спекуляторовъ и искателей кладовъ. Въ каждой мѣстности есть лица, которыя занимаются раскапываніемъ кладовъ и съ этою цѣлію раскапываютъ могилы. Кромѣ могилъ, которыми усѣяна Малороссія,

есть памятники военной архитектуры, чрезвычайно важные для исторіи. При этомъ онъ указалъ на укрѣпленія генуэзской эпохи, въ мѣстечкѣ Скрополѣ, на памятникъ гетману Жолкевскому; и то и другое разрушается. Наконецъ, по его мнѣнію, въ Россіи чрезвычайно много памятниковъ, которые могутъ быть сохранены только путемъ, указаннымъ графомъ Уваровымъ, т. е. посредствомъ учрежденія округовъ и археологическихъ консерваторовъ. Съѣздъ можетъ ходатайствовать объ этомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ходатайство его будетъ уважено.

Затѣмъ И. И. Срезневскій, предположивъ сказать нѣсколько словъ о фрескахъ и возобновеніи ихъ въ кievскомъ Софійскомъ соборѣ, предварительно счелъ нужнымъ указать на нѣсколько памятниковъ, на которыхъ сохранились изображенія древнихъ русскихъ одеждъ. Въ Новгородѣ, въ церкви Θεодора Стратилата XIV столѣтія, находится изображеніе Владиміра и Ольги, а также изображенія Владиміра, Бориса и Глѣба. Изображеніе семейства князя Святослава находится въ извѣстномъ сборникѣ XI вѣка. Изображеніе князя Всеволода находится въ рукописи конца XII и начала XIII столѣтія, хранящейся въ Чудовской библіотекѣ; но изображенія Бориса и Глѣба встрѣчаются въ значительномъ количествѣ въ рукописяхъ большею частію XIV вѣка, между прочимъ въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Пушкинскаго. При этомъ И. И. Срезневскій высказалъ предположеніе, что не все собраніе драгоценныхъ рукописей, принадлежавшихъ графу Мусину-Пушкину, сгорѣло въ 1812 году. Свое предположеніе онъ основалъ на томъ, что ему случилось пріобрѣсти копію съ сборника Мусина-Пушкина, сдѣланную дословно, буква-въ-букву. А такъ какъ на бумагѣ этой копіи (если посмотрѣть ее на свѣтъ) обозначенъ 1816 г., то этотъ списокъ не могъ быть сдѣланъ ранѣе, а потому очевидно, что самая рукопись была еще цѣла въ 1816 г. Кромѣ того, у наслѣдниковъ графа Мусина-Пушкина сохранилось нѣсколько рукописей, между прочимъ любопытная пергаменная рукопись XIV вѣка новгородскаго письма. Къ этому онъ добавилъ, что у него было нѣсколько подложныхъ экземпляровъ слова о Полку Игоревѣ. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что не всѣ рукописи Мусина-Пушкина сгорѣли, и подають надежду на открытіе какъ Владимірскаго сборника, такъ и того сборника, гдѣ находится слово о Полку Игоревѣ. Переходя къ докладу, И. И. Срезневскій указалъ Съѣзду на образъ св. Георгія, находящійся въ Синодальной ризницѣ и принадлежавшій прежде М. П. Погодину. Эта икона представляетъ Георгія побѣдоносца, и кругомъ—его житіе. По буквамъ, онъ относитъ этотъ памятникъ къ XIII столѣтію и считаетъ его драгоценнымъ остаткомъ древняго чисто русскаго письма. Затѣмъ, передавъ впечатлѣніе, какое производятъ кievскій Софійскій соборъ и его мозаики, И. И. Срезневскій упомянулъ о его послѣднихъ возобновеніяхъ въ 1843 и 1853 годахъ. Еще въ XVII вѣкѣ, при Петрѣ Могилѣ, соборъ былъ увеличенъ въ главнѣйшихъ частяхъ и въ пристройкахъ, и покрытъ весь новою живописью по старой. Остатки древней кладки обличаютъ постройку XI и XII вѣка; о другихъ постройкахъ Софійскаго собора не можетъ быть сомнѣнія, потому что сама лѣтопись опредѣляетъ годъ основанія и годъ, въ который соборъ долженъ быть непременно оконченъ, а именно 1037-й 1051-й гг. Въ 1051 году священникъ Иларіонъ посвященъ былъ въ митрополиты церкви св. Софіи, и церковь названа митрополіею; тогда совершено было въ ней богослуженіе, въ которомъ участвовалъ въ первый разъ митрополитъ Иларіонъ: слѣдовательно къ этому времени Софійскій соборъ былъ оконченъ. Въ настоящее время новая штукатурка и окраска дополняютъ опавшія во многихъ мѣстахъ мозаики. Подъ главнымъ купо-

ломъ отъ изображеній 4-хъ Евангелистовъ сохранилось только изображеніе св. Марка; остальные поддѣланы подъ древнюю мозаику. Въ алтарной части изображеніе Богородицы вполне уцѣлѣло; пониже Тайная вечеря сохранилась не вся: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выпало довольно значительное количество мозаическихъ камней, которые замѣнены штукатуркой; еще ниже—рядъ отцевъ церкви: верхняя часть фигуръ сохранилась, а нижнюю дополнили живописью. Отъ фресокъ оставалось немного, и коммиссія, которой поручено было возобновленіе Софійскаго собора, дополнила недостающее по догадкамъ. Имена святыхъ большею частію исчезли; уцѣлѣло только 11 или 16. Всѣ остальные, какъ надписи, такъ и изображенія, были нарисованы вновь. При такомъ возобновленіи вкрались болѣе или менѣе значительныя ошибки. Самыя любопытныя фрески собора—тѣ, которыми покрыты своды между колоннами и стѣны двухъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры; эти фрески могутъ служить матеріалами для изученія нашей древней одежды, и отчасти нашихъ древнихъ обычаевъ какъ свѣтскихъ, такъ и религіозныхъ. Разсказавъ подробности копированія кіевскихъ фресокъ, г. референтъ представилъ кальку съ 4-хъ фигуръ съ греческими надписями: Софія, Вѣра, Надежда, Любовь. Фигуры возобновлены и даже надписи, не уцѣлѣвшія на подлинной фрескѣ, были сдѣланы коммиссіею по догадкамъ. Коммиссія остановилась на именахъ Вѣры, Надежды и Любви съ ихъ матерію Софіею, какъ на единственной возможности объяснить, почему здѣсь изображены четыре лица. Взглянувъ на эти 4 изображенія въ Софійскомъ соборѣ, И. И. Срезневскій былъ пораженъ тѣмъ, что эти четыре, по новымъ надписямъ, женскія особы одѣты не всѣ по-женски, а именно: вторая и четвертая одѣты въ мужское платье. На рисунокъ, снятомъ академикомъ Сонцевымъ въ то время, когда эта фреска еще не была возобновлена, оказалась слѣдующая разница въ сравненіи съ теперь возобновленною фрескою: на рисунокъ Сонцева нѣтъ сіянія при изображеніяхъ; всѣ четыре особы не въ покровахъ, а въ шапочкахъ; двѣ изъ нихъ, первая и третья, въ женскомъ костюмѣ княгинь и княженъ, а вторая и четвертая въ парадномъ костюмѣ русскихъ князей. Двѣ первыя особы представлены какъ будто со свѣчами; но утверждать, что дѣйствительно изображены были свѣчи, И. И. Срезневскій не смѣетъ, потому что на рисунокъ Сонцева видны только палки. Итакъ, можно предположить, что эти изображенія представляли не святыхъ, а лица княжескаго семейства. На колоннѣ, прилегающей къ тому своду, на которомъ находится это изображеніе, не сохранилось ничего, и она расписана вновь; слѣдующій затѣмъ сводъ весь передѣланъ, и состоитъ весь изъ новаго кирпича. Поэтому можно предположить, что на срединѣ колонны было изображеніе князя, можетъ быть, съ церковію въ рукѣ; по одну сторону его одна половина княжескаго семейства. Мы знаемъ, что кіевскій Софійскій соборъ начатъ и оконченъ при великомъ князѣ Ярославѣ. По сказанію лѣтописи онъ началъ въ 1037 г., а оконченъ, вѣроятно, раньше 1051 года. Великая княгиня Ирина, жена Ярослава, скончалась въ 1050 году. Если на фрескѣ находится ея изображеніе, то живопись собора должна была быть окончена до этого года. У Ярослава, по сказанію лѣтописей, было три дочери и шесть сыновей: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Игорь и Вячеславъ; изъ нихъ Игорь—лицо сомнительное, о рожденіи котораго нѣтъ даже никакого извѣстія, а Вячеславъ можетъ быть родился послѣ постройки Софійскаго собора. За исключеніемъ Игоря и Вячеслава, остается четыре сына и три дочери, и референтъ представляетъ дѣло такимъ образомъ: по срединѣ на колоннѣ было изображеніе великаго князя Ярослава; по одну сторону его онъ видитъ въ

первой особѣ великую княгиню Ирину, во второй Святослава, въ третьей одну изъ княженъ, а въ послѣдней Всеволода; по другую сторону могли быть изображены остальные два сына—Владиміръ и Изяславъ, и меньшія дочери. Къ такому заключенію его приводитъ еще болѣе взглядъ на извѣстныя изъ исторіи лѣта сыновей Ярославъ; лѣта княженія кажется неизвѣстны. При закладкѣ собора въ 1037 году, старшій сынъ Ярославъ, Владимиръ, имѣлъ 17 лѣтъ, Изяславъ—12, Святославъ—10 лѣтъ. Въ 1050 году, въ годъ кончины великой княгини Ирины, Владимиру было 30 лѣтъ, Изяславу—25, Святославу—23, Всеволоду—20 лѣтъ. Если принять 1047 годъ, то есть 10 лѣтъ спустя послѣ заложенія храма, за время, когда была написана фреска, то лѣта князей будутъ соотвѣтствовать разнѣ величинѣ фигуръ: Владимиру было тогда 27 лѣтъ, Изяславу—22, Святославу—20, а Всеволоду—17 лѣтъ. Отсюда можно предположить, что по правую руку великаго князя были изображены: мать съ младшими дѣтьми, а по лѣвую—старшіе сыновья и старшія дочери.

Г. Д. Филимоновъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что на столбѣ былъ изображенъ князь: на столбахъ обыкновенно изображались священныя лица и мученики.

На замѣчаніе г. Василева, что въ рукахъ фигуръ были, вѣроятно, свитки, И. И. Срезневскій возразилъ, что въ древности, при освященіи церкви, иногда давались свѣчи, слѣдовательно и въ данномъ случаѣ, на фрескѣ, могли быть представлены свѣчи.

Н. В. Закревскій замѣтилъ, что стѣна, на которой должна была быть фреска, древней кладки, не передѣлана, но г. Срезневскій съ нимъ не согласился.

Л. В. Даль указалъ на подобныя изображенія на Западѣ, прибавивъ, что тамъ обыкновенно направо изображался князь, налѣво—княгиня, а въ срединѣ—образъ.

Ө. И. Буслаевъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе о изображеніи «Св. Души Христовой», предпославъ мысль, что самыя раннія иконографическія преданія христіанства сохранились у насъ даже въ миниатюрахъ XVII и XVIII вѣка. — Миниатюры изъ житія Василия Новаго, важныя для рѣшенія вопроса объ иконографіи души, распадутся на двѣ главныя редакціи по изображенію души: 1) два крылатые ангела несутъ щитъ, на которомъ находится поясной портретъ Θεодоры (*scutum fidei, imagines clupeatae*); 2) ангелы несутъ душу Θεодоры въ видѣ младенца на пеленѣ. Первая редакція исходитъ отъ самаго ранняго представленія о душахъ усопшихъ, которое было принято потомъ въ христіанской иконографіи, какъ древнѣйшая форма иконы (изображенія на саркофагахъ, на мозаикахъ, на миниатюрахъ рукописей IX и X в.). Наши миниатюры въ житіи Василия Новаго, съ изображеніями Θεодоры на щитѣ, ведутъ свое начало отъ временъ саркофаговъ и мозаикъ IV, V, VI столѣтій и сохраняются у насъ до XVII и XVIII в. Впрочемъ это изображеніе въ миниатюрахъ подвергалось искаженіямъ: хотя *scutum* съ зубцами раковины изображается, но голова Θεодоры выступаетъ изъ него; далѣе остались кое-гдѣ зубцы раковины, а наконецъ *scutum* переходитъ въ облако, которое поддерживаютъ два ангела. Вторая редакція—изображеніе души Θεодоры въ видѣ младенца—идетъ также отъ древнѣйшихъ временъ и находится, можетъ быть, въ связи съ представленіемъ Психей. Эта иконографическая подробность перешла къ намъ, вѣроятно, въ XI в., когда было перенесено изъ Византіи въ Кіево-Печерскій монастырь изображеніе Успенія Богородицы. Представленіе души въ видѣ младенца подверглось у насъ меньшимъ искаженіямъ и особенно было принято въ рукописяхъ конца XVII и начала XVIII столѣтій.

Затѣмъ г. Буслаевъ перешелъ къ изображенію Души Іисуса Христа въ видѣ младенца въ рукописномъ житіи Андрея Юродиваго, начала XVIII вѣка. «Святая Душа Христова» — такою надписью означено слѣдующее изображеніе: шестикрылый младенецъ стоитъ въ крылатой же чашѣ, которую держитъ въ лѣвой рукѣ Господь Саваоѣ; младенецъ въ крестовомъ сіяніи; внизу въ сіяніи Духъ Святый въ видѣ голубя. По толкованію текста, крылатая чаша въ рукѣ Бога Отца — челоуѣчество Іисуса Христа; а «вино сухо» — Его божество, которое въ миниатюрѣ изображено въ видѣ шестикрылаго младенца и означено въ надписи. Исходя отъ разобранной миниатюры, и въ другихъ изображеніяхъ чаши съ младенцемъ Христомъ должно видѣть ту же символику, т. е. сочетаніе челоуѣчества съ божествомъ. Такъ, представленіе чаши съ младенцемъ въ рукѣ Іоанна Предтечи крылатаго замѣняетъ изображеніе Агнца; та же замѣна Агнца, символа евхаристіи, на древне-русскихъ дискосахъ. Вѣроятно, остатокъ той же символики сохранился на Западѣ въ изображеніяхъ Благовѣщенія. Слова церковной пѣсни: «чашу спасенія прииму» и пр. стоятъ въ очевидной связи съ представленіями символической чаши. Г. Буслаевъ заключилъ свой докладъ тою мыслию, что русская иконографія стоитъ на твердой и широкой основѣ древне-христіанскихъ преданій; это дастъ ей высокое значеніе и вообще въ наукѣ христіанской археологіи, когда западные ученые познакомятся съ нашими иконографическими сокровищами (см. въ приложеніяхъ).

Четвертое засѣданіе 25 марта, вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ директора консерваторіи Н. Г. Рубинштейна; секретарь Ѳ. И. Буслаевъ.

Засѣданіе открыто рѣчью г-на Предсѣдателя:

«М. Г. На мою долю выпала честь предсѣдательствовать въ настоящемъ засѣданіи. Эта честь досталась мнѣ вслѣдствіе происшествія, одинаково для всѣхъ насъ прискорбнаго — смерти незабвеннаго князя В. Ѳ. Одоевскаго. Ему по праву принадлежало это мѣсто между специалистами по музыкальному дѣлу. Онъ всѣхъ болѣе занимался музыкальною археологіею вообще и древнею русскою музыкою въ особенности. Имъ, при содѣйствіи нашего достопочтеннаго сочлена Д. В. Разумовскаго, поставлены всѣ вопросы по нашему музыкальному отдѣленію. Надо сознаться, что эти вопросы лишь при содѣйствіи покойнаго князя Владиміра Ѳеодоровича могли быть приведены въ совершенную ясность и получить удовлетворительное и точное разрѣшеніе. Мнѣ извѣстно, что нашъ достопочтенный сочленъ Д. В. Разумовскій прочтетъ намъ о жизни и трудахъ покойнаго князя по части музыки, а потому я не буду останавливаться на этомъ; но я долженъ прибавить, что по кончинѣ князя память о немъ будетъ навсегда служить для молодыхъ людей поощреніемъ къ музыкальнымъ занятіямъ, такъ много имъ любимымъ. Богатая бібліотека князя, состоящая изъ древнихъ музыкальныхъ рукописей, изъ сочиненій о музыкѣ и изъ музыкальныхъ инструментовъ, поступаетъ по волѣ супруги покойнаго княгини О. С. Одоевской въ Московскую Консерваторію. Этимъ возлагается на нее нравственная обязанность продолжать дѣло бывшаго почетнаго члена Русско-музыкальнаго Общества князя В. Ѳ. Одоевскаго. Позвольте, м. г., заявить вамъ, что мои товарищи по Консерваторіи и я, проникнутые глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ трудамъ по искусству вообще, искусству же отечественному въ особенности, употребимъ съ нашей стороны всѣ усилія, чтобы дѣло, начатое столь блистательно княземъ Владиміромъ Ѳеодоровичемъ, дѣло, стоявшее ему столь многолѣтнихъ

усидчивыхъ трудовъ, не остановилось и не заглохло, а шло постоянно впередъ и стало бы для него, перваго и неутомимѣйшаго дѣателя, вѣковѣчнымъ памятникомъ въ потомствѣ».

Д. В. Разумовскій прочелъ о музыкальной дѣятельности князя В. Θ. Одоевскаго (см. прилож. стр. 436—438).

Потомъ Н. В. Маклаковъ прочелъ статью о русской народной музыкѣ (см. прилож. стр. 439—443).

Д. В. Разумовскій изложилъ свое мнѣніе о происхожденіи нотописанія въ русской церкви. Онъ, на сколько возможно при настоящемъ состояніи отечественной археологіи, представилъ здѣсь подробный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы, предложенные Археологическому Съѣзду:

1. Были ли въ славянскихъ или греческихъ земляхъ нотныхъ рукописей, писанныхъ ранне X или XI вѣка?

2. Если существуютъ такіа рукописи, то знаки ихъ не имѣютъ ли сходства съ безлинейными (крюковыми) знаками, извѣстными съ давняго времени въ русской церкви, и съ какими именно?

3. Если нѣтъ, то какъ объяснить происхожденіе этихъ крюковыхъ знаковъ въ началѣ русской церкви? (см. прилож. стр. 444—449).

Онъ же прочелъ свою статью: «Объ относительной древности безлинейныхъ знаковъ русской церкви».

Въ этой статьѣ онъ старался изложить современныя свѣдѣнія о нотахъ или музыкальных знакахъ, употреблявшихся собственно русскою церковію, отъ ея начала до самаго исхода XVI вѣка; при чемъ онъ выразилъ надежду, что всѣ его выводы объ этомъ предметѣ могутъ быть измѣнены только въ томъ случаѣ, когда будущія открытія укажутъ на существованіе музыкальных знаковъ дѣмественнаго пѣнія въ Россіи или въ земляхъ славянскихъ ранѣ XIV вѣка, и на существованіе Казанскаго знамени въ Россіи ранѣ послѣдней половины XVI вѣка (см. прил. стр. 449—459).

Продолжая свое чтеніе, Д. В. Разумовскій, излагалъ собственныя мысли о чтеніи безлинейныхъ (крюковыхъ) знаковъ русской церкви и объяснял переходъ отъ безлинейныхъ знаковъ пѣнія къ линейнымъ нотамъ. Здѣсь онъ послѣ краткаго отвѣта на каждый изъ вопросовъ, входящихъ въ составъ этого отдѣла, преимущественно занимался разрѣшеніемъ того, какимъ способомъ можно прочесть кондакарные музыкальные знаки, съ какою точностію можно прочесть безлинейные знаки знаменнаго распѣва XII и XI вѣковъ и Казанское знамя. Далѣе онъ сообщилъ свѣдѣнія о работахъ двухъ собраній дидаскаловъ въ 1652 и 1668 и. въ Москвѣ, замѣтивъ, что Тихонъ Макарьевскій не могъ принимать участіе въ этихъ работахъ, и наконецъ указалъ на причины перехода отъ безлинейныхъ крюковыхъ знаковъ къ нотолинейнымъ и на то, къмъ произведено такое переложеніе?—Сущность всего сказаннаго Д. В. Разумовскимъ почти буквально изложена въ приложеніяхъ (стр. 450—457).

Засѣданіе было прервано на четверть часа.

По возобновленіи засѣданія Д. В. Разумовскій читалъ исторію нотолинейныхъ рукописей Русской церкви, существовавшихъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Онъ подробно раскрылъ то основаніе, какое было принято при первоначальномъ изданіи печатныхъ книгъ, изданныхъ Св. Синодомъ (Ирмологія, Обихода, Октоиха и Праздниковъ), а равно при первомъ изданіи Сокращеннаго Обихода (см. прил. стр. 459).

Онѣ замѣтилъ далѣе, что со времени перваго изданія нотныхъ богослужебныхъ книгъ, онѣ стали подвергаться разнымъ измѣненіямъ, происходившимъ отъ недосмотра справщиковъ и отъ недостатка указаній на печатныя погрѣшности (errata). Печатныя погрѣшности богослужебныхъ нотныхъ книгъ легко могутъ быть исправлены а) сличеніемъ послѣдующихъ изданій съ первымъ изданіемъ нотныхъ книгъ, и б) сличеніемъ перваго изданія нотныхъ книгъ съ безлинейными (крюковыми) рукописями, которыя доселѣ находятся во многихъ библіотекахъ и въ настоящее время удобно читаются многими любителями церковно-русской древности. Въ началѣ Сокращеннаго Обихода всегда помѣщается «Азбука начальнаго ученія простаго нотнаго пѣнія, содержащагося на це-фа-утномъ ключѣ», въ основаніи которой лежитъ западная система *мутацій*. Система мутацій, по замѣчанію Д. В. Разумовскаго, вошла въ «Азбуку» путемъ музыкальной педагогики, современной составленію самой Азбуки. Музыкальное значеніе системы мутацій неоспоримо важно, потому что она, до изобрѣтенія нынѣшняго способа сольмизировать звуки, ясно указывала ученику на мѣсто *половиннаго интервала* въ звуковыхъ рядахъ. Нынѣ система мутацій составляетъ не болѣе какъ археологическій памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, съ какимъ трудомъ въ наукѣ и въ искусствахъ добываются самыя простыя, первоначальныя, свѣдѣнія и приемы.

При разсужденіи о *гармонизаціи церковной мелодіи*, профессоръ Московской Консерваторіи Н. Д. Кашкинъ прочелъ двѣ замѣчательныя статьи покойнаго кн. В. Ѳ. Одоевскаго: 1) *Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церковнаго православнаго пѣнія*, и 2) *О различіи между ладами и гласами* (см. прилож. 476—491).

Эти статьи найдены въ кабинетѣ покойнаго кн. Одоевскаго и обязательно сообщены членамъ Сѣзда княгиней О. С. Одоевскою, такъ какъ онѣ и приготовлены княземъ собственно для Сѣзда, въ которомъ онъ готовился принять дѣятельное участіе. Въ нихъ покойный князь съ теоретической музыкальной стороны даетъ рѣшеніе вопросамъ о значеніи нашихъ церковныхъ гласовъ и объ отличіи ихъ отъ новѣйшихъ ладовъ (Tonarten), объ отношеніи нашихъ гласовъ къ западнымъ церковнымъ тонамъ и наконецъ о главныхъ основаніяхъ при положеніи богослужебныхъ напѣвовъ на два, три и четыре голоса. Дѣйствительный членъ А. А. Гатцукъ, поддерживая основныя мысли объ особенномъ способѣ гармонизировать мелодію православной церкви, прочелъ *нѣкоторыя мѣста* изъ записки покойнаго митрополита Филарета, помѣщенной вполнѣ г. Сушковымъ въ его книгѣ подъ заглавіемъ: «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго». Бывшій учителемъ придворной Капеллы, но нынѣ состоящій главнымъ управляющимъ вокальною и инструментальною музыкою при Московской 1-й и 2-й Военной гимназій, П. М. Воротниковъ, исполнилъ на рояли *задостойникъ*, изложенный въ *придворномъ крупнѣ церковнаго пѣнія* (изд. 185, стр. 150), и выразилъ свое мнѣніе, что напѣвъ задостойника можетъ почитаться варіантомъ, близкимъ къ оригиналу кievскаго напѣва, и что положеніе его въ гармоническій составъ основано на хроматизмѣ, совершенно несвойственномъ діатоническому характеру древней церковной мелодіи. Подъ конецъ своего разсужденія П. М. Воротниковъ сказалъ, что для церковной мелодіи, вмѣсто искусственной гармонизаціи ея, было бы лучше, если бы она сохранила свой первоначальный видъ и всегда исполнялась унисонно (см. прилож. стр. 474—475).

Пятое засѣданіе 26 марта, вечеромъ, подѣ председательствомъ Д. В. Разумовскаго; секретарь Ѳ. И. Буслаевъ.

Главнымъ предметомъ засѣданія было разсужденіе о народномъ мірскомъ пѣніи и собственно о музыкѣ русской.

Засѣданіе открыто рѣчью П. А. Безсонова о *метрѣ* древнихъ русскихъ былинъ и пѣсней.

Д. В. Разумовскій прочиталъ краткую историческую записку: О народномъ пѣніи въ Россіи (см. прилож. стр. 467—473).

Обширная статья покойнаго кн. В. Ѳ. Одоевскаго съ особенною ясностью показала, какіе звукоряды служатъ матеріаломъ для народныхъ русскихъ напѣвовъ въ домашнемъ духовномъ пѣніи и въ мірскихъ пѣсняхъ, и какимъ образомъ тѣ и другія могутъ быть гармонизированы (см. прилож. стр. 484—491).

Вліяніе церковной музыки на народную, мірскую, музыку, по замѣчанію Д. В. Разумовскаго, было весьма значительно. Это видно прежде всего въ діатоническомъ звукорядѣ мірскихъ пѣсень, и потомъ въ самомъ музыкальномъ устройствѣ мірской мелодіи. О ней нельзя сказать, чтобы она была написана въ томъ или другомъ тонѣ (Tonart). Доселѣ еще сохраняются мірскія, по содержанію своему, пѣсни, имѣющія надъ собою мелодію церковныхъ гласовъ. Въ доказательство своего мнѣнія Д. В. Разумовскій представилъ слѣдующую пѣсню:

Гласъ 1-й Красноцвѣтушій въ юношествѣ,
Дражайшій предметъ,
Любезнѣйшій моему
Сердцу обладатель.

Гласъ 2-й Неоцѣненный твердый
Камень адамантъ,
Зеленый виноградъ,
Сладкорѣчивый витія,
Пречестнѣйшій взоромъ,
Пріятнѣйшій разговоромъ.

Гласъ 3-й Угль горящій,
Камыкъ свѣтящій,
Драгоценный брилліантъ,
Красноцвѣтущая вѣточка,
Пресіяющая звѣздочка.

Гласъ 4-й Прекрасное зрѣніе
Прелюбезное видѣніе,
Яблонь кудрявая,
Утѣха веселая,
Садикъ мой садикъ,
Ахъ ты райскаго селенія цвѣтикъ,
Прелюбезнѣйшій свѣтикъ.

Гласъ 5-й Веселая забавушка,
Сердечная зазнобушка,
Которая васъ матушка породила,
И кая сторонушка возростила.

Гласъ 6-й Красотою надѣлила,
И всѣми достоинствами одала,
И кая судьба насъ съ тобой совокупила.

Гласъ 7-й Какой тотъ часъ былъ и минута,
Въ которомъ я въ васъ плѣнилась,
И презѣльно уязвилась,
Мое сердце распалилось.

Гласъ 8-й Когда въ крѣпкой сонъ засыпаю,
Тогда вашу драгость забываю,
А когда проснусь, за васъ схвачусь.
Ахъ, гдѣ мой миленькой обитаетъ,
Аки цвѣтъ въ виноградѣ разцвѣтаетъ,
Мое сердце увеселяетъ.

Гласъ 1-й. Красота ваша очамъ представляется,
Скука печаль прогоняется.

Мѣры, какія должно принять къ сохраненію народныхъ напѣвовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ, состоятъ, по изъясненію экспертовъ, въ томъ единственно, чтобы записывать наши народныя напѣвы, какъ они дѣйствительно поются народомъ, съ мѣстными вариантами; записывать *точно*, просто, безъ всякаго притязанія подводить ихъ подъ уровень общей музыки, или поправлять кажущіяся погрѣшности, или, что всего хуже, подводить подъ тотъ или другой тонартъ, подъ какой-либо симметричный ритмъ, прибавлять діэзы или бемоли, для удовлетворенія требованій такъ называемаго генералбаса.

Д. В. Разумовскій прочиталъ историческую записку о народной инструментальной музыкѣ и перечислилъ почти всѣ музыкальные инструменты, извѣстные Русскимъ до XVIII в.

Этимъ чтеніемъ заключена первая половина засѣданія.

Вторая половина засѣданія посвящена была обсужденію вопросовъ, поставленныхъ В. А. Дашковымъ по поводу проектированной постройки храма въ стилѣ X вѣка при домѣ Московскаго Публичнаго Музея.

Г. Засѣданія III Отдѣленія: Памятники языка, письма и быта.

Первое засѣданіе 18 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ П. С. Казанскаго; секретари: Н. Я. Аристовъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

И. И. Срезневскій представилъ на Съѣздъ два вопроса изъ Археологіи русской. Предлагая эти вопросы, И. И. Срезневскій предварительно долженъ былъ имѣть въ виду всѣ тѣ данныя, которыя могутъ пополнить рѣшеніе или сдѣлать вопросъ ненужнымъ. Первый вопросъ: «имѣются ли опредѣлительныя доказательства того, что славяно-кирилловское письмо по рисунку буквъ должно быть относимо къ IX вѣку, или ко времени болѣе отдаленному?» Что оно обыкновенно относится къ IX вѣку не только современниками, но и всѣми, занимавшимися этимъ вопросомъ, объ этомъ, кажется, говорить нечего; но можетъ ли это показаніе современниковъ и позднѣйшихъ ученыхъ быть принимаемо безусловно, безъ всякаго ограниченія, или возбуждаетъ оно само по себѣ вопросъ? Дѣло тутъ не только объ однихъ буквахъ, но и о самой жизни, о нѣкоторыхъ книгахъ, которыя считаются книгами кирилловскаго періода. Съ своей стороны онъ ничего не рѣшаетъ, а только ставитъ вопросъ о томъ, какъ понимать дѣло. Константинъ философъ жилъ въ первой половинѣ IX вѣка, и намъ все равно—былъ

ли онъ родомъ Славянинъ или Грекъ. Дѣло въ томъ, что онъ, какъ сынъ своего времени, долженъ былъ употреблять для греческаго языка тотъ образъ писанія, который въ его время былъ господствующимъ. Теперь никто не станетъ писать почеркомъ времени Екатерины, не говоря уже о почеркѣ времени Петра Великаго, Алексѣя Михайловича и т. д. Была ли, или могла ли быть взята Константиномъ философомъ греческая азбука не своего времени, съ присоединеніемъ еще 14 буквъ новыхъ, которыя въ греческой азбукѣ никогда не существовали, для выраженія всѣхъ звуковъ славянскаго языка? Была ли у него возможность употреблять несовременный рисунокъ буквъ? Могъ ли онъ принести буквы для Славянъ, не обращая вниманія на то, въ какомъ положеніи находились Славяне, для которыхъ была его азбука составлена? Славяне должны были принять ту азбуку, которую онъ предложилъ; но это предполагаетъ, что Славяне вовсе до него не употребляли греческой азбуки. Если они не употребляли азбуки, тогда, очевидно, могли принять эту азбуку; но если они ее прежде уже употребляли, тогда вопросъ нѣсколько измѣняется. Что они должны были употреблять и употребляли греческую азбуку, на то есть свидѣтельства, прямые указанія и наконецъ соображенія. Изъ свидѣтельствъ есть одно, кажется, несомнѣнное—монаха Храбра въ его Сказаніи о письменахъ славянскихъ. Славяне, бывши еще язычниками, употребляли черты и рѣзы (начерченные и нарѣзанные знаки), а принявъ христіанство, стали по необходимости пользоваться (нуждахуся) письменами греческими и латинскими. Этотъ періодъ употребленія Славянами буквъ греческихъ и латинскихъ монахъ Храбръ рѣзко отдѣляетъ отъ послѣдовавшаго времени кирилловскаго. Изъ этого свидѣтельства ясно, что до Кирилла Славяне, которые принимали черезъ Грековъ христіанство, употребляли греческую азбуку; но съ какого времени они могли употреблять ее? На это можно представить доказательства. Въ VI столѣтіи мы знаемъ шесть славянскихъ епархій. Въ Византіи съ 518 по 578 годъ царствуютъ императоры изъ рода Славянъ, т. е. Славянъ, которые должны были быть христіанами. Итакъ съ VI столѣтія по крайней мѣрѣ, если не ранѣе, должно считаться время, въ которое Славяне стали употреблять греческое письмо. Теперь является еще вопросъ: начавъ употреблять греческое письмо, слѣдовали ли они постоянно образцамъ греческаго письма, постепенно измѣнявшагося, и слѣдовательно передѣлывали ли свой навыкъ писать, сообразуясь съ этими измѣненіями греческаго письма? Но такъ ли бываетъ въ дѣйствительности? Возможенъ ли присмотръ за тѣмъ, какъ что пишется у другихъ? Писать такъ, чтобы смотрѣть, какъ чужой народъ употребляетъ это письмо, кажется невозможнымъ. Разъ усвоивъ себѣ письмо, народъ привыкаетъ употреблять его такъ, какъ усвоилъ; слѣдовательно вопросъ представляется въ такомъ видѣ: возможно ли, или невозможно, чтобы употреблялся у Славянъ свой собственный образъ писанія, такъ что когда Константинъ философъ сталъ придѣлывать къ греческой азбукѣ свои особенныя письмена, то онъ могъ придѣлывать ихъ не къ той азбукѣ, которая употреблялась Греками въ его время въ IX вѣкѣ, а къ той, которая употреблялась у Славянъ? Для разрѣшенія этого вопроса нужно обратиться къ памятникамъ. Есть нѣсколько памятниковъ греческихъ, несомнѣнно IX вѣка; славянскіе памятники существуетъ только съ XI вѣка. Можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ, относимые къ XI столѣтію, но безгодные, могли быть отнесены къ X вѣку, но ужъ ни въ какомъ случаѣ къ IX-му. Большинство греческихъ рукописей IX и X вѣка представляютъ образцы скорописи; уставъ употреблялся, но въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ что въ рукописяхъ можно видѣть его

больше въ заглавіяхъ. Есть рукописи, которыя относятся палеографами къ IX вѣку, и которыя похожи на нашъ Кирилловскій уставъ; но ни одной такой рукописи нѣтъ съ годомъ. Отчего онѣ относятся къ IX вѣку,—нисколько не объяснено; можетъ быть это просто одна догадка и слѣдовательно не идетъ къ дѣлу.

Но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что господствующимъ способомъ письма была скоропись. У Славянъ же въ XI столѣтіи курсивъ употреблялся инаго характера, чѣмъ у Грековъ, безъ передѣлки буквъ. Буква по уставу пишется обыкновенно въ 2, 3, 4 приѣма; передѣлка же буквы въ скорописи состоитъ въ томъ, что буква пишется въ 1 приѣмъ, при чемъ измѣняется и самый характеръ буквы; такъ напримѣръ гамма (г, γ) изъ висѣлицы съ однимъ бокомъ передѣлана въ витокъ виноградный съ хвостикомъ — совершенно другія черты, другой характеръ въ написаніи. У Славянъ ничего подобнаго нѣтъ; уставъ господствуетъ. Если есть скоропись (въ одной новгородской Миней, на послѣдней страницѣ, пѣснь Богородицы написана скорописью), то эта скоропись похожа скорѣе на ту, которая употреблялась у насъ въ граматахъ XIV вѣка, напримѣръ въ граматѣ Димитрія Донскаго 1374 года, т. е. всякая буква пишется такимъ же образомъ, какъ по уставу, но пишется скорѣе и выходитъ не особая скоропись, а просто поспѣшное письмо, которое сохраняетъ тѣ же самыя формы, какъ и въ уставѣ, совершенно отличныя отъ формы греческой скорописи. Вотъ первое обстоятельство, которое заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ Константинъ философъ употребилъ для славянской азбуки то письмо, которымъ онъ самъ писалъ по-гречески, и догадываться, что, можетъ быть, онъ употребилъ другое письмо, котораго самъ обыкновенно не употреблялъ.

Другое обстоятельство, столь же важное, то, что въ греческихъ рукописяхъ употреблялись во время Кирилла знаки надстрочные: придыханія и ударенія. Ни въ одной славянской рукописи X, XI, XII, XIII, XIV и половины XV-го в. нѣтъ знаковъ ударенія; они являются позднѣе. Стало быть, въ первоначальномъ письмѣ славянскомъ также не было удареній. Между тѣмъ у Грековъ эти ударенія шли постоянно безъ безъ всякаго измѣненія; только въ иныхъ случаяхъ употреблялись они неправильно при перепискѣ. Такая существенная разница опять приводитъ къ заключенію, что Константинъ философъ употребилъ для славянской азбуки такое письмо, при которомъ не употреблялись знаки ударенія.

Третье обстоятельство представляетъ правописаніе. У Грековъ въ IX вѣкѣ употреблялось уже довольно правильное разнообразіе знаковъ препинанія: точка, двѣ точки, разная постановка точки и разнаго рода фигурные знаки. Изъ всѣхъ знаковъ препинанія у Славянъ въ X, XI и въ послѣдующихъ вѣкахъ до XV-го употреблялась только точка, притомъ употреблялась она совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ у Грековъ, а въ какомъ-то особенномъ. Славяне ставили точку послѣ одного слова, двухъ, трехъ, четырехъ, если эти слова совокуплялись въ одно цѣлое въ идеѣ произносившаго или писавшаго ихъ, слѣдовательно должны были совокупляться и въ умѣ читающаго. Такимъ образомъ, если нужно было поставятъ рядъ собственныхъ именъ, то всякое собственное имя отдѣлялось отъ другаго имени точкой. Если предположить выраженіе: свѣтлый день возсіалъ, то можно было поставить послѣ: возсіалъ точку, и послѣ: свѣтлый день тоже точку, потому что свѣтлый день представляетъ одинъ образъ нераздѣльный. У Славянъ до XI вѣка было такое же исключительное употребленіе точки, между тѣмъ какъ у Грековъ такого исключительнаго употребленія не существовало.

Всѣ указанныя обстоятельства возбуждаютъ вмѣстѣ вопросъ: того ли именно времени взялъ Константинъ философъ греческое письмо, когда самъ жилъ, или болѣе древняго? Къ нимъ между прочимъ присоединяется еще то, что Греки, передававши славянскія слова, употребляли довольно послѣдовательно одни и тѣ же соединенія буквъ, чего мы не замѣчаемъ въ ту же эпоху и позже, при передачѣ славянскихъ словъ буквами латинскими. Вообще И. И. Срезневскій полагаетъ, что если не въ VI, то въ VII столѣтіи образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX вѣка. Когда Константинъ философъ принялся за свою Кирилицу, т. е. за особенную постановку греческихъ буквъ вмѣстѣ съ новыми буквами для славянскаго языка, то онъ взялъ то письмо, которое уже прежде господствовало у Славянъ.

П. А. Лавровскій, согласившись съ важностью вопроса, постановленнаго И. И. Срезневскимъ, замѣтилъ однако, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ доказательствъ возбуждаютъ въ немъ сомнѣніе. Впервыхъ, относительно мысли, что по свидѣтельству монаха Храбра, Славяне нуждались въ письменахъ греческихъ и латинскихъ, онъ полагаетъ, что едва ли можно сдѣлать выводъ объ употребленіи Славянами-христіанами греческаго и латинскаго письма въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы видимъ, напримѣръ, употребленіе славянскихъ письменъ Славянами Русскими. Кто же изъ Славянъ могъ нуждаться въ этихъ греческихъ и латинскихъ письменахъ? Кто могъ употреблять ихъ? Разумѣется—Славяне въ самомъ ограниченномъ количествѣ какъ въ восточной Византійской имперіи, такъ и на Западѣ. Славяне Византійской имперіи очевидно сливались, такъ сказать, съ поселеніемъ византійскимъ, съ греческимъ. Большая часть изъ нихъ находилась въ связи государственной съ Византійскою имперіею. Если количество Славянъ было довольно велико, то духовенство у нихъ очевидно было греческое, администрація тоже; однимъ словомъ, они находились въ полной связи какъ церковной, такъ и гражданской съ византійскимъ строемъ имперіи. Слѣдовательно нисколько не удивительно, что для славянскихъ нуждъ, для славянскаго, такъ сказать, языка, взято греческое письмо въ уровень съ обычнымъ письмомъ, господствовавшимъ въ Византійской имперіи. Едва ли можно предположить, чтобы это употребленіе для Славянъ греческаго письма могло развить особенный пошибъ или особенный типъ письма. Для этого нужно допустить огромное число Славянъ—христіанъ, что допустить трудно. То же самое относится и къ Славянамъ, которые на Западѣ пользовались латинскими письменами. Они, сдѣлавшись христіанами, находились въ одинаковомъ государственномъ отношеніи къ Римско-нѣмецкой имперіи. Духовенство у нихъ было точно также латинско-нѣмецкое, какъ и администрація. Слѣдовательно вотъ тѣ образцы, которые служили образцами и для латинско-славянскаго письма. Едва ли необходимо допустить особый типъ буквъ, выработавшійся у самихъ Славянъ. Относительно перваго положенія, что нѣтъ опредѣленныхъ по времени памятниковъ устава, относящихся къ IX вѣку, можно и на оборотъ сказать, что нѣтъ положительныхъ доказательствъ на то, что нѣкоторые памятники греческаго устава не относятся къ IX вѣку. Наконецъ третье и послѣднее положеніе, касающееся знаковъ, по мнѣнію П. А. Лавровскаго, рѣшительно не составляетъ важнаго доказательства. Извѣстно, что Константинъ философъ былъ человѣкъ весьма образованный по языкознанію, зналъ очень много языковъ, а слѣдовательно и письменъ, и не могъ, разумѣется, не понять съ перваго раза,

приспособляя греческую азбуку къ славянскому языку, что знаки придыханія и ударенія, введенные въ греческое письмо, несвойственны славянскому языку. Поэтому онъ могъ совершенно сознательно уничтожить эти знаки. Въ послѣдующее время, съ XV вѣка, стали у насъ употреблять придыханія и ударенія по очень естественной причинѣ, потому что въ то время подражательность сдѣлалась чрезвычайно сильна и даже отразилась въ самыхъ терминахъ грамматическихъ, на самыхъ правилахъ; а потому онъ сомнѣвается въ возможности существованія особаго славянскаго письма греческаго типа до Кирилла и Меѳодія и не видитъ особой прочности въ высказанныхъ И. И. Срезневскимъ положеніяхъ.

И. И. Срезневскій объяснилъ, что онъ не предполагаетъ особаго пошиба, особаго типа славяно-греческаго письма, а только говоритъ о характерѣ греческаго письма, задержаннаго въ своемъ развитіи привычкой. Сверхъ того, нельзя опровергнуть факта, что въ VI вѣкѣ были христіане между Славянами, не говоря о количествѣ ихъ и о томъ, когда именно они приняли крещеніе.

Соглашаясь съ этимъ, П. А. Лавровскій высказалъ мнѣніе, что всѣ Славяне, служившіе въ Византійской имперіи, были христіане; но эти явленія, какъ одиночныя, допускаютъ предположеніе, что Славяне отдѣльно принимали христіанскую вѣру. А потому, имѣя духовенство греческое, они, если и употребляли греческое письмо, то это греческое письмо видоизмѣнялось непрерывно у нихъ, какъ у самихъ Грековъ.

На это И. И. Срезневскій возразилъ, что Греція, какъ можно догадываться, въ то время не особенно серьезно защищала необходимость одного греческаго языка.

Съ этимъ согласился П. А. Лавровскій, допуская даже въ греческой іерархіи гораздо болѣе терпимости, чѣмъ на Западѣ. Но такъ какъ приливъ Славянъ былъ во всякомъ случаѣ медленъ и немногочисленъ, то они легче смѣшивались съ византійскими Греками, и по прежнему господствовалъ греческій элементъ. Даже въ настоящее время онъ видѣлъ письма болгарскихъ купцовъ, которые пишутъ греческими, а не славянскими буквами, не смотря на всю сознательную вражду, которая между ними и Греками существуетъ. Взявши даже примѣръ изъ Россіи, мы видимъ здѣсь малорусское или бѣлорусское письмо, которыя, при различіи языка, въ почеркахъ, собственно характеризующихъ письмо, ни чѣмъ не отличаются между собою: отличіе существуетъ на столько, на сколько индивидуальность каждаго человѣка выражается въ письмѣ.

Н. А. Поповъ замѣтилъ, что доселѣ въ Галиціи взрослые пишутъ уставомъ.

Затѣмъ началось оживленное совѣщаніе, въ которомъ, кромѣ И. И. Срезневскаго и П. А. Лавровскаго, приняли участіе М. П. Погодинъ, Н. А. Поповъ, М. Н. Сухомлиновъ, А. Θ. Бычковъ, А. Г. Викторовъ; при чемъ А. Θ. Бычковымъ указана греческая рукопись, которая по записанному въ ней индикту должна быть отнесена къ 842 году. Рукопись эта писана уставомъ, похожимъ на Кирилловскій. Въ заключеніе И. И. Срезневскій упомянулъ объ одномъ мѣстѣ въ житіи Константина философа, которое, не смотря на многочисленность различныхъ рукописей, вездѣ читается одинаковымъ образомъ. Въ этомъ мѣстѣ сказано, что до изобрѣтенія Константиномъ азбуки были Псалтирь и Евангеліе на рускомъ языкѣ. Много было разныхъ догадокъ по поводу этихъ книгъ; одни даже говорили, что онѣ были готескія; но въ житіи Константина читается, что онъ, услышавши русскаго, говорившаго съ нимъ, долженъ былъ только прислушаться къ видоизмѣненіямъ гласныхъ и согласныхъ, какъ тотъ употреблялъ ихъ, и вскорѣ началъ «чести и сказать», т. е., чи-

тять и объяснять или толковать по собственному языку. Это извѣстіе И. И. Срезневскій считаетъ свѣтлымъ указаніемъ, котораго не слѣдуетъ опускать изъ виду. Вообще рѣшеніе этого вопроса очень важно какъ для разъясненія начала славянской азбуки, такъ и времени, когда переведены были первыя книги Священнаго Писанія.

Затѣмъ И. И. Срезневскій приступилъ ко второму предложенному вопросу: «имѣются ли доказательства на то, что Глаголическая азбука есть произведеніе болѣе древнее, чѣмъ азбука Кирилловская»? Вопросъ этотъ былъ бы не такъ общественно важенъ, если бы не употребляли въ этомъ случаѣ науку, какъ орудіе для постороннихъ цѣлей. При этомъ можно припомнить о другомъ подобномъ обстоятельстве: самая невинная изъ наукъ — этнографія — употреблялась въ свое время какъ средство для отрицанія правъ Негровъ. Такимъ образомъ и филологія въ вопросѣ о древнихъ славянскихъ письменахъ служила орудіемъ извѣстнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого явилось упорное защищеніе мнѣнія, которое дало первенство Глаголицѣ передъ Кириллицей, признававшейся дотолѣ первымъ славянскимъ христіанскимъ письмомъ. Никто почти, кромѣ, кажется, послушныхъ послѣдователей того, что скажутъ на Западѣ, не настаиваетъ на томъ, что Глаголица древнѣе Кириллицы, какъ на рѣшеніи общепринятомъ; тѣмъ легче это рѣшеніе можетъ быть подвергнуто суду безпристрастному. Останавливая на немъ вниманіе сочленовъ, И. И. Срезневскій представляетъ сравненіе Глаголицы съ Кириллицей и думаетъ, что это сравненіе само собою можетъ привести къ выводу довольно вѣрному. Одна изъ самыхъ важныхъ чертъ сходства, это — одинаковый подборъ знаковъ для выраженія звуковъ. Изобрѣсти въ разное или въ одно и то же время, но независимо, двѣ азбуки съ однимъ филологическимъ направленіемъ, выбрать для азбукъ одинаковое количество знаковъ, кажется, невозможно, а между тѣмъ это существуетъ въ Глаголицѣ и Кириллицѣ. Азбука предполагаетъ предварительно идею о звукахъ, а потомъ уже выполненіе ея въ знакахъ. Единство этой идеи видится въ Кириллицѣ и Глаголицѣ; слѣдовательно одна изъ нихъ должна быть подражаніемъ другой; одна должна быть произведеніемъ первичнымъ, другая — вторичнымъ. Общій подборъ буквъ, какъ изображеній звуковъ, въ обѣихъ азбукахъ одинаковъ; правописаніе и употребленіе этихъ буквъ также почти одинаковы: есть нѣкоторыя отличія, но они сравнительно не важны. Одинакость идей этихъ двухъ азбукъ не можетъ быть оспариваема; неодинакость ихъ заключается въ изображеніи знаковъ. Разница формъ буквъ той и другой азбуки очень рѣзка, но есть однако и въ этомъ отношеніи важныя черты сходства. Отдѣляя въ азбукѣ Кирилловской двѣ части: буквы, взятые изъ греческой азбуки, и буквы, прибавленные для дополненія, и сравнивая теперь буквы Глаголицы съ греческими и славянскими, мы увидимъ слѣдующія отношенія. — Изъ греческихъ буквъ взята въ Глаголицу безъ всякаго измѣненія буква: ф; съ измѣненіями взяты нѣкоторыя другія буквы. При сравненіи этихъ буквъ, надо помнить, что въ глаголическихъ буквахъ употреблены кружки вмѣсто толстыхъ точекъ. Кромѣ этого, мы видимъ въ Глаголицѣ постановку греческихъ буквъ бокомъ, или на оборотъ, или съ прибавленіемъ, или съ опущеніемъ той или другой черты. Не менѣе сходства существуетъ и въ буквахъ, добавленныхъ къ греческимъ. Совершенно одинакова буква: ш; другія буквы въ Глаголицѣ только видоизмѣнены. Кромѣ этого сход-

ства отдѣльных буквъ не менѣе важна и одинаковость соединенія двухъ буквъ въ одну. Изъ всего сказаннаго видно, что въ Глаголицѣ и подборъ звуковъ, и подборъ буквъ, и многія изъ ихъ начертаній и ихъ соединеній, одинаковы съ Кириллицей, и что изъ Кириллицы многое взято въ Глаголицу и на оборотъ. Остается еще одинъ вопросъ, на который не разъ было обращено вниманіе защитниковъ Глаголицы: отчего въ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются глаголическія буквы, а не на оборотъ? спрашиваютъ они. На это можно отвѣчать, что выводъ сдѣланъ безъ разсмотрѣнія, случайно, съ попавшихся въ руки рукописей глаголическихъ, въ которыхъ есть кирилловскія буквы. Одна изъ такихъ глаголическихъ рукописей представляетъ доказательство самое очевидное. При этомъ И. И. Срезневскій упомянулъ о трудѣ одной русской дѣвицы, высокаго происхожденія, которая, при затрудненіяхъ, существующихъ въ Ватиканской библіотекѣ для копированія рукописей, съ величайшимъ усердіемъ, какового можно только ожидать отъ преданнаго наукѣ ученаго, списала тамъ всеъ рисованныя буквы глаголическаго Евангелія. Между ними всего чаще встрѣчается глаголическая буква: В. Въ кружкахъ ея помѣщаются изображенія то Спасителя и Богородицы, то Космы и Даміана, и т. д. Надписи при этихъ изображеніяхъ написаны Кириллицею. Взявъ во вниманіе, что мы имѣемъ только 12 рукописей глаголическихъ, и то большею частію отрывки, а рукописей кирилловскихъ того же періода времени можно насчитывать по крайней мѣрѣ до 100, то пропорціонально—если бъ было не 12, а 100 глаголическихъ рукописей, —мы бы нашли въ этихъ рукописяхъ въ 8 разъ больше приписокъ кирилловскихъ. Около этого же количества имѣется глаголическихъ приписокъ въ кирилловскихъ рукописяхъ; слѣдовательно тутъ дѣло уравнивается. Одно обстоятельство представляетъ здѣсь нѣкоторыя затрудненія: въ XV и XVI столѣтіяхъ у насъ употребляются въ рукописяхъ глаголическія буквы большія заглавныя, разрисованныя. Такія буквы встрѣчаются между прочимъ въ толковыхъ Пророчествахъ XV и XVI вѣка: на примѣръ слово: Аввакумъ написано почти сполна глаголическими буквами; первыя буквы начальныхъ стиховъ также глаголическія. Одинъ только фактъ можетъ, кажется, разъяснить нѣсколько это явленіе. Въ XV, XVI и даже въ XVII вѣкѣ стала у насъ употребляться разнаго рода тайнопись, но не такая тайнопись, которая хотѣла бы скрыть что нибудь, а употреблялась она такъ сказать только ради забавы, ради удовольствія. Для примѣра приведемъ рукопись изъ Троицкой библіотеки, писанную простыми буквами, обыкновенною скорописью, но очень круглымъ письмомъ, такъ что прежде нежели присмотришься къ этому письму, подумаешь, что это арабская рукопись. Всякая буква вытянута въ ширину, такъ что ея настоящій характеръ совершенно теряется; на примѣръ буква: М заняла $\frac{1}{4}$ строки. Съ перваго раза рѣшительно кажется невозможнымъ прочесть эту рукопись, а стоитъ только прочесть двѣ страницы, и читаешь ее очень свободно.

При этомъ замѣтилъ одинъ изъ членовъ, что въ Ростовѣ есть блюдо съ славянскою надписью, писанною латинскими буквами.

И. И. Срезневскій предполагаетъ, что въ это время была охота измѣнять обыкновенное письмо, слѣдствіемъ чего могло явиться употребленіе Глаголической азбуки, какъ встрѣчается въ то же время употребленіе такъ называемой Пермской азбуки.

М. П. Погодинъ полагаетъ, что при настоящемъ состояніи источниковъ ничего нельзя сказать, какая изъ двухъ азбукъ была сочинена прежде, но прибавляетъ, что

наглядное сравненіе буквъ Кириллицы и Глаголицы, сдѣланное И. И. Срезневскимъ, въ высшей степени любопытно.

П. А. Лавровскій раздѣляетъ мнѣніе, что Глаголица есть подражаніе Кириллицы, но не можетъ согласиться, что употребленіе Глаголицы въ тайнописаніи было дѣломъ забавы.

При этомъ М. П. Погодинъ припомнилъ, что когда онъ получилъ въ первый разъ извѣстіе, кажется отъ Востокова, о глаголическихъ буквахъ въ спискахъ Пророчествъ къ рукописи Упира Лихаго, то сообщилъ ему догадку: не были ли эти глаголическія буквы написаны первоначально въ Новгородской рукописи XI столѣтія, съ которой сняты эти списки? Такимъ образомъ эти буквы попали въ рукописи XV столѣтія, при перепискѣ послѣднихъ съ болѣе древнѣйшихъ рукописей—XI вѣка.

Касательно извѣстности Глаголицы въ Россіи И. И. Срезневскій замѣтилъ, что съ конца XIV вѣка начинается у насъ на Руси новое правописаніе: все болѣе расширяется употребленіе частію сербскаго, частію того, что мы привыкли называть болгарскимъ письмомъ. Это явленіе совпадаетъ съ покореніемъ Константинополя и съ пораженіемъ Турками Сербовъ и Болгаръ и бѣгствомъ послѣднихъ въ Россію. Тогда въ рукописяхъ начинаютъ снова входить въ употребленіе юсы и такіе знаки, которые были уже совершенно забыты.

М. П. Погодинъ добавилъ, что около этого времени пріѣхалъ сербскій митрополитъ Кипріанъ и привезъ множество рукописей.

Второе засѣданіе 27 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ П. А. Лашкарева.

И. И. Срезневскій докладывалъ о статьяхъ, ноступившихъ на Съѣздъ по Отдѣленію III-му.

В. Н. Григоровичъ пишетъ: «Изъ вопросовъ, предложенныхъ въ программѣ, самый важный относится къ южно-русскому краю. Оставляя въ сторонѣ времена дохристіанскія, періодъ отъ VIII по XI вѣкъ представляетъ задачи, рѣшеніе которыхъ требуетъ изслѣдованія древностей этого края. По моему мнѣнію, какъ вопросъ о древне-славянскомъ языкѣ, такъ и вопросъ о древней письменности касается стороны, прилежавшей къ сѣвернымъ окраинамъ Чернаго моря. Судьба Антовъ, потомки которыхъ Угличи и Тиверцы, и ихъ отношенія къ Хазарамъ и греческимъ колоніямъ могутъ быть предметомъ поисковъ. Поиски эти должны касаться сперва разъясненія предѣловъ и значенія епархій Скиѣской (Томи), Херсона, Фуллы, Сугдая и Готеи. Эти епархіи, хотя нѣсколько объяснены нынѣ, но только—съ помощью археологическихъ поисковъ; еще есть надежда раскрыть удовлетворительно ихъ значеніе. Касаясь въ частности предложенныхъ вопросовъ, можно замѣтить по вопросамъ 33 и 34: Кириловская азбука, хотя бы съ весьма древнихъ памятниковъ снятая, уступаетъ въ древности Глаголицѣ. О Глаголицѣ можно то достоверно сказать, что она возникла на Востокѣ и примѣнена къ славянскому языку. Замѣчаніе Грима, что буквы ея обращены были справа налево, есть самое вѣроятное. Происхожденіе ея конечно темно; но, основываясь на открытіяхъ Фирковича, нельзя не предположить, что мѣсто ея употребленія могло быть тамъ, гдѣ азбука древняя еврейская, самаританская и сассанидская были извѣстны ислони. Такимъ мѣстомъ были епархіи Востора и Херсона. Можно надѣяться, что раскопки наведутъ на памятники съ надписями, сдѣланными не только древне-еврейскими, но и другими буквами.

«По вопросу 38-му.—Кромѣ упомянутыхъ епархій, желательно было бы сдѣлать поиски о Вицинѣ. Мнѣ кажется, она была между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Желательно было бы опредѣлить, была ли Бакота земля или только городъ?—и нынѣ еще часть Поднѣстровья зовутъ Бакота. Понизовье Днѣстровское едва ли не носило это имя.

«По вопросу 701-му.—Наиболѣе достойны изслѣдованія—это пещеры не только близъ Херсонеса, но и по Днѣстру. Пещеры Инкермана, Чернескермена и проч., вызываютъ цѣлую экспедицію. Выдалбливаніе храмовъ въ скалахъ, продолжалось до XIII столѣтія. На горѣ Чернескермена я могъ прочесть надпись: *ἐλάτο (τι) μνηθεὶ καὶ ἀνιστορεῖται ὁ παυσέπτος οἶκος—ἐτούς* ζφ (6700 т. е. около 1200 года). Подобныя же пещеры находятся на правомъ берегу Днѣстра, преимущественно въ Оргѣевскомъ и Сорокскомъ уѣздахъ. Въ 30 верстахъ на югъ отъ Оргѣева, на берегу рѣки Реута, въ селѣ Требужанѣ есть церковь, высѣченная въ скалистой горѣ. Въ другой горѣ, у того же села, находится опустѣлый монастырь, весь высѣченный въ скалѣ; тамъ находится 7 надписей, изъ которыхъ привожу слѣдующія:

надпись первая: *Сен манастир*

Рак Божїи Босїи

Пзркаласъ Врхѣшъ

схврши съ подружіемъ

и чадъ своимъ

въ честь Гү Богу

за ѿпущеніе грѣховъ своихъ

— вторая: *Храмъ Іерарха*

Хѣа Сѣго ѿца

Чудотворца Николая

— третья: *ачетъ. . . а фзкутъ*

Василе . . .

і зилем—константинъ

. . . азъ фостъ—хатману

ла Украина

. . . аѣто зр

т е, этотъ—сдѣлалъ Василій—въ дни Константина. Тогда былъ Гетманомъ Украины въ 7100.

«Эта надпись подтверждаетъ извѣстіе объ Украинѣ, называемой Ханскою. Конечно, эти надписи—позднѣйшія, но онѣ были бы не лишні, если бы подробнѣе изучена была мѣстность. Какъ Бессарабія, такъ и Крымъ, ожидаютъ особой археологической экспедиціи.

«По вопросу 109-му.—Прилагаю азбуку, составленную по рукописи XIV и XV в. Она показываетъ начало курсива. Сверхъ сего, обращаю вниманіе на Пермскую азбуку. Рукопись, въ которой она находится, принадлежитъ профессору Некрасову, съ позволенія котораго прилагаю при семъ самую рукопись для повѣрки моего чтенія двухъ изъ нея мѣстъ».

Для того, чтобы облегчить разсмотрѣніе Пермской азбуки, И. И. Срезневскій сдѣлалъ что-то вродѣ таблицы. Хотя она сдѣлана быстро, но форма буквъ соблюдена совершенно правильно по памяти и дополнена по нѣкоторымъ другимъ рукописямъ. Онъ слѣдовалъ тому порядку, который соблюдается въ нашей

азбукѣ. Затѣмъ, вспоминая—что имъ было сказано насчетъ подбора буквъ въ азбукѣ Кирилловской и Глаголической, т. е., что не выдумываются значки, а подбираются буквы по звукамъ, и каждый звукъ опредѣляется потомъ особымъ значкомъ—то же самое заключеніе относитъ онъ и къ этой Пермской азбукѣ. Въ ней находится три сорта и, три сорта о, два сорта т, два сорта у; изъ чего видно, что подборъ буквъ въ общей массѣ тотъ же самый, равно и тѣ же самыя формы, которыя представляются въ греческой азбукѣ: *г* есть рукописная гамма XIII и XIV столѣтія; буква *д* есть испорченная дельта, а буква *и* безспорно греческое *і*, даже съ двумя точками, и т. д. Изъ всего этого въ особенности важно то, что это особенное письмо не только встрѣчается въ рукописяхъ чисто русскихъ, но и въ памятникахъ пермской письменности. Правда, что тѣ изъ буквъ, которыя въ Пермской азбукѣ наиболѣе напоминаютъ нашу скоропись, слѣдовательно XIII и XIV вѣка, имѣютъ форму уставную. Рисунокъ всѣхъ буквъ вообще до такой степени напоминаетъ наши буквы, только съ нѣкоторыми прибавленіями, что не трудно эту азбуку усвоить. Странно, что въ ней есть буквы, которыя напоминаютъ Глаголицу, напримѣръ буква *х*. Въ заключеніе И. И. Срезневскій сдѣлалъ еще нѣкоторыя поясненія къ предыдущему своему чтенію касательно Глаголицы и Кириллицы.

Графъ Уваровъ сообщилъ свѣдѣнія, доставленныя въ отвѣтъ на вопросъ 37-й: *Необходимость составленія сборника всѣхъ русскихъ надписей, находящихся на зданіяхъ, надгробныхъ камняхъ, плитахъ, крестахъ, евангеліяхъ, сосудахъ, чашахъ, покровцахъ и пр., съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ главнѣйшихъ памятниковъ.*

а) Изъ Казани доставлена г. П. Васильевымъ археологическая замѣтка подъ заглавіемъ: «Историческая могила», слѣдующаго содержанія.

«Селеніе Верхній Услонъ, находящееся на правомъ утесистомъ берегу Волги и отстоящее отъ Казани на разстояніи 12 верстъ, сдѣлалось извѣстнымъ съ того времени, какъ въ немъ, не далеко отъ церкви, на огородѣ, погребена княгиня Дарья Михайловна Меншикова, урожденная Арсеньева (дочь стольника), умершая здѣсь на пути въ ссылку съ мужемъ своимъ, извѣстнымъ временщикомъ, княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ (1). По разсказамъ старожиловъ, тогда же надъ прахомъ княгини былъ поставленъ камень, а потомъ сооружена церковь. Церковь эта давно сгорѣла, и самый надгробный камень такъ истрескался, что изъ надписи, значащейся на камнѣ, можно было разобрать только слова: «здѣсь лежитъ тѣло рабы Божіей Д. ...» (2).

Въ 1861 г. русскій литераторъ М. И. Семевскій, осматривая могилу Меншиковой, весьма сожалѣлъ объ ея запустѣніи.

«Я недавно былъ на Услонѣ, и, разумѣется, первымъ дѣломъ моимъ было осмотрѣть услонскую достопримѣчательность. Я еще прежде слышалъ, что въ недавнее время надъ могилой княгини сооружена часовня. Церковный сторожъ, у котораго находятся ключи отъ часовни, былъ моимъ чичероне. Задами церковной ограды, черезъ узенькую калитку, привелъ онъ меня на огородъ, гдѣ находится часовня, выстроенная въ 1863 году однимъ изъ потомковъ временщика, княземъ Александромъ

(1) См. Словарь Бантышъ-Каменскаго ч. II, стр. 319.

(2) См. Указатель города Казани на 1841 г. Чернова, стр. 183.

Сергѣевичемъ Меншиковымъ. Какъ уже сказано, часовня находится на огородѣ, принадлежащемъ дому услонскаго крестьянина Бобылева. Отъ калитки до часовни выстроены деревянные тротуары. Часовня весьма простой, незамысловатой, архитектуры—какого стили, рѣшить не берусь—имѣетъ видъ нѣсколько крестообразный, къверху суженный. На верху золоченый крестъ. Высота часовни 4 сажени, ширина 2. На лицевой сторонѣ крупными золотыми буквами подпись: *Въ память княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, почившей здѣсь на пути въ ссылку; а на другой противоположной: Построена княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Меншиковымъ въ 1863 г.* Внутри часовня имѣетъ четыре полукруглыхъ окна, слабо ее освѣщающія; по срединѣ—простой исколотый бутовый камень; это мѣсто—могилы почившей княгини».

б) Отъ того же г. Васильева. — «Недалеко отъ Казани, въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, такъ назыв. Новомъ Іерусалимѣ, при входѣ въ монастырскія ворота, направо, находится надгробный памятникъ, весь истрескавшійся, съ истертою надписью на татарскомъ языкѣ. Длина камня два аршина, вышина 5 вершковъ. По разсказу старожиловъ, подъ этимъ памятникомъ похороненъ какой-то казанскій татарскій пророкъ, особенно чтимый казанскими Татарами, которые постоянно приходятъ поклоняться праху этого пророка. Кто такой этотъ пророкъ? и почему онъ похороненъ въ православномъ монастырѣ? — вотъ вопросы, на которые, сколько я ни предлагалъ ихъ казанскимъ старожиламъ, Русскимъ и Татарами, никто не могъ отвѣтить мнѣ положительно. А по надгробной надписи узнать никакъ нельзя, потому что она такъ истерта, что татарскихъ словъ разобрать рѣшительно нѣтъ возможности».

в) Отъ С. К. Смирнова—Древнія надгробныя надписи, открытыя въ Троицкой Лаврѣ (приложеніе стр. 417—425).

г) Отъ В. А. Самарянова—Троицкая церковь, что въ Ликургѣ, и находящіяся при ней надгробныя надписи (прилож. стр. 427—435).

д) М. А. Максимовичъ прислалъ слѣдующія письма на имя предсѣдателя графа Уварова:

І. «Января 17 я имѣлъ честь получить отъ Васъ программу Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, съ приглашеніемъ и меня. Сколько порадовался я о семъ благопріятномъ для русскаго древлеислѣднія Съѣздѣ, столько же поскорбѣлъ о себѣ, что не могу быть на немъ, по болѣзненному состоянію моему въ зимнее время. Но чтобы хотя издавеча мнѣ поучаствовать сколько нибудь въ занятіяхъ Съѣзда — буду писать къ Вамъ, и на первый разъ скажу нѣчто въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ вашей программы: *сохранились ли остатки древняго вала, уже бывшаго при Владимірѣ Святѣ-томъ южнѣе Кіева на границѣ земли Печенѣговъ, и въ какомъ видѣ?*

Здѣсь, на восточной сторонѣ Днѣпра, южнѣе Переяславля, есть два вала, идущіе отъ Днѣпра къ Супою: ближайшій къ городу зовется *великимъ валомъ*, а другой — *малымъ валомъ*. У обоихъ ровъ на виѣшней отъ города сторонѣ.

По столбовой дорогѣ, которая идетъ отъ Переяславля внизъ Днѣпра, на Золотоношу и Кременчугъ, и которая еще на моей памяти называлась обыкновенно у здѣшняго люда дорогою *Цареградскою*, великій валъ переходитъ ее на восьмой верстѣ отъ города, продолжаясь прямо къ селу Малымъ-Каратулямъ, а оттуда къ селу Строковѣ. Черезъ десять верстѣ отъ великаго вала ту же дорогу переходитъ малый валъ, который тянется отъ Днѣпра извивисто, почему и зовется еще *змѣинымъ валомъ*; и ведется о немъ народное баснословіе, что «Кузьма-Демянъ, Божій коваль», запрятши

великаго змѣя въ плугъ, провелъ имъ эту борозду до Чернаго моря... Пройдя еще восемь верстъ отъ той дороги къ востоку, малый валъ склоняется на сѣверъ, къ дороге, идущей въ Переясловъ отъ *Городища* на Супоѣ, называемаго нынѣ Ташанью, гдѣ дожилъ свой вѣкъ Румянцевъ-Задунайскій. Перейдя эту дорогу, на десятой верстѣ отъ городища, малый валъ поворачиваетъ круто на сѣверозападъ, къ великому валу, и примыкаетъ къ нему невдалекѣ отъ вышепомянутаго села Стряковы, на полѣ, называемомъ Чернечимъ-Степомъ. Отсюда видно продолженіе вала (должно быть великаго) къ Супою; а мнѣ говорили, что примѣтно и другое продолженіе вала (должно быть малаго), идущее отъ села Стряковы къ Трубежу и тамъ кончающееся близъ хутора Дубовой-Шни, противъ села Гайшина. Но самъ я, когда лѣтъ за двадцать осматривалъ эти валы, не слѣдилъ за ними дальше соединенія ихъ на означенномъ мѣстѣ. А любопытно было мнѣ тогда это мѣсто—для объясненія себѣ лѣтописнаго сказанія, какъ въ 1149 году Юрій Владиміровичъ съ Половцами двигался къ Переяслову отъ Супоя на своего неуступчиваго племянника, Изяслава Мстиславича.

«А Гюрги стоя три дни у Стряковы, а четвертый день поиде отъ Стряковы мимо городъ, по зорѣ исполчився, и ста *межи валомъ*». Онъ расположился своимъ станомъ за великимъ валомъ: «стояше за *Янчинымъ сельцемъ*», т. е. за нынѣшнимъ сельцомъ Малыми-Яненками, которое въ древнее время, судя по имени, принадлежало Мономаховой сестрѣ, Янкѣ Всеволодовнѣ.

Упоминаніе о двухъ валахъ переясловскихъ находится и въ Несторовой лѣтописи, подъ 1095 годомъ: «приде Итларъ въ градъ Переяславль; а Кытанъ ста *межи валомъ*».

И такъ несомнѣнно, что эти *два вала* были уже въ *одиннадцатомъ столѣтіи*; а происхожденіе ихъ, конечно, принадлежитъ богатырскому времени Владимірову, когда великій просвѣтитель и строитель Русской земли, для ея огражденія отъ хищнаго племени Печенѣговъ, началъ ставить сторожевые города по Деснѣ, Остру, Трубежу и другимъ рѣкамъ. Въ 992 году, послѣ побѣды надъ Печенѣгами на Трубежѣ, онъ заложилъ *городъ Переяславль*, т. е. ту крѣпостную половину первобытнаго Переяслова, которая въ послѣдствіи называлась «Верхнимъ городомъ». Не къ девяностымъ ли годамъ *десятаго столѣтія* отнести происхожденіе и валовъ переясловскихъ?

Въ 1006 году, а по другимъ въ 1008, былъ у князя Владиміра въ Кіевѣ молодой нѣмецкій бискупъ Бруно, ѣхавшій для проповѣданія Христовой вѣры у Печенѣговъ. Въ своемъ посланіи къ Генриху второму онъ говоритъ, что государь Руссовъ, удержавъ его у себя мѣсяцъ, самъ провожалъ его два дни до конца земли своей, которую онъ оградилъ вокругъ, отъ бродячаго врага, весьма крѣпкимъ частоколомъ (*propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit*). Изъ этого современнаго сказанія, впервые изданнаго г. Гильфердингомъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 года, объяснилось для меня значеніе малаго вала: это—граничный валъ, по которому во время Владиміра Святаго загорожено было *столпѣмъ*, говоря выраженіемъ древнерусскимъ. За этимъ валомъ, верстахъ въ десяти отъ Днѣпра, есть древній окопъ надъ яромъ, который называется *Даладаевымъ городкомъ*, можетъ быть по имени какого нибудь еще печенѣжскаго князька. Что же касается до великаго вала, то онъ, будучи въ отвѣсной вышинѣ до трехъ саж., могъ и самъ собою служить преградою для скитающагося врага. На низменномъ побережьи Днѣпра, гдѣ проходитъ этотъ валъ, возлѣ тамошняго села Городища, онъ почти весь уже разру-

шился; но по выходѣ на чистое поле, онѣ во многихъ мѣстахъ остается еще въ первобытной цѣлости, какъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ сквозь него стародавняя дорога Цареградская, должно быть, та самая, что называлась въ древнее время путемъ *Греческимъ*.—Справедливо было бы озаботиться вѣрной съемкою на планъ обоихъ переяславскихъ валовъ, чего, кажется, еще не сдѣлано».

22 января, 1869 года. Михайлова Гора.

II. «Препровождаю въ музей Московскаго Археологическаго Общества, хотя скудное, но усердное мое приношеніе, состоящее въ слѣдующемъ:

1) Семь разноцвѣтныхъ частицъ отъ древней мусіи Кіево-Софійской, сбереженныхъ мною съ октября 1837 года.... По поводу ея, могу замѣтить, что въ Южной Россіи и въ позднѣйшіе вѣка господствовало построеніе церквей многоверхихъ (о пяти и трехъ главахъ), по первообразу церквей древле-кіевскихъ, и особенно той первой на Руси Борисо-Глѣбской церкви, что поставлена была Ярославомъ въ Вышгородѣ—деревянная о пяти верхахъ, по свидѣтельству Нестора. Владимірова церковь Десятинная была о пятнадцати верхахъ, по старинному о томъ извѣстію, сохранившемуся въ спискѣ городовъ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись: «Городъ Кіевъ, древянъ, на Днѣпрѣ; а церкви святая Богородца Десятинная каменная была о полутретьядцати врьсѣхъ; а святая Софія о двунадцати врьсѣхъ».

2) Древнія мѣдьяныя стрѣлы 14-ти видовъ и разностей—изъ числа найденныхъ въ здѣшнихъ наднѣпровскихъ пескахъ, возлѣ Михайловой горы, и описанныхъ мною въ 5 книжкѣ Археологическаго Вѣстника.

3) Такія же три мѣдьяныя стрѣлы изъ могилъ Кіевской губерніи Таращанскаго уѣзда. Позволяю себѣ надѣяться, что мое мнѣніе объ этихъ *Украинскихъ стрѣлахъ* не останется безъ обсужденія на Археологическомъ Сѣздѣ.

4) Двѣ мѣдьяныя орудныя вещицы, грубо выдѣланныя изъ другихъ древнихъ вещей, бывшихъ съ надписями и изображеніями. Онѣ изъ южной Руси, но незнаю—откуда именно.

5) Десять серебряныхъ польскихъ монетокъ пяти годовъ XVII вѣка—изъ числа выпавшихъ плугомъ на Михайловой-горѣ, въ 1838 году. Онѣ закопаны были подъ грушею, въ небольшомъ кувшинчикѣ, вѣроятно во время *руины* Чигиринской (1678 г.).

6) А какъ нынѣ археологія доисторическая проникаетъ и въ міръ допотопный, то я передаю въ музей Московскаго Общества волосы отъ гривы и хвоста Виліюскаго мамонта. Они получены мною отъ самого покойнаго Адамса, въ 1824-мъ году, когда я, странствуя по Московской губерніи, посѣтилъ его, жившаго въ Можайскомъ уѣздѣ. Тамъ онъ показывалъ мнѣ и два большіе куса толстой кожи съ боковъ знаменитаго звѣря.

Между тѣмъ въ прошедшее лѣто (1868 г.) и моя Золотоношская родина, наконецъ, объявилась предметомъ любопытнымъ для археологіи доисторической, найденнымъ въ одной изъ тѣхъ круглыхъ степныхъ могилъ, которыя, по сѣздству съ хуторами и селами, обращены въ христіанскія кладбища. Верстахъ въ пяти отъ города Золотоноши, въ хуторѣ Новоселицѣ, копали яму для умершаго старика силача Матвѣя Городоваго и встрѣтили въ землѣ человѣческій остовъ, лежавшій съ полудня на сѣверъ; въ головахъ у него былъ глиняный горшокъ, распавшійся

подъ заступомъ, а у плеча покойника лежалъ каменный молотокъ. Услыхавъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Кіева, я успѣлъ достать себѣ уже изъ вторыхъ рукъ этотъ первонайденный молотокъ Золотоношскій. Своею формою и отдѣлкою онъ превосходитъ тѣ сѣро-серпентиновые молотки, которыхъ уже немалое число найдено на правой сторонѣ Днѣпра, по берегамъ рѣкъ и въ древнихъ могилахъ. По желанію, выраженному въ вашей программѣ, препровождаю эту находку Вамъ на показъ, до окончанія Археологическаго Съѣзда.

Въ позднѣйшіе вѣка на Украинѣ были въ большомъ употребленіи металлическіе молотки на палкахъ, дѣланные изъ желѣза, мѣди и серебра. Походная палица съ такимъ молоткомъ называлась *келепомъ*. Такъ въ Украинской народной думѣ, относящейся къ 1652-му году, говорится:

«То козаць звычай козацькій знае....

И келепомъ по ребрахъ торкае.»

До слѣдующаго письма!

27 Генваря, 1869 года. Михайлова-Гора.

Р. S. Упомянувъ выше о построеніи древле-кіевскихъ церквей, не излишнимъ будетъ замѣтить, что красный желѣзистый шиферъ, а также и плотный красный песчаникъ, которые въ такомъ большомъ количествѣ употреблялись въ Кіевѣ, добывались въ двадцати верстахъ отъ Овруча, гдѣ и теперь, при селѣ Каменщицкѣ, находится ломка этихъ камней. Красный шиферъ древней породы зовется по просту сердечнымъ камнемъ».

Ш. «Въ нынѣшнемъ письмѣ моемъ, какъ старый любитель древнерусской пѣсни о Полку Игоревѣ, я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: что такое *Земля Трояня* и *тропа Трояня*, упоминаемая въ той пѣсни?... Вопросъ объ этихъ двухъ историко-географическихъ мѣстностяхъ не новый; но я нахожу его подлежащимъ новому обсужденію и рѣшенію,—и вотъ по какой причинѣ: Въ двухъ новѣйшихъ изданіяхъ Пѣсни о полку Игоревѣ, вышедшихъ въ Москвѣ одновременно, 1866 года, и Вельтманъ и Тихонравовъ, хотя различными путями, но заодно,—устраняютъ изъ нея славное имя *Трояня*, при чемъ уже и землѣ и тропѣ Трояновымъ приходится утратить свое собственное значеніе и обратиться: по Вельтману—въ *Краини*, а по Тихонравову—въ *Бояни*. Имѣя въ виду это двоякое отрицаніе *Троянова* имени и прежнее о немъ разномысліе, я покорно прошу васъ, многоуважаемый Графъ, предложить на обсужденіе Археологическаго Съѣзда нижеслѣдующее объясненіе мое по вышеозначенному вопросу.

У первыхъ издателей Игоревой пѣсни въ 1800 году сказано было: четыре раза упоминается въ сей пѣсни о *Троянѣ*, то есть—*тропа Трояня*, *спъчи Трояни*, *земля Трояня* и *седмый спкъ Трояновъ*; но кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему невозможно (стр. 6). Карамзинъ, въ своей Исторіи, рѣшилъ это недоумѣніе просто—указаніемъ на римскаго императора *Трояна*, покорителя Дакии. Для многихъ, въ томъ числѣ и для меня, это рѣшеніе казалось вѣрнымъ, и вотъ какъ я думалъ объ этомъ въ послѣднее время.

Былъ нѣкогда у Кіевской Руси свой полный, вѣками сложившійся, кругъ-миѣнческихъ вѣрованій, историческихъ преданій, поэтическихъ сказаній и проч. Изъ него лишь нѣчто, отрывочно и случайно, сохранилось въ нашихъ древнихъ писаніяхъ,

особенно же въ Пѣснѣ о полку Игоревѣ, въ этомъ живомъ и вѣрномъ отображеніи того временнаго человѣка южнорусскаго. Къ числу сохранившихся въ ней глубоко-древнихъ остатковъ принадлежатъ, мнѣ кажется, и четыре упоминанія съ именемъ *Трояновымъ*, которыя отношу я къ тому же роднику своенародныхъ преданій, изъ котораго почерпнуто и Несторово сказаніе: *Волохомъ бо, нашедшемъ на Словены на дунайскія, спдшемъ въ нихъ и насилующемъ имъ*.

1) Земля *Трояня*—это древняя Дакія, покоренная Ульпіемъ Траяномъ въ 102 году по Р. Х. и обращенная въ область *Троянову*, provincia Trajani. Къ обитателямъ этой земли принадлежали и наши южнорусскіе Славяне, *Уличи* и *Тиверцы*, о нихъ же сказано у Нестора: «сѣдяху по Днѣстру... присѣдяху къ Дунаеву...суть гради ихъ и до сего дне». Вотъ прямые наслѣдники мѣстныхъ преданій о Трояновыхъ дѣлахъ; а можетъ быть они и сами были ихъ свидѣтелями и также отбивались отъ римскаго властителя, какъ въ послѣдствіи отбивались они отъ воителей русскихъ, отъ Олега Вѣщаго и его питомца Игоря. Что же касается до *Полянъ Днѣпровскихъ*, то вся придунайская Земля *Трояня* была близка къ ихъ сердцу, какъ древняя родина ихъ, къ которой относились ихъ преданія и воспоминанія. Тамъ на Дунаѣ хотѣлъ водвориться князь ихъ Кій съ своимъ родомъ, и уже срубилъ было себѣ городокъ *Кіевецъ*... «Хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть ереда земли моеи», говорить у нихъ Святославъ Храбрый.

Имя *Дунай*, донинѣ звучащее въ народныхъ пѣснопѣніяхъ Руси, часто повторяется въ Игоревой пѣснѣ, напримѣръ,—когда вернувшійся изъ половецкаго плѣна князь Игорь ѣдетъ въ Кіевъ, по Боричеву взвозу къ святой Богородицѣ Пирогощей: «дѣвици поють на Дунаи, вьютъся голоси чрезъ море до Кіева». Но тамъ, на Дунаѣ, какъ и въ другихъ южныхъ мѣстахъ, ознаменованныхъ древними побѣдами русскихъ князей, простираются уже Половцы поганые, *аки пардусе тпздо*... Изображая *невеселую годину*, наставшую на Руси вслѣдъ за пораженіемъ Игорева войска на рѣкѣ *Каялѣ*, пѣвецъ Игоря воспоминаетъ о прежнихъ побѣдахъ русскихъ князей, въ напоминаніе о нихъ несогласнымъ князьямъ своего времени. «Встала обида въ силахъ Дажь-божа внука; вступила Дѣвою на землю *Трояню*: всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирна времена». Кто эта лебедокрылая, воинственная Дѣва? Вѣроятно, это наша славянская мифическая *Дѣва* или *Дѣзана*, соотвѣтственная *Діанѣ*, какъ замѣчено въ *Matet verbogun*. Она идетъ отъ Трояновой земли придунайской, черезъ *Синее*, то есть, Черное море «еже море словеть Руськое», по выраженію Нестора, идетъ на *Донъ* и пробуждаетъ тамъ богатые времена. Какія?—разумѣется—тѣ, когда Володимеръ Мономахъ плѣлъ золотымъ шеломомъ *Донъ*, пріемше землю ихъ всю, по словамъ лѣтописи Волынской; когда Мономаховъ сынъ, Мстиславъ Великій, загналъ Половцы за *Донъ* и за Волгу..., по словамъ лѣтописи Кіевской.

2) Въ поясненіе *тропы Трояновой* Карамзинъ указывалъ на Сульцерову *Via Trajani* и не напрасно. Черезъ малую Валахію пролегаетъ древняя дорога, отъ Дуная до Карпатскихъ горъ, называемая тамъ *дорогою Трояною*, *по-Румунски—кале-Троянъ*. Она совершенно отвѣчаетъ собою словамъ Игоревой пѣснѣ о Боянѣ:—*рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы*. Въ Бессарабіи *Трояновыми дорогами* и просто *Троянами* зовутся находящіеся тамъ знаменитые древніе валы, неизвѣстно когда и по чьему велѣнію произведенные. Но ихъ названіе *Трояновыми* свидѣтельствуетъ, какъ славно

и памятно было это имя въ странахъ придунайскихъ, напечатлѣнное тамъ и на другихъ мѣстностяхъ.

3) Были *вѣщи Трояни*, минули лѣта Ярославля. Принимать ли здѣсь слово *вѣщи* за описку, вмѣсто *сѣчи*, какъ полагалъ Карамзинъ: тогда эти слова Игоровой пѣсни означаютъ воспоминаніе о тѣхъ побѣдоносныхъ *сѣчахъ Трояновыхъ*, которыми положенъ былъ конецъ придунайскому царству Децебала. Но вѣрнѣе кажется, что сѣвернорусскій переписчикъ Игоровой пѣсни, по своему областному выговору, поставилъ слово *вѣщи* вмѣсто *вѣщи* (также какъ и *лучи* вмѣсто *луци*): тогда здѣсь у пѣвца Игорева воспоминаются *вѣща*, протекшіе отъ покоренія Дакии Траяномъ, которое въ бытіи того края у его насельниковъ, какъ видно, считалось достопамятнѣйшею и роковою эпохою.

4) «На *восьмомъ вѣщѣ Трояни* вѣрже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу.» Въ объясненіе этого труднаго къ уразумѣнію мѣста, Н. Головинъ въ своихъ *примѣчаніяхъ* (1846 г.) предложилъ счетъ вѣковъ не въ десять десятилѣтій, а въ *четыре сорока лѣтъ*, т. е. во 160, примѣнительно къ своенародному господствовавшему счету по четыре и по сороку (стр. 81). По такому неожиданному счету вѣковъ, начало *седьмого вѣка* отъ покоренія Дакии Траяномъ въ 102 году дѣйствительно приходится къ тому 1063-му году, подъ которымъ въ Несторовой лѣтописи замѣчено: «Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дній пять; се же знаменье недобро бысть, на четвертое бо лѣто пожже Всеславъ градъ». А подъ слѣдующимъ 1064 годомъ у Нестора записано: «въ сеже лѣто *Всеславъ рать почалъ*. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ: звѣзда превелика, лучи имуще аки кровави... се же проявляше не на добро; по семь бо быша усобици многи и нашествіе поганыхъ на руськую землю... Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися...» и проч. Видно изъ этого, что объ томъ времени было повѣрье, какъ о времени необычайномъ. Нѣтъ ли другихъ примѣтъ и слѣдовъ такого же лѣтосчисленія? А въ настоящемъ случаѣ оно, мнѣ кажется, очевидно. Такимъ образомъ, кажется мнѣ, всѣ четыре упоминанія Игоровой пѣсни съ именемъ *Трояновымъ*, безъ противорѣчія другъ другу, идутъ къ славному имени императора Римскаго, состоя въ живой связи и съ своенароднымъ преданіемъ Киевской Руси о землѣ придунайской.

Но было и другое возрѣніе на упоминанія Троянова имени въ Игоровой пѣсни;— что они относятся къ *Троянамъ*, воспѣтымъ Гомеромъ. Это мнѣніе подробно развивалъ князь П. П. Вяземскій, въ своихъ *Замѣчаніяхъ*, начатыхъ во Временникѣ 1851 года, но, къ сожалѣнію, недоведенныхъ до конца Игоровой пѣсни. Признавая въ нашемъ Боянѣ греческаго пѣснотворца Гомера, онъ видѣлъ въ землѣ Трояни землю Троянскую, въ тропѣ Трояни—возвратный путь Троянъ, а въ вѣщѣхъ Троянихъ—времена Троянской войны. Неизвѣстно, какъ у него объясненъ седьмой вѣкъ Троянъ; только въ предварительномъ обзорѣи всей Игоровой пѣсни, объ этомъ мѣстѣ сказано: «древнее воспоминаніе объ Еленѣ; соединеніе Всеслава и Париса въ одно лицо».

Однако же и послѣ этого озаренія древнерусской пѣсни свѣтомъ, заимнымъ изъ сказанія *всемирнаго* по своей славѣ, четыре ея упоминанія Троянова имени казались все болѣе и болѣе неясными, такъ что явилось, наконецъ, отрицаніе ихъ и замѣна другими именами.

У Вельтмана, въ его новомъ изданіи Игоревой пѣсни, земля Трояня замѣняется именемъ *Краины*, подъ которою онъ разумѣтъ область Тмутороканскую. Тамъ прошла и *тропа Краиня*, вмѣсто тропы Трояновой. А вмѣсто словъ: «были вѣчи Трояни», о которыхъ Вельтманъ, въ своемъ прежнемъ изданіи (1833 года), объяснилъ намъ, что здѣсь надо разумѣть *вѣщи, вѣща*, нынѣ онъ предполагаетъ: *были сѣчи Краини*, и вотъ что говоритъ въ объясненіе: «ни *вѣщи*, ни *вѣщи Трояни*, какъ *нѣкоторые* исправили, здѣсь неумѣстны; ибо пѣвецъ Игоря припоминаетъ о *первыхъ* междоусобіяхъ и страшныхъ *сѣчахъ Краинскихъ*... Эти сѣчи были между двумя братьями, когда въ 1023—1024 г. Мстиславъ Тмутороканскій поднялся на Ярослава съ *Казарами* и *Косогами* и примирился на дѣлежъ Руси по Днѣпръ. Это были *первый* выходъ иновѣрцевъ на своихъ (стр. 47). Зачѣмъ же называть его *первымъ*, въ пользу своего мнѣнія о Тмуторокани? Еще прежде того, въ 1019 году «приде Святополкъ съ *Печенгы* въ силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собралъ множество вой, и изиде противу ему на Лѣто... Бысть сѣча зла, яко же не была въ Руси».

Въ словахъ Игоревой пѣсни: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» Вельтманъ видитъ нынѣ слова: *за земли Краини*, и относитъ ихъ не къ послѣдующимъ словамъ о Всеславѣ, а къ предыдущимъ: «*бѣше* насиліе отъ земли Половецкой». Въ объясненіе этого онъ говоритъ, что «*всѣ* войны Руси съ Половцами происходили за Тмутороканъ» (стр. 68). Но мнѣ кажется, что это вовсе несогласно съ историческою дѣйствительностію: многочисленныя войны Руси съ Половцами происходили за *Русскую* землю, а не за отдаленную отъ Кіева землю Тмутороканскую, принадлежавшую къ удѣлу Черниговскаго княжества. Передъ началомъ того *седьмаго вѣща Трояня* начались войны Руси съ Половцами за ихъ насиліе Русской землѣ въ 1071 г., когда по словамъ Нестора: «придоша Половци *первое* на Рускую землю воевать». Не за Тмутороканъ, а изъ Тмуторокани происходили нѣкоторыя изъ тѣхъ войнъ Руси съ Половцами, приводимыя оттуда на Русь ея же князьями. «Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по землѣ сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тмуторокани». Только родные внуки того послѣдняго Тмутороканскаго князя, Игорь и Всеволодъ Святославичи, въ 1185 году, попытались было «поискати града Тмутороканя...» Но и объ томъ отважномъ Игорѣ Новгородсѣверскомъ пѣвецъ его говоритъ: «наведе своя храбрїи пѣлки на землю Половецкую за землю *Рускую*». А потомъ, изображая страшную сѣчу на рѣкѣ Каляѣ, онъ говоритъ: «ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи, сваты попиша и сами полегоша за землю *Рускую*».

Покойный Востоковъ нашелъ въ одномъ сборникѣ XVI вѣка славное имя *Трояня* въ числѣ языческихъ боговъ, наряду съ Перуномъ, Хорсомъ, Діемъ, и съ толкованіемъ, что «Троянъ бѣше царь въ Римѣ». Вельтманъ полагаетъ, что составитель того сборника «извлекъ бога *Трояня* изъ Слова о полку Игоревѣ»; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ полагаетъ, что и въ самое Слово о полку Игоревѣ имя *Трояня* внесено въ томъ же XVI вѣкѣ, когда, говоритъ, «начались мудрствованія, толкованія и поправки лѣтописей» (стр. X). Но откуда же взялась бы внезапно, на Руси XVI вѣка, такая слава римскаго царя Трояна, что его имя поставлено было не только въ древнюю Пѣснь о полку Игоревѣ, но и въ пантеонъ языческихъ кумировъ? И вмѣсто какого же имени оно поставлено было въ Слово о полку Игоревѣ?—вмѣсто *Краини*?..

А мнѣ сдается, что это новоизмышленное имя уже въ нашъ ХІХ вѣкъ, во второй половинѣ его, поставлено вмѣсто бывшаго издревле имени *Трояна*.

Совсѣмъ иное сдѣлано въ изданіи г. Тихонравова: тамъ, въ самомъ текстѣ Слова о полку Игоревѣ, имя *Трояна*, во всѣхъ четырехъ мѣстахъ, переправлено на имя *Бояна*, и при этомъ ни слова не сказано, за что оно подверглось такому острацизму.

Изъ четырехъ замѣтъ его именемъ Бояна, только о *тропѣ Бояни* дано поясненіе, довольно правдоподобное, что это — поэтический путь чрезъ поля на горы, сизымъ орломъ подъ облака. Однако и для этого пути находится преграда въ самой рѣчи пѣвца Игоревъ: о *Боянѣ*... если бы ты воспѣлъ *рища въ тропѣ Бояню!* Отдѣлять же эти слова отъ предыдущихъ и относить къ послѣдующимъ — несообразно съ очевиднымъ смысломъ и складомъ подлинной рѣчи пѣвца Игоревъ. Но гдѣ же и что такое *земля Бояня*? Этого не объяснено, кажется, въ примѣчаніяхъ издателя. Но въ согласіе съ поэтической тропою Бояня, не предоставленъ ли ему въ область весь міръ поднебесный? Или же поэтическая *земля Боянова* подразумѣвается на славномъ островѣ *Буянь*?

Пѣвецъ Игоря величаетъ своего вдохновителя Бояна *Велесовымъ внукомъ*. По этому величанію, первымъ издателямъ Игоревой пѣсни казалось, что Боянъ «жилъ до принятія въ Россію христіанской вѣры» (стр. 7). Но Граматинъ, въ своемъ изданіи Пѣсни (1823 г.), объяснилъ намъ изъ нея же, что Боянъ воспѣвалъ князей Ярослава, Мстислава, Романа Святославича, а также и Всеслава Брячиславича, и слѣдовательно онъ былъ современникомъ Нестору. Этому справедливому мнѣнію Граматина слѣдуетъ и г. Тихонравовъ. Но при такомъ признаніи, какое же значеніе имѣютъ у него слова: *были вѣчи Бояни — Бояновы вѣка*? Какъ понимать намъ слова: *на седьмомъ вѣщѣ Бояни*, относящіяся къ 60-мъ годамъ одиннадцатаго столѣтія? Нельзя же, въ объясненіе ихъ, предположить для нашего пѣснотворца стараго времени долготѣ праотцевъ допотопныхъ; но нельзя согласиться и на тѣ коротенькіе, семилѣтніе вѣка, какіе предлагалъ г. Дубенскій въ своемъ изданіи (1844 г.), ссылаясь на ветхозавѣтныя *седмины* Даніиловы и признавая мнѣніе Полеваго, что подъ именемъ *Трояна* надо разумѣть не римскаго императора, а нашего русскаго великаго князя, Владиміра перваго (стр. 186). Послѣдовавъ такому мнѣнію, Дубенскій въ своихъ *Отмѣткахъ* (1855 г.) говорилъ о *Трояновой землѣ*, что это *Русская земля*, названная *Трояною*, повидимому, въ томъ отношеніи, что досталась по смерти Святослава перваго *троимъ братьямъ!* — Но довольно. Имѣя въ виду вышеприведенное разномысліе и разнорѣчіе объ имени *Трояновомъ*, невольно спрашиваешь: что же, наконецъ, значать *земля Трояня* и *тропа Трояня*, упоминаемая въ древнерусской Пѣсни о полку Игоревѣ?

12 февраля, 1869 года. Михайлова гора.

IV. «Еще письмо къ Вамъ — и опять съ вопросами, относящимися къ исторической географіи.

1) На русскомъ югѣ, и особенно на правой сторонѣ Днѣпра, встрѣчаются мѣстности съ названіемъ *Китай-города*. Сюда принадлежитъ, конечно, и знаменитое *Китайское-городище* подъ Кіевомъ, служившее некогда ему сторожевымъ городкомъ. Желательно бы опредѣлить вѣрнѣе прежняго значеніе и время появленія этого имени, присущаго и Москвѣ бѣлокаменной.

2) Отъ рѣки Сулы къ Супою простирается высокая степь, выходящая небольшимъ окрайцемъ и на правую сторону Супоя, между Ташанскимъ городищемъ и Гелмязовымъ. Подъ этимъ отрывкомъ высокой степи находятся три села, называемыя *Пологами* (Чобѣтки, Вергуны, Янѣнки), и пробирается полуизсохшая рѣчечка, называемая *Чирське*. Находящіяся и надъ Пологами такъ называемыя *рѣбленныя* могилы зовутся здѣсь, и только здѣсь—*Куцумами*. Отъ какого-бы языка осталось тутъ это названіе? И не встрѣчается ли оно еще гдѣ-нибудь три такихъ же рѣбленыхъ или раскопанныхъ могилахъ?

3) Въ Кіевской лѣтописи подъ 1152-мъ годомъ сказано о Мстиславѣ Изяславичѣ «же Богъ ему помогъ Половци побѣдiti на *Уилъ* и на *Самарь*». Потомъ уже подъ 1183-мъ годомъ, при описаніи знаменитой побѣды Святослава Всеволодовича надъ Кобякомъ, сказано: «възвратишася Русь и стояша на мѣстѣ, нарицаемѣмъ *Ерель*, егоже Русь зоветъ *Уюль*». Не будь этого втораго пояснительнаго замѣчанія, мы бы не знали, какая сосѣдняя Самарь рѣка называлась *Уюль*, ибо это прежнее русское ея названіе давно забыто, а осталось другое—*Ерель*, передѣланное послѣ на русскій ладъ въ *Орель*.

Геденовъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ (стр. 115), полагаетъ, что названіе *Уила* Русь вынесла изъ Болгаріи для треугольника, образуемаго владеніемъ Орла въ Днѣпръ и самую рѣку *Орель* прозвала *Уюль*. Но такое мнѣніе кажется мнѣ несправедливо. Названіе *Орла* придано этой рѣкѣ произвольно: это имя—мужескаго рода, которое въ славянской рѣчи удерживаетъ начальный звукъ *О*, не перемѣняя его на *Е*, какъ въ словахъ одинъ, олень, осень и проч. Рѣка *Уюль* названа была именемъ женскаго рода *Ерель*, которое послѣ передѣлано въ *Орель*; и это показываетъ, что имя *Ерель* было ново-пришлое и нерусское. Старшинство и туземность имени *Уюль*, наслѣдованнаго древнею Русью отъ прежнихъ насельниковъ, подтверждаются для меня двумя сосѣдними рѣками, впадающими въ Днѣпръ, прежнія имена которыхъ представляютъ то же самое окончаніе *оль*: *Ворск-оль*, *Пѣсь-оль* (нынѣ Ворскла, Псѣлъ), такъ и *Уг-оль*, *Оск-оль*. Всѣ эти имена—однородной формаци. Какому же языку принадлежитъ это прибавочное слово *оль*, означающее, по видимому, рѣку или воду?

4) При описаніи того же Святославскаго похода на Половцовъ, сказано: «идушу же ему по Днѣпру, и ста ту, идеже нарицається *Инжирь*—бродъ». Это мѣсто принадлежитъ къ тѣмъ, которыя доселѣ остаются неопредѣленными (см. Изслѣдованія Погодина, IV 193.).

Названіе этого днѣпровскаго брода въ изслѣдованіяхъ Геденова (стр. 201) производится отъ предполагаемаго имени *Игорь*. Но по свойству славянорусскаго словоизмѣненія, отъ имени *Игорь* притяжательное было бы *Игоревъ*, также какъ и отъ имени *Игорь*—*Игоревъ*; а притяжательному имени *Инжирь* можно было произойти только отъ одного существительнаго имени—*Инжиръ*. Не знаю, было ли такое личное имя; а нарицательное *инжиръ* донинѣ извѣстно въ Малороссіи: такъ называется по-персидски и по-татарски винная ягода или смоква. А что оно было въ ходу и въ древнее время, то видно изъ изданнаго Клапротомъ небольшого словаря латино-персо-половецкаго, писаннаго въ 1303 году; тамъ находится: латинское *figus*, по персидски и половецки *ingir* (См. *Mémoires relatifs a L'Asie*, III, 249). По какому случаю тотъ бродъ на Днѣпрѣ названъ былъ именемъ этой привозной овоци, то

неизвѣстно намъ такъ же, какъ и названіе другихъ историческихъ мѣстъ по имени другихъ овощей (*Арбузовичи, Вишня, Горошинъ, Яблоновъ* и прочая).

5) А вотъ городъ *Дерновъ*, въ который 1147 года, къ пришедшему изъ Переяслава Изяславу Мстиславичу, собралось все Поросье и прислались Василевцы, Бѣлогородцы и Кіяне, зовучи его на княженіе въ Кіевъ и говоря ему: «ты нашъ князь, не хотимъ Ольговичей!» По моему мнѣнію, это нынѣшнее село *Деренковецъ* на р. Роси; я полагаю, что и градъ *Дееренъ* на Роси, упоминаемый подъ 1192 годомъ, тотъ же Дерновъ. Не вдалекѣ отъ него находится *Деренова-гора*, на которой донынѣ (по крайней мѣрѣ до 1851 года, въ которомъ былъ я тамъ) ведется дикорастущее ягодное деревцо *деренъ*, отъ него же и названіе древняго города.

6) Есть и другой Днѣпровскій бродъ, *Татинецъ*, также еще неизвѣстный намъ по его мѣсту. О немъ упоминается въ Кіевской лѣтописи подъ 1187 годомъ, по случаю скорого похода Святослава Всеволодовича на Половцовъ. Надеждинъ съ Неволинымъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ изслѣдованіямъ Погодина (см. Т. IV, стр. 194), указывали по Шубертовой картѣ на село *Мутатинцы* близъ устья рѣки Золотоноши въ Днѣпръ, въ уѣздѣ Золотоношскомъ... Но на картѣ должно быть ошибкою такъ названо то село, давшее отзвучіе для Татинца; на самомъ же дѣлѣ оно давно зовется и пишется *Мутишинцы*, и остается въ сторонѣ отъ искомой мѣстности.

7) Назову еще городъ *Иванъ*, у котораго въ 1151-мъ году стояли Изяславъ и Вячеславъ съ своими союзниками, во время борьбы ихъ съ Юрьемъ. Объ этомъ, уже несуществующемъ, городѣ я полагаю несомнѣнно, что онъ былъ на правомъ берегу Днѣпра, съ полуденной стороны нынѣшняго мѣстечка Ржищева, на той горѣ, которая донынѣ зовется *Иваномъ* и на которой есть древнее городище.

Такой же слѣдъ остался и отъ бѣдоваго города *Родни*, бывшаго надъ Днѣпромъ, близъ устья Роси, виднаго мнѣ повседневно изъ оконъ моей Михайлогорской хаты, изъ которой свидѣтельствую Вамъ истинное почтеніе и мысленно кланяюсь».

28 февраля, 1869 года.

Касательно древняго Переяславскаго вала, описаннаго въ письмѣ М. А. Максимовича, профессоръ Хвольсонъ сообщилъ, что, по разсказу Ибидасты, Хозары окапывались также рвами; даже въ одной книгѣ говорится о Хозарскомъ валѣ, который имѣлъ въ протяженіи около 100 верстъ; а потому Д. А. Хвольсонъ полагаетъ, что этотъ валъ сдѣланъ Хозарами въ защиту отъ Маджаръ, обитавшихъ между Карпатами и Днѣпромъ.

Послѣ этого Членъ Съѣзда Д. М. Струковъ сообщилъ свѣдѣнія о крымскихъ древнихъ храмахъ, вырубленныхъ въ скалахъ у Инкермана, и представилъ рисунки и снимки съ этихъ храмовъ. По его мнѣнію, эти храмы относятся къ первобытнымъ временамъ христіанства и необходимо было бы открыть тѣ пещеры, которыя теперь еще завалены камнями.

За тѣмъ И. И. Срезневскій приступилъ къ объясненію плана, принятаго имъ для составленія словаря древняго русскаго языка, какъ книжнаго, такъ и народнаго. Собирая матеріалы для этого словаря и постепенно расширяя рамку подобнаго сочиненія, И. И. Срезневскій недостаточно опредѣлилъ для себя самый планъ такого труда, а потому обращается къ членамъ Съѣзда за совѣтомъ. Древне-русскій языкъ, безъ сомнѣнія, отличается отъ такъ называемаго церковно-славянскаго; но трудно отдѣлить эти языки одинъ отъ другаго, какъ, напримѣръ, позволилъ себѣ одинъ изъ писате-

лей сербскихъ, составляя словарь древне-сербскаго языка, отдѣлить его отъ церковно-славянскаго. Такое отдѣленіе на столько же невозможно, какъ невозможно нашъ теперешній русскій языкъ, который употребляется въ разговорѣ, въ книгахъ, въ дипломатическихъ бумагахъ, отдѣлить отъ простонароднаго русскаго языка. Еще въ нынѣшнее время, имѣя въ виду два условія: необразованіе и образованіе, мы можемъ по крайней мѣрѣ положить границу между языкомъ съ одной стороны людей необразованныхъ, съ другой—книжнымъ языкомъ людей, которые пользуются разными другими языками и исторически образованы. Тутъ есть возможность положительнаго отдѣленія. Но въ давнее время, какъ кажется, невозможно проложить такую механическую границу, хотя существуетъ, такъ сказать, рутинное средство для этого; напримѣръ, слово: благо есть славянское слово, а слово: добро—русское. Такими внѣшними качествами можно руководствоваться, чтобы опредѣлить нѣсколько сотенъ, можетъ быть, нѣсколько тысячъ словъ; но говоря: это слово—славянское, а это—русское, рискуешь принять за славянское то, что есть обще-славянское, а не церковно-славянское, которое сдѣлалось нашею собственностію вмѣстѣ съ христіанствомъ. А если на формѣ словъ нѣтъ никакихъ признаковъ особенности, то вопросъ дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ. Есть нѣкоторыя окончанія словъ, которыя въ народномъ языкѣ менѣе обычны, напримѣръ на *ство*, на *ость*, на *ще*; но и тутъ опять является механическое отдѣленіе. Почему же предполагать, что въ простонародномъ языкѣ, т. е. въ народномъ русскомъ языкѣ, эти окончанія въ то время не были обычны? Они, какъ славянскія окончанія и бывшія обычными, могли же быть обычными и въ русскомъ? Изъ всего этого видно, что нельзя составлять словаря русскаго языка только народнаго, а нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, составлять и словарь книжнаго языка—слѣдовательно всѣхъ словъ, которыя можно прослѣдить въ памятникахъ. Что же касается самыхъ памятниковъ, то тутъ надо обращать вниманіе на всѣ различные ихъ роды. Безъ сомнѣнія, значительное количество ихъ принадлежитъ къ памятникамъ, которые намъ достались отъ южныхъ Славянъ, употреблявшихъ славянскій языкъ, и къ которымъ сдѣланы дополненія у насъ на Руси. Эти дополненія бываютъ двухъ родовъ: одніе суть переводы съ греческаго, другія—русскія произведенія, которыя написаны по примѣру греческихъ. Такъ, даже въ числѣ памятниковъ чисто церковной литературы, мы встрѣчаемъ такіа подражанія, которыя суть подражанія и по языку и по мысли. Къ числу такихъ подражаній принадлежатъ нѣкоторые изъ стихирарей, изъ каноновъ, изъ житій святыхъ. Можно указать на образцы, на оригиналы, съ которыхъ они списаны, или которымъ подражали русскіе авторы этихъ произведеній; на нихъ еще мало обращали вниманія знатоки нашей славянской письменности. Многое въ этихъ произведеніяхъ указываетъ ясно на подражаніе и даже, можетъ быть, въ самыхъ нашихъ лѣтописяхъ найдутся такіа же подражанія; но отдѣлить это отъ русскихъ памятниковъ невозможно. Нужно брать все, что находится между памятниками русскаго письма. Самыя лѣтописи представляютъ языкъ русскій, почти чистый, т. е. безъ примѣси такихъ выраженій, которыя можно считать не народными русскими, а заимствованными изъ языка церковно-славянскаго. Отдѣльные сказанія, поэтическія сказанія о событіяхъ, къ сожалѣнію, оставшіяся у насъ въ очень небольшомъ количествѣ (только два); далѣе—записки о путешествіяхъ, за тѣмъ грамоты, уставы, правда въ разныхъ измѣненіяхъ, потомъ—разнаго рода надписи, записи на

вещахъ, на стѣнахъ въ храмахъ, на иконахъ, на крестахъ, на церковныхъ одеждахъ, на гривнахъ, монетахъ и т. п.,—вотъ тѣ памятники, достойные полного вниманія, и даже иногда—большаго вниманія, чѣмъ тѣ, о которыхъ было говорено выше и которые принадлежатъ къ отдѣлу литературы другого времени. Всѣми этими памятниками И. И. Срезневскій старался пользоваться. Пользуясь этими памятниками, можно имѣть въ виду два отдѣльные рода словъ: или слова преимущественно рѣдкія и не часто встрѣчающіяся, но любопытныя для филолога и изслѣдователя, или слова обыкновенныя. Такъ, ему попалось слово *изюй*, древне-русское слово, не встрѣчающееся въ тѣхъ памятникахъ церковно-славянскихъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ русскимъ. Конечно, при разсмотрѣніи такого любопытнаго слова, нельзя упустить ни одного мѣста, гдѣ оно упоминается. Но на такія ли только любопытныя слова долженъ обращать вниманіе изслѣдователь языка или составитель словаря? На такія слова многіе уже обращали вниманіе, и если будетъ обращено вниманіе только на такія слова, то конечно словарь представить безспорно любопытный матеріалъ; но онъ не будетъ словаремъ, который сообщилъ бы понятіе объ образованности, о жизни и характерѣ народа. Всякому филологу извѣстно, что для того, чтобы говорить даже краснорѣчиво о всѣхъ предметахъ обыкновеннаго разговора, нужно очень немного словъ—отъ 2 до 3 тысячъ. Если будемъ сравнивать писателей, то увидимъ между ними большую разницу, и именно по степени ихъ образованности, ихъ вниманія къ собственной мысли и ихъ желанія выразиться какъ можно яснѣе. Не только писатели, но есть конечно и такіе народы, которые пользуются очень незначительнымъ количествомъ словъ, положимъ—тысячами двумя; даже есть такіе, которые довольствуются одною тысячею; но есть другіе писатели и другіе народы, которые желаютъ выразить все опредѣлительно и очевидно, такъ что имъ двухъ тысячъ словъ недостаточно. Какъ у человѣка это зависитъ отъ его характера, отъ степени его образованности, такъ и у народа это одинаково зависитъ отъ его характера и отъ степени его развитія. Если въ словарь мы увидимъ массу словъ обычныхъ, постоянно употребляемыхъ и встрѣчающихся во всѣхъ памятникахъ, то можемъ ли мы считать этотъ отдѣлъ словъ такою же принадлежностью языка самаго народа, какою считаемъ слова того или другаго писателя, который ихъ употребляетъ постоянно, какъ свою неотъемлемую собственность? По количеству этихъ словъ И. И. Срезневскому кажется, что можно судить о степени образованности и о характерѣ народа. Потомъ встрѣчаются другія обстоятельства, не менѣе важныя: народные обычаи и понятія народа. Всякое слово есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умомъ представляемой, умственного предмета. Что касается до словъ перваго рода, до тѣхъ, которыя выражаютъ вещь, какъ она есть, предметъ, какъ онъ существуетъ, его качества, дѣйствія, которыя мы производимъ на него, или которыя онъ самъ производитъ, то всѣ эти слова совокупно изобразятъ внѣшнюю жизнь народа. Если обратить вниманіе на слова втораго рода, которыя касаются ума, то въ нихъ представится умственная и нравственная жизнь народа. Со многими изъ словъ этого втораго разряда соединены очень своеобразныя воззрѣнія народа, такъ что составитель словаря, который будетъ знакомиться съ значеніемъ этихъ словъ въ языкѣ народа, долженъ останавливаться на такихъ мѣстахъ въ его памятникахъ, которые содержатъ всѣ оттѣнки различныхъ значеній этихъ словъ. Возьмемъ такое простое слово, какъ слово Богъ, т. е. простое потому, что оно принадлежитъ каждому че-

ловѣку и каждому народу. Если мы соберемъ все, что представляютъ намъ памятники нашей древности, нашей народной мысли о Богѣ, то мы получимъ воззрѣніе древне-русскаго народа о Богѣ, частью совершенно нехристіанское, языческое, а частью и совершенно христіанское. Такимъ образомъ, изъ систематическихъ сообщеній о всѣхъ словахъ подобнаго рода представится философія народа въ хронологическомъ порядкѣ. Но возвращаясь къ словамъ перваго отдѣла, т. е. къ предметамъ вещественнымъ, къ ихъ качествамъ и дѣйствіямъ, которые относятся преимущественно къ обычаямъ народа, къ его жизни, такъ сказать, вещественной, И. И. Срезневскій полагаетъ, что эти слова тѣснѣе прочихъ связаны съ занятіями Археологическаго Съѣзда. Для этихъ словъ нужно знать, когда они употребляются, и, поступая съ ними, какъ съ словами отвлеченныхъ понятій, опредѣлить съ точностью ихъ значеніе, на сколько это возможно, выписками изъ самихъ памятниковъ, гдѣ эти слова употребляются. При недостаткѣ памятниковъ для точнаго уясненія значенія слова, можно по необходимости прибѣгнуть къ соображеніямъ. Наконецъ въ словарь должно внести значительное количество словъ первообразныхъ, производныхъ и сложныхъ. Изъ сложныхъ и производныхъ словъ есть дѣйствительно такіа, которые достойны вниманія или какъ предметъ археологіи, или какъ предметъ физиологіи древне-русскаго народа. Слова сложные очень часто производятся не только обычнымъ порядкомъ, т. е. отъ имени существительнаго въ именительномъ падежѣ отсѣкается окончаніе, и оно съ переменною окончанія образуетъ производное слово.— Это—способъ общій всѣмъ европейскимъ языкамъ для образованія двухъ или трехъ сложныхъ словъ изъ одного слова.—Но въ русскомъ и славянскомъ развита другая ещес истема—составленія сложныхъ словъ изъ выраженій, при чемъ берется не именительный падежъ, а какая нибудь форма,—только изъ обычныхъ выраженій; такъ на примѣръ слово *сегодня*. Нѣкоторые считаютъ его нарѣчіемъ, но И. И. Срезневскій, указывая на слова, представляющія тутъ одну идею, добавляетъ, что изъ этого сложнаго слова сдѣлали прилагательное: *сегодняшній*, посредствомъ прибавленія *иній*. Какъ изъ *сегодня*, такъ точно изъ *вчера*, *завтра* составили прилагательныя, прибавляя то же самое окончаніе. Онъ считаетъ это особою характеристическою чертою славянскаго языка вообще и русскаго въ особенности. Затѣмъ И. И. Срезневскій объясняетъ, какъ слѣдуетъ по его мнѣнію поступать съ ссылками. Онъ думаетъ, что не нужно дѣлать глухія ссылки, а прямо—выписки съ извѣстною опредѣлительною системою. Первое условіе при этомъ—если слово берется такое, которое можетъ быть употреблено только въ одномъ смыслѣ, то не смотря, что оно нѣсколько разъ повторяется въ одномъ и томъ же памятникѣ, составитель словаря выбираетъ только то мѣсто, въ которомъ смыслъ этого слова какъ можно рѣзче выражается; напротивъ же того, если слово употребляется съ другими оттѣнками, то онъ обязанъ сдѣлать другія выписки, хотя изъ одного и того же памятника, чтобы указать разные оттѣнки того же самаго слова. При этомъ нельзя не обратить вниманія, что нѣкоторые извѣстныя славянскія слова постоянно и не случайно употребляются для перевода нѣкоторыхъ греческихъ словъ. Эти слова тѣмъ болѣе дороги, что составляютъ въ нашемъ языкѣ основаніе терминологіи богословской и философской, однимъ словомъ—научной. Такъ, слово: *благодать* всегда употребляется для перевода слова *χάρις*, когда слово *χάρις* выражаетъ какъ бы снисхожденіе, милость, верховную милость, нисходящую на человѣка; а чуть только дѣло касается отношенія человѣка къ человѣку, употребляютъ слово: *благодѣаніе*.

Указавъ на всѣ главные правила, которыми онъ руководствовался при составленіи словаря, И. И. Срезневскій прочелъ нѣсколько образцовъ изъ своего словаря памятниковъ древне-русскаго языка, книжнаго и народнаго. Таковы слова: Биричъ, Богомилы, Бармы, Крестъ.

Ө. И. Буслаевъ возразилъ противъ заглавія, даннаго И. И. Срезневскимъ словарю. Такъ какъ И. И. Срезневскій вноситъ въ него изъ древнихъ памятниковъ термины болгарскіе и сербскіе и вообще всѣхъ славянскихъ народовъ, то словарь не можетъ болѣе называться словаремъ древняго русскаго языка, и, не предрѣшая спорные еще вопросы о славянскихъ нарѣчіяхъ, Ө. И. Буслаевъ предлагаетъ назвать его не словаремъ древняго русскаго языка, а словаремъ письменности въ Россіи.

Къ мнѣнію Буслаева присоединились М. И. Сухомлиновъ и П. А. Лавровскій.

Въ заключеніе архимандритъ Амфилохій сообщилъ замѣчанія о греческой палеографіи по вопросу 33: *Какое вліяніе имѣетъ греческая письменность, начиная съ IX вѣка по конецъ XV-го и начало XVI вѣка на славянскую письменность за то же время въ палеографическомъ отношеніи*; и представилъ снимки съ греческихъ и славянскихъ памятниковъ по столѣтіямъ см. Табл. XXXVI—LII).

Д) Засѣданія IV Отдѣленія: Древности Юридическія.

Засѣданіе 25 марта утромъ, подѣ председательствомъ С. М. Соловьева.

Н. В. Калачевъ прочиталъ свой рефератъ (приложеніе стр. 197 до 202).

С. М. Соловьевъ обратилъ вниманіе на то, что въ программѣ Н. В. Калачева между прочимъ говорится о семейномъ и родовомъ бытѣ; между тѣмъ въ нашихъ памятникахъ безпрестанно повторяются слова чрезвычайно знаменательныя: это — сосѣдъ, подсосѣдникъ, захребетникъ. Дѣйствительно, человекъ, при отсутствіи крѣпкихъ государственныхъ связей, при отсутствіи дѣятельной защиты отъ государства или отъ общества, жметъ, такъ сказать, къ другому человеку, болѣе сильному, требуя отъ него этой защиты, этой поддержки отъ враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ, очень часто — отъ самаго правительства и отъ самаго окружающаго его общества. Это явленіе, разумѣется, не принадлежитъ русской древности; оно встрѣчается вездѣ, и любопытно, что и въ другихъ языкахъ попадаются тѣ же самыя слова съ тѣмъ же самымъ значеніемъ. Кто не знаетъ, что оно существовало въ Греціи, и не уяснивши себѣ этихъ отношеній, мы не разъясимъ въ римской исторіи отношенія патроновъ къ кліентамъ, отношенія патриціевъ къ плебеямъ. Поэтому, при исполненіи превосходной программы Н. В. Калачова, необходимо обратить вниманіе на эти отношенія по сосѣдству. Всякій, кто сколько нибудь перелистывалъ акты, безпрестанно встрѣчался съ этими отношеніями, и, не смотря на то, что они были такъ хорошо извѣстны нашимъ предкамъ, мы съ ними почти незнакомы, и вопросъ этотъ еще не обработанъ. Быть можетъ, не достаесть свидѣтельствъ въ памятникахъ для его разъясненія, но все-таки необходимо попытаться подробно объяснить эти отношенія.

Н. В. Калачовъ вполне согласился съ высказаннымъ мнѣніемъ.

Н. А. Поповъ замѣтилъ, что въ программѣ необходимо добавить сравнительное изученіе древнихъ русскихъ юридическихъ памятниковъ съ памятниками скандинавскими и византійскими и примѣнять тотъ же самый методъ сравненія нашихъ юридическихъ древностей съ юридическими древностями славянскими; по его мнѣнію, вообще не возможно изучать древнюю русскую юридическую жизнь по схемамъ.

Н. В. Калачовъ возразилъ, что въ Русской правдѣ, въ Судебникѣ, даже въ Уложеніи, хотя дѣйствительно различныя понятія о правѣ не довольно точно распределены; но новый юристъ никакъ не долженъ, по его мнѣнію, отрѣшаться отъ того теоретическаго воззрѣнія, которое онъ себѣ усвоилъ, именно для того, чтобы уяснить взглядъ народа на тотъ или другой вопросъ. Изъ сравненія древнихъ и нынѣшнихъ понятій юристъ можетъ указать, на сколько взглядъ нашихъ предковъ былъ сходенъ съ настоящимъ взглядомъ; это дѣлается, такъ сказать, не въ осужденіе предковъ, а для лучшаго уясненія ихъ понятій. Что же касается до другаго замѣчанія—о сличеніи нашей древней юридической жизни съ жизнію другихъ народовъ, то хотя подобное сличеніе чрезвычайно важно, но Н. В. Калачовъ полагаетъ, что на первый разъ чрезвычайно опасно задаваться этой работой. Опытъ доказалъ, что часто въ этомъ случаѣ мы ошибались, принимая, напримѣръ, германское начало за какое-то основное начало на Руси и стараясь подвести подъ это начало наши собственные учрежденія. То же самое относится и къ славянскимъ народамъ. Многое изъ древняго русскаго быта можетъ быть пояснено изъ исторіи Славянъ; но желательно, чтобы этого источника коснулись только въ послѣдствіи, по окончаніи предварительной работы по возстановленію фактовъ.

В. Н. Лешковъ, вполнѣ соглашаясь съ Н. В. Калачовымъ, высказалъ полное сочувствіе къ тщательной разработкѣ нашей древней юридической жизни.

Затѣмъ Н. В. Калачовъ прочелъ рефератъ на вопросъ 24 (прилож. стр. 203—206).

Е) Засѣданія V Отдѣленія: Восточныя Древности.

Засѣданіе 18 марта утромъ, подѣ председательствомъ Б. А. Дорна.

И. И. Срезневскій, упомянувъ о заслугахъ Френа, Шармуа, Дорна, Савельева, Григорьева и Вельяминова-Зернова, по части разъясненія древней русской исторіи на основаніи извѣстій восточныхъ писателей, обратилъ вниманіе на важность недавно вышедшаго сочиненія профессора Д. А. Хвольсона о Хазарахъ, Буртасахъ, Мадыарахъ, Славянахъ и Руссахъ по свѣдѣніямъ, которыя сообщаетъ о нихъ неизвѣстный доселѣ арабскій писатель X вѣка Ибндаста. За тѣмъ референтъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ главы, относящейся къ Славянамъ и Руссамъ, и, прибавивъ къ нимъ нѣкоторыя поясненія и замѣчанія, возбудилъ вопросъ, дѣйствительно ли Ибндаста можно считать настоящимъ авторомъ сообщаемыхъ имъ извѣстій? И не есть ли сочиненіе его только сборникъ свѣдѣній, заимствованныхъ у другихъ писателей, такъ какъ ни объ Ибндастѣ, ни о трудѣ его не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ арабскихъ сочиненій, и такъ какъ въ показаніяхъ, ему приписываемыхъ, есть противорѣчія?

На этотъ вопросъ Д. А. Хвольсонъ замѣтилъ, что ни доказать, ни отвергать положительно то или другое предположеніе въ настоящее время еще не представляется возможнымъ: подобнымъ же энциклопедическимъ характеромъ, какой носить на себѣ сочиненіе Ибндасты, отличается и бѣольшая часть историко-географическихъ произведеній другихъ восточныхъ писателей.

В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ замѣтку о слѣдахъ древняго города Итиля, открытыхъ астраханскимъ губернскимъ землемѣромъ Архиповымъ въ 12 верстахъ отъ Астрахани, близъ рыболовной Стрѣлцкой ватаги, на такъ называемомъ Шариномъ или Жариномъ бугрѣ, подѣ развалинами другаго позднѣйшаго города, который референтъ, по примѣру Палласа, принимаетъ за остатки древней Астрахани. Указавъ на

интересъ, который можетъ представить разслѣдованіе Итиля, какъ бывшей столицы приволжскихъ Хазаръ и одного изъ центровъ торговли, происходившей въ VII—XI столѣтіяхъ между Азіею и сѣверовостокомъ Европы, В. Г. Тизенгаузенъ замѣтилъ, что до сихъ поръ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній о находкахъ въ низовыхъ приволжскихъ губерніяхъ куфическихъ монетъ, которыя посредствомъ восточной торговли въ такомъ огромномъ количествѣ занесены были на сѣверъ, преимущественно въ прибалтійскій край.

В. К. Савельевъ сообщилъ извѣстіе о кладѣ золото-ордынскихъ монетъ XIV вѣка, найденномъ въ 1867 г. въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ. (см. прил. стр. 492—500).

Ж) Засѣданіе VI Отдѣленія: Древности Классическія и Византійскія.

Засѣданіе 17 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ П. А. Лавровскаго; секретарь К. К. Гёрцъ.

Ф. К. Брунъ прочиталъ: Топографическія и историческія замѣтки объ италіанскихъ поселеніяхъ въ Газаріи (см. прилож. стр. 365—403)

По случаю поздняго времени, обсужденіе изслѣдованій Ф. К. Бруна отложено до слѣдующаго засѣданія.

Второе засѣданіе 22 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ П. М. Леонтьева.

В. М. Ведровъ прочелъ замѣтку на докладъ профес. Бруна (прилож. стр. 404—407).

По поводу Тетракситовъ Д. А. Хвольсонъ замѣтилъ, что въ древнемъ рукописномъ экземплярѣ Пятоннижія, найденномъ въ Крыму, находится приписка, въ которой благословляется Богъ за спасеніе при нападеніи Тетракситовъ около 804 года. Далѣе говорится: «наши братья Хазары пришли на нашу помощь, разбили Тетракситовъ, отняли у нихъ крѣпость Доры и въ то же время отняли этотъ экземпляръ Пятоннижія». Другое указаніе касательно Хазаръ находится въ подобной же припискѣ. Въ ней сказано, что въ 986 году князь хазарскій Давидъ отправилъ посланника на востокъ для покупки еврейскихъ рукописей. Въ другихъ припискахъ X столѣтія очень часто упоминается о хазарской общинѣ и о хазарской синагогѣ. Въ припискахъ XI вѣка не упоминается болѣе о царствѣ Хазаръ, а только объ ихъ общинѣ и синагогѣ. При этомъ Д. А. Хвольсонъ напомнилъ, что въ сочиненіи своемъ о Ибндастѣ онъ указалъ, что гаганъ, вельможи и часть войска были Евреи, между тѣмъ какъ народъ состоялъ частію изъ христіанъ, частію изъ Евреевъ и частію изъ Мгометанъ. Въ заключеніе онъ добавилъ, что несогласенъ съ профессоромъ Бруномъ о времени поселенія Генуэзцевъ въ Крыму въ 1267 году, потому что находится надпись, въ которой сказано, что какой-то Эліасъ палъ въ субботу въ сраженіи противъ Генуэзцевъ въ 1261 году, и представилъ еще нѣсколько соображеній о самомъ названіи Хазаріи.

Затѣмъ князь Сибирскій прочелъ свое изслѣдованіе о клеймахъ на Ольвійскихъ монетахъ. Онъ приписываетъ эти клейма Скифамъ. Кладъ этотъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что кромѣ монетъ хановъ Токтогу, Узбека, Джанибека, Бирдибека, Кульны, Невруза, Хызра, Орду-Мелика, Мюрида, Абдуллаха и Бирдибека II-го въ немъ находились еще серебряные продолговатые слитки или такъ называемыя гривенки (полтины), на которыхъ нарисованы черточки и знаки, коихъ смыслъ пока еще не разгаданъ.

СТАТЬИ АРХЕОЛОГОВЪ РУССІИ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СУДЬБЫ АРХЕОЛОГИИ ВЪ РОССИИ.

М. П. ПОГОДИНА.

редварительному комитету археологического съезда угодно было, — какъ сообщилъ мнѣ его достойный предсѣдатель письмомъ отъ 7-го марта, — чтобы въ первомъ засѣданіи я представилъ краткое обзорѣніе работъ археологическихъ въ Россіи, какъ принимавшій въ нихъ нѣкоторое участіе въ послѣднее время и знакомый лично съ главными дѣятелями. Членамъ, разумѣется, не нужны эти свѣдѣнія, но они желали, безъ сомнѣнія, ознакомить публику съ предметомъ ихъ предстоящихъ совѣщаній и облегчить ей средства слѣдить за ними съ бѣльшимъ участіемъ и живѣйшимъ вниманіемъ.

Я не счелъ себя въ правѣ, не смотря на крайніе свои недосуги, отказаться отъ лестнаго порученія, какъ по отношеніямъ къ Обществу, котораго труды уважаю, такъ и по отношеніямъ къ его предсѣдателю, носящему имя, столько для меня любезное и для всѣхъ друзей отечественнаго просвѣщенія приснопамятное... Да, милостивые государи, графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, скажу здѣсь кстати, оказать незабвенныя услуги русскому просвѣщенію. Имя его подвергалось въ свое время разнымъ нареканіямъ, но должно надѣяться, что въ управленіе нынѣшняго министра, — который молодымъ человѣкомъ началъ свое политическое образованіе подъ руководствомъ этого славнаго и опытнаго наставника, — заслугамъ его воздастся полная, подобающая имъ честь и справедливость.

Я надѣюсь, что члены Археологическаго Общества не посѣтуютъ на меня за это отступленіе, отъ котораго я, увлекаемый чувствомъ благодарности, всегда во мнѣ живой, не могъ, признаюсь, удержаться. Впрочемъ, въ собраніи археологовъ, всегда благовременно помянуть графа Уварова, какъ европейскаго археолога, котораго классическія, глубокія объясненія, догадки и предположенія о многихъ важныхъ предметахъ древности поставляемы были очень высоко первоклассными учеными, что я самъ изъ многихъ устъ слышалъ, напримѣръ, въ Гейдельбергѣ, въ 1835 году, отъ стараго Крейцера, знаменитаго автора «Символики», и проч.

Обращаюсь къ моей задачѣ.

Археологія, или наука, ученіе о древностяхъ, является въ системѣ образованія всегда послѣ другихъ наукъ. О сохраненіи памятниковъ древности начинаютъ заботиться

обыкновенно тогда, какъ остается ихъ очень мало, тогда, какъ время, невѣжество и злоупотребленіе уже значительно опустошили священную ихъ область. Но если гдѣ, то именно здѣсь оправдывается пословица: лучше поздно, чѣмъ никогда. Вотъ почему всѣ друзья науки приняли съ особеннымъ удовольствіемъ вѣсть объ археологическомъ сѣздѣ, гдѣ должны быть придуманы мѣры или указаны средства, какъ сохранить уцѣлѣвшее; какъ отыскать затерянное, какъ употребить въ пользу науки найденное. Археологія имѣетъ своимъ предметомъ преимущественно памятники вещественные, но во многихъ отношеніяхъ нельзя отдѣлять отъ нихъ не только памятники письменные, но и устные, бытовые. Одно описаніе памятниковъ бесплодно: нужно ихъ объясненіе, указаніе ихъ отношеній ко всему современному имъ порядку вещей. Вотъ надгробный камень: вы не можете судить основательно о его надписи безъ палеографіи, а палеографія введетъ васъ въ особый цѣлый міръ письменной литературы. Вотъ икона съ символическими изображеніями: вы не можете объяснить ихъ безъ справокъ въ церковной исторіи. Съ монетою познакомитъ васъ вполнѣ только исторія и географія. Иное слово въ языкѣ, собственное имя, иной обрядъ могутъ повести часто къ важнѣйшимъ историческимъ заключеніямъ. Почему же не причислять и ихъ къ предметамъ археологіи, такъ какъ онѣ соотвѣтствуютъ именно достиженію ея цѣли, познанія древности? Представлю примѣръ: многіе изъ насъ бывали въ Касимовѣ и знаютъ его татарскіе памятники; а какъ освѣтились они, когда прикоснулась къ нимъ рука ученаго археолога, знатока исторіи! Скажу однимъ словомъ: успѣхи археологіи зависятъ вообще отъ успѣховъ исторіи, и я увѣренъ, что предѣлы даже нынѣшнихъ совѣщаній распространятся сами собою, тѣмъ болѣе, что русская исторія чувствуетъ въ томъ настоятельную нужду, не имѣя почти никакихъ путей сообщенія для своихъ дѣятелей. Да, памятники вещественные, устные, бытовые, письменные, имѣютъ тѣсную связь между собою и раздѣлены быть не могутъ; а такъ какъ письменные господствуютъ надъ всѣми, то съ нихъ я и начну свое обозрѣніе, тѣмъ болѣе, что и въ программѣ сѣзда они занимаютъ видное мѣсто.

Письменные памятники собирались и хранились у насъ искони при соборахъ, при епископскихъ кафедрахъ, въ монастыряхъ, въ мѣстахъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ возникла нынѣ такъ-называемая Синодальная библіотека, которой еще въ началѣ XVI столѣтія удивился знаменитый Максимъ Грекъ, сказавъ, что онъ не видывалъ подобнаго собранія сокровищъ ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Греціи. Такъ образовалась богатая библіотека Софійская въ Новгородѣ, собранія рукописей въ Троицкой Лаврѣ, въ монастыряхъ Іосифовомъ Волоколамскомъ, Кирилловомъ Бѣлоозерскомъ, Соловецкомъ. Такъ возникали и наполнились государственныя древлехранилища: на Государевомъ Верху—государственные грамоты, въ Посольскомъ приказѣ—памятники внѣшнихъ сношеній, въ Разрядномъ—служба дворянская, въ Помѣстномъ, Монастырскомъ—дѣла, имъ подвѣдомыя. Государственные сокровища хранились въ Приказѣ Большой Казны, что нынѣ Оружейная Палата, древнѣйшая наша археологическая сокровищница. Нѣкоторые по временамъ вновь учреждаемыя заведенія положили также у себя основаніе особымъ собраніямъ, соотвѣтственно своимъ цѣлямъ; напримѣръ, Печатный дворъ, который называется нынѣ Синодальною типографіей, устроенный при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, началъ собирать со всѣхъ сторонъ рукописи для изданій книгъ богослужебныхъ, а при патріархѣ Никонѣ—для сличеній и исправленій; Московская славяно-греко-латинская академія, и еще прежде Кіевская

Могилнинская,—для объясненія преподаваемыхъ предметовъ. Тогда же раскольники начали собирать древнія рукописи, книги, образа и вещи, и сдѣлались въ нѣкоторомъ смыслѣ хранителями многихъ отечественныхъ древностей. Частныя лица, отличавшіяся своею любовію къ ученію, заботились также о собраніяхъ рукописей. Таковы были митрополитъ Макарій, составившій свои знаменитыя Четви-Миней, русскую энциклопедію своего времени, противоположную Вольтеровой. Таковъ былъ при Грозномъ славный священникъ Сильвестръ, которому принадлежало много рукописей, дошедшихъ и до насъ съ его подписью. Таковы были Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ, одинъ изъ первыхъ нашихъ библіографовъ, святой Димитрій Ростовскій, сочинитель Житій Святыхъ.

Все памятники, о которыхъ мы сейчасъ говорили, суть памятники духовные, церковные, богослужебные. Самые историческіе памятники, какъ-то лѣтописи и хронографы, были какъ-бы дополненіемъ духовныхъ, и по своему складу имѣли также преимущественно цѣлю нравственное назиданіе. Нѣкоторыя попытки расширить кругъ познаній, напримѣръ, при Борисѣ Годуновѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, не имѣли почти никакого успѣха. Государственные акты не составляли предметовъ изученія, а хранились, какъ документы, для памяти, для справокъ. Государственныя вещи назначались только для употребленія въ извѣстныхъ случаяхъ. Древняя Русь не знала и не хотѣла знать никакой мірской науки, и не имѣла никакой другой цѣли, кромѣ спасенія души. Изученіе Священнаго Писанія, чтеніе св. отцевъ церкви, размышленіе о истинахъ религіи, вмѣстѣ съ молитвой и доброю жизнію—вотъ ея идеалы, занятія и требованія. Вѣра—вотъ ея средоточіе. Воззрѣніе и настроеніе высокое, удовлетворявшее долго нашихъ предковъ и давшее свои прекрасные плоды въ жизни. Такъ было у насъ до Петра I.

Петръ I изъ путешествія своего по Европѣ привезъ намъ въ гостинецъ яблоко отъ древа познанія добра и зла, то-есть, свѣтскую, европейскую науку, удовлетворяющую требованіямъ разума, занятую болѣе настоящимъ временемъ, чѣмъ будущимъ, и открылъ для пытливости русскихъ людей особый, другой міръ, въ которомъ преимущественно мы и обрѣтаемся, смотря больше на землю, чѣмъ на небо.

Даже Несторову лѣтопись, первый источникъ русской исторіи, привезъ Петръ, по странному случаю, изъ-за границы. По дорогѣ въ Голландію увидѣлъ онъ ее въ Кенигсбергской библіотекѣ и велѣлъ списать со всѣми изображеніями, не подозревая, что дома находятся лучшіе ея списки. По возвращеніи, въ 1722 году, февраля 16-го, высочайше указалъ онъ всѣмъ епархіямъ и монастырямъ, чтобъ они все имѣющіеся у нихъ лѣтописи и хронографы, писанные на пергаментѣ или на бумагѣ, прислали въ Москву въ Синодъ, не утаивая ни одного. Въ то же время св. Синодъ получилъ высочайшее повелѣніе послать нарочныхъ людей для осмотра и собранія таковыхъ книгъ. Вотъ первое официальное дѣйствіе, которымъ древніе наши памятники, покоившіеся въ подземельяхъ, на колокольняхъ, въ чуланахъ и на чердакахъ, приведены были въ движеніе и вызваны на свѣтъ Божій! Распоряженіе благоразумное, съ доброй цѣлю; но на землѣ не бываетъ добра безъ худа, какъ не бываетъ худа безъ добра. Наши древніе документы лежали въ монастыряхъ по большей части безъ употребленія, погруженные въ глубокій сонъ; но они были цѣлы. Теперь они были вызваны такъ или иначе къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ были поданы поводы къ ихъ

растратъ. Невѣжество испугалось ответственности за сбереженіе, упрековъ за непользованіе, взысканій за поврежденіе и разсудило за благо—гдѣ припрятывать дальше, гдѣ сбывать съ рукъ, гдѣ истреблять вовсе, съ концами въ воду или въ огонь. Съ другой стороны, собранные въ Петербургъ, въ Москву, древніе наши памятники также не находили еще дѣлателей, сваливались въ кучи и подвергались разнымъ опасностямъ.

Петръ основалъ и Академію Наукъ, по начертанію Лейбница. Хотя безсмертный Шлѣцеръ горько сожалѣть, что въ числѣ ея предметовъ отдано преимущество математикѣ, воздѣлываемой и безъ нея учеными всѣхъ странъ, но все-таки Академія имѣла историческій классъ, для котораго вызванъ былъ ученый Коль, написавшій вскорѣ дѣльное «Введеніе въ исторію и литературу славянскую» (1729 года), преимущественно церковную.¹ Еще полезнѣе былъ преемникъ его Байеръ, который началъ критическую русскую исторію своими учеными изслѣдованіями о происхожденіи Варяговъ и Руси, изслѣдованіями, не потерявшими до сихъ поръ своей цѣны.² И въ то-же время явился Татищевъ, одинъ изъ воспитанниковъ Петровыхъ. Онъ съ 1720 года началъ помышлять объ исторіи и собирать матеріалы; собралъ ихъ множество, изъ которыхъ иные и не дошли до насъ. Онъ нашелъ Русскую Правду, Судебникъ, нѣсколько списковъ Несторовой лѣтописи, Кіевскую лѣтопись, такъ-называемаго Іоакима, и написалъ наконецъ исторію, почти до вступленія на престолъ Романовыхъ, которая возбудила вниманіе, обвинялась даже въ вольномысліи, пошла по рукамъ и переписывалась, возбуждая народное любопытство, распространяя свѣдѣнія, отчасти и археологическія.³ Изъ разныхъ ея примѣчаній мы узнаемъ, что въ то время были уже частныя собранія у любителей: одну рукопись Татищевъ получилъ, напримѣръ, отъ Еропкина, другія отъ Хрущова, Волынскаго; списокъ Несторовой лѣтописи, принадлежавшій одному раскольникъ, заключалъ такіа свѣдѣнія, какихъ не находимъ мы въ прочихъ. Отъ кончины императора Петра I до вступленія императрицы Екатерины II прошло меньше сорока лѣтъ. Татищевъ продолжалъ свои историческія и географическія изслѣдованія. Другой воспитанникъ Петрова времени, оберъ-секретарь сенатскій Кириловъ, составлялъ статистическое описаніе.⁴ Миллеръ, вызванный послѣ Байера, въ 1732 году началъ издавать «Собраніе русскихъ дѣписаній» (*Sammlung Russischer Geschichte*) и обнародовывать историческіе документы.⁵ Въ 1733 году отправился онъ путешествовать по Сибири, гдѣ пробылъ десять лѣтъ до 1743 года. Множество матеріаловъ имъ собрано и привезено изъ тамошнихъ городскихъ архивовъ.⁶ Наконецъ, въ 1760 году Ломоносовъ издалъ «Краткій лѣтописецъ» (геній поспѣвалъ вездѣ) и написалъ «Россійскую исторію», доведенную до 1054 года.⁷ «Лѣтописецъ» — сочиненіе, въ высшей степени примѣчательное для его времени; и самый врагъ его, Шлѣцеръ, долженъ былъ признаться, что это довольно сносное руководство, а это въ устахъ рьянаго и взыскательнаго нѣмца значило много. Въ 1761 году изданъ при Академіи, хоть неисправно, Барковымъ и Таубертомъ, списокъ Несторовой лѣтописи, привезенный Петромъ изъ Кенигсберга, который и получилъ прозваніе Кенигсбергскаго или Радзивилловскаго, по имени перваго владѣльца.⁸ Это изданіе оставалось главнымъ источникомъ вплоть до изданій Археографической Коммиссіи. Наконецъ, въ 1761 году вызванъ Миллеромъ изъ Геттингена ученикъ Михаеліса, 26-лѣтній Шлѣцеръ. Это—настоящее событіе въ русской исторіи, или, по крайней мѣрѣ, въ ея критикѣ. Шлѣцеръ, какъ Цезарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!...

Вотъ что было сдѣлано для исторіи и археологіи отъ одного толчка, даннаго императоромъ Петромъ I, въ короткій промежутокъ времени, слѣдовавшаго за его кончиною. Въ 1762 году вступила на престолъ императрица Екатерина II, и начинается вторая эпоха въ разработкѣ русской исторіи и археологіи. Шлёцеръ огласилъ въ Европѣ существованіе безчисленныхъ къ тому источниковъ, показалъ ихъ высокое достоинство, объяснилъ важность русской исторіи, представилъ образцы ея обработыванія, посѣялъ сѣмена для школы будущихъ дѣятелей. Въ 1767 году напечаталъ онъ «Русскую Правду»⁹. Тогда же было напечатано и начало лѣтописи по Никоновскому списку, при соблюденіи всѣхъ правилъ строгой критики.¹⁰ Въ 1769 году онъ издалъ одинъ листъ образчика русскихъ лѣтописей—нынѣ, скажемъ кстати, исполняется этому, въ свое время знаменательному, листу столѣтіе. Шлёцеръ вскорѣ оставилъ Россію, но и въ Геттингенѣ онъ занимался исторіей, и въ продолженіе сорока лѣтъ накопилъ достаточно запаса для изданія съ объясненіями своего Нестора, которымъ положено было прочное основаніе для всѣхъ послѣдовавшихъ критическихъ трудовъ и опредѣлена судьба исторіи.

Между тѣмъ въ Россіи начатое дѣло, худо ли, хорошо ли, продолжалось безостановочно. Императрица Екатерина, около 1780 года, высочайше повелѣла св. Синоду, «чтобы для пользы публики и для успѣховъ русской исторіи, подъ присмотромъ *надежныхъ* людей, снять списки съ находящихся въ Московской синодальной и типографской библіотекахъ такихъ древнихъ русскихъ рукописей, которыя по древности своей трудны къ *разобранію*, а потомъ приступить къ напечатанію оныхъ; а фигуры, находящіяся въ нѣкоторыхъ, снять вѣрнѣйшимъ образомъ; также справиться въ Троицкомъ и другихъ славныхъ монастыряхъ, нѣтъ ли въ ихъ библіотекахъ важныхъ какихъ русскихъ лѣтописей, и ежели есть, то и сіи напечатать». Въ Москвѣ издано было тогда множество лѣтописей: Новгородская лѣтопись, Царственная книга, Царскій лѣтописецъ, Лѣтопись о мятежахъ, сочиненіе Палицына, Родословная книга, Исторія Татищева и проч.¹¹ Большая часть этихъ изданій принадлежитъ Миллеру, кромѣ синодальныхъ. Другой дѣятель, столько же неутомимый, былъ Новиковъ, издавшій въ 20-ти томахъ «Древней Россійской Вивліюэки» множество грамотъ, сказаній и другихъ историческихъ и археологическихъ документовъ.¹² Стриттеръ, преемникъ Миллера въ Московскомъ архивѣ, собралъ изъ византійскихъ историковъ всѣ извѣстія, относящіяся до Славянъ, Руси и всѣхъ племенъ, обитавшихъ на сѣверъ отъ Чернаго моря—знаменитыя «*Memoriae populorum*» и проч., которыя изданы въ извлеченіи и на русскомъ языкѣ при Академіи Наукъ,—важное пособіе къ изученію древней исторіи.¹³ Князь Щербатовъ напечаталъ обширную «Русскую исторію» въ 15 частяхъ¹⁴ и нашелъ себѣ строгаго критика въ лицѣ генералъ-майора Болтина, написавшаго на него два квартанта,¹⁵ вслѣдъ за двумя квартантами на исторію Леклерка,¹⁶ которая появилась вслѣдъ за Лебековою. Сама императрица занималась русскою исторіей и сочинила «Записки».¹⁷ Появились и частныя изслѣдованія—о «Русской Правдѣ»,¹⁸ о «Духовной» Мономаха,¹⁹ о крещеніи св. Ольги,²⁰ о Словѣ о пълку Игоревѣ,²¹ о Тмутараканскомъ камнѣ, тогда найденномъ.²² Вотъ предметъ чисто археологическій, возбуждавшій общее вниманіе и споры.

Сдѣлались извѣстными нѣсколько частныхъ библіотекъ: напримѣръ, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина. Бывъ оберъ-прокуроромъ св. Синода, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ присылаемыя туда изъ монастырей рукописи и отбиралъ для себя, кажется,

что ему заблагоразсуждалось. Послѣ Пушкинской, прославилась богатая библіотека Архангельская, собранная княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Когда именно, гдѣ, какимъ образомъ, по какому поводу она началась,—нѣтъ никакого свѣдѣнія. Еще стали вскорѣ извѣстными библіотеки графовъ Бутурлина, Воронцова, Строгонова.

Такимъ образомъ въ царствованіе императрицы Екатерины многіе источники русской исторіи оглашены, многія лѣтописи и грамоты изданы, однѣ какъ-нибудь, другія удовлетворительно, сдѣланы опыты объясненія нѣкоторыхъ памятниковъ, число любителей умножилось, возникло нѣсколько собраний, и вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія возбуждалось болѣе и болѣе историческое любопытство.

Но все эти успѣхи относились только къ памятникамъ письменнымъ; о вещественныхъ попадались кое-гдѣ вскользь отрывочныя извѣстія, а въ обществѣ носились смутныя понятія. Памятники этого рода ломались, передѣлывались, исправлялись, замазывались, истреблялись безъ всякой пощады, курганы распахивались, образа подправлялись, иконостасы перестраивались, старыя окна расширялись, старыя двери проламывались, сосуды, монеты переплавлялись. Все это зло производимо было неумышленно, часто даже съ добрыми намѣреніями и съ ревностію, но не по разуму.

Девятнадцатое столѣтіе, со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, началось подъ благопріятнѣйшими предзнаменованіями.

Шлёцеръ издалъ своего толковаго «Нестора», переведеннаго Д. И. Языковымъ, и положилъ твердое основаніе русской исторической критикѣ. Это ея фундаментъ.²³ Карамзинъ, нашедшій себѣ покровителя въ лицѣ Муравьева, незабвеннаго попечителя Московскаго университета,—буди благословенна его память въ роды родовъ!—Карамзинъ оставилъ журнальное поприще и посвятилъ себя исключительно исторіи. Лербергъ²⁴ и Кругъ²⁵ представили въ Академію Наукъ классическія изслѣдованія. Въ Московскій университетъ призваны были Муравьевымъ знаменитые знатоки классической литературы и критики: Маттеи, Буле и Баузе. Маттеи²⁶ описалъ греческое отдѣленіе Синодальной библіотеки; Буле²⁷ составилъ литературу древней русской исторіи на иностранныхъ языкахъ; Баузе²⁸ собралъ богатую библіотеку. Подъ ихъ руководствомъ образовался молодой профессоръ Тимковскій, довершившій свое ученіе въ Геттингенѣ, въ школѣ Гейне. По возвращеніи онъ принялся за изданіе и объясненіе нашихъ памятниковъ, по образцамъ классическихъ писателей; началъ изданіемъ «Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку»²⁹ и изслѣдованіемъ о Кіевскомъ Патерикѣ,³⁰ напечаталъ поученіе Новгородскаго епископа Луки Жидаты,³¹ объяснилъ «Слово о пълку Игоревѣ».³²

Не могу сказать, сколько имѣли вліянія уроки Тимковскаго, Буле и Баузе на молодого Константина Калайдовича; мнѣ кажется, что онъ родился археологомъ въ настоящемъ значеніи этого слова; но то несомнѣнно, что означенные ученые могли содѣйствовать его развитію, которое принадлежитъ къ послѣдующему времени.

Въ Москвѣ при университетѣ устроилось Общество исторіи и древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Платона Петровича Бекетова, которому главнымъ помощникомъ и сдѣлался молодой Калайдовичъ. Въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ преемникомъ незабвенныхъ Миллера и Стриттера поступилъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, который, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ А. О. Малиновскимъ, привелъ его въ отличный порядокъ и составилъ исторію дипломатическихъ нашихъ

сношеній съ иностранными государствами. Онъ доставлялъ Карамзину всѣ возможные пособія для совершенія его труда изъ своего богатаго собранія. Въ 1807 году попеченіями начальника Мастерской и Оружейной Палаты, Петра Степановича Валуева, издано ея описаніе, сочиненное Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Малиновскимъ, подъ заглавіемъ: «Историческое описаніе древняго російскаго музея», съ рисунками,—изданіе собственно археологическое.³³

Между частными собирателями явились два брата Бекетовы, родственники Дмитріева и Карамзина: одинъ, Платонъ Петровичъ, собиралъ рукописи, книги и портреты; другой, Иванъ Петровичъ,—монеты, медали, образа. Первый издалъ «Описаніе въ лицахъ торжества, бывшаго при бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Ѳеодоровной Стрѣшневой». Это также важное археологическое изданіе.³⁴

Все это движеніе принадлежитъ къ первому десятилѣтію нынѣшняго столѣтія, и средоточіемъ его, средоточіемъ всѣхъ занятій историческихъ и археологическихъ сдѣлался тогда знаменитый вельможа Екатерининскаго времени, государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ.

Музы благодарны, Клію памятиѣ всѣхъ: помянемъ съ признательностію, мм. гг., этого достопочтеннаго дѣятеля-сановника, оказавшаго великія услуги дѣлу русской исторіи.

Это былъ истинный, искренній любитель и знатокъ ея, что касается до частныхъ, въ которыхъ онъ не уступалъ никакому ученому специалисту. Пристрастился онъ къ ней, кажется, въ десятихъ годахъ; по крайней мѣрѣ, первымъ свидѣтельствомъ его любви былъ докладъ на высочайшее имя объ изданіи государственныхъ грамотъ, при Московскомъ архивѣ, первый томъ которыхъ, съ его гербомъ, вышелъ въ 1813 году. Все древнее, старинное возбуждало любопытство графа Румянцева; онъ читалъ постоянно все относящееся къ русской исторіи, отыскивалъ вездѣ ея любителей, привлекалъ къ занятіямъ, искалъ случаевъ начинать историческія работы, задавалъ вопросы, указывалъ источники, снабжалъ книгами, поручалъ изслѣдованія, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для содѣйствія всякому предпріятію. Всякое открытіе принималось имъ къ сердцу; онъ повѣщалъ прочихъ своихъ сотрудниковъ, славилъ въ обществѣ и, возбуждая соревнованіе, помогалъ деньгами, ходатайствовалъ, покупалъ, печаталъ, издавалъ,—и около него составилось цѣлое общество ревностныхъ, трудолюбивыхъ, талантливыхъ дѣятелей, имъ найденныхъ, взысканныхъ, ободренныхъ, воспитанныхъ, которые старались наперерывъ другъ передъ другомъ угождать своему покровителю исполненіемъ его порученій и сами вызывались на новые труды. Во всѣхъ архивахъ снимались копіи, во всѣхъ библіотекахъ дѣлались извлеченія, во всѣхъ древнихъ городахъ производились поиски по порученію графа Румянцева. Изданія слѣдовали одно за другимъ: «Государственныя грамоты» въ четырехъ фоліантахъ,³⁵ «Памятники XII вѣка», съ словами Кирилла Туровскаго,³⁶ «Древнія русскія стихотворенія»,³⁷ «Изслѣдованія Лерберга»,³⁸ «Бѣлорусскій архивъ»,³⁹ «Законы Ивана Васильевича» и «Судебникъ»,⁴⁰ «Іоаннъ, экзархъ Болгарскій»,⁴¹ «біографія Герберштейна»,⁴² «Путешествіе Мейерберга»,⁴³ «Опытъ о Новгородскихъ посадникахъ»,⁴⁴ «Описаніе Кореунскихъ воротъ», Аделунга.⁴⁵ Сверхъ того на счетъ графа Румянцева напечатаны были «Kritische Vorarbeiten» Эверса,⁴⁶ «Словарь русскихъ писателей духовнаго чина», митрополита Евгенія,⁴⁷ «Жизнь Свидригайла», Коцебу,⁴⁸ «Изслѣдованіе о Словѣ о пълку Игоревѣ», Пожарскаго.⁴⁹

Въ то-же время Малиновскій готовилъ къ изданію «Путешествіе русскихъ людей», Анастасевичъ—выписки изъ Литовской и Польской метрики, Напiерскій—изъ Рижскаго архива Хальфинъ въ Казани издалъ Абулгази по лучшимъ подлинникамъ съ замѣчаніями.⁵⁰ И какъ нарочно случались безпрестанно такія нечаянныя открытія, находились такіе любопытные памятники, объявлялись такія мысли, которыя производили общее движеніе во всемъ ученомъ мірѣ и поднимали горячую полемику. Черниговская золотая гривна съ надписью: *Господи, помози рабу твоему Василю*, Рязанскія древности, мысль Ходаковского о городищахъ, лѣтопись Бера о времени Годунова и Самозванца, пролившая новый свѣтъ на это время, Левъ діаконъ, видѣвшій лицомъ къ лицу Святослава въ лодкѣ на Дунаѣ,⁵¹ и проч.

Главными дѣятелями были въ Москвѣ Калайдовичъ и Строевъ, подъ надзоромъ А. О. Малиновскаго; въ Петербургѣ Востоковъ, Аделунгъ, Кеппенъ, Кругъ, Френтъ, Анастасевичъ; внѣ столицы митрополитъ Евгеній, протоіерей Григоровичъ и проч. Ниже мы познакомимся съ предметами ихъ дѣятельности. Главные дѣятели, въ свою очередь, имѣли своихъ помощниковъ и агентовъ; образовались торговцы-антикваріи и вмѣстѣ опытные знатоки, преимущественно въ Москвѣ, около Калайдовича, написавшаго прежде еще «Извѣстіе объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ русскихъ древностей».⁵² Калайдовичъ пріохотилъ и возбудилъ многихъ искателей, образовалъ знатоковъ между ними. Шуховъ пріобрѣлъ отличныя свѣдѣнія въ военномъ оружіи, Матвѣевскій въ монетахъ, Молошиниковъ въ образахъ, Большаковъ въ старопечатныхъ книгахъ, Пискаревъ, Лопухинъ въ рукописяхъ. Первое мѣсто между этими второстепенными дѣятелями принадлежитъ Зарайскому купцу Козьмѣ Ивановичу Аверину, который пожертвовалъ золотую и серебряную монету Владиміра Московскому историческому Обществу и доставилъ графу Румянцеву знаменитое Добриловское Евангеліе. Въ надеждѣ на хорошее вознагражденіе, нашколенные искатели пустились во всѣ стороны на ловлю всякихъ достопамятностей, а на ловца и звѣрь бѣжитъ, какъ извѣстно; они отыскивали дорогу во всякія заповѣдныя мѣста, проникли во всѣ захолустья, и собралось въ Москвѣ множество сокровищъ историческихъ и археологическихъ, которыя, кромѣ графа Румянцева, поступали и въ другія, вновь образовавшіяся собранія: къ графу О. А. Толстому рукописи и книги; къ Бекетову монеты, медали; къ Коробанову вещи; къ Мединцеву панагіи, кресты, монеты; къ Царскому въ Москвѣ образа, рукописи; къ Чертову въ Петербургѣ монеты и книги; къ Лаптеву въ Вологдѣ рукописи.

Но не одна Россія обнималась дѣятельностью графа Румянцева: во всѣхъ европейскихъ городахъ онъ имѣлъ своихъ корреспондентовъ, которымъ задавалъ работы. Въ Парижѣ Газе издавалъ Льва дьякона, за которымъ долженъ былъ слѣдовать Пселль. Тамъ же Сень-Мартенъ долженъ былъ дѣлать извлеченія о Славянахъ изъ восточныхъ писателей, а Гаммеръ въ Вѣнѣ. Узнавъ объ изслѣдованіяхъ Тихсена касательно кувшинскихъ монетъ, находимыхъ по Балтійскому поморью, Румянцевъ поручилъ немедленно нашему консулу просить отъ его имени Ростокскаго ученаго вновь заняться обработаніемъ вопроса. Чрезъ семь лѣтъ послѣ полученія отъ него записки съ предположеніемъ о древней русской торговлѣ, графъ Румянцевъ былъ обрадованъ находкою 80 арабскихъ монетъ IX—X вѣка въ его помѣстьѣ Гомелѣ. Во Флоренціи снимались древнія карты Россіи; изъ Кенигсберга получалось множество важнѣйшихъ документовъ, изъ которыхъ главные относятся къ послѣднимъ временамъ Галицкаго княжества. Въ Любекѣ и другихъ Ганзейскихъ городахъ отыскивались слѣды древнихъ

сношеній съ Россіей, напримѣръ знаменитое предположеніе о договорѣ съ Новгородцами, въ XIII вѣкѣ. Въ Швеціи, Англіи, Германіи, вездѣ были разсыпаны агенты графа.

Славянскіе ученые не были также оставлены безъ вниманія. Между ними занималъ первое мѣсто Добровскій. Вуку Караджичу давалось пособіе для изслѣдованій по сербской исторіи. Онъ же описывалъ монастыри на Фрушкой горѣ. Мронговій изъ Данцига собиралъ остатки нарѣчія кашубскаго, которое ближе къ русскому, чѣмъ къ польскому.

Самое лучшее понятіе объ образѣ дѣятельности графа Румянцева можно получить изъ обнародованной недавно въ Воронежѣ переписки его съ митрополитомъ Евгеніемъ. Могу привести и случай, бывший со мною, въ доказательство, какъ ничто не укрывалось отъ вниманія графа Румянцева. Прочитавъ въ *Вѣстникъ Европы* 1823 года студенческій мой переводъ «о Хазарахъ» изъ сочиненій Тунмана,⁵³ онъ поручилъ тотчасъ А. Ѳ. Малиновскому узнать, чѣмъ можетъ быть мнѣ полезенъ. Послѣ, въ 1824 году, онъ далъ мнѣ перевести изслѣдованіе Добровскаго о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ.⁵⁴ На мои критическія возраженія онъ отвѣчалъ лестнымъ письмомъ на двухъ страницахъ, гдѣ входилъ въ обстоятельное разсужденіе о предметѣ, и прислалъ мнѣ западныя легенды; оконченный переводъ отдалъ разсмотрѣть А. Х. Востокову; замѣчанія и исправленія сего послѣдняго передалъ мнѣ съ новымъ письмомъ, гдѣ старался всѣми силами не оскорбить моего самолюбія. Тогда же поручилъ онъ мнѣ перевести Неймановы Изслѣдованія о жилищахъ древней Руси,⁵⁵ а на предложеніе перевести «Славянскую грамматику» Добровскаго отвѣчалъ, что такой трудъ не по силамъ молодому человѣку, а развѣ Академіи; что, впрочемъ, если я примусь за него безъ его непосредственнаго участія, то онъ все-таки при окончаніи наградитъ меня значительнымъ подаркомъ. Между тѣмъ графъ Румянцевъ поручилъ разнымъ довѣреннымъ лицамъ собрать справки, что будетъ стоить содержаніе мое за границей, въ путешествіи по славянскимъ странамъ. Изъ однихъ подобныхъ сношеній престарѣлаго государственнаго канцлера съ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, только-что выступавшимъ на ученое поприще, безъ всякаго посредничества, можно судить, какъ любилъ графъ Румянцевъ свое дѣло, и какъ обширенъ былъ кругъ его дѣйствій.

Точно такъ узналъ онъ въ своемъ Гомелѣ одного молодого человѣка, котораго помѣстилъ на свое иждивеніе въ Невскую академію, и поручилъ ему заняться сочиненіемъ «о Новгородскихъ посадникахъ». «Я трудомъ его доволенъ», — писалъ онъ къ митрополиту Евгенію, — «но тогда только въ печать его отдамъ, когда вы, изъ особеннаго ко мнѣ благоволенія, пересмотря его въ свободные часы, скажете мнѣ, что онъ тисненія достоинъ». По полученіи одобрительнаго отзыва, графъ Румянцевъ писалъ къ митрополиту Евгенію: «Премного обрадованъ былъ, что вы оправдать изволили мое заключеніе о способностяхъ юнаго сочинителя хронологическаго повѣствованія о Новгородскихъ посадникахъ. Наставьте меня, пожалуйста, какой ему опытъ новаго изысканія предложить; я въ особенную себѣ милость поставлю, ежели не одинъ предметъ, но предмета два или три мнѣ укажете». Этотъ юный сочинитель, а въ послѣдствіи одинъ изъ главныхъ работниковъ въ Археографической комиссіи, былъ протоіерей И. И. Григоровичъ.⁵⁶

Такимъ образомъ дѣло русской исторіи кипѣло вокругъ графа Румянцева, который, какъ истинный охотникъ, имѣлъ наслажденіе получать со всякою почтой, со всѣхъ концовъ Россіи и Европы, радостныя для него вѣсти и богатые гостинцы, паче золота, серебра и каменія драга. Въ пятнадцать лѣтъ дѣятельности графа Румянцева (1810—1825 г.)

наработано было для русской истории столько, что до сихъ поръ нельзя смотрѣть безъ глубокаго почтенія на высокую пирамиду изданій, украшенныхъ гербомъ съ надписью: *Non solum armis!*

Такъ шли дѣла историческія въ кругу графа Румянцева. А Карамзинъ, между тѣмъ, молча ворочалъ одинъ свой камень, одинъ, съ исполинскою своею силой и русскою сноровкой, и догадкой чеканилъ исторію, Ходаковский производилъ географическія изслѣдованія, Френъ открывалъ новый міръ арабскихъ монетъ, Строевъ описывалъ библіотеки, Калайдовичъ поспѣвалъ вездѣ, Каченовскій во всемъ сомнѣвался, и при всякомъ извѣстіи, пожимая плечами, ворчалъ въ *Вѣстникъ Европы*: «полно, такъ ли это? полно, правда ли это?» И вызывалъ опроверженія, поднималъ желчь, которая приноситъ свою пользу, если только возбуждается въ мѣру. Прекрасное, незабвенное, поучительное время! Чувствовалось тогда, что русская исторія какъ будто дышетъ, какъ будто живетъ, и веселіе разливалось по сердцу у работниковъ, старыхъ и молодыхъ, охота трудиться и силы удесят�ались.

Графъ Румянцевъ скончался въ Петербургѣ въ январѣ 1826 года. Подробнаго жизнеописанія его мы, къ стыду нашему, до сихъ поръ не имѣемъ: исполненіе этой обязанности лежитъ, безъ сомнѣнія, на управленіи Румянцевскаго музея, перенесеннаго въ Москву. Жаль, истинно жаль, что графъ Румянцевъ, сдѣлавъ столько добра русской исторіи при своей жизни, не увѣковѣчилъ его по своей смерти, и, завѣщавъ свой богатый музей на благо отечественному просвѣщенію, не отдѣлилъ никакого капитала на продолженіе его изданій, хотя и умеръ бездѣтнымъ, а у брата его, также бездѣтнаго, оставалось собственное огромное состояніе.

Обозримъ труды помощниковъ графа Румянцева.

II.

Константинъ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ родился, какъ сказалъ я выше, археологомъ. Страсть его къ древностямъ обнаружилась еще во время его студенчества, и въ первыхъ засѣданіяхъ Общества исторіи и древностей русскіихъ, учрежденнаго въ Москвѣ, ему, кандидату, поручено было изданіе особаго, кромѣ *Трудовъ*,⁵⁷ историческаго сборника по представленному имъ плану, — *Русскія Достопамятности*.⁵⁸ Я познакомился съ нимъ вскорѣ послѣ окончанія моего университетскаго курса, обратясь къ нему съ просьбою о совѣтѣ, можно ли напечатать въ *Вѣстникъ Европы* замѣчанія на «Историческія таблицы» Филистри, тогда вышедшія и получившія какое-то высшее одобреніе. «Ничего», — отвѣчалъ онъ, — «пускайте смѣло». Это былъ первый мой печатный опытъ въ 1822 году. Послѣ Калайдовичъ хлопоталъ много о порученіи мнѣ перевода «Славянской грамматики» Добровскаго, хотъ и безъ успѣха. Въ одно изъ первыхъ посѣщеній моихъ я встрѣтилъ у него Бестужева, издателя *Полярной Звѣзды*, и еще кого-то. Говорили о разыгранномъ тогда въ лоттерею богатомъ имѣніи графа Головина, Воротынецъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ, что слухи о выигрышѣ ходятъ различные: одни говорятъ, что выигралъ лѣкарь, другіе дьячекъ, третьи — какая-то баба. «Стало быть», — сказалъ Калайдовичъ, помолчавъ минуту, — «выигрышъ попалъ на купоны». «Ахъ» — подумалъ я — «вотъ она, сообразительная способность историческая! Какъ скоро и вѣрно онъ догадался!» И сталъ я смотрѣть на Калайдовича еще съ бѣльшимъ почтеніемъ, чѣмъ прежде.

Началась война 1812 года. Калайдовичъ, взявъ благословеніе отъ Карамзина, къ которому нарочно ѣздилъ въ Астафьево, поступилъ въ ополченіе, вслѣдъ за Жуковскимъ,

и прослужилъ почти до бѣгства Французовъ изъ Россіи. Передъ Вильной онъ занемогъ, и долженъ былъ воротиться въ Москву, гдѣ тотчасъ и принялся за исторію. На первыхъ порахъ страсть изыскательная увлекла его къ нѣкоторымъ крайностямъ. Во Владимирѣ, куда онъ ѣздилъ осматривать древности, оказались признаки помѣшателъства, и онъ былъ заключенъ въ монастырь, откуда, года черезъ три, покровительству графа Румянцева и А. Ѳ. Малиновскаго онъ былъ обязанъ освобожденіемъ и возможностью предаться любимымъ занятіямъ. Не обнимая исторіи въ цѣломъ, Калайдовичъ былъ любителемъ, знатокомъ, искателемъ частныхъ: рукописей, книга, камень, крестъ, образъ, монета, одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, и подавали поводъ къ самымъ тщательнымъ и подробнымъ изслѣдованіямъ. Онъ живя жилъ въ библіотекахъ, рылся въ рукописяхъ съ утра до вечера, посѣщалъ безпрестанно всѣхъ мѣняль и серебрянниковъ, справлялся, записывалъ, изслѣдовалъ, читалъ, работалъ безъ усталы, въ непрерывномъ движеніи, и открытія слѣдовали у него одно за другимъ: слова Кирилла Туровскаго, Святославовъ сборникъ 1076 г. съ драгоценнымъ изображеніемъ его семейства,⁵⁹ харатейная рукопись Іоанна экзарха,⁶⁰ которая на первыхъ радостяхъ показалась было принадлежащею къ X столѣтію, Белевъ надгробный камень⁶¹ и проч. О всѣхъ открытіяхъ онъ сообщалъ съ торжествомъ своему государственному канцлеру, представляя подробныя донесенія, а тотъ подавалъ пару съ первою почтой, и такимъ образомъ были изданы два тома «Государственныхъ грамотъ»,⁶² «Описаніе рукописей графа Ѳ. А. Толстаго»,⁶³ «Законы Великаго князя Іоанна Васильевича»,⁶⁴ вновь найденныя (въ трудахъ при этихъ трехъ изданіяхъ участвовалъ П. М. Строевъ), «Древнія стихотворенія»,⁶⁵ «Памятники XII вѣка»,⁶⁶ предисловіе къ «Опыту о Новгородскихъ посадникахъ»,⁶⁷ «Описаніе Рязанскихъ древностей»,⁶⁸ наконецъ изслѣдованіе объ Іоаниѣ, экзархѣ Болгарскомъ,⁶⁹ сочиненіе, въ которомъ оглашено множество важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній о древней нашей письменности, и какъ-бы открывался новый цѣлый міръ. Кромѣ этихъ изданій, украшенныхъ гербомъ графа Румянцева, Калайдовичъ издалъ первую часть «Русскихъ достопамятностей», имъ собранныхъ, гдѣ впервые были оглашены древніе памятники великой важности, приготовилъ матеріалы для второй, для изслѣдованія о черниговской гривнѣ, для дополненій къ Іоанну экзарху. Тогда же онъ издалъ «Списокъ русскихъ памятниковъ» Кешпена⁷⁰ и «Исторію Малороссіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Кромѣ того, исполняя безконечныя порученія графа Румянцева, описывалъ всѣ рукописи и вещи, предлагаемыя ему для продажи, доставлялъ замѣчанія и дополненія Карамзину, велъ обширную переписку съ Востоковымъ, митрополитомъ Евгеніемъ и своими корреспондентами по всей Россіи.

Все это происходило въ продолженіе десяти лѣтъ отъ 1815 года до 1825. Непомерныя труды и напряженіе всѣхъ способностей, вмѣстѣ съ огорченіями, которыя причиняли ему враги, обыкновенные, къ несчастію, спутники всякаго таланта и успѣха, завистники, больные чужимъ здоровьемъ, поколебали его крѣпкую натуру. Присоедините нужду, въ которой онъ безпрестанно находился, получая вознагражденіе очень скудное. Графъ Румянцевъ не былъ щедръ. Кто повѣритъ нынѣ, что за огромный листъ изслѣдованія объ Іоаниѣ, экзархѣ Болгарскомъ, со всѣми драгоценными открытіями, и вмѣстѣ за всѣ труды изданія, съ многочисленными корректурами, Калайдовичу было назначено только по 25 рублей ассигнаціями. Я помню эти корректуры древнихъ свидѣтельствъ, испещренныя на широкихъ поляхъ безчисленными поправками, украшенныя скатнымъ бисеромъ: онѣ приводили въ ужасъ всякаго видѣшаго.

Старая болѣзнь Калайдовича, вслѣдствіе неумѣренных трудовъ, возвратилась. Въ первыхъ припадкахъ онъ предпринялъ изданіе историко-литературнаго журнала *Зритель*, и среди приготовленій къ первой книгѣ совершенно помѣшался*. Но и въ помѣшательствѣ любезные образы не оставляли его воображенія, и когда я пришелъ однажды навѣстить его, онъ при первомъ взглядѣ на меня запѣлъ громкимъ голосомъ молебень преподобному Нестору и Печерскимъ угодникамъ. Потомъ началъ онъ мнѣ передавать изслѣдованіе о жизни какого-то святаго, составившееся въ его воображеніи. О, какъ тяжело было видѣть этого достойнаго труженика въ такомъ ужасномъ положеніи! А жена съ дѣтьми должны были претерпѣвать всякую нужду! Года черезъ два онъ вылѣчился, но силы его совершенно упали, умственная дѣятельность ослабла; пылкій, живой, онъ такъ притихъ, что въ иной вечеръ не услышишь бывало отъ него ни одного слова. И онъ вскорѣ умеръ, не оставивъ чѣмъ и похоронить себя. Первый, искренно-преданный своему дѣлу, горячій русскій археологъ, принесшій великую пользу палеографіи, нумизматикѣ, библиографіи и вообще всѣмъ частямъ исторіи! Чего бы онъ не сдѣлалъ въ другой обстановкѣ, въ другихъ обстоятельствахъ! Память достойнаго, незабвеннаго труженика, съ похвалами, въ собраніи археологовъ!

Вторымъ сотрудникомъ графа Румянцева въ Москвѣ былъ Павелъ Михайловичъ Строевъ, еще здравствующій, еще трудящійся. Онъ началъ свое поприще, по порученію графа Румянцева, описаніемъ нѣкоторыхъ монастырскихъ библиотекъ, потомъ напечаталъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ «Описаніе рукописей графа Толстаго»⁷¹ и одинъ «Описаніе старопечатныхъ книгъ»,⁷² его же. Онъ кончилъ печатаніе «Государственныхъ грамотъ», издалъ въ двухъ томахъ «Софійскій временникъ»,⁷³ и, послѣ кончины графа Румянцева, совершилъ, по порученію графа Уварова, которому представилъ свое предположеніе, археографическое путешествіе по Россіи, собралъ и приготовилъ матеріалы для первыхъ изданій Археографической комиссіи, которой ими положено прочное основаніе, собралъ матеріалы для исторіи нашей письменности,⁷⁴ хранящіеся у него въ нѣсколькихъ фоліантахъ, составилъ ключъ къ «Исторіи» Карамзина,⁷⁵ описалъ библиотеку Царскаго⁷⁶ и Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ,⁷⁷ наконецъ издалъ «Царскіе выходы» съ богатымъ словаремъ, заключающимъ въ себѣ матеріалы, драгоцѣнные для археологій,⁷⁸ и составилъ (не вполнѣ) указатель къ изданнымъ лѣтописямъ. Теперь онъ трудится надъ составленіемъ списковъ всѣхъ митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и прочихъ настоятелей монастырей: необходимое и важное пособіе для всѣхъ будущихъ археологическихъ работъ. Воздадимъ достойному труженику должную дань признательности за его почтенные труды, и пожелаемъ ему трудиться еще долго на пользу науки!

Какъ Калайдовичъ и Строевъ были главными работниками графа Румянцева въ Москвѣ, такъ въ Петербургѣ Востоковъ и Кругъ были его главными совѣтниками, а Аделунгъ, Кеппенъ, Языковъ—сотрудниками.

Александръ Христофоровичъ Востоковъ лучше нашего извѣстенъ Петербургскимъ членамъ съѣзда. Филологическія заслуги его описаны подробно академикомъ Срезневскимъ въ особой монографіи. Я могу засвидѣтельствовать только, по своему опыту, одно великое его достоинство: готовѣе на услуги, на одолженія ученыя, на всякія содѣйствія, мудрено было найти ученаго. Это былъ образецъ для всѣхъ, достойный всякаго подражанія.

* Журналъ кончилъ я послѣ, съ помощію нѣкоторыхъ знакомыхъ, 1828—1830 г., 20 книжекъ.

Переписать своею рукой обширный древній памятникъ для него ничего не стоило. Обстоятельный отвѣтъ его на всякій вопросъ не заставлялъ долго дожидать себя. Я видѣлъ пространныя письма его къ Калайдовичу, наполненныя отрывками изъ разныхъ древнихъ свидѣтельствъ, которыми эти достойные дѣятели прилежно обмѣнивались. Въ превосходномъ своемъ «Описаніи рукописей Румянцевскаго музея» — назовемъ его толковымъ, catalogue raisonné — онъ щедрою рукой разсыпалъ множество драгоценныхъ указаній для русской археологіи, и значительно приготовилъ для нея почву.⁷⁹

Аделунгъ имѣлъ задачею собирать извѣстія объ иностранныхъ путешественникахъ, посѣщавшихъ Россію, и оставившихъ о ней записки. Капитальный трудъ его изданъ былъ въ послѣдствіи,⁸⁰ такъ же какъ описаніе Мейербергова путешествія съ картинами, богатое приобрѣтеніе археологическое, для времени царя Алексѣя Михайловича.⁸¹ При графѣ Румянцевѣ онъ издалъ изслѣдованіе о Герберштейнѣ.⁸² Сверхъ того онъ издалъ съ рисунками описаніе и изслѣдованіе о Корсунскихъ воротахъ, въ Новѣгородѣ, — также одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ археологическихъ памятниковъ.⁸³

Петръ Ивановичъ Кеппенъ составилъ «Списокъ русскихъ памятниковъ», въ который вошли образцы древлеписанія, монеты, образа, камни, съ древнѣйшихъ временъ, числомъ 175. Этотъ «Списокъ» изданъ былъ Калайдовичемъ на изживеніи графа Ѳ. А. Толстаго.⁸⁴ Послѣ онъ принялся за собраніе славянскихъ памятниковъ въ Россіи, гдѣ появились первоначально такъ-называемыя Фрейзингенскія статьи.⁸⁵ Въ газетѣ, которую Кеппенъ издавалъ въ 1825 году подъ заглавіемъ: *Библіографическіе листы*, заключается множество археологическихъ свѣдѣній всякаго рода. Это — образцовое изданіе, и должно составлять настольную книгу для всякаго археолога.⁸⁶ Тамъ же помѣщено учено-литературное путешествіе его по славянскимъ землямъ, которое почти открыло намъ — можно такъ выразиться — этотъ родственнѣйшій намъ міръ, и познакомило съ главными дѣлателями того времени. Кеппенъ занимался много изслѣдованіемъ о русскихъ святцахъ, но по тогдашнему ходу цензурныхъ дѣлъ никакъ не могъ добиться позволенія издать ихъ. Скажу здѣсь кстати, что полезно было бы отыскать и издать собранные имъ матеріалы, принявъ въ соображеніе вновь изданныя на латинскомъ языкѣ въ Парижѣ изслѣдованія русскаго іезуита Мартынова. Кеппенъ въ послѣдствіи предался статистикѣ, но въ этнографической его картѣ, вмѣстѣ съ объясненіями, и въ матеріалахъ для географическаго словаря, онъ принесть большую пользу и археологіи. Въ послѣднемъ отношеніи должно упомянуть еще съ честію о его «Крымскомъ Сборникѣ», съ богатымъ атласомъ.⁸⁷ Онъ издалъ также краткій списокъ русскихъ кургановъ.⁸⁸ Касательно ученой услужливости, готовности содѣйствовать всякимъ научнымъ предпріятіямъ, точности и нѣмецкой исправности, имя его должно быть упомянуто съ благодарностію рядомъ съ именами Востокова и Калайдовича; это были люди одного рода, къ которому принадлежалъ еще изъ ихъ современниковъ митрополитъ Евгеній, какъ сейчасъ увидимъ.

Кругъ, занимавшійся нумизматикой и хронологіей, и давшій классическія сочиненія объ этихъ отрасляхъ исторіи,⁸⁹ имѣлъ для графа Румянцева рѣшительный голосъ во всемъ, что касалось до памятниковъ, находимыхъ за границей, и до сношеній съ иностранными учеными. Онъ привелъ въ порядокъ и издалъ «Изслѣдованія» Лерберга, которыя были переведены Д. И. Языковымъ и изданы съ картой Югріи, на изживеніи графа Румянцева.⁹⁰

Уже незадолго до своей смерти графъ Румянцевъ вручилъ ему 12.500 руб. въ дополненіе къ прежде-выданной такой-же суммѣ, для изданія, при Академіи, русскихъ

лѣтописей; этотъ капиталъ, то-есть 25.000 руб. ассигнаціями, и послужить основаніемъ изданій для Археографической комиссіи, что, кажется, нигдѣ не упомянуто.⁹¹

Френъ, по мысли графа Румянцева, работалъ надъ арабскими писателями о Славянахъ и Руси, и издалъ свой трудъ подъ заглавіемъ: «Ибнъ-Фоцлана и другихъ арабскихъ писателей извѣстія о Руси ихъ времени». Въ этомъ сочиненіи много любопытныхъ свѣдѣній о нашихъ древностяхъ, то-есть древнемъ бытѣ, обычаяхъ, торговлѣ и проч.,⁹² къ которымъ прекрасное дополненіе дѣлаетъ теперь знаменитый нашъ ориенталистъ Дорнъ, и еще въ послѣднее время профессоръ Хвольсонъ.

Митрополитъ Евгенийъ былъ самымъ ревностнымъ корреспондентомъ графа Румянцева, и находился съ нимъ въ постоянной перепискѣ, отвѣчалъ тщательно на его вопросы, и получалъ отъ него пособія для своихъ трудовъ, напримѣръ для «Исторіи Псковскаго княжества», всѣ свѣдѣнія, которыя ему попадались, и всѣ книги, какія считалъ онъ полезными, равно какъ и извѣстія объ историческихъ открытіяхъ. Митрополитъ Евгенийъ—это былъ нашъ неутомимый бенедиктинецъ, обладавшій обширными и многосторонними свѣдѣніями въ русской исторіи, и безпрестанно ихъ увеличивавшій чтеніемъ и ученіемъ. Гдѣ судьба его ни водворяла, онъ тотчасъ начиналъ свои розысканія, собранія, описанія, нисколько не думая о чести и славѣ, оставляя вездѣ все имъ собранное и наработанное. Такъ было въ Воронежѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Кіевѣ. Онъ читалъ все, отмѣчалъ, выписывалъ и ссужалъ всѣмъ, кому что было нужно для изслѣдованій. Въ сочиненіяхъ его, кои суть: «Словарь русскихъ писателей духовнаго чина», который напечатанъ былъ первоначально Анастасевичемъ на иждивеніе графа Румянцева,⁹³ «Словарь свѣтскихъ писателей», который напечатанъ мною по его смерти,⁹⁴ «Разговоръ о древностяхъ Новгорода»,⁹⁵ «Исторія Псковскаго княжества» въ 4-хъ частяхъ,⁹⁶ «Описаніе Кіевософійскаго собора»,⁹⁷ «Описаніе Кіевопечерской лавры»⁹⁸,—разсыпано множество свѣдѣній новыхъ и любопытныхъ о всѣхъ предметахъ исторіи и ея отраслей, а въ послѣднихъ заключается и большой запасъ собственно для археологій въ описаніи образовъ и зданій. Относительно готовности содѣйствовать ученымъ трудамъ Евгенийъ былъ таковъ же, какъ и Востоковъ, Калайдовичъ, Кеппенъ.

Въ числѣ петербургскихъ сотрудниковъ графа Румянцева должно упомянуть еще барона Розенкампа, въ области права, преимущественно церковнаго.⁹⁹

Къ этому времени, то-есть къ царствованію императора Александра, принадлежитъ еще знаменитый путешественникъ—большею частью пѣшеходъ—Зоріанъ Яковлевичъ Доленга-Ходаковскій, которому графъ Румянцевъ помогалъ только отчасти. Это былъ мономанъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, перенесшій впервые систему изслѣдованія изъ письменной области на землю и ея памятники. Ему принадлежитъ ученіе о такъ-называемыхъ городищахъ.¹⁰⁰ Вотъ вкратцѣ его система о городищахъ, какъ передавалъ онъ ее Кеппену.

«Городища—говорилъ онъ—простирались отъ рѣки Камы на западъ до Лабы (Эльбы), отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адриатическаго моря, и столько есть городищъ, сколько было квадратныхъ миль, населенныхъ Славянами». По его замѣчаніямъ, они вездѣ (гдѣ уцѣлѣли) сходятся между собою, имѣя небольшіе кругловатые валы (то-есть состоя изъ окоповъ), исключительно изъ черной земли насыпанные, имѣя входъ отъ востока, и находясь обыкновенно на прекраснѣйшихъ мѣстахъ; посреди же нерѣдко примѣтны углубленія (котлища); большею частью одно отъ другаго находились они въ опредѣнномъ разстояніи (которое однако разнствовалось по разнымъ странамъ); около таковыхъ городищъ урочища почти постоянно имѣли

однѣ и тѣ же названія, наконецъ, и самыя городища, которыя можетъ-быть нѣкогда служили идолопоклонническими капищами, имѣли свои названія.

«Къ отличнымъ свойствамъ нашего изслѣдователя»—говорить о Ходаковскомъ Кеппенъ—«причислить должно способность его бесѣдовать съ простолюдинами. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители, онъ и жена его, всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда съ особымъ удовольствіемъ воспоминаемъ о географическихъ его фоліантахъ, и о собраніи народныхъ пѣсень, подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкновенно записывавшихся со словъ самихъ поселянъ».

Къ этому извѣстію Кеппена могу прибавить, что Ходаковскій, предложивъ тому или другому крестьянину, пріѣхавшему съ своимъ возомъ на рынокъ, нѣсколько вопросовъ объ именахъ селеній около какого-нибудь городища, подсказывалъ ему остальные, и получалъ себѣ въ награду часто такой отвѣтъ: «али ты колдунъ, баринъ, что не бывавъ у насъ, знаешь всѣ наши мѣста?» Я не могу только сказать навѣрное, точно ли я самъ былъ свидѣтелемъ такого случая, или слышалъ этотъ рассказъ отъ Ходаковского, или наконецъ передалъ мнѣ его другой свидѣтель, можетъ-быть докторъ Дядьковскій, у котораго я и познакомился сначала съ Ходаковскимъ. Скажу только, что это вѣрно было такъ, и что Ходаковскій по двумъ-тремъ именамъ угадывалъ часто имена прочихъ окружающихъ селеній. Калайдовичъ, въ письмахъ своихъ о Рязанскихъ находкахъ, осмотрѣвъ нѣкоторыя городища, отозвался невыгодно о системѣ Ходаковского, что повредило ему въ мнѣніи графа Румянцева, и очень огорчило изслѣдователя. Главное возраженіе мы всѣ дѣлали Ходаковскому: неужели было когда-нибудь такъ густо народонаселеніе между Славянами, чтобъ было нужно особое мѣсто для жертвоприношеній на всякой квадратной милѣ? Ходаковскій написалъ отвѣтъ, котораго нигдѣ не могъ напечатать, и я напечаталъ его въ послѣдствіи, уже по смерти обоихъ противниковъ, въ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*, найдя въ бумагахъ, послѣ Ходаковского мнѣ доставшихся. Тамъ же напечаталъ я очень любопытное разсужденіе его «О путяхъ водяныхъ въ древней Россіи», коими плавали первые наши князья для собиранія дани, и подробный отчетъ его о путешествіи, для котораго получилъ онъ пособіе, кажется, при посредствѣ Карамзина. Первоначальный же планъ его напечатанъ былъ въ *Сынѣ Отечества* и *Вѣстникѣ Европы* 1820 года. Еще получилъ я отъ вдовы покойнаго, столѣтний атласъ Россіи, съ отмѣченными древними городами и селеніями, и четыре или пять фоліантовъ составленнаго Ходаковскимъ словаря географическаго на польскомъ языкѣ. Эта величайшая драгоцѣнность, которую удалось мнѣ спасти, поступила съ моимъ древлехранилищемъ въ Петербургскую библіотеку. Часть карты сѣверо-западной Россіи, съ отмѣтками Ходаковского, досталась мнѣ откуда-то въ послѣдствіи, а въ прошедшемъ году получилъ я отъ г. Мурзакевича полную карту, которую прикладываю къ изготавляемому мною историческому атласу, вмѣстѣ съ собственноручнымъ, Ходаковского, образчикомъ городища Дьяковского близъ Москвы. Въ указанныхъ сочиненіяхъ заключается много историко-географическихъ указаній, которыя пригодились Карамзину. Вообще сочиненія Ходаковского и вся система его ожидаютъ провѣрки и оцѣнки. Здѣсь археологія вещественная соприкасается также съ письменною. Прочія бумаги Ходаковского достались, еще прежде меня, издателю *Московского Телеграфа*, Н. А. Полевому, котораго письма съ обѣщаніями передала мнѣ вдова Ходаковского, жившая у меня въ домѣ нѣсколько времени, и скончавшаяся прошлаго года въ Тверской богадельнѣ; она же передала мнѣ довѣренность вытребовать ихъ отъ Полеваго,

но мнѣ не хотѣлось поднимать шума. Тетрадь пѣсенъ, собранныхъ Ходаковскимъ—помнится мнѣ—я видѣлъ, но у себя ли въ рукахъ, и поступила ли она въ библиотеку, или отдана мною кому-нибудь прежде, не помню.

Вотъ обзоръ главныхъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I. Кромѣ ихъ мы должны наименовать Д. И. Языкова, который переводомъ Шлецерова «Нестора» содѣйствовалъ натурализациі у насъ этого капитальнаго сочиненія для распространенія настоящихъ понятій объ исторической критикѣ. Онъ же перевелъ Лерберговы «Исслѣдованія о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ древней русской исторіи», «Путешествіе Платона-Карпини къ Татарамъ»¹⁰¹ и извѣстіе одного стараго путешественника, котораго имя на эту минуту я забылъ, о русской торговлѣ.¹⁰² Послѣ него остался еще переводъ Кругова сочиненія «О Византійской хронологіи», который нужно бы издать.

Товарищъ и пріятель Языкова, Николай Сергѣевичъ Арцыбышевъ, въ это же время сводилъ свой сводъ всѣхъ лѣтописей, который изданъ уже въ слѣдующій періодъ подъ заглавіемъ: «Повѣствованіе о Россіи».

Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ и Александръ Ивановичъ Ермолаевъ, кончили и написали свое историко-археологическое путешествіе по Россіи, со многими рисунками и чертежами, которое не было издано.¹⁰³ Бороздинъ занялся впоследствии изслѣдованіемъ о службѣ дворянскихъ родовъ. Объ Ермолаевѣ осталось преданіе, что это былъ одинъ изъ глубокихъ знатоковъ исторіи.¹⁰⁴ Послѣ него остались карты, до древней географіи относящіяся, въ общемъ съ Бороздинымъ путешествіи.

А. Н. Оленинъ собиралъ археологическіе матеріалы.

Петръ Григорьевичъ Бутковъ и Степанъ Васильевичъ Руссовъ принадлежать также къ этому времени, но дѣятельность ихъ является на свѣтъ въ слѣдующемъ періодѣ. Г. И. Лисенковъ трудился надъ древними монетами.

Вотъ сколько работниковъ работали на полѣ русской исторіи до 1825 года.

Вѣнцемъ всѣхъ этихъ работъ была «Исторія Государства Россійскаго», которую Карамзинъ издавалъ отъ 1816 до 1825 года. Послѣдній XII-й томъ обнародованъ уже графомъ Блудовымъ, при помощи К. С. Сербиновича, по кончинѣ исторіографа. Распространяться здѣсь объ «Исторіи» Карамзина считаю не нужнымъ. Въ этомъ великомъ твореніи, сокровищѣ русской исторіи, которое останется навсегда славнымъ памятникомъ русскаго ума, толка, таланта, генія, русскіе люди познакомились впервые настоящимъ образомъ съ судьбами своего отечества и его главными дѣятелями, полюбили его сознательно, и узнали множество такихъ вещей, о какихъ не имѣли прежде понятія. Всѣ извѣстные наши древніе памятники, даже собственно памятники археологическіе, освѣтились новымъ свѣтомъ, возбудилась еще болѣе, чѣмъ прежде, у многихъ охота собирать русскія достопримѣчательности во всѣхъ родахъ. «Исторія» Карамзина составила въ жизни нашей эпоху, и я увѣренъ, что когда образованіе наше распространится, и будетъ съ насъ сваливаться болѣе и болѣе чужая чешуя, то достоинства ея оцѣнятся, и значеніе ея возвысится несравненно болѣе, и во всѣхъ русскихъ университетахъ учредятся особыя кафедры для толкованія, разсмотрѣнія и критической оцѣнки Карамзина, какъ въ Италіи учреждались нѣкогда особыя кафедры для объясненія Данта.

Мы остановимся здѣсь, и обзоръ времени императора Николая отложимъ до слѣдующаго собранія. Все, нами вкратцѣ обзоръное до сихъ поръ, можно раздѣлить на три періода: періодъ Петра, Екатерины, Александра. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ,—

видѣли, по его средствамъ и обстоятельствамъ сдѣлано многое. Петровскій періодъ далъ намъ Татищева, Байера, Дмитрія Ростовскаго; въ Екатерининскій красуются имена Шлецера, Миллера, Новикова, Болтина, Щербатова Стриттера, и проч. Александровскому времени принадлежатъ: Румянцевъ, Евгеній, Востоковъ, Калайдовичъ, Строевъ, и наконецъ онъ, нашъ безсмертный Карамзинъ.

Археологическое Общество имѣетъ право на общую признательность, пожелавъ помянуть старину. Такія имена, какія вы слышали, могутъ возбудить дѣятельность, могутъ придать силы молодому поколѣнію. Съ другой стороны, воспоминаніе о такихъ трудахъ должно понизить нѣсколько тонъ нашихъ газетныхъ и прочихъ пустозвоновъ, которые кричатъ о наукѣ и критикѣ и нынѣшнихъ ея какихъ-то новыхъ требованіяхъ. Я желалъ бы кстати здѣсь спросить, какія же это требованія науки и критики, которыхъ не знали, напримѣръ, Шлецеръ и Карамзинъ. Это новое—ново только для нихъ. Все это фразы, которыми шарлатанство пускаетъ пыль въ глаза невѣжеству, и безъ пыли не слишкомъ зрячему. Нѣтъ, мм. гг., Карамзинъ и Шлецеръ, наоборотъ, задали бы намъ, безъ сомнѣнія, такіе вопросы, на которые отвѣчать имъ мы затруднились бы навѣрное. Не понимаютъ науки тѣ, которые думаютъ, что она начинается ими. Безъ Екатерининскаго времени не могло возникнуть Александровское, и новое только на старыхъ, по наслѣдству полученныхъ, основаніяхъ, можетъ воздвигать свое зданіе. Только пройденная дорога помогаетъ достигать цѣли. Самые ошибки, недостатки, пробѣлы старые, служатъ полезными указаніями, и въ исторіи наукъ важна польза не только положительная, но и отрицательная. Вотъ почему, можно намъ, думаю, подать совѣтъ относиться къ старымъ дѣятелямъ съ бѣльшимъ почтеніемъ, нежели какъ это дѣлается нынѣ на нашихъ газетныхъ рынкахъ. Совѣту этому всего приличнѣе быть поданнымъ изъ Общества Археологическаго, котораго сущность и состоитъ въ глубокомъ уваженіи старины.

III.

Мы должны обозрѣть нынѣ царствованіе императора Николая въ отношеніи къ археології и исторіи.

Съ чувствомъ благодарности должно сознаться, что во все предшествовавшее время не было издано столько древнихъ источниковъ и документовъ разнаго рода, не было представлено столько рисунковъ съ древнихъ памятниковъ, какъ въ это царствованіе. Большая часть работъ археологическихъ производилась зачиномъ и на иждивеніи правительства; нѣкоторыя принадлежатъ обществамъ, Высочайше утвержденнымъ, и остальные—частнымъ лицамъ. Мы начнемъ наше обозрѣніе съ первыхъ.

Главное мѣсто между государственными учрежденіями занимаетъ Археографическая Коммиссія. Она издала болѣе тридцати томовъ грамотъ и семь томовъ лѣтописей. Труды почтенные, монументальные и въ высшей степени полезные, въ отвѣтъ на требованія времени.¹⁰⁵ Кто помнитъ, въ какой степени любители исторіи, начиная съ 20-хъ годовъ, жаждали и призывали изданіе лѣтописей,—напримѣръ, Василій Матвѣевичъ Перевоицковъ, издавшій краткое ихъ обозрѣніе, и трепетавшій за цѣлость Кіевской лѣтописи, Николай Сергѣевичъ Арцыбшевъ, имѣвшій въ ней настоящую нужду для своего свода, вмѣстѣ съ Волынскою лѣтописью, Петръ Григорьевичъ Бутковъ,—тотъ можетъ рассказать объ общей радости при появленіи третьяго тома „Полнаго

Собрания лѣтописей“, съ котораго, то-есть, съ Новгородской лѣтописи, начато изданіе, а еще болѣе при появленіи втораго тома съ Кіевскою и Волынскою лѣтописями, остававшимися до тѣхъ поръ въ рукописяхъ. Этими лѣтописями удовлетворена была первая нужда изслѣдователей, а въ грамотахъ доставлены имъ матеріалы для новыхъ изслѣдованій по всѣмъ частямъ исторіи. Я. И. Бередниковъ, И. И. Григоровичъ и М. А. Коркуновъ были главными работниками, и нельзя не отдать имъ справедливости за ихъ труды, поистинѣ неустоимые. Они сдѣлали, что могли. На первыхъ порахъ нельзя было больше и требовать; но теперь наука, поминая ихъ съ благодарностію, имѣетъ полное право взглянуть критически на сдѣланное и указать на недостатки, чтобы подвинуть дѣло еще далѣе и обезпечить успѣхъ тверже.

Бередниковъ, главный редакторъ лѣтописей, не получилъ классическаго образованія, не имѣлъ понятій о настоящемъ ученомъ изданіи, и исполнилъ дѣло съ ревностію, но не по разуму. Приведу нѣсколько примѣровъ въ доказательство. Первая, такъ-называемая, Новгородская лѣтопись дошла до насъ въ трехъ спискахъ: начало сохранилось только въ списокъ самомъ новомъ, Толстовскомъ; средній списокъ, Академическій, начинается со времени Игоря, а самый важный, самый древній, Синодальный, — только со времени Ярослава, словами: „А вы плотници суще“. Издатель и вздумалъ начать свое, такъ-называемое полное изданіе русскихъ лѣтописей точками, за коими слѣдовали слова: „а вы плотници суще“, и въ такомъ безобразномъ видѣ далъ намъ Новгородскую лѣтопись, которая между тѣмъ сохранилась сполна въ другомъ списокѣ, хотя и новомъ. Онъ не могъ понять, что не было бы никакого преступленія противъ законовъ науки и критики, о которыхъ онъ любилъ толковать, еслибъ онъ началъ изданіе по новому Толстовскому списку, отмѣтивъ въ примѣчаніи, что начала нѣтъ нигдѣ, кромѣ него. Съ Игорева времени Бередниковъ долженъ былъ начать сличеніе двухъ списковъ: Толстовскаго и Академическаго, а съ Ярославова пошло бы настоящее его изданіе по древнѣйшему Синодальному списку, сравниваемое съ двумя новѣйшими списками. Теперь же, благодаря его распоряженіямъ, мы не имѣемъ и Русской Правды, которую нужно было бы по многимъ причинамъ видѣть именно въ Новгородской лѣтописи на своемъ мѣстѣ. Примѣръ неумѣнья обращаться съ лѣтописями, въ другомъ родѣ: Послѣ извѣстія о смерти Ярослава въ Бередниковскомъ изданіи Нестора читается: „Се же поручаю въ собе мѣсто (говоритъ Ярославъ)... старѣйшему сыну моему Изяславу Кіевъ... а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ“. Это мѣсто смущало меня болѣе десяти лѣтъ: названные города отдать сыновьямъ своимъ Ярославъ въ отчины; но чтожъ останется, думалъ я, отчиною для потомства Изяслава, старшаго сына, получившаго теперь Кіевъ, по смерти, когда его мѣсто займетъ слѣдующій за нимъ братъ, Святославъ Черниговскій? Куда дѣнутся и гдѣ приклонять голову Изяславовы дѣти? И мучился я внутренно, не умѣя отвѣчать себѣ на этотъ неизбежный вопросъ. Чтожъ оказалось послѣ десятилѣтнихъ сомнѣній и размышленій, когда я нечаянно заглянулъ въ варианты? (Искать тамъ не разнорѣчій, а совершенно особаго, новаго извѣстія, никто не могъ бы и предположить). Изяславъ имѣлъ отчиною Туровъ, скрытый по самовольной, непозволительной поправкѣ издателя. Послѣ раздачи городовъ Ярославомъ, Несторъ говоритъ по Бередникову: „Самому же (Ярославу) болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся вельми, Изяславу тогда сущю Новѣгородъ“. Но оказывается, что это сказалъ не Несторъ, а Бередниковъ,

объявляющій въ примѣчаніи: „Послѣдней рѣчи нѣтъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ, Троицкомъ... исправлено по спискамъ, составляющимъ средній текстъ лѣтописи Нестора“. Лучшій же списокъ, Ипатьевскій, говоритъ: „Изяславу въ Туровѣ князящю“; Хлѣбниковскій: „сущу въ Туровѣ княжачи“. Этими вѣрными словами дѣло объясняется какъ нельзя лучше: дѣти Изяславовы, по вступленіи отца на великокняжескій столъ, оставались владѣть его отчиною Туровымъ, гдѣ мы дѣйствительно и находимъ ихъ въ послѣдствіи. На какомъ основаніи издатель могъ поправить вѣрное чтеніе важнѣйшаго списка по спискамъ, «составляющимъ средній текстъ», разумѣется, зналъ только онъ.

Какъ въ Несторовой лѣтописи Берединовъ позволилъ себѣ нелѣпыя поправки, какъ Новгородскую издалъ безъ начала, такъ списокъ Воскресенскій напечаталъ, помѣщая конецъ прежде начала... Какимъ образомъ можно было въ первомъ томѣ, напечатавъ Нестора по Лаврентьевскому списку, продолженіе его лѣтописи поставить изъ Лаврентьевскаго же списка, подъ заглавіемъ «продолженіе Лаврентьевской лѣтописи» (!),—продолженіе совершенно изуродованное, не только безъ толку сокращенное? Какимъ образомъ можно было не понять, что настоящее продолженіе Нестора есть Кіевская лѣтопись, дошедшая до насъ въ спискахъ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и вновь-найденномъ моемъ, и что она должна слѣдовать за Несторомъ? Этому, впрочемъ, можно было бы удивиться, еслибы не оказалось, что такая нелѣпица никого изъ изслѣдователей не поразила, и никто до сихъ поръ не замѣтилъ ея. Не говорю уже о томъ, что лѣтописи, по очевидному содержанію, принадлежація къ княжествамъ, и тамъ, на мѣстѣ писанныя, въ Кіевѣ, Суздаль, на Волыни, Берединовъ окрестилъ по именамъ мѣстъ, куда случайно онѣ въ теченіе времени попали, или по именамъ писцевъ и владѣтелей. Есть ли примѣръ въ ученой литературѣ, чтобы были гдѣ-нибудь названія въ родѣ лѣтописи Лаврентьевской или Ипатьевской,—заглавія, кои однако же безъ зазрѣнія совѣсти, машинально повторяются нашими учеными, и тѣмъ производится замѣшательство въ понятіяхъ, о прекращеніи чего долженъ бы позаботиться Съездъ: у насъ есть лѣтопись Суздальская—по спискамъ Лаврентьевскому, Кенигсбергскому и моему, и Кіевская, Волынская—по Ипатьевскому, Хлѣбниковскому и моему. Здѣсь нечего, въ угоду педантизму, ссылаться на то, что такъ онѣ значатся въ библіографіи по своимъ печатнымъ заглавіямъ. Всякій читатель пойметъ, что, говоря: лѣтопись Несторова, или Суздальская, по Лаврентьевскому списку, вы разумѣете въ полномъ, такъ-называемомъ, собраніи, часть первую съ лѣтописью такъ-названною Лаврентьевскою. Но здѣсь еще не конецъ нелѣпостей: у Берединова нашлась лѣтопись Лаврентьевская (!) по Радзивиловскому списку (!), въ заглавіи снимковъ. Онъ не понялъ даже при этомъ случаѣ своей ошибки; онъ не увидалъ, что названія Лаврентьевскаго и Радзивиловскаго принадлежатъ спискамъ, а лѣтопись въ нихъ—одна и та же: сперва Несторова, потомъ сокращенная Кіевская, и наконецъ Суздальская. Самое названіе: «Полное собраніе русскихъ лѣтописей» —не точно, потому что такого собранія нѣтъ, и даже, вѣроятно, не можетъ быть: мы имѣемъ только отрывки, сокращенныя лѣтописи, и то еще не всѣ. О путаницѣ въ вариантахъ нечего и говорить.

При этомъ случаѣ не могу не воздать чести нашему времени. Всѣ эти нелѣпости и недостатки изданія для знающаго человѣка были очевидны въ свое время, но никакъ не могли быть заявлены, какъ это нынѣ возможно. Министръ графъ Уваровъ

имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ археологіи классической, и очень смутныя—не тѣмъ будь помянуть—объ археологіи русской (которую, видно по предчувствію, онъ завѣщаль сыну). Ему хотѣлось издать памятники какъ можно скорѣе, что дѣйствительно и было очень нужно, и онъ назначилъ предсѣдателемъ Археографической Коммиссіи князя Шихматова, начальника усерднаго и исполнительнаго, но у котораго понятія археологическія были еще неопредѣленныя, чѣмъ у самого графа. Князь Шихматовъ выбралъ Бередникова, человека трудолюбиваго въ высшей степени, умѣвшаго разбирать древніе почерки, способнаго читать корректуру,—и только. Бередниковъ началъ издавать по крайнему своему разумѣнію, но съ великою самонадѣянностію, хотъ и говорилъ о высшей критикѣ, о которой впрочемъ только слыхалъ, и то не изъ первыхъ устъ. Никто не смѣлъ сказать ни одного слова противъ, никакая цензура не позволяла ни малѣйшаго сужденія. Замѣчанія могли навлечь только непріятности, въ которыхъ видѣлась бы помѣха предпріятію изъ *jalousie de métier*. Пожимая плечами, можно было утѣшаться: пусть издають хотя какъ-нибудь, и выражаться обвиняками, намеками, что я дѣлалъ печатно при всякомъ случаѣ, но разумѣется, безъ послѣдствій. Привожу это въ доказательство, каково было время и возрѣніе, не смотря на всѣ достоинства графа Уварова, князя Шихматова и Бередникова, изъ которыхъ каждый принесъ большую пользу дѣлу.

Лѣтописи должны быть изданы подъ собственными своими именами: Несторова, Кіевская, Волынская, Суздальская, Новгородская и проч., безъ малѣйшихъ поправокъ въ текстъ, а развѣ въ примѣчаніяхъ. Мы должны принять это къ свѣдѣнію, и провозгласить торжественно, что всякое ученое предпріятіе должно быть предварительно оглашаемо и подвергаемо общему сужденію. Нынѣшняя Археографическая Коммиссія, нисколько не уступающая въ трудолюбіи первой, и издавшая еще большее количество томовъ, подъ предсѣдательствомъ А. С. Норова, съ главнымъ участіемъ сперва Н. В. Калачева, а потомъ А. Θ. Быкова, нашихъ членовъ, которыхъ мы имѣемъ удовольствіе видѣть среди насъ, прилагаетъ къ трудамъ своимъ гораздо больше ученой критики, и, приступая къ новому изданію первыхъ томовъ лѣтописей, которое нужно даже и потому, что прежнее все разошлось, намѣрена издать лѣтописи еще на лучшихъ основаніяхъ, нежели какъ выше намѣчено нами, то-есть, она хочетъ издать главные тексты порознь, съ вариантами изъ сходныхъ списковъ.

Теперь объ указателяхъ. Въ ученой литературѣ европейской еще въ прошедшемъ столѣтіи не издавалось ни одной книги безъ указателей: *index nominum, locorum, rerum*—необходимая принадлежность всякаго ученаго памятника. Эти указатели облегчаютъ самое дѣло и содѣйствуютъ успѣхамъ знанія. У насъ всѣ многочисленныя изданія Археографической Коммиссіи печатаны были безъ указателей, по той причинѣ, что всякій указатель требуетъ времени, труда, вниманія и составляетъ работу невидную, а къ праздникамъ непременно нужно было готовить поднесенія. Уже въ послѣдствіи приложены были нѣкоторые указатели, очень недостаточные и потому бесполезные. Нынѣ Коммиссія издала одинъ выпускъ указателя именъ ко всѣмъ девяти томамъ лѣтописей. Трудъ великій, на который нельзя смотрѣть безъ почтенія, но для совершенія его потребуется не меньше десяти лѣтъ, да на мѣста и вещи столько же! Указатель къ каждой лѣтописи порознь, во всѣхъ отношеніяхъ, принесетъ гораздо больше ближайшей пользы, по моему мнѣнію, что, вѣроятно, и будетъ исполнено при новомъ изданіи лѣтописей. Мнѣ кажется полезно было бы изданіе указателя г. Стро-

ева къ лѣтописямъ, хотя и неоконченнаго, впрочемъ только въ отношеніи немногихъ общихъ именъ, напримѣръ Русь.

Точно то же должно сказать и о всѣхъ грамотахъ, которыя безъ указателей составляютъ часто мертвый капиталъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, заявленныхъ труженниковъ. Какое занятіе лучше для студентовъ, оканчивающихъ курсъ по историко-филологическому факультету въ нашихъ университетахъ? Въмѣсто такъ-называемыхъ диссертаций, которыя по большей части (не говорю объ исключеніяхъ) составляютъ компиляціи изъ попавшихся подъ руку сочиненій, почему бы не задавать имъ указателей къ томамъ грамотъ? Перебирая такимъ образомъ томъ, изъ какого бы то ни было времени, и извлекая изъ него указанія по всѣмъ предметамъ, студентъ гораздо болѣе вынесетъ пользы для себя и обогатится познаніями, а дѣлая пользу себѣ, онъ приносилъ бы пользу и наукѣ. Призванные и помазанные могутъ писать, разумѣется, о чемъ угодно. Опыты должны подвергаться внимательно разсмотрѣнію профессоровъ, которые впрочемъ отвыкли отъ такихъ неблагодарныхъ для нихъ занятій. Пора наукѣ приниматься за работу. Правительство сдѣлало все, что отъ него зависѣло... Не говорю, что грамоты изданы, какъ случилось, и что разбирать ихъ никто не думалъ; такимъ образомъ напечатаны десятками грамоты одного и того же содержанія, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; не говорю потому, что иначе пришлось бы дожидаться ихъ долго. По крайней мѣрѣ теперь онѣ легко могутъ быть обобщаемы и обрабатываемы, какъ въ университетахъ, такъ и въ духовныхъ академіяхъ.

Мы говорили о работахъ студентовъ относительно указателей, а сколько работъ представили профессора русскихъ университетовъ надъ этими многочисленными томами грамотъ, касательно ихъ сущности, ихъ содержанія? Увы, работники на перечетъ, или еще и считать нечего! Причина въ недостаточности, нецѣлесообразности образованія. По этой причинѣ объявите путешествіе на Амуръ, въ Камчатку, на Новую Землю, на Кавказъ, вездѣ явятся охотники, и всѣ эти охотники Нѣмцы, а изъ Русскихъ едва-ли изъ девяти десятый. Образование дается не такое и не такъ, какъ должно. Другое время, другія требованія, другой духъ, и должны быть другія методы и образы дѣйствія или преподаванія! Можетъ-быть покажется это оскорбительнымъ для университетовъ, но *amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas*. Вотъ почему не обдѣланы у насъ ученымъ образомъ томы Полнаго Собранія Законовъ, и томы съ грамотами Археографической Коммиссіи, юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, къ которымъ мы теперь переходимъ.

Второе собраніе старыхъ источниковъ издано Коммиссіей, учрежденною при Киевскомъ генераль-губернаторѣ, подъ предсѣдательствомъ гг. Судіенка и Юзефовича.¹⁰⁶ Эти огромные томы не имѣютъ также указателей, но, по крайней мѣрѣ, имъ предпосланы обширныя обобщенія помѣщенныхъ предметовъ, принадлежащія трудамъ гг. Иванишева, Лебединцева, Антоновича. Сначала прилагаемъ былъ переводъ къ актамъ съ бѣлорускаго на великорусское нарѣчіе. Теперь печатаются они только на одномъ языкѣ. Желательно имѣть объяснительныя примѣчанія, въ нужныхъ случаяхъ; латинскіе же акты печатаются съ переводомъ, для большей успѣшности дѣла. О. Григоровичъ издалъ еще прежде для этого края «Бѣлорусскій архивъ» (1824 года).¹⁰⁷ Одинъ дѣятельный и любознательный губернаторъ, Семеновъ, издалъ два тома документовъ, относящихся къ городамъ Минску и Вильнѣ (1843 г.).¹⁰⁸ Наконецъ, мы должны упомянуть о богатомъ «Сборникѣ» П. А. Муханова, нынѣшняго предсѣдателя Архео-

графической Коммисіи (1836 и 1866 годовъ) и о «Собраніи грамотъ» Берха (1821 г.¹⁰⁹). Хотя всѣ эти акты имѣютъ преимущественно мѣстный интересъ, но они представляютъ много и для познанія древнихъ отношеній въ западномъ краѣ. Лелевель говорилъ мнѣ, что, по воспоминаніямъ своимъ о путешествіи на Волынь, онъ полагаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранялись еще тамъ въ его время древнія русскія отношенія владѣльцевъ къ землѣ и крестьянамъ.

Вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, при графѣ Блудовѣ и баронѣ Корфѣ, изданы «Рязрядныя книги», 2 тома, «Дворцовыя записки», 3 тома. «Памятники дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами», 8 томовъ.¹¹⁰

Переходимъ къ ученымъ обществамъ.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ (въ 1846 году) учредилось въ Петербургѣ Археолого-нумизматическое Общество, по мысли нѣкоторыхъ знатоковъ и любителей древностей. Сначала, впрочемъ, оно имѣло характеръ совершенно иностранный, и издало шесть томовъ *Записокъ* (1847—1852 годовъ) на нѣмецкомъ, французскомъ и даже на англійскомъ языкахъ. Русскій языкъ не былъ допускаемъ въ изданіяхъ. Даже покойный Снегиревъ долженъ былъ помѣстить свою статью на французскомъ языкѣ. Разсказываютъ, что извѣстный нашъ оріенталистъ В. В. Григорьевъ доставилъ Обществу статью о развалинахъ Сарая, разумѣется, написанную по-русски. Общество нашло статью любопытною, но просило автора сообщить ее либо на французскомъ, либо на нѣмецкомъ языкѣ, безъ чего не соглашалось помѣстить въ своемъ изданіи. Григорьевъ не хотѣлъ подчиниться этому требованію, но перевелъ свою статью на англійскій языкъ — «On the Patan coins of India found in the ruins of Sarai». Въ этомъ видѣ она и была напечатана (*Memoires*, т. V, 1851 года). О, какъ трудно русскому человѣку быть Русскимъ! Должно ли удивляться, что наши магнаты до сихъ поръ говорятъ еще большею частію по-французски? Вошедшее въ Общество въ послѣдствіи русское начало мало-по-малу стало однакожь усиливаться. Два года спустя, Общество признало нужнымъ издавать труды своихъ членовъ, касающіеся собственно до Россіи, на русскомъ языкѣ. Первые томы вышли подъ редакціей П. С. Савельева, замѣчательнаго ученаго, о которомъ мы будемъ говорить послѣ. Еще года черезъ два (въ 1851 году) оно, для большаго развитія своей дѣятельности, нашло полезнымъ раздѣлиться на отдѣленія: русской, восточной и западной археологіи. Съ этого времени, дѣйствительно, оно, преобразованное и обрусѣлое, приняло, судя по его средствамъ, размѣры довольно широкіе, и по сіе время издало 14 томовъ *Записокъ* общихъ, 6 томовъ въ 4-ку *Извѣстій*, 2 объемистые тома *Записокъ* Славяно-Русскаго отдѣленія и 14 томовъ *Трудовъ* Восточнаго отдѣленія, со множествомъ рисунковъ, поясняющихъ текстъ статей.¹¹¹ Въ эти изданія вошло много замѣчательныхъ монографій, въ полномъ смыслѣ археологическихъ: объ иконописаніи, Д. А. Ровинскаго, о металлическомъ производствѣ въ Россіи, И. Е. Забѣлина, о финиціаномъ и цѣннинномъ дѣлѣ, его же, и другія.

На югѣ Россіи при начальникѣ края, незабвенномъ князѣ М. С. Воронцовѣ, Иванъ Алексѣевичъ Стемпковскій, оказавшій незабвенную услугу исторіи и археологіи того края, подалъ первую мысль объ учрежденіи въ Керчи и Одессѣ музеевъ древностей; онъ же положилъ начало разработки исторіи Восторскаго царства посредствомъ открытыхъ имъ монетъ и надписей.¹¹² Въ Одессѣ Иванъ Павловичъ Бларамбергъ и Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ занимались изслѣдованіями о монетахъ классиче-

ской Ольви; въ Керчи П. Дюбрюксъ—о предѣлахъ Пантикапейской мѣстности; это все достойные преемники академика Келера, работавшаго въ царствованіе императора Александра. Съ открытіемъ въ Одессѣ въ 1839 году Общества исторіи и древностей, изъ числа самыхъ ревностныхъ и дѣятельныхъ основателей котораго мы имѣемъ одного въ своей средѣ Н. Н. Мурзакевича, Общество издало въ свѣтъ семь томовъ *Записокъ*, получившихъ и за границей почетную извѣстность. Древности Новороссійскаго края изслѣдуются, отыскиваются и изображаются со всѣхъ сторонъ, съ приложеніемъ историческихъ документовъ. Множество рисунковъ дополняютъ и объясняютъ текстъ. Дѣльныя и тщательно составленныя статьи принадлежатъ: архимандриту Антонину, Аркасу, Беккеру, Борзенкову, Бруну, котораго также мы имѣемъ удовольствіе здѣсь видѣть, Вертильяку, незабвенному архіепископу Гавріилу, Григорьеву, Кузмину, Мурзакевичу, Негри, протоіерею Серафимову, князю Сибирскому, Юргевичу и проч. Надеждинъ помѣстилъ тамъ любопытную и остроумную статью, объясняющую свидѣтельства Иродота о Скиѣи.¹¹³ Независимо отъ ученыхъ изслѣдованій, объемлющихъ южный край Россіи во всемъ его этнографическомъ разнообразіи, Общество основываетъ музей древностей, постепенно наполняемый находимыми предметами древности, и послѣ Императорскаго Эрмитажа занимающій первое мѣсто по приносимой имъ пользѣ. Здѣсь собираются памятники нѣкогда обитавшихъ на нашемъ югѣ народовъ: Грековъ, Римлянъ, Славянъ, Хозаровъ, Монголовъ, Татаръ, Генуэзцевъ и Евреевъ. Въ Одессѣ же изданъ былъ первый опытъ исторіи Новороссійскаго края Аполлономъ Александровичемъ Скальковскимъ,¹¹⁴ и предпринято изданіе непрерывнаго ряда Новороссійскихъ календарей, подъ редакціей Мурзакевича, Тройницкаго, Михневича и другихъ, со многими историко-статистическими изслѣдованіями и матеріалами.

Дѣятельность Московскаго Общества исторіи и древностей руссійскихъ, по возобновленіи его, относится преимущественно ко времени императора Николая. Послѣ первыхъ своихъ *Трудовъ*, конченныхъ VIII-мъ томомъ, оно издало семь частей *Русскаго Историческаго Сборника* (при секретарѣ Погодинѣ, 1837—1844 гг.), гдѣ помѣщены были вновь найденныя тогда изслѣдованія Ходаковского, Калайдовича, также сага Олава Тригвезона, переведенная съ примѣчаніями протоіереемъ Сабининымъ, статьи Д. И. Языкова, А. М. Кубарева; затѣмъ 25 книгъ *Чтеній* (при секретарѣ Бодянскомъ, 1844—1848 гг.) и 25 книгъ *Временника* (при секретарѣ Бѣляевѣ 1848—1857 гг.). Въ этихъ послѣднихъ изданіяхъ, особенно въ *Чтеніяхъ* и *Временникѣ*, заключаются богатѣйшіе запасы матеріаловъ всякаго рода, не исключая и собственной археологіи. Труды Бѣляева и Бодянскаго имѣютъ полное право на признательность.

А. Н. Оленинъ, президентъ Академіи художествъ и вмѣстѣ директоръ Публичной библіотеки, издалъ въ 1832 году «Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія Славянъ, отъ времени Траяна, и Русскихъ до нашествія Татаръ», въ видѣ писемъ къ адемику Басину. Къ этому опыту принадлежитъ собраніе литографическихъ рисунковъ на 14 листахъ. Это—примѣчательное для своего времени археологическое изданіе.

Археологическая Коммиссія, подъ начальствомъ покойнаго графа Л. А. Перовскаго, начала также свои дѣйствія въ это время. Намъ извѣстенъ только одинъ печатный отчетъ, изданный Гр. Уваровымъ, съ любопытными подробностями о раскопанныхъ имъ курганахъ (1853 года) во Владимірской губерніи, и о найденныхъ тамъ вещахъ

П. С. Савельевымъ,¹¹⁵ а также и о найденныхъ графомъ А. С. Уваровымъ древностяхъ на югѣ Россіи;¹¹⁶ о плодахъ раскопокъ графа Уварова во Владимірской губерніи мы узнали здѣсь только третьяго дня изъ любопытнаго его изслѣдованія о Мери.

Важнѣйшее и вмѣстѣ великолѣпнѣйшее изданіе нашихъ памятниковъ, собственно археологическихъ, заключается въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» (1849—1853 гг.). «Государь Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы все, заслуживающее вниманія и составляющее матеріалъ исторіи или предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостію, описано и издано въ свѣтъ. Исполненіе этого Высочайше возложено было на г. президента Академіи художествъ, А. Н. Оленина, а изображеніе памятниковъ русской старины поручено г. академику Солнцеву. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, совершая ежегодныя поѣздки по Россіи, Ѳ. Г. Солнцевъ срисовывалъ значительное количество русскихъ древностей во всѣхъ родахъ. Цѣлю Оленина было, какъ объяснено въ предисловіи его «Опыта», точнѣйшее изслѣдованіе нравовъ, обычаевъ и одежды или костюма русскаго народа отъ VI до XVIII вѣка по Р. Х., особенно для художниковъ. Въ этомъ собраніи самыхъ отчетливыхъ рисунковъ показаны будутъ настоящіе виды одѣяній, оружія, первобытныхъ жилищъ, храмовъ, зданій, скарба,—однимъ словомъ, всѣхъ предметовъ, которые могутъ входить въ составъ этнографическихъ описаній племенъ славянскихъ и особенно русскаго народа. Къ сему своду историческихъ доказательствъ въ лицахъ присовокуплено будетъ все, что у насъ въ Россіи имѣется изъ числа произведеній другихъ народовъ, и все, что можетъ служить яснымъ доводомъ къ подтвержденію сказаннаго о многочисленныхъ племенахъ Славянъ въ письменныхъ преданіяхъ древнихъ и новѣйшихъ авторовъ». Смерть застигла Оленина въ самомъ началѣ предпріятія. Государь Императоръ повелѣлъ учредить въ Москвѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строгонова. Этотъ комитетъ заявилъ, что «обширность предположеній Оленина и сравнительная метода описанія, имѣя свое великое значеніе для науки, какъ плодъ долговременнаго труда изыскателя, не могли быть приняты комитетомъ въ основаніе; ибо главною, предназначенною цѣлью его было собственно изданіе собранныхъ рисунковъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности русской, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ, но не ученыя изысканія и не сравнительный, чисто этнографическій сводъ древностей славянскихъ племенъ въ соприкосновеніи съ прочими народами». Основываясь на этомъ, комитетъ распорядился о составленіи новаго проекта изданія и рѣшилъ печатать акварельные рисунки академка Солнцева посредствомъ литохроміи масляными красками, въ Москвѣ, по мысли А. Ѳ. Вельтмана, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при этомъ изданіи, и котораго кстати мы имѣемъ честь видѣть здѣсь предсѣдателемъ собранія. Изданіе, состоящее изъ 500 рисунковъ большаго формата, распределено, по содержанію своему, на шесть отдѣленій, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ. Первое отдѣленіе «Древностей Россійскаго Государства» заключаетъ въ себѣ священные памятники: а) образа и кресты, замѣчательные какъ по историческому значенію въ отношеніи отечественныхъ событій, такъ и въ художественномъ отношеніи, разныхъ родовъ и школъ священной живописи; б) утварь храмовую разныхъ временъ, избранную по древности, красотѣ формъ, драгоцѣнности или сродству съ священными преданіями; в) облаченіе сана духовнаго, одежды древнихъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и святыхъ отцевъ—

саккосы, фелони, митры и проч. Второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древній царскій чинъ, или священное облаченіе русскихъ великихъ князей и царей при поставленіи на царство: царскія шапки большаго и меньшаго наряда, шапки алмазныя, короны, державы, бармы, скипетры, жезлы и посохи, цѣпи, становые кафтаны и троны. Третье отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю броню и оружіе: шлемы, шишаки или ерихонскія шапки, между которыми первое мѣсто занимаютъ шлемы Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, мисюрки или оглавія съ кольчужными полами, бахтерцы, зеркала, кольчуги, наручи, бутурлики, юшманы; древнія знамена, щиты, торчи, шестоперы, пернаты и булавы; сабли, палаши, кончары, мечи, кинжалы, сѣкиры, чеканы, рогатины, протозаны, пищали, самострѣлы, налучи и колчаны; древніе экипажи и конскую сбрую. Четвертое отдѣленіе составляютъ древнія великокняжескія, царскія, боярскія и мѣстныя народныя одежды. Пятое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю царскую столовую утварь: блюда, братины, кубки, чаши, ковши, кружки, рога, чарки, стопы, сулей, воронки, крошны, рукомойники и лохани, серебряныя бочки и ведра, росольники, стоянцы и проч. Шестое отдѣленіе состоитъ изъ памятниковъ древняго русскаго зодчества.¹¹⁷ Часть описанія принадлежитъ А. Θ. Вельтману, который издалъ также и краткое описаніе Оружейной палаты¹¹⁸ и вмѣстѣ Московскаго Кремля, съ рисунками.¹¹⁹ Другая часть принадлежитъ И. М. Снегиреву. Богатое пособіе получила археологія въ этомъ великолѣпномъ изданіи!

Кромѣ изданія рисунковъ, при императорѣ Николаѣ, возстановлены были въ натурѣ такъ-называемыя палаты Романовскія, монастырскія кельи въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ спасался отъ Поляковъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, и наконецъ—важнѣйшее событіе—возстановленъ Кіевскій Софійскій соборъ въ древней открытой стѣнописи.

Переходимъ къ частнымъ дѣятелямъ этого времени.

Мы сказали уже, что И. М. Снегиревъ описалъ нѣсколько отдѣленій въ «Древностяхъ Россійскаго Государства». Еще прежде того онъ издалъ слѣдующіе труды: «Русскіе въ своихъ пословицахъ» (1831 г.),¹²⁰ «Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды» (1837 г.),¹²¹ «Памятники Московской древности», съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы (1845 г.), со множествомъ рисунковъ,¹²² «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества»,¹²³ «Памятники древняго художества въ Россіи»,¹²⁴ «Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города; томъ I, заключающій описаніе урочищъ» (1865 г.), «Описаніе Троицкой лавры» и многихъ монастырей, также нѣкоторыхъ московскихъ улицъ, изслѣдованія о древнихъ лютеранскихъ церквахъ въ Москвѣ, о лубочныхъ картинкахъ и проч. Снегиревъ имѣлъ обширныя познанія, былъ очень начитанъ, любилъ археологическія занятія и изысканія, умѣлъ искать, спрашивать и записывать, былъ, что называется, охотникъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Сочиненіемъ всѣхъ исчисленныхъ и другихъ книгъ и описаній онъ оказалъ важныя услуги отечественной наукѣ, и сообщилъ много свѣдѣній новыхъ; но ему не доставало отчетливости и точности, онъ не обладалъ чувствомъ вѣрной критики, и не имѣлъ способности отличать важное отъ неважнаго. Мысли приходили къ нему въ голову какъ будто врозь, безъ связи, и потому вы видите часто совершенную нескладичу въ его періодахъ. Стоить

* Изданы при пособіи генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына.

взглянуть, напимѣрь, съ этой точки на приступъ ко введенію въ описаніе древностей Русскаго государства, и вамъ ясно представится образъ его сочиненія. Онъ часто запутывается и запутываетъ читателя, даже иногда, какъ будто съ умысломъ, по особенному складу ума: ему какъ будто пріятнѣе бываетъ туманъ, чѣмъ свѣтъ. Къ десяти вѣрнымъ свѣдѣніямъ онъ приложить непременно съ вѣтру одиннадцатое невѣрное, и вы затруднитесь разобрать, которое же изъ одиннадцати извѣстій никуда не годится. По этой причинѣ, многочисленными сочиненіями и розысканіями Снегирева должно пользоваться, какъ богатымъ матеріаломъ, но съ особенною осторожностью, и не употреблять его показаній безъ повѣрки. Издателемъ послѣднихъ сочиненій Снегирева и сотрудникомъ по художественной части, былъ вновь образовавшійся любитель А. А. Мартыновъ, неутомимый дѣятель, о которомъ мы будемъ говорить, когда рѣчь дойдетъ до нашего времени.

Иванъ Петровичъ Сахаровъ (воспитанникъ Московскаго университета, поселившійся въ Петербургѣ) также обладалъ разнообразными свѣдѣніями о русскихъ древностяхъ, былъ знатокомъ и въ книгахъ, и въ рукописяхъ, и въ монетахъ, и въ образахъ, собиралъ все любопытное и достопримѣчательное, издалъ много, предпринималъ еще больше, и оказалъ важныя услуги древностямъ. Довольно упомянуть объ его „Лѣтописи славяно-русскаго книгопечатанія“, ¹²⁵ о «Сказаніяхъ русскаго народа», ¹²⁶ объ изслѣдованіяхъ о русскомъ иконописаніи. ¹²⁷ Въ Сахаровѣ тоже былъ какой-то недостатокъ или излишекъ, вслѣдствіе котораго онъ не доводилъ до конца никакого задуманнаго дѣла, и не оставилъ почти ничего цѣлаго.

Покойный Ѳ. Ѳ. Рихтеръ, котораго недавно лишилась русская наука и искусство, издалъ пять выпусковъ съ рисунками, превосходно сдѣланными, нѣкоторыхъ древнихъ нашихъ церквей и другихъ примѣчательныхъ архитектурныхъ памятниковъ, съ особенною точностію и отчетливостію. ¹²⁸ Послѣ него осталось много собранныхъ матеріаловъ, которые слѣдуетъ непременно пустить въ свѣтъ.

Въ путешествіи профессора Шевырева въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь помѣщено нѣсколько любопытныхъ археологическихъ описаній. ¹²⁹

Г. Д. Филимоновъ издалъ обзоръ Коробановскихъ древностей. ¹³⁰

Преосвященный Савва издалъ обзоръ примѣчательныхъ вещей Синодальной ризницы. ¹³¹

А. В. Висковатовъ издалъ обширное сочиненіе, съ многочисленными рисунками, о вооруженіи русскаго войска. ¹³²

Назовемъ еще «Очерки Россіи» В. В. Пассека, въ шести книгахъ, съ рисунками нѣкоторыхъ археологическихъ предметов. ¹³³

Кіевъ имѣлъ счастье найти достойныхъ продолжателей трудовъ митрополита Евгенія. Меценатъ Кіевскій, сенаторъ И. И. Фундуклей, издалъ «Обзоръ Кіева въ отношеніи къ древностямъ», съ рисунками, ¹³⁴ «Обзоръ могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи», также съ рисунками, принадлежащее преимущественно извѣстному польскому писателю М. Грабовскому. ¹³⁵ Г. Закревскій издалъ «Краткое описаніе Кіева». ¹³⁶ М. А. Максимовичъ представилъ много частныхъ изслѣдованій о предметахъ исторіи и археологіи. ¹³⁷

Древности Владимира нашли трудолюбивыхъ описателей въ гг. В. И. Доброхотовъ и К. Н. Тихонравовъ: первый издалъ описаніе, съ рисунками, Владимира и Боголюбова; ¹³⁸

второй въ губернскихъ вѣдомостяхъ и разныхъ сборникахъ сообщилъ множество извѣстій всякаго рода о старомъ времени и его памятникахъ. Графъ С. Г. Строгановъ напечаталъ богатое описаніе Дмитріевскаго собора во Владимірѣ.¹³⁹

Новгородъ обязанъ много трудамъ преосвященнаго Макарія (нынѣ епископъ Орловскій).¹⁴⁰ К. А. Неволинъ издалъ изслѣдованіе «О пятинахъ Новгородскихъ»,¹⁴¹ И. Д. Бѣляевъ—переписную окладную книгу по Вотьской пятинѣ,¹⁴² Н. И. Красовъ представилъ изслѣдованіе «О мѣстоположеніи древняго Новгорода».¹⁴³

Ө. Н. Глинка нашелъ въ лѣсахъ Тверской губерніи слѣды какого-то древняго быта и описалъ ихъ въ своихъ письмахъ.¹⁴⁴

Г. Годовиковъ составилъ альбомъ изъ видовъ Пскова.

Вотъ краткій очеркъ трудовъ, по преимуществу археологическихъ, совершенныхъ частными людьми.

Скажемъ вкратцѣ о трудахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологій, болѣе или менѣе, и заключающихъ данныя для бытовой письменной и устной ея части.

Церковь. «Исторія Русской церкви» преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, въ пяти частяхъ (1846—1848 годовъ), есть полный, всесторонній документальный опытъ, который можно обвинить только въ излишней сжатости. Желательно было бы развернуть всѣ его ссылки и привести подлинныя слова указаній. Въ этомъ сочиненіи есть множество указаній археологическихъ.¹⁴⁵

Достойные продолжатели его—А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ: первый—во многихъ разсужденіяхъ, помѣщенныхъ въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ святыхъ отцевъ*, и въ «Описаніи рукописей Синодальной библіотеки»; второй, занимающійся нынѣ исключительно этимъ «Описаніемъ»,¹⁴⁶ издалъ нѣсколько сочиненій по церковнымъ древностямъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, дойдя до нашего времени.

Право. «Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ» (1829 года) Дерптскаго профессора Рейца,¹⁴⁷ послѣ книги Эверса «О древнѣйшемъ правѣ Руси» (1826 года)¹⁴⁸ и «Опытовъ» Неймана (1830 года),¹⁴⁹ есть сочиненіе высокаго достоинства по времени своего появленія, есть памятникъ нѣмецкаго трудолюбія, вызывающій къ подражанію. Оно переведено кандидатомъ Кояндеромъ и издано профессоромъ Морошкинымъ (1836 г.). Мы можемъ поставить съ нимъ рядомъ только «Исторію російскихъ гражданскихъ законовъ» Неволіна (1851 года),¹⁵⁰ глубоко сожалѣя, что она расположена по Своду Законовъ и не даетъ понятія о постепенномъ ихъ развитіи въ совокупности. Какъ за Рейцомъ слѣдовалъ Тобиенъ, издавшій (въ 1844 году) собраніе критически обработанныхъ источниковъ для исторіи русскаго права (Правда Русская, договоръ Смоленскій, древнѣйшіе договоры),¹⁵¹ такъ достойнымъ преемникомъ Неволіна явился Н. В. Калачевъ, начавшій длинный рядъ своихъ трудовъ изслѣдованіями о Русской Правдѣ (1846 года), которую онъ сличилъ по тридцати спискамъ.¹⁵² Жаль только, что онъ раздѣлилъ ее искусственно, по требованіямъ нынѣшней науки, на статьи по государственному праву, по частному праву и проч. и мы, читатели, за деревьями теряемъ изъ виду лѣсъ, не получая понятія о Русской Правдѣ, въ ея полномъ составѣ. Русская Правда, какъ Слово о Полку Игоревѣ, какъ Кириллъ и Меѳодій, имѣетъ цѣлую литературу.

Нумизматика. Мы должны упомянуть здѣсь прежде всего о классическомъ сочиненіи П. С. Савельева, которое относится къ восточнымъ монетамъ. Достойный ученикъ Френа и Сенковскаго, онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ В. В. Григорьевымъ,

напечатавшимъ изслѣдованіе о куфическихъ монетахъ,¹⁵³ оказалъ важнѣйшія услуги исторіи вмѣстѣ съ археологіей изданіемъ своей «Мухаммеданской нумизматики» (1847 г.),¹⁵⁴ которую принимаетъ теперь на свои руки, съ полнѣйшимъ успѣхомъ, В. В. Тизенгаузенъ.

Русскія монеты описалъ первоначально А. Д. Чертковъ въ особомъ сочиненіи «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ» (1834 г.).¹⁵⁵ Онъ занимался въ послѣднее время изслѣдованіемъ славянскихъ древностей, и въ изданныхъ статьяхъ представилъ много любопытныхъ указаній. Ему принадлежитъ честь богатѣйшаго собранія книгъ, относящихся до Россіи, которое достойный сынъ его открылъ нынѣ для публики.¹⁵⁶ Монетами занимались въ это время, сообщали и описывали баронъ Шодуаръ въ Кіевѣ,¹⁵⁷ Рейхель¹⁵⁸ и Шубертъ въ Петербургѣ.¹⁵⁹ Нѣжинскій кладъ, открытый въ 1852 году и описанный г. Волошинскимъ,¹⁶⁰ преобразилъ всѣ наши понятія о древней русской нумизматикѣ и рѣшилъ главное о ней сомнѣніе, предъявивъ до двухсотъ экземпляровъ съ именами Владимира, Ярослава, Святополка, Георгія, между тѣмъ какъ у насъ отвергалась самая монета Ярослава, бывшая сперва въ одномъ экземплярѣ, у графа Мусина-Пушкина, потомъ въ двухъ (этотъ второй экземпляръ находился въ моемъ собраніи, отъ А. А. Медынцева, и казался мнѣ подложнымъ), и наконецъ въ трехъ, по Дерптской находкѣ (у графа Строгонова).

Для *палеографіи* (древлеписанія) доставили много матеріаловъ преосвященный Савва,¹⁶¹ Шевыревъ,¹⁶² Бодянский,¹⁶³ Ивановъ;¹⁶⁴ долженъ назвать здѣсь и «Образцы древлеписанія», мною изданные (въ 1840—1841 годахъ).¹⁶⁵

Для *хронологіи* (лѣтописанія) трудились Перевощиковъ¹⁶⁶, Тромонинъ¹⁶⁷, Ундольскій¹⁶⁸, Бѣляевъ¹⁶⁹ и Хавскій.¹⁷⁰

Для *родословія* (генеалогіи) трудились К. М. Бороздинъ,¹⁷¹ князь П. В. Долгорукій¹⁷², Н. Г. Головинъ,¹⁷³ преемники Спиридова.¹⁷⁴ Петръ Ивановичъ Ивановъ издалъ въ дополненіе къ родословнымъ книгамъ «Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ» (1853 года).¹⁷⁵ Онъ же трудился много надъ Московскими архивами и издалъ «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей» (1836 г.),¹⁷⁶ «Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Московской губерніи» (1840 г.),¹⁷⁷ «Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго (и новаго) письма»¹⁷⁸ (1844 г.), «Путеводитель по Московскимъ архивамъ» (1845 г.)¹⁷⁹ и «Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей» (1858 г.).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ обширныхъ сочиненіяхъ, обнимающихъ всю русскую исторію, или значительныя ея части, гдѣ заключаются многіе матеріалы и для археологіи по всѣмъ ея отраслямъ.

«Повѣствованіе о Россіи», многолѣтній трудъ Н. С. Арцыбышева (1838—1843 г.). Это былъ въ полномъ смыслѣ трудолюбивый регистраторъ русской исторіи, который, по примѣру Татищева, составилъ полный сводъ изъ всѣхъ извѣстныхъ лѣтописей и другихъ источниковъ, изъ года въ годъ, не позволяя себѣ никакихъ разсужденій и прибавленій, оговариваясь въ предисловіи даже и въ томъ, что употреблялъ иногда для связи, собственно отъ себя, такія выраженія, какъ *между тѣмъ*, *нѣсколько спустя*, *затѣмъ*, и т. п. Онъ объяснилъ много темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ, представилъ много догадокъ о положеніи разныхъ древнихъ городовъ и селеній, привелъ въ порядокъ нѣкоторыя сказанія, и вообще далъ изслѣдователямъ книгу, необходимую для справокъ и повѣрокъ. Археологія извлечетъ себѣ отсюда также

большую пользу. Трудъ Арцыбышева доведенъ до 1740 годовъ, а изданъ только до единоподержавія Петра I. Московское Общество исторіи и древностей давно уже приступило къ изданію послѣдняго, четвертаго тома, но онъ еще не вышелъ въ свѣтъ.¹⁸⁰

Должно упомянуть здѣсь объ «Исторіи Малой Россіи» Д. Н. Бантынь-Каменскаго (1830 г.),¹⁸¹ объ «Исторіи Малороссіи» Маркевича (1840 г.),¹⁸² объ «Исторіи Галицкой Руси» Д. Зубрицкаго,¹⁸³ объ «Исторіи смутнаго времени» графа Бутурлина,¹⁸⁴ имѣющихъ каждая свои достоинства, объ обзорѣ царствованія Михаила,¹⁸⁵ Алексѣя¹⁸⁶ и Θεодора¹⁸⁷ Романовыхъ, Берха, объ «Исторіи Петра Великаго» Бергмана,¹⁸⁸ наконецъ о сочиненіяхъ Курбскаго, изданныхъ Устряловымъ¹⁸⁹ и Иванишевымъ,¹⁹⁰ о «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ»,¹⁹¹ объ изслѣдованіяхъ Буткова,¹⁹² Руссова,¹⁹³ Терещенка¹⁹⁴ (о русскихъ обычаяхъ и обрядахъ) и Языкова. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ можно подбирать крупицы археологическія, кромѣ историческихъ свѣдѣній. Изданія автора настоящаго обзорѣнія, принадлежащія къ этому періоду:¹⁹⁵ Статистика Русская при кончинѣ И. Петра I, соч. Кирилова, «Псковская лѣтопись» (1838 г.), «Почерки знаменитыхъ Россіянъ» (1840 г.), «Образцы древлеписанія», въ двухъ тетрадахъ (1840—1841 гг.) «Сочиненія крестьянина Ивана Посошкова» (1842 г.), «Русскій историческій сборникъ», семь книгъ (1837—1844 гг.), «Историко-критическіе отрывки» (1846 г.), «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о древней русской исторіи, семь томовъ (1846—1855 гг.), «Норманскій періодъ русской исторіи» (1856 г.).¹⁹⁶

Мы должны теперь, по принятому нами порядку, исчислить вновь образовавшіяся собранія древностей, послѣ Румянцева и Толстаго.

Собраніе рукописей, старопечатныхъ книгъ и образовъ И. Н. Царскаго. По его смерти рукописи достались графу Уварову, а книги графу В. Д. Орлову-Давыдову; объ образахъ неизвѣстно.

Собранія старопечатныхъ книгъ А. И. Кастерина (поступило въ Петербургскую Публичную библіотеку) и П. И. Каратаева (туда же).

Мое древлехранилище (рукописи, старопечатныя книги, грамоты, автографы, разныя бумаги, образа живописные, рѣзные, каменные, литые, оклады, монеты, кресты, домашнія вещи, оружіе и проч.) поступило въ Петербургскую библіотеку, Эрмитажъ, Патріаршую ризницу и проч.

Собранія Строева (рукописей), Медынцева (монетъ, вещей и образковъ), Филатова (рукописей и старопечатныхъ книгъ) вошли въ составъ моего древлехранилища.

Собранія князя М. А. Оболенскаго (рукописи), графа С. Г. Строгонова (монеты и образа), А. Д. Черткова (монеты, книги о Россіи), А. И. Лобкова (рукописи, книги и образа; рукописи поступили къ А. И. Хлудову), В. М. Ундольскаго (рукописи и старопечатныя книги), Лукашевича (рукописи и книги); два послѣднія собранія поступили въ Московскій музей.

Посредниками и скупателями-продавцами оставались въ Москвѣ Пискаревъ, Большаковъ, Лопухинъ; въ Нижнемъ—Головастикивъ; въ Петербургѣ—Григорій Кузминъ; афени: Василій Θεодоровъ Моржаковъ, Пахомъ Степановъ, Иванъ Никоновъ Изергинъ, изъ Вятки.

Всѣ означенныя собранія, что касается до рукописей, составились частію изъ монастырскихъ расхищавшихся собраній, и частію изъ поступавшихъ въ общій оборотъ послѣ смерти нѣкоторыхъ раскольниковъ, у которыхъ собранія велись еще со времени Никона. Когда умножилось число охотниковъ-собрателей, тогда умножились и

торговцы, образовалась особая торговля, и очень выгодная, ибо охотники, соревнуя другъ другу, набивали цѣну; торговцы проникали всюду, не опускали никакого случая пріобрѣтать достопримѣчательныя вещи и такимъ образомъ спасали ихъ отъ гибели. Счастіе, что рукописи не попались опять къ раскольникамъ, а напротивъ того отъ нихъ возвратились многія въ это время для общаго употребленія. Замѣтимъ еще, что бѣольшая часть собранныхъ частными людьми драгоцѣнностей досталась опять правительству, и теперь застрахована отъ гибели, какой большею частію рукописи подвергались въ монастыряхъ. Тамъ, не смотря на всѣ пожары, утраты, поврежденія, расхищенія, оставалось еще очень много сокровищъ письменныхъ: такъ была богата наша письменность, и, слѣдовательно, духовная образованность. Теперь всѣ почти ихъ рукописи собраны на главныхъ пунктахъ, то есть, по духовнымъ академіямъ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани. Петербургская академія получила въ наслѣдство бібліотеки Софійскую, изъ Новагорода, и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Казанская—бібліотеку Соловецкаго монастыря, Московская—бібліотеку Іосифова-Волоколамскаго монастыря. Друзья науки ожидаютъ получить теперь описанія этихъ бібліотекъ, къ чему академіи имѣютъ всѣ средства. Къ этому желанію должно присоединить и желаніе получить описаніе драгоцѣнностей Петербургской публичной бібліотеки. Нечего прибавлять, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я описанія моего древлехранилища, которое вошло въ составъ ея,—описанія, на которое я при самой сдачѣ пожертвовалъ 5.000 рублей.

IV.

Минуты археологическаго Съѣзда изотчены. Мы собираемся нынѣ въ послѣдній разъ. Я долженъ сократить докладъ и ограничиться однимъ исчисленіемъ важнѣйшихъ трудовъ и изданій послѣдняго времени, археологическихъ и чисто историческихъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ археологіи, чтобы поспѣшить къ заявленію моихъ *ria desideria*. Предоставляю членамъ Съѣзда пополнить въ послѣдствіи настоящій очеркъ нужными свѣдѣніями.

Государственныя учрежденія предшествовавшаго царствованія продолжали свою дѣятельность. Археографическая коммиссія въ Петербургѣ издала многіе томы лѣтописей¹⁹⁷ и грамотъ,¹⁹⁸ между прочимъ, часть «Новгородскихъ писцовыхъ книгъ», древнѣйшую, очень толковую и въ извѣстномъ смыслѣ полную нашу статистику съ XV вѣка (г. Саввантовъ),¹⁹⁹ «Рижско-Ливонскіе акты»²⁰⁰ (г. Куникъ), «Дневникъ Люблинскаго сейма»²⁰¹ (г. Кояловичъ), «Паломникъ игумена Даниїла» (г. Норовъ),²⁰² и приступила къ изданію Макаріевскихъ Миней²⁰³ и пространнѣйшаго указателя къ девяти томамъ лѣтописей.²⁰⁴

Кіевская временная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ М. В. Юзефовича, напечатала нѣсколько книгъ «Архива юго-западной Россіи»²⁰⁵ и драгоцѣнную «Лѣтопись Самуїла Величка», найденную мною въ 1840 году, въ трехъ книгахъ;²⁰⁶ «Описаніе Черниговскаго намѣстничества», Шафонскаго, издано г. Судіенкомъ²⁰⁷.

По стопамъ Кіевской коммиссіи пошло недавно управленіе Виленскаго учебнаго округа; благодаря неусыпной дѣятельности бывшаго попечителя И. П. Корнилова, при управленіи округа издано нѣсколько томовъ «Археографическаго Сборника», «Замѣчательности сѣверо-западнаго края» (собраніе рисунковъ съ древнихъ памятниковъ)²⁰⁸ и Туровское Евангеліе въ снимкахъ. Виленская Археологическая Коммиссія издала: Акты Гродненскаго уѣзднаго суда и проч.)²⁰⁹

Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи продолжаетъ печатать «Дипломатическія сношенія Россіи съ европейским и державами». ²¹⁰ Синодальный, ²¹¹ сенатскій, ²¹² государственный архивы и архивъ государственнаго совѣта ²¹³ открываютъ свои сокровища; но все это, должно прибавить, матеріаль сырой. Его нужно обрабатывать, чтобъ онъ сдѣлался достояніемъ науки.

Изданія Петербургскаго географическаго, Московскаго и Одесскаго историческихъ обществъ продолжаются непрерывно. Въ *Чтеніяхъ*, кромѣ богатыхъ матеріаловъ во всѣхъ родахъ для исторіи средней и новой, помѣщено путешествіе знаменитаго Олеарія (переводъ г. Барсова), столько важное и нужное для археологическихъ изслѣдованій о XVII столѣтіи, и дневникъ Корба о времени Петра I. Труды Одесскаго Общества исторіи Новороссійскаго края освѣщается болѣе и болѣе.

Второе отдѣленіе Академіи Наукъ въ своихъ *Извѣстіяхъ*, *Ученыхъ Запискахъ* и *Чтеніяхъ*, напечатало много примѣчательныхъ разсужденій о древнихъ нашихъ памятникахъ, преосвященнаго Макарія, гг. Востокова, Срезневскаго, Сухомлинова, Бычкова, Пекарскаго, Лавровскаго и проч.

Къ этимъ прежнимъ учрежденіямъ присоединилось въ нынѣшнее царствованіе нѣсколько новыхъ, а нѣкоторыя изъ прежнихъ преобразованы.

Археологическая коммиссія, подѣ председательствомъ графа С. Г. Строганова, издала свои отчеты съ 1859 по 1867 годъ, съ великолѣпными атласами, проливающими обильный свѣтъ на загадочныхъ доселѣ Скифовъ и греческія поселенія въ Крыму. ²¹⁴

Изъ трудовъ Петербургскаго Археологическаго Общества между сочиненіями, изданными отдѣльно, слѣдуетъ назвать: палеографическое изданіе «Житія святыхъ Бориса и Глѣба», по рукописи XIV вѣка, на которое указывалъ я Обществу очень давно, о чемъ оно какъ будто позабыло. ²¹⁵ Трудъ изданія принадлежитъ академику И. И. Срезневскому. Тутъ, же мы должны указать на обширное по своему объему и замѣчательное по учености изслѣдованіе о Касимовскихъ ханахъ, В. В. Вельяминова Зернова (три послѣдніе тома *Трудовъ Восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества*). ²¹⁶ Упоминаемъ съ уваженіемъ объ «Описаніи старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, съ объяснительнымъ указателемъ», П. И. Саввантова. ²¹⁷ Изъ частныхъ изслѣдованій обратимъ вниманіе на изслѣдованіе В. В. Стасова о Владимирскомъ кладѣ. ²¹⁸

Казанская духовная академія въ *Православномъ Сводѣ* обнародовала важнѣйшіе документы и изысканія по всѣмъ отраслямъ исторіи, начиная съ церковной. Назовемъ Іосифовскаго «Просвѣтителя», сочиненія Максима Грека, инока Зиновія, Стоглавъ, вновь найденныя посланія Курбскаго, посланія архіепископа Геннадія, старца Филофея, іеромонаха Епифанія, опредѣленія нѣкоторыхъ Московскихъ соборовъ, полемическія сочиненія инока князя Вассіана Патрикѣева и проч. ²¹⁹

Московское Археологическое Общество, основанное въ 1864 году, состоящее подѣ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, издало слѣдующія сочиненія (по запискѣ, доставленной мнѣ однимъ изъ нашихъ членовъ): 1) *Древности, труды Московскаго Археологическаго Общества*, томъ первый, вышедшій въ двухъ выпускахъ. (Москва, 1865—1867, въ 4-ку, съ гравюрами, литографіями и политипажами); 2) *Археологическій Вѣстникъ*, изданный на 1867 годъ членомъ Общества А. А. Котляревскимъ, 6 выпусковъ въ 4-ку, со многими снимками; 3) «Описаніе Кіева», сочиненіе Н. В. Закревскаго, 2 тома въ 4-ку, съ атласомъ чертежей въ листъ. Въ пер-

вомъ изданіи достойны замѣчанія въ отдѣлѣ изслѣдованій труды слѣдующихъ членовъ: по части до-исторической археологіи:— «Металлы и ихъ обработка у племенъ индоевропейскихъ», А. А. Котляревскаго; по археологіи русскаго быта— «Примѣръ вліянія языка на образованіе народныхъ вѣрованій и обрядовъ», А. Н. Афанасьева, и «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ», А. А. Потебни. Дѣятельнѣйшимъ изслѣдователемъ въ области древне-христіанскаго искусства является графъ А. С. Уваровъ; его статьи: «Церковный диптихъ V вѣка» и «Недреманное око Спасова» показываютъ въ немъ знатока не только памятниковъ древне-русскаго, но и византійскаго и древне-христіанскаго искусства. Важнымъ матеріаломъ для знакомства съ устройствомъ скиѣскихъ могилъ служитъ прекрасная статья И. Е. Забѣлина: «Чертомлыцкій курганъ». Авторъ ея, производившій раскопку этого кургана, въ коемъ нашлись драгоценныя сокровища искусства, недавно изданныя Императорскою Археологическою комиссіей, съ большою наглядностію и полнотой изложилъ систему устройства разрытыхъ имъ старыхъ кургановъ, которая вполне подтверждаетъ показанія Иродота. Въ отдѣлѣ *Археологическихъ извѣстій* помѣщены краткія описанія неизданныхъ памятниковъ искусства и преимущественно древне-русскихъ монетъ. Самыя обширныя статьи въ отдѣлѣ *Библіографіи* принадлежатъ секретарю Общества К. К. Гѣрцу. Таковы его библіографическіе обзоры новыхъ трудовъ по археологіи древняго Востока, Греціи и Рима, и новѣйшихъ изслѣдованій Палестины. По мысли предсѣдателя Общества началось тамъ собраніе матеріаловъ для археологическаго словаря, по обширнѣйшему плану, сравнительно съ словарями Строева и Савваитова. Сознывая, что при настоящемъ состояніи археологической науки въ Россіи, изданіе полнаго словаря по этой части было бы явленіемъ преждевременнымъ, Общество рѣшилось ограничить свою дѣятельность однимъ предварительнымъ собираніемъ матеріаловъ для подобнаго словаря. Начало этому дѣлу, встрѣченному всеми съ сочувствіемъ, положено имъ успѣшно. Большая часть членовъ Общества приняли участіе въ этомъ трудѣ, и нѣкоторыя статьи суть истинный вкладъ въ науку русскихъ древностей. Таковы статьи по части древне-русской музыки извѣстнаго нашего знатока Д. В. Разумовскаго, по юридическимъ древностямъ—Н. В. Калачева, по христіанской археологіи—графа А. С. Уварова и П. С. Казанскаго и т. д. Нечего говорить, что этотъ первый томъ трудовъ Общества изданъ съ возможною у насъ роскошью рисунковъ. Обиліе краткихъ сообщеній, доставляемыхъ Обществу со всѣхъ сторонъ, побудило его въ 1867 году предпринять новое изданіе, выходившее въ формѣ тетрадей, появлявшихся въ свѣтъ каждыя два мѣсяца, и въ этомъ новомъ изданіи помѣщенъ рядъ статей, которыя, не смотря на сжатость изложенія, не могутъ не обратить на себя вниманія специалистовъ.

Московское Общество древне-русскаго искусства подвизается также съ честію на поприщѣ отечественной археологіи, и издало свой «Сборникъ». Главнымъ вкладчикомъ былъ г. Буслаевъ, который напечаталъ тамъ: «Общія понятія о русской иконописи» (подробное изложеніе источниковъ древне-христіанскихъ и византійскихъ, отличіе иконографіи православной отъ западной), рядъ критическихъ отзывовъ о сочиненіяхъ Шульца, Либирта, Пипера, Шназе, Куглера и другихъ, также замѣчанія о Московскихъ молебняхъ. Замѣтимъ еще статьи г. Филимонова: «Византійская архитектура», «Патріаршая ризница», «Древнія украшенія великокняжескихъ одеждъ, найденныхъ во Владимірѣ въ 1865 году»; г. Невоструева: «Монограмма патріарха

Фотія на окладъ Владимірской иконы Богородицы, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; отца Горскаго: «Греческая литургія въ картинахъ» и друг.; архимандрита Амфилохія, гг. И. Некрасова, Виноградскаго, Дювернуа, Закревскаго, и наконецъ покойнаго Ундольскаго: «Описаніе греческаго кодекса псалтири IX—XII вѣка, съ современными изображеніями, принадлежавшаго А. И. Лобкову». Желательно, чтобъ эти два Общества, Московское Археологическое и Московское же древне-русскаго искусства, съ одною цѣлю и въ одномъ городѣ основанныя, соединились въ едино.

Изданія нѣкоторыхъ статистическихъ комитетовъ, по обилію матеріаловъ, имѣютъ право на почетный отзывъ, напримѣръ, Владимірскаго,²²⁰ Ярославскаго,²²¹ Нижегородскаго,²²² Симбирскаго и Костромскаго.

Переходимъ къ трудамъ частныхъ лицъ.

Богатыя собранія памятниковъ древней словесности, относящихся ко всѣмъ сторонамъ жизни, принадлежатъ Тихонравову: *Лѣтописи русской литературы и древности*, пять частей въ восьми книгахъ;²²³ «Памятники отреченной русской литературы», въ двухъ книгахъ²²⁴.

Профессоръ Костомаровъ вмѣстѣ съ г. Пыпинымъ, на иждивеніи графа Кушелева Безбородко, издали «Памятники старинной русской литературы», также въ двухъ томахъ.

Хранитель христіанскаго музея при Академіи Художествъ, г. Прохоровъ, издавалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ *Христіанскія древности*, со множествомъ превосходныхъ рисунковъ; къ сожалѣнію, это великолѣпное изданіе прекратилось за недостаткомъ средствъ.²²⁵ Замѣчу, что на него пало подозрѣніе въ потворствѣ нѣкоторымъ раскольничьимъ толкамъ. По моему мнѣнію, издатель можетъ быть обвиняемъ тогда только, когда онъ невѣрно передаетъ древнія изображенія, что въ обвиненіяхъ однако-же не доказано.

«Историческіе очерки русской народной словесности и искусства», О. И. Буслаева, по слѣдамъ Гриммовъ, Бопповъ и Поттовъ, представляютъ новый значительный шагъ въ русской наукѣ, и имѣютъ непосредственное отношеніе къ археологіи²²⁶.

До сихъ поръ мы говорили о собраніяхъ матеріаловъ и о различныхъ сборникахъ изслѣдованій, замѣчаній и извѣстій; переходимъ собственно къ монографіямъ.

Прежде всего мы должны поименовать дѣятелей по славянской исторіи, поколику она имѣетъ отношеніе къ Россіи, гг. Гильфердинга, Лавровскаго, Григоровича, Бодянскаго, Срезневскаго, Елагина, Новикова, Майкова, Ламанскаго, Бильбасова. Изъ славянской исторіи свв. Кириллъ и Меѳодій, изобрѣтеніе ими славянской грамоты, переводъ Священнаго Писанія, глаголица—вотъ предметы, занимающіе преимущественно нашихъ изслѣдователей.

Замѣчательное явленіе въ ученомъ отношеніи представляетъ изслѣдованіе г. Котляревскаго «О погребальныхъ обрядахъ языческихъ Славянъ»²²⁷.

Г. Афанасьевъ издалъ «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», въ трехъ томахъ²²⁸.

Для исторіи городовъ мы получили дѣльные и основательные «Разказы» г. Бѣляева²²⁹ о Новгородѣ и Псковѣ. Г. Костомаровъ издалъ «Сѣверно-русскія народоправства (о Новгородѣ, Псковѣ, Вяткѣ.²³⁰) Г. Анонимовъ далъ намъ очень хорошій переводъ давно ожидаемаго Герберштейна.²³¹ Г. Забѣлинъ началъ печатать «Домашнюю жизнь русскихъ царей»²³².

Полной исторіи Петра Великаго, надъ которою трудится г. Устряловъ, вышло пять томовъ; сочиненіе капитальное, представляющее въ яснѣйшемъ свѣтѣ многія событія изъ этой эпохи преобразованій.²³³ Г. Пекарскій обработалъ «Науку и литературу въ

Россіи при Петрѣ Великомъ». ²³⁴ Наконецъ, должно упомянуть объ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ послѣднихъ томахъ которой находится много указаній на источники, бывшіе доселѣ неизвѣстными ²³⁵.

Отъ сочиненій, обнимающихъ извѣстные періоды времени и извѣстныя мѣстности, переходимъ къ сочиненіямъ о различныхъ сторонахъ жизни, по ея предметамъ.

Начинаемъ съ *церкви*. Мы получили «Исторію русской церкви» архіепископа Макарія, нынѣ Литовскаго, ²³⁶ обстоятельнымъ трудомъ котораго дополняется сочиненіе архіепископа Филарета Черниговскаго, ²³⁷ недавно похищеннаго у насъ смертію. Въ послѣднее время сей послѣдній издалъ «Житія русскихъ святыхъ», по источникамъ, обработаннымъ критически. ²³⁸ Церковная исторія, имѣющая столь много отношеній къ археологіи, обрабатывается успѣшно, и мы безпрестанно получаемъ новыя важныя изслѣдованія, между тѣмъ какъ свѣтская исторія предлагаетъ большею частію, какъ замѣчено выше, только сырые матеріалы. К. И. Невоструевъ представилъ важное изслѣдованіе о Словѣ Ипполитовомъ ²³⁹ и объ имени Іисусъ, въ опроверженіе толковъ раскольническихъ. Онъ же трудится надъ ученымъ изданіемъ Мстиславова Евангелія. П. С. Казанскій далъ «Исторію русскаго монашества», ²⁴⁰ Н. И. Субботинъ — разсужденіе о патріархѣ Никонѣ, ²⁴¹ доцентъ, свящ. Горчаковъ — «О монастырскомъ приказѣ», ²⁴² Павловъ — «О первоначальномъ Славянскомъ Номоканонѣ», ²⁴³ Добротворскій — «О Божіихъ людяхъ». ²⁴⁴ Преосвященный Порфирій познакомилъ насъ съ древностями православнаго востока, и издалъ драгоцѣнныя проповѣди патріарха Фотія при нападеніи Руссовъ въ 866 году, которыя столь долгое время были предметомъ безуспѣшныхъ поисковъ. ²⁴⁵ Графъ М. В. Толстой подарилъ любопытными сказаніями о древностяхъ Ростова, ²⁴⁶ Новагорода, ²⁴⁷ Пскова ²⁴⁸.

Для исторіи *права* представлены значительныя монографіи гг. Бѣляевымъ, ²⁴⁹ Лешковымъ, ²⁵⁰ Кавелинымъ, ²⁵¹ Чичеринымъ, ²⁵² Дмитріевымъ, ²⁵³ Сергѣевичемъ ²⁵⁴.

Н. В. Калачевъ издалъ «Акты, относящіеся до быта древней Россіи», въ двухъ томахъ, «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній», въ четырехъ томахъ, и проч. ²⁵⁵ Н. Н. Мурзакевичъ нашелъ и издалъ Псковскую Судную Грамоту, ²⁵⁶ которая объяснена достаточно трудами гг. Энгельмана ²⁵⁷ и Устрялова (сына). ²⁵⁸ Только право обычное не дается нашимъ дѣятелямъ.

Для *языка*, какъ предмета археологіи, послѣ Хомякова и Константина Аксакова, представляютъ много любопытныхъ наведеній изслѣдованія Буслаева и даетъ драгоцѣнныя матеріалы Даль въ своемъ словарѣ. ²⁵⁹ Ученый міръ многого ожидаетъ отъ словаря древней письменности, предпринятаго академикомъ Срезневскимъ.

Для *палеографіи* И. И. Срезневскій ²⁶⁰ дополнилъ прежнія богатые собранія Калайдовича, Строева, отца Саввы, Шевырева, Иванова, Бодянскаго и проч.

Произведенія древней поэзіи, пролившія новый свѣтъ на нашу древность, имѣлъ счастье собрать въ сѣверныхъ пустыняхъ П. Н. Рыбниковъ, ²⁶¹ нашедшій достойнаго издателя и толкователя въ лицѣ П. А. Безсонова, которому обязаны мы сверхъ того собраніемъ древнихъ стиховъ духовныхъ ²⁶² по слѣдамъ покойнаго Кирѣевскаго. Собраніе сего послѣдняго также печатаетъ неутомимый г. Безсоновъ ²⁶³.

Церковное пѣніе нашло ученыхъ изслѣдователей въ князѣ Одоевскомъ, ²⁶⁴ священникѣ Разумовскомъ ²⁶⁵ и г. Потуловѣ. Къ несчастію первый изъ нихъ уже похищенъ смертію.

Иконопись. До сихъ поръ знатоки ея были только между раскольниками, но нынѣ есть уже между свѣтскими люди, умѣющіе различить пошибъ Корсунскій, Ново-

городскій, письмо Царское и Строгановское. Д. А. Ровинскій представилъ любопытные опыты объ иконописи,²⁶⁶ гг. Забѣлинъ и Ундольскій указали много новыхъ матеріаловъ. Предполагается сдѣлать систематическое собраніе христіанскихъ православныхъ древностей въ Москвѣ при Румянцевскомъ Музеѣ, а въ Петербургѣ при Академіи Художествъ. Покойный П. И. Севастьяновъ, воспитанникъ Московскаго университета, составилъ великолѣпное собраніе христіанскихъ древностей на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ, которое братья его великодушно предоставили на общее употребленіе въ Румянцевскій Музей.

Нумизматика нынѣ на хорошей дорогѣ. Для русскихъ монетъ она имѣетъ графа Уварова, для восточныхъ г. Тизенгаузена. Академикъ Куникъ, въ разсужденіи о русско-византійскихъ монетахъ, представилъ много научныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса,²⁶⁷ а теперь мы ожидаемъ отъ графа А. С. Уварова, владѣющаго богатѣйшимъ минцъ-кабинетомъ, систематическаго сочиненія о русской нумизматикѣ, для которой матеріаловъ собрано достаточно. Въ послѣднее время принялся за это дѣло Д. И. Прозоровскій, который простираетъ свои изслѣдованія съ безпримѣрною добросовѣстностью до мельчайшихъ подробностей и тѣмъ иногда затрудняетъ уразумѣніе. Во всякомъ случаѣ его разсужденіе «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII вѣка», принадлежитъ къ классическимъ приобрѣтеніямъ²⁶⁸.

Промышленность древней Руси получила основательное изслѣдованіе и собраніе всѣхъ нужныхъ для того свидѣтельствъ въ сочиненіи профессора Аристова²⁶⁹.

Касательно распространенія свѣдѣній о нашей старинѣ въ *рисункахъ* въ послѣднее время оказалъ великія услуги Алексѣй Александровичъ Мартыновъ. Онъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ, и издалъ множество памятниковъ, чѣмъ и заслужилъ полное право на общественную признательность, особенно жителей Москвы²⁷⁰.

Д. П. Солицевъ издалъ прекрасные рисунки разныхъ древностей, ему принадлежащихъ²⁷¹.

Собранія, вновь образовавшіяся, принадлежатъ: графу Уварову, въ составъ коего вошли собранія Сахарова и Царскаго; Ундольскому—поступившее въ Румянцевскій Музей, и Хлудову, въ составъ коего вошли собранія Озерскаго и Лобкова.

А. Е. Сорокину принадлежитъ богатое собраніе образовъ, которое слѣдовало бы приобрѣсти какому-нибудь общественному учрежденію.

Собраніе сочиненій, относящихся до Россіи, сдѣланное А. Д. Чертковымъ, открылъ для публики сынъ его, Г. А. Чертковъ.

Собраніе Голицынское, заключающее въ себѣ драгоцѣнные произведенія искусства и вмѣстѣ драгоцѣнныя инкунабулы, но только иностранныя, открылъ также для публики нынѣшній владѣлецъ, князь Сергій Михайловичъ второй, предложившій съ просвѣщенной готовностью великолѣпныя свои залы и Археологическому Съѣзду, который распоряжался здѣсь, какъ у себя дома, совершенно довольный и вмѣстѣ совершенно признательный.

Въ заключеніе моего обозрѣнія, составленнаго наскоро, только по памяти, въ видѣ рамки, и поручаемаго снисходительности слушателей, впредь до исправленія и дополненія его членами Съѣзда, я былъ намѣренъ представить *ria desideria* относительно русской археологіи; но многія изъ нихъ были выражены уже другими чле-

нами, въ продолженіе нашихъ бесѣдъ, и я думалъ покончить здѣсь мое чтеніе; господинъ же предсѣдатель распорядительнаго комитета изъявилъ желаніе, чтобъ я, къ вѣщшему подтвержденію сдѣланныхъ заявленій, сказалъ свое мнѣніе, и я считаю себя обязаннымъ исполнить его желаніе.

Что же можно и должно дѣлать теперь, по моему мнѣнію, для русской археологіи? Мнѣ кажется, нужно прежде всего объяснить, самымъ подробнымъ, общедоступнымъ образомъ, къ общему свѣдѣнію, что должно разумѣть подъ предметами археологіи, подъ древними памятниками, и распространить эти понятія какъ можно шире и дальше. У насъ до сихъ поръ, въ большинствѣ, памятникомъ считается только, какъ я замѣтилъ наемднн, Пожарскій съ Мининымъ на Красной площади, и конная статуя Петра Великаго противъ Сената въ Петербургѣ. Надобно растолковать, что узкое окошко въ церковной стѣнѣ, та или другая линія въ рѣзныхъ или лѣпныхъ украшеніяхъ, такая-то дверь, лоскутокъ заскорузлой кожи, знакъ, вырѣзанный на камнѣ, глиняная вещь или мѣдный крестикъ, образокъ со стертыми надписями, старый кирпичъ,—также памятники, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо болѣе драгоцѣнные, нежели золотое монисто или серебряное ожерелье. Вѣрныя понятія объ археологіи отсутствуютъ часто въ высшихъ лицахъ, и въ архіереяхъ, и въ губернаторахъ. Архіерей; ничто же сумняся, благословляетъ вынести старый иконостасъ изъ церкви, позволяетъ подновить образа, расширить окна, закласть двери, отдать старыя ризы на выжигу, или перелить древніе сосуды. Подобныхъ случаевъ было множество въ прошедшемъ столѣтіи, и мы лишились драгоцѣнностей. Такъ въ Рязани, свидѣтельству-етъ Калайдовичъ, Батыева гривна, висѣвшая на образѣ въ Богословскомъ монастырѣ, была употреблена на позолоту сосуда.²⁷² Я самъ видѣлъ, какъ въ Кирилловѣ монастырѣ, въ святыхъ воротахъ, заѣзжій маляръ переписывалъ образъ великой княгини Ольги. Изъ монастырей возами вывозились древніе акты. Пергаментными листами заклеивались окна. Губернаторы относятся легко къ находимымъ вещамъ, обращая вниманіе только на вещественную цѣнность; еще смѣлѣе поступаютъ они съ старыми свитками, и не принимаютъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ для сохраненія, а нерѣдко даже содѣйствуютъ ихъ истребленію.

Надобно написать общедоступное обзорѣніе предметовъ русской археологіи, и приложить къ обзорѣнію ихъ образчики, по примѣру датскаго обзорѣнія г. Ворсо, котораго мы имѣемъ честь видѣть въ нашемъ собраніи. Надобно постараться, чтобы во всѣхъ историческихъ городахъ прочтены были, хотя при гимназіяхъ, публичныя лекціи по археологіи, и были составлены малые музеи изъ мѣстныхъ древностей и вещей, находимыхъ въ предѣлахъ края.

Нужно историческое описаніе примѣчательныхъ городовъ.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ обѣщаетъ добычу для археологіи: здѣсь много землекоп-ной работы, и вотъ уже слышится, что по дорогѣ отъ Харькова къ Таганрогу сдѣлана драгоцѣнная находка. Нужно озоботиться сочиненіемъ особаго воззванія, къ дорожнымъ компаніямъ, или лучше, къ смотрителямъ работъ, и просить ихъ, дабы они внимательнѣе слѣдили и не упускали изъ виду никакой находки, имѣя вездѣ своихъ повѣренныхъ, которые тотчасъ бы доносили и получали за то вознагражденіе, соразмѣрное важ-ности найденныхъ предметовъ, а сами находчики—вдвое и втрое противъ вещественной цѣны металла. Здѣсь должно сказать не объ однихъ находкахъ изъ золота и серебра, на кои обыкновенно обращается особенное вниманіе, но о всѣхъ вещахъ изъ камня,

глины, желѣза, мѣди, бронзы, которыя обыкновенно бросаются, объ осторожности, съ какою должно обходиться съ ними, какъ прикасаться къ нимъ, и т. п. Можно бы обѣщать даже новые кресты за древніе.

Еще П. И. Кенпенъ издалъ краткій списокъ кургановъ.²⁷³ Ходаковский, описывая городища, коснулся и нѣкоторыхъ кургановъ, напримѣръ, въ Новгородской губерніи.²⁷⁴ О. Н. Глинка нашелъ и описалъ курганы, найденные имъ въ глухихъ лѣсахъ Тверской губерніи,²⁷⁵ г. Сабанеевъ описалъ курганы по Сити и Мологѣ, Вадимъ Васильевичъ Пассекъ сообщилъ свѣдѣнія о курганахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ.²⁷⁶ Классическое, вполне удовлетворительное описаніе доставилъ г. Грабовскій, по порученію г. Фундуклея, о курганахъ въ Кіевской губерніи.²⁷⁷ П. С. Савельевъ доставилъ любопытныя свѣдѣнія о курганахъ Владимирской губерніи.²⁷⁸ Въ послѣднемъ номерѣ *Харьковскихъ Вѣдомостей* напечатано профессоромъ Борисякомъ полученное имъ отъ Х. И. Попова, члена Статистическаго Комитета въ Землѣ Донскихъ казаковъ, любопытное описаніе тамошнихъ древностей, и въ особенности кургановъ, трудъ, имѣющій полное право на признательность Археологическаго Съѣзда. Многіе новороссійскіе курганы описаны въ *Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей* г. Мурзакевичемъ и другими. Многіе такъ-называемые скиѣскіе курганы доставляютъ богатые вклады для Эрмитажа; они описаны гг. Леонтьевымъ, Забѣлинымъ, графомъ Уваровымъ и проч. Нужно теперь общее обзорѣніе съ раздѣленіемъ хотя по губерніямъ, если пока еще не по племенамъ, коимъ курганы принадлежали, и наконецъ нужно начать систематическое раскапываніе не только на югѣ, но и въ срединѣ и на сѣверѣ, лежащее на обязанности Археологической Коммисіи.

Желательно также, чтобы находимыя вещи не разсыпались по всѣмъ угламъ, а сосредоточивались въ одномъ, гдѣ бываютъ находимы. Петербургъ завладѣваетъ до сихъ поръ всѣми драгоцѣнностями: справедливость и польза науки требуютъ, чтобы хотя дублиеты оставались дома, въ Керчи или Одессѣ, и въ ближайшихъ мѣстахъ находенія. И въ этомъ отношеніи нельзя не выразить нашего сожалѣнія о недостаткѣ дѣятельности: достанься скиѣскія сокровища Берлину, такъ тамъ давно ужъ образовалась бы цѣлая о нихъ литература. Что систематическаго сказала до сихъ поръ наша ученая литература о Скиѣахъ, къ намъ вѣдь не слишкомъ далекихъ? Нѣсколько почтенныхъ монографій далеко не исчерпываютъ предмета. Мы все-таки не знаемъ положительно, къ какому племени принадлежали Скиѣы, а они оставили намъ и постройки, и вещи, и изображенія! Египетскіе іероглифы и клинообразное письмо Вавилонское были гораздо счастливѣе.

Я осматривалъ Царскій курганъ близъ Керчи въ шестидесятихъ годахъ. Это—европейская достопамятность и драгоцѣнность, и золотыя вещи, изъ него извлеченныя, имѣютъ гораздо меньше значенія, чѣмъ его циклопическія стѣны, чѣмъ удивительныя своеобразныя его своды. Въ какомъ же положеніи я нашелъ его? Онъ былъ открытымъ хлѣвомъ для пасшихся въ окрестности свиней. Меня прохватила дрожь, когда я увидѣлъ это невѣроятное и непостижимое варварство. Уже нынѣ я слышалъ отъ Н. Н. Мурзакевича, что вслѣдствіе усиленныхъ его стараній, курганъ приведенъ въ порядокъ, и цѣлость его обезпечена; но о другомъ курганѣ, столько же примѣчательномъ, съ другой стороны отъ Керчи (котораго я впрочемъ не видалъ), идетъ еще переписка.

Послѣ кургановъ заслуживаютъ вниманія всякаго рода насыпи, валы, дороги, о которыхъ есть извѣстія въ лѣтописяхъ, и которыя вѣдь непременно надобно отыскать: Половецкіе валы (за шеломянемъ еси!), валы отъ крымскихъ набѣговъ, Траяновы

валы и проч. Какъ была оборона отъ Половцевъ на югъ, такъ была оборона отъ финскихъ племенъ со стороны востока; Юрій Долгорукій, основатель гражданственности въ этомъ краю, трудился здѣсь много при покореніи Мещеры, Мордвы, Черемисовъ, и построилъ нѣсколько городовъ для ихъ закрѣпленія, что теперь оказываетъ не по лѣтописямъ, а по слѣдамъ, на землѣ открываемымъ. Такъ, въ Мещерскомъ краю появился городокъ Бережець, лежавшій на правой сторонѣ рѣки Клязьмы, не подалеку отъ впаденія ея въ Оку. И по нагорью Оки, конечно, Юрій поставилъ нѣсколько городовъ, памятниками которыхъ теперь остались только названія городищъ. Два такихъ городища находятся въ Стародубскомъ краю, въ предѣлахъ Муромскаго уѣзда. Ниже ихъ, на томъ же правомъ берегу Оки, стоялъ Павловъ острогъ, нынѣ село Павлово. Едва-ли эту линію укрѣпленныхъ пунктовъ, тянувшихся вдоль Оки, не замыкалъ собою городокъ на устьѣ Оки, предшественникъ Новгорода Нижняго. Въ лѣтописяхъ есть намекъ о немъ подъ именемъ Усть-Окъ *).

Тысячи каменныхъ бабъ разсыпаны по всему Новороссійскому краю, не смотря на варварское съ давняго времени обхожденіе съ ними: онѣ употреблялись, какъ верей, лежаціе столпы и проч. Одесское Общество исторіи представило множество изображеній ихъ, хотя, разумѣется, не исчерпало далеко этого предмета. Но безпрестанно слышатся извѣстія объ открытіяхъ этого рода въ такихъ странахъ, о которыхъ прежде не было слышно: напримѣръ, недавно читалъ я въ *Астраханскомъ Листкѣ* о большихъ курганахъ и изваянныхъ камняхъ съ человѣческими лицами, въ Астраханской губерніи между Кучумомъ и большимъ Узенемъ. Бабы, являясь (гдѣ? на дорогахъ?) въ такомъ количествѣ, неужели были идолами на всякомъ шагу? Нѣтъ ли какой-нибудь аналогіи въ наружности ихъ съ изображеніями, которыя встрѣчаются на разныхъ другихъ памятникахъ, находимыхъ въ курганахъ, и съ свидѣтельствами писателей? Мѣста нахожденія или пребыванія бабъ слѣдовало бы свести на одну специальную карту, какъ сведены П. С. Савельевымъ мѣста нахожденія монетъ. Можетъ-быть такая карта пособила бы опредѣлить предѣлы селитбы того народа, которому бабы принадлежали, и даже самое его расселеніе по этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что слышно о вереницѣ подобныхъ истукановъ, тянущихся отъ самой Сибири. Тогда пришли бы на помощь и такъ-называемыя чудскія надписи, изсѣченныя въ горахъ и на скалахъ сибирскихъ. Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ газетъ о послѣднихъ новѣйшихъ находкахъ, въ доказательство, сколько еще добычи можетъ обѣщать себѣ археологія на неизмѣримыхъ пространствахъ Россіи:

«При срѣзкѣ берега Куры» — пишутъ въ газетѣ *Кавказъ* — «въ одной верстѣ ниже слиянія ея съ Арагвою, найдены слѣды древняго города, распространявшагося также въ боковой долинѣ, идущей тутъ на правый берегъ рѣки. Уровень домовъ покрытъ слоемъ земли около двухъ сажень, что, по обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ разсчету, заставляеть отнести постройки ко времени не ближе двухъ тысячъ лѣтъ; встрѣтился также тоннель или подземный ходъ къ водѣ Куры. Говорятъ, что найдено рабочими много монетъ, разошедшихся безвѣстно по духанамъ; также безпрестанно попадаются глиняные кувшины или урны, наполненные пепломъ и пустые. Камень съ греческою надписью, описанный генераломъ Бартоломеемъ, найденъ вблизи этого мѣста».

Та-же газета, говоря о глубоко-историческомъ значеніи края, приводитъ два случая, доказывающіе, какія богатые открытія по части археологіи и исторіи представляетъ вся эта мѣстность. «Въ 1866 году, въ развалинахъ бывшаго города Маджаръ, на Кумъ, найдено было около 2½ пудовъ разныхъ золотыхъ вещей, которыя попали въ руки Терскихъ Евреевъ, и, разумѣется, безъ всякаго печатнаго заявленія объ этой

*) Это извѣстіе заимствовано изъ статьи «Городецкій край», помѣщенной въ газетѣ *Воля*, 1864 г., № 49.

находки, превратились въ звонкіе рублевики и двугривенные. При постройкѣ Датыхской станицы (нынѣ упраздненной) въ 1862 году, въблизи сѣверо-западнаго угла ея вала, найдено было кладбище, на которое глядя, старики-горцы только цокали языкомъ и покачивали головами: гробы были сложены изъ громаднхъ плитъ безъ всякаго цемента; всѣ скелеты лежали головами къ югу, а лицомъ на востокъ, и около каждаго изъ нихъ стояла какая-нибудь вещь, напримѣръ, кувшины поливные (съ узорами въ видѣ разноцвѣтныхъ треугольниковъ) и безъ поливы, аспидная точилка съ просверленною дырочкою, громадныя, около аршина длины, ножницы, въ видѣ двухъ пластинокъ ржавчины, и проч. Самыми цѣнными вещами изъ разрытыхъ могилъ были: стаканъ изъ плохо-расплавленнаго стекла (песчинки были видны), съ ободками вверху и внизу и съ тремя рыбами по срединѣ, и рогъ, около двухъ съ половиною четвертей, изъ великолѣпнаго малиноваго цвѣта стекла, съ двумя ножками, очевидно, для втыканія въ землю, съ самыми прихотливыми узорами, и пожалуй, съ какою-то загадочною надписью, какъ намъ передавали. Какая же судьба постигла эти рѣдкости? Одинъ изъ солдатъ взялъ себѣ точилку, кувшины подъ видомъ горшковъ розданы были разнымъ лицамъ для хозяйства, ножницы, какъ негодная вещь, были брошены, стаканъ по небрежности разбился, рогъ «куда-то дѣвался» при переѣздѣ на новую квартиру». Впрочемъ раскащикъ прибавляетъ, что кладбище разорено было лишь по необходимости (черезъ него проектированъ былъ станичный ровъ): около пяти могилъ, вслѣдствіе какого-то особаго благоговѣнія къ праху предковъ, были не тронуты какъ солдатами, такъ и имъ самимъ, раскащикомъ.

«Въ Дженихъ» — рассказываетъ одинъ путешественникъ — «я встрѣтилъ Лезгинъ, совершенно нѣмецкаго типа, даже съ бритыми усами и небольшими баками, точно такими, какія носятъ нѣмецкіе колонисты. Странно, какъ могъ явиться въ Дагестанскихъ горахъ подобный типъ? Хотя и есть нѣкоторыя историческія догадки, подтверждающія вѣроятность событія, что при великомъ переселеніи индо-европейскихъ народовъ, часть ихъ осталась на Кавказѣ, но все же нѣтъ совершенно основательныхъ данныхъ, воплиъ это доказывающихъ. Не можемъ однако же не заявить, что организація нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, хотя сильно измѣненныхъ климатическими условіями Кавказскаго края, сохранила большое сходство съ народами германской культуры».

Прочту еще извѣстіе, напечатанное недавно въ газетахъ:

«Въ окрестностяхъ Тунки, за Байкаломъ, одинъ изъ новыхъ нашихъ путешественниковъ, г. Поляковъ, разрылъ могилу: покойникъ былъ одѣтъ въ парчу и завернутъ въ бересту; подъ головой у него была мѣдная тарелка, подобная тѣмъ, которыя находятся въ забайкальскихъ курганахъ и мѣстными жителями называются чудскими остатками; на тарелкѣ были найдены стеклянные шарики, въ родѣ употребляемыхъ для четокъ, совершенно разрушавшіеся при прикосновеніи. Черепъ, на первый взглядъ, походить на монгольскіе черепа настоящаго времени. Въ песчаномъ слоѣ найдено множество каменныхъ стрѣлъ изъ всевозможныхъ кварцевыхъ минераловъ, принадлежащихъ къ типамъ равнобедреннаго треугольника, овала и призмы, и весьма сходныхъ съ каменными стрѣлами, привезенными г. Щаповымъ изъ Туруханска. Въмѣстѣ съ стрѣлами найдены раздробленныя кости птицъ, черепъ одного грызуна и одинъ хорошо сохранившійся человѣческій черепъ, который указываетъ на принадлежность орудій иному племени, чѣмъ монгольскому, и даетъ возможность специалистамъ опредѣлять, какое приблизительно племя населяло Сибирь въ каменный періодъ».

Желательно, чтобы всѣ подобныя извѣстія собирались въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ Археологической Коммиссіи, которая принимала бы дальнѣйшія мѣры, какъ ими воспользоваться для науки.

Много говорено было на Съѣздѣ о византійскомъ и романскомъ вліяніи на нашу церковную архитектуру. Вліяніе тамъ имѣетъ мѣсто, гдѣ есть что-нибудь, ему подверженное. А у насъ до тѣхъ поръ, пока не было христіанства, не было и церквей; съ христіанствомъ же и церкви получили образецъ, совершенно византійскій. Уже въ послѣдствіи церкви наши могли подвергаться тому или другому вліянію, но вообще получали что-то и свое собственное. Вотъ это *что-то* и есть русское,

своеобразное, которое намъ отыскать и опредѣлить слѣдуетъ. Покойный Рихтеръ, знатокъ исторіи зодчества, утверждалъ, что въ русскихъ церквахъ встрѣчаются такія очертанія, такія линіи, прямые и круговые дуги, такія соединенія, украшенія, что имъ нельзя не удивляться; но всѣ эти особенности у насъ, повторяю, не признаны, не оглашены. Смерть похитила у насъ недавно этого знаменитаго художника. Онъ издалъ много памятниковъ, снятыхъ съ вѣрностію безпримѣрною, и оставилъ еще много въ запасъ, которыхъ не могъ издать за неимѣніемъ средствъ. Оставилъ ли онъ какія записки—должны знать его ученики. Надѣмся, что молодой Даль, сынъ нашего знаменитаго словоучителя, сдѣлается достойнымъ ему преемникомъ. Есть, говорятъ, и между московскими архитекторами молодые люди, ревнующіе родному искусству. Для русской архитектуры важныя данныя представляютъ, по моему мнѣнію, деревянныя церкви, изъ которыхъ много, очень своеобразныхъ, сохранилось въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ нашемъ краю; но къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ мало обращали на себя вниманіе художниковъ. Я самъ видѣлъ и любовался ими, напримѣръ, въ Вологодской губерніи. Въ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя богаты, скажу здѣсь кстати, археологическими матеріалами, равно какъ и *Владимирскія*, помѣщено было недавно нѣсколько любопытныхъ извѣстій о деревянныхъ церквахъ.

Касательно архитектуры замѣчу еще, что мѣлъ должно считать лютѣйшимъ врагомъ археологіи. Наши кремлевскія стѣны, напримѣръ, кто сочтетъ построенными въ XV столѣтіи, за 400 почти лѣтъ до насъ: онѣ кажутся новешенькими, съ иголочки. Точно тоже должно сказать о многихъ церквахъ, въ которыхъ древность совершенно замѣлена. Бѣлый цвѣтъ на кремлевскихъ стѣнахъ имѣетъ еще свое дѣйствіе, хотя желательно было бы, удержавъ оное, возвратить стѣнамъ характеръ древній. О воротахъ и говорить нечего. До сихъ поръ не найдено приличной краски, о чемъ слѣдовало бы подумать не шутя, чтобы красками выставить и выяснить разныя архитектурныя особенности. Въ Москвѣ у насъ немного зданій старинныхъ, не только древнихъ, кромѣ Грановитой палаты; но и тѣ забѣлены и замѣлены на пропалую, напримѣръ, фасадъ Чудовскаго монастыря къ Сенатской площади, и строенія Петровскаго монастыря. Можемъ похвастаться только возстановленіемъ Крутицкаго зданія, благодаря искусству и знанію г. Чичагова, на иждивеніи благотворителя Г. И. Хлудова. Въ моихъ путешествіяхъ нигдѣ не видалъ я столько остатковъ архитектурныхъ, какъ въ Псковѣ, относительно древнихъ домовъ. Есть извѣстіе объ одномъ домѣ въ Калугѣ. Строгановскій домъ въ Сольвычегодскѣ сохранился по крайней мѣрѣ въ рисункѣ, и его слѣдовало бы также представить въ модели, какъ недавно сдѣлано это съ Коломенскимъ дворцомъ.²⁷⁹ Можетъ-быть, найдутся и въ другихъ древнихъ городахъ русскихъ какія-нибудь строенія, сохранившіяся если не въ цѣлости, то по крайней мѣрѣ на столько, чтобы по остаткамъ можно было возстановить цѣлое; напримѣръ, зданіе архіепископа Никиты въ Новѣгородѣ.

Говоря о возстановленіяхъ или реставраціяхъ, припоминаю Золотыя ворота во Владимирѣ, о которыхъ я твердилъ лѣтъ 25 тому назадъ. Этотъ семисотлѣтній памятникъ Андрея Боголюбскаго сохранился отлично, но застроенъ разными придѣлками, въ коихъ тогда помѣщалась городская полиція, и ихъ легко отдѣлить. Недавно я слышалъ, что найденъ древній ходъ въ верхнюю церковь. Точно также должно возстановить и полати Андрея Боголюбскаго въ Боголюбовѣ, вмѣстѣ съ ведущею на нихъ лѣстницею, подъ которой убитъ былъ, какъ говоритъ преданіе, этотъ незабвенный въ исторіи нашего Сѣвера князь.

Заговоривъ о возобновленіяхъ (реставраціяхъ), я естественно перехожу къ государственной обязанности поддерживать древнія разваливающіяся наши стѣны. Археологическое Общество должно возопитъ гласомъ велимъ: какъ, неужели только Московскія стѣны имѣютъ право на наше почтеніе благоговѣйное, а Псковскія стѣны, о которыя сокрушилось оружіе Баторія и спаслась честь и цѣлость Россіи, должны разваливаться? Новгородскія стѣны, внутри которыхъ красуется памятникъ нашему тысячелѣтію, стѣны, вѣроятно, XII вѣка, не должны ли быть свято сохранены? Смоленскія стѣны, Бориса Годунова, — свидѣтельство его государственной предусмотрительности, одобренное на всякій случай и митрополитомъ Платономъ, — должны ли продаваться на свозъ? Стѣны въ Нижнемъ, Коломнѣ, Зарайскѣ остаются на попеченіи городскихъ обществъ. Во Владимирѣ сохранились до сихъ поръ слѣды раскопаннаго пространства въ древнемъ валу, чрезъ которое проникли Татары въ городъ въ 1238 году. Я осматривалъ Псковскія стѣны по берегу рѣки Великой, и долженъ сказать, что никакія классическія развалины не производили на меня такого впечатлѣнія: на нихъ лежитъ какая-то особенная печать и прелесть старины. Кремлевская часть ихъ исправляется по Высочайшему повелѣнію; но, сколько мнѣ случилось замѣтить, онѣ не реставрируются, а обновляются и выбѣливаются, такъ что представляютъ совершенную противоположность съ почтеннымъ своимъ продолженіемъ, разумѣется, въ свою невыгоду. Продолженіе это подверглось въ послѣднее время новой порчѣ вслѣдствіе неосторожнаго распоряженія.

Для всѣхъ дѣлъ этого рода нужны не одни деньги и усердіе, а еще больше — образованіе, котораго, увы, не достаетъ у насъ вездѣ.

Стѣнопись обѣщаетъ богатую добычу. Открытыя фрески Софійскаго собора въ Кіевѣ, Берестовской церкви тамъ-же и Димитріевскаго собора во Владимирѣ удостоверяютъ, что и всѣ прочія наши древнія церкви были точно также расписаны, и что подъ нынѣшнимъ малеваньемъ или подъ бѣленьемъ непременно откроются вездѣ древнія изображенія. Нужно просить химиковъ, чтобъ они научили насъ снимать наросшіе слои безъ поврежденія первоначальныхъ рисунковъ. Чѣмъ меньше у насъ остатковъ отъ древности, тѣмъ больше мы должны дорожить ими.

Позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Московскихъ библіотекахъ и собраніяхъ. Собранія Румянцева, Черткова, Голицына открыты для публики, и доступъ къ нимъ совершенно свободенъ; но духовныя библіотеки и собранія помѣщены Богъ знаетъ какъ и гдѣ, и доступъ къ нимъ сопряженъ съ разнообразными затрудненіями. Какой лабиринтъ должно было намъ пройти третьяго дня, чтобы достигнуть Патриаршей ризницы или Синодальной библіотеки. Библіотека Успенскаго собора рханилась чуть ли не подъ куполомъ, а Чудова монастыря, кажется, въ преисподней. Всѣ эти библіотеки, то-есть Синодальная, Чудовская, Успенская, Архангельская, Типографская, должны быть соединены вмѣстѣ, въ одномъ открытомъ, свѣтломъ помѣщеніи, какое предлагаетъ, кажется, сама собою боковая сторона Чудова монастыря, обращенная къ собору Двѣнадцати Апостоловъ. Вѣдь это было бы европейское славнѣйшее древлехранилище, всероссійское сокровище, которымъ мы могли бы гордиться предъ всѣмъ ученымъ міромъ. И *устроить его не стоить никакого труда, и не представляетъ никакихъ затрудненій*. Всѣ рукописи оставались бы во владѣніи

теперешнихъ своихъ владѣтелей, и только перемѣнили бы мѣсто своего пребыванія; на одномъ шкапу въ этомъ будущемъ древлехранилищѣ читалась бы надпись: Успенскаго собора; на другомъ: Синодальной типографіи...Подъ стекломъ красовалось бы Архангельское Мстиславово Евангеліе и т. д.

Что же нужно сдѣлать? Устроить двѣ, три залы, внизу или вверху, въ выше-названной части Чудова монастыря, съ крыльцемъ и лѣстницею съ площади. Площадь получила бы новое украшеніе, и ученые изслѣдователи не подвергались бы опасности иногда заблудиться или переломить себѣ ногу, какъ это было съ нами. Издержекъ тысячи двѣ-три рублей. А ученые библіотекари, почетные и дѣйствительные, уже готовы: профессора Горскій и Невоструевъ, отецъ Амфилохій, отецъ Іосифъ! При Синодальной же типографіи должно быть устроено собраніе всѣхъ старопечатныхъ книгъ на церковномъ языкѣ, а у насъ, кажется, и Московское собраніе не полно.

Кстати, кажется, было бы еще здѣсь, на Археологическомъ Съѣздѣ, представляющемъ всѣ матеріалы, выразить желаніе, чтобы Москва украсилась, наконецъ, памятниками тѣмъ великимъ дѣятелямъ, которымъ она, а съ нею и вся Россія, обязана своимъ существованіемъ, своею силой и славою. Кому, какъ не археологѣ, должно обратить вниманіе на это всенародное дѣло! Не стыдно ли намъ, что Іоаннъ III, великій собиратель Русской земли, ничѣмъ не увѣковѣченъ въ памяти народной? Его статуѣ мѣсто на площади, идущей къ соборамъ отъ Спасскихъ воротъ. Да и Іоаннъ Калита, первый великій князь Московскій, имѣетъ право на благодарное воспоминаніе. Его статуѣ мѣсто на площади къ Боровицкимъ воротамъ, вблизи Спаса на Бору, къ сожалѣнію застроеннаго дворцовыми флигелями. За Кремлевскою стѣною на возвышеніи Александровскаго сада сладко было бы увидѣть друзьямъ отечества статую Карамзина, передавшаго памяти дѣянія предковъ! На Воробьевыхъ горахъ должна подняться статуя безсмертнаго священника Сильвестра, который оттуда пророческимъ перстомъ указывалъ буйному Іоанну Грозному на пылавшую Москву, и обратилъ его, хотя на короткое время, на путь истинный, былъ виновникомъ и творцемъ десяти лѣтъ, лучшихъ въ русской исторіи. Діакону Ивану Ѳедорову, первому типографщику, напечатавшему Апостолъ 1564 года, долженъ быть сооруженъ памятникъ гдѣ-нибудь около типографіи, хотя бы въ стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади. Петру Великому съ его первыми потѣшными солдатами, праотцами гвардіи, долженъ быть воздвигнутъ памятникъ въ Преображенскомъ, а отцу его, царю Алексѣю Михайловичу, противоположный—въ его любимыхъ Сокольникахъ. Иностраннымъ сотрудникамъ Петра Великаго: Лефорту, Гордону, Брюсу, Вейде, мѣсто въ Нѣмецкой слободѣ. На новомъ университетскомъ дворѣ мы надѣемся скоро увидѣть Ломоносова, а на старомъ желательно было бы почтить Шувалова. Миллеру, Стриттеру (основателямъ, вмѣстѣ съ Шлецеромъ, нашей исторической критики), Новикову, Н. Бантышу-Каменскому, нуженъ памятникъ на дворѣ Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Я говорилъ о Москвѣ; но сотрудники Петра I,—Меньшиковъ, Долгорукий, Шереметевъ, Голицынъ, Апраксинъ, Головинъ и пр.,—имѣютъ право на совокупный памятникъ въ Петербургѣ; императрица Екатерина II—въ Царскомъ Селѣ, на переднемъ дворѣ; тамъ-же въ саду долженъ возвыситься образъ нашего Пушкина, а въ Павловскѣ—Жуковскаго. О памятникѣ Хмѣльницкому пошелъ разговоръ, и есть надежда видѣть его скоро на одной изъ Кіевскихъ площадей. Въ Кіевѣ же нуженъ памятникъ первому

лѣтописателю нашему Нестору, хоть въ особой часовѣ. Славнымъ нашимъ художникамъ—Лосенку, Егорову, Шебуеву, Кипренскому, Брюлову, Иванову, Угрюмову и пр., совокупный памятникъ предъ Академіей Художествъ. Въдь вотъ чѣмъ должно поддерживаться національное чувство, и мертвая археологія заговорить своимъ живымъ языкомъ въ назиданіе современниковъ,—назиданіе, столько для нихъ нужное.

Мы говорили о возобновленіи развалинъ, объ оживленіи мертвыхъ памятниковъ,—но не должны ли мы подумать также о живыхъ людяхъ, о дѣтеляхъ, которые трудятся именно для археологіи, и имѣютъ крайнюю нужду въ поддержкѣ, въ пособіи, въ одобреніи; иначе мы будемъ походить только на медвѣдей, которые чтутъ покойниковъ, а живой не попадается имъ въ лапы! Наши засѣданія и совѣщанія принесутъ безъ сомнѣнія пользу наукѣ; наши разсужденія, бывъ напечатаны, заслужатъ, можетъ-быть, намъ доброе слово: все это очень хорошо;—но помощь, оказанная кому она нужна, принесетъ, я увѣренъ, и дѣйствительную пользу, не говоря уже о томъ, что мы исполнимъ ею священную свою обязанность. Мы не имѣемъ средствъ оказывать эту помощь, какъ она ни незначительна; мы не имѣемъ права дѣлать официальные представленія, но заявляя публично, приискивая средства частнымъ образомъ поставить на видъ эти обстоятельства тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ дѣло, мы достигнемъ своей цѣли и тише и вѣрнѣе. Личныя ходатайства могутъ казаться для однихъ пристрастными, для другихъ оскорбительными; но общественное заявленіе имѣетъ особый характеръ. Что, напримѣръ, значить какому-нибудь губернатору прибавить двѣсти-триста рублей для содержанія чиновнику, служащему въ губерніи; а нашему археологу больше и не нужно....

Я могъ бы назвать по именамъ нѣсколько лицъ, но у насъ это еще не принято: мы такъ привыкли жеманиться. Что до меня, я не нахожу здѣсь ничего ни для кого предосудительнаго, и только въ угоду предразсудку сдѣлаю нѣсколько указаній безъ собственныхъ именъ. Одинъ ученый археологъ ходитъ пѣшкомъ передъ нашими глазами, всякій день, въ продолженіи пяти лѣтъ, отъ заставы въ Румянцевскій Музей. Труды его оцѣнены Академіей Наукъ. Иностранцы посвящаютъ ему ученые книги. Еслибъ онъ могъ располагать лишнею полтиною въ день на извозчика взадъ и впередъ, то онъ сберегъ бы три часа времени, кромѣ силы, и наработалъ бы вдвое. Другой ученый трудится день и ночь также передъ глазами всего ученаго міра. Пусть заглянуть въ его келью. Я говорю: заглянуть, а входить никому не посоветую, чтобы не подвергнуться опасности. Спросите о его содержаніи: что онъ получаетъ за всѣ свои академическіе, неутомимые труды! Одинъ изъ пріѣхавшихъ на Сѣздъ археологовъ нанялъ за 8 руб. квартиру со столомъ на двѣ недѣли. Можно судить, какъ онъ живетъ тамъ, и чѣмъ утоляетъ свой голодъ и жажду послѣ утреннихъ и вечернихъ нашихъ бесѣдъ, очень, можетъ-быть, для него сладкихъ, но безъ питательнаго сока. Другой не могъ быть у меня на археологическомъ обѣдѣ по приглашенію, потому что не чѣмъ было заплатить извозчику. Насъ сто человекъ, принадлежащихъ преимущественно Москвѣ и Петербургу; мы всѣ имѣемъ связи, мы можемъ помогать этимъ и подобнымъ труженикамъ. Они найдутся вездѣ. Вотъ кого надобно отыскивать вмѣстѣ съ древностями для успѣховъ археологіи, и доставлять имъ средства заниматься, а эти средства подвинуть впередъ и нашу науку. Миѣ кажется, полезно было бы поручить особому комитету рассмотреть это дѣло и представить свои соображенія.

Я говорилъ о крайней нуждѣ нѣкоторыхъ лицъ; но есть и другія, которыя безъ крайней нужды должны однакоже быть ободрены обществомъ для оживленія ихъ дѣятельности, для распространенія ея круга, для доставленія имъ средствъ работать болѣе и болѣе. Въ этомъ отношеніи я укажу на г. Мартынова, котораго безчисленные изданія заслуживаютъ, по моему мнѣнію, общественной признательности. Для московскихъ памятниковъ едва-ли кто сдѣлалъ больше его. А онъ долженъ еще кланяться даже только для того, чтобъ окупилась его изданія, не смѣя думать ни о какомъ вознагражденіи за труды. Мы всѣ должны употребить свои старанія о распространеніи его изданій въ видахъ и общей и частной пользы.

Наконецъ я желалъ бы представить планъ, что можно сдѣлать вообще для русской исторіи, въ пять-шесть лѣтъ, какъ можно ее двинуть безъ всякихъ издержекъ, но боюсь увлечься... Повторю только стихи Державина:

«Нѣтъ въ мірѣ царства столь пространна,
Гдѣбъ можно было столь добра творить».

И все легко, просто, удобно; стоитъ приниматься за дѣло, не мудрствуя лукаво, и прилагать къ нему душу.

Я кончилъ. Прошу только позволенія, какъ посторонній наблюдатель, какъ Московскій лѣтописецъ, сказать два слова вообще о дѣйствіяхъ нашего Съѣзда. Мы собирались, въ продолженіи цѣлаго почти мѣсяца, всякій день, поутру и ввечеру; кромѣ публичныхъ здѣшнихъ засѣданій, мы видѣлись безпрестанно другъ съ другомъ, и нигдѣ, никогда, никѣмъ, не произнесено было ни единого слова ни о какой политикѣ, во все это время! Мы рылись въ курганахъ, разбирали кости, изслѣдовали черепа, считали главы на древнихъ церквахъ, разсуждали объ изображеніяхъ души въ мытарствахъ св. Θεодоры, заботились о судьбахъ почтенной, давно почившей Мери, спорили объ юсахъ, и ни разу не вспомнили ни о графѣ Бисмаркѣ, ни о Наполеонѣ III, ни даже о земскихъ собраніяхъ. Не правда ли, что такое явленіе, въ отношеніи къ остальной Европѣ, имѣетъ характеръ чисто археологическій? Тамъ оно уже не мыслимо, нигдѣ, никакъ не можетъ случиться, и относится къ временамъ свайныхъ построекъ. Такія продолжительныя, очевидно безкорыстныя и добросовѣстныя занятія съ живѣйшимъ участіемъ и напряженнымъ вниманіемъ о предметахъ знанія чистаго, отвлеченнаго, безъ всякаго непосредственнаго приложенія, не служатъ ли для всѣхъ насъ утѣшительнымъ доказательствомъ, что русская наука, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, найдетъ себѣ всегда нужныхъ дѣятелей и можетъ надѣяться на успѣхъ въ будущемъ, на успѣхъ, котораго, предъ заключеніемъ нашихъ бесѣдъ, отъ чистаго сердца пожелаемъ ей, другъ другу, всему отечеству, и въ особенности нашей любезной, дорогой, но кѣмъ-то или чѣмъ-то чуждымъ, не къ добру, нынѣ смущаемой молодежи.

27-го марта 1869 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРИВОДИМЫХЪ СОЧИНЕНІЙ. (*)

1) Kohl.: *Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram. Altonaviae. 1729. 8°.*

2) *Commentarii Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae. Petropoli 1728—51, 14 vol., въ которыхъ*

Исслѣдованія Байера помѣщены: въ IV томѣ—*De Uaragis*; въ VII *Origines Russicae*; въ IX—*Geographiae Russiae vicinarumque regionum, circiter annum Christi 948, ex Constantino Porphyrogenita*; тоже и въ томъ же томѣ *ex scriptoribus septentrionalibus*, которыхъ (т. е. сихъ послѣднихъ) переводъ помѣщенъ у Татищева, въ 1 томѣ его *Исторіи*. Байеровы разсужденія изданы и въ особой книгѣ.

3) Татищева Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, указы дополнительные къ Судебнику и таможенный уставъ Ц. и В. К. Ивана Васильевича. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Академіи Наукъ. 1768. (Издатель Башиловъ). Было нѣсколько изданій.

Исторія Россійская, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ (до 1463 года) неуспѣшными трудами черезъ 30 лѣтъ собранная и описанная. 4 Части. Москва, въ Университетской Типографіи, и Спб. въ Т. Вейтбрехта 1768—1784. 4°; V-я книга этой Исторіи открыта авторомъ этой статьи 8 Іюля 1843 года и издана Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1848 году въ Читеніяхъ.

4) Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, Отецъ отечества, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч., 2 книги. Книга 1, въ которой описаны губерніи и провинціи, въ нихъ города, гарнизоны, артиллерія, канцеляріи, конторы, управители съ подчиненными, епархіи, монастыри, церкви, число душъ, расположенные полки и доходы, какъ оныя нынѣ состоятъ, губерніи С.Петербургская, Московская, Смоленская, Кіевская, Воронежская, Рижская, Ревельская; Ки. 2. Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогородская, Сибирская. Собр. трудами Ст. Сов. и бывшаго въ Сенатѣ Оберъ-Секретаря Ивана Кирилова, изъ подлинныхъ Сенатскихъ архивовъ. Изд. М. Погодина. Москва, 1831, 4°.

5) *Sammlung Russischer Geschichte. S.Pt. 1732—64, 8°. 10 vol.*

Миллеромъ издана послѣ въ Москвѣ: Книга Степенная Царскаго родословія, содержащая Исторію Россійскую, сначала оныя, до временъ Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященныхъ митрополитовъ, Кипріяна и Макарія, 2 ч. Москва, въ Универс. Т., 1775, 4°.

Географическій Лексиконъ Россійскаго Государства, или Словарь, описующій по азбучному порядку рѣки, озера, моря, горы, города, крѣпости, знатные монастыри, остроги, ясащія зимовія, рудные заводы и прочія достопамятныя мѣста обширной Россійской Имперіи, собранный Θεодоромъ Полунинымъ. Москва, въ У. Т. 1773, 8°.

6) Описаніе Сибирскаго Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской Державѣ, по сія времена. Книга 1. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ, 1750 года, 4°. Второе изданіе въ 1787 г.

(*) Составленный Н. П. Барсуковымъ, членомъ Археогрѣфической Комиссіи.

Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко-то: Черемисъ, Чувашъ и Вотьяковъ; съ показаніемъ ихъ жительства, политическаго учрежденія, тѣлесныхъ и душевныхъ дарованій и пр. Спб., въ Т. Академіи Наукъ. 1791, 8°.

7) Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ. Спб., въ Т. Академіи Наукъ, 1760. 8°.

Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины Великаго Князя Ярослава I, или до 1055 года. Спб. въ Т. Академіи Наукъ, 1766. 4°. Лѣтописецъ посвященъ Его Императорскому Высочеству, пресвѣтлѣйшему Государю, Великому Князю Павлу Петровичу. Какъ Лѣтописецъ, такъ и Исторія вошли въ Полное Собраніе Сочиненій Ломоносова, ч. V, Спб. Издѣніемъ Имп. Академіи Наукъ, 1794. 4°.

8) Кенигсбергскій или Радзивилловскій списокъ былъ напечатанъ въ изданіи, носящемъ слѣдующее заглавіе: Библиотека Россійская историческая, содержащая древнія лѣтописи и всякія записки, способствующія къ объясненію исторіи и географіи Россійской древнихъ и среднихъ временъ. Часть I. Спб. при Имп. Академіи Наукъ. 1767 года, 4°.

9) Правда Русская, данная въ XI вѣкѣ Новгородцамъ Княземъ Ярославомъ Владимировичемъ и сыномъ его Изяславомъ Ярославичемъ. Спб. 1767. 8°.

10) Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ, часть I до 1094 г. Спб. при Имп. Академіи Наукъ, 1767. 4°.

11) Лѣтописецъ Новгородскій, начинающійся отъ 6525—1017 года и кончающійся 6860—1352 годомъ, печатанъ въ Московской типографіи, 1781 года. Карамзинъ называетъ этотъ списокъ Новгородскою лѣтописью попа Іоанна. Въ 1819 году вышло въ Москвѣ, въ 8°, 2-е изданіе этого лѣтописца.

Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую исторію отъ 6360—852 до 7106—1598 года, то есть по кончину Царя и Великаго Князя Θεодора Іоанновича. Печатанъ въ Московской типографіи 1781 года. 4°. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ Архангелогородскаго, потому что принадлежалъ Архангелогородскому архіерейскому дому. Въ 1819 году вышло 2 изд. его, въ Москвѣ, въ 8°. Редакція трехъ изданій этихъ лѣтописей была поручена директору Синодальной типографіи Пельскому и секретарю Московской духовной Консисторіи Ильинскому, подъ главнымъ надзоромъ Московскаго архіепископа Платона.

Царственная книга, то есть лѣтописецъ царствованія Царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061, напечатанъ съ письменнаго, которой сысканъ въ Москвѣ въ Патріаршей библиотекѣ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1769. 4°. Съ картинкою, изображ. возшествіе на престолъ Царя Івана Васильевича.

Царственный лѣтописецъ, содержащій Россійскую Исторію отъ 6622—1114 году, то есть отъ начала царствованія Великаго Князя Владимира Всеволодовича Мономаха, до 6980—1472 году, то есть до покоренія Новгорода подъ власть Великаго Князя Василя Ивановича (sic), послѣ учиненнаго бунта въ Новгородѣ происками Марѣи посадницы и ея дѣтей. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1772. 4°.

Подъ сими названіями князь Щербатовъ напечаталъ отрывки одного и того-же лѣтописнаго сборника, сходнаго по мѣстамъ съ Никоновскою лѣтописью.

(Изданія Русскихъ лѣтописей описаны превосходно въ сочиненіи Д. В. Полѣнова: Библиографическое обозрѣніе Русскихъ лѣтописей. Спб., въ Типогр. И. Академіи Наукъ. 1850. въ 8-ку).

Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго Государства отъ внутреннихъ и вѣншихъ непріятелей и отъ прочихъ тогдашнихъ временъ многихъ случаевъ, по преставленіи Царя Іоанна Васильевича, а паче о между-государствованіи по кончинѣ Царя Θεодора Іоанновича, и о учиненномъ исправленіи книгъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, въ 1655 году. Изд. 2. Москва, въ Т. компаніи Типографической. 1788. 8°.

Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы, и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, соч. Аврамія Палицына. Москва, въ Синодальной Т. 1784. 4°.

Родословная книга Князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, содержащая въ себѣ: родословную книгу, собранную и сочиненную въ Разрядѣ, при Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, и по временамъ дополняемую, и которая извѣстна подъ названіемъ Бархатной книги, и проч.; 2 части. Москва, въ Университетской Типографіи. 1787, 8°.

12) Древняя Россійская Вивлюэнка, содержащая въ себѣ: собраніе древностей Россійскихъ, до Исторіи, Географіи и Геологіи Россійскія касающихся. Изд. 2, вновь исправленное, умноженное и въ порядокъ хронологическій по возможности приведенное. 20 частей. Москва, въ Типографіи Компаніи Типографической 1788—1791. 8°. 1-е изданіе вышло въ Петербургѣ, въ десяти частяхъ, въ Т. Акад. Наукъ, 1773—1775, 8°.

Продолженіе древней Россійской Вивлюэники, издано Академіею Наукъ; 11 частей. Спб., въ Т. Акад. Наукъ, 1786—1801. 8°.

13) Извѣстія Византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую Исторію древнихъ временъ и преселенія народовъ; собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены Иваномъ Штриттеромъ, 4 части. Спб., въ Т. Академіи Наукъ, 1770—1775. 8°.

14) Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. 7 томовъ или 15 частей. Въ Спб., при Императорской Академіи Наукъ, 1770—1791, 4°.

15) Критическія примѣчанія генераль-маіора Болтина на первый томъ Исторіи князя Щербатова, 2 части. Спб., въ Т. Корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, 1793—1794. 4°.

16) Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи Г. Леклерка, сочиненныя генераль-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ. Въ двухъ томахъ. Печатано въ Т. Горнаго училища. 1788.

Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его Исторіи отъ господина генераль-маіора Болтина, творца Примѣчаній на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи, Г. Леклерка. Москва. Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1789. 8°.

Отвѣтъ ген.-маіора Болтина на письмо кн. Щербатова, въ Спб., въ Типогр. Горнаго училища, 1789 года.

Примѣчанія на отвѣтъ господина генераль-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, содержащія въ себѣ любопытныя и полезныя свѣдѣнія для любителей Россійской исторіи, такожъ истинныя оправданія и прямыя доказательства противъ его возраженій, критики и охуленія. Соч. кн. М. Щербатова. Москва, въ Универс. Типогр. 1792. 4°.

17) Записки касательно Россійской Исторіи. Въ шести частяхъ. Въ Спб., печатано въ Императорской Типографіи. 1801. 8°.

18) Правда Русская, или законы Великихъ Князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительные нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій, изъ употребленія вышедшихъ; издалъ А. Пушкинъ и И. Болтинъ. Москва, въ Синодальной Типогр. 1799. 4°.

19) Духовная Великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названная въ лѣтописи Суздальской: Поученіе, Спб. Въ Типогр. Корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ. 1793. 4°.

20) Евгенія Бугара, архієпископа Славянскаго и Херсонскаго: Историческое разысканіе о времени крещенія Россійской Великой Княгини Ольги, издалъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ, на Росс. и Французск. языкахъ. Спб., въ Типогр. Академіи Наукъ, 1792. 4°.

21) Героическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва, въ Сенатской Типографіи. 1800. 4°.

22) Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмutorаканскаго княженія; соч. Алексѣя Мусина-Пушкина. Спб., въ Типографіи Корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, 1794. 4°.

Письмо къ Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину о камнѣ Тмutorаканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ, въ 1792 году, съ описаніемъ картинъ, къ письму приложенныхъ; соч. А. Озенина. Спб., въ Медицинской Типогр. 1806. 4°.

23) Несторъ. Русскія лѣтописи на Древле-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Лудовикомъ Шлёцеромъ, надворнымъ совѣтникомъ, докторомъ и профессоромъ Гёттингенскаго Университета и кавалеромъ ордена Св. равноапостольнаго Князя Владиміра 4 степени. Въ трехъ частяхъ. Перевелъ съ Нѣмецкаго Дмитрій Языковъ. Спб. Печатано въ Императорской типографіи и въ Т. К. Шнора 1800, 1816 и 1819. 8°. Переводъ посвященъ Императору Александру Павловичу.

24) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, А.Х. Лерберга, изданы на Нѣмецкомъ языкѣ Ф. Кругомъ, перев. съ Нѣмецкаго Д. Языковъ. Д. Нар. Пр. 1819. 4°.

25) Критическія розысканія о древнихъ русскихъ монетахъ, соч. Филиппа Круга; изд. Академіи Наукъ. Спб., въ Типогр. Ак. Н. 1807. 8°. Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands, von Philipp Krug. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1810.

26) Христіана Фридриха Маттеи: Notitia codicum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae, cum variis anecdotis, tabulis et indicibus locupletissimis. М. 1776. Прочія части этого описанія, хотя и приготовлены были къ напечатанію, но неизданы въ свѣтъ, потому что князь Потемкинъ, на счетъ котораго предполагалось сдѣлать полное изданіе каталога, будучи тогда озабоченъ важнѣйшими дѣлами государственными, не успѣлъ заняться этимъ ученымъ трудомъ. Послѣ того, по предложенію князя Юсупова, Маттеи сдѣлалъ извлеченіе изъ предъидущаго подробнаго описанія рукописей, и издалъ оное въ возможной краткости подъ заглавіемъ: Index codicum manuscriptorum Graecorum bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae. Petropoli, 1780, in 4°. Наконецъ въ 1805 году, въ Лейпцигѣ Маттеи издалъ: Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio. Этимъ описаніемъ Маттеи познакомили ученую Европу съ сокровищами Московскихъ библиотекъ, находящихся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода.

27) Іоганна Теофила Буле: Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte. М. 1810.

28) Баузе ревностно собиралъ Русскія Древности: рукописи, старопечатныя книги, монеты. Онъ самъ ходилъ для этого по толкучему рынку, и послѣ 30-лѣтнихъ стараній, дополнивъ свои сокровища покупкою старинныхъ книгъ и рукописей у извѣстнаго въ то время собирателя древностей Игнатія Оералонтовича

Оерапонтова, успѣлъ составить такое собраніе Русскихъ древностей, которое, по отзыву К. О. Калайдовича, было тогда едва ли не единственнымъ въ своемъ родѣ. По смерти Баузе Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ желало купить собраніе его, которое было оцѣнено въ 10,000 р. Къ сожалѣнію, покупка не состоялась, и оно погибло при нашествіи Французовъ, а отчасти разошлось по разнымъ рукамъ; остались только каталогъ этого собранія и небольшія замѣтки о достопримѣчательностяхъ его, написанныя Калайдовичемъ. Каталогъ библіотеки Баузе хранится въ Чертковской библіотекѣ.

29) Лѣтопись Несторова, по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, прерывающаяся 1019 годомъ. Москва, въ Унивѣрситетской Типографіи, 1824. 4^о.

30) Краткое изслѣдованіе о Патерикѣ преподобнаго Нестора, лѣтописца Россійскаго, предложенное въ рѣчи, по случаю открытія новой залы Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (Зап. и Тр. Общ. Ист. и Др. Рос. 1. 1815 г., с. 53—74.)

31) Поученіе архіепископа Луки къ братіи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (Русск. Достопамятности 1815 г. 1, с. 3—17.)

32) Объясненіе не нашлось въ его бумагахъ.—Слѣды его сохранились въ объясненіяхъ Снегирева, напечатанныхъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Московскаго Общества, т. 3, кн. 1, 1838.

33) Историческое описаніе древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной Палаты въ Москвѣ обрѣтающагося; издалъ (Петръ Степановичъ) Валуевъ, часть 1. Москва, въ Униве. Типогр. 1807.

34) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году, февраля 5, при бракосочетаніи Государя Царя и Великаго Кнзя Михаила Феодоровича съ Государынею, изъ рода Стрѣшневыхъ. Москва, въ Типогр. Бекетова. 1810. 2^о.

35) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 4 частяхъ. Москва. Въ Типографіяхъ Н. С. Всеволожскаго и Селивановскаго. 1813—1827, въ листъ.

36) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, изданные, съ объясненіемъ, вариантами и образцами почерковъ, К. Калайдовичемъ, на издженіи гр. Н. П. Румянцова. Москва, въ Типогр. Селивановскаго. 1821, 4^о.

37) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Кириемъ Даниловымъ; вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсень и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва, К. Калайдовичемъ. Москва, въ Типографіи Селивановскаго, 1818. 4^о.

Впервые онѣ были изданы въ Москвѣ въ 1804 г. въ типогр. Селивановскаго.

38) См. выше № 24.

39) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ, часть первая Москва, 1824. Собирали протоіерей Григоровичъ.

40) Законы Великаго Кнзя Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и Великаго Кнзя Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами; издали Константинъ Калайдовичъ и Павелъ Строевъ. Москва. Въ Типографіи Селивановскаго, 1819. 4^о.

41) Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее Исторію Славянскаго языка и литературы IX и X столѣтій; написано Константиномъ Калайдовичемъ, съ 16-ю изображеніями. Москва, въ Типографіи Селивановскаго, 1824, въ листъ.

42) Аделунга: Sigmund Freiherr v. Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland. St. Petersburg. 1818.

43) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ. Издано Феодоромъ Аделунгомъ, Дѣйств. Ст. Совѣтн. и Кавалеромъ. Пер. съ нѣмецкаго. Спб., печатано въ Тип. Крайя. 1827. 8^о.

Аделунгъ въ своемъ предисловіи пишетъ: «Любопытное собраніе чертежей и рисунковъ не издано, но сдѣлавшись по какому-то случаю собственностью Королевской Вибліотеки въ Дрезденѣ, осталось тамъ и понынѣ. Первое свѣдѣніе о существованіи собранія сего получено мною отъ Королевскаго библіотекаря Эберта, къ коему, по порученію покойнаго гр. Н. П. Румянцова, относился я... Сообщенное мнѣ почтеннымъ Эбертомъ свѣдѣніе о рисункахъ барона Мейерберга возбудило во мнѣ желаніе познакомиться съ симъ драгоцѣннымъ собраніемъ для отбѣненія правды и обычаевъ Россіянъ въ достопамятное царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Объ открытіи семъ я донесъ гр. Румянцову, который возложилъ на меня какъ доставленіе ему вѣрныхъ снимковъ, такъ и изданіе ихъ. Смерть, постигшая покровителя всего Отечественнаго, хотя и воспрепятствовала ему видѣть окончаніе сего предпріятія; оно приведено однакожъ нынѣ въ исполненіе покровительствомъ брата его, Графа Сергія Петровича Румянцова».

44) Протоіерея Іоанна Іоанновича Григоровича: Историческій и Хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей. Печатано на издженіи гр. Н. П. Румянцова. Москва, въ Типогр. Селивановскаго, 1821, 4^о.

45) Die Korsunischen Thüren in der Cathedral-Kirche zur Heiligen Sophia in Nowgorod, Berlin, 1823.

46) Evers Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat. 1814, 8^о.

47) Преосв. Евгенія: Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви. Въ двухъ томахъ. Спб., въ Типографіи Н. Греча. 1818, 8.

- 48) Объ исторіи изданія сочиненія Коцебу «Жизнь Свидрагайла» см. въ Русскомъ Архивѣ 1867 г., стр. 613—628.
- 49) Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб., въ Типогр. Департ. Нар. Просвѣщенія. 1819. 4.
- 50) Объ исторіи изданія Абулгази: Монгольская и Татарская Исторія см. Русскій Архивъ 1869, стр. 621—623, 625.
- 51) Исторія Льва Діакона Колойскаго, и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ и объясненныя примѣчаніями Карломъ Бенедиктомъ Газе; пер. съ Греческаго Д. Поповъ Спб. Въ Типогр. Имп. Акад. Наукъ, 1820. 4.
- 52) Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Русскихъ, и объ Игнатіи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ; соч. К. Калайдовича. Москва, въ Университетск. Типогр. 1811. 12.
- 53) О Хазарахъ. Переводъ М. Погодина изъ сочиненія Туимана: Untersuchungen über die östlichen Europäischen Völker. Leipzig. 1774. (Вѣстникъ Европы, 1823. Декабрь, стр. 161—182).
- 54) Кириллъ и Меѳодій, Словенскіе первоучители, историко-критическое изслѣдованіе Іосифа Добровскаго, перев. съ Нѣмецкаго Михаила Погодина; изд. на иждивеніе гр. Н. П. Румянцова. Москва. Въ типогр. Селивановскаго. 1823, въ 4-ку.
- 55) О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ, соч. Неймана и критическій разборъ онаго; пер. Михаилъ Погодинъ. Москва, въ типогр. Селивановскаго. 1826. 8.
- 56) Переписку отца протоіерея Іоанна Григоровича съ графомъ Н. П. Румянцевымъ (1817—1825) обнародовалъ сынъ его (нынѣ начальникъ Синодальнаго Архива въ Петербургѣ) Николай Ивановичъ Григоровичъ (см. Чтенія въ Имп. Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1864, кн. 2. Изсл., 1—83).
- Переписка Графа Румянцова съ Митроп. Евгеніемъ печатается въ Воронежѣ. (Вышло два выпуска). См. № 104.

II.

- 57) Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ 11-ти книгахъ. М. 1815—1837. 8°
- 58) Русскія Достопамятности, изд. при Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ трехъ частяхъ. М. 1815, 1843, 1844. 8° (Калайдовичемъ издана только I часть).
- 59) Святославовъ Сборникъ былъ найденъ К. Ѳ. Калайдовичемъ 10 іюня, 1817 года, въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ.
- 60) Харатейная рукопись Іоанна экзарха была открыта К. Ѳ. Калайдовичемъ 19 сентября, 1813 года, въ Московской Синодальной библиотекѣ.
- 61) 25 мая, 1823 года, Калайдовичъ, по указанію Зарайскаго купца Аверина, открылъ въ Москвѣ, недалеко отъ Серпуховской заставы, на Конной площади, цѣлое кладбище опальныхъ иностранцевъ и надгробный камень Ливонскаго ландмаршала Беля, казненнаго при Царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Этотъ камень достался послѣ автору, и поступилъ вмѣстѣ съ его древлехранилищемъ въ казну.
- 62) См. выше № 35.
- 63) Обстоятельное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ, въ библиотекѣ графа Ѳедора Андреевича Толстаго; издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ, съ палеографическими таблицами почерковъ XI по XVIII вѣкъ. Москва, въ типографіи Селивановскаго. 1825. 8.
- 64) См. выше № 40. 65) См. выше № 37. 66) См. выше № 36. 67) См. выше № 44.
- 68) Письма къ Алексію Ѳедоровичу Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 году древностей; сочиненіе К. Калайдовича. Москва, въ Универ. типографіи, 1823. 8°.
- 69) См. выше № 41.
- 70) Списокъ Русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кешеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ графа Ѳ. А. Толстаго. Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1822. 8°
- 71) См. выше № 63. Первое и второе прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библиотекѣ гр. Толстаго. Издалъ Павелъ Строевъ. Спб. въ типогр. Греча, 1825, и Москва въ типогр. Селивановскаго. 1827. 8°.
- 72) Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ, Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ библиотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго. Издалъ Павелъ Строевъ, съ 24 гравированными изображеніями шрифтовъ. Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1829. 8°.
- 73) Софійскій Временникъ, или Русская лѣтопись съ 862 по 1534 годъ; издалъ Павелъ Строевъ, на иждивеніе графа Н. П. Румянцова. 2 части. Москва, въ типогр. Селивановскаго, 1820—1821. 4°.
- 74) Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣднія, до начала XVIII столѣтія (П. М. Строева). (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1834. Февраль.)
- 75) Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго, Н. М. Карамзина. Москва, въ Тип. Селивановскаго. 1836, въ 8°.

76) Рукописи, Славянскія и Россійскія, принадлежащія почетному гражданину и Археографической Коммиссiи корреспонденту, Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павломъ Строевымъ, Москва. 1818. 8^о.

Описание старопечатныхъ книгъ Славянскихъ, находящихся въ библиотекѣ И. Н. Царскаго, издалъ П. Строевъ, съ 12-ю гравированными изображениями шрифтовъ. Москва. 1836. 8^о.

77) Библиотека Имп. Общества Истории и Древностей Россійскихъ. Изд. П. Строевъ. Москва. 1845. 8^о.

78) Выходы государей царей и великихъ князей, Михаила Ѳеодоровича, Алексія Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, вся Россiи самодержцевъ (съ 1632—1682), Москва, въ тип. Авг. Семена 1844, 4^о, съ указателемъ историческимъ, топографич., реальнымъ и филологическимъ (Сост. П. М. Строевымъ).

79) Описание Русскихъ и Славянскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, сост. А. Востоковымъ, Спб., въ тип. Академiи наукъ. 1842.

80) Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россiи до 1700 года, и ихъ сочиненій, Фридриха Аделунга, увѣчанное большою Демидовскою наградою. Переводъ съ Нѣмецкаго Александра Клеванова. Изданіе Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Въ двухъ частяхъ. Москва. Въ Университетской типографiи. 1864. 8^о.

81) См. выше № 43. 82) См. выше № 42. 83) См. выше № 45. 84) См. выше № 70.

85) Собрание Словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россiи; собралъ Петръ Кеппенъ, часть 1. Спб., въ типогр. Воспитательнаго Дома. 1827. 4^о.

86) Библиографическіе листы, на 1825 годъ; издалъ Петръ Кеппенъ (43 нумера). Спб. Въ типогр. Крайя. 1825. 4^о.

Материалы для Истории просвѣщенія въ Россiи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. 3 части. Спб. Въ типографiяхъ Медицинской и Крайя, 1819—1827. 4^о.

87) Крымскій Сборникъ о древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Соч. П. Кеппена. Изд. по распоряженію Г. Новороссійскаго и Бесарабскаго Генералъ-Губернатора, графа М. С. Воронцова. Спб. Печатано при Имп. Академiи Наукъ. 1837. 8^о.

✓ 88) Списокъ извѣстнымъ курганамъ въ Россiи. Спб., въ тип. Н. Греча. 1837, въ 16 д.

89) См. выше № 25. 90) См. выше № 24.

91) Въ 1813 году гр. Румянцовъ назначилъ въ распоряженіе Имп. Академiи Наукъ 25,000 рублей асс., съ тѣмъ, чтобы сія сумма, вмѣстѣ съ процентами, была употреблена на изданіе лучшихъ списковъ нашихъ лѣтописей. Эта сумма послужила основнымъ капиталомъ для изданія актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, а впоследствии тѣхъ, которые поступили въ Археографическую Коммиссiю изъ разныхъ вѣдомствъ. Въ 1836 году она возросла до 40,000 р. асс. Къ ней была присоединена ежегодная выдача изъ суммъ государственнаго казначейства 4,000 р. асс. (См. Всеподданнѣйшій Отчетъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Евграза Петровича Ковалевскаго, о трудахъ Археографической Коммиссiи за двадцатипятилѣтіе ея существованія, 1834—1859).

92) Fraehn: Ibn-Fozlan's und anderer Arab. Berichte über die Russen alterer Zeit. S.Pt. 1823.

93) См. выше № 47.

94) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россiи. (Изд. М. Погодинъ). Москва, въ Униввер. типографiи. 1845, въ 2 томахъ.

95) Преосв. Евгенія: Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва, въ типогр. Рѣшетникова. 1808. 4^о.

96) Исторія Княжества Псковскаго, 4 части. Кіевъ. 1831. 8^о.

97) Описание Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи, съ присовокупленіемъ разныхъ грамматъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ и фасадовъ Константинопольской церкви и Ярославова надгробія. Кіевъ. Печатано въ типографiи Кіевопечерской лавры. 1825 г. 4^о.

98) Описание Кіевопечерской лавры съ присовокупленіемъ разныхъ грамматъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ лавры и обихъ пещеръ. Кіевъ. Печатано въ типогр. Кіевопечерской лавры. 1826. 4^о.

99) Обозрѣніе Кормчей Книги въ историческомъ видѣ. Соч. барона Розенкампа. Издано Обществомъ Истории и Древностей Россійскихъ при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. Въ Университетской типографiи, 1829. 8^о. Второе, исправленное изданіе въ Петербургѣ, 1849.

100) Взглядъ Зоріана Яковлевича Долуги-Ходаковского на древнюю географію Славянъ, въ связи съ этнологіею, высказанъ былъ имъ въ Сынѣ Отечества 1820 г., въ Вѣстн. Европы 1819 и 1820 г.г., и въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ и Карамзинъ приняли его подъ свое покровительство, и онъ, съ помощію правительства, отправился въ ученое путешествіе. Возраженіе Ходаковского Калайдовичу, подъ заглавіемъ: Историческая Система Ходаковского, напечатано въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ (ред. М. Погодинъ), 1838 года, книга 3, стр. 3—109; въ томъ же изданіи напечатаны его Пути сообщенія въ древней Россiи (1837, кн. 1, стр. 1—50).

101) Собрание путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ: 1, Плато-Карпини и 2, Асцелина; перев. съ Латинск. Дмитрій Языковъ, на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ. Спб., въ типогр. Д. Нар. Пр. 1825. 4^о.

102) Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ, какимъ образомъ она производилась чрезъ всю Россію въ 1674 году, соч. Іог. Кильбургера; пер. съ Нѣмецк. Д. Языковъ. Спб., въ типогр. Д. Нар. Пр. 1820. 8°.

103) Атласъ путешествія К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева хранится въ Императорской Спб. Публичной Библіотекѣ. См. приложение второе.

104) Ученую переписку А. И. Ермолаева съ Митрополитомъ Евгеніемъ обнаружилъ академикъ А. О. Бычковъ. (См. Сборн. стат., читан. въ Отд. Русск. языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ. Томъ V, Спб., 1868.)

III.

105) Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссіею. Спб. Въ типографіи I Отд. Собств. Е. И. В. канцеляр. 1836 г., въ 4°. — Томъ I (1294—1598 г.), томъ II (1598—1613), томъ III (1613—1645), томъ IV (1645—1700). Съ этихъ поръ дѣятельность Археографической Коммисіи не прерывалась: Акты Историческіе изданы въ 1841—1842 годахъ. Томъ I (1334—1598), томъ II (1598—1613), томъ III (1613—1645), томъ IV (1645—1676), томъ V (1676—1700). Въ 1843 году изданъ Указатель къ симъ актамъ, въ 4°. Дополненія къ Актамъ историческимъ. Томъ I (X в.—1613) и томъ II (1613—1645) 1846 г.; томъ III (1645—1654) 1848 г.; томъ IV (1655—1664) 1851 г.; томъ V (1665—1669) 1853 г.

Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи. томъ I (1340—1506), 1846 г.; томъ II (1506—1544) и томъ III (1544—1587) 1848 г.; томъ IV (1588—1632) 1851; и томъ V (1633—1699) 1853, въ 4°.

Historica Russiae Monumenta, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Томъ I: Выписки изъ Ватиканскаго архива и изъ другихъ Римскихъ библіотекъ и архивовъ съ 1075—1584 годъ. Томъ II: изъ Ватиканскаго тайнаго архива и др. съ 1584 по 1719 г.

Прибавленіе, содержащее въ себѣ акты, относящіеся до другихъ Славянскихъ земель, съ 1231 по 1308 г.

Акты, извлеченные изъ архивовъ и библіотекъ Англіи и Франціи, съ 1557—1679. Спб. Въ типографіи Э. Праца, 1841—1842 г., въ 4°.

Supplementum ad Historica Russiae Monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a Collegio Archaeographico edita, Petropoli, typis E. Pratzii, 1848 г., въ 4°. Основаніе сему изданію положено графомъ С. С. Уваровымъ, который приобрѣлъ въ 1844 году, въ Римѣ, дипломатическія бумаги Поссевины.

Rerum Rossicarum scriptores exteri. Томъ 1 (Московскія лѣтописи Конрада Бусова и Петра Петрея). Спб. Въ типографіи Э. Праца. 1851, въ 4. (Недавно вышли сочиненія Исаака Масы.)

Акты Юридическіе (съ указателемъ), въ одномъ томѣ. Спб. 1838 г., въ 4°.

Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію. Томъ I (Несторъ по Лаврентьевскому списку, Суздальская лѣтопись по тому-же списку, Троицкая Лѣтопись, приложенія). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1846, въ 4°. Томъ II (Кіевская лѣтопись по Ипатіевскому списку, Волынская и Галицкая лѣтоп. по тому-же списку, Густинская лѣтопись). Спб., 1843. Въ типографіи Э. Праца, 1843, въ 4°. Томъ III (Новгородскія лѣтописи I, II, III, съ прибавленіями). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1841, въ 4°. Томъ IV (Новгородская и Псковская.) Спб. Въ типогр. Э Праца, 1848, въ 4°. Томъ V (Псковская и Софійская). Спб., въ типогр. Э. Праца, 1851 г., въ 4°. Томъ VI (Софійская). Спб., въ типогр. Э. Праца, 1853, въ 4°.

О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Григорія Котошихина, изд. 2. Спб., въ тип. Праца, 1859, 4°.

Письма Русскихъ Гоеударей и другихъ особъ царскаго семейства. Т. I (1526—1658), М., въ Ун. т. 1848, 4°.

106) По Высочайшему повелѣнію въ 1843 году учреждена была при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ въ архивахъ присутственных мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Изданія ея слѣдующія: Памятники. Томъ I (отд. 1 памятники Луцкаго братства 1617—1713; отд. 2, акты о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ поземельныхъ; отд. 3, матеріалы), Кіевъ, въ лито-типогр. заведеніи Вальнера, 1848, съ 8°, съ 8-ю таблицами рисунковъ и снимковъ съ почерковъ. Томъ II (отд. 1, памятники Кіево-Богоявленскаго братства 1615—1717; отд. 2, уставы о волокахъ 1557 г.; отд. 3, матеріалы), 1846 г., съ 6 табл. снимковъ съ почерковъ и медалей. Томъ III. (отд. 1, акты Львовскаго братства; отд. 2, акты объ устройствѣ помѣщичьихъ имѣній Юго-Западной Россіи, въ XVI вѣкѣ; отд. 3, матеріалы), 1852 г. Въ концѣ приложенъ снимокъ въ грамоты султана Магомета IV къ Богдану Хмельницкому.

107) См. выше № 39.

108) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ, съ приложеніемъ трехъ литографированныхъ рисунковъ. Част. 1 и 2. Вильно, въ т. Марциновскаго. Въ 4°.

109) Сборникъ Муханова. Изданіе второе, дополненное. Спб. въ типогр. Э. Праца, 1866, въ 8°. Посвящается памяти Николая Михайловича Карамзина.

Кромѣ Сборника Павелъ Александровичъ Мухановъ издалъ: Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время Самозванцевъ. М. 1834. Рукопись Жолкевскаго. М. 1834. Каталогъ истор. памятникамъ. М. 1836. Рукопись Филарета. М. 1837. Штурмъ Праги.

109) Древнія государственныя грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собранныя въ Пермской губерніи. Спб., въ тип. Н. Греча, 1821, въ 4° (посвящается графу Н. П. Румянцову).

Путешествіе въ города Чердынъ и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей. Спб. Печатано въ военной тип. Главн. штаба Е. И. В. 1821, въ 8° (посвящается графу Д. А. Гурьеву).

110) Императору Николаю благоугодно было повелѣть всѣ дошедшія до насъ рукописи Разрядовъ привести въ точную извѣстность и издать при II Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Для исполненія сей Высочайшей воли учреждена особая коммиссія, состоявшая изъ членовъ П. И. Иванова, И. Д. Бѣляева и В. М. Ундольскаго. Имъ поручено приготовленіе копій изъ рукописей разрядныхъ и записныхъ книгъ и разборъ столбцовъ, по содержанію своему относящихся къ Разрядамъ. Составленіе по онымъ текста, и самое изданіе поручено А. Н. Попову и А. Θ. Бычкову.

Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелѣнію изданныя II-мъ Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Томъ I (1612—1628), Спб., 1850, въ 8°; томъ II (1628—1645), 1851; томъ III (1645—1676), 1852; томъ IV (1676—1701), 1855.

Книги Разрядныя, по официальнымъ оныхъ спискамъ, изданныя съ Высочайшаго дозволенія II-мъ Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, въ двухъ томахъ. Спб. 1853—1855, въ 8°.

Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, по Высочайшему повелѣнію изданныя II-мъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. Спб. 1851. въ 8°. Томъ I (1488—1594), томъ II (1594—1621) 1852 г.; т. III (1632—1660) 1854.

111) Записки Императорскаго Археолого-Нумизматическаго Общества въ С.-Петербургѣ, Спб. 1847—1856. Записки Императорскаго археологическаго Общества, Спб., 1853—59.

Записки отдѣленія Русск. и Славянскаго археологическаго Общества при Русскомъ археологическомъ Обществѣ. Томъ I, Спб., 1851. Томъ II (съ приложеніемъ отдѣл. Сборника чертеж. Москвы, ея окрестностей и г. Пекова въ XVII столѣт.) Спб., 1861. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества.

Труды Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго общества.

112) Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ Греческихъ поселеній на берегахъ понта Евксинскаго, между Тирасомъ и Борисфеномъ, учиненныя по случаю найденныхъ въ 1823 году остатковъ древности въ Одессѣ, соч. Ивана Стемпковскаго. Спб., въ т. Смирдина. 1826 г., въ 12°.

113) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Томъ 1—5 съ литогр. лист. Одесса. 1843—1865.

114) Исторія Новороссійскаго края, хронологическое обозрѣніе, 1730—1832. А. Скальковскаго, 2 т., Одесса, 1836.

115) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. Спб. 1855.

116) Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря, графа А. Уварова, 2 выпуска, съ атласомъ, Спб., 1851—1856.

117) Древности Россійскаго государства. Москва, 1849, 1851 и 1853, съ рисунками въ листъ, числомъ 500.

118) Московская Оружейная Палата, А. Вельмана, изд. 2. Москва, 1860 г.

119) Достопамятности Московскаго Кремля, съ планомъ Москвы и 13 видами. А. Вельмана, Москва, 1843.

120) Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденіе и изслѣдованіе о русскихъ пословицахъ и поговоркахъ И. Снегирева, 4 ч. Москва, 1832.

Русскія народныя пословицы и притчи, изданныя И. Снегиревымъ, съ предисловіемъ и дополненіями. Москва. въ университетской типографіи. 1848, въ 8°.

Въ 1837 году И. М. Снегиревъ издалъ: Новый сборникъ пословицъ. и притчей, служащій дополненіемъ къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 г. М. Въ Унив. т., въ 8°.

121) Русскіе престопадные праздники и суевѣрные обряды, четыре выпуска. Москва. Въ Университетской типографіи. 1837, 1838, въ 8°.

122) Памятники Московской древности, съ присовокупленіемъ очерка монумент. исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древн. столицы. Москва, 1842—1845.

123) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Москва. 1851.

124) Памятники древняго художества въ Россіи. Изд. А. Мартынова. Текстъ И. Снегирева. Москва. 1850 г.

125) Обозрѣніе Славянорусской библіографіи, съ образцами Славяно-русскаго книгопечатанія, И. Сахарова. Спб. 1849.

126) Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. Сахаровымъ, 2 т. Спб., 1841—1846. 8°.

127) Изслѣдованіе о Русскомъ иконописаніи. Спб., 1849.

128) Памятники древняго Русскаго зодчества, Θ. Рихтера, съ рисунками, 5 тетр. Москва, 1851.

129) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Вакаціонныя дни профессора С. Шевырева въ 1847 году. Въ двухъ частяхъ (съ 25-ю литографированными рисунками). Москва. Въ Университетской типографіи, 1850, въ 8.

130) Описаніе памятниковъ древности, церковнаго и гражданскаго быта въ Русскомъ Музеѣ П. Карабанова. Составлено Георгіемъ Филимоновымъ. Москва, въ Университетской типографіи, 1846, въ листъ.

131) Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библіотеки, составленъ Синодальнымъ ризничимъ, Архимандритомъ Саввою, (нынѣ епископъ Полоцкій), изданіе 3, значительно дополненное, съ приложеніемъ пояснительнаго словаря неудобопонятныхъ словъ и названій предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ. Москва, въ Университетской типографіи. 1858, въ 8^о.

132) Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ. А. Висковцова, съ рисунками, 30 в. Спб. 1841—1862 г.

✓ 133) Очерки Россіи, издаваемые Вадимомъ Пассекомъ. Книга 1, Спб., въ типографіи Н. Греча, 1838 г. Книга 2, Москва, въ т. Н. Степанова, 1840. Книга 3, Москва, въ т. Степанова, 1840. Книга 4, Москва, въ т. Н. Степанова, 1840. Книга 5, Москва, въ типогр. Н. Степанова, 1842, въ 8^о. Съ атласомъ рисунковъ.

134) Обзорѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изд. Фундуклсемъ. Кіевъ, 1847, съ рисунками.

135) Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изданное по Высочайшему соизволенію, Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, Иваномъ Фундуклсемъ. Кіевъ. Въ типографіи Θεοφιλα Гликеберга, 1848, въ 4^о. Въ концѣ книги приложено 17 рисунковъ.

136) Лѣтопись и описаніе города Кіева, составилъ Николай Закревскій, въ двухъ частяхъ, съ 4-мя литографированными рисунками, напечат. въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1858, съ указателемъ, а первоначально—въ 1836 году подъ заглавіемъ: Очеркъ исторіи города Кіева. Новое изданіе въ 4-ку, съ обширнымъ атласомъ, 1868 г., Москва, въ 2 томахъ, подъ заглавіемъ: Описаніе Кіева.

137) Сочиненія Михаила Александровича Максимовича: Украинскія народныя пѣсни, часть 1, Москва 1834. Пѣсни Игорю Святославичу и проч., Кіевъ, 1837. Исторія древней Русской словесности, книга 1, Кіевъ, 1839. Откуда идетъ Русская земля? (Кіевъ, 1837, 8). Кіевлянинъ, коего двѣ первыя книги вышли въ Кіевѣ 1840—41 г; третья въ Москвѣ, въ 1850 г. Вотъ что написано и напечатано имъ въ Кіевлянинѣ и другихъ изданіяхъ о Кіевѣ: Рѣчь объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи, 1837 г. (также и въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.); Обзорѣніе стараго Кіева (въ 1 кн. Кіевлян.) съ чертежомъ древняго Кіева, составленнымъ для В. А. Жуковскаго; О построеніи и освященіи Георгіевской церкви (въ 3 кн. Кіевл.); О святыхъ вратахъ Печерской лавры, (въ Москвит. 1845); О надгробіяхъ въ Печерской лаврѣ (въ 1 кн. Кіевл.); Выдубицкій монастырь (во 2 кн. Кіевл.), О древнемъ монастырѣ Гнилецкомъ, бывшемъ подъ Кіевомъ (во 2 кн. Кіевл.); Топографическія замѣтки о Кіевѣ (во 2 кн. Кіевл.) Въ 1847 году И. Н. Фундуклей вызвалъ М. А. Максимовича изъ его сельскаго уединенія въ Кіевъ и вручилъ ему «Обзорѣніе Кіева» съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ царскому пріѣзду, и Максимовичъ написалъ передовой Очеркъ Кіева, исполнилъ примѣчанія изъ матеріаловъ, приготовленныхъ имъ для 3 книги своего Кіевлянина. Туда-же вошли его выписки трехъ записей изъ Никольскаго Евангелія 1411 года; листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щековицу, сообщенный Максимовичу покойнымъ Денисомъ Зубрицкимъ въ 1841 году, и прочее.... Въ послѣднихъ годахъ помѣщено имъ много статей о Кіевѣ въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ и проч.

138) Памятники древности во Владимірѣ Кляземскомъ., соборы кафедральный Успенскій и бывший придворный В. К. Всеволода—Дмитровскій, В. Доброхотова, 1849.

Древній городъ Боголюбовъ и монастырь съ его окрестностями. В. Доброхотова. Москва, 1852.

Археологическіе труды Г. Тихонравова разбѣяны во Владимірскихъ Сборникахъ и Губернскихъ вѣдомостяхъ.

139) Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, строенъ отъ 1194 до 1197 года. Москва. 1849, въ листъ. Съ почитательнымъ письмомъ гр. С. Г. Строганова къ К. А. Тону.

140) Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, Архимандрита Макарія, (нынѣ епископъ Орловскій). Москва. 1860, въ 8^о.

141) О пятинахъ Новгородскихъ Неволіна въ Запискахъ И. Русскаго Географическаго Общества, т. VIII.

142) Писцовыя Новгородскія книги (1582—1583), съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева. (Времен. 1850, кн. 6); Переписная окладная книга Вотской пятины Корельскаго городка съ уѣздомъ 1500 г. (ibid., 1852, кн. 12).

143) О мѣстоположеніи древняго Новгорода, историческое изслѣдованіе Ивана Красова, представленное въ И. Спб. Университетъ для полученія степени магистра Русской исторіи, съ приложеніемъ указателя и плана Новгорода. Новгородъ. Въ т. Новгородск. Губ. Правленія, 1851 г., въ 8^о.

144) Мои замѣтки о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Карелии, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Θ. Н. Глики. (Русск. Истор. Сборн., кн. II, М., 1837 г., 3—29), съ рисунками.

145) Последнее 4-е изданіе сочиненія преосвященнаго Филарета, за исключеніемъ періода Синодальнаго, было напечатано въ Черниговѣ, въ 1862 году, съ изданія 1857 года: Исторія Русской церкви, періодъ 1 (988—1237), въ тип. Ильинскаго монастыря, въ 8^о; періодъ 2 (1237—1410); періодъ 3 (1410—1588); періодъ 4-й, Патріаршество (1588—1720), и періодъ 5, Синодальное управленіе (1721—1826), Москва, въ т. Бахметева, 1859, въ 8^о.

146) Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, отдѣленіе 1. Священное Писаніе, Москва, въ Синодальной типографіи, 1855, въ 8^о; отдѣленіе 2, Писанія святыхъ Отцевъ, Москва, въ Синодальной типографіи, 1859 г., въ 8^о.

147) Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора Александра Рейца. Переводъ съ нѣмецкаго, съ приложеніемъ литературы науки примѣчаніями на различные предметы исторіи Русскаго законодательства, составленными издателемъ (Θедоромъ Лукичемъ Морошкинымъ). Москва, въ Унив. типографіи, 1836 г.

- 148) Das älteste Recht der Russen... dargestellt von Evers. Dorpat. 1826. Переведено на Русскій языкъ И. Платоновымъ въ 1835 году.
- 149) Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, (Неймана) mitgetheilt von... Ewers. Dorpat. 1830.
- 150) Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ. Соч. К. Неволіна. 3 т. Спб. 1851, въ 8^о.
- 151) Tobien'a: Die Prawda Russkaja, das aelteste Rechtsbuch Russlands, nach allen bisher entdecten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutscht und erläutert. I Theil. Die Handschriften und Ausgaben, das System und der Text der Prawda R. mit einem fac-simile des Tatischtschewschen, Tolstoischen und Woskresenskischen Cod. St. P., въ т. Ак. Наукъ, 1844, 4^о.
- Die aeltesten Gericht-Ordnungen Russlands, nach allen bisher entdecten und herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutscht und erläutert. Dorpat. Въ университетской типографіи, 1846, въ 4^о.
- 152) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды Н. Калачова. Москва. Въ т. А. Семена. 1846, въ 4^о.
- 153) В. В. Григорьева: Описаніе кувическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 г. Изд. издвѣніемъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Спб., въ т. Академіи Наукъ, 1841, 4^о.
- 154) П. С. Савельева: Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. I.) Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка, въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, объясненная историческими свидѣтельствами о торговлѣ сѣверо-востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія Русскаго государства. Спб. Въ типографіи военно-учебныхъ заведеній. MCCCXLVI, въ 8^о. Съ эпиграфомъ изъ Виргиліи: ...Veteres tellure recludit Thesaurus, ignotum argenti pondus...
- Въ концѣ книги приложены: а) Указатель мѣстоимѣній восточныхъ монетъ и древностей и б) Карта для нагляднаго указанія мѣстностей, гдѣ найдены клады съ восточными монетами, въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ.
- 155) А. Д. Черткова: Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, Москва. Въ т. Селивановскаго, 1834, въ 8^о. Съ эпиграфомъ изъ Герена: Es giebt kein grösseres Vergnügen für den forschenden Geist, als wenn er da Licht werden sieht, wo er vorher Dunkel sah. Въ концѣ книги приложены: а) Родословіе нѣкоторыхъ Князей Московской династіи; б) Таблица вѣса монетъ серебряныхъ; в) Алфавитный указатель и г) 28 таблицъ (монеты).
- 156) Начало библіотеки покойнаго Александра Дмитріевича Черткова (1789—1858) почти одновременно съ первыми приобрѣтеніями знаменитыхъ собирателей—канцлера гр. Н. П. Румянцова, гр. Ф. А. Толстаго и проч. Это было вскорѣ послѣ 1812 года, который потрясъ и оживилъ всю внутреннюю дѣятельность Русскаго общества. А. Д. Чертковъ былъ ученикомъ Харьковскаго профессора Гавріила Петровича Успенскаго (1765—1820), сочинившаго извѣстный Опытъ о древностяхъ, а впоследствии подружился съ двумя опытными библіографами: В. И. Фишеромъ фонъ Вальдгеймомъ и Чампи. Нѣтъ сомнѣнія, что Успенскій приохотилъ Черткова къ трудамъ, и заронилъ въ его душу благотворныя искры любви къ родной старинѣ.
- Вотъ списокъ прочимъ печатнымъ его сочиненіямъ: О Русскихъ древнихъ вещахъ, найденныхъ въ 1838 г. Московской губ. въ Звенигородскомъ уѣздѣ. М. 1838. 8^о.
- Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 году отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II, Великому Герцогу Тосканскому. Съ приложеніемъ картинки, изображающей принятіе этого посольства, и двухъ снимковъ съ подлиннаго статейнаго списка. Москва. Въ т. А. Семена, 1840 г., 8^о. Подъ картинкою помѣщена слѣдующая надпись: Magnus dux Moschorum longissimo terrarum tractu dissitus gemina legatione cum magno duce Etruriae amicitiam pectit. Въ концѣ книги приложенъ указатель.
- О числѣ Русскаго войска, завоевавшего Болгарію. Одесса. 1842 г., 4^о.
- О переводѣ Манассіиной лѣтописи на Славянскій языкъ, съ очеркомъ исторіи Болгаръ. Москва, 1842 г., 4^о.
- Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ. Москва. 1843, 4^о, съ рисунками.
- О Бѣлобережьи и семи островахъ, на которыхъ жили Руссы-разбойники. Спб., 1845, 8^о.
- О переселеніи Фракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь. Москва. 1851, 8^о, и проч.
- 157) Обзоръ Русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употребл. въ Россіи съ древнихъ временъ. Барона Ст. де-Шодуара. Съ рисунками. 2 т. Спб. 1837.
- 158) Дополненія къ Русской нумизматикѣ средняго вѣка. Спб. 1847. 8^о.
- 159) Описаніе Русскихъ монетъ и медалей. Соч. Шуберта, ч. 1-я. Съ рисунк. Москва, 1843.
- 160) Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, принадлежащихъ Минцъ-кабинету Имп. Универс. Св. Владимира, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина, въ маѣ мѣсяцѣ 1852, составл. Волошинскимъ (напеч. во II т. Трудовъ Комиссіи, Высочайше учрежденной, для описанія губерній Кіевского учебнаго Округа). Кіевъ, въ Универс. т., 1853, 4^о.
- 161) Саввы, епископа Можайскаго, (имѣя Полоцкаго): Палеографическіе снимки съ Греческихъ и Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, VI—XVII в. Москва, въ типографіи В. Готье. 1863, 4^о.
- 162) С. П. Шевыревъ въ его Исторіи Русской Словесности. (Лекціи, часть 1, стол. IX и X, Москва, въ т. Бахметева, 1859; часть 2, стол. XI и XII, 1860 г. Изд. 2-е и умноженное. Часть 3-я, стол. XIII, XIV и начало XV, Москва, въ Универс. типографіи, 1858; часть IV-я, стол. XV и начало XVI, Москва, въ т. Бахметева, 1860, въ 8^о).

- 163) О. М. Бодянский въ его сочиненіи: О времени происхожденія Славянскихъ писемъ. Москва, въ Универс. типографіи. 1855. 8°, 19 снимковъ.
- 164) П. И. Иванова: Сборникъ палеографическихъ снимковъ и почерковъ древняго и новаго письма, разныхъ періодовъ времени, изданный для воспитанниковъ Межеваго вѣдомства, Москва. Въ типографіи Селивановскаго, 1844. 4°.
- 185) Образцы Славяно-Русскаго древлеписанія. 2 тетради, изд. М. Погодинымъ. Москва. 1840—41.
- 166) Правила времясчисленія, принятаго православною церковью, Д. М. Перевощикова. Москва. 1850.
- 167) Легчайшее руководство для узнанія, въ каждомъ изъ прошедшихъ и будущихъ годовъ, чиселъ Пасхи Христовой и переходящихъ праздниковъ и постовъ, малыхъ индиктовъ, чиселъ недѣльныхъ, дней новаго года, и круговъ солнца и луны, въ цифрномъ порядкѣ лѣтъ міробытія и Рождества Христова, по системѣ пасхальныхъ ключевыхъ буквъ, въ пяти сотъ тридцати-двухъ-лѣтіяхъ, или такъ называемыхъ Великихъ Индиктионахъ, ясно изложенное и проч. Составилъ Корнилій Тромонинъ. Москва. Въ т. Семена, 1842 г., 8°.
- 168) Исслѣдованіе о значеніи вѣрушенія въ пасхалии, о способѣ вѣрять имъ данныя, и рѣшеніе посредствомъ вѣрушенія того, что годъ сентябрьскій предшествуетъ шестью мѣсяцами Мартовскому. Соч. В. М. Ундольскаго. (Временникъ 1849 г., кн. 4., изсл., 43—70.)
- 169) Труды И. Д. Бѣляева по части хронологіи помѣщались въ Чтеніяхъ и во Временникѣ: Хронологія Нестора и его продолжателей (Чт. 1846, № 2, изсл., 23—38).
О Хронологіи П. В. Хавскаго (ibid 1847, № 4, смѣсь, 155).
Отвѣты на два хронологическіе вопроса, предложенные С. М. Соловьевымъ (Врем. 1855, кн. 21, изсл., 5—8).
- 170) Хронологическія таблицы, въ трехъ книгахъ, П. Хавскаго, Москва, 1848, въ листъ.
- 171) К. М. Бороздина: Опытъ историческаго родословія графовъ Ефимовскихъ. Спб. Въ т. Рос. Ак. 1841, 8.
Опытъ ист. родословія дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ, графовъ Скавронскихъ, Арсеньевыхъ, дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ, Дивовыхъ, Измайловыхъ, Нащокиныхъ, дворянъ и графовъ Апраксиныхъ.
- 172) Князя П. В. Долгорукаго: Россійская Родословная книга, въ четырехъ частяхъ, Спб. 8°. Часть 1 въ т. К. Вингедера, 1854; часть 2 въ т. Э. Веймара, 1855; часть 3 въ т. Э. Веймара, 1856; часть 4-я въ т. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляр., 1857.
- 173) И. Г. Головина: Родословная роспись потомковъ Великаго Князя Рюрика. Москва. Въ т. Готье, 1851, 8°.
- ✓ 174) Матвѣй Григорьевичъ Смирновъ, въ 1810 году, издалъ книгу подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ, расположенное по родамъ ихъ, съ показаніемъ, отъ которъ роды начало свое получили, или откуда какіе родоначальники выѣхали, или которыхъ ни происхожденіе, ни выѣзды издателью не извѣстны; со вмѣщеніемъ такого же описанія служившихъ въ древности Россіи, также и иностранныхъ въ Россійской службѣ бывшихъ, служащее продолженіемъ краткому опыту Историческаго извѣстія о Россійскомъ Дворянствѣ, въ 1804 году напечатанному, 2 части. Москва, въ Универс. т. и въ т. Селивановскаго, 4°.
- 175) Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1-мъ отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждаго лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. Москва, въ т. Селивановскаго. 1853. 4°.
- 176) Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, съ историческимъ изложеніемъ всего, до нихъ относящагося. Сост. Петромъ Ивановымъ. Москва, въ Унив. т. 1836, 8.
Отрывокъ изъ этого сочиненія, подъ заглавіемъ: О назначеніи помѣстныхъ окладовъ въ старинной Русской службѣ, напечат. въ Моск. Наблюдателѣ 1835, № 18.
- 177) Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Московской губерніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи межеванія, сост. П. Ивановымъ. Москва. 1840 г.
- 178) См. выше подъ № 164.
- 179) Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива, П. Иванова. М., 1840. Путеводитель по Государственнымъ Архивамъ П. Иванова. Москва. 1845, 8°. Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, П. Иванова, Москва, въ т. Селивановскаго, 1850, 8°. Государственные Архивы въ Москвѣ П. И. Иванова (Москвит. 1841 № III, стр. 254—259).
- 180) Общество исторіи и древностей Россійскихъ, вслѣдствіе предложенія своего Президента графа Строганова, составило, для изысканія средствъ распространить кругъ своихъ дѣйствій на пользу отечественной исторіи, Комитетъ изъ Дѣйствительныхъ Членовъ: Черткова, Муханова, Шевырева и Погодина, которые между разными предложеніями, 1836 г. апрѣля 11 обратили вниманіе Общества на Сводъ лѣтописей, дополненный и объясненный иностранными свидѣтельствами, и переведенный на нынѣшній языкъ трудами Николая Сергѣевича Арцыбашева. Общество одобрило сіе предложеніе, и опредѣлило трудъ Арцыбашева напечатать въ двухъ томахъ и четырехъ книгахъ, которые и вышли въ свѣтъ въ 1838 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Повѣствованіе о Россіи, въ двухъ томахъ. Москва, въ Университетской типографіи, 1838, 4. Въ концѣ приложенъ указатель. За печатаніемъ наблюдали: А. Θ. Вельтманъ, Ю. И. Венелинъ, Θ. Л. Морошкинъ и Н. М. Коноплесъ. Третій томъ вышелъ въ 1843 году; четвертый печатается уже давно.

181) Исторія Малой Россіи, со временъ присоединенія оной къ Россійскому государству, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ краткимъ обзорѣемъ первобытнаго состоянія края. Сочиненіе Дмитрія Бантышъ-Каменскаго. Съ портретами Зиновія Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго, Мазепы, Кочубея, Скоропадскаго, Полуботка, Апостола, и проч. графа К. Г. Разумовскаго, Москва, въ т. Сем. Селвановскаго. 1822. 4°. Съ приложеніями, 4 части.

182) Исторія Малороссіи, Николая Маркевича. Въ пяти томахъ. Изданіе книгопродавца О. И. Хрусталева. Москва, въ т. Авг. Семена. 1842 г. 8°.

183) Исторія древняго Галичско-Русскаго княжества, сочиненіе Дениса Зубрицкаго. Въ трехъ частяхъ. Съ приложеніемъ родословной картины. Львовъ. Типомъ Ставропигіанскимъ. 1852—1855. 8°.

✓ 184) Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII столѣтія, составленная сенаторомъ Д. Бутурлинымъ, 2 части. Спб., въ т. А. Смирдина и въ т. Бородина и К°, 1839—41 г. 8°.

185) Царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича и взглядъ на междоусобице. Соч. В. Н. Берха. 2 ч. Спб., въ т. Гинзе, 1832 г. 8°.

186) Царствованіе Царя Алексія Михайловича. Соч. В. Н. Берха, 2 ч. Спб., въ т. Гинзе, 1831. 8°.

187) Царствованіе Царя Ѳеодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣльческаго бунта. Соч. В. Н. Берха, 2 ч. съ рисункомъ. Спб., въ т. Гинзе 1834 г. 4°.

188) Исторія Петра Великаго, соч. Веніамина Бергмана. Перев. съ нѣмецкаго Егоръ Аладьинъ. Въ шести частяхъ. Спб., въ т. Вингебера, 1833 г. 8°.

189) Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2 и дополненное, Н. Устрялова. Спб., въ т. Имп. Ак. Наукъ. 1842, 8. Съ портретомъ царя Іоанна. (Нынѣ вышло третье изданіе).

190) Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни; акты, изданные Временною Коммиссіею, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ, 2 тома. Кіевъ, въ т. Вальнера. 1849, 4°.

191) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. Изд. 3, исправленное. Часть 1 (Беръ, Паерле, Маржеретъ и Де-Ту); часть 2 (Москвичъ, дневники и Розыскъ о смерти царевича Дмитрія Углицкаго), съ портретами Дмитрія Самозванца и Марины Миншекъ. Спб., въ т. Ак. Наукъ, 1859, 8°. Въ концѣ указатель.

192) Петра Григорьевича Буткова: Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ. Спб. Въ т. Россійской Академіи. 1840, 8°.

193) Степана Васильевича Руссова: Опытъ о кожанныхъ деньгахъ. Спб., въ т. Россійской Академіи, 1835, 8. О подлинности Несторовой лѣтописи, 1830.

О сагахъ въ отношеніи къ Русской Исторіи, 1834.

О мнѣніяхъ касательно Руси, 1836, и проч.

✓ 194) Дмитрій Ивановичъ Языковъ: О боярахъ (Энцикл. лек. Плюшара); О боярскихъ дѣтяхъ (Тр. Рос. Ак. IV 148—183; Русское посольство во Флоренціи въ 1658 и 1659 г. (Библиот. для чтенія, т. III, кн. 2, 1834, отд. III, 161-177) и проч.

Книга Большому Чертежу или древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ Разрядѣ, и списанная въ книгу 1627 г. Изд. Д. И. Языковъ, 2 изд. Спб., въ т. Рос. Акад. 1838, 8°, и проч.

О прочихъ его трудахъ см. выше, подъ N 23, 101, 102.—Дм. Ив. Языковъ, по замѣчанію В. В. Григорьева, «представляетъ собою превосходный типъ человѣка стараго времени, который умѣлъ соединять страстную преданность къ наукѣ съ образцовымъ исполненіемъ гражданскихъ обязанностей, какъ бы онѣ скучны и тягостны ни были; человѣка, который проводилъ ночи, роясь въ лѣтописяхъ или древностяхъ, а дни, съ тѣмъ же усердіемъ, безропотно убивалъ за канцелярскою работою, и въ которомъ ни то, ни другое занятіе не слѣдило сердца, не убивало воли. Д. И. Языковъ, И. И. Мартыновъ, П. Г. Бутковъ и имъ подобные, для тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать ихъ ближе, даютъ совершенно другое понятіе объ этомъ старомъ времени, въ которомъ любятъ видѣть теперь одни его недостатки».

195) Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами... Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій... собрано трудами Статскаго Совѣтника Ивана Кириллова, въ февралѣ мѣсяцѣ 1727 г. Москва, въ Унив. типографіи, 1831 года.

196) Псковская Лѣтопись. Изд. на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, въ Универс. т., 1837.

Сочиненія Ивана Посошкова. (Разсужденіе о политикѣ, о благоустройствѣ Государственномъ). Изданы на иждивеніи Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. Въ тип. Степанова, 1842, 8°.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ. 6 томовъ. Москва. въ Унив. т. 1837—42. 8°.

✓ Историко-критическіе отрывки. Москва. въ т. Авг. Семена, 1846—1867, 8°.

Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. Томъ 1 (Объ источникахъ древней Русской Исторіи, преимущественно о Несторѣ); томъ 2 (Пронхожденіе Варяговъ Руси. О Славянахъ); томъ 3 (Норманскій періодъ), Москва, въ Унив. типогр. 1846, 8. Періодъ удѣльный (1054—1240)—томы 4 и 5, Москва, въ Унив. т. 1850, 8; томъ 6 (Биографическій словарь князей), М., въ Унив. т., 1855, и томъ 7, М., въ тип. Л. Степановой, 1865, 8.

IV.

197) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, Томъ VII. Лѣтопись по Воскресенскому списку. Спб., въ типографіи Э. Праца, 1856 г., въ 4^о.

Томъ VIII. Продолженіе лѣтописи по Воскресенскому списку, Спб., въ типографіи Э. Праца, 1859, въ 4^о.

Томъ IX. Лѣтописный Сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью. Спб., въ типографіи Э. Праца, 1862 г., въ 4^о.

Томъ XV. Лѣтописный сборникъ, именуемый Тверскою лѣтописью. Спб., въ типографіи Леонида Дениса, 1863, въ 4^о.

198) Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Томъ VI (1670—1676). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1857, въ 4^о.

Томъ VII (1676—1677). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1859, въ 4^о.

Томъ VIII (1678—1681). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1862, въ 4^о.

Томъ X (1682—1700). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1867, въ 4^о.

Томъ XI (1684 г.). Спб., въ типографіи Э. Праца, 1869, въ 4^о.

Документы, объясняющіе Исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. Спб., типографіи Э. Праца, въ 4^о.

Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверозападной Россіи съ Ригею и Ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ, найденныя въ Рижскомъ архивѣ К. Э. Напьерскимъ. Спб., въ Типографіи Импер. Акад. Наукъ, 1857 г., въ въ листъ.

Акты, относящіяся къ Исторіи Южной и Западной Россіи:

Томъ I (1361—1598) Спб., въ типогр. Э. Праца, 1863, въ 4^о.

Томъ II (1599—1637) Спб., въ типографіи Э. Праца, въ 4^о.

Томъ III (1638—1657) Спб., въ типографіи П. А. Кулиша, 1862, въ 4^о.

Томъ IV (1657—1659) Спб., въ типографіи П. А. Кулиша, 1863, въ 4^о.

Томъ V (1659—1665) Спб., въ типографіи Э. Праца, 1867, въ 4^о.

Томъ VI (1665—1668) Спб., въ типографіи Э. Праца, 1869, въ 4^о.

199) Новгородскія Писцовыя книги (Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г.). Томъ I, Спб., 1859. Томъ II 1862 г. Томъ III—Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. 1-я половинка, 1868, въ типографіи В. Безобразова и К^о, въ 4^о.

200) Русско-Ливонскіе акты, собранные К. Е. Напьерскимъ. Спб., въ типографіи Имп. Ак. Наукъ, 1868, въ 4^о.

201) Дневникъ Люблинскаго Сейма 1569 г. Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. Спб. Печатня В. Головина. 1869 г., въ 4^о.

202) Путешествіе Игумена Данила по Святой Землѣ, въ началѣ XII вѣка (1113—1115), издано подъ редакцію А. С. Норова, съ его критическими замѣчаніями. Съ приложеніемъ карты Палестины, плана Іерусалима и снимковъ съ рукописей. Спб., въ типогр. Имп. Акад. Наукъ, въ 4^о.

203) Великія Минеи Четіи, собранныя Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Сентябрь, числа 1—24, Спб., въ типографіи Имп. Ак. Н., 1868—9, въ 4^о.

204) Указатель къ осьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. Томъ I (выпускъ 1, А—Вас.). Спб. Въ типографіи Э. Праца, 1868 г., въ 4^о.

205) Томъ I, часть 1, Акты относ. къ Исторіи Православной церкви въ Югозападной Россіи. Кіевъ, 1859 г.

Томъ I, часть 2, Постановленія дворянск. провинц. сеймовъ, Кіевъ, 1861 г.

Томъ I, часть 3, Акты о казакахъ (1500—1648), Кіевъ, 1863.

206) Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, Самуила Величка, изд. Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, 3 тома, Кіевъ. 1848—1851 г.

207) Черниговскаго Намѣстничества Топографическое описаніе съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи, изъ частей коей оное намѣстничество составлено, сочиненное Дѣйств. Ст. Сов. и кавалеромъ Аванасіемъ Шафонскимъ, съ четырьмя географическими картами, въ Черниговѣ, 1786 г. Издалъ М. Судіенко, Предсѣдатель Временной Коммисіи, Высочайше учрежденной при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ. Кіевъ, въ Университ. типографіи, 1851, въ 4^о.

208) Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ Исторіи Сѣверозападной Россіи, томы 1—V. Вильна, 1867—1869, въ 8^о.

Достопримѣчательности Сѣверозападной Руси. Сборникъ рисунковъ, печатаемыхъ подъ наблюденіемъ Академика И. П. Трутнева.

209) Акты, Томъ I (Акты Гродненскаго Земскаго суда), 1865, въ 4^о. Томъ II (Акты Братскаго Земскаго суда), 1867, въ 4^о. Ревизія пушъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, 1867, въ 4^о.

210) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, по Высочайшему повелѣнію изданные II Отдѣл. С. Е. И. В. Канцеляріи. Спб. въ 8. Томъ IV, (съ 1661—1674 г.), томъ V (1675—1680) 1858; томъ VI (1682—1685), 1862; т. VII (1686—1699), 1864 г.; томъ VIII (1695—1699), 1867 г.; томъ IX (1698—1699), 1868 г.

211) Важное значеніе архива Св. Синода для науки обратило на себя ученое вниманіе г. синодальнаго оберъ-прокурора, графа Д. А. Толстаго, который, вскорѣ послѣ вступленія своего въ эту должность, представилъ всеподданнѣйшій докладъ объ учрежденіи Комиссіи для приведенія въ большую ясность и порядокъ дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ. На учрежденіе Комиссіи послѣдовало 6 декабря 1865 года Высочайшее соизволеніе. Изданія ея слѣдующія: Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ I (1542—1721). Спб. Въ Синодальной типографіи. 1868, въ 8

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Томъ I (1721 г.) Спб., въ Синод. типогр., 1869, въ 8°.

Редакціею вышеупомянутыхъ двухъ томовъ завѣдывалъ предсѣдатель Комиссіи, академикъ А. О. Бычковъ.

212) Бывшій министръ юстиціи, Д. Н. Замитинъ, признавая важное значеніе документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, для изслѣдованій въ области Русской исторіи и права и для справокъ по дѣламъ о дворянствѣ и поземельной собственности, поручилъ управляющему Архивомъ сенатору Н. В. Калачеву приступить къ ихъ описанію и изданію. Нынѣ издано:

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, книга 1-я, Спб. Печатано въ типогр. Пр. Сената, 1869, въ 8°.

213) Въ 1863 году Государю Императору благоугодно было повелѣть составить систематическое описаніе Архива Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи. По всеподданнѣйшимъ докладамъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа Д. Н. Блудова и государственнаго секретаря В. П. Буткова, исполненіе этого труда поручено было Дѣйств. Ст. Сов. (нынѣ Тайному Совѣтнику, сенатору) Н. В. Калачеву. Въ настоящее время вышло двѣ части сего описанія:

Архивъ Государственнаго Совѣта.

Протоколы Совѣта въ царствованіе Императрицы Екатерины II (1768—1796 гг.). С-Пб. Въ типографіи II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, 1869, въ 8°.

Часть I, отд. историческое. Часть II, отд. юридическое.

214) Отчеты Императорской Археологической Комиссіи съ 1859—1867 г. Великолѣн. изданіе, съ атласами рисунковъ съ найденныхъ вещей въ курганахъ. Спб., въ листъ.

215) Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка, по порученію и на издженіи Имп. Археолог. Общества издалъ И. И. Срезневскій. Спб., въ типографіи Имп. Акад. Наукъ, 1860, въ 4°.

216) Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Спб., въ 8°. Часть I (съ 4 таблицами), 1863. Часть II (съ 2 таблицами), 1864. Часть 3 (съ 4 табл.), 1866 г. Въ типогр. Имп. Ак. Наукъ, изъ IX, X и XI чч. Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археологическаго Общества.

217) Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей Архива Оружейной Палаты, съ объяснительнымъ указателемъ, и съ 12-ю таблицами рисунковъ. Спб., въ типогр. Имп. Ак. Наукъ, 1865, въ 8°.

218) Владимірскій кладъ, В. Стасова (съ тремя таблицами рисунковъ). Спб. Въ Типографіи Имп. Ак. Наукъ. 1866, въ 4°. Оттиски изъ VI тома Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества.

219) Православный Собесѣдникъ, издаваемый при Казанской Духовной Академіи. Это важное и многочисленное изданіе началось въ 1855 году и продолжается до сего времени.

220) Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Подъ редакціею К. Тихонравова, 6. вып. Владиміръ. 1863—1867.

221) Труды Ярославскаго Губ. Статистическаго Комитета, изд. подъ редакціею А. Фогеля. Выпуски 1—5, Ярославль, въ Губ. типографіи, 1866—1869.

222) Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Статистическимъ Комитетомъ, подъ редакціею А. Гацискаго. Т. 1—1867 г.; т. 2—1869. Въ типографіи Нижегородскаго Губернскаго Правленія.

223) Лѣтописи Русской литературы и древности, издаваемые Николаемъ Тихонравовымъ, томы I, II, III, IV, VI, Москва. Въ типографіи Грачева и К°.

Т. 1—2 1859.—3, 1861.—4, 1862.—5, 1863.

224) Памятники отреченной Русской литературы, собр. и изд. Н. Тихонравовымъ, два тома. Спб., т. 1 въ тип. Товарищества Общественная Польза. Т. 2, Москва, въ Унив. типограф., 1863.

225) Памятники старинной Русской литературы, издаваемые графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко, подъ редакціею Н. Костомарова. Сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи. Выпускъ I—Спб., 1860, въ типографіи П. А. Кулиша, въ 4°. Выпускъ II, Спб., 1860, въ типографіи П. А. Кулиша, въ 4°. Выпускъ III: ложныя и отреченныя книги Русской старины, собр. А. Н. Пыпинымъ, Спб., 1862, въ типографіи П. А. Кулиша, въ 4°. Выпускъ IV: повѣсти религіознаго содержанія, древнія поученія и посланія, извлеченныя изъ рукописей Николаемъ Костомаровымъ, Спб., 1862, въ типографіи П. А. Кулиша, въ 4°.

Христіанскія древности и археологія. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый В. Прохоровымъ. Два года, по 12 книгъ (С. Пб.) 1863—1864, 1864—1865. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, въ 4°.

226) Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства. Томъ 1 (Русская народная поэзія). Томъ II (Древне-Русская народная литература и искусство). Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. Въ типогр. Общественная Польза, 1861, въ 4^о.

227) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Изданіе К. А. Попова. Москва, въ Синодальной типографіи, 1868, въ 8^о.

228) Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія Славянск. преданій и вѣрованій, въ связи съ мѣстн. сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Томы I, II и III. Изд. К. Солдатенкова. Москва, 1868—9, въ 8^о.

229) Разсказы изъ Русской Исторіи. Книга 2 (Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ вѣременъ до паденія). Москва. Въ типогр. Л. И. Степановой. 1864, въ 8^о. Книга 3 (Исторія города Пскова и Псковской земли). Москва. Въ Синодальной типографіи. 1867 г., въ 8^о.

230) Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. (Новгородъ, Псковъ, Вятка). Соч. Николая Костомарова. Томъ I и II. Спб. Въ типогр. Товарищ. Обществ. Польза. 1863, въ 8^о.

231) Записки о Московіи (Regum Moscoviticarum Commentarii), Барова Герберштейна. Съ Латинскаго Базельскаго изданія 1556 года перевелъ И. Анонимовъ, преподаватель исторіи въ VII Петербургской гимназій Спб. Въ типографіи В. Безобразова и К^о. 1866, въ 8^о.

232) Домашній бытъ Русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Москва. Въ типографіи В. Грачева и К^о, въ 8^о. Съ изображеніемъ в. кн. Василія Іоанновича и съ приложеніемъ 9 таблицъ рисунковъ.

233) Исторія царствованія Петра Великаго. Съ портретомъ Петра Великаго. Томы I, II, III и VI. Спб., въ типографіи Имп. Ак. Наукъ, 1858—1859, въ 8^о. Приложеніе: карты, планы и снимки. Томъ IV, часть 1—Битва подъ Нарвою и начало побѣдъ, и часть 2.— Приложенія съ портретомъ Карла XII, картами, планами и снимками. Спб. Въ типогр. Имп. Ак. Наукъ. 1863, въ 8^о.

234) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1863 г., въ 8^о.

235) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ вѣременъ. Томъ I, изд. 3. Москва. Въ типографіи Каткова и К^о, 1857, въ 8^о.

Томъ II, изд. 3. Москва. Въ типографіи В. Грачева и К^о, 1862 г.

Томъ III, изд. 3. Москва. Въ типографіи В. Грачева и К^о, 1862.

Томъ IV, изд. 3. Москва. Въ Университетской типографіи, 1863.

Томъ V, изд. 3. Москва. Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о), 1864.

Томъ VI, изд. 2. (Исторія Россіи въ царствованіе Іоанна IV Васильевича и Феодора Іоанновича, томъ 1). Спб. Въ типографіи И. И. Глазунова. 1860 г.

Томъ VII, изд. 2. (Томъ 2). Спб. Въ типографіи И. И. Глазунова. 1861.

Томъ VIII. Москва. Въ типографіи Каткова и К^о. 1858.

Томъ IX (Исторія Россіи въ царствованіе Михаила Феодоровича). Москва, въ типографіи Каткова и К^о, 1859.

Томы X, XI (Исторія Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, томы 1, 2). Спб. Въ типографіи И. И. Глазунова. 1860—1861.

Томъ XII (тоже томъ 3). Москва. Въ типографіи Грачева и К^о. 1862.

Томъ XIII (Исторія Россіи въ эпоху преобразованія, томъ 1). Москва. Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о). 1863.

Томы XIV и XV (тоже томы 2, 3). Въ типографіи Грачева и К^о, Москва, 1864—1865.

Томы XVI, XVII, XVIII (тоже томы 4, 5, 6). Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о), 1866—1868.

Ключъ или Алфавитный Указатель къ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ вѣременъ (I—XII) С. М. Соловьева. Составилъ И. И. Шиловъ. Москва. Въ типографіи Грачева и К^о. 1864, въ 8^о.

236) Исторія Русской церкви Макарія, архіепископа Харьковскаго (нынѣ Литовскаго), томы I, II и III. Второе исправленное изданіе. Спб. Въ типографіи Ю. А. Бокрама, 1868 г., въ 8^о. Томы IV, V (кн. 1, 2). Спб. Въ типографіи Ю. А. Бокрама, 1866, въ 8^о.

237) См. выше подъ № 145.

238) Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Соч. Филарета, архіепископа Черниговскаго. 12 мѣсяцевъ. Черниговъ, въ Губернск. типографіи, 1861—1866, въ 8^о. Съ эниграфомъ: «Да не будетъ ми лгати на Святаго».

239) Слово св. Ипполита объ Антихристѣ, въ Славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка, съ изслѣдованіемъ о словѣ и о другой мнимой бесѣдѣ Ипполита о томъ-же, съ примѣчаніями и приложеніями. Съ видомъ памятника св. Ипполиту и снимкомъ съ рукописи. Москва. Въ Синодальной типографіи, 1868, въ 8^о.

240) Исторія православнаго Русскаго монашества, отъ основанія Печерской обители до основанія Лавры св. Троицы. Москва. 1853 г.

241) Дѣло патріарха Никона, историческое изслѣдованіе съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. Москва, 1862 г.

242) Монастырскій Приказъ (1649—1725), опытъ историко-юридическаго изслѣдованія священника М. Горчакова. Спб. Въ типографіи А. Траншеля. 1868, въ 8.

- 243) Первоначальный Славяно-Русский Номоканонъ, соч. А. Павлова. Казань, въ Унив. типографіи, 1869.
- 244) Люди Божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. Изслѣдованіе профессора церковной исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ И. Добротворскаго. Казань. Въ Университетской типографіи. 1869, въ 8^о.
- 245) Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ архимандрита Порфирія Успенскаго (нынѣ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевскаго митрополита). Спб. Въ типографіи Имп. Академіи Наукъ. 1864, въ 4^о.
- 246) Древнія святыни Ростова Великаго. Изд. 2 испр. и дополи. Москва. Въ типографіи М. П. Захарова, въ 8^о, съ рисунками.
- 247) Святыни и древности Великаго Новгорода. Съ рисунками. Москва, 1862 г.
- 248) Святыни и древности Пскова. Съ рисунками. Москва, 1861.
- 249) О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ Русскимъ законамъ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, соч. Ив. Бѣльева. Москва. 1858 г.
- Его же: Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ Русскомъ обществѣ. Москва, въ Универс. типогр. 1860, въ 8^о.
- 250) Русский народъ и государство. Исторія Русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. Соч. В. Лешкова. Москва, въ Унив. типографіи. 1858 г., въ 8^о.
- 251) Сочиненія К. Кавелина. 4 части, Москва, 1859 г., въ 8^о.
- Взглядъ на историческое развитіе Русскаго порядка законнаго наслѣдованія, и сравненіе теперешняго законодательства объ этомъ предметѣ съ Римскимъ, Франц. и Прусс. К. Кавелина. Спб. 1860, въ 8^о.
- 252) Опыты по исторіи Русскаго права. Б. Чичерина. Изд. К. Солдатенкова. Москва, 1858, въ 8^о.
- Областные учрежденія Россіи въ XVII в. Соч. Б. Чичерина. Москва, 1856, въ 8^о.
- 253) Исторія судебныхъ инстанцій и гражд. апелляц. судопроизводства отъ Судебника до Учрежд. о губерніяхъ, О. Димитріева М. 1859, въ 8^о.
- 254) Вѣче и Князь, Русское государственное устройство и управленіе во времена Князей Рюриковичей. Истор. очерки В. И. Сергѣевича. Москва, 1867, въ 8^о.
255. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, книга 1. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1850, въ 8^о. Книги 2 половина 1, Москва. Въ типограф. Александра Семена, 1855, въ 8^о.
- Книга 2, половина 2, Москва. Въ типографіи А. Семена, 1854, въ 8^о.
- Книга 3, С.-Петербургъ, въ типографіи Имп. Акад. Наукъ, и Москва, въ типографіи Семена, 1861, въ 8^о.
- Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Спб. 1858—1863, въ 8^о.
- Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изданы Археографическою Коммиссіею, подъ редакціею Члена Коммиссіи Николая Калачева. Томъ I (Выборы, выписи, грамоты, данныя, доклады, допросы, досмотры, доѣзды, духовныя, дѣла, дѣльныя, записки, записи, извѣты). Спб. Въ типографіи Имп. Ак. Наукъ, 1857, въ 4^о. Томъ II (Кабалы, книги, купчія, межевыя, мировыя, мѣшныя, наемныя, наказы, оброчныя, отводныя, откупная, отписи, отписки, отписныя, отпускныя, отсрочныя, памяти, писанія, письма, платежныя, подорожныя, подписи, подписки, подрядныя, поручныя). Томъ II. Спб., въ типогр. Имп. Ак. Наукъ, 1864, въ 4^о.
- 256) Псковская судная грамота (1397—1467). Изданіе второе, въ 4^о. Facsimile всей грамоты съ пояснит. словаремъ. Одесса, въ городск. типогр., 1868 г.
- 257) Гражданскіе законы Псковской судной грамоты. Спб., 1855, въ 8^о.
- 258) Изслѣдованіе Псковской судной грамоты, О. Устрялова (сына). Спб. 1853.
- 259) Толковый словарь живаго Великорусск. языка. Изд. Общ. Люб. Рос. Словесности. 20 вып. Москва, 1861—1867.
- 260) Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ), со снимками съ памятниковъ Спб. 1864, въ 4^о.
- 261) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Томъ 1, Москва. 1861. Тоже т. 2, 3 и 4. Изд. Олонек. Губ. Статистическимъ Комитетомъ. Петрозаводскъ. 1864—1867, въ 8^о.
- 262) Калѣки переходящія. Сборникъ Русскихъ народныхъ стиховъ, съ рис. и нотами. Выпускъ 1—6. Собралъ и издалъ П. Безсоновъ. М. 1861—1864, въ 8^о.
- 263 Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Москва, въ 8. Вып. I (Илья Муромецъ богатырь-крестьянинъ) 1860 г. Въ типогр. А. Семена. Вып. 2 (Добрыня Никитичъ, богатырь бояринъ. Богатырь Алеша Поповичъ, Василій Казимировичъ, богатырь—дьякъ, долгополый, пьяница) 1861. Въ типогр. Семена. Вып. 3 (богатыри: Иванъ Гостинный сынъ, Иванъ Годиновичъ, Данило Ловчанинъ съ женою, Данило Игнатьевичъ съ сыномъ, Дунай Ивановичъ, Сорокъ каликъ съ каликою, Дюкъ Степановичъ, Суровецъ-Суздавецъ, Сауръ Ванидовичъ) 1861. Въ типогр. А. Семена. Вып. 4 (дополнительный) 1862. Въ типографіи А. Семена. Вып. 5 (пѣсни былевые. 1, Новгородскія; 2, княжескія) 1863. Въ типогр. Бахметева. Вып. 6 (Москва, Грозный царь Іоаннъ Васильевичъ) 1864. Въ типографіи Лазар. Института. Выпускъ 7 (отъ Грознаго царя до Петра I) 1868. Въ типографіи П. Бахметева.
- На дняхъ вышелъ въ свѣтъ 8 вып. (Государь Царь Петръ Алексѣевичъ, Царь Бѣлый Петръ Первый, первый Императоръ) печатанъ въ тип. Бахметева, 1870.

- 264) О трудах князя В. Θ. Одоевскаго по части Русскаго церковнаго и мірскаго пѣнія, см. въ книгѣ: Въ память о князѣ Владимирѣ Ѳеодоровичѣ Одоевскомъ. Засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности 13 апрѣля 1869 г. Москва. Въ типографіи „Русскаго.“ 1869, въ 8^о.
- 265) Церковное пѣніе въ Россіи. Соч. свящ. Дим. Разумовскаго. Вып. 1. Москва, 1867 г., въ 8. Вып., 2, 1869.
- 266) Исторія Русскихъ школъ иконописанія до конца XVIII вѣка. Изъ XVIII т. Записокъ Имп. Археолог. Общ., 1856, въ 8^о.
- 267) О Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава 1 Владимировича, съ изображ. св. Георгія Побѣдоносца. Историко-нумизматич. изслѣдованіе, съ 4-мя рисунк. Спб., 1860.
- 268) Монета и вѣсъ въ Россіи. Изслѣд. Д. И. Прозоровскаго. Спб. 1865.
- 269) Промышленность древней Россіи, Н. Аристова, Спб. 1866, въ 8^о.
- 270) Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Изданіе, посвящ. Государю Императору. А. Мартынова. Текстъ, составленный И. М. Снегиревымъ. Томъ 1, съ прилож. герба. плановъ и панорамы города Москвы. 1865.
- 271) Роспись древней Русской утвари изъ церковнаго и домашнаго быта до XVIII вѣка, Д. Солицова, 1 вып. Въ 5 отдѣленіяхъ съ 70 рисунк. Москва. 1867 г.
- 272) Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1822 года, по поводу открытыхъ въ старой Рязани драгоценныхъ великокняжескихъ украшеній, Калайдовичъ былъ посланъ туда для изслѣдованій, осмотрѣлъ при этомъ окрестные монастыри и разнаго рода древности.
- 273) Списокъ извѣстѣйшихъ кургановъ въ Россіи Спб., 1837, въ 12^о.
- 274) Историческая система Ходаковскаго въ 3 книжкѣ Русскаго Историческаго Сборника, издавнаго Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ редакціею профессора Погодина. Москва, въ Университ. типографіи, 1838 г., въ 8 (стр. 3—109).
- 275) Мои замѣтки о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Карелии, въ Бѣжскомъ уѣздѣ (напечат. во 2 книжкѣ того-же изданія 1837, стр. 3—29).
- 276) Отрывокъ изъ письма Пассека на имя проф. Погодина объ описаніи кургановъ, напечат. въ 3 книжкѣ Русскаго Истор. Сб., стр. 127, 128.
- 277) Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изд. по Высочайшему повелѣнію. Кіевъ, 1848 г.
- 278) Археологическія разысканія во Владимирской губерніи, Павла Савельева. Спб. 1857, въ 8.
- 279) Именитые люди Строгановы. Спб. 1842 г., въ 8.

Сказанное на с. 12 о трудахъ П. М. Строева слѣдуетъ исправить и дополнить такимъ образомъ: П. М. Строевъ вступилъ въ сношеніе съ Графомъ Румянцовымъ, по его приглашенію, прежде г. Калайдовича; и въ 1816 году былъ назначенъ главнымъ смотрителемъ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, которая, подъ его начальствомъ, и издала второй и третій томы извѣстнаго собранія. Софійскій вреженикъ, изданный въ 1812 г. П. М. Строевымъ, былъ первымъ у насъ своднымъ критическимъ изданіемъ.

Археографическое путешествіе П. М. Строева послѣдовало по Высочайшему соизволенію на представленіе академіи наукъ, въ которомъ принималъ главное участіе академикъ Кругъ.

Я писалъ и говорилъ на память, неимѣя возможности дѣлать никакихъ справокъ, за недостаткомъ времени, даннаго мнѣ комитетомъ: могъ пропустить одно, ошибиться въ другомъ, и заранѣе просилъ въ этомъ извиненія, а выѣстъ и указанія пропусковъ и ошибокъ. М. П.

II.

ОПИСАНІЕ

БОРОЗДИНСКАГО СОБРАНІЯ РИСУНКОВЪ КЪ ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ПУТЕШЕСТВІЮ ПО РОССИИ,

съ гг. Ермолаевымъ и Ивановымъ,

въ 1809—1810 годахъ (*)

Часть I и II—1809 г. и ч. I, II—1810 года. Всѣхъ же четыре части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ ней содержатся:

I. Планъ Старо-Ладожской крѣпости.

Въ краткомъ описаніи сказано: «На семъ мѣстѣ первый нашъ Великій Князь Рюрикъ имѣлъ сначала свою столицу; однакоже находящіяся здѣсь развалины, вѣроятно, суть остатки каменной крѣпости, построенной въ 1116 году Ладожскимъ посадникомъ Павломъ».

II. Разрѣзы башенъ Старо-Ладожской крѣпости.

Въ примѣчаніи къ этому чертежу объяснено, что башни и стѣны построены изъ плиты и большого булыжника; кирпичъ встрѣчается весьма рѣдко.

Вмѣсто слова: масштабъ употреблено: мѣрникъ.

III. Видъ Старо-Ладожской крѣпости съ западной стороны.

IV. Видъ той-же крѣпости съ праваго берега Волхова.

Къ этому прибавлено: «Представленная здѣсь, влѣво отъ крѣпости, часовня построена на томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію была церковь св. Климента, воздвигнутая Нифонтомъ, епископомъ Новгородскимъ, въ 1153 году».

(*) Общество обязано трудамъ достопочтеннѣйшаго своего Члена Дмитрія Васильевича Полянова этимъ подробнымъ описаніемъ путешествія, которое доселѣ оставалось почти неизвѣстнымъ въ печати.

V. Видъ той-же крѣпости съ южной ея стороны.

VI. Видъ той-же крѣпости, взятый изънутри ея.

Здѣсь представленъ видъ воротъ въ четырехугольной башнѣ и часть крѣпостной внутренности.

VII. Лицевой видъ (фасадъ) и планъ Старо-Ладожской церкви св. Георгія.

На планѣ означено мѣсто въ правомъ абсидѣ, гдѣ написанъ на стѣнѣ храмовой образъ св. Георгія.

VIII. Разрѣзъ той-же церкви.

Подъ разрѣзомъ изображенъ образъ св. Георгія, написанный по сырой штукатуркѣ. Тутъ-же выписаны двѣ изъ надгробныхъ надписей, находящихся въ алтарѣ. Одна упоминаетъ о Петрѣ Доможировицѣ, другая о Георгіѣ Ницков...ци. Обѣ безъ года.

IX. Видъ Старо-Ладожскаго Николаевскаго монастыря на лѣвомъ берегу Волхова.

Изображенный вправо отъ этого монастыря курганъ называется Побѣдищемъ.

X. Бѣлозерская дѣвушка въ вѣничкѣ.

XI. Бѣлозерская женщина въ повойникѣ.

XII. Бѣлозерскій ночной хороводъ.

Хороводы сіи, прибавлено въ описаніи рисунка, бываютъ лѣтомъ всегда на закатѣ солнца, и продолжаются почти во всю ночь. Такое обыкновеніе тѣмъ еще страннѣе, что днемъ дѣвушки почти не показываются, и даже рѣдко ходятъ въ церковь.

XIII. Видъ Череповца.

XIV. Дѣвушка Устюжны Желѣзнопольской.

XV. Женщина оттуда-же.

XVI. Видъ Тихвинскаго мужскаго монастыря.

Построенъ по случаю явленія иконы Божіей Матери, именуемой Тихвинскою, въ 1383 году. Монастырь получилъ окончательное учрежденіе не прежде 1560 года.

XVII. Золотой потиръ въ ризницѣ этого монастыря.

На днѣ потира надпись: лѣта 7312 года ($\frac{7082}{1574}$) маія въ кѣ день дѣланъ сей потиръ по приказу Государя Царя Ивана Васильевича, всея Русіи, отъ его Царскихъ сокровищъ, въ монастырь въ отчею пустыню, при игуменѣ Діонисіи. Надпись эта вырѣзана подъ титлами и частию вязью. (Рисованъ въ чертахъ).

XVIII. Потиръ серебряный, мѣстами позолоченный, тамъ-же.

Даръ боярина Ивана Ивановича Романова, положенный въ 1592 году. На нижнемъ пояскѣ потира вырѣзана обѣ этомъ надпись. (Рисунокъ въ чертахъ).

XIX. Серебряное, позолоченное кадило въ Тихвинскомъ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, пожертвованное старицею Евникиею, Ивана Андреевича Михалкова, въ 1637 году. (Рисованъ въ чертахъ).

XX. Тихвинская дѣвушка въ коронѣ.

XXI. Тихвинская женщина въ повойникѣ съ подзоромъ.

XXII. Тихвинская женщина съ боку въ повойникѣ съ платкомъ вмѣсто подзора.

XXIII. Тихвинскій житель въ шапкѣ, называемой корабликомъ.

XXIV. Рисунокъ, изображающій обыкновеніе Тихвинокъ приходитъ въ праздники, послѣ обѣда, на монастырскую ограду, кланяться родительскимъ могиламъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Планъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря.

Въ описаніи поименованы находящіеся въ немъ храмы и другія зданія. Но описаніе не совсѣмъ сходно съ планомъ; такъ, напримѣръ, въ описаніи подь № 13, показана церковь св. Епифанія, построенная въ 1645 году княземъ Телятевскимъ, на планѣ же ея нѣтъ; тоже нѣтъ и церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, означенной въ описаніи подь № 15.

II. Виды (архитектурные) и разрѣзы стѣнъ и башенъ того-же монастыря.

III. Видъ того-же монастыря съ Сиверскаго озера.

Въ краткомъ описаніи сказано, что монастырь сей основанъ въ 1397 году.

IV. Видъ внутренности Кириллова монастыря съ Казанской башни.

При этомъ упомянуто, что монастырь имѣетъ въ окружности почти $1\frac{1}{2}$ версты.

V. Серебряная чаша.

На ней въ четырехъ кружкахъ надпись вязью: «Василій, Божіею милостию Великий Господарь всея Русси и Великій Князь». Тутъ сверху изображенъ въ кружкѣ большой величины какой-то звѣрь, какъ будто скачущій, съ густою гривой на длинной шеѣ и съ короною на головѣ. Неизвѣстно, сказано въ описаніи, которому изъ Великихъ Князей Василіевъ принадлежала эта чаша; вѣроятно Василію Васильевичу Темному, а можетъ быть даже и отцу его Василію Дмитриевичу. (Рисовано въ чертахъ).

VI. Серебряная водосвятная чаша съ ениномъ (кропиломъ).

Пожертвованная въ Кирилловъ монастырь въ (4391¹—7186) 1678 году бояриномъ Иваномъ Алексѣвичемъ Воротынскимъ.

VII. Серебряная, вызолоченная ладоница.

Сдѣлана въ Кирилловъ монастырь по благословенію игумена Матѳея въ 1609 г.

VIII. Серебряное, вызолоченное кадило.

Пожертвовано въ тотъ-же монастырь человѣкомъ (слугою) боярина князя Ивана Алексѣвича Воротынскаго, Никитою Осиповымъ Недековымъ въ 1679 г.

IX. Серебряное, вызолоченное кадило.

Построено въ храмъ преподобной Маріи Египетской, чтò въ Срѣтенскомъ монастырѣ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Львовымъ, въ 1666 году.

X. Серебряный, позолоченный ковшъ,

принадлежавшій князю Ивану Ивановичу Кубенскому въ 1535 году. Въ описаніи прибавлено: «Князь Кубенскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ бояръ Царя Ивана Васильевича, былъ ему внучатный братъ по женскому колѣну, и по повелѣнію его въ 1546 году казненъ».

XI. Серебряная, мѣстами вызолоченная кружка.

Принесена въ даръ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю въ 1678 году бояриномъ княземъ Иваномъ Алексѣвичемъ Воротынскимъ, по сынѣ своему, князю Михайлѣ Ивановичѣ. Со смертію князя Ивана Алексѣвича, въ 1679 году, пресѣлся родъ князей Воротынскихъ.

XII. Серебряная, мѣстами вызолоченная кружка.

Старинной работы, но безъ надписи.

XIII. Серебряная, мѣстами вызолоченная кружка.

Внутри ея изображенъ Польскій гербъ Налончъ, покрытый епископскою католицкою шапкою, и около его буквы А, С, Е, Р и 1559 годъ. Она, вѣроятно, принадлежала какому-нибудь епископу Позненскому или Плоцкому. Въ Кирилловскую обитель, какъ видно изъ описи, дана вкладомъ отъ боярина князя Ѳедора Андреевича Телятевскаго, погребеннаго въ этомъ монастырѣ, въ построенной имъ церкви св. Елифанія. Гербъ и ручка кружки нарисованы тутъ же отдѣльно, въ чертахъ.

XIV. Серебряный, вызолоченный кубокъ.

Данъ бояриномъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ, тѣмъ самымъ, который въ 1604 году проигралъ сраженіе подъ Новгородомъ Съверскимъ противу самозванца Отрепьева.

XV. Серебряный, мѣстами позолоченный, кубокъ.

Данъ въ 1650 году Сибирскимъ Царевичемъ Василиемъ Ишимовичемъ Кучумовымъ. «Здѣсь для странности замѣтить должно, что на семь кубкѣ Бахусъ изображенъ съ усами».

XVI. Четыре шишака.

Всѣ разной формы. Въ замѣчаніи сказано, что оружейная Кириллова монастыря была наполнена всякаго рода оружіями, изъ которыхъ многія были весьма рѣдкія; но лѣтъ около 20-ти тому назадъ (*) въ той кладовой, гдѣ находилась оружейная, верхній сводъ обрушился отъ ветхости, и, подавивъ хранившіяся въ ней вещи, проломилъ даже каменный полъ со сводомъ, который былъ въ этой оружейной. Нынѣшнее оружіе Кирилловскаго монастыря состоитъ изъ остатковъ, которые могли въ то время вытащить изъ-подъ развалинъ.

XVII. Четыре шишака съ арабскими надписями на нижнихъ ободахъ.

Всѣ разной формы.

XVIII. Пять шлемовъ и верхняя часть мисюрки или прилбицы.

На одномъ изъ шлемовъ на верху было кольцо, съ надписью на одной сторонѣ: лѣта 7382 ⁽⁷⁰⁶⁹⁾₍₁₃₃₂₎ апрѣля 7 день, а на другой: делано вгородѣ встарлицѣ. Годъ этотъ, объяснено въ примѣчаніи, есть тотъ самый, въ который взята была Казань. Шлемы эти, вѣроятно, принадлежали дружинѣ Владимира Андреевича князя Старицкаго, двоюроднаго брата Царя Ивана Васильевича, который участвовалъ въ покореніи Казани, и, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, былъ въ 1570 году, по повелѣнію Царя, погубленъ по нѣкоторымъ подозрѣніямъ.

XIX. Шлемъ въ Кирилловской оружейной.

Европейской формы, нарисованъ съ боку, спереди, сзади и снутри.

XX. Шлемъ.

Европейской формы, но другаго вида, въ четырехъ изображеніяхъ, изъ упраздненнаго Усть-Шехонскаго монастыря, въ 18-ти верстахъ отъ г. Бѣлозерска.

XXI. Мисюрка или прилбица, два шишака и наплечникъ.

Три первые предмета изъ Кирилловской оружейной, а послѣдній изъ Усть-Шехонскаго монастыря.

(*) Слѣдательно въ 80 хъ годахъ прошлаго столѣтія.

XXII. Видъ Ферапонтова упраздненнаго монастыря.

Въ примѣчаніи сказано, что онъ основанъ въ XV столѣтіи преподобнымъ Ферапонтомъ изъ рода Поскочиныхъ. Здѣсь былъ заточенъ патріархъ Никонъ.

XXIII. Соборная Софійская церковь въ Вологдѣ.

Построена въ 1568 году, по повелѣнію Царя Ивана Васильевича.

XXIV. Видъ каменной ограды Вологодскаго архіерейскаго дома.

Сооружена около половины XVII столѣтія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (или I-я 1810 года).

I. Планъ Кіева, съ видомъ его, изображеннымъ внизу.

Въ объясненіи означены всѣ примѣчательныя зданія Кіева.

II. Два плана окружностей Кіева, одинъ въ нынѣшнемъ (1810 г.) состояніи, а другой древняго Кіева, до нашествія Татаръ.

Это первая попытка представить планъ древняго Кіева съ его окрестностями. Свидѣтельства лѣтописей, бумаги архива Кіевского магистрата и устные преданія жителей, соображенные съ мѣстнымъ положеніемъ города, служили основаніемъ къ сочиненію сего плана и къ опредѣленію многихъ мѣстъ, теперь уже неизвѣстныхъ подъ прежними именами. Тутъ означены по возможности всѣ мѣста древняго Кіева, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, съ показаніемъ года, подъ которымъ онѣ тамъ упоминаются. Сомнительныя и опредѣленные по одному предположенію мѣста отличены знакомъ (?).

III. Опытъ чертежа (карты) великаго княжества Кіевского до нашествія Татаръ.

IV. Церковь Богородицы Десятинная.

Въ примѣчаніи изложена весьма краткая исторія этой церкви. На рисунокѣ изображены видъ, планъ и греческія буквы, оставшіяся на стѣнѣ.

V. Софійскій соборъ.

На рисунокѣ изображены фасадъ съ восточной стороны, разрѣзъ и два плана нижняго и верхняго яруса. Описаніе краткое, съ поименованіемъ всѣхъ заключающихся въ этомъ соборѣ придѣловъ.

VI. Мозаическое изображеніе Спасителя.

Въ описаніи сказано, что оно, безъ сомнѣнія, сдѣлано при Ярославѣ I, и слѣдовательно за 250 лѣтъ до возстановленія мозаическаго искусства въ Италіи. Софійская мозаика есть несомнѣнно произведеніе греческихъ художниковъ. Далѣе здѣсь описанъ способъ кладки мозаики. Здѣсь въ первый разъ упомянуто о художникѣ Ивановѣ, срисовавшемъ «со всею возможною точностію сіи драгоцѣнныя остатки древности, остававшіеся до сихъ поръ почти въ неизвѣстности». Это изображеніе Спасителя находится подъ главнымъ куполомъ въ срединѣ надъ олтарнымъ сводомъ.

VII. Такое-же изображеніе евангелиста Марка.

По рисунку слѣдуетъ заключить, что оно помѣщено въ парусѣ. Надпись евангелиста греческая, также какъ и слова на раскрытомъ передъ нимъ евангеліи.

VIII. Такое-же изображеніе святыхъ—Лаврентія, Василия, Іоанна Златоустаго (?), Григорія Нисскаго и Григорія-чудотворца.

Надписи греческія. Святые изображены здѣсь въ полфигурахъ, потому что нижняя часть мозаики отбита, задѣлана штукатуркою, и недостающія части фигуръ выкрашены масляною краскою. Изображенія эти находятся въ олтарѣ съ правой стороны, выше горняго мѣста.

- IX. Такое-же изображеніе святыхъ—Епифанія, Климента, папы римскаго, Григорія Богослова, Николая и Стефана.

Они (за недостаткомъ времени) нарисованы только въ чертахъ съ легкимъ оттѣненіемъ. Нижняя часть изображеній этихъ святыхъ пострадала еще болѣе предъидущихъ, и потому они всѣ поясныя. Находятся въ олтарѣ, съ лѣвой стороны.

- X. Такое-же изображеніе Тайной Вечери.

Оно находится въ олтарѣ съ правой стороны надъ святителями, изображенными на рисункѣ VIII. Здѣсь представлены Спаситель, подающій чашу, и подходящіе къ Нему ученики, которыхъ изображено здѣсь четыре. Изображенія остальныхъ двухъ выломаны. Позади Спасителя нарисованы престолъ и стоящій возлѣ ангелъ съ рипидою. Сверху греческая надпись: пійте отъ нея вси, и проч.

- XI. Такое-же изображеніе Тайной Вечери.

Здѣсь изображена другая половина Тайной Вечери, находящаяся съ лѣвой стороны: Спаситель, подающій хлѣбъ, подходящіе ученики, всѣ шестеро, и ангелъ съ рипидою позади престола. Сверху надпись по-гречески: пріимите, ядите, и проч. Нарисовано въ чертахъ съ легкимъ оттѣненіемъ.

Оба эти рисунка въ натуральномъ видѣ представляютъ одно сплошное изображение, раздѣленное здѣсь для болѣе удобнаго представленія.

- XII. Такое-же изображеніе Божіей Матери.

Находится въ олтарѣ на срединѣ свода надъ Тайною Вечерью. Это изображение извѣстно надъ названіемъ: Нерушимая стѣна. Нарисовано въ чертахъ съ легкою оттѣнкою.

- XIII. Мозаическія украшения въ Софійскомъ соборѣ.

Здѣсь представлено двѣнадцать образцовъ этихъ украшеній, которыя расположены по стѣнамъ олтаря, а одно служить подножіемъ у престола въ придѣлѣ св. кн. Владиміра.

- XIV. Изображеніе каменныхъ досокъ съ рѣзбою, служащихъ перилами на хорахъ Софійскаго собора.

Всѣхъ десять узоровъ чистаго византійскаго пошиба. Нарисованы въ чертахъ.

- XV. Изображеніе Ярославовой гробницы.

Здѣсь представлены въ чертахъ: разрѣзъ и планъ олтаря въ придѣлѣ св. Владиміра, съ означеніемъ мѣста, гдѣ стоитъ гробница, изображеніе гробницы съ боковой и передней стороны, въ большемъ видѣ. Въ описаніи сдѣланы попытки объясненія фигуръ, находящихся на гробницѣ.

- XVI. Церковь Спаса Преображенія на Берестовѣ.

На рисункѣ изображены фасадъ съ западной стороны и планъ. Въ примѣчаніи даны обстоятельныя историческія свѣдѣнія о селѣ Берестовѣ.

- XVII. Планъ Кіево-Печерской Лавры съ означеніемъ пещеръ.

Въ описаніи помѣщено историческое свѣдѣніе о Лаврѣ, и поименованы всѣ показанныя на планѣ замѣчательныя мѣста, съ историческими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

XVIII. Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій.

Въ описаніи изложено краткое его жизнеописаніе. Подъ его изображеніемъ, о которомъ не сказано, откуда оно взято, помѣщенъ его гербъ.

XIX. Богданъ Михайловичъ Хмельницкій, гетманъ Малороссійскій. Приложено его жизнеописаніе.

XX. Планъ окружностей древняго города, а нынѣ мѣстечка Любеча, съ предположительнымъ означеніемъ происходившаго въ 1016 году сраженія и разбитія Святополка Ярославомъ I.

Съ историческимъ и отчасти топографическимъ объясненіемъ.

XXI. Древняя мѣдная кружка, найденная въ мѣстечкѣ Старомъ Бѣлоусѣ.

Самая кружка не сохранилась, а нарисована по рассказамъ нашего онуя въ землѣ протоіерея. Остались только нѣсколько колець, которыя были вложены въ кружку, и петля отъ нея; эти предметы изображены на рисункѣ въ настоящую ихъ величину. Селеніе Бѣлоусъ, сказано въ концѣ описанія, и протекающая близъ него рѣчка, называются Бѣлою весью, и, упоминаются въ лѣтописяхъ еще съ 1148 года.

XXII. Барельефъ.

Находится теперь (въ 1810 г.) въ мѣстечкѣ Столбномъ у гр. Безбородко, во владѣніяхъ котораго онъ и былъ найденъ въ землѣ, близъ рѣки Буга, въ 15 верстахъ отъ города Николаева, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ученые полагаютъ древній городъ Ольвію.

Барельефъ (вѣроятно, мраморный) изображаетъ какое-нибудь жертвоприношеніе. Рисованъ карандашемъ. Ширина 3 фута безъ 2 дюймовъ, вышина 1 футъ 7 дюймовъ.

XXIII. Два плана города Остра и Бѣловѣжскаго городка.

Подробное историческое описаніе этихъ мѣстностей.

XXIV. Видъ рѣки Остра при Нѣжинѣ.

Этотъ городъ находится на мѣстѣ, называвшемся въ древности *Нлжатиными нивами*, гдѣ въ 1078 году происходило знаменитое сраженіе между великимъ княземъ Кіевскимъ Изяславомъ и Олегомъ Святославичемъ Черниговскимъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ (или II-я 1810 г.)

I. Четыре плана, служащіе къ объясненію Черниговскаго бытописанія.

Здѣсь помѣщены: 1) карта владѣній князей Черниговскихъ, до нашествія Татаръ, 2) планъ древняго Чернигова, 3) карта окружностей Чернигова въ древности, и 4) планъ нынѣшняго Чернигова. Первые три изображенія названы опытами. Въ описаніи изложены объясненія о двухъ мѣстностяхъ—рѣкѣ Свини и городѣ Сновскѣ, о которыхъ сдѣланы невѣрные указанія Татищевымъ и Болтинымъ.

II. Видъ города Чернигова.

Снятъ съ юго-восточной стороны. Въ краткомъ объясненіи сказано, что Несторъ упоминаетъ о немъ впервые подъ 907 годомъ; но существованіе его, безъ всякаго сомнѣнія, должно отнести ко времени болѣе древнему.

III. Тоже. Этотъ видъ взятъ съ восточной стороны отъ рѣки Стриженки.

IV. Спасо-Преображенскій соборъ.

Въ описаніи изложена краткая его исторія. По своей древности онъ превосходить даже Кіевскій Софійскій соборъ, хотя точный годъ его основанія и неизвѣстенъ. Извѣстно только, что онъ начатъ постройкою Мстиславомъ Владимировичемъ, княземъ Черниговскимъ и Тмутараканскимъ, который въ 1034 году и погребенъ въ немъ. На рисунокъ изображены фасадъ собора съ восточной (олтарной) стороны, его планъ и разрѣзь.

V. Видъ Черниговскаго Елецкаго монастыря.

О времени его учрежденія не сохранилось никакихъ свѣдѣній, сказано въ краткомъ объ немъ замѣчаніи.

VI. Соборная церковь Успенія Богородицы въ Елецкомъ монастырѣ.

Въ описаніи сказано, что расположеніе этой церкви, здѣчество, кладка кирпичей и самый матеріалъ, сходные съ древнѣйшими въ Россіи церквами, заставляютъ отнести время ея постройки по крайней мѣрѣ къ XII столѣтію. На рисунокъ изображенъ фасадъ съ западной стороны, планъ и фасадъ съ сѣверной стороны.

VII. Видъ Ахтырскаго Троицкаго упраздненнаго монастыря.

Основанъ въ XVII столѣтіи.

VIII. Земляныя насыпи.

Онѣ разбросаны во множествѣ на южной сторонѣ рѣки Сулы. На рисунокъ изображены въ планѣ три образца этихъ насыпей, находящихся въ Миргородскомъ уѣздѣ: а) между селеніями Савинцами и Бакуновкою; б) не въ дальнемъ отъ сего послѣдняго разстояніи, и в) между Обуховкою и Черевкою. По предположеніямъ Бороздина это должно быть остатки Половецкихъ вѣжъ, часто упоминаемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

IX. Каменные истуканы,

извѣстные подъ названіемъ каменныхъ бабъ. Подъ этимъ именемъ онѣ означены и въ Книгѣ Большаго Чертежа. На рисунокъ изображены два истукана, каждый съ трехъ сторонъ: съ передней, задней и боковой. Они находились Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ селѣ Обуховкѣ, у извѣстнаго писателя В. В. Капниста, въ саду, и вывезены были изъ Екатеринославской губерніи.

X. Курская дѣвушка въ повязкѣ.

XI. Тоже въ вѣнцѣ.

Эти головные уборы носятъ дѣвушки—первый до 12-лѣтняго возраста, а потомъ надѣваютъ вѣнцы.

XII. Курская женщина въ повойникѣ съ лица.

XIII. Тоже въ повойникѣ съ боку.

XIV. Видъ Богородицкаго Знаменскаго монастыря въ Курскѣ.

Замѣчательнъ по находящейся тамъ чудотворной иконѣ Знаменія Пресвятыя Богородицы, обрѣтенной по преданію въ 1295 году.

XV. Видъ садовъ города Курска.

XVI. Тоже.

XVII. Дѣвушка города Боровска, Калужской губерніи, съ лица.

XVIII. Тоже съ боку.

XIX. Боровская женщина въ кокошникѣ съ поднизью.

XX. Тоже съ боку.

XXI. Шишаки, найденные въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго.

На рисунокѣ изображены два шишака, каждый съ лица и съ боку.

XXII. Крестьянская женщина Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи, съ лица.

XXIII. Тоже съ боку.

Замѣчено, что такой же уборъ носятъ крестьянки Каширскаго у., Тульской г.

XXIV. Видъ крѣпости въ городѣ Тулѣ. Построена въ 1525 году.

Для полноты этого библиографическаго описанія, считаю нелишнимъ приложить объясненіе, приложенное къ плану города Остра и Бѣловѣжскаго городка:

«*Остеръ*, который въ лѣтописяхъ называется *городкомъ Остреческимъ*, иногда просто *Городкомъ*, и еще, что однако-же очень рѣдко, *Городцемъ*, построенъ въ 1098 году Владиміромъ Мономахомъ, когда онъ былъ княземъ Переяславскимъ. Здѣсь честолюбивый великій князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, столь часто съ Кіевскаго престола сгоняемый, имѣлъ свое пристанище, изъ котораго предначиналъ свои покушенія на Кіевъ, и гдѣ также при неудачахъ укрывался. Отъ того въ лѣтописяхъ названъ онъ подъ 1152 годомъ городкомъ Юрьевымъ, то есть великаго князя Юрія. Вѣроятно, сіе проименованіе его Юрьевымъ, историкъ Татищевъ счелъ за настоящее его имя, и въ I-мъ томѣ, стран. 572, смѣшалъ его съ настоящимъ городомъ Юрьевымъ, въ которомъ были епископы, и который находился не на рѣкѣ Острѣ, но на Роси, (*) разстояніемъ болѣе нежели на 120 верстъ отъ перваго. Татищевъ сдѣлалъ еще другую ошибку (томъ II, стран. 439), смѣшавъ сей городокъ на Острѣ съ *Городцемъ*, о которомъ Несторъ упоминаетъ подъ 1078 годомъ, и который, по самому его повѣствованію, долженствовалъ находиться близъ самаго Кіева. Сей послѣдній отыскали мы въ окружностяхъ онаго города, и означили на первомъ чертежѣ. Впрочемъ городокъ на Острѣ былъ разоренъ въ 1152 году Изяславомъ II, возобновленъ въ 1194 Всеволодомъ III, и съ тѣхъ поръ болѣе въ лѣтописяхъ не упоминается. Спустя лѣтъ съ триста, видимъ уже его подъ владѣніемъ Литвы, и подъ нынѣшнимъ именемъ Остра. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ былъ онъ сотеннымъ мѣстечкомъ Кіевскаго полку, и теперь заключается въ Черниговской губерніи, и составляетъ одинъ изъ повѣтовыхъ ея городовъ. Расположенъ на лѣвой сторонѣ Десны, верстахъ въ двухъ выше устья Остра; прежній же городокъ, вѣроятно, былъ на самой сей рѣкѣ, по правую ея сторону: тамъ и теперь находится, въ верстѣ отъ города Остра, слободка, принадлежащая къ городу, и именуется *Старо-городка*, гдѣ еще видны слѣды бывшихъ укрѣпленій.

Бѣловѣжскій городокъ примѣчателенъ своею древностію. Не должно однако-же его смѣшивать съ знаменитою *Бѣлою Вѣжею* или *Саркеломъ*, который, какъ свидѣтельствуяютъ Византійскіе писатели, построенъ при рѣкѣ Донѣ, въ 834 году,

---

(*) Сверхъ найденной мною лѣтописи въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, именно то свидѣтельствуяетъ греческій историкъ Георгій Кодинъ.

греческими художниками, по просьбѣ Казарскаго хана, и котораго мѣсто-положеніе, еще затрудняющее ученыхъ, безъ сомнѣнія будетъ разрѣшено, когда выдастъ въ свѣтъ почтенный и трудолюбивый г. профессоръ Астафій Матвѣевичъ Лербергъ свое о томъ разсужденіе. *Бѣлая Вѣжа*, которой здѣсь представленъ чертежъ, вѣроятно, была основана около 1117 года, ибо въ сіе время, по свидѣтельству лѣтописца, поселились въ Россіи Козары изъ древней Бѣловѣжи. Она упоминается еще подъ 1148 и 1149 годами. Тутъ историкъ Татищевъ сдѣлалъ еще ошибку, назвавъ ее *Бѣловѣсомъ*; ибо *Бѣловѣсь*, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1148, 1152 и 1154 годами, есть рѣчка, называемая теперь *Бѣлоусъ*, и впадающая въ Десну съ лѣвой ея стороны, въ 9 верстахъ ниже Чернигова. На ней находятся, недалеко отъ Чернигова, два села: Старый и Новый Бѣлоусъ. Села сіи и рѣчка, какъ изъ бумагъ Черниговской дикастеріи видно, еще въ началѣ прошедшаго столѣтія назывались Бѣловѣсомъ. Бѣлая же Вѣжа есть теперь село Черниговской губерніи, Конотопскаго повѣта, отъ города Конотопа къ юго-западу въ 42 верстахъ, на самомъ верховьѣ рѣки Остра».

III.

Біографическое извѣстіе о сочинителѣ атласа,

К. М. Бороздинъ.

(Изъ письма Д. В. Полѣнова къ М. П. Погодину).

...Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ (тайный совѣтникъ, сенаторъ и проч.) родился въ С.Петербургѣ 13 мая 1781 г., сконч. 10 мая 1848 г.—слѣдовательно 67 лѣтъ безъ 3 дней.

Мнѣ неизвѣстенъ ходъ его образованія, но знаю только, что онъ получилъ его въ домѣ своихъ родителей, и послѣдствія показали, что оно было основательное. Преимущественное изученіе Русской исторіи, и въ особенности генеалогіи, бывшее предметомъ занятій его во всю жизнь, ввело его въ кругъ тогдашнихъ ученыхъ, и близко познакомило съ Оленинымъ. Первый напечатанный имъ опытъ его трудовъ было небольшое сочиненіе: Начертаніе жизни князя Якова Ѳеодоровича Долгорукова, С-ПБ. 1805. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ 1809 г.) онъ предпринялъ, по Высочайшему повелѣнію, ученое путешествіе по Россіи, въ сопровожденіи назначенныхъ къ нему А. И. Ермолаева и рисовальщика Иванова. Ему сопутствовалъ еще Максютинъ, архитекторъ, въ послѣдствіи служившій въ Московской Кремлевской Экспедиціи, и скончавшійся въ Москвѣ, лѣтъ 10 тому назадъ. Если не ошибаюсь, то въ снаряженіи этого путешествія принималъ участіе Валуевъ, бывший начальникомъ Кремлевской Экспедиціи и издавшій «Описаніе Коломенскаго дворца». Бороздину дана была инструкція на совершеніе этого путешествія. Плодомъ этого путешествія было собраніе великолѣпнѣйшихъ рисунковъ красками, составившихъ 4 огромнѣйшихъ альбома, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Бороздинъ началъ путешествіе съ сѣверной части Россіи, и посѣтилъ Старую Ладугу, Тихвинъ, Устюжну, Череповецъ, Бѣлозерскъ и Вологду. Этимъ мѣстамъ посвящены двѣ части рисунковъ, въ числѣ 48.

Кромѣ замѣчательныхъ зданій и древнихъ вещей, видѣнныхъ Бороздинымъ на этомъ пути, онъ обратилъ вниманіе на одежду мѣстныхъ жителей, и преимущественно на женскіе головные уборы. Съ сѣвера Бороздинъ проѣхалъ прямо въ Кіевъ, изслѣдованію котораго посвящена почти вся 3-я часть (I-я 1810 года). Здѣсь изображены и описаны самый городъ, Десятинная церковь, Софійскій соборъ съ его мозаиками и Ярославовою гробницею, Спасъ на Берестовѣ, Кіево-Печерская лавра съ ея пещерами, городъ Любечъ, Остеръ, Бѣловѣжскій городокъ и Нѣжинъ. Въ части 4-й (II-й 1810 г.) описаны Черниговъ, Елецкій и Ахтырскій монастыри, нѣсколько городищъ, каменные бабы, Курскъ, Боровскъ и Тула.

Бороздинъ былъ больше историческій изслѣдователь, нежели археологъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Поэтому и въ описаніяхъ его, приложенныхъ при рисункахъ, у него преимуществуетъ сторона историческая, и, какъ его специальность, генеалогическая. Такъ при рисункѣ серебрянаго ковша (ч. II, рис. X), принадлежавшаго князю Ивану Ивановичу Кубенскому, означено, кто именно былъ этотъ князь Кубенскій. Такія-же замѣчанія сдѣланы о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ Воротынскомъ (тамъ-же, рис. XI), о князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ Мстиславскомъ, (тамъ-же, рис. XIV), о Владимирѣ Андреевичѣ, князѣ Старицкомъ, (тамъ-же, рис. XVIII). Какъ на историческія изслѣдованія, слѣдуетъ указать на планъ окрестностей древняго Кіева, на карту великаго княжества Кіевского до нашествія Татаръ (ч. III, рис. II и III), и на такіе-же планъ и карту города Чернигова и Черниговскаго княжества. Все это названо въ описаніи первыми опытами. Также любопытно описаніе двухъ плановъ города Остра и Бѣловѣжскаго городка съ повѣркою сказаній объ нихъ Татищева.

Изъ разсказовъ Константина Матвѣевича о его путешествіи я помню два случая, которые довольно любопытны, именно въ археологическомъ отношеніи. Осматривая стѣны Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, подъ руководствомъ одного изъ чиновъ монастырскихъ, Бороздинъ зашелъ въ одну изъ стѣнныхъ башенъ. Тутъ въ темномъ углу онъ увидѣлъ груду наваленной въ беспорядкѣ бумаги. Онъ спросилъ у провожатаго: «а это что у васъ?» — Да это, отвѣчалъ отецъ, ненужный хламъ сюда снесенъ изъ ризницы; собираемся сжечь, да все недосугъ. Бороздинъ нагнулся, и на удачу въ темнотѣ ему попалась маленькая рукописная книжка. Удостоверившись отъ провожатаго, что это точно ни на что ненужный хламъ, назначенный на жертву пламени, Бороздинъ попросилъ позволенія взять себѣ поднятую имъ книжку. — Берите, что хотите, отвѣчалъ провожатый. Поднятая книжка была опальный синодикъ Іоанна Грознаго, въ послѣдствіи напечатанный Устряловымъ въ Сказаніяхъ князя Курбскаго.

Въ другомъ монастырѣ, осмотрѣвъ соборную церковь, Бороздинъ отправился къ настоятелю. Изъ собора къ его кельямъ вела дорога, устланная плитами. Бороздинъ замѣтилъ, что всѣ плиты были съ высѣченными на нихъ надписями. На вопросъ его провожатому, что это за плиты, онъ получилъ въ отвѣтъ, что это камни, снятые съ старыхъ надгробныхъ памятниковъ. Разсмотрѣвъ ихъ внимательно, онъ увидѣлъ нѣсколько камней съ именами, принадлежащими къ одному изъ нашихъ знаменитыхъ и богатыхъ родовъ. Придя къ настоятелю, Бороздинъ завелъ разговоръ о плитахъ, и, объяснивъ о неприличіи подобнаго распоряженія, далъ совѣтъ возстановить разрушенные надгробные памятники. При этомъ онъ сдѣлалъ намекъ, что если бы настоятель довелъ до свѣдѣнія одного изъ богатыхъ лицъ этой фамиліи о погребенныхъ въ

монастырь его родичахъ, то лице это не затруднилось бы прислать монастырю богатый вкладъ. Настоятель обѣщалъ все это исполнить.

На возвратномъ пути Бороздину пришлось проѣзжать черезъ тотъ-же монастырь. Онъ обратилъ вниманіе на дорогу отъ собора къ настоятельскому дому, и нашелъ, что камни оставались тѣ-же, но надписи были всѣ тщательно сглажены.

Бороздинъ принадлежалъ къ числу людей, которые занимались наукою по безкорыстной къ ней любви и для собственнаго удовлетворенія, но и безъ особеннаго напряженія. При томъ-же обязанности по службѣ, которую онъ проходилъ во всю свою жизнь съ небольшими перерывами, не позволяли ему усидчиво и съ бѣльшимъ постоянствомъ трудиться надъ историческими и генеалогическими изслѣдованіями. Между тѣмъ, неуспѣшно слѣдя за всѣми явленіями по той отрасли, которой онъ себя посвятилъ, онъ обратилъ вниманіе на изданную въ Собраніи государст. грамотъ и договоровъ духовную грамоту великаго князя Димитрія Іоанновича, которую издатели приписали одному изъ внуковъ вел. кн. Іоанна III. Но, найдя это ошибочнымъ, онъ доказалъ, что грамота должна принадлежать не внуку, а сыну Іоанна III и родному брату велик. кн. Василя, Димитрію Іоанновичу Углицкому. Написанная объ этомъ Бороздинымъ статья напечатана въ Сѣверномъ Архивѣ 1823, ч. VI, стр. 400 (№ 12), подъ заглавіемъ: «Историческое изслѣдованіе духовной грамоты великаго князя Димитрія Ивановича», безъ подписи имени сочинителя.

Въ 30-хъ годахъ предпринято было Плюшаромъ изданіе Энциклопедическаго Лексикона. Образовался огромный кругъ ученыхъ, по всѣмъ отраслямъ знаній, изъявившихъ желаніе содѣйствовать этому предпріятію. Бороздинъ принялъ дѣятельное въ немъ участіе. У него уже было собрано много матеріаловъ по родословіямъ какъ Русскихъ князей, такъ и дворянскихъ фамилій. Но, не желая объявлять своего имени, онъ выпросилъ позволеніе у Александра Васильевича Висковатаго (тогда еще молодаго человека, только-что вышедшаго на поприще ученой дѣятельности, съ которымъ онъ не-задолго передъ тѣмъ сошелся) выставять подъ написанными имъ статьями буквы А. В. Подъ этими буквами и помѣщены всѣ статьи Константина Матвѣевича, такъ напримѣръ: *Бороздины*.

Въ 1841 году онъ началъ печатать свои родословія дворянскихъ фамилій и издалъ девять книжекъ, помѣстивъ въ каждой по одной фамиліи. Такимъ образомъ изданы родословія: Нащокиныхъ, Измайловыхъ, Апраксиныхъ, Бенкендорфовъ, Ефимовскихъ, Матюшкиныхъ, Скавронскихъ, Дивовыхъ и Арсеньевыхъ. Каждая книжка имѣла свое заглавіе: «Опытъ историческаго родословія дворянъ, или дворянъ и графовъ (такихъ-то). С-Пб. 1841». Это были дѣйствительно опыты и назначались не для публики. Они печатались только въ 40 экз., и ими Бороздинъ хотѣлъ вызвать другія фамиліи къ доставленію ему тѣхъ свѣдѣній, которыя члены этихъ фамилій могли бы найти въ своихъ семейныхъ архивахъ и которыхъ ему не доставало для возможной полноты его родословій. Но къ этому отношенію онъ не имѣлъ никакого успѣха.

Бороздинъ собралъ прекрасную библіотеку, которую старался дополнять въ продолженіе всей своей жизни. Онъ велъ образъ жизни самый скромный и почти уединенный, но любилъ, когда его посѣщали люди ученые, и въ особенности приходившіе къ нему просить совѣтовъ или пользоваться его знаніями и пособіями, находившимися въ его богатой библіотекѣ.

Изъ первыхъ, на кого Бороздинъ, въ бытность свою попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, обратилъ вниманіе, былъ нынѣшній академикъ Н. Г. Устряловъ. Онъ только-что перевелъ Маржерета и началъ издавать Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Не могу сказать, на сколько Бороздинъ принималъ участія въ этомъ изданіи. Но несомнѣнно то, что онъ оказывалъ самое полное поощреніе къ трудамъ тогдашняго молодого ученаго. При изданіи же Сказаній князя Курбскаго мы видимъ, что Бороздинъ далъ Устрялову свою рукопись сочиненій Курбскаго, послужившую для варіантовъ; отъ него-же Устряловъ получилъ и опальные синодики, которые онъ и напечаталъ въ своей книгѣ.

Изъ студентовъ университета, кончившихъ курсъ во время попечительства Бороздина, онъ особенно поддерживалъ А. В. Никитенко, которому и далъ ходъ, *Θ.* В. Чижова, нынѣшняго московскаго дѣятеля, а въ началѣ своего поприща—занимавшаго кафедрю математики въ званіи адъюнкты-профессора, В. Печерина, котораго онъ высоко ставилъ за его способности къ изученію языковъ. Прибавимъ къ нимъ покойнаго В. С. Порошина, который, намѣреваясь сдѣлать 2-е изданіе записокъ дѣда своего, хотѣлъ пополнить ихъ біографическими примѣчаніями о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискахъ. Всѣ эти примѣчанія составлялись по указаніямъ и при самомъ дѣятельномъ участіи Бороздина. Но, кажется, изданіе это не осуществилось.

Я упомянулъ выше о его библіотекѣ. Она досталась его дочери Е. К. Корсаковой, которая, по движенію благороднаго чувства къ общественной пользѣ, подарила ее Румянцевскому Музею. Въ 1864 году я видѣлъ ее тамъ въ полномъ составѣ.

Послѣ Бороздина осталось множество матеріаловъ, относящихся къ генеалогическимъ его трудамъ. Но кромѣ ихъ есть еще любопытное его сочиненіе: «Географія Россіи по лѣтописи съ Воскресенскаго списка» (печатной).

О ПРЕПОДАВАНИИ АРХЕОЛОГИИ

Ө. И. Буслаева.

Заявление программы Археологического Съезда о введеніи преподаванія археологіи въ наши учебныя заведенія особенно благопріятно должно быть принято и успѣшно рѣшено въ отношеніи той части этой науки, которая имѣетъ своимъ содержаніемъ древности христіанскія вообще и въ частности греко-русскую иконографію. Изученіе этого предмета имѣетъ у насъ свои многовѣковыя преданія; предметъ этотъ занималъ умы нашихъ предковъ еще въ XVII, даже въ XVI столѣтіи, въ тѣ темныя времена, когда у насъ не могло выработаться ясное понятіе о какой-бы то ни было наукѣ, но когда, согласно благочестивому настроенію умовъ, наши предки, чувствуя православное преданіе, старались о его сохраненіи, и для этой практической цѣли должны были его уяснять себѣ и теоретически, хотя, разумѣется, и не имѣли понятія о наукѣ христіанскихъ древностей.

По Стоглаву (гл. 43) вмѣняется въ обязанность митрополиту, архіепископамъ и епископамъ *бреши*—о святыхъ иконахъ и о живописцахъ, *по священнымъ правиламъ*, чтобы они съ великимъ тщаніемъ писали образа Іисуса Христа, Богородицы, пророковъ, апостоловъ, священномучениковъ, святыхъ мученицъ и преподобныхъ женъ, святителей и преподобныхъ отцевъ—*по образу и по подобію и по существу*, смотря на образъ *древнихъ* живописцевъ, и *знаменовати съ добрыхъ образцовъ*.

Чтобы постановить такое правило, надобно было имѣть нѣкоторое понятіе объ иконографическихъ образцахъ въ ихъ раннемъ, болѣе чистомъ стилѣ, и на этомъ основаніи положить критическую оцѣнку иконописной практикѣ. Чтобы выполнить предлагаемую Стоглавомъ задачу, надобно было русскому духовенству XVI в. имѣть свѣдѣнія иконографическія, почерпаемые изъ наблюденія надъ *добрыми* образами *древнихъ* живописцевъ и скрѣпленные навыкомъ въ собственной иконописной практикѣ, что и было на самомъ дѣлѣ, потому что древне-русское духовенство постоянно упражнялось въ этомъ искусствѣ. Итакъ, рекомендуются добрые образцы древнихъ. Это уже не ремесленная рутина сельскихъ иконописцевъ; это не одна благочестивая практика въ безсознательномъ чествованіи какого бы то ни было иконописнаго изображенія; но—до нѣкоторой степени—цѣлая система, основанная, такъ сказать, на археологическомъ преданіи. До нѣкоторой степени преданіе это можно назвать *археологическимъ*, потому что *восточный, грекорусскій* принципъ—свято сохранять преданіе—въ дѣлѣ христіанскаго искусства прямо возводилъ изыскателя православной старины на путь археологическій, хотя русскіе люди XVI—XVII ст. слѣдовали по этому пути безсо-

знательно, только ради своихъ благочестивыхъ цѣлей, а не въ интересахъ науки, которой, въ отвлеченіи отъ вопросовъ религіи, они не понимали и не могли понять.

Требованіе, заявленное въ Стоглавѣ, очевидно, вытекало изъ условій жизни, отвѣтствовало на запросы практики, и въ послѣдствіи не осталось безслѣднымъ.

Чтобы привести въ исполненіе это требованіе, надобно было дать руководство и для иконописной практики, и для ея теоретической оцѣнки со стороны тѣхъ лицъ, которымъ подобало этимъ дѣломъ завѣдывать.

Руководство это и есть тотъ *иконописный подлинникъ*, толковый и лицевой, который, служа образцомъ на практикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ поучалъ въ изученіи всего иконографическаго цикла и служилъ сокровищницею, въ которую русская старина сложила свои иконографическія преданія.

Такимъ образомъ иконописный подлинникъ—не только матеріаль для иконографіи, но уже, до нѣкоторой степени, научная система, учебникъ, именно по той самой отрасли свѣдѣній, которая теперь входитъ въ составъ христіанской археологіи.

Связь русскаго иконописнаго подлинника съ Стоглавомъ до очевидности означается въ самыхъ подлинникахъ тѣмъ, что въ предисловіяхъ, иногда въ послѣсловіяхъ къ нимъ, какъ общій принципъ, помѣщаются статьи изъ Стоглава объ иконописи и иконописцахъ.

Судя по дошедшимъ до насъ рукописямъ, надобно полагать, что составленіе русскаго подлинника (толковаго) не восходитъ ранѣе конца XVI в., можетъ быть какъ бы въ отвѣтъ на общія желанія, о которыхъ заявилъ Стоглавъ.

Историческое развитіе этого иконописнаго руководства, по разнымъ редакціямъ, свидѣтельствуетъ намъ, что иконографическая наука въ древней Руси не коснѣла, а успѣшно шла впередъ.

Хотя въ основу нашего иконописнаго подлинника были приняты преданія византійскія, однако развился онъ и образовался самостоятельно и независимо отъ подлинника византійскаго, какъ это явствуетъ и изъ сличенія его съ рукописью Діонисія, и изъ самой исторіи русскаго подлинника.

И въ нашей старинной литературѣ, и въ настоящее время на практикѣ у иконописцевъ встрѣчается нѣсколько редакцій подлинника. Древнѣйшія изъ нихъ отличаются краткостью и неполнотою; позднѣйшія—обстоятельнѣе и полнѣе. Историческое развитіе тѣхъ и другихъ совершилось въ такомъ порядкѣ: краткія редакціи предлагают въ порядкѣ мѣсяцеслова перечень праздниковъ и святыхъ съ самыми краткими иконописными замѣтками, а главнѣйшіе изъ праздниковъ и наиболѣе прославленные святые, какъ предметы общеизвѣстные, и вовсе не описываются. Сверхъ того въ древнѣйшихъ подлинникахъ не достаётъ многихъ собственно-русскихъ святыхъ и въ Россіи учрежденныхъ праздниковъ. Слѣдующіе за тѣмъ по времени подлинники добавляют недостающее въ подлинникахъ раннихъ, и именно: 1) присоединяютъ къ старымъ праздникамъ и святымъ—праздники новые и новыхъ русскихъ святыхъ (XV—XVII вв.) и 2) прилагаютъ недостающія въ раннихъ подлинникахъ описанія праздниковъ и святыхъ. Затѣмъ подлинникъ начинаетъ осложняться нѣсколькими описаніями одного и того же сюжета на основаніи разныхъ иконъ. Редакція подлинника осложняется въ слѣдствіе различія иконъ по редакціямъ. Это осложненіе повело къ противорѣчіямъ, и потому потребовалось устранить эти противорѣчія критикою: такимъ

образомъ возникли редакціи, болѣе или менѣе очищенныя критикою. Тогда же почувствовалась потребность въ окончательной литературной отдѣлкѣ подлинника. Систематически ввели въ него довольно подробный мѣсяцословъ, съ выписками, гдѣ нужно, изъ прологовъ, миней и житій святыхъ.

Все это историческое развитіе русскаго подлинника совершилось на пространствѣ какихъ-нибудь 150 лѣтъ, отъ конца XVI ст. и до начала XVIII-го.

Все разнообразіе редакцій русскаго подлинника можетъ быть подведено подъ слѣдующіе пять отдѣловъ:

- 1) Редакція древнѣйшая, безъ добавочныхъ русскихъ святыхъ и русскихъ праздниковъ.
- 2) Редакція со внесеніемъ русскихъ святыхъ и праздниковъ, но краткая, безъ описанія многихъ сюжетовъ, или съ самыми незначительными о нихъ замѣтками.
- 3) Редакція подробная, не только съ описаніемъ каждаго сюжета, но и съ разностями, или съ вариантами, происшедшими отъ различія въ иконахъ (съ противорѣчіями).
- 4) Редакція сводная и вмѣстѣ критическая, съ полнымъ мѣсяцословомъ, съ выписками изъ прологовъ и съ устраненіемъ разнорѣчій, и наконецъ—
- 5) Редакція позднѣйшая, исправленная по минеямъ Димитрія Ростовскаго.

Такъ какъ всѣ эти редакціи расположены въ порядкѣ мѣсяцослова, то каждая изъ нихъ могла быть дополняема сюжетами, стоящими внѣ мѣсяцослова, каковы: техническая часть иконописи, иконографическіе типы Іисуса Христа, Богородицы, ангельскихъ чиновъ, расписаніе иконостаса, праздники и сюжеты по Цвѣтной и Постной Тріодамъ, Страшный Судъ, Вѣрую, Достойно и другія молитвы. Особый иконописный сборникъ составленъ былъ изъ описанія иконъ Богородичныхъ въ концѣ XVII или скорѣе въ началѣ XVIII ст. Наконецъ для удобства иконописцамъ на практикѣ были составлены (безъ сомнѣнія, въ позднѣйшее время) подлинники въ алфавитномъ порядкѣ собственныхъ именъ святыхъ и названій праздниковъ. Чтобы дать полное понятіе о русскомъ иконописномъ подлинникѣ, надобно издать, по лучшимъ рукописямъ, всѣ эти пять редакцій, какъ самостоятельныя сочиненія, и сверхъ того—всѣ статьи прибавочныя, стояція внѣ мѣсяцословнаго круга, и какъ указатель—подлинникъ азбучный.

Интересу ученыхъ, интересу археологическому особенно удовлетворить изданіе подлинниковъ раннихъ, съ приложеніемъ къ нимъ позднѣйшихъ добавленій; но для иконописи, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, можетъ годиться только подлинникъ подробный, съ разными редакціями иконописныхъ сюжетовъ и съ критическою ихъ повѣркою, то есть—изданіе двухъ послѣднихъ редакцій.

Если предполагается изданіе ученое, то въ основу надобно будетъ принять краткую редакцію по рукописи гр. С. Г. Строганова, безъ добавочныхъ русскихъ святыхъ. Если же предполагается изданіе полное, въ какомъ нуждаются иконописцы, и которое должно быть справочною книгою всякаго занимающагося иконописью, то надобно будетъ взять такъ называемый подлинникъ Клиновскій, съ полнымъ мѣсяцословомъ, и къ нему приложить дополненія изъ подлинника, исправленнаго по Минеямъ Димитрія Ростовскаго; сверхъ того добавить мѣсяцословный циклъ статьями, невошедшими въ этотъ циклъ.

Для полноты изданія къ толковому подлиннику слѣдуетъ присовокупить подлинникъ лицевой. Этотъ послѣдній можетъ быть двойкій: 1) по миниатюрамъ подлинника лицеваго и 2) по иконамъ. Сначала лучше издать по миниатюрамъ, съ нѣкоторыми

дополненіями изъ иконъ; потому что составить лицевой подлинникъ вновь по древнимъ иконамъ въ настоящее время весьма затруднительно, по малой разработкѣ исторіи русской иконописи.

Нѣтъ необходимости въ одно и то-же время издавать оба подлинника—и толковый и лицевой.

Наконецъ, желательно бы было, чтобъ немедленно былъ изданъ нашъ подлинникъ и въ переводѣ—всего лучше на французскій языкъ, какъ болѣе распространенный: этотъ памятникъ древне-русской жизни не только возбудитъ къ ней интересъ и уваженіе, но и принесетъ существенную пользу самой наукѣ, потому что вопросъ объ иконописномъ подлинникѣ представить въ болѣе чистотѣ и первобытности, нежели пресловутый греческій подлинникъ Діонисія, который доселѣ служитъ западнымъ ученымъ руководствомъ по этому предмету.

Около полутора ста лѣтъ, т. е. отъ начала XVIII ст. и до нашего времени, русскій иконописный подлинникъ былъ забытъ людьми образованными и оставался только въ рукахъ сельскихъ иконописцевъ, которые, безъ пособія научныхъ основаній находили въ немъ не болѣе какъ подспорье своей ремесленной рутинѣ.

Западное вліяніе, сколькобъ ни было оно полезно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, было рѣшительно вредно для православной иконографіи. Такъ называемая итальянская живопись, въ теченіе полутора ста лѣтъ, повсюду распространившаяся въ стѣнной живописи и въ иконостасахъ нашихъ церквей, на каждомъ шагу представляла грубѣйшія противорѣчія съ основными преданіями православной иконографіи, что впрочемъ уже не оскорбляло ни чьего зрѣнія, потому что археологическое преданіе было забыто. Наука о немъ, содержавшаяся въ старинныхъ подлинникахъ, была заброшена и затеряна.

При такомъ-то повсемѣстномъ запущеніи коренныхъ народныхъ преданій застаешь насъ современное состояніе наукъ, приведшее на Западѣ къ мысли о необходимости преподаванія археологіи вообще и въ особенности археологіи національной и христіанской въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ.

Бѣглый взглядъ на литературу древней Руси насъ убѣждаетъ, что эта наука имѣетъ у насъ свои преданія, что ею, хоть и безсознательно, пользовалось духовенство при оцѣнкѣ иконописныхъ работъ; данными этой науки—хоть ощую и часто не впопадъ—пользовались раскольники и ревнители православія въ своихъ преніяхъ, на примѣръ: о формѣ креста, о сложеніи перстовъ, и т. п.

Неужели мы отстанемъ отъ нашихъ предковъ временъ царя Алексѣя Михайловича? Неужели не возстановимъ въ сознательномъ, научномъ смыслѣ то, что и въ старину, безъ пособій европейской науки, по собственнымъ, доморощеннымъ руководствамъ, понималось довольно точно и ясно? Въ нашъ вѣкъ, когда національнымъ различіямъ придается такое важное значеніе, неужели и просвѣщеннѣйшіе изъ нашихъ соотечественниковъ будутъ коснѣть въ смѣшеніи понятій, не вѣдая даже самой азбуки христіанской археологіи, по которой уже такъ легко отличить древне-христіанское, византийское, свое православное отъ разныхъ католическихъ и протестантскихъ фантазій, которыя намъ выдавали и не перестаютъ выдавать за иконы?

Мнѣ случалось бесѣдовать съ лицами, которымъ по самому положенію ихъ подобало бы вѣдать это существенное различіе между своимъ и чужимъ, но которыя

оказывались до того невѣжественными въ дѣлѣ христіанской иконографіи, что не знали, какъ по греко-русскому уставу слѣдуетъ изображать нѣкоторые изъ праздниковъ.

Чтобы не разсѣяться на обширномъ поприщѣ всей христіанской археологіи, я останавлиюсь опять на нашихъ иконописныхъ подлинникахъ.

Эти драгоценныя руководства содержатъ въ себѣ полную сокровищницу не только всѣхъ иконографическихъ преданій русскихъ, слѣдовательно значительно позднѣйшихъ, но и раннихъ основъ ихъ, въ археологіи древне-христіанской, какъ она установилась въ Византіи, въ слѣдствіе преній съ иконоборцами.

Византія около VIII в. оказала великія услуги христіанской иконографіи приведеніемъ къ единству и системѣ разнообразныхъ вариантовъ одного и того-же сюжета, а вмѣстѣ съ тѣмъ художественно-богословскою ихъ критикою и очищеніемъ ихъ отъ всякихъ постороннихъ (даже языческихъ) примѣсей.

Кажется, съ того же времени иконографія была подчинена текстамъ церковной службы.

Если съ раннихъ временъ христіанскіе учителя иконопись почитали грамотою для безграмотныхъ, Св. Писаніемъ въ лицахъ: то—по самому существу этой истины—то, что читается и поется въ храмѣ, должно было служить объясненіемъ начертаннаго на его стѣнахъ. Изображеніе лицъ и дѣяній Св. Писанія переносило въ обстановку тѣхъ событій, которыя читались во время церковной службы. Изображеніе праздника должно было соответствовать главной мысли славословія, въ которомъ праздникъ воспѣвался. Взаимное отношеніе иконографіи и пѣснопѣнія проявлялось въ двоякомъ порядкѣ: или сама иконографія вдохновляла пѣснопѣвца, и тогда пѣснопѣвецъ слагалъ свои пѣснопѣнія согласно священному изображенію; или же иконописецъ слѣдовалъ церковной пѣснѣ, и очертаніями и красками дополнял впечатлѣніе, производимое славословіемъ.

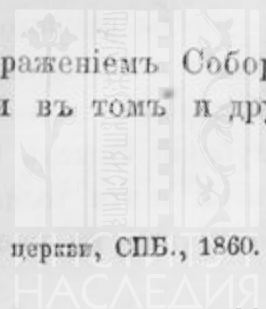
Со временъ Іоанна Дамаскина (+ 776) восточная иконографія стала принимать тотъ опредѣленный свой характеръ, которымъ она отличается отъ иконографіи западной. Этотъ-же великій богословъ былъ и знаменитый пѣснопѣвецъ, онъ слагалъ и приводилъ въ порядокъ каноны на всѣ установленныя до его времени празднества, а именно: на Рождество, Богоявленіе, Пятидесятницу, на Св. Пасху, Вознесеніе, Преображеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Богородицы.

Сравнивая тексты пѣснопѣній Дамаскина и его сподвижниковъ Козмы Маюмскаго и другихъ (*) съ иконографическими изображеніями праздниковъ, мы приходимъ къ тому результату, что именно ко времени этихъ церковныхъ пѣснотворцевъ относится и установленіе Византійской нормы въ важнѣйшихъ иконописныхъ сюжетахъ. Позднѣйшіе пѣснопѣвцы, конечно, вносили въ этотъ циклъ новыя подробности, а также съ учрежденіемъ новыхъ праздниковъ возникали и новыя церковныя пѣсни, и новыя иконописные сюжеты.

Въ примѣръ согласія Восточной иконографіи съ пѣснопѣніемъ возьму Рождество Господне и Воскресеніе.

Изображеніе Рождества дополняется въ нашей иконографіи изображеніемъ Собора Пресв. Богородицы. Отличительныя черты восточной иконографіи въ томъ и другомъ изображеніи—это:

(*) Филарета Черниговскаго: Историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія Греческой церкви, СПб., 1860.

1) Совмѣстное поклоненіе пастырей и волхвовъ, руководимыхъ звѣздою.

2) Символическія изображенія земли и пустыни: «противъ Пречистой вертепъ, въ немъ ясли дѣвица держитъ, полъ ея нага; другая дѣвица—полъ ея нага—обвилася травою, цвѣты посторонъ».

3) Баба Соломея съ другою женщиною купаютъ въ сосудѣ младенца Христа.

Во 1-хъ, соотвѣтственно одновременному поклоненію пастырей и волхвовъ, на праздникъ Рождества воспѣвается: «Въ вертепъ вселился еси, Христе Боже, ясли ты восприѣяша, *пастыріе же и волсви поклонишася*» и пр., или слова Анатолія (+ 458): «Господу Іисусу рождшуся отъ Святыя Дѣвы, просвѣтишася всяческая: пастыремъ бо свиряющимъ, и волхвомъ поклоняющимся, ангеломъ воспѣвающимъ» и пр.

Во 2-хъ о землѣ и пустынѣ: «Что тебѣ принесемъ, Христе, яко явился еси на земли, яко человекъ насъ ради? Каяждо бо отъ Тебѣ бывающихъ тварей благодареніе Тебѣ приносить: ангели—пѣніе, небеса—звѣзду, волсви—дары, пастыріе—чудо, *земля—вертепъ, пустыня—ясли*». Наконецъ тотъ-же иконографическій сюжетъ во всей ясности изображается въ кондакѣ: «Дѣва днесъ пресущественнаго рождаетъ, и *земля вертепъ* неприступному приносить: *ангели съ пастырями славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ*» и проч.

Воскресеніе Господне. По восточной иконографіи изображается не самое событіе, какъ выходитъ Христосъ изъ саркофага (ибо событіе было скрыто отъ глазъ человѣческихъ)—сюжетъ впрочемъ принятый на Западѣ; по восточной иконографіи Воскресеніе изображается во всей необъятной полнотѣ этой идеи, какъ спасеніе всего человѣчества отъ вѣчной смерти, грѣха, и какъ побѣда Христа надъ адомъ и смертію. Эта идея нашла себѣ видимую форму въ изображеніи *Сошествія Христа въ адъ*: Онъ стоитъ на низверженныхъ веряхъ и извлекаетъ души Адама и Евы, Соломона и Давида—изъ отверстыхъ гробовъ, иногда изъ пасти ада.

Та-же мысль Восточной иконографіи выражается, на разные тоны, въ цѣломъ рядѣ пѣснопѣній, оглашающихъ наши храмы на праздникъ Пасхи, и сокращенно, но во всей ея полнотѣ содержится въ краткой пѣсни: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ».

Наши художники-академики никакъ не могутъ понять, почему лучше, приличнѣе и сообразнѣе съ преданіемъ нашей церкви изображать Воскресеніе Господне—сошествіемъ во адъ. Художники обыкновенно ссылаются на Евангеліе, и въ немъ ищутъ оправданія своимъ картинамъ. Но Евангеліе—есть общій источникъ для художниковъ всѣхъ исповѣданій, и мы хорошо знаемъ, до какого искаженія доводили евангельскіе сюжеты въ своихъ картинахъ художники католическіе. И для лютеранъ—Евангеліе есть источникъ, хотя они вовсе чужды христіанской иконографіи, и не признаютъ ея истиннаго церковнаго назначенія.

Каждое изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій вырабатываетъ свои преданія, обычаи и обряды самостоятельно, хоть и на общемъ источникѣ Евангелія. Восточная иконографія въ теченіи столѣтій развивалась и утверждалась въ тѣсной связи со всѣмъ обиходомъ церковной службы. Великіе учителя церкви и пѣснопѣвцы, вникая въ глубокій смыслъ Св. Писанія, изъясняли его для вѣрующихъ въ теченіе многихъ столѣтій: и эти толкованія, это особаго рода примѣненіе христіанскихъ идей выразились совокупно въ восточной иконографіи и пѣснопѣніи.

Мы хотимъ, чтобъ художникъ въ изображеніи иконы былъ вѣренъ Евангелію, не только по своему собственному соображенію, но и особенно—въ согласіи съ тѣмъ смысломъ, который былъ открытъ и объясненъ подвижниками Греко-русской церкви и утвержденъ преданіемъ.

Въ заключеніе о тѣсной связи Восточной иконографіи съ пѣснопѣніемъ еще разъ брошу взглядъ на изображеніе Собора Пресв. Богородицы.—Сама иконопись наша наводитъ насъ на мысль о необходимости ея изученія въ связи съ церковнымъ пѣснопѣніемъ, помѣщая на иконахъ праздниковъ изображенія тѣхъ пѣснопѣвцевъ, которые славословили эти праздники. Такъ на иконѣ Соборъ Пресв. Богородицы—въ ознаменованіе того, что Богородицу и рождество Господне воспѣли Іоаннъ Дамаскинъ и Козма Маюмскій, эти святые изображаются по сторонамъ событія: «съ (одну) сторону—говорить подлинникъ—стоитъ Іоаннъ Дамаскинъ, держитъ свитокъ, а въ немъ писано: *Мати убо позналася* (по другому подлиннику: *О Тебѣ радуется, обрадованная, всякая тварь*); противъ него стоитъ Козма Маюмскій, держитъ свитокъ, а въ немъ писано: *Что Ти принесемъ, Христе*» (Варіантъ: Евфимій Великій, въ свиткѣ писано: *Два днесь пресѣщеннаго рождаетъ*.)

Я не называю разныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ могутъ и должны быть сообщаемы свѣдѣнія по христіанской археологіи, на основаніи нашихъ подлинниковъ; но не могу не указать на духовныя семинаріи, которымъ это вѣдать подобаешь, и въ которыхъ введеніе этого предмета въ настоящее время облегчено преподаваніемъ его въ духовныхъ академіяхъ.

Но наша древне-русская старина не можетъ быть объяснена и понята безъ предварительнаго изученія цѣлой системы древне-христіанской археологіи; потому что Византійское ея видоизмѣненіе, усвоенное русскими, составляетъ только часть великаго цѣлаго.

Въ заявленіи Археологическому Съѣзду отъ одной изъ духовныхъ академій указывается на важность христіанской археологіи для полемическаго (обличительнаго) богословія.

Русскій подлинникъ даетъ прочное орудіе для охраненія греко-русскихъ иконографическихъ преданій отъ чуждыхъ ему католическихъ и протестантскихъ нововведеній. Но этого мало. Пренія съ старообрядцами должны вести къ даннымъ эпохи древнѣйшей, почерпаемымъ изъ археологіи древне-христіанской.

Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ, я приведу нѣсколько словъ изъ моей монографіи о русской иконописи:

Сравнительно-историческій методъ изученія нашей иконографіи удобнѣе всякихъ богословскихъ состязаній можетъ служить къ соглашенію между мнѣніями старообрядческими и православными.

Какъ наприм. просто и наглядно христіанская археологія рѣшаетъ вопросы о четвероконечномъ крестѣ!

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что крестъ *четвероконечный* многими столѣтіями предшествуетъ въ церковномъ искусствѣ кресту *восьмиконечному*. Четвероконечный встрѣчается еще въ памятникахъ, предшествующихъ времени царя Константина, и затѣмъ господствуетъ при Константинѣ и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Что-же касается до креста *восьмиконечнаго*, то онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ въ искусствѣ изображеніямъ крестной смерти Спасителя, которые стали слагаться

значительно позднѣе многихъ другихъ евангельскихъ изображеній. Но и распятіе сначала представлялось на четвероконечномъ крестѣ (даже до IX в.).

Итакъ, кто хочетъ предпочитать восьмиконечный крестъ четвероконечному, можетъ имѣть какія бы то ни было соображенія, только не свидѣтельство христіанской древности. Кто же признаетъ одинаковые авторитеты за обѣими формами креста, тотъ будетъ согласоваться съ исторіею иконописнаго преданія.

Изъ сказаннаго вывожу слѣдующіе результаты:

1) Христіанская археологія, древняя Византійская и національная можетъ и должна быть введена въ наши учебныя заведенія, какъ въ теоретическомъ отношеніи (особенно въ семинаріяхъ), такъ и въ практическомъ (въ школахъ живописи и т. п.).

2) При учебныхъ заведеніяхъ должны быть устроены музеи (по образцу Пиперова при Берлинскомъ университетѣ)—сначала хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Источникомъ этихъ музеевъ могутъ служить собранія христіанскихъ древностей—въ Петербургѣ при Академіи Художествъ, устроенное княземъ Григор. Григ. Гагаринымъ, и въ Москвѣ при публичномъ музеѣ, основанное Ник. Васил. Исаковымъ.

3) На Съѣздѣ можно составить прое́ктъ плана для преподаванія археологіи и для составленія музеевъ.

4) Вопросъ о преподаваніи археологіи тѣсно связанъ съ вопросомъ о сохраненіи русскихъ древностей.—Надобно распространить знанія по этому предмету и уваженіе къ остаткамъ старины. Духовныя семинаріи, въ которыхъ образуются сельскіе священники, принесутъ громадную пользу археологической наукѣ въ этомъ отношеніи.

О ПРЕПОДАВАНИИ АРХЕОЛОГИИ.

П. Е. Казанскаго.

Любовь къ древностямъ и знаніе ихъ суть лучшіе хранители древностей. Пока не распространится въ большинствѣ общества любовь къ древностямъ и знаніе, никакія правительственныя мѣры не оградятъ вполне древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія. Старообрядцы, при любви къ своей древности, вопреки даже всеѣмъ распоряженіямъ, не только сами сохранили много древностей, но приучили и православныхъ цѣнить и хранить памятники, сначала для борьбы съ ними, а потомъ и по любви. Ихъ любовь къ старинѣ даже болѣе значительную оказала услугу, наложивъ узду своею неуклонною протестаціею на стремленіе ломать безъ разбору все старое у насъ. Потому первою заботою Археологическаго Общества должно быть распространеніе любви къ древностямъ и знанія ихъ. Въ числѣ средствъ, способствующихъ къ достиженію этой цѣли, Общество указало въ своей программѣ преподаваніе археологіи.

Многоуважаемый Ѳ. И. Буслаевъ въ своей запискѣ, читанной 19 марта, изложилъ желаніе, чтобы русская церковная археологія преподаваема была въ семинаріяхъ.

Нельзя не признать великой пользы для археологіи, если это желаніе осуществится. Воспитанники семинарій, узнавъ цѣну древностей, интересъ, возбуждаемый ими во многихъ высокообразованныхъ людяхъ, научатся сами дорожить ими и беречь ихъ. А такъ какъ значительная часть сохранившихся у насъ древностей или прямо относится къ церковнымъ предметамъ, или хранится при церквяхъ и монастыряхъ, то приведеніе въ извѣстность этихъ древностей облегчится много, если воспитанники семинарій будутъ знакомы съ археологіею.

Любовь къ древностямъ, разъ возбужденная, едва ли можетъ ограничиться однимъ кругомъ предметовъ церковныхъ; она обниметъ мало-по-малу и географическія и бытовыя древности русскаго народа, съ которымъ никто такъ близко не живетъ, какъ сельское духовенство. Въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ и теперь немало хранится матеріаловъ для археологіи, доставленныхъ духовенствомъ.

Для непосредственнаго служенія священника, для его прямыхъ обязанностей археологія окажетъ важныя услуги. Отдѣленіе старообрядцевъ отъ православной церкви совершилось, можно сказать, изъ-за вопросовъ археологіи. Въ первомъ разгарѣ спора вопросу археологическому придали значеніе догматическое. Эта примѣсь догматизма затемнила дѣло и затруднила рѣшеніе вопроса. Отдѣленіе старообрядцевъ прекратится, когда вопросъ станетъ на чисто-археологическую почву. Когда напр. вопросъ объ имени Іисусъ будетъ только вопросомъ палеографическимъ; то пишущіе Іисусъ не будутъ увѣрять, что защитники написанія Іисусъ поклоняются нѣкому иному лицу, а не едиnorodному Сыну Божію, воплотившемуся ради нашего спасенія, ни эти послѣдніе не будутъ имени Іисусъ давать значеніе равноухаго, видя только различіе письма имени того-же Спасителя. Находя въ древнихъ памятникахъ основанія для неодинаковаго мнѣнія, та и другая сторона откажется отъ голословныхъ обвиненій въ искаженіяхъ и споръ потеряетъ свой ожесточенный характеръ, порождаящій только вражду.

Далѣе, священникъ по своему званію всегда можетъ имѣть вліяніе на предметы искусства и художества, относящіеся къ предметамъ церковнымъ. *Θ. И. Буслаевъ* подробно объяснилъ въ своей запискѣ, какъ знакомство съ характеромъ древней иконописи можетъ быть полезно священнику. Отъ свойства требованій значительно зависитъ и свойство самыхъ произведеній. Только допущеніе въ храмы иконъ, несоотвѣтствующихъ духу православія, или лишенныхъ всякаго достоинства по своему исполненію, поддерживаетъ эти недостатки въ средѣ самыхъ художниковъ. Наши предки заботились о иконописаніи; въ настоящее время оно остается почти безъ руководства и безъ надзора. Обязанность руководить иконописаніемъ, конечно, должна бы принадлежать Академіи Художествъ, но къ сожалѣнію она не сумѣла или не успѣла еще примирить требованія своего вкуса, образуемаго по западнымъ образцамъ, съ требованіями православнаго преданія и народнаго русскаго чувства и вкуса. И думаемъ, что совершенно напрасно. Православная иконопись совсѣмъ не требуетъ застоя и неподвижности въ искусствѣ, не требуетъ одной копировки. Она отвергаетъ пластику; ей не нужны красоты внѣшнихъ формъ, анатомическія подробности голыя спины, какъ это выставлено на картинѣ *Иванова*. Въ воспроизведеніи красоты внѣшнихъ формъ нынѣшніе художники не опередаютъ древнихъ языческихъ, даже и не сравниваются съ ними. Но для художника остается безпредѣльно-обширная и неизмѣримо глубокая область духовной красоты, ключъ къ пониманію которой дало христіанство. Выразить въ чертахъ лица отличительный характеръ святаго и божественнаго — какая высокая задача! Эта задача не требуетъ однообразія внѣшней формы. По словамъ одного высокаго подвижника, благодать, освящая человѣка, не лишаетъ его естественныхъ его качествъ: суровый остается суровымъ, мягкій мягкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, пылающій огнемъ ревности *Илія*, изнуренный постомъ проповѣдникъ покаянія *Іоаннъ Креститель*, дышавшій любовью *Іоаннъ Богословъ*, у котораго въ устахъ и сердцахъ было одно слово: чадца, любите другъ друга! какія несходныя черты должны имѣть и во внѣшнемъ выраженіи! А между тѣмъ эти естественныя черты освящались однимъ и тѣмъ-же Духомъ благодати. Правда, тутъ съ натуры нельзя писать. Только глубокимъ изученіемъ жизни этихъ лицъ, приближеніемъ своего чувства къ чувствамъ ихъ возможно въ душѣ создать ихъ образъ и воспроизвести на полотнѣ. Благо было бы искусству, если бы оно поняло эту задачу; тогда оно само сдѣлалось бы предметомъ

поклоненія для православныхъ!—Но мы уклонились отъ своего предмета, впрочемъ не далеко. Выставленная нами задача можетъ быть достигнута нашими художниками только чрезъ тщательное изученіе византійской и русской иконописи, слѣдовательно при помощи археологій. Правильно-понимаемая археологія должна знакомить не съ формами только древними, но и съ духомъ, съ идеею, породившею эти формы. Въ храмъ православному и его принадлежностямъ все глубоко-таинственно; въ свѣчѣ, кадилѣ, лампадѣ, въ каждой одеждѣ церковной есть свое таинственное значеніе, смыслъ котораго уясненъ въ писаніяхъ богомудрыхъ Отцевъ. Если художникъ приучится углубляться въ этотъ смыслъ, онъ въ немъ будетъ почерпнуть для себя вдохновеніе для творчества. Если священникъ проникнуть будетъ въ храмъ знаменательностію всего его обрѣжающаго, онъ не будетъ уже только холоднымъ совершителемъ требъ, но живымъ толкователемъ духа церкви.

Мы указали на пользу, какой можно ожидать отъ преподаванія археологій въ семинаріяхъ, но не можемъ скрыть и значительныхъ затрудненій для успѣшнаго хода этого дѣла.

Археологія—наука для людей богатыхъ или по крайней мѣрѣ достаточныхъ. Для археологическихъ изслѣдованій нужно значительное собраніе довольно-рѣдкихъ книгъ; книги съ археологическими рисунками дороги; самыя древности еще дороже. *Θ. И. Буслаевъ* указалъ на собраніе *Пипера*, какъ на примѣръ собраній, имѣющихъ образоваться при семинаріяхъ, но собраніе *Пипера* во всей западной Европѣ единственное. Семинаріи въ годъ получаютъ какую-нибудь сотню рублей на выписку книгъ по всѣмъ предметамъ. Ученики семинарій многіе не въ состояніи покупать сами и учебныя книги. Потому надѣяться на образованіе собраній при семинаріяхъ древностей по систематическому плану трудно. Кромѣ того, наука археологій въ самой себѣ представляетъ, можно сказать, непреодолимые затрудненія для основательнаго изученія ея во всемъ объемѣ. Она требуетъ технического знакомства со всякаго рода искусствами. Археологу нужно знаніе архитектуры, живописи, ваянія, рѣзбы, металлическаго производства, разнаго рода вышиваній, палеографіи, музыки и пр. и пр. Я убѣжденъ и думаю, что никто изъ собравшихся здѣсь знатоковъ археологій не признастъ несправедливымъ мое убѣжденіе, что одинъ человекъ не можетъ быть полнымъ знатокомъ древностей во всемъ ихъ разнообразіи.

Потому, если Археологическій Съѣздъ желаетъ прочнаго успѣха наукъ археологій въ Россіи и, безъ сомнѣнія, таково желаніе всѣхъ членовъ, къ которому присоединяюсь и я всѣми силами души моею: то нужно позаботиться о томъ, чтобы археологія русская преподавалась по своимъ частямъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы указывали уже на необходимость преподаванія исторіи византійскаго и русскаго иконописанія въ Академіи Художествъ; изъ нея тогда будутъ выходить образованные спеціально знатоки древняго иконописанія.

Многоуважаемый предсѣдатель нашего Съѣзда графъ *А. С. Уваровъ* въ своей превосходной запискѣ о русской архитектурѣ XII в. указалъ на недостаточность изученія нашей древней архитектуры, происходящую отъ того, что памятники архитектурные описывали не архитекторы. Если въ школахъ архитектуры будетъ преподаваться исторія древней русской архитектуры, археологія приобрѣтетъ знатоковъ и цѣнителей нашихъ архитектурныхъ памятниковъ. Древнее пѣніе къ счастью нашло уже себѣ мѣсто въ Консерваторіи, и успѣхъ изученія этого отдѣла древностей можно считать обезпеченнымъ.

При Археографической Коммисіи слѣдовало бы открыть спеціальныя курсы палеографіи и древностей, касающихся юридическаго быта древней Россіи. Тогда воспитались бы люди, способные разбирать древнюю письменность нашу во всѣхъ ея видахъ и содѣйствовать изданію ея съ необходимыми объясненіями.

Даже въ женскихъ институтахъ можно бы знакомить съ образцами древняго русскаго рукодѣлья, съ древними женскими костюмами; кромѣ интереса науки, это могло бы имѣть и благотворные плоды для жизни, отрезвляя вкусъ, охраняя отъ суетнаго подражанія иноземнымъ модамъ, и кажется, нельзя сомнѣваться въ сочувствіи къ этому со стороны женской. Доказательствомъ этому служить постоянное присутствіе на заведеніяхъ Археологическаго. Съѣзда лицъ женскаго пола, составляющихъ почти всегда большую часть постороннихъ посѣтителей.

Наука тогда только успѣшно двигается впередъ, когда она спеціализируется: тогда только каждый отдѣлъ пріобрѣтаетъ своихъ знатоковъ. Каждый вопросъ археологій тогда только можетъ быть понятъ правильно и объясненъ, когда онъ изученъ во всемъ своемъ историческомъ развитіи. Отдѣльныя, отрывочныя изслѣдованія частныхъ вопросовъ, дѣлаемые неизучившими спеціально всего отдѣла древностей, къ которому относится этотъ вопросъ, никогда несвободны отъ опасности впасть въ значительныя ошибки.

Высказывая желаніе спеціализировать преподаваніе русской археологій, разумѣется: преподаваніе тѣмъ болѣе основательное, чѣмъ оно спеціальнѣе, и въ немъ только находя несомнѣнное ручательство за успѣхи науки, я не отрицаю пользы открытія кафедръ археологій русской при семинаріяхъ. Ожидать самостоятельной разработки археологій отъ этой мѣры нельзя, но добытые уже результаты распространятся между многими, и это расширеніе виѣшнее будетъ косвенно способствовать успѣхамъ науки и по содержанію.

Съ немногими своими познаніями воспитанники семинарій, разсѣянные по всѣмъ предѣламъ Россіи, по всѣмъ ея захолустьямъ, будутъ передовыми піонерами науки. Они будутъ открывать древности, извѣщать объ нихъ, охранять существующія, и чрезъ это собирать матеріалы для высшихъ дѣятелей, утѣшаясь въ своей скромной дѣятельности, при видѣ успѣха науки, достигаемаго другими, сознаніемъ: *quorum et ego minima pars fui*.

Желаніе прочныхъ успѣховъ русской археологій побуждаетъ меня высказать мысль, давно мною носимую, съ осуществленіемъ которой, по моему мнѣнію, неразрывно связанъ успѣхъ археологій русской: это о необходимости изученія византійскихъ древностей.

Всѣми корнями нашей духовной жизни мы соединены съ Византіею. Оттуда взята нашими предками святая вѣра со всѣми ея обрядами; по образцу византійскихъ храмовъ строились наши первые храмы и устроились всѣ принадлежности богослуженія, начиная отъ пѣнія до церковныхъ одеждъ. Византія имѣла обширное вліяніе на всю нашу умственную жизнь, на бытъ государственный и частный, на всю нашу исторію. Было время и недавно, что у насъ иные стыдились этого родства съ Византіею. Но теперь и на Западѣ, среди мрака, порождаемаго борьбою разныхъ идей, раздастся громко голосъ: *Dux ex Oriente*. Свѣта съ Востока ожидаютъ въ будущемъ. Но если вѣмотрѣться и въ прошедшее Запада, ясно будетъ, что свѣтъ съ Востока освѣщаль Западъ до самаго паденія византійской имперіи; онъ зажегъ въ ней духовный свѣтъ, и исторія науки и искусства западныхъ народовъ также нуждается въ объясненіи изслѣдованіемъ византійской науки и византійскаго искусства.

Римъ, можетъ быть, и въ колыбели своей къ будущему величію своему воспитанный героическими пѣснями Греціи, въ послѣдніе вѣка своей республики подчинился всецѣло вліянію греческой образованности, и этому вліянію обязанъ лучшими явленіями своей литературы и своего художества. Съ Востока пришли къ нему проповѣдники новаго ученія, которое Римъ, центръ языческаго міра, имѣло сдѣлать центромъ христіанства для всего Запада. Въ смутное время второй половины II-го вѣка и въ III-мъ в. образованность на Западѣ держалась только тамъ, гдѣ по окраинамъ Средиземнаго моря разбѣяны были греческія колоніи. Въ IV-мъ в. изъ уединенія виллеемскаго Іеронимъ лучами свѣта съ Востока освѣщаль, мракомъ растлѣнія объятое римское общество, въ среду котораго Аѳанасій Великій въ свое двукратное пребываніе въ Римѣ успѣлъ положить уже зерно болѣе чистой духовной жизни, возбудивъ ревность къ подражанію иноческимъ подвигамъ Антонія. Амвросій въ Миланѣ повторялъ поученія восточныхъ отцевъ и облакалъ богослуженіе въ восточныя формы.

Римъ палъ подъ ударами варваровъ, но вождь Ост-готовъ Θεодорикъ былъ воспитанникъ византійскаго двора, и онъ поддерживаетъ образованіе.

Въ цвѣтущую эпоху византійскаго искусства, эпоху Юстиніана, Италія подпадаетъ власти Византіи хотя ненадолго, но за то надолго какъ маяки для Италіи, на которыхъ свѣтилъ болѣе или менѣе свѣтъ Востока, остались во владѣніи Византіи Равенна и еще долѣе Сицилія и Калабрія, гдѣ до XII в. сохранялось греческое образованіе.

Утвердитель духовнаго могущества римскихъ епископовъ Григорій Великій, предъ своимъ вступленіемъ на папскій престолъ, поучалъ въ Константинополѣ и оттуда заимствовалъ много для римской церкви.

Въ эпоху иконоборства, взволновавшую Востокъ въ то время, когда для Запада наступали самыя темныя времена, чтители иконъ, гонимые въ Византіи, съ сокровищами искусствъ и науки искали убѣжища въ Римѣ, и тѣмъ дали возможность Карлу Великому, взявъ учителей изъ Италіи, освѣтить хоть на время мракъ среднихъ вѣковъ при соучастіи британскихъ ученыхъ, гдѣ также свѣтъ науки насажденъ пришельцами съ Востока.

Вѣкомъ не съ большимъ позднеѣ, въ самый центръ Германіи, брачныя связи Оттоновъ съ Византіей заносятъ въ грубую тогда среду лучи византійскаго образованія. Еще черезъ столѣтіе народы Запада подъ знаменемъ креста идутъ дивиться великолѣпной византійской столицы, знакомятся съ ея жизнію. Новый міръ открылся для западныхъ пришельцевъ на Востокѣ.

Крестоносцы захватываютъ навремя и самый Константинополь. Они такъ еще невѣжественны, что изыящнѣйшія произведенія искусства расплавливаютъ, цѣня въ нихъ только количество металла; но они на многое насмотрѣлись, многое увезли съ собою. И послѣ этого начинается пробуждаться новая духовная жизнь на Западѣ, искусства и художества являютъ первые успѣшныя опыты, носящіе слѣды вліянія Византіи, какъ напр. въ произведеніяхъ Чимабуэ, Джіотто.

Тѣсняемая турками Византія чаще и чаще сноится съ Италією; переселенцы изъ Греціи наполняютъ города Италіи; окончательное паденіе византійской имперіи увеличило число грековъ въ Италіи и тамъ настаѣтъ вѣкъ возрожденія наукъ и искусствъ; а гражданскій бытъ давно уже находится подъ вліяніемъ Юстиніанова права.

Несправедливо было бы сказать, что Западъ ничѣмъ не заплатилъ своимъ учителямъ. Всѣ сокровища греческой учености сохранены и изданы съ переводами на

Западъ; тамъ явились изслѣдованія языка, исторіи, древностей Византіи. Бѣольшая часть того, что мы знаемъ о Византіи, знаемъ чрезъ ихъ посредство. Но у западныхъ нѣтъ той живой родственной связи съ Византіею, которая есть у насъ. Исторія Византіи и ея древностей для нихъ только предметъ изученія, тогда какъ для насъ она составляетъ часть жизни. Потому многое для нихъ непонятно въ этой исторіи, этихъ древностяхъ. Изслѣдованія западныхъ ученыхъ о византійскихъ древностяхъ никогда вполнѣ не удовлетворяютъ православнаго изслѣдователя. Они даютъ много фактовъ, но выводы ихъ большею частію односторонни, составляясь подъ вліяніемъ ихъ жизни, ихъ воззрѣній. Напротивъ, мы видимъ у себя сохраняющимся въ жизни, въ практикѣ, многое изъ жизни византійской,—разумѣю преимущественно церковныя древности; а потому наше пониманіе, наше воззрѣніе всегда будетъ точнѣе.

Для успѣшнаго изученія византійскихъ древностей Археологическому Съѣзду нужно просить просвѣщеннаго содѣйствія нашей Академіи Наукъ. Вниманіе ея членовъ, обращенное на эту область вѣдѣній, можетъ весьма много облегчить изученіе христіанскаго Востока. Духовные ученые переводомъ писаній отеческихъ, разными монографіями способствовали изученію исторіи восточной церкви; но, безъ сомнѣнія, на нихъ лежитъ еще неуплаченный ими долгъ—представить обстоятельную исторію восточной церкви, которая бы послужила объединяющимъ частныя изслѣдованія руководствомъ. Нельзя не сожалѣть, что въ Петербургской Академіи прекратилось изданіе перевода византійскихъ историковъ, начатое по мысли графа Александра Петровича Толстаго. Конечно, переводъ, какъ бы совершенъ онъ ни былъ, никогда не замѣнитъ подлинника для ученаго изслѣдованія, но онъ способствуетъ предварительному ознакомленію, облегчаетъ приступъ къ самостоятельному изслѣдованію.

Если изъ Германіи, Англіи, Америки обращаютъ теперь напряженно свой взоръ на Востокъ потому, что онъ твердо сохранилъ древнее преданіе, слѣдовательно на почвѣ исторіи и археологіи основываютъ свои симпатіи, можемъ ли мы остаться равнодушными къ изученію исторіи и археологіи Востока, съ которымъ мы такъ тѣсно связаны? О! если бы этотъ призывъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустыни!

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕУМА ВЪ БУЛГАРЬ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Дѣйствительнаго Члена Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета
К. Г. Евлентьева.

Въ 1855 году, въ вакаціонное для училищъ время, по порученію ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Экономическаго Общества, въ качествѣ члена-сотрудника, занимался я собираніемъ сельско-хозяйственныхъ и другихъ общепользныхъ свѣдѣній по Казанской губерніи, и между прочимъ обозрѣвалъ Булгарь на Волгѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ.

Посильный взглядъ мой на великолѣпные остатки знаменитой нѣкогда на востокѣ столицы славнаго Булгарскаго царства, которое, по сказанію восточныхъ писателей, славилось въ свое время ученостію, образованіемъ, самою дѣятельною торговлею и роскошною жизнію своихъ обитателей,—взглядъ мой навѣялъ на меня мысль, что въ видахъ науки было бы весьма полезно основать на мѣстѣ, въ селѣ Болгарахъ (такъ какъ оно находится на самыхъ развалинахъ Булгара) музеумъ татарско-булгарскихъ древностей и учредить просвѣщенный надзоръ за цѣлостію развалинъ, археологическая почва которыхъ представляетъ въ Казанской губерніи наибольшую добычу какъ въ отношеніи монетъ, такъ и въ отношеніи татарско-булгарскихъ издѣлій.

Въ противномъ случаѣ и то, что пощадило время и невѣжество туземцевъ, скоро исчезнетъ невозвратно. Тщѣтно будетъ искать взорами великолѣпныхъ булгарскихъ палатъ любознательный изыскатель восточныхъ древностей: ему представятся однѣ безобразныя груды дикихъ каменьевъ, но и тѣ будутъ окончательно разобраны мѣстными жителями на сельско-хозяйственныя постройки. Эта печальная участь уже постигла остатки другаго булгарскаго города—Биляра, находящагося въ Казанской губерніи, Чистопольскомъ уѣздѣ, у пригорода Билярска.

А монеты и древнія издѣлія—это драгоцѣнное достояніе науки, въ большомъ количествѣ открываемыя крестьянами въ селѣ Болгарахъ и его окрестностяхъ, съ невозвратимою потерей для науки, каждый день расходяся по безпредѣльному пространству Россіи, скупаемыя путешественниками, которые мало или вовсе не сообщаютъ ученой публикѣ о своихъ археологическихъ приобрѣтеніяхъ. Грустная для науки кар-

тина! Кромѣ проѣзжихъ по мѣстному почтовому тракту, монеты и др. древнія вещи покупаютъ у жителей помѣщики Казанской губерніи и приходящіе въ Болгары на поклоненіе мусульмане. Туземцы въ нарочныхъ археологическихъ поискахъ, или случайно открываютъ древности, когда дождь или полая вода вымываютъ ихъ изъ почвы, и находятъ также на пашняхъ и огородахъ. Археологическими открытіями занимаются преимущественно крестьянскія дѣти.

Татарско-булгарскія древности состоятъ въ металлическихъ, стеклянныхъ, глиняныхъ и каменныхъ издѣліяхъ, въ серебряной и мѣдной, а изрѣдка и золотой монетѣ, и человѣчыхъ скелетахъ. Можно представить себѣ, какъ многочисленно было народонаселеніе Булгара и какое несмѣтное богатство сосредоточено было въ рукахъ его промышленныхъ и роскошныхъ обитателей, когда чрезъ столько вѣковъ мѣстная почва не истощила своихъ сокровищъ! Восточный писатель Ибнъ-Хаукаль сообщаетъ, что народонаселеніе Булгара, при взятіи его Руссами, простиралось до 10-ти тысячъ человѣкъ, а профессоръ Березинъ полагаетъ, что въ цвѣтущее время Болгарской державы доходило оно до 50-ти тысячъ душъ.

Италія, по справедливости, гордится развалинами классической Помпеи. Россія тоже имѣетъ свою Помпею—это Булгаръ на Волгѣ. Римская Помпея разрушена была вулканическими громами Везувія, русскую Помпею разрушили громы побѣдъ Руссовъ и Монголовъ надъ Булгарами. На забытой могилѣ римской Помпеи итальянскій крестьянинъ основалъ свое ветхое жилище; на видимомъ пепелищѣ русской Помпеи выстроилось цѣлое селеніе (село Болгары). Римская Помпея пользуется европейской извѣстностію и поклоненіемъ всѣхъ образованныхъ націй; русская Помпея забыта своими соотечественниками и неизвѣстна образованной Европѣ. Сокровища классической Помпеи, представляющія до мельчайшихъ подробностей ясную картину древнеримскаго города, сгруппированы въ публичномъ музеумѣ, въ Неаполѣ; сокровища же русской Помпеи, тоже рисующія оживленную картину древне-булгарскаго города до мельчайшихъ подробностей, исчезаютъ отъ времени и разхищаются профанами!...

Петръ Великій сказалъ, обращаясь къ своимъ подданнымъ: «смотрите на иностранцевъ, сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Я—Русскій, и не желаю уступить иностранцамъ въ любви къ наукѣ и просвѣщенію, и потому осмѣливаюсь возвысить свой голосъ въ защиту русской Помпеи—Булгара на Волгѣ.

Въ общепользныхъ видахъ, я сообщаю здѣсь ученой публикѣ проектъ учрежденія въ Булгарѣ музеума татарско-булгарскихъ древностей. Учрежденіе провинціальныхъ музеумовъ по спеціальнымъ предметамъ имѣетъ весьма важное значеніе для науки и отечественнаго просвѣщенія.

ПЛАНЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕУМА ВЪ БУЛГАРЬ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Музеумъ можетъ быть открытъ на счетъ правительства, или ученаго общества, занимающагося отечественными древностями, или на счетъ ревнителя отечественнаго просвѣщенія—частнаго лица.

Собирателемъ древностей во вновь-открываемомъ древлехранилищѣ и хранителемъ развалинъ Булгара можно будетъ назначить священника села Болгары (*) и, на сей конецъ, удостоить его званія Члена Археологическаго Общества и за ревностное служеніе наукъ отечественныхъ древностей обѣщать особое поощреніе.

Подъ помѣщеніе музеума нанять въ селѣ крестьянскую избу.

Директоромъ музеума назначить профессора Казанскаго университета. Директоръ, въ вакаціонное для университета время, посѣщаетъ древлехранилище и представляетъ отчетъ о состояніи онаго въ Археологическое Общество.

Но такъ-какъ Директору для обозрѣнія древлехранилища нужно будетъ выдавать прогонныя деньги отъ Казани до Булгара; то, для ближайшаго надзора и сокращенія расходовъ, обязанность Директора можно поручить штатному смотрителю Спасскихъ (или Тетюшскихъ) училищъ, который имѣетъ возможность обозрѣвать древлехранилище во время ревизіи сельскихъ училищъ. На смотрителя же можно возложить и обязанности собирателя и хранителя—въ случаѣ, если бы священникъ не принялъ на себя означенныхъ обязанностей. Къ тому же Спасское уѣздное училище представляетъ удобства даже для помѣщенія самаго древлехранилища, ибо Спасскій училищный домъ имѣетъ нѣсколько покоевъ, совершенно свободныхъ. Тетюшское уѣздное училище хотя и нѣсколько ближе къ Булгару разстояніемъ своимъ, но за то помѣщается тѣснѣе Спасскаго. Разстояніе отъ Булгара до Казани—123 в., до Спаска 22 и до Тетюшъ 18 в. Въ ясный лѣтній день Булгаръ съ тетюшскаго берега видѣнъ невооруженнымъ глазомъ. Г. Тетюши стоитъ на нагорномъ берегу р. Волги.

Въ собираніи памятниковъ древности и въ устроеніи музеума могутъ принять живое и полезное участіе преподаватели и ученики названныхъ училищъ. Въ курсъ означенныхъ училищъ съ пользою могло бы быть введено преподаваніе науки о древностяхъ. Мѣстныя археологическія изысканія могли бы доставить для означенныхъ лицъ достойный предметъ для занятій въ вакаціонное время.

(*) Село Болгары построено на самыхъ развалинахъ древняго Булгара.

На систематическую раскопку археологической почвы Булгара и на приобретение у крестьян древностей, я полагаю, достаточно будет расходовать 50 р. с. на годъ. Реставрировка разрушившихся зданій и поддержка еще уцѣлѣвшихъ тоже обойдется недорого, по незначительности мѣстной заработной платы: на эту статью расхода я назначаю 100 р. с. одновременно. Наконецъ, въ видахъ экономіи, археологическія работы можно производить въ такіе дни, когда крестьяне бываютъ свободны отъ своихъ сельско-хозяйственныхъ занятій, и, по всей вѣроятности, съ охотою возьмутся даже за одно угощеніе поднять всю археологическую почву Булгара.

Итакъ примѣрный годовой расходъ по учрежденію въ Булгарѣ археологическаго музея представляется въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Р.	К.
На наемъ квартиры подъ музей	20	—
На разработку почвы и покупку древностей	50	—
Вознагражденіе за труды завѣдующему музеемъ	50	—
На канцелярскіе расходы и корреспонденцію	30	—
Всего	150	—
Со включеніемъ же сюда единовременныхъ 100 р. на реставрировку зданій	100	—
Всего	250	—

Мнѣ кажется, этой суммы было бы достаточно за глаза, особенно на первый разъ. Сумма ничтожная, но польза для науки отъ учрежденія въ Булгарѣ музея будетъ несомнѣнная.

Въ случаѣ помѣщенія древлехранилища при Спасскомъ уѣздномъ училищѣ, 20 р. с., назначенные нами на квартиру въ селѣ Болгары, могутъ поступить на археологическіе разъѣзды завѣдующаго музеемъ по окрестностямъ Булгара.

Вышеисчисленный расходъ на содержаніе музея въ Булгарѣ со стороны правительства, или ученаго общества, устраняется нижеслѣдующими соображеніями:

а) Если попечителями древлехранилища избрать двухъ купцовъ изъ богатыхъ Татаръ, жителей г. Казани, то избранныя въ это званіе лица, по религіозному своему уваженію къ Булгару, по всей вѣроятности, не откажутся жертвовать на содержаніе музея каждый по 100 р. с. ежегодно, всего 200 р. с. б) Развалины Булгара считаются у магометанъ нашихъ мѣстомъ священнымъ, куда они, со всего востока, идутъ на поклоненіе толпою. Булгарскія развалины на столько дороги для нихъ, что магометане орошаютъ обильными слезами и лобызаютъ каждый ихъ камень, и даже малѣйшій осколокъ чествуютъ высоко. Въ Булгаръ ежегодно приходятъ на поклоненіе Бухарцы, Хивинцы, Киргизы, Башкиры и Татары. Булгарскія развалины составляютъ, повидимому, для магометанъ вторую Мекку. По словамъ магометанскихъ богомольцевъ въ Булгарѣ почиваетъ прахъ святыхъ въ исламѣ мужей. Изъ всего этого, мнѣ кажется, можно будетъ извлечь законнымъ путемъ значительныя матеріальныя средства на содержаніе древлехранилища. Казанскіе Татары, по религіозному своему уваженію къ Булгару, безъ всякаго сторонняго побужденія, отчасти

сами поддерживают развалины. (*) в) Неважные въ научномъ отношеніи древнія находки и излишніе экземпляры оныхъ можно продавать любителямъ рѣдкостей и богомольцамъ изъ магометанъ, обращая вырученныя за нихъ деньги въ кассу музеума.

Итакъ сведу еще примѣрный итогъ мѣстныхъ денежныхъ средствъ на содержаніе предполагаемаго древлехранилища:

	Р.	К.
Двое попечителей изъ казанскихъ Татаръ вносятъ въ кассу музеума	200	—
Магометанскіе богомольцы дадутъ въ общей сложности	150	—
Выручка отъ продажи древностей	25	—
Всего	375	—

Во вновь-открываемое древлехранилище тотчасъ-же помѣститъ болгарскіе надгробные памятники изъ дикаго камня, которые, съ небрежностію, достойною варварскихъ временъ, валяются на оградѣ сельской церкви, подвергаясь разрушительному дѣйствію стихій. Бѣлая часть этихъ драгоценныхъ остатковъ болгарской старины пошла на постройку приходской церкви: изъ означенныхъ камней, украшенныхъ трогательными эпитафіями, возведенъ фундаментъ главнаго храма и сооруженъ амвонъ въ церковномъ придѣлѣ.

Собирателя и хранителя снабдить археологической инструкціей и обязать отчетностію. Собиратель и хранитель музеума, руководствуясь указаніями науки и преданіемъ туземцевъ, обязанъ будетъ заняться систематической раскопкой болгарской почвы. На нынѣшній Булгаръ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть двойко: во 1-хъ, какъ на наружный городъ (т. е. находящійся поверхъ почвы), который составляютъ преимущественно развалины древнихъ зданій; и во 2-хъ, какъ на городъ подпочвенный или подземный, къ которому принадлежатъ добываемые въ землѣ, разнообразныя предметы татарско-болгарской промышленности и другіе памятники древности. Городъ наружный мы имѣемъ возможность изучать безъ затрудненія; но городъ подпочвенный или подземный требуетъ систематическихъ раскопокъ, подобно классической Помпеѣ, или древнему Вавилону. Систематическія раскопки въ Булгарѣ, безъ сомнѣнія, откроютъ намъ многіе интересные памятники древности, еще неизвѣстные наукѣ, доставятъ матеріалы для ученыхъ трудовъ и объяснятъ намъ многое изъ общественной и частной жизни волжскихъ Булгаръ. Наибѣе рѣдкіе и цѣнные памятники предполагаемаго древлехранилища могутъ быть препровождаемы въ подлинникахъ въ Археологическое Общество, или въ Академію наукъ, для изданія во всеобщее свѣдѣніе. Волжскіе Булгары обнаружили сильное стремленіе къ гражданскому устройству, и на этомъ достохвальномъ пути опередили почти всѣ народы сѣверо-восточной Европы; но они, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ друзей науки и просвѣщенія, не завѣщали потомству никакихъ почти письменныхъ памятниковъ своего существованія, почему исторія этого достопамятнаго народа для насъ, можно сказать, не существуетъ. Посему тщательное изученіе и храненіе нѣмыхъ

(*) На особую сумму добродѣтельныхъ дателей изъ магометанъ не худо бы было построить въ Булгарѣ караванъ-сарай съ мечетью для богомольцевъ.

памятниковъ болгарской гражданственности, вмѣстѣ съ ученымъ изслѣдованіемъ мѣстности въ предѣлахъ волжской Булгаріи въ археологическомъ и др. отношеніяхъ, должны быть предметомъ ревностной заботливости современной науки.

Объявить туземцамъ объ открытіи музеума и обязать ихъ приносить каждую древнюю находку для продажи въ древлехранилище; при чемъ воспретить имъ продавать свои находки проѣзжающимъ по почтовому тракту чрезъ село Бѣлгары, и тѣмъ всякую древнюю находку обратить въ собственность музеума.

Въ Спасскомъ уѣздѣ татарско-булгарскія древности попадаютъ еще при деревняхъ Тенищевкѣ и Измери (почтовая станція на р. Оготай), откуда антики могутъ также поступать въ древлехранилище.

Сверхъ всего этого, сдѣлать публикацію объ открытіи музеума въ столичныхъ газетахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ и пригласить образованныхъ соотечественниковъ и любителей древностей, живущихъ на востокѣ Россіи, къ сообщенію въ музеумъ мѣстныхъ археологическихъ свѣдѣній и къ продажѣ, или къ пожертвованію въ оный, древнихъ издѣлій и монетъ и тому подобныхъ памятниковъ древняго быта, буде у кого таковыя имѣются. Въ Казанской губерніи, на обширномъ востокѣ нашего отечества, разсѣяно, какъ это извѣстно намъ изъ нашихъ случайныхъ поѣздокъ и наблюденій, несмѣтное множество древнихъ памятниковъ, заключающихся въ развалинахъ зданій, оружіи, монетахъ, курганахъ и тому подобныхъ предметахъ отдаленной старины, ближайшее знакомство съ коими весьма важно для науки. Такимъ образомъ проектируемое древлехранилище, кромѣ своего спеціальнаго назначенія—быть хранилищемъ и средоточіемъ памятниковъ татарско-булгарской гражданственности и служить пособіемъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ по предмету исторіи волжскихъ Булгаръ, можетъ современемъ содѣлаться еще центральнымъ музеумомъ для всего восточнаго края Россіи: тогда для науки и отечественнаго просвѣщенія настанетъ новое торжество! Въ г. Вильно существуетъ же съ честью и пользою для науки музеумъ западно-русскихъ древностей; въ г. Керчи, въ Крыму, есть музеумъ для храненія керченскихъ древностей: почему бы небыть подобному учрежденію на любопытномъ востокѣ нашего обширнаго отечества? При виленскомъ музеумѣ состоитъ даже ученое Археологическое Общество, отличающееся рѣдкою просвѣщенною дѣятельностію. При Казанскомъ учебномъ округѣ, по примѣру Виленскаго Археологическаго Общества, тоже полезно было бы учредить временную археологическую комиссію для изслѣдованія и изученія восточной полосы Россіи въ археологическомъ отношеніи.

Нельзя не удивляться равнодушію соотечественниковъ нашихъ къ драгоценнымъ памятникамъ болгарской старины, оставленнымъ почти безъ всякаго вниманія и изученія, обреченнымъ на разореніе и расхищеніе. Еще Петръ Великій, этотъ незабвенный строитель русской державы, скорбѣлъ душою о постепенномъ разрушеніи остатковъ славнаго Булгара и сдѣлалъ распоряженіе о поддержаніи ихъ въ возможной цѣлости. Неужели мы, наслѣдники и совершители его великихъ и плѣдотворныхъ идей, будемъ упорствовать въ непростительномъ равнодушіи къ конечному истребленію драгоценныхъ остатковъ?

Обращаемся къ нашему правительству, ученымъ археологическимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, ревнителямъ отечественнаго просвѣщенія и русской науки, съ

просьбою: оказать намъ свое содѣйствіе къ возможно-скорѣйшему осуществленію нашего общепользнаго предположенія—основанія въ Булгарѣ археологическаго музеума. Иностранцы изъ безкорыстной любви и ревности къ наукѣ отважно переплываютъ моря и смѣло проходятъ пустыни; съ рѣдкимъ и примѣрнымъ героизмомъ переносятъ при этомъ всевозможныя лишенія, какъ-то: голодъ, холодъ, зной и жажду, и послѣдствія ихъ—болѣзни; при чемъ нерѣдко встрѣчаютъ мучительную смерть, и все это изъ любви къ наукѣ и научнымъ изслѣдованіямъ. Казанская губернія—не Ледовитое море и развалины Булгара—не африканская пустыня, и, по всей вѣроятности, кто-нибудь изъ штатныхъ смотрителей тетюшскихъ или спасскихъ училищъ (на которыхъ, какъ на чиновниковъ ближайшихъ по мѣсту своего служенія къ указанной мѣстности и, безъ сомнѣнія, людей просвѣщенныхъ, наиболѣе было бы полезно возложить обязанность собирателя и хранителя проектируемаго нами древле-хранилища) не откажется посвятить свои досуги на обстоятельное изслѣдованіе и всестороннее изученіе булгарскихъ древностей. По крайней мѣрѣ, мы на ихъ мѣстѣ, съ полною готовностію приняли бы на себя это святое дѣло служенія наукѣ, даже безъ всякаго вознагражденія.

О МѢРАХЪ ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Николая Горожанскаго.

На бывшемъ въ семь году Археологическомъ Сѣздѣ въ г. Москвѣ господами археологами было сдѣлано заявленіе о сохраненіи всѣхъ древнихъ памятниковъ въ Россіи, и сверхъ того былъ поднятъ вопросъ о составленіи правилъ или законовъ, которыми можно было бы, если не совсѣмъ предотвратить, то по крайней мѣрѣ уменьшить ихъ расхищеніе и уничтоженіе, происходящія частію отъ невѣжества, частію изъ корыстныхъ видовъ, а въ нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи даже въ виду политическихъ и народныхъ началъ: вслѣдствіе чего были приглашены къ обсужденію этого вопроса какъ почтенные русскіе археологи, такъ и всѣ почитатели русской старины.

Пользуясь этимъ приглашеніемъ, я рѣшаюсь представить на разсмотрѣніе Археологическаго Общества нѣкоторыя мои замѣтки, извлеченныя изъ моей служебной дѣятельности.

Въ бытность мою на службѣ, въ концѣ 1864 и началѣ 1865 года, въ Волынской губерніи, мнѣ приходилось познакомиться со многими старинными церквами и другими постройками, краткій и неполный обзоръ коихъ при семъ представляю.

ГОРОДЪ ОСТРОГЪ.

Существующія развалины храма Богоявленія, построеннаго въ началѣ XVII столѣтія княземъ Константиномъ Острожскимъ, отъ совершеннаго равнодушія къ этому памятнику, приходятъ въ постепенное разрушеніе. Мѣстные жители пользуются остатками этого зданія, и, приходя туда, безнаказанно отбиваютъ куски камня изъ нижнихъ частей столбовъ, поддерживающихъ части купола; почему ослабленные столбы неминуемо должны когда-нибудь рухнуть и повлечь за собою лежащія на нихъ, еще сохранившіяся, части купола и двѣ башни.

Отбиваемые куски камня мѣстными жителями употребляются для точилъ косъ и другихъ инструментовъ, такъ какъ этотъ камень песчаникъ очень хорошаго свойства.

Служащій при Волынской епархіи, епархіальный архитекторъ Иванъ Францовичъ Залѣскій, уроженецъ тамошней мѣстности, говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ существованіе еще одного столба, который, по неизвѣстной причинѣ, обрушился и въ очень непродолжительное время матерьялъ отъ онаго куда-то исчезъ, такъ что и слѣда его не осталось, кромѣ фундамента. О дальнѣйшемъ сохраненіи этого зданія мною было заявлено Острожскому исправнику С. Ф. Попротскому, на что онъ отвѣчалъ, что, не имѣя никакихъ средствъ, за сохранность его ручаться не можетъ.

При осмотрѣ бывшихъ на выставкѣ Археологическаго Съѣзда рисунковъ и деталей означеннаго зданія, нельзя было не пожалѣть, что художникъ опустилъ изъ виду снять рисунокъ замѣчательно-прекрасныхъ, на южной сторонѣ, оконныхъ рамъ, высотой до 3-хъ сажень, вытесанныхъ изъ камня въ кривыхъ пересѣкающихся линіяхъ, въ отверстія коихъ должны быть вставлены стекла. Очень жаль, ежели въ настоящее время этихъ оконныхъ переплетовъ, замѣчательныхъ по своей работѣ, не существуетъ. Изъ самой церкви, какъ мнѣ говорили, существуютъ подземные ходы какъ въ башню, такъ и въ недалеко-стоящій домикъ, обращенный нынѣ въ какіе-то подвалы. При внимательномъ разсмотрѣніи плана этого зданія, легко замѣтить, что оно входило въ оборонительную систему, такъ что на сѣверной сторонѣ онаго, вмѣсто оконъ, устроены бойницы; почему и можно допустить существованіе подземныхъ ходовъ.

Въ томъ-же городѣ существуютъ громадныя развалины, на берегу рѣки, бывшаго поизунтскаго зданія, занимающія цѣлый кварталъ.

Это зданіе занималось въ послѣднее время Волынскою семинаріею; но, послѣ бывшаго тамъ пожара, семинарію перевели, а развалины оставлены на произволь судьбы и жителей города. Не рассматривая монументальность этого зданія и интересную отдышку стѣнъ бывшаго костела, а въ послѣдствіи православной церкви, разными разноцвѣтными камнями, я рѣшаюсь прибавить одинъ только эпизодъ. Проѣзжая по уѣзду, на одной почтовой станціи, первой отъ г. Острога къ г. Дубно, я разговорился съ станціоннымъ смотрителемъ объ этихъ развалинахъ, и онъ мнѣ сообщилъ довольно-интересный фактъ, достовѣрность котораго должна лежать на его отвѣтственности, такъ какъ я не могъ его провѣрить, ибо послѣ того не былъ въ г. Острогѣ. Онъ разказалъ слѣдующее: «это было давно, когда я былъ еще очень молодымъ человѣкомъ (при чемъ присовокупляю, что смотритель былъ почтенныхъ лѣтъ): я, вмѣстѣ съ товарищами, пошелъ осматривать это зданіе; запаслись огнемъ и свѣчами, и гуляя тамъ, мы забрели въ какой-то подвалъ, а оттуда подземнымъ ходомъ дошли до подземнаго озера; за нимъ видѣнъ былъ новый подвалъ, куда мы не могли никакъ попасть за глубиною воды; только издали мы тамъ видѣли какіе-то надгробные памятники и около нихъ человѣческія фигуры, одѣтыя въ латы, съ оружіемъ въ рукахъ; въ водѣ же были набиты сваи. Послѣ уже мнѣ не приходилось быть тамъ». О направленіи подземнаго хода и другихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній отъ него я не могъ получить, кромѣ одного замѣчанія, что подземные ходы были довольно-ветхи. Соображая этотъ разказъ съ положеніемъ самаго зданія, я нахожу его довольно правдоподобнымъ. Во первыхъ: эти развалины находятся на довольно-низкомъ берегу рѣки, и во вторыхъ: есть возможность строить каменныя зданія на деревянныхъ сваяхъ. Кромѣ того, я разспрашивалъ у нѣкоторыхъ лицъ о существованіи подземныхъ ходовъ, и получилъ удовлетворительные отвѣты, но съ замѣчаніемъ, что такіе ходы обвалились и сообщенія по нѣкоторымъ изъ нихъ довольно-опасны за ветхостью оныхъ. При семъ я могу прибавить свое заключеніе: весьма желательно, чтобы при разломкѣ этихъ развалинъ, какъ имѣлось въ виду въ мое тамъ пребываніе, господа архитекторы или инженеры обратили вниманіе на приведенный мною разказъ, и при общихъ работахъ сдѣлали бы разслѣдованіе всѣхъ подземныхъ ходовъ и погребовъ.

Тамъ въ г. Острогѣ, повыше поизунтскаго зданія, на правой сторонѣ большой улицы, существовала какая-то церковь; при моемъ проѣздѣ я засталъ только груды щебня и малую часть стѣны, на которой были остатки церковной живописи. Эта цер-

ковъ отдана была на сломъ, а въ настоящее время, вѣроятно, и слѣдовъ ея не осталось, и даже смѣю думать, зная тамошній порядокъ сохраненія древностей, что не позаботились оставить и плана оной, не говоря и деталяхъ. По чьему распоряженію была произведена эта разломка: по епархіальному или гражданскому, положительно сказать не могу.

ГОРОДЪ ЛУЦКЪ.

При первоначальномъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ, осматривая его древности, я обратилъ вниманіе на маленькую каменную церковь, находящуюся внутри торговой части города и окруженную лавками. На это зданіе обратилъ также вниманіе и бывшій генераль-губернаторъ Юго-Западнаго края Анненковъ.

При ея осмотрѣ я помню существованіе внутреннихъ столбовъ, полныхъ стѣнъ, парусовъ и барабана; во внутренности зданія и кругомъ онаго было крайне нечисто, не смотря на то, что въ нѣсколькихъ саженьяхъ стоятъ церковныя зданія, гдѣ живетъ соборный причетъ.

Церковь эта, Крестовоздвиженская, была братскою церковью бывшаго когда-то сильнаго Луцкаго ставропигіальнаго братства, оказавшаго такія громадныя услуги православію и Русскому народу на Волыни.

Время построенія ея неизвѣстно, но была возобновлена въ 1619 году. При вторичномъ посѣщеніи г. Луцка, зимою 1865 года, я зашелъ въ эту церковь и крайне не былъ удивленъ, увидѣвъ, что производится разломка этой старины. Я тотчасъ-же обратился къ живущему тамъ младшему губернскому архитектору Якову Африкановичу Юркевичу за объясненіемъ сего обстоятельства и, если возможно, то и за содѣйствіемъ къ пріостановкѣ начатаго разрушенія, и вотъ что узналъ отъ него:

Развалины этой церкви принадлежать духовному вѣдомству и мѣстнымъ православнымъ протоіереемъ, согласно съ разрѣшеніемъ консисторіи, отданы на сломъ евреямъ за нѣсколько сотъ рублей; а потому остановить эту работу онъ не можетъ, такъ какъ распоряженіе о сломѣ сдѣлано по другому вѣдомству. Я просилъ его убѣдительно по крайней мѣрѣ употребить свое содѣйствіе на временное пріостановленіе этого разгрома, пока я не получу официального разрѣшенія отъ Волынскаго губернатора или архіерея, которое и перешлю телеграмой. Условившись съ нимъ, я тотчасъ поѣхалъ въ г. Житомиръ. Пріѣхавъ туда и явись къ губернатору Михаилу Ивановичу Черткову, доложилъ ему все дѣло, прося его сдѣлать распоряженіе о пріостановленіи этой работы. При всемъ его просвѣщенномъ взглядѣ на русскую старину и сердечномъ сочувствіи ко всему русскому, онъ прямо объявилъ, что ничего не можетъ сдѣлать самъ, а поручилъ мнѣ, отъ его имени, обратиться за содѣйствіемъ къ Волынскому архіепископу Антонію, что я, разумѣется, тотчасъ и исполнилъ. Пришедши къ преосвященному, я высказалъ ему несообразность уничтоженія старины; при чемъ прибавилъ, что и бывшій генераль-губернаторъ обратилъ вниманіе на эти развалины. Услышавъ отъ меня это заявленіе, преосвященный немало сему удивился, прибавивъ, что онъ не помнитъ, чтобы давалъ такое распоряженіе. Я просилъ его благословенія на прекращеніе разломки этой церкви и, получивъ таковое, тотчасъ отъ него пошелъ на телеграфную станцію и телеграфировалъ о томъ Я. А. Юркевичу,

прося его сдѣлать немедленное распоряженіе, что имъ и было исполнено черезъ Луцкаго исправника. Кстати позвольте мнѣ прибавить, что въ это время я хлопоталъ о возстановленіи на Волыни церковныхъ братствъ, для чего нашимъ русскимъ кружкомъ былъ выработанъ и уставъ онымъ, который и представлялся на разсмотрѣніе и утвержденіе какъ гражданскому, такъ и епархіальному начальству; но по какимъ-то причинамъ уставъ не былъ утвержденъ, и на возстановленіе братствъ, не воспослѣдовало разрѣшенія. Я о братствахъ потому повелъ рѣчь, что, намѣреваясь въ Луцкѣ возобновить братство, мы, при содѣйствіи живущихъ тамъ русскихъ, предполагали изъ этихъ развалинъ устроить братскую часовню. Но, къ большому нашему сожалѣнію, предположеніе это, отъ коего я ожидалъ въ будущемъ немалой пользы, не пришло въ исполненіе.

Также мнѣ говорили, что на старинномъ русскомъ кладбищѣ, тамъ-же въ г. Луцкѣ, находится цѣлый еврейскій кварталъ и на дворахъ домовъ евреевъ часто встрѣчаются надгробныя плиты; но что съ ними дѣлаютъ, мнѣ положительнаго отвѣта дать не могли; провѣрить на мѣстѣ это заявленіе я не могъ по зимнему времени.

При входѣ въ старинный замокъ или крѣпость находятся старинныя каменные ворота въ видѣ четырехъ-угольной башни, которую, какъ видно, неоднократно скрѣпляли желѣзными связями. Въ мое время говорили, что эту башню, по ея ветхости, ломаютъ. Ежели признать такое распоряженіе справедливымъ, то нехудо было бы до ея разломки снять вѣрный рисунокъ оной со всѣми ея деталями.

При этомъ прибавляю, что бывшій въ мое время предсѣдатель мирового по крестьянскимъ дѣламъ съѣзда г. Каверзневъ, большой любитель старины, собиралъ древности всѣхъ родовъ, и мнѣ говорили, что у него составилаь довольно-порядочная коллекція; почему г.г. археологамъ не мѣшало бы войти съ нимъ въ сношенія.

ГОРОДЪ ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКЪ.

Въ этомъ городѣ я былъ очень короткое время и его древности довольно-плохо знаю. Приѣхавши въ городъ, я хотѣлъ осмотрѣть развалины стариннаго соборнаго храма, построеннаго кн. Мстиславомъ во второй половинѣ XII вѣка; но нашелъ ворота запертыми и сквозь рѣзныя отверстія увидѣлъ поставленные тамъ телѣги и складъ сѣна или соломы; почему о внутренности храма ничего не могу сказать. Онъ стоитъ на крутомъ берегу рѣки, и какъ видно—еще въ старинное время, въ обезпеченіе болѣе прочной стѣны его со стороны рѣки были укрѣплены каменными контръ-форсами.

Въ настоящемъ видѣ возстановленіе онаго, впрочемъ весьма желательное, требуетъ весьма большихъ издержекъ и едвали возможно, такъ какъ стѣны и другія каменные части, сколько я могъ замѣтить, дали большія трещины, и кромѣ того часть, обращенная къ рѣкѣ, должна быть укрѣплена.

При посѣщеніи православнаго мужскаго монастыря, обращеннаго изъ униатскаго, я вошелъ въ алтарь церкви и увидѣлъ лѣстницу, ведущую вверхъ; на вопросъ мой: куда она ведетъ? мнѣ отвѣчали, что въ книгохранилище. Меня это заинтересовало, я поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ двѣ комнаты, уставленныя полками, наполненными разными книгами и письменными документами. Взявши каталогъ, я увидѣлъ, что всѣ книги на латинскомъ и польскомъ языкахъ; не имѣя свѣдѣнія въ латынь, а въ польскомъ очень поверхностное, я не могъ опредѣлить важность содержанія оныхъ.

На вопросъ мой: пользуется ли ими кто-нибудь, мнѣ отвѣчали отрицательно; причемъ предложили взять любыя изъ нихъ, а въ замѣнъ оныхъ прислать какія-нибудь русскія, въ коихъ тамъ чувствуется сильный недостатокъ. Но когда я спросилъ: какъ они могутъ такъ безнаказанно распоряжаться церковнымъ имуществомъ? то мнѣ отвѣчали, что книги и другіе документы не состоятъ даже въ церковной описи. Указывая этотъ случай, я хочу только заявить: какъ у насъ на Руси мало обращаютъ вниманіе на древнія книгохранилища, и вѣроятно—это не первый и не послѣдній примѣръ.

ГОРОДЪ ОВРУЧЬ.

Въ этомъ городѣ я не былъ, и буду говорить о немъ со словъ другихъ. Какъ извѣстно, тамъ существуютъ развалины старинной каменной церкви, во имя св. Василія, построенной В. К. Владиміромъ въ 997 году. Вышеупомянутый епархіальный архитекторъ И. Ф. Залѣскій мнѣ говорилъ, что въ молодости онъ видѣлъ эти развалины въ гораздо-лучшемъ состояніи: въ то время еще существовали, вмѣсто оконныхъ переплетовъ, дубовыя ставни и въ нихъ, для свѣта, были сдѣланы сердцеобразныя отверстія; что призжавшіе члены Кіевской Археологической Коммиссіи, для изслѣдованія мѣстныхъ древностей, осматривали эту церковь и для какихъ-то научныхъ изысканій прорыли внутри оной продольную и поперечную глубокія канавы, въ коихъ ничего не нашли, а отъ ихъ работы фундаменты въ послѣдствіи дали трещины, отъ чего большая часть стѣнъ обрушилась и, вѣроятно, увлекла съ собой и остальные части зданія. Этотъ разсказъ я потому ставлю на видъ археологамъ, что при изслѣдованіи строеній необходимо имѣть и свѣдѣнія въ строительномъ искусствѣ, безъ чего ихъ изслѣдованія могутъ иногда давать вышесказанный результатъ. Въ опрометчивомъ поступкѣ г-дъ Кіевскихъ ученыхъ я никакъ не могу допустить какой-нибудь задней мысли, а только одинъ промахъ, могущій дать поводъ къ подозрѣнію.

Тутъ-же могу еще прибавить, что въ генварѣ 1865 года по дѣламъ моимъ я провелъ нѣсколько дней въ с. Студеницахъ, Житомирскаго уѣзда, по старой Радомысльской дорогѣ, у одного однодворца Льва Фортунатовича Рутковскаго. Однажды вечеромъ, разговаривая о разныхъ древностяхъ, я коснулся о неизвѣстности могилы В. К. Ольги; Л. Ф. Рутковскій объявилъ мнѣ, что ему извѣстенъ одинъ курганъ въ лѣсу на горѣ, близъ Искороти между Глуховой и Лугинами, съ большимъ каменнымъ крестомъ, глубоко ушедшимъ въ землю; на крестѣ находятся какія-то надписи. Этотъ курганъ слыветъ между окрестными жителями подъ именемъ „Ольгиной могилы.“ Но тутъ замѣчательно то обстоятельство, что вблизи нѣтъ никакихъ каменныхъ ломокъ, а оныя находятся въ разстояніи 40 или 50 верстъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно придти къ заключенію, что здѣсь похоронено очень важное лицо, почему и рѣшились привезти значительный надгробный памятникъ изъ такого далекаго разстоянія. Впрочемъ существующія надписи, вѣроятно, могутъ выяснитъ: кто тамъ похороненъ.

Обо всей Волынской губерніи я могу сказать, что она покрыта остатками старинныхъ земляныхъ окоповъ и укрѣпленныхъ лагерей, описаніе и съемка коихъ очень много помогли бы въ изученіи исторіи Волыни. Это замѣчаніе можно отнести и къ остальнымъ губерніямъ Россіи: почему я полагаю бы нелишнимъ открыть особой отдѣлъ „Военной археологіи.“ Для развитія этого отдѣла, Совѣту Археологическаго Съѣзда можно войти въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ, прося его

включить въ инструкціи офицеровъ генеральнаго штаба, командируемыхъ для статистическихъ описаній губерній, снимать и наносить на планъ всё возможные валы, насыпи, курганы и другія земляныя работы, имѣющія историческое значеніе, съ подробнымъ описаніемъ оныхъ. Гг. офицерамъ очень легко выполнить такую работу, имѣя подъ рукою всё возможные документы и находясь въ сообщеніи съ мѣстными властями и жителями, да кромѣ того они имѣютъ въ своемъ распоряженіи и свѣдущихъ топографовъ.

Въ бытность мою на Волыни, я было приступилъ къ собранію падобныхъ свѣдѣній; но къ сожалѣнію мое кратковременное тамъ пребываніе въ нѣсколько мѣсяцевъ лишило меня возможности привести въ исполненіе мое намѣреніе.

Заканчивая мои бѣглыя, отрывочныя и неполныя замѣтки по Волынской губерніи, считаю долгомъ высказать, что все вышеупомянутое я помѣстилъ не въ осужденіе кого-нибудь, а только съ цѣлію указать: какъ у насъ, во всѣхъ сферахъ общества, легко смотреть на сохраненіе русской старины и какое у насъ раздолье для истребленія всего интереснаго, а также—съ надеждою: не выйдетъ ли изъ моего разсказа какого-нибудь результата.

На Археологическомъ Съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о участіи въ археологическихъ работахъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Въ доказательство удобопримѣняемости этой идеи, можно указать на достойный подражанія Новгородскій Статистическій Комитетъ.

Въ прошломъ 1868 году лѣтомъ я ѣздилъ въ Новгородъ и случайно зашелъ въ Статистическій Комитетъ; тамъ нашелъ я очень интересный мѣстный музей разныхъ древностей, постоянно-возрастающій, благодаря горячему содѣйствію председателя Губернской Земской Управы г. Кочалова, а также новгородскаго священника, ко-его фамиліи къ сожалѣнію не помню, который ежегодно, съ началомъ весны, пускается въ путь по губерніи, осматриваетъ разные древности и, буде возможно, собираетъ ихъ и привозитъ въ музей. При музеѣ находится библіотека; должность библіотекаря исполняетъ жена священника.—Священника я не засталъ дома, онъ былъ въ отъѣздѣ, а жена его очень радушно предложила мнѣ познакомиться съ музеемъ.

Не касаясь губерній великорусскихъ, представлю образчикъ устройства Археологическаго Отдѣла при статистическомъ комитетѣ—для Волынской губерніи:

Въ непремѣнные члены онаго необходимо назначить:

1) Эпархіальнаго архитектора, коему вмѣнить въ обязанность предоставить, на первый разъ, хотя поверхностную записку о всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ церковныхъ зданіяхъ и предметахъ, въ нихъ хранящихся, коему эти предметы должны быть болѣе всѣхъ извѣстны. За тѣмъ, при всякой перестройкѣ и передѣлкѣ какихъ-либо древнихъ зданій, вслѣдствіе чего можетъ уничтожиться какая-либо деталь или видъ самаго зданія, онъ обязанъ предварительно снять съ него подробный рисунокъ, но непременно въ масштабѣ, и тогда уже приступать къ работѣ. Къ совершенной же сломкѣ или уничтоженію памятника древности приступать не иначе, какъ послѣ точнаго изслѣдованія о необходимости такой работы, пригласивъ къ обсужденію этого вопроса и другихъ мѣстныхъ членовъ, упомянутыхъ ниже. Въ послѣдствіи съ годами, когда предварительныя свѣдѣнія о всѣхъ древностяхъ будутъ собраны, можно будетъ требовать отъ эпархіальнаго архитектора и болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній,

2) Губернскаго архитектора, съ его помощниками, и возложить на нихъ тѣже обязанности относительно гражданскихъ зданій; напр. въ г. Луцкѣ существуетъ очень интересная, въ строительномъ отношеніи, еврейская синагога.

3) Губернскаго лѣсничаго, такъ какъ въ подвѣдомственныхъ ему лѣсахъ находятся часто курганы, и просить его доставить опись таковымъ курганамъ и другимъ землянымъ насыпямъ, съ подробнымъ описаніемъ размѣровъ, а если возможно, то и планъ онымъ.

4) Губернскаго землемѣра, съ его помощниками, ибо они, разъѣзжая по уѣзду для съемокъ, неминуемо должны встрѣчать разные насыпи, курганы и другія старинныя земляныя работы. По этому при своихъ работахъ они очень легко и удобно могутъ наносить на составляемые ими планы все замѣчательное, съ возможно-подробнымъ описаніемъ.

5) Пригласить уѣздныхъ исправниковъ; имѣя въ своемъ подчиненіи становыхъ приставовъ и другихъ членовъ полиціи, они скорѣе всѣхъ, могутъ получать свѣдѣнія о разныхъ находкахъ, дѣлаемыхъ крестьянами и другими жителями при земляныхъ работахъ. При этомъ прибавлю, что о разслѣдованіи этихъ находокъ чины полиціи непременно должны обращаться къ лицамъ мировыхъ учрежденій, такъ какъ къ симъ послѣднимъ крестьяне имѣютъ болѣе довѣрія, чѣмъ къ первымъ; тутъ должно быть отсутствіе всякаго насилія.

6) По той-же причинѣ пригласить председателей мировыхъ съѣздовъ и повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ, и просить ихъ внушать крестьянамъ, дабы они ни подъ какимъ предлогомъ не продавали своихъ находокъ евреямъ, обыкновенно по очень низкой цѣнѣ, а передавали бы имъ, за что будутъ получать деньгами по утвержденной цѣнѣ; напр. за вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ—по вѣсу оныхъ, а за другія вещи вдвое или втрое противъ подобныхъ вещей, употребляемыхъ въ общежитіи. Между этими лицами, вѣроятно, найдется очень много людей образованныхъ и интересующихся древностями, подобно г-ну Каверзневу, какъ я упомянулъ выше.

7) Пригласить духовенство принять участіе въ этомъ учрежденіи и представить свои замѣтки о церковныхъ древностяхъ, напр. образахъ, церковной утвари, колоколахъ и т. п., съ описаніемъ оныхъ и снимками надписей.

8) Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, вѣроятно, примутъ участіе и лица, служація въ судахъ и другихъ учрежденіяхъ, представляя Археологическому Отдѣлу подлинныя старинныя акты, оставивъ при дѣлахъ только засвидѣтельствованныя съ нихъ копіи, если по существу дѣла это будетъ возможно; въ противномъ-же случаѣ можно представлять однѣ копіи.

9) За тѣмъ пригласить и частныхъ лицъ принять участіе въ этихъ занятіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить ихъ доставить въ комитетъ описаніе имѣющихся у нихъ древностей.

10) На счетъ канцелярской организаціи предоставить распорядиться губернатору, а гдѣ есть земство, то оному, на основаніи тѣхъ правилъ, кои выработаются господами археологами.

11) Всѣ мѣстные архивы, казенныя и церковныя книгохранилища, неимѣющія спеціальнаго назначенія, подобно Новоградъ-Волынскому, передать въ Статистическій Комитетъ.

12) Просить правительство о передачѣ всѣхъ памятниковъ древности, какъ-то: развалины церквей и другихъ зданій, замковъ, крѣпостей и тому под. въ вѣдѣніе земства, а гдѣ онаго нѣтъ—то въ вѣдѣніе губернаторовъ, которые будутъ имѣть средства для охраненія оныхъ отъ уничтоженія.

13) Археологическимъ отдѣламъ юго- и сѣверо-западнаго края не худо обратить вниманіе на иконы въ католическихъ костелахъ, особенно почитаемыя жителями католиками; сколько я могъ замѣтить, напр. на Волыни въ г. Дубно, а въ Кіевской губерніи въ г. Бердичевѣ, всѣ онѣ старинной греческой живописи. Перечисленіе и описаніе оныхъ можетъ дать интересный результатъ.

14) На счетъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ на это учрежденіе, въ западномъ краѣ не можетъ быть большихъ затрудненій; стоить только обратиться въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и просить его ходатайства объ отдѣленіи части суммы изъ контрибуціонныхъ сборовъ, въ виду того, что эти деньги пойдутъ на пользу самой губерніи. Подобный расходъ былъ однажды сдѣланъ правительствомъ по постройкѣ православныхъ церквей въ западномъ краѣ. Въ случаѣ же прекращенія означенныхъ сборовъ, земство, конечно, не откажется принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

15) Въ шестидесятыхъ годахъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было особое учрежденіе по постройкѣ православныхъ церквей въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ, начальникомъ коего былъ Д. С. С. Батюшковъ; онъ назначалъ главными распорядителями по строительной части церквей офицеровъ генеральнаго штаба, которые, при близкомъ знакомствѣ и изслѣдованіи всѣхъ древностей подвѣдомственной имъ въ продолженіе долгаго времени мѣстности, безъ сомнѣнія, имѣютъ значительное количество матеріаловъ. Вѣроятно, они не откажутся своими свѣдѣніями подѣлиться съ Археологическими Обществами: этого можно достигнуть или черезъ печатныя заявленія, или черезъ непосредственное обращеніе въ вышеупомянутое учрежденіе, если только оно существуетъ; въ противномъ случаѣ—Военное Министерство, конечно, не откажется содѣйствовать въ сношеніи съ этими офицерами. При этомъ весьма желательно знать, какія мѣры приняты были означеннымъ учрежденіемъ для сохраненія старинныхъ русскихъ церквей въ первоначальномъ ихъ видѣ, а равно при перестройкахъ удержанъ ли былъ древній архитектурный стиль ихъ? Если же нѣкоторыя части, а можетъ быть и цѣлыя строенія, были уничтожены, то сохранилась ли память о нихъ въ точныхъ рисункахъ и планахъ? Учрежденіе это, распорядившееся громадными суммами изъ контрибуціоннаго сбора, имѣло возможность собрать всѣ возможные археологическія свѣдѣнія по церковно-строительному дѣлу и предотвратить уничтоженіе русской старины въ западномъ краѣ.

16) До втораго Археологическаго Съѣзда, всѣ отдѣлы едва соберутъ необходимые матеріалы и свѣдѣнія, и на этомъ Съѣздѣ г-ми археологами рѣшится вопросъ: чѣмъ преимущественно долженъ заняться каждый отдѣлъ; а равно и составитъ программа этимъ занятіямъ.

Окончивъ записку о Волыни, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о родномъ моемъ городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи, лежащей на бывшемъ рубежѣ между старой Русью и старинной Польшей съ Литвою.

Недаромъ рѣчка, протекающая около города со стороны Смоленска, называется Русяткою, а по старой Смоленской дорогѣ находятся въ 19 верстахъ деревня Поляново и въ 40 верстахъ деревня Зарубежьё, гдѣ въ былое время и проходила сухая граница.

Этотъ городъ когда-то имѣлъ важное значеніе въ исторіи Россіи, и онъ стоить того, чтобы кто-нибудь описалъ его въ археологическомъ отношеніи.

Сколько мнѣ извѣстно, въ самомъ городѣ и окрестностяхъ оного найдено было нѣсколько кладовъ, и вѣроятно—таковыхъ находится еще немалое количество.

Одновременно со Смоленскомъ, и Вязьма была укрѣплена по приказанію Бориса Годунова. Изъ построенныхъ трехъ каменныхъ башенъ уцѣлѣла только одна, на берегу рѣки Вязьмы, составляющая нынѣ часть зданій Аркадьеваго женскаго монастыря. Отъ остальныхъ башенъ и укрѣпленій не осталось никакого слѣда. Лѣтъ тридцать тому назадъ я еще помню часть землянаго вала около Духовской церкви, который въ настоящее время срытъ. Изъ кургановъ мнѣ извѣстенъ только одинъ въ урочищѣ Копенево, на городской землѣ; если же сдѣлать надлежащія изслѣдованія, то вѣроятно—найдутся еще и другіе.

Старинныхъ книгохранилищъ въ городѣ не имѣется; какія же были, то все сгорѣли во время погрома 1812 года. Между жителями города была молва, а также и мнѣ говорили мои родители, что въ церковной главѣ мужскаго монастыря имѣлся складъ книгъ и рукописей; но прошлаго года одинъ мой родственникъ, желая познакомиться съ этимъ книгохранилищемъ, обратился къ архимандриту съ просьбою допустить его туда, на что получилъ отвѣтъ, что такового книгохранилища не имѣется.

Описывая этотъ случай, я хочу только замѣтить, что если признать сказаніе жителей справедливымъ, то подобное исчезновеніе письменныхъ памятниковъ нерѣдко повторяется на Руси.

Обвиняя другихъ въ равнодушіи къ русской старинѣ, не могу не признаться, что этотъ упрекъ долженъ отнести и къ себѣ. У насъ есть деревня, по прозванью Годуново, бывшая по всей вѣроятности одной изъ вотчинъ Бориса Годунова или одного изъ его родственниковъ. И я до сихъ поръ не позаботился выяснить это обстоятельство. Братъ мой, жившій въ деревнѣ и завѣдывавшій нашимъ имѣніемъ, говорилъ мнѣ, что, осматривая мѣстность около деревни, онъ замѣтилъ на крестьянскихъ поляхъ большія неровности и углубленія, по формѣ напоминающія, какъ будто тамъ стояло когда-то зданіе съ погребами; попробовалъ было разрыть одну нишу въ горѣ, но результата никакого не получилъ; затѣмъ другихъ изслѣдованій не дѣлалъ никакихъ.

Точно также есть другая деревня Дуброво, на рѣкѣ Днѣпрѣ; имя этой деревни даетъ поводъ думать, что тамъ когда-то была дубрава или дубовый лѣсъ; между тѣмъ въ окрестности верстъ на 20 и болѣе нѣтъ дубовыхъ лѣсовъ. Но, вникая въ дѣло, оказывается, что существованіе когда-то дубравы совершенно справедливо; даже въ настоящее время на днѣ рѣки Днѣпра находятся большіе дубовые кряжи, совершенно почернѣвшіе отъ времени и долгаго лежанія въ водѣ.

Я очень хорошо помню лѣтъ тридцать и болѣе тому назадъ, какъ по распоряженію отца моего таковыя кряжи вытаскивались изъ рѣки и употреблялись для домашняго употребленія. Около этой деревни на берегу рѣки Днѣпра есть нашъ лугъ, на которомъ до сихъ поръ сохранились слѣды глубокихъ колеи, какъ будто тутъ шель когда-то нескончаемый обозъ. Не было ли тутъ военной дороги? Упомянувъ въ этой запискѣ о Борисѣ Годуновѣ, я не могу пройти молчаніемъ, что могила этого замѣчательнаго государственнаго мужа и памятникъ надъ оною содержатся въ крайнемъ небреженіи въ оградѣ Троицко-Сергіевской Лавры, которая должна подавать примѣръ сохраненія и уваженія къ памятникамъ старины русской; при чемъ прибавлю, что и сама Лавра—очень почтенная старина, столь дорогая русскому народу.

Москва, 1869 года апрѣля 11-го дня.

О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВЪ.

Члена Археологическаго Съѣзда И. Голышева.

Въ утреннемъ засѣданіи Археологическаго Съѣзда 19 марта нѣкоторыми гг. Членами Съѣзда было заявлено объ истребленіи, уничтоженіи и нехраненіи вообще памятниковъ церковной древности. Я считаю долгомъ присовокупить по этому важному предмету и мои нѣкоторыя свѣдѣнія.

По заявленію г. Члена Съѣзда графа Михаила Владиміровича Толстаго, имъ обращено вниманіе на несохраненіе древнихъ иконъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Если уже означенные памятники не сохраняются тщательно здѣсь, въ этомъ російскомъ святилищѣ, то что сказать о сохраненіи ихъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, особенно въ провинціяхъ и малыхъ мѣстечкахъ уѣздныхъ городовъ? Я съ своей стороны сообщу нѣкоторые случаи, бывшіе, къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ.

Имѣя честь быть Членомъ Московскаго Археологическаго Общества, а также Членомъ другихъ ученыхъ обществъ и мѣстнаго Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета; занимаясь описаніемъ замѣчательныхъ мѣстностей Владимірской губерніи, мнѣ пришлось составить описаніе Борковской пустыни, основанной, по завѣщанію князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, сыномъ его Иваномъ Дмитриевичемъ и возобновленной Меѳодіемъ, епископомъ Астраханскимъ, которое уже отпечатано и помѣщено въ VII выпускѣ Трудовъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, съ рисункомъ. Въ этой пустыни, не смотря на ея старину, я не нашелъ ни одного древняго акта или рукописи, а слышалъ, что они были. Кромѣ того, занимаясь описаніемъ слободы Холуя, близъ которой находится сказанная пустынь, и здѣсь не нашелъ также старинныхъ рукописей; отыскалъ только семь древнихъ указовъ княжны Куракиной у мѣстнаго жителя слободы Холуя, сына бывшаго церковнаго старосты, въ коихъ упоминается и о Борковской пустынѣ. Означенные акты напечатаны мной въ мѣстной губернской газетѣ. Куда дѣвались и исчезли старинныя рукописи?—я узналъ слѣдующее: слобода Холуй населена почти вся иконописцами, которые, какъ у нихъ говорится, употребляютъ на прокладку иконъ всякую

негодную бумагу, т. е. свертывают или сминают ее шариками и прокладывают ими между иконами, чтобы онѣ не могли стереться или слиться. Такимъ образомъ изъ Борковской пустыни и слободы Холуя много древнихъ рукописей, кои считались негодною бумагою, употреблены именно на этотъ предметъ. Мнѣ пришлось быть у одного заводчика иконописнаго заведенія; у него я видѣлъ пуды рукописей, но всѣ онѣ были уже начала и половины нынѣшняго вѣка и не представляли никакого интереса. Онъ мнѣ сказывалъ, что рукописи эти были имъ приобрѣтены изъ архива одного волостнаго правленія за угощеніе писаря, и къ этому добавилъ, что между ними были и писанныя, какъ онъ выразился, крючками, т. е. старинныя, и употреблены имъ на прокладку. Кромѣ того, рукописи, находившіяся при Троицкой церкви слоб. Холуя, на колокольнѣ, были, по распоряженію бывшаго бурмистра, почему-то сожжены. Объ этихъ грустныхъ явленіяхъ я заявлялъ печатно въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Итакъ въ нашемъ уѣздѣ, отъ непониманія значенія древнихъ актовъ и отъ невѣжества, они истребляются для прокладокъ образовъ иконниками, кои населяютъ въ большомъ количествѣ слободы Холуй, Мстеру, села Палехъ, Мордовское и Сарыево Вязниковскаго уѣзда.

Уничтоженіе древнихъ церковныхъ памятниковъ въ провинціяхъ мы встрѣчаемъ постоянно. Грустно бываетъ смотрѣть на совершающіяся истребленія старины, и по званію Члена Археологическаго Общества, желалъ бы чѣмъ-либо помочь этому дѣлу; но часто бываетъ, что замѣчаніе любителей старины встрѣчается не только безъ вниманія, но еще подвергается насмѣшкамъ. Мнѣ кажется, было бы весьма полезнымъ Членовъ Археологическаго Общества снабдить инструкціями, по которымъ бы они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ останавливать уничтоженіе памятниковъ древности слѣдующимъ способомъ, который былъ у меня на самомъ дѣлѣ.

Въ слободѣ Мстерѣ, въ древнемъ Богоявленскомъ храмѣ, находятся двѣ замѣчательныя по древности иконы: во 1-хъ, храмовой большой образъ Богоявленія Господня въ серебряной басменной вызолоченной ризѣ. Икона изображаетъ крещеніе Господа, какъ обыкновенно пишутъ на древнихъ иконахъ, съ преклонившимися тремя ангелами; у ногъ Спасителя внизу въ водѣ представлена дѣвица, съ цвѣткомъ въ рукѣ и растрепанными волосами (миѣическое изображеніе русалки); около нея представлены рыбы и нѣкоторыя другія животныя. Я полагалъ, что эти изображенія вычеканены только на ризѣ, но по изслѣдованіи оказалось, что они находятся и на самой иконѣ написанными. Вторая икона—большая-же древняя Владимірской Божіей Матери, въ величину образа, находящагося въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Риза на Богоматери вынизана жемчугомъ съ разноцвѣтными камнями, по малиновому бархату; на головѣ корона съ мысообразными листочками; фонъ иконы покрытъ серебряной, вызолоченной ризой, а равно таковой-же окладъ и кругомъ образа старинной басменной работы. Въ 1866 году бывшій церковный староста, въ совокупности съ священникомъ, вздумали изломать старыя ризы съ обѣихъ иконъ, прибавить къ нимъ серебра и сдѣлать новыя. Предложили прихожанамъ, и дѣло рѣшено. Преосвященный на поданномъ прошеніи написалъ резолюцію, что благословляетъ эту передѣлку. Когда я узналъ объ этомъ, то, будучи лично знакомъ съ бывшимъ преосвященнымъ Теофаномъ, написалъ къ нему о значеніи обѣихъ иконъ, что онѣ современны сооруженію самаго храма и проч., и такимъ образомъ дѣло было остановлено, и древнія ризы на этихъ иконахъ остались невредимыми.

На этомъ основаніи я думаю слѣдующее: такъ какъ у Археологическаго Общества есть много въ разныхъ мѣстахъ Россіи гг. Членовъ, то было бы полезно, какъ я сказалъ выше, снабдить ихъ инструкціями или руководствомъ, чтобы они обращали вниманіе на уничтоженіе памятниковъ древности, въ особенности церковной; а къ епархіальнымъ архіереямъ Археологическое Общество могло бы разослать отношенія съ просьбою, чтобы они не оставляли безъ вниманія заявленій гг. Членовъ. Тогда каждый Членъ могъ бы прямо писать епархіальному начальству, что, на основаніи отношенія къ нему Археологическаго Общества, имѣетъ честь заявить и проч. Тоже самое слѣдуетъ предоставить и Дѣйствительнымъ Членамъ Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ. Мнѣ кажется, что такая мѣра будетъ полезна къ сохраненію памятниковъ старины. Мы видимъ (хотя это и совершенно другой предметъ, но привести здѣсь нахожу неизлишнимъ), что Члены Общества покровительства животныхъ постоянно преслѣдуютъ жестокое обращеніе съ животными и частенько представляютъ лицъ къ мировымъ судьямъ; Члены же Археологическаго Общества не снабжены никакими уполномочіями къ сохраненію памятниковъ древностей нашего дорогаго отечества. Представляю взглядъ мой и мнѣніе на усмотрѣніе Археологическаго Съѣзда.

25 марта 1869 года.

ПИСЬМО

И. П. Корнилова къ В. В. Вельяминову-Зернову.

Я имѣлъ честь сообщить Вамъ записку бывшаго сверхштатнаго учителя Виленскаго учебнаго округа Николая Ивановича Соколова объ открытіи имъ въ мѣстечкѣ Туровѣ евангелія XI в. По замѣчанію г. Соколова, Туровъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и спеціальнаго изслѣдованія нашихъ археологовъ.

Слѣдуетъ прибавить, что вообще западныя губерніи представляютъ замѣчательную археологическую область, богатую древнѣйшими православными русскими памятниками вещественными и письменными. Вамъ извѣстно, какое важное не только научное, но и народное значеніе имѣютъ русскіе памятники въ тѣхъ нашихъ мѣстностяхъ, гдѣ и по сіе время надъ кореннымъ русскимъ населеніемъ преобладаютъ пришлые элементы польскій католическій, даже еврейскій. Вамъ извѣстно также, какимъ систематическимъ, безпощаднымъ истребленіямъ и поруганіямъ подвергались въ 9-ти западныхъ губерніяхъ и въ Холмской униатской епархіи русскіе памятники церковные и бытовые. Опасность истребленія будетъ имъ угрожать и впредь, если русскіе ученые и любители отечественныхъ древностей не примутъ ихъ подъ свою защиту и не позаботятся оградить ихъ отъ Римо-католическихъ фанатиковъ и отъ польскихъ ученыхъ и политическихъ пропагандистовъ, стремящихся исторгнуть изъ почвы западнаго края и истребить изъ воспоминаній все, что ихъ обличаетъ и имъ противодѣйствуетъ.

Въ Киевскомъ генераль-губернаторствѣ есть университетъ, духовная академія и археографическая коммисія; слѣдовательно можетъ быть достаточное число русскихъ ученыхъ спеціалистовъ для изысканія и описанія памятниковъ. Но въ сѣверозападномъ краѣ и въ Холмской униатской епархіи, кромѣ Виленской археографической коммисіи при центральномъ архивѣ, (*) нѣтъ ученыхъ учреждений, которыя могли бы служить средоточіемъ для постояннаго возбужденія и направленія ученыхъ работъ. Предпринятая Виленскимъ учебнымъ округомъ съ 1864 г. ученые экспедиціи, археологическія и археографическія изданія, археографическія работы въ Несвижскомъ архивѣ князей Радзивилловъ, который до 1866 г. былъ недоступенъ для русскихъ ученыхъ, основаніе

(*) Въ Вильнѣ открытъ въ 1866 г. Сѣверо-западный отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества. Въ программу его занятій входитъ археографія, насколько она можетъ служить для изученія прежняго состоянія западныхъ губерній въ географическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, о дѣятельности этого отдѣла нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

обширной Виленской публичной библиотекы и рукописнаго отдѣленія,—все это исполнено въ короткое время и при весьма ограниченныхъ денежныхъ средствахъ, благодаря патріотическому одушевленію русскихъ преподавателей гимназій и другихъ лицъ, служащихъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ и въ центральныхъ архивахъ Виленскомъ и Витебскомъ; имъ усердно содѣйствовали наставники Литовской православной (въ Вильнѣ) семинаріи, нѣкоторые православные священники и другіе русскіе любители родной старины, для которыхъ особенно отрадно было находить слѣды древне-православной русской жизни въ странѣ, въ которой мы сами допустили развиться полонизму и дали преобладаніе латинству. Воздадимъ признательность мѣстнымъ русскимъ труженикамъ, послужившимъ наукѣ съ любовью и полнымъ безкорыстіемъ.

Академія Наукъ и другія наши ученыя общества и достойнѣйшіе представители русской исторической науки почтили благосклоннымъ одобреніемъ первые опыты ученыхъ изданій Виленскаго учебнаго округа. Какъ эти изданія, такъ и ученыя командировки учителей, сопровождавшіяся открытіями и пріобрѣтеніями, (*) свидѣлствуютъ о мѣстномъ археологическомъ и археографическомъ богатствѣ, но, во всякомъ случаѣ, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на начало мѣстныхъ ученыхъ предпріятій, которыя необходимо прочно установить, дабы они не прерывались, не ослабѣвали и не подвергались другимъ неудачамъ, весьма обыкновеннымъ тамъ, гдѣ общество не всегда имъ благопріятствуетъ.

По всѣмъ изложеннымъ причинамъ было бы весьма желательно, чтобы, при обсужденіи на Сѣздѣ русскихъ археологовъ мѣръ къ возбужденію и оживленію археологической дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, къ приведенію въ извѣстность памятниковъ и къ сбереженію ихъ, было обращено особенное вниманіе на западныя губерніи и Холмскую униатскую епархію. Польскіе памятники этого края вполне изслѣдованы и о сохраненіи ихъ усердно заботятся польское общество и латинское духовенство. Естественно желать, чтобы и русскіе памятники не оставались въ забвеніи. Вниманіе къ нимъ русскихъ ученыхъ тѣмъ необходимѣе, что мѣстные католики и евреи о сохраненіи ихъ заботиться не будутъ.

Не менѣе важно было бы принять мѣры къ сохраненію библиотекъ и архивовъ, находящихся при закрытыхъ католическихъ монастыряхъ и костелахъ и въ конфискованныхъ политическихъ преступниковъ имѣніяхъ. При той политической роли какую играли и долго еще будутъ играть въ западной Россіи и царствѣ польскомъ латинское духовенство и польскія шляхетныя фамиліи, понятно, что конфискованные архивы католическихъ монастырей и польскихъ помѣщиковъ должны заключать въ себѣ историческій, весьма поучительный для насъ матеріалъ. Такъ какъ конфискованные библиотекы и архивы суть, безспорно, достояніе правительства, то слѣдовало бы, полагая, испросить распоряженіе, чтобы всѣ они были переданы и впредь передаваемы въ правительственныя книгохранилища и архивы. Эта мѣра сохранить ихъ отъ растраты, расхищенія или даже намѣреннаго истребленія. Могу, для примѣра, указать на открытую въ Вильнѣ въ 1864 году при учебномъ округѣ библиотеку, въ которую, съ разрѣшенія генераль-губернаторовъ: графа М. Н. Муравьева, К. П. фонъ Кауфмана

(*) Между прочимъ Туровское евангеліе, Супрасльская монастырская лѣтопись, русская рукопись: изложеніе Магдебургскаго права, Четыи Минеи за декабрь и духовные стихи на бѣлорусскомъ нарѣчій, лѣтопись Аврамка, записки игумена Ореста и пр., колоколъ съ славянской надписью 1420 г., большое число весьма вѣрныхъ рисунковъ и фотографій и т. д.

и графа Э. Т. Баранова, поступили многія книгохранилища и архивы, конфискованные какъ во время мятежа, такъ и гораздо ранѣе. Такимъ образомъ составила въ Вильнѣ богатая публичная библіотека, заключающая въ себѣ до 200,000 книгъ и значительное число рукописей.

Неожиданная кончина роднаго брата моего лишаетъ меня всякой возможности участвовать на засѣданіяхъ Археологическаго Съѣзда, а потому я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, принять на себя трудъ представить это письмо на обсужденіе Съѣзда.

Примите, Милостивый Государь Владиміръ Владиміровичъ, увѣреніе въ отличнѣйшемъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности.

19 марта 1869 года, Москва.

ТУРОВСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ

ОДИННАДЦАТАГО ВѢКА.

(ИЗДАНІЕ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА. СПБ. 1868. ЛИТОГРАФІЯ БЕРМЕЛѢВА ПРИ
АРХЕОГРАФ. КОММИССІИ).

Записка Н. И. Соколова.

Изданные подъ этимъ именемъ 10 листовъ евангельскихъ чтеній, писанныхъ уставомъ на пергаментѣ, открыты Н. И. Соколовымъ въ Туровѣ (мѣстечко Минской губерніи), въ 1866 г. По распоряженію бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа, И. П. Корнилова, этою поѣздкою по Минской губ. начать цѣлый рядъ поѣздокъ по сѣверозападному краю, для собиранія, описанія и снимковъ уцѣлѣвшихъ мѣстныхъ памятниковъ православно-русской старины. Драгоцѣнные матеріалы, такимъ образомъ спасенные для науки, обильнымъ запасомъ уже вошли въ составъ Виленской публичной библіотеки и частію сдѣланы уже общедоступными посредствомъ ученыхъ изданій Виленскаго округа, каковы: 4 тома Археографическаго Сборника, Ревизія королевскихъ пущъ, произведенная Воловичемъ, (*) 1-й выпускъ снимковъ съ замѣчательностей сѣверозападнаго края, Туровское евангеліе и нѣкот. др. Кромѣ того, по распоряженію бывшаго попечителя, оканчиваются печатаніемъ еще нѣсколько томовъ Археографическаго Сборника, въ томъ числѣ драгоцѣннѣйшіе документы для исторіи западно-русской церкви, акты еврейскихъ кагаловъ и др., а въ Петербургѣ Археографич. Коммиссія оканчиваетъ печатаніемъ западно-русскую лѣтопись раба Божія Аврамка, которая открыта А. В. Рачинскимъ, ѣздившимъ по краю на средства и по порученію Виленскаго учебнаго округа въ 1866 и 1867 г. Въ статьѣ г. Гильдебрандта о рукописномъ отдѣленіи Виленской публичной библіотеки (см. Вилен. Вѣстникъ нынѣшняго года, № 20) достаточно собрано данныхъ для оцѣнки того, въ какой мѣрѣ уже проявилась научная польза такихъ предпріятій учебнаго округа и какими сокровищами обладаетъ русская наука въ матеріалахъ, которые безъ настойчивыхъ поисковъ учебнаго округа или совершенно погибли бы, или еще долго оставались бы въ неизвѣстности.

(*) 1-я часть этой Ревизіи хранилась въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, а 2-я часть найдена въ 1866-мъ году у частнаго лица въ Новѣгородѣ Минской губерніи.

Открытіе Туровскаго евангелія наводитъ на мысль, что быть можетъ еще много подобныхъ-же древнихъ памятниковъ скрывается въ мѣстахъ, особенно удаленныхъ отъ центровъ мѣстной жизни. Туровскіе листы переплетены были въ корешокъ и хранились въ Туровской Спасо-Преображенской церкви, и сообщены въ распоряженіе попечителя Виленскаго учебнаго округа о. настоятелемъ Желѣзняковскимъ, при содѣйствіи о. благочиннаго Лисицкаго, благодаря тому довѣрію, которымъ въ западномъ краѣ вообще пользуются среди духовенства лица учебнаго вѣдомства. Впрочемъ, памятникъ этотъ не перешелъ въ частныя руки, но сохранялся при церкви, только потому, что въ евангеліи находятся двѣ записи князя Константина Ивановича Острожскаго въ пользу Преображенской церкви. Отецъ Желѣзняковскій еще помнитъ изъ времени своего дѣтства, какъ этихъ листовъ было не 10, но гораздо больше. Куда дѣвались остальные листы, онъ не знаетъ; но если хотя бы на минуту допустить, что они не погибли, и если имѣть въ виду, что клочки знаменитой Супрасльской рукописи одновременно находились въ разныхъ рукахъ, то можно не безъ вѣроятности допустить, что, при поискахъ усиленныхъ, старательныхъ и систематическихъ, слѣды потерянныхъ Туровскихъ листовъ отыскивались бы.

Туровъ самъ собою представляетъ живое доказательство того, что, при археологическихъ поискахъ въ сѣверозападномъ краѣ, не слѣдуетъ смущаться видимою бѣдностью старины или же представленіемъ о невозвратимыхъ ея утратахъ. Въ настоящее время въ Туровѣ, повидимому, нѣтъ и слѣда о его древнемъ значеніи—въ качествѣ удѣльной княжеской столицы или средоточія церковной и умственной жизни. Неоднократные пожары и наводненія сдѣлали изъ этого знаменитаго города жалкое мѣстечко, общая же историческая судьба западной Руси сказалась и въ немъ обиліемъ еврейскаго населенія, заплонившаго городъ и оттѣснившаго христіанъ на его окраины. Православныя церкви въ нынѣшнемъ видѣ (двѣ приходскія и двѣ приписныя) не восходятъ выше начала этого столѣтія, и кромѣ одной Ильинской, всѣ въ жалкомъ состояніи. На мѣстахъ древнихъ церквей умѣстились жида, а на мѣстѣ алтаря церкви Петропавловской выкидываются евреями нечистоты. Въ самыхъ церквяхъ уцѣлѣли, повидимому, двѣ-три древности; такъ кромѣ листовъ евангелія, остатками старины кажутся только небольшой кипарисный наперсный крестъ съ рѣзными изображеніями распятія и апостоловъ (принесенъ, по преданію, изъ Греціи однимъ изъ Туровскихъ іерарховъ), да гладкій оловянный потиръ съ надписью Яковъ Ярушъ. Затѣмъ передается много разсказовъ о томъ, какъ и въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ многіе памятники, особенно письменные, должны были погибнуть. Но если, не смущаясь ничѣмъ, терпѣливо и на болѣе продолжительное время заняться изслѣдованіемъ на мѣстѣ, прислушаться къ мѣстнымъ догадкамъ и народному говору, войти въ болѣе близкое отношеніе къ мѣстному духовенству, православнымъ мѣщанамъ и православной шляхтѣ, и наконецъ имѣть во всякую минуту необходимыя денежныя средства на покупку случайно-открываемыхъ древностей; то почти поручиться можно, что успѣхъ превзойдетъ ожиданія. Вкусъ, любовь къ старинѣ на мѣстѣ, среди православныхъ сохраняется удивительно. Древнимъ, предковъ нашихъ благочестіемъ живетъ еще страна эта. Въ отчужденіи за Пинскими болотами и Полѣсьемъ отъ остальнаго міра, воспоминанія и преданія древности еще не вытѣснены здѣсь суетливымъ шумомъ промышленно-городской жизни и понятіями современнаго образованія. Народъ еще рассказываетъ, какъ сыпанъ городъ первымъ пришедшимъ сюда

княземъ, и большая насыпь, теперь извѣстная подъ именемъ Замковой горы, дѣйствительно имѣетъ всѣ признаки искусственнаго сооруженія, а въ расположеніи различныхъ слоевъ, въ томъ числѣ угля и рыбьей чешуи, археологъ дѣйствительно найдетъ признаки незапамятной старины. Есть въ городѣ колодезь «Туръ», съ тремя днами—мѣднымъ, серебрянымъ и золотымъ; прорвется золотое дно—затопнетъ весь міръ. Колодезь пользуется почти суевѣрнымъ уваженіемъ и связанъ со многими народными преданіями, повидимому, о какихъ-то дѣйствительныхъ событіяхъ. Много преданій о волшебной княжнѣ, долго, силою чаръ, защищавшей городъ отъ враговъ: указываются самыя мѣста ея чарованій, называемыя Передолами. Всѣ мѣстныя имена звучатъ въ устахъ народа еще живымъ смысломъ: Кричевъ—потому, что великій крикъ подняли татары, прижатые туровцами къ рѣкѣ и въ этомъ мѣстѣ погибшіе всѣ; немногіе спаслись вплавь, но и тѣ избиты на той сторонѣ до одинаго, и курганы надъ ними укажутъ вамъ всякій туровецъ; Семирядцы—потому, что здѣсь семь выборныхъ судей рядили Туровомъ: кто, гдѣ и когда—исторія этого не скажетъ, и только народъ упорно помнитъ общій смыслъ этого факта. Вамъ укажутъ древніе каменные кресты, которые, особенно въ день Воздвиженія, чествуются: болящіе каменною болѣзнію пьютъ наструженную пыль съ нихъ. И откуда эти камни, когда вокругъ Турова на 100 верстъ нѣтъ такихъ камней? Народъ говоритъ, что привезли ихъ противъ воды въ то время, когда стало здѣсь распространяться Христово ученіе. На персяхъ крестьянъ и шеяхъ крестьянокъ увидите кресты, перстни и прочія украшенія, весьма часто золотыя, которыя еще отъ прапрадѣдовъ перешли къ нимъ, хранятся, какъ наслѣдственная семейная святыня и еще къ правнукамъ перейдутъ. Назовутъ вамъ лицъ, у которыхъ есть кресты, поднятые со дна Припети и сдѣланные нерѣдко изъ какого-то дивнаго вещества. А по народному благочестію, по книжности церковной, распространенной безъ исключенія между всѣми мѣщанами, можете догадываться, что у нихъ хранятся отъ дѣдовъ и старыя книги и грамоты, и только умѣйте пользоваться временемъ и чувствами человека, когда желаете проникнуть въ этотъ тайникъ благоговѣйно-укрываемой старины. Не стоитъ ли, по всему этому, Туровъ подробныхъ, усердныхъ поисковъ; а ради ошибокъ, допущенныхъ о немъ архим. Николаемъ и даже, кажется, Калайдовичемъ, это просто необходимо для возстановленія истины. Нужны лишь усердіе и достаточныя денежныя средства.

ВОПРОСЫ,

предположенные къ обсужденію на Съѣздѣ.

I. ВОПРОСЫ ОБЩЕ.

4-й. Составленіе археологическихъ картъ, чертежей и т. п., между прочимъ такой карты, на которой были бы обозначены лишь мѣста битвъ, съ указаніемъ: когда и съ кѣмъ онѣ происходили, а также раскопокъ, если такія были произведены.

Милостивые Государи!

Въ нынѣшнемъ засѣданіи я буду имѣть честь сдѣлать Вамъ сообщеніе, касающееся 4-го вопроса, въ которомъ сказано, чтобы на археологической картѣ были, между прочимъ, обозначены раскопки, если таковыя были произведены.

При составленіи археологическихъ картъ весьма естественно приходитъ къ слѣдующимъ предположеніямъ: нужно ли обозначать на картѣ всѣ встрѣчаемые курганы; какъ начертить графически курганную карту, какимъ образомъ составить собственно-археологическую карту, и наконецъ откуда заимствовать всѣ необходимые источники для составленія этой карты?

Всѣ эти соображенія можно формулировать въ четыре отдѣльные вопроса, а именно: 1-й) нужно ли обозначать на картѣ всѣ типы кургановъ? 2-й) какъ начертить графически курганную карту? 3-й) какъ составить собственно-археологическую карту? и наконецъ 4-й) нужны ли для археологическихъ обществъ краниологическія собранія?

Въ этихъ собственно вопросахъ заключается мое настоящее сообщеніе. Желая, сколько возможно, сократить время и не обременять вашего вниманія, Милостивые Государи, я относительно подробностей моего сообщенія буду ссылаться, указывая всякій разъ на мою брошюру, напечатанную въ Дрезденѣ въ 1866 г. Эту брошюру я не пустилъ въ продажу, а раздаю своимъ знакомымъ и друзьямъ, и буду имѣть честь представить ее Съѣзду. Итакъ я обращаюсь къ моему первому вопросу:

1. НУЖНО ЛИ ОБОЗНАЧАТЬ НА КАРТѢ ВСѢ ТИПЫ КУРГАНОВЪ?

Нельзя разрѣшить этого вопроса иначе, какъ опредѣливъ сначала значеніе каждаго кургана. Я говорилъ объ этомъ въ моей брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Опытъ составленія этнографическихъ картъ» (Дрезденъ, 1866 г.), а теперь считаю нужнымъ повторить нѣкоторыя соображенія въ настоящемъ сообщеніи.

Всѣ виды встрѣчающихся у насъ кургановъ можно подраздѣлить на двѣ главныя категоріи: къ первой я отношу древніе, а ко второй категоріи всѣ новые курганы. Древніе курганы представляются намъ или въ видѣ насыпныхъ могилъ на общемъ

кладбищъ, или какъ простыя насыпи, въ которыхъ не встрѣчается древнихъ остатковъ. Къ первому виду относятся одиночныя могилы (если находится въ нихъ одинъ человѣческій костякъ); этотъ родъ могилъ можно подраздѣлить на два отдѣла: на одноярусныя, распадающіяся въ свою очередь на нѣсколько характеристическихъ видовъ, смотря по найденнымъ въ нихъ предметамъ, и на двуярусныя; потомъ идутъ семейныя могилы, если принять ихъ за таковыя, при нахожденіи въ нихъ двухъ или болѣе костяковъ разныхъ половъ (Курганное племя Московской губерніи, предварительная замѣтка А. Богданова, 1865 г.); наконецъ общіе могильные курганы, въ которыхъ складывалось не два, не три, а нѣсколько и даже много людей (*Les palafittes du lac Neuchatel, par Mr. Dézob, 1865*). Эти послѣдніе я называю боевыми по аналогіи съ тѣми курганами, которые и понынѣ встрѣчаются у насъ въ Бѣлоруссіи, въ особенности подъ Лѣсной. Древнія насыпи, въ которыхъ до сихъ поръ не найдено никакихъ остатковъ, встрѣчаются болѣею частью на открытыхъ мѣстахъ, представляя обширный кругозоръ. Основанія этихъ кургановъ вообще шире могильныхъ; они служили, вѣроятно, сторожками или маяками древнимъ племенамъ, а потому можно назвать ихъ сторожевыми или маячными. Авторъ статьи «*des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale*» par Dubois de Montpéreux, различаетъ, кромѣ могильныхъ, еще три рода кургановъ: триумфальныя или трофеальныя, пирейскіе (*tumulus-pyrées*) и сторожевыя или телеграфы (*tumulus télégraphes*).

Мы можемъ представить различныя виды курганныхъ насыпей въ слѣдующей таблицѣ:

ДРЕВНІЕ КУРГАНЫ

А. МОГИЛЬНЫЯ НАСЫПИ.		
I. Одиночныя могильныя курганы (общее кладбище)	1. Одноярусныя	1. Мужскіе 2. Женскіе
	2. Двуярусныя	Мужскіе (?)
II. Семейныя могильныя курганы (общее кладбище)	Одноярусныя	1. Съ домашними животными. 2. Съ жертвоприношеніями. 3. Съ костюмами и предметами домашняго быта. 4. Съ костюмами.
III. Общіе могильныя курганы	Одноярусныя	1. Муцина съ женщиной. 2. Женщина съ ребенкомъ. Боевыя.
В ПРОСТЫЯ НАСЫПИ.		
IV. Насыпныя курганы	Одноярусныя	Сторожевыя или маячныя.
НОВЫЕ КУРГАНЫ.		
Общіе могильныя курганы	Одноярусныя	Боевыя.

Современемъ предлагаемое подраздѣленіе кургановъ можетъ увеличиться новыми видами, такъ наприм., въ послѣднемъ засѣданіи Антропологическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія была представлена однимъ изъ членовъ этого Общества, г. Зенгеромъ, голова курганной лошади; въ недавнее также время въ Могилевской губерніи напали на слѣдъ одного землѣдѣльческаго курганнаго орудія.

Итакъ значеніе кургановъ весьма важно: во 1-хъ потому, что могильныя вообще насыпи опредѣляютъ мѣстонахожденія или осѣдлость древнихъ племенъ, обитавшихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ; во 2-хъ боевые курганы обозначаютъ мѣста побоищъ этихъ племенъ, и въ 3-хъ простыя насыпи могутъ указать намъ или пункты сторожевые, обсерваціонныя и маячныя, или границы; если онѣ тянутся грядою по извѣстному направленію, тогда могутъ назваться пограничными. Я предоставляю рѣшить это специалистамъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что всѣ типы древнихъ насыпей должны наноситься на карту, и это нанесеніе тѣмъ болѣе необходимо, что курганы, съ теченіемъ времени, уничтожаются почти безслѣдно для краниологіи (немногіе собираютъ черепа) и не менѣе того для археологіи (крестьяне продаютъ металлическія вещи на сплавъ за безцѣнокъ) и отечественной исторіи, потому что о многихъ раскопкахъ мы вовсе ничего не знаемъ и нерѣдко крестьяне раскапываютъ и срываютъ курганы для пахаты. Они исчезаютъ также въ лѣсахъ, заглушаясь ихъ чащею, или заростая деревьями, какъ мы встрѣчаемъ это въ Могилевской губерніи; слѣдовательно составленіе курганной карты нынѣ необходимо.

2. КАКЪ СОСТАВЛЯТЬ КУРГАННЫЯ КАРТЫ?

Если признать полезнымъ нанесеніе всѣхъ типовъ древнихъ насыпей на курганную карту, то естественно рождается вопросъ: ограничиваться ли простымъ указаніемъ курганныхъ мѣстностей? При раскопкахъ мы встрѣчаемся не съ одними человѣческими остатками, но и съ предметами домашняго быта. Находя костяки, мы должны рѣшить: къ какому древнему племенному типу они принадлежать.

Этотъ вопросъ разсмотрѣнъ довольно подробно въ моей брошюрѣ, а потому я укажу здѣсь только на тѣ основанія, которыми я руководствовался какъ для разрѣшенія его, такъ и для составленія курганной карты.

Чтобы придти къ научному опредѣленному результату, при изслѣдованіи костяковъ, необходимо избрать одинъ изъ тѣхъ признаковъ въ физическомъ строеніи человѣка, который менѣе другихъ подвергается измѣненіямъ. Въ этомъ отношеніи строеніе черепа представляетъ антропологу самый вѣрный способъ для распредѣленія многихъ древнихъ племенъ по извѣстнымъ краниологическимъ типамъ (His—sur les crânes de la population Rhétique, въ Bulletin de la Société d'anthropologie de Paris, т. V, и В. Эдвардсъ—о физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ въ Магаз. Землев.). Изслѣдовавъ въ извѣстной мѣстности всѣ курганныя человѣческіе остатки (черепа) на тѣхъ основаніяхъ, которыя я изложилъ въ брошюрѣ (стр. 7—9), я соединяю линіями всѣ однородныя краниологическіе типы. Общее расположеніе системы линій составляетъ сѣть «краниометрическую», а линіи, соединяющія однородныя краниологическіе типы, я называю краниотипическими. Идя послѣдовательно, шагъ за шагомъ, и изучая каждую мѣстность географически и краниологически, мы пройдемъ такимъ образомъ всѣ курганныя области Россіи. Собравши всѣ необходимыя матеріалы, мы можемъ, современемъ, составить уже общую курганную или краниологическую карту, которая будетъ служить основаніемъ исторіи древнихъ племенъ въ краниометрическихъ ихъ свойствахъ. Наша отечественная краниологія становится еще интереснѣе, если мы будемъ изучать племенные отношенія древнихъ восточныхъ народовъ съ западными, что можемъ сдѣлать съ помощію тѣхъ-

же сѣтей, соединяя линіями однородные типы тѣхъ и другихъ племенъ. Когда эти сѣти охватятъ всѣ страны свѣта, тогда не только опредѣлится географическое размѣщеніе разныхъ древнихъ племенъ и народовъ, но и распространеніе ихъ по извѣстнымъ типамъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, обозначатся пути передвиженія ихъ съ востока на западъ. Краниотипическія линіи будутъ наноситься на карту, какъ линіи климатологическія, линіи распространенія растений и животныхъ (Hand: Atlas der allgemeinen Erdkunde—Physikalische Section v. L. Ewald). Итакъ краниологическая сѣть необходима для составленія курганныхъ картъ и для опредѣленія краниологическихъ типовъ давно-отжившихъ племенъ, что весьма важно для будущихъ ученыхъ, при изслѣдованіи древнихъ народовъ въ родственныхъ ихъ отношеніяхъ. Пожелаемъ съ нашей стороны успѣха краниологамъ, отъ которыхъ много зависитъ и успѣхъ составленія указанной курганной карты, съ помощію предлагаемой мною краниометрической сѣти.

3. КАКЪ СОСТАВИТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ КАРТУ?

При изслѣдованіи курганныхъ человѣческихъ костяковъ мы можемъ, какъ мы видѣли выше, относить ихъ съ помощію измѣренія черепа къ тому или другому краниологическому типу, и на этомъ ограничились бы всѣ наши свѣдѣнія въ доисторическое время, если бы при нихъ мы не находили предметы домашняго быта древняго человѣка; слѣдовательно археологъ и краниологъ должны идти рука объ руку въ разслѣдованіяхъ тѣхъ и другихъ древнихъ памятниковъ. Мы можемъ охарактеризовать эти доисторическіе періоды археологически, обозначая каждый изъ нихъ по преобладанію извѣстныхъ матеріаловъ, употребляемыхъ для предметовъ домашняго быта; а потому археологи принимаютъ три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Какже составить собственно археологическую карту и какъ воспользоваться указанными доисторическими вѣками, чтобы нанести ихъ на карту? Я ограничусь здѣсь теоретическимъ изложеніемъ того способа составленія картъ, который я нахожу возможнымъ ввести при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ. Представимъ себѣ, что мы начинаемъ наши розысканія въ совершенно-незнакомой намъ странѣ, въ которой мы нашли озеро съ слѣдами свайныхъ строеній, въ другомъ мѣстѣ раскопали курганы и встрѣтили въ нихъ или одни костяки, или костяки съ разными предметами, или вещи безъ костяковъ, или вовсе ничего не нашли въ курганахъ; все это легко можетъ случиться, потому что металлическія вещи пропадаютъ отъ окисленія, костяки также уничтожаются или отъ разложенія, или отъ тяжести земли при осадкѣ, или, быть можетъ, неизвѣстный искатель клада въ однихъ курганахъ извлекъ металлическія вещи, оставивъ костяки, а земледѣлецъ уничтожилъ и разсыпалъ костяки, обнажившіеся въ другихъ насыпяхъ, по полю. Въ свайныхъ постройкахъ найдены на прим. каменные предметы, въ курганахъ бронзовые и желѣзные вещи. Итакъ мы встрѣчаемся въ незнакомой намъ странѣ съ тремя различными періодами, которые мы обозначаемъ тремя особыми красками, какъ это дѣлаютъ на этнографическихъ картахъ для указанія мѣстонахожденія различныхъ племенъ (Hand: Atlas der allgemeinen Erdkunde—Ethnograph. Section v. L. Ewald). Сначала эта карта будетъ представлять древніе періоды, какъ-бы вкрапленные въ исторію человѣка, и составлятъ отдѣльные, такъ сказать, археологическіе оазисы. Продолжая розысканія и нанося на карту результаты нашихъ разслѣдованій, мы увидимъ, что одни оазисы, расширяясь, будутъ сближаться и сливаться съ однородными съ ними

оазисами, тогда какъ другіе останутся, быть можетъ, совершенно-объединенные, какъ нѣкоторые курганы, встрѣчаемые въ Америкѣ, гдѣ нынѣ вовсе нѣтъ населеній. Могутъ встрѣтиться и такія мѣстности, въ которыхъ будутъ отысканы слѣды или двухъ или даже одного только вѣка. Эти указанные примѣры не затруднять насъ при составленіи археологической карты; но могутъ быть и другіе случаи, какъ наприм. въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи будутъ находиться два періода вмѣстѣ: или каменный съ бронзовымъ, или бронзовый съ желѣзнымъ; бронза можетъ оказаться различнаго химическаго состава (составъ бронзы очень важенъ въ этомъ случаѣ). Эти встрѣчающіеся примѣры служили поводомъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ въ возможности дѣлать доисторическія времена на указанные періоды. Постараемся разъяснить это недоразумѣніе. Если мы находимъ въ одной и той-же мѣстности каменные и бронзовые вещи вмѣстѣ, то мы можемъ объяснить это тѣмъ, что племена могли жить одновременно съ различными предметами по роду матеріала. Я допускаю это, потому что археологическіе вѣка могутъ представлять ту же постепенность въ развитіи, которую мы видимъ и въ новѣйшихъ народахъ; а потому и въ доисторическія времена могъ вводиться металлъ у одного племени, тогда какъ другое не имѣло о немъ никакого еще понятія. Если же они попадаютъ вмѣстѣ, то г. Дезоръ объясняетъ это тѣмъ, что древнія племена, нападая другъ на друга, могли оставлять нѣкоторые предметы своего издѣлія. Бронзовые вещи попадаютъ различнаго химическаго состава, что показываютъ намъ изслѣдованія М. R. Fellenberg'a (*Materiaux pour l'hist. positive et philosoph. de l'homme*, 1865) и д-ра Wibel'я (*Die Kultur der Bronzezeit*, 1865). При этомъ случаѣ мы должны стараться розыскать подобныя-же вещи въ другихъ мѣстностяхъ, чтобы знать: откуда могли онѣ придти къ племенамъ или каменнаго вѣка, если онѣ попадаютъ вмѣстѣ съ предметами каменнаго періода, или бронзоваго, если эти сплавы различнаго состава по роду металла, или наконецъ при нахожденіи бронзовыхъ вещей въ періодѣ желѣзнаго вѣка, болѣею частью иного состава металлическаго съ бронзою, предшествовавшего времени. Изъ разнородности состава бронзы мы можемъ заключить о вѣроятномъ сообщеніи древнихъ племенъ, которыя могли или заимствовать другъ у друга недостающій металлъ (въ такомъ случаѣ могли существовать и торговые рынки), или мы можемъ предположить, что эти племена переходили съ мѣста на мѣсто до настоящей осѣлости. Опредѣленіе такихъ пунктовъ весьма интересно и слѣдуетъ ихъ искать тамъ, гдѣ, по преимуществу, находится матеріалъ, недостающій въ бронзѣ другаго племени, и слѣживъ мѣстные предметы, прослѣдить пути передвиженія этихъ племенъ или пути торговые; все это должно входить въ карту доисторическаго времени. На карту историческаго періода должны наноситься древнія городища, земляные валы, камни съ надписями и всѣ памятники, относящіеся къ этому времени. Если мы нанесемъ на карту доисторическаго періода краниометрическую сѣть, тогда эта послѣдняя обозначитъ краниологическіе типы, существовавшіе въ то время; слѣдовательно мы будемъ знать: и къ какимъ племенамъ, съ извѣстными краниометрическими свойствами, относятся найденные предметы различныхъ періодовъ.

Изъ всего сказаннаго я прихожу къ тому заключенію, что составленіе археологической карты, по предлагаемому мною способу, будетъ весьма полезно для отечественной исторіи, потому во 1-хъ, что на картѣ обозначатся всѣ доисторическіе періоды, во 2-хъ, краниометрическія сѣти опредѣляютъ родственныя краниологическія отношенія различныхъ древнихъ племенъ между собою, и наконецъ въ 3-хъ, опредѣляются осѣдлыя

мѣста различныхъ племенъ, ихъ побоища, ихъ передвиженія и вѣроятные пункты торговыхъ рынковъ и дорогъ. Если будущіе антропологи и этнографы присоединять къ этой картѣ свои сѣти, тогда направленіе и расположеніе кранио-и этно-типическихъ линій укажутъ намъ на то вліяніе, которое имѣли извѣстные типы давно-отжившихъ племенъ на фізіологическія и этническія свойства послѣдующихъ обитателей, и такимъ образомъ карта представитъ общую живую картину, въ которой древнія племена оживутъ и олицетворятся въ позднѣйшихъ своихъ поколѣніяхъ. Теперь перехожу къ послѣднему вопросу:

4. НУЖНЫ ЛИ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ КРАНИОЛОГИЧЕСКІЯ КОЛЛЕКЦІИ?

Коснувшись составленія археологической карты, я говорилъ о пользѣ краниометрической сѣти, которую нельзя составить иначе, какъ изслѣдовавъ всѣ краниологическіе типы; слѣдовательно при археологическихъ изысканіяхъ необходимо собирать и черепа. Чѣмъ полнѣе будетъ краниологическая коллекція, тѣмъ лучше мы можемъ ознакомиться съ древними предметами домашняго быта прежнихъ обитателей нашего обширнаго отечества, потому что будемъ знать не только вѣкъ, къ которому они относятся, но и къ какому принадлежать они племени по краниологическому его свойству, и быть можетъ, скажемъ современемъ: и какому именно племени они принадлежать. Я постараюсь изложить это вкратцѣ, потому что говорилъ объ этомъ подробнѣе въ моей брошюрѣ, въ отдѣлѣ этнографіи. Археологія одинаково важна, какъ и краниологія. Изучая этнографію, мы знакомимся не съ одними предметами домашняго быта современнаго человека и не съ одними его костюмами, составляющими, такъ сказать, наружную его оболочку, но изучаемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и внутреннее его содержаніе, т. е. фізіологическія свойства его обыденной жизни. Такъ точно мы должны изучать и древняго человека: недостаточно собирать одни только предметы домашняго быта курганнаго племени, потому что человѣческіе остатки (черепа) опредѣляютъ—къ какому племени, по краниометрическимъ его свойствамъ, принадлежать найденныя вещи; слѣдовательно подобная краниологическая коллекція для археологическихъ обществъ необходима: во 1-хъ, какъ матеріалъ ученому для изслѣдованія древнихъ племенъ, нѣкогда обитавшихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, въ краниологическихъ ихъ свойствахъ; во 2-хъ, она будетъ служить для сличенія нашихъ краниологическихъ типовъ съ типами другихъ мѣстностей и странъ; въ 3-хъ, эта коллекція нужна для составленія общей подробной курганной карты Россіи, при опредѣленіи племенъ въ краниологическихъ ихъ отношеніяхъ, и для обозначенія мѣста осѣлости и передвиженія ихъ съ востока на западъ черезъ Россію.

Итакъ пожелаемъ осуществленія этой мысли, столь полезной, по нашему мнѣнію, для приведенія въ исполненіе рѣшенія предложенныхъ вопросовъ, котораго мы будемъ ожидать отъ археологическихъ обществъ.

Въ настоящемъ сообщеніи я желалъ бы обратить вниманіе на одну изъ нашихъ отечественныхъ курганныхъ областей, часть которой занимаетъ нынѣ Могилевская губернія.

Многіе полагаютъ, что губернский г. Могилевъ основанъ въ 1267 или въ 1269 году, и мѣстное преданіе говоритъ, что когда-то въ древности жило тутъ два богатыря

Гвоздь и Машека. Мѣсто, гдѣ пребывалъ первый, слыветъ и до сихъ поръ Гвоздовкою, а гдѣ былъ второй—Мышаковкою: два урочища вблизи праваго берега Днѣпра, раздѣляющія лишь глубокимъ оврагомъ. Оба богатыря грабили и убивали кого ни попало, и берегъ Днѣпра вздымался могилами жертвъ ихъ злодѣйства. Когда современемъ основалось тутъ рыбацье селеніе, то отъ множества могилъ прозвалось оно Могилевымъ (см. Обзор. ист. Бѣлоруссіи съ древн. временъ, соч. Турчиновича. Спб. 1857). Нѣкоторые приписываютъ основаніе города Могилева Льву Даниловичу, князю Галицкому, по имени котораго будто и прозванъ этотъ городъ: Моги Левъ (могій, могучій и Левъ, потому что князь Левъ былъ могущественный и сильный); но я не знаю какъ и приурочить сюда кн. Галицкаго. Не входя въ критическій разборъ о происхожденіи названія г. Могилева, скажу только, что въ немъ слышится что-то могильное, что вполне соответствуетъ нашей мѣстности. Въ самомъ дѣлѣ: группа средне-днѣпровскихъ кургановъ начинается выше мѣстечка Шклова, въ Могилевскомъ уѣздѣ, съ одной стороны до устья Припети и между р. Друтью и низовымъ теченіемъ Березины, съ другой—группа сожевскихъ кургановъ между г. Могилевымъ и р. Сожемъ. Эти курганы должны быть могильные, потому что и преданіе народа гласитъ тоже; сверхъ того самая мѣстность указываетъ намъ, что эти насыпи не путевые знаки, а могилы давно отжившихъ народовъ, потому что онѣ располагаются внутри водяной частой сѣти, образуемой Днѣпромъ и главными его побочными рѣками Сожемъ и Друтью, съ ихъ притоками. Не мудрено, если древнія племена облюбили нашу мѣстность и охотно селились близъ нашихъ водъ. Въ доисторическое время, при общемъ передвиженіи народовъ, жили у насъ разныя древнія курганныя племена, что подтверждается нѣкоторыми незначительными, въ сравненіи съ другими мѣстностями, раскопками и случайно-найденными предметами въ распаханыхъ, почти въ уровень земли, курганахъ. У насъ есть большія озера (Юново, Кобылино, Веретейское, Мазальское, Лукомльское и другія), много болотъ въ сѣверной и южной части губерніи и высохшихъ рѣчныхъ рукавовъ (старый Сожъ и другіе), которые мы называемъ стариками, гдѣ вовсе не производилось еще никакихъ розысканій, но которые, быть можетъ, составляютъ богатые археологическія области въ нашей мѣстности, свято сохраняя прежніе остатки древняго быта человѣка въ періодъ свайныхъ построекъ. Это предположеніе я основываю на открытыхъ уже свайныхъ зданіяхъ въ Швейцаріи, Даниіи и въ другихъ мѣстностяхъ, и на находимыхъ предметахъ въ наше время; такъ наприм. въ мѣстечкѣ Пропойскѣ, въ Быховскомъ уѣздѣ, хранятся до 9 пушекъ, найденныхъ въ нашихъ болотахъ,—пушекъ, которыя относятся къ петровскому времени, когда мощная русская рука попраля незваннаго, непрошеннаго гостя иноземца Левенгаупта; далѣе недавно попали на слѣдъ древняго судна въ Гомельскомъ уѣздѣ; почему же не найдемъ намъ и другихъ предметовъ древняго человѣка? Начало историческаго времени нашей мѣстности напоминаетъ намъ Кривичей: въ Чериковскомъ уѣздѣ есть мѣстечко Кричевъ, въ Рогачевскомъ деревня Кривскъ; а м. Радомя приводитъ на память Радимичей поселившихся на Сожѣ. Не принадлежатъ ли отчасти наши курганы Кривичамъ и Радимичамъ? Что курганы наши суть могилы, объ этомъ говоритъ наше неотрадное прошлое, въ которомъ и Могилевская губернія была поприщемъ вѣковыхъ состязаній, перепутьемъ могучихъ соперниковъ, безпрестанно ратававшихъ и ходившихъ другъ на друга: это великая могила изъ ратей несмѣтныхъ (см. Турчиновича), и пока Бѣлоруссія не была присоединена къ Россіи (въ 1772 г.), до тѣхъ поръ земля наша по-

стоянно обогривалась кровью и вздымалась курганами, потому что на ней рѣшались споры мечемъ враждовавшихъ между собою народовъ; въ ней каждая верста была оспариваема мужествомъ, куплена кровью, ознаменована славою (см. Историч. свѣдѣнія о примѣч. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, сост. Мих. Безъ-Карниловичемъ. Спб. 1855 г.). Могилевскую губернію, какъ и остальную часть Бѣлоруссіи, можно назвать обширнымъ кладбищемъ многихъ столѣтій, не исключая и христіанской эры. Бѣлоруссы крѣпко стояли за вѣру, права своихъ властителей, ихъ честь и достоиніе; такимъ себя показалъ онъ въ петровское время, въ отечественную войну и въ послѣдній 1863 годъ, таковъ онъ будетъ и всегда. Можно ли послѣ всего этого, хотя на минуту, усомниться въ томъ, что эти таинственные насыпи не суть курганныя могилы? Итакъ могилевская губернія находится въ странѣ могильной, сохраняя свято много отечественныхъ древностей; потому что въ нашихъ курганахъ должно скрываться все то, что могли оставить намъ прежніе обитатели нашей губерніи. Изслѣдованіемъ Могилевскихъ кургановъ занимался историкъ Нарбутъ, посѣщавшій гг. Быховъ и Рогачевъ, въ качествѣ военнаго инженера въ 1810 и 1811 годахъ, но какъ видно, онъ ничего не нашелъ. Въ 1856 году 11 октября гр. К. Тышкевичъ нашелъ въ Могилевской губерніи, на берегу р. Бобра, у дер. Старый Бобръ, въ большомъ курганѣ прахъ сожженнаго тѣла, покрытаго камнемъ; ниже на одинъ аршинъ съ небольшимъ—другую кучу пепла, и наконецъ третья куча лежала на поверхности земли на днѣ кургана (см. О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. Вильна, 1855). У нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ Быховскомъ уѣздѣ встрѣчаются извлеченные изъ кургановъ каменное долото и топорикъ, ожерелья и головныя женскія украшенія изъ бронзы, формою различныя отъ такихъ-же, находимыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ (см. Турчиновича). Въ недавнее время открыты слѣды древняго земледѣльческаго орудія въ одной курганной насыпи, о чемъ сообщилъ мнѣ мѣстный мировой посредникъ. Попадаютъ у насъ нерѣдко серебряныя монеты, безслѣдно-пропадающія, потому что нашедшій (большую часть крестьянинъ) или закапываетъ свою находку въ другое мѣсто, не объявляя о томъ даже и семейству, или скрываетъ свой кладъ отъ сосѣдей и втихомолку продаетъ еврею почти за безцѣнокъ, и въ рѣдкихъ только случаяхъ заявляетъ полиціи, которая представляетъ монеты въ губернское правленіе, такъ что у насъ ничего не остается. Нельзя ли Съѣзду обратиться въ эти правленія, прося ихъ доставлять находимыя монеты въ археологическія общества для разсмотрѣнія, съ тѣмъ однако, чтобы оставлять на сохраненіе тѣ изъ нихъ, которыя общества признаютъ нужными. Въ 1822 г. въ Гомелѣ найдены 82 Самонидскія монеты съ 896—943 г. по Р. Х., и въ этомъ-же году открыты Френомъ въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, привезенныя евреемъ изъ Могилевской губерніи въ мѣшкѣ 1300 куфическихъ монетъ, не считая четвертушекъ и половинокъ, вѣсомъ болѣе 7 фунтовъ (см. Турчиновича); авторъ Бѣлоруссіи говоритъ: «кромѣ этихъ находокъ, какъ намъ лично извѣстно, было много другихъ, никѣмъ не описанныхъ». У насъ есть памятники позднѣйшихъ временъ, вовсе еще неизслѣдованныхъ. Такъ наприм. въ началѣ 16-го вѣка происходило осенью (въ 1514 г. 8 сентября) генеральное сраженіе близъ г. Ориши, на лѣвомъ берегу Днѣпра, между дер. Городнею и Антонелемъ (?), при рѣчкѣ Крапивнѣ, между литовцами, подъ начальствомъ гетмана князя Константина Ивановича Острожскаго, и россіянами, предводимыми боярами кн. Булгаковымъ-Голицею и Челяднинымъ; въ половинѣ 17-го вѣка тѣла убитыхъ россіяня въ Могилевѣ похоронены на Самусевой горѣ, которая прозвана жителями г. Могилевъ

лева «костернею» и нынѣ находится противъ почтовой станціи; отъ прошлаго вѣка у насъ есть могилы подъ Лѣсной и много другихъ подобныхъ мѣстностей. Итакъ, Милостивые Государи, мы находимъ въ Могилевской губерніи слѣды древняго человѣка каменнаго и бронзоваго вѣковъ, памятники исконнаго земледѣльческаго населенія желѣзнаго вѣка, древнія суда, которыя требуютъ еще тщательнаго разслѣдованія—какому племени они принадлежатъ; находимъ слѣды транзитнаго торговаго пути въ серебряныхъ монетахъ: однимъ словомъ эта губернія есть почти непочатая археологическая область, гдѣ сосредоточивается столько элементовъ народностей и столько историческихъ воспоминаній. Разслѣдованіе нашихъ кургановъ тѣмъ болѣе необходимо, что оно выяснитъ намъ таинственное ихъ значеніе, которое придаетъ имъ нынѣ такую прелесть въ устахъ народа. Если окажется, что они дѣйствительно служатъ хранилищами или, такъ сказать, археологическими музеями, то они обогатятъ нашу отечественную науку; въ противномъ случаѣ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, эти курганныя насыпи набросятъ на себя еще болѣшую таинственность. Пусть же лопата бѣлорусса откроетъ этотъ могильный міръ или разсѣтъ вѣковую, народно-поэтическую, но мрачную фантазію; во всякомъ случаѣ наше будущее поколѣніе не упрекнетъ насъ ни въ бездѣйствіи, ни въ хладнокровіи ко всему отечественному.

Милостивые Государи! Я желаю еще обратить ваше вниманіе на наши архивы. Разборъ этихъ хранилищъ можетъ представить много интереснаго въ археологическомъ отношеніи, раскрывая намъ древнія письма; таковы наприм. славянская рукопись 14 или 15 столѣтія какого-то Добровскаго или Домбровскаго, которая отъ іезуитовъ Могилевскихъ перешла къ первому намѣстнику бѣлорусскаго края гр. Чернышеву; оригиналъ ея неизвѣстенъ—гдѣ находится, но копію съ нея видѣлъ г. Нарбутъ въ 1811 г., въ старомъ Быховѣ, у доктора Геннера, у котораго онъ сдѣлалъ выписку о курганахъ (см. Турчиновича); грамота (1597 г.) на основаніе Спасскаго братства въ Могилевѣ (см. Могилевскія Вѣдом. за 1865 г.); рѣчь Богдана Хмѣльницкаго королю польскому Яну Казимиру послѣ сраженія при Зборовѣ въ 1649 г. (см. тамъ-же за 1847 г.) и т. д. Не разъ случалось мнѣ слышать отъ частныхъ лицъ, имѣющихъ разные старинные документы, что они отправляли ихъ въ Вильну тоже къ частнымъ лицамъ, занимающимся древностями, такъ что многіе подобные археологическіе матеріалы, переходя изъ рукъ въ руки, вѣроятно, исчезали наконецъ изъ Могилевской губерніи. Я полагаю, что было бы небезполезно Съѣзду обратиться къ мѣстнымъ губернаторамъ, прося ихъ учредить особыя коммиссіи для разбора архивовъ подъ наблюденіемъ статистическихъ комитетовъ, снабдивъ ихъ надлежащими инструкціями.

Относительно вопроса о свайныхъ постройкахъ я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ, что и у насъ, вѣроятно, находятся, какъ и на западѣ, свайныя озерныя постройки, о чемъ я заявилъ еще въ 1866 г. въ моей брошюрѣ; считаю нужнымъ однако дополнить къ тому, что кромѣ собственно-озерныхъ построекъ найдены были слѣды таковыхъ-же зданій въ болотахъ Помераніи, и г. Дозоръ полагаетъ, что тщательное изслѣдованіе мѣстностей, обилующихъ торфяниками и прудами, можетъ открыть слѣды древняго быта человѣка. Нахожденіе свайныхъ построекъ въ подобныхъ мѣстностяхъ весьма важно и вызываетъ насъ на новыя розысканія въ нашихъ озерахъ, болотахъ и торфяникахъ. Мнѣ кажется, что береговая сѣверозападная область, начиная отъ Финскаго залива по направленію къ востоку, захватывающая всю систему нашихъ многочислен-

ныхъ озеръ, такъ равно Печорскія тундры, Пинскія болота, старые рѣчные рукава и другія мѣстности нашего дорогаго отечества, можетъ представить много интереснаго въ отношеніи свайныхъ надводныхъ построекъ. При разслѣдованіяхъ мы прибавимъ къ озернымъ, быть можетъ, еще рѣчныя зданія. Я не раздѣляю вполнѣ мнѣнія съ г. Сонцовымъ, чтобы надводныя постройки древняго челоѵка служили ему способомъ для защиты, для обезпеченія своего отъ сильнѣйшаго врага, и охотнѣе склоняюсь къ иному предположенію, потому во 1-хъ, что во многихъ открываемыхъ подобныхъ постройкахъ явно видны слѣды другихъ свай, идущихъ отъ главнаго помоста къ берегу озера (Roszmászler—Jahrgang 1861, Glogau. Aus der Heimath); во 2-хъ, мы встрѣчаемъ между предметами принадлежности къ рыболовству. При разслѣдованіи подобныхъ построекъ естественно приходитъ на мысль слѣдующій вопросъ: были ли дѣйствительно древнія постройки надводныя или, какъ обыкновенно, называютъ ихъ нѣкоторые: «озерныя»? Г. Дезоръ, описавшій свайныя постройки въ Швейцаріи, озаглавилъ свою книгу такъ: «Les palafittes du lac Neûchatel.» Я привожу этотъ заголовокъ книги, потому что нахожу названіе «озерныя» еще преждевременнымъ въ томъ смыслѣ, какъ принимаютъ его теперь, т. е. въ смыслѣ надводныхъ построекъ, хотя современемъ это названіе, можетъ быть, и подтвердится. Я обращаюсь къ моему предположенію: не были ли они приозерныя (какъ мы и теперь нерѣдко встрѣчаемъ) рыбацкія жилища, поставленныя на берегахъ озеръ и рѣкъ, съ крутобережьемъ, на сваяхъ, на случай половодія? Многія прибрежныя строенія, въ особенности холостыя, воздвигаются и теперь обыкновенно на сваяхъ. Какимъ же образомъ объяснить мое предположеніе? Эти свайныя постройки были сначала наземныя, т. е. прибрежныя, но, вслѣдствіе пониженія берега, свай находятся нынѣ въ водѣ. Г. Дезоръ говоритъ, что въ древнія времена могли существовать не только свайныя постройки въ озерахъ, какъ мы ихъ теперь встрѣчаемъ, но и наземныя свайныя зданія: мнѣніе, которое подтверждается тѣмъ, что недавно найдены слѣды такихъ построекъ въ Цюрихскомъ кантонѣ въ Ebersberg'ѣ, явно относящіеся къ древней эпохѣ. Это открытіе тѣмъ болѣе важно, что подобныя постройки могутъ быть у насъ еще въ бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ надводныя, если онѣ только существовали, потому что наши воды покрыты льдомъ большую часть года въ средней полосѣ Россіи, не говоря уже о нашихъ сѣверныхъ областяхъ; слѣдовательно и древніе обитатели нашего обширнаго отечества, вѣроятно, нуждались въ нихъ менѣе, чѣмъ западные народы. Свай этихъ послѣднихъ зданій (я все-таки предполагаю прибрежныя, т. е. приозерныя или прирѣчныя) могли подвергнуться бѣльшей порчѣ, нежели свай, находящіяся въ водѣ; а потому нельзя будетъ удивляться, если онѣ будутъ попадаться намъ рѣже, чѣмъ другія. Рѣшеніе вопроса: какому народу принадлежитъ право на эти свайныя постройки, о которыхъ говоритъ г. Сонцовъ, мы предоставляемъ будущимъ розысканіямъ. Предположеніе, что онѣ относятся къ Кельтамъ, я не вполнѣ раздѣляю, потому что эти послѣдніе имѣли также могильные курганы (см. D-г Reichenbach: Die Pflanzen im Dienste der Menschheit. I, Berlin, 1866).

Этотъ предметъ вообще такъ новъ, что я счелъ нужнымъ присоединить и мое сообщеніе къ заявленію г. Сонцова о возможности существованія у насъ надводныхъ свайныхъ построекъ.

Петръ Муромцевъ.

ОБЪ УЧАСТІИ

ГУБЕРНСКИХЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ ВЪ РАЗРАБОТКѢ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГІИ.

Члена Съезда Н. Бочарова.

Милостивые Государи!

Вопросъ, обсужденіе и окончательное рѣшеніе котораго желательно было бы вызвать на настоящемъ Създѣ, касается степени участія статистическихъ комитетовъ въ археологическихъ работахъ вообще.

Въ § 1-мъ 2-го Дополненія къ программѣ онъ мотивированъ мною въ слѣдующей формѣ: *Въ какихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ по губерніямъ и областямъ Россіи могутъ или должны сосредоточиваться мѣстныя археологическія работы?* Вопросъ этотъ мною былъ предложенъ подъ впечатлѣніемъ извѣстій, что нѣкоторые губернскіе статистическіе комитеты не находятъ и не признаютъ какого-либо прямаго соотношенія ихъ работъ съ археологическими изслѣдованіями; лаконическое молчаніе на вызовъ Предварительнаго Комитета со стороны другихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ заставляетъ предположить, что и они принадлежатъ къ этой-же категоріи. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что нашлись однако комитеты, которые признаютъ это соотношеніе. Въ числѣ лицъ настоящаго собранія мы видимъ 4-хъ депутатовъ отъ статистическихъ комитетовъ.

Мы слышали уже нѣкоторыя весьма любопытныя сообщенія, сдѣланныя гг. членами этихъ комитетовъ. Но, выражаясь въ цифрахъ, процентъ участія статистическихъ комитетовъ въ настоящемъ Археологическомъ Създѣ весьма незначителенъ. Степень ихъ участія выразилась для всей европейской Россіи какъ 4 къ 50.

Вѣрно ли понимаютъ свою задачу статистическіе комитеты? Не ошибаются ли они? Другими словами: должны ли составлять археологическія изслѣдованія роскошь въ дѣятельности статистическихъ комитетовъ, или существенную принадлежность ихъ ученыхъ трудовъ? При обсужденіи многихъ вопросовъ на Създѣ мы видѣли, что неоднократно были высказаны желанія обратиться за содѣйствіемъ и за сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній въ губернскіе статистическіе комитеты. Будетъ ли это полезно до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно рѣшенъ предложенный уже вопросъ: въ какихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ по губерніямъ и областямъ Россіи могутъ или должны сосредоточиваться мѣстныя археологическія работы? Участіе статистическихъ комитетовъ, выраженное уже въ процентномъ отношеніи, къ сожалѣнію, наводитъ сомнѣніе на то, чтобы въ большинствѣ случаевъ можно было предполагать найти въ этихъ учрежденіяхъ всегда радушное и вѣрное содѣйствіе.

Отчеты статистических комитетовъ и другіе документы давно уже указываютъ, что съ просьбою за содѣйствіемъ обращались въ комитеты: археологическія общества, мануфактурные совѣты, сельско-хозяйственные общества, Географическое, комитеты по устройству выставки телятъ, мануфактурной, сельско-хозяйственной, сельско-промышленной, этнографической, устроенной обществомъ любителей естествознанія, садоводства, пчеловодства и проч. Въ комитеты же присланы были программы: для собранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, для приведенія въ извѣстность памятниковъ древности, для собранія свѣдѣній о хлѣбной торговлѣ, для доставленія свѣдѣній по вѣдомствамъ военному и комиссаріатскому; комитетамъ же предложено было принять участіе въ разборкѣ архивовъ, и проч. и проч. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ нельзя не видѣть, какъ велики и разнообразны надежды, желанія и требованія, которыя до сихъ поръ возлагаетъ общество на эти учрежденія. Что-же дѣлаютъ комитеты? Большинство изъ нихъ подшиваетъ всѣ эти отношенія къ *дѣлу*; нѣкоторые, для очистки совѣсти, распоряжаются о припечатаніи всѣхъ этихъ программъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, которыя, мимоходомъ говоря, невездѣ читаются съ жадностію, и только нѣкоторые комитеты, получивъ какое-либо заявленіе или программу изъ ученыхъ обществъ, берутся за работу и радушно высылаютъ требуемыя свѣдѣнія. При настоящемъ положеніи дѣлъ такой-же участи могутъ подвергнуться и всѣ заявленія Археологическаго Съѣзда. Кто правъ и кто виноватъ? Которые изъ комитетовъ исполняютъ свои обязанности и которые нѣтъ? Тѣ ли, которые ограничили свою дѣятельность одними административными статистическими работами, или тѣ, которые увлекаются программой болѣе обширной. Мы не будемъ здѣсь сравнивать нашихъ статистическихъ комитетовъ съ учрежденіями подобнаго-же рода, существующими на Западѣ, со статистическими бюро. Мы постараемся только выискнуть въ смыслъ и духъ нашего законодательства по этой части. Извѣстно, что 8 лѣтъ тому назадъ, въ 1861 году, статистическіе комитеты преобразованы. Новое Высочайше-утвержденное положеніе о статистическихъ комитетахъ расширило ихъ матеріальныя средства и кругъ ихъ дѣятельности. Въ этомъ положеніи и объяснительномъ къ нему циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ прямо сказано, что задачею статистическихъ комитетовъ должно быть *изученіе быта, производительныхъ силъ и мѣстныхъ потребностей губерній*. Весь кругъ работъ раздѣленъ на обязательныя и необязательныя; къ первымъ изъ нихъ отнесено собираніе и провѣрка срочныхъ административныхъ статистическихъ свѣдѣній, ко вторымъ—ученые труды, изслѣдованія и монографіи по части географіи, статистики, этнографіи, исторіи и проч. Положеніе указываетъ, что въ число членовъ комитета должны быть избираемы всѣ лица, извѣстныя своими трудами, посвященными изслѣдованію какихъ-либо вопросовъ, касающихся данной губерніи.

Мы видимъ такимъ образомъ желаніе законодателя, такъ сказать, осмыслить всѣ работы комитетовъ, направить ихъ на изученіе быта, производительныхъ силъ и мѣстныхъ потребностей губерній; видимъ въ то-же время желаніе сосредоточить ученую дѣятельность комитетовъ на всестороннемъ изученіи губерніи, и для этой цѣли находимъ указаніе, что въ званіе почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ комитета должны быть избираемы лица, посвятившія уже себя трудамъ по этой части. Весьма естественно, что основательное изученіе настоящаго немислимо безъ изученія прошлаго, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими науками, археологія и исторія сами-

собою входятъ въ кругъ занятій статистическихъ комитетовъ; въ то-же время и представители другихъ наукъ, другихъ ученыхъ учреждений не менѣе въ правѣ относиться въ комитеты съ просьбами о содѣйствіи. Лучшимъ доказательствомъ тому, что труды по части археологіи официально признаются входящими въ кругъ занятій статистическихъ комитетовъ, можетъ служить присутствіе на Археологическомъ Сѣздѣ гг. депутатовъ со стороны Центрального Статистическаго Комитета. Припомнимъ, что во многихъ губерніяхъ статистическіе комитеты, какъ учрежденія учено-административныя, представляютъ единственный центръ, около котораго можетъ сосредоточиваться вся ученая дѣятельность въ губерніи, и потому было бы весьма желательно въ видахъ науки, чтобы дѣятельность ихъ приняла болѣе широкіе размѣры. Лучшимъ средствомъ достигнуть этого было бы, по моему мнѣнію, образованіе специальныхъ комиссій изъ среды гг. членовъ комитета: археологической, статистической, сельскохозяйственной, промышленной и друг.

Опытъ такого раздѣленія труда уже былъ сдѣланъ въ первый разъ въ Архангельской губерніи, и результаты его оказались такъ удачны, что центральное вѣдомство нашло необходимымъ выразить ему свою благодарность. Хорошій примѣръ не вездѣ однако нашелъ себѣ подражателей. Едва-ли много можно насчитать комитетовъ, которые успѣли придать своей дѣятельности столь желаемый учено-административный характеръ. Если, какъ мы видѣли, археологія входитъ въ кругъ занятій статистическихъ комитетовъ, то естественно желаніе, чтобы комитеты достигли того устройства, при которомъ можно было бы надѣяться, съ одной стороны, на развитіе ея въ каждой губерніи, а съ другой на то, чтобы всегда и всѣ заявленія специальныхъ обществъ получали должное направленіе и ходъ. Для этой цѣли представляются сподручными два средства: образованіе комиссій и образованіе изъ предсѣдателей комиссій Совѣта при статистическихъ комитетахъ.

Въ Совѣтъ этотъ должны поступать всѣ заявленія обществъ и получать дальнѣйшій ходъ. Опытъ и практика указали уже, что нѣкоторые предсѣдатели комитетовъ неоднократно образовывали такіе Совѣты въ формѣ небольшихъ частныхъ совѣщательныхъ собраній. Въ настоящее время вся административно-ученая дѣятельность комитетовъ официально лежитъ въ рукахъ секретарей и предсѣдателей. Служебныя обязанности предсѣдателей такъ велики и разнообразны, что невозможно не только требовать, но и желать, чтобы они въ особенности интересовались дѣятельностію статистическихъ комитетовъ. Вся надежда, слѣдовательно, на одного секретаря. Для занятія этой должности по положенію не требуется какого-либо опредѣленнаго круга знаній, а требуется только, чтобы ищущій такого мѣста окончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а циркулярное предложеніе г. мин. внутр. дѣлъ отъ 22 апр. 1862 г. требуетъ, чтобы ищущій такого мѣста заявилъ уже на дѣлѣ любовь къ статистическимъ работамъ. Опытъ показалъ однако, что за подшитіемъ къ дѣлу этого циркуляра, въ должность секретаря назначаются лица, *словесно* только заявившія свою любовь къ статистическимъ работамъ. Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ комитетахъ секретарями были назначены лица, когда-то дѣйствительно окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но по своимъ специальностямъ слѣдующія: присяжный стряпчій, отставной лѣкарь и отставной капитанъ путей сообщенія, занимавшійся, до вступленія своего въ должность, торговлею газетами. Можно ли при такихъ данныхъ надѣяться, что археологическія изслѣдованія въ губерніяхъ

всегда будутъ имѣть извѣстный опредѣленный ходъ? Прибавимъ къ этому, что на обязанности секретарей лежитъ ежегодное составленіе срочныхъ обязательныхъ статистическихъ таблицъ—въ количествѣ болѣе 200; помощниковъ для нихъ, кромѣ наемныхъ писцовъ, никакихъ не полагается. До тѣхъ поръ, пока отъ секретарей комитетовъ не будетъ требоваться опредѣленнаго круга знаній и специальной подготовки, какъ это требуется теперь отъ нотариусовъ, даже отъ чиновниковъ по питейно-акцизному дѣлу, до тѣхъ поръ, пока для нихъ не будетъ устроено специальныхъ классовъ (по примѣру статистическихъ семинарій, существующихъ за границей), съ указаніемъ общихъ приѣмовъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній,—до тѣхъ поръ, дѣятельность комитетовъ вся будетъ случайна, отрывочна и никогда не можетъ быть направлена на всестороннее изученіе губерніи, какъ того желаетъ самъ законодатель. Но рано или поздно это осуществится. Въ настоящее же время образованіе специальныхъ комиссій при комитетахъ, при томъ положеніи, въ какомъ они нынѣ находятся, было бы весьма желательно, и Археологическій Съѣздъ оказалъ бы неоцѣненную услугу для науки и для мѣстныхъ изслѣдованій, войдя съ представленіемъ, куда слѣдуетъ, по этому предмету. Не входя въ кругъ обязательныхъ работъ, ученая дѣятельность комитетовъ составляетъ до сихъ поръ что-то отвлеченное для гг. председателей, занятыхъ текущими, неотложными служебными занятіями по части высшей администраціи въ губерніи, и потому обязательное сближеніе ихъ съ представителями науки не можетъ не имѣть благодѣтельныхъ послѣдствій, по сохраненію и поддержанію памятниковъ древности и старины:

Какъ великъ долженъ быть кругъ дѣятельности специальныхъ комиссій, и въ чемъ она должна заключаться?—Отвѣтъ весьма простъ: дѣятельность ихъ должна быть направлена къ специальному и основательному изученію губерніи въ извѣстномъ отношеніи. Предварительною работою должно быть составленіе опредѣленнаго плана программы, затѣмъ собираніе самыхъ свѣдѣній и ихъ обработка. Такая дѣятельность привлечетъ немало лицъ, пожелавшихъ принять участіе въ этихъ работахъ, и вызоветъ значительное число корреспонденцій изъ уѣздовъ.

Въ чемъ должно заключаться поощреніе къ такой дѣятельности?—Лучшимъ способомъ для этого, на мой взглядъ, можетъ служить примѣръ Географическаго Общества, ежегодно выдающаго небольшія медали въ своемъ годичномъ собраніи. Желательно, чтобы такія-же медали выдавались и отъ одного изъ археологическихъ обществъ, но преимущественно и даже исключительно за *мѣстные* археологическія изслѣдованія и за сообщеніе мѣстныхъ свѣдѣній по части археологій.

Что-же касается до статистическихъ комитетовъ, то назначеніе ими *денежныхъ премій* на конкурсъ, безъ сомнѣнія, принесло бы свою долю пользы.

Для сношеній съ обществомъ, для побужденія мѣстныхъ жителей къ доставленію въ комитеты различныхъ свѣдѣній, для завязанія съ ними связей, комитетамъ необходимы постоянные органы, и этого достигнуть весьма легко официальнымъ и окончательнымъ признаніемъ мѣстныхъ газетъ, губернскихъ вѣдомостей, *постоянными* органами статистическихъ комитетовъ, какъ такихъ мѣстныхъ учено-административныхъ учреждений, которыя сосредоточиваютъ свою дѣятельность на всестороннемъ изученіи губерніи, на изученіи быта, производительныхъ силъ и мѣстныхъ потребностей данной территоріи.

Но такія работы комитетовъ немислимы, въ свою очередь, безъ научныхъ пособій. Къ числу этихъ пособій относится образованіе специальныхъ библіотекъ и музеевъ. Мысль эту я высказалъ въ 1861 году, еще въ то время, когда въ самой Москвѣ не было ни музеевъ, ни публичныхъ библіотекъ. Съ тѣхъ поръ много уже образовано и устроено библіотекъ и музеевъ. Но мнѣ нигдѣ не приходилось еще встрѣтить указаній, чтобы эти губернскіе библіотеки и музеи образовывались съ заранѣе-обдуманною, опредѣленною цѣлю, по подробно-составленной программѣ; а до тѣхъ поръ они могутъ быть только роскошными кладовыми, какъ это мы видимъ и въ нѣкоторыхъ общихъ музеяхъ—не только всероссійскихъ, но и всемірныхъ.

Тѣмъ не менѣе польза *мѣстныхъ музеевъ въ своемъ основаніи* признана уже давно. Вотъ на выдержку отзывъ, который я нашелъ въ VI выпускѣ Изв. Импер. Археолог. Общ. за 1866 годъ, стр. 31—32:

«Въ послѣднее время, въ различныхъ центрахъ нашей провинціальной жизни, стала «появляться потребность въ учрежденіи хранилищъ, которыя мѣстному жителю давали «бы возможность нагляднымъ образомъ знакомиться съ произведеніями природы и «культуры его края.

«Мысль основанія мѣстныхъ музеевъ съ коллекціями зоологическими, ботаническими- «ми, минералогическими, этнографическими, археологическими и коллекціями предме- «товъ промышленности заслуживаетъ полного сочувствія.

«Присутствіе археологическихъ коллекцій въ мѣстныхъ публичныхъ музеяхъ, безъ «сомнѣнія, побудитъ многихъ позаботиться о сохраненіи и сбереженіи древностей, «въ которыхъ они пока и не предполагали никакого интереса для науки и для любо- «знательности вообще».

Но для того, чтобы мѣстныя библіотеки и музеи могли вполнѣ выполнить свою задачу, необходимо установленіе опредѣленной цѣли и программы.

Для того, чтобы отдѣлъ мѣстный въ губернскихъ библіотекахъ былъ въ дѣйствительности полонъ, необходимо предварительно составить *desiderata*, т. е. библіографическій указатель всѣхъ сочиненій и статей, касающихся губерній. На мою долю выпало составленіе *Библіографіи Москвы и Московской губерніи*, и я надѣюсь, что по отпечатаніи этого труда значительно облегчатся предварительныя работы по изученію какого-либо мѣстнаго вопроса. Если нѣкоторые труды гг. офицеровъ генеральнаго штаба по статистическому описанію губерній не всегда выдерживали критику, не смотря на кажущуюся ихъ полноту, то виною въ томъ, по моему мнѣнію, прежде всего недостатокъ въ сколько-нибудь полныхъ библіографическихъ указателяхъ по каждой губерніи. Не смотря на очевидную пользу специальныхъ библіотекъ и библіографическихъ указателей, за это дѣло принялись далеко не вездѣ.

Что касается до мѣстныхъ музеевъ, то хотя они устриваются, но едва ли можно насчитать болѣе 10 губерній. Самая мысль о пользѣ специальныхъ губернскихъ музеевъ до сихъ поръ еще представляетъ спорный вопросъ; многіе находятъ, что устройство ихъ—это излишняя забава для комитетовъ, не признають очевидной связи мѣстныхъ музеевъ съ комитетами. М. П. Погодинъ, въ своей вступительной рѣчи при открытіи Съѣзда, съ достаточною ясностію указалъ уже на неразрывную связь, существующую между памятниками письменными и вещественными, которые, вмѣстѣ взятые, составляютъ одинъ общій, взаимно-дополняющій матеріалъ для исторіи. Эти-же самыя соображенія руководили и мною, когда еще въ 1861 г. я задумалъ устроить специаль-

ный губернский музей и библиотеку. Сочувствіе и содѣйствіе частныхъ лицъ и уступка казеннаго помѣщенія даетъ надежду, что окончательное осуществленіе подобныхъ учреждений возможно и въ Москвѣ. Когда въ немъ сгруппированы будутъ въ снимкахъ, копіяхъ, моделяхъ или подлинникахъ предметы древностей, картины, изображающія историческія событія изъ жизни Москвы, гдѣ 1812 годъ займетъ одно изъ болѣе обширныхъ мѣстъ, когда всѣ ремесленные и фабричныя производства, которыми такъ изобилуетъ Москва и Московская губернія, будутъ собраны въ историческомъ порядкѣ, когда въ томъ-же порядкѣ будутъ собраны предметы домашняго быта Москвичей, старинные и новѣйшіе планы Москвы и уѣздныхъ городовъ Московской губерніи, когда въ немъ собраны будутъ портреты Московскихъ дѣятелей; тогда, смѣю думать, милостивые государи, что вопросъ о пользѣ мѣстныхъ музеевъ едва ли будетъ спорнымъ, по крайней мѣрѣ для Москвы. Стремленіе къ распредѣленію предметовъ въ музеѣ въ историческомъ порядкѣ позволяетъ мнѣ надѣяться, что скромные труды нѣсколькихъ лицъ, собравшихся для осуществленія этой мысли, найдутъ сочувствіе и въ средѣ гг. членовъ настоящаго собранія, въ средѣ которыхъ есть представители отъ многихъ ученыхъ обществъ и учреждений, могущихъ оказать свое сочувствіе не только словомъ, совѣтомъ, но и дѣломъ.

28 марта 1869 г.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА РУСЬ.

Д. А. Хвольсона.

Сегодня было заявлено, что мною будет сообщено о происхождении имени «Русь» по извѣстіямъ арабскихъ писателей. Прошу это заявленіе понимать какъ отрицаніе, а не какъ положеніе. Я не намѣренъ и не въ состояніи объяснить происхожденія имени Русь; но постараюсь доказать, что имя это не заимствовано отъ Норманновъ. Извѣстенъ споръ между норманистами и славянистами насчетъ происхожденія имени Русь. Норманисты предполагаютъ, что имя Русь заимствовано отъ Варяговъ и что Славяне присвоили себѣ это имя послѣ переселенія Норманновъ въ Россію. Славянисты же предполагаютъ, что имя Русь туземное. Первые, т. е. норманисты, нашли въ извѣстіяхъ Арабовъ нѣкоторые доводы въ пользу своего мнѣнія. Эти доводы двоякіе: во первыхъ, они предполагаютъ, что до второй половины IX-го столѣтія у арабскихъ писателей не находится никакого извѣстія о Руссахъ, слѣд. до IX столѣтія Руссы въ Россіи не существовали. Другое доказательство состоитъ въ томъ, что у арабскихъ писателей находятся извѣстія о Руссахъ, которыя, безъ сомнѣнія, относятся къ Норманнамъ. Эти оба факта совершенно справедливы: до второй половины IX столѣтія не находится у арабскихъ писателей извѣстій о Руссахъ, и между извѣстіями арабскихъ писателей есть нѣкоторыя, которыя, безъ сомнѣнія, относятся къ Норманнамъ. Но какъ можно это объяснить? Двоякимъ образомъ: названіе Русь не существовало въ Россіи до половины IX вѣка и явилось только со времени и вслѣдствіе пришествія Норманновъ въ Россію, или же Арабы называли Русью всѣ народы, которые жили въ Россіи и которые перешли туда, и такимъ образомъ они и Норманновъ называли Русью—не потому, что эти послѣдніе въ самомъ дѣлѣ были Русь, но по той причинѣ, что они (Норманны) къ нимъ пришли черезъ Россію. Такъ у насъ простой народъ называетъ Нѣмцами и Французовъ, и Англичанъ, и вообще всѣ народы, потому только, что Нѣмцы ближайшій къ намъ народъ. Что касается перваго доказательства, т. е. что между извѣстными арабскими писателями до второй половины IX вѣка не находится никакого извѣстія о Руссахъ, то это объясняется очень просто: потому что отъ арабскихъ писателей до второй половины IX столѣтія до насъ дошло очень мало. Есть поэты VI и VII столѣтій, но историческихъ книгъ очень мало, а изъ географической литературы ничего не сохранилось. Сколько мнѣ извѣстно, изъ той эпохи сохранилась только одна книга, содержащая нѣкоторыя географическія замѣтки Алфаргона: но это астрономія, а не географія, и

у него находится очень короткій очеркъ границъ разныхъ народовъ. Такъ тамъ упоминаются Славяне, а Русь не упоминается. Это однако ничего не доказываетъ, такъ какъ онъ—единственный дошедшій до насъ писатель, у котораго находимъ географическія извѣстія; но онъ не былъ географомъ, и только мимоходомъ въ общихъ чертахъ описываетъ границы различныхъ климатовъ; слѣдовательно цѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ не упоминаетъ о Руссахъ. Сколько мнѣ извѣстно, до Альфаргона существовала одна арабская географія Джахиза. Онъ писалъ въ первой половинѣ IX-го столѣтія, но его извѣстія не сохранились.

Я разсмотрю извѣстія о Руссахъ со второй половины IX столѣтія до конца X столѣтія. Мнѣ кажется, что результатъ этого разсмотрѣнія будетъ тотъ, что когда Арабы говорили о Руссахъ, то они понимали иногда Нормановъ, иногда Славянъ, иногда даже Финновъ. Они называли именемъ Русь почти всѣ народы, жившіе въ нынѣшней европейской Россіи, кромѣ тѣхъ, которыхъ ближе знали, т. е. Хозарь и Болгарь. О нихъ Арабы знали, что они не Русскіе и что къ западу отъ этихъ народовъ живутъ Русскіе. Позвольте начать съ Ибнъ-Хордадбеха, съ которымъ нашъ почтенный сочленъ И. И. Срезневскій первый ознакомилъ васъ. Ибнъ-Хордадбехъ былъ очень хорошій географъ; нельзя опредѣлительно сказать: когда именно онъ писалъ, но это было около 860 г. У него находится слѣдующее извѣстіе о Руссахъ: *Русскій народъ—славянскій*. Но это еще не можетъ служить доказательствомъ, что Руссы—Славяне. Онъ могъ ошибиться; можетъ быть, это были Норманны, а онъ считалъ ихъ Славянами. Далѣе онъ говоритъ, что они вели торговлю съ Константинополемъ, до Болгаріи, Хозаріи, до береговъ Каспійскаго моря, а иногда доходили и до Богдада. Предметомъ торговли были мѣха бобровый и черной лисицы. Тутъ нужно замѣтить только одинъ фактъ, что во время Ибнъ-Хордадбеха былъ народъ торговый, который торговалъ съ Хозарами, съ побережьемъ Каспійскаго моря, и который самого себя называлъ Руссами. Это фактъ безъ сомнѣнія. Ибнъ-Хордадбехъ могъ узнать только отъ нихъ самихъ, что они называли себя Руссами. Но они могли быть Норманнами, хотя Ибнъ-Хордадбехъ и называетъ ихъ Славянами. Предметами торговли, говоритъ онъ, были: черная лисица и бобровыя мѣха. Черныя лисицы называются у Арабовъ буртосами, потому что въ главномъ мѣстѣ, откуда онъ добывались, жили Буртосы. Можно предположить, что Норманны, пріѣзжая къ Буртосамъ, покупали черныя мѣхы и потомъ продавали. У другаго арабскаго писателя *Ахмедъ-эль-Катиба*, писавшаго въ 992 г., есть другое извѣстіе, именно что народъ Маджусъ, т. е. язычники, которыхъ называютъ Русъ, производилъ набѣги и въ 844 г. завоевалъ городъ Севилью и ограбилъ. Извѣстно, что этотъ набѣгъ былъ сдѣланъ Норманнами; слѣдовательно положительный фактъ, что Норманны назывались Арабами Русъ. Изъ этого факта норманисты выводятъ, что Руссы Арабовъ непременно должны быть Норманны, потому что арабскій писатель здѣсь, безъ сомнѣнія, говоритъ о Руссахъ, между тѣмъ какъ дѣло идетъ о Норманнахъ. Нѣкоторые предполагали, что слова: «которыхъ называютъ Русъ» — прибавленіе переписчика позднѣйшаго времени. Мнѣ кажется, что это предположеніе не нужно. Я нашелъ извѣстіе, которое до сихъ поръ было неизвѣстно. Ахмедъ-эль-Катибъ жилъ на Кавказѣ; онъ былъ секретаремъ у разныхъ кавказскихъ царей, такъ что ему было знакомо и побережье Каспійскаго моря. Оріенталистамъ очень хорошо извѣстно, что около 880 года Норманны сдѣлали набѣгъ на побережья Каспійскаго моря. Ахмедъ-эль-Катибъ, который жилъ въ той мѣстности и, можетъ быть, былъ очевид-

цемъ этого норманскаго набѣга, называлъ Руссами и тѣхъ Норманновъ, которые сдѣлали упомянутый набѣгъ на Севилью; потому что ему Норманны были извѣстны только подъ именемъ Руссовъ. Последнее же обстоятельство, какъ выше замѣчено, объясняется тѣмъ, что Арабы называли Руссами всѣ народы, приходившіе къ нимъ изъ Россіи.

Теперь перейдемъ къ извѣстіямъ Ибнъ-Даста. Онъ писалъ въ началѣ X столѣтія, какъ я старался показать во введеніи къ моему изданію его извѣстій. Онъ ясно говоритъ, гдѣ эти Руссы жили. Онъ говоритъ о Болгарахъ, что они вели торговлю съ Хозарами, и также, что Руссы, «живущіе по обоимъ берегамъ Волги», имѣли торговныя сношенія съ Болгаріей; предметы ихъ торговли были тѣ же самыя, которые мы видимъ изъ словъ Ибнъ-Хордадбега. Здѣсь дѣло идетъ уже не о Норманнахъ внѣ Россіи, но о народахъ, жившихъ на берегу Волги, которые называли себя Руссами. Я не могу положительно рѣшить, могли ли Норманны, во второй половинѣ IX столѣтія, имѣть постоянное жительство на берегу Волги или нѣтъ? Я прошу специалистовъ рѣшить этотъ вопросъ; но во всякомъ случаѣ думаю, что это скорѣе были славянскіе Руссы, которые вели торговлю съ Хозарами. Далѣе онъ говоритъ, что князь Руссовъ называется хоканъ. Извѣстно, что наши великіе князья, которые жили въ Кіевѣ, были называемы еще въ XI столѣтіи хоканами даже въ молитвахъ, которыя были произносимы въ церквахъ. Слѣдовательно тѣ Руссы, которые жили на Волгѣ и вели торговлю съ Болгарами и съ Хозарами, должны были не только находиться въ тѣсной связи съ Кіевскими Русскими, но и непременно быть Славяне, такъ какъ только Славяне, а не Норманны, могли называть своихъ царей хоканами; ибо никто не можетъ предполагать, что Норманны называли своихъ князей хоканъ. Славяне же въ Россіи, образовавшіе государства до пришествія Норманновъ, не знали великому князю другаго имени, какъ хоканъ; а потому и называли его такъ.

Предметы торговли Руссовъ, о которыхъ говоритъ Ибнъ-Даста, опять тѣ же самыя, что и по свидѣтельству Ибнъ-Хордадбега, мѣха и пр. Но у Ибнъ-Даста есть также нѣкоторыя извѣстія, которыя, кажется, непременно нужно отнести къ Норманнамъ. Такъ напр. сказано, что Руссы пріѣзжаютъ къ Славянамъ на корабляхъ, грабятъ ихъ, берутъ въ плѣнъ и продаютъ въ рабство. Это едва ли могутъ быть не Норманны. Далѣе сказано, что они покупаютъ все, что имъ нужно для жизни, у Славянъ. Это, вѣроятно, также относится къ Норманнамъ. Изъ всего сказаннаго видно, что извѣстія Ибнъ-Дасты относятся къ народамъ, называемымъ Арабами *Русъ* и состоявшимъ частью изъ Норманновъ, частью изъ Славянъ, которыхъ Арабы не умѣли отличить другъ отъ друга.

Позвольте перейти теперь къ Массуди. Онъ писалъ около 940 года. Массуди называетъ во многихъ мѣстахъ Черное море Бараль-русь, то есть русское море. Онъ говоритъ, что на *русскомъ* (т. е. Черномъ) морѣ плаваютъ исключительно русскіе корабли. Онъ писалъ это, какъ я уже сказалъ, въ 940 году. Но вѣдь нельзя предполагать, чтобы названіе это возникло только съ того времени, въ которое Массуди писалъ; оно, безъ сомнѣнія, было извѣстно до него. Норманны, отъ которыхъ, по мнѣнію норманистовъ, произошло имя *Русъ*, переселились, какъ извѣстно, не раньше 2-й пол. IX-го столѣтія. Можно-ли предполагать, чтобы имя горсти людей, переселившихся въ огромное государство, хотя они и были владѣтелями въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, распространилось на сотни верстъ. Я считаю это невозможнымъ. Вотъ еще одно извѣстіе изъ Массуди, которое уже давно было сообщено покойнымъ Френомъ; но что онъ, при всемъ его знаніи, не попалъ на коньектуру, на которую я попалъ,—

чистый случай. Это не заслуга съ моей стороны. Массуди говоритъ: «Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода; самое многочисленное племя по имени Аллузана торгуетъ съ Испаніей, Римомъ, Константинополемъ и Хазарами»; а потомъ онъ говоритъ подробнѣе, что этотъ народъ, который онъ называетъ Аллузана, сдѣлалъ въ 913 году свой извѣстный набѣгъ на побережье Каспійскаго моря. Норманисты положительно сказали, что этотъ набѣгъ сдѣлали Норманны, и это совершенно справедливо. Въ 944 году Руссы произвели такой-же набѣгъ, и норманисты были убѣждены, что это были Норманны; и это справедливо. Массуди называетъ ихъ Аллузана. Гадали, гадали: кто они были? предполагали въ нихъ Лютичей, Лужанъ, а Френъ предполагалъ, что это были народы, которые жили на Ладогѣ. Но я васъ спрашиваю: возможно ли было, чтобъ эти люди вели торговлю съ Римомъ, Испанією, Константинополемъ, Хазарами, и потомъ дѣлали набѣги на побережье Каспійское? Какой славянскій народъ могъ предпринимать такіе набѣги? Не было такого народа. Позвольте мнѣ вамъ написать арабскими буквами слово Аллузана. Я вамъ покажу, какъ легко прочесть въ немъ: Норманны.

النورمانة Альнормана. اللوزعانة Альлузоана.

Стоитъ только сдѣлать первую букву послѣ члена «ал» покороче, передвинуть точку направо (въ арабскихъ рукописяхъ всегда трудно догадываться, куда точка принадлежитъ), придѣлать къ слѣдующей буквѣ маленькую черточку, и выйдетъ Норманны. При такой конъектурѣ получаемъ: Руссы состояли изъ многихъ народовъ; самое многочисленное племя ихъ были Норманны, которые и предпринимали набѣги и вели торговлю съ Испанією, Римомъ, Константинополемъ. Наконецъ приведу еще одного писателя, который, вѣроятно, писалъ немного раньше и который былъ извѣстенъ по очень невѣрнымъ извлеченіямъ. Я пользовался главнымъ источникомъ. Писатель этотъ *Абузейдъ-эль-Балхи*. Когда онъ писалъ—несовсѣмъ извѣстно. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что онъ умеръ около 930 г.; нѣкоторые же предполагаютъ, что въ 940 г.; болѣе вѣроятно, что онъ писалъ около 930 г. Онъ упоминаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ о Руссахъ, а въ одномъ мѣстѣ говоритъ о нихъ подробнѣе. Онъ описываетъ византійскую имперію и говоритъ, что съ византійской имперіей граничатъ разныя славянскія племена и Руссы, которые находятся по сосѣдству отъ Славянъ. Тутъ очевидно, что Руссами онъ называетъ тѣ народы, которые жили въ Россіи. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что на западъ отъ Хозаръ и Болгаръ—Руссы. Онъ слѣдовательно знаетъ только Руссовъ, которые жили недалеко отъ Болгаръ. Другихъ Руссовъ онъ не зналъ. Въ третьемъ мѣстѣ онъ также говоритъ: Руссы—это народъ, который находится недалеко отъ Болгаръ, между Болгарами и Славянами; это приходится въ нашей южной Руси. Еще въ одномъ мѣстѣ говорится, что Буртасъ—названіе края, Русъ—также. Такъ у него уже Русъ не значитъ исключительно народъ, а область. Позвольте мнѣ привести еще одно мѣсто *Абузейдъ-эль-Балхи*, гдѣ онъ говоритъ о разныхъ племенахъ Руссовъ. Это извѣстіе въ сокращенномъ и часто испорченномъ видѣ находится у *Ибнъ-Хаукаля*, *Истазри* и многихъ другихъ и было сообщено *Френомъ* по этимъ послѣднимъ источникамъ; я-же имѣлъ счастье найти первоначальный источникъ. Тутъ говорится, что Руссы раздѣляются на три племена. Одно племя, ближайшее къ Болгарамъ, живетъ въ столицѣ Кіевѣ. Для него нѣтъ особеннаго названія; оно называется *Русъ*. Второе, болѣе отдаленное племя называется *Селавія* или *Славія*; это—Новгородцы, которые назывались уже не просто Русъ, а имѣли свое названіе Словене.

Третье племя, по мнѣнію Френа, *Мордва*. Но я нашелъ новое чтеніе и старался доказать, что тутъ подразумѣваются *Пермяки*. Говорится еще, что въ Кіевъ приходятъ торговцы, но далѣе не ходятъ, потому что всѣхъ ихъ убиваютъ; далѣе говорится, что у третьяго племени были особенные цари. Тутъ-же сказано, что Руссы заставляють сожигать себя по смерти: вмѣстѣ съ богатыми изъ нихъ, добровольно сожигаются дѣвицы; одежда ихъ состоитъ изъ короткихъ куртокъ и т. д. А потомъ говорится: эти Руссы ведутъ торговлю съ Хозарами, съ византійскимъ государствомъ и Великою Болгаріею, и они, т. е. Руссы, граничатъ съ сѣверной стороною византійскаго государства. Они народъ многочисленный и столь сильный, что налагають дань на сосѣднія съ ними провинціи этого государства. Очевидно, что это были люди, которые жили въ Кіевѣ, недалеко отъ границы византійскаго государства. Считаю долгомъ обратить вниманіе на то, что у Френа это послѣднее извѣстіе иначе звучитъ, потому что тамъ въ извлеченіи выпущены нѣкоторыя слова. Итакъ писатель, который писалъ около 930 г., называетъ три рода Руссовъ: настоящіе Руссы безъ всякаго прибавленія; Руссы, которые назывались еще Славянами, очевидно: Новгородцы, и третье племя Пермяки или, по мнѣнію Френа, Мордва. Опять повторяю то, что сказалъ прежде: что въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ невозможно, чтобы имя одного народа такъ распространилось; *Русь* есть только общее обозначеніе народовъ, которые занимали Россію; нѣкоторыя финскія племена также назывались Руссами. Г. Геденовъ высказалъ это мнѣніе, и оно совершенно подтверждается извѣстіями арабскихъ писателей, которые говорятъ, что то было общее имя народовъ, находившихся на сѣверѣ отъ Византіи.

О ВОЛЖСКОЙ РУСИ Г. ХВОЛЬСОНА

Замѣчаніе М. П. Погодина.

Съ учеными случаются иногда странныя недоразумѣнія: на нихъ находятъ по временамъ какъ будто столбнякъ, и въ такомъ положеніи они встрѣчаютъ затрудненіе тамъ, гдѣ его вовсе не существуетъ, и они не могутъ понять того, что ясно какъ день. Шлёцеръ былъ одинъ изъ великихъ критиковъ и мастеровъ этого дѣла, но съ нимъ именно былъ подобный случай затмѣнія при разсужденіи о походѣ Аскольда и Дира на Константинополь. Водворясь въ Кіевѣ, эти Норманскіе искатели приключеній, вѣрные своему характеру, задумали тотчасъ поживиться на счетъ богатыхъ Грековъ, собрались и явились на двухъ-стахъ судахъ передъ ихъ столицею, приведя ее въ ужасъ. Походъ засвидѣтельствованъ Русскими и Греческими лѣтописями, грамотою патріарха Фотія. (Проповѣдей его тогда не было еще извѣстно). Точно такіе же походы предпринимаемы были и послѣ изъ Кіева же удалыми Норманнами: при Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимирѣ и Ярославѣ, и всѣ они приписываются въ лѣтописяхъ, Русскихъ и Греческихъ, однимъ и тѣмъ же Кіевскимъ Руссамъ. Никто въ нихъ, и самъ Шлёцеръ, никогда не сомнѣвался. Онъ только никакъ не могъ допустить перваго похода, т. е. никакъ не могъ понять и согласиться, чтобы это были Кіевскіе Руссы, и придумалъ для него особыхъ Руссовъ, «особый народъ, *sui generis*, который неизвѣстно откуда пришелъ, и неизвѣстно куда скрылся»!!

Нѣчто подобное случилось и съ профессоромъ Хвольсономъ. Проф. Хвольсонъ нашелъ у одного Арабскаго писателя, изъ начала X вѣка, извѣстіе въ статьѣ о Болгарахъ, что гдѣ-то по берегамъ Волги жили Руссы, и выводилъ отсюда заключеніе, что это также было особое племя, *sui generis*, которое жило здѣсь до прибытія Норманской Руси. Онъ никакъ не хотеть, подобно Шлецеру, допустить, чтобы это извѣстіе происходило отъ Кіевскихъ Руссовъ, какъ господствующаго племени надъ какими-то приволжскими обитателями, а думаетъ, что имя Руссовъ должно принадлежать имъ до появленія Норманновъ-Руси въ Кіевѣ. Не могло, говоритъ онъ, распространиться такъ скоро имя Руси изъ Кіева, и обнять такое огромное пространство въ такое короткое время!

Приведемъ прежде всего извѣстіе, смутившее почтеннаго оріенталиста:

С. 23. Хазары ведутъ торгъ съ Болгарами, равнымъ образомъ и Русь привозитъ къ нимъ свои товары. Всѣ изъ нихъ (изъ Руссовъ, такъ толкуетъ г. Хвольсонъ), которые живутъ по обоимъ берегамъ помянутой рѣки, везутъ къ нимъ (къ Болгарамъ,

такъ толкуеть г. Хвольсонъ) товары свои, какъ-то: мѣха соболѣи, горностаевые, бѣличьи и другіе».

Съ перваго взгляда это извѣстіе, сообщаемое мимоходомъ, представляется поверхностнымъ, и вызываетъ сомнѣнія: оно вставлено въ параграфъ, относящійся къ Болгарамъ, а не къ Руссамъ, которымъ посвящена Арабскимъ авторомъ особая статья, гдѣ онъ говоритъ, какъ увидимъ, совершенно другое. Можно ли, скажемъ впередъ, изъ такого мимоходнаго извѣстія, притомъ произвольно-толкуемаго, выводить такое важное заключеніе, строить на немъ цѣлую систему, и опровергать другую, имѣющую за собою многочисленныя и разнообразныя доказательства!

Большая часть Арабскихъ этнографическихъ извѣстій о сѣверныхъ краяхъ, замѣчу прежде всего вообще, основана на слухахъ: онѣ не могутъ быть принимаемы буквально, какъ хочетъ г. Хвольсонъ, а только къ соображенію; ихъ непременно надо провѣрять прежде другими несомнѣнными показаніями.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, самъ г. Хвольсонъ замѣчаетъ (с. 145): «вообще средневѣковыя показанія объ иностранныхъ народахъ никогда не бываютъ свободны отъ недоразумѣній и неточностей, къмъ бы они ни были передаваемы, восточными или западными писателями. Позднѣйшіе Арабскіе писатели, по большей части, передаютъ намъ только извлеченія, которыя часто крайне небрежны, и переполнены ошибками всякаго рода; изъ различныхъ названій одного и того же народа они дѣлаютъ различные народы, и смѣшиваютъ извѣстія древнѣйшія и позднѣйшія: необходима строгая критика. Слѣдуетъ разобрать хронологически всѣ извѣстія, доказать зависимость одного источника отъ другаго, опредѣлить географическую терминологию и взгляды каждаго писателя, и изслѣдовать причины ошибокъ позднѣйшихъ авторовъ; ибо часто даже ошибки ведутъ насъ къ познанію истины, если мы раскроемъ причину и источникъ ихъ».

Въ другомъ мѣстѣ (с. 81) г. Хвольсонъ утверждаетъ еще сильнѣе, что этнографическія показанія Арабовъ большею частію не имѣютъ цѣны; особенно же они не умѣли различать Финскія племена отъ Тюркскихъ.

Отзывъ совершенно справедливый: Ибн-Даста говоритъ, напримѣръ, что Руссы производятъ набѣги на Славянъ, подѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ къ Хозарамъ и къ Болгарамъ, и продаютъ тамъ и проч., а у Якута это показаніе слѣдующимъ образомъ сокращено и искажено отъ имени Мукадеси: «Славяне производятъ набѣги на нихъ (то-есть Руссовъ), и берутъ у нихъ имущество». Такимъ образомъ въ этихъ словахъ выходитъ смыслъ діаметрально-противоположный тому, что сказано у Ибнъ-Дасты (с. 151 *).

Якутъ смѣшиваетъ волжскихъ Булгаръ съ Славянами и называетъ царя ихъ иногда царемъ Славянскимъ, а городъ Булгаръ главнымъ городомъ Славянскимъ! (с. 227.)

Едризъ называетъ Волгу Русскою рѣкою и смѣшиваетъ ее съ Дономъ. Другіе Волгу называютъ Славянскою рѣкою и смѣшиваютъ съ Камою, которая считается у нихъ верхнею Волгою.

*) „Поэтому понятно,“ говоритъ г. Хвольсонъ, „что Кругъ не могъ объяснить себѣ это показаніе, и замѣтилъ справедливо: ни въ первоначальныхъ областяхъ Руси, ни въ завоеванныхъ первыми преемниками Рюрика, Руссы не давали Славянамъ увозить свое имущество; послѣдніе, навѣрное, были больше въ убыткѣ. Онъ, стало быть, предполагалъ недоразумѣніе въ словахъ Якута,—и какъ мы видимъ изъ Ибнъ-Дасты,—такъ оно и было.“

Хотя осужденія г. Хвольсона относятся болѣе къ писателямъ новѣйшимъ, послѣ XII вѣка, но и древніе въ этомъ отношеніи не выдерживаютъ часто строгой критики: Якутъ и Едризиджи жили въ XII вѣкѣ.

Самъ Масуди не умѣлъ различить Булгаръ приволжскихъ отъ придунайскихъ (с. 106). Еще болѣе: главное показаніе Ибнъ-Дасты о Руссахъ, по собственному изслѣдованію г. Хвольсона, оказывается вполне-несостоятельнымъ. Въ статьѣ о Болгарахъ онъ поселяетъ Руссовъ, по мнѣнію г. Хвольсона, на берегахъ Волги; но въ особой статьѣ о Руссахъ тотъ-же самый авторъ говоритъ совсѣмъ иное, и въ самыхъ ясныхъ словахъ опредѣляетъ мѣсто ихъ жительства: «что касается до Руси, то она находится на островѣ, окруженномъ озеромъ... имѣетъ царя, который зовется Хаканъ-Русъ... они производятъ набѣги на Славянъ... полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ къ Хазарамъ и къ Болгарамъ, и продаютъ тамъ. Пашень Русъ не имѣетъ, и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ Славянъ» (с. 34).

Г. Хвольсонъ отвергаетъ рѣшительно это главное извѣстіе своего автора о жительствѣ Руссовъ на островѣ, и объясняетъ его происхожденіе такимъ образомъ (с. 148):

«Я представляю себѣ, говоритъ онъ, дѣло вотъ какъ: Ибнъ-Даста, или источникъ его, видѣлъ въ Итилѣ, или въ другомъ мѣстѣ, на берегу Каспійскаго моря, ловкихъ, смѣлыхъ, предприимчивыхъ купцовъ, пришедшихъ изъ Руси. «Кто вы?» спросилъ онъ ихъ. «Мы Руссы», отвѣтили они; ибо такъ называли себя всѣ приходящіе изъ Руси купцы, какому бы племени они ни принадлежали. «Гдѣ вы живете?» «На островѣ», то есть на одномъ изъ множества острововъ, образуемыхъ рукавами Волги; можетъ-быть, на островѣ около устья Днѣпра,—такъ какъ Руссы уже давно поселились около Чернаго моря, и проч..... Подобно этому развѣ не поступаютъ и новѣйшіе путешественники? Кто желаетъ отыскать островъ, на которомъ жили эти Руссы; едвали найдетъ его». Точно также скажемъ мы мимоходомъ г. Хвольсону: кто пожелаетъ отыскать берега Волги, на которыхъ жили эти Руссы, едвали найдетъ ихъ.

Г. Хвольсонъ *опровергаетъ* главное извѣстіе въ найденномъ имъ древнемъ писателѣ, и *принимаетъ на вѣру* другое, оброненное имъ почти нечаянно.

Такъ поступаетъ онъ впрочемъ не съ однимъ извѣстіемъ объ островѣ, но и съ другими извѣстіями Ибнъ-Дасты; напримѣръ Ибнъ-Даста говоритъ (стр. 156), что Руссы не имѣютъ недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень. Г. Хвольсонъ, опровергая это извѣстіе, объясняетъ его происхожденіе такимъ образомъ: «нынѣ есть у насъ цѣлая мѣстности, напримѣръ въ Ярославской губерніи, въ которыхъ большая часть жителей занимается исключительно торговлею, и не имѣетъ ни пашень, ни скота... Поэтому, полагаю, мы имѣемъ право сдѣлать обратный выводъ, а именно: что и во время Ибнъ-Дасты существовали Ярославцы, занимавшіеся исключительно торговлею и неимѣвшіе ни пашень, ни скота. Такихъ-то людей Ибнъ-Даста, вѣроятно, и спрашивалъ на берегу Каспійскаго моря объ ихъ житьѣ-бытьѣ, и показанія ихъ относилъ ко всему Русскому народу».

Точно также, скажемъ мы опять мимоходомъ, Ибнъ-Даста могъ получить свѣдѣнія и о Руссахъ, жившихъ якобы на берегахъ Волги. Такъ называли себя всѣ приходящіе оттуда купцы, къ какому бы племени они ни принадлежали.

Г. Хвольсонъ разбираетъ критически извѣстія о жилищахъ Мадяръ, Булгаръ и Славянъ, и ни котораго не принимаетъ на вѣру; только Волжскихъ Руссовъ беретъ онъ подъ свое покровительство, одному этому ничтожному извѣстію придаетъ особую предъ всѣми цѣну,

и строить цѣлую систему, не обращая никакого вниманія не только на прежнюю систему съ ея твердыми доказательствами, но и на всѣ прочія многочисленныя показанія Арабскихъ писателей о Руссахъ, кои находятся въ полномъ противорѣчїи съ его Волжскими Руссами. Такимъ образомъ онъ не хочетъ какъ будто знать, что другіе Арабскіе писатели говорятъ о жилищахъ Руссовъ: Истахри (въ началѣ X стол.), Ибнъ-Хаукаль (въ концѣ X стол.), приводимые Френомъ, и древнѣйшій источникъ ихъ Ель-Бальхи, приводимый самимъ г. Хвольсономъ, а именно: «Русь состоитъ изъ трехъ племенъ», говоритъ этотъ писатель X вѣка, повторяемый почти всеми послѣдующими; «одно ближайшее къ Булгару, и царь онаго живетъ въ городѣ, называемомъ Куяба, который больше Булгара. Второе племя...Селавія, третье Барманія...царь живетъ въ Абархѣ (чит. Абармѣ)...Эти Руссы ведутъ торговлю съ Хозаріей, Византійскимъ государствомъ и Великой Болгаріей, и они (т. е. Руссы) граничатъ съ сѣверной стороной Византійскаго государства....они народъ многочисленный и столь сильный, что налагаютъ дань на сосѣднія съ ними провинціи этого государства».

Г. Хвольсонъ разумѣетъ подъ этими тремя племенами Кіевлянъ, Новгородцевъ и Пермь. Здѣсь о Волжскихъ Руссахъ и помину нѣтъ; напротивъ, Кіевскіе простираютъ свое имя даже на Пермь. Въ такомъ пространствѣ укладываются вѣдь просторно и жители береговъ Волги, кто бы они ни были.

Вотъ и другое извѣстіе о Руссахъ, согласное съ предложеннымъ (у г. Хвольсона стр. 159): «Что касается до Русскихъ купцовъ, принадлежащихъ къ Славянамъ, то они изъ отдаленнѣйшихъ странъ Славянскихъ привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи, къ берегу Румскаго моря, гдѣ они даютъ десятую часть византійскому императору. Иногда они на корабляхъ ходятъ по рѣкѣ Славянъ (то-есть Волгѣ), и проѣзжаютъ по заливу Хазарской столицы (Итиля), гдѣ они платятъ десятую часть царю страны. Оттуда отправляются они въ Каспійское море, и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно» (*).

Опять никакого намека на особыхъ Руссовъ Волжскихъ.

С. 166: «Руссы состоятъ изъ многихъ народонаселеній разнаго рода», говоритъ достовѣрный писатель арабскій, по мнѣнію г. Хвольсона, Масуди. «Самое многочисленное племя ихъ по имени эль-Лудз'ана, торгуетъ съ Испанією, Римомъ, Константинополемъ и Хазарією».

Кто эти «Лудз'ана», принадлежащіе къ Руссамъ, и имѣющіе торговыя связи въ столь противоположныхъ другъ другу направленіяхъ?

Г. Хвольсонъ видитъ здѣсь Норманновъ.

Ну какъ-же свяжете вы ихъ съ вашими Волжскими особыми Руссами?

Заключаю: не достаточно ли этими мѣстами объясняется распространеніе имени русскаго на всемъ пространствѣ мѣжду Днѣпромъ и Волгою, между Чернымъ и Балтійскимъ морями?

Г. Хвольсонъ позабываетъ еще свои слова, сказанныя имъ, на с. 150, по поводу извѣстія Ибнъ-Дасты, что Русь имѣетъ царя, который зовется Хаханъ-Русь...

(*) Это Арабское извѣстіе, займѣтымъ мимоходомъ, сходствуетъ совершенно съ извѣстіемъ Греческимъ Константина Багрянороднаго: Вверхъ по Днѣпру живутъ Руссы, которые по этой рѣкѣ ходятъ въ Черное море, а этимъ моремъ, чрезъ Меотиду, въ Черную (Волжскую) Булгарію, Грецію, Хазарію и Сюрію (Пермь или Ширванъ, по толкованію г. Савельева; см. его Мухм. Нумизматику).

«Мы выводимъ заключеніе, что Ибнъ-Дастовы извѣстія о Руссахъ, по крайней мѣрѣ отчасти, относятся къ Руссамъ, подвластнымъ упомянутымъ Русскимъ Хаканамъ, то-есть къ Руссамъ, жившимъ на Руси, а не гдѣ-нибудь въ Швеціи» (*). «Ибнъ-Даста говоритъ о Руссахъ, живущихъ около Волги и торгующихъ съ Болгарами: тѣ-же Руссы, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь, также имѣютъ торговыя сношенія съ Болгарами. Стало быть, Руссы приволжскіе не могутъ быть не тождественными съ тѣми, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь, и великій князь которыхъ, жившій въ Кіевѣ, носилъ титулъ Хаканъ-Русь».

Такъ, такъ! Волжскіе Руссы должны быть подвластны кіевскому Хаканъ-Русь, и называются Руссами только по причинѣ этого подданства, повторяемъ, кто бы они ни были, Финны или Славяне.

Ибнъ-Даста говоритъ даже, что «Руссы приходятъ на корабляхъ къ Славянамъ, и полонятъ ихъ. Но откуда являлись они на корабляхъ?» продолжаетъ г. Хвольсонъ, «это не сказано. Можетъ быть, изъ Швеціи? (**)» Ни подъ какимъ видомъ, отвѣчаетъ онъ себѣ самъ, ибо эти русскіе купцы-разбойники были подданными сидѣвшаго въ Кіевѣ русскаго Хакана, и жили около Волги. Они, вѣроятно, ходили на своихъ корабляхъ и производили набѣги по той-же рѣкѣ, и по тому-же пути возили они живой свой товаръ къ Болгарамъ и Хозарамъ, что мы и узнаемъ изъ Ибнъ-Фодлана».

По какому-же праву, спрошу я васъ, вы приписываете то, что говорится вообще о Руссахъ, жившихъ по свидѣтельству Ибнъ-Дасты на островѣ, тѣмъ Руссамъ, которыхъ вы поселяете на берегахъ Волги, и о которыхъ тамъ нѣтъ никакого намека.

Всего страннѣе то, что г. Хвольсонъ во многихъ случаяхъ принимаетъ имя Кіевской Руси въ ея истинномъ, обширномъ значеніи, и между тѣмъ въ другихъ исключаетъ изъ нея своихъ Волжскихъ Руссовъ, напр. стр. 168 онъ заключаетъ:

«Если Масуди говоритъ, что и Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода, и что Норманны многочисленное изъ нихъ племя, то изъ этого слѣдуетъ: 1., что Масуди подъ именемъ «Русь» нисколько не подразумѣвалъ исключительно Норманновъ, 2) что имя «Русь» ему извѣстно было не какъ названіе только одного племени, но что, напротивъ того, онъ 3) имя «Русь» почти также понималъ, какъ и мы его понимаемъ, т. е. что онъ подъ этимъ именемъ подразумѣвалъ почти всѣхъ жителей нынѣшней Европейской Россіи».

Точно также понималъ дѣло и основательнѣйшій нашъ ориенталистъ Савельевъ.

Ст. CLXXVII. „Масуди называетъ Ладожанъ самымъ многочисленнымъ родомъ Руси потому, вѣроятно, что причисляетъ къ нимъ всѣ подвластныя Новгородскому князю земли, уже называвшіяся Русью въ политическомъ смыслѣ. О самомъ Новгородѣ онъ не упоминаетъ“.

Еще ст. CLXXVII. Что земли Славяно-Финскаго союза, по прибытіи Родьскихъ или Русьскихъ конунговъ, назвались Русскими и Русью, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Новое политическое тѣло, неимѣвшее дотолѣ одного общаго названія, должно было получить имя своихъ воспріемниковъ, подобно династическимъ названіямъ государствъ въ Малой Азіи.

(*) Не понимаемъ, почему г. Хвольсонъ вставляетъ здѣсь Швецію, о которой никто подумать не можетъ.

(**) Опять Швеція,—да кто объ ней думаетъ?

Ст. LVIII. «Имя Хазарь было, можетъ статья, династическое, которое и не было собственнымъ именемъ народа, а обозначало лишь владѣнія и подданныхъ династии Волжскихъ хакановъ: такому распространенію именъ владѣтельныхъ домовъ на подвластные имъ поколѣнія встрѣчается не одинъ примѣръ въ Средней Азій».

Въ этомъ смыслѣ совершенно вѣрно говорить самъ г. Хвольсонъ:

Ст. 168. «Русь встрѣчается у магометанскихъ писателей, какъ географическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ этнографическое понятіе; а поэтому естественно, что магометанскіе писатели называли «Руссами» всѣхъ тѣхъ, которые къ нимъ приходили изъ Россіи. Считаютъ же и въ настоящее время во всей Европѣ всѣхъ обитателей Россіи, какой бы они національности ни были, за Русскихъ, и называютъ ихъ просто Русскими, хотя многихъ изъ нихъ на родинѣ никакъ не хотятъ признать «Русскими».

Эрзу Арабы причисляютъ къ племенамъ Руси. Это значить только, справедливо замѣчаетъ Савельевъ с. СХХІ, что Эрзы были данниками Руси.

Точно тоже должно сказать и о Перми, о которой вы говорите с. 177: «Итакъ мы видимъ, что Несторовскіе Словене и даже Пермьки уже съ первой половины X вѣка причислялись къ Руссамъ»

Если Арабы, по вашему мнѣнію, называютъ Пермь Руссами, или Эрзу, Мокшу, по мнѣнію Френа и Савельева, то кольми пае они могли называть такъ жителей береговъ Волги, кто бы они ни были, Славяне или Финны, повторяемъ въ десятый разъ.

Ибнъ-Даста самъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Булгарская земля смежна съ землею Буртасовъ. Живутъ Болгаре на берегу рѣки, которая впадаетъ въ море Хазарское (Каспійское), и прозывается Итиль (Волгою), протекая между землями Хазарской и Славянской».

Эти слова какъ-бы даютъ понять, что подъ именемъ Ибнъ-Дастовыхъ Волжскихъ Русовъ, о коихъ здѣсь нѣтъ помину, можно понимать Славянъ, подвластныхъ Руссамъ.

Купцы изъ Булгара, торгуя съ Весью, ходили до Шексны и по Шекснѣ, и во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ нѣтъ также ни слова о Руссахъ.

Всѣ извѣстія о Славянахъ у Ибнъ-Дасты относятся къ западнымъ Славянамъ; следовательно восточныхъ Славянъ должно разумѣть подъ именемъ Руссовъ.

Скажу наконецъ, что Ферганъ, писавшій прежде Ибнъ-Дасты, Масуди, Эль-Бальхи, въ 844 году, въ обзорѣнн своемъ главнѣйшихъ народовъ въ семи климатахъ, не упоминаетъ о Руссахъ, между тѣмъ говоритъ о Хазарахъ, Бурдшанахъ и Саклабахъ, то есть Славянахъ, между которыми позднѣйшіе географы никогда не забываютъ Руссовъ.

Такимъ образомъ, какъ всѣ извѣстія, такъ и всѣ противорѣчія, сомнѣнія и недоумѣнія, разрѣшаются положеніемъ, что имя Руси принесено Норманнами, сообщено ими Кіеву, избранному ими главнымъ мѣстомъ своего пребыванія, и изъ Кіева распространилось постепенно во всѣ стороны концентрическими кругами.

Это мнѣніе основано на многочисленныхъ доказательствахъ, а вы свое основываете на одномъ летучемъ извѣстіи, которое не только можетъ подвергаться разнымъ толкованіямъ, какъ и всѣ ему подобныя, но вмѣстѣ и находится въ явномъ противорѣчій со всѣми прочими у тѣхъ-же Арабскихъ писателей.

Надѣмся, что мы разобрали это извѣстіе достаточно. Намъ остается отвѣчать на соображенія г. Хвольсона, хотя мы имѣли случай дѣлать о нихъ замѣчанія и при разборѣ извѣстій. Вотъ ходъ ихъ:

Ибнъ-Даста говоритъ, что Руссы жили на берегахъ Волги.

Масуди говорить, что Черное море называлось Русскимъ, по которому исключительно ходятъ суда Руссовъ, живущихъ на его берегахъ.

Ель-Бальхи говорить, что Пермь причислялась къ Руси. Это все писатели X вѣка, жившіе чрезъ 50, 70, 100 лѣтъ, послѣ водворенія Норманновъ въ Кіевъ: не можетъ быть, чтобы ихъ Русское имя распространилось въ такое короткое время на такое огромное пространство,—слѣдовательно оно принадлежало этимъ странамъ прежде появленія Норманновъ.

Въ этихъ словахъ заключается, кажется, сполна все разсужденіе г. Хвольсона.

Замѣтимъ прежде всего, что такое мнѣніе было уже давно извѣстно въ нашей критикѣ: Эверсъ точно тоже говорилъ, доказывая по недоразумѣнію козарство Руси.

Но допустимъ заключеніе г. Хвольсона: имя Руси у насъ древнѣе Норманновъ.

Кому же принадлежало оно, обнимая Пермь, часть Волги и берега Чернаго моря? Это были не Хазары, не Болгары, не Финны, не Славяне, не Норманны,—которые положительно отдѣляются отъ Руси, по единогласнымъ извѣстіямъ всѣхъ Арабскихъ писателей. Остается заключить, подобно Шлецеру, что эта Русь было племя *sui generis*, неизвѣстно откуда приходившее, и неизвѣстно куда ушедшее.

И для чего прибѣгать къ такому невозможному предположенію, когда есть естественная возможность объяснить явленіе иначе, легче и вѣроятнѣе, и когда эта возможность имѣетъ за собою положительныя свидѣтельства, выдерживающія строгую критику?

Трудности, представляющіяся г. Хвольсону, ничего не значатъ въ сравненіи съ ними.

Зачѣмъ гоняться за блудящими огоньками, которые кое-гдѣ мелькаютъ по болотамъ, когда есть мѣсто, гдѣ горитъ ясный свѣтъ?

Предполагая имя Руси туземнымъ, вы должны вѣдь принять, что Норманны пришли къ намъ или съ другимъ именемъ Руси, или вовсе безъ этого имени, и тогда вамъ нужно будетъ опровергнуть всѣ доказательства, показанія Нестора, Константина Багрянороднаго и проч. Нужно будетъ объяснить, подъ какимъ-же именемъ пришли къ намъ Норманны? Нѣтъ никакого ни у кого въ запасѣ. Нужно будетъ объяснить, отъ кого-же и почему приняли они себѣ имя Руси?

Кончивъ свое разсужденіе и доказавъ, кажется, всю несостоятельность возобновленія старыхъ недоразумѣній, доказавъ, что Хвольсоновыхъ особыхъ Волжскихъ Руссовъ не было, какъ не было Шлецеровыхъ особыхъ Руссовъ, нападавшихъ на Константинополь съ Аскольдомъ въ 866 году, я, успокоенный, взглянулъ еще разъ нечаянно на роковое мѣсто Ибнъ-Дасты, и оно представилось мнѣ совершенно иначе: оно значить, кажется, совсѣмъ не то, что думалъ г. Хвольсонъ, не представляетъ никакого новаго свѣдѣнія, и слѣдовательно не подаетъ ни малѣйшаго повода строить какую-нибудь новую гипотезу.

Г. Хвольсонъ читаетъ и толкуетъ это мѣсто, какъ мы видѣли, вотъ какъ:

«Хазары ведутъ торгъ съ Болгарами; равнымъ образомъ и Русь привозитъ къ нимъ свои товары. Всѣ изъ нихъ (т. е. Руссовъ), которые живутъ по обѣимъ берегамъ помянутой рѣки, везутъ къ нимъ (Болгарамъ) товары свои» и проч.

А читать это мѣсто по моему надо вотъ какъ:

«Хазары ведутъ торгъ съ Болгарами; равнымъ образомъ и Русь привозитъ къ нимъ свои товары. Всѣ изъ нихъ (изъ Болгаръ), которые живутъ по обѣимъ берегамъ помянутой рѣки, везутъ къ нимъ (къ Хозарамъ) товары свои» и проч.

Везуть къ нимъ, значить не къ Руссамъ, какъ вы толкуете, а къ Хозарамъ, о которыхъ собственно и идетъ здѣсь рѣчь.

Употребленіе мѣстоименій не отличается, кажется, особенною точностію у арабскихъ писателей. Такъ, напримѣръ, у самаго Ибнъ-Дасты находить г. Хвольсонъ, стран. 90, неточнымъ выраженіе о жительствѣ Болгаръ на берегу, и другое выраженіе о раздѣленіи Волги между Хазарами и Славянами. «Очевидно,» говоритъ онъ, «Ибнъ-Даста хочетъ сказать не то, что Хазары жили по одной сторонѣ, а Славяне по другой сторонѣ рѣки, но то именно, что Волга раздѣляется между Хазарами и Славянами, то есть какъ тѣ, такъ и другіе живутъ на берегахъ этой рѣки.»

Да и въ нашемъ мѣстѣ вы допускаете два толкованія, къ которымъ я присоединяю третье. Вы сами говорите, с. 98: «послѣднее предложеніе въ Арабскомъ текстѣ можетъ относиться какъ къ Руссамъ, такъ и къ Болгарамъ, потому что Арабскій текстъ допускаетъ слѣдующій смыслъ: Всѣ изъ нихъ (т. е. Болгаръ), которые живутъ по обоимъ берегамъ помянутой рѣки, везуть къ нимъ (т. е. Руссамъ) товары свои и т. п. Но такому пониманію Арабскаго текста противорѣчитъ тотъ фактъ, что Руссы и въ своей собственной землѣ добывали много мѣховъ, и даже продавали ихъ въ восточныхъ мѣстностяхъ, какъ мы знаемъ это изъ многихъ другихъ источниковъ, и отъ самаго Ибнъ-Дасты. Въ такомъ случаѣ Руссы не могли имѣть надобности покупать мѣховой товаръ у Болгаръ.

Есть и еще у васъ примѣры подобныхъ перестановокъ:

С. 178: «Ибнъ-Хаукаль раздѣляетъ неправильно и пропускаетъ мѣстоименіе оно, что относится къ Руссамъ, такъ что все рассказываемое у него далѣе относится къ придунайскимъ Булгарамъ, а не къ Руссамъ».

Не тоже ли случилось и съ приведеннымъ извѣстіемъ о мнимыхъ Волжскихъ Руссахъ? Волжскихъ Руссовъ ни въ сказаніи Ибнъ-Дасты, ни въ натурѣ, не бывало!

Изъ чего-же я хлопоталъ столько объ ихъ уничтоженіи и выдвигалъ противъ нихъ такія тяжелыя катапульты? Я трудился напрасно: *oleum perdidit*.

Ларчикъ просто открывался.

Ноября 22 1869 г.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ ЧТЕНІЯ Г. ХВОЛЬСОНА ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ АРАБАМИ ИМЕНИ РУСЬ.

1) Г. Хвольсонъ представилъ намъ новое чтеніе у Массуди имени племени, которое доселѣ читалось «Лудане» или «Лозане» ⁽¹⁾. Г. Хвольсонъ читаетъ его «Нормане». Пусть знатоки арабскаго языка и древнихъ арабскихъ рукописей судятъ о томъ, насколько возможно такое чтеніе этого слова; но если бы оно и признано было вполне основательнымъ, то пришлось бы доказать еще, что Арабамъ X-го в. могло быть извѣстно слово «Нормане» именно въ этой формѣ, а не въ той, въ какой оно было извѣстно Славянамъ: «Урмане», «Мурмане», или Грекамъ, что стало быть слово это и свѣдѣнія о Руси Массуди получилъ именно изъ западной Европы и притомъ смѣшивалъ Нормановъ съ Славянами, говоря о племенахъ Россіи, что «Русы есть родовое названіе огромнаго числа племенъ, самое многочисленное изъ нихъ называется *Нормане*» (по Хвольсону), и что осѣдлое жилище Русовъ есть побережье Чернаго моря и вся страна на сѣверъ отъ него и на западъ отъ Хозаръ. Массуди, судя по указаніямъ въ его «Золотыхъ лугахъ», самъ былъ у Хозаровъ: значитъ, вѣроятно, отсюда онъ получалъ свои свѣдѣнія о племенахъ Россіи, ⁽²⁾ и хотя по словамъ его («Славяне происходятъ отъ Мара, сына Іафетова... по крайней мѣрѣ таково мнѣніе, преимущественно поддерживаемое людьми, которые *приложили стараніе къ изученію* этого вопроса») ⁽³⁾ предполагаютъ, что онъ пользовался *письменными источниками* о Славянахъ, но тѣмъ не менѣе не могъ Нормановъ считать *самымъ многочисленнымъ* изъ племенъ Россіи. Лѣтописецъ нашъ хорошо знаетъ, что существуютъ разные «Варяги» — и Урмане, и Свое, Англяне, Готе и Русь, однако ни разу не называетъ своихъ отечественныхъ Варяговъ-Русь Норманами.

2). Г. Хвольсонъ выразилъ удивленіе, что названіе Русь въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ настолько усвоено было почти всей территоріи нынѣшней Россіи (по самую Волгу), что даже арабскіе писатели начала X в. въ такомъ объемѣ принимаютъ имя «Русь».

(1) Френъ полагалъ, что это имя значитъ *Ладосжане*, Делевель—*Лучане*, Шазарикъ—*Луэжане*, *Лютими*.

(2) Массуди не былъ у Хазаровъ Прим. Хвольсона.

(3) Chart. XXXII, p. 312.

М. П. Погодинъ отвѣчалъ на это лаконически: «Вамъ кажется это удивительнымъ, а намъ нѣтъ». Но вопросъ поставленъ такъ г. Хвольсономъ, что дѣйствительно событіе кажется удивительнымъ и требуетъ объясненія. Извѣстно, что пришли Готы, покорили, по свидѣтельству Іорнада, многія сѣверныя и югозападные племена нынѣшней Россіи и немалое время владѣли ими; но тѣмъ не менѣе эти племена не назывались Готами или готскими, ни страна ихъ Готією. Также и всѣ страны, покоренныя Гуннами, не слыли за Гуннію, да и племена этихъ странъ (за немногимъ исключеніемъ) не слыли за Гунновъ. Мы знаемъ наконецъ, что Славяне, Чудь, Вѣсь и Кривичи не назывались Варягами, хотя долго платили дань Варягамъ; равно какъ не слыла за Хозарію страна, заселенная Полянами, Сѣверою и Родимичами, платившими дань Хозарамъ. Почему же такое счастье «Руси», что лишь только появи́лась она въ нынѣшней Россіи, такъ все здѣсь заклеилось ея именемъ?

Исторія не оставляетъ насъ безъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но отвѣтъ ея каждый еще можетъ ставить въ различное освѣщеніе. Мнѣ кажется болѣе правильнымъ слѣдующее освѣщеніе его. Безъ сомнѣнія, «варяжество» развилось у сѣвернаго германскаго поколѣнія, занявшаго Скандинавію и мѣста Балтійскаго побережья; но нѣтъ также сомнѣнія, что, благодаря вліянію этихъ Варяговъ, варяжество нечуждо было и иноплеменнымъ ихъ сосѣдямъ, занимавшимъ южное побережье Балтійскаго моря: по крайней мѣрѣ у побережныхъ Славянъ мы встрѣчаемъ признаки варяжства съ тѣмъ-же скандинавскимъ характеромъ, съ подобною-же обстановкою, и даже эти Славяне нерѣдко носятъ имена норманскія, какъ напр. Рорикъ или Рурикъ. По свидѣтельству скандинавскихъ источниковъ въ знаменитой битвѣ 735 г. короля Гаральда съ Сигурдомъ-Риномъ при Браволтѣ участвовало уже множество лодокъ Славянъ. Столь извѣстный въ поэзіи Скандинавовъ *Austerveg*, вѣроятно, не былъ чуждъ и Варягамъ славянскихъ земель, и такимъ образомъ по Двинѣ, Ловати, Днѣпру и Волгѣ издавна ходили не одни Скандинавы, но *разные* Варяги «отъ моря Варяжска къ Царюграду, въ Понтъ-море, къ Козарамъ и въ Болгары и въ Хвалисы». «А по Двинѣ (замѣчаетъ нашъ древній лѣтописецъ) можно было идти «въ Варяги, изъ Варягъ (какихъ? конечно не скандинавскихъ, а южнаго побережья Балтійскаго моря и Ютландіи) до Рима» и т. д. По свидѣтельству этого лѣтописца, «Варяги были разныхъ племенъ: «снче бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое, друзи же Урмане, Англаи, друзи Готе». Въ такомъ смыслѣ, кажется, слѣдуетъ понимать и слѣдующія слова лѣтописи: «тѣ суть людѣ Ноугородыци *отъ рода варяжска*; преже бо бѣша Словѣни», т. е. что слово Варяги означало не племена, а родъ занятія, сословіе; съ словомъ же „Словѣне“ соединялось въ этомъ случаѣ понятіе о селянинѣ, землепашцѣ, или вообще означало племенное происхожденіе Новгородцевъ.—Варягами былъ проложенъ прочный торговый путь «въ Греки и Хвалисы» еще въ началѣ VIII вѣка; поэтому было достаточно времени развиться и въ Новгородѣ варяжству. Народная поэзія, доносящая къ намъ былины незапамятныхъ временъ, представляетъ намъ въ лицѣ Новгородцевъ—Соловья Будиміровича и Васьки Буслаева нашихъ славянскихъ Варяговъ, съ обстановкою и приемами, общими всѣмъ Варягамъ и созданными преимущественно Варягами Скандинавіи.

Между Варягами, слонявшимися по нынѣ русскимъ рѣкамъ, издавна не только могли, но и должны были быть Варяги-Русь, пріобрѣтшіе или вообще пользовавшіеся у мѣстныхъ племенъ наибольшею симпатією. Не допустивъ этого, мы рѣшительно не будемъ имѣть возможности объяснить себѣ, почему Чудь, Словѣне и Кривичи, про-

гнавши Варяговъ, черезъ годъ или два зовуть къ себѣ княжить и володѣть ими Варяговъ же—какую-то Русь.

Какъ ни соблазнительна собирательная славянская форма и корень слова Русь, я уклоняюсь отъ рѣшенія вопроса о томъ, кто именно была эта Русь? Для насъ въ настоящемъ случаѣ все равно—были ли то чистые Скандинавы или оскандинавившіеся, оваряжившіеся Славяне; не важно для насъ даже и то—было ли то цѣлое племя или, что конечно вѣроятнѣе, какая-нибудь приморская колонія Варяговъ, служившая метрополіею разнымъ факторіямъ въ нынѣшней Россіи, потому что, какъ говоритъ летопись, «избрашася 3 брата съ роды своими и *поша по себѣ всю Русь*». И Чудь, Словѣне и Кривичи принимаютъ ихъ, какъ «неопасныхъ для нихъ людей, а будь это цѣлое племя, то соединенныя племена не добромъ приняли бы званыхъ гостей. Намъ важно только то, что Чудь, Словѣне и Кривичи призываютъ къ себѣ «володѣть и судить по праву» не Варяговъ Урманъ или Своевъ, или Готовъ, а именно Русь, что стало быть она давно была хорошо знакома имъ. Тоже подтверждается почти добровольнымъ покореніемъ этой Руси племенъ сѣверныхъ—Веси, Мери и дѣпровскихъ. Когда въ 866 г. Аскольдъ и Диръ произвели набѣгъ на Царьградъ, то Фотій въ окружномъ своемъ посланіи говоритъ о Руси, какъ о людяхъ издавна-извѣстныхъ Грекамъ. Слѣдовательно имя Русь не новость была въ 862 г. въ области нынѣшней Россіи, но она не владѣла здѣсь цѣлыми племенами, вела торговлю, какъ и другіе Варяги, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой товаръ, привыкшая къ водѣ и лодкѣ, а не къ полямъ и конямъ. Призваніе этой Руси «княжить и володѣть», быстрое соединеніе ея въ одно цѣлое многихъ племенъ нынѣшней Россіи, почти безъ завоеваній, съ характеромъ организаторскимъ, отнятіе нѣкоторыхъ племенъ отъ подданства Хозарскаго—все это должно было произвести значительный эффектъ въ окружающемъ мірѣ—и у Грековъ, и у Хозаръ, и у Болгаръ.

Далѣе, еще сильнѣйшій эффектъ на Грецію и Востокъ долженъ былъ произвести неожиданный, небывалый набѣгъ Руси (Аскольда и Дира) на столицу міра, на новый Римъ, на Царьградъ,—набѣгъ, заставившій императора оставить войну съ Арабами и спѣшить спасти Византію. Затѣмъ послѣдовало еще болѣе страшное нашествіе Олега. Съ этихъ поръ имя Руси не могло не сдѣлаться славнымъ и у Арабовъ, и не прошло нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ даже море Хозарское прозвалось Русскимъ, и все наиболѣе живое въ нынѣшней Россіи приняло имя «Русь», «русскій».

Наконецъ обратимся къ свидѣтельствамъ арабскихъ писателей о Руси.

Пересматривая эти свидѣтельства въ хронологическомъ порядкѣ, я вижу такую послѣдовательность въ развитіи у Арабовъ свѣдѣній объ имени Русь и о самой Руси, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и исключаетъ возможность высказаннаго г. Хвольсономъ удивленія или недоразумѣнія о быстротѣ распространенія у Арабовъ имени Русь относительно племенъ, населявшихъ въ IX, X вв. территорію нынѣшней Россіи.—Аль Фергани (ок. 844 г.) еще не упоминаетъ о Русахъ. Около 900 года Ибнъ-Дастъ уже знаетъ ихъ, но свѣдѣнія его о мѣстѣ жительства Руси запоздалыя, относящіяся повидимому ко временамъ Руси до 862 г., каковы и должны были быть вѣсти, впервые донесшіяся къ Арабамъ о Руси. Для Ибнъ-Дастъ Русь живетъ еще гдѣ-то далеко на *болотистомъ островѣ*, «окруженномъ озеромъ». Окружность этого острова равняется *тремъ днямъ пути* (ок. 100 верстъ). Онъ покрытъ лѣсами и болотами, нездоровъ, сыръ до того, что стоить наступить ногою на землю,

и она уже трясется». Ясно, что это *родовое* мѣстожителство Руси не островъ Хортица на Днѣпрѣ, а если ни какой-нибудь островъ балтійскихъ Славянъ или Даніи, то вѣроятнѣе всего—Новгородъ или Ладога, представляемые Арабами какъ-бы находящимися на островѣ или полуостровѣ ⁽¹⁾.

Наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія свои о народахъ Россіи и о самой Руси Арабы, безъ сомнѣнія, могли получить не отъ Грековъ, а отъ Болгаръ и Хозаръ. Поэтому понятно слѣдующее мѣсто Ибнъ-Даста: «Русь имѣетъ царя, который зовется Хоканъ-Русь»: рассказчикъ Хозаринъ или ему подобный не могъ иначе передать слово «князь» или «великій князь», какъ своимъ словомъ Хоканъ ⁽²⁾. Подтвержденіемъ тому, что вѣсти Ибнъ-Даста запоздалы (если онъ писалъ ок. 900 г.), относящіеся даже собственно не къ Кіевской Руси, можетъ служить самое описаніе имъ быта Руси. Онъ представляетъ намъ эту Русь такими Варягами, какими она и должна была быть до призванія ея Чудью, Словѣнами и Кривичами: это маленькое племя, жившее на небольшомъ островѣ; «они производятъ набѣги на Славянъ, подѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, входятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отвозятъ потомъ въ Хозеронъ и къ Болгарамъ и продаютъ тамъ. Пашень Русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ Славянъ... не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень... единственный промыселъ ихъ—торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами. *Городовъ у нихъ большое число, и живутъ въ довольствѣ*» и т. д.

Послѣдующіе за Ибнъ-Даста арабскіе писатели представляютъ намъ болѣе позднія и болѣе подробныя свѣдѣнія о Руси. У Ибнъ-Хордадъ-беа (+912) свѣдѣнія о Руси вообще слабы, но Руссовъ онъ смѣшиваетъ уже съ Славянами: по его словамъ, Русь принадлежитъ къ племени Славянъ; Ибнъ-Фоцланъ (ок. 921) и Массуди (956), какъ извѣстно, подробно описываютъ Руссовъ, знаютъ великаго князя Кіевского, указываютъ главное мѣстопробываніе Руссовъ на югѣ Россіи, на существованіе другихъ князей, и имя «Русь» охватываетъ въ ихъ понятіяхъ разныя племена нынѣшней Россіи.

Такъ оно и должно было быть, и нельзя не согласиться съ М. П. Погодинымъ, что удивительнаго здѣсь ничего нѣтъ. Скорѣе можно было подивиться тому, что въ исторіи нашей мы помянули было въ началѣ, что мы-де «Словѣне», «языкъ словѣнскъ», да съ тѣхъ поръ до нынѣшняго времени и не вспоминали о томъ.

Алексій Гатцукъ.

(1) Понятія «островъ» и «полуостровъ» не различаются арабскимъ языкомъ.

(2) Хозарское названіе царя Хоканъ начинаетъ употребляться въ Кіевѣ послѣ Святославаго похода, около временъ в. кн. Владиміра Великаго. При томъ такой титулъ, заимствованный у Хозаръ, не употреблялся постоянно какъ титулъ великаго князя Кіевского.

ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Я. Ѳ. Головацкаго.

Среди столь многочисленнаго собранія ученыхъ спеціалистовъ и любителей археологій, съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ Россіи съ богатыми изысканіями и изслѣдованіями, и я, какъ членъ Археологическаго Общества, считаю своимъ долгомъ приложить мою лепту въ сокровищницу науки. Я не успѣлъ заpastься достаточно-богатыми матеріалами и не въ силахъ буду удовлетворить любознательность тѣхъ лицъ, которыя, вѣроятно, ожидаютъ отъ меня подробнаго отчета о странѣ, которую я представляю на нынѣшнемъ Сѣздѣ; я долженъ ограничиться общимъ взглядомъ и указаніемъ на одни важнѣйшія явленія археологическихъ изслѣдованій на юго-западѣ Россіи и обзорѣніемъ нѣкоторыхъ сочиненій о древностяхъ Руси и смежной съ нею Литвы. Прибывъ недавно въ Россію и Вильну, я не могъ не только ознакомиться съ страной, но не успѣлъ даже пересмотрѣть многія сочиненія и изданія, относящіяся къ мѣстной археологій, а между тѣмъ эти труды были для меня недоступны за границей; по этой причинѣ я предъявляю не мои собственныя находки и изслѣдованія, а находки и описанія важнѣйшихъ памятниковъ древности, найденныхъ, срисованныхъ и описанныхъ другими лицами. Цѣль моя представить обзорѣніе того, что сдѣлано въ новѣйшее время по этой отрасли науки, и какія подають надежды археологическія работы, предпріятыя въ западномъ краѣ.

Археологическія разслѣдованія въ этой странѣ начались только въ послѣднее время на началахъ русскихъ, вѣрно соотвѣтствующихъ древнему быту земли и настоящимъ ея потребностямъ. Съ пятидесятихъ годовъ существовало въ Вильнѣ Археологическое Общество, дѣятельность котораго съ малыми исключеніями не принесла пользы наукѣ и, къ сожалѣнію, должно замѣтить, завлеклась политическими стремленіями; а потому позвольте мнѣ, Милостивые Государи, бросить покровъ на это заблужденіе, несообразное съ серьезною обработкою науки. Только послѣ послѣднихъ смуть въ юго-западномъ краѣ, со времени преобразованія мѣстной администраціи, начинается рядъ новыхъ учрежденій и развивается дѣятельность нашихъ отечественныхъ ученыхъ, принесшихъ уже, хотя и въ краткое время, свою существенную и осязательную пользу. Въ 1864 году, въ вѣдомствѣ Виленскаго учебнаго округа, учреждена публичная библіотека, а при ней музей; и то, и другое учрежденія удостоились быть принятыми подъ покровительство Е. И. В. Государа Цесаревича. Въ тоже время основана особая Коммиссія для

разбора и изданія древнихъ актовъ, которая уже успѣла напечатать два тома актовъ и отдѣльныя монографіи, напримѣръ Ревизію литовскихъ пущъ, содержащихъ богатую географическую номенклатуру этой страны.

Вслѣдствіе усердной любви къ наукѣ бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова положено начало ученымъ командировкамъ по западному краю. Мѣстные преподаватели и ученые занялись собираніемъ памятниковъ древности, старинныхъ рукописей, грамотъ, актовъ и т. п. Такимъ путемъ найдены были: Туровское евангеліе XI вѣка въ отрывкахъ, писанныхъ на пергаментѣ, и лѣтопись Авраамика, два памятника первой важности въ своемъ родѣ и обратившіе на себя вниманіе академиковъ И. И. Срезневскаго и А. Θ. Быкова. Стараніемъ И. П. Корнилова Туровское евангеліе хромофотографировано въ факсимиле подъ непосредственнымъ наблюденіемъ А. Θ. Быкова; при чемъ отъ И. И. Срезневскаго ожидается объяснительный текстъ, который укажетъ на значеніе этой рукописи въ сравненіи съ Остромировымъ евангеліемъ. Вторую рукопись—лѣтопись Авраамика—издаетъ А. Θ. Быковъ въ XVI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Въ тоже самое время, также по порученію И. П. Корнилова, приступили къ срисованію русскихъ памятниковъ древностей старинныхъ православныхъ церквей, развалинъ замковъ, древнихъ иконъ и фресокъ, уцѣлѣвшихъ на стѣнахъ древнихъ зданій, церковной утвари, однимъ словомъ всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ археологій.

Такимъ образомъ Супрасльскій альбомъ, исполненный художникомъ Петровымъ, состоитъ изъ 54-хъ точныхъ фотографическихъ изображеній славнаго въ исторіи Супрасльскаго монастыря и разныхъ въ немъ сохранившихся достопамятностей. По моему ходатайству этотъ альбомъ, хранящійся въ Виленской публичной библіотекѣ, присланъ на выставку Археологическаго Съѣзда для обзора гг. членовъ. Виленскіе публичная библіотека и музей, обогащенные рисунками, фотографіями, славянскими рукописями и старопечатными книгами, получили совершенно новый характеръ. Такимъ образомъ снова воскресла въ наукѣ древне-русская старина, и забытые предметы отечественныхъ древностей получаютъ общую извѣстность; появляясь въ печати, эти древніе акты и документы поясняютъ намъ прежнюю русскую жизнь, заглушенную въ этой странѣ навязчивымъ полонизмомъ и католицизмомъ. Мы должны еще упомянуть о почтенныхъ трудахъ, изданныхъ при Виленскомъ учебномъ округѣ: Н. Барсова—Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, содержащіе географическій словарь русской земли отъ IX до XIV столѣтія. Авторъ собралъ названія всѣхъ городовъ, урочищъ, рѣкъ, однимъ словомъ всѣхъ мѣстностей, упомянутыхъ какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ другихъ памятникахъ до исхода XIV вѣка. Онъ при каждомъ названіи дѣлаетъ выписки изъ текстовъ, и сочиненіе его, написанное съ добросовѣстною отчетливостію, можетъ отчасти служить разрѣшеніемъ четвертаго общаго вопроса, предложеннаго къ обсужденію на Съѣздѣ: составленіе археологическихъ картъ, чертежей и т. п. П. А. Гильдебранта—Сборникъ бѣлорусскихъ пѣсень; Н. Я. Спрогша—Памятники народнаго творчества Латышей; Сборникъ В. П. Булина и др. Сюда слѣдуетъ также отнести многія замѣчательныя статьи, напечатанныя К. А. Говорскимъ въ его изданіи «Вѣстникъ западной Россіи» и въ Виленскомъ Вѣстникѣ. Но всѣ эти сборники, статьи и монографіи имѣютъ только одностороннюю или второстепенную важность для русской археологій, хотя и могутъ служить пособіемъ для разъясненія нѣкоторыхъ археологическихъ вопросовъ. По этой причинѣ обратимся къ

изданіямъ и къ рукописнымъ сочиненіямъ, прямо относящимся къ разработкѣ археологическихъ памятниковъ и преимущественно памятниковъ русской старины.

Тутъ на первомъ планѣ неоспоримо стоятъ: Замѣчательности сѣверо-западнаго края, 1867 года, отдѣленіе 1-е, въ малый листъ, издано въ 1868 году при Виленскомъ учебномъ округѣ, и Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, СПБ., 1868 г., съ объяснительнымъ текстомъ, вышло всего четыре выпуска. Первое изъ этихъ изданій составлено и издано при бывшемъ попечителѣ И. П. Корниловѣ; второе издается подъ наблюденіемъ нынѣшняго попечителя П. Н. Батюшкова на сумму, пожертвованную Государемъ Императоромъ. Первый выпускъ Замѣчательностей сѣверо-западнаго края состоитъ изъ хромофотографированнаго заглавнаго листа и четырнадцати рисунковъ, снятыхъ на мѣстѣ учителемъ Кудрявцовымъ и художниками Петровымъ и Трутневымъ, а подлинники рисунковъ хранятся въ Виленской публичной библіотекѣ. Къ атласу приложенъ особый текстъ, напечатанный въ Вильнѣ 1868 года, въ четверку, въ 2 столбца, 15 страницъ. Рисунки эти: 1) икона Коложской Божіей Матери, снимокъ въ натуральную величину; 2) развалины Борисоглѣбской монастырской церкви, построенной въ XII вѣкѣ, на урочищѣ Коложѣ, близъ г. Гродны; 3) развалины Коложской Борисоглѣбской церкви съ восточной стороны; 4) развалины Коложской Борисоглѣбской церкви съ сѣверной стороны; 5) детальные чертежи развалинъ древней Борисоглѣбской Коложской церкви близъ г. Гродны; 6) Борисоглѣбская Коложская церковь въ томъ видѣ, какъ она была до ея разрушенія отъ разлива р. Нѣмана; 7) храмъ Спасителя въ Спасо-Евфросиньевскомъ женскомъ монастырѣ близъ Полоцка, построенъ въ XII вѣкѣ преподобною княжною Евфросиньею, праправнукою св. Владиміра; 8) входъ въ модельню преподобной Евфросиньи на хорахъ въ храмѣ Спасителя; 9) видъ западной стороны Благовѣщенскаго Супрасльскаго монастыря, основаннаго въ 1503 г., (въ 16-ти верстахъ отъ г. Бѣлостока Гродненской губерніи); 10) видъ Супрасльскаго монастыря съ сѣверной стороны; 11) видъ Супрасльскаго Благовѣщенскаго собора, основаннаго въ 1503 г. и освѣщеннаго въ 1516 г. Кіевскимъ митрополитомъ Іоною 2-мъ; 12) стѣнная живопись въ Благовѣщенскомъ соборѣ Супрасльскаго монастыря; правая арка и лѣвая арка; 13) плафонъ въ соборѣ Супрасльскаго монастыря и дарохранительница въ видѣ голубя, и 14) колоколъ, найденный въ селѣ Неводницы Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда, и перламутровая панagia съ выгравированнымъ на ней изображеніемъ Знаменія Богородицы и круговою надписью.

Краткій текстъ, приложенный къ рисункамъ, составленъ Н. И. Соколовымъ.

Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи состоятъ изъ рисунковъ, снятыхъ съ натуры художникомъ Струковымъ и хромофотографированныхъ въ Петербургѣ. При каждомъ рисункѣ приложенъ текстъ, отпечатанный какъ и атласъ въ листъ. Доселѣ вышло четыре выпуска. Выпуски I и II принадлежатъ безспорно къ самымъ важнымъ изданіямъ археологіи западнаго края и останутся всегда драгоценнымъ матеріаломъ для изученія памятниковъ русской старины. Объяснительный текстъ и планы городовъ Владиміра Волынскаго и Луцка, съ показаніемъ находящихся въ нихъ памятниковъ, служатъ важнымъ пособіемъ къ изученію этихъ мѣстностей. Хотя памятники древняго церковнаго зодчества сохранились большею частію въ развалинахъ или даже были подновлены, однакоже, при недостаткѣ цѣльныхъ зданій, и они могутъ служить къ поясненію многихъ вопросовъ по части русской архитектуры. По этой причинѣ нельзя не обратить вниманія на развалины Мстиславскаго Успенскаго собора,

сохранившіяся съ XII вѣка, на Зимнинскую церковь и ея пещеры, на обыденную церковь св. Василия X вѣка, на развалины церкви св. Димитрія въ Луцкѣ XII вѣка, и пр. О значеніи этого изданія въ предисловіи къ нему сказано: «Памятники западно-русской старины еще донинѣ мало извѣстны публикѣ. Съ ними между тѣмъ связано много народныхъ преданій и легендъ, помогающихъ уясненію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ; они служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ той непреложной истины, что пространство, занимаемое нынѣ западными губерніями, составляетъ древнее достояніе Россіи, и что господствовавшая тамъ вѣра, съ самаго введенія христіанства, была православная. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ относятся еще къ дохристіанской въ Россіи эпохѣ, иные къ княженію равноапостольнаго Владиміра и удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, иные же къ мрачнымъ временамъ борьбы мѣстнаго православія съ пришлымъ латинствомъ, при насильственномъ введеніи поляками и іезуитами религіозной уніи и польскихъ обычаевъ въ странѣ искони русской и православной».

Первоначально П. Н. Батюшковъ, при осмотрѣ имъ осенью 1866 года православныхъ церквей западнаго края, поручилъ сопровождавшему его художнику Струкову снять виды съ развалинъ, лежавшихъ на пути по Бѣлорусскимъ югозападнымъ губерніямъ, а также и по губерніямъ Волынской и Люблинской. Затѣмъ, для дальнѣйшаго выполненія технической части предпринятаго труда, который на первый разъ ограничивается четырьмя губерніями: Витебскою, Могилевскою, Волынскою, и Подольскою, Высочайше повелѣно пригласить академика Солнцева для повѣрки и окончательной отдѣлки рисунковъ.

Въ 3-мъ и 4-мъ выпускахъ находимъ слѣдующее:

1. Городъ Острогъ.
2. Родословная Князей Острожскихъ.
3. Планъ части города Острога, съ показаніемъ находящихся въ немъ памятниковъ русской древности.
4. Замокъ Богоявленская церковь.
5. Развалины замковой Богоявленской церкви.
6. Фасадъ предполагаемаго обновленія Богоявленской церкви и разрѣзъ.
7. Нынѣшняя соборная церковь.
8. Кирилло-Меѳодіевское православное братство.
9. Братская церковь св. Кирилла и Меѳодія.
10. Городъ Овручъ.
11. Планъ части города Овруча.
12. Развалины церкви св. Василия Великаго.
13. Развалины церкви св. Василия X вѣка и остатки фресокъ.
14. Видъ развалинъ церкви св. Василия съ сѣверной стороны и планъ.
15. Проектъ обновленія церкви св. Василия.
16. Заручаевская церковь и планъ.
17. Видъ костела, обращеннаго въ соборную церковь.
18. Могила Олега.
19. Видъ могилы Олега.
20. Ольгины бани.

21. Видъ Ольгиныхъ бань.

22. Оглавленіе.

Чувство глубокой грусти сжимаетъ грудь, смотря на эти жалкіе обломки древняго русскаго зодчества; но съ другой стороны любитель старины находитъ отрадное утѣшеніе, что нашлись люди, занявшіеся съ любовью ими и старающіеся съ усердіемъ о сохраненіи для науки этихъ немногихъ, но драгоценныхъ для насъ памятниковъ.

До сихъ поръ мы обратили вниманіе на печатные труды по части археологій; теперь бросимъ взглядъ на матеріалы, еще рукописные и подготовляемые къ печати. Мы сперва упомянемъ о трудахъ К. И. Шмидта, завѣдывающаго археологическимъ отдѣленіемъ Виленскаго музея. К. И. Шмидтъ обучался у извѣстнаго археолога профессора Крузе и уже сорокъ лѣтъ продолжаетъ заниматься избраннымъ имъ предметомъ; но специально онъ занимается изслѣдованіемъ древнихъ кургановъ и могилъ, нумизматикою и славянскою и литовскою миѳологіею. Находясь на службѣ въ Полоцкѣ, К. И. Шмидтъ въ 1820 году осмотрѣлъ Двинскіе камни, и по случаю мелководія рѣки легко могъ прочесть надписи и срисовать четыре камня. По случаю вопроса, поставленнаго Археологическимъ Съѣздомъ о Двинскихъ камняхъ, К. И. Шмидтъ имѣетъ честь представить статью свою объ этихъ камняхъ подъ заглавіемъ: Описаніе древнихъ камней съ славянскими надписями XIII вѣка, находящихся въ руслѣ рѣки Западной Двины около Полоцка, съ четырьмя рисунками.

Второе сочиненіе К. И. Шмидта:

Die Münzen und Medaillen Kurlands, nebst Beschreibung und Abbildung des Herz. Kurländ. Ordens «de la reconnaissance», mit XVII Tafeln Abbildungen, von Carl von Schmidt.

Это сочиненіе хотя и не совпадаетъ съ программою Археологическаго Съѣзда, но можетъ быть любопытно для специалистовъ по этой части. По полученіи права чеканить монету отъ Сигизмунда Августа въ 1562 году, курляндская монета начинается не раньше 1570 года. Между медалями встрѣчается много такихъ, которыя чеканены въ честь Петра Великаго, Екатерины II, или въ память разныхъ событій русской исторіи. По желанію автора передаю это сочиненіе Археологическому Обществу для разсмотрѣнія и для узнанія миѳній о немъ людей специальныхъ. Г. Шмидтъ приготовляетъ другое сочиненіе также по части нумизматики.

Наконецъ представляю еще одинъ трудъ весьма важный для археологій. Это сборникъ рисунковъ К. И. Шмидта, содержащій изображеніе предметовъ, найденныхъ въ языческихъ могилахъ, изображенія миѳологическія и виды древнихъ замковъ и языческихъ кургановъ, срисованныхъ съ натуры.

Цѣль г. Шмидта—объяснить происхожденіе древнихъ жителей Литвы посредствомъ остатковъ убранства, оружія, домашняго быта и другихъ предметовъ, найденныхъ въ раскопанныхъ курганахъ и могилахъ. Онъ раскопалъ около ста кургановъ въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ и обыкновенно находилъ могилы въ слѣдующемъ видѣ: ниже уровня земли слой песку, на которомъ лежалъ остова лицомъ вверхъ, и въ головахъ глиняный сосудъ, большею частію разбитый. Сверхъ остова насыпанъ слой земли, въ которой уложены камни въ видѣ круга или четырехъугольника. Окружность составляютъ камни бѣльшаго размѣра, а въ серединѣ помѣщены камни меньшаго размѣра; на самой же серединѣ положенъ большой камень. Затѣмъ насыпана земля, изъ которой выведенъ курганъ.

Изъ срисованныхъ Шмидтомъ вещей мы обратимъ особенное вниманіе на застѣжки искусной работы; одна изъ нихъ, найденная въ Гродненской губерніи, совершенно схожа съ застѣжкой, найденной профессоромъ Крузе (*Mescolivonica*. Табл. 14, № 4). Застѣжки замѣчательны браслеты, шейныя кольца, поясныя цѣпи разнаго рисунка, сдѣланныя все изъ бронзы. Не менѣе любопытны желѣзные вещи, какъ-то: ножъ, топоръ, наконечникъ стрѣлы и пр. Въ женскихъ могилахъ находимы были бусы разнаго рода, позолоченныя, посеребренныя, каменные и металлическія. На листѣ 23-мъ женское ожерелье съ колокольчиками, найденное въ Тельшевскомъ уѣздѣ. Далѣе шапка, сложенная изъ спиральныхъ проволокъ, куски ткани шерстяной и полотняной, черепъ, найденный въ Гродненской губерніи, женское головное украшеніе въ видѣ діадимы, сложенной изъ трехъ цѣпей съ двумя иглами. Находки свои г. Шмидтъ пополнилъ рисунками съ древностей, хранящихся въ Виленскомъ музеѣ, съ памятниковъ, изданныхъ Нарбутомъ, графомъ Тышкевичемъ и другими; такимъ образомъ его сочиненіе будетъ составлять полный матеріалъ для археологическихъ изслѣдованій литовской земли.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что трудъ К. И. Шмидта вполнѣ достоинъ поддержки, и желательно, чтобъ онъ скорѣе доведенъ былъ къ концу. Изслѣдованія его тѣмъ болѣе важны, что доселѣ, кромѣ любопытныхъ изысканій графа Тышкевича, Лелевеля и черезъ-чуръ увлекающагося Волянскаго, въ этомъ отношеніи почти ничего не сдѣлано. Мы находимся въ періодъ собиранія матеріаловъ для археологическихъ изслѣдованій, выводы изъ нихъ принадлежать будущности; по этой причинѣ всякое добросовѣстное и отчетливое собираніе матеріаловъ и приведеніе ихъ въ извѣстность весьма важны для науки. Пусть будутъ сорокалѣтнія изслѣдованія К. И. Шмидта краеугольнымъ камнемъ археологической науки въ этой сторонѣ. Этимъ пожеланіемъ окончу я обзоръ археологическихъ трудовъ въ сѣверозападномъ краѣ. Мы можемъ надѣяться, что Виленскій учебный округъ, въ которомъ уже изданы такіе важные труды по части русской археологіи, будетъ продолжать начатыя имъ изданія и въ тѣсной связи съ Археологическимъ Обществомъ еще съ бѣльшею, если возможно, дѣятельностію общими силами подвинетъ развитіе археологіи въ нашемъ отечествѣ.

КУРГАНЫ И ГОРОДИЩА ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

Р. Г. Игнатьева,

Съѣзду Археологическому желательно получить свѣдѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ по доисторической и русской археологiи.

На эти вопросы имѣю честь отвѣтствовать, ограничиваясь древностями Оренбургской и Уфимской губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить нѣкоторые вопросы на обсужденіе Археологическаго Съѣзда.

По званію члена-корреспондента Московскаго Археологическаго Общества и дѣйствительнаго члена Оренбургскаго и Уфимскаго Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ, я производилъ археологическія работы по 2 губерніямъ. Оренбургскій Статистическій Комитетъ назначилъ меня своимъ представителемъ на Съѣздъ.

Древности Уфимской губерніи, доселѣ забвенныя, приведены мною въ извѣстность, и описаніе ихъ и археологическая карта губерніи уже составляются мною, а по Оренбургской губерніи археологически описаны только три уѣзда—Троицкій, Челябинскій, Верхне-Уральскій и часть Орскаго. По отношенію Императорской Археологической Коммисіи, мѣстнымъ начальствомъ предписано землемѣрамъ и таксаторамъ оказывать мнѣ содѣйствіе, но они, занятые работами, весьма мало что могли для меня сдѣлать, отказываясь ѣхать на указываемыя мною мѣстности, и я, къ полному сожалѣнію, въ теченіи двухъ лѣтъ не могъ сдѣлать для пользы науки того, что желалъ бы сдѣлать.

Въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ находится множество кургановъ и городищъ; въ *одномъ Челябинскомъ уѣздѣ насчитывается 543 кургана и 3 городища*. За то здѣсь всего менѣе оказывается христіанскихъ древностей: *это нѣсколько древнихъ иконъ въ Уфимской губерніи и церковная утварь Уфимскаго Успенскаго мужскаго монастыря*; по свидѣтельству надписей утварь эта относится къ XVII вѣку; впрочемъ она передана сюда въ 1800 году изъ упраздненнаго Коломенскаго Спаса-Суморина монастыря. *Курганы, которые встрѣчаются здѣсь, всѣ одинаковой формы: они кольцообразные, насыпь ихъ состоитъ или изъ земли, или же изъ огромныхъ камней*. Такъ въ Оренбургской губерніи, Троицкаго уѣзда, близъ казачьей станицы *Подюрной*, есть курганъ сорока сажень въ окружности, называемый «Чудской горой». Всѣ курганы здѣсь зовутся «Чудскими», за исключеніемъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи, гдѣ они называются «Ордынскими»; городища же зовутся тоже «Чудскими», или же «Нагайскими», каковы близъ г. Уфы и г. Бирска Уфимской губерніи, иначе «чортовы городища». (Статью мою о городищѣ близъ г. Уфы имѣетъ у себя Московское Археологическое Общество). Мнѣ случалось прежде слышать темные рассказы о разрытіи кургановъ кладокопателями, что будто бы въ нихъ находили разныя вооруженія, принадлежности конской

збруи, вещи серебряныя, желѣзныя и мѣдныя разной формы и величины, кольца и серьги серебряныя и золотыя безъ всякой лигатуры; стрѣлы же бывали желѣзныя, мѣдныя и костяныя, и вездѣ находили слѣды окиси мѣди или желѣза, въ чемъ впоследствии и я удостовѣрился опытомъ.

Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, я разрылъ въ 1865 году 8 большихъ кургановъ Троицкаго уѣзда Оренбургской губерніи, въ земляхъ казенныхъ Міасскихъ золотыхъ промысловъ, близъ горы Каскановой, одной изъ отроговъ Уральскаго хребта, и близъ рѣчки *Убалы*. Здѣсь, на глубинѣ 3 аршинъ, прежде всего я находилъ уголья, глину и слѣды окиси мѣди и желѣза; а потомъ уже найдены мною: мѣдныя, желѣзныя и костяныя стрѣлы, стремена желѣзныя круглой и продолговатой формы, желѣзныя удила и мундштукъ, кольца отъ узды, мѣдныя пряжки съ остатками ремня, бляхи серебряныя, серебряные-же проволочные браслеты при ручныхъ, повидимому—женскихъ, костяхъ, серебряныя палочки съ рожками на верхней ихъ части, переломленные нѣтрое, мѣдныя пуговицы и принадлежности конской збруи, черепки красноглиняной и графитовой посуды, дѣтская золотая серьга, кости человѣческія, лошадиныя и верблюжьи; но между костями животныхъ не замѣчено, чтобы онѣ были обрѣзаны или расколоты. Къ сожалѣнію, я не вырылъ ни одного человѣческаго черепа, хотя въ одномъ изъ кургановъ отыскалъ два костяка, положенные одинъ на другой крестообразно на западъ; но куда отъ нихъ дѣвались головы?—недоумѣваю! Въ одномъ изъ кургановъ былъ найденъ мною черепъ, но по неосторожности одинъ изъ рабочихъ ударилъ его и разбилъ на мелкія части. Всѣ эти находки тотчасъ-же представлены были въ Императорское Археологическое Общество.

Вторая раскопка сдѣлана мною въ 1867 году въ г. Уфѣ, на магометанскомъ кладбищѣ, близъ котораго находится 18 кургановъ, болѣе или менѣе носящихъ слѣды раскопокъ, въ чемъ сознаются и сами жители. Я разрылъ одинъ изъ кургановъ, самый большой; здѣсь на глубинѣ 3 арш. открылъ склепъ изъ бѣлаго плитняка, тутъ-же на мѣстѣ добываемаго. Въ немъ оказались человѣческія кости, но безъ череповъ, окись мѣди и мѣдныя пряжки, бляхи серебряныя, позолоченныя, и одна даже съ остаткомъ дерева, далѣе полоса желѣза, черный ремень, вѣроятно, отъ узды. Курганъ, по моему мнѣнію, тоже былъ разрытъ, потому что я нашелъ тамъ брошенный заступъ. Императорская Археологическая Коммисія отъ 4 января 1868 г. за № 1 уведомила меня, что, согласно желанію моему, находки эти и статья моя о нихъ будутъ отосланы въ Московское Археологическое Общество, куда я и отослалъ подлинное отношеніе Коммисіи. Затѣмъ мною было разрыто нѣсколько кургановъ въ Уфимской губерніи, но безъ всякаго успѣха.

Осенью прошлаго года буря разрушила городище на вершинѣ горы Улькунды, называемое «Чудскимъ и Шайтановымъ», т. е. *чортовымъ*, Уфимской губерніи, Златоустовскаго уѣзда, близъ башкирской дер. Улькундовъ. Не смотря на холодъ и проливные дожди, я рѣшился на поиски; промылъ на ручномъ станкѣ землю отъ бывшаго вала и отыскалъ тамъ нѣсколько мѣдныхъ восточныхъ монетъ овальной формы, съ надписями; по сдѣланному переводу надпись оказалась такая: «*благородный Коканъ*». Это заставило меня собирать башкирскія преданія, которыя разсказываютъ, что будто бы еще во времена Монголовъ приходили сюда для обращенія Башкиръ-язычниковъ миссіонеры изъ Бухары, Багдада, Самарканда и Кокана. Въ силу этихъ преданій, вѣроятно, такъ называемое Чудское и Шайтаново городище, которое состоя-

ло изъ круглаго вала, не что иное, какъ могильный памятникъ какого-нибудь мусульманскаго миссіонера. Въ народѣ ходитъ молва, что близъ горы Улькунды зарытъ заклятый кладъ; поэтому и городище прозвано Шайтановымъ. Башкиры рассказываютъ, что здѣсь многіе видѣли чертей въ видѣ великановъ, и потому они даже бросили сѣнокосъ около горы Улькунды. Найденныя мною монеты теперь находятся въ музеѣ Уфимскаго Статистическаго Комитета; снимки съ нихъ я доставляю Археологическому Съѣзду. (Московское Археологическое Общество имѣетъ объ этомъ статью мою, помѣщенную въ № 42 и 43 «Уфимскихъ Вѣдомостей»).

Хотя извѣстно, что чудскія племена жили по обѣ стороны Уральскаго хребта, но Башкиры, считающіеся древними обитателями нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерній, понимаютъ подъ словомъ *Чудь*—чужой, неизвѣстный, давно-исчезнувшій народъ.

Во всѣхъ разрытыхъ мною курганахъ я видѣлъ уголья и золу, но не видалъ слѣдовъ растений, или камней, носившихъ признаки ихъ употребленія. Кости человѣческія вездѣ были перемѣшаны съ костями животныхъ; каменныхъ орудій я никакихъ не находилъ и нигдѣ не встрѣчалъ.

Изслѣдуя мѣстности при Уральскихъ горахъ, я не видалъ также изображеній людей, животныхъ, фигуръ и знаковъ, выдолбленныхъ на скалахъ или писанныхъ на нихъ краскою.

Перехожу къ памятникамъ археологіи русской, хотя не могу утверждать дѣйствительно ли они, въ нашихъ мѣстахъ, къ ней относятся?

Въ Оренбургской губерніи мнѣ извѣстны городища, именно: Челябинскаго уѣзда, въ 54 в. отъ г. Челябины, близъ д. Мокрый Логъ, на берегу р. Міаса, называемое «Чортовой городьбой». Городище это круглое, безъ входовъ, 79 саж. въ окружности; насыпь вала состоитъ изъ черноземнаго съ примѣсью песчанаго грунта; высота вала отъ осыпа неравномѣрная, мѣстами около 1 саж. и 2 арш.; внутри городища густо разрослись тальникъ, береза и ветла. Въ 100 саж. отъ городища на востокъ—курганъ, вышиною 2 саж. и 14 с. въ окружности, а близъ самой дер. Мокрый Логъ 3 кургана на другомъ уже берегу р. Міаса, въ виду городища, почти такой-же вышины и размѣра, какъ и тотъ, что около городища. Другое городище въ томъ-же Челябинскомъ уѣздѣ, у дер. Гороховой, на С. В. въ полѣ, на пашнѣ, близъ р. Юргимышъ; въ народѣ оно зовется «Чудскимъ городкомъ». Городище точно такой-же формы, но окруженное канавой и съ 2 входами съ В. и З. стороны; окружность вала и рва $47\frac{1}{8}$ с., вышина вала 1 саж., глубина канавы $1\frac{1}{4}$ ар., но тамъ, гдѣ входы, нѣтъ канавы; насыпь вала суглинистая.

Въ 150 вер. отъ г. Челябины, близъ тракта на г. Шадринскъ Пермской губерніи, находится «Чудское» городище; оно состоитъ изъ вала вышиною не болѣе аршина, мѣстами едва замѣтнаго и даже совсѣмъ-исчезнушаго; сначала оно идетъ треугольникомъ, а потомъ расширяется въ видѣ крыльевъ по направленію на Ю. З. и С. В. Этотъ валъ соединенъ съ 3-мя большими курганами, каждый саж. въ 30 въ окружности и въ сажень вышины. Чудское городище лежитъ на сѣнокосномъ лугу, а близъ него находится 18 кургановъ разной величины. По преданію мѣстныхъ жителей, въ пасхальную ночь на курганахъ является свѣтъ и исчезаетъ, какъ только ударятъ въ колоколъ къ заутрени; этихъ кургановъ запретила касаться чудская царица Анна, и всякій, кто осмѣлится преступить ея заповѣдь, погибнетъ со всѣмъ своимъ семействомъ и даже родствомъ... Царица Анна, говорятъ, является иногда, но только женщинамъ,

въ бѣлой рубахѣ, простоволосою, съ младенцемъ на рукахъ. Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ городища есть лѣсокъ, называемый «Чудскимъ боромъ».

Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, въ 5 в. отъ дер. Чингисовой, на берегу р. Самары, близъ устья рѣчки Амли, есть «Чингисово городище», полуовальной формы со всходами съ В. и З. стороны; окружность вала 84 саж., высота мѣстами отъ 1 до $2\frac{1}{4}$ арш., насыпь изъ чернозема и мелкаго рѣчнаго камня. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ кочевалъ Чингисъ-Ханъ. Другое городище въ 50 в. отъ Чингисова зовется «Кипчатскимъ». По преданію, оно лежитъ на мѣстѣ кочевокъ Кипчатской орды. Оно находится въ 5 в. отъ башкирской дер. Бимяловой, на Ю. В., на вершинѣ ключа Кукъ-Карагача, близъ горы Ярындыка. Городище, валъ котораго не болѣе 1 арш., полуквадратно со входами съ С. и Ю. стороны, въ длину 29, въ ширину 17 саж., грунтъ насыпи почти такой-же, какъ и Чингисова городища; около него 8 разной величины кургановъ.

Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ мѣстные Башкиры не называютъ городищъ и кургановъ *Чудскими*, а *Ордынскими* и *Ногайскими*. По ихъ мнѣнію, курганы суть могильные памятники, да и самыя городища не болѣе, какъ могилы князей и батырей. Нѣкоторые курганы имѣютъ особыя мѣстные прозвища, какъ-то: *Мурапа-уба*, *Селимъ*, *Гаитбай*, *Таишъ*, *Сазъ-Таасъ*, *Акъ-Тюби*, *Сальмянъ* и *Усмуларъ*. Перевода этихъ собственныхъ именъ, кромѣ нѣкоторыхъ, какъ-то: *Селимъ* и *Гаитбай*, не могли мнѣ дать мѣстные жители; не могли они и рассказать никакихъ особыхъ преданій; курганы и городища, по ихъ словамъ, никѣмъ не тронуты, и потому никакихъ находокъ не было, но это, конечно, не правда.

Въ Уфимской губерніи много городищъ. Московское Археологическое Общество имѣетъ мое описаніе «Чортова городища» близъ г. Уфы; другое «Чортово городище» находится близъ г. Бирска, но здѣсь Чортовымъ городищемъ называется гора-мысь, выдававшаяся въ р. Бѣлую, и на этой горѣ не видно никакихъ признаковъ вала. Преданіе о томъ и о другомъ городищѣ рассказываетъ одно и то же, будто здѣсь жилъ ногайскій ханъ, но появился великій змѣй, сталъ пожирать татаръ—и ханъ бѣжалъ за р. Кубань, гдѣ его подданные смѣшались съ кавказскими племенами, и такимъ образомъ исчезло имя Ногаевъ.

Въ 30 и 60 в. отъ г. Бирска, на возвышеніи горъ Акбаша и Соколей, находятся два круглыхъ вала, называемые «Акбашево или Бѣлоголовое и Соколье городища». Валъ здѣсь безъ входа, въ окружности 40 и 34 с., высота 2 и $2\frac{1}{2}$ ар., насыпь суглинистая, съ известковымъ камнемъ. Бирскаго же уѣзда, на сибирскомъ трактѣ, при с. Байкахъ на горѣ такое-же городище, круглое безъ входа, въ окружности 54 с., вышиною около 1 саж.; грунтъ насыпи песчаный съ примѣсью чернозема и известняка. Златоустовскаго уѣзда, въ 4 в. отъ дер. Улькундовъ, на берегу рѣчки Кошелевки видны два городища, называемыя *Шайтановы* «Птичье» и «Ямное»; одно разрушено въ прошедшемъ году бурей, другое цѣло; видъ обоихъ городищъ такой-же формы круглой безъ входовъ, окружность 24 и 32 саж., высота того вала, который сохранился, $1\frac{1}{2}$ ар., насыпь черноземная. Мензелинскаго уѣзда, при самой Челновской пристани, на горѣ близъ р. Камы, есть такое-же городище въ 53 саж. въ окружности, безъ входовъ, круглое, черноземной насыпи. Всѣ эти городища слывуть «Чудскими».

Въ 1865 году я имѣлъ честь представить Московскому Археологическому Обществу, вмѣстѣ съ статьею чертежъ, планъ и видъ мѣстности, гдѣ находится валъ, называе-

мый «Ногайскимъ», Златоустовскаго уѣзда, на сибирскомъ трактѣ, въ 14 в. отъ Саткинскаго желѣзодѣлательнаго завода.

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ, близъ границъ его съ Казанской и Вятской губерніями, идетъ разными извилинами земляной валъ, то появляющійся, то исчезающій на прострѣствѣ не менѣе 90 в., и высота его бываетъ отъ 1 до 2 саж., насыпь же разнаго грунта, смотря по мѣстности. Болѣе замѣчательнымъ является этотъ валъ близъ селеній Николаевки и Натальина, пригородка Заинска, села Новоспасскаго и Елисаветинскаго. Здѣсь валъ идетъ извилисто на 40 в., потомъ исчезаетъ и опять появляется. По преданію, во времена Болгарскаго царства этотъ валъ служилъ защитой отъ Башкиръ и Киргизовъ и былъ, такъ сказать, пограничнымъ или засѣкой. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ есть много остатковъ кладбищъ (мазарки), гдѣ сохранились плиты съ арабскими надписями, по преданію тоже времени болгарскихъ, но я не успѣлъ еще снять снимковъ съ надписей и это самое останавливаетъ меня окончить уже давно-начатое «*Археологическое описаніе Оренбургской и Уфимской губерній*», долженствующее составить большой томъ убористой печати, съ приложеніемъ картъ, чертежей и снимковъ.

Уфимскій Губернскій Статистическій Комитетъ препроводилъ Московскому Археологическому Обществу недавно-изданный *Сборникъ*, гдѣ помѣщена статья: *Древнія зданія близъ г. Уфы*. Съ этихъ зданій въ Статистическомъ Комитетѣ есть фотографическіе снимки, и я обратился къ Комитету съ просьбою, чтобы снимки эти, на время Съѣзда, были препровождены въ Московское Археологическое Общество.

Затѣмъ имѣю честь представить чертежи древняго зданія, находящагося Оренбургской губерніи, Троицкаго уѣзда, близъ станицы Высокопетровской вѣдомства Оренбургскаго казачьяго войска. Это зданіе называется Кисене (по киргизски—памятникъ); этимъ-же именемъ называется и протекающая вблизи зданія рѣчка. Киргизы-магометане и-язычники почитаютъ Кисене храмомъ неизвѣстной вѣры и мавзолеемъ надъ прахомъ святаго царя неизвѣстнаго народа, когда-то тутъ жившаго и ушедшаго въ Китай. Каждый Киргизъ не пройдетъ и не проѣдетъ мимо Кисене, не совершивъ моленія и не оставивъ, какъ-бы въ родѣ жертвоприношенія, лоскута сукна, ситца, полотна и проч. Мѣстность, гдѣ находится Кисене, принадлежала до начала настоящаго столѣтія Оренбургскимъ Киргизамъ; около Кисене осталось ихъ кладбище; быть погребеннымъ на этомъ кладбищѣ Киргизы считаютъ полезнымъ для души покойника. На кладбищѣ нѣтъ могильныхъ плитъ съ надписями, а наиболѣе, по киргизскому обычаю, груда камней замѣняетъ могильный памятникъ. Зданіе Кисене двухъ-этажное, но безъ пола въ нижнемъ этажѣ, а во второмъ потолокъ перваго этажа служилъ поломъ; внутри зданія нѣтъ ни надписей и ничего такого, что могло бы указать на могилу погребеннаго здѣсь св. царя. Прилагаемые чертежи, за исключеніемъ иллюминировки красками, сдѣланы совершенно вѣрно.

Затѣмъ я желалъ бы предложить Съѣзду слѣдующіе вопросы:

1) Соотвѣтствуетъ ли современному требованію археологій изданная болѣе 20 лѣтъ тому *Записка для обозрѣнія русскихъ древностей*? Цѣль этой записки, изданной Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, та, чтобы любители древности, спеціально непосвятившіе себя и непрigотовленные къ тому научными знаніями, могли, однакоже, на основаніи этой записки, способствовать своими изысканіями трудамъ специалистовъ археологій и трудамъ Археологическихъ Обществъ. Но въ эти двадцать лѣтъ археологія сдѣлала новые успѣхи, убѣжденія и требованія ея измѣнились;

по обширности нашего отечества и по слишком малому числу людей, специально-посвятивших себя археологii, необходимо, по моему мнѣнію, пересмотрѣть и дополнить «Записку для обозрѣнія русскихъ древностей» и составить новое руководство, обнародуя его съ тою-же цѣлю приглашенія любителей-неспеціалистовъ содѣйствовать съ пользою археологамъ и Археологическимъ Обществамъ.

2) Императорское Археологическое Общество, вскорѣ послѣ изданія Записки для обозрѣнія русскихъ древностей, отнеслось повсемѣстнымъ приглашеніемъ сообщать ему древнія русскія надписи до конца XVII вѣка, на разныхъ предметахъ находящіяся, намѣреваясь издавать эти надписи. Надписи, по мнѣнію покойнаго И. П. Сахарова, также важны, какъ лѣтописи и акты; въ нихъ даже находимъ часто то, чего нѣтъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ. Надписи открываютъ часто неизвѣстныя официально историческія событія, воззрѣнія на религію, нравственность и семейную жизнь нашихъ предковъ. Итакъ нужно ли, полезно ли собирать и издавать надписи, годъ отъ году истребляющіяся навсегда для науки? Если же нужно и полезно, то вопросъ этотъ, полагаю, надо снова поднять, но, по моему мнѣнію, не ограничиваясь концемъ XVII вѣка, а по крайней мѣрѣ до 1726, или даже до 1751 года, и при томъ собирать надписи не однѣ русскія, но и восточныя и иностранныя, находящіяся въ нашемъ отечествѣ. Здѣсь замѣчу, что недостаточно одно точное снятіе надписи со всѣми надстрочными знаками, монограммами и проч., но необходимо описаніе самыхъ предметовъ, на которыхъ эти надписи находятся, и даже, если возможно, рисунки съ нихъ. Нельзя не желать, чтобы правительство, благоразумно запретившее хищничество кургановъ, запретило истреблять церковную утварь съ древними надписями и другими несомнѣнными признаками древности; нужно, чтобы объ этомъ было постановлено правило: что можно допустить къ уничтоженію и что необходимо хранить.

3) Какъ и чѣмъ предохранить отъ уничтоженія временемъ древнія зданія, могильныя плиты съ надписями, валы, курганы и городища?

Не могу не выразить сожалѣнія, что приглашеніе меня въ Москву на Археологическій Съѣздъ и вопросы Предварительнаго Комитета застали меня не на мѣстѣ моего постоянного жительства въ г. Уфѣ, а во время командировки меня въ уѣзды Уфимскимъ Статистическимъ Комитетомъ, и что въ силу этого я не могу покуда представить многое, что бы желалъ. Я постараюсь достать или подлинныя или копiи съ тамъ, тугъ или тавръ, очень любопытныхъ, у Башкиръ и другихъ инородцевъ нашего края, въ чемъ обѣщаются мнѣ помочь гг. мировые посредники. Тавромъ здѣсь, однако же, клеймятъ только скотъ, но сверхъ сего у здѣшнихъ инородцевъ нѣтъ въ обычаѣ прикладывать тавро тамъ, гдѣ бы оно служило знакомъ собственности.

Затѣмъ спѣшу дополнить одинъ изъ вопросовъ Предварительнаго Комитета, мною было упущенный при настоящихъ моихъ замѣткахъ. Сколько припомню, въ 3 вер. отъ г. Новгорода, въ древней церкви св. Спаса въ Нередицахъ, гдѣ настѣнное письмо наиболѣе любопытно по изображенію событія изъ жизни св. Всеволода Псковскаго, князь этотъ, по примѣру св. Владиміра, Бориса и Глѣба, изображенъ въ короткомъ безъ рукавовъ плащѣ. Это настѣнное письмо церкви св. Спаса Нередицы, построенной, кажется, въ XII вѣкѣ, еще ни кѣмъ во всей основательной подробности не описано и ждетъ своего ученаго дѣателя.

МАРЫ ИЛИ КУРГАНЫ

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ СИМБИРСКОЙ, НИЖЕГОРОДСКОЙ И КАЗАНСКОЙ.

П. И. Мельниковъ сообщилъ, что въ губерніяхъ Симбирской, Нижегородской и Казанской находится много кургановъ, которые всѣ мѣстными жителями безъ различія называются марами. Въ Толковомъ Словарѣ живаго велико-русскаго языка В. И. Даля слово мара объясняется такъ: «слово юго-восточное, означаетъ курганную насыпь и кучу камней». Собственно это слово мордовское, перешедшее въ русскій языкъ. Каждая старинная насыпная куча земли въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ называется марою; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже надгробныя насыпи на христіанскихъ кладбищахъ зовутъ марами. Въ нагорной части Макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи, въ селѣ Чернухѣ въ сентябрѣ бываетъ довольно значительная ярмарка, называемая «Маровскою», или «на Марахъ»; близъ села Чернухи находится много земляныхъ насыпей, теперь большею частію распаханыхъ; всѣ онѣ зовутся марами. Народныя преданія происхожденіе этихъ кургановъ приписываетъ царю Ивану Васильевичу Грозному, будто бы насылавшему ихъ во время послѣдняго Казанскаго похода 1552 года. Вообще въ томъ краѣ память о царѣ Иванѣ Васильевичѣ живо сохранилась, и народъ вспоминаетъ грознаго царя не какъ государя жестокаго, а какъ своего благодѣтеля. И дѣйствительно, для того края Иванъ Васильевичъ былъ благодѣтельнымъ государемъ. Покоривъ Казань и подчинивши Татаръ своей власти, онъ избавилъ всю низовую страну отъ ежегодныхъ, даже по нѣскольку разъ въ году бывавшихъ набѣговъ. Какъ сильны, какъ разорительны были эти набѣги—видно изъ доселѣ сохранившихся и находящихся въ Археологической Коммиссіи актовъ, найденныхъ въ 1847 году покойнымъ преосвященнымъ Нижегородскимъ Іаковомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ актовъ упоминается, что въ продолженіе тридцатилѣтней войны Русскихъ съ Казанцами, села и деревни нынѣшней Нижегородской губерніи были уничтожены и обратились въ пустыни, пашни лѣсомъ поросли, а народъ или попалъ въ полонъ или разбѣжался врозь. Иванъ Васильевичъ, положивъ конецъ могуществу Казанцевъ, былъ восстановителемъ низоваго края, заселеннаго Русскими еще въ XIV-мъ столѣтіи, а съ половины XV запустѣвшаго. И не только Русскіе, но и русѣющая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе

Мордва Эрзянскаго племени старыя свои преданія связываютъ съ именемъ Ивана Васильевича Грознаго. Не только Русскіе, но и Мордва поютъ:

Грозень былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ;
Сквозь дремучій лѣсъ съ ратью-силою
Онъ прошелъ страну Мордовскую,
Себѣ царство взялъ Казанское,
Мимоходомъ Астраханское.

Умирался низовой край, и на старыхъ разоренныхъ пепелищахъ снова появились русскіе люди; они пришли изъ разныхъ мѣстъ, настроили церквей, завели монастыри и пустыни, расчистили поросшія лѣсомъ пашни; страна ожила, и мало-по-малу разбогатѣла... Съ тѣхъ-то поръ живетъ въ ней добрая память о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Дурнаго про него тамъ не помнятъ, хотя въ той-же пѣснѣ и поютъ:

Грозень, грозень былъ царь батюшка,
Ужъ пороль онъ, пороль бояръ,
Ужъ травилъ же ихъ медвѣдями.

Почти въ каждомъ селѣ той стороны, черезъ которую проходило московское войско въ 1552 году, вамъ расскажутъ, что тутъ царь Иванъ Васильевичъ стоялъ станомъ, и какъ насыпалъ насыпи, курганы, мары. Въ другомъ селѣ укажутъ вамъ церковь, будто бы имъ построенную, или какую-нибудь икону, говоря, что она была пожалована въ приходскую церковь царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семействахъ Арзамасскаго и Ардатовскаго уѣздовъ мнѣ случалось видѣть иконы Николая чудотворца, про которыхъ говорили, что онѣ идутъ изъ рода въ родъ отъ предковъ, которыхъ царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ за то, что они были проводниками его войска черезъ лѣса и степи во время похода 1552 года. Въ лѣтописяхъ сохранилось перечисленіе всѣхъ становъ, гдѣ останавливалось войско грознаго царя на ночлегъ. На каждомъ почти станѣ встрѣчаются курганы, мары. Преданія рассказываютъ такъ объ ихъ происхожденіи. На каждомъ станѣ царь считалъ свое войско такимъ способомъ: каждому ратнику приказывалъ насыпать шапку земли и сваливать ее въ одно мѣсто; разумѣется этихъ мѣстъ было не одно, а нѣсколько, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Такимъ образомъ образовались мары. Въ другихъ мѣстахъ рассказываютъ, что эти курганы были насыпаны по повелѣнію царя Ивана Васильевича на могилахъ знатныхъ людей его войска, умершихъ во время похода. Такъ въ Алатырскомъ уѣздѣ близъ деревни Цыповки есть довольно большой курганъ, про который рассказываютъ, что тутъ похороненъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ какой-то его наперсникъ, умершій во время похода на этомъ мѣстѣ. Около села Дѣвичьи Горы Лукояновскаго уѣзда есть курганъ, о которомъ рассказываютъ, что онъ насыпанъ надъ могилой одной красавицы, сопровождавшей грознаго царя въ походѣ. Ходятъ также въ народѣ толки о томъ, что въ этихъ курганахъ зарыты клады; отъ того они въ разныхъ мѣстахъ разрыты. Охотники да кладовъ—не охотники до археологій. Что и находили въ разрытыхъ такимъ образомъ марахъ, то осталось въ неизвѣстности. Обыкновенно рассказываютъ, что въ разрытыхъ марахъ ни денегъ, ни какихъ-либо сокровищъ не находили, что нечистая

сила, оберегающая клады, обыкновенно обращала ихъ въ угли и глиняные черепки, а иногда и кости. Изъ этихъ разсказовъ ясно, что раскопанныя искателями кладовъ мары были могильные курганы древнихъ обитателей той стороны.

Мнѣ самому случалось видать эти черепки въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ Арзамасскаго уѣзда. Лѣтъ двадцать тому назадъ было при мнѣ раскопано три кургана въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи; въ нихъ найдены угли и черепки, но костей не найдено. Лѣтописецъ, подробно описывая походъ 1552 года, указалъ, какъ я сказалъ, на каждый станъ Ивана Васильевича. Мнѣ случалось нѣсколько разъ проѣзжать по этому пути; почти на каждомъ мѣстѣ, упоминаемомъ въ лѣтописи, до сихъ поръ существуютъ курганы. Юня 16 царь Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Москвы, 12 Юля перешелъ Оку у Муромъ и вступилъ въ дремучій Саканскій лѣсъ, часть Муромскаго. Первый станъ царя былъ на рѣкѣ Шиликмѣ, находящейся въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Эта рѣка впадаетъ въ Тешу, и здѣсь неподалеку отъ деревни того-же имени (Шиликма) до сего времени сохранилось два кургана. Мѣстное населеніе, впрочемъ весьма незначительное и притомъ недавно-выселенное съ Выкорскаго завода, происхожденіе ихъ приписываетъ царю Ивану Васильевичу. Разсказываютъ, что эти курганы ратники насыпали шапками. Одинъ изъ кургановъ около Шиликмы называется Калейкой, и народъ говоритъ, что тутъ похороненъ мужикъ Калейко, который будто бы былъ проводникомъ царя Ивана Васильевича, за что онъ далъ ему нѣсколько сотъ десятинъ земли. О такихъ пожалованіяхъ земли сохранены преданія въ разныхъ мѣстахъ того края. Обыкновенно говорятъ, что жалованныя царемъ грамоты на тѣ земли пропали или сгорѣли и земли отошли въ казну или къ помѣщикамъ, и что только одни курганы остались памятниками царской милости. Впрочемъ одна такая жалованная грамота была напечатана во Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей. Она была доставлена нынѣшнимъ преосвященнымъ Орловскимъ Макаріемъ. Однако хотя преосвященнымъ Макаріемъ и Обществомъ исторіи и древностей она и была признана за подлинную, но подлинность ея весьма сомнительна. Довольно упомянуть, что въ ней царь, выхваляя проводника, говоритъ, что онъ участвовалъ во многихъ *баталіяхъ*. Слово *баталія* употребляется у насъ, какъ извѣстно, только со временъ Петра Перваго. Второй станъ царя Ивана Васильевича былъ по лѣтописи на рѣкѣ Велетьмѣ, впадающей въ Тешу; въ Велетьминскомъ лѣсу, около села Велетьмы, также есть курганъ и происхожденіе его также приписывается царю Ивану Васильевичу. Третій станъ—Саканское городище на берегу Тешы. Здѣсь сохранилось городище довольно большое, очень сходное со всѣми другими городищами, и подлѣ него курганъ не земляной, но каменный. Это была куча камней, остатки которыхъ еще сохранились; большинство же давно разобрано въ бани на каменки. О церкви села Саканъ разсказываютъ, что она была построена царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Четвертый станъ на Иржѣ. Иржа, почти совсѣмъ пересохшая теперь рѣчка, впадаетъ въ Тешу. На этой рѣчкѣ есть торговое село Ичалки и близъ него 6 кургановъ; въ нихъ искали кладовъ и до такой степени ихъ раскопали, что лѣтъ 15 тому назадъ оставался уже только одинъ. Цѣль ли онъ теперь—не знаю. При раскопкѣ кургана близъ Ичалокъ найдены были при мнѣ угли и нѣсколько глиняныхъ черепковъ. По всей вѣроятности, это могилы, сходныя съ тѣми, о которыхъ сегодня утромъ говорилъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Пятый станъ по лѣтописи былъ на рѣкѣ Авмѣ. Авма течетъ по мѣстамъ безлѣснымъ

и близъ Арзамаса впадаетъ въ Тешу. Тутъ находятся курганы. На шестомъ и седьмомъ станѣ кургановъ не сохранилось, но старожилы говорятъ, что и тутъ были мары, частію раскопанныя искателями кладовъ, частію распаханныя. Восьмой станъ былъ близъ села Ломакина; здѣсь находится курганъ, приписываемый царю Ивану Васильевичу. Преданіе говоритъ, что здѣсь былъ станъ царя и будто жители села Ломакина не приготовили хлѣба-соли чѣмъ царя угостить. Объ этомъ сохранилась поговорка, приведенная въ «Пословицахъ» В. И. Даля. Десятый станъ былъ на рѣкѣ Мѣдянь, которая течетъ въ Симбирской губерніи; на ея берегу находится 4 кургана, теперь едва замѣтные. Одинадцатый станъ былъ около города Ардатова, Симбирской губерніи, двѣнадцатый станъ на рѣкѣ большой Сарѣ Алатырскаго уѣзда. И въ окрестностяхъ Ардатова и на Сарѣ сохранились курганы. Тринадцатый станъ былъ у Баранчѣева городища, что нынѣ Промзино. Близъ этого села есть курганы, о которыхъ преданіе говоритъ, что они насыпаны царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Далѣе я не слѣдилъ пути царя Ивана Васильевича, но слышалъ, что и тамъ повсюду находятся курганы. Кромѣ перечисленныхъ кургановъ, приписываемыхъ царю Ивану Васильевичу, какъ въ Нижегородской, такъ и въ сосѣднихъ съ ней губерніяхъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской есть множество кургановъ по разнымъ мѣстамъ. Всѣ они кольцеобразныя, во многихъ кучи камней; одни должны быть могильные, другіе сторожевыя. За Волгой по лѣсамъ тоже есть курганы, но тамъ они приписываются какимъ-то „панкамъ“. Говорятъ, что прежде тутъ владѣли панки, а народъ былъ Мордва. Въ Семеновскомъ уѣздѣ, на границѣ Костромской губерніи, есть деревня Элониха; тутъ были курганы, которые раскопаны искателями кладовъ. Не полезно ли было бы изслѣдовать многочисленные курганы, находящіеся въ Нижегородской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, нанести ихъ на карту и произвести хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскопку правильнымъ образомъ. Полагаю, что это дѣло не совсѣмъ невозможное. Нижегородскій Губернскій Статистическій Комитетъ по возможности занимается и теперь археологическими изысканіями. Определенный Нижегородской губерніи депутатомъ Археологическаго Съѣзда Л. В. Даль, по порученію Статистическаго Комитета, предполагаетъ производить археологическія изслѣдованія въ Нижегородской губерніи и отчасти уже началъ ихъ. Не признаетъ ли Археологическій Съѣздъ полезнымъ просить г. Даля, чтобы онъ при своихъ археологическихъ изысканіяхъ въ Нижегородской губерніи нанесъ на карту курганы или мары не только на пути царя Ивана Васильевича, но и по другимъ мѣстамъ, произвелъ по возможности раскопку нѣкоторыхъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ и опредѣлить: которые изъ нихъ сторожевыя и которые составляютъ намогильныя насыпи?

СТОРОЖЕВЫЕ КУРГАНЫ АТКАРСКАГО УѢЗДА

САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

А. Минхъ.

Нынѣшній Саратовскій край, кромѣ береговъ Волги, имѣлъ въ прежнее время мало значенія какъ въ географическомъ, такъ и историческомъ отношеніи: огромное, степное пространство между рѣками Дономъ и Волгою, безлѣсное и маловодное, не могло остановить и сдѣлать осѣдлыми народы, проходившіе эти мѣста. Здѣсь, въ тѣ отдаленныя времена, не могло образоваться гражданскаго общества, такъ какъ пустыя степи представляли слишкомъ мало привлекательнаго и выгоднаго для устройства осѣдлости; за то номады разбросали по этой мѣстности свои земляные памятники—курганы или *мары*, какъ ихъ мѣстами называютъ. Когда и какіе кочевники дѣлали эти насыпи,—наглядно рѣшить невозможно.

Сюда изстари доходили кочевья Буртасовъ, населявшихъ Саратовскія степи въ IX и началъ X вѣковъ. Надо полагать, что въ этихъ краяхъ, при движеніи съ востока на западъ, перекочевывали дикія орды, такъ что Саратовская губернія вѣроятно видѣла проходящихъ Скифовъ, Сарматъ, Аланъ, Гунновъ, Угровъ и другія племена совершившія великій переворотъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ переселенія народовъ.

Наши лѣтописцы и историки едва касаются этого края; указанія пространствъ, занимаемыхъ древними народами, не могли быть опредѣлены.

Карамзинъ упоминаетъ, что въ X вѣкѣ между Дономъ и Волгою жили Узы (Торки) и Печенѣги, единоплеменные Туркоманамъ; Узы вытѣснили Печенѣговъ изъ Саратовскихъ степей, и послѣдніе направились къ западу (Карамз. т. I); народы эти не занимались земледѣліемъ; кочуя въ шатрахъ и вежахъ, сохранившихся въ образѣ калмыцкихъ кибитокъ, и донынѣ существующихъ въ Царицынскомъ уѣздѣ, они промыслили и кормились скотоводствомъ и грабежемъ сосѣднихъ племенъ. Въ XI вѣкѣ являются изъ азіатскихъ степей страшные Половцы (*polow*, ловъ) или Команы (Капчаты), единоплеменные Печенѣгамъ и вѣроятно нынѣшнимъ Киргизамъ, тѣснятъ Узовъ, которые уходятъ къ Дунаю. Въ 1224 г. Россія въ первый разъ услышала о Татарахъ; въ 1237 г. послѣдовали: вторженіе Батыя изъ окрестностей Волги, гдѣ

онъ зимовалъ, въ южные предѣлы Рязанской области, къ рѣкѣ Воронежу, сожженіе Кіева, разореніе и покореніе Руси. Татары заняли южную Русь.

Въ 1246 г. монахъ Планъ-Карпинъ, посланный папою къ Батыю, совершаетъ путешествіе по Россіи и говоритъ, что Татары сидѣли отъ Кіева по Днѣпру, Дону, Волгѣ и Яику (Уралу); на Волгѣ начальствовалъ самъ Батый. Карпинъ проѣхалъ всю землю Половецкую—обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки: Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ, и гдѣ лѣтомъ кочуютъ Татары, переходя зимой къ Черному морю. По Карпину нынѣшняя Саратовская губернія (*) находилась въ предѣлахъ Половецкой земли. Половцы, говоритъ Карпинъ, не знаютъ хлѣбопашества, а кормятся однимъ скотоводствомъ (Карамз. т. IV). Надо полагать, что и *Батыева дорога*, извѣстная въ Тамбовской, Тульской и частью Рязанской губерніи, захватывала и Саратовскую губ. (Аткарскій и Балашевскій уѣзды): этимъ именемъ называется путь, по которому Батый совершалъ свои набѣги на Русь. Татарскія названія до сихъ поръ сохранились въ губерніи и преимущественно въ Аткарскомъ уѣздѣ: Саратау, Аткарскъ, Еткара, Баланда, Аркадакъ и множество другихъ именъ рѣкъ, городовъ и селеній свѣжо напоминаютъ татарское владычество.

Мѣстность Аткарскаго уѣзда безлѣсна, кромѣ Медвѣдицы и другихъ рѣкъ, по которымъ есть еще чернолѣсье или замѣтны поросли большихъ лѣсовъ. Сѣверная часть уѣзда, почти до рѣчки Баланды, рѣзко отличается отъ южной, хотя обѣ имѣютъ степной характеръ: первая волниста, изрыта оврагами и представляетъ мѣстами плоскія возвышенности, съ которыхъ открываются довольно значительныя пространства; южная часть—равнина, сглаживающаяся совершенно къ югу въ Задонскую степь.

Аткарскія степи недавно еще изобиловали сурками, но въ послѣдніе годы плугъ почти повсемѣстно изгналъ этого степняка. Сурокъ съ самой глубокой древности оставилъ здѣсь тоже свои памятники—сурчины,—это иногда довольно-большіе бугры или курганчики, разбросанные частой сѣтью по полямъ; приглядѣвшись къ сурчинамъ, ихъ легко отличить отъ работы кочевниковъ: первыя всегда меньше, имѣютъ небольшую впадину, гдѣ была нора, и не отличаются выборомъ мѣста.

Стоитъ выѣхать у насъ на плоскую возвышенность, откуда далеко видѣнъ горизонтъ,—непремѣнно усмотримъ подлѣ себя довольно высокій курганъ; съ него легко можно различить вдали на горизонтѣ, по разнымъ направленіямъ, еще нѣсколько такихъ-же. Прослѣдивъ два-три кургана, отдѣленныхъ большимъ пространствомъ, убѣдишься: 1) что курганы эти насыпаны на вышихъ точкахъ, 2) что они сѣтью наложены по уѣзду, убѣгая въ южныя равнины, и 3) что они имѣютъ общую связь, такъ что, употребляя извѣстные знаки на шестахъ и разставля караульныхъ по этимъ курганамъ, можно очень скоро передавать условные сигналы на далекое разстояніе. Съ этихъ кургановъ кочевникамъ легко было слѣдить за разбредшими по степямъ стадами. Народныя преданія говорятъ, что разбойничьи шайки прошлаго столѣтія пользовались ими, выставя на нихъ шесты и давая знать другъ другу о предстоящей опасности или слѣдованіи обоза, зажигая навѣшенные на шестахъ смоленые холсты.

(*) Кромѣ лѣсныхъ уѣздовъ: Сердобскаго, Кузнецкаго, Хвалынскаго и Волгскаго, гдѣ жили Мордва, Черемисы и Булгары.

Курганы эти насыпаны номадами и служили сторожевыми; въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, но рождается вопросъ еще неразрѣшенный: трудились ли надъ ними Буртасы или Половцы, а можетъ быть и Татары? Около г. Аткарска два такихъ кургана: одинъ въ верстѣ сѣвернѣе города, другой по почтовому саратовскому тракту около 10-й версты; съ обоихъ видны на западъ и югъ нѣсколько другихъ, расположенныхъ на дальнихъ возвышенностяхъ.

Есть въ уѣздѣ и курганы-могилы; они попадаются на болѣе закрытой мѣстности, иногда группами. Но раскопки здѣсь чрезвычайно рѣдки и остаются неизвѣстными для науки. Я слышалъ только о двухъ раскопкахъ въ 1840-хъ и 50-хъ годахъ: въ курганѣ около села Широкаго Уступа, графа Шувалова, найдено древнее вооруженiе и около Кайсаровскаго лѣса—могильные кирпичные своды, а въ нихъ кости и остатки глиняной посуды. Чтò стало съ первой находкой,—неизвѣстно; вторая опять зарыта помѣщикомъ А. М. Кайсаровымъ, искавшимъ не древности, а клада.

СВѢДѢНІЯ О ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ,

НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЗЕМЛѢ ВОЙСКА ДОНСКАГО,

извлеченныя изъ разновременныхъ описаній и частныхъ записокъ и собранныя лично Дѣйствительнымъ Членомъ Донскаго Войскаго Статистическаго Комитета

Х. И. Поповымъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Древніе памятники, находящіеся въ Землѣ Войска Донскаго, давно уже обращаютъ на себя вниманіе просвѣщенныхъ лицъ. Такъ съ 1820-хъ годовъ являются извѣстія о памятникахъ въ запискахъ и официальныхъ извѣстіяхъ достойно-уважаемаго соотечественника нашего В. Д. Сухорукова; къ тому же времени относится подробное описаніе Цымлянскаго городища. Однѣ изъ этихъ свѣдѣній хотя мало, но извѣстны въ печати, другія—неизвѣстны вовсе. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ записки полковника Мартынова (писанныя, кажется, для кого-то изъ членовъ Одесскаго Общества исторіи и древностей въ 1860-хъ годахъ). Въ печати подобныя свѣдѣнія появлялись время отъ времени въ Донскихъ Войсков. Вѣдомостяхъ; но достигали ли онѣ того, чтобы быть замѣченными хоть однимъ изъ отечественныхъ археологическихъ обществъ,—неизвѣстно.

Правильнымъ научнымъ изслѣдованіемъ у насъ на Донѣ подвергались весьма немногія мѣстности, какъ напр. городище Недвиговское (о результатѣ которыхъ у насъ многіе, къ сожалѣнію, ничего не знаютъ). Лишь въ послѣднее время замѣчательная археологическая находка въ Ново-Черкасскѣ (въ 1864 г.) обратила болѣе серьезное вниманіе археологическихъ обществъ на Донской край; а между тѣмъ сколько безслѣдно пропало находокъ, попадавшихъ въ руки кладонскателей, сколько сглаживается рукою времени памятниковъ минувшей древности?

Желая по возможности содѣйствовать приведенію въ извѣстность этихъ памятниковъ, я нѣсколько уже времени занимаюсь собираніемъ о нихъ свѣдѣній, и въ настоящемъ сборникѣ, первомъ опытѣ, мною лично составленномъ, помѣщены и всѣ тѣ свѣдѣнія, какія напечатаны доселѣ въ Донскихъ Вѣдомостяхъ, а также и тѣ, какими имѣлъ я возможность пользоваться по званію члена статистическаго комитета. Трудъ этотъ, конечно, не имѣетъ полноты, необходимой для науки, но, кажется, не будетъ бесполезенъ, потому что послужитъ указаніемъ для дальнѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдованій.

I.

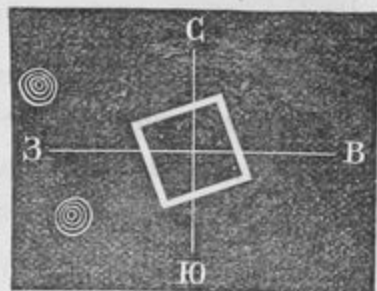
Городища, пустоши, остатки укрѣпленій и пещеры.

По теченію р. Дона.

I. Въ юрту стан. Мигулинской, Усть-Медвѣдицкаго округа, на правой сторонѣ р. Дона, а съ лѣвой стороны рч. Тихой, близъ хутора Батальщикова, въ разстояніи отъ Дона, по прямому направленію къ юго-западу, около 7, а отъ стан. Мигулин-

ской—14 верстѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго открывается красивый видъ въ разныя стороны, находятся признаки небольшого укрѣпленія, съ внѣшнихъ сторонъ обведеннаго канавами, а внутри площади—валами: канавы обозначаются незначительными ложбинами, но валы сохранились еще довольно замѣтно,—они имѣютъ видъ квадрата въ 24 сажени съ каждой стороны; на юго-восточномъ углу вала—небольшая куча дикихъ каменьевъ, выросшая уже въ землю: вѣроятно, признакъ какой-нибудь принадлежности укрѣпленія. Укрѣпленіе никакого названія не носитъ и никакихъ преданій о немъ не сохранилось.

Близъ укрѣпленія, на западной сторонѣ, почти параллельно валу, находятся два кургана—одинъ въ 11 саж. отъ юго-западнаго угла укрѣпленія, а другой въ 16 саж. отъ первого, по направленію нѣсколько къ сѣверо-западу; оба кургана круглой формы, имѣющіе въ окружности каждый болѣе 30 саж. На вершинѣ кургановъ находятся небольшія впадины и мелкіе каменья; а также замѣтны впадины и на бокахъ, съ сѣверной или нѣсколько съ сѣверо-восточной стороны. Они называются «*Большіе курганы*» ⁽¹⁾ и другаго имени не имѣютъ. Валы и курганы расположены въ слѣдующемъ видѣ:

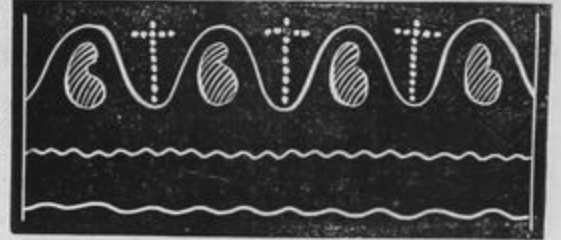
Къ западу отъ укрѣпленія находится боеракъ Бурлацкій, по рассказамъ старожиловъ бывшій прежде по всему протяженію его, съ лѣсомъ (остатки котораго есть еще и теперь въ вершинахъ его), и особенно изобиловавшій въ нижней части дикими яблонями и тернами. Съ лѣвой стороны этого боерака, въ разстояніи около 360 саж. отъ укрѣпленія, нѣсколько къ сѣверо-западу, въ образовавшейся между двумя отножинами стрѣлкѣ, постепенно обмываемой отоками весенней воды, найдены въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1864 г. казачьею женою М. Романниковою древнія вещи. Женщина эта, переходя чрезъ отножину, мимо упомянутой стрѣлки, нечаянно наступила на поавшійся ей подъ ноги, вѣроятно вымытый водою изъ обвалившейся земли, какой-то сосудъ, и такъ какъ сосудъ этотъ рассыпался подъ ногами, то женщина обратила на него вниманіе и, собравъ частицы его, начала присматриваться къ окружающему ее мѣсту; здѣсь въ обвалившейся стѣнѣ стрѣлки или угла (мѣловой формациі) она увидѣла блестящую золотую вещь, которую и выкопала: это былъ браслетъ. Дорогая находка подстрекнула ее къ дальнѣйшему отыскиванію, и она выкопала въ томъ же мѣстѣ еще двѣ золотыя вещи—вѣнокъ и кубокъ. Вещи эти были слѣдующія:

1) Браслетъ кованный, изъ листоватаго золота высокаго достоинства, украшенный мелкими камнями и на срединѣ однимъ большимъ, четырехъ-угольной продолговатой формы, сѣроватаго цвѣта, въ родѣ сердолика ⁽²⁾.

(1) Далѣе отъ укрѣпленія къ сѣверу и востоку, въ разныхъ направленіяхъ, находится еще много кургановъ, въ одномъ изъ которыхъ въ 1865 г. караульщикомъ бакшей, при рытѣхъ близъ своего шалаша ими, вырытъ человѣческій скелетъ и кости лошади. А нѣсколько лѣтъ назадъ, въ самомъ хуторѣ Баталицыиновомъ былъ также случайно (при рытѣхъ погребовъ) вырытъ цѣлый человѣческій скелетъ и при немъ особаго черепъ другой человѣческой головы, съ признаками волосъ, и кромѣ того, кости лошади и кинжалъ съ оправленною мѣдью ручкою, нѣсколько похожій на теперешніе кавказскіе кинжалы.

(2) Года за два до этого, здѣсь же случайно найденъ былъ еще одинъ такой-же браслетъ, проданный нашимъ одному торговцу.

2) Вѣнокъ, составлявшій вѣроятно головной уборъ женщины (другіе полагаютъ, что это былъ поясъ) изъ золота, тоже высокаго достоинства, шириною около вершка (на передней части болѣе расширенный), смыкавшійся шарнирами; онъ испещренъ мелкою рѣзбою; верхній край его вырѣзанъ мелкими, а нижній крупными полукруглыми зубцами; на каждомъ изъ нижнихъ зубцовъ помѣщены изображенія купидоновъ; а между зубцами привѣшены короткія золотыя цѣпочки, съ маленькими на концахъ сережками изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ камней, съ однимъ на каждомъ небольшимъ же брилліантомъ, или, по увѣренію другихъ очевидцевъ, жемчугомъ. Видъ вѣнка приблизительно слѣдующій:

Всѣу въ браслетѣ и вѣнкѣ вмѣстѣ 116 золотниковъ.

3) Кубокъ полуовальной формы, сверху суживающійся, съ отогнутыми нѣскольکو краями при отверстіи, вышиною до 3-хъ вершковъ, съ ручкою, на верху которой изображена голова животнаго въ видѣ собачки, а кругомъ горлышка вырѣзана надпись:

«НѢАНОКОУТА РОУМ СЕ ПО ІЕЖ»

Золото въ кубкѣ по виду нѣсколько низшаго достоинства противъ браслета и вѣнка. Всѣхъ кубка 84 золотника.

4) Обломки раздавленной посуды, изъ коихъ уцѣлѣли дно и ручка, доказывающія что это былъ кувшинъ, оказались серебряные, но покрытые отъ долгаго нахожденія въ землѣ чернью и сдѣлавшіеся весьма хрупкими. Всѣу въ нихъ 60 золотн.

Всѣ эти вещи изъ любознательности описаны были съ вышеизложенною подробностію однимъ изъ очевидцевъ; но вскорѣ затѣмъ куплены у казачки Романниковой купцомъ В. Татариновымъ (проживающимъ въ Мигулинской ст.) за 400 руб. сер., а имъ проданы другому торговцу будто-бы за 450 руб. и наконецъ послѣднимъ перепроданы въ Криворожской ярмаркѣ, по его словамъ, за 514 руб. 55 коп.,—что весьма можетъ быть сомнительно, если каменья, украшавшіе вещи, принадлежали къ драгоценнымъ.

Относительно самой мѣстности, гдѣ найдены вещи, никакихъ преданій не сохранилось, и никто не помнитъ, чтобы тамъ были какіе-нибудь особенные признаки, какъ наприм. курганы и т. п. Прежде находки, жители нерѣдко здѣсь брали для домашнихъ потребностей дикій камень и, отрывая его, на небольшой впрочемъ глубинѣ, способствовали этимъ, такъ сказать ненамѣренно, къ скорѣйшему открытію вещей; но когда открылась находка, нѣкоторые дѣлали попытку къ отыскиванію тамъ клада, однако никому ничего болѣе не удалось найти. Не найдено даже и скелета: быть можетъ, онъ вымытъ былъ прежде и утратился незамѣтно; или вещи схоронены были здѣсь не съ умершимъ, а по какому-нибудь другому случаю.

Объ укрѣпленіи и находкахъ этихъ напечатано было мною въ № 44 Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей (ч. неофиц.) за 1864 г., но въ напечатанной статьѣ вкратчѣ значительныя невѣрности относительно величины укрѣпленія, описаннаго тогда, на основаніи рассказовъ и проч., а также съ нѣкоторыми невѣрностями перепечатана и подпись, снятая съ кубка. Въ прошломъ 1865 г. я лично осматривалъ укрѣпленіе и настоящее описаніе исправилъ, согласно съ этимъ осмотромъ.

II. Въ юрту стан. Цымлянской втораго Донскаго округа, на лѣвой сторонѣ р. Дона, въ 3 верст. 60 саж. отъ него, въ 4 вер. 200 саж. отъ стан. Цымлянской⁽³⁾ и саж. въ 220 отъ хут. Попова, находится замѣчательное *городище*. Оно расположено на возвышенномъ мѣстѣ, какъ бы на углу прежняго русла Дона (которое теперь въ этомъ мѣстѣ называется Старый Донъ), надъ самымъ спускомъ къ рѣкѣ, и имѣетъ видъ не совсѣмъ правильнаго большаго четырехъ-угольника, приближающагося къ формѣ квадрата. Въ каждой сторонѣ этого четырехъ-угольника около 120 саж. ⁽⁴⁾. Съ южной и юго-западной сторонъ городище ограждено рвомъ, имѣвшимъ (въ 1820-хъ годахъ) отъ 14 до 20 саж. ширины и 1 арш. 3 четв. и болѣе глубины; за нимъ, къ сторонѣ городища, насыпь въ видѣ вала, который, начинаясь съ южной стороны довольно возвышеннымъ и продолжаясь во всю длину рва, постепенно понижается, а съ внѣшней стороны, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рва, находятся курганы, въ иныхъ мѣстахъ соединяющіеся между собою ⁽⁵⁾. Самое укрѣпленіе имѣло кругомъ (съ 4-хъ сторонъ) кирпичныя стѣны, шириною, какъ рассказываютъ старожилы, въ 13 и 14 кирпичей или въ $9\frac{1}{2}$ футовъ; высота стѣнъ, отрываемыхъ въ землѣ, доходила отъ 2 до 3 футовъ. Здѣсь съ 1780 года цымлянскіе жители брали кирпичи, вырывая ихъ изъ земли, изъ коихъ самыя большіе имѣли въ длину $11\frac{1}{2}$, въ ширину 11 дюймовъ, меньшіе въ длину $9\frac{1}{2}$, въ ширину $8\frac{1}{2}$, толщина тѣхъ и другихъ $1\frac{1}{2}$ дюйма; на нѣкоторыхъ были разныя изображенія. Укрѣпленіе, кромѣ окружавшихъ его стѣнъ, пересѣкалось внутри еще одною стѣною ⁽⁶⁾. Въ срединѣ укрѣпленія была довольно неровная и изрытая насыпь, состоявшая въ сѣверо-западной части изъ чернозема, красной глины, мелкихъ кусковъ кирпича, иногда съ зеленою поливою черепковъ глиняной посуды, известъ, костей рыбныхъ и домашнихъ животныхъ, рыбей чешуи, золы, древесныхъ угольевъ и нерѣдко песку; здѣсь же попадались кусочки желѣза, изъѣденнаго ржавчиною, и мѣди, покрывшейся зеленью; высота этой части самая большая 12, а меньшая 8 футовъ. Въ юго-восточной части насыпь состояла болѣе изъ чернозема и красной глины, между коими въ большемъ или меньшемъ количествѣ находились куски кирпича, нерѣдко черепки глиняной посуды, известъ, кости домашнихъ животныхъ; попадались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зубы дикихъ свиней и кости человѣческія; высота ея большая 8, а меньшая 6 футовъ. На сѣверо-западной сторонѣ укрѣпленія, гдѣ была стѣна, найдено значительное количество разной ве-

(3) Описаніе городища, составленное офиціальнымъ лицомъ въ 1820-хъ годахъ (по всей вѣроятности, оно принадлежитъ г. Кушнareву, составлявшему таковое, какъ видно изъ одной его рукописи, въ 1824 г.), напечатано въ неофиц. ч. Донск. Вѣдом. 1865 г. № 6, стр. 47.

(4) Описаніе Чаусова напечат. въ Дон. Вѣд. 1861 г. № 17, стр. 90 и 91. Быть можетъ, г. Чаусовъ опредѣлилъ эту мѣру не всей мѣстности, обозначающей городище, но лишь признакамъ главнаго укрѣпленія, имѣвшаго кирпичныя стѣны, какъ это будетъ говоритья дальше. Изъ другихъ источниковъ, имѣющихся у меня подъ рукою, не видно вовсе—какое пространство занимаютъ все городище и укрѣпленіе особо.

(5) Донск. Вѣд. 1865 г. № 6. По словамъ же г. Чаусова, вся площадь городища окружена валами, по внѣшней сторонѣ которыхъ съ востока, юга и сѣвера тянутся рвы, между тѣмъ какъ южный склонъ вала переходитъ въ спускающуюся къ рѣкѣ покатость берега . . . На сѣверномъ, тянущемся вдоль рѣки, валѣ городища, почти въ самой его срединѣ было видно углубленіе. . . . Надо предполагать, что здѣсь были ворота (Донск. Вѣд. 1861 г. № 17). Но, можетъ быть, и здѣсь г. Чаусовъ считаетъ рвами канавы, оставшіяся послѣ выборки изъ земли кирпичнаго фундамента бывшихъ стѣнъ главнаго укрѣпленія, около которыхъ отъ расканываемой земли, вѣроятно, могли образоваться и признаки валовъ.

(6) Донск. Вѣд. 1865 г. № 6 и записка В. Д. Сухорукова 1820-хъ годовъ, напечатанная въ Донск. Вѣд. 1863 г. № 34, стр. 197 и 198.

личины бѣлыхъ камней «глинистаго свойства». Кромѣ того, по разсказамъ старожиловъ Цымлянск. ст., случалось нерѣдко вырывать въ этомъ мѣстѣ пирамидально сложенные на извести кирпичи, до 4 фут. въ основаніи и до 5 фут. и болѣе высоты, оканчивавшіеся вверху однимъ кирпичемъ, или же кирпичи, лежавшіе горизонтально на глубинѣ 5 фут., по большей части съ печками, близъ коихъ всегда находили золу и уголья. Назадъ тому лѣтъ за 80 слишкомъ, одинъ казакъ случайно нашелъ въ извести, приставшей къ обломку кирпича, золотую монету немного больше и толще *голландскаго червонца* (нашедшій не запомнилъ, было ли на этой монетѣ какое изображеніе или надпись), которая послѣ отдана постороннимъ рабочимъ за 3 руб. и такимъ образомъ утратилась. Здѣсь также найдены были три мраморные столба, сверху отбитые, изъ коихъ два, длиною отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ, были бѣлые съ синими жилами, а третій, не болѣе 2 фут., совершенно бѣлый. Всѣ три столба тогда же взяты были войсковымъ атаманомъ Орловымъ (1797—1801 г.) ⁽⁷⁾. Въ 1820-мъ году на поверхности городища найденъ маленькій янтарный крестикъ ⁽⁸⁾, а въ 1822 г. цымлянск. жителями вырытъ глиняный сосудъ; послѣ того найдены были еще два небольшихъ кувшина, изъ коихъ одинъ наполненъ былъ овечьими костями, такъ называемыми на Дону *айданчиками* (бабки), а другой—ладыжками (шашки) ⁽⁹⁾.

По увѣренію г. Чаусова (Донск. Вѣд. 1861 г. № 17), на мѣстѣ городища находятъ даже монеты золотыя и серебряныя; онъ самъ видѣлъ у одного изъ жителей Цымлянск. ст. (Ф. А. П.) нѣсколько такихъ монетъ, изъ коихъ нѣкоторыя, сколько онъ можетъ судить, были древняго Босфорскаго царства, на другихъ же замѣтны были надписи татарскія; а одинъ казакъ нашелъ два большихъ золотыхъ кольца и еще какія-то вещи, которыхъ однакоже г. Чаусову видѣть не пришлось.

Наконецъ, въ запискахъ полковника А. Мартынова (рукопись) говорится, что, сколько онъ можетъ припомнить, въ домѣ дѣда его находилась часть гранитной колонны, найденная на Цымлянскомъ городищѣ; объ этомъ упоминается и въ статьѣ г. Чаусова, съ добавленіемъ, что колонна была съ *пенузскою надписью*, но въ рукописи г. Мартынова этого нѣтъ.

III. Въ юрту той же (Цымлянск.) станицы, на правой сторонѣ Дона, въ 8 верстахъ отъ перваго городища, противу него, на неприступной высокой горѣ находились (въ 1820-хъ годахъ) остатки какого-то зданія, *похожаго на замокъ*, который построенъ былъ изъ бѣлаго (глинистаго свойства) камня; кромѣ остатковъ камней, находили здѣсь и черепки глиняной посуды. Изъ разсказовъ же старожиловъ извѣстно, что стѣны здѣшняго укрѣпленія имѣли высоту до 5 фут. и что, по распоряженію войсковаго правительства (около 1744 г.), камни изъ этихъ стѣнъ перевезены были въ Старый Черкасскъ для построенія городовыхъ *раскатовъ* (бастіоновъ). Съ горы, гдѣ было зданіе, открывается видъ во всѣ стороны на большое разстояніе ⁽¹⁰⁾. Сохранились ли донынѣ остатки этого зданія—неизвѣстно.

(7) Донск. Вѣд. 1865 г. № 6. и 1863 г. № 34. Англійскій же путешественникъ Кларкъ (*Voyages en Russie, en Tartarie etc. trad. franc. p. 272*) говоритъ, что на этомъ городищѣ были найдены два мраморные столба, которые онъ видѣлъ въ Черкасскѣ въ домѣ генерала Орлова. Чаусовъ—Донск. Вѣд. 1861 г., № 17.

(8) Крестикъ этотъ былъ у г. Сухорукова. Донск. Вѣд. 1865 г. № 6 и 1863 г. № 34.

(9) Донск. Вѣд. 1865 г. № 6.

(10) Донск. Вѣдом., ч. неофиц., 1866 г. № 34, стр. 198 и 1865 г. № 6, стр. 39.

IV. Около станицы Манычской (Черкаскаго округа), съ лѣвой стороны Дона, въ параллель съ нимъ, видна *земляная насыть*, по неровностямъ которой и ямамъ можно заключать, что здѣсь было какое-нибудь древнее жилище ⁽¹¹⁾.

V. Близъ Аксайской станицы, съ правой стороны Дона, на крутомъ берегу, при устьѣ балки Кобяковки видно *укрѣпленіе*, бывшее по преданіямъ будто бы жилищемъ какого-то князя Кобяка ⁽¹²⁾.

VI. На той же сторонѣ Дона, близъ Гниловской станицы, «ясно видна мѣстность *древняю жилища*, съ валомъ и рвомъ» ⁽¹³⁾.

VII. На лѣвой сторонѣ Дона, между Елисаветскою станицею и селен. Колузаевскимъ гдѣ хут. казака Чернова, подъ пластомъ наноснаго песку въ 2 арш. толщины, находили много различныхъ *монетъ*, глиняную посуду, тесаный камень и кирпичи древней формы ⁽¹⁴⁾.

VIII. Между тѣми же Елисаветовскою станицею и селеніемъ Колузаевскимъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Казачьяго ерика, противъ хут. казака Чернова, находится возвышеніе, никогда не заливаемое водою, на которомъ примѣтно древнее поселеніе—признаки *рва и насыпи* вокругъ всего городища и вездѣ разбросанные камни и черепки глиняной посуды ⁽¹⁵⁾.

IX. Между Азовомъ и Недвиговкою, при гирлѣ р. Дона, называемомъ Лагутникъ, въ прежнее время былъ большой островъ, постепенно уничтожаемый водою. На этомъ островѣ, по преданію старожиловъ, были будто бы *каменные строенія*, забранныя въ послѣдствіи на постройки въ Азовъ ⁽¹⁶⁾.

X. На лѣвой сторонѣ одного изъ гирлъ Дона, называемаго Мертвымъ Донцомъ, на разстояніи 6 верстъ отъ залива Азовскаго моря, находится *городище Недвиговское*. Оно окружено землянымъ валомъ и обведено глубокимъ рвомъ, со многими другими, примѣтными на большое пространство, параллельными и косвенными малыми рвами, возвышенностями и рытвинами. Близъ этого городища съ 1769 года поселено было сел. Недвиговка гг. Мартыновыхъ (нынѣ здѣсь хуторъ Недвиговскій Гниловской станицы). На этомъ городищѣ и въ окрестностяхъ его находили много монетъ; на одной изъ нихъ (золотой), величиною въ полтинникъ и толщиною въ рубль, находившейся у гг. Мартыновыхъ, была надпись на арабскомъ языкѣ и (по объясненію муллы Татарской станицы) заключала слова: «Ба-Ханъ, т. е. Великій Ханъ», а на другой сторонѣ: «престолъ города Азахъ» (монета эта утрачена). У полковника А. Мартынова было значительное собраніе отысканныхъ въ Недвиговкѣ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ были мужскія и женскія изображенія (грудныя), первыя съ воинскими доспѣхами; на иныхъ «изображено по двѣ фигуры, съ надписями вокругъ греческими буквами, на нѣкоторыхъ арабскіе всадники, звѣри, жертвенники и трезубцы»; многія надписи заключали въ себѣ слова: «Василіосъ Савраматосъ»; другія монеты—«съ куфическими, монгольскими и арабскими надписями» или даже съ непонятными письменами; между ними попадались также монеты «съ изображеніями римскихъ императоровъ, воинскихъ оружій, триумфовъ, триумфальныхъ колесницъ,

(11 и 12) Записки г. Мартынова (рукопись).

(13 и 14) Тамъ же.

(15) Замѣтки подъ записками полковн. Мартынова—г. Кушварева.

(16) Записки г. Мартынова.

римскихъ орловъ и лицъ съ лавровыми вѣнками, безъ надписей»; изъ числа серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ нѣкоторыя имѣли неправильную округлость и даже овальность, другія же были чрезвычайно толсты (17).

Въ Іюнѣ 1841 г. найденъ здѣсь, въ небольшомъ углубленіи земли, при человѣческомъ скелетѣ, серебряный крестъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ какого-то знака и съ весьма отчетливою на обѣихъ сторонахъ надписью славянскими буквами полной молитвы: «да воскреснетъ Богъ»; серебро высокаго достоинства (крестъ этотъ хранился у г. Мартынова); а близъ городища найдена была однимъ крестьяниномъ въ землѣ печка, выложенная кирпичемъ, и въ ней мѣдный казанокъ съ простою на немъ рѣзбою.

Кромѣ того, на городищѣ находились надгробные и другаго назначенія камни съ надписями, заключающими въ текстѣ латинскія и греческія буквы; на нѣкоторыхъ были слова: Архонтось, Василиось, Тана, Танаиса, Босфоръ, Меотись и проч.; на одномъ камнѣ, длиною и шириною $1\frac{1}{2}$ арш., высѣченъ былъ всадникъ въ воинскомъ костюмѣ и мантии, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ небольшою шикой въ рукахъ какъ бы съ флюгеромъ. Въ 1842 г. переписка объ этихъ камняхъ, со снимками съ нихъ, передана была г. Мартыновымъ, чрезъ полковника Реми, въ С.-Петербургское Археологическое Общество. Въ послѣднее время у г. Мартынова было два камня съ эллинскими надписями и одинъ съ выпуклымъ изображеніемъ въ родѣ герба.

На городищѣ найдены были еще двѣ амфоры темнаго цвѣта (въ запискахъ г. Мартынова говорится, что онѣ находятся въ саду города Новочеркаска).

При жизни дѣда и отца г. Мартынова, на Недвиговскомъ городищѣ, въ маломъ возвышеніи, неподалеку отъ рва и вала, открыто было какое-то помѣщеніе въ родѣ жилья, сложенное изъ камня, съ аркою у дверей; въ этомъ помѣщеніи найдены двѣ яйцеобразныя глиняныя (красныя) съ ручками амфоры, наполненныя чешуею карповъ (на Дону называемыхъ сазанами); чешуя эта чрезвычайно велика, какой, во время открытія амфоръ, на рыбѣ этого рода уже не замѣчалось; почти вся эта чешуя была съ дырочками (возлѣ корня), въ которыя можно продѣть нитку или дротъ. По предположенію гг. Мартыновыхъ, изъ чешуи этой приготовлялись латы, въ подтвержденіе чего ими произведенъ былъ опытъ, при чемъ кусокъ сукна, унизанный чешуею, оказался «почти недоступнымъ холодному оружію» (18).

По теченію р. Донца.

ХІ. Въ юрту Каменской стан., въ 3-хъ верст. отъ нея, на правой сторонѣ р. Донца, при балкѣ Рыгиной, видны слѣды бывшаго вала и рва со всѣми ихъ поворотами; валъ имѣетъ въ окружности $2\frac{1}{2}$ версты и простирается по лѣвой сторонѣ б. Рыгиной, начинаясь отъ устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Донецъ,—на $1\frac{1}{2}$ версты; онъ обоими краями примыкаетъ къ балкѣ, которая въ прежнее время всегда была наполнена водою и очень глубока, такъ что еще лѣтъ за 30 до 1821 г. не было на ней нигдѣ брода;

(17) Въ 1824 году Недвиговское городище описывалъ г. Кушнаревъ и собралъ здѣсь 23 монеты; описаніе и монеты представлены были имъ къ войсковому атаману Иловайскому; но куда онѣ дѣвались—неизвѣстно (изъ собственноручн. замѣтки Кушнарева подъ записками г. Мартынова).

(18) Записки полковн. Мартынова.

а въ 1821 г. оставался отъ нея только небольшой ручеекъ. Входъ въ укрѣпленіе съ западной стороны. Съ южной стороны примыкаетъ къ главному валу еще небольшая крѣпость, оканчивающаяся почти неприступною скалою. Вся площадь внутри главнаго укрѣпленія представляетъ слѣды жилищъ—различной величины бугры и ямы съ рыхлою землею, разбросанные въ нѣкоторомъ порядкѣ; на каждомъ изъ нихъ множество черепковъ глиняной посуды: горшковъ, кувшиновъ и проч.; черепки эти необыкновенной толстоты, и, судя по частямъ ихъ, можно думать, что сосуды были весьма велики и хорошей работы. За валомъ также можно предполагать жилища.

* Недалеко отъ городища въ одно время былъ выпаханъ изъ земли *лемешъ* (принадлежность плуга), отличавшійся отъ употребляемыхъ въ настоящее время тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ до половины былъ остръ (онъ употребленъ хозяиномъ, нашедшимъ его, на подѣлки).

Около тѣхъ же мѣстъ находили *мѣдные оконечники стрѣлъ*, сдѣланные весьма красиво и искусно ⁽¹⁹⁾.

XII. Въ юрту той же станицы, съ лѣвой стороны Донца, въ разныхъ мѣстахъ около берега находятся *признаки прежнихъ жилищъ*, но незначительные по пространству и безъ укрѣпленій; они обозначаются разсыянными на мѣстѣ ихъ черепками, такими же точно, какъ на городищѣ близъ балки Рыгиной; а также находили и здѣсь оконечники мѣдныхъ стрѣлъ. Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, въ 5-ти верстномъ разстояніи отъ Каменской станицы вверхъ по Донцу, найдено болѣе 15 человѣческихъ *скелетовъ*, лежавшихъ въ порядкѣ; всѣ они были обращены головами къ югу и у праваго плеча каждаго стоялъ горшокъ; на одной рѣчной кости былъ мѣдный кованый браслетъ.

Подобные небольшіе слѣды жилищъ находятся и въ другихъ мѣстахъ по Донцу ⁽²⁰⁾.

XIII. Близъ станицы Усть-Бѣлокалитвенской, съ лѣвой стороны Донца, есть довольно высокія горы, называющіяся Авиловы; въ нихъ существуютъ *пещеры* или углубленія—признаки жилищъ, а въ окрестностяхъ ихъ—различныя монеты, глиняные черепки и другія вещи. Въ одной изъ пещеръ задавленъ большимъ обвалившимся камнемъ какой-то необыкновенный звѣрь, кожа котораго чрезвычайно толста, и эту кожу еще недавно многіе отрѣзывали изъ любопытства. Есть-ли что-нибудь подобное теперь—неизвѣстно ⁽²¹⁾.

По теченію р. Міуса.

XIV. На лѣвой сторонѣ Міуса, при слоб. Мартыновкѣ (она же Голодаевка), видны признаки *древняго поселенія*; здѣсь находятъ могилы и въ нихъ, кромѣ человѣческихъ скелетовъ, разныя желѣзныя и мѣдныя вещи. Кромѣ того здѣсь, среди разбросанныхъ каменьевъ, найдены были золотой кубокъ въ родѣ стакана, серьги и еще нѣкоторыя вещи, сдѣланные изъ какой-то «мастики съ мозаикою» ⁽²²⁾.

(19) Изъ донесенія хорунжаго В. Сухорукова генералу Богдановичу отъ 8 Іюня 1821 г. № 96 и Донск. Вѣдомост., ч. неофиц., 1863 г. № 24, стр. 199.

При донесеніи г. Сухорукова представлены были два оконечника стрѣлъ и нѣсколько черепковъ, но куда они поступили—неизвѣстно.

(20) Донесеніе г. Сухорукова 8 іюня 1821 г. № 96 и Дон. Вѣд. 1863 г. № 34.

(21 и 22) Изъ записокъ полк. Мартынова.

По теченію р. Хопра.

XV. Ниже станицы Тепикинской, въ 3-хъ верстахъ, на границѣ юртовъ Тепикинского съ Луковскимъ, съ правой стороны Хопра, при устьѣ боерака Рубежнаго, находятся признаки *древняго поселенія*, обозначающіеся бугорками, заросшими ямами и черепками глиняной посуды; въ прошломъ году здѣсь случайно былъ вымытъ дождевою водою глиняный большой сосудъ красноватаго цвѣта, вышиною въ $\frac{3}{4}$ арш., съ весьма выпуклыми боками, но значительно суживающійся вверху, около краевъ испещренный простыми бороздчатыми украшеніями и чрезвычайно толстый ⁽²³⁾. Кромѣ того здѣсь находился съ незапамятнаго времени въ дикомъ состояніи (въ послѣдствіи временно бывший во владѣніи одного изъ жителей) яблоневый и терновый садъ; рассказываютъ, что на многихъ яблоняхъ плоды отличались отъ обыкновенныхъ лѣсныхъ какъ величиною, такъ и лучшимъ качествомъ; теперь садъ этотъ постепенно уничтожается и яблонь почти не осталось, а хорошихъ нѣтъ уже и вовсе ⁽²⁴⁾.

XVI. Въ юрту ст. Тишанской, на правой сторонѣ р. Хопра, въ небольшомъ отъ него разстояніи, около устья р. Тишани съ правой стороны, а также при устьѣ боерака Мечетнаго, былъ небольшой плоскій курганъ, изстари называвшійся *Мечетью*. Курганъ этотъ лѣтъ за 30 до 1821 года случайно былъ разрытъ и въ немъ найдено множество кирпича, который жители разбирали оттуда возами для домашнихъ подѣлокъ (на печи и проч.); остатки кирпичей были еще и въ 1821 году; кирпичи эти гораздо больше въ длину и ширину сравнительно съ нашими кирпичами и всѣ одной формы; известь чрезвычайно окрѣпла и трудно было опредѣлить составъ ея; старики говорятъ, что находили здѣсь даже остатки и правильныхъ стѣнъ. Полагаютъ, что здѣсь была татарская мечеть. Въ $\frac{1}{2}$ версты отъ этого мѣста въ настоящее время находится казачій хуторъ Тишанской станицы—Красный ⁽²⁵⁾.

XVII. Далѣе, вверхъ по рѣкѣ Тишанѣ, на лѣвомъ скатѣ горы, видны слѣды какихъ-то окоповъ; въ народѣ они называются *шанцами*; въ нихъ нѣтъ никакого правильнаго расположенія: ямы и насыпи разбросаны безъ всякаго порядка и самый окружный валъ, кажется, состоитъ изъ какихъ-то отдѣльныхъ частей, между которыми нельзя и предполагать соединенія ⁽²⁶⁾.

Отъ этого мѣста, верстахъ въ 9-ти выше, по той же р. Тишани, съ лѣвой стороны, у подошвы горы находится одинъ холмъ съ плоскою вершиной, поросшій лѣсомъ, имѣющій въ окружности около 200 саж.; на немъ видны ямы, съ рыхлою землею и камнями; онъ называется *городищемъ*. Противъ него, на другой сторонѣ рѣчки, находили много желѣзной изгари (шлака) ⁽²⁷⁾.

(23) По словамъ нашедшаго (казака Пастухова), сосудъ этотъ похожъ на татарскій, какіе ему приходилось видѣть на Кавказѣ, такъ называемые у татаръ «бардакъ».

(24) Изъ путевыхъ замѣтокъ Х. П.

(25) Изъ донесенія г. Сухорукова генералу Богдановичу отъ 2 мая 1862 года № 61 и изъ свѣдѣній, собранныхъ мною въ настоящемъ году.

(26) Его же № 61.

(27) Его же № 61.

XVIII. Въ юрту станицы Акишевской, на правой сторонѣ Хопра (въ разстояніи около 13 верстѣ къ западу), съ лѣвой стороны р. Акишевки, выше хутора Упоринкова, въ 1 верстѣ, видны признаки какаго-то, вѣроятно случайнаго, *укрѣпленія*, обозначающагося густыми небольшими бугорками, расположенными квадратно на пространствѣ около 47 саж.; преданій о нихъ никакихъ не существуетъ ⁽²⁸⁾.

По теченію р. Бузулука (притокъ Хопра).

XIX. Въ юрту станицы Дурновской, на лѣвомъ берегу р. Бузулука, въ разстояніи менѣе версты отъ нижняго края станицы, на ровномъ возвышенномъ мѣстѣ и на твердомъ грунтѣ находится урочище, носящее названіе *Камень*. Преданій объ этомъ урочищѣ никакихъ не сохранилось. Здѣсь видны признаки древняго жилья, заключающіеся въ черепкахъ глиняной посуды, по большей части блѣдно-краснаго цвѣта, не очень толстой и хорошей работы (толстыхъ черепковъ и грубой работы, темносѣраго цвѣта, встрѣчается мало), а также во множествѣ желѣзной или другой металлической изгари (шлака), находящейся на поверхности земли ⁽²⁹⁾. Недавно здѣсь, по пригорку возвышеннаго берега рѣки, проведена канава для огорода и почти на всемъ протяженіи этой канавы обнаружены черепки и различныя кости, а въ одномъ мѣстѣ, надъ обрывомъ берега, въ рыхлой землѣ попадаетъ, кромѣ черепковъ и костей, древесный уголь, на глубинѣ около 6 четвертей ⁽³⁰⁾; на поверхности земли найдена мною одна небольшая вещица въ родѣ глиняной, съ стеклянною поливкою синяго цвѣта, съ двумя дырочками на срединѣ, служившая вѣроятно какимъ-нибудь украшеніемъ для платья. По разсказамъ жителей, въ этой мѣстности выпахивали желѣзные ножи и другія желѣзныя же вещи; но ничего изъ такихъ вещей я отыскать не могъ.

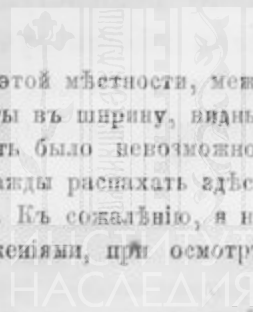
Года два назадъ здѣсь былъ устроенъ кирпичный заводъ, и при разрытіи для него одной ямы найденъ былъ человѣческой скелетъ; но никто не могъ сообщить мнѣ подробностей объ этомъ скелетѣ, потому что кирпичники были иногородцы и теперь ихъ въ Дурновской станицѣ нѣтъ; но они сами объявляли о находкѣ скелета мѣстному священнику, который посоветовалъ имъ опять зарыть кости гдѣ-нибудь въ землю, чѣмъ все и кончилось.

Противъ урочища Камень, нѣсколько на сѣверо-востокъ, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты или немного болѣе отъ берега рѣки, находится курганъ, носящій названіе *Рытый*, вѣроятно потому что онъ когда-нибудь былъ рытъ кладонскателями, какъ это и замѣтно по впадинѣ на его вершинѣ; курганъ этотъ почти круглой формы—къ сѣверу и западу съ болѣе крутыми, а къ востоку и западу—отлогими краями; высота кур-

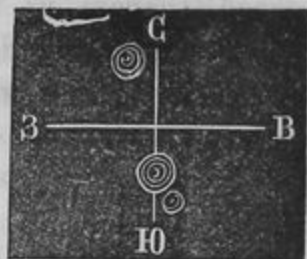
(28) Изъ путевыхъ замѣтокъ Х. П.

(29) Г. Сухоруковъ въ донесеніи своемъ г. Богдановичу 2 мая 1821 г., упоминая объ этой мѣстности, между прочимъ говоритъ, что здѣсь, на протяженіи болѣе 400 саж. въ длину и на полверсты въ ширину, видны почти заросшія ямы, чего въ настоящее время, по одному наружному осмотру, опредѣлить было невозможно; относительно изгари онъ говоритъ, что ея такъ было много, что жители, вздумавъ однажды распахать здѣсь землю, разрыли еще болѣе изгари и, попортивъ объ нее плуги, не стали распахивать. Къ сожалѣнію, я не зналъ объ этомъ донесеніи г. Сухорукова и не могъ воспользоваться нѣкоторыми соображеніями, при осмотрѣ мною мѣстности въ Іюнѣ настоящаго года.

(30) Нѣсколько черепковъ, костей и шлака собрано мною для образчика.

гана около 2-хъ саж., а въ окружности онъ имѣеть до 55 саж. Отъ него на югъ въ 30 саж. другой небольшой курганъ такой-же формы (въ три раза менѣе перваго), и на сѣверъ или нѣсколько на сѣверо-западъ около 170 сажень третій курганъ, одинаковой формы съ первымъ, вышиною около 4 арш., а въ окружности 48 саж. Послѣдніе два кургана названій никакихъ не имѣють. Всѣ три кургана расположены одинъ противъ другаго на прямой линіи такъ:

XX. Близъ Алексѣевской станицы, съ сѣвернаго ея края, на лѣвой сторонѣ р. Бузулука, на низкомъ мѣстѣ, покрытомъ сыпучими песками, видны слѣды древняго жилья, ясно обозначающагося множествомъ черепковъ глиняной посуды, костей различныхъ животныхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бугорками рыхлой земли. Черепки вообще темно-сѣраго цвѣта, довольно толстые и, по большей части, грубой работы; изъ нихъ черепки отъ краевъ посуды почти всѣ имѣють съ наружной стороны простыя бороздчатыя украшенія ⁽³¹⁾; большая часть костей мелко раздроблена отъ времени, и особенно много между ними зубовъ.

По разсказамъ жителей Алексѣевской станицы, здѣсь выдуваетъ иногда вѣтромъ изъ песку цѣлые человѣческіе скелеты, имѣющіе положеніе или отъ сѣвера къ югу, или отъ юга къ сѣверу (положительно никто изъ очевидцевъ припомнить этого не можетъ, всѣ однако-же хорошо знаютъ, что не отъ востока къ западу и не на оборотъ).

Въ прежнее время многіе находили на этомъ мѣстѣ мѣдныя четырехгранные большіе оконечники стрѣлъ (нѣкоторые съ трубочками) и другія мѣдныя и желѣзныя вещи; но, къ сожалѣнію, вещи эти по большей части утратились, и я отыскать ничего не могъ, хотя впрочемъ обѣщано мнѣ содѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ къ отысканію вещей, по свѣдѣніямъ находящихся еще въ рукахъ. Мѣстность, представляющая признаки жилья, простирается въ длину отъ востока къ западу около 270 саж., а въ ширину на западномъ краѣ 220, и на восточномъ 70 саж.; впрочемъ точное опредѣленіе этого пространства сдѣлать трудно, потому что пески, во время вѣтровъ, то засыпаютъ одну, то обнажаютъ другую часть его.

Возлѣ этой мѣстности, на западномъ ея краю, находится озеро, носящее названіе Чисанаки.

Преданій въ народѣ о признакахъ древняго жилья никакихъ не сохранилось.

По теченію р. Кумылги (притокъ Хопра).

XXI. Въ долину р. Кумылги, гдѣ нынѣ хуторъ Головскій Кумылженской станицы, находится высокій курганъ, называемый «городище»; близъ этого городища довольно много дикорастущихъ яблонь, плоды которыхъ отличаются нѣсколько отъ обыкновенныхъ яблокъ лучшимъ качествомъ и называются зимовками, т. е. позднѣе созрѣвающими; тутъ же, недалеко отъ городища, есть довольно обширное трясинное мѣсто, носящее названіе «Чичеры». Преданій о городищѣ не сохранилось ⁽³²⁾.

(31) Для сравненія съ этими черепками, я нарочито отыскивалъ черепки на мѣстѣ прежняго поселенія Алексѣевской стан., называемомъ Старый городокъ, откуда она переселена уже болѣе 100 лѣтъ; но послѣдніе совершенно отличны отъ первыхъ и даже никакого сходства съ ними не имѣють.

(32) Описаніе ст. Кумылженской. Дон. Вѣд., ч. неофц., 1865 г. № 37 и 38, стр. 271.

XXII. Около станицы Кумылженской есть значительные песчаные буруны на пространствѣ 12 верстѣ въ длину и отъ 4 до 8 верстѣ въ ширину; между этими бурунами въ разныхъ мѣстахъ находятся глубокія котловины, нѣкоторыя изъ нихъ съ водою; въ старину здѣсь былъ лѣсъ, отъ котораго существуютъ и теперь остатки мелкаго лѣса. Здѣсь, по преданію, слишкомъ за сто лѣтъ, были *притоны разбойниковъ*. Преданіе, между прочимъ, говоритъ, что отъ разбойниковъ остались въ бурунахъ значительные «заколдованные» клады денегъ и вещей ⁽³³⁾.

По теченію р. Медвѣдицы.

XXIII. На правомъ берегу р. Медвѣдицы, близъ Глазуновской станицы, находилось въ 1820 годахъ одно *подземное зданіе* (кладовая или гробница), имѣвшее, сколько изъ развалинъ заключить можно, 90 саж. въ длину и 30 саж. въ ширину; стѣны углублялись въ землю аршина на три; внутреннія стѣны состояли изъ поливныхъ разноцвѣтныхъ кафелей, съ особеннымъ искусствомъ и страннымъ вкусомъ подобранныхъ и сохранившихъ яркій цвѣтъ свой ⁽³⁴⁾. Но сохранилось ли это зданіе до сего времени—неизвѣстно.

XXIV. По всему пространству отъ р. Сала до Медвѣдицы, и особенно по рѣчкамъ: Иловль, Шеряю, Чиру, Цуцкану, Куртлаку, Царицѣ и проч. видны слѣды прежнихъ жилищъ татарскихъ: 1) большія пространства—сколько можно занять ауломъ, съ рыхлою землею и маленькими ямками, на поверхности коихъ разсыяно множество черепковъ отъ различныхъ глиняныхъ сосудовъ; 2) такъ называемыя *мечети*, остатки разрушенныхъ зданій, извѣстныхъ только по рассказамъ жителей и потому, что фундаменты ихъ въ землѣ не вездѣ еще разобраны, откуда жители берутъ кирпичъ; и 3) сдѣланные въ землѣ кладовыя или гробницы, подобныя той, какая была близъ Глазуновской станицы ⁽³⁵⁾.

По теченію р. Маныча.

XXV. Близъ поселка Орлова, на лѣвой сторонѣ р. Маныча, находится мѣсто разобраннаго каменнаго строенія, носящее названіе *мечети* ⁽³⁶⁾.

XXVI. На правой сторонѣ Маныча, недалеко отъ солевозной дороги, идущей съ низовьевъ Дона къ солянымъ озерамъ, на высокой горѣ есть *городище*, возвышающееся въ родѣ кургана, обведенное валомъ, съ углубленіями въ средину. Городище это заросло мелкимъ лѣсомъ, подъ корнями котораго находятся остатки основанія построекъ, мѣдныя вещи и черепки глиняной посуды. Съ этого мѣста открывается видъ на значительное пространство, и въ ясное утро видны горы на правой сторонѣ Дона, на разстояніи 100 верстѣ ⁽³⁷⁾.

XXVII. Съ правой стороны той-же солевозной дороги, при спускѣ къ уроч. Чекалдамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дороги, замѣтны признаки *бывшаго поселенія*. Здѣсь было вырыто значительное по вѣсу количество мѣдной посуды и огромное каменное корыто для водопоя скота. Корыто это находилось послѣ въ слободѣ полковника Мартынова, Андреевкѣ Кара-Чаплацкой ⁽³⁸⁾.

(33) Описаніе ст. Кумылженской, Дон. Вѣд., ч. неофиз., 1865 г. № 37 и 38, стр. 271.

(34) Г. Сухоруковъ, Дон. Вѣд. 1863 г. № 34, стр. 198.

(35) Тамъ же.

(36) Записки полковника Мартынова.

(37) Его же.

(38) Его же.

По теченію р. Сала.

XXVIII. На правой сторонѣ Сала, въ слободѣ Городище, бывшей гг. Яновыхъ и Платовыхъ, есть признаки древняго *укрѣпленія*, имѣющаго видъ квадрата; изъ вала этого укрѣпленія выбираютъ кирпичъ, обозначающій бывшія здѣсь стѣны; въ окрестныхъ же курганахъ, срытыхъ для церковной площади, найдено было много разной мѣдной посуды и глиняныхъ кувшиновъ азіатской формы ⁽³⁹⁾.

II.

Замѣчательные курганы.

I. Въ юрту Казанской станицы Усть-Медвѣдичкаго округа, въ 7 верстахъ отъ нея ниже, по теченію р. Дона, на правой сторонѣ, въ разстояніи около 2 верстъ отъ рѣки, при устьѣ боерака Стоговскаго, находится огромнѣйшій курганъ, лежащій на одной линіи съ горою, тянущеюся по долину Дона и разрѣзываемою въ этомъ мѣстѣ боеракомъ Стоговскимъ. Курганъ этотъ представляетъ нѣкоторый видъ насыпи, какъ-бы на отдѣляющейся нижней оконечности горы, мѣловой формаци; самый курганъ состоитъ большею частію также изъ мѣлу и лишь къ вершинѣ покрытъ слоемъ чернозема, частію съ супескомъ и глиною. Съ восточной стороны онъ имѣетъ видъ конуса и потому носитъ названіе *Стога* (по нѣкоторому сходству съ формою стога сѣна), но вершина его продолговата отъ востока къ западу. Высота кургана равняется высотѣ горы и, по измѣренію моему, доходитъ до 160 футовъ отъ подошвы горы; поперечникъ его снизу отъ сѣвера къ югу имѣетъ около 90 саж., а верхъ его до 11 саж. длины и до 5 арш. ширины ⁽⁴⁰⁾. Восточная и сѣверная стороны кургана довольно круты, а западная и южная болѣе отлоги, особенно послѣдняя—къ низу.

Противъ этого кургана, по одной же съ нимъ линіи, въ разстояніи отъ него до 70 саж. къ югу, на низменной мѣстности устья боерака Стоговскаго, есть другой курганъ круглой формы, почти съ плоскимъ верхомъ, весь изъ мѣлу; высота его до 90 фут. Насыпаны-ли эти курганы, или образовались отъ другихъ причинъ, я опредѣлить не могъ. Преданіе же о нихъ говоритъ слѣдующее: «когда Мамай шелъ воевать Россію, то въ этомъ мѣстѣ переправлялся чрезъ Донъ, и въ память этой переправы велѣлъ сдѣлать насыпь, для чего каждый воинъ его долженъ былъ принести по одной шапкѣ земли, и такимъ образомъ насыпанъ первый курганъ; а когда татары разбиты были на Куликовомъ полѣ и, возвращаясь оттуда, переправлялись опять здѣсь-же, то для сравненія численности оставшихся силъ съ прежними носили каждый по нѣсколь-ку шапокъ земли и насыпали второй курганъ, далеко однако-же меньшій противъ перваго: такъ велика была ихъ потеря» ⁽⁴¹⁾.

(39) Его же.

(40) Еще въ 1853 году я осматривалъ изъ любознательности этотъ курганъ, и тогда наверху его, по срединѣ, была значительная впадина, около аршина глубиною; въ этой впадинѣ росла небольшая яблонька, кажется отростокъ отъ пня срубленной яблони. Теперь яблони нѣтъ вовсе и впадина остается едва примѣтною, потому что на вершину кургана вскарабкивается скотъ и, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе разбиваетъ ее. Въ послѣдній разъ осмотръ и измѣреніе кургана произведены мною въ Августъ мѣсяцъ 1865 года.

(41) Сравни. Донск. Вѣд., ч. неофиц. за 1865 г., № 16, стр. 78.

Около кургановъ, съ восточной и юговосточной сторонъ, два озера: Стоговское и Щежино. Здѣсь поселенъ казачій хуторъ Стоговской, принявшій такое названіе по имени кургановъ.

II. Въ юрту Мигулинской станицы, на правой сторонѣ Дона, много замѣчательныхъ кургановъ, расположенныхъ большими группами, какъ напр. *Кладищенскіе* и друг., въ которыхъ, по преданію, должны быть клады, вслѣдствіе чего большая часть кургановъ подверглась отыскиванію кладовъ, какъ это видно по рытвинамъ на нихъ; но что находимо было кладоискателями—покрыто тайною ⁽⁴²⁾.

III. Въ юрту Вешенской станицы, на лѣвой сторонѣ Дона, въ 25 верстахъ отъ него, по прямому направленію къ сѣверу, на горѣ, съ правой стороны рѣчки Сухой Песковатки, близъ хутора Боковского находится замѣчательный по величинѣ курганъ, носящій названіе «*Зяблый*»; въ немъ по преданію заключается кладъ, и замѣтно, что курганъ подвергался раскопкѣ со стороны кладоискателей ⁽⁴³⁾.

IV. Въ юрту верхней Курмоярской станицы (2 Донскаго округа), на лѣвой сторонѣ Дона—*Ногаевъ курганъ*, называющійся такъ потому будто, что здѣсь погребенъ царь или князь Ногай, вмѣстѣ съ своимъ конемъ, оружіемъ и драгоценностями ⁽⁴⁴⁾.

V. На лѣвой сторонѣ Дона, недалеко отъ станицы Багаевской (1 Донскаго округа) находится курганъ, носящій названіе *Мали-Баишъ*, о которомъ въ народѣ носится много преданій. Недалеко отъ него есть еще нѣсколько большихъ кургановъ ⁽⁴⁵⁾.

VI. На лѣвой сторонѣ Дона, близъ Манычской станицы Черкаскаго округа, есть *Княжой курганъ*. Отъ ежегоднаго разлива Дона и теченіемъ р. Маныча курганъ этотъ непрерывно подмывается.

Здѣсь, въ обвалѣ земли, найдена была мѣдная статуэтка вышиною въ поларшина, у которой ноги, руки и верхняя часть уничтожены окисью; на лбу примѣтенъ лавровый вѣнокъ; по обѣимъ сторонамъ груди, ниже пояса и на спинѣ изображены крестообразно круги, съ греческими буквами по сторонамъ. На статуэткѣ нѣсколько круглыхъ отверстій (вѣроятно, внутри она пустая): на верху головы (одно), на задней части головы (четыре), на мѣстѣ глазъ, рта, на груди (два), подъ грудью на брюшной части, на плечѣ и на спинѣ (пять). Въ 1851 году статуэтка эта приобрѣтена отъ лица, владѣвшаго ею, графомъ Соллогубомъ за 50 рублей и, кажется, находится уже въ Императорскомъ Эрмитажѣ ⁽⁴⁶⁾.

VII. Близъ Аксайской станицы Черкаскаго округа, на вершинѣ балки Кобяковки—большой курганъ, называемый *Гирьева могила* ⁽⁴⁷⁾.

VIII. На горѣ, около Александровской станицы, —*курганъ безъ названія*, замѣчательный тѣмъ, что путешествовавшіе когда-то англичане испрашивали разрѣшенія у войсковаго правительства на разрытіе этого кургана, по имѣвшимся у нихъ письменнымъ преданіямъ ⁽⁴⁸⁾.

(42) Изъ путев. замѣтокъ Х. П.

(43) Тамъ же.

(44) Описаніе ст. Курмоярской Е. Котельникова 1818 г., напечат. въ Дон. Вѣдом. 1860 г. № 12, стр. 56. Дон. Вѣд., ч. неофиц., 1866 г. № 16, стр. 78.

(45) Изъ записокъ полк. Мартынова.

(46) Его же.

(47) Его же.

(48) Его же.

IX. Близъ города Новочеркаска, до 1864 г., былъ большой курганъ *Хохлачъ*, или просто называвшійся *Хохлацкимъ*, разрытый въ томъ году для устройства запаснаго резервуара при водопроводѣ. Въ этомъ курганѣ, при разрытіи его, открыта весьма замѣчательная по древности и драгоцѣнная находка золотыхъ и другихъ вещей, подробно описанная г. профессоромъ Харьковского университета Н. Д. Борисякомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* ⁽⁴⁹⁾. Находка эта въ томъ же 1864 г. отправлена въ С.-Петербургъ и находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

По теченію р. Донца.

X. На правой сторонѣ Донца, въ 3 верстахъ отъ переправы чрезъ него, близъ хутора Брончихи 1 Донскаго округа, находятся *пять кургановъ*, расположенныхъ полукругомъ къ сторонѣ Дона, среди которыхъ одинъ превосходитъ величиною другіе; въ полуверстѣ отъ нихъ, при спускѣ подъ гору къ займищу р. Дона, еще одинъ курганъ (самый Донъ отъ группы кургановъ въ разстояніи около $1\frac{1}{2}$ версты); въ другую сторону отъ няти кургановъ, на полуверстномъ разстояніи, тянется линія меньшихъ кургановъ и оканчивается другою группою 5-ти *кургановъ*, съ однимъ отдѣльнымъ же курганомъ, какъ и первая ⁽⁵⁰⁾.

XI. Далѣе отъ упомянутой переправы, по переѣздѣ на лѣвую сторону Донца, въ десяти-верстномъ разстояніи находятся двѣ параллельныя линіи *кургановъ*, расположенныхъ на полуверстѣ, между коими замѣтны ямы и возвышенности (быть можетъ, въ древности здѣсь было какое-нибудь жилище). Вся эта мѣстность покрыта терновникомъ и мелкимъ лѣсомъ.

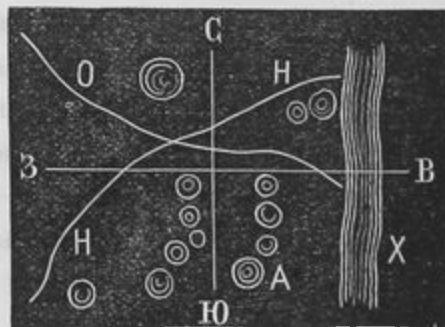
Преданій о нихъ никакихъ не сохранилось ⁽⁵¹⁾.

По теченію р. Хопра.

XII. Въ юрту станицы Михайловской (Хоперскаго округа)—курганъ *Бабій*, на которомъ прежде стояла каменная статуя, обыкновенно въ народѣ называемая «каменною бабою», до половины врытая въ землю. Преданіе говоритъ, что когда здѣсь кочевали калмыки, то у нихъ бывали на курганѣ этомъ нарочитыя собранія ⁽⁵²⁾.

XIII. Въ юрту Тепикинской станицы, около хутора Самодуровки, съ правой стороны р. Хопра, на горѣ—замѣчательная группа частію большихъ и частію, около нихъ, меньшихъ, всего *до 14 кургановъ*, расположенныхъ около двухъ дорогъ въ слѣдующемъ порядкѣ: ⁽⁵³⁾

Всѣ эти курганы сверху немного разрыты, изъ чего видно, что въ нихъ много мелкихъ каменьевъ; самый же большой курганъ, отмѣченный здѣсь буквою *A*, разрыть, вѣроятно, кладоискателями значительно, до основанія ⁽⁵⁴⁾.

(49) Перепечат. въ *Донск. Войск. Вѣд.*, ч. неофиц., 1865 г. № 33, 34 и 36.

(50) *Записки полковн. Мартынова.*

(51) *Его же.*

(52) Изъ *путев. замѣтокъ X. П.*

(53) *Тамъ же.*

(54) На дорогѣ буквою *H* обозначена дорога въ станицу Луковскую, а буквою *O*—дорога въ слободу Успенскую.

XIV. Въ юрту Луковской станицы, на правой сторонѣ Хопра, въ разстояніи около 14 верстъ отъ станицы, по направленію къ юго-западу и верстахъ въ 2 отъ хутора Долговскаго, около балки Грачи—замѣчательный *большой курганъ*, со впадиною на верху и съ извилистыми вокругъ него окопами. Около него находятся небольшіе курганы. Преданіе говорить, что въ этомъ курганѣ хранится кладъ.

Далѣе отъ этого кургана, верстахъ въ 3 слишкомъ, есть балка *Ординская*, близъ которой, лѣтъ 20 назадъ, выпаханъ былъ казакомъ Чикиновымъ ружейный стволъ, длиною около 9 четвертей, со спайкою на половинѣ, какъ-бы составленный изъ 2 короткихъ стволовъ; стволъ этотъ хорошо сохранился и, послѣ оправленный въ ложе, былъ въ употребленіи, но со временемъ утратился ⁽⁵⁵⁾.

XV. По направленію къ западу отъ хутора Долговскаго, между рѣчкою Тишанею, съ правой ея стороны, и хуторомъ Суховскимъ, въ разстояніи около 2½ верстъ какъ отъ рѣчки, такъ и отъ послѣдняго хутора, на горѣ—большой курганъ *Высокій*, съ боку котораго замѣтна впадина, какъ-бы означающая бывшій выходъ изъ кургана, почему предполагаютъ, что въ немъ было когда-нибудь жилище. Недалеко отъ этого кургана выпаханъ былъ кусокъ панцыря, величиною листа въ два обыкновенной писчей бумаги, значительно уже изоржавѣвшій ⁽⁵⁶⁾.

XVI. Въ юрту Кумыженской станицы, на горѣ, съ правой стороны Хопра, не далеко отъ хутора Дондукова, около котораго до 1764 года находилось старое поселеніе самой станицы—большой и довольно-высокій курганъ *Кашавъ*, съ площадкою на верху, въ діаметрѣ до 10 арш. Преданіе говорить, что въ старину, когда еще донскія станицы подвергались набѣгамъ татаръ и калмыковъ, во время полевыхъ работъ жители съѣзжались все къ этому кургану ночевать на одинъ станъ, или по тогдашнему выраженію въ *каши*, отчего и курганъ прозванъ *Кашевымъ*; на этомъ же курганѣ устроенъ былъ маякъ и содержался караулъ ⁽⁵⁷⁾.

По теченію р. Кумылги (притокъ Хопра).

XVII. Въ юрту Зотовской станицы, противъ хутора Шарашкина, въ разстояніи около 3 верстъ отъ р. Кумылги, съ лѣвой стороны по теченію ея—одинъ большой курганъ, называемый *Калмыцкимъ*, потому, какъ говорить преданіе, что въ старину около него было кочевье калмыковъ ⁽⁵⁸⁾.

XVIII. Въ полверстѣ отъ хутора Шарашкина есть другой курганъ съ плоскимъ верхомъ; въ этомъ курганѣ, по рассказамъ старожиловъ, было какое-то (по ихъ мнѣнію татарское) *кирпичное зданіе*, и лѣтъ за 50 назадъ тому жители хутора Шарашкина брали оттуда кирпичъ на дѣланіе печей, и т. под. ⁽⁵⁹⁾.

По теченію р. Сала.

XIX. На правой сторонѣ р. Сала, въ 5 верстахъ отъ слободы Ильинки, извѣстенъ *Абраимовъ курганъ*, насыпанный по преданію на могилѣ татарскаго хана Абраима. Вершина этого кургана разрыта кладонскателями ⁽⁶⁰⁾.

(55) Изъ путев. замѣтокъ Х. П.

(56) Тамъ же.

(57) Донск. Вѣд. 1865 г. № 37 и 38, стр. 266.

(58) Изъ свѣдѣній, сообщен. Зотовскимъ ст. правленіемъ 24 Августа 1866 года.

(59) Тамъ же.

(60) Транливъ. Донск. Вѣдом., ч. неофіц., 1866 г. № 16, стран. 18.

III.

Особыя свѣдѣнія о находкѣ древнихъ вещей.

I. Въ юрту Вашенской станицы Усть-Медвѣдицкаго округа, въ вершинахъ рѣчки Яблоновой, на правой сторонѣ р. Дона, въ 1848 году найденъ на поверхности земли *рукавъ стальной кольчуги*. Рукавъ этотъ переданъ въ музей Новочеркасской войсковой гимназіи ⁽⁶¹⁾. Длина рукава—8, шир. въ плечевомъ концѣ 7, а въ другомъ 4 верш.

II. Въ 1850-хъ годахъ, близъ Раздорской станицы 1-го Донскаго округа, былъ найденъ мѣдный *бюстъ Адониса* изящной работы, вышины до 2 четвертей ⁽⁶²⁾.

III. Около Аксайской стан. Черкаскаго округа, въ оврагѣ Кобыковкѣ вымыто было нѣсколько цѣнныхъ вещей и въ томъ числѣ *12 золотыхъ монетъ* Босфорскаго царства, переданныхъ казакомъ торговаго общества Богдановымъ г. министру удѣловъ графу А. А. Перовскому, который подарилъ шесть изъ нихъ Московскому университету ⁽⁶³⁾.

На вершинѣ балки Кобыковки находится Гирѣва могила, а при устьѣ ея признаки укрѣпленія (см. выше отд. I и II).

IV. 1851 года доставлена была къ наказному атаману, генералу отъ кавалеріи Хомутову, найденная въ балкѣ Кизитеренкѣ, близъ Аксайской станицы, *бронзовая медаль*, на одной сторонѣ которой изображенъ храмъ Іерусалимскій, а вокругъ медали надпись на еврейскомъ языкѣ, которая въ переводѣ означаетъ слѣдующее: «Да созиждется скоро, въ наши дни, святой храмъ, и положи часть нашу въ законъ Твоемъ; да будетъ око мое и сердце мое въ немъ». На другой сторонѣ изображены двѣ фигуры въ видѣ ангеловъ, поддерживающихъ начертанныя въ кругу слова: «Богъ», а по краямъ медали надпись, означающая въ переводѣ: «Да благословитъ тебя Богъ и да сохранитъ тебя, да просвѣтитъ Богъ лице свое на тебя и да помилуетъ тебя; да обратитъ Богъ лице свое на тебя и да даруетъ тебѣ миръ» ⁽⁶⁴⁾. Куда поступила эта медаль—неизвѣстно.

V. Въ юрту станицы Нижнекундроческой 1 Донскаго округа, въ разстояніи около 7 верстъ (по прямому направленію) ниже станицы, на лѣвой сторонѣ Донца, при устьѣ балки Гилычковой, близъ хутора Михайлова, одною женщиною найденъ въ первыхъ числахъ Іюля 1866 года зарытый въ землю небольшой глиняный горшочекъ съ мелкою *серебряною монетою* (равняющеюся 5 копѣчн.) временъ царей Михаила Ѳеодоровича и Ѳеодора Алексѣевича, вѣсомъ около 2 фунтовъ. Находка эта доставлена въ Войсковой Статистическій Комитетъ и предназначена къ продажѣ, съ вознагражденіемъ находчицы по стоимости и сверхъ того особою суммою, въ поощреніе за предьявленіе находки ⁽⁶⁵⁾.

VI. Въ Хоперскомъ округѣ, въ юрту Михайловской станицы, по рассказамъ жителей, выпаживаютъ иногда около рѣчекъ Салтыни и Калмыка разныя вещи, принадлежащія прежде-обитавшимъ здѣсь народамъ, какъ наприм. *панцырь, шлемъ, стальные стрѣлы и проч.* ⁽⁶⁶⁾.

(61) Донск. Вѣд. ч. неофиц. 1866 г. № 17, стр. 85.

(62) Ст. профес. Харьковск. университета Борисяка. Донск. Вѣд. ч. неофиц. 1864 г. № 34, стр. 261.

(63) Тамъ же.

(64) Изъ записокъ полков. Мартынова.

(65) Донск. Вѣд., час. неофиц., № 29, и Донск. Вѣстн. № 11.

(66) Изъ свѣд., сообщ. Михайловскимъ ст. правленіемъ.

VII. Въ томъ же округѣ, близъ рѣчки Карачки, впадающей въ Кардаилъ (притокъ Бузулука) однимъ крестьяниномъ выпаханъ въ 1820 году цѣлый *панцырь*, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ разорванный плугомъ. Кромѣ того, здѣсь же выпаханъ былъ отломокъ *меча*, имѣвшаго серпообразный видъ. Панцырь представленъ былъ г. Сухоруковымъ генералу Богдановичу, но куда потомъ поступилъ—неизвѣстно ⁽⁶⁷⁾.

IV.

Урочища, о которыхъ сохранились преданія.

I. Въ Донецкомъ округѣ, между станицами Калитвенскою и Усть-Бѣлокалитвенскою, около такъ называемыхъ *Хорошихъ Горъ*, въ началѣ минувшаго столѣтія, по преданію, переправлялись черезъ Донецъ, на правую его сторону, крымскіе и кубанскіе Татары, возвращавшіеся въ большихъ силахъ изъ пограбленныхъ ими російскихъ пограничныхъ городовъ; здѣсь они встрѣчены были казаками, завязавшими съ ними перестрѣлку и препятствовавшими имъ переправляться; однако, имѣя на своей сторонѣ преимущество силъ, Татары *перелзли* Донецъ и направились далѣе къ рѣчкѣ Лихой, гдѣ, на вершинахъ балки Фроловой, напали на команду козаковъ со старшиною Фроловымъ, которая долго сопротивлялась непріятелямъ, но, побѣжденная многочисленностію его, погибла вся на мѣстѣ,—въ память чего, по имени старшины, названа и балка Фроловою. Какъ на мѣстѣ бывшей переправы непріятеля, такъ и на вершинахъ балки Фроловой находятъ серебряныя и золотыя старинныя монеты, желѣзные оконечники стрѣлъ и пули. Въ 1821 году г. Сухоруковымъ собрано было отъ жителей нѣсколько монетъ, оконечниковъ стрѣлъ и пуль, которыя и представлены имъ генералу Богдановичу; но куда поступили далѣе—не извѣстно ⁽⁶⁸⁾.

II. Въ Міусскомъ округѣ—*Сауръ-Могила*: это—оконечность горъ, лежащихъ между рѣчками Савостьяновскою и Крынкою. Здѣсь, до присоединенія къ Россіи Азова, какъ говоритъ преданіе, имѣли притонъ большія разбойничьи шайки Запорожцевъ; для искорененія ихъ нерѣдко посылались значительныя воинскія команды, съ которыми разбойники иногда вступали даже въ бой; впоследствии учреждены были, для отвращенія разбойничьихъ набѣговъ, заставы въ уроч. Грачи, у слободы Несмѣяновой и у рѣчки Тузловой, на пути, идущемъ изъ Малороссіи и Россіи къ Черкаску ⁽⁶⁹⁾.

III. Въ 50 верстахъ отъ *Сауръ-Могила* находится другое такое же урочище, называемое *Грибоватая могила*.

Въ этомъ урочищѣ былъ другой притонъ разбойничьей шайки, составлявшей, такъ сказать, отдѣльный отрядъ отъ главной шайки Сауръ-Могильской. Съ высоты Сауръ-Могила, въ ясный день, на зарѣ, виденъ курганъ *Гиреева-Могила*, находящійся близъ Аксайской станицы, въ разстояніи около 10 верстъ (см. выше отд. II). Говорятъ, что разбойники, въ случаѣ угрожавшей имъ опасности или другой какой-либо надобности, давали одни другимъ знакъ, разводя огонь или на Сауръ-Могила, или на Грибоватой, или же на Гиреевой-Могила.

(67) Рапортъ Сухорукова 2 мая 1821 года № 61.

(68) Рапортъ Сухорукова Богдановичу отъ 25 Мая 1821 года № 76.

(69) Изъ записокъ полковн. Мартынова.

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАНИИ ОСТАТКОВЪ КАМЕННАГО ВѢКА ВЪ РОССИИ.

Н. О. Бутенева.

Начавъ почти за 25 лѣтъ до сего собирать каменные орудія въ нашемъ отечествѣ и изучать ихъ, я считаю для себя непростительнымъ оставить безъ всякаго отвѣта одинъ изъ весьма существенныхъ вопросовъ Археологическаго Съѣзда, а именно—какіе предметы были встрѣчаемы въ Россіи вмѣстѣ съ каменнымъ оружіемъ и орудіями? Къ крайнему сожалѣнію моему, я долженъ отвѣчать на вопросъ этотъ отрицательно, сказавъ, что у насъ съ орудіями каменнаго вѣка никакихъ современныхъ имъ предметовъ встрѣчаемо не было; а если и было что либо, то нашедшіе оставили это безъ вниманія. По крайней мѣрѣ ни я, собравшій около 400 каменныхъ орудій, не знаю, чтобы вмѣстѣ съ ними было что либо замѣчено, ни въ литературѣ нашей о каменныхъ орудіяхъ (правда, весьма небогатой) объ этомъ не упоминается. Дѣйствительно одинъ изъ усердныхъ изслѣдователей древности Э. И. Эйхвальдъ въ книгѣ своей о *Чудскихъ древностяхъ* упоминаетъ, что въ одномъ изъ чудскихъ рудниковъ или разработокъ, вмѣстѣ съ мѣдными инструментами, было найдено нѣсколько каменныхъ; но это не составляетъ отвѣта на предложенный вопросъ, потому что остатки эти принадлежатъ не каменному вѣку, а періоду бронзы, который по справедливости считается второю ступенью цивилизаціи человѣчества. На могущій возникнуть вопросъ: почему же въ Россіи вмѣстѣ съ каменными орудіями не встрѣчено никакихъ другихъ остатковъ человѣческаго быта, которые находятъ въ значительномъ числѣ сопутствующими орудіямъ каменнымъ въ западной Европѣ?—отвѣтъ весьма простъ. Совмѣстное нахожденіе разныхъ остатковъ каменнаго вѣка въ Даніи замѣчено въ древнихъ *могилахъ* и соровыхъ кучахъ или такъ называемыхъ *кухонныхъ остаткахъ*; въ Швейцаріи—преимущественно при *озерныхъ постройкахъ*; то же можно сказать и объ Ирландіи; въ сѣверной Германіи, Бельгіи, южной Франціи, Сициліи—въ *пещерахъ*. Предметы эти найдены тамъ при ученыхъ розысканіяхъ; напротивъ того, собранные въ Россіи каменные предметы суть не болѣе какъ случайныя находки, попадавшіяся преимущественно на поверхности земли или въ верхнемъ, такъ называемомъ, культурномъ слоѣ. Въ числѣ каменныхъ орудій, мною собранныхъ, была древняя булава изъ песчаника, въ формѣ бараньей головы ⁽¹⁾; она найдена близъ Петрозаводска, при копкѣ земли, въ слоѣ торфянистаго чернозема, помнится—около 2½ футовъ отъ земной поверхности. Другое орудіе было

(1) Булава эта находится въ Московскомъ Румянцовскомъ музеумѣ.

встрѣчено при вырытіи земли подѣ фундаментъ въ Петрозаводскѣ, въ глубинѣ до 4-хъ футовъ, и третье—при копаніи могилы въ Шуйскомъ погостѣ, въ глубинѣ около 5 футовъ. Ни съ однимъ изъ нихъ никакихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи человѣка, найдено не было. Обстоятельство это не должно казаться страннымъ, потому что нахожденіе каменныхъ орудій съ другими современными предметами въ почвѣ земли, внѣ вышеуказанныхъ условий, составляетъ случай весьма исключительный даже въ западной Европѣ, на почвѣ густонаселенной и болѣе обработанной нежели въ нашемъ отечествѣ. Итакъ, отсутствіе другихъ предметовъ каменнаго вѣка вмѣстѣ съ оружіемъ и орудіями каменными становится весьма понятнымъ, если взять въ соображеніе, что у насъ не открыто по сіе время ни соровыхъ кучъ, ни озерныхъ построекъ, ни костесодержащихъ пещеръ. Правда, во многихъ областяхъ Россіи, какъ-то въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, даже въ Петербургской (въ окрестностяхъ Старой Ладogi) находится много кургановъ, которые мѣстными жителями признаются за древнія могилы. Не только нельзя этого отвергать, но даже очень можно думать, что это дѣйствительно могилы каменнаго или бронзоваго вѣка, потому что мы не имѣемъ никакихъ данныхъ приписывать ихъ предкамъ нашимъ Славянамъ. Съ болѣею вѣроятностью можно ожидать въ нихъ богатой добычи для исторической археологій, и весьма вѣроятно—для археологій каменнаго вѣка. Причина, что курганы эти остаются до сихъ поръ неизслѣдованы, заключается въ томъ, что у насъ запрещено частнымъ лицамъ производить раскопки древнихъ могилъ, изъ опасенія, что нашедшій можетъ воспользоваться древностями, иногда изъ драгоценныхъ металловъ сдѣланными, которыя могли бы украшать наши музеи. Этотъ меркантильный взглядъ вредитъ успѣхамъ науки, ибо, судя по нынѣшнему ходу дѣла, должно полагать, что пройдетъ не одно столѣтіе прежде чѣмъ Археографическая Коммиссія успѣетъ изслѣдовать всѣ могильные курганы, находящіеся въ Россіи. Сверхъ того извѣстно, что народное повѣрье предполагаетъ въ нѣкоторыхъ курганахъ огромныя богатства, называя ихъ кладами, и между простымъ народомъ есть кладоискатели, которые тайно разрываютъ древнія могилы и выбираютъ изъ нихъ все цѣнное, что можно продать. Вѣроятно, этимъ путемъ много древностей погибло для науки безвозвратно и погибнетъ еще, пока будетъ имѣть силу запрещеніе разрывать курганы. Для изслѣдованія могилъ можно составить правила и разрѣшать оное извѣстнымъ лицамъ. Предметы, заслуживающіе вниманія, должны быть описаны, и если что нужно будетъ пріобрѣсти для музеевъ, то можно купить у открывателя. Такимъ образомъ курганы будутъ изслѣдованы безъ всякихъ издержекъ отъ казны, а деньги пойдутъ только на пріобрѣтеніе рѣдкихъ предметовъ для музеевъ. Кромѣ отмѣны означеннаго запрещенія, полезно бы было, пользуясь постройкою желѣзныхъ дорогъ, просить инженеровъ, завѣдывающихъ земляными работами, обратить вниманіе на могущіе встрѣтиться при раскопкахъ остатки быта древнихъ народовъ, собирать ихъ и составлять описаніе всѣхъ условий ихъ положенія въ землѣ. Такимъ же образомъ могутъ быть приглашены къ участію въ дѣлѣ лица, занимающіяся розысканіемъ руды каменнаго угля и вообще полезныхъ ископаемыхъ, или занимающіяся геологическими розысканіями. Наконецъ, тутъ могли бы содѣйствовать инженеры и архитекторы, производящіе постройки, для которыхъ необходимо рыть значительныя рвы для заложения бута. Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, необходимо составить руководства, какъ должны производиться подобныя изслѣдованія и на какіе предметы должно обратить

вниманіе. Можно быть увѣреннымъ, что съ принятіемъ этихъ мѣръ и съ разрѣшеніемъ изслѣдовать древнія могилы наша археологія обогатится важными открытіями, и, вѣроятно, встрѣчены будутъ дѣйствительныя, по которымъ можно будетъ опредѣлить пути переселенія народовъ Индустана на почву Европы и ту степень цивилизаціи, на которой они въ то время стояли. Эти важныя указанія могутъ доставить наукѣ только археологическія изслѣдованія въ Россіи.

19 Марта 1869. С. Петербургъ.

О ДРЕВНОСТЯХЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ статьи: «По поводу Археологическаго Съѣзда»

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АРХАНГЕЛЬСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

П. С. Ефименко.

Въ началѣ статьи своей г. Ефименко указываетъ на цѣль Археологическаго Съѣзда, замѣчаетъ, что въ программѣ его между вопросами по предмету донесторической археологіи есть нѣсколько такихъ, которые прямо касаются сѣвера Россіи, и затѣмъ продолжаетъ:

Архангельская губернія, не смотря на ея отдаленность и малонаселенность, представляетъ много предметовъ, достойныхъ вниманія археологовъ; въ особенности такихъ много находится въ здѣшнихъ многочисленныхъ монастыряхъ, во главѣ которыхъ въ этомъ отношеніи стоитъ знаменитый въ исторіи сѣвернаго края Соловецкій монастырь; затѣмъ слѣдуютъ: Антоніевъ Сійскій, Онежскій Крестный, Николаевскій Корельскій и т. д. Памятники, находящіеся въ монастыряхъ, не только не описаны надлежащимъ образомъ, но часто и не имѣютъ обстоятельныхъ каталоговъ, за исключеніемъ, кажется, Соловецкаго монастыря, древностямъ котораго посвящено нѣсколько страницъ въ полномъ описаніи его, составленномъ архимандритомъ Досифеемъ. Кромѣ разныхъ старинныхъ церковныхъ вещей, принадлежащихъ собственно монастырямъ, здѣсь достойны вниманія разнаго рода вклады, состоящіе иногда даже изъ предметовъ домашней жизни; послѣдніе пожертвованы большею частью извѣстными въ отечественной исторіи личностями, находившимися здѣсь въ изгнаніи или заточеніи: Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, княземъ Василиемъ Голицынымъ, любимцемъ царицы Софіи, послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Сѣчи Запорожской Калынишевскимъ, умершимъ въ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ и мн. др.

Что касается до древнихъ городскихъ и сельскихъ церквей, то бѣльшая часть ихъ относится къ первой четверти XVII столѣтія: онѣ сооружены послѣ нашествія и разграбленія Двинской земли польскими и малороссійскими разбойниками и русскими измѣнниками. Впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ губерніи сохранились церкви и отъ XVI столѣтія, напримѣръ: въ Пинежскомъ, Архангельскомъ и Кемскомъ уѣздахъ. Самою древнѣйшею церковью можно, кажется, считать храмъ св. Іоанна Предтечи въ Ледскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда; онъ воздвигнутъ св. Варлаамомъ Важескимъ около 1456 г. Особенно интересные предметы въ археологическомъ отношеніи находятся въ тѣхъ изъ церквей, которыя обращены въ приходскіе храмы изъ упраздненныхъ монастырей.

Изъ другихъ памятниковъ древности: остроги, башни и разнаго рода *деревянные* укрѣпленія сохранились въ нѣкоторыхъ городахъ и посадахъ, напр. въ Кемѣ, Сумѣ и др., но всѣ они не достигаютъ даже времени новгородскаго владычества, а относятся къ XVII и XVIII ст. *Земляныхъ* же укрѣпленій и другихъ памятниковъ: городищъ, могильниковъ, пещеръ, валовъ, остатковъ жилья и пр., принадлежащихъ къ древнѣйшей эпохѣ, довольно много. Многіе изъ нихъ народнымъ преданіемъ приписываются не только первоначальнымъ переселенцамъ—Новгородцамъ, но и прежнимъ инородческимъ племенамъ, уже исчезнувшимъ: Чуди и Юграмъ. Есть также вещественные памятники, приписываемые древнимъ богатырямъ и разбойникамъ. Въ особенности многочисленны и разнообразны у насъ памятники чудскихъ племенъ. Краткія свѣдѣнія о нихъ уже были предложены вниманію читателей въ моей статьѣ «Заволоцкая Чудь».

Кургановъ въ Архангельской губерніи очень мало. Можно сказать, что границами нашей губерніи оканчивается обширная, болѣе или менѣе богатая область кургановъ, начинающаяся съ береговъ Чернаго моря. Если бы можно было собрать точныя свѣдѣнія о курганахъ нашей губерніи, то, по всей вѣроятности, число ихъ не превысило бы десятка—другаго. Малочисленность кургановъ доказывается уже тѣмъ фактомъ, что лѣтъ десять тому назадъ, когда Архангельскій Статистическій Комитетъ собиралъ свѣдѣнія о нихъ при посредствѣ уѣздныхъ полицейскихъ властей, то послѣдніе въ одно слово отвѣтили, что въ ихъ уѣздахъ такого рода памятниковъ не находится вовсе.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ могильники и городища, приписываемые Чуди, распространено между простымъ народомъ преданіе, что Чудь зарывала въ нихъ свое имущество, при нападеніи новгородцевъ, и погребала покойниковъ съ частью ихъ богатства. Поэтому тамъ существуютъ и повѣрья о денежныхъ кладяхъ, которыхъ народъ тщательно ищетъ. Но врядъ ли послѣдніе когда-либо были находимы въ здѣшнемъ краѣ. По крайней мѣрѣ намъ о такихъ находкахъ никогда не приходилось ни читать, ни слышать отъ кого-либо изъ мѣстныхъ жителей.

Древнія орудія и оружія здѣсь не рѣдкость, въ особенности въ Запечорскомъ краѣ; только, надо признаться, никто не заботится о собраніи о нихъ точныхъ свѣдѣній.

Вотъ краткое указаніе всѣхъ родовъ археологическихъ вещественныхъ памятниковъ нашего края, о которыхъ намъ приходилось гдѣ-либо, въ книгахъ или рукописяхъ, встрѣчать извѣстія. Къ сожалѣнію, бѣлая часть мѣстныхъ памятниковъ не изслѣдована надлежащимъ образомъ специалистами и не приведена въ общую извѣстность научнымъ образомъ, въ особенности древнѣйшіе чудскіе и югорскіе.

Вообще надобно сказать, что въ нашемъ краѣ замѣчается полное равнодушіе къ изысканію и сохраненію древностей. Мы не имѣемъ ни одного общественнаго или частнаго хранилища древностей губерніи, ни одного спеціальнаго изслѣдованія не только губерніи, но и частей оной; у насъ не произведено ни одной раскопки, если не считать попытки, сдѣланной г. Тышинскимъ; мы не имѣемъ ни одного специалиста и даже любителя по части общей или мѣстной археологіи. Между тѣмъ памятники нашей губерніи могли бы представить богатый матеріалъ для русской археологіи вообще и для археологіи доисторическаго періода въ частности. Намъ кажется, что чрезъ изслѣдованіе сѣверныхъ древностей отдаленной старины, въ связи съ антропологическими и этнографическими изысканіями, разрѣшился бы важный вопросъ изъ

доисторической жизни европейских народов—въ какомъ отношеніи находятся теперь западныя финскія племена: Лопари и недавно-исчезнувшія Чудь и Югра къ тѣмъ племенамъ, которыя обитали въ западной Европѣ въ древнѣйшій періодъ каменнаго вѣка? тождественны ли тѣ и другія между собою или нѣтъ? Если древнѣйшія племена Европы были особаго происхожденія, а не финскаго, то, конечно, въ послѣднее время онѣ должны были отъ напора другихъ племенъ удалиться на пустынный сѣверъ, какъ въ послѣдствіи времени удалились сюда Финны. Вообще можно предполагать, что и въ древнѣйшія времена сѣверъ служилъ убѣжищемъ племенъ, стоящихъ на низшей степени развитія въ сравненіи съ обитателями южной и средней Европы. Такимъ образомъ изслѣдованіе различныхъ напластованій земли во многихъ мѣстахъ губерніи могло бы доставить данныя для разрѣшенія вопроса: какой народъ предшествовалъ здѣсь Финнамъ и какъ вообще смѣнялись здѣсь одніе племена другими? Что этого можно было бы достигнуть, подтвержденіемъ служатъ попытки поверхностныхъ изысканій, сдѣланныхъ въ тридцатыхъ годахъ генералъ-маіоромъ Паренсовымъ въ долину рѣки Онеги. Онъ открылъ слѣды пребыванія челоѣка въ низшихъ слояхъ земли, покрытыхъ нынѣ наносами и тундрами, и по нѣкоторымъ признакамъ заключилъ, что тамъ смѣнилось до трехъ древнѣйшихъ народовъ.

Съ другой стороны, о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древности на сѣверѣ слѣдовало бы позаботиться по слѣдующимъ причинамъ: многіе памятники, достойные вниманія, быстро приходятъ къ разрушенію; стихіи и рука челоѣческая безпощадно истребляютъ ихъ. Всѣ почти городища и могильники здѣшняго края расположены на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ и ручьевъ. Рѣки же сѣвера, по причинѣ кратковременности весны и внезапнаго таянія снѣга, отличаются необыкновенной быстротой; воды ихъ съ большою силой бьютъ о берега и постоянно сносятъ береговую землю, разрушаютъ возвышенности, часто даже измѣняютъ свое направленіе и образуютъ новыя русла; очевидно, что и памятники, расположенные на берегахъ, не могутъ устоять противъ напора водъ. На это можно привести множество примѣровъ, заимствуя свѣдѣнія изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и изъ письменныхъ памятниковъ. Въ Ильинскомъ приходѣ или Бродкѣ, Онежскаго уѣзда, древняго городка Рагонима почти вовсе не существуетъ. Онъ расположенъ былъ на горѣ, на которой потомъ построены были кладбище и церковь и имѣлось поле разсѣвомъ на мѣшокъ ячменя. По преданію, съ той горы пономарь могъ свободно кидать ключи на другую сторону рѣки Онеги; нынѣ же рѣка стала шириной до 180 саж., а гора вся почти осыпалась въ рѣку. Въ двадцатыхъ годахъ кости покойниковъ можно было видѣть на берегу, окрай воды; но нынѣ ихъ уже нѣтъ,—все унесено водою. Въ г. Холмогорахъ въ теченіе двухъ столѣтій снесены водой мѣста, на которыхъ стояли два посада, Ивановскій и Никольскій, съ ихъ церквями и кладбищами; самая рѣка приняла иное направленіе и на глазахъ нашихъ сноситъ городскія строенія. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ весенніе разливы рѣки Ваги сокрыли въ волнахъ своихъ большую половину площади, на которой былъ расположенъ Богословскій Важскій монастырь и древнія церкви; сама Вага, вмѣсто прежняго своего теченія на сѣверъ, въ этомъ мѣстѣ течетъ теперь прямо на востокъ. Кости челоѣческія высыпаются изъ древнихъ разрушаемыхъ могильниковъ въ воду и исчезаютъ навсегда; то же и въ приходахъ Пуйскомъ и Церковническомъ, Шенкурскаго же уѣзда, Ховрогорскомъ, Пинтишенскомъ, Холмогорскаго уѣзда, и т. д. Кромѣ того, народъ разрываетъ старинныя чудскія клад-

бища и могилы, въ надеждѣ отыскать сокровища, и такимъ образомъ уничтожаетъ часто безслѣдно драгоцѣнные остатки старины. Такъ намъ извѣстно, что были сворочены камни съ этою цѣлью съ могилы, находящейся въ Пингишенскомъ селеніи, разрыты могилы кладокопателями въ Шардонемскомъ селеніи Шенкурскаго уѣзда; то же сдѣлано въ Мезенскомъ уѣздѣ, близъ деревни Чучепала, гдѣ будто бы послѣдняя Чудь пала. Самыя вещи, находимыя крестьянами, разумѣется, погибаютъ въ ихъ рукахъ безслѣдно для науки. Въ виду такого беспощаднаго истребленія памятниковъ старины, необходимо принятіе скорѣйшихъ мѣръ къ приведенію ихъ въ извѣстность и къ сохраненію тѣхъ, которые могутъ быть сохранены.

Прежде нежели перейдемъ къ указанію мѣръ по изслѣдованію и сбереженію нашихъ памятниковъ древности, которыя ближе всего вели бы къ цѣли, скажемъ два-три слова о томъ, какъ относится общество къ наукѣ русскихъ древностей вообще, и о причинахъ этому.

Не смотря на важное историческое значеніе археологій, большинство образованныхъ людей относится къ ней равнодушно, считаетъ ее болѣе роскошью, нежели потребностью.

Въ этомъ, конечно, виноваты сами наши археологи и археологическія общества. До сихъ поръ образованные люди встрѣчаются съ отдѣльными археологическими фактами и извѣстіями, обнародованными тамъ и сямъ.

Между тѣмъ никто изъ археологовъ не позаботился представить эту науку, какъ нѣчто цѣлое (даже сгруппировать вмѣстѣ всѣ факты уже обнародованные), такимъ образомъ, чтобы всякій образованный человѣкъ могъ уяснить себѣ значеніе и пользу этой науки. Тѣмъ менѣе сдѣлано по части популяризаціи археологій. Кромѣ книги: *Старина русской земли*, врядъ ли было что-либо писано съ этою цѣлью. Безъ дѣльных же руководствъ, сборниковъ и общихъ описаній, какъ строго-научнаго характера, такъ и популярнаго, трудно ожидать, чтобы наука быстро двигалась впередъ и находила себѣ значительное число послѣдователей въ обществѣ.

Намъ кажется, что приращеніе въ извѣстность археологическихъ памятниковъ и рѣдкостей слѣдуетъ начать систематически по губерніямъ. Составить на первый разъ по каждой губерніи сборникъ всего того, что было уже гдѣ-либо сообщено по предмету мѣстныхъ древностей, по извѣстной программѣ, весьма не трудно. Это удобно могли бы сдѣлать мѣстные статистическіе комитеты, на обязанности которыхъ, между прочимъ, лежитъ описаніе губерній во всѣхъ отношеніяхъ. По крайней мѣрѣ, этого легче достигнуть имъ, нежели той задачи, какая нынѣ возложена на нихъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 27 Апрѣля 1863 г., т. е. изысканія и описанія древностей еще неизслѣдованныхъ и неописанныхъ. Вѣроятно, статистическіе комитеты, въ теченіе 6 лѣтъ, по этой части сдѣлали немного. И дѣйствительно, приведеніе въ извѣстность памятниковъ древности составляетъ для комитетовъ предметъ совершенно посторонній. Чѣмъ болѣе будетъ разнообразна ихъ дѣятельность, тѣмъ съ большимъ трудомъ будетъ достигаться прямое ихъ назначеніе.

О приведеніи въ извѣстность отечественныхъ древностей и сохраненіи ихъ прежде всего должны позаботиться археологическія общества. Командированіе ими своихъ членовъ для изслѣдованій губерній, по извѣстнымъ группамъ,—лучшее средство для этого. Для избраннаго члена не трудно будетъ ознакомиться со стариной губерніи, обозрѣть главныя ея памятники, описать ихъ и снять виды и планы, привести въ

извѣстность всѣхъ тѣхъ памятники, которые достойны сохраненія. Тѣхъ предметы старины, которые требуютъ долговременной разработки, напр. курганы, требующіе раскопки, могутъ быть описаны только внѣшнимъ образомъ; дальнѣйшую разработку общество можетъ предпринять современемъ. Назначенному ученымъ обществомъ лицу статистическіе комитеты могли бы оказать содѣйствіе съ своей стороны командированіемъ въ помощь специалисту своихъ членовъ, художниковъ и чертежниковъ, если бы таковыя оказались въ составѣ комитетовъ; принятію указанныхъ специалистомъ мѣръ къ сохраненію памятниковъ, приходящихъ къ разрушенію, также могли бы содѣйствовать комитеты.

Можетъ быть есть такія губерніи, которыя не нуждаются въ описаніи ихъ черезъ командированіе членовъ археологическихъ обществъ, такъ какъ онѣ имѣютъ на мѣстѣ значительное число лицъ, специально-занимающихся изученіемъ мѣстныхъ древностей въ систематическомъ порядкѣ; но наши сѣверныя губерніи, въ особенности Архангельская, не могутъ обойтись безъ назначенія для описанія особыхъ специалистовъ по этой части, по неимѣнію ихъ у себя и по другимъ причинамъ, уже высказаннымъ выше. Ученныя изслѣдованія Архангельской губерніи въ другихъ отношеніяхъ именно были производимы черезъ назначаемыхъ для этого разными обществами и учрежденіями специалистовъ. Сюда являлись уже извѣстные въ ученomъ мѣрѣ лингвисты, натуралисты, геологи, ботаники, зоологи, также изслѣдователи промысловъ; но специалистовъ-археологовъ наша губернія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не видѣла.

П Р И В А В Л Е Н І Е .

Въ Архангельской губерніи каменные орудія и оружія находимы были по большей части случайно, въ различныхъ мѣстахъ оной. Такъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Запечорскимъ судебнымъ слѣдователемъ Мироновымъ, въ Запечорскомъ краѣ, близъ с. Устьцыльмы и по рѣкѣ Тобышу иногда находятъ каменные топоры и стрѣлы, которые народъ приписываетъ исчезнувшей Чуди. Въ Шардонемскомъ селеніи, Пинежскаго уѣзда, при разрытіи чуждскихъ могильниковъ, народъ отыскиваетъ обломки стрѣлъ, копій и другія вещи, но неизвѣстно—каменные или металлическія. На противоположномъ краю губерніи, въ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ, найденъ въ давнее время въ Кольской губѣ, въ осыпавшемся песчаномъ пригоркѣ, называемомъ «Лопскимъ», немного ниже впаденія въ ту губу рѣки Колы, каменный топоръ. Это орудіе, доставленное въ музей Архангельскаго Статистическаго Комитета священникомъ лопарскаго Нотозерскаго погоста Терентьевымъ, по словамъ послѣдняго, вначалѣ имѣло острое лезвіе, но, по причинѣ употребленія его вмѣсто бруса для точенія ножей и другихъ вещей, измѣнило частію свой первоначальный видъ и довольно стерлось. Священникъ Терентьевъ предполагаетъ, что мѣстность, гдѣ найдено орудіе, могла служить въ давнее время кочевьемъ Лопарей или притономъ Норманновъ, такъ какъ орудіе лежало близъ самой воды, при сліяніи рѣкъ Туломы и Колы, на мѣстѣ низменномъ, ровномъ, расположенномъ между высокими горами. Въ настоящее время мѣсто это немного смыто теченіемъ рѣки Колы, измѣнившей теперь свое направленіе отъ западной стороны на восточную, гдѣ могъ существовать притонъ древнихъ оби-

тателей края. Одно каменное орудіе было доставлено изъ Онежскаго уѣзда автору извѣстной статьи «О первобытныхъ жителяхъ сѣверной Россіи по найденнымъ остаткамъ ихъ быта», г. Бутеневу. Наконецъ дѣйствительнымъ членомъ Архангельскаго Статистическаго Комитета Тышинскимъ въ Пингвишенскомъ селеніи Холмогорскаго уѣзда, при раскопкѣ чудской могилы, вырыто, вмѣстѣ съ человѣческими остовами, нѣсколько каменныхъ стрѣлъ разной формы, изъ которыхъ одна вполне походить на ту, изображеніе коей помѣщено въ статьѣ г. Бутенева подь № 2-мъ. Многіе крестьяне здѣшной губерніи, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, почитая каменные орудія, въ особенности стрѣлы, «громовыми стрѣлками», хранятъ ихъ у себя для пользованія въ случаѣ болѣзни. Такъ мнѣ извѣстно, что двѣ подобныя стрѣлы есть здѣсь, въ Холмогорахъ, и одна въ с. Емецкѣ Холмогорскаго уѣзда.

Что касается до древнихъ металлическихъ вещей и орудій, то онѣ особенно часто встрѣчаются въ Запечорскомъ краѣ. По словамъ г. Максимова, автора книги «Годъ на Сѣверѣ», въ Запечорѣ и по р. Мезени крестьяне показываютъ во множествѣ вещи, съ общимъ названіемъ чудскихъ: кольца, выкопанныя изъ земли монеты, серебряныя серьги и пр. Въ Запечорскомъ краѣ находятъ также желѣзныя вещи и орудія. Такъ у крестьянина Попова Устьцылемскаго селенія имѣется желѣзный топоръ, столь твердый, что нѣтъ возможности его точить. Этотъ топоръ считается оставшимся отъ Чуди. Въ 13 верстахъ выше селенія Ижмы въ сосновомъ бору находятъ разныя желѣзныя орудія и оружія: заступы, топоры, копачи, копья и другіе предметы странныхъ формъ, нынѣ несуществующихъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ здѣшнемъ краѣ до сихъ поръ никто не занимался собираніемъ каменныхъ и металлическихъ орудій и изученіемъ ихъ.

Желая, сколько могу, способствовать приведенію въ извѣстность памятниковъ древности здѣшняго края и всего касающагося до бытовой археологіи мѣстнаго русскаго населенія, я предпринялъ описаніе Архангельской губерніи въ археологическомъ отношеніи. Цѣли этой я предполагаю достигнуть собраніемъ и систематическимъ изложеніемъ всего того, что уже обнародовано въ печатныхъ изданіяхъ и что хранится въ рукописяхъ по предмету древностей. Источниками для меня будутъ служить: описанія губерніи и частей ея, описанія монастырей, статьи мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, съ самаго начала ихъ изданія, и статьи другихъ періодическихъ изданій, а также рукописныя описанія многихъ церковныхъ приходовъ, составленныя мѣстными священниками для Архангельскаго Статистическаго Комитета. Описаніе будетъ расположено по уѣздамъ, а затѣмъ по приходамъ. Сюда войдутъ все свѣдѣнія, которыя требуются программой, изданной С. Петербургскимъ Археологическимъ Обществомъ. Такимъ образомъ я надѣюсь привести въ извѣстность все свѣдѣнія о древностяхъ губерніи, гдѣ бы то ни было обнародованныя или записанныя. Часть этого труда составляетъ моя статья «Заволоцкая Чудь», первая половина которой помѣщена въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ за прошлый годъ. Цѣль статьи познакомить читателей вѣдомостей съ остатками чудскихъ памятниковъ въ губерніи, съ народными преданіями о Чуди и съ результатами новѣйшихъ изысканій о Заволоцкой Чуди финнолога Д. П. Европеуса.

Кромѣ того, я имѣю въ виду составить по матеріаламъ, собираемымъ Архангельскимъ Статистическимъ Комитетомъ, списокъ названій мѣстностей Архангельской губерніи, въ дополненіе къ списку населенныхъ мѣстъ губерніи, изданному Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Въ этотъ списокъ должны войти русскія и инородческія названія всѣхъ мѣстностей губерніи, имѣющихъ особыя наименованія: горъ,

рѣкъ, озеръ, болотъ, заливовъ, урочищъ, полей, луговъ и пр. Списокъ имѣеть быть расположенъ по тому же порядку, какъ и тотъ, который изданъ Центральнымъ Стат. Комитетомъ. Исслѣдователь исторіи, географіи, древностей и быта русскихъ обитателей Сѣвера и въ особенности финскихъ племенъ, частью уже исчезнувшихъ, найдетъ въ этомъ списокѣ обильный матеріалъ для своихъ изысканій.

Наконецъ мною составляется Сборникъ по *обычному* праву населенія Архангельской губерніи; въ него войдутъ народныя юридическіе обычаи русскаго племени и инородцевъ губерніи. Въ первой части этого Сборника, заключающей въ себѣ собственно обычаи русскаго населенія, помѣщены также свѣдѣнія, какія я могъ собрать, о символизмѣ права. Трудъ мой издается мѣстнымъ Статистическимъ Комитетомъ, и первая часть его имѣеть явиться въ свѣтъ черезъ мѣсяцъ.

Холмогоры, 1869 г. Февраля 25.

О СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ КОСТЮМАХЪ

ВЪ ГРЯЗОВЕЦКОМЪ И СОЛВЫЧЕГОДСКОМЪ УѢЗДАХЪ ВОЛОГОДСКОЙ, ГУБЕРНІИ.

Письмо Ѳ. Н. Фортунатова къ графу А. С. Уварову.

Имѣю честь представить для Археологическаго Съѣзда отъ Н. Ѳ. Бутенева два рисунка съ образцами Петрозаводскаго женскаго русскаго костюма. Проживъ въ Петрозаводскѣ одиннадцать лѣтъ, я долженъ засвидѣтельствовать, что костюмы эти всего удобнѣе видѣть во время лѣтней Петрозаводской ярмарки (27, 28 и 29 іюня). Но надобно замѣтить, что съ каждымъ годомъ эти костюмы рѣдѣютъ все болѣе и болѣе, а потому и дѣлаются достояніемъ археологін.

Въ дополненіе къ этимъ рисункамъ прилагаю описанія русскаго наряда двухъ противоположныхъ окраинъ Вологодской губерніи: Грязовецкаго уѣзда (южной части губерніи) и Сольвычегодскаго уѣзда (сѣверной части губерніи). Описанія эти относятся къ концу прошлаго и началу нынѣшняго столѣтій. Прибавлю то же, что замѣчено уже мною о Петрозаводскѣ: съ каждымъ годомъ вытѣсняются все болѣе и болѣе новыми модами старинные русскіе костюмы. Это въ особенности относится къ Грязовецкому уѣзду, въ которомъ между крестьянками распространилось даже употребленіе шляпокъ. Прилагаемое мною описаніе русскаго наряда Сольвычегодскихъ жительницъ любопытствующіе археологи могутъ сравнить съ двумя манекенами московской этнографической 1867 года выставки; одинъ манекенъ, пожалованный Государыней Императрицей, изображаетъ крестьянскую дѣвушку Сольвычегодскаго уѣзда, а другой манекенъ, принесенный въ даръ на выставку Вологодскимъ Статистическимъ Комитетомъ, представляетъ замуженую женщину того же уѣзда.

Въ Сольвычегодскѣ, хотя крѣпче чѣмъ въ Грязовцѣ и его уѣздѣ, держатся старинныхъ обычаевъ и одежды, но описываемые мною костюмы мало-по-малу съ годами оставляются или значительно измѣняются. Употребленіе ихъ иногда остается при важныхъ семейныхъ празднествахъ или вообще радостныхъ случаяхъ: такимъ образомъ въ 1845 или 1846 году сольвычегодская купчиха Хаминова, по пріѣздѣ къ ней ея сына, жившаго въ Сибири и занимавшагося тамъ успѣшно торговлею, по случаю дорогаго гостя, выходя съ нимъ для прогулки по городу, надѣвала старинный костюмъ.

Жители сѣверной Россіи любятъ на святкахъ костюмироваться и при этомъ случаѣ употребляютъ нерѣдко уцѣлѣвшіе старинные русскіе наряды.

Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году, посѣтивъ богатое село Кубенское, въ 27 верстахъ отъ Вологды, изумленъ былъ богатствомъ и

изяществомъ праздничнаго русскаго костюма, въ которомъ явилась передъ нимъ жена кубенскаго крестьянина Иконникова; объ этомъ говоритъ онъ на 188 стр. своей книги (*Etudes sur la Russie*, 1847, édit. franç.). Въ той же VI главѣ, въ которой описана поѣздка въ село Кубенское, есть у Гакстгаузена описаніе одежды, какъ будничной, такъ и праздничной, крестьянъ Устюжскаго уѣзда (стр. 215 и 216); особенно восхищается баронъ роскошью и изяществомъ головного убора—*фаты*.

1869 года Марта 17 дня.

Изъ дневника А. О. Фортунатова.

Мушны и женщины Грязовецкаго уѣзда носятъ синія рубашки, крашенныя въ кубовой краскѣ; сарафаны и передники окрашены тою же краской. По праздникамъ женщины носятъ воротушки изъ желтой тафты; у воротушекъ нашиваютъ на плечахъ позументъ по шву рукава; позументы у воротушки бываютъ золотые, въ палецъ ширины; воротъ обшиваютъ самой узенькой обшивочкой, по которой также нашиваютъ позументы. Нарядные сарафаны носятъ, по большей части, штофные малиновые, передники—пестрые ситцевые и даже шелковые, кокошники—самые низенькіе щипочкомъ, такъ что вершина ихъ высывается надъ головою нѣсколько наискось къ верху отъ лба. Кокошники бываютъ, по большей части, шитые золотомъ на желтой тафтѣ; по лбу спускается неширокій позументъ; надо лбомъ нашивается тоже позументъ въ видѣ конуса. Женщины носятъ, по большей части, на ногахъ коты и чулки, спущенные къ низу борами. Дѣвицы носятъ повязки шитыя золотомъ, шириною вершка въ три; эти повязки назади не сходятся, а дѣлаются завязки, и пришивается желтая тафта, которой лопасти длиною около трехъ четвертей аршина, а къ низу шире. На шеѣ носятъ *снизи* изъ жемчуга, бисера и стекляруса; въ срединѣ снизей и по бокамъ, на вершокъ отъ средней, бываетъ наставокъ въ видѣ звѣзды. Снизь нашивается на толстой картузной бумагѣ, обшитой въ холстину, въ вершокъ шириною, и выкроенной такъ, чтобы она лежала по шеѣ кругомъ; назади бываютъ завязочки, и пришиваютъ къ концамъ ихъ двѣ ленты, которыя связываются бантомъ, а назади опускаются концы въ аршинъ длиною. Поясы (*поясы*) носятъ плетеные шелковые; концы у нихъ обшиты золотомъ въ видѣ груши. Бѣлятся свинцовыми бѣлилами до того, что лице свѣтится; румянятся краснымъ сандаломъ, настоеннымъ съ квасцами, что называютъ *мазилами*. Зимой носятъ шубы, покрытыя синимъ сукномъ; шубы называются *кошулями*; нарядныя шубы дѣлаются шелковыя коротенькія, до колѣнъ; боры подъ самыми лопатками.—Дѣвицы (*дѣвки*) носятъ *грибки*, родъ повойника, какъ у кормилицъ, только повыше, развилыстые, безъ *верху*; по лбу обшиваютъ широкимъ позументомъ, а къ позументу, сверхъ того, по лбу надѣваютъ поднизку, которую унизываютъ жемчугомъ, фестончиками; а сверху дѣвицы покрываются *коноватными фатами*, которыя не что иное, какъ большіе клѣтчатыя платки, въ длину и ширину по $2\frac{1}{2}$ аршина; на срединѣ ихъ проткано съ поларшина серебромъ въ клѣтку. Фаты носятъ дѣвушки на грибкахъ, а женщины на *покосныхъ кокошникахъ*, которые совершенно похожи на грибки, только шьются съ верхомъ. Фаты носятъ какъ покрывала. Въ полунарядъ надѣваютъ красныя суконныя сарафаны, которые называются *суконниками*, изъ алаго сукна, назади съ борами, а напереди—въ два ряда позументы; въ срединѣ—пуговицы отъ верху до низу; какъ проймы, такъ и спинка обшиваются позументами.

Въ Сольвычегодскѣ, національный костюмъ мужчинъ (разумѣется мѣщанъ и крестьянъ) состоитъ въ русскомъ суконномъ съ клиньями кафтанѣ (*зипунъ*), шапкѣ съ ушками (*чебакъ*), у щеголей—о четырехъ углахъ, изъ которыхъ одинъ пригнуть къ уху, и рубашкѣ вороткѣ (безъ галстука). Обувь: круглоносые сапоги съ красной или желтой вверху оторочкой (*бахилы*) или *чарки* (коты). Нарядное платье женщинъ составляли: на головахъ пожилыхъ *кораблики*, шитые золотомъ или серебромъ, а у нѣкоторыхъ унизанные жемчугомъ и обложенные собольимъ или куньимъ мѣхомъ; нарядъ молодыхъ: косыя шапки, такимъ же образомъ украшенныя, кромѣ мѣховаго околыша. Нарядъ дѣвицъ: короны, на подобіе обручка, съ позолоченными блестками, на плечахъ тѣлогрѣйки (*коротенько*), юбки (*исподнее*), изъ дорогихъ матерій сшитыя, и рубашки съ широкими накрахмаленными и по локоть длиною рукавами. Въ половинѣ прошлаго столѣтія носили на головахъ *треухи*, огромные, обложенные дорогими мѣхами. Дѣвицы, вышедшія замужъ, обязаны были непременно носить нѣсколько недѣль эту огромную машину и не снимать ее съ головы, хотя бы онѣ готовили кушанье или отправляли черную домашнюю работу. Талія прикрываема была подкопками, кунтышами и другими одеждами, несходными съ нынѣшними одеждами. Теперь *кораблики* вовсе почти перестали носить; косыя шапки также долго носились привязанными къ старинѣ женщинами и дѣвицами. Ежедневный костюмъ женщинъ и дѣвицъ почти одинаковъ: на головѣ фата (большой, на подобіе шали, шахматный шелковый съ золотомъ, или бумажный красный съ бѣлыми краями платокъ) на борушкѣ, а у дѣвицъ на обручкѣ надѣтая; на таліи—*коротенько* съ юбкой или сарафаномъ. Дѣвицы, строго исполнявшія старинныя обыкновенія, прикрывали лицо свое фатою до такой степени, что едва можно было видѣть у нихъ одинъ глазъ; въ церковь или въ гости ходили онѣ обыкновенно при такомъ прикрытіи, подъ водительствомъ какой-либо старухи.

О РУССКИХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ.

Н. В. Калачева.

Взаимныя отношенія, возникающія во всякомъ болѣе или менѣе значительномъ обществѣ людей, и врожденное человѣку стремленіе къ осуществленію правды или правомѣрности въ этихъ отношеніяхъ, служатъ основою у каждаго народа, на самыхъ первыхъ ступеняхъ его быта, нѣкоторыхъ, слагающихся постепенно и путемъ обычая утверждающихся, общихъ правилъ или условій, которымъ должна подчиняться общественная дѣятельность. Это есть начало права, или, говоря языкомъ западной науки,—юридическихъ институтовъ, т. е. такихъ учрежденій, которыя, развиваясь и группируясь по различію своего содержанія, вырастаютъ наконецъ въ цѣлый кодексъ *туземнаго* права, отличающій этотъ народъ отъ другихъ, по крайней мѣрѣ, неодноплеменныхъ съ нимъ націй. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ теченіе извѣстнаго времени, саморазвитіе народа и отношенія его къ иностранцамъ, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, не могутъ не имѣть вліянія на эти учрежденія: одни изъ нихъ получаютъ новое значеніе или форму, другія обобщаются, третьи вовсе исчезаютъ; но такое вліяніе никогда не уничтожаетъ коренную, *національную* ихъ основу. Такимъ образомъ слагается матеріалъ для исторіи народныхъ юридическихъ учрежденій. Этотъ матеріалъ, въ отношеніи къ такому отдѣлу народной жизни или его исторіи, который признается уже законченнымъ, долженъ быть названъ *юридическими древностями*. Самый предметъ этой науки, я думаю, можно бы довольно удачно опредѣлить названіемъ юридической этнографіи въ отношеніи къ древнему періоду исторіи народа.

Опредѣляя такъ юридическія древности, мы различаемъ ихъ съ одной стороны отъ *исторіи законодательства*, а съ другой—отъ *исторіи права* извѣстнаго народа. Законодательство есть совокупность постановленій, изданныхъ главою государства съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ обязательными для всѣхъ его подданныхъ. Но нерѣдко самое лучшее стремленіе законодателя не сходится съ народными убѣжденіями, обычаями и нравами. Да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, законъ есть не что иное какъ записанный обычай, онъ даетъ этому обычаю такую неподвижность и сухость, которыя тотчасъ же заставляютъ, при самомъ его осуществленіи на практикѣ, болѣе или менѣе отъ него уклоняться, обходить его. Вотъ почему изложеніе основы и составленія закона и изложеніе его примѣненія на практикѣ, равно какъ и юридическихъ понятій народа вообще, составляютъ двѣ различныя стороны его

исторіи. Иногда обѣ эти стороны сходятся въ томъ, что законъ исходитъ изъ народнаго начала и потомъ въ новомъ видѣ къ нему возвращается. Но очень многія народныя юридическія учрежденія не освящаются признаніемъ законодателя; тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ большое вліяніе на способъ исполненія народомъ самихъ законовъ, или на юридическую ихъ силу. Изученіе въ этомъ смыслѣ какъ *основы*, такъ и *развитія учреждений* извѣстнаго народа, въ связи съ *исторіей* его законодательства, называется *исторіей права* этого народа.

Изъ сказаннаго видно, что исторіи права должны предшествовать какъ исторія законодательства, такъ и *юридическія древности* народа.

Обращаясь къ изученію отечественнаго права, мы не можемъ не замѣтить, что въ послѣднее время разработка у насъ разныхъ частей исторіи русскаго законодательства сдѣлала значительные успѣхи: именно вышло въ свѣтъ много статей и даже цѣлыхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ памятникамъ законодательства, по древнему судопроизводству, по древнимъ учрежденіямъ, въ смыслѣ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, по началамъ права: уголовного и гражданскаго, въ Русской Правдѣ, Судебникахъ и Уложеніи. Но что есть у насъ по предмету юридическихъ древностей въ томъ смыслѣ, о которомъ я говорилъ выше? Смѣю отвѣчать: почти ничего. Даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя называются *Древностями*, мы или вовсе не находимъ юридическаго элемента, или же встрѣчаемъ выписки опять только изъ законодательныхъ памятниковъ съ немногими прибавленіями, взятыми изъ иностранныхъ писателей: Герберштейна, Олеарія и друг. Итакъ у насъ еще предстоитъ создать науку *русскихъ юридическихъ древностей*, относя къ ней весь отдѣлъ юридическаго быта нашего народа до Петра Великаго, какъ отдѣлъ уже законченный, всѣми такимъ признанный и названный потому *древней Россіей*. Позволяя себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой наукѣ, я, по новости ея, рѣшаюсь представить здѣсь только краткую ея программу, съ цѣлью получить отъ васъ, мм. гг., поучительныя указанія относительно недостатковъ или неполноты моихъ мыслей, такъ чтобы, по исправленіи ея согласно такимъ указаніямъ, она могла служить нѣкоторымъ руководствомъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы разрабатывать тотъ или другой отдѣлъ русскихъ юридическихъ древностей.

Для нашей программы можно было бы принять въ образецъ какое либо изъ иностранныхъ сочиненій по части юридическихъ древностей германскихъ, французскихъ и другихъ, между коими особенно видное мѣсто занимаетъ и пользуется заслуженной славой сочиненіе Якова Гримма: «*Deutsche Rechtsalterthümer*». Но я не могу не предпочесть такую систему изложенія древностей, которая вытекаетъ изъ самостоятельнаго изученія источниковъ нашего древняго юридическаго быта, и потому принимаю въ моей программѣ такіе отдѣлы, которые, такъ сказать, выставляютъ этотъ самый бытъ. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, могутъ быть сдѣланы пополненія, но опять-таки не иначе какъ вслѣдствіе изученія народныхъ памятниковъ; а это, мнѣ кажется, большая выгода передъ пріискиваніемъ матеріаловъ въ нашихъ источникахъ по программѣ Гримма или другаго иностраннаго ученаго.

Я полагаю бы начать наши юридическія древности съ разработки *семейныхъ отношений*. Въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, житіяхъ, Домостроѣхъ, пословицахъ и пѣсняхъ столько наглядныхъ, живыхъ указаній на эти отношенія, что читая ихъ и приводя во взаимную связь, нельзя не придти къ заключенію, что семейная жизнь

была у насъ не только колыбелью, изъ которой выросли наши общественныя отношенія, но долгое, очень долгое время давала направленіе и формы этимъ послѣднимъ. Глава семьи, глава рода—вотъ та власть, которая двигала всюю жизнью членовъ первобытнаго общества, которая представляла ихъ и заслоняла собою отдѣльныя личности. Но вникая въ самую среду древней семьи, мы не можемъ не замѣтить, что строгость домовладыки смягчалась вліяніемъ чувства крови, любви и религіи, а въ послѣдствіи и верховнаго правительства, которое, подчиняя себѣ главы родственныхъ союзовъ, постепенно устраняло политическое ихъ значеніе, такъ что въ XVII вѣкѣ патриархальное начало уже было разрушено по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ родамъ.

Послѣ семейныхъ и родовыхъ союзовъ явственнѣе всего выдѣляются *сельскіе, волостные* и *уездные міры*, съ ихъ разнородными сходками и сѣздами, съ ихъ выборными старостами, излюбленными головами и земскими судейками, съ ихъ общественными приговорами и земельными раздѣлами. Памятники, непосредственно относящіеся ко всѣмъ этимъ предметамъ, въ высшей степени любопытны: они указываютъ на понятія народа о своихъ правахъ, на отношенія міра къ землѣ, на начала народнаго суда и на прочія стороны народнаго быта, которыя лишь весьма случайно встрѣчаются въ памятникахъ законодательства.

Третій отдѣлъ юридическихъ древностей долженъ опредѣлить разныя состоянія, выработавшіяся постепенно, начиная съ древнѣйшаго времени: князья, бояре, боярскія дѣти, огнищане, дворяне, черные люди, смерды, рабы, холопы, и проч., различіе между людьми лучшими, средними и меньшими или худшими; значеніе духовенства и его отношеніе къ классамъ свѣтскимъ; происхожденіе и развитіе торговыхъ и именитыхъ людей и гостей; положеніе между русскими иностранцевъ и ихъ занятія или промыслы.

Отдѣлъ четвертый будетъ имѣть своимъ предметомъ выясненіе понятій народа о правительствѣ или верховной власти и его отношеніяхъ къ ней и ея представителямъ. Здѣсь, съ одной стороны, перечислятся цѣлый рядъ должностныхъ лицъ и учреждений, а съ другой покажется различіе ихъ правъ и обязанностей въ сравненіи съ правами и обязанностями представителей народа, и наконецъ раскроется отсюда весь строй древней администраціи и способы привлеченія народныхъ силъ и средствъ къ защитѣ государства и къ охраненію въ немъ порядка. Такимъ образомъ послѣдняя глава этого отдѣла будетъ посвящена обозрѣнію существовавшихъ въ древней Россіи повинностей и сборовъ, регалій, службы и т. п.

Отдѣлъ пятый представитъ Русь какъ единое государство въ его отношеніяхъ къ державамъ и народамъ иностраннымъ: въ немъ будетъ умѣстно сгруппировать данныя, свидѣтельствующія о сочувствіи русскихъ къ своимъ единовѣрцамъ и соплеменникамъ и отчужденіи ихъ отъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ; а за тѣмъ объяснить тѣ причины, которыя содѣйствовали подъ конецъ древней исторіи Россіи не только сближенію нашихъ предковъ съ иностранцами, но и значительному вліянію послѣднихъ на разныя стороны народнаго быта. Здѣсь же надлежитъ выяснитъ тѣ понятія о международномъ правѣ, которыя встрѣчаются въ договорахъ съ иностранными государствами, а также высказываются въ самыхъ побужденіяхъ къ войнамъ или мирнымъ сношеніямъ и въ сужденіяхъ или выраженіяхъ, сохранившихся въ современныхъ памятникахъ, въ особенности въ посольскихъ наказахъ и статейныхъ спискахъ.

Отдѣлъ шестой слѣдуетъ, по мнѣнію моему, посвятить самостоятельному изслѣдованію народныхъ юридическихъ понятій о правѣ на вещи, независимо отъ семейнаго быта и мірской земли, и о правѣ по обязательствамъ: въ немъ должны быть объяснены разные способы приобрѣтенія вообще и въ частности понятія о завладѣніи, находкахъ и давности, разные виды пользованія и собственность, въ томъ числѣ права: помѣстное и вотчинное, частные договоры и сдѣлки, и между ними кабалы, отношенія рабовъ и холопей къ своимъ господамъ, отпущеніе на волю и завѣщанія, наконецъ наслѣдство; говоря же въ особенности о частномъ правѣ на землю, необходимо остановиться на разграниченіи земельныхъ участковъ межами, на приведеніи ихъ въ извѣстность посредствомъ писцовыхъ книгъ, опредѣленіи ихъ мѣры посредствомъ сошного и вытнаго письма, и на правахъ на воды и лѣса. Въ связи со всѣми предметами, здѣсь исчисленными, найдутъ себѣ мѣсто понятія объ охраненіи или защитѣ частныхъ правъ судомъ и разные способы его производства или разбирательства тяжбныхъ дѣлъ.

Отдѣлъ седьмой долженъ быть продолженіемъ предыдущаго, заключая въ себѣ понятія народа по уголовному праву. Здѣсь надлежитъ рассмотреть: какъ возникло въ древней Руси сознаніе о томъ, что извѣстныя дѣйствія должны быть наказываемы? какія преступленія какимъ наказаніямъ подвергались, и потому какія считались болѣе тяжкими и какія менѣе важными? Какія, наоборотъ, дѣйствія, признаваемые нынѣ преступными, въ древности не считались ни вредными, ни грѣховными, и почему? Кѣмъ дѣлались приговоры о наказаніяхъ, и кѣмъ и какъ самыя наказанія приводились въ исполненіе?

Отдѣлъ восьмой, какъ заключительный, долженъ опредѣлить: какія начала и понятія, указанныя въ предыдущихъ отдѣлахъ, перешли въ разное время въ законодательство и тѣмъ дали ему національную основу. Разсмотрѣніе въ этомъ отношеніи не только древнѣйшихъ грамотъ, но и Судебниковъ и Уложенія царя Алексѣя Михайловича дастъ, безъ сомнѣнія, весьма обильные и драгоцѣнные выводы, которые, съ своей стороны, послужатъ руководствомъ для опредѣленія въ исторіи русскаго права настоящаго значенія этихъ законодательныхъ памятниковъ.

Относительно самаго способа изложенія каждаго изъ этихъ отдѣловъ мнѣ казалось бы на первый разъ полезнымъ принять методу, которую можно назвать *описательною*, предпочтительно передъ методою критическаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи изложеніе Гримма поражаетъ своею наглядностью, рельефностью и, такъ сказать, документальностію, и русскій юристъ можетъ только ему послѣдовать. Вамъ говорится о томъ или другомъ учрежденіи народа, и вотъ вы дѣйствительно слышите его живое слово, его выраженія, сужденія и доводы. Вамъ, на примѣръ, объясняется судъ, какъ его вершили мірскіе судейки съ своими товарищами, окруженные свидѣтелями и толпою народа, и вотъ вы слышите голосъ истца: «жалоба мнѣ, господине судья, на того-то и на то-то». Судья, обращаясь къ отвѣтчику, говоритъ: «отвѣчай». Передъ вами допросы свидѣтелей и наконецъ самый приговоръ въ его подлинникѣ. Или, вотъ дѣлится сельскимъ міромъ общественная земля: церковный сторожъ (трапезникъ) уже давно оповѣстилъ всѣхъ участниковъ въ землѣ объ этомъ раздѣлѣ; отовсюду стекаются старики въ назначенный часъ. Передъ старостой лежитъ веревка, которую придется мѣрить, гдѣ нужно, землю, а земскій дьячекъ держитъ свитокъ или книгу, въ которой значатся мірскія *бѣлки*, т. е. участки прежняго

раздѣла, какіе были прежніе сборы и какъ кто платилъ. Міръ допускаетъ и новыхъ участниковъ изъ пришлыхъ, просящихся къ нему въ тягло, и составляетъ о томъ приговоръ. Наконецъ всѣ доли опредѣлены, бѣлки и повинности разверстаны или *розрублены*, и дьякъ читаетъ отъ слова до слова народный приговоръ, который называется *розрубникомъ*. Не менѣе наглядно рисуютъ намъ древніе памятники и отношенія народа къ правительственнымъ властямъ, въ особенности по случаю разныхъ сборовъ. Какъ и теперь, присланный воеводою для сбора подьячій или вообще служилый человѣкъ, пріѣзжая въ какое либо село или деревню, становился у сотскаго. Его встрѣчали съ почетомъ и угощеніемъ. Если сборъ былъ неожиданный, то міръ сходился для его раскладки; если же служилый человѣкъ пріѣзжалъ для того, чтобы понудить къ просроченному уже сбору, то міръ сходился, чтобы уладить дѣло съ воеводой: онъ выбиралъ изъ среды себя нѣсколько человѣкъ, которые должны были отвезти ему гостинцы: рыбу, колачи, деньги, и т. под., а на случай, если бы и это не помогло къ отсрочкѣ сбора, то нанималъ изъ своей же среды молодцовъ, которые должны были *стоять на правешъ*, т. е. до тѣхъ поръ передъ воеводскою избою въ городѣ быть битыми ежедневно батогами, пока не пополнится сборъ. Подлинныя приговоры сходовъ по такимъ предметамъ, равно какъ отчеты, росписи или памяти посельныхъ въ городѣ съ означенными порученіями такъ живо характеризуютъ тогдашніе нравы и обычаи, какъ не можетъ этого сдѣлать никакое новѣйшее изложеніе.

Въ заключеніе я позволяю себѣ сказать нѣсколько подробнѣе о самыхъ матеріалахъ, на основаніи коихъ придется разрабатывать русскія юридическія древности. Матеріалы эти двухъ родовъ: одни изъ нихъ суть памятники письменные, другіе могутъ быть названы бытовыми. Первые подраздѣляются на юридическіе и неюридическіе. Но и между памятниками юридическими необходимо сдѣлать разграниченіе: изъ нихъ бѣльшая часть относится къ дѣятельности законодательной и правительственной верховной власти и ея представителей. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь внимательный и опытный наблюдатель съумѣетъ отыскать болѣе или менѣе ясно выдающіяся начала народной жизни и во всякомъ случаѣ не оставитъ указаній, представляющихъ въ этихъ памятникахъ объ отношеніяхъ правительства къ народу. Но для нашего предмета особенную важность и интересъ заключаютъ въ себѣ тѣ юридическіе памятники, которые, такъ сказать, возникли и осуществились въ средѣ самого народа: это именно упомянутые выше судейскіе и другіе приговоры, розрубники, памяти, подававшіяся мірскимъ сходкамъ старостами, цѣловальниками и разными посельными для исполненія мірскихъ порученій; отчеты въ сборѣ и употребленіи мірскихъ денегъ; наконецъ условія міра съ разными лицами изъ своей среды или съ посторонними по отправленію извѣстной повинности или работы за міръ, какъ-то: объ отвозѣ казенныхъ припасовъ, о какой-либо казенной постройкѣ, о кладкѣ и отдѣлкѣ сельской церкви, и тому под. Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени издатели матеріаловъ чрезвычайно мало обращали вниманія на эти документы, поясняющіе народный бытъ. Справедливость требуетъ сказать, что Археографическая Комmissія въ С-Петербургѣ первая познакомила насъ съ нѣкоторыми памятниками этого рода въ изданныхъ ею въ 1838 году «Юридическихъ Актахъ», послѣ чего подобныя акты стали появляться и въ другихъ изданіяхъ. Но самыя интересныя изъ нихъ—мірскіе и судейскіе приговоры—ждутъ еще своего обнародованія. Я съ своей стороны могъ отчасти коснуться здѣсь ихъ содержанія, потому что у меня въ рукахъ до сотни

такихъ приговоровъ, которые я тщательно выбралъ изъ разныхъ архивовъ; но это собраніе еще далеко не полно, и потому было бы преждевременно приступать къ напечатанію его какъ пособія для разработки юридическихъ древностей.

Но какъ юридическіе, такъ и неюридическіе памятники содержатъ въ себѣ множество указаній на юридическіе обычаи, приемы или формы, сдѣлки и вообще юридическій бытъ нашихъ предковъ не только въ отношеніяхъ ихъ между собою и къ правительственнымъ властямъ, но и къ предметамъ физическаго міра. Такъ указаніе мимоходомъ на какой-либо символъ можетъ заключать въ себѣ свидѣтельство объ обрядахъ и силѣ извѣстной сдѣлки. Я приведу въ примѣръ доселѣ существующій въ народѣ обычай *рукобитія* въ знакъ совершенія или dokonчанія какого-либо договора, особенно купли-продажи, и въ частности укажу на передачу лошадей не иначе какъ съ поводомъ, придерживаемымъ полой кафтана или шубы. Такъ въ старину *образное хожденіе*, т. е. обхожденіе межи или границъ земли съ образомъ въ рукахъ для указанія ихъ, признавалось такимъ доказательствомъ со стороны стариковъ или знахарей этихъ границъ, которое должно было рѣшать окончательно происходившіе о нихъ споры. На многіе обычаи намекаетъ часто законъ, запрещая ихъ какъ грѣховныя, предосудительныя или же какъ невыгодныя съ фискальной точки зрѣнія. Но особенно богатыя данныя заключаютъ въ себѣ для объясненія народнаго быта памятники, относящіеся къ владѣнію и пользованію землями, лѣсами и водами: въ нихъ разсѣяны драгоцѣнныя свѣдѣнія о понятіяхъ нашихъ предковъ относительно простраіства и предметовъ владѣнія; о границахъ, ихъ опредѣленіи и значеніи; о разныхъ способахъ измѣренія земель; о раскладкѣ повинностей по качеству и свойствамъ земельныхъ участковъ; о правѣ вѣзда въ лѣса и пользованіи ими; о выгонахъ, водопояхъ, и проч. и проч. Нельзя наконецъ оставить безъ вниманія и внѣшнюю форму документовъ, такъ какъ часто ею одною можетъ быть объяснено значеніе извѣстнаго юридического обычая или дѣйствія и его сила или же устраненіе въ народной жизни.

Къ памятникамъ бытовымъ, которые такъ же какъ и письменныя необходимо изслѣдовать при разработкѣ юридическихъ древностей, я отношу обычаи, вѣрованія, разные обряды или формы и другія проявленія юридического свойства въ современномъ намъ бытѣ, дѣйствіяхъ и обстановкѣ разныхъ классовъ русскаго общества. Многіе изъ нихъ напоминаютъ намъ и даже олицетворяютъ не только древнѣйшіе обычаи и нравы нашихъ предковъ, но и самыя факты ихъ жизни. Здѣсь я не могу не вспомнить прекрасныхъ статей профессоровъ Кавелина и Соловьева, написанныхъ первымъ по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія г. Терещенки: «Бытъ русскаго народа»; а вторымъ при составленіи 1-й книги огромнаго историческаго его труда о Россіи. Въ наше время практической дѣятельности почти вовсе забытъ этотъ прекрасный способъ — объясненіемъ намъ современнаго быта дѣлать для насъ разумнымъ и любезнымъ минувшій и потому отдаленный отъ насъ міръ нашихъ предковъ, и только вышедшіе недавно сочиненія Афанасьева ⁽¹⁾ и Котляревскаго ⁽²⁾ освѣжили нашъ умъ, утомленный заботами о лучшемъ устройствѣ нашей текущей жизни. Но для того, чтобы горячо, истинно любить отечество и тѣмъ усерднѣе служить его благу, должно знать и умѣть цѣнить его прошедшее, перестрадать вмѣстѣ съ нашими предками, изученіемъ ихъ исторіи, то, что они вынесли, и отдавать надлежащую дань ихъ доблести и заслугамъ.

(1) Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу.

(2) О погребальныхъ обрядахъ у Славянъ.

ЗАСѢКИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

Н. В. Калачева.

Засѣкой называлось въ старину значительное пространство въ лѣсахъ, вырубленное на всемъ протяженіи линіи, примыкавшей за лѣсомъ къ *чертѣ*, устроенной для огражденія русскихъ владѣній отъ нападенія непріятелей. На этомъ пространствѣ вырубленный лѣсъ сваливался въ одну сторону, именно къ наружной границѣ засѣки, такъ чтобы онъ могъ преграждать непріятелю свободный проходъ въ лѣсъ, отчего и назывался заваломъ. Но въ обширномъ смыслѣ слова,—такъ какъ засѣки уже устраивались съ XV вѣка, а лежавшія на границахъ Россіи земли были тогда большею частію покрыты дремучими лѣсами,—какъ *чертой* вообще, такъ и *засѣчной* чертой и наконецъ *засѣкой* называлась также вся линія укрѣпленій и другихъ искусственныхъ преградъ, которыя были противопоставлены непріятелю для обороны государства, какъ-то: рвы и валы, земляныя, деревянныя и даже каменныя укрѣпленія съ ихъ башнями, рогатками, и проч.

Эти оборонительныя черты или засѣки представляютъ въ высшей степени интересный предметъ для изслѣдователей, посвящающихъ свои розысканія внутреннему быту народа. Въ этомъ отношеніи важнѣйшую роль играютъ конечно не самыя укрѣпленія и способы ихъ сооруженія, но поселенные на засѣкахъ служилые люди съ цѣлью ихъ защиты и отраженія непріятелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это населеніе должно было представлять собою русскій элементъ, или собственно *Русь* въ противоположность остававшимся за чертою землямъ, обыкновенно ненаселеннымъ и потому называвшимся *степями*, такъ что это различіе названій удерживалось долго и послѣ того какъ значеніе засѣкъ, въ смыслѣ преграды или защиты отъ непріятеля, уже исчезло на практикѣ. Но на самомъ дѣлѣ различіе между русскими людьми, поселенными на чертахъ, и инородцами—татарами, мордвою, черемисами и проч., приблизившимися съ теченіемъ времени къ предѣламъ Россіи и наконецъ даже вошедшими въ ея составъ—не могло удерживаться надолго, тѣмъ болѣе что и самыя служилые люди набираемы были кличемъ изъ разныхъ мѣстъ. Такъ образовалось здѣсь смѣшанное населеніе, въ которомъ до сихъ поръ элементы русскій и инородческіе еще явственны, но тѣмъ не менѣе представляютъ характеристическіе результаты этого смѣшенія. Вотъ почему изслѣдователь засѣкъ можетъ въ одно и то же время имѣть въ виду двѣ цѣли, именно: съ одной стороны собирать матеріалы для исторіи укрѣпленій въ древней Россіи и постепеннаго ея расширенія, а съ другой—изучать здѣшнее населеніе, разросшееся теперь въ многочисленныя слободы, села и деревни, поражающія наблюдателя своими особенностями.

Предметъ этотъ такъ еще новъ въ нашей литературѣ, что, взявъ на себя сказать о немъ нѣсколько словъ, я рѣшился на это единственно потому, что случайно мнѣ попало въ руки нѣсколько весьма важныхъ матеріаловъ XVII вѣка, служащихъ къ объясненію заложенія или *строенія*, какъ это тогда технически называлось, въ разныхъ мѣстностяхъ оборонительныхъ линій или засѣкъ, съ означеніемъ въ *строельныхъ* и *засѣчныхъ* книгахъ, составлявшихся по этому случаю, поселенныхъ на нихъ служилыхъ людей, а также городовъ и селеній, откуда они были взяты, и земель имъ розданныхъ. Считаю впрочемъ долгомъ замѣтить, что эти книги еще въ значительной степени, какъ я постараюсь ниже доказать, могутъ и должны быть пополнены документами, уцѣлѣвшими въ разныхъ архивахъ, а наконецъ объяснены изслѣдованіями на мѣстахъ, при чемъ любителямъ этнографіи представится удобный случай оживить свои сухія розысканія наблюденіями надъ обычаями, нравами, языкомъ, словомъ надъ всѣмъ бытомъ населенія, обитающаго на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи древнихъ засѣкъ.

Книги, о которыхъ я намѣренъ здѣсь говорить, относятся всѣ къ XVII-му вѣку. Поэтому я не буду останавливаться на чертахъ XVI-го вѣка, указанныхъ П. Д. Бѣляевымъ въ его прекрасной статьѣ о станичной и сторожевой службѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдователи, которые захотятъ воспользоваться для предлагаемой цѣли матеріалами, мною найденными, начнутъ съ матеріаловъ, описанныхъ и объясненныхъ въ этой статьѣ.

Засѣчныя книги, изъ которыхъ я сообщаю здѣсь относящіяся къ настоящему предмету свѣдѣнія, хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Самыя раннія изъ нихъ принадлежатъ къ 1640-мъ годамъ, самыя позднія къ 1680-мъ годамъ. Всѣ онѣ представляютъ нѣсколько группъ, которыя относятся къ слѣдующимъ главнымъ засѣкамъ: Одоевскимъ и Лихвинскимъ, Тульскимъ, Ряжскимъ, Рязанскимъ и Козельскимъ. Къ первымъ—Одоевскимъ и Лихвинскимъ—принадлежатъ слѣдующія ихъ части или мѣстныя засѣки: Снецкая, Полошевская, Уляжская, Боровенская и Слободецкая. Ко вторымъ—Тульскимъ—принадлежатъ мѣстныя засѣки: Малиновая, Щегловская, Кортосеневская, Веневская, Веркушевская, Каширская и Корницкая. Къ засѣкамъ Ряжскимъ отнесены въ засѣчныхъ книгахъ: Рановская, Пустотинская и Новошацкая; къ засѣкамъ Рязанскимъ—Вожская и Красносельская; наконецъ къ Козельскимъ—Столицкая, Дубенская, Кцынская и Ясенецкая. Кромѣ того есть книги Бѣлевской, Орловской и Перемышльской засѣкъ. Изъ этого перечисленія видно, что рассмотрѣнныя до сихъ поръ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи засѣчныя книги, начиная съ Тульской и Калужской (нынѣшнихъ) губерній, доходятъ до Тамбовской. Я надѣюсь однако, что вскорѣ въ томъ же архивѣ найдутся еще другія засѣчныя книги изъ числа документовъ, доставляемыхъ въ настоящее время въ этотъ архивъ изъ всѣхъ архивовъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ. Но и независимо отъ официального описанія засѣкъ въ строельныхъ и собственно засѣчныхъ книгахъ, онѣ могутъ быть розыскиваемы по матеріаламъ, относящимся къ разнымъ частямъ областного управленія въ древней Россіи. Такъ, при разборѣ мною документовъ Инсарскаго Архива Уѣзднаго Суда (Пензенской губ.), я отыскалъ многіе слѣды бывшей Инсарской черты. Прослѣдивъ ее на мѣстѣ, я нашелъ на ней слѣдующія селенія, бывшія въ старину крѣпостями: Потышскую и Засѣчную слободы, село Адашево, деревни Алегино и Алексу; далѣе открылъ по актамъ «засѣчныя Кортяевскія крѣ-

пости и Кортяевскій острогъ»; наконецъ остроги: Туляевскій, Сукменскій и Лухменскій. Изъ актовъ же почерпнулъ я свѣдѣнія, что за рѣкою Лухмою Инсарская черта соединялась съ Нижнеломовскою и вмѣстѣ съ тѣмъ примыкала къ засѣкѣ, устроенной уже въ 1636 году на пространствѣ отъ Шацка, чрезъ Нижній Ломовъ, до Тамбова, а отъ Тамбова до Козлова; а въ 1677 году была проведена укрѣпленная черта Пензенская, вслѣдствіе чего «Инсарская черта стала въ Пензенскомъ валу». Другое подтвержденіе тому, что свѣдѣнія о засѣкахъ могутъ быть находимы и въ другихъ документахъ, кромѣ засѣчныхъ и строельныхъ книгъ, мы находимъ въ статьѣ, читанной на нашемъ съѣздѣ К. И. Невоструевымъ, подъ заглавіемъ: «Симбирское городище». Вотъ что говоритъ здѣсь авторъ по поводу перенесенія города Симбирска на нагорную сторону Волги: «Началомъ своимъ (на горѣ) Симбирскъ одолженъ мысли правительства провести черту отъ Волги до Суры къ прежде устроенной Тамбовской чертѣ. По (новой) чертѣ построены были городки или остроги, обведенные валами: Юшанскъ, Тагай, Уренскъ, городъ Карсунъ, Малый Карсунъ, или Погорѣлый, Аргашъ, Сурскій острогъ». Наконецъ считаю не лишнимъ упомянуть, что въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ) я нашелъ нѣсколько документовъ, относящихся къ чертѣ Самарской.

Въ заключеніе я предложу замѣчаніе о правилахъ, на основаніи которыхъ должно, по мнѣнію моему, изслѣдовать засѣки или провѣрять находящіеся о нихъ свѣдѣнія въ засѣчныхъ книгахъ и другихъ документахъ на мѣстахъ. Очевидно, что ближе и лучше всего могутъ это дѣлать лица, живущія по близости къ прежнимъ засѣкамъ, разумѣется если онѣ обладаютъ достаточными для повѣрки означенныхъ свѣдѣній знаніемъ и опытностію. А такіе лица конечно найдутся между мѣстными помѣщиками, учителями и чиновниками, а въ губернскихъ городахъ между членами статистическихъ комитетовъ. Необходимо только, чтобы предварительно данныя, заключающіяся въ засѣчныхъ книгахъ и другихъ документахъ, были напечатаны и имъ сообщены съ поясненіемъ, что именно желательно въ отношеніи къ повѣркѣ этихъ данныхъ на мѣстахъ. Но для полного успѣха въ изслѣдованіяхъ съ цѣлью, предложенною въ началѣ моего доклада, было бы особенно полезно отправить на мѣста предполагаемыхъ розысканій комиссію, составленную изъ этнографовъ и археологовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ даже художниковъ, для снятія остатковъ древнихъ засѣчныхъ укрѣпленій, насыпей и поселеній, а также типовъ и костюмовъ жителей бывшихъ засѣчныхъ земель. Такая комиссія, безъ сомнѣнія, болѣе удовлетворитъ желаемой цѣли, нежели отдѣльныя, хотя бы и очень усердныя къ дѣлу лица. Впрочемъ, такъ какъ для того, чтобы ближе ознакомиться съ бывшими засѣками извѣстнаго уѣзда и даже розыскать слѣды ихъ, утратившіеся отъ времени, необходимо имѣть положительные и вѣрныя свѣдѣнія о мѣстностяхъ, гдѣ онѣ предполагаются или дѣйствительно находятся,—то желательно, чтобы такіе свѣдѣнія были подготовлены мѣстными любителями старины.

Не могу наконецъ не остановиться на той мысли, что обследованіе засѣкъ могло бы въ непродолжительное время приведено быть въ исполненіе, еслибы археологическій съѣздъ призналъ удобнымъ заявить въ этомъ отношеніи свои сужденія Русскому Географическому Обществу. Я указываю на это Общество именно потому, что этнографія Россіи, которая должна значительно обогатиться предполагаемыми изслѣдованіями, входитъ въ программу его занятій, и оно уже неоднократно снаряжало

экспедиціи съ такою цѣлью; кромѣ того самое розысканіе и описаніе засѣкъ, какъ древнихъ военныхъ поселеній, относятся къ числу специальныхъ занятій Географическаго Общества. Но особенно полагаю я возможнымъ отнестись къ этому Обществу съ означеннымъ заявленіемъ въ настоящее время, потому что въ средѣ его только-что возникло предпріятіе, которое близко подходитъ къ изданію засѣчныхъ и строельныхъ книгъ,—я говорю объ обнародованіи составляемыхъ мною, по его порученію, извлеченій изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ. При обсужденіи содержанія этихъ книгъ мною было указано, что къ числу ихъ относятся и книги засѣчныя, но что было бы желательно издать ихъ особо, по специальности предмета, къ которому онѣ относятся, и по интересу, который связанъ съ провѣркою заключающихся въ нихъ матеріаловъ на мѣстахъ. Такимъ образомъ, одновременно съ изданіемъ извлеченій изъ писцовыхъ книгъ, Географическое Общество могло бы приступить къ изданію книгъ засѣчныхъ и къ собранію данныхъ, находящихся въ другихъ документахъ о засѣкахъ, а за тѣмъ разослать эти данныя для подготовленія свѣдѣній, которыми должна будетъ воспользоваться коммиссія, имѣющая быть посланною на мѣста. По исполненіи же коммиссіей своей задачи, на Географическомъ Обществѣ останется забота—составленіе карты засѣкъ древней Россіи, какъ матеріалъ необходимый для пополненія картъ, предполагаемыхъ къ изданію извлеченій изъ писцовыхъ книгъ. Только этимъ путемъ, скажемъ кстати, представляется намъ возможнымъ возстановить карту къ книгѣ Большаго чертежа, о чемъ такъ давно и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, тщетно заботится Географическое Общество; а потому я и льщу себя надеждой, что заявленіе ему археологическимъ съѣздомъ о моемъ предложеніи и о своихъ по этому предмету сужденіяхъ будетъ имъ принято не иначе какъ съ сочувствіемъ.

АРХИВЫ.

Н. В. Калачева.

Архивомъ называется съ одной стороны собраніе, а съ другой—мѣсто храненія документовъ, относящихся до извѣстнаго лица и его рода, до какого либо частнаго имѣнія, или же до болѣе или менѣе значительнаго установленія, государственнаго или общественнаго. Отсюда происходитъ различіе между архивами *частными*, къ которымъ принадлежать и фамилные, и архивами *общественными*, между коими главное мѣсто по своей важности и многочисленности занимаютъ архивы *правительственные*. Значеніе этихъ хранилищъ официальныхъ по преимуществу актовъ, заключающихъ въ себѣ не только факты о дѣятельности установленій и лицъ, къ которымъ они относятся, но и доказательства на принадлежащія тѣмъ и другимъ права, имущественныя и личныя, само собою очевидно и бесспорно. Но лишь съ весьма недавняго времени какъ правительство, такъ и частныя лица стали у насъ обращать особенное вниманіе на свои архивы. Какъ еще въ ближайшіе къ намъ годы съ ними небрежно обходились, какъ ихъ расхищали и уничтожали, извѣстно конечно всѣмъ и каждому. Въ подтвержденіе этого я приведу нѣсколько примѣровъ изъ собственнаго опыта. Въ бывшемъ нѣкогда княжескомъ удѣльномъ городѣ Юрьевѣ-Польскомъ (Владимірской губ.), въ уѣздѣ котораго я родился, я думалъ начать свои архивныя розысканія, когда, по выходѣ изъ университета, предался имъ съ юношескимъ жаромъ. Здѣсь должны быть древніе документы и даже столбцы, спрашивалъ я стараго архивариуса уѣзднаго суда.—«Да, отвѣчалъ онъ хладнокровно, были; но недавно, вслѣдствіе распоряженія начальства уничтожать ненужныя бумаги, сожжены». Въ пятидесятихъ годахъ я былъ вызванъ въ одно родовое имѣніе моей матери, куда она сама пріѣхала тогда временно. Вскорѣ я замѣтилъ, что разныя вещи обвертываютъ въ старинныя бумаги. Я спросилъ откуда ихъ берутъ, узналъ, что ихъ много на чердакѣ дома и разумѣется поспѣшилъ забрать ихъ: въ числѣ ихъ оказались не только юридическіе документы, но и нѣсколько любопытныхъ историческихъ матеріаловъ XVIII-го столѣтія.—Нѣсколько позже я осматривалъ, по порученію Археографической Коммиссіи, уѣздные архивы. Въ городѣ Мокшанѣ (Пензенск. губ.) мнѣ показали довольно большой сундукъ, буквально набитый столбцами XVII-го вѣка. Я успѣлъ только отмѣтить у себя въ записной книжкѣ эту находку, не забывъ впрочемъ сказать архивариусу уѣзднаго суда, гдѣ она хранилась, что можетъ быть видѣнные мною документы потребуются въ Петербургѣ, то чтобы были цѣлы. Въ прошедшемъ году, когда я, по должности управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, сталъ принимать документы до 1800 г., присылаемые въ этотъ архивъ изъ всѣхъ

упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, я вспомнилъ, по случаю присылки дѣлъ изъ Мокшанскаго Уѣзднаго Суда, о моей тамошней находкѣ. Но сундука, туго набитаго столбцами, который я самъ видѣлъ, и даже ни одного столбца между присланными дѣлами не оказалось. Я завелъ переписку съ уѣзднымъ судьей и стряпчимъ, настоятельно требуя этихъ документовъ. Отвѣтъ послѣдовалъ такой, что архивариусъ, бывшій въ 1854 г., когда я проѣзжалъ черезъ Мокшань, умеръ, а мѣсто его занялъ другой, который никакихъ столбцовъ въ сундукѣ не принималъ, да и въ описяхъ ихъ не значилось.—Можно себѣ представить сколько тысячъ, даже миллионовъ документовъ погибло такимъ образомъ въ разныхъ концахъ Россіи.

Спрашивается: какъ устранить такіе случаи гибели историческихъ и юридическихъ матеріаловъ? Какъ сохранить ихъ для потомства, которое, можно надѣяться, научится вполне цѣнить ихъ значеніе и важность не только для ученыхъ, но и для практическихъ цѣлей, и конечно упрекнетъ насъ за нерадѣніе о нихъ? Какъ, наконецъ, устроить заведенные для того архивы такъ, чтобы они вполне соответствовали своему назначенію—быть *хранилищами документовъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова?

Мало того, что въ настоящую пору, какъ я сказалъ выше, правительство и частные владѣльцы обратили у насъ вниманіе на архивы. Въ чемъ можетъ выразиться это вниманіе, если самыя лица, которымъ ввѣряется храненіе документовъ, весьма часто не понимаютъ ихъ важности, не цѣнятъ ихъ достаточно и не умѣютъ съ ними обращаться? Въ самомъ дѣлѣ, архивы суть не только складочное мѣсто покойниковъ, какъ остроумно выразился одинъ чиновникъ, перекладывая вязки дѣлъ своего архива изъ прежнихъ картоновъ или гробовъ въ новые. Нѣтъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ богатыя сокровищницы, откуда изслѣдователи черпаютъ свѣдѣнія, дающія жизнь и плоть ихъ идеямъ и соображеніямъ, а люди дѣловые, вращающіеся въ практической сферѣ, выносятъ доказательства для своихъ заявленій или требованій въ судебныхъ и другихъ установленіяхъ. Но, по множеству наполняющихъ нѣкоторые архивы документовъ, они нерѣдко представляютъ лабиринты, въ которыхъ необходима руководная нить, чтобы найти не только стороннему лицу, но и самимъ архивариусамъ потребный документъ. Какъ, слѣдовательно, должно располагать въ архивныхъ комнатахъ, шкапахъ и на сдѣланныхъ для того полкахъ столбцы, книги и дѣла, и какими условіями обставить ихъ пользованіе, чтобы они не лежали подъ спудомъ, а были доступны для всѣхъ, кто обратится въ архивъ за поясненіемъ и разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, или для полученія доказательствъ на свои права; а съ другой стороны, чтобы самое исполненіе такой задачи облегчить и вмѣстѣ съ тѣмъ согласовать съ требованіемъ храненія документовъ въ цѣлости и порядкѣ?

Мнѣ извѣстно, что многіе изъ просвѣщенныхъ любителей старины, которые завѣдывали архивами или частью того или другаго архива, не разъ задавали себѣ этотъ вопросъ и даже старались отвѣчать на него выполненіемъ предположенной въ немъ цѣли. Такому прекрасному стремленію этихъ друзей науки и человѣчества мы обязаны добросовѣстно составленными подъ ихъ наблюденіемъ описями разныхъ отдѣловъ въ тѣхъ архивахъ, гдѣ они служили. Такъ, нельзя безъ особенной благодарности вспомнить о сорокалѣтнихъ трудахъ Бантышъ-Каменскаго, управлявшаго въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (нынѣ Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ). Такъ, въ бытность государственнымъ секретаремъ барона М. А. Корфа, приведенъ въ порядокъ Архивъ Государственнаго Совѣта.

Такъ занимающіеся въ Государственномъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ признательно отзываются объ удобствахъ пользоваться въ немъ матеріалами XVIII-го столѣтія, благодаря завѣдыванію ими академикомъ Пекарскимъ. Въ послѣднее время въ Дворцовый Архивъ въ Москвѣ поступили на службу такіе знатоки и любители старины, которые заставляютъ надѣяться на устройство этого замѣчательнаго собранія документовъ; но и ихъ озабочиваютъ предложенные выше вопросы и способы ихъ лучшаго разрѣшенія.

Болѣе или менѣе удовлетворительныхъ отвѣтовъ на означенные вопросы мы можемъ естественно искать въ тѣхъ описаніяхъ документовъ разныхъ архивовъ, которыя были предприняты по указанію правительства и частью уже выполнены, съ цѣлью изданія ихъ въ свѣтъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Министерству Юстиціи. Въ 1835 г. бывший тогда Министръ Юстиціи Дм. Вас. Дашковъ учредилъ Комитетъ для приведенія въ извѣстность и порядокъ документовъ Московскихъ Архивовъ: Вотчиннаго, Государственнаго Старыхъ дѣлъ и Разряднаго или Сенатскаго. Въ положеніи, преподанномъ въ руководство Комитету, ему было вмѣнено въ обязанность обозрѣть эти архивы во всѣхъ отношеніяхъ и составить имъ подробныя описанія, отдѣляя документы почему либо особенно замѣчательные отъ прочихъ. Комитетъ существовалъ до 1842 г., но издалъ только начало порученнаго ему описанія по Вотчинному Архиву, состоящее въ занумерованіи каждаго документа и означеніи какимъ документамъ составлены описи и алфавиты и какимъ ихъ недостаетъ. Но трудами Комитета воспользовался отчасти бывший инспекторъ, а потомъ директоръ означенныхъ архивовъ П. И. Ивановъ, который издалъ въ свѣтъ описанія Архивовъ Разряднаго и Старыхъ дѣлъ, а объ Архивѣ Вотчинномъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ сочиненіи: «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ». При всемъ однако уваженіи къ этимъ трудамъ моего предмѣстника, я не могу не замѣтить, что въ нихъ недостаетъ самаго, по мнѣнію моему, существеннаго въ описаніи архива, именно—свѣдѣній о содержаніи документовъ по ихъ главнымъ отдѣламъ, которыя были бы результатомъ разсмотрѣнія самыхъ документовъ. Главное вниманіе составителя означенныхъ описаній было обращено на исторію учреждений, конхъ документы хранятся въ архивахъ, и на ихъ количество по разрядамъ,—свѣдѣнія, конечно не безполезныя, но въ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе что у Иванова онѣ почерпнуты большею частью изъ Полнаго Собранія Законовъ, а частью изложены догадочно. Такимъ образомъ только изъ приложений составителя къ своимъ описаніямъ нѣкоторыхъ подлинныхъ документовъ мы можемъ заключать, что онъ думалъ этимъ способомъ удовлетворить потребности стороннихъ архивамъ лицъ ближайшаго ознакомленія съ ихъ документами.

Въ 1862-мъ году, по докладу графа Д. Н. Блудова, Высочайше повелѣно приступить къ описанію Архивовъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Этотъ громадный трудъ въ настоящее время доведенъ, съ нѣкоторыми промежутками, до 1825 года; но онъ будетъ печататься лишь постепенно, по мѣрѣ окончанія болѣе значительныхъ отдѣловъ во всемъ ихъ объемѣ. Что касается до системы этого описанія, то она состоитъ въ возможно полномъ извлеченіи матеріаловъ изъ журналовъ и другихъ документовъ Архива и расположеніи ихъ по предметамъ содержанія, руководствуясь въ отношеніи къ отдѣламъ чисто юридическимъ системой Свода Законовъ ⁽¹⁾.

(1) Въ концѣ 1869 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ (въ двухъ частяхъ) этого описанія, заключающій въ себѣ протоколы Совѣта въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й.

Въ 1866 году оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на образованіе при Синодѣ Коммисіи для разбора и описанія Синодальнаго Архива. Эта Коммисія, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, издала въ 1868 г. 1-й томъ своего труда подъ заглавіемъ: «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго правительствующаго Синода». Здѣсь принято за правило, сверхъ оглавленій, печатать и самые документы, помѣщая каждое дѣло подъ особымъ нумеромъ, при чемъ только документы совершенно однородные считаются за одно дѣло.

Изъ обозрѣнія всѣхъ этихъ изданій оказывается, что составители ихъ стремятся къ одной цѣли—приведенію въ извѣстность всѣхъ документовъ въ архивахъ, коихъ описаніе поручено имъ, но въ этомъ отношеніи употребляютъ различные приемы, одни печатаютъ документы вполнѣ въ хронологическомъ порядкѣ, другіе дѣлая изъ нихъ обстоятельныя извлеченія и располагая эти послѣдніе въ систематическомъ порядкѣ содержанія, третьи же довольствуясь означеніемъ ихъ главныхъ отдѣловъ и численности, съ приложеніемъ лишь нѣкоторыхъ документовъ, имѣющихъ, по ихъ мнѣнію, особенную важность для науки. Но ни одно изъ приведенныхъ изданій не разрѣшаетъ вопросовъ о расположеніи документовъ въ самыхъ архивахъ, о способахъ храненія ихъ и о правилахъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться архивариусамъ при допущеніи къ занятіямъ въ архивахъ стороннихъ лицъ.

По должности управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи (образованнымъ въ 1852 г. изъ упомянутыхъ выше архивовъ Разряднаго, Вотчиннаго и Старыхъ дѣлъ) и по возложенному на меня въ 1866 году описанію въ систематическомъ порядкѣ документовъ и бумагъ этого архива, я не могъ довольствоваться приведеннымъ результатомъ и остаться равнодушнымъ къ затронутымъ выше вопросамъ, тѣмъ болѣе, что многочисленность и разнообразіе ввѣренныхъ мнѣ документовъ, возрастающихъ ежедневно въ своемъ количествѣ присылкою дѣлъ до 1800 г. изъ всѣхъ упраздняемыхъ судебныхъ мѣстъ, заставляли меня безотлагательно принять мѣры къ приведенію ихъ въ порядокъ и къ такому ихъ размѣщенію, которое было бы удобно не только для того, чтобы пользоваться всѣми документами, но чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ занимали, при недостаткѣ залъ, потребныхъ подъ архивъ, возможно меньшее пространство. Вотъ почему я съ понятною радостью встрѣтилъ вызовъ Комитета, занимавшагося подготовительными работами къ первому Археологическому Съѣзду, представить вопросы для его обсужденія и предложилъ вопросъ объ архивахъ. Но при составленіи болѣе подробной редакціи этого вопроса, всѣ возникшія во мнѣ недоумѣнія представились мнѣ вновь: какъ обезпечить цѣлость документовъ? какъ разбирать ихъ? какое удобнѣе дать имъ расположеніе? какъ ихъ описывать и какую часть описанія и притомъ въ какой формѣ печатать? На все это желалось мнѣ имѣть отвѣтъ Археологическаго Съѣзда. Но какъ онъ, очевидно, зависѣлъ отъ тѣхъ соображеній, которыми были вызваны вопросы, то я счелъ необходимымъ, кромѣ голословнаго заявленія моего желанія, предъявить Съѣзду мои мысли относительно способа разрѣшенія представившихся мнѣ недоумѣній и, между прочимъ, хотя отчасти пояснить ихъ самымъ выполненіемъ, и потому поспѣшилъ изданіемъ въ свѣтъ 1-й книги Описанія документовъ и бумагъ Архива Министерства Юстиціи, въ которой по возможности затронуты означенные вопросы.

Представляя этотъ трудъ гг. членамъ Съѣзда, считаю долгомъ присовокупить, что обсужденіемъ моихъ мыслей и соображеній по настоящему предмету ими будетъ ока-

зана значительная услуга не мѣ одному, и даже не только лицамъ, завѣдывающимъ архивами, но и правительству. Если дѣйствительно разныя правительственныя власти заботятся теперь о приведеніи въ порядокъ и извѣстность своихъ архивовъ, а между ними такъ много архивовъ въ высшей степени важныхъ, какъ наприм. Архивы Министерствъ Иностранныхъ и Внутреннихъ дѣлъ, Архивъ Министерства Военнаго и Архивы Государственнаго Совѣта и II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,—то нѣтъ сомнѣнія, что правила, утвержденныя Археологическимъ Съѣздомъ, по крайней мѣрѣ относительно разбора, уничтоженія и описанія документовъ, будутъ ими приняты не иначе какъ съ благодарностью.

Въ этомъ убѣжденіи приступаю къ самой сущности моего доклада.

Подвергнуть документы какого либо архива надлежащему разбору—значить рассмотреть каждый изъ нихъ по крайней мѣрѣ на столько, чтобы опредѣлить его значеніе и отношеніе къ другимъ документамъ, всѣ же вообще документы этого архива распределить на отдѣлы или разряды по различію ихъ содержанія. Это—трудъ конечно весьма утомительный, работа, такъ сказать, черная; но на нее должно обращать тщательное вниманіе, такъ какъ обыкновенно при разборѣ документовъ требуется, чтобы изъ нихъ отлагаемы были въ сторону тѣ, которые подлежатъ *уничтоженію*. Но что можетъ быть уничтожено—вотъ вопросъ, который чрезвычайно трудно разрѣшить и чего никакъ не слѣдуетъ отдавать на произволъ чиновниковъ, хотя бы и болѣе опытныхъ. Министерства, признающія необходимость уничтоженія нѣкоторыхъ дѣлъ и бумагъ для того, чтобы не заваливать архивы и дать мѣсто документамъ, необходимымъ для справокъ, обыкновенно преподаютъ лицамъ, которымъ это поручается, особыя, болѣе или менѣе подробныя, наставленія. Нельзя однако не замѣтить, что наставленія эти болѣе отрицательнаго, нежели положительнаго свойства. Предписываютъ, наприм., не уничтожать тѣхъ бумагъ, въ которыхъ заключаются данныя статистическія, матеріалы для мѣстной исторіи, свѣдѣнія о болѣзняхъ, преступленіяхъ, чрезвычайныхъ событіяхъ, суевѣріяхъ, чародѣйствѣ и проч. Но если дѣло или бумага не подходитъ подъ какой либо изъ этихъ разрядовъ, то значить можно ихъ уничтожить? Столь же опасенъ, по нашему мнѣнію, другой способъ, который считается болѣе перваго полезнымъ къ огражденію документовъ отъ истребленія, вызываемаго невѣжествомъ или нерадѣніемъ мѣстныхъ чиновниковъ. Иногда высшее мѣсто требуетъ къ себѣ опись всѣмъ документамъ, хранящимся въ архивѣ низшаго мѣста, и эту опись поручаетъ рассмотреть кому либо изъ своихъ *надежныхъ, знающихъ дѣло и опытныхъ чиновниковъ*, съ цѣлью отмѣтить въ ней то, что можетъ быть разрѣшено къ уничтоженію и, что напротивъ того, должно быть оставлено. Странная и ошибочная повѣрка того, какіе документы годны или негодны! Не говоря даже о томъ, что описи, по которымъ она производится, составляются тѣми же невѣжественными чиновниками, которымъ не довѣряютъ самимъ уничтожать документы на основаніи преподаваемыхъ имъ правилъ, и что поэтому онѣ бываютъ обыкновенно не только неисправны, но часто даже совершенно невѣрны, такъ какъ составляются по одной первой страницѣ или даже по однимъ первымъ строкамъ документа,—спрашивается: какимъ геніемъ долженъ обладать чиновникъ высшаго мѣста, чтобы разгадать какой матеріалъ, описанный такимъ образомъ, долженъ считаться важнымъ и какой бесполезнымъ для храненія. Скажу еще болѣе: положимъ, опись документамъ составлена тщательно и вполнѣ исправно; кто однако поручится за то, чтобы какое либо мѣсто въ томъ или другомъ документѣ,

не подлежащее внесению въ опись и потому въ нее невошедшее, не имѣло такого значенія для изслѣдователей, которое заставило бы ихъ предпочесть назначаемый къ уничтоженію документъ многимъ другимъ? Мнѣ кажется, что съ этой точки зрѣнія нельзя довѣрять уничтоженіе документовъ даже лицамъ, пользующимся полнымъ до- вѣріемъ къ ихъ знаніямъ, добросовѣстности и опытности, ибо и въ такихъ случаяхъ промахи слишкомъ возможны. Нѣтъ, пусть лучше лишнее хранится, чѣмъ полезное уничтожится! Но если уже необходимо уничтожать, то представляется болѣе успо- коительнымъ постановлять правила положительныя о томъ, какіе именно по своему содержанію документы подлежатъ уничтоженію. Таковы, наприм., производства по раз- нымъ дѣламъ, начиная съ канцелярскихъ бумагъ до окончательныхъ опредѣленій при- сутственнаго мѣста: если въ послѣднихъ довольно полно изложенъ ходъ дѣла и ясно его содержаніе, то достаточно въ большей части случаевъ такихъ опредѣленій какъ для цѣлей ученыхъ, такъ и для справокъ. Далѣе, изъ бумагъ, относящихся до службы чиновъ извѣстнаго мѣста, ихъ перемѣщеній, увольненій, награжденій и т. под., доста- точно хранить въ архивѣ послѣдній формулярный списокъ каждаго лица, прочія же каса- ющіяся его бумаги могутъ быть большею частію уничтожены. Такъ, наконецъ, разныя распоряженія административнаго свойства по приведенію въ исполненіе постановленій высшихъ мѣстъ или того же учрежденія, котораго дѣла разбираются, излишне хранить, за исключеніемъ развѣ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ есть указанія на какія либо отсту- пленія отъ установленнаго для исполненія порядка или на какія либо встрѣтившіяся къ тому мѣстныя препятствія. Вмеѣстѣ съ тѣмъ благоразумному и знающему дѣло началь- нику архива можно предоставить уничтоженіе, по его усмотрѣнію, и другихъ бумагъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ указаннымъ разрядамъ по ихъ содержанію.

Документы, отобранные для уничтоженія, едва ли слѣдуетъ истреблять самому Ар- хиву: въ этомъ отношеніи предвидится не польза, а вредъ, ибо канцелярскіе слу- жители и сторожа архива получили бы чрезъ то возможность сами продавать хотя бы и надорванную бумагу, а такая продажа могла бы имъ послужить соблазномъ и поводомъ продавать и такія дѣла, которыя подлежатъ храненію. Поэтому лучше, чтобы начальство архива продавало ненужныя бумаги съ торговъ, чрезъ что люби- тели старины получаютъ средство пріобрѣтать за безцѣнокъ матеріалы, которые все- таки нельзя признать вовсе бесполезными и въ ученомъ отношеніи вполнѣ негод- ными. Что касается до такихъ документовъ, которые оказывается излишнимъ имѣть въ Архивѣ лишь потому, что они суть копіи или дубликаты, трипикаты и проч. документовъ, отобранныхъ для храненія, то ихъ необходимо оставлять въ обращеніи для изслѣдователей, и въ виду этой цѣли разсылать въ тѣ бібліотеки, архивы и другія хранилища рукописей, гдѣ они могутъ быть наиболѣе пригодны, или же въ крайнемъ случаѣ также продавать съ аукціона, но отнюдь не истреблять.

Документы, отобранные для храненія, должны быть оберегаемы съ двухъ сторонъ: съ одной стороны ихъ необходимо всячески спасать отъ порчи, производимой сы- ростью, отъ источенія молью и другими насѣкомыми, отъ объѣденія мышами и кры- сами и отъ истребленія огнемъ; съ другой—отъ всякаго рода расхищеній сторонними посѣтителемъ и служащими въ самыхъ архивахъ. Для предохраненія документовъ отъ сырости слѣдуетъ выбирать подъ Архивы помѣщенія сухія, высокія, просторныя и поднятыя на такое разстояніе отъ земли, чтобы естественная ея влажность не могла дѣйствовать на рукописи, и для этого во всякомъ случаѣ должно шкапы или полки

ставить не прямо на землю, а на полъ, непременно двойной и, по возможности, не вдоль наружныхъ стѣнъ; для свободнаго же движенія воздуха устраивать въ комнатахъ и подъ полами вентиляцію, или какъ можно чаще отворять лѣтомъ окна, а зимою—въ разныхъ мѣстахъ сдѣланные продухи. Устраненіемъ сырости предупреждается появленіе моли и другихъ насѣкомыхъ, которыя точатъ бумагу; а содержаніемъ въ архивныхъ помѣщеніяхъ чистоты и строгимъ воспрещеніемъ держать въ нихъ съѣстные припасы—появленіе мышей и крысъ; но если послѣднія показываются—слѣдуетъ тотчасъ прибѣгать къ истребляющимъ ихъ средствамъ: мышьяку, и т. под. ⁽¹⁾ Для обереженія архивовъ отъ огня, они должны быть помѣщаемы въ каменныхъ зданіяхъ, но и при этомъ условіи полезно привѣшивать къ окнамъ и дверямъ желѣзныя ставни, а для того чтобы огонь не могъ легко проходить въ сосѣдніе этажи—устроить потолки не иначе какъ со сводами. Наконецъ для предохраненія документовъ отъ вредныхъ послѣдствій переменъ температуры, т. е. перехода отъ зимняго холода къ лѣтнему теплу, въ особенности отъ морозовъ и оттепелей, и для того, чтобы удобно было заниматься въ архивахъ рукописями, не вынося ихъ изъ тѣхъ отдѣленій, гдѣ онѣ хранятся, весьма желательно, чтобы эти отдѣленія были отапливаемы. Но какъ устройство печей отнимаетъ мѣсто, увеличиваетъ расходы по содержанію зданія, и самая топка можетъ быть иногда причиною пожара, то имѣвшіе случай видѣть за границей и въ Петербургѣ нагрѣваніе комнатъ теплою водою указываютъ на возможность примѣненія этого способа къ архивнымъ помѣщеніямъ, при чемъ согрѣвающие воду снаряды устраиваются совершенно внѣ отапливаемого зданія, а въ комнаты проводятся трубы, наполняемыя когда нужно, горячею водою. Конечно степень теплоты отъ такого нагрѣванія не должна быть одинакова съ температурою отопленія; но для цѣли—устранить вредное вліяніе морозовъ и оттепелей на документы, ея, по всей вѣроятности, можетъ быть достаточно; равнымъ образомъ и заниматься документами, находящимися постоянно въ средней температурѣ, гораздо удобнѣе, чѣмъ вынесенными изъ совершенно холоднаго и сыраго помѣщенія ⁽²⁾.

Что касается до охраненія рукописей отъ расхищеній, то самыми лучшими къ тому средствами нельзя не признать: 1) составленіе имъ описей съ занумерованіемъ каждаго документа и означеніемъ количества въ немъ листовъ; 2) болѣе или менѣ частыя повѣрки рукописей ихъ хранителями и ревизіи начальниковъ Архива; 3) строгое наблюденіе, чтобы ни одна рукопись не выносилась изъ зданія Архива. Но какъ подробнѣе о первыхъ двухъ предметахъ я буду говорить ниже, то здѣсь прибавлю кстати—чтобы окончить разсмотрѣніе вопроса объ устройствѣ архивныхъ помѣщеній—о способѣ распредѣленія документовъ и установки ихъ такъ, чтобы они занимали возможно менѣ мѣста. Для достиженія этой цѣли можно указать на одно правило, которое, сколько мнѣ извѣстно, обыкновенно не соблюдается. Не говоря уже о зданіяхъ и комнатахъ, которыя назначаются подъ архивы совершенно случайно, самые шкапы и полки дѣлаются въ томъ или другомъ видѣ не съ тѣмъ, чтобы они были удобны для болѣе выгодной установки рукописей, а съ тѣмъ, чтобы они казались красивѣе посѣтителемъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ какъ въ одномъ архивѣ

(1) Къ числу такихъ средствъ, какъ я самъ имѣлъ случай испытать, принадлежитъ уводъ мышей и крысъ специалистами по этой части изъ того мѣста, гдѣ онѣ развелись.

(2) Извѣстно притомъ, что перелистываніе принесенныхъ съ холоду документовъ крайне вредно для здоровья.

дѣла, состоявшія изъ толстыхъ вязокъ, обусловленныхъ величиною каждаго дѣла, раздѣлялись на двѣ и болѣе части, для того чтобы раскладывать ихъ по картонамъ, сдѣланнымъ одного размѣра для всего Архива, а эти карты ставились на полки, между коими всѣ промежутки были также сдѣланы для симметріи одинаковые. Я полагаю бы, что во избѣжаніе такой, если не порчи, то во всякомъ случаѣ скорѣе вредной, чѣмъ полезной разбивки документовъ, слѣдуетъ напротивъ того промежутки между полками шкаповъ приурочивать къ формату рукописей въ длину и за тѣмъ размѣщать рукописи по полкамъ стоймя, за исключеніемъ столбцевъ, которые впрочемъ также хранить удобнѣе и выгоднѣе для сбереженія мѣста не въ свиткахъ или колесахъ, а расклеивая на листы и сшивая ихъ съ подлежащей нумераціей, послѣ чего каждый расклеенный такимъ образомъ столбецъ или дѣло класть въ обертку, на которой дѣлать надпись съ краткимъ означеніемъ содержанія и нумера дѣла: такія тетради иногда невозможно размѣщать по полкамъ стоймя, если онѣ не въ толстой оберткѣ или картонѣ, и потому ихъ должно хранить въ положенныхъ одна на другую вязкахъ. При этомъ, такъ какъ всякій болѣе или менѣе значительный архивъ состоитъ изъ дѣлъ и бумагъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ или по крайней мѣрѣ разныхъ отдѣленій одного мѣста, имѣвшихъ различные предметы занятій, то полезно и для храненія каждой группы документовъ, по различію прежнихъ архивовъ или по особенности содержанія, назначать отдѣльную комнату или отводить свое мѣсто, чтобы легче отыскивать документы каждаго разряда и пользоваться ими въ сосѣдней назначенной для архиваріуса и чиновниковъ этого отдѣленія комнатѣ, не вынося въ другія болѣе отдаленныя залы Архива.

Переходя къ разрѣшенію вопроса: какіе реестры или другаго рода описанія должны быть составляемы архивнымъ документамъ, я позволяю себѣ привести представленіе, сдѣланное мною по этому предмету Министру Юстиціи, въ виду возложеннаго на меня описанія рукописей управляемаго мною Архива, и постановленные вслѣдствіе того правила для этого описанія.

«Извѣстно, что Московскій Архивъ Министерства Юстиціи составился изъ нѣсколькихъ архивовъ, которые въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ были архивами разныхъ правительственныхъ и судебныхъ учреждений. Здѣсь сосредоточены документы вѣдомствъ духовнаго и дворцоваго, приказовъ разряднаго и помѣстнаго, управленій губернаторскаго и воеводскаго, разныхъ коллегій, конторъ и множества другихъ равныхъ имъ и низшихъ мѣстъ, и наконецъ Правительствующаго Сената, котораго дѣла, по своему значенію и огромному количеству, заслуживаютъ особаго вниманія. Описать всѣ эти матеріалы, хотя съ краткимъ отчетомъ объ ихъ содержаніи, значитъ обозрѣть всю официальную дѣятельность Россіи въ области юридической отъ XVI-го до XVIII-го столѣтія включительно—трудъ громадный и, при самыхъ ревностныхъ усиліяхъ какъ со стороны Министерства Юстиціи, такъ и чиновниковъ Архива, едва ли исполнимый въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Но къ этому описанію тѣхъ болѣе необходимо приступить, что на основаніи означенныхъ документовъ выдаются справки по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ для утвержденія правъ дворянства и поземельнаго владѣнія. Главная задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы избрать систему описанія, соотвѣтствующую какъ требованіямъ практическимъ, такъ и ученому интересу, который въ такой сильной мѣрѣ возбуждаетъ содержаніе матеріаловъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ юридическаго быта Россіи.

«Къ счастью, для избранія и надлежащей оцѣнки требуемой системы существуютъ уже готовые образцы въ описаніяхъ рукописей разныхъ библіотекъ, которыя составлены и изданы извѣстными знатоками по этой части. Изъ разсмотрѣнія этихъ изданій оказывается, что по предмету описанія рукописей существуютъ слѣдующіе три различные приѣма: одни изъ составителей описаній ограничиваются самымъ краткимъ означеніемъ содержанія документовъ или, вѣрнѣе сказать, реестрами ихъ. Таковы, напримѣръ, извѣстныя описанія археографа Строева рукописей библіотекъ графа Толстаго, Царскаго и Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Другіе къ составленнымъ такимъ образомъ заглавіямъ присоединяютъ еще извлеченіе самыхъ любопытныхъ и важныхъ почему либо мѣстъ описываемаго матеріала: такая система принята, напримѣръ, въ знаменитомъ описаніи Востокова рукописей Румянцевскаго музеума. Третьи раздѣляютъ описываемые ими матеріалы на группы и о содержаніи каждой группы даютъ подробный отчетъ, выписывая при этомъ изъ отдѣльныхъ документовъ наиболѣе любопытныя мѣста: таковы описанія, составленныя Кунгурскимъ актамъ, хранящимся въ Археографической Коммисіи (въ С. Петербургѣ), которыя напечатаны въ 1-мъ и 2-мъ выпускахъ «Лѣтописи занятій Коммисіи».

«Изъ этихъ способовъ первый, по видимому, самый близкій къ цѣли; онъ даетъ хотя краткое, но точное понятіе о каждомъ документѣ. Но какъ въ каждомъ хранилищѣ рукописей число ихъ бываетъ обыкновенно очень значительно, то онъ оказывается мало облегчающимъ справки; ибо для того, чтобы отыскать требуемый документъ, а иногда какое либо заключающееся въ немъ свѣдѣніе, необходимо не только пересмотрѣть всѣ описи того разряда актовъ, въ которомъ это свѣдѣніе предполагается находящимся, но весьма часто прочесть и самые акты, чтобы узнать ближе ихъ содержаніе. Не смотря однако на это неудобство, нѣтъ сомнѣнія, что такой способъ не можетъ быть устраненъ въ описаніи какого бы то ни было архива: онъ составляетъ инвентарь всего, что здѣсь хранится, и необходимъ съ одной стороны для цѣлости документовъ, а съ другой—для того, чтобы подробно, хотя и кратко, ознакомить дѣлающаго справку или розысканіе съ содержаніемъ cadaго отдѣльнаго матеріала. Второй способъ уже болѣе удовлетворяетъ изслѣдователя; но какъ означеніе того, что есть въ каждомъ документѣ дѣйствительно интереснаго и важнаго, зависитъ совершенно отъ взгляда составителя описанія, то очень легко можетъ случиться, что онъ опуститъ при этомъ изъ виду то, что для изслѣдователя съ другимъ направленіемъ и взглядомъ не менѣе любопытно и важно. При томъ и этотъ способъ представляетъ то неудобство, что для каждой справки заставляетъ проходить всѣ нумера описи, по совершенной неизвѣстности, въ какомъ изъ нихъ находится отыскиваемое свѣдѣніе. Третій способъ для изслѣдователя очевидно самый удобный. Подраздѣленіе описываемыхъ матеріаловъ на группы и довольно подробное изложеніе содержанія каждой группы даетъ точное понятіе о заключающихся въ нихъ данныхъ и указываетъ отыскивающему нужную справку или свѣдѣніе прямо на тотъ документъ, къ которому онъ долженъ обратиться. Но этотъ способъ, наоборотъ, невыгоденъ въ томъ отношеніи, что не даетъ полнаго отчета о каждой рукописи въ отдѣльности.

«Отсюда оказывается, что только соединеніе, въ описаніи книгъ и дѣлъ какого либо архива, перваго и третьяго способовъ можетъ дать вполне удовлетворительные результаты какъ для цѣли практической, такъ и для ученыхъ розысканій. Описаніе по первому способу, какъ инвентарь, въ которомъ занумерованы каждый отдѣльный до-

кументъ, должно храниться въ архивѣ при самыхъ книгахъ и дѣлахъ для непосредственныхъ въ нихъ справокъ; описаніе же по третьему способу, какъ систематическое и ученое, должно быть издано въ свѣтъ. Такое изданіе будетъ не только справочною книгою о документахъ архива, но и само по себѣ любопытнымъ и важнымъ сборникомъ свѣдѣній для изслѣдователей по русской исторіи и праву. При этомъ само собою разумѣется, что къ тому и другому описанію должны быть присоединяемы алфавитные указатели: 1) именъ личныхъ, т. е. фамилій и собственныхъ именъ; 2) географическихъ названій и 3) предметовъ».

Утвержденные, вслѣдствіе этого представленія, Министромъ Юстиціи правила для описанія документовъ подвѣдомственнаго ему Московск. Архива заключаются въ слѣдующемъ:

1) Начинать описаніе каждаго разряда документовъ съ составленія имъ *описей*. Описи эти должны имѣть значеніе инвентарей тому, что находится въ описываемомъ разрядѣ, давая краткій, но ясный отчетъ о каждомъ дѣлѣ, книгѣ и отдѣльномъ документѣ.

2) По таковымъ описямъ, пользуясь по мѣрѣ надобности и самими документами, составлять *систематическіе перечни* содержанія ихъ. Для этой цѣли всѣ матеріалы описываемаго разряда должны быть распределены, соотвѣтственно его главному предмету, на отдѣлы, по которымъ и слѣдуетъ размѣщать дѣла, книги и отдѣльные документы.

3) По причинѣ юридическаго значенія большинства документовъ, хранящихся въ Архивѣ, руководствоваться при размѣщеніи матеріаловъ по отдѣламъ преимущественно теоретическимъ распределеніемъ различныхъ частей права; впрочемъ, если въ числѣ описываемыхъ документовъ есть такіе, которые относятся къ неюридическимъ предметамъ, то прибавлять и другіе отдѣлы, какъ то: отдѣлъ статистики, топографіи, археологіи, и т. под.

4) Размѣщая матеріалы по отдѣламъ, указывать не только вообще на ихъ содержаніе, но съ бѣльшею или мѣньшею подробностью и на встрѣчающіеся въ нихъ отдѣльные факты или свѣдѣнія. Но какъ иногда въ одномъ и томъ же документѣ бываютъ свѣдѣнія разнородныя, то лишь тѣмъ документамъ, которые вполнѣ или по преимуществу относятся къ одному какому либо отдѣлу, предпосылать краткія библиографическія оглавленія, а за тѣмъ излагать то, что есть въ нихъ любопытнаго; изъ документовъ же, заключающихъ въ себѣ разнородныя свѣдѣнія—ограничиваясь общимъ перечисленіемъ ихъ въ предисловіи или введеніи къ описанію—дѣлать лишь извлеченія наиболѣе интересныхъ и важныхъ данныхъ.

5) При занесеніи въ надлежащій отдѣлъ документа или какого либо извлекаемаго изъ него свѣдѣнія, указывать непременно на номеръ, подъ которымъ дѣло или книга, заключающая въ себѣ этотъ документъ, числится въ описи, а по возможности означать и самые листы рукописи, гдѣ онъ помѣщенъ, для того, чтобы желающій подробнѣе ознакомиться съ его содержаніемъ могъ обратиться сначала къ общей описи, а если этого окажется недостаточнымъ, то разсмотрѣть въ Архивѣ и самый документъ.

6) Для бѣльшаго удобства приисканія нужныхъ свѣдѣній въ напечатанномъ уже описаніи документовъ извѣстнаго разряда прилагать къ нему указатели: 1) именъ собственныхъ и географическихъ, въ немъ упоминаемыхъ, и 2) предметовъ, которыхъ касаются описываемые документы, означая ихъ юридическими или другими терминами, со ссылкой въ томъ и другомъ случаѣ на страницы или номера печатнаго ихъ описанія.

Въ нѣкоторыхъ архивахъ есть дѣла такъ называемыя *секретныя*: онѣ называются секретными потому что содержатъ въ себѣ, а иногда только предполагаются въ нихъ,

такія свѣдѣнія, которыя правительство не желаетъ дѣлать общеизвѣстными или доступными какъ по политическимъ, такъ и другимъ соображеніямъ. Для пользы науки нельзя однако не замѣтить, что на начальствѣ архива, гдѣ есть такія дѣла, лежитъ нравственная обязанность ближе съ ними ознакомиться для того, чтобы представить высшему управленію о тѣхъ изъ нихъ, которыя должны быть признаны неподходящими подъ соображенія, на основаніи коихъ тѣ или другія дѣла считаются секретными, тѣмъ болѣе, что самыя эти соображенія измѣняются съ теченіемъ времени по мѣрѣ облегченія цензурныхъ правилъ касательно обнародованія правительственныхъ и другихъ документовъ; почему естественно, что признаніе какой-либо части архива секретною должно считать лишь временнымъ. Тѣмъ не менѣе, до разрѣшенія высшимъ управленіемъ запрета, наложеннаго на такіе документы, надлежитъ комнаты, гдѣ они хранятся, не только запираеть, но и прикладывать къ дверямъ ихъ печати, такъ чтобы входа сюда никто не имѣлъ кромѣ архивариуса, у котораго хранятся ключи и печати отъ этихъ комнатъ.

Трудно указать на лица, которымъ можно вполне безопасно и съ пользою вѣрять завѣдываніе архивами: иногда оказывается, что ученые, знающіе вполне архивное дѣло, до того пристрастны къ документамъ, что желаютъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшими изъ нихъ, не только пользоваться, но и обладать. Опасно ставить такія лица начальниками архивовъ. Но еще, можетъ быть, опаснѣе поручать архивы чиновникамъ, хладнокровнымъ къ памятникамъ старины. Многіе изъ нихъ считаютъ всякое истребленіе документовъ дѣломъ очень полезнымъ и даже похвальнымъ, ибо оно очищаетъ мѣсто отъ хлама и сора, какъ высказалъ мнѣ лично одинъ заслуженный сановникъ, ненавидящій архивы, и потому когда такой взглядъ блюстителя документовъ совпадетъ случайно съ представившеюся высшему управленію потребностью уничтожить въ архивѣ нѣкоторыя дѣла, то можно быть увѣреннымъ, что вскорѣ за тѣмъ изслѣдователямъ старины придется пожалѣть о множествѣ матеріаловъ, погибшихъ этимъ путемъ невосвратно для науки ⁽¹⁾.

Однако и удачный выборъ начальника архива еще не упрочиваетъ его устройства и сохранности документовъ. Необходимо, чтобы всѣ чиновники, которымъ вѣряется та или другая часть архива, были проникнуты любовью къ своему дѣлу, чтобы они отличались честностью и стремленіемъ добросовѣстно исполнять возлагаемыя на нихъ порученія. Для составленія же дѣламъ реестровъ и систематическихъ описаній должны быть изъ среды ихъ выбираемы лица, получившія достаточное, даже по возможности университетское, образованіе, ибо безъ того, при всемъ усердіи, описывающій документы не избѣгнетъ промаховъ, которые начальникъ архива часто не въ состояніи бываетъ замѣтить и вовремя исправить, такъ какъ иначе пришлось бы ему самому свѣрять почти каждую строку описанія съ документами. Поэтому полезно какъ завѣдываніе каждымъ отдѣленіемъ архива, такъ и его описаніе поручать одному изъ назначенныхъ къ тому чиновниковъ, на которомъ лежала бы главная отвѣтственность. Столь же полезно подвергать какъ документы, такъ и ихъ описанія особымъ повѣркамъ. Ближайшимъ образомъ такія ревизіи принадлежатъ непосредственнымъ начальникамъ архивовъ, и имъ очень удобно ихъ дѣлать, если они

(1) Не въ укоръ, но въ доказательство моего мнѣнія, считаю долгомъ прибавить, что именно вслѣдствіе такой случайности, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи было уничтожено нѣсколько тысячъ документовъ, коихъ утрата внесла невосполнимый пробѣлъ въ исторію финансовъ Россіи.

сами занимаются учеными розысканіями по документамъ своего архива, ибо имъ приходится въ такомъ случаѣ пользоваться описаніями и самыми рукописями разныхъ его отдѣленій; кромѣ того нужныя указанія для повѣрки могутъ сообщать имъ и стороннія лица, занимающіяся въ архивѣ. Нельзя также считать признакомъ недо- вѣрія къ начальнику и чиновникамъ архива, если высшее управленіе признаетъ полезнымъ, независимо отъ нихъ, ближе ознакомиться съ его состояніемъ; напротивъ того, это даетъ завѣдывающему архивомъ случай и возможность наглядно объяснить высшей инстанціи свои справедливыя требованія и недостатки или препятствія, съ которыми ему приходится бороться. Для самой же повѣрки или ревизіи архивовъ высшими властями лучшимъ пособіемъ должны служить реестры и описи документамъ, о составленіи коихъ и нужно поэтому всячески заботиться.

Наконецъ, что касается до настоящей и послѣдней цѣли устройства архивовъ,— пользованія его документами какъ правительственными учрежденіями, такъ и сторон- ными частными лицами для нужныхъ имъ справокъ или для извлеченій, которыя мо- гутъ пополнять научныя ихъ изслѣдованія,—то въ томъ и другомъ отношеніи суще- ствуютъ уже правила, постановленныя частію въ Сводѣ Законовъ, частію въ инструк- ціяхъ, преподанныхъ нѣкоторымъ архивамъ въ руководство высшими ихъ инстан- ціями. За исключеніемъ дѣлъ секретныхъ, къ которымъ доступъ дозволяется не иначе какъ съ Высочайшаго разрѣшенія, требовать справки или, какъ онѣ называются технически, *выписи* изъ дѣлъ и другихъ документовъ для представленія ихъ въ судеб- ныя и правительственныя мѣста въ видѣ доказательствъ или для поясненія ими про- изводствъ, свободно предоставляется всѣмъ и каждому, съ тѣмъ лишь, чтобы требова- нія отъ частныхъ лицъ были заявляемы на установленной гербовой бумагѣ, а за выписи, изготовленныя самими чиновниками архива, по числу листовъ, уплачиваемы были узаконенныя пошлины. Но доступъ въ архивы не для одного обзрѣнія (что дозволяется ближайшимъ начальствомъ), а для пользованія матеріалами съ научною цѣлью, обыкновенно затрудняется тѣмъ, что лицо, желающее лично дѣлать выписку изъ документовъ, должно имѣть на то разрѣшеніе со стороны высшаго управленія архива. Хотя особыхъ затрудненій въ полученіи такого дозволенія не встрѣчается, но для лицъ, незнакомыхъ съ этимъ порядкомъ, проходитъ иногда много времени въ ожиданіи разрѣшенія изъ Петербурга. Поэтому казалось бы полезнымъ предоставить полный просторъ и всякія льготы желающимъ лично дѣлать извлеченія изъ архив- ныхъ документовъ для какой бы то ни было цѣли, но съ требованіемъ, чтобы на то было дозволеніе ближайшаго начальства, за тѣмъ чтобы и занимающіеся находи- лись подъ самымъ бдительнымъ наблюденіемъ чиновниковъ архива, въ предупре- жденіе могущихъ быть похищеній или порчи документовъ, чтобы не употребле- лемо было при занятіяхъ огня, и чтобы ни одна рукопись не выносила изъ зданія архива. Допущеніе на этихъ основаніяхъ стороннихъ лицъ самихъ извлекать всякаго рода свѣдѣнія можетъ даже въ многомъ облегчить чиновниковъ архива и во всякомъ случаѣ устранить отъ нихъ упрекъ, иногда вполне заслуженный, въ отказѣ требуе- мыхъ справокъ. Для ученой же цѣли такихъ извлеченій необходимо обставить зани- мающихся всѣми возможными удобствами и пособіями, какъ-то: имѣть для нихъ осо- бые столы съ ящиками за ключами, библіотеку важнѣйшихъ изданій по части рус- ской исторіи и права, и особыя копія съ описей и алфавитовъ документамъ архива.

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ

ПАМЯТНИКОВЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ, СОХРАНИВШИХСЯ ВЪ ГАЛИЧИНѢ И БУКОВИНѢ.

Я. Головацкаго.

Мнѣ хотѣлось бы напомнить о моей родной землѣ, незабвенной для меня Галичинѣ, чтобы на русскомъ археологическомъ съѣздѣ не осталась забытою Галицкая или Подкарпатская Русь. Я желалъ бы развернуть картину всей Подкарпатской полосы и нагорной страны, заселенной и до сихъ поръ сплошными массами Русскаго народа, страны, бывшей съ древнихъ временъ славянскою и русскою и разыгрывавшей во всѣ времена не послѣднюю роль въ исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ древнѣйшихъ временъ разныя племена, въ передвиженіи своемъ съ востока на западъ, останавливались у сѣвернаго подножія Карпатъ, а разбитые въ междоусобныхъ браняхъ остатки народовъ спасались и находили удобный пріютъ въ карпатскихъ ущельяхъ. Соляные источники, столь изобильно бьющіе на сѣверномъ склонѣ нашихъ горъ, въ нынѣшней Галичинѣ, и безъ труда доставлявшіе соль, вѣроятно, еще съ древнихъ временъ привлекали къ себѣ жителей, которые, поселившись здѣсь, дорожили этимъ даромъ природы, равно необходимымъ и для полудикаго кочевника, и для болѣе образованнаго земледѣльца и торговца. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этой странѣ перебивали въ давнее время и чудскія, и кельтійскія, и германскія племена, и всѣ онѣ оставили послѣ себя слѣды своего прежняго быта. До сихъ поръ возвышаются по всей Подкарпатской странѣ многочисленныя курганы и насыпи, скрывая внутри себя еще неизвѣданные памятники первобытной старины, и ожидаютъ научнаго, систематическаго изслѣдованія археологовъ. Еще въ 20-хъ годахъ Зорьянъ Ходаковскій находилъ и изслѣдовалъ здѣсь курганы и городища и, составляя свою статью «О дохристіанской Славянщинѣ» — тутъ же въ Сѣнявѣ надъ Сяномъ — увѣрялъ, что Русская земля гораздо болѣе сохранила преданій древности, чѣмъ Польша, и его обучила многому, а ученый нѣмецъ Клеммъ, въ предисловіи своего сочиненія «Deutsche Alterthümer»,

по собственнымъ соображеніямъ утверждалъ, что на сѣверной покатости Карпатъ должны преимущественно сохраняться многіе памятники самой отдаленной древности. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой странѣ были находимы вещи, принадлежащія каменному, мѣдному и бронзовому періодамъ: молоты, цельты, оружіе, убранства и пр.; многія изъ нихъ хранятся въ публичныхъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ въ Галичинѣ, а современемъ, вѣроятно, найдется еще больше памятниковъ древности. Почему бы не могли быть здѣсь открыты и слѣды свайныхъ строеній, какіе находимы были въ Швейцаріи, Германіи, Прусскомъ поморьѣ и др. мѣстахъ?⁽¹⁾ Но наша страна еще не тронута въ археологическомъ отношеніи; здѣсь предстоитъ еще обширное поприще для раскопокъ и изслѣдованій, и вѣроятно найдется немало добычи для археологій.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, хочу указать на нѣкоторыя мѣстности и предметы, вызывающіе русскаго археолога къ ближайшему разслѣдованію.

Выходя изъ Днѣстровскихъ равнинъ и вступая въ первыя ущелья длинной цѣпи Карпатскаго хребта, видимъ рядъ громадныхъ скалъ песчаника, словно порогъ, отдѣляющій долины отъ высшихъ террасъ погорья. Во многихъ мѣстахъ находятся замѣчательныя, изсѣченныя въ скалахъ, пещеры или комнаты, неизвѣстно какого назначенія. Такія пещеры встрѣчаются преимущественно въ Стрыйскомъ уѣздѣ. Обратимъ вниманіе на урочища въ Бубницѣ и Розгорчѣ и изсѣченныя тамъ въ скалахъ комнаты, изображенныя на приложенныхъ рисункахъ. При выѣздѣ изъ мѣстечка Болехова на югъ, къ верховьямъ притока Бряжка, за селомъ Тисовомъ, путешественнику открывается панорама Карпатскаго предгорья значительной высоты. Вершины горъ покрыты громадными массами скалъ, дико-фантастически разбросанныхъ, и представляющихъ издали, среди буковаго и еловаго лѣса, большую цѣпь камней, въ видѣ развалинъ громаднаго замка. Подлѣ селенія *Бубнице* эта горная цѣпь достигаетъ наибольшей высоты и соединяется съ другими отрогами горнаго хребта. Здѣсь оканчивается скалистая цѣпь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скалы огромной вышины представляютъ въ видѣ полукруга, обращеннаго къ югу, какъ бы природную великанскую стѣну. Вся картина дика и весьма живописна. Громадныя скалы, увѣнчанныя острыми, на подобіе сфинксовъ, торчащими верхушками, разорванными вліаніемъ дождей и сыраго воздуха, приводятъ въ изумленіе зрителя. По приближеніи къ мѣсту замѣтно, что къ этимъ дикимъ скаламъ уже прикасалась рука человѣческая: видны изсѣченныя внутри ихъ отверстія или входы въ комнаты. На вершинѣ горы находится небольшая площадь, которая съ одной стороны, кажется, обведена была стѣной изъ дикарнаго камня, нынѣ почти со всѣмъ сравнявшейся съ землею. Самыя скалы состоятъ изъ мелкозернистаго песчаника и очень тверды, такъ что нужно было много труда и усилія, чтобы изсѣчь такія значительныя углубленія и комнаты. Дверей или входовъ три; они ведутъ въ небольшія комнаты, изсѣченныя въ цѣльной скалѣ. Двѣ комнаты, находящіяся по сторонамъ, продолговаты, и въ нихъ, во всю длину стѣнъ, замѣтны скамьи, также изсѣченныя въ скалѣ. Средняя комната, кажется, недокончена: она изсѣчена только на нѣсколько футовъ въ глубину, а надъ ней, какъ видно, сдѣлана была какаютониша въ видѣ балкона; ко всему этому были, повидимому, придѣланы какія-то пристрой-

(1) Въ 20-хъ или 30-хъ годахъ, между селомъ Туря и мѣстечкомъ Соколовка, Золочеваго уѣзда, при спускѣ пруда, находимы были на днѣ многочисленныя дубовыя сваи, неизвѣстно когда и съ какою цѣлью вколотенныя въ землю. Не были ли это свайныя строенія, на которыя только въ новѣйшее время обращено вниманіе?

ки, нынѣ совсѣмъ уничтоженныя. Подлѣ этихъ трехъ входовъ въ комнаты было еще два, но они теперь совсѣмъ завалены обломками скалъ. За вышесказанными комнатами находятся двѣ разсѣлины: одна широкая, другая уже; къ нимъ, кажется, были прикрѣплены двери. Проходя далѣе чрезъ эти разсѣлины, можно взойти по новопридѣланной деревянной лѣстницѣ на верхній ярусъ скалы, около трехъ саженъ вверхъ. Тутъ опять видны слѣды человѣческой руки: нѣчто въ родѣ сѣней или корридора, затѣмъ—яма, изсѣченная въ скалѣ въ видѣ колодца, около двухъ саженъ глубины, засыпанная камнями и мусоромъ, такъ что нельзя узнать настоящей ея глубины. Все это столько же замѣчательно, сколько загадочно. Оттуда по извиистой, въ скалѣ высѣченной, лѣстницѣ можно подняться на самый верхъ скалъ. Здѣсь незамѣтно ничего придѣланнаго человѣческой рукой: только одни фантастически разбросанные камни въ естественномъ видѣ; впрочемъ, можетъ быть и были какія-нибудь изваянія, фигуры или пристройки, но все уничтожено всесокрушающею рукой времени. Съ вершины скалъ, господствующихъ надъ всей окрестностью, открывается прекрасный ландшафтъ: на сѣверѣ виднѣется вся Стрыйская долина съ ея цвѣтущими селами и мѣстечками, а на югѣ открывается чудная панорама горъ, поросшихъ непроходимыми еловыми лѣсами, съ синѣющими вдаль вершинами коренныхъ Карпатъ. Знакомый съ мѣстностью горецъ расскажетъ вамъ всѣ типическія названія вершинъ: вотъ видна вдаль прямо *Маура*, а тамъ къ востоку торчитъ *Яворникъ*, далѣе—*Люта*, *Забой*, *Батынъ*; за ними къ югу синѣетъ длинный *Зелемъ*, а тамъ *Черная рѣка*, *Калиновецъ*, *Илемскій Горанъ*, *Попадья*; направо къ западу виднѣются опять верхи: *Кіевецъ*, *Прибышинъ*, *Кременецъ*, *Остра*, далѣе за ними *Лыса*, *Кичера*, *Козакова полянка*, а тамъ на Угорской (Венгерской) границѣ коническій *Пикуй*, а за нимъ идетъ *Русскій путь*, и т. д. На верхнихъ ярусахъ Бубнищескихъ скалъ кое-гдѣ замѣтны зарубы въ камняхъ; здѣсь, вѣроятно, прикрѣплены были бревна или деревянные пристройки, но нигдѣ не замѣтно каменнаго строенія, кирпича, извести и т. п., а все одинъ дикарный камень. Какое назначеніе имѣли эти постройки, кто изсѣкъ эти помѣщенія въ скалахъ, кто имѣлъ здѣсь свое жилище или прибѣжище, о томъ молчитъ исторія. Время построенія этихъ комнатъ и употребленія ихъ столь отдаленно, что не осталось и преданія въ народѣ; вѣроятно, племя, трудившееся надъ постройкою этого зданія, давно вымерло или погибло, а новые поселенцы, занявшіе эту страну еще въ доисторическое время, не нашли никакого событія, не слышали никакого имени, къ которымъ могли бы привязать преданіе, или на канвѣ котораго можно бы было засновать сказку изъ отжитой, чуждой имъ, древности; только глухая, неопредѣленная повѣсть носится въ народѣ, что тутъ жилъ *поганыи царь*, врагъ народа, губившій и угнетавшій его, такъ что наконецъ народъ, вышедши изъ терпѣнія, со всей силой напалъ на замокъ и разорилъ его. Въ той же полосѣ Карпатскаго предгорья, на лѣвомъ берегу р. Стрыя, возлѣ с. *Урпчя*, находятся также подобныя скалы съ изсѣченными въ нихъ комнатами, колодцами и слѣдами пристроекъ. Объ этой мѣстности уже упоминаетъ исторія: тамъ былъ старинный городъ русскій *Тустанъ*; но о Бубнищѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ исторіи.

Третье, столь же замѣчательное, урочище находится въ *Розгорчѣ*. Верстъ за десять по прямой линіи отъ Бубнищъ, по направленію къ сѣверу, лежитъ село Розгорчье надъ рѣкою Стрыемъ; возлѣ него идетъ шоссеиная дорога изъ города Стрыя чрезъ Карпаты въ Угорщину (Венгрію). Въ этомъ селѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, выступаетъ изъ горы скала

бѣлаго песчаника, въ которой находятся также изсѣченныя внутри комнаты, съ наружной стороны имѣющія слѣдующій видъ:

Одна изъ комнатъ—обширная, съ лукообразно высѣченнымъ гладкимъ сводомъ и большимъ отверстіемъ, служащимъ вмѣсто дверей, и съ окошкомъ надъ ними, другая, возлѣ нея,—поменьше, низенькая комнатка, въ которую идетъ входъ чрезъ довольно просторный въ скалѣ изсѣченный корридоръ. Третья комната, также изсѣченная въ скалѣ, находится въ верхнемъ ярусѣ. Она довольно просторна, съ двумя окошками и глубокими съ правой стороны нишами. Къ этой комнатѣ ведетъ изсѣченная въ скалѣ лѣстница въ 30—40 ступеней; предъ входомъ—большія каменные скалы, поросшія дерномъ. Назначеніе этихъ комнатъ также неизвѣстно и столь же загадочно, какъ и въ Бубницѣ. Одни утверждаютъ, что здѣсь было селище разбойниковъ, другіе говорятъ, что въ этой скалѣ была будто-бы монастырская пещерная церковь, и въ доказательство того указываютъ на вырѣзанное въ скалѣ надъ дверью что-то въ видѣ четырехконечнаго креста. Последнее преданіе можетъ быть и вѣрно касательно позднѣйшаго назначенія пещеръ, такъ какъ въ с. Розгорчѣ былъ дѣйствительно дѣвичій монастырь; ⁽¹⁾ но самая неопредѣленность преданій и сбивчивость ихъ на счетъ первоначальнаго изсѣченія комнатъ могутъ служить поводомъ къ предположенію здѣсь болѣе отдаленной древности. Другіе изслѣдователи, по нѣкоторымъ соображеніямъ, полагаютъ, что какъ въ Бубницѣ, такъ и здѣсь, были мѣста идолопоклоненія и языческіе жертвенники, если не Славянъ, то конечно жившихъ въ этихъ странахъ Кельтовъ или Чудскихъ племенъ, а покойный Иванъ Вагилевичъ находилъ въ Розгорецкихъ пещерахъ

(1) Епископъ Онуфрій Шумлянский пишетъ въ описи своей Перемышльской епархіи 1769 г: *in eadem diocesi Premisliensi reperiuntur moniales s. Basilii, habent suum monasterium in Smolnica et alias duas residentias, unam in civitate laworow et aliam in villa Rozhorcze sed quia pauperes sunt, et ex fundatione congruam sustentationem non habent, etiam opera manuum suarum et elemosynis vivere coguntur*. (Перемышлянитъ, мѣсяцесловъ на 1857 годъ, стр. 127).

будто бы руническія надписи. Его статья о *Розіорецкихъ Бердахъ и Ущолбахъ* напечатана въ Часописи Чешскаго музея 1836 г., а письмо его о мнимыхъ рунахъ къ проф. Погодину напечатано въ Московскомъ Наблюдателѣ 1834 г. Это было въ ту пору, когда М. П. Погодинъ, первый изъ русскихъ ученыхъ, посѣтилъ Львовъ и вновь открылъ для Россіи Галицкую Русь, а для насъ, русскихъ Галичанъ, присылкою книгъ, — русскую литературу. Затѣмъ я нарочно посѣщалъ урочища въ Бубнищѣ и Розгорчѣ, осматрѣлъ всѣ стѣны, но не нашелъ никакихъ рунъ, кромѣ царапинъ отъ плохо нарѣзанныхъ и размытыхъ сыростію именъ посѣтителей. Послѣ и другіе искали, но не нашли руническихъ надписей, и находки Вагилевича приписаны разгорячившейся фантазіи. Къ сожалѣнію, у меня не было журнала Чешскаго музея, и во всей Вильнѣ нѣтъ ни одного экз. Московскаго Наблюдателя 1834 г., а потому я и не могъ свѣрить моихъ записокъ съ статьями Вагилевича и сообщить подробное описаніе этихъ замѣчательныхъ урочищъ. На всякій случай, слѣдовало бы подвергнуть эти мѣстности ближайшему разсмотрѣнію археологовъ и съ точностію изслѣдовать всѣ подробности: можетъ быть и найдутся какія нибудь указанія для опредѣленія времени этихъ построекъ, принадлежащихъ вѣроятно первобытнымъ жителямъ страны.

Не менѣе замѣчательны пещеры, находящіяся во многихъ мѣстахъ вдоль средняго теченія Днѣстра. Здѣсь упомяну о пещерѣ св. Онуфрія подлѣ бывшаго монастыря въ с. *Рукомышѣ*, около Бучача Чортковскаго уѣзда. Въ одной изъ такихъ пещеръ устроена даже небольшая церковь. Мѣстность *Рукомышѣ* еще тѣмъ достопримѣчательна, что на одномъ полѣ этого селенія находятъ глиняную посуду, въ видѣ древнихъ урнъ; слѣдов. въ доисторическія времена было тамъ языческое кладбище. Такихъ мѣстъ нашлось больше въ Галичинѣ, и открытыя тамъ урны и другія курганныя находки можно видѣть въ музеѣ Оссолинскаго во Львовѣ, въ собраніяхъ гр. Тарновскаго въ Диковѣ, у кн. Чарторыйскаго въ Сѣнявѣ, Павликовскаго въ Медывѣ и др. Я старался было получить экз. урны изъ Рукомыша, но съ выѣздомъ моимъ въ Россію прекратились всѣ сношенія мои съ мѣстными любителями древностей.

Наконецъ надо замѣтить, что здѣсь же, въ Галичинѣ, найденъ въ 1848 г. возлѣ с. Городницы, въ руслѣ р. Збруча, большой каменный истуканъ Свѣтовида (или, по изъясненію А. Петрушевича, собственно Дажь-бога-Хорса), совершенно похожій на идола Свантовита прибалтійскихъ Славянъ. Этотъ истуканъ перевезенъ поляками изъ нашей русской земли, гдѣ ему подобало оставаться, на польскую территорію въ Краковъ. Т. Жебровский, посланный археологическимъ отдѣленіемъ Краковскаго ученаго общества для изслѣдованія этого мѣста, находилъ здѣсь слѣды каменныхъ фундаментовъ, гдѣ, по его предположенію, стояло капище Свѣтовида.

Вѣроятно это не послѣдняя находка въ странѣ, въ которой попадались и другіе подобные идолы. Такъ напр. въ с. Каменкѣ, возлѣ Коломы, находился какой-то каменный болванъ, называемый *Каменная баба*, которую суевѣрный народъ во время засухи и бездождія перевертывалъ на другой бокъ, предполагая, что отъ того соберутся тучи и дождь ороситъ землю. Во Львовѣ показываютъ на лѣстницѣ музея Оссолинскихъ, найденный будто-бы на прилежащей горѣ каменный идолъ загадочнаго Леля-Полея. Припомнимъ здѣсь другія находки, относящіяся къ доисторическимъ временамъ; между ними замѣчательны кремневые клинья и топоры, весьма гладко обдѣланные, найденные и добытые изъ каменнаго гроба въ селѣ Береманахъ Чортковскаго уѣзда, при впаденіи притока Стрыпы въ Днѣстръ. Тамъ, въ одномъ курганѣ

найлены небольшіе остатки трехъ великанскихъ скелетовъ и при каждомъ изъ нихъ— гладкій кремневый клинъ или топоръ. При раскопкѣ этого кургана, подъ которымъ оказался довольно глубоко въ землѣ каменный гробъ, выбрано около ста воевъ камня. Два такихъ же еще не разрытыхъ кургана находятся въ небольшомъ оттуда разстояніи. Подобные кремневые топоры и долота найдены въ селахъ: Островѣ, Рожискахъ, Мокровѣ, Дорошовѣ и др. При впаденіи р. Сяня въ Вислу выкопана урна, хорошо сохранившаяся, съ остатками недогорѣвшихъ костей. Въ с. Сушинѣ Тернопольскаго уѣзда также найдена урна особенной формы. Глиняныя слезныя урны выкопаны въ с. Звенигородѣ на Днѣстрѣ. Въ с. Жабинцахъ Чортковскаго уѣзда отрыты разныя орудія и сосуды языческихъ временъ. Бронзовые мечи, жертвенныя ножи, дротики и др. орудія изъ доисторической эпохи выкопаны въ с. Баличахъ Стрыйскаго уѣзда и въ м. Залозцахъ Золочевскаго уѣзда. Серебряныя напейники найдены въ м. Олескѣ того же уѣзда. Серебряныя браслеты выкопаны въ с. Сидоровѣ Чортковскаго уѣзда. Два золотые перстня выкопаны въ с. Звенигородѣ, прежней столицѣ княжества, около Львова; также старинныя серьги и перстни вырыты въ г. Теремовѣ Тернопольскаго уѣзда. Эти вещи находятся въ библиотекѣ Оссолинскаго музея во Львовѣ. (См. *Przewodnik wystawy starozytniczej Lwowskiej urzadzonej przez zaklad narodowy imienia Ossolinskiх w. r. 1861. стр. 28 и слѣд.*).

Должно надѣяться, что при усердныхъ и всестороннихъ поискахъ найдутся въ этихъ мѣстностяхъ еще многіе, хотя полуистлѣвшіе, памятники древняго быта. Теперь перечислимъ мѣста, на которыхъ преимущественно слѣдовало бы дѣлать поиски за древностями, и укажемъ на нѣкоторые извѣстные курганы, называемые въ Галичинѣ *мошлами*, чтобы обратить на нихъ вниманіе будущаго изслѣдователя. Таковы: *Мошлка* къ востоку отъ г. Дрогобичи, могила къ югу отъ села Горыглады, могилы возлѣ г. Тисменицы, большія могилы возлѣ Галича, между которыми должна быть извѣстная *Галичина мошла*, на которую Галичскій бояринъ Илья Щепановичъ вывелъ князя Пересопницкаго и осклабяясь сказалъ: «Княже, уже еси на *Галичинѣ мошлѣ* посидѣлъ, тако и въ Галичѣ княжилъ еси» (Ипат. Лѣт. стр. 157); могилы возлѣ м. Глинянъ, могилы возлѣ Зборова, Обертина, могила въ Годовицѣ, *Турецкая* могила въ с. Речичанахъ, могилы въ Вишневѣ и Черемховѣ, могила въ с. Загорѣ, могила въ с. Бѣлой, могила въ Подлиську, *Панская* могила въ Червоногородѣ, *Поповая* могила близъ впаденія р. Стрыпы въ Днѣстръ, *Дуплавая* могила возлѣ м. Устьечка; *Розбитая* могила возлѣ с. Коцюбинчики, двѣ могилы въ с. Беремянахъ (о которыхъ упомянуто выше), могила въ Суходолахъ, могила въ Яксманичахъ, могила въ с. Павловѣ, большое количество могилъ въ Пльснису возлѣ Подгорець (около 80 большихъ и меньшихъ кургановъ), *Печеньжская* могила возлѣ с. Печенѣя, *Сенаторская* могила въ с. Полюховѣ, *Коцурова* могила возлѣ с. Жолтанцы, могила возлѣ Банюнина, Поздимирская могила возлѣ Поздимирѣ, *Кураны* у с. Щенятина, наконецъ могилы возлѣ г. Сочавы и возлѣ с. Собранецъ на Буковинѣ и пр. Во многихъ мѣстностяхъ находится большое количество кургановъ: напр. въ одной мѣстности за Днѣстромъ, между рѣчками Свѣчей и Сивкой, Червинскій насчиталъ на пространствѣ двухъ миль больше ста кургановъ, и въ самой его деревнѣ находилось ихъ девять (См. *Okolica Za-Dniestrską między Strzjem i Lomnicą* р. Jgn. Lubick Czerwinskiго. Lwow 1817, стр. 26). Въ Крилосѣ находятся тройные валы, поросшіе лѣсомъ и кустарниками, окружавшіе прежнюю столицу Галицкихъ

митрополитовъ; въ Золочевскомъ уѣздѣ видны слѣды длиннаго вала, тянувшагося между верховьями р. Стыра и Иквы. Всѣ эти курганы, могилы, насыпи, валы и пр. ожидаютъ ученаго изслѣдованія археологовъ и конечно въ свое время приведутъ къ замѣчательнымъ открытіямъ частности, которыя, будучи подведены къ общему знаменателю, дадутъ зрѣлые плоды для науки.

Теперь обратимъ вниманіе на второй періодъ, именно періодъ славяно-русскій въ Галичинѣ.

Вся Подкарпатская страна и Карпатское погорье заселены были съ доисторическихъ временъ племенами славянскими. Отсюда, вѣроятно, вышли Сербы и Хорваты, а можетъ быть и Чехи, и заселили нынѣ занимаемые ими земли; здѣсь полагалъ еще Несторъ Хорватовъ, а въ сосѣдствѣ съ ними другія славянскія племена: Бужанъ, Дулѣбовъ, Древлянъ, Тиверцевъ, Угличей. Съ самаго основанія Русскаго государства владѣли всею этой землей русскіе князья Рюрикова племени; они завели здѣсь русское управленіе и русскій гражданскій бытъ. Въ то время, когда въ Москвѣ, составляющей нынѣ первый городъ въ Россіи, насквозь русскій, насквозь славянскій, князь Юрій Владиміровичъ (1147 г.) давалъ пиръ на весь міръ и водворялъ русскихъ жителей, а кругомъ на всемъ пространствѣ жили еще инородцы, среди которыхъ только что водворялась русская жизнь, какъ теперь, если позволительно сравнить, на Амурѣ,—въ это время въ нашемъ Перемышлѣ и Ярославлѣ, въ нашей Теребовлѣ, въ нашихъ городахъ: Галичѣ, Бельзѣ, Бужскѣ, Звенигородѣ и др. давно уже кипѣла русская жизнь, процвѣтала русская гражданственность и развивалась русская культура.

Здѣсь, по сказаніямъ лѣтописей, прославились имена знаменитыхъ въ исторіи: Володаря, Владимірка и Василька; здѣсь было главное поприще дѣятельности Романа, Даниїла, Льва. Здѣсь, въ Галичскомъ замкѣ, высоко сидѣлъ Ярославъ Осмомыслъ на своемъ златокованномъ столѣ, подперши своими желѣзными полками горы Угорскія (до сихъ поръ виднѣющіяся въ синихъ облакахъ изъ развалинъ Галичской крѣпости); отсюда затворялъ онъ врата Дунаю, суды рядилъ до Дуная и стрѣлялъ *съ отня златѣ стола салтаны за землями*. Здѣсь Романъ Мстиславичъ принималъ греческаго императора и съ гордою осанкой указывалъ папскимъ посламъ на свой мечъ при бедрѣ, которымъ онъ побѣждалъ своихъ враговъ. Отсюда, наконецъ, выплыло вдоль по Днѣстру, на тысячѣ лодьяхъ, русское войнство, столь храбро сражавшееся вмѣстѣ съ своимъ юнымъ княземъ Даниїломъ въ несчастной битвѣ при Калкѣ.—Словомъ, здѣсь была вполнѣ разцвѣтшая русская жизнь могущественнаго Русскаго государства. Вся Подкарпатская страна—столько же русская, какъ и смежный съ нею юго-западный край, тотъ же самый народъ тутъ и тамъ, тѣ же русскіе князья владѣли землей и упрочили въ ней русскій элементъ, не погибшій и до сихъ поръ.

Но спросите, мм. гг., что осталось отъ этого блистательнаго періода древне-русской Галичины?—Отвѣтъ: рѣшительно ничего!... Нѣтъ ни одного монументальнаго памятника, ни одного зданія, ни одной церкви, ни одного монастыря, вполнѣ уцѣлѣвшихъ, ни одной церковной утвари, ни одного куска древняго оружія или убранства; нѣтъ и слѣда золотого престола Ярославова, или меча Романова, или дорогаго прибора Даниїлова, которому удивлялись *Нѣмцы* ⁽¹⁾; не осталось ни одного слатка, ни

(1) Приведемъ здѣсь слова Лѣтописи: «Данило же приде къ нему (королю Угорскому), исполни вся вой свои... бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людѣ во ярицѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружія блистающася. Самъ же (кн. Даниїль) бѣхъ подѣ короля, по обычаю Руску: бѣ бо конь подѣ

одной гривны могучихъ галичскихъ князей, владѣвшихъ землей около 500 лѣтъ! Все лежить въ развалинахъ; все достояніе князей нашихъ расхищено, растеряно, по-прано, погублено—и нынѣ, стоя на жалкихъ развалинахъ древнихъ русскихъ городовъ, можно выразить всю суть долготѣйшей исторіи страны, повторивъ съ пѣвцемъ Игоря: «Тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пиръ докончали храбрые Русины, сватовъ своихъ попоили и сами полегли за землю Русскую!..»

Однако же спрашивается, неужели вовсе нѣтъ предметовъ для изслѣдованія русскаго археолога, если не уцѣлѣло ни одного вещественнаго памятника въ этой истоніи русской странѣ?.. Неужели изъ развалинъ старинныхъ церквей и замковъ нельзя составить ничего научнаго для изъясненія древняго зодчества? Ужели не найдутся еще подъ щебнемъ разрушенныхъ стѣнъ или въ курганахъ и могилахъ хотя обломки оружія, древней збруи и другихъ принадлежностей русскихъ защитниковъ своей страны со временъ самостоятельности и славы Галичско-русскихъ княжествъ? Ужели не найдется ни одна гривна изъ тѣхъ многихъ гривенъ, слитыхъ щедрымъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ и предъ смертью имъ розданныхъ своимъ подданнымъ, — не отыщутся хотя отрывки Евангелія, писаннаго этимъ благочестивымъ княземъ и подареннаго имъ въ Перемышльскую епископскую церковь? Неужели не осталось хоть чего-нибудь отъ иконъ, церковной утвари и другихъ драгоценныхъ вещей, которыми этотъ князь снабжалъ церкви? Не сохранились ли гдѣ-нибудь древнія пергаментныя рукописи въ странѣ, въ которой еще въ XVI в. существовало извѣстное Крылосское Евангеліе (1143 г.), будущее нынѣ украшеніемъ Синодальной библіотеки?...

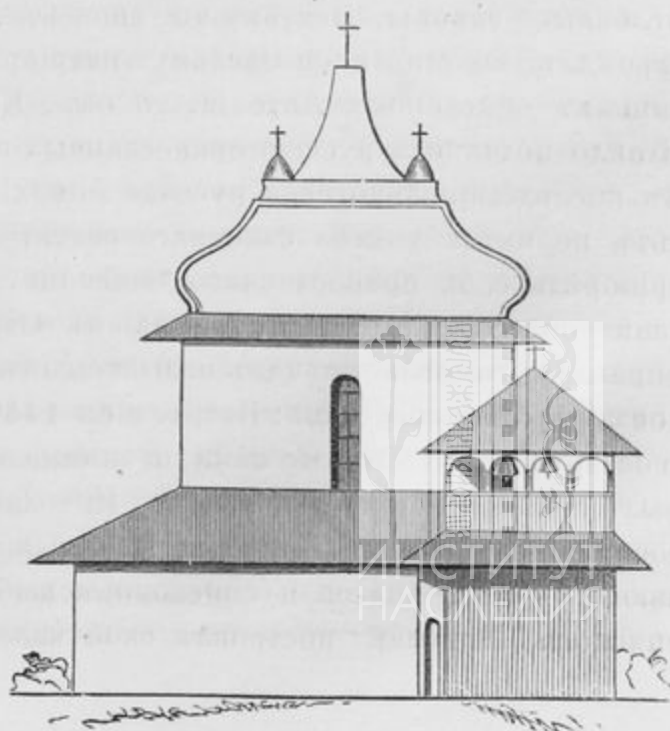
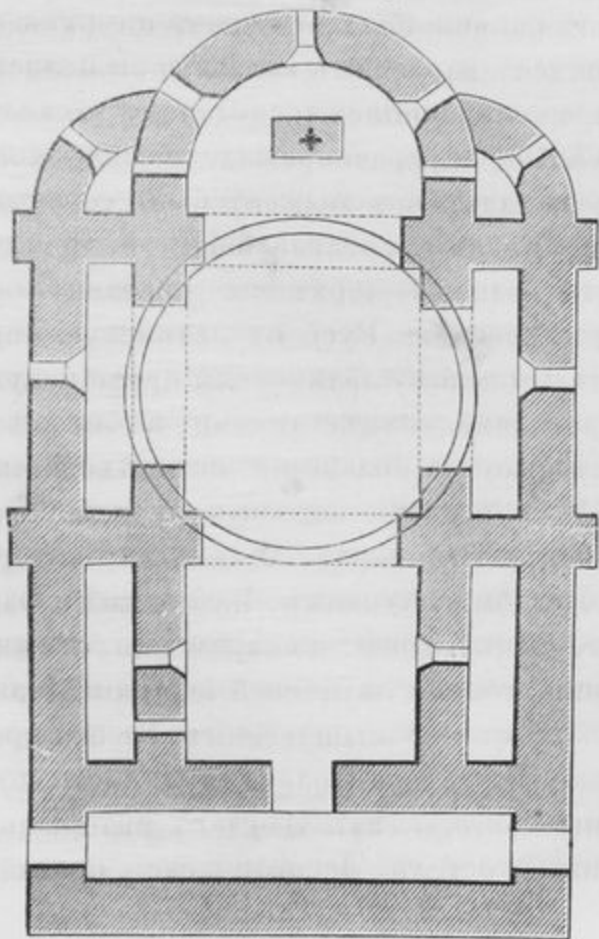
Будемъ надѣяться, что найдутся еще важные памятники, свидѣтельствующіе, хотя обломками, о прежней славѣ русскаго имени во всей Подкарпатской странѣ. Надо только приняться за всестороннее ихъ изслѣдованіе по всѣмъ направленіямъ, преимущественно въ мѣстностяхъ, отмѣченныхъ въ исторіи, которыя, такъ сказать, сами призываютъ къ себѣ археолога. Надо поощрить и поддержать галицкихъ ученыхъ и любителей старины, чтобы всякій изъ нихъ и всѣ вмѣстѣ дѣйствовали и старались отыскивать и приводить въ извѣстность всякіе археологическіе предметы.

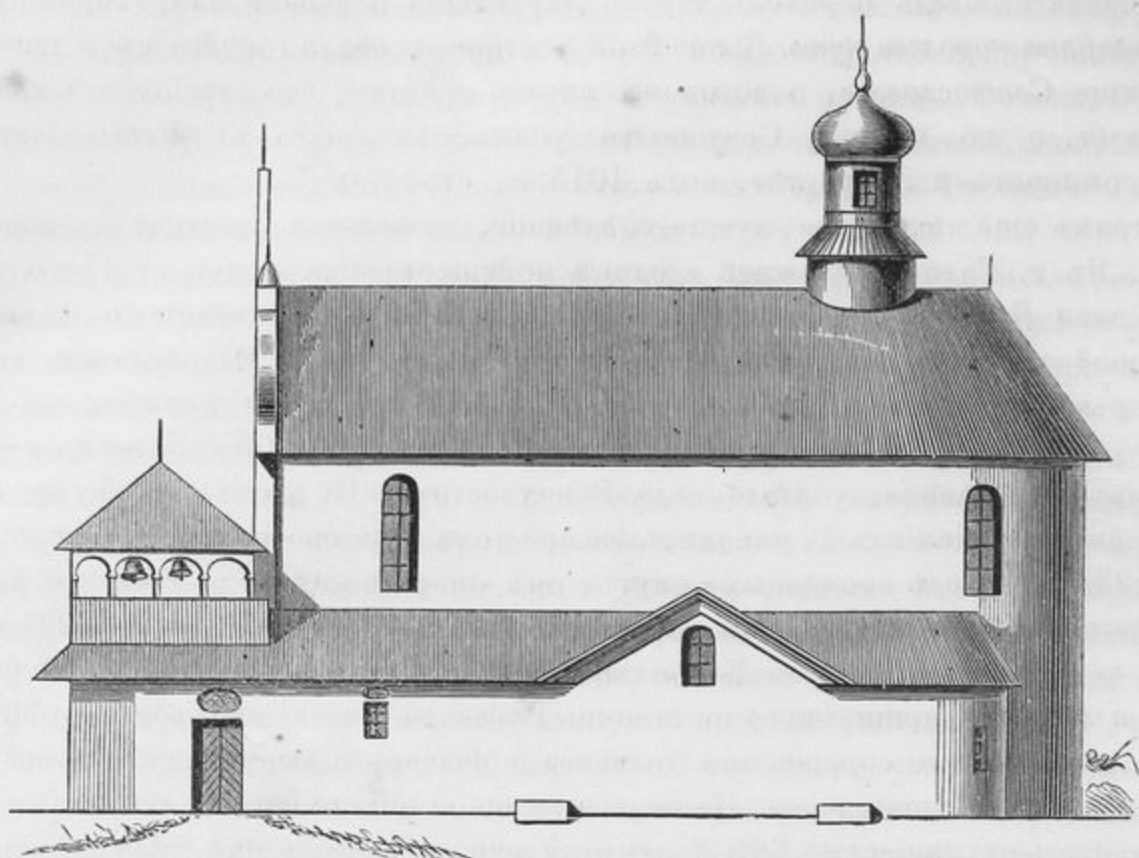
До сихъ поръ остались древніе галичско-русскіе города и мѣстечки, и большая часть мѣстностей и рѣкъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, сохранила, по преданію вѣрнаго своей народности люда, старо-русскія названія. Но многіе города, какъ напр. Пльсниско, совсѣмъ опустѣли; остались только громадныя валы и поросшіе лѣсомъ курганы. Звенигородъ, лишенный своего значенія, превратился въ деревню; другіе же обращены въ жалкія жидовскія мѣстечки: Боберка, Бельзь, Бужскъ, Вишня, Галичъ, городокъ Збаражъ, Зудечевъ, Любачевъ, Теревовль, Щирецъ и пр.; иные еще и до сихъ поръ сохранили значеніе городовъ, но, заселенные иноземцами, приняли совсѣмъ новый видъ, какъ напр. Броды, Коломия, Львовъ, Перемышль, Самборъ, Саноукъ, Ярославль; даже село Синеводско, гдѣ останавливался кн. Даниилъ Романовичъ въ Богородичномъ монастырѣ, существуетъ до сихъ поръ. Въ нынѣшнемъ Вышинѣ Синеводскъ находится на горѣ, среди земляныхъ валовъ, приходская Богородичная церковь. Не вдалекѣ отъ нея—урочище *Колодка*, это горное ущелье, въ которомъ могли князья

нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожую же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. *Пльмцемъ* же зрящимъ, мною дивящимся, рече ему король: не взялъ быхъ тысячъ серебра за то, оже еси пришелъ *обычаемъ Рускимъ* отцевъ своихъ». Ипат. лѣт., стр. 187.

галицкіе препятствовать переходу черезъ Карпатскій перевалъ изъ Угорщины (Венгріи)—*затворяють королеви путь*. Выше этой мѣстности, возлѣ горнаго мѣстечка Сколье, есть урочище *Святославье*, о которомъ живетъ преданіе, что здѣсь убитъ князь *Святославчикъ* (т. е. по приказу Святополка убили бѣжавшаго въ Угры Святослава, о чемъ упоминаетъ и Лавр. лѣт. подъ 1015 г., стр. 60).

Разсмотримъ еще нѣкоторые, лучше уцѣлѣвшіе, памятники русскихъ древностей въ Галичинѣ. Въ г. Галичѣ, прежней столицѣ могущественнаго княжества, сохранились стѣны древней *Богородичной церкви*, которой построеніе, по сказаніямъ лѣтописей и другимъ соображеніямъ, надлежитъ отнести къ XII столѣтію. Это—единственный памятникъ древне-русскаго церковнаго зодчества, это—та самая церковь, въ которой погребенъ былъ въ 1187 г. Ярославъ Осмомысль, а въ 1205 г. похоронено тѣло кн. Романа Мстиславича, убитаго подъ Завихвостомъ. Въ этомъ храмѣ (въ 1208 г.) посаженъ былъ кн. Даниилъ Романовичъ на престолъ отца своего (Ипат. лѣт. с. 158), и затѣмъ (1235 г.), послѣ временныхъ смуть, онъ опять возсѣлъ на тотъ же престолъ. Въ послѣдствіи времени эта церковь подверглась ужасному разоренію. Въ 1221 г. Фильній, воевода мадыарскаго короля Коломана, построилъ на ея сводахъ засѣку (градъ) и защищался противъ пришедшаго на помощь Русскимъ князя новгородскаго Мстислава Храбраго, поразившаго совершенно Поляковъ и Мадыаръ и выручившаго русскую столицу изъ рукъ иноплеменниковъ. Не смотря на такое опустошеніе и послѣдовавшее затѣмъ разорительное нашествіе Батые, отъ этой церкви остались еще столь крѣпкія стѣны, что въ 1255 г. кн. Изяславъ Владиміровичъ могъ защищаться на ея *комарахъ*, противъ осаждавшаго его кн. Романа Даниловича. И эти крѣпкія стѣны и своды сохранились до сихъ поръ. А. Петрушевичъ написалъ обстоятельное описаніе галичской Богородичной церкви, напечатанное въ Галичскомъ Историческомъ Сборникѣ, изд. въ Львовѣ 1853 г.; а для любопытныхъ мы прилагаемъ планъ и виды церкви въ ея нынѣшнемъ состояніи.

Одна эта церковь и осталась въ Галичѣ; но гдѣ стояли другія церкви и монастыри, гдѣ стояла церковь св. Іоанна, гдѣ была Спасская часовня, выходя изъ которой кн. Владимірко Васильковичъ умеръ отъ удара, — вовсе неизвѣстно.

Другіе памятники древняго зодчества и нныя монументальныя древности уничтожены временемъ или разорены непріятелями въ періодъ 500-лѣтняго владычества Поляковъ. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что въ Галичинѣ раньше началось угнетеніе русскаго элемента, чѣмъ въ смежныхъ областяхъ, доставшихся литовскимъ князьямъ, и польское иго сильнѣе давило Галичанъ. Король польскій, именовавшійся господаремъ и наслѣственнымъ владѣтелемъ Руси (*dominus et haeres Russiae*), распоряжался безцеремонно въ Галичинѣ, тогда какъ въ литовско-русскихъ земляхъ онъ долженъ былъ соблюдать условные законы. Поэтому-то еще въ XIV в. Казиміръ, завладѣвшій Галичиной, угрожалъ константинопольскому патріарху, что если патріархъ не поставитъ галицкимъ епископомъ Антонія, то онъ, Казиміръ, креститъ Русь въ латинскую вѣру. Ягайло подчинилъ русскія православныя церкви львовскому латинскому архіепископу. Въ послѣдствіи Львовская русская епархія, управляемая намѣстниками, почти двѣсти лѣтъ не имѣла у себя законнаго святителя и только съ большими пожертвованіями пріобрѣла себѣ православнаго епископа. Въ XV ст. польскіе короли поручили управление области извѣстнымъ фамиліямъ Одровонжовъ, Бучацкихъ, Ходечовъ, которые управляли самовластно такъ называемымъ Воеводствомъ Русскимъ. Изъ фамиліи Одровонжовъ были воеводами: Петръ, а съ 1450 г. его сынъ Андрей, и современно съ ними двое другихъ изъ той же фамиліи занимали высшія степени латинской іерархіи: Іоаннъ былъ архіепископомъ львовскимъ, Николай епископомъ перемышльскимъ. Въ это время соборная церковь св. Іоанна въ Перемышлѣ была разграблена Поляками, и кости почивающихъ тамъ князей и епископовъ выброшены вонъ, а изъ твердаго матеріала ея епископъ Николай построилъ свой кафедральный костелъ. Деспотическое правленіе

фамиліи Одровонжовъ довело Русскихъ до крайности; они умоляли короля, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ власти Одровонжовъ. Послѣ того староста галичскій Станиславъ изъ Ходечъ отдалъ Галицкую епархію мірскому человѣку Роману изъ Осталовичъ, который не только управлялъ Крилосскимъ монастыремъ и принадлежащими ему имѣніями, но присвоилъ себѣ и судебную власть надъ православнымъ духовенствомъ русскимъ, собиралъ съ священниковъ подати, рѣшалъ брачные споры и даже расторгалъ супружества, самовластно позволяя разведеннымъ вступать въ новый бракъ. Польскіе паны прикрѣпляли къ землѣ русскихъ православныхъ священниковъ вмѣстѣ съ крестьянами и обременяли ихъ тяжелыми налогами. Короли отнимали у русскихъ владѣльцевъ земли и отдавали ихъ Полякамъ; мѣщане и свободные люди, бортники, дѣяки превращаемы были въ крѣпостныхъ крестьянъ, при чемъ помѣщики старались захватить древнія привилегіи и льготныя грамоты въ свои руки и уничтожали ихъ. Въ городахъ были поселены Жиды и Нѣмцы съ нарушеніемъ правъ природныхъ жителей; помѣщики заводили монополію въ своихъ имѣніяхъ и принуждали крестьянъ покупать соль, хлѣбъ, напитки, сельди и др. вещи исключительно въ своихъ мѣстечкахъ. Православные лишены были всякихъ правъ и преимуществъ и отданы на произволъ помѣщика или его арендатора поляка или жида. При этихъ и другихъ невыносимыхъ угнетеніяхъ, страна, терзаемая постоянными нападеніями Татаръ, Турокъ и другихъ непріятелей, доведена была до совершеннаго обѣднѣнія.

По этой причинѣ нечего и удивляться, что въ Галичинѣ такъ мало сохранилось предметовъ, любопытныхъ для русскаго археолога. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ посѣтить эту историческую страну, подробно изслѣдовать, привести въ общую извѣстность сохранившіеся въ ней памятники и дать толчекъ новымъ всестороннимъ поискамъ.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ церквяхъ и монастыряхъ, нынѣ уничтоженныхъ. Возлѣ Галича, за р. Луквой, былъ православный монастырь св. Пантелеймона. Созданный князьями галицкими изъ твердаго матеріала, но разоренный Батыемъ, онъ стоялъ 180 лѣтъ въ запустѣніи. Тогда король Ягайло подарилъ развалины францисканскимъ монахамъ, которые въ нихъ отстроили себѣ кляшторъ и костель, существующіе до сихъ поръ. Говорятъ, что уже въ тридцатыхъ годахъ пріоръ францисканцевъ приказалъ всѣ русскія надписи, находящіяся на стѣнахъ зданія, вырубить, чтобы не осталось и памяти о бывшей тутъ русской церкви ⁽¹⁾. Въ Перемышлѣ епископскій соборъ разоренъ Поляками (какъ выше сказано), и изъ матеріала его латинскій епископъ построилъ свой кафедральный костель. Мѣстное преданіе гласитъ, что фанатическіе католики возили каждый камень на р. Сяну и обмывали его отъ схизматической ереси. Въ Лавровѣ, въ 1767 году, послѣ пожара въ тамошнемъ деревянномъ монастырѣ, открыта часовня, въ которой нашлись въ подземной каменной могилѣ двѣ гробницы, обложенныя толстыми серебряными плитами и украшенныя искусною рѣзбой. На одной изъ нихъ было вырѣзано имя *Льва* (кн. Льва Даниловича); но игуменъ Поликарпъ Волянский, вѣроятно боясь, чтобы тогдашнее польское начальство не присвоило себѣ открытыхъ сокровищъ, приказалъ тайно переплавить серебро и употребилъ его на обновленіе монастыря и церкви ⁽²⁾. Другой древній монастырь Преображенскій былъ въ мѣстности Самборскаго уѣзда «Спасѣ». Стебель-

(1) Объ этомъ рассказывалъ мнѣ покойный священникъ Іосифъ Левицкій, сынъ Петра, брата покойнаго митрополита Михаила Левицкаго, бывшаго приходскимъ священникомъ въ Залукѣ.

(2) Денисъ Зубрицкій, Критич.-историч. повѣствованіе о Черв. Руси. Москва 1845 г., стр. 63.

скій (Genealogia Ostrogskich, стр. 44) утверждаетъ, что будто въ этомъ монастырѣ постригся и умеръ князь Левъ Даниловичъ. Въ библіотекѣ Перемышльскаго русскаго собора находится пергаментное Евангеліе, подаренное (по запискѣ на немъ сдѣланной) Спасскому монастырю. Этотъ монастырь со многими другими (равно какъ и послѣдній православный Скитскій монастырь въ Манявѣ) упраздненъ австрійскимъ правительствомъ въ 1786 году, и въ его стѣнахъ помѣщена Гвоздецкая казенная управа. Древняя монастырская церковь, лишенная церковной утвари, существовала до 1816 г., въ которомъ, по приказанію мѣстной администраціи, и была разрушена. Напрасно умолялъ перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій австрійское правительство о сохраненіи этого великолѣпнаго памятника древняго зодчества; пока пришло изъ Вѣны разрѣшеніе оставить нетронутымъ старинное зданіе, проворные чиновники государственныхъ имуществъ, съ вандальскою безпощадностью, разрушили церковь и изъ камней и хорошаго кирпича успѣли построить себѣ дома и хозяйственныя зданія. Одна только башня, воспротивившаяся крѣпостью стѣнъ своихъ разрушительному желѣзу, свидѣтельствуетъ нынѣ развалинами своими о мѣстѣ древней церкви (Зоря Галицкая 1854 г., стр. 88).

Русскихъ монастырей было много въ Галичинѣ. Авторъ статьи «Поглядъ на монастыри и русское монашество» (см. Шематизмъ чина св. Василия В. въ Галиціи, Львовъ, 1867 г.) насчиталъ въ Львовской епархіи 130, въ Перемышльской 106 мужскихъ, въ обѣихъ епархіяхъ 36 женскихъ бывшихъ монастырей (въ Угорской Руси было ихъ всего 24), въ Буковинѣ 23 православныхъ монастыря, итого 295 монастырей. Изъ этого числа осталось нынѣ во всей Галичинѣ 14 мужскихъ монастырей, 2 женскихъ, въ Угорщинѣ 7, а въ Буковинѣ только 3 православныхъ монастыря. Извѣстно, что въ монастыряхъ хранились иконы, церковная утварь древней работы, старинныя рукописи и проч. древности; послѣ упраздненія ихъ, эти вещи были продаваемы и доставались окрестнымъ церквамъ. По этой причинѣ надлежало бы разспрашивать о нихъ по близкимъ приходскимъ церквамъ, и должно надѣяться, что въ нихъ многое сбережено изъ прежнихъ монастырей.

Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія австрійское правительство приказало отобрать у церквей всю золотую и серебряную церковную утварь на государственныя потребности тогдашняго военнаго времени, вознаграждая церкви за золото и серебро бумагами—процентными облигаціями; и нѣмецкіе чиновники, увлеченные австрійскимъ патріотизмомъ, брали безъ разбора церковныя сосуды древней работы, безпощадно ихъ ломали на сплавъ и отдавали въ казну ⁽¹⁾. Итакъ ни Татары, ни Ляхи, ни Нѣмцы не щадили русскихъ древностей; что сохранилось отъ хищничества Татаръ, алчности Поляковъ и фанатизма католиковъ, то заграбила и уничтожила австрійская администрація!...

Тогда какъ въ центрѣ прежняго Галичскаго княжества истреблены почти все древніе и даже старинныя памятники, надлежитъ подробно обозрѣть сосѣднюю Буковину, которая хотя не однажды разоряема была Турками, Татарами и Ляхами, но не испытала тяжкаго ига польско-католическаго, и сохраняла, пользуясь болѣею самостоятельностью, свой древній бытъ, свой русскій языкъ и православіе. Плодородная Буковина, по

(1) Ein Wort an die Zeit, von einem Russinen. Iordan's Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst u. Wissenschaft. Leipzig 1846.

самому своему мѣстоположенію на восточной покатости живописныхъ Карпатъ, съ древнихъ временъ привлекала къ себѣ русскихъ князей, стремившихся къ Дунаю и Черному морю. Галичскіе князья владѣли этой землей и всей Молдавіей до Дуная (Ярославъ Осмомыслъ затворялъ Дунаю ворота, суды рядилъ до Дуная). По прекращеніи династїи Романовичей и завладѣніи Галича Поляками, эта юго-восточная область Галичскаго княжества примкнула къ Румынамъ, и, въ союзѣ съ ними и съ помощію ихъ, установилось съ половины XIV вѣка Русско-Румынское государство, похожее на русско-литовскія княжества Гедиминовичей. И эта страна,—древнее достояніе святой Руси,—временно прикрытая чужестранною плѣснью, въ археологическомъ отношеніи еще вовсе не тронута и не изслѣдована, скрывая въ себѣ многіе памятники русской старины. Буковина—это основа Молдавскаго господарства, котораго начало совпадаетъ съ паденіемъ самостоятельности Галичскаго княжества. Неосновательно жалуются молдавскіе историки на скудость документовъ, оставшихся отъ первыхъ временъ ихъ государства. Они искали ихъ въ нижней Молдавіи, а не въ Буковинѣ, первомъ селищѣ румынскихъ господарей. Они пренебрегали древними, на русскомъ языкѣ писанными, грамотами и другими актами, пополняя недостаточныя и неопредѣленныя данныя первоначальной своей исторіи извлеченіями изъ скудныхъ и притомъ малонадежныхъ упоминаній мадьярскихъ и польскихъ лѣтописцевъ. Отъ ложнаго воззрѣнія на исторію произошли: смѣшеніе данныхъ, касающихся Молдавскихъ владѣній, съ Валашскими, запутанность въ хронологіи и неопредѣленность сказаній о началѣ и устройствѣ земли. Первая лѣтопись Молдавской земли безспорно писана была на русскомъ языкѣ, и почти всѣ старинныя грамоты молдавскихъ господарей писаны на томъ же русскомъ языкѣ, на коемъ писались и грамоты Гедиминовичей въ Литвѣ. Въ Буковинѣ существуютъ еще до сихъ поръ православные монастыри и церкви, учрежденные и созданные первыми господами Молдавіи. Многочисленные надгробные камни съ русскими надписями указываютъ мѣста, гдѣ покоится прахъ первыхъ князей и княгинь молдавскихъ. Живое преданіе, подтверждаемое учредительными грамотами, свидѣтельствуетъ, что воевода Богданъ Драгошъ, вышедши изъ Марамороша въ Угорщинѣ и перешедъ горы между верховьями Тисы и Молдавицы, поселился въ прекрасной долинѣ при рѣкѣ Фурмосъ (Formosa) и создалъ церковь въ с. Воловецъ, гдѣ и почиваютъ Драгошевы кости (Грам. 24 Іюл. 1428 г.). На мѣстѣ деревянной церкви, построенной Драгошемъ, господарь Стефанъ Великій соорудилъ нынѣшнюю церковь изъ твердаго матеріала. Деревянная же церковь, древнѣйшая во всей странѣ, перенесена въ пустынный монастырь *Путна* и существуетъ до сихъ поръ. Въ томъ же монастырѣ Путнѣ, обведенномъ крѣпостными стѣнами, стоитъ церковь, извнѣ и внутри украшенная иконами замѣчательной живописи; въ ней, въ каменномъ гробѣ, покоится тѣло Стефана Великаго (†1492 г.), его супруги Марїи и сыновей Петра и Богдана (1517 г.). Надписи на каменныхъ гробницахъ, покрытыхъ багряными, вышитыми золотомъ, покрывами, всѣ на русскомъ языкѣ. Въ монастырѣ находятся многія старинныя рукописи, между которыми нѣсколько пергаментныхъ евангелій, писанныхъ рукою господаря Стефана Великаго. Замѣчательна также за притокомъ Путной песчаная скала съ изсѣченною пещерой, въ которой жилъ во время Стефана Великаго отшельникъ Данїиль. Изъ Путнянскаго монастыря вышло 16 іеромонаховъ, занимавшихъ потомъ катедру Молдавской митрополїи ⁽¹⁾.

(1). См. Die Bukowina im Königr. Galizien von Theophil Bendella, Rector am bischöflichen Seminarium in Czernovitz, mit sechs Lithographien, an Original-Zeichnungen v. J. Schübirsz. Wien 1845, стр. 28 и слѣд.

На разстояніи 14-ти верстъ отъ Путны находится другой, не менѣ замѣчательный, православный монастырь въ *Сучавицѣ*, лежащій въ долинѣ между горами надъ притокомъ Сучавицей. Въ его каменной церкви сохранились гробницы учредителя монастыря воеводы Іереміи Могилы (съ русскою надписью 1613 г.) и его княжеской фамиліи. У паникадила въ церкви висятъ волосы супруги Іереміи Могилы, которая, попавшись въ плѣнъ къ Туркамъ, обрѣзала свои косы и переслала ихъ въ монастырь, чтобы въ немъ отправлялся молебенъ за спасеніе ея души. Въ придѣлѣ церкви достопримѣчательны два стеклянные шкафа, изъ которыхъ въ одномъ хранится драгоценная плащаница, а въ другомъ находятся портреты всей фамиліи Могиловъ, изъ которой происходилъ и славный кievскій митрополитъ Петръ Могила, племянникъ господаря Іереміи. Портреты, въ старинныхъ живописныхъ костюмахъ, такъ превосходно вышиты шелкомъ на красномъ бархатѣ, что и искусѣйшій живописецъ не могъ бы лучше изобразить ихъ своею кистью. Каждая картина представляется какъ бы отливою, и только при внимательномъ разсматриваніи можно увидать, что она вышита ⁽¹⁾. Сверхъ того картины обложены драгоценными камнями: аметистами, смарагдами, рубинами и множествомъ настоящаго восточнаго бисера. Въ библіотекѣ монастырской хранятся древнія рукописи; между ними замѣчательна рукопись XVI вѣка: «Цароставникъ или лѣтопись Сербскаго архіепископа Данила», современная копія съ которой хранится въ университетской библіотекѣ во Львовѣ.

Не менѣ важна для осмотра церковь въ мѣстечкѣ *Радовцахъ* (Radautz), въ которой былъ до 1786 года епископскій православный соборъ. Въ нынѣшней приходской церкви, прежнемъ соборѣ, замѣчательны надгробные монументы предковъ господаря и воеводы Стефана Великаго. Затѣмъ достойны посѣщенія православный монастырь въ *Драгомирнѣ*, особенно же городъ Сочава или *Сучава*, прежняя столица господарей и митрополитовъ молдавскихъ; въ этомъ городѣ когда-то было 40 православныхъ церквей (нынѣ ихъ только 5). Въ Сучавѣ замѣчательны: митрополичья церковь, развалины воеводскаго замка и другія зданія. Митрополитъ сучавскій долгое время посвящалъ и опредѣлялъ священниковъ въ епархію Галичскую, послѣ того какъ въ ней упразднена была Поляками епископская кафедра. Повидимому въ Буковинѣ должно найтись много памятниковъ старины, спасенныхъ изъ Галича. Какъ въ Литвѣ, такъ и здѣсь въ Молдавіи долгое время удерживался русскій языкъ въ правительственной перепискѣ и дипломатическихъ сношеніяхъ; въ церкви же употреблялся славянскій языкъ. По этой причинѣ и осталось много грамотъ и другихъ актовъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Грамоты хранятся въ правительственномъ архивѣ въ Черновцахъ; изъ нихъ сдѣлалъ выборъ Викингаузеръ и напечаталъ въ нѣмецкомъ переводѣ цѣлый томъ ⁽²⁾. Мнѣ удалось получить нѣсколько грамотъ въ подлинникъ отъ частныхъ владѣльцевъ; онѣ сообщены мною въ вѣрныхъ копіяхъ академику А. Θ. Бычкову.

Слѣдовало бы сдѣлать ученые поиски во всѣхъ монастыряхъ, существующихъ и упраздненныхъ, и собрать описанія, снимки и копіи со всѣхъ достопримѣчательностей, надгробныхъ камней, портретовъ, иконъ, церковной утвари и проч. Молдавскіе

(1) Bukowina, von Th. Bëndella, стр. 29.

(2) См. Moldawa oder Beiträge zu einem Urkundenbuche für die Moldau und Bukowina, von Fr. A. Wickenhauser. I. Abth. Urkunden und Inschriften der Klöster in der Bukowina. Wien 1862.

господари щедро надѣляли монастыри и церкви, и до сихъ поръ почти двѣ трети помѣстьевъ въ Буковинѣ принадлежатъ православному церковному фонду. Каждая фамилія господарей, владѣвшихъ Молдавіей, строила монастырь, въ которомъ и покоится прахъ господарей и ихъ семействъ; надъ гробницами ихъ постоянно теплится лампада, а въ урочные дни отправляются службы о упокоеніи благочестивыхъ учредителей. Во многихъ церквахъ Буковины, въ которыхъ вывелось богослуженіе славянское и заимено румынскимъ, находятся рукописныя и старопечатныя книги, которыя безъ труда отдаются требующему. Что касается стиля церковныхъ и другихъ зданій, то онъ не старѣе XV вѣка; между тѣмъ, надлежало бы и въ этомъ отношеніи точнѣе изслѣдовать страну для соображенія, на сколько сохранился въ ея постройкахъ византійскій или подновленный русскій стиль, или же изъ того и другаго образовался какой-нибудь сложный стиль.

Не менѣе важно и полезно было бы посѣтить въ Буковинѣ селенія русскихъ старообрядцевъ и безпоповцевъ въ Климовцахъ, Бѣлокриницѣ и Драгомѣриѣ, и осмотрѣть въ ихъ церквахъ иконы и церковную утварь. Для археолога здѣсь важны древнія иконы въ драгоценныхъ старинныхъ окладахъ, старинная церковная утварь, разные орнаменты, старопечатныя книги и рукописи, наконецъ русскій бытъ со всею его обстановкой, сохранившійся у этихъ переселенцевъ изъ великорусскихъ губерній. Вотъ чѣмъ можетъ Буковина подарить русскаго путешественника!

Такъ какъ въ Галичинѣ не осталось ни одной изъ древнихъ русскихъ церквей, сохранившей въ цѣлости прежній византійскій или византійско-русскій стиль въ планѣ, постройкѣ и орнаментахъ, то слѣдуетъ намъ обратить вниманіе на позднѣе разившійся стиль церковнаго зодчества, который преимущественно обнаружился въ постройкѣ деревянныхъ церквей. Подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ образцовъ, съ теченіемъ времени образовался особаго рода стиль церковнаго зодчества, который водворился въ Галичинѣ и сталъ традиціоннымъ достояніемъ русскаго народа. Планъ или основа церкви крестообразна, строится ли она съ пятью или только тремя куполами, изъ которыхъ средній всегда шире и выше крайнихъ. Способъ возведенія изъ бревенъ осьмиугольнаго купола (восьмѣрки) въ шаровидной или грушеобразной формѣ, иногда приближающейся къ пирамидальному виду, съ своими особыми *луками, причѣлками, подстрѣпинами, столбцами, банями, арками, юлосниками* ⁽¹⁾ и прочими принадлежностями,—все это стало столь естественно для русскаго человѣка, что нынѣшнія церкви большаго и меньшаго размѣра строятся даже безграмотными крестьянами, которые являются въ этомъ случаѣ искусными плотниками, получившими свои свѣдѣнія по преданію отъ своихъ предковъ. Церковный стиль въ Галичинѣ такъ типиченъ, что въ любой деревнѣ по первому взгляду можно отличить русскую церковь отъ латинскаго костела. По этой причинѣ ненавистники русской народности и противодѣйствуютъ строенію церквей въ такъ называемомъ русскомъ стилѣ, а Голуховскій даже приказывалъ инженерамъ, чтобы они, при постройкѣ новыхъ церквей, отстраняя русскій обычай, чертили для нихъ планы по образцу римско-католическихъ костеловъ. Видно, эти церкви, будучи завѣтомъ древняго православія, остаются залогомъ и ручательствомъ возстановленія его въ Галичинѣ.

(1) Мы нарочно приводимъ техническіе термины мѣстныхъ жителей, чтобы доказать, какъ глѣбоко этотъ родъ зодчества утвердился въ русскомъ народѣ въ Галичинѣ.

Церкви этого рода—все деревянные. Въ странахъ на Карпатскомъ погорьѣ, гдѣ удобнѣе получить хорошій матеріалъ, строятъ церкви изъ еловыхъ бревенъ, въ лѣсистыхъ областяхъ сѣверной Галичины—изъ сосновыхъ, мѣстами изъ дубовыхъ брусевъ. Бревна бываютъ или цѣлыя (*цѣлки, обловое дерево*), или тесаныя (*протесы*), но всего чаще разрѣзанныя пополамъ (*пленицы*) или на нѣсколько брусевъ (брусы). Основа церкви, какъ сказано, представляетъ четырехраменный крестъ. Если церковь по плану должна быть пятиглавая (*основана на пять бань*), то она въ основаніи своемъ представляетъ крестъ изъ четырехъ равныхъ раменъ, если же—трехглавая, то два побочныя рамена замыкаются, т. е. ограничиваются небольшими выступленіями въ *причелкахъ* безъ верхнихъ куполовъ (*баней*). Строеііе закладывается или на каменной подкладкѣ, или на толстыхъ дубовыхъ бревнахъ (*подвалинахъ*); затѣмъ *засновываютъ* всю церковь, полагая *пленицы* или брусья одинъ на другой и спаивая ихъ плотно по угламъ въ *карбы* или *замки*, особаго рода зарубы. *Протесы* обыкновенно обтесываются топоромъ или *бардой* до *шмиги* и выглаживаются стругомъ, кладутся наружу круглой стороной (*обломъ, вибломъ*) и сбиваются деревянными гвоздями (*дыблями*). Основанное такимъ образомъ зданіе называется *зрубъ* или *струбъ*. Подвысивъ этотъ *зрубъ* аршина на два, оставляютъ извнѣ по всемъ угламъ концы бревенъ постепенно до двухъ аршинъ (*припускаютъ острубины*), затѣмъ слѣдующія вверхъ бревна опять сокращаютъ (*замыкаютъ улы*). На этихъ *припускахъ* навѣшивается крыша (*подстрѣшье, поддашье*), прикрывающая всю заснову кругомъ церкви. Иногда въ большихъ церквахъ окружается церковное *поддашье* деревянной рѣшеткой или низкимъ заборомъ, изъ котораго выступающіе (*отъ прѣсла до прѣсла*) столбики съ прикрѣпленными къ нимъ арками поддерживаютъ крышу. Такія же арки, у которыхъ одинъ средній между двумя столбиками урѣзанъ и соединяетъ желудеобразнымъ окончаніемъ двѣ висящія на немъ арки, дѣлаютъ на *комарахъ*, т. е. верхнихъ галлереяхъ, кругомъ внѣшнихъ стѣнъ церковныхъ; подобныя арки строятъ и у колоколенъ, и тогда эти лукообразныя окошки называются *голосниками*. *Струбъ* подносится выше уровня крыши (*подстрѣшья*) прямо вверхъ, но внутри церковь раздѣляется на аркахъ *вязанными* бревнами на три части: алтарь (*пресвитерія*), средину церкви (*мужчинникъ*) и придверную часть (*женочникъ, бабинецъ* или *бабникъ*). На предалтарной стѣнѣ *струба* помѣщается *иконостасъ* или *деисусъ*, съ *нампстными* образами, *царскими* и *діаконскими вратами*; на противоположной аркѣ прикрѣпляютъ иногда хоры для пѣвцовъ. Въ этой полосѣ стѣнъ оставляется *свѣтло* для окошекъ. Выше оконъ опять дѣлаютъ небольшой *припускъ* въ видѣ гзимса, покрываемаго извнѣ гонтами, затѣмъ образуютъ *заломы* и *причелки*, суживаютъ *острубины* и закладываютъ *столецъ* или основаніе для *восьмерки*, которую, подведя немного вверхъ, суживаютъ по мѣрѣ того, хотятъ ли устроить куполь (*баню*) въ видѣ полушара или грушеобразный, болѣе или менѣе расширенный, или же вовсе похожій на пирамиду. Недоводя куполь до полного засклепленія, ставятъ досчатый *столецъ*, на которомъ вколачиваютъ отвѣсныя столбики для *свѣтильницы* или *люкстари*, съ *свѣтлыми* окнами или *слѣпыми*, которыя опять покрываются макушкой, *банькой*, т. е. стропилами изъ брусевъ, вырѣзанными въ сердцевидной формѣ и покрываемыми обыкновенно блестящею бляхой. На верхушкѣ маковки ставится дубовый колъ, въ который водружаютъ желѣзный, нерѣдко раззолоченный крестъ.

Крестъ бываетъ четырехконечный, шестиконечный, семиконечный, даже восьмиконечный, а если сосчитать всѣ *перекрестья*, *промени*, лучи и другія прибавки, то выйдетъ иногда десять, двѣнадцать и больше концовъ. Его вбиваютъ въ золоченый шаръ; подъ крестомъ обыкновенно виднѣется золоченая луна съ обращенными вверхъ рогами. Крестъ водружается съ большимъ торжествомъ, и тотъ изъ мастеровъ-строителей, который закладываетъ крестъ, долженъ исповѣдаться и причаститься, одѣвшись непременно въ новую бѣлую рубашку. По народному преданію, крестъ поднимать на веревкѣ нельзя (*не йодится*), а къ тому дѣлу надо взять *полсотокъ* новаго полотна, которымъ привязываютъ крестъ и тянуть вверхъ. Крыши церквей покрываютъ обыкновенно сосновыми или еловыми гонтами; нерѣдко и внѣшнія стѣны верхней части церкви обшиваются гонтами, при чемъ концы гонтъ прикрашиваютъ нарѣзками (зубцами).

Такія церкви строятся нынѣ во всей Галичинѣ, и въ нихъ очевидно сохраняется старинный церковно-строительный стиль, который кажется восходить къ отдаленной древности. Церковно-строительный стиль столь оригиналенъ, что деревянные церкви Венгерской Руси обратили даже вниманіе инородцевъ. Епископъ Гаазе посвятилъ цѣлую статью изслѣдованію о русскихъ церквахъ въ сѣверозападной Угорщинѣ (Венгріи) и напечаталъ свой ученый трудъ въ изданіи Вѣнскаго Археологическаго Общества: *Die Baudenkmäler des Mittelalters*, 1867 года. Впрочемъ надо замѣтить, что въ стилѣ деревянныхъ русскихъ церквей и орнаментовъ между галицкими и угорскими большая разница, и любопытно было бы сравнить оба стиля.

Вездѣ свой обычай и свое мѣстное преданіе. Позвольте, мм. гг., въ этомъ отношеніи вѣроватъ въ силу и незыблемость народнаго преданія. Если Гоцулы въ Карпатскихъ горахъ до сихъ поръ выдѣлываютъ мѣдные топоры и посохи, совершенно похожіе на курганные, если на шеяхъ у Гоцуловъ находимъ такія же ожерелья изъ спирально-крученой мѣдной проволоки и почти такія же мѣдныя запонки и побрякушки (лелѣтки), какія встрѣчаются при курганныхъ раскопкахъ въ Литвѣ и южной Руси: то легко могло статься, что силою той же незыблемой традиціи сохраняется и старинный стиль церковныхъ строеній и орнаментовъ.

Въ подтвержденіе этого положенія предлагаемъ здѣсь изображеніе монастырскихъ церквей Креховской обители XVII вѣка. Оно представляетъ почти всѣ отбѣнки нынѣ еще употребительнаго способа строить церкви. Въ этомъ самомъ монастырѣ, находящемся въ с. Креховѣ Жолковскаго уѣзда, хранится старинная деревянная таблица съ изображеніемъ монастыря. Въ 1852 году, будучи управителемъ Львовской Ставропигійской типографіи, я, получивъ эту таблицу, приказалъ сдѣлать съ нея щеточный оттискъ, здѣсь прилагаемый (см. табл. XII). Онъ представляетъ настоящий видъ Креховскаго православнаго монастыря 1699 года, изображеннаго іеромонахомъ обители Діонисіемъ Сѣнкевичемъ, бывшимъ послѣ игуменомъ львовскаго Свято-Георгіевскаго монастыря. Картина о. Діонисія представляетъ въ птичьемъ перспективѣ цѣлую обитель внутри и внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, со всѣми церквами, зданіями, часовнями и хозяйственными строеніями, довольно искусно и отчетливо изображенную. Она даетъ намъ образецъ церковныхъ строеній и образецъ православнаго монастыря и монастырскаго хозяйства того времени въ Галичинѣ. По сторонамъ картины о. Діонисій вырѣзалъ объясненіе всѣхъ подробностей и, такъ сказать, начерталъ краткую лѣтопись Креховской обители. Разберемъ эти интересныя приписки. Съ лѣвой стороны отъ востока представляется намъ вверху: а) «Церковь въ дѣсѣ на скалѣ св.

апостолъ Петра и Павла»; в) «Благовѣщеніе Пр. Богородицы въ скалѣ» (часовня); ниже г) «Крестъ въ лѣсѣ», съ надписью:

«Аще кто до Львова пытае,
Ото въ лѣво дорогу мае»;

д) «Печара въ скалѣ». Возлѣ пещеры шла лѣсомъ тропинка и лѣстница вверхъ къ оградѣ церковной и церкви св. Петра и Павла. Нынѣ нѣтъ ни церкви, ни часовни, ни креста, ни лѣстницы,—показываютъ только мѣста, гдѣ это все находилось—а въ провалѣ есть скала и въ ней небольшая изсѣченная пещера. Это та самая пещера, которую, по преданію, основатель обители Іоиль вмѣстѣ съ другимъ братомъ выкопалъ, и въ ней жилъ, пока не построили монастыря. На правой сторонѣ картины съ запада, вверху, изображена вторая застѣнная церковь съ какими-то строеніями, а ниже ея—рыбій прудъ. Теперь ни церкви, ни строеній, ни пруда нѣтъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самаго монастыря. Въ срединѣ картины нарисована обитель, кругомъ обведенная каменными стѣнами съ бойницами и глубокими рвами, а по угламъ ея четыре крѣпкія башни. Объяснительныя замѣтки о. Діонисія показываютъ съ лѣвой стороны внизу по буквамъ всѣ строенія подробно. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ стоитъ въ срединѣ къ полуночной сторонѣ: а) «Церковь соборная Преображенія св. Спаса»; направо отъ нея: в) «Св. Покрова, въ ней же икона чудотворная Пр. Богородицы, о чомъ свидѣтельствуесть книжица: Новое Небо, чудовъ 29 о церквахъ ея»; затѣмъ влѣво къ углу крѣпости: г) «Церковь св. Троицы»; немного ниже: д) «Св. Николая»; направо къ югу: е) «Дзвонница и дзигарь» (колокольня и часы); на лѣво въ восточной стѣнѣ крѣпости: з) «Брама» (ворота съ башней и мостъ); опять въ срединѣ: 3) «Кирница и великій дзвонъ (колодезь и большій колоколь) надъ водою»; назади строеній съ западной стороны: и) «Поварня»; напередѣ ея: ѡ) «Пекарня»; возлѣ поварни при западной стѣнѣ: 1) «Полата»; у той же стѣны къ югу: а1) «Пивоварня»; напротивъ, у восточной стѣны: в1) «Кравечня»; у сѣверной стѣны: г1) «Больница». Затѣмъ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ за большими воротами: д1) «Брамка отъ поля», а возлѣ нея: е1) «Келія Фортіанова» (привратника); на ближайшей къ тому башнѣ: з1) «Икона Преч. Богородицы на башнѣ»; на западномъ углу: 31) «Икона св. Николая на башнѣ»; напередѣ, возлѣ первой башни: и1) «Поклонница»; отъ востока: ѡ1) «Фольваркъ» —мыза съ хозяйственными строеніями и огородомъ, обведенная заборомъ или рѣшеткой; возлѣ огорода «студня» (колодезь), а выше—водопроводъ въ крѣпость, съ надписью: «ту руры до монастыря»; наконецъ въ самомъ верху: к) «Виденіе надъ монастыремъ, егда бысть нахожденіе безбожныхъ Агарянъ, еже видѣша многіи христіанцы; мерзкіе же Агаряне сіе видѣвши зѣло уstraшены побѣгоша. Сія обитель донелъ же, начать созидатися, скитающу блаженному Іоилу, фундатору сея св. обители, на мѣстѣ, идеже нынѣ обитель; а идеже поклонница предъ монастыремъ, ту башне церковь мала св. Преображенія Господня, ту прииде молитвы ради къ блаженному нѣкій богодухновенный старецъ Герасимъ, слѣпъ очима, но свѣтомъ небеснымъ просвѣщенъ, пророчествуя, яко имать Господь Богъ воздвигнути обитель велику на мѣстѣ семъ, въ ней же спастися имуть многіе. Посемъ повелѣ себе водити по мѣсту, идеже обитель имать быти, показуя на мѣста, идеже нынѣ церкви суть созданы, повѣдаше же и ударяя въ землю жезломъ, каковъ храмъ

гдѣ имать быти.» При этой запискѣ прибавленъ годъ и имя рѣзчика: «~~4~~Хѣ, Іеромонахъ Діонисій изобрази непремѣнно».

Вотъ содержаніе замѣчательнаго эстампа, который представляетъ въ изображеніи строеній всѣ роды деревянныхъ церквей, до сихъ поръ употребляемые. Эстампъ и самъ по себѣ интересенъ, какъ памятникъ ксилографическаго искусства XVII в., произведенный русскимъ человѣкомъ. (О. Діонисій рожденъ въ мѣстечкѣ Роздолъ Стрыйскаго уѣзда, постриженъ въ Креховскомъ монастырѣ, былъ послѣ игуменомъ львовскаго Святоюрьевскаго монастыря и кафедральнымъ визитаторомъ монастырей. Онъ умеръ около 1730 г.).

Въ дополненіе къ разсказу о. Діонисія, сообщаемъ нѣкоторыя подробности объ этомъ монастырѣ. По преданію, блаженный Іоиль, вмѣстѣ съ другимъ монахомъ неизвѣстнаго имени, прибылъ, вѣроятно изъ Кіева, въ окрестности Крехова (около 1618 г.), гдѣ и поселился, ископавъ въ горахъ «на камени», близъ нынѣшней обители, пещеры. Но вскорѣ, желая пустынное житіе замѣнить общежительнымъ, бл. Іоиль испросилъ у гетмана короннаго Станислава Жолкевскаго урочище и нѣсколько земли подъ горой Побойной на построеніе монастыря, въ которомъ и создалъ церковь Преображенія Господня, а потомъ другую во имя св. Николая. Испросивъ для основаннаго имъ монастыря благословеніе патріарха константинопольскаго Кирилла и «привилей» Ставропигія (19 февраля 1628 г.), онъ написалъ схимнической уставъ для братіи, собравшейся въ обители. Подлинная рукопись Іоилева устава хранится въ Креховской монастырской библіотекѣ. По кончинѣ Іоиля, монастырь расширялся отъ подаяній, милостыни и пожертвованій благочестивыхъ людей, а чтобы обезпечить свои святыни отъ хищныхъ нападеній Татаръ и другихъ непріятелей, монахи обвели свою обитель глубокимъ ровомъ и крѣпостными стѣнами съ бойницами, поставивъ четыре башни по угламъ и пятую у воротъ. Король Михаилъ поощрялъ ихъ въ этомъ дѣлѣ въ грамотѣ своей отъ 16 октября 1669 г. Церковь Преображенскую расписывалъ (1659—1660) львовскій живописецъ Николай, любимецъ короля Яна Собѣскаго. Въ 1668 г. Іосифъ Шумлянскій приготовлялся въ этомъ монастырѣ иноческимъ искусомъ къ принятію епископской митры. Въ 1672 г., когда казаки съ помощію Турокъ и Татаръ воевали съ Поляками, польскій гарнизонъ, скрывавшійся въ монастырѣ, сдѣлалъ вылазку и разбилъ подъѣзды татарскій и казакскій. Вслѣдствіе этого гетманъ Петръ Дорошенко, стоявшій тогда лагеремъ подъ Львовомъ, написалъ къ игумену упоминательное письмо съ требованіемъ уплаты за убытки для хана 4000 таллеровъ. Подлинное письмо находилось въ библіотекѣ нынѣшняго Креховскаго монастыря, и я, при посѣщеніи монастыря въ 1833 году, снялъ съ него вѣрную копію. Тогда я видѣлъ тамъ также нѣсколько татарскихъ ярлыковъ. М. Б. Стенжинскій въ своемъ иллюстрированномъ изданіи «Описаніе Галиціи» (Okolice Galicyi, Lwow 1847), упоминая о письмѣ Петра Дорошенка, пишетъ, что оно находится въ монастырѣ въ *копіи на польскомъ языкѣ*; стало быть подлинникъ его утраченъ ⁽¹⁾. Неизвѣстно, уплатилъ ли монастырь требованную Дорошенкомъ контрибуцію или нѣтъ, но угрозы его не исполнились: монастырь

(1) Такъ какъ письмо Дорошенка, нынѣ можетъ быть совсѣмъ утраченное, не было нигдѣ напечатано, то мы сообщаемъ его здѣсь вполнѣ, предполагая, что оно будетъ интересно для историковъ Малороссіи.

Петро Дорошенко Гетманъ зъ войскомъ Козацкимъ. Вамъ Отцу Игуменови со всею законною братією Креховскому, также всѣмъ забѣжаномъ въ томъ монастырѣ знайвающимся, тымъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижь дошла насъ вѣсть жалю, же вы оногдашного дня подъѣзды нашъ козакскій и татарскій, съ чаты идущихъ,

остался цѣль и невредимъ. Многочисленные поклонники стали приходить сюда на богомолье изъ близкихъ и дальнихъ странъ, изъ-за Днѣстра, изъ Молдавіи, даже изъ Греціи. Въ Креховскомъ поминикѣ записаны имена богомольцевъ изъ Греціи, изъ такого-то острова въ Греціи и пр. (1).

Въ 1698 году Петръ Великій, возвращаясь изъ-за границы и пребывая въ Жолквѣ и въ м. Равѣ Русской, гдѣ онъ видѣлся съ королемъ Августомъ II-мъ, посѣщалъ нѣсколько разъ уютный Креховскій монастырь. Онъ щедро одарилъ и поддерживалъ эту обитель, оставшуюся православною среди совращенной въ униатство окрестности. По всему вѣроятію, о. Діонисій, желая сохранить память о посѣщеніи монастыря царемъ русскимъ, вырѣзалъ и настоящую таблицу, чтобы поднести монарху изображеніе благодѣтельствованной имъ обители. И дѣйствительно, Петръ Великій помнилъ объ этомъ пріютѣ православія, сохранившемся среди всеобщаго наводненія латинства и униатства, и долгое время присылалъ въ монастырь денежные пособія и другаго рода подаванія на молебень православнымъ инокамъ креховскимъ. Въ 1833 году, когда я посѣщалъ монастырь, покойный игуменъ Іоанникій Іоахимовичъ показывалъ записки о посылавшихся отъ царя Петра Алексѣевича и царицы Екатерины Алексѣевны разныхъ дарахъ и рассказывалъ, что покойный старичекъ ключарь помнилъ, какъ ежегодно присылаемы были цѣлыя фуры съ хлѣбомъ, рыбами, икрой и пр., и я самъ видѣлъ большія липовыя кадуски, въ которыхъ присылаемъ былъ изъ Россіи провіантъ для Креховскаго монастыря. Огромную кадуску съ хлѣбомъ, крупной или мукой, по разсказу ключаря, клали лежа на фуру (мажу), впрягали шесть украинскихъ воловъ и отправляли въ Креховъ. Вozy и волю «съ борошномъ и всякимъ добромъ», говорилъ ключарь, оставались въ пользу монастыря, а только извозчики съ одними *батогамы* возвращались домой. Но это царское попеченіе о монастырѣ возбудило зависть враговъ православія. Поляки и рьяные униаты прижали бѣдныхъ иноковъ такъ, что они должны были еще въ 1721 году волей-неволей принять унию. Это былъ послѣдній монастырь въ этой странѣ, согласившійся на унию; во всей Галичинѣ и сосѣднихъ областяхъ не было уже ни одной православной церкви. Въ Станиславовскомъ уѣздѣ, въ горахъ, возлѣ с. Манявы, удержался единственный православный монастырь Скитскій, на Скитѣ, до 1785 года; онъ упраздненъ австрійскимъ правительствомъ, а развалины его стоятъ до сихъ поръ.

Но возвратимся опять въ Креховскую обитель. Послѣ принятія униі, монахи построили, вмѣсто деревянныхъ церквей и другихъ монастырскихъ строеній, изъ твердаго

которыхъ съ своего звычаю о зобраніе товару, кинулися, згромили и не мало барзо поранили и побили, что ажъ насъ и гана его милости вельми образило. Бо чимъ бы сте мѣли милосердія о захованье свое у насъ и у гана его милости просити, то есте кровь пролила, чого ся не годило чинити, прето за такіъ вашъ непріятельскій поступокъ, абы сте знаючи гана, его милости и милосердія запобѣгаючи, заразъ чотыры тысячи таларовъ сложили, а не только дня, лечъ анъ години не бавячи. Конечно отъ жалю приказуемъ, бо если бысте того не имѣли учинити, теды за самъ же письмомъ всеѣхъ войскъ нашихъ конныхъ и нѣхотныхъ съ гарматами, также турецкихъ войскъ зъ пашами и гана его милости съ ордами потугу подѣ своею вучкою обачите, которую огнемъ и мечемъ, бо жадному ани духовному, ани свѣцкому, ани старому, ани молодому, не фольгуючи, певне знесутъ. Чого уходячи абы сте заразъ суму выжъ описанную доброю монетою тимъ теперъ посланіемъ нашимъ ганскимъ выстарчили и отдали и себе отъ згубы ратавали и насъ отъ праця, бо певне вамъ того не покинемъ. При томъ васъ Господу Богу поручаемъ.

Данъ въ таборѣ подѣ Львовомъ дня 25 Септемвриа 1672 года. Петро Дорошенко

ГЕТМАНЪ.

(1) См. «Поглядъ на монастыри и монашество русское» — статью напечатанную въ «Шематизмѣ чина св. Василія Вел. въ Галиціи». Львовъ 1867 г., стр. 185.

матеріала довольно просторную церковь и монастырь. Нѣкоторыя иконы и церковная утварь перенесены изъ деревянныхъ церквей въ новую каменную церковь св. Николая, другія же, вмѣстѣ съ деревянными церквами, проданы и развезены по окрестнымъ деревнямъ. Крѣпостныя стѣны съ башнями удержались кое-какъ. Церковь построена совершенно въ видѣ католическаго костела; внутри устроенъ алтарь и иконостасъ съ нѣкоторыми уніатскими прибавками; обитель потеряла свой прежній видъ русскаго монастыря и нынѣ скорѣе похожа на латинскій кляшторъ.

Итакъ, по мѣрѣ силъ, мы кончили нашу картину, представили обзоръ предметовъ археологій въ Галичинѣ и въ Буковинѣ, указали на важнѣйшія мѣста, въ которыхъ находимы были древніе памятники, и гдѣ по соображенію слѣдовало бы искать ихъ. Потребность археологическихъ изслѣдованій въ этой искони-русской странѣ явствуетъ сама собою; нужно только найти средства къ успѣшному собиранію свѣдѣній, сличенію данныхъ и критическому разъясненію вопросовъ, касающихся археологій языческой и русскаго. Къ осуществленію этого предложенія надо бы:

1. Завязать близкія сношенія съ литературными обществами и учеными людьми въ Галичинѣ и Буковинѣ, поощрить ихъ къ дѣятельному участию и съ помощію ихъ разслѣдовать страну, развѣдать о мѣстныхъ археологическихъ трудахъ и привести въ общую извѣстность всѣ находимыя достопримѣчательности старины. Въ особенности же надлежало бы:

2. Выслать ученаго археолога съ инструкціей, по которой онъ долженъ бы былъ осмотрѣть по возможности всѣ важнѣйшіе музеи и библіотеки, публичные и частные, и составить перечень находящихся въ нихъ рѣдкостей по части археологій. Посѣтителю Галичины долженъ, прежде всего, остановиться въ Краковѣ и осмотрѣть золотой крестъ, который похитилъ польскій король Казиміръ, по взятіи имъ города Львова, также каменный истуканъ Святовида и др. древности, хранящіяся въ музеѣ Общества любителей наукъ, университетскую библіотеку и пр. Затѣмъ, по дорогѣ, онъ долженъ остановиться въ Перемышлѣ, осмотрѣть капитульный архивъ, библіотеку епископскаго собора, хранящую важныя церковно-славянскія рукописи, соборную ризницу, и въ ней—замѣчательную по своей старинной формѣ епископскую митру, которая, по преданію, будто бы передѣлана изъ спасенной короны галицкихъ королей. Въ Львовѣ найдется больше предметовъ достойныхъ осмотра: библіотека Оссолинскихъ и при ней музей и древности, университетская библіотека, въ которой хранится Евангеліе-тетръ на пергаментѣ, писанное монахомъ Воронежскаго монастыря Теофиломъ въ началѣ XVII столѣтія и, по повелѣнію митрополита Сочавскаго Аѳанасія Крымковича, великолѣпно иллюстрированное Стефаномъ, *маляремъ Сочавскаго торга* (города Сочавы). Оно весьма любопытно для изслѣдователей древней книжной иконописи русскаго. Также замѣчательна рукопись XVI в., содержащая Цареставникъ Сербскаго архіепископа Даниіла и пр. Надлежитъ осмотрѣть въ Львовѣ архивы: магистратскій и центральный архивъ древнихъ актовъ Бернардиновъ (акты со всей Галиціи съ половины XIV до конца XVIII вѣка). Въ церкви Онуфріева монастыря находится надгробный съ надписью камень Ивана Ѳеодоровича Москвитина, перваго типографика Московскаго. Въ библіотекѣ и архивѣ Ставропигійскаго института важны учредительныя грамоты патріарховъ на греческомъ языкѣ, съ которыхъ переводы напечатаны въ памятникахъ временной кievской комиссіи, подлинники же ихъ нигдѣ не были напечатаны. При митрополичьемъ соборѣ св. Георгія замѣчательны

колоколъ, вылитый въ 1341 г. при князѣ Димитріи-Любартѣ. На другія достопамятности обращено вниманіе выше въ нашей статьѣ.

3. Желательно чтобы были посѣщены извѣстныя, исторически-достопримѣчательныя мѣстности и присланы люди и средства для изслѣдованія древностей въ нихъ.

4. Снять рисунки, фотографіи, копіи, снимки со всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ, и сочинить подробныя описанія хотя такихъ предметовъ, каковы напр. буковинскія церкви, надгробныя въ нихъ надписи, древнія иконы, фрески, орнаменты, портреты, грамоты, рукописи и пр.

5. Слѣдовало бы, посредствомъ высылки книгъ и изданій по части археологіи, знакомить мѣстныхъ ученыхъ съ ходомъ археологической науки въ Россіи, готовить юныя силы къ археологическимъ занятіямъ и поддерживать изслѣдованія и работы на этомъ поприщѣ моральными и матеріальными средствами. Наконецъ,

6. Всего лучше помогать учрежденіямъ при Народномъ Домѣ въ Львовѣ и устроить археологическое отдѣленіе при обществѣ: «Галицко-русской Матицѣ», задачей котораго было бы распространеніе науки археологической и изслѣдованіе древностей. По мѣрѣ средствъ и обстоятельствъ, такое мѣстное общество могло бы собрать и привести во всеобщую извѣстность всѣ сдѣланныя раскопки въ краѣ и прибрѣтенныя въ нихъ вещи; оно могло бы начертать карты и планы всѣхъ, по части археологіи, замѣчательныхъ мѣстъ, древнихъ городовъ, замковъ, развалинъ и др. монументальныхъ памятниковъ, городищъ, кургановъ, могилъ и пр. Оно могло бы чрезъ своихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ обращать вниманіе на всякія находки древностей, доставлять скорыя извѣстія о случайныхъ открытіяхъ древностей и сохранять всякіе древніе обломки мѣди, бронзы, серебра и золота отъ алчныхъ рукъ сребролюбивыхъ евреевъ или нерадивыхъ ляховъ. Свѣтское духовенство, имѣющее въ Галичинѣ университетское образованіе, профессора, учителя и др. патріоты служили бы живымъ звеномъ нерасторжимой цѣпи изслѣдователей и любителей старины во всей землѣ.

Однимъ словомъ, нужно Русскимъ людямъ обратиться сочувственно къ русской Галичинѣ и Буковинѣ, включить ихъ въ кругъ своей дѣятельности и умственное литературное общеніе, принять ихъ какъ своихъ къ своимъ и собрать всѣхъ какъ родныхъ къ роднымъ, въ одну русскую семью.

П Р И В А В Л Е Н І Е .

Объ археологическихъ находкахъ въ Галиціи

и о мѣстностяхъ съ памятниками древности.

Выжляны, село въ разстояніи 1½ мили отъ г. Золочева; возлѣ села большой курганъ. *Утишковъ*, с. 2 мили отъ г. Бужска Золочевского уѣзда; возлѣ села двѣ большія могилы.

Словита, с. тогожъ уѣзда съ женскимъ монастыремъ базилианокъ; возлѣ села большой курганъ.

Подюрцы, на разстояніи $2\frac{1}{2}$ миль отъ г. Бродъ, село съ замѣчательнымъ замкомъ. Въ прилежащемъ лѣсу замѣчательны слѣды укрѣпленій и валовъ, гдѣ былъ древній русскій городъ Пѣвнискъ; тамъ же много могилъ и кургановъ.

Накваша, с. $1\frac{1}{2}$ мили отъ Бродъ; возлѣ села три голые холма, пирамидальной формы, наверху одного насыпанъ курганъ.

Куровицы, с. 4 мили отъ Львова, при Бродскомъ шоссе; не вдалекѣ большой курганъ.

Годовъ, с. 4 мили отъ Золочева. Въ окрестности находится много могилъ и каменный памятникъ королю Яну Собѣскому, побившему въ 1694 г. Татаръ.

Глиняны, мѣст. $1\frac{1}{2}$ мили отъ Золочева. Въ окрестности нѣсколько кургановъ; тамъ же находимы были: древнее оружіе, монеты и глиняныя урны или пепельники.

Бужскъ, древній русскій городъ; въ прилежащемъ лѣсу находится 14 кургановъ.

Доброполе, с. $2\frac{1}{2}$ м. отъ Тереховля; вблизи курганъ, въ которомъ, по преданію, покойся прахъ казацкаго атамана Небабы.

Турка, с. 1 миля отъ Гвоздця Коломійскаго уѣзда; въ прилежащемъ лѣсу много кургановъ.

Обертинъ, м. 3 мили отъ Коломѣи. На дорогѣ между Каменкой и Обертиномъ—много кургановъ.

Сосница, с. 1 миля отъ Радимна Перемышльскаго уѣзда.

Судовая Вишня (польск. Sadowa Wisznia), м. Перемышльскаго уѣзда; возлѣ него большой курганъ «Татарская могила».

Перемышль, древній городъ; возлѣ него много кургановъ.

Яворки, с. $1\frac{1}{2}$ мили отъ Пивничной Сандецкаго уѣзда. Въ этомъ селѣ группа скалъ, называемая «Гомола», на которой находимы были могилы древнихъ временъ. Въ 1840 году Гвальбертъ Павликовскій дѣлалъ раскопки могилъ и нашелъ глиняные пепельники, остатки стариннаго оружія и военныхъ снарядовъ. Нѣкоторые изъ выкопанныхъ вещей посланы были въ институтъ Оссолинскихъ во Львовѣ, прочія же должны храниться въ с. Медыкѣ, помѣстьѣ Павликовскихъ, при станціи желѣзной дороги, на пути изъ Перемышля въ Львовъ.

Жегартовицы, с. съ скалами, на которыхъ по преданію стояло капище славянскаго идола Перуна.

Одриконъ (польск. Odrzykon), с. Саноцкаго уѣзда, 1 миля отъ Кросна, съ развалинами замка, о которомъ упоминается уже въ XII вѣкѣ. Преданіе гласитъ, что тамъ стояло капище язычниковъ.

Треница (польск. Trzenica), с. 1 миля отъ г. Ясла; возлѣ него, при раскопкахъ въ 20-хъ годахъ, найдено нѣсколько штукъ металлическихъ истукановъ.

Уляновъ, м. Тарновскаго уѣзда при р. Сапѣ. Въ 1820 г. открыто древнее языческое кладбище, на которомъ найдено много глиняныхъ пепельниковъ, чановъ и др. посуды.

Пнѣвъ (польск. Pniów), с. тогожъ уѣзда; при немъ открыто такое же языческое кладбище съ урнами или пепельниками.

Чернелевъ Мазовескій, прежде былъ городъ, нынѣ село; въ окрестности его найдены древніе военные приборы.

Каменка Струмилова, с. 3. мили отъ г. Бужска; въ окрестности находятъ древнее оружіе, стрѣлы и пр.

Бѣлый камень, м. 2 мили отъ Золочева. Прилежащая гора называется «Святая гора»; на ней слѣды каменныхъ строеній.

Топоровъ, м. Золочевского уѣзда, $4\frac{1}{2}$ мили отъ Бродовъ; здѣсь видны слѣды укрѣпленій, въ которыхъ находили обломки древняго оружія.

Новоселки, с. $\frac{1}{2}$ мили отъ Золочева. Возлѣ села—мѣсто, называемое «Виноградъ»; на этомъ мѣстѣ находимы были глиняныя урны и угли.

Нароль, м. 2 мили отъ Русской Равы Желковского уѣзда съ развалинами замка, разореннаго Богданомъ Хмельницкимъ. Въ 30-хъ годахъ здѣсь найденъ былъ значительный кладъ старинныхъ монетъ и другихъ драгоценностей.

Язловецъ, м. 4 мили отъ Черткова, съ развалинами замка и армянской церкви со многими армянскими надписями.

Мухарь польск. Mucharz, с. 2 мили отъ г. Вадовицъ, съ древней римск.-кат. церковью IX столѣтія, будто бы сооруженною св. Войтѣхомъ во время его миссіонерскихъ странствованій изъ Чехіи въ Польшу и Угрію. Тамъ же показываютъ его церковныя облаченія.

Бѣчъ, древній городъ Сандечскаго уѣзда, съ громадными развалинами крѣпостныхъ стѣнъ. Приходскій костелъ XIV ст. замѣчателенъ постройкой и своими орнаментами и историческими надгробниками. Не менѣе важно зданіе Городскаго суда и башни при немъ. Городъ Бѣчъ былъ богатымъ торговымъ городомъ и по этой причинѣ называли его «Рагва Сгасовіа».

Щирецъ, м. $3\frac{1}{2}$ мили отъ Львова. Въ прилежащихъ известковыхъ горахъ—длинная пещера.

Яновъ, м. 3 мили отъ Львова. Здѣсь находится также пещера, въ которой находимы были человѣческія кости и обломки оружія.

Страдче (польск. Stracz), $\frac{1}{4}$ мили отъ Янова, село; возлѣ него находится пещера длиною во 120 сажень, съ многими залами, нишами и углубленіями, кажется, искусственно выдѣланными. Въ 1616 г., во время нашествія Татаръ, народъ, въ числѣ 2000 душъ, скрылся въ этихъ пещерахъ, но Татары, открывъ мѣстопребываніе, разложили у входа большой огонь и поддерживали его навозомъ, пока скрывшіеся не были удушены. Монахи близъ лежащаго монастыря старались умоливать Татаръ, вышедши противъ нихъ въ священническихъ облаченіяхъ съ крестами, но дикіе варвары отрубили имъ головы.⁹⁾

Жулинъ, $1\frac{1}{2}$ м. отъ г. Стрыя, село; въ прилежащихъ скалахъ большія пещеры.

Межшорцы, с. 1 миля отъ Галича; здѣсь находится также пещера

Бѣльче, с. 3 мили отъ Залѣщикъ. Въ прилежащей горѣ листового гипса—замѣчательные подземные ходы и пещеры, содержащія нѣсколько залъ и сводовъ съ естественными алебастровыми стѣнами. Народъ утверждаетъ, будто бы эти подземные ходы простираются даже до Кіева. Въ пещерахъ находимы были человѣческіе скелеты и чашки, также монеты со временъ императора Адріана.

Борщовъ, с. 2 мили отъ м. Скалы Чортковского уѣзда. Въ развалинахъ замка были далекіе подземные ходы.

Висучка, с., бывшее прежде мѣстечко, $2\frac{1}{2}$ мили отъ скалы съ развалинами замка, котораго подземные ходы будто бы соединены съ замкомъ въ Борщовѣ.

Крутиловъ (польск. Kresilow), с. 2 мили отъ м. Грималова; въ прилежащей горѣ—нѣсколько пещеръ и подземные ходы.

(1) Das Königreich Galizien und Lodomerien von Hippolit Stupnichi. Lemberg 1853.

О ДРЕВНОСТЯХЪ

ВЪ ВЕНЕВСКОМЪ И БЛИЖАЙШИХЪ КЪ НЕМУ УЪЗДАХЪ.

Д. Г. Гедеонова.

Пространство, гдѣ довелось мнѣ много лѣтъ сноситься о мѣстныхъ древностяхъ съ старожилами, на сѣверо-западѣ отдѣлено Окою, а съ юго-запада и юга притоками ея: Упою и Осетромъ. Между этими послѣдними рѣками, отчасти и по одному изъ береговъ, тянется лѣсная полоса, служившая издревле обитателямъ лѣсовъ защитой отъ степныхъ враговъ. Угловыми пунктами описываемаго пространства нужно считать древній Перевитскъ, что близъ Горской станціи рязанской желѣзной дороги, Коломну на Окѣ, Одоевъ и Тулу на Упѣ. Линія отъ Перевитска на Зарайскъ, Веневъ и Тулу отдѣляла степныя кочевья древнихъ бродниковъ отъ лѣсныхъ обитателей.

Самое качество земли, скупо оплачивающее труды земледѣльцевъ, а частію и значительное количество непроходимыхъ лѣсовъ были случайною причиною сохраненія здѣсь нѣкоторыхъ памятниковъ глубокой древности. Не даромъ спутники хана, опустошавшаго въ 1552 году степныя рязанскія волости, считали лѣсную полосу, отдѣлявшую ихъ отъ стоявшаго въ Коломнѣ царскаго войска, непроходимой для обѣихъ сторонъ, по причинѣ лѣсовъ и великихъ крѣпостей (1).

Въ виду богатой поживы для записныхъ археологовъ на здѣшней нетронутой почвѣ и собственныхъ скудныхъ научныхъ средствъ, не рѣшился бы я излагать свои скудныя свѣдѣнія о древностяхъ этой мѣстности, если бы къ этому не побуждало меня благодарное воспоминаніе о сочувствіи членовъ Археологическаго Съѣзда къ моимъ занятіямъ, и потому, нисколько ни колеблясь, приступаю къ дѣлу.

Въ здѣшней мѣстности очень много кургановъ, особенно одиночныхъ, на вершинахъ холмовъ, по берегамъ рѣкъ. Есть курганы и группами, но тѣхъ гораздо менѣе. Одиночныхъ кургановъ можно насчитать до сотни. Наружное очертаніе тѣхъ и другихъ одинаково: это—отрѣзокъ шара, обращенный плоскою стороною къ землѣ. Высоты въ отвѣсѣ каждаго до 4-хъ, а въ основаніи до 20-ти аршинъ. Въ Свиридовскихъ курганахъ, считаемыхъ могилами семи братьевъ богатырей, мнѣ удалось, по случаю раскопки одного изъ нихъ кладонскателемъ, замѣтить остатки истлѣвшей шерстяной матеріи и нѣсколько полосокъ березовой коры. Народные толки о вну-

(1) «Есть у великаго князя, говорили спутники хана въ его утѣшеніе при неудачѣ подъ Рязанью, градъ Тула на полѣ, а отъ Коломны (гдѣ стояло войско царя)—за великими крѣпостями и лѣсы, и ты учинишь тому, что и въ Литвѣ Бряславлю». И. Г. Р. 276 прим. къ VIII Тому.

треннемъ содержаніи одинокихъ кургановъ сводятся на одну ту мысль, что въ нихъ, кромѣ костей конскихъ или птичьихъ и пепла, никакихъ цѣнныхъ вещей нѣтъ. Здѣсь, говоритъ молва, съ возвышенія кургановъ конные ратники высматривали полевыхъ бродниковъ, чтобы вѣремя предупредить своихъ объ угрожающей опасности. Кости животныхъ, мѣстами попадавшіяся или выпавшія изъ-подъ кургановъ, указываютъ, по ихъ мнѣнію, или на гибель часовыхъ кургана, или на остатки ихъ кухни.

Мысль, что одиночные курганы насыпаны древними обитателями страны надъ могилами доисторическихъ витязей, водившихъ ихъ къ побѣдамъ, и догадка А. Θ. Бычкова о попадающихся конскихъ костяхъ тѣмъ болѣе имѣютъ значенія, что оправдываются со стороны народа благоговѣйнымъ уваженіемъ къ своимъ защитникамъ, а со стороны послѣднихъ—правомъ власти. Никто не смѣетъ, говорятъ арабскіе писатели о Хозарахъ, ѣхать верхомъ мимо могилы кагана; надобно сойти съ коня, поклониться гробу, идти пѣшкомъ и сѣсть единственно тогда, какъ могила уже скрывается изъ глазъ⁽¹⁾. Нельзя не согласиться, что для умершаго благодѣтеля не сумѣли бы придумать памятника прочіе и цивилизованные, современные намъ народы.

Кургановъ большаго объема и нѣсколько иной формы мнѣ извѣстно только два: въ Зарайскѣ, близъ Благовѣщенской церкви, и верстахъ въ семи отъ Венева, близъ села Семьяна. О первомъ положительно говорится, что онъ насыпанъ Лисовскимъ для своей славы надъ трупами побитыхъ имъ Арзамасцевъ 30 Марта 1608 года. Въ Семьянскомъ курганѣ похоронены въ 1812 году плѣнные Французы, хотя мѣстные старожилы и не отвергаютъ его существованія со временъ незапамятныхъ.

Изъ городищъ, мѣстность которыхъ точно неизвѣстна, стоить упомянуть о четырехъ, именно: а) Осетрѣ, б) Лопаснѣ, в) Туровѣ и г) Дубкахъ на Дону.

Осетрѣ долженъ находиться на рѣкѣ того же имени, въ точкѣ пересѣченія пути изъ Дѣдилова на село Колтово, нѣсколько правѣе уѣзднаго города Каширы. Святославъ Игоревичъ, преслѣдуемый черниговскими князьями, собиралъ дань въ области Вятичей въ 1146 году; обиженный Ивашкой Ростиславичемъ Берладникомъ при разсчетѣ, оставленный князьями черниговскими въ рукахъ лѣсныхъ жителей, и лишившись искренняго друга, онъ пробылъ нѣкоторое время, какъ замѣчаетъ Татищевъ, во *врадѣ* Осетрѣ. Можно бы предположить, что здѣсь разумѣется Веневъ⁽²⁾, но онъ стоитъ не при Осетрѣ, а при Веневлѣ, и не на точкѣ пересѣченія пути изъ Дѣдославля въ Колтескъ, а правѣе. Такъ лучше поискать примѣтъ стараго города лѣвѣе, на самомъ Осетрѣ; кстати, въ имѣніи князя Черкаскаго, въ 9-ти верстахъ отъ Веневы по Каширской дорогѣ, указываютъ урочище и на немъ—битое стекло, обломки кирпича; а писцовыя книги и крѣпостные владѣльческіе акты упоминаютъ о погостахъ нѣсколькихъ церквей, изъ которыхъ одну, помнится, называли гробовою. Осетрѣ ли это или какой другой городъ—рѣшить время.

Лопасня—городъ того же времени, а не извѣстная только рѣка этого имени, впадающая въ Оку съ лѣвой стороны противъ села Четырехъ, Каширскаго уѣзда. Село Турово, лежащее на лѣвой сторонѣ и Лопасни и Оки, по сходству названія съ южно-

(1) И. Г. Р. Томъ 1, гл. 11, примѣч. 90. Очень можетъ быть, что вызываемые для предводительствованія толпами норманскіе витязи имѣли подобныя условія и съ обитателями здѣшнихъ лѣсовъ.

(2) Прототипомъ Венева слѣдуетъ считать Веневъ-Николаевскій упраздненный монастырь, въ 17 верстахъ отъ города по Тульской дорогѣ. Въ одной грамотѣ монастырь этотъ называется монастыремъ св. Николая на Веніи, вѣроятно на той самой лощинкѣ, которая, начинаясь отъ церкви, направляется къ рѣкѣ Осетру. Если Вятичи березу называли вѣнъ, откуда—вѣникъ, вѣнокъ, то Вѣневъ и Берести—одно и то же.

русскимъ городомъ тогоже имени ⁽¹⁾, могло и въ древности имѣть это имя. Но чтоже это за погость-городище съ своими не такъ давно существовавшими 4-мя церквами? Погость этотъ какъ разъ стоитъ противъ устья Лопасни, а мы знаемъ примѣры перенесенія нѣсколькихъ городовъ съ луговой стороны на нагорную. Луговая сторона Оки, представляя воровскимъ людямъ удобное и дешевое пастбище и открытое поле для наѣздовъ, конечно, менѣе была безопасна для осѣдлыхъ жителей. Вѣроятно поэтому и Кашира перешла съ соименной ей рѣчки на рязанскую сторону ⁽²⁾; это же было побужденіемъ и для давнихъ поселенцевъ полевой Крапивны ⁽³⁾ перенести свой поселокъ ближе къ чертѣ зарѣчныхъ укрѣпленій и образовать новый городъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Плавы, въ верстѣ отъ ея устья. Нельзя не обратить вниманія на то, что воровскіе люди, появлявшіеся изъ привольныхъ степей, обходили мѣста лѣсныя и лишь изрѣдка лазили сквозъ засѣки по русламъ рѣкъ и порѣчнымъ лугамъ. Какъ и гдѣ прошелъ Батый съ войскомъ на Владимірѣ, неизвѣстно; но обратный путь его былъ направленъ на Коломну по краю лѣваго берега Оки до Козельска. Не къ этому ли времени слѣдуетъ отнести и опустошеніе Свирѣльска, Турова и Лопасни?

Городъ Дубокъ на Дону, куда заходилъ съ своею вольницею Святославъ для сбора дани, не могъ также быть въ далекомъ разстояніи отъ волости Вятчей. Примѣты городского быта на Дону сохранились въ селѣ Бобрикахъ, нѣкогда резиденціи цезаря Ромодановскаго, а нынѣ имѣніи графа Бобринскаго ⁽⁴⁾. Въ приходѣ этого села есть деревня Дубовое на Ивановскомъ (прежде бывшемъ) Донскомъ каналѣ. Есть еще въ Епифанскомъ же уѣздѣ, близъ Куликова поля, деревня Хворостянка, Дубики тожъ. Деревня эта стоитъ при устьѣ Непрядвы. Примѣты города вблизи отъ городка, извѣстнаго подъ названіемъ Дорожена, верстахъ въ 7-ми отсюда, несомнѣнны. Три погоста съ голубцами нѣкогда стоявшихъ церквей я самъ видѣлъ въ дѣтствѣ не тронутыми ⁽⁵⁾.

Городища, описанныя Ходаковскимъ, а за нимъ Сахаровымъ, мною были также осмотрѣны и описаны по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. На счетъ Бѣла-городища, какъ пепелища разрушеннаго Батыемъ города, слѣдуетъ оговориться, что мѣсто его должно искать между Пронскомъ и селомъ Михайловскаго уѣзда Жеславомъ (древнимъ Ижеславцемъ), на пути къ городу Спасску (Старой Рязани). Тамъ, говорятъ, видны и какіе-то окопы ⁽⁶⁾.

(1) На Дунаѣ доселѣ есть и Новгородъ, и Бѣлгородъ, и Коломна, и Лебедянь, даже Елецъ. Около Кіева и въ немъ можно услышать и о Трубежѣ и о Лыбеди, далеко не рязанскихъ.

(2) Село Старая Кашира находится въ 7-ми верстахъ отъ теперешней, на лѣвомъ берегу Оки, при впаденіи въ нее рѣчки Каширки съ московской стороны.

(3) Деревня Крапивенка Голощаповскаго прихода, при Гремячевскомъ колодезѣ и ручьѣ, носитъ доселѣ названіе старой Крапивны, въ 17-ти верстахъ отъ теперешней.

(4) Ивановскій каналъ, начатый въ царствованіе Петра I, имѣлъ задачею сообщеніе Оки съ Дономъ посредствомъ Шата и Упы. Остатки каменныхъ шлюзовъ и теперь лежатъ по берегамъ. Основаніе громаднаго дворца видно въ Бобрикахъ.

(5) Городокъ Дорожень лежитъ на высокомъ, почти отвѣсномъ берегу рѣки Мокрой Табоны съ лѣвой стороны, въ 20-ти верстахъ отъ Стофани. Городокъ при деревнѣ Устьѣ, по народной памяти, былъ съ нимъ въ связи. Богатыри городковъ перекидывались топорами, вѣроятно, отъ нечего дѣлать.

(6) Веневскаго уѣзда село Бѣлгородѣ, въ 16-ти верстахъ отъ города, на лѣвомъ берегу рѣки Полосни. Примѣтъ нѣтъ, но ниже по рѣкѣ есть урочище, извѣстное подъ названіемъ Старое Городище, а при впаденіи рѣки Свинки, текущей по урочищу Погибелку, находятъ обломки кирпичей, битаго стекла, угля и кое-какія металлическія вещи.

Лѣсную полосу, окаймившую правый берегъ Упы отъ Одоева до Крапивны, отгородившую Тулу отъ поля и потомъ протянувшуюся по лѣвому берегу Осетра до впаденія Почегы, называютъ засѣкою со временъ Грознаго по тому, конечно, случаю, что на пролегающихъ черезъ нее дорогахъ нарубали и наваливали костры вѣтвистыхъ деревь, чтобы затруднить вторженіе бродниковъ, или, какъ въ Гремячевѣ называютъ ихъ, загонщиковъ. По указу царя Михаила Ѳеодоровича 27 Марта 1638 года отправлены были въ тульскія засѣки воевода Семенъ Васильевичъ Волинскій и стрѣлецкій голова Степанъ Карцевъ для обозрѣнія прежнихъ укрѣпленій и устройства новыхъ, а въ наказѣ имъ сказано: «И тое тульскія засѣки вдоль и поперекъ и на тульской засѣкѣ всякихъ крѣпостей дозрѣть и описать подлинно, и учинить Степану и Семену среди засѣчнаго лѣсу въ чертѣ вдоль на одинатцати верстахъ на семи сотѣ на трехъ саженьяхъ ⁽¹⁾ заваль лѣсной, а поперекъ засѣки на двадцати пяти саженьяхъ. А въ которыхъ мѣстахъ на засѣкѣ болота и озера и всякія крѣпкія мѣста, и тѣмъ будетъ крѣпостями Татарамъ безъ лѣснаго завалу и безъ землянаго валу черезъ засѣку пройти не мочно, и Семену и Степану въ тѣхъ мѣстахъ ничего не дѣлать. Жить же имъ на засѣкѣ съ великимъ береженіемъ, неоплошно, и сторожи держать день и ночь на высокихъ деревьяхъ, и для языку по деревьямъ держати кузовѣ съ берестою и смолемъ и зажигать, чтобы воинскіе люди (Татары) къ засѣкѣ безвѣстно не пришли и дурно чего не учинили» ⁽²⁾.

Валь за Тулою по правую сторону шоссейной дороги за Кіевской заставой, пересѣкающей возлѣ Чулковой Слободы дорогу въ Веневъ, принадлежитъ къ стратегическимъ сооруженіямъ, вслѣдствіе указа 1638 года.

Строителю Веркутскихъ укрѣпленій можно приписать особенную честь. Быть можетъ, группы могильныхъ холмовъ близъ Свиридовскаго святаго колодезя и открытая для набѣговъ мѣстность вызвали этого доморощенаго инженера къ особенному усердію въ устройствѣ валовъ и укрѣпленій ⁽³⁾. Воротъ сквозъ засѣчныя укрѣпленія мы знаемъ не мало. Онѣ, говоритъ молва, были дубовыя съ башнями и бойницами, и защищались пищалями и пушками; таковы ворота: Орловы близъ Крапивны, Малиновыя въ 8-ми верстахъ отъ Тулы, Щегловскія близъ загороднаго архіерейскаго дома, Карницкія близъ села Карникъ (нѣкогда городъ), Святые или Золотые близъ Венева монастыря, Княжія или Веркутскія близъ деревни Звояка и наконецъ Путятинны въ Картасеневской засѣкѣ у села Токмакова Каширскаго уѣзда. Изъ писцовыхъ книгъ известны даже имена строителей нѣкоторыхъ укрѣпленій, какъ то: Малиновыя ворота строилъ воевода Григорій Ивановъ Кокоревъ, Карницкія Андрей Ивановъ Зиновьевъ, Щегловскія воевода же Семенъ Михайловъ Вельяминовъ, Картасеневскія или Путятинскія Аѳанасій Григорьевъ Желябужскій. Но самымъ искуснымъ и замѣчатель-

(1) Старинныя версты заключали въ себѣ до указа Петра I по 1000 маховыхъ сажень (2 $\frac{1}{2}$ арш.), что на нынѣшнюю мѣру составитъ 833 сажени. Въ колокольнѣ Ивана Великаго по мѣрѣ 1600 года нашлось ровно 45 сажень, а нынѣ въ ней 38 сажень и 1 аршинъ. Слов. Щек. т. III, стр. 857; Энци. Лека. т. III, стр. 205 и т. X, стр. 518.

(2) Ист. Обзор. Тул. губ. Аѳремова, стр. 110 и 111.

(3) Ворота Веркутскія названы по рѣкѣ Веркутѣ, впадающей въ Осетръ верстахъ въ 5-ти выше. При устьѣ названной рѣки—два городища, и одно, на правомъ высокомъ мысѣ, необыкновенно многодѣльное. Какія-то записи, доставшіяся кладонскателямъ, показывали, что здѣсь жилъ Кудеяръ, а на нижнемъ городкѣ—его фаворитка, русская амазонка Арина, женщина до того характерная, что этотъ пресловутый богатырь бѣжалъ отъ ея гнѣва, побросавъ на произволъ счастливецъ свои сокровища.

нымъ инженеромъ-техникомъ и архитекторомъ былъ не воевода, а простой стрѣleckій голова Семень Колтовской. Для любопытныхъ прибавлю, что засѣчный лѣсной поясъ по тригонометрической съемкѣ оказался заключающимъ въ себѣ 43,643 десятины.

Какъ на мѣста, отмѣченныя въ лѣтописяхъ какими-либо событіями, въ г. Зарайскѣ укажу на Благовѣщенскій курганъ, о которомъ сказано выше, и въ уѣздѣ его на села—Кончаково и Спасъ Досчатый. Въ первомъ изъ нихъ татарскій ханъ Кончакъ имѣлъ свой лагерь ⁽¹⁾. Въ селѣ Спасъ Досчатый царь Іоаннъ Грозный, прѣзжавшій въ Зарайскъ на поклоненіе иконѣ св. Николая, изъ досокъ разобраннаго судна, на которомъ онъ ѣхалъ, построилъ обыденную церковь (мѣстное преданіе).

Въ селѣ Беззубовѣ Веневскаго уѣзда, нѣкогда вотчинѣ помѣщика Ларивонова, стоялъ лагерь Девлетъ Гирей, крымскій ханъ, прогнанный 21 Мая 1570 года воеводой Хворостининымъ за Почежскій лѣсъ ⁽²⁾.

Въ Канарскомъ уѣздѣ деревня Восьми, на рѣкѣ того-же имени, 1 Іюня 1607 года была свидѣтельницей битвы. Мѣсто битвы въ пятидесятихъ годахъ означалъ гранитный крестъ аршина въ полтора вышины.

Главнымъ путемъ для набѣговъ вольницы долгое время служилъ такъ называемый Муравскій Шляхъ. «Дорога Муравскій Шляхъ, говорится въ книгѣ Большаго Чертежа, лежитъ мимо Тулы черезъ засѣку въ Щегловы ворота. И лязятъ Татарове выше Тулы верстъ съ 8 рѣку Шать (около села Присадъ).... по правой сторонѣ Муравской дороги рѣка Солова, да рѣка Плава, потекла въ рѣку Упу. Плава пала подъ городомъ выше Крапивни, а Солова выше Плавъ верстъ съ 10». Путь этотъ можно назвать кровавымъ по частымъ битвамъ съ воровскими людьми.

Какъ Зарайскій житель, имѣю въ настоящее время передъ глазами и въ виду много древностей нумизматическихъ, едва ли кѣмъ описанныхъ. Кромѣ иконы св. Николая Чудотворца и древнихъ привѣсокъ къ ней, по церковной описи значатся въ церкви слѣдующіе предметы:

1. Золотая четырехугольная дщица съ надписью: «Лѣта 7118 Января въ 27 день Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи приложилъ къ чудотворному образу великаго Чудотворца Николая Зараскаго, какъ Богъ освободи градъ отъ воровскихъ людей его Чудотворцевою молитвой, и доби́ли челомъ у Государя».

2. Малый серебряный вызолоченный крестъ съ древнею греческою надписью: *Θεῖε σταυρέ, φύλαττε τὸν πόδι φερῶντα Ἀρσένιον ἱερομονάχον*. (Божественный кресте, сохрани носящаго по усердію іеромонаха Арсенія).

3. Два серебряныя блюда, даръ Ивана Мих. Хворостинина.

4. Два такихъ же блюда Ѳедора Иван. Мстиславскаго.

5. Водосвятная чаша Дмитрія Иванов. Годунова.

6. Евангеліе, напечатанное въ царскомъ домѣ Васи́лія Ивановича Шуйскаго въ 1606 году.

(1) Село Кончаково, на большой дорогѣ, отъ Луховицкой станціи Рязанской желѣзной дороги въ 5-ти верстахъ.

(2) Рѣчка Почага впадаетъ въ Осетръ съ правой стороны близъ села Серебряныхъ Прудовъ. На мысу, образуемомъ при ея впаденіи, находится городокъ, а окружающая земля по крѣпостнымъ актамъ принадлежала нѣкогда Почежской (теперь не существующей) ямской слободѣ.

Очень много разныхъ крестиковъ и привѣсокъ симметрически развѣшено на обитой бархатомъ доскѣ усердіемъ извѣстнаго любителя старины. Въ домахъ купцовъ: Бахрушина, Салтычева и Шевелева много также вещей рѣдкихъ и цѣнныхъ, болѣе впрочемъ по металлу.

Окончу заявленіемъ, что лѣтъ пятнадцать назадъ, въ городѣ Зарайскѣ, при проходѣ воротъ для проѣзда въ Кремль отъ Троицкой церкви, обнаруженъ подземный ходъ или погребъ. Склепъ ли это могильный, тайникъ ли крѣпостной, или ходъ въ княжескія кладовыя, — *lis sub judice*. Охотниковъ не нашлось въ то время доискаться дѣла, и образовавшійся обвалъ выравненъ землею.

Всѣ описанныя древности ожидаютъ истиннаго любителя ихъ, я могу быть лишь ихъ указателемъ.

29 Марта 1869 года.

О МИФОЛОГИИ РУССКИХ СЛАВЯНЪ.

Бар. Д. О. Шеппинга.

Религіозныя вѣрованія занимали, безъ сомнѣнія, первое мѣсто въ жизни всѣхъ народовъ, но безъ зодческихъ искусствъ эти вѣрованія теряются въ народной памяти, не оставляя никакихъ вещественныхъ памятниковъ своего существованія. То же видимъ и у насъ, гдѣ отъ временъ язычества не только не сохранилось остатковъ древнихъ капищъ и изображеній кумировъ, но и до сихъ поръ замогильная жизнь кургановъ ничѣмъ еще не связана съ религіозными мифами нашей старины. Единственные памятники этой эпохи представляются намъ въ исторіи языка и дошедшихъ до насъ бытовыхъ преданій нашего народа.

Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе наша русская ученая литература ежедневно обогащается безчисленнымъ множествомъ собираемыхъ по этой части матеріаловъ. Но всѣ эти свѣдѣнія различныхъ временъ и мѣстностей не всегда пользуются несомнѣнной достовѣрностью. Среди этой хаотической груды неразобранныхъ матеріаловъ всякое добросовѣстное употребленіе ихъ чрезвычайно затруднительно безъ критической оцѣнки ихъ источниковъ, и никакіе выводы и заключенія изъ этой массы фактовъ и свѣдѣній немислимы, покуда не приступлено будетъ къ строгой разсортировкѣ ихъ по эпохамъ, мѣстностямъ и существу ихъ происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, пока не будутъ намъ указаны способы убѣдиться въ достовѣрности источниковъ и серьезной ихъ оцѣнкѣ.

Однѣ изъ сказаній и религіозныхъ повѣрьевъ могутъ относиться къ древнѣйшей Аріійской эпохѣ, когда не существовало еще ни Славянъ, ни Германцевъ; другія напротивъ зашли къ намъ извнѣ, почти на нашихъ глазахъ, въ гораздо позднѣйшую историческую эпоху, и освоили себѣ право гражданства въ нашей народной жизни, какъ напримѣръ переводная сказка о Бовѣ Королевичѣ и многіе предрасудки и примѣты, которые и въ наши дни съ такой быстротой воспринимаются суевѣрнымъ невѣжествомъ. Точно также племенные обычаи и повѣрья пришедшихъ къ намъ Варяговъ и Чудскихъ народовъ, жившихъ нѣкогда въ самомъ центрѣ Россіи, не могли остаться безъ нѣкотораго вліянія на воззрѣнія и понятія кореннаго славянскаго народонаселенія, тѣмъ болѣе, что мы видимъ передъ собой явные примѣры тому, что всякое крупное историческое столкновеніе съ другой народностію, даже въ гораздо новѣйшія времена, всегда оставляло неизгладимые слѣды историческаго факта въ языкѣ и преданіяхъ старины.

Если мы обратимся теперь къ именамъ и образамъ нашей языческой демонологіи, то они сами собой укажутъ намъ на три отдѣла божествъ—сказочнаго, бытоваго и племеннаго преданія.

Древнѣйшая эпическая сказка, сохранившаяся почти у всѣхъ индо-европейскихъ племенъ въ одинаковой формѣ, имѣетъ главнымъ признакомъ своимъ чисто космогоническое значеніе дѣйствующихъ лицъ и совершенное отсутствіе всякаго племеннаго или мѣстнаго колорита.

Древнія имена давно забытыхъ боговъ замѣнялись въ народной передачѣ названіями случайными и произвольными, а именно: для божествъ благотворныхъ избирались имена изъ христіанскаго календаря, а для грозныхъ, ихъ супротивниковъ,—изъ названій демоническихъ существъ бытоваго преданія. Такимъ образомъ сказка, потерявшая въ народѣ свой первоначальный религіозный смыслъ, все глубже и глубже входила въ бытовую жизнь народа, такъ что эпическая былина временъ историческихъ не могла иначе сложиться, какъ по складу сказочнаго преданія, на основѣ древнѣйшей ткани до историческаго разсказа; и богатыри Владимірова цикла—представители и поборники православія и земли Русской—удержали безсознательно нѣкоторые признаки и атрибуты своего древнѣйшаго значенія боговъ свѣта и плодородія. Собственно бытовое преданіе сохранилось для насъ въ суевѣріяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, и имена божествъ этихъ живыхъ изустныхъ преданій хорошо знакомы и донынѣ всякому русскому человѣку. Но численность этихъ демоническихъ существъ, оживляющихъ природу и домашній очагъ нашего суевѣрнаго простонародья, чрезвычайно ограничена въ сравненіи съ мифами юго-западныхъ Славянъ, и въ особенности Германцевъ.

Сравнительно съ послѣдними, наши туземныя суевѣрія могутъ быть характеризованы именно только съ ихъ отрицательной стороны. У насъ нѣтъ и слѣда мифа о дикой охотѣ, столь распространеннаго у Нѣмцевъ, не существуетъ и повѣрья о деклицахъ, судичкахъ, орисницахъ или роіеницахъ южныхъ Славянъ, управляющихъ судьбою каждаго отдѣльнаго человѣка и являющихся у его колыбели въ видѣ трехъ бѣлыхъ сестеръ.

Наконецъ, многочисленныя суевѣрныя преданія Германцевъ, относящіяся къ хлѣбопашеству, у насъ ограничиваются однимъ почти обычаемъ оставлять въ полѣ, послѣ жатвы, нѣсколько колосьевъ хлѣба: «волотки на боротко»; изъ этого заключить можно, что осѣдлая жизнь хлѣбопашца установилась у насъ гораздо позднѣе, чѣмъ въ Германіи, на что отчасти указываетъ и самое подчиненіе хлѣбопашества покровительству Волоса—бога скотьяго, т. е. бога періода кочеваго.

Но вообще, при малочисленности у насъ различныхъ духовъ и божествъ природы, они, въ сравненіи съ подобными же существами другихъ Славянъ, имѣютъ гораздо болѣе обширное и общее значеніе. Это скорѣе общія понятія, не успѣвшія еще раздробиться на болѣе мелкія и частныя личности. Такъ напримѣръ наша русалка не только существо водяное, утопленница или душа некрещенаго ребенка, но и духъ лѣсовъ и полей и даже подземнаго царства, немодлика и дивья жена, лѣснянка и полудница другихъ Славянъ, почему у насъ о русалкахъ поется пѣснь:

Русалочки, земляночки

На дубъ лѣзли, кору грызли;

а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи дѣтей, топчущихъ хлѣбъ собраніемъ васильковъ, пугаютъ русалками, скрывающимися въ нивѣ.

Наконецъ, наша древняя письменность знакомитъ насъ съ новымъ рядомъ боговъ-кумировъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ изустному преданію и чуждыхъ нашему простонаро-

дію. Я уже въ 1851-мъ году высказалъ, въ статьѣ своей о Перунѣ, помѣщенной въ Москвитянинѣ, свое предположеніе о томъ, что кумиры Кіевского холма представляютъ собой сборъ боговъ различныхъ сосѣднихъ странъ, впервые собранныхъ въ Кіевѣ Владиміромъ и имъ же свергнутыхъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ убѣдился въ маломъ къ нимъ сочувствіи народа. Кромѣ кумировъ Кіевского холма, попадаетъ у нашихъ лѣтописцевъ и духовныхъ писателей еще нѣсколько названій божествъ также чуждыхъ нынѣ нашему народу, какъ Свирогъ, Родъ и Рожаница, хотя самое имя послѣднихъ указываетъ несомнѣнно на ихъ славянское происхожденіе. Но я осмѣливаюсь предполагать, что существованіе у насъ на Руси этихъ божествъ сомнительно и что онѣ заимствованы путемъ письменности изъ преданій южныхъ Славянъ, гдѣ донынѣ существуетъ повѣрье объ этихъ двѣхъ рожаницахъ, являющихся при рожденіи ребенка у его колыбели.

Мнѣ возразятъ на это, что легко могло случиться и такъ, что народъ забылъ про свои высшія божества и остался вѣренъ только тѣмъ мелкимъ демоническимъ существамъ, которыми онъ въ своемъ воображеніи окружилъ свою обыденную, домашнюю жизнь. Но чѣмъ доказать это забвеніе важнѣйшихъ своихъ боговъ, когда тотъ же народъ такъ упорно хранитъ въ своихъ сказкахъ темный отголосокъ древнѣйшей еогоніи (быть можетъ еще временъ арійскихъ), давно потерявшей для него свое прежнее религіозное значеніе? Наши духовные писатели не вникали въ суевѣрія народныхъ и даже долго чуждались упоминать о подобныхъ богомерзкихъ сказаніяхъ; но они не могли обойти молчаніемъ самое крупное явленіе того идолопоклонства, надъ которымъ такъ поразительно быстро восторжествовало наше молодое православіе.

Современемъ къ перечню Владиміровыхъ кумировъ стали присоединяться и нѣкоторыя отдѣльныя свѣдѣнія о другихъ божествахъ, но эти свѣдѣнія почерпнуты извнѣ, сначала изъ византійскихъ и болгарскихъ источниковъ, а въ послѣдствіи даже изъ польскихъ (въ Густинской лѣтописи). Хронографы и азбуковники также продолжали наполняться баснословными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ сочиненій средне-вѣковой Европы, а наши историки и ученые даже до начала нынѣшняго столѣтія, пренебрегая лежащими подъ рукой туземными источниками, все-таки за нужными матеріалами обращались почти исключительно къ Нѣмцамъ, и въ сферѣ міеологіи навязывали намъ боговъ и кумировъ, совершенно чуждыхъ русскому народу и нерѣдко даже прямо вымышленныхъ изобрѣтательностію польскихъ и германскихъ хрониковъ.

Такое постоянное, вѣковое стремленіе нашей ученой дѣятельности—охотѣе заимствовать факты и воззрѣнія изъ иноземныхъ, чѣмъ изъ народныхъ русскихъ источниковъ, и навязывать русскому народу совершенно чуждые ему явленія—можетъ быть пріостановлено одной только критической оцѣнкой какъ чужихъ, такъ и туземныхъ матеріаловъ и вѣрнымъ опредѣленіемъ того, что именно составляетъ отличительную черту русскаго преданія и бытовой жизни нашей старины.

ВЗГЛЯДЪ НА АРХИТЕКТУРУ XII ВѢКА

ВЪ СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Графа А. С. Уварова.

Наши архитектурные памятники такъ мало подвергались ученой и обстоятельной критикѣ, что не могли доселѣ еще достигнуть до прямого своего значенія—источниковъ для опредѣленія характера русской архитектуры. Они не обслѣдованы съ цѣлю обозначенія различія, существующаго между составными ихъ частями, и съ цѣлю опредѣленія—какія изъ этихъ частей созданы были въ самой Россіи, вслѣдствіе особаго мѣстнаго вліянія. Такое обслѣдованіе русскихъ архитектурныхъ памятниковъ тѣмъ болѣе для насъ необходимо, что весьма часто вырабатывавшіяся въ Россіи архитектурныя формы исчезали подъ цѣлымъ слоемъ наносныхъ добавленій, заимствованныхъ изъ чужихъ странъ. Есть случаи, и весьма не рѣдкіе, когда въ памятникѣ эти чужеземныя позднѣйшія добавленія совершенно застилаютъ отъ насъ первоначальный характеръ древняго зданія. Только тщательнымъ изслѣдованіемъ архитектурныхъ формъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ и посредствомъ сравненія ихъ съ одновременными зданіями въ чужихъ странахъ, съ которыми Россія была въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, возможно будетъ опредѣлить отличительныя особенности русскихъ построекъ и наконецъ узнать положительно, что въ этихъ зданіяхъ можетъ быть отнесено къ русскому стилю.

Одинаковый критическій приѣмъ долженъ быть также примѣненъ и къ остальнымъ памятникамъ русскаго искусства, и тогда только можно надѣяться на основательное уясненіе отличительныхъ признаковъ отечественнаго стиля въ различные періоды его развитія.

Отсюда видно, что важность такого критическаго обслѣдованія нашихъ памятниковъ, въ особенности архитектурныхъ, вполне достойна вниманія русскаго Археологическаго Съѣзда, и потому я постараюсь бросить бѣглый взглядъ на архитектурные памятники XII вѣка и представить Съѣзду тѣ вопросы, которые, вытекая изъ подробнаго изученія архитектурныхъ формъ того времени, остаются, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ еще нерѣшенными.

I.

Въ 1849 году графъ С. Г. Строгоновъ издалъ прекрасную монографію Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Приложенные къ ней планы и рисунки разрывъ и фасадовъ передаютъ намъ въ точности внѣшнія украшенія и внутреннія

стѣнописи этого храма ⁽¹⁾, который основанъ былъ между 1193 и 1197 годами, а всего вѣроятно въ 1194 году.

Этотъ храмъ во всѣхъ его частяхъ, и даже въ мельчайшихъ подробностяхъ украшеній, является намъ въ такой вполнѣ законченной формѣ, что, въ сравненіи съ другими зданіями того же вѣка, можетъ безошибочно считаться образцомъ архитектуры, достигшей уже полного своего развитія. Оттого слѣдуетъ остановиться на изученіи архитектурныхъ формъ Дмитріевскаго собора, чтобы уяснить себѣ источники, изъ которыхъ онѣ были заимствованы.

Изъ лѣтописей мы знаемъ, что зодчіе, строившіе Дмитріевскій соборъ, были вызваны въ Россію изъ Запада. Этихъ строителей графъ Строгоновъ признаетъ, по указаніямъ архитектурныхъ особенностей храма, за послѣдователей Ломбардской или Романской школы, при чемъ замѣчаетъ, что ни одинъ, вышедшій въ XII вѣкѣ изъ Греціи, архитекторъ не могъ вымыслить подобнаго строенія (стр. 3). Вполнѣ соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ и не оспаривая романскій характеръ не только внѣшнихъ украшеній, но даже и отдѣльныхъ частей всего зданія, мы считаемъ не излишнимъ разсмотрѣть подробнѣе, въ чемъ именно состоитъ сходство архитектуры Дмитріевскаго собора съ архитектурой романскихъ построекъ того же времени, и для изслѣдованія этого сходства мы пользовались по преимуществу двумя сочиненіями: Шульца—Памятниками южной Италіи (Schulz Hein. Wilh. Denkmaler der Kunst des Mittelalters in Unteritalien. Dresden. 1860. text. 3 B., atlas. f°) и Остена—Ломбардскими постройками отъ VII до XIV вѣка (Friederich Osten. Die Bauwerke in des Lombardei von 7 bis zum 14 Jahrhundert. Darmstadt. f°. sculp. Сак. Rauch). На основаніи этихъ сочиненій мы теперь укажемъ на главные архитектурныя формы, составляющія отличительные признаки романскихъ построекъ.

Первое мѣсто между такими особенностями романскаго стиля занимаетъ украшеніе въ видѣ фриза, состоящаго изъ столбиковъ, поддерживающихъ рядъ маленькихъ перемычекъ. Столбики эти, на Дмитріевскомъ соборѣ, стоятъ на выпускныхъ камняхъ или кронштейнахъ. Такія украшенія на романскихъ зданіяхъ не только опоясываютъ середину внѣшнихъ стѣнъ храма, но нерѣдко даже окаймляютъ и самый верхъ главнаго фасада. По замѣчанію Остена ⁽²⁾, подобные фризы или подобные ряды столбиковъ являются только въ началѣ XII вѣка, что вполнѣ соответствуетъ времени основанія Дмитріевскаго собора.

(1) Замѣтимъ, что тѣ же самыя стѣнописи Дмитріевскаго собора не такъ вѣрно изображены въ сочиненіи Ѳ. Ѳ. Рихтера: Памятники древняго русскаго зодчества.

(2) Atrium du dôme de San Evasio à Casale Monferrato pl. II, III. Первоначальная архитектура измѣнена поправками при папѣ Паскаліи II (около 1107 года: C'est ainsi que la colonnade qui surmonte le portail paraît surtout dater de cette époque). Eglise de S. Andrea à Vercelli pl. VIII, IX, X. Основаніе церкви положено въ 1219 году, окончаніе послѣдовало въ 1222 г.; фасадъ украшенъ двойнымъ рядомъ столбиковъ, приставленныхъ къ стѣнѣ. Dôme de Gênes XII siècle pl. XII, XIII. Ce n'est que comme ornement que cette double arcade divise les nefs; car la colonnade supérieure n'est pas isolée de la colonnade inférieure par une boutée, et par conséquent il n'y a pas de galerie. Rebatie en 1307. Eglise cathédrale de Plaisance pl. XII, XIII; начата въ 1122 и окончена въ 1233. Cathédrale de Parme pl. XVIII, XIX; соборъ начатъ въ 1162 году, а крещальня въ 1196 году. Cathédrale de Modène, pl. XXII, XXIII, XXV; начата въ 1099 г., а освящена, по свидѣтельству надписи, въ 1184 г. Tribune de l'église de s. Maria Maggiore a Bergame pl. XXXVI; начата въ 1137 году. Schulz: Taf. XVII, XXII, XXXIII, XXXIV, XXXVIII, LI, LX, LXXII, LXXIII, LXXIX, LXXXIII, LXXXVI, LXXXVII.

Вторымъ главнымъ сходствомъ съ романскими зданіями надо признать приставныя, трехчетвертныя колонны, раздѣляющія вѣшнія стѣны храма на три части, проходя съ основанія зданія до самой кровли (у В. В. Стасова онѣ названы лопатками) (1). Совершенно одинаковыя пилястры или колонны находятся на церквахъ въ Казалѣ, Верчелли, Новаррѣ, Асти, Бергамо, Алмено, Піаченцѣ и Моденѣ (2).

Къ третьему отличительному признаку сходаства должно отнести устройство входовъ въ Дмитріевскомъ соборѣ. Полукруглая узорчатая перемычка поддерживается на откосахъ тремя колоннами (съ распушками и базами) попеременно съ двумя пилястрами; сама же перемычка по числу колоннъ и пилястровъ состоитъ изъ пяти тягъ, оканчивающихся особымъ поясомъ. Совершенно одинаковое устройство входовъ, болѣе или менѣе узорчатыхъ, встрѣчается у всѣхъ романскихъ зданій, и въ особенности разительное сходство существуетъ между входами Дмитріевского собора и входами въ соборахъ въ Пармѣ, Моденѣ и Альмено, а одинаковое даже число колоннъ и пилястровъ, какъ на Владимірскомъ храмѣ, встрѣчается на входахъ въ соборахъ въ Генуѣ и Пармѣ (3). Если мы, сличивъ сходство отдѣльныхъ частей Дмитріевского собора, перейдемъ къ вѣшнему его украшенію обронными изображеніями, то и тутъ найдемъ одинаковое подражаніе романскимъ образцамъ. Такіе узоры, составленные изъ травъ, человѣческихъ фигуръ, фантастическихъ звѣрей, покрываютъ всѣ зданія романской архитектуры. Самый рисунокъ этихъ украшеній и въ особенности изобиліе ихъ на Дмитріевскомъ соборѣ довольно мѣтко указываютъ намъ ту страну, изъ которой вызваны были строители этого собора. Обращая вниманіе на большее или меньшее количество такихъ обронныхъ украшеній на зданіяхъ романскихъ, мы замѣчаемъ, что зданія южной и сѣверной Италіи довольно скромно ими испещрены, въ особенности человѣческими фигурами и фантастическими животными. Напротѣвъ же того, романскія зданія средней Европы и по преимуществу Германіи (4) обтягочены множествомъ подобныхъ украшеній. Хотя количество такихъ украшеній на романскихъ зданіяхъ мѣняется въ разныхъ странахъ, но мотивы ихъ остаются въ главныхъ чертахъ одни и тѣ же: человѣческія головы и цѣлые звѣри вмѣсто кронштейновъ, львы, попарно соединенные вмѣстѣ спинами, утки и птицы, также попарно переплетенныя между собой и пр. (5), встрѣчаются какъ на италіанскихъ, такъ и на германскихъ постройкахъ и одинаково также на Дмитріевскомъ соборѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, повидимому, въ Россіи вкусъ къ подобнымъ украшеніямъ со дня постройки Дмитріевского собора сталъ постепенно развиваться, а потому количество обронныхъ украшеній постепенно увеличивается на нашихъ зданіяхъ. Такъ напримѣръ: на Дмитріевскомъ соборѣ обронныя украшенія покрываютъ барабанъ и всѣ четыре стороны храма, оставляя всю нижнюю часть фасадовъ гладкою, между тѣмъ какъ на церкви св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, перестроенной сорокъ лѣтъ спустя, эти украшенія образуютъ сплошную массу узоровъ, фигуръ и арабесокъ, начиная съ основанія и до самой кровли (6).

(1) Тринадцатое присужденіе учреж. П. Н. Демидовымъ наградъ. СПб. 1861 г., стр. 108.

(2) Osten: pl. III, VIII, XV, XVIII, XXII, XXIII, XXXIII, XXXV, XXXVI, XLV. Schulz: Taf. VII, IX, XLVIII.

(3) Osten: pl. XII, XIII, XXIX. Schulz: Taf. XVI, XVII, XLVI, LXXIV.

(4) См. Романскія постройки въ Германіи и Швейцаріи. Mittheilung. и пр.

(5) Schulz: Taf. LXIII, LVIII, fig. XII, XIII, LXXIX, LXXXVII.

(6) Построенный въ 1152 году Юрьемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, этотъ храмъ сталъ разрушаться, и въ 1230 году Святославъ Всеволодовичъ приступилъ къ поправкѣ его. Эта поправка, судя по словамъ лѣтописи

Итакъ мы видимъ, что обронныя украшенія изъ человѣческихъ фигуръ, звѣрей, фантастическихъ животныхъ, растений и прочихъ предметовъ перешли къ намъ изъ романской архитектуры. Но надо при этомъ замѣтить, что у насъ не довольствовались подражаніемъ западнымъ образцамъ въ одной ихъ виѣшней формѣ, но вмѣстѣ съ ними мы приняли отъ Запада и тѣ преданія, которыя передавались посредствомъ этихъ обронныхъ украшеній, такъ что, перенимая отъ Запада, наши предки, съ полнымъ пониманіемъ внутренняго смысла этихъ изображеній, помѣщали ихъ на церквахъ и другихъ зданіяхъ. Любопытные примѣры такого къ намъ перехода западныхъ преданій встрѣчаются на Дмитріевскомъ соборѣ.

Доселѣ настоящее значеніе этихъ обронныхъ изображеній, покрывающихъ наружныя стѣны этого храма, мало еще изслѣдовано, хотя мы встрѣчаемъ догадки объ ихъ значеніи сперва въ монографіи Дмитріевского собора (стр. 8—9), потомъ повтореніе тѣхъ же догадокъ въ текстѣ къ памятникамъ древняго русскаго зодчества Рихтера. И въ томъ, и въ другомъ сочиненіи объясняютъ ихъ событіями изъ житія великомученика Димитрія Селунскаго.

Между всѣми изображеніями, помѣщенными на Дмитріевскомъ соборѣ, одно изъ самыхъ любопытныхъ занимаетъ среднее и главное мѣсто надъ правымъ окномъ на южной сторонѣ храма. По важности его, мы не довольствовались превосходнымъ рисункомъ, находящимся въ сочиненіи Графа Строгонова, а велѣли снять со стѣны слѣпокъ съ самаго изображенія, съ котораго теперь прилагаемъ рисунокъ, уменьшенный посредствомъ фотографіи. Табл. XV. На немъ представленъ мужчина съ длинными волосами, въ четырехугольной шапкѣ и въ кафтанѣ съ оплечьемъ. До пояса онъ сидитъ въ корзинкѣ, къ которой привиты хвосты двухъ грифовъ. Въ рукахъ онъ держитъ высоко надъ главою двухъ четвероногихъ животныхъ, какъ бы показывая ихъ грифамъ, запряженнымъ въ корзинку. Значеніе этого барельефа хорошо разъясняется сравненіемъ съ подобнымъ же барельефомъ, вѣдланымъ въ сѣверную стѣну церкви св. Марка въ Венеціи (¹): на обоихъ памятникахъ изображено одно и то же происшествіе: восхожденіе Александра Великаго на небеса. Хотя венеціанскій барельефъ признается за работу византійскую, но сдѣланъ неоспоримо подъ вліяніемъ западныхъ писателей, измѣнившихъ въ подробностяхъ первоначальный рассказъ Псевдо-Калисѣена.

Подвиги Александра Великаго, воспѣтые сперва на Востокѣ со всѣми прикрасами живаго воображенія, послужили образцами для восточныхъ тканей; потомъ, перешедши на Западъ, они сдѣлались любимѣйшимъ предметомъ романскихъ стихотворцевъ XII вѣка и по этой причинѣ въ то же время отразились также на романскомъ искусствѣ. Но между всѣми похожденіями Александра Великаго первое мѣсто, неоспоримо, занимало восхожденіе его на небеса; по простотѣ сцены и по удобству изо-

(П. С. Д. I, 193: «того же лѣта Святославъ Князь въ Юргевѣ руши церковь святаго Юргя каменую, такоже бѣ обетшала и поломалася, юже бѣ создагъ дѣдъ его Юргъ Володимеричъ и святилъ великимъ свщствомъ.») касалась по преимуществу виѣшнихъ поврежденій, и спустя четыре года лѣтописецъ замѣчаетъ, что Святославъ «сверши церковь въ Юрьевѣ св. мученика Георгія и украси ю» (П. С. Д. I, 196); упоминаемое тутъ украшеніе, вѣроятно, относится къ пристроеннымъ тремъ притворамъ, коихъ виѣшнія стѣны покрыты сплошными узорами, обронно выѣченными изъ бѣлаго камня и напоминающими подобные же узоры на соборной церкви въ Тройѣ. Schulz Taf. XXXV. Четыре года, посвященные такой работѣ, по сложности рисунка этихъ узоровъ и по отдѣлкѣ ихъ можно считать еще быстрымъ исполненіемъ.

(1) Didron, Annales arch. XXV, p. 141.

браженія, ее часто повторяли въ изваяніяхъ и по преимуществу на капитоліяхъ романскихъ зданій. Такимъ образомъ средняя полоса Франціи и берега Рейна въ особенности изобилуютъ подобными изображеніями романскаго искусства, между тѣмъ какъ изъ изображеній византійскаго искусства извѣстны всего только два памятника съ этимъ сюжетомъ: венеціанскій барельефъ и костяной ящикекъ во Франкфуртскомъ городскомъ музеумѣ. Только два византійскихъ памятника, на такое количество романскихъ, ясно указываютъ, что эти преданія по преимуществу распространились на Западъ и сдѣлались исключительною особенностію западнаго искусства, хотя первоначальный рассказъ заимствованъ изъ греческаго источника. Не смотря на всѣ измѣненія, введенныя западными писателями въ рассказъ Псевдо-Калисѳена, они все-таки удержали число запряженныхъ грифовъ и вездѣ представляли два грифа (δύο ὄρυσσες); но упоминаемые Псевдо-Калисѳеномъ куски говядины, которые Александръ держалъ на двухъ копьяхъ надъ главами грифовъ, почти вездѣ замѣняются двумя четвероногими животными, какъ это видно на Дмитріевскомъ соборѣ, между тѣмъ какъ на венеціанскомъ барельефѣ самыя копья въ рукахъ Александра заканчиваются въ видѣ зайцевъ. За то на Фрейбургскомъ соборѣ, близъ Базеля, Александръ показываетъ грифамъ маленькое животное, также похожее на зайца, откуда видно, что даже подробности нашего Дмитріевского барельефа вполне соотвѣтствуютъ рисунку такихъ же романскихъ памятниковъ. Итакъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, зодчіе, пришедшіе для постройки Дмитріевского собора, принесли съ собою не только мотивъ такого барельефа, но даже и наставленіе какъ его изображать по правиламъ, принятымъ на Западѣ. Къ этому можно еще добавить, что на изображеніи Дмитріевского собора ни шапка, ни кафтанъ Александра Великаго не имѣютъ ничего общаго съ извѣстною формою византійской одежды. Затѣмъ, отыскивая на другихъ памятникахъ слѣды вліянія того же самаго рассказа, мы въ правѣ заключать что преданіе это сохранялось у насъ весьма долго, потому что находимъ такое же изображеніе на монетѣ XV вѣка тверскаго князя Бориса Александровича (1426—1461) ⁽¹⁾. Въ Зарайскомъ соборѣ находится каменная рѣзная панатія (Табл. XV), на которой Александръ Великій представленъ совершенно въ такомъ же видѣ, какъ на Дмитріевскомъ соборѣ. Эта панатія принадлежитъ вѣроятно къ произведеніямъ искусства XIV вѣка.

На бронзовыхъ южныхъ дверяхъ Успенскаго собора въ Москвѣ представлены Платонъ и Аполлонъ, смотрящіе на остовъ въ открытомъ гробу; подобное же изображеніе находится также на иконахъ Ангела-хранителя. Оба эти изображенія находятся въ связи съ легендою объ Александрѣ Великомъ и съ рассказомъ, какимъ образомъ св. Сисой открылъ его гробницу ⁽²⁾.

Распространившись довольно подробно о близкомъ сходствѣ между Дмитріевскимъ соборомъ и зданіями романской архитектуры, мы должны еще разъ повторить, что Дмитріевскій соборъ представляется намъ образцомъ вполне установившагося стиля, хотя онъ выстроенъ только въ концѣ XII вѣка. Всѣ своеобразныя особенности этого храма въ законченности своихъ формъ доказываютъ такое полное развитіе этого романскаго вліянія, что невольно заставляютъ отыскивать болѣе древнія зданія, на

(1) Reichel., Münzsaml. № 3853—3862. Чертк., Опис. р. мон. Табл. IX, 4.

(2) Annales archeol. XXV, p. 155; Бартеневъ, Архивъ № 186: Ангелъ-хранитель съ рисункомъ.

которыхъ можно было бы прослѣдить какъ самые начатки этого вліянія, такъ и постепенное его развитіе. Даже по свидѣтельству лѣтописей мы убѣждаемся, что начало романскаго вліянія предшествовало постройкѣ Дмитріевскаго собора, потому что о первомъ призывѣ иностранныхъ зодчихъ упоминается почти въ одно время съ окончательнымъ переѣздомъ Андрея Боголюбскаго (1155 года) изъ Кіева въ Суздаль, и съ этихъ поръ подъ руководствомъ призванныхъ зодчихъ основалась и развилась въ предѣлахъ Суздальскаго княжества настоящая архитектурная школа ⁽¹⁾. Но если мы, вмѣсто одного свидѣтельства лѣтописей, обратимся еще къ изслѣдованію самихъ памятниковъ, то найдемъ въ нихъ, гораздо ранѣе княженія Андрея Боголюбскаго, первые ясные слѣды вліянія романской архитектуры. Такіе первые слѣды замѣтны въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ постройкамъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, и съ этого уже времени можно прослѣдить по памятникамъ начало архитектурныхъ формъ романскаго стиля, достигшихъ полного развитія въ Дмитріевскомъ соборѣ и въ послѣдующихъ постройкахъ Всеволода III-го Юрьевича.

Несчастныя обстоятельства, противодѣйствовавшія честолюбивымъ замысламъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, съ которыми онъ боролся почти всю жизнь, способствовали развитію архитектуры въ сѣверныхъ предѣлахъ Руси и въ особенности въ княжествѣ Суздальскомъ. Добиваясь безуспѣшно кіевскаго престола, Юрій Владиміровичъ воевалъ на югѣ, но постоянно принужденъ былъ удаляться въ свою Суздальскую область, въ которой пребывалъ со всѣмъ семействомъ. Наконецъ несчастный походъ 1151 года, не задолго до полного успѣха, повидимому, лишилъ его послѣдней надежды на достиженіе когда-либо кіевскаго престола. Даже наслѣдственный удѣлъ Юрія, переданный по неволѣ сыну его Глѣбу, въ 1152 году сожженъ великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и укрѣпленія сравнены съ землею ⁽²⁾. Такимъ образомъ, лишившись послѣдняго прибѣжища на югѣ Россіи, Юрій Владиміровичъ обратилъ все вниманіе свое на сѣверъ, на свою Суздальскую область. Тутъ началъ онъ строить города Юрьевъ-Польскій и Переяславль-Залѣскій и воздвигать храмы ⁽³⁾. Изъ числа этихъ зданій Юрія Владиміровича и Андрея Боголюбскаго, выстроенныхъ прежде Дмитріевскаго собора, сохранились слѣдующія:

(1) Романскіе зодчіе, пришедшіе къ великому князю Андрею Боголюбскому («приведе ему Богъ изъ многихъ земель мастеры») для построенія задуманныхъ имъ зданій, до такой степени развили во Владимірѣ свое искусство, что преемникъ Андрея Всеволодъ III Юрьевичъ (1176—1212) не нуждался уже болѣе въ призывѣ чужеземныхъ мастеровъ: «а иже не ища мастеровъ отъ Нѣмцевъ, но налѣзе мастеры отъ клевреть Святое Богородицы и отъ иныхъ, олову ляти, иныхъ крыти, иныхъ известью бѣлѣти» (П. С. Л. I, 173). Такимъ образомъ пришедшіе при Андреѣ, вѣроятно изъ Германіи, зодчіе приняли къ себѣ учениковъ и образовали школы архитектурныя не только во Владимірѣ при церкви Пр. Богородицы, но также и въ другихъ мѣстахъ Суздальской области. Доказательствомъ процвѣтанія въ этихъ школахъ романскаго вліянія служить перестройка собора въ Юрьевѣ Польскомъ, при князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ, въ 1230 году.

(2) Карамзинъ, Т. II, гл. XII. Соловьевъ, Исторія Россіи, часть II, стр. 180.

(3) П. С. Л. IX. 196—197. «Тогоже лѣта (1152) Князь велики Юрьи Долгорукий Суздальскій бѣеъ подъ Черниговомъ ратью и возвратися въ Суздаль на свое великое княженіе и пришедь многи церкви созда: на Перли св. страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и во свое имя градъ Юрьевъ заложѣ, нарицаемый Польскій, и церковь въ немъ камену св. Георгія созда; а въ Володимери церковь св. Георгія камену же созда и градъ Переяславль отъ Клешино перенесе и созда болши стараго и церковь въ немъ постави камену св. Спаса, а въ Суздаль постави церковь камену Спаса же святаго».

Годъ постройки		Вышина съ крестомъ	Ширина	Длина
1152	<i>Церковь Св. Георгия въ Юрьевъ-Польскомъ.</i> П. С. Л. IX, 196; I, 193. Рихтеръ, Пам. др. рус. зодч. Таб. I. П. III.	31 арш.	32 ар.	32 ар.
1152	<i>Церковь Всемилостиваго Спаса (Евфиміева) въ Суздалѣ.</i> П. С. Л. IX, 196.			
до 1155	<i>Церковь Св. Бориса и Гльба, въ Кидекмъ на Нерли.</i> П. С. Л. IX, 196; I, 149, 175; II, 82. Таб. II, планъ, и фасадъ.	38 $\frac{1}{4}$ ар.	18 $\frac{3}{4}$ ар.	23 $\frac{1}{4}$ ар.
до 1155	<i>Церковь Св. Георгия во Владиміръ.</i> П. С. Л. IX, 196. Юасафъ, Церковно-Историч. опис. Влад. дост. 105. Доброхотовъ, Боголюбовъ 21.			
до 1155	<i>Церковь Преображенія въ Переяславль-Залъскомъ.</i> П. С. Л. IX, 196; I, 149; II, 82; IV. 8. Мартыновъ, Рус. стар. 1 Тетр., видъ и планъ. Таб. II, планъ, фасадъ и крестъ.	49 арш.	17 $\frac{1}{4}$ ар.	21 $\frac{1}{2}$ ар.
1156	<i>Дворецъ и монастырь въ Боголюбовъ.</i> П. С. Л. I, 157; II, 111; III, 10 (1158 г.). Доброхотовъ, Боголюбовъ съ рис. Рихтеръ, Таб. XXXV.			
1158	<i>Соборъ Успенія Пр. Богородицы во Владиміръ.</i> П. С. Л. I, 149. Доброхотовъ, Памят. древ. во Владиміръ, М. 1849 г.			
1165	<i>Церковь Покрова на Нерли близъ Боголюбова.</i> Доброхотовъ, Боголюбовъ съ рисунк. Рихтеръ, Памятн. Таб. III и IV, планъ, фасадъ и украшенія.	39 арш.	11 $\frac{1}{2}$ ар.	15 $\frac{1}{2}$ ар.
1165 од 1192	Были ли въ это время особыя постройки?			
1192	<i>Монастырь Рождественскій во Владиміръ.</i> П. С. Л. I, 172. Макарій, Ист. Р. Церкв. III, 43. Тихонравовъ, Владим. сборникъ 69. Мартыновъ, Рус. стар. 9 Тетрадь, видъ, планъ и ворота. Рихтеръ, Таб. III, ворота.		15 $\frac{3}{4}$ ар.	24 арш.
1194	<i>Соборъ Св. Димитрія во Владиміръ.</i> Гр. Строгоновъ, Опис. Дмит. Собора. Рихтеръ, Пам.	46 арш.	21 $\frac{1}{2}$ ар.	27 $\frac{1}{2}$ ар.

Разсматривая теперь отдѣльно каждое изъ этихъ зданій, выстроенныхъ прежде 1194 года, мы замѣтимъ въ нихъ начатки вліянія романской архитектуры и постепенное развитіе этого вліянія въ хронологической послѣдовательности. Въ *церкви Св. Георгия въ Юрьевъ-Польскомъ* надо искать слѣды первоначальной постройки только на алтарныхъ выступахъ, потому что все остальное измѣнено было Святославомъ Всеволодовичемъ при постройкѣ трехъ притворовъ. Эти слѣды доселѣ замѣтны въ илліастрахъ и колоннахъ, достигающихъ до кровли, и въ фризахъ изъ столбиковъ, несущихъ яркій отпечатокъ архитектуры романскихъ церквей. Затѣмъ, упоминая только о церкви

Спаса въ Евфиміевъ мон. въ Суздаль, почти совершенно возобновленной, мы остановимся на церкви *Св. Бориса и Глѣба въ селѣ Кидекмѣ*, какъ на памятникъ, по сохранности своей достойномъ особаго вниманія. На немъ слѣды романскаго стиля сохранились въ полной ясности: пилястры подъ самую кровлю округляются и раздѣляютъ весь три фасада на три части, а по срединѣ этихъ пространствъ узорчатый поясъ, состоящій изъ ряда столбиковъ и арочекъ съ угловатою надъ нимъ каймою, поддерживаетъ особыя лопатки, упирающіяся на немъ. Окна (теперь заложеныя) были длинныя и узкія съ закругленіемъ на верху. Поврежденіе древней архитектуры обнаруживается въ верхней части алтарныхъ выступовъ и въ верхнихъ частяхъ прилежащихъ къ нимъ боковыхъ фасадовъ. Эти части выломаны и замѣнены новою крышею. Глава также, повидимому, была передѣлана.

Совершенно одинаковая архитектура, съ одинаковымъ узорчатымъ поясомъ въ романскомъ стилѣ, встрѣчается на *Преображенской церкви въ Переяславль-Залѣскомъ*. У обѣихъ церквей устройство входа носить тотъ же отпечатокъ Запада. Откосы состоятъ изъ колоннъ попеременно съ пилястрами, а вверху заканчиваются такою же полукруглою перемычкой. Изъ построекъ древняго Боголюбова сохранилась только часть *дворца Андрея Боголюбскаго*. Фасадъ, изукрашенный фризомъ изъ столбиковъ и рядомъ колоннъ на кронштейнахъ, и большія колонны на углахъ во всю вышину зданія напоминаютъ дворецъ романскаго стиля въ южной Италіи, изображенный въ сочиненіи Шульца.

Въ *Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ* все первоначальное зданіе Боголюбскаго поглощено перестройкою Всеволода Георгіевича (послѣ пожара 1185 года), распространившаго храмъ на три стороны, такъ что отъ древней церкви остались снаружи одни выступы алтаря. Но не смотря почти на совершенное измѣненіе первоначальнаго храма Боголюбскаго, мы видимъ изъ словъ г. Доброхотова, что и тутъ сохранились еще доселѣ нѣкоторыя особенности романскаго стиля ⁽¹⁾.

Приступая затѣмъ къ разсмотрѣнію *Покровской церкви близъ Боголюбова*, мы находимъ въ ней превосходно сохранившійся образецъ постройки 1165 года со всѣми признаками романскаго вліянія. Не говоря уже о колоннахъ во всю вышину церкви, о поясѣ изъ столбиковъ на кронштейнахъ, о входахъ съ откосами изъ трехъ колоннъ съ двумя барельефами, объ узорчатыхъ перемычкахъ этихъ входовъ, мы въ особенности обратимъ вниманіе на наружныя стѣны, въ первый разъ украшенныя изображеніями, высѣченными оброчно изъ камня. До постройки Покровской церкви, на всѣхъ зданіяхъ человѣческія фигуры, звѣри или фантастическія животныя встрѣчаются весьма рѣдко, и то почти исключительно какъ украшенія кронштейновъ; но начиная съ постройки этой церкви, оброчныя изображенія употребляются въ избѣжаніе монотонности большихъ пустыхъ пространствъ на фасадахъ, какъ украшенія наружныхъ стѣнъ—въ полукружіяхъ между колоннами, раздѣляющими фасады на три части. Сначала эти оброчныя фигуры украшаютъ одну верхнюю часть полукружія, потомъ онѣ постепенно занимаютъ почти всю поверхность до пояса и нако-

(1) *Памятники древ. во Владимірѣ* (М. 1849 г.) стр. 39. «На стѣнахъ съ наружной стороны, украшенныхъ въ срединѣ полуколоннами, а по угламъ колоннами, и донинѣ сохранилось еще нѣсколько человѣческихъ лицъ». Потомъ авторъ замѣчаетъ: «Ежели отнять отъ храма эти контрфорсы и кирпичныя накладки со стѣнъ и привести всѣ окна въ первобытный видъ, то Успенскій соборъ будетъ имѣть совершенное сходство съ Дмитріевскимъ соборомъ, который, безъ сомнѣнія, построенъ по образцу Успенскаго».

нець покрывають всѣ стѣны до самого подножія зданія. Вообще всѣ эти обронныя изображенія и мотивы ихъ весьма любопытны для изученія, какъ остатки своеобразнаго характера романскаго стиля. На Покровской церкви, по нѣкоторымъ исключительнымъ особенностямъ, это вліяніе явственнѣе, чѣмъ на другихъ постройкахъ. Не только грифы, птицы, львы, орлы съ вѣнцами и всѣ прочіе узоры, покрывающіе столбики и колонны, какъ бы срисованы съ такихъ же колоннъ и столбиковъ на соборахъ въ Отрантѣ и въ Венозѣ ⁽¹⁾, но даже самое изображение Спасителя поражаетъ насъ, какъ копія съ западнаго образца. Онъ представленъ молодымъ безъ бороды, но съ длинными волосами, опускающимися на плеча; въ лѣвой рукѣ книга, а правая приподнята, благословляя. Съ перваго же взгляда, не входя даже въ подробности, замѣтенъ въ этой фигурѣ тотъ типъ Спасителя, который выработался въ западной иконографіи подъ вліяніемъ стѣнописей римскихъ катакомбъ и всегда оставался чуждымъ типомъ для византійскаго искусства. Такой латинскій типъ Спасителя на древнемъ русскомъ храмѣ довольно ясно показываетъ вліяніе западныхъ художниковъ, вліяніе, которое при послѣдующихъ постройкахъ будетъ высказываться все рѣзче и рѣзче.

Наконецъ и послѣдняя постройка, возведенная до начала Дмитріевскаго собора, представляетъ одинаковымъ образомъ слѣды романскаго вліянія. *Церковь Рождества Пр. Богородицы во Владимирѣ*, основанная 22 Августа 1192 года, не смотря на всѣ позднѣйшія пристройки, явно сохраняетъ еще характеръ всѣхъ выше описанныхъ нами церквей и продолжаетъ безъ перерыва связь между всѣми этими зданіями, созданными романскими зодчими.

Теперь, окончивъ обзоръ своеобразныхъ особенностей этихъ построекъ, которыя, начиная съ 1152 и до 1194 года, представляютъ намъ рядъ зданій съ одними и тѣми же отличительными чертами романской архитектуры, мы должны отнести первое призваніе романскихъ зодчихъ къ княженію Юрія Владиміровича Долгорукаго, и именно къ тому времени, когда онъ потерялъ надежду на кіевскій престолъ и сосредоточилъ все вниманіе на Суздальскомъ своемъ удѣлѣ. Такимъ образомъ свидѣтельство памятниковъ дополняетъ свѣдѣнія лѣтописныя и на шесть лѣтъ для Суздальскаго княжества удаляетъ годъ призванія первыхъ иностранныхъ зодчихъ. Но годъ (1152), который можетъ дѣйствительно считаться гранью для начала вліянія романской архитектуры въ Суздальскомъ княжествѣ, можетъ быть не годится для другихъ городовъ сѣверной же полосы Россіи, ни для Новгорода, Пскова, Ладоги и пр., въ которыхъ проявленіе романской или вообще западной архитектуры, судя по нѣкоторымъ зданіямъ принадлежитъ къ еще болѣе раннему времени, чѣмъ ко княженію Юрія Долгорукаго. Мы отчасти можемъ предположить, что самъ Юрій Долгорукій добылъ себѣ первыхъ романскихъ зодчихъ черезъ Новгородъ. Такимъ образомъ романскій стиль долженъ былъ сначала проникнуть во Псковъ и Новгородъ, потомъ уже въ Суздальскую область.

II.

До сихъ поръ мы разсматривали сходство, существующее между древними памятниками Суздальскаго княжества и современными имъ романскими постройками; мы указывали на все то, что эти зданія со времени Юрія Долгорукаго и до княженія

(1) Schulz, Taf. XLIV fig. III Taf. II

Святослава Всеволодовича заимствовали у западных образцов; теперь же, напротив того, намъ остается разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ существенное различіе между постройками, воздвигнутыми зодчими одной и той же школы и по однимъ и тѣмъ же образцамъ.

Первое и главнѣйшее различіе между зданіями, воздвигнутыми въ Россіи романскими зодчими, и образцами романской архитектуры на Западѣ находится въ самомъ планѣ русскихъ церквей. Если сравнить планы нашихъ церквей, построенныхъ съ 1152 и до 1194 года, съ планами современныхъ имъ романскихъ храмовъ, то прежде всего замѣтимъ совершенное сходство между собою всѣхъ плановъ церквей этого времени, потомъ постоянно одинаковую форму равносторонняго четырехугольника, даже почти квадратную. Въ этой постоянной квадратной формѣ отразилось вліяніе греческаго богослуженія, для котораго эта форма была самая удобная, между тѣмъ какъ планъ западныхъ романскихъ церквей, также согласно требованіямъ латинской церкви, избѣгаетъ формы квадратной, суживаетъ боковыя стороны и распространяется въ длину, чтобы приблизиться къ формѣ базилики, увѣковѣченной на Западѣ съ первыхъ христіанскихъ вѣковъ. Отъ того всѣ церкви, описанныя Шульцомъ и Остенемъ, имѣютъ эту условную форму базилики или продолговатаго четырехугольника, и изъ всѣхъ многочисленныхъ образцовъ какъ сѣверной, такъ и южной Италіи одинъ только планъ церкви: *La Caltalica* въ Калабріи составляетъ исключеніе изъ общаго правила, потому что эта церковь выстроена была греческими зодчими ⁽¹⁾.

Это единственное исключеніе служитъ къ подкрѣпленію общепринятаго на Западѣ правила о формѣ въ родѣ базиликъ. Что же касается внѣшней архитектуры этихъ зданій, то мы приводимъ здѣсь интересный образецъ XI вѣка на капители храма Спасителя въ Неверѣ (*Nevers*) во Франціи ⁽²⁾. Эта капитель тѣмъ болѣе для насъ любопытна, что изображаетъ зданіе, современное постройкамъ въ Суздальской области, слѣдовательно наглядно показываетъ намъ, въ какомъ видѣ романскіе зодчіе выстроили бы наши церкви, если бы квадратный планъ, о которомъ было говорено, тому не противился.

На Неверской капители представленъ продолговатый храмъ съ двускатною крышею и на срединѣ съ тяжелою и широкою главой на квадратномъ основаніи. Съ боку пристроена высокая шатровая колокольня въ четыре яруса, на подобіе башенъ въ церквахъ южной Италіи (напр. въ Бари, Молфеттѣ, Трани и въ Луккѣ *s. Nicolo e Cataldo*; Schulz, *Taf I, XI, XVII, XLVIII*). Такія высокія башни или колокольни, на одной сторонѣ или по обѣимъ сторонамъ главнаго фасада, составляютъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ романскихъ церквей южной Италіи, и отъ того непонятно, какимъ образомъ нѣкоторые археологи видѣли въ Неверскомъ изображеніи образецъ византійской церкви XI вѣка, тогда какъ византійскія церкви, въ особенности въ это время, такъ рѣзко отличались по архитектурѣ отъ западныхъ базиликъ; даже форма главы не имѣетъ очертанія византійскихъ главъ.

(1) Постройку этой церкви относятъ къ VIII или IX вѣку, но баронъ Квастъ полагаетъ ее моложе этого времени. Она не можетъ быть признана за романское произведеніе, потому что капители четырехъ колоннъ, поддерживающихъ своды, имѣютъ изображенія равносторонняго креста съ греческими буквами въ промежуткахъ, вѣроятно начальными буквами 27 стиха 117 псалма, — неоспоримое доказательство греческаго происхожденія всего зданія. Schulz, *Taf LXXXVIII. B. II, pag. 355—357.*

(2) *Annales Arch. II, p. 114.*

При такомъ существенномъ различіи плановъ романскихъ церквей въ Суздальской области отъ плановъ романскихъ базиликъ на Западѣ, рождается вопросъ: какимъ образомъ романскіе зодчіе, приходя въ Россію, строили церкви въ романскомъ стилѣ, со всеми особенностями романской архитектуры, и не придерживались формы базиликъ, а приняли особый планъ, совершенно чуждый западному стилю? Принятіе повсемѣстно одного и того же плана, для романскихъ зодчихъ не только совершенно новаго, но даже противорѣчащаго духу романской архитектуры, ясно доказываетъ, что выборъ плана не предоставлялся ихъ произволу. Такое странное явленіе съ своей стороны можетъ доказывать, что въ XII вѣкѣ, когда иностранные зодчіе пришли въ Россію, существовалъ уже планъ общій для всехъ церквей, установившійся временемъ въ видѣ типа, отъ котораго даже романскимъ зодчимъ не дозволялось отступать. На основаніи такого, напередъ даннаго имъ плана, они обязаны были воздвигать церкви, при постройкѣ которыхъ во всехъ остальныхъ частяхъ имъ предоставлялась полная свобода для примѣненія всехъ своеобразностей романской архитектуры.

Обращаясь еще разъ къ этому плану, мы замѣтимъ изъ примѣровъ всехъ церквей, выстроенныхъ съ 1152-го до 1194-го года что ни въ одной изъ нихъ не встрѣчается никакого существеннаго отступленія отъ первоначальнаго плана. Обязательность принятаго плана была безусловна; единственныя отступленія со стороны романскихъ зодчихъ состояли въ незначительномъ измѣненіи соотношенія между шириною и длиною зданія, между тѣмъ какъ общая форма плана ни въ чемъ не измѣнялась. Даже гораздо позднѣе, при Святославѣ Всеволодовичѣ, отступленія отъ первоначальнаго плана состояли только въ пристройкѣ или особыхъ притворахъ къ тремъ главнымъ входамъ, или одного общаго притвора вокругъ трехъ сторонъ храма (Успенскій соборъ во Владимірѣ).

Все эти примѣры доказываютъ непоколебимость установившагося въ Россіи типическаго плана, на основаніи котораго воздвигались церкви, коихъ своеобразныя особенности состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Планъ церкви составляетъ прямоугольный четырехугольникъ (почти квадратъ) съ узкими сторонами, обращенными на востокъ и западъ; четыре столба, поддерживающіе главу, раздѣляютъ весь планъ крестообразно.

2. Алтарная часть (abside) выдается тремя полукруглыми выступами, изъ которыхъ средній болѣе остальныхъ двухъ.

3. Четыре столба поддерживаютъ главу, коей высокій и круглый барабанъ завершается весьма плоскимъ куполомъ.

4. Южный, западный и сѣверный фасады церкви раздѣлены на три части пилястрами или полуколоннами, начиная съ основанія зданія до самой кровли, гдѣ эти части заканчиваются тремя полукружіями.

5. Четырехскатная кровля загибалась по числу полукружій и алтарныхъ выступовъ.

6. На каждомъ фасадѣ (южномъ, западномъ и сѣверномъ) по одному входу.

7. На каждомъ фасадѣ три узкихъ высокихъ окна съ круглою перемычкой; на каждомъ алтарномъ выступѣ, какъ кажется, по одному окну.

8. Отсутствие всякой пристройки для колоколовъ.

Вотъ тѣ своеобразныя особенности, которыя составляютъ главные отличительные признаки церквей Суздальской земли. Затѣмъ, предоставляя подробности людямъ, болѣе

насъ свѣдущимъ въ архитектурѣ, мы замѣтимъ только, что для насъ было важно доказать, что уже въ XII вѣкѣ, до прибытія романскихъ зодчихъ, на Руси успѣлъ выработаться планъ для церквей, и планъ такъ твердо укоренившійся въ обычаяхъ, что иностранцы-пришельцы должны были подчиниться ему.

Но если теперь спросить: какъ выработался у насъ этотъ планъ? былъ ли онъ составленъ подъ вліяніемъ византійскаго стиля или нѣтъ?—на такіе вопросы, намъ кажется нельзя еще отвѣчать удовлетворительно, потому что требуются не только свѣдѣнія, но даже и планы древнихъ русскихъ церквей, выстроенныхъ до 1152 года, и сверхъ того, подробныя описанія византійскихъ церквей, выстроенныхъ также прежде этого времени. Пока не имѣется этихъ свѣдѣній, мы не можемъ опредѣлить степени народной самостоятельности этого плана и должны удовлетворяться одними соображеніями. Но не смотря на недостатокъ такихъ матеріаловъ, видя удобство формы этого плана для греческаго богослуженія и сверхъ того зная, что въ основаніи его лежитъ греческій равносторонній крестъ, мы можемъ напередъ предположить, что греческіе образцы не чужды были при составленіи нашего плана, тѣмъ болѣе, что всѣ памятники, въ особенности до XIV вѣка, ясно свидѣтельствуютъ о сильномъ вліяніи этихъ образцовъ. При такомъ сильномъ византійскомъ вліяніи, мы не были на столько оцѣтны въ искусствахъ, чтобы успѣть выработать свои собственные народныя формы. Для такого самостоятельнаго труда необходимо было предварительное освобожденіе отъ греческаго вліянія, а потомъ—степень развитія, до котораго Россія еще не доходила. Въ тѣ времена, въ особенности въ отношеніи къ искусствамъ, мы стояли къ Восточной имперіи не какъ независимая страна, а какъ провинція самой имперіи. Такая подчиненность образцамъ и преданіямъ греческимъ замѣтна на всѣхъ памятникахъ и проявляется также на Дмитріевскомъ соборѣ. Не смотря на то, что романскіе зодчіе внесли въ архитектуру свои правила, свои западные образцы, они все-таки не могли и на такихъ зданіяхъ совершенно удалить вліяніе византійскаго искусства. Кромѣ изваяній святыхъ, сдѣланныхъ по правиламъ византійскаго иконописанія, мы видимъ на одномъ и томъ же фасадѣ этого собора замѣчательные примѣры двухъ различныхъ вліяній. На той же южной сторонѣ Дмитріевского собора, на которой изображено восхожденіе Александра Великаго на небеса, представлено на самой вершинѣ средняго полукружія такъ называемое «Уготованіе престола» — *ἡ ἐτοιμασία τοῦ θρόνου* или *ἡ ἐτοιμασία* ⁽¹⁾. Икона эта принадлежитъ исключительно византійской иконографіи, и этимъ доказывается одновременное вліяніе двухъ началъ.

(1) *Paul Durand, Etude sur l'etymasia*. Chartres 1867, 8°, съ рисунками.—Это изображеніе старались объяснить сорочкою великомученика Димитрія, привезенною вмѣстѣ съ доскою отъ гроба и положенною Всеволодомъ Юрьевичемъ въ Дмитріевскій соборъ. Но такое толкованіе ни чѣмъ не подтверждается и совершенно опровергается существованіемъ въ византійской иконографіи символическаго образа Уготованія, созданнаго на основаніи LXXXIV псалма, стиха 15. На престолѣ, покрытомъ подушкою, стоитъ крестъ, а у подножія его лежитъ плата; передъ престоломъ скамья. Такое расположеніе престола, креста и платы не разъ встрѣчается на византійскихъ и русскихъ памятникахъ. Къ числу этихъ послѣднихъ относится переплетъ Метиславова Евангелія, на которомъ находится подобное изображеніе Уготованія, сдѣланное изъ финифти въ XI или XII вѣкѣ. На немъ къ престолу, кресту и плату прибавленъ еще голубь, который на Дмитріевскомъ изображеніи представленъ уже слетѣвшимъ съ небеснаго престола и осѣняющимъ пророка, сидящаго внизу. Если для опредѣленія эпохи нашего изображенія, не обращая вниманія на годъ построенія собора, сравнить его съ памятниками, описанными г. Дюраномъ, то увидимъ, что сохраняя еще всю несложность первоначальныхъ изображеній «Уготованія», оно подходитъ болѣе къ рисунку въ церкви S. Maria in Cosmedin въ Равеннѣ (VI в.), чѣмъ къ сложному изображенію Палермскаго собора, который строился въ то время, когда на сѣверѣ воздвигался Дмитріевскій соборъ, и слѣдовательно, когда усложненное палермское изображеніе не могло еще быть извѣстнымъ на сѣверѣ.

Такъ какъ изъ всего вышесказаннаго выводится новое доказательство неоспоримаго вліянія греческаго искусства на русскіе памятники, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать и неоспоримое вліяніе греческихъ образцовъ на составленіе плана для нашихъ церквей. Этотъ планъ, который романскіе зодчіе застали въ Россіи какъ принятый типъ для церквей, вѣроятно былъ не съизнова созданъ, а отчасти заимствованъ у византійцевъ. Хотя мы можемъ признать справедливость такой догадки, но не въ состояніи теперь указать на тѣ именно планы греческихъ церквей, которые послужили образцами при составленіи нашего типическаго плана. Къ сожалѣнію слишкомъ мало сохранилось плановъ съ древнѣйшихъ церквей, чтобы ясно понять, какъ постепенно образовался этотъ планъ, установившійся для церквей сѣверной полосы. Если мы сравнимъ его съ планами церквей, выстроенныхъ прежде XII вѣка, то дѣйствительно найдемъ, что нѣкоторые изъ нихъ отчасти могли служить первообразами для составленія его, хотя и эти планы во многомъ съ нимъ различаются. Изъ такихъ церквей въ южной Россіи мы укажемъ въ Кіевѣ на церковь св. Василя или Трехъ Святителей, основаніе которой должно быть отнесено къ концу XII вѣка ⁽¹⁾, въ сѣверной Россіи на церковь св. Георгія Застѣнную въ Старой Ладогѣ ⁽²⁾, вѣроятно основанную въ началѣ XII вѣка, и наконецъ на нѣкоторыя церкви Новгорода и Пскова.

За неимѣніемъ точныхъ плановъ церквей Новгородскихъ, Псковскихъ, Кіевскихъ, съ указаніемъ древнѣйшихъ частей и болѣе новыхъ къ нимъ пристроекъ, мы не въ состояніи вывести удовлетворительнаго заключенія изъ сличенія этихъ памятниковъ и должны пока ограничиваться отрывочными замѣчаніями. Такъ, напримѣръ, если сравнить типичный планъ съ планами древнѣйшихъ построекъ, возведенныхъ греческими зодчими въ Кіевѣ, какъ-то: съ Десятинною церковью, съ церковью Св. Ирины и св. Θεодора, Софійскою соборною церковью, съ церковью Спаса-Преображенія на Берестовѣ, или съ Новгородскимъ Софійскимъ соборомъ, то найдемъ очень мало сходства между ними.

III.

Представивъ бѣглый обзоръ построекъ XII вѣка въ Суздальской области и указавъ на особенности, выработавшіяся, по нашему мнѣнію, уже въ то время въ русской архитектурѣ, не смотря на наплывъ иностраннаго вліянія и съ Востока и съ Запада, мы имѣли въ виду обратить вниманіе Археологическаго Съѣзда на этотъ періодъ отечественной Археологіи и предложить ему слѣдующіе вопросы:

1. Не слѣдуетъ ли признать XII столѣтіе за начало новаго періода въ русской архитектурѣ, подъ вліяніемъ романскихъ зодчихъ, пришедшихъ изъ Германіи черезъ Новгородъ и Псковъ?

2. Романскіе зодчіе, пришедшіе въ Россію, начали ли строить церкви не по планамъ романскихъ зданій, а по особому общему плану, совершенно различному отъ западныхъ?

3. Когда и какимъ образомъ утвердился у насъ этотъ типичный планъ, по которому выстроены всѣ церкви въ Суздальской области, начиная съ 1152 года?

(1) Закревскій, Описаніе Кіева I, стр. 208—212, планъ на Таб. VI.

(2) Макарій, Исторія Рус. церквей, 59.

4. Образовался ли онъ самостоятельно, или заимствованъ съ греческаго образца?

5. Былъ ли принятъ этотъ планъ только для церквей Суздальской области, или онъ былъ повсемѣстно принятъ въ сѣверной полосѣ Россіи?

6. Въ южной Россіи строились ли церкви по такому же плану, или по другому?

7. Не смотря на установившійся общій планъ для церквей, если сравнить между собою церкви Суздальской области, Новгорода и Пскова, и вообще другихъ мѣстностей сѣверной полосы, мы во всѣхъ этихъ зданіяхъ найдемъ, не смотря на сходство въ общихъ архитектурныхъ частяхъ, нѣкоторое различіе въ подробностяхъ, составляющихъ отличительные признаки мѣстнаго характера архитектуры. Не только архитектурныя зданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ остальные памятники одной мѣстности имѣютъ отпечатокъ мѣстнаго характера. Такимъ образомъ, на наружныхъ стѣнахъ суздальскихъ храмовъ мы видимъ обранныя украшенія въ романскомъ стилѣ, а на наружныхъ стѣнахъ новгородскихъ церквей—каменные кресты съ барельефными изображеніями и надписями ⁽¹⁾. Хотя новгородскія и псковскія церкви въ общей архитектурѣ очень схожи между собой, тѣмъ не менѣе, при сравненіи, выказывается мѣстное различіе въ наружныхъ украшеніяхъ, въ узорѣ поясовъ, въ формѣ главъ и барабановъ. На этомъ основаніи спрашивается: какія отличительныя черты составляли особенности мѣстнаго характера архитектурныхъ зданій въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и вообще во всѣхъ нашихъ древнихъ городахъ?

8. Въ типичномъ планѣ церквей Суздальской области нѣтъ слѣдовъ колоколенъ, и потому спрашивается: когда начали строить особыя зданія для колоколовъ, или когда начали строить колокольни въ одномъ общемъ зданіи съ самимъ храмомъ?

9. Типичный планъ вызывалъ постройку одной только главы; между тѣмъ извѣстно, что софійскіе соборы въ Кіевѣ и въ Новгородѣ имѣли по тринадцати главъ, а каменный Софійскій соборъ въ Новгородѣ и Спасскій соборъ въ Черниговѣ имѣли по пяти главъ (Макарій, Истор. Р. Церкви I, 48); Успенскій соборъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, послѣ пожара 1185 года возобновленъ съ пятью главами (Степен. книга I, стр. 290. Доброхотовъ, Памят. др. во Владимірѣ, 7). Слѣдовательно спрашивается: до какого времени строили церкви съ одной главой и въ какихъ случаяхъ строили со многими главами?

10. На Дмитріевскомъ соборѣ стоитъ четырехконечный крестъ; когда начали ставить на храмахъ шестиконечные кресты?

11. По кладкѣ стѣнъ опредѣлить время постройки зданія.—Кладки кромѣ кирпича состояли еще изъ каменныхъ плитъ. Слой извести, на которомъ производилась кладка кирпичей, былъ иногда толщиною вдвое болѣе толщины кирпича (въ Кіевѣ Софійскій соборъ, церкви: Десятинная, Ѳеодоровская, Васильевская, Ирининская и Спасо-Берестовская; въ Черниговѣ Спасскій соборъ). Толщина стѣнъ въ одномъ и томъ же зданіи бываетъ различна, какъ напримѣръ въ церкви св. Николая Липенскаго, близъ Новгорода (Стасовъ, XXX присудж., стр. 114). Церковь въ Рождественскомъ монастырѣ во Владимірѣ только облицована бѣлымъ камнемъ, а въ срединѣ стѣнъ бутовая кладка—булыжникъ, залитый известкою. Опредѣлить величину и толщину кирпичей въ разныя эпохи. Какія связи, деревянные или желѣзные, употреблялись въ разныя времена? Изъ чего сдѣланъ составъ извести или цемента, употреблявшійся

(1) Стасовъ, XXX присужденіе, стр. 115.

для кладки? Изъ какого состава дѣлались кирпичи? Были ли фабричныя клейма на кирпичахъ, и на какомъ мѣстѣ они ставились въ разныя времена,—на тачкѣ, на локѣ или на плашкѣ?

Всѣ вообще вопросы объ архитектурѣ требуютъ не только археологической подготовки съ знаніемъ источниковъ и древнихъ памятниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ также пониманія теоріи архитектурнаго искусства и свѣдѣнія въ строительной практикѣ. Для удовлетворительнаго ихъ рѣшенія необходима взаимная помощь археолога и архитектора. Отъ этого для разъясненія исторіи отечественной архитектуры необходимо обратиться за содѣйствіемъ къ тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ, которыя обучаютъ нашихъ архитекторовъ.

Для этой цѣли желательно обратить вниманіе Академіи Художествъ и архитектурныхъ училищъ на потребность научнаго разъясненія отечественной архитектуры на основаніи самыхъ памятниковъ. Достигнуть такого результата возможно заготовленіемъ необходимыхъ матеріаловъ, т. е. инструментальною съемкою плана, разрѣзовъ и деталей древнѣйшихъ нашихъ зданій. Мы тогда только получимъ подобные матеріалы, когда эти работы войдутъ въ Академіи Художествъ и въ архитектурныхъ училищахъ въ программу задачъ, обязательныхъ для обучающихся учениковъ. Передъ представленіемъ окончательной программы для выпуска, молодые люди, готовящіеся на поприще архитекторовъ, должны бы были предварительно представить планъ, разрѣзъ и всѣ детали древняго зданія. Приступая къ такой работѣ, ученикъ можетъ встрѣтить два случая: или цѣльное зданіе съ новѣйшими поправками, или развалины, утратившія первоначальную форму. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ долженъ отличить: а) древнѣйшую постройку отъ болѣе новыхъ поправокъ, б) древнія детали отъ новѣйшихъ измѣненій и искаженій, в) древнюю кладку и древній способъ постройки. Тогда ему останется еще снять планъ, разрѣзъ и детали въ подробности, при чемъ опредѣлится и стиль древнѣйшей постройки и отличіе отъ постепенныхъ позднѣйшихъ измѣненій. Если онъ имѣетъ дѣло съ развалинами, то долженъ, соображаясь съ эпохою зданія и съ мѣстнымъ характеромъ памятниковъ, современныхъ этому зданію, приступить къ проекту реставраціи, въ которомъ уже выскажется пониманіе ученикомъ стиля извѣстной эпохи. Ученикъ, при такой съемкѣ древняго зданія, лучше всего можетъ выказать своимъ преподавателямъ успѣхъ въ обученіи, такъ что, при окончательной программѣ, его пониманіе теоріи и практики архитектуры будетъ уже напередъ извѣстно. Подобная архитектурная обработка нашихъ древнихъ зданій принесетъ такую пользу отечественной археологіи, что Съѣздъ навѣрно не откажется обратить на это предложеніе вниманіе Академіи Художествъ и архитектурныхъ училищъ, прося ихъ сообщать такіе труды Археологическимъ Обществамъ, которыя съ своей стороны всегда будутъ готовы доставить свѣдѣнія о тѣхъ древнихъ зданіяхъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ достойны обратить на себя ихъ вниманіе.

Москва, 16 Марта 1869 года.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ XII ВѢКА

ВЪ СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Мнѣніе П. А. Лашкарева.

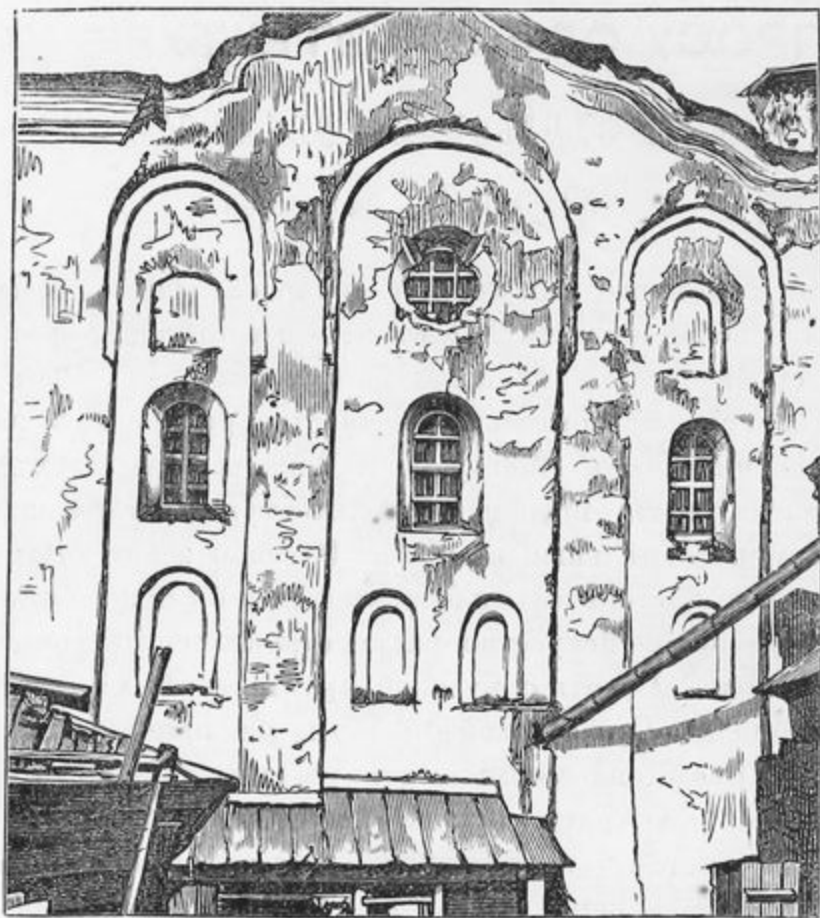
Для возможно-всесторонняго обсужденія вопроса: какъ образовался типичный планъ церквей Суздальской области XII вѣка,—выработался ли онъ самостоятельно, или заимствованъ съ греческаго образца, или обязанъ, наконецъ, происхожденіемъ своимъ вліянію на русское строительное искусство романскихъ зодчихъ, проникавшихъ въ русскія области чрезъ Новгородъ и Псковъ,—полагаемъ, имѣютъ важность даже и незначительныя черты подобнаго архитектурнаго типа на древнихъ церквахъ кievскихъ. Первые монументальныя зданія въ Русской землѣ были христiанскія церкви въ Кіевѣ, и первыми строителями этихъ церквей были несомнѣнно—зодчіе-Греки. Изъ Кіева уже строительное искусство распространялось первоначально по другимъ областямъ земли Русской. Судить о русской архитектурѣ XII вѣка, на сколько она извѣстна по памятникамъ Суздальской области, не принимая въ соображеніе хотя нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ кievскими памятниками того же времени, значило бы, по нашему мнѣнію, рисковать произнести приговоръ болѣе или менѣе односторонній. Считаемъ поэтому нравственною обязанностию своею, по отношенію къ наукѣ, изложить предъ вами, М. Г., то, что кievскія церкви представляютъ по нашимъ наблюденіямъ, для уясненія даннаго вопроса.

Между кievскими церквами мы встрѣчаемъ одну, близко подходящую къ типичному плану церквей Суздальской области XII вѣка. Это—Троицкая церковь на св. вратахъ Лавры. Планъ этой церкви имѣетъ видъ прямоугольника, приближающагося къ квадрату. Удлиненныя стороны прямоугольника идутъ по направленію отъ востока къ западу. Въ центрѣ его установлены четыре столба, соединяющіеся взаимно арками. Арки эти, съ восполняющими промежутки ихъ парусами, служатъ основаніемъ фонаря, завершающагося довольно плоскимъ куполомъ. Другими арками, идущими отъ центральныхъ же столбовъ, столбы эти соединяются съ выступающими изъ стѣнъ внутрь церкви пилястрами, расположенными симметрически. Къ востоку церковь заканчивается тремя абсидами, изъ коихъ въ среднемъ, имѣющемъ относительно болѣебольшій размѣръ, помѣщается алтарь. Сравнительно съ другими древними кievскими церквами, эта церковь не имѣетъ притвора и хоровъ, устройства которыхъ, очевидно, не допускала самая миниатюрность зданія. Наибольшая длина церкви внутри (отъ востока къ западу) около 14-ти, а широта (отъ сѣвера къ югу) около 11½ аршинъ.

Фасадъ этой церкви съ сѣверной стороны закрытъ совершенно позднѣйшею пристройкой, съ восточной же и западной значительно замаскированъ лѣпными украшеніями, приданными церкви, очевидно, въ недавнія времена; но съ южной стороны

онъ можетъ быть наблюдаемъ и въ настоящее время въ неподдѣльномъ, первоначальномъ своемъ видѣ. Этотъ фасадъ раздѣляется пилястрами на три части и завершается тремя полукружіями, которыя образуются дугами, соединяющими верхи пилястръ. Фотографическій снимокъ съ верхней части этого фасада (такъ какъ близость построекъ не позволяла снять полного фасада) мы представляемъ благосклонному вниманію.

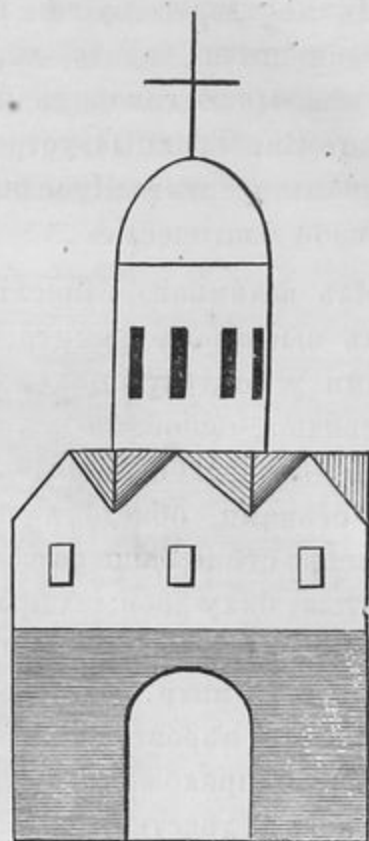
Всѣ вообще описанія кіевскихъ древностей, упоминая о св. вратахъ лаврскихъ съ устроеною на нихъ церковью, замѣчаютъ, что врата и церковь на этомъ мѣстѣ построены въ 1106 году черниговскимъ княземъ Николаго Святошею; но о тождествѣ существующаго нынѣ зданія съ построеннымъ въ началѣ XII вѣка почти всѣ выражаются двусмысленно. Въ описаніи Кіево-печерской лавры митр. Евгенія говорится: «Св. врата лаврскія отъ великой церкви въ 65 саженьяхъ къ западу, каменные, о двухъ ярусахъ. Въ верхнемъ устроена церковь во имя Св. Троицы объ одной главѣ, которая позлащена чрезъ огонь, а куполъ ея—листовымъ золотомъ. Церковь и врата подъ нею внутри и внѣ расписаны разными священными изображеніями, поправленными въ 1825 году. Первоначально на семъ мѣстѣ Троицкая церковь построена еще съ 1106 года черниговскимъ княземъ Николаго Святошею, въ Печерскомъ монастырѣ постригшимся и должность привратника исправлявшимъ». Г. Максимовичъ въ Паломникѣ кіевскомъ отзывается о св. вратахъ такъ же: «Св. врата. Онѣ находятся въ 65 саженьяхъ къ западу отъ соборной церкви. Первоначально на семъ мѣстѣ устроена была въ 1106 году потомкомъ князей черниговскихъ, инокомъ и вратаремъ лавры, Николаемъ Святошею церковь во имя Св. Троицы. При ней онъ основалъ больницу и имѣлъ врача; съ верхнемъ ярусъ сихъ вратъ существуетъ и теперь церковь во имя Св. Троицы.»

Въ послѣднее время первоначальнымъ неопредѣленнымъ выраженіямъ объ этой церкви стали давать характеръ болѣе опредѣленный. Составитель книги: «Кіевъ и его святыня» говоритъ напримѣръ: «Первыя св. врата лавры, съ тѣмъ же храмомъ (т. е. Св. Троицы), устроены были еще въ 1106 году блаженнымъ вратаремъ ихъ, правнукомъ великаго Ярослава, княземъ черниговскимъ Николюю, прозваннымъ Святошею за свое благочестіе».

Изъ взаимнаго сличенія всѣхъ вообще отзывовъ о церкви нельзя не замѣтить, что разъ высказанное митр. Евгеніемъ мнѣніе только повторяется съ разными варьяціями у послѣдующихъ описателей кіевскихъ древностей. Отзывъ же митр. Евгенія, очевидно, основанъ на слѣдующемъ мѣстѣ Синописиса, приводимомъ имъ въ описаніи Кіево-печерской лавры по изданію 1823 года: «Самый монастырь окрестъ каменными стѣнами обведенъ бысть на два стрѣльбища; въ толстоту же или въ широту каменна стѣна бѣше на сажень, и врата каменныя же, идѣже нынѣ церковь Троицы Пресвятыя, бѣху двои: едиными входяху царіе, князіе и чинъ духовный, а вторыми народъ общій, и мертвыхъ къ погребенію ношаху». Кромѣ того, основаніемъ для такого приговора митр. Евгенію могла служить и копія съ плана Кальнофойскаго, по которой онъ вѣроятно самъ ознакомился съ видомъ этой церкви у Кальнофойскаго и которую приложилъ онъ къ описанію Лавры. На этой копіи видъ св. воротъ съ церковью, дѣйствительно, не имѣетъ ничего общаго съ зданіемъ нынѣ существующимъ, кромѣ мѣстоположенія относительно къ великой церкви и другимъ строеніямъ лавры. Но приводимое митр. Евгеніемъ мѣсто изъ Синописиса 1823 г., въ Синописисѣ 1678 года (стр 83) читается такъ: «Самый монастырь окрестъ каменными стѣнами обведенъ бысть на два стрѣльбища; въ толстоту же или въ широту каменна стѣна бѣше на сажень и врата каменныя же, идѣже нынѣ Троицы Пресвятыя, бѣху двои: едиными вхождаху царіе, князіе и чинъ духовный, а вторыми народъ общій, и мертвыхъ къ погребенію ношаху». Выраженіе: *идѣже нынѣ*, дѣйствительно, отличаетъ существующее на лицо отъ бывшаго на томъ же мѣстѣ прежде; но оно касается не церкви, о которой въ приведенныхъ нами словахъ нѣтъ и помину, а относится прямо къ вратамъ, какъ входу, при чемъ, существовавшимъ во время Гизеля однимъ вратамъ (Троицкимъ называемымъ) противопоставляются двое вратъ въ древнее время. Равнымъ образомъ и копія съ плана Кальнофойскаго, приложенная къ описанію Кіевопеч. лавры, отличается во многомъ такимъ несходствомъ съ оригиналомъ, что, руководясь ею, можно впадать въ невинныя, но довольно грубыя ошибки. Такъ напр. церкви Спаса на Берестовѣ копія даетъ видъ зданія, вполне сохранившагося, съ огромнымъ куполомъ, завершающимъ все зданіе и съ аттиками по сторонамъ этого купола; между тѣмъ на подлинномъ планѣ Кальнофойскаго купола вовсе невидно, а аттики скорѣе походятъ на обломы стѣнъ зданія, болѣе и болѣе разрушавшагося, какимъ и описываетъ великую Спасскую церковь Кальнофойскій. Точно также и св. вратамъ лаврскимъ копія даетъ такой фасадъ, котораго онѣ не имѣютъ вовсе на планѣ оригинальномъ. Пользуясь такою копіею и сличая обрисованное на ней зданіе съ существующимъ нынѣ, митр. Евгеній не могъ признать тождества между св. вратами, существовавшими въ его время, и тѣми, о которыхъ въ первой половинѣ XVII вѣка писалъ Кальнофойскій.

Между тѣмъ, какъ подлинный планъ Кальнофойскаго, такъ и приложенное къ нему описаніе, даютъ прямое указаніе на тождество существующихъ нынѣ св. вратъ и

церкви на нихъ съ построенными на этомъ мѣстѣ первоначально. Планъ Кальнофойскаго составленъ вообще такъ неискусно, какъ могъ составить его человекъ, въ первый разъ принявшійся за черченіе безъ всякаго знакомства съ дѣломъ; но въ св. вратахъ, какъ онѣ у него обозначены, все-же можно узнать зданіе существующее доселѣ, хотя въ послѣдствіи нѣсколько измѣнившее свою правильную форму отъ приданныхъ ему аттиковъ. Въ описаніи же, приложенномъ къ плану подъ нумерами 19 и 20, колокольни при этой церкви и самой церкви Кальнофойскій замѣчаетъ: «Колокольня больничная при церкви каменной деревянная и въ ней лѣстница, которою восходятъ и въ самую церковь, устроенную такимъ же фасадомъ, какъ была церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы на вратахъ кievскихъ Златыхъ. Самая церковь Св. Троицы чѣмъ изживеніемъ была пристроена—ниже сказано будетъ.» Ниже (подъ № 39) Кальнофойскій и говоритъ именно, что «врата и на нихъ церковь Св. Троицы заложилъ князь Николай Давидовичъ Святоша и при ней основалъ больницу для больныхъ и немощныхъ монаховъ.»

Кромѣ этого положительнаго свидѣтельства первой половины XVII вѣка, въ пользу дѣйствительной древности нынѣ существующаго зданія говоритъ самая кладка его, насколько она могла быть нами наблюдаема, и нѣкоторыя частности его фасада.

Кладку св. вратъ мы могли наблюдать только по обнажившейся отъ штукатурки стѣнѣ внутри келліи, устроенной на сѣверной сторонѣ вратъ подъ церковью. Кладка эта—изъ древнихъ кирпичей-плитъ на цементѣ изъ извести съ толченымъ кирпичемъ, переложенныхъ большими кирпичами. Такая кладка встрѣчается только въ древнихъ кievскихъ церквахъ. Кладку самой церкви провѣрить мы не имѣли возможности; но что она таковая же, можно заключать съ полною вѣроятностію изъ того, что въ окнахъ, освѣщающихъ нынѣ церковь, по мѣстамъ значительно выступаютъ изъ стѣнъ камни, очевидно и здѣсь употребленные вмѣстѣ съ кирпичами. Окна эти, какъ можно думать, прорубливались когда-то послѣ постройки церкви (на планѣ Кальнофойскаго онѣ уже видны), и поелику встрѣченныхъ при этомъ въ стѣнѣ камней отчистить было невозможно съ такою легкостію, съ какою отчищался кирпичъ, то концы этихъ камней и оставлены выдающимися.

Въ подробностяхъ фасада нельзя не обратить вниманія на замурованные окна въ южной стѣнѣ церкви. Окна такого вида и формы такъ характеристичны въ церквахъ кievскихъ, что по нимъ однимъ почти всегда безошибочно можно отличить древнѣйшую постройку отъ позднѣйшей. Такія окна можно видѣть на всѣхъ, сохранившихся болѣе или менѣе, кievскихъ церквахъ XI и XII вѣка. Самое различіе размѣровъ и формы крайнихъ оконъ въ верхнемъ ряду ихъ, на южномъ фасадѣ Троицкой церкви, говоритъ въ пользу ихъ древности; разнообразіе размѣровъ и формъ въ окнахъ можно видѣть и на другихъ древнихъ церквахъ кievскихъ.

На основаніи этихъ данныхъ, мы полагаемъ, что въ Троицкой церкви на св. вратахъ Лавры Кіевъ имѣетъ церковь, по постройкѣ своей принадлежащую началу XII вѣка и удерживающую до извѣстной степени и въ настоящее время тѣ типическія

архитектурныя черты, которыя отличаютъ древнія церкви Суздальской области. Для болѣе полнаго сходства съ послѣдними въ ней недостаетъ алтарныхъ выступовъ съ восточной стороны, которые соотвѣтствовали бы внутреннимъ абсидамъ, и такой кровли, которая загибалась бы по числу полукружій, завершающихъ трехчастный фасадъ зданія. Но отсутствіе внѣшнихъ алтарныхъ выступовъ объясняется постройкою этой церкви на вратахъ, какъ на фундаментѣ, имѣющемъ свою опредѣленную форму, отступить отъ которой въ данномъ случаѣ не позволяло самое направленіе входа отъ запада къ востоку. Что же касается загибовъ кровли, то нѣчто подобное имъ можно видѣть еще на фасадѣ этой церкви у Кальнофойскаго. На планѣ Кальнофойскаго фасадъ ея завершается тремя углами, соотвѣтствующими тремъ правильнымъ загибамъ суздальскихъ церквей.

Были ли въ Кіевѣ другія церкви такого же именно плана и фасада, утверждать рѣшительно мы воздерживаемся, хотя считаемъ нужнымъ напомнить свидѣтельство Кальнофойскаго, что такой же фасадъ имѣла церковь Благовѣщенія на Златыхъ воротахъ, построенныхъ Ярославомъ. Другія сохранившіяся церкви XI и XII вѣка отличаются планомъ болѣе сложнымъ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что фасады ихъ вообще также раздѣлялись на части пилястрами, которыя соединялись взаимно вверху дугами. Древнія пилястры сохранились по сѣверному, южному и западному фасаду Кирилловской церкви; видны онѣ вполне на западныхъ фасадахъ Златоверхо-Михайловской и Выдубицко-Михайловской церквей. Западные фасады всѣхъ этихъ церквей дѣлятся пилястрами на три части, сѣверный и южный фасады Кирилловской—на четыре. Дуги же, соединявшія верхи этихъ пилястръ, не могли сохраниться уже по тому самому, что не сохранились своды означенныхъ церквей, внутреннія линіи которыхъ совнѣ обозначались фасадными дугами. При всемъ томъ, на западномъ фасадѣ Златоверхо-Михайловской церкви можно еще замѣтить нижніе концы дуги, соединявшей нѣкогда между собою среднія пилястры. Уцѣлѣла одна и полная дуга на древнемъ остаткѣ южнаго фасада Выдубицко-Михайловской церкви.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ XII ВѢКА

ВЪ СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ

Мнѣніе И. Д. Мансветова.

При рѣшеніи вопроса объ архитектурномъ типѣ сѣверно-русскихъ храмовъ XII вѣка, графъ А. С. Уваровъ указалъ на орнаментовку фасадовъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ, какъ на одинъ изъ признаковъ, показывающихъ романское вліяніе на произведенія церковнаго зодчества нашего въ Суздаль и Владимірѣ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія привелъ много образцовъ этого рода орнаментовки изъ архитектурныхъ памятниковъ романскаго стиля. — Эта орнаментовка состоитъ въ обранныхъ изображеніяхъ чудовищныхъ животныхъ и разнаго рода человѣческихъ фигуръ. Признавая полную справедливость того замѣчанія, что этотъ родъ орнаментовки былъ особенно употребителенъ въ архитектурѣ романской, мы имѣемъ нѣкоторыя данныя не согласиться съ тѣмъ, чтобы подобнаго рода живописныя или скульптурныя украшенія были *исключительною* принадлежностію романскаго стиля; а потому, думаемъ, онѣ не могутъ имѣть и рѣшающаго значенія въ данномъ вопросѣ. Съ этою цѣлію мы позволимъ себѣ привести нѣсколько фактовъ изъ исторіи византійскаго искусства, показывающихъ, что данныя образцы орнаментовки не только не были чужды Византіи, но нашли себѣ здѣсь приложеніе и въ области промышленнаго производства и въ искусствѣ церковномъ.

Византійцы заимствовали у жителей Востока расположеніе къ пестрымъ и затѣйливымъ рисункамъ на изготовляемыхъ ими тканяхъ. Уже во времена Константина Великаго они приготавливали матеріи, на которыхъ особеннымъ образомъ были вытканы фигуры разныхъ животныхъ. Эти ткани, извѣстныя подъ именемъ византійскихъ, покрыты были изображеніями планетъ, геометрическихъ фигуръ, перемѣшанныхъ съ фантастическими фигурами изъ царства растительнаго и животнаго. Особенный родъ составляли тѣ рисунки, на которыхъ представлялись симметрическія группы дѣйствительныхъ или фантастическихъ животныхъ, соединенныхъ между собою головами въ пространствѣ круга, квадрата, или какой-нибудь другой геометрической фигуры; по содержанію изображенія ткань носила названіе львиной, павлиньей или единорога (1). Роскошь византійскаго двора при преемникахъ Константина дала широкое развитіе этой отрасли промышленности, образцы для которой можно было удобно находить у Персовъ, а въ послѣдствіи у изобрѣтательныхъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ Арабовъ. Гонорій, по свидѣтельству Златоуста, носилъ шелковыя одежды съ вышитыми золо-

(1) Weiss, *Kostümkunde*. 2 Th. S. 62, 63.

томъ изображеніями драконовъ. Въ Равенской базиликѣ св. Виталія находятся мозаическія изображенія Юстиніана и его супруги Θεодоры (1). Верхняя одежда императора покрыта мелкими изображеніями птицъ, заключенныхъ въ кружкахъ; у императрицы нижній край мантии покрытъ человѣческими фигурами. Въ подобномъ же родѣ находятся украшенія на византійскихъ щитахъ и доспѣхахъ (2).

Преданіе древне-христіанской символики, которая избирала формы для своихъ представленій изъ міра растительнаго и животнаго, дало мѣсто украшеніямъ этого рода и въ области искусства церковнаго. Замѣчательное свидѣтельство въ этомъ отношеніи даетъ намъ письмо Нила подвижника къ Олимпіодору (3). Олимпіодоръ, одинъ изъ важныхъ сановниковъ Византійской имперіи, устроивъ храмъ въ честь мучениковъ (σῆκλόν μεγίστον πρὸς τιμὴν τῶν ἁγίων Μαρτύρων), обратился къ Нилу подвижнику за совѣтомъ касательно внутренняго украшенія воздвигнутой имъ церкви. По мысли Олимпіодора, она должна была украситься символическою живописью самаго разнообразнаго содержанія. Въ алтарѣ онъ хотѣлъ изобразить: а) охотничьи сцены разнаго рода (θῆρας ζῶων), такъ что на стѣнахъ направо и налево взору присутствовавшихъ представлялись раскинутыя сѣти, а вокругъ—зайцы, козы и другія животныя, преслѣдуемыя охотниками и охотничьими собаками; б) рыбную ловлю: рыболовы извлекаютъ сѣти, наполненныя множествомъ рыбы разной породы (πᾶν γένος ἰχθύων). Въ средней части храма Олимпіодоръ предполагалъ помѣстить разнаго содержанія гипсовыя изображенія (γυφοπλασίας πᾶν εἶδος), и кромѣ того расписать стѣны картинами изъ міра растительнаго и животнаго, представивъ изображенія четвероногихъ животныхъ (κτενῶν), птицъ (πετεινῶν), пресмыкающихся (έρπετων) и растений (βλασημάτων). Такъ обширенъ былъ кругъ изображеній, которыя, по мысли Олимпіодора, должны были составить внутреннее украшеніе устроеннаго имъ храма. Онѣ подходят по своему содержанію и разнообразію къ тому циклу, изъ котораго заимствованы оброчныя украшенія фасадовъ Дмитріевскаго собора. Намекъ на подобное же украшеніе храмовъ живописными, а можетъ быть и рельефными фигурами, даетъ Григорій Нисскій въ своемъ описаніи храма, построеннаго въ честь мученика Θεодора. Онъ замѣчаетъ, что «строитель превратилъ дерево въ форму животныхъ» (τέχτων εἰς ζῶων (φαντασίαν τὸ ξύλον ἐμόρφωσεν) (4). Въ Солунской базиликѣ св. Георгія, въ полуразрушенныхъ и испорченныхъ отъ времени фрескахъ купола и стѣнъ, сохранились остатки декоративной живописи. Она представляетъ, по замѣчанію Поклонника св. Горы (5), входящія одинъ въ другой круги, переплетенные вязью, квадраты съ цвѣтами и птицами, фризы, украшенные фигурами дельфиновъ, разными птицами и пальмовыми вѣтвями. Въ константинопольскомъ храмѣ св. Софїи мозаики не представляютъ изображеній изъ царства животнаго: сколько можно заключить изъ снимковъ, сдѣланныхъ Зальценбергомъ, въ нихъ преобладаетъ рисунокъ геометрическій, но въ орнаментовкѣ капителей колоннъ можно находить фигурныя украшенія въ видѣ птицъ (6).

(1) D'Aginc. Histoire de l'art. I, pl. XVI. Въ лучшемъ видѣ: Weiss, Kostüm, 2-r Th, fig. 44—47.

(2) Weiss, fig. 61.

(3) Nili epp. edit. Allat. 1668 Roma. Ep. 64, p. 491.

(4) Orat. ad laud. Theod. Mart. opp. T. III, p. 573.

(5) Зап. Покл. св. Горы, стр. 18.

(6) Baudenkmäl. v. Konsant. Bl. XVI, XX.

Не рѣшаемъ утвердительно вопроса: къ какому роду изображеній—символическому или историческому—должны быть отнесены живопись и рельефы Олимпіодорова храма. Мы склоняемся къ тому мнѣнію, что это были изображенія символическія ⁽¹⁾. Время, къ которому относится происхожденіе Олимпіодорова храма, очень близко стоитъ къ эпохѣ перво-христіанскаго символизма, а потому очень естественно предположить, что бѣльшая часть названныхъ Олимпіодоромъ фигуръ была заимствована изъ круга древне-христіанскихъ символическихъ изображеній ⁽²⁾. Вліяніе послѣднихъ оставило свои слѣды въ исторіи какъ восточнаго, такъ и западнаго искусства, съ тою только разницею, что приложеніе символическаго элемента въ первомъ было вообще слабѣе, между тѣмъ какъ во второмъ онъ получилъ болѣе широкое развитіе, особенно въ произведеніяхъ средневѣковаго періода. Но и на Востокѣ символизмъ этого рода не былъ чуждъ церковному искусству: на это можно находить указаніе въ руководствѣ къ живописи Діонисія Фурнуаграфіота и въ произведеніяхъ церковнаго искусства на Аѳонѣ. Аѳонскій подлинникъ, о которомъ мы сейчасъ сказали, имѣетъ для нашего вопроса то особенное значеніе, что образовался подъ вліяніемъ византійскаго иконописнаго преданія, сохранившагося на Аѳонѣ, который сдѣлался послѣ паденія Константинополя представителемъ византійскаго духа и по своему замкнутому положенію былъ удаленъ отъ всякихъ чуждыхъ вліяній. Чтобы имѣть понятіе о византійской символикѣ по указаніямъ этого руководства, мы остановились на содержаніи аллегорическихъ картинъ, составляющихъ особый отдѣлъ въ иконографическомъ руководствѣ Діонисія ⁽³⁾. Въ изображеніи жизни истиннаго монаха адъ всепоглощающій представленъ въ видѣ великаго дракона ⁽⁴⁾. Въ картинѣ, изображающей скоротечность жизни человѣческой, находятся олицетворенія четырехъ временъ года и, между прочимъ,—олицетвореніе весны подъ образомъ молодаго человѣка, сидящаго на лугу, покрытомъ цвѣтами, съ вѣнкомъ на головѣ и арфою въ рукахъ; далѣе, каждый мѣсяцъ обозначается соотвѣтствующимъ знакомъ зодіака. Іорданъ олицетворяется въ видѣ женщины, съ короною на головѣ. Женщина эта сидитъ на двухъ огромныхъ дельфинахъ, которые везутъ ее на себѣ какъ на колесницѣ ⁽⁵⁾. Такимъ образомъ, въ живописи аѳонской, не смотря на ограниченіе ея строго религіозными мотивами иконографическихъ подлинниковъ, дано было мѣсто символическимъ изображеніямъ, заимствованнымъ изъ міра растительнаго и животнаго, а также фантастическимъ фигурамъ и олицетвореніямъ совершенно вымышленнаго характера. Этотъ родъ живописи всего чаще встрѣчается на Аѳонѣ въ церковныхъ притворахъ, гдѣ художнику предоставлялась нѣкоторая доля свободы, которой онъ былъ лишенъ въ предѣлахъ самаго храма; такъ наприм. на Аѳонѣ принято изображать въ притворахъ хваленіе Бога тварію. Эта картина представляетъ живописное олицетвореніе ислама: «всякое дыханіе да хвалитъ Господа», и выводитъ для этой цѣли представителей всѣхъ царствъ природы. Вотъ подробный планъ ея, слѣдующій описанію По-

(1) Такъ думаютъ: Augusti, Beitr. z. christl. Kunst. 2-г B, S. 90. Otte Handbuch. Kunst. Archäcol. S. 876.

(2) Ключъ къ объясненію этихъ символовъ и вмѣстѣ указаніе на различныя представленія древне-христіанскаго символизма даютъ: Clavis Мелитона Кардійскаго (2 в.) и Ueterum gnosticorum physiologus. То и другое сочиненіе приводится у Pitra—Spicilegium Solesmense Vol. 2 pp. 1—100, ibid. 238—373.

(3) Didron, Manuel. d'iconographie chretien. p. 402—411.

(4) Символь—общій какъ древне-христіанскому искусству (Euseb. vit. Const. III, § 3), такъ и позднѣйшему западному.

(5) Didron, Manuel.... p. 165.

клонника св. Горы: картина раздѣляется на два пояса, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ представителей горняго міра, а нижній изображаетъ хваление Бога земнородными. Въ верхнемъ поясѣ, между прочимъ, изображены двѣнадцать знаковъ зодіака, въ нижнемъ—старецъ съ арфою; около него юноша и три женщины пляшутъ, схватившись за руки, подъ звуки флейты и барабана; за тѣмъ еще разнаго рода группы. Изъ представителей животнаго міра мы находимъ здѣсь сатировъ, сиренъ, иппоцентавровъ, къ которымъ примыкаютъ фигуры змѣй, крокодиловъ и всякихъ чудовищъ многоголовыхъ и многохвостыхъ ⁽¹⁾. Замѣчательно, что приложеніе этихъ фигуръ, какъ орнаментовки, встрѣчается на нѣкоторыхъ водосвятныхъ чашахъ, составляющихъ принадлежность аѳонскихъ притворовъ. Чаши эти (*φιάλη*, *cantharus*), служившія резервуаромъ, изъ котораго входившіе въ храмъ омывали руки ⁽²⁾, съ древнѣйшихъ временъ церкви имѣли обронныя украшенія въ видѣ львовъ, извергающихъ воду, а потому и назывались *Λεοντάρια* ⁽³⁾. По богатству и разнообразію обронныхъ украшеній этого рода особенно замѣчательна ваза, находящаяся въ притворѣ главнаго храма лавры св. Аѳанасія. Эту вазу видѣлъ и описалъ Дидронъ во время своихъ путешествій по Востоку ⁽⁴⁾. По его описанію, *cantharus* имѣетъ видъ большой круглой чаши, изъ середины которой поднимается цилиндрической стволъ, на которомъ въ три ряда расположены обронныя фигуры разнаго рода животныхъ, извергающихъ изъ себя воду. Въ нижнемъ ряду представлены змѣи, пожирающія барановъ и быковъ; въ среднемъ — змѣи, обращенныя головами къ верхнему ряду, гдѣ изображены львы и грифоны, также извергающіе воду. Обращаясь съ хрістіанскаго Востока въ Россію, мы не можемъ не остановиться на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора, представляющихъ замѣчательное сходство по содержанію съ обронными изображеніями на фасадахъ нашихъ сѣверныхъ храмовъ, а между тѣмъ извѣстно, что Кіевскій соборъ былъ строенъ византійскими зодчими и находился въ сторонѣ отъ западнаго вліянія, которое чрезъ Новгородъ и Псковъ могло распространиться на церковную архитектуру сѣверныхъ областей Россіи ⁽⁵⁾.

Присоединимъ къ сказанному нами еще нѣсколько замѣчаній о византійскомъ орнаментѣ, на основаніи миниатюръ въ греческихъ рукописяхъ. Пользуемся для этой цѣли снимками, сдѣланными у D' Agencoure въ его *Histoire de l' art par les monuments*. Между миниатюрами одного сирійскаго манускрипта, изъ бібліотеки св. Лаврентія во Флоренціи ⁽⁶⁾, находится изображеніе, похожее на порталъ храма. Наверху его орнаментъ въ видѣ вазы съ цвѣтами и по сторонамъ ея четыре птицы, по двѣ съ той и другой стороны. Одна изъ миниатюръ греческой рукописи XII вѣка, содержащей въ себѣ нѣсколько словъ на богородичные праздники ⁽⁷⁾, представляетъ четырехугольную дощечку, похожую на окладъ диптиха или Евангелія; по краямъ ея проходитъ неширокая узорная полоса. Слѣдующая за нею, болѣе широкая покрыта перевившимися въ разныхъ направленіяхъ растеніями; въ промежуткахъ, между цвѣтами и листьями,

(1) Зап. покл. св. Горы стр. 196.

(2) Evseb. H. E. L. X, § 4.

(3) Fecit circa phialam porticos duodecim, in quibus erant fontes leonesque aquam eructantes, e quibus populus lavaretur. Du Cange, Constantinopolis christiana. III, p. 21.

(4) Manuel d'iconogr. p. 441—442.

(5) Н. Закревскаго, Описан. Кіева т. 2, стр. 825. Рисунки приложены на XII-мъ листѣ.

(6) D'Agenc. t. VI, pl. XXVII.

(7) Ibid. pl. LI.

размѣщены фигуры птицъ, головы животныхъ и разныя фантастическія фигуры. По характеру рисунка и общему виду эта миниатюра близко подходитъ къ орнаментамъ каѳедры въ миланской церкви св. Амвросія, о technikѣ которой Любке замѣчаетъ, что она имѣетъ совершенно византійскій характеръ ⁽¹⁾. Въ греческомъ манускриптѣ XIII в., содержащемъ исторію Іова, представлены: иппоцентавръ, крылатые, многоголовые драконы, птицы и звѣри въ борьбѣ между собою ⁽²⁾. Ссылаемся наконецъ на образцы византійскаго орнамента изъ Евангелія X—XI в., находящагося въ Император. публичн. библіотекѣ въ С.Петербургѣ, Четвероевангелія XIII в., находящагося тамъ же ⁽³⁾. Указанные нами факты, конечно, незначительны для того, чтобы дѣлать изъ нихъ какіе-либо общіе выводы о происхожденіи и смыслѣ обронныхъ изображеній въ нашей церковной архитектурѣ XII в., а еще менѣе для того, чтобы несомнѣнно доказать византійское начало послѣднихъ. Мы имѣли въ виду представить нѣсколько данныхъ изъ исторіи византійскаго искусства, показывающихъ, что подобные образцы орнаментовки не были чужды христіанскаго Востока и имѣютъ въ своемъ основаніи общія какъ для Византіи, такъ и для Запада преданія древне-христіанскаго искусства. Приложение символическихъ формъ изъ міра животного, употребленіе фигуръ вымышленнаго свойства были несомнѣнно сильнѣе въ западномъ искусствѣ, чѣмъ въ восточномъ; но эти формы все же нельзя исключать совершенно изъ области послѣдняго и отрицать ихъ самостоятельность. Прибавимъ въ заключеніе, что мы не имѣли средствъ изучать данный вопросъ въ болѣе полномъ видѣ и представляемъ лишь тѣ данныя, которыя могли заимствовать изъ ограниченнаго числа источниковъ, намъ доступныхъ.

(1) Lübke, Grundriss Kunstgesch. S. 366.

(2) D'Agenc. pl. LX, fig. 5.

(3) Мы пользуемся снимками съ этихъ орнаментовъ, сдѣланными для археологической выставки въ музеумѣ князя Голицына.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ XII ВѢКА

ВЪ СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Мнѣніе Л. В. Даля.

Большая часть сказаннаго въ Описаніи Дмитріевскаго собора во Владимірѣ графомъ Строгоновымъ и нынѣ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ о Суздальскомъ стилѣ вообще,—какъ нельзя болѣе вѣрно; это именно все, что можно было основать на прямыхъ фактахъ, и потому я буду отвѣчать прямо на предложенные Съѣзду вопросы, присовокупляя, гдѣ нужно, свои замѣчанія къ сказанному выше.

Типичный планъ XII вѣка, о которомъ идетъ рѣчь, есть, какъ мнѣ кажется, скорѣе планъ небольшихъ церквей вообще, и не однихъ только суздальскихъ, но и новгородскихъ, кіевскихъ (какъ мы видѣли изъ чтенія г. Лошкарева о церкви на вратахъ Печерской Лавры), а такъ же и греческихъ—начиная съ XII в., какъ можно убѣдиться изъ церквей Пантократора и Теотокосъ въ Константинополѣ и др. Планъ этотъ—византійскій: соборы въ Венеціи и Périgueux, съ куполами на четырехъ столбахъ и крестообразнымъ расположеніемъ внутренности, считаются и за границу у такихъ ученыхъ, какъ Viollet le Duc, первыми признаками проявленія византійскаго вліянія въ Европѣ, и считаются не по одному крестообразному расположенію, но и по паруснымъ и сферическимъ сводамъ, появившимся въ нихъ впервые, и по другимъ мелкимъ примѣтамъ.

а) Планъ, т. е. собственно горизонтальное расположеніе зданія, рассматриваемое безъ всякаго отношенія къ его высотамъ, есть чисто византійское, во 1-хъ—доведенное до наименьшихъ размѣровъ, въ чемъ можно легко удостовѣриться, сравнивъ масштабъ нашихъ суздальскихъ и вышеупомянутыхъ византійскихъ церквей съ тѣми, которыя обыкновенно привыкли считать образцами византійскаго зодчества, какъ напр. Аѳа Софія, Св. Виталія въ Равеннѣ, и пр.; это уменьшеніе дѣлало чрезвычайно неудобнымъ крестообразную форму наружныхъ стѣнъ и заставило ограничиться самымъ простымъ вмѣстилищемъ для креста, квадратомъ; во 2-хъ—упрощенное по возможности во внутреннемъ расположеніи, для устройства котораго, кромѣ малаго масштаба, не было можетъ быть у насъ и хорошо испытаннаго матеріала; въ Греціи верхній барабанъ стоитъ иногда на 8-ми, иногда и на 4-хъ съ нишами или проходами столбахъ; въ нашихъ церквахъ нельзя было примѣнить другаго мотива, кромѣ 4-хъ четырехгранныхъ столбовъ, съ арками на всѣ стороны.

б) Абсиды въ холодномъ климатѣ не могли вынести тонкихъ стѣнъ, и ниши въ ровной стѣнѣ, видныя еще кое-гдѣ въ Кіевѣ, промерзали на сѣ-

верѣ, а потому пришлось для нихъ исключительно примѣнить мотивъ большихъ церквей, три полукруга. Это было тѣмъ умѣстиѣе, что внутреннее расположеніе, не смотря на малые размѣры церкви, требовало скорѣе расширенія, а не уменьшенія абсидовъ. До сихъ поръ, при постройкѣ церквей, духовенство очень заботится о томъ, чтобы въ алтарѣ не было тѣсно; и понятно, что на сѣверѣ, гдѣ ходили въ шубахъ, требовалось болѣе простора чѣмъ на югѣ, гдѣ священникъ входилъ въ легкомъ облаченіи, въ сандаляхъ и съ не покрытою головою. Поэтому абсиды составили, въ особенности въ XVI вѣкѣ, сильные выступы, покрывающіе весь восточный фасадъ и врастающіе снаружи часто одинъ въ другой. Но такое преобразование именно и есть послѣдствіе постоянного желанія сохранить византійскій прототипъ, такъ какъ ихъ легко можно бы было замѣнить ровною пристройкою.

в) Барабанъ съ плоскимъ сводомъ въ суздальскихъ церквахъ, украшеннымъ снаружи прямо крестомъ, составляетъ одну изъ наиболѣе сохранившихся принадлежностей византійскаго храма; на Западѣ нигдѣ, кромѣ Венеціи и Регіонеux, такого купола не существуетъ; повсюду уже проявился шпиль. Барабанъ этотъ вытянутъ, какъ и вся церковь, и потерялъ свои широкія, византійскія оконныя арки, которыми заканчивалась кладка, замѣненные мелкими кокошничками поверхъ карниза. Это удлинненіе нѣтъ надобности объяснять вліяніемъ какого-нибудь сосѣдняго стиля: оно совершается и въ настоящее время при постройкѣ всѣхъ нашихъ сельскихъ колоколенъ, единственно благодаря тщеславію и зажиточности прихожанъ. Верхній прямой карнизъ можетъ быть объясняемъ вліяніемъ Запада, но онъ у насъ слишкомъ оригиналенъ и могъ перейти изъ нашей деревянной архитектуры, на что намекаютъ въ немъ городки съ сухариками и фальшивые кокошники.

г) Наружное украшеніе фасадовъ въ Суздальской области особенно замѣчательно. Оно состоитъ главнымъ образомъ изъ четырехъ полуколоннъ съ каждой стороны, дѣлящихъ каждый фасадъ на три части и оканчивающихся капителями романской формы вплоть подъ самую крышею, безъ всякаго карниза. Это—пріемъ исключительно *ломбардскій и венеціанскаго материка*: онъ встрѣчается въ Пьяченцѣ на соборѣ, въ Павіи (St Michele) и пр., и по своей нераціональности никогда не могъ явиться въ византійской архитектурѣ, да и врядъ ли въ другой какой-нибудь. Подобныя колонны до того нераціональны, что если бы онѣ встрѣтились только на богато-украшенномъ скульптурою Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, то можно было бы еще подумать, что на нихъ, какъ на нѣкоторыхъ ломбардскихъ церквахъ, стояли статуи. Въ этомъ случаѣ число 12 могло даже служить для изваяній Апостоловъ, а въ двухъ нишахъ, около входа, могли быть помѣщены Спаситель и Божія Матерь. Но онѣ находятся у насъ и на такихъ церквахъ, на которыхъ нѣтъ и слѣдовъ скульптуры. Между этими полуколонами внутреннія пазухи свода обрѣзываютъ наружную стѣну тремя полукругами, на которыхъ прямо лежитъ крыша,—византійскій пріемъ, пропавшій на барабанѣ и уцѣлѣвшій на стѣнахъ зданія. Эти полукруги, сколько я знаю, *нигдѣ не встрѣчаются на Западѣ*, кромѣ Венеціи и Падуи, гдѣ они неоспоримо византійскіе. Западная базилика, съ деревяннымъ потолкомъ и крышею, подвела сразу церковь подъ прямой карнизъ, который устоялъ во всю эпоху романскаго и начала готическаго стиля. У насъ же эти полукруги, вмѣстѣ съ главою, сдѣлались вѣроятно первыми отличительными признаками храма, и потому, пройдя сквозь всю эпоху деревянной русской архитектуры временъ угнетенія, вынырнули въ видѣ треугольниковъ на церкви въ

Дьяковъ и въ видѣ разнообразныхъ кокошниковъ—на церквахъ Алексѣя Михайловича и на царскомъ мѣстѣ Успенскаго собора. Эти полукруги обведены довольно широкими тягами, опускающимися до широкаго пояса, обнимающаго церковь со всѣхъ сторонъ; онѣ состоятъ обыкновенно изъ мелкихъ колоннъ на кронштейнахъ; совершенно подобныя существуютъ на ломбардскихъ церквахъ. Между ними, на Дмитріевскомъ соборѣ, сдѣланы рельефныя изображенія святыхъ; эти барельефы, какъ и наполняющіе пространство выше и на простѣнкахъ барабана, по своей работѣ подходятъ скорѣе къ сѣверному искусству, и только вязаныя кольца на барабанѣ, въ которыхъ они заключены, составляютъ византійскій мотивъ. Русскіе, знакомые съ сѣвѣрною мистическою міеологіею, какъ доказываютъ наши богатыя заставки XII и XIII в., испещренныя змѣями и фантастическими животными, не могли искать ваятеля для нихъ на югѣ. Тамъ, какъ положительно доказываетъ Viollet le Duc, символическое значеніе ихъ вовсе не было извѣстно, какъ видно по сочиненію одного французскаго епископа XI в., проведеншаго большую часть жизни на югѣ и въ Италіи, который, разбирая символическое значеніе всѣхъ частей церкви, даже колоннъ, карнизовъ и пр., ни слова не говоритъ объ этихъ животныхъ.

д) Кровля церкви, равно какъ и куполь, покрытые прямо по своду, составляютъ одну изъ исключительныхъ и самыхъ раціональныхъ сторонъ византійской архитектуры.

е) Входныя двери—романскія: въ Византіи двери всѣ были четырехугольныя; арка существовала только для оконъ. Нѣсколько же арочекъ, углубляющихся одна въ другую на отдѣльныхъ колонкахъ и столбахъ—пріемъ по происхожденію общезападный.

ж) Окна узкія и длинныя—принадлежность всего сѣвера; въ южной Италіи онѣ всегда были шире. Не имѣя стекла и великолѣпныхъ мраморныхъ рѣшетокъ, существовавшихъ въ Византіи, на сѣверѣ вынуждены были дѣлать узкія окна, закрывавшіяся деревянною доскою въ видѣ ставня, съ прорѣзанными въ немъ отверстіями для свѣту.

з) Я желалъ бы, говоря о колокольняхъ, сказать нѣсколько словъ объ указанной гр. Уваровымъ Неверской капители. Изображенная на ней церковь имѣетъ также колокольню, но она составляетъ только часть группы, представляющей исцѣленіе хромаго Апостоломъ Петромъ на порогѣ храма Іерусалимскаго. Храмъ изображенъ здѣсь очень наивно, насколько могли себѣ его представить неверскіе *Manevres*, со всѣми тогдашними признаками восточной церкви—главою въ срединѣ и парусами, показанными, для вѣщаго пониманія, снаружи; но колокольня на самомъ барельефѣ страшно не вяжется со зданіемъ и обличаетъ западную архитектуру. Это неизбѣжнѣе въ западныхъ преданіяхъ византійской колокольни намекаетъ, кажется, на то, что въ Византіи ея и не было. Мы находимъ и нынѣ слѣды колоколенъ только при очень немногихъ церквахъ Востока, и на знаменитой церкви Теотокосъ, въ Константинополѣ, негдѣ поставить что нибудь въ родѣ колокольни. У насъ первые колокола упоминаются, кажется, вѣчевые, древнѣйшія колокольни въ Новгородѣ и Псковѣ являются въ видѣ прямыхъ стѣнокъ съ арочками—форма, послѣднимъ отголоскомъ которой служатъ: помѣщеніе для Царь-колокола у Ивана Великаго и колокольня Ростовскаго собора. Точно опредѣлить время появленія колоколенъ нельзя, я думаю, у насъ по остаткамъ церквей, такъ какъ колокольни часто стоятъ отдѣльно отъ церквей; это скорѣе можетъ быть опредѣлено изъ лѣтописей, чѣмъ, какъ я слышалъ, уже занялся одинъ изъ членовъ нынѣшняго Съѣзда.

Сверхъ всего сказаннаго, я долженъ указать на главное отличіе плана нашихъ церквей XII в. отъ византійскихъ, состоящее въ отсутствіи портиковъ у входа въ храмъ, бывшихъ въ Византіи часто даже двойными, и на декоративныя приемы, доказывающіе что ихъ у насъ никогда и не было. Самая вѣроятная причина этому та, что еще не успѣли обстроить суздальскихъ соборовъ ими; на нѣкоторыхъ византійскихъ церквахъ, какъ на пр. Теотокосъ въ Константинополѣ, позднѣйшая пристройка портиковъ замѣтна по сочиненію фасада. Къ несчастію мы не можемъ этого провѣрить на мѣстѣ; но очень вѣроятно, что по византійскому обычаю церковь строилась одна, послѣ чего разные доброхотные жертвователи пристраивали портики, колодцы и пр.

Наконецъ, противъ внесенія въ Суздальскую область иностраннаго элемента черезъ Новгородъ и Псковъ, бывшихъ въ это время еще далекими отъ своего величія, имѣются фактическія доказательства: суздальскія церкви, какъ доказываютъ ихъ 12 полуколоннъ безъ карнизовъ, строились подъ ломбардскимъ вліяніемъ, и одни только барельефы Дмитріевскаго собора—вѣроятно сѣверные; но ломбардскимъ зодчимъ незачѣмъ было идти черезъ Любечъ моремъ въ Новгородъ, особенно если вспомнить, что въ это время Чехи и Морава были еще православные. Этотъ наружный типъ суздальскихъ церквей сохранился и до XV в., въ которомъ онъ является на Успенскомъ и другихъ московскихъ соборахъ. Новгородъ же и Псковъ, уже въ XIII в., при томъ же планѣ, имѣли свой особенный типъ, продержавшійся такъ же до XV в.; онъ всего лучше видѣнъ на ц. Спаса Преображенія въ Новгородѣ и оставилъ свои слѣды, несмотря на передѣлки XV в., на всѣхъ церквахъ не-московской эпохи Новгорода и Пскова; это—фальшивыя: одна арка и двѣ полуарки, соединяющіяся подъ выходящею на всѣ четыре стороны конькомъ крышею, среди которой находится глава; это просто четыре фасада сѣверно-романскихъ домовъ, или боковые Nartex романскихъ церквей XII и XIII вѣковъ, поставленные вмѣстѣ.

Послѣ всего сказаннаго желалъ бы я обратить вниманіе еще на одну вещь: на сводахъ Успенскаго собора во Владимірѣ, сожженнаго Татарами, открыты недавно подъ отбѣлкой травныя узоры, писанные *al fresco* въ самомъ чистѣйшемъ византійскомъ стилѣ. Представляю здѣсь небольшой рисунокъ ихъ, рядомъ съ нѣсколькими заставками изъ Григорія Назіанзина Парижской библіотеки. Сходство ихъ очевидно, и только краски послѣднихъ замѣнены употребляющимися во фресковой живописи желтымъ, коричневымъ и синимъ цвѣтами. Всякій, кто знаетъ романскій стиль, скажетъ, что живописецъ этой эпохи, особенно съ сѣвера, не въ состояніи былъ сдѣлать ничего подобнаго, и найдетъ въ этомъ ясное указаніе на греческую живопись въ Дмитріевскомъ, Переяславскомъ, и др. соборахъ, и слѣдовательно на мастеровъ Грековъ.

Итакъ, типичный планъ одноглавыхъ суздальскихъ церквей надо считать типомъ вообще малыхъ византійскихъ церквей съ откинутыми портиками. Онъ не столько измѣнился, сколько застылъ въ одной стереотипной формѣ, въ которой существуетъ и до сихъ поръ. Фасадъ сѣверныхъ церквей нашихъ измѣнился, насколько позволяло это свято-хранимое преданіе, въ Новгородѣ, подъ сѣверно—, въ Суздалѣ подъ южно-романскимъ вліяніемъ, при чемъ Новгородцы и Псковичи оказались большими вольнодумцами: они потеряли кокошники.

Дмитріевскій же соборъ, строенный очевидно съ намѣреніемъ произвести вещь большую, но драгоценную, украшенъ сѣверными скульпторами, а расписанъ Греками. Мастера были буквально изъ разныхъ земель, и князь-строитель зналъ гдѣ что взять;

такъ какъ въ то время Лимюжская и Прирейнская школы финифтей были еще въ своемъ дѣтствѣ, то онъ нашелъ италіанскихъ Латинцевъ мастеровъ для его такъ называемыхъ оплечій, изъ которыхъ одно нынѣ хранится во Владимірскомъ соборѣ, другое въ Румянцевскомъ музеѣ.

Вотъ все, что я могъ сказать по случаю предложенныхъ Съѣзду вопросовъ. Мнѣ остается еще пожалѣть объ одномъ, а именно: что всѣ наши заключенія о Византіи мы должны основывать на нѣмецкихъ и французскихъ текстахъ и чертежахъ. Если бы Съѣздъ могъ какимъ-нибудь образомъ содѣйствовать изученію этихъ предметовъ Русскими на мѣстѣ и составленію имъ чертежей и описаній, то оказалъ бы нашей юной наукѣ большую помощь.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ XII ВѢКА

ВЪ СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Мнѣніе И. И. Василева.

Къ рѣшенію вопроса о вліяніи Пскова на архитектуру прочихъ русскихъ областей или о его значеніи, какъ проводника въ Россію романскаго стиля, замѣченнаго въ зданіяхъ Суздальской области, честь имѣю сообщить Съѣзду нѣкоторыя данныя объ архитектурѣ псковскихъ церквей, строенныхъ до XIII вѣка.

Извѣстія о постройкѣ псковскихъ церквей сохранились слѣдующія. Первая псковская церковь, по преданію, занесенному въ Степенную книгу, построена была благовѣрною княгинею Ольгою во имя Святой Троицы. Можетъ быть сказаніе Степенной книги не во всѣхъ подробностяхъ, изложенныхъ при описаніи этого важнаго событія для Пскова, согласно съ дѣйствительностію; но что Ольга, по принятіи крещенія, была во Псковѣ, что она первая занесла сюда сѣмена христіанства, въ этомъ, мнѣ кажется, можно только сомнѣваться, но подкрѣплять это сомнѣніе историческими данными пока еще трудно. Нѣтъ ничего посему противнаго исторической истинѣ, что св. Ольга была и строительницею перваго храма во Псковѣ. Храмъ этотъ, по преданію, тоже былъ деревянный и существовалъ до 1137 года. Вторая церковь во Псковѣ, по сказанію первой Псковской лѣтописи, построена въ 1137 году, тоже во имя Св. Троицы, благовѣрнымъ княземъ Всеволодомъ, въ святомъ крещеніи Гавріиломъ, Псковскимъ. Храмъ этотъ, какъ предполагаютъ, построенный на мѣстѣ, Ольгиной, былъ каменный. Въ половинѣ XIV вѣка онъ развалился, и въ 1366 году на мѣстѣ его построенъ новый. Такимъ образомъ остатковъ отъ двухъ древнихъ псковскихъ церквей не сохранилось. Но и донныѣ есть изображеніе Гавріиловскаго храма на одной изъ древнихъ псковскихъ иконъ, находящихся въ Псковскомъ кафедральномъ соборѣ. На иконѣ изображенъ благовѣрный князь Гавріилъ во весь ростъ и въ лѣвой рукѣ держитъ построенный имъ храмъ. Но такъ какъ о времени написанія этой иконы точныхъ изслѣдованій не произведено, а съ другой стороны перспективы въ изображеніи храма вовсе нѣтъ, то я не думаю останавливать ваше, милостивые государи, вниманія на архитектурѣ этого храма. Я даже думаю, что храмъ, который держитъ въ рукахъ благовѣрный князь, есть не тотъ, который имъ строенъ, а созданный въ 1366 году. Рисунокъ послѣдняго сохранился на другой древней псковской иконѣ. Въ рисункѣ этого храма замѣтно болѣе простоты и менѣе знанія въ искусствѣ зодческомъ. Мнѣ думается такъ, что и икона благовѣрнаго

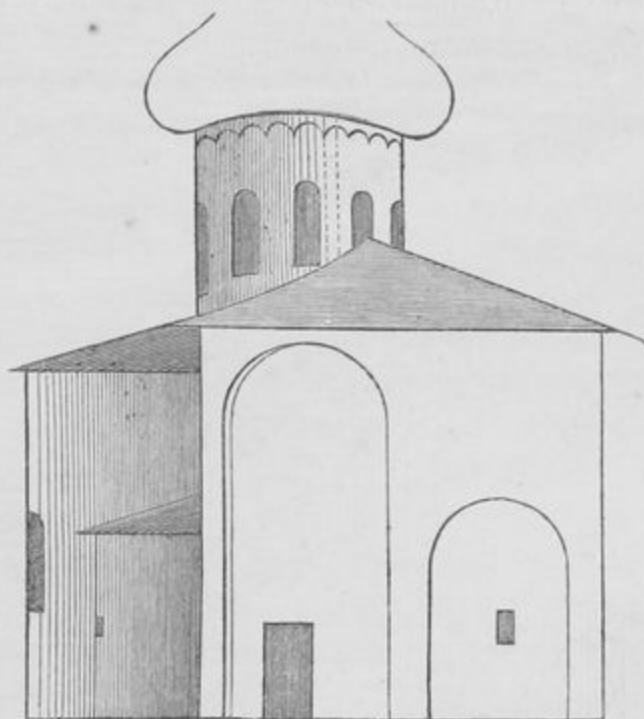

князя написана, можетъ быть, для церкви, построенной въ 1366 году, и въ руку князя данъ рисунокъ новаго построеннаго храма. Это могло означать то, что вновь созданный храмъ принять подъ покровительство псковскаго патрона.

Третья изъ древнихъ псковскихъ церквей находится въ Спасо-Мирожскомъ Мер-жескомъ третьеклассномъ монастырѣ. Строена она, по извѣстіямъ первой Псковской и Новгородской лѣтописей, въ 1156 году, во имя Преображенія Господня. Храмъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени, и я думаю остановить ваше вниманіе на архитектурѣ этого замѣчательнаго памятника XII вѣка.

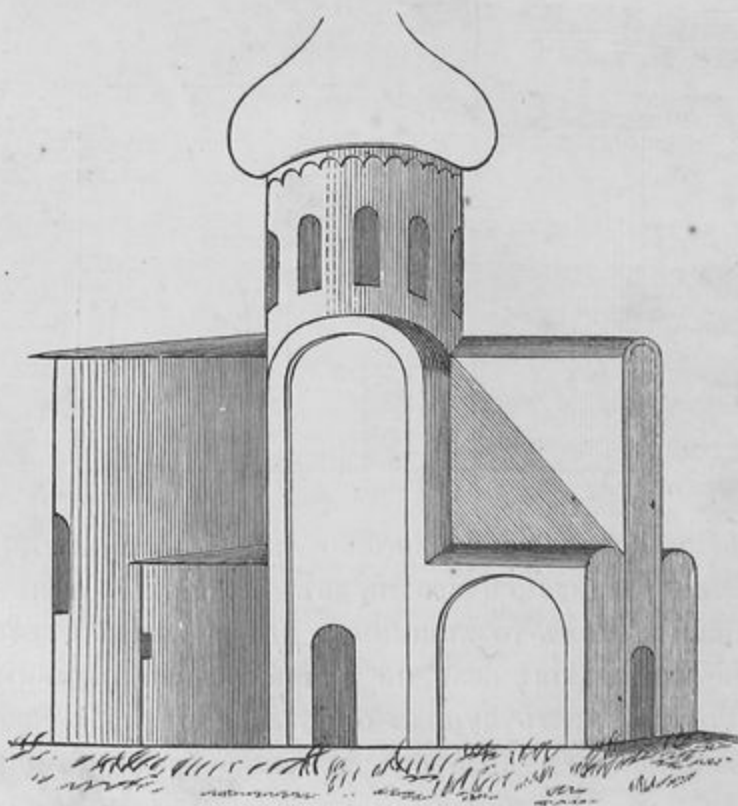
Внѣшній видъ храма въ настоящее время сходенъ съ видомъ другихъ псковскихъ церквей, оставшихся отъ XV вѣка. Это—четырёхъ-сторонняя призма, на восточной сторонѣ съ тремя полукружіями для алтаря, а на верху съ обыкновеннымъ барабаномъ для главы. Внѣшнихъ украшеній очень мало; на сѣверной и южной стѣнахъ по два вогнутыхъ полукружія, изъ которыхъ, на каждой сторонѣ, одно простирается до самой крыши, а другое только до половины храма; на западной сторонѣ находится одно, стоящее по срединѣ и возвышающееся до верха, такое же полукружіе. На главѣ такія же мелкія полукружія, но съ тѣмъ различіемъ, что концы ихъ не опираются на колонки, какъ на стѣнахъ, а всѣ вмѣстѣ представляютъ изъ себя вѣнчикъ на верхней части барабана.

Покорнѣйше прошу обратить теперь ваше вниманіе на самый рисунокъ. Храмъ здѣсь представленъ съ сѣверной стороны. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе—то,

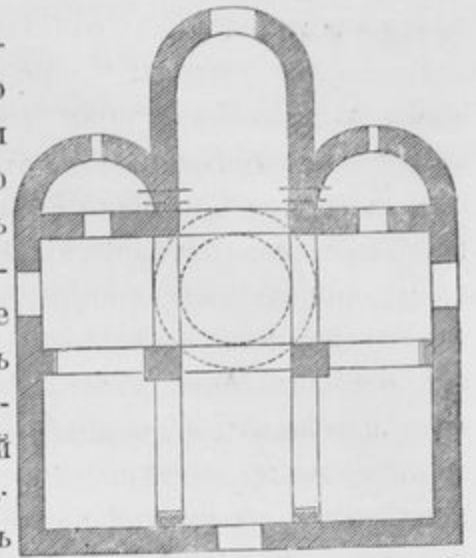
что въ украшеніяхъ на стѣнѣ не соблюдено никакой симметріи: въ нижней части храма средняя колонна раздѣляетъ его на двѣ половины, а въ верхней части правая сторона оказывается чѣмъ-то лишнимъ. Далѣе, глава стоитъ, какъ вы видите, не посрединѣ собственно зданія, если не принимать во вниманіе алтарныя пристройки, а такъ, что восточная часть купола опирается прямо на восточную стѣну, а затѣмъ, противоположная часть купола опирается на средину храма; наконецъ крыша, нынѣ четырехскатная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ закрываетъ почти половину оконъ,

находящихся въ куполѣ. Нетрудно послѣ сего придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) алтарное мѣсто или абсидъ въ Мирожскомъ храмѣ не составляетъ особой пристройки, какъ въ другихъ храмахъ: оно существенно входитъ въ самый храмъ; б) крыша четырехскатная устроена впоследствии, а при первоначальной постройкѣ храма, всѣ части его, простирающіяся на четыре страны свѣта, каждая имѣла отдѣльныя покрывки, и слѣдоват. с) сѣверо-западный верхній уголъ есть придѣлка позднѣйшая. Эти выводы я могу подтвердить слѣдующими данными: что крыша не была четырехскатною, это доказывается изображеніемъ Мирожскаго монастыря на одной древней иконѣ, изображающей осаду города Пскова польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ (Абатуромъ, какъ значится на иконѣ). Тамъ церковь Преображенія написана еще съ существовавшими особыми фронтонами на каждой сторонѣ храма. Что указанный мною сѣверо-западный уголъ—позднѣйшей придѣлки, это доказываетъ самая его кладка, совершенно отличная и по матеріалу, употребленному для сего, и по самому способу ея. Стоитъ только войти въ этотъ уголъ, и вы увидите, что для того, чтобы проникнуть въ него, нужно было разбить сводъ, находящійся на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается снаружи меньшее полукружіе; затѣмъ, чтобы опять войти на хоры, устроенные при западной стѣнѣ, нужно было сломать капитальную стѣну; и наконецъ, чтобы войти въ юго-западный такой же уголъ, гдѣ нынѣ устроена ризница, нужно было тоже пробивать капитальную стѣну. Только съ отнятіемъ этого угла мы увидимъ симметрію въ церкви Преображенія, и церковная глава будетъ стоять посрединѣ храма, а не на одной изъ его сторонъ. Поэтому древній видъ храма, по моему представленію, долженъ быть слѣдующій:

а самый планъ храма можетъ быть начерченъ, по основанію существующаго, въ слѣдующемъ видѣ:

Войдемъ по этому плану въ церковь Преображенія. Переступивъ порогъ церковный, вы видите направо и налѣво двѣ низкія арки, упирающіяся одними своими концами въ западную стѣну, а изъ другихъ нынѣ образовано нѣчто въ родѣ колоннъ, закрытыхъ иконами. Арки эти ведутъ въ особыя отдѣленія, своды которыхъ опущены на половину ниже высоты самаго храма. Переходите въ слѣдующее отдѣленіе, подъ самый куполь: вправо и влѣво у васъ такія же симметричныя отдѣленія, изъ которыхъ вы сейчасъ вышли. Далѣе предъ вами иконостасъ, занимающій нынѣ всю восточную стѣну. Входите въ отдѣленіе, назначенное для жертвенника,—изъ него есть проходъ

вправо, въ алтарь; но по неправильной формѣ двери ведущей сюда, похожей болѣе на пробойну чѣмъ на дверь, вы можете смѣло утверждать, что этого сообщенія при первоначальномъ устройствѣ храма не было, точно также какъ не было сообщенія алтаря съ мѣстомъ, назначеннымъ для діаконика. Гдѣ же было сообщеніе между этими, при нынѣшнемъ устройствѣ церкви, неразрывными частями храма въ древнее время, для объясненія сего я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Вся внутренность храма побѣлена известію. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, при передѣлкѣ въ церкви иконостаса, во время производства работъ, мастерами была повреждена часть побѣлки, и когда для исправленія нужно было очистить смежныя части, то изъ-подъ побѣлки, которой оказалось нѣсколько слоевъ, обнаружилась чудесная древняя живопись. Побѣлкою вновь всей внутренности храма въ то время остановились. Частію отъ рукъ любопытныхъ, частію отъ собственной тяжести побѣлка сваливается во многихъ мѣстахъ, и въ настоящее время несомнѣнно извѣстно, что вся внутренность храма была расписана изображеніями изъ евангельской исторіи и жизни святыхъ. Восточная стѣна, закрытая нынѣ иконостасомъ работы не ранѣе XVIII вѣка, также вся украшена подобными изображеніями, и слѣдовательно она была открыта. Иконостасъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ, вовсе не было. Но какъ несомнѣнно извѣстно, что въ XII вѣкѣ эта часть храма составляла его существенную принадлежность, то я полагаю, что онъ былъ устроенъ только въ аркѣ, ведущей въ среднія изъ трехъ восточныхъ полукружій. Мѣста для жертвенника и діаконика были совершенно открыты. Существующія нынѣ узкія двери, находящіяся за сѣверными и южными дверями въ иконостасѣ,—кладки позднѣйшей, что легко видно по трещинамъ между аркою и пристроенною къ ней вновь стѣною. Такимъ образомъ сообщеніе жертвенника и діаконика съ алтаремъ происходило въ прежнее время чрезъ главную часть храма. Къ жертвеннику, по канонамъ церковнымъ, могъ каждый изъ мірянъ приносить свои дары. Для удобства была нарочно устроена дверь, ведущая къ самому жертвеннику, въ сѣверной стѣнѣ. Къ алтарю же, разумѣя подъ нимъ престолъ, могли приступать только священнослужители, и то во время священнодѣйствія. Необходимости прямого сообщенія между алтаремъ и жертвенникомъ, какъ это дѣлается нынѣ, при соблюденіи указанныхъ выше правилъ, вовсе никакой не предстоило. И нынѣ святыя дары съ жертвенника на престолъ переносятся

во время великаго выхода, чрезъ главную часть храма, въ виду всѣхъ предстоящихъ, а не чрезъ внутреннія сообщенія. Впрочемъ это составляетъ предметъ церковной археологiи; но такой счастливый случай, какъ Сѣздъ археологовъ, невольно вынуждаетъ остановиться нѣсколько на этомъ предметѣ. Мнѣ представляется, что въ древности чинъ совершенія литургiи происходилъ по слѣдующему порядку: до малаго выхода все богослуженіе отправлялось въ главной части храма; священнослужители и предстоящіе всѣ были вмѣстѣ, и только къ тому времени открывались царскія врата, когда предстояло чтеніе св. Евангелія, которое должно быть провозглашаемо съ мѣста, назначеннаго для проповѣдника истины. При архіерейскомъ служеніи этотъ древній обычай сохранился доселѣ съ тою разницею, что нынѣ священники для сопровожденія архіерея выходятъ изъ алтаря, тогда какъ въ прежнее время они, можетъ быть, выходили или отъ жертвенника или изъ діаконикона. При концѣ же литургiи, по произнесеніи словъ: «всегда нынѣ и присно», дары переносились на жертвенникъ, а Евангеліе послѣ эктениі, начинающейся словами: «прости пріимше», относилось въ діакониконъ, и алтарь снова закрывался. Заамвонная молитва подкрѣпляетъ это мнѣніе. Справедливость же этой мысли, если она можетъ быть доказана болѣе убѣдительными доводами, между прочимъ освобождаетъ меня отъ разясненія того противорѣчія, что, при существованіи иконостаса только между стѣнами средняго полукружія, въ столь маломъ промежуткѣ не было возможности устроить большихъ дверей Царскихъ и малыхъ, называемыхъ нынѣ сѣверными и южными. Мнѣ кажется, что прежде иконостасъ существовалъ только съ одними дверями Царскими; въ другихъ не было необходимости. Но я опять повторяю, что это предметъ церковной археологiи, и весьма интересно было бы слышать мнѣніе объ этомъ предметѣ хорошо знакомыхъ съ порядкомъ древне-церковнаго богослуженія.

Описавъ, на сколько я могъ, устройство Мирожской церкви, перехожу къ сравненію устройства этого храма съ устройствомъ описаннаго графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ Дмитріевскаго собора, и долженъ сказать, что почти во всѣхъ частяхъ Мирожская церковь отличается отъ Дмитріевскаго собора. Планы того и другаго храма различны: въ Дмитріевскомъ южная и сѣверная стѣны длиннѣе западной; въ Мирожскомъ наоборотъ: если не принимать во вниманіе абсида, основаніе храма, хотя и четырехугольникъ, но съ половины оно превращается въ крестъ. Крыша на Дмитріевскомъ соборѣ четырехъ-скатная, въ Мирожскомъ всѣ отдѣльныя четыре части имѣли столько же особыхъ покрышекъ. Куполь церковный въ Дмитріевской церкви о четырехъ узкихъ окнахъ, въ Мирожской же ихъ восемь, свѣтлыхъ и пространныхъ. Дмитріевскій соборъ испещренъ украшеніями, Мирожскій почти вовсе лишенъ ихъ: его замѣчательныя украшенія скрыты внутри. Онъ какъ будто строился не на показъ; его назначеніе было—напоминаніемъ событій изъ жизни святыхъ привести всѣхъ къ единодушію для достиженія болѣе высокихъ цѣлей, чѣмъ внѣшнія украшенія.

Теперь вопросъ: къ какому же стилю должно отнести Мирожскій храмъ? На это, какъ мнѣ кажется, можно отвѣчать только такимъ образомъ: не должно его относить ни къ какому стилю; нѣтъ въ немъ преобладанія ни византійскаго, ни романскаго. Строитель воспользовался тѣмъ и другимъ: взявъ форму креста за первоначальный планъ, онъ приспособилъ его къ обрядамъ греческаго богослуженія.

Обращаясь къ исторіи. Первый храмъ во Псковѣ построила благовѣрная княгиня Ольга, прибывшая изъ Кіева, хотя и Псковитянка по происхожденію. Создателемъ

второго храма былъ благовѣрный князь Всеволодъ, исторія котораго хорошо извѣстна всѣмъ: онъ сперва княжилъ въ Новгородѣ, былъ оттуда изгнанъ, удалился въ Кіевъ, былъ въ Переяславѣ и оттуда вызванъ Псковичами къ себѣ на княженіе. Третій храмъ — Мирожскій — построенъ новгородскимъ святителемъ Нифонтомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что строители первыхъ храмовъ псковскихъ принесли съ собою и первые образцы для постройки христіанскихъ церквей, т. е. что архитектурныя понятія во Псковъ перешли или изъ Кіева или изъ Новгорода, но никакъ не чрезъ Германію. Самое положеніе Пскова до XII вѣка было таково, что вовсе не позволяло имѣть прямыхъ сношеній съ Германцами или вообще съ иностранцами. Псковъ, какъ извѣстно, до того времени, когда Великій Новгородъ долженъ былъ признать въ немъ меньшаго своего брата, считался однимъ изъ его пригородовъ; положеніе же пригородовъ новгородскихъ было вовсе незавидное. Это были не болѣе какъ рабочіе на своего господина, которые притомъ въ минуту несчастія остаются безъ всякой защиты. Новгородъ требовалъ, чтобы пригородцы по мимо воли его не только ничего не дѣлали, но сами неѣздили даже закупать товары, а приказывалъ привозить ихъ, и затѣмъ сбытъ набранныхъ товаровъ самъ отправлялъ въ иностранныя земли, отнюдь не дозволяя пригороднымъ купцамъ заниматься этого рода торговлей. Псковъ именно дѣлилъ общую участь съ другими подвластными его господину пригородами. Самое удобное сношеніе Пскова съ иностранцами могло быть чрезъ Нарву, но и здѣсь Новгородцами былъ захваченъ путь ко Пскову. Отъ Нарвы они устроили путь до р. Луги волокомъ, основали здѣсь селеніе — нынѣшній уѣздный городъ петербургской губерніи — г. Лугу, и этотъ путь существовалъ до конца независимаго существованія Новгорода. Что Псковичи на западъ далеко не ходили, это можно видѣть изъ тѣхъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ говорится о походахъ Псковичей противъ Чуди. Всякій разъ, какъ Псковичамъ удавалось въ набѣгахъ своихъ, напримѣръ во время войнъ при князѣ Домонтѣ въ XIII вѣкѣ, доходить до Ревеля, лѣтописецъ жалобно восклицаетъ: туда заходили, гдѣ потцы и дѣды не бывали, а Ревель отъ Пскова только въ 300 верстахъ. Псковъ первое знакомство съ иностранцами, по мимо Новгорода, получалъ чрезъ Ливонскихъ рыцарей, слѣдовательно только съ XII вѣка. Но эти рыцари были такіе заклятые враги для Пскова, что Псковичи едва ли рѣшились бы на какое нибудь у нихъ имствованіе. Почти шесть вѣковъ они воевали съ Нѣмцами, хотя торговый характеръ жизни Пскова требовалъ болѣе міра чѣмъ войны; но до сего времени не найдено во Псковѣ хотя бы какихъ нибудь слѣдовъ Ливонскаго вліянія. Отсутствіе во Псковѣ кирпичныхъ построекъ можетъ быть объясняемо не только тѣмъ, что близъ него много плиты, а можетъ быть и тѣмъ, что Нѣмцы изъ него дѣлали свои великолѣпныя церкви.

Заклучу свою рѣчь слѣдующею общемою мыслью. — Каждый народъ перенимаетъ отъ другаго во первыхъ то, что сочтетъ для себя полезнымъ, а во вторыхъ то, что для него кажется лучше, а не то, что ближе. Мнѣ кажется, что фактовъ для подтвержденія этой мысли въ исторіи Русскаго народа очень много: преобразованія Петра Великаго, которому понравилась Голландія, и настоящее царствованіе, когда образцы для реформъ собирались со всего свѣта. Почему относительно Новгорода мнѣ вольно приходитъ на память сказаніе о преподобномъ Антоніѣ Римлянинѣ, приплывшемъ въ Новгородъ изъ Рима *на камнѣ*. Не прельстились ли Новгородцы постройками италянскихъ церквей и изъ Рима, а не изъ Германіи, привезли первые образцы архитектуры?...

ПО ВОПРОСУ ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ XII ВѢКА

ВЪ СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Мнѣніе Н. А. Артлебена.

Извѣстно изъ лѣтописей, что для постройки Владимірскаго Успенскаго собора «по вѣрѣ и по тцанію» вел. кн. Андрея Боголюбскаго «къ Святѣй Богородицѣ», приведенъ Богу изъ всѣхъ земель мастера», которымъ, повидимому, можно приписать и зданія, построенныя въ Боголюбовѣ, такъ какъ эти зданія и соборъ Боголюбскаго по характеру своему, однородны. На то, что пришлые мастера находились при В. князѣ до самой его кончины, есть указаніе лѣтописи, въ которой говорится, что по убіеніи Боголюбскаго «Боголюбовцы и дворяне разграбили домъ княжъ и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу». (С. Л. т. 1, стр. 157).

Доказательствомъ того, что иноземные мастера для производства построекъ приглашались и при В. кн. Всеволодѣ, можетъ служить упоминаніе лѣтописца, какъ бы объ исключительномъ случаѣ, что епископъ Іоаннъ, для возобновленія въ 1194 г. опадавшего «старостию и безпорядкомъ» и Суздальскаго собора, не искалъ мастеровъ *отъ Нѣмцевъ* (Лавр. лѣт.).

Подъ именемъ Нѣмцевъ нужно разумѣть вообще иностранцевъ, такъ какъ и теперь въ народѣ иногда придается это названіе всѣмъ западнымъ безъ различія. На Западѣ въ то время господствовалъ такъ называемый романскій стиль архитектуры, и существовали странствующія артели вольныхъ каменщиковъ, къ числу которыхъ могли принадлежать и строители церквей Суздальской области. Въ XII вѣкѣ романскій стиль, подъ вліяніемъ византійскихъ выходцевъ, достигъ своего развитія и большей, противъ прежняго, легкости и правильности; поэтому участіе романскихъ зодчихъ того времени въ нашихъ постройкахъ придавало имъ интересное художественное значеніе.

Изъ сравненія церквей Суздальской области съ современными имъ романскими мы увидимъ однако, что вліяніе романскихъ мастеровъ проявляется только въ однихъ деталяхъ и украшеніяхъ, но планъ и общія формы нашихъ церквей совершенно отличны отъ западныхъ того времени.

Романскія церкви имѣли въ планѣ форму латинскаго неравноконечнаго креста, образуемаго двумя пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ галереями; средину креста составлялъ, образуемый пересѣченіемъ галлерей, квадратъ, надъ которымъ была болѣе или менѣе высокая осмигранная башня, покрытая сомкнутымъ сводомъ. Продольная галлерея (нефъ) отъ западнаго входа до квадрата имѣла значительную длину; продолженіе ея за квадратомъ или восточная часть креста оканчивалась полукруглой или полигонной абсидой, иногда тройной; часть эта составляла не болѣе $\frac{1}{2}$ западной галлерей,

Концы поперечной галлерей немного выступали по обѣ стороны средняго квадрата, оканчиваясь иногда и полукружіями. Продольныя и поперечныя галлерей покрывались двускатными крышами, упиравшимися въ стѣны *четверика* надъ среднимъ квадратомъ креста; надъ четверикомъ возвышался вышеупомянутый *осмерикъ* или башня, съ пирамидальной на немъ крышей. Оконечности креста имѣли фасады, увѣнчанные фронтонами, соотвѣтствующими двускатнымъ крышамъ, которыми были покрыты продольная и поперечная галлерей. Въ большихъ церквахъ по обѣ стороны продольной галлерей или нефа, во всю ея длину отъ западнаго фасада до поперечны креста, находились боковыя, меньшей ширины, не высокія, покрытыя на одинъ скатъ, галлерей; онѣ сообщались съ средней арками, отъ чего западная часть церкви представлялась раздѣленною на три части двумя рядами столбовъ. Средняя часть была выше боковыхъ; въ верхней части ея стѣнъ, надъ нижними арками, были окна, видѣвшіяся на боковыхъ фасадахъ нефа сверхъ односкатныхъ крышъ боковыхъ галлерей. При началѣ боковыхъ отдѣловъ, съ западной стороны, иногда ставились башни; другія двѣ башни возводились по обѣ стороны восточной оконечности креста въ углахъ, образуемыхъ ею съ поперечною галлереей: такъ соборъ въ Шпейрѣ, XI вѣка, имѣетъ 4 башни; въ другихъ же, вмѣсто восточныхъ башенъ, были небольшія абсиды, равныя шириною боковымъ галлерей нефа (Табл. VIII, N 14, 15 и 18).

Западные фасады романскихъ церквей были украшаемы роскошнѣе боковыхъ фасадовъ поперечной галлерей; они дѣлились пилястрами или колоннами на три части, соотвѣтствующія тройному внутреннему дѣленію западной части церкви; три входныя двери, украшенныя нѣсколькими полуциркульными архивольтами, опирающимися на колонкахъ, находились въ трехъ раздѣлахъ фасада и вели въ три внутреннія галлерей—среднюю и двѣ боковыя. Надъ дверьми находится рядъ арочекъ на колонкахъ: промежутки между колонокъ заняты изваянными изображеніями святыхъ, какъ въ церквахъ—въ Рюффеѣ, въ департаментѣ Шаранты во Франціи, XII в. и въ Notre Dame la Grande въ Пуатье; въ этихъ церквахъ вмѣсто боковыхъ входныхъ дверей—глухія арки. Въ италіанскихъ церквахъ пояса изъ арочекъ на колоннахъ не составляютъ только надстѣнное украшеніе, но находятся дѣйствительно открытыя арочки, чрезъ которыя освѣщаются переходы или хоры, существующіе у западной стѣны церкви (Табл. VIII, №№ 10, 12, 13 и 16). Романскія церкви и внутри и по наружности представляютъ видоизмѣненіе древнихъ западныхъ базиликъ, наибольшее сходство съ которыми имѣютъ италіанскія церкви романскаго періода.

Общій планъ церквей Суздальской области есть четырехугольникъ, почти квадратъ, къ восточной сторонѣ котораго примыкають три полукружія алтаря. Четыре внутренніе столба, соединенные арками между собою и съ пилястрами, приставленными къ стѣнамъ, образуютъ равноконечный крестъ, вписанный внутри четырехугольника: надъ серединой креста, на аркахъ и люнетахъ, возвышается круглый трибунъ, покрытый полусферическимъ сводомъ; четыре оконечности креста покрыты коробовыми полуциркульными сводами, опирающимися на арки, перекинутыя отъ столбовъ на пилястры у стѣнъ. Четыре угловыя части церкви, не входяція въ составъ внутренняго креста, покрыты въ малыхъ церквахъ коробовыми сводами, а въ большихъ, какъ напримѣръ въ Суздальскомъ соборѣ, надъ этими угловыми частями находятся малые четыре верха (трибуны) на люнетахъ (Табл. XIX—XXIII). Стѣны внутри церкви пилястрами, находящимися противъ среднихъ столбовъ, дѣлятся на три части; дѣ-

леніе это обозначается и на фасадахъ, на которыхъ двѣ среднія наружныя пилястры соотвѣтствуютъ внутреннимъ, а двѣ крайнія находятся по угламъ фасада. Всѣ четыре наружныя пилястры соединены арками, представляющими очеркъ поперечнаго разрѣза внутреннихъ, примыкающихъ къ стѣнамъ, полуциркульныхъ сводовъ; этими арками оканчиваются стѣны всѣхъ сторонъ четырехугольника; прямыхъ карнизовъ въ древности не было и крыши церквей покрывались прямо по сводамъ. Три части алтаря покрывались полусферическими сводами и крышами, подходящими къ очерку арокъ, составляющихъ верхъ восточной стѣны (Табл. XVIII и XXI). Стѣны: сѣверная, западная и южная, — не одинаковой толщины во всю ихъ вышину; нижняя половина ихъ, до высоты хоръ, толще и имѣетъ обрѣзъ снаружи; обрѣзъ этотъ, прикрытый отливомъ, опоясываетъ церковь по срединѣ фасадовъ. Въ Переславльскомъ соборѣ край обрѣза не имѣетъ украшеній (Табл. XVII); въ церкви, въ селѣ Кидекшѣ, подъ отливомъ обрѣза находится поясъ, состоящій изъ зубчиковъ и подъ ними арочекъ на подвѣскахъ (Табл. XIV); въ церкви Рождествена монастыря подъ зубчиками, вмѣсто маленькихъ арочекъ, сдѣланы городочки; въ прочихъ церквахъ ниже зубчиковъ рядъ колонокъ, соединенныхъ арочками; колонки поддерживаются или подвѣсками, или подставками въ видѣ звѣриныхъ или человѣческихъ головъ и другихъ фигуръ (Табл. XIVIII и XXI). Въ Суздальскомъ соборѣ и по южной сторонѣ Владимірскаго колонки пояса стоятъ на обрѣзѣ стѣны (Табл. XXIII). Алтарныя стѣны во всю вышину ихъ — одной толщины, и потому обрѣзовъ и поясовъ на нихъ нѣтъ. Въ среднемъ широкомъ отдѣлѣ сѣвернаго, западнаго и южнаго фасадовъ, подъ поясомъ, находится полуциркулярная дверь, обведенная нѣсколькими архивольтами, опирающимися на колоннахъ. Въ трехъ верхнихъ раздѣлахъ фасада надъ поясомъ — по одному окну; въ боковыхъ раздѣлахъ внизу окна находятся только въ западныхъ фасадахъ, и то не во всѣхъ церквахъ. Въ алтарныхъ выступахъ: въ среднемъ большомъ три окна, въ боковыхъ по одному окну (Табл. XXIII); въ трибунахъ находится по восьми оконъ: простѣнки между окнами въ сохранившихся древнихъ трибунахъ Дмитріевскаго и Успенскаго владимірскихъ соборовъ украшены колонками; въ Переяславскомъ ихъ нѣтъ. Древняя племообразная глава сохранилась только на Дмитріевскомъ соборѣ.

По описанному плану выстроены всѣ церкви XII и XIII вѣка, кромѣ соборовъ Суздальскаго и первоначальнаго Владимірскаго, построеннаго Андреемъ Боголюбскимъ, которые отличаются тѣмъ, что они, при бѣльшихъ противъ прочихъ церквей размѣрахъ своего основнаго, почти квадратнаго, плана, имѣютъ въ западной части удлинненіе, нѣчто вродѣ притвора, отъ чего планъ ихъ имѣетъ форму прямоугольника; на боковыхъ фасадахъ является четвертый отдѣлъ; стѣны оканчиваются уже не тремя, а четырьмя полукружіями, опирающимися на пять пилястръ, и внутри находится не четыре, а уже шесть столбовъ, изъ которыхъ два прибавочные, задніе столба, находятся тамъ, гдѣ въ прочихъ, меньшаго размѣра, церквахъ — западная стѣна (Табл. XXIII).

Въ Суздальскомъ соборѣ находится пять верховъ, изъ нихъ четыре малые стоятъ въ углахъ передняго квадрата; пять главъ могло быть и на совершенно равномъ Суздальскому первоначальному Владимірскому соборѣ, построенномъ Боголюбскимъ, который, какъ сказано въ Ипатьевской лѣтописи, «сверши церковь пять верховъ и всѣ верхи золотомъ украси».

Означенные два собора, кромѣ удлинненія въ западной части и числа главъ, во всемъ остальномъ совершенно одинаковы съ прочими церквами.

Типичный планъ и общія формы церкви Суздальской области заимствованы съ греческаго образца, по которому строились византійскія церкви въ то время, когда въ Россіи введена христіанская вѣра.

Отъ временъ императора Константина Великаго до Св. Владиміра Кіевскаго, въ теченіе шести слишкомъ столѣтій, планъ византійскихъ церквей постепенно видоизмѣнялся, пока принялъ ту форму, по образцу которой построены наши первыя церкви въ Кіевѣ.

Церкви, построенныя на востокъ при Константинѣ, были круглыя, какъ напримѣръ церковь св. Георгія въ Солунѣ (Табл. VIII, № 1) и осмигранныя, окруженныя галлереями; такова была, по описаніямъ историковъ, главная церковь въ Антиохіи. Церковь св. Виталія въ Равеннѣ, осмигранная внутри и снаружы, построенная въ VI вѣкѣ, можетъ служить примѣромъ такого рода построекъ (Табл. VIII, № 2). Дальнѣйшее измѣненіе состояло въ томъ, что первоначальный осмигранникъ уже заключенъ былъ въ квадратъ; внѣшняя форма церкви сдѣлалась кубическая; такова церковь Свв. Сергія и Вакха въ Константинополѣ (Табл. VIII, № 3). Куполы этихъ церквей начинались со стѣнъ или граней осмигранника; въ нижней части купола находились окна. Въ церкви Св. Софіи въ Константинополѣ восточная и западная половины осмигранника раздвинуты и между ними вставленъ квадратъ, покрытый полусферическимъ сводомъ на люнетахъ, выведенныхъ между большими арками; въ нижней части свода находится большое число оконъ. Съ юга и сѣвера къ среднему квадрату примыкають прямоугольныя залы; все это крестообразное расположеніе заключено во внѣшній прямоугольникъ или почти квадратъ (Табл. VIII, № 4). Здѣсь кстати замѣтить, что наши описатели софійскихъ соборовъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, по принятому обычаю, упоминають, что соборы эти построены по образцу Св. Софіи константинопольской, тогда какъ между ними есть существенная разница.

Переходъ отъ предыдущихъ формъ къ послѣдующимъ есть церковь Св. Ирины VII в. (Табл. VIII, № 5).

Въ церкви Св. Марка, въ Венеціи, планъ имѣетъ форму равноконечнаго креста, не заключеннаго въ квадратъ; надъ серединой и оконечностями креста находятся пять куполовъ (Табл. VIII, № 11). Въ то же время другія византійскія церкви представляютъ въ планѣ равноконечный крестъ, вписанный въ квадратъ; въ нихъ куполы расположены въ углахъ квадрата, а не по концамъ креста, и притомъ возвышаются на трибунахъ съ окнами, а не лежатъ уже, какъ прежде, непосредственно на аркахъ и люнетахъ. Къ восточной сторонѣ квадрата примыкають три полукружія алтаря; а къ западной *нартексъ* или притворъ; такова церковь *Теотокосъ* въ Константинополѣ, относящаяся къ X вѣку; въ ней четыре внутренніе столба поддерживаютъ средній куполь (Табл. VIII, № 6 и 7). Въ такого рода церквахъ фасады раздѣляются наружными пилястрами, соответствующими внутреннимъ; стѣны оканчиваются полукружіями, крыши покрыты по сводамъ, какъ напримѣръ въ церкви Моне-тесъ-Коросъ въ Константинополѣ (Табл. VIII, № 9). Солунская церковь Богородицы, X вѣка, представляетъ фасадъ, раздѣленный пилястрами на три, оканчивающіяся арками, части, имѣетъ по срединѣ поясъ, надъ которымъ въ каждомъ раздѣлѣ по окну; внизу въ срединѣ дверь; надъ церковью пять куполовъ на трибунахъ (Табл. VIII, 8; Табл. IX. 3). Въ церкви Св. Апостоловъ XI в. въ Солунѣ же, трибунъ, довольно высокій, украшенъ въ простѣнкахъ колонками (Табл. IX, № 2). Изъ описанія византійскаго плана и внѣшнихъ формъ церквей X вѣка и сравненія ихъ съ нашими церквами XII вѣка видно, что послѣднія построены по

образцу первыхъ, перенесенному въ Россію вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Греціи. Въ лѣтописи сказано, что для постройки Десятинной церкви вел. кн. Владиміръ въ 991 году «призва мастеровъ отъ Грекъ, и придоша изъ Грекъ въ Кіевъ къ Володимери каменосѣчцы и создатели палатъ каменныхъ» (С. Л. I, 52; IX, 64). Греки же строили и другія кіевскія церкви, напримѣръ Печерскую.

Дѣйствительно, кіевскія, новгородскія и суздальскія церкви имѣютъ одинъ и тотъ же планъ; если сравнить, напримѣръ, среднюю главную часть кіевского Софійскаго собора безъ боковыхъ, болѣе или менѣе древнихъ, пристроекъ съ соборами—первоначальнымъ Владимірскимъ или Суздальскимъ, то между ними нельзя не видѣть самаго близкаго сходства. Церкви о шести столбахъ то же что *Теотокосъ*; отдѣливъ отъ послѣдняго его нартексъ, мы будемъ имѣть наши укороченныя церкви о четырехъ столбахъ.

По внѣшнему виду Солунская церковь Богородицы есть самый близкій образецъ церковей Суздальской области, перенесенный на сѣверъ чрезъ посредство Кіева; къ сожалѣнію, кіевскія церкви совершенно искажены во внѣшнемъ ихъ видѣ позднѣйшими передѣлками.

Лѣтописное извѣстіе о церквахъ, построенныхъ Даниломъ Галицкимъ, напоминаетъ также общепринятый планъ: «созда церковь Св. Ивана красну и лѣпу; здавѣ же ея сице бысть: коморы (арки) 4, съ каждаго угла переводъ и стоянѣ ихъ на 4 головахъ человѣческихъ, изваяно отъ нѣкоего хитреца» (Ипатіевская, 1259 г.). «Созда церковь святыма Безмездникома въ честь, иматъ 4 стояны отъ цѣла камени истесаннаго, держаща верхъ»..... Владиміръ Галицкій «списа всѣ три алтаря и шіа» (трибунъ).

Великіе князья суздальскіе, вышедшіе изъ Кіева, не хотѣли, какъ видно, мѣнять усвоеннаго тамъ устройства церкви, принесеннаго вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Греціи и потому считавшагося священнымъ обычаемъ. Старѣйшая церковь въ Суздальской области—Суздальскій соборъ, освященный въ 1148 году, построенъ по примѣру *Кіевопечерской церкви* Владиміромъ Мономахомъ. Соборъ этотъ былъ перестроенъ въ 1221 году Юріемъ Всеволодовичемъ «на прежнее мѣсто» (С. Л. VII, 129), и думать можно—по старому основанію, такъ какъ первоначальный владимірскій Успенскій соборъ, построенный вел. кн. Андреемъ, совершенно равенъ съ Суздальскимъ и одинаковаго съ нимъ плана. Владимірскій соборъ 1158 года могъ быть устроенъ по ближайшему образцу древняго Суздальскаго 1148 года, заимствованному отъ Кіевопечерской церкви. Это не единственное повтореніе одного и того же плана или, лучше сказать, одного и того же чертежа для построекъ: такъ Дмитріевскому собору совершенно равны церкви въ монастыряхъ Рождественѣ и Дѣвичьемъ во Владимірѣ; церковь въ Кидекшѣ—одного размѣра съ Переславскимъ соборомъ. Нельзя допустить, чтобы западные мастера не умѣли составить новаго плана или воспроизвести принятый на Западѣ; слѣдовательно великіе князья, приглашая ихъ какъ искусныхъ исполнителей, строго держались принятаго плана, не допуская измѣненія не только въ его формѣ, но даже и въ размѣрахъ; то же самое нужно сказать и о фасадахъ, въ которыхъ иноземнымъ мастерамъ предоставлялись, какъ видно, одни украшенія.

Въ посланіи епископа Симона къ иноку Поликарпу упоминается, что на хорахъ Печерской церкви хранились «на память» свитки и книги греческія принесшихъ изъ Византіи строителей этой церкви; можетъ быть *память* эта и выражалась повтореніемъ греческихъ плановъ въ одномъ и томъ же масштабѣ.

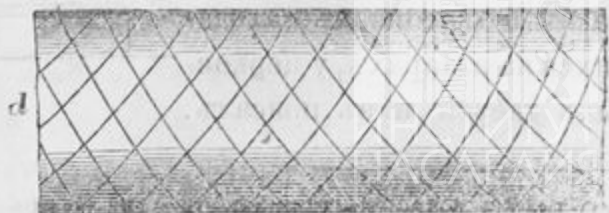
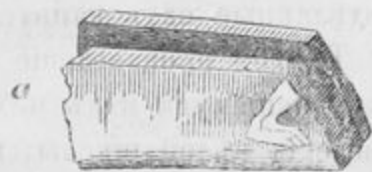
Совершенная неудобопримѣнимость въ сѣверномъ климатѣ византійскаго устройства церковныхъ крышъ, покрываемыхъ прямо по сводамъ и надсѣннымъ аркамъ, не от-

влекла строителей или, лучше сказать, распорядителей построекъ XII вѣка отъ укоренившагося пристрастія къ византійскимъ формамъ. Въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ замѣчается болѣе рациональное употребленіе фронтоновъ вмѣсто полукружій.

Въ послѣдствіи византійскія крыши, представляющія сочетанія круглыхъ частей съ глубокими между ними промежутками, гдѣ скоплавшаяся сырость могла портить своды, были признаны неудобными и на всѣхъ древнихъ зданіяхъ передѣланы въ шатровыя, для чего промежутки между полукружіями закрывались и выравнивались подъ прямые карнизы, служащіе основаніемъ четырехскатныхъ крышъ, высоко поднятыхъ и закрывающихъ нижнія части древнихъ трибуновъ, въ которыхъ по этой причинѣ закладывались окна по мѣрѣ возвышенія крыши, что можно видѣть на фасадахъ и разрѣзахъ Владимірскаго собора (Табл. XVIII и XIX). Верхи церквей теряли свою прежнюю соразмѣрность, почему для возстановленія ея на трибунахъ иногда дѣлались накладки. Затѣмъ стали строить церкви уже съ прямыми карнизами, но при этомъ не забывались и византійскія полукружія, помѣщавшіяся подъ карнизомъ; въ XVI и XVII вѣкахъ они стали дѣлаться меньше и въ бѣльшемъ противъ прежняго числѣ, составляя необходимое украшеніе карниза церкви, напоминавшее древнія формы. Въ XII вѣкѣ круглыя крыши покрывались свинцомъ, оловомъ, а можетъ быть и мѣдью, какъ верхи или главы. О покрытіяхъ упоминается въ лѣтописяхъ: подъ 1156 г. Новгород. 4 лѣт: «епископъ Нифонтъ Св. Софію...свинцомъ поби»; въ 1194 г. Суздальская соборная церковь епископомъ Іоанномъ «покрыта бысть оловомъ отъ верху до коморъ и до притворовъ... налѣзе мастера иныхъ олову ляти, иныхъ крыти» (Лавр. лѣт). Если подъ словами: «верхъ позлати» подразумѣваются не однѣ главы, но и церковная крыша, то въ такомъ случаѣ и крыша должна быть изъ мѣди.

Въ 1251 г. Татары взяли гор. Судоміръ въ Полоцкой области. «Церкви же баше въ томъ городѣ камени и предивни, сіяюще красотою, башеть бо создано бѣлымъ камнемъ тесаннымъ... верхъ же на ней *древомъ покрытъ* зажжеся». Въ пожаръ 1183 г. на Влад. соборной церкви «вся пять верховъ златы сгорѣ, юже бѣ украсилъ благовѣрный князь Андрей, и тако загорѣся сверху»; стало быть, онѣ были крыты мѣдью по дереву. Въ 1483 г., когда уже крыли желѣзомъ, отъ молніи загорѣлся *тесъ* подъ желѣзомъ большой маковицы московскаго Успенскаго собора.

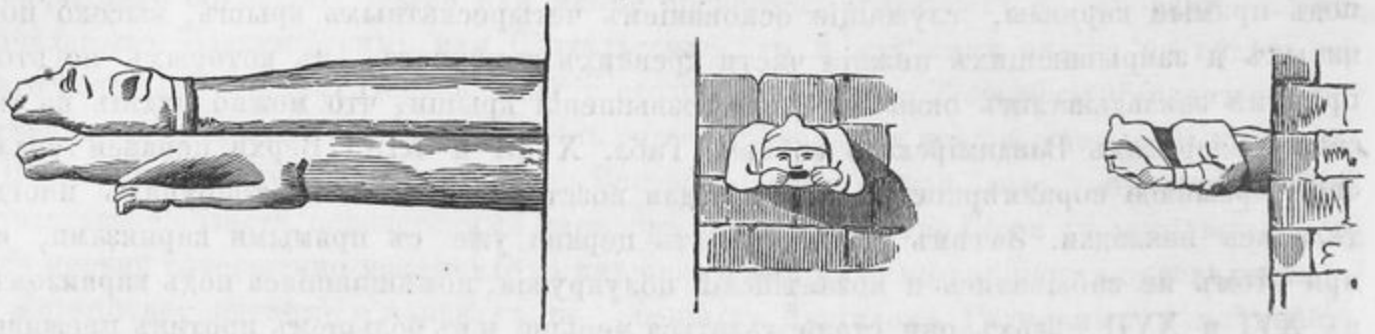
Во Владиміръ найдены были, при вырытіи рововъ для постройки, въ Рождественѣ монастырѣ каменные, украшенные изваяніями, желобья, представленные на прилагаемыхъ рисункахъ, и другіе гладкіе—на сводахъ подъ крышею церкви Дѣвичьяго

Желобья церквей дѣвичьяго и Рождественскаго монастырей во Владиміръ.

монастыря. На этой церкви, между надствѣнныхъ полукружій, надъ пилястрами, примѣтны заѣдѣнные въ стѣну корневые части этихъ обломанныхъ въ послѣдствіи желобьевъ. Въ романскихъ и потомъ готическихъ церквахъ были въ употребленіи подобные желобья, изваянные въ видѣ разныхъ чудовищъ, человѣческихъ фигуръ, птицъ, звѣрей и пр.; они состояли изъ двухъ желобчатыхъ камней, наложенныхъ одинъ на другой, наружность которыхъ представляла какую нибудь фигуру. На рисункѣ представленъ желобъ церкви въ Ланѣ, во Франціи, XIII вѣка (1).

Желобъ Ланскаго собора.

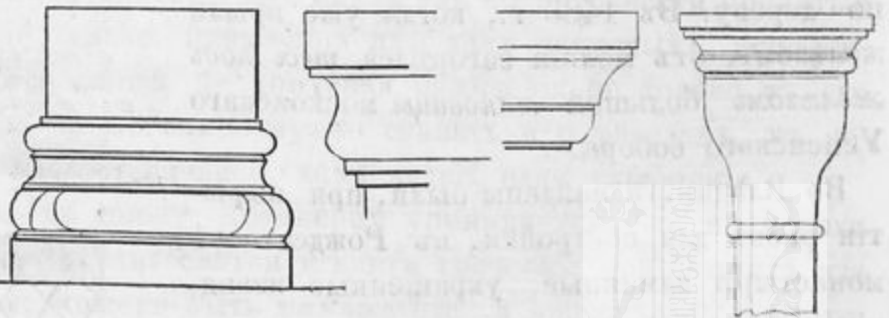
По фигурѣ этого желоба видно, что въ нашихъ недостаетъ верхней части съ той фигурой, которой принадлежали вырѣзанные на нижнемъ камнѣ руки и ноги.

Въ Ипатьевской лѣтописи, въ описаніи Владимірскаго собора, сказано: «и по коморомъ (полукругомъ на стѣнахъ) поткы», а по другимъ спискамъ: «птахи золоты и кубки и вѣтрила золотомъ устроени постави по всей церкви и по коморомъ около». Не были ли эти *птахи*, — по обычаю раскрашенные и позолоченные, — каменные желобья, вдѣланные надъ капителями колоннъ для стока воды изъ яндовъ крыши?

Всякое произведеніе искусства представляетъ въ себѣ особенности, свойственныя трудившемуся надъ нимъ мастеру; тѣмъ болѣе должны быть характеристичны произведенія цѣлой школы, руководствующейся извѣстными и опредѣленными правилами. Поэтому участіе романскихъ зодчихъ въ постройкѣ нашихъ церквей не могло не оставить слѣдовъ своего вліянія, въ предоставленныхъ ему предѣлахъ, подъ условіемъ неприкосновенности византійскихъ формъ.

Признаками романскаго вліянія представляются:

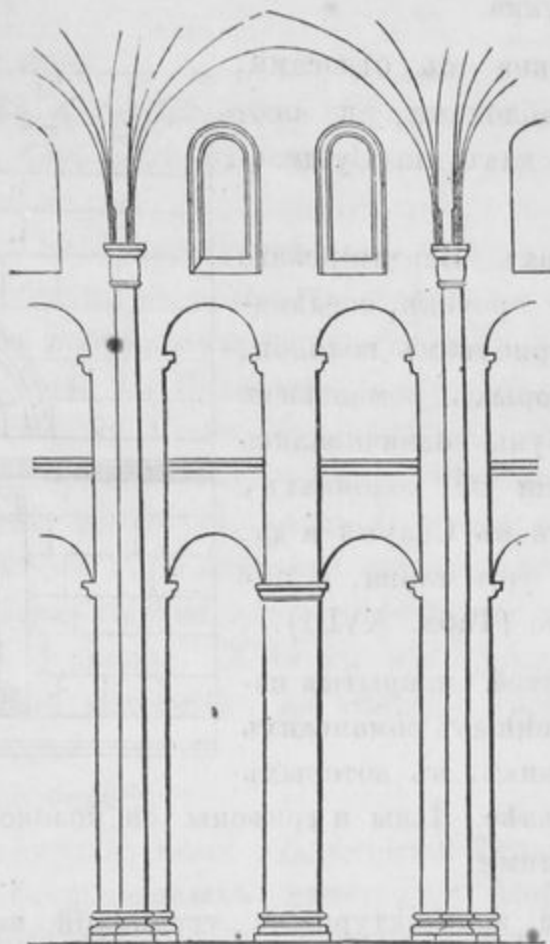
а) Длинные полуколонны, приставленные къ пилястрамъ фасадовъ, съ употреблявшимися въ романскихъ зданіяхъ аттическими базами, съ листками или лапками по угламъ. Капители этихъ полуколоннъ составлены изъ акантовыхъ греческихъ листьевъ, одинаково употреблявшихся въ византійскихъ и романскихъ зданіяхъ; такъ напр. въ базиликѣ св. Амвросія въ Миланѣ плиты на капителяхъ чисто романскія. То же самое нужно сказать и о колонкахъ, находящихся на алтаряхъ, у церковныхъ дверей и въ поясахъ.

(1) Diction. reson. de Viollet le Duc. V, p. 21.

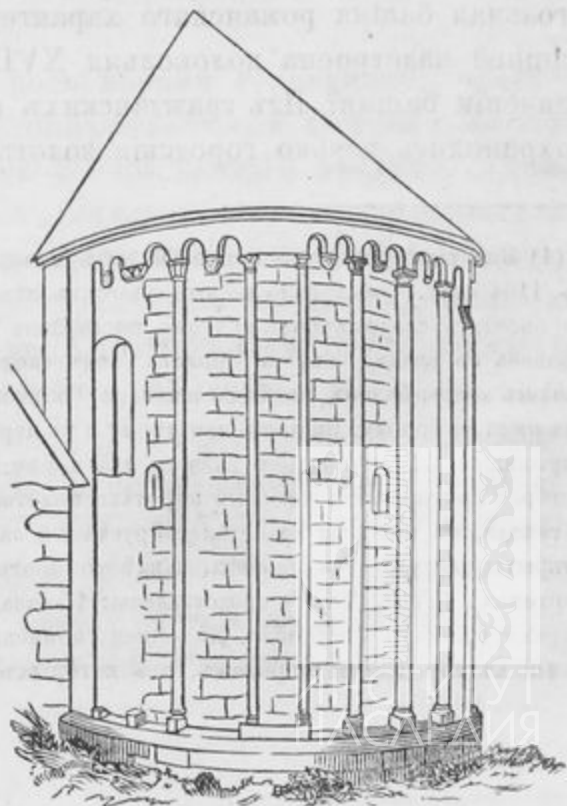
На рисункахъ представлены капители Владимірскаго успенскаго собора (Табл. XX, №№ 1 и 2).

б) Полуциркульные церковныя входныя двери, украшенныя многими изсѣченными по камню архивольтами, опирающимися на поставленныя уступами колонки; такія двери составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго романскаго зданія (Табл. XXI, № 18).

в) Пояса или фризы, состоящіе изъ арокчекъ съ колонками, хотя, какъ и многое въ романскомъ стилѣ, происходятъ отъ византійскаго, но не встрѣчаются въ византійскихъ церквахъ, принятыхъ за образецъ для нашихъ построекъ и относящихся къ извѣстному періоду искусства. Поэтому пояса нашихъ церквей суть украшенія, введенныя западными мастерами, на что особенно указываетъ сходство пояса Дмитріевскаго собора, въ которомъ между колонокъ находятся изображенія святыхъ, съ подобными же поясами на фасадахъ церкви въ Пуатьѣ и Рюффеѣ (Табл. VIII, №№ 12 и 16).

г) Украшеніе алтарныхъ выступовъ попеременно длинными и короткими колонками, соединенными арочками подъ карнизомъ, находится на алтаряхъ многихъ западныхъ церквей, напр. въ Шпейерѣ, Кельнѣ, Веронѣ, Шенграбенѣ и друг. Консоли подъ короткими колонками алтарей и церковныхъ поясовъ и подставки, изваянныя въ видѣ разныхъ фигуръ, а также и самые орнаменты

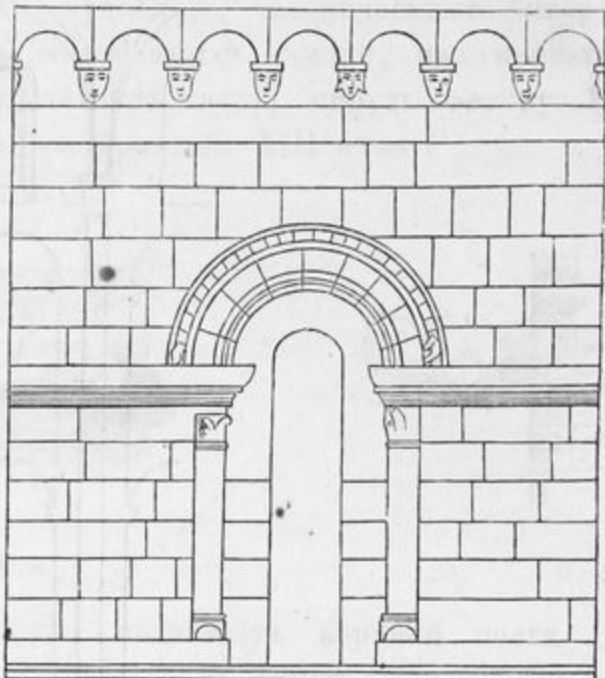

на колоннахъ, имѣють большое сходство съ подобными деталями романскихъ церквей, какъ видно изъ рисунка.

д) Узкія и высокія окна съ откосами, украшенныя разными шаблонами, и особенно окна съ колонками, какъ на Суздальскомъ алтарѣ.

е) Карнизы на трибунахъ Владимірскаго собора, помѣщенные выше арочекъ, соединяющихъ приставленныя къ трибунамъ колонки, напоминають детали нѣкоторыхъ романскихъ зданій. Византійскія трибуны оканчивались вышеупомянутыми арочками на колонкахъ, какъ въ церкви Апостоловъ въ Солунѣ и др; выше арочекъ начиналась уже глава, и подобныхъ карнизовъ не было (Табл. XVIII).

ж) Наконецъ стѣны церквей, покрытыя изваяніями по примѣру современныхъ романскихъ зданій, особенно французскихъ, въ которыхъ украшенія этого рода обильнѣе. Львы и грифоны на колокольнѣ церкви въ Перигѣ совершенно сходны съ нашими.

Приведенныя особенности архитектурныхъ украшеній на церквахъ Суздальской области достаточно доказываютъ участіе западныхъ зодчихъ въ нашихъ постройкахъ XII и XIII в., подтверждаемое и лѣтописными сказаніями. О колокольняхъ при церквахъ наши лѣтописи умалчиваютъ, но предполагать надо, что онѣ существовали по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ, потому что были колокола; въ лѣтописяхъ сказано, что Данилъ Галицкій къ церкви въ Холмѣ (1259 г.) «колоколы принесе изъ Кіева, другіе ту сольє»; Владиміръ Галицкій «поліа же колоколы дивны слышаніємъ, такихъ же не бысть во всей земли». Въ Боголюбовѣ при церкви есть двухэтажная четырехугольная башня романскаго характера, съ винтовою лѣстницей внутри; надъ этой башней надстроена колокольня XVII вѣка; не сдѣлано ли это по преданію о прежнемъ значеніи башни? Изъ гражданскихъ памятниковъ XII вѣка въ Суздальской области сохранились только городскія золотыя ворота въ Владимірѣ (1).

(1) Золотыя ворота, съ церковью надъ ними, построены изъ бѣлаго камня вел. кн. Андреемъ Боголюбскимъ въ 1164 году. Собственно ворота состоятъ изъ двухъ толстыхъ стѣнъ; пролѣть между которыми покрытъ коробовымъ сводомъ; надъ сводомъ поставлена церковь. Земляные валы примыкали къ воротамъ вплотъ. Въ уровень съ валами, внутри пролета, подъ сводомъ воротъ была платформа на балкахъ; гнѣзда, въ которыя вставлялись концы балокъ, замѣтны и теперь. Съ этой платформы Владимірцы переговаривались съ Татарами, приступившими къ городу. На валъ, платформу и въ церковь вела лѣстница, сдѣланная въ стѣнѣ; на разрѣзѣ видна дверь, служившая для прохода съ вала на платформу. Въ половинѣ вышины пролета воротъ видна каменная арка, къ которой притворились тяжелыя воротныя полотна; огромные крюки для навѣски полотенъ еще цѣлы; также видны и гнѣзда, въ которыя задвигался брусчатый запоръ. Въ проломѣ столѣтніи валы по обѣ стороны воротъ открыты для удобства проѣзда, а вмѣсто контрфорсовъ сдѣланы къ воротамъ пристройки. На прилагаемыхъ чертежахъ (Табл. XXIV) представлены: 1, фасадъ 2, разрѣзъ, 3 и 4, планы воротъ и существующей на (древней) церкви, 5, планъ мѣстности. Лѣтописи упоминають о бывшихъ еще во Владимірѣ серебряныхъ мѣдныхъ и Оришскихъ городскихъ воротахъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Церкви, построенныя Великими князьями въ Суздальской области, относятся къ XII и XIII вѣкамъ.

Церкви Юрія Долгорукаго:

1152 г., *Переславльскій Спасскій соборъ* представляетъ наиболѣе простѣйшую постройку; въ немъ двери безъ колоннъ, сдѣланы простыми уступами; украшены карнизами только трибунъ и алтарные выступы. Въ соборѣ на сводѣ, подъ хорами, открыты были мною, подъ слоемъ побѣлки, древнія фрески, представляющія сидящихъ апостоловъ съ раскрытыми книгами, на которыхъ написаны ихъ имена; сзади апостоловъ стоятъ ангелы. Подобное изображеніе находится подъ хорами Дмитріевского собора; разница только въ томъ, что въ Переславльскомъ соборѣ по четыре, а не по шести апостоловъ на каждой сторонѣ свода. Признаки фресокъ есть и въ другихъ мѣстахъ внутри собора, что замѣтно по цвѣтнымъ пятнамъ, сквозящимъ чрезъ побѣлку.—1152 г., Церковь въ селѣ Кидекмѣ на Нерли, близъ Суздали; она также проста какъ Переславльскій соборъ, но имѣетъ подъ обрѣзомъ стѣны поясъ изъ зубчиковъ и подъ ними арочекъ на консоляхъ. Верхъ церкви новый, восточная часть ея и алтарные выступы до половины отъ верха сломаны. Хотя въ лѣтописяхъ не говорится о постройкѣ этихъ церквей иноземными мастерами, но немногія украшенія ихъ имѣютъ романскія детали.

Церкви Андрея Боголюбскаго:

1158.—1161 г. г.: Первоначальный владимірскій Успенскій соборъ, сохранившійся, кромѣ алтарей, между Всеволодовыхъ пристроекъ. Наружныя стѣны его и теперь можно отличить по находящимся въ нихъ окнамъ, поясу изъ колонокъ и кое гдѣ замѣтнымъ выступамъ около пилястръ, не совсѣмъ закрытымъ пристроенными къ пилястрамъ устоями же арокъ Всеволодовой пристройки. По Ипатьевской лѣтописи соборъ, построенный Боголюбскимъ, имѣлъ пять верховъ, что могло быть, какъ выше замѣчено, потому, что на одинаковомъ съ нимъ по величинѣ соборѣ Суздальскомъ и теперь 5 верховъ. Подъ 1192 и 1194 годами въ лѣтописяхъ означено обновленіе собора Всеволодомъ и въ Воскресенской лѣтописи при томъ сказано, что онъ «пристави 4 врхы». Дѣйствительно теперь 4 малыя главы находятся на Всеволодовой пристройкѣ.

Во Владимірскомъ соборѣ на 2-хъ сводахъ подъ хорами сохранились фрески; въ прочихъ открытых мѣстахъ церкви стѣны представляютъ голый камень, забѣленный известью. По отломкѣ стѣны отдѣленнаго внутри собора теплаго придѣла, оказались коймы на краяхъ пилястръ. За иконостасомъ, на передней сторонѣ алтарныхъ столбовъ, по вынутіи образа во 2-мъ ярусѣ, оказались слѣды изображеній,—изъ чего можно заключить, что въ древности въ соборѣ иконостасъ былъ въ видѣ преграды между алтарныхъ столбовъ, какъ по лѣтописи было въ Холмской церкви, гдѣ «входящи въ алтарь стояста два столпа отъ цѣла камени и на него комара».

Одного времени съ соборомъ церковь Покровская на Нерли, близъ Боголюбова, выстроенная по преданію изъ десятой части камня, привозимаго изъ Болгаріи для постройки собора. Въ этой церкви въ трибунѣ замѣтны фигуры святыхъ, написанныя на простѣнкахъ и украшенія около оконъ. Церковь съ трехъ сторонъ окружаетъ древній, неизвѣстнаго назначенія, фундаментъ, между которымъ и стѣнами церкви образуется корридоръ.

Церковь Боголюбовская имѣетъ верхъ новый, хоры выломаны, наружность обдѣлана во вкусъ XVIII вѣка; на западной стѣнѣ остались двѣ львиныя головы. При ней есть башня, о которой сказано выше; между башней и сѣверной стѣной церкви существуетъ, основанный на аркахъ, переходъ изъ башни на хоры, называемый спальней В. Кн. Андрея Боголюбскаго.

Церкви Всеволода III:

Дмитріевскій соборъ, описанный въ монографіи графа С. Г. Стронова и въ изданіи О. О. Рихтера. Церковь Рождествена монастыря, реставрированная по оказавшимся въ ней даннымъ и по аналогіи съ другими современными зданіями 1200 г. Церковь Княгинина Дѣвичьяго монастыря во Владимірѣ, единственная изъ церквей XII вѣка кирпичная; она проста, карнизы алтарей изъ кирпича; въ аркахъ-архивольтахъ при ея дверяхъ замѣчается уклоненіе отъ чистаго византійскаго и романскаго полуциркуля: архивольты эти имѣютъ вверху заостреніе; такого рода арка есть одинъ изъ главныхъ мотивовъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ русской архитектуры.

Церковь Юрія Всеволодовича: Суздальскій соборъ, построенный въ 1221 году, вмѣсто прежняго Мономаховскаго (С. Л. I, 189) на прежнемъ мѣстѣ и, вѣроятно, по прежнему плану. Соборъ Юрія упалъ въ 1445 году, но въ возстановленномъ нынѣ существующемъ соборѣ, стѣны котораго древнія, сохранились отъ первоначальной постройки 1221 года: двери, поясъ и окно, мною снятые; послѣднее къ сожалѣнію уже не существуетъ, оно расширено, какъ объясняли мнѣ, въ «соотвѣтствіе» съ другимъ прежде раздѣланнымъ окномъ отдѣленія жертвенника.

Церковь Святослава Всеволодовича: 1230 года, Юрьевскій соборъ, построенный на мѣстѣ прежняго 1152 года, приписываемаго Юрію Долгорукому. Святославъ «руши церковь св. Юрія каменю и нача новую здати чуднѣйшую первая; бѣ бо извну около всея церкви по каменю рѣзаны святыя чюдны вельми, иже есть и до сего дне». Церковь эта представлена въ изданіи О. О. Рихтера. Въ ней въ папертяхъ замѣчается также заостренная арка, означающая переходъ отъ византійско-романскаго стиля къ русскому; кромѣ того, самыя паперти, пристроенныя къ типичному плану, представляютъ измѣненіе послѣдняго, вынужденное климатическими мѣстными условіями въ видахъ защиты молящихся отъ холода, необходимо ощущаемаго въ прежнихъ церквахъ безъ папертей.

Въ послѣдующіе вѣка изъ несвойственныхъ нашему климату византійскихъ формъ, постепенно измѣняемыхъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и матеріаловъ, образовался стиль архитектуры собственно русскій, достигшій своего развитія въ XVII вѣкѣ.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Е.

Древняя Покровская церковь стоитъ недалеко отъ Боголюбова монастыря, напоймѣ Нерли и Клязьмы; при весеннемъ разливѣ этихъ рѣкъ, вода проникала иногда даже внутрь церкви; полъ церковный съ давняго времени былъ возвышенъ такъ, что насыпь закрывала нижнія части дверей и находящихся при нихъ колонокъ. Нѣсколько лѣтъ тому, при возобновленіи церкви, полъ былъ опущенъ до первоначальнаго

его уровня и, соответственно тому, снять слой земли съ окружающей церковъ площадки; а для огражденія церкви отъ разлива весеннихъ водъ, насыпанъ кругомъ всей площадки земляной валъ, чрезъ который и устроенъ къ церкви подъѣздъ. Такимъ образомъ зданіе, находясь въ срединѣ образовавшейся отъ насыпки вала котловинѣ, имѣетъ основаніе свое совершенно открытымъ и не представляется, какъ прежде, какъ бы вросшимъ въ землю.

Въ снятомъ съ площадки слой земли и найдены были между прочимъ, три древнія капители, принадлежавшія какому нибудь зданію, находившемуся въ древности около церкви.

Плиты съ изображеніями звѣрей имѣютъ на бокахъ вынутыя четверти, какъ на планахъ показано, которыми онѣ, какъ полагать надо, соединялись съ тумбами и составляли украшеніе какого нибудь парапета. Не находился ли этотъ парапетъ на переходѣ изъ близъ находившагося зданія на церковныя хоры?

Что ходъ на хоры былъ снаружи церкви, тому доказательствомъ служить заложенная дверь въ южной стѣнѣ церкви; чрезъ эту дверь на хоры можно было проходить не иначе, какъ изъ верхняго этажа какого нибудь находившагося около церкви зданія, по перекинутой между ними аркѣ; мѣсто, гдѣ примыкала къ церкви переходная арка ниже двери, обозначается перерывомъ средняго церковнаго пояса; подъ самымъ этимъ мѣстомъ, въ землѣ, открыты были тесаные по арочному шаблону камни.

Зданіе, въ которомъ находилась лѣстница, было, какъ видно, отъ церкви отставлено, потому что нѣтъ никакого признака примыкавшей къ церкви и въ послѣдствіи отломанной пристройки. Зданіе съ лѣстницею было можетъ быть колокольня («столбъ»), подобная сохранившейся при Рождественской церкви Боголюбова монастыря и напоминающей своей архитектурой романскія башни при западныхъ церквахъ. Почти во всѣхъ церквахъ XII—XIII вѣковъ, находящихся во Владимірской губ., видны слѣды заложенныхъ наружныхъ входовъ на хоры.

Въ сѣверозападномъ углу владимірскаго Успенскаго собора было отдѣлено мѣсто для теплой церкви, для чего были заложены стѣнами промежутки ближайшихъ къ южной стѣнѣ столбовъ собора; отдѣленное пространство покрыто было сводами въ уровень со сводами хоръ. Въ 1866 году теплая церковъ упразднена и ограждавшія ее стѣны выбраны, причемъ и открылись украшенія на пилястрахъ столбовъ, къ которымъ примыкали стѣны теплой церкви.

Вѣроятно въ мѣстахъ, закрытыхъ иконостасомъ и кіютами, находящимися у стѣнъ и столбовъ, могутъ быть открыты еще нѣкоторые остатки фресокъ, потому что я имѣлъ уже случай видѣть слѣды изображенія за архіерейскимъ мѣстомъ и, что особенно интересно, на лицевой сторонѣ праваго алтарнаго столба, когда вынуть былъ одинъ образъ изъ 2-го яруса иконостаса. Последнее обстоятельство указываетъ на то, что древнѣйшій иконостасъ находился не передъ алтарными столбами, но въ ихъ промежуткахъ, лицевая же сторона столбовъ оставалась открытою.

Владиміръ на Клязьмѣ. Января 10 дня, 1868 года.

О ПРИЗЫВѢ КЪ БОГОСЛУЖЕНІЮ

ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

П. С. Казанскаго.

I

Какъ бы ни было малочисленно общество, участвующее иногда въ общемъ для всѣхъ богослуженіи; но если члены его живутъ не въ одномъ домѣ, то они должны быть какимъ либо способомъ извѣщаемы о времени богослуженія. Потому и въ Церкви Христіанской съ самыхъ первыхъ временъ долженъ былъ существовать какой либо призывъ къ собранію на богослуженіе.

По причинѣ гоненій на христіанъ и необходимости скрывать отъ язычниковъ время своего собранія на богослуженія, призывъ этотъ не могъ быть явнымъ, т. е. трубою, стукомъ, звономъ или громогласнымъ возглашеніемъ ⁽¹⁾. Думаютъ, что діаконы и діакониссы въ первенствующей церкви возвѣщали время богослуженія, ходя по домамъ, первые мужчинамъ, вторыя женщинамъ ⁽²⁾. Опреѣленныхъ указаній на то, чтобы были избираемы особыя лица для призванія вѣрующихъ къ богослуженію, не находимъ ⁽³⁾.

Яснѣе становятся указанія на способъ созыванія къ богослуженію со времени появленія иноческихъ обителей. Частое богослуженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ жителство братіи не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи давали поводъ и возможность установить однообразный призывъ къ богослуженію.

Указанія латинскихъ списковъ Устава Пахомія, учредителя общежитія иноческаго, о томъ, что въ обители Пахомія употреблялись трубы для призыва къ богослуженію, не оправдываются греческимъ текстомъ его житія. Здѣсь говорится, что монахи какъ къ богослуженію, такъ и къ трапезѣ созывались удареніемъ ⁽⁴⁾. Деревянное било вѣроятно было общимъ способомъ созыванія монаховъ къ богослуженію. Изъ нѣкоторыхъ указаній видно, что иногда это былъ деревянный молотокъ, которымъ ударяли въ келлію каждаго инока, возбуждая его къ молитвословію, и потому онъ назывался будильнымъ молоткомъ ⁽⁵⁾.

Въ концѣ V-го и началѣ VI-го в. встрѣчаются уже прямые указанія на существованіе билъ деревянныхъ, въ которыя ударяли для созыванія иноковъ на молитву ⁽⁶⁾.

Отъ начала VII в. есть указанія, что и въ городскихъ церквахъ употребляли также деревянные била при церковномъ богослуженіи ⁽⁷⁾. Типики монастырскіе даютъ указаніе на различіе билъ какъ по величинѣ, такъ и по матеріалу: есть било малое, есть било великое—деревянныя, есть било желѣзное ⁽⁸⁾.

Въ XII в. Типикъ Богородичнаго монастыря въ Константинополѣ и въ XIII в. Вальсамонъ и Уставъ Саввы Сербскаго упоминають о билѣ мѣдномъ⁽⁹⁾. Дошедшія до насъ описанія билъ, вмѣстѣ съ практикою Восточной церкви, въ которой онѣ еще употребляются и донинѣ, даютъ возможность составить точное понятіе объ этихъ орудіяхъ. Аллѣцій такъ описываетъ малое или ручное било: «Это—дерево въ десять футовъ длины, въ два пальца толщины, въ четыре ширины, какъ можно лучше выстроганное, безъ трещинъ и сучковъ. Держа его въ лѣвой рукѣ за средину, молоткомъ изъ того же дерева, держимымъ въ правой рукѣ, ударяють то въ ту, то въ другую сторону, ближе или далѣе отъ лѣвой руки, такъ что дерево издаетъ звукъ то полный, то сильный, то острый, то частый, то протяженный, довольно музыкально. Великое деревянное било виситъ на башняхъ или билъницахъ, прикрѣпленное за края желѣзными цѣпями. Эти била огромной величины, такъ что иногда бываютъ въ осмнадцать дюймовъ ширины, дюймъ толщины и тридцать длины; въ нихъ ударяють молоткомъ соотвѣтственной величины. Дерево, изъ котораго выдѣлываютъ било, называется испорченнымъ словомъ *σφευδάκη*; думаю, что это не иное, какъ *σφευδαμνος* Теофраста и Авг Плинія»⁽¹⁰⁾.

Иеронимъ Магій говоритъ: «*σῆματρον* есть деревянная доска около пяти пальцевъ ширины, полтора дюйма толщины, футовъ четырнадцать длины. Она дѣлается изъ самага крѣпкаго и сколько возможно звонкаго дерева; вверху (*capite*) имѣетъ нѣсколько отверстій шириною не болѣе, какъ пройти гусиному перу; по срединѣ продѣта небольшая веревка. Тотъ, кто долженъ созывать народъ въ церковь, предъ дверями храма или въ другомъ мѣстѣ ударяетъ въ эту доску двумя деревянными молотками не безъ наблюденія музыкальности и вертится кругомъ, отчего звукъ бываетъ сильнымъ, хотя и непріятный. Доска, не совсѣмъ прямая, но изогнутая какъ коромысло вѣсовъ, лежитъ на лѣвомъ плечѣ (*sinistro humero*) звонаря, который, колотя въ нее, придерживаетъ ее зубами за веревочку, чтобы не соскакивала—не руками придерживаетъ, какъ потому, что взятая въ руки, она не будетъ издавать частаго звука, такъ и потому, что въ обѣихъ рукахъ по молотку; ибо онъ обѣими руками бьетъ то тамъ, то сямъ, иногда часто, иногда съ нѣкоторыми паузами».

Иеронимъ Магій описываетъ еще *δύον σίδηρον*: «Это—желѣзная доска въ четыре пальца ширины и въ шестнадцать длины, съ продѣтою по срединѣ веревкою. Когда священникъ идетъ къ больному на домъ съ Святыми Дарами, то передъ нимъ идетъ съ этимъ биломъ кто либо и желѣзнымъ молоткомъ съ разстановкою дѣлаетъ по три удара»⁽¹¹⁾.

Гоаръ говоритъ: «Греки употребляли для призыва къ богослуженію била деревянные, которыя назывались *σῆματρον*, или желѣзные и мѣдные, т. е. доски желѣзные или мѣдные, слегка вогнутыя и повѣшенныя на цѣпяхъ по обѣимъ сторонамъ дверей храма тамъ, гдѣ мы строимъ колокольные башни, и ударяли въ нихъ желѣзомъ»⁽¹²⁾.

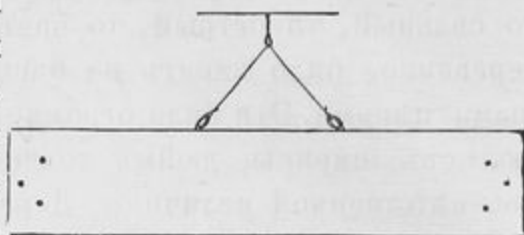
Дюканжъ приводитъ описаніе желѣзнаго била на Аѳонѣ, сдѣланное Петромъ Беллономъ въ XVI в.: «Это—желѣзо толщиною въ три пальца, длиною въ руку, нѣсколько изогнутое въ дугу; оно виситъ на гвоздѣ у дверей церковныхъ, и издаетъ звукъ, подобный колокольному. Монахи на святой горѣ не имѣють иныхъ звонковъ, кромѣ этого, и когда нужно идти на молитву, то призываются звукомъ этого желѣза»⁽¹³⁾.

Въ настоящее время била употребляются на всемъ востокѣ: на Аѳонѣ, на Синаѣ, въ Иерусалимѣ, въ трехъ или четырехъ церквахъ въ Константинополѣ, въ Болгаріи, и отчасти въ Сербскомъ княжествѣ.

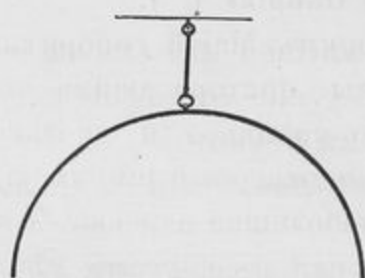
На Аѳонѣ есть ручное деревянное било, въ которое ударяють предъ каждою службою, обходя кругомъ церкви съ тремя остановками (τρεῖς στάσεις) минуты на три. Это било менѣе двухъ аршинъ длины, въ палецъ толщины и вершка два ширины, съ выемкою по срединѣ, за которую держить его бьющій лѣвою рукою; по обоимъ краямъ по три отверстія, расположенныя треугольникомъ.

Есть било трапезное, въ которое тремя сильными ударами сзываютъ въ трапезу иноковъ.

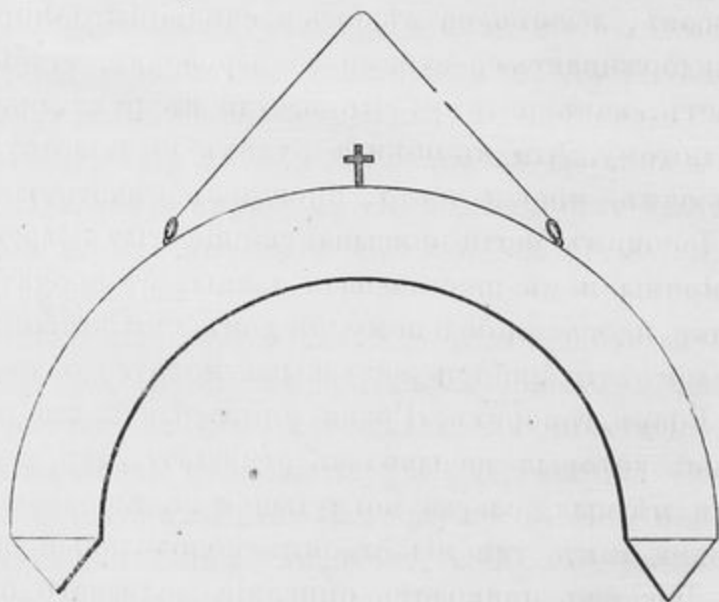
Била, которыя висятъ на кампанаріѣ и въ которыя ударяють къ богослуженію, длиною въ два съ половиною аршина, отъ семи до осми вершковъ ширины, толщиною вершка въ полтора, и дѣлаются всегда изъ каштановаго дерева. Въ бокахъ доски ввинчиваются кольца, въ которыя продѣвается веревка, по срединѣ продѣтая въ кольцо, и на этомъ среднемъ кольцѣ виситъ било, называемое σήμαντρον. Бьютъ въ это било въ два деревянные молотка.

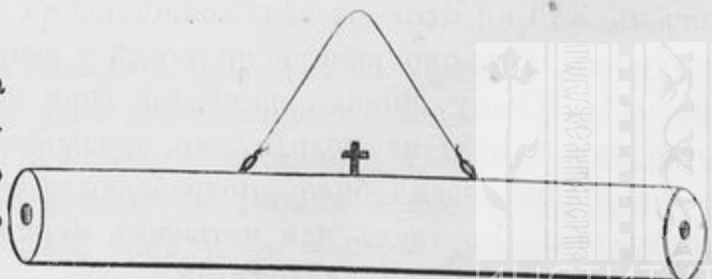
Желѣзное било, которое называется σίδηρον, бываетъ толщиною въ средній палецъ, шириною около трехъ вершковъ, имѣетъ форму дуги, края которой одинъ отъ другаго отстоятъ вершковъ на 12; на нихъ, какъ и на деревянныхъ, на краяхъ по три отверстія; бьютъ двумя желѣзными молотками съ боковъ.

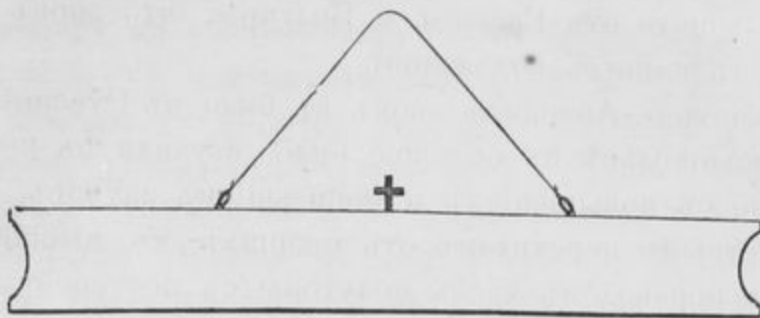
На кампанаріѣ только и висятъ: одно симантронъ и одно сидиронъ. Мѣдныхъ билъ на Аѳонѣ нѣтъ; встрѣчаются на островѣ Кипрѣ. На Синаѣ нѣтъ и желѣзныхъ, только деревянные. Въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Воскресенія, особенно хвалятъ по гармоническому звуку деревянное било, съ придѣланными къ нему стальными пружинами, которыя, сотрясаясь отъ ударенія въ било, производятъ гармоническій звукъ. Въ Константинополѣ только въ трехъ или четырехъ церквяхъ остались била, въ другихъ же введены колокола съ 1856 г. Константинопольскія била имѣютъ отличіе отъ аѳонскихъ. Σίδηρον въ Константинополѣ имѣетъ двоякую форму, въ видѣ дуги и въ видѣ доски.

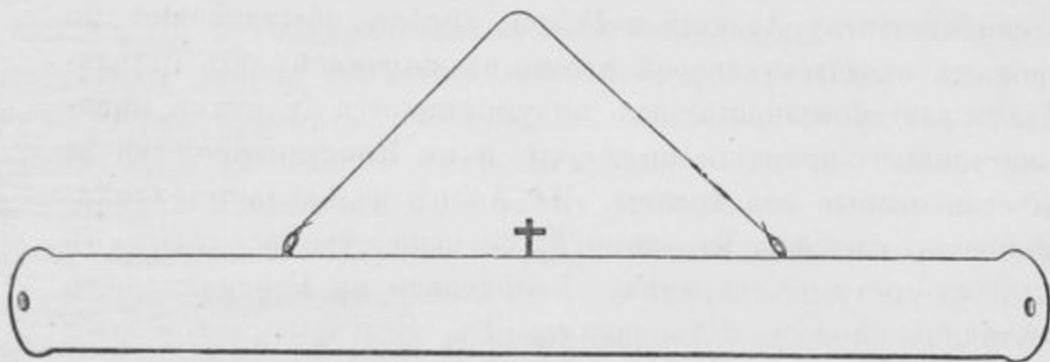
Симантронъ или деревянные била сходны съ аѳонскими, также дѣлаются изъ каштановаго дерева, только закругляются края, на которыхъ по одному только отверстию.

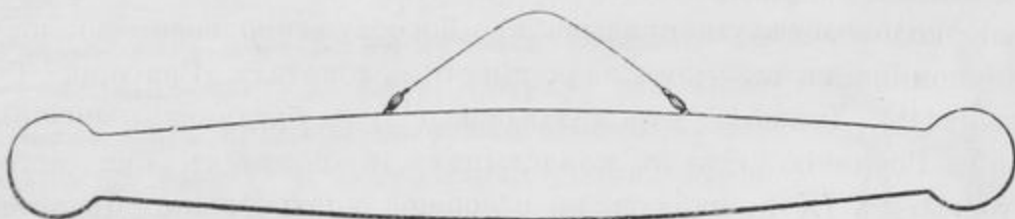
Въ Болгаріи, гдѣ колоколовъ нѣтъ, употребляются и деревянные и желѣзные била, называемыя у нихъ, какъ и въ Сербіи, «клепало».

Клепало деревянное—болѣе сажени длины, шириною въ пять четвертей; въ срединѣ дѣлается иногда одно, иногда два отверстія, въ которыя вдѣвается веревка, на которой вѣшаютъ клепало; по обоимъ концамъ есть по три отверстія для лучшаго звука; дѣлаются эти клепала изъ дерева Дрянъ, въ нихъ бьютъ деревянными молотками; начинаютъ звонъ однимъ молоткомъ, но для бóльшаго звона бьютъ въ два молотка.

Клепала желѣзные (зынкало) длиною почти въ сажень, толщиною въ полвершка, самые концы тонѣе, чѣмъ середина; желѣзо нѣсколько изогнуто, но не много; въ срединѣ въ поперечникѣ придѣляется ушко съ отверстіемъ для цѣпи, на которой и виситъ клепало.

Колотятъ въ желѣзные клепала желѣзнымъ молотомъ, иногда и большими гвоздя-ми. Не отъ того ли Германъ въ VIII в. и сказалъ, что *сѣмъ* молотокъ, которымъ ударяютъ въ *сѣмъ* и который изображаетъ гвозди, коими были пробиты руки и ноги Господни, что отозвалось во всей вселенной?

Въ княжествѣ Сербскомъ деревянное ручное било изъ клена, сажень двухъ длиною, употребляется только на Страстной недѣлѣ.

Въ Геесиманскомъ скиту Сергіевой Лавры, за полчаса до каждой службы и въ нѣ-которые другія времена, ударяютъ въ ручное било, по примѣру молдавскихъ монас-тырей. Било это сдѣлано изъ березоваго дерева, длина его два аршина семь вершковъ, ширина два вершка, толщина $\frac{5}{8}$ вершка, къ краямъ поуже; въ семи вершкахъ отъ cadaго края по одному отверстію, въ срединѣ выемка, за которую лѣвою рукою

берется бьющій, держа било въ длину нѣсколько наискось, и бьетъ то тамъ, то сямъ деревяннымъ молоткомъ.

Случалось намъ слышать отъ Грековъ и Болгаръ, что звонъ въ било пріятнѣе для слуха, чѣмъ звонъ нашихъ колоколовъ.

Вотъ какъ описываетъ о. Антонинъ звонъ въ било въ Русикѣ на Аѳонѣ: «Въ пять часовъ ударили на колокольникъ въ большое било, стучали въ него сперва медленно, потомъ скоро и живо съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ, съ ихъ игривою перестановкою, съ быстрымъ переходомъ отъ низшихъ къ высшимъ и на оборотъ, или медленнымъ ихъ переводомъ чрезъ полутоны съ постепеннымъ замираніемъ, до совершеннаго прекращенія, и съ неожиданнымъ воскресеніемъ ихъ къ новой живости и силѣ. Такой звонъ или стукъ возобновлялся три раза послѣ остановокъ для отдыха художника, какъ называли звонаря Греки, видимо умиленные его искусствомъ. И каждый разъ онъ позволялъ имъ слышать новыя звуко сочетанія, разнообразныя отъ перваго удара молотка до послѣдняго. Музыка эта продолжалась полчаса.»

Била, по свидѣтельству Алляція и Гоара, висѣли обыкновенно по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей храма въ нарѣисѣ; объ отдѣльныхъ зданіяхъ для помѣщенія ихъ не упоминается у этихъ писателей. Въ настоящее время и на Аѳонѣ и въ Константинополѣ и въ Болгаріи есть особыя колокольни. На Аѳонѣ колокольни (*хартпаріон*) обыкновенно сложены изъ камней, не выше трехъ сажень, въ одинъ этажъ, съ острымъ верхомъ. Колокольня въ Геосиманскомъ скиту есть точное подобіе Аѳонскихъ. Въ Болгаріи колокольни (клепала) принято за правило строить съ лѣвой стороны церкви.

II.

Были ли колокола въ употребленіи на Востокѣ?

Употребленіе колоколовъ для призыва къ богослуженію возникло на Западѣ. Въ первый разъ упоминаетъ въ этомъ значеніи о колоколахъ Григорій Турскій подъ названіемъ *signa* ⁽¹⁴⁾. Думаютъ, что ирландскіе ⁽¹⁵⁾ и британскіе миссіонеры познакомили съ ними Германію, гдѣ въ монастыряхъ и церквахъ они встрѣчаются въ VIII в., но только въ IX в. входятъ во всеобщее употребленіе. Древнѣйшіе колокола были очень малы и выковывались изъ жести или листоватаго желѣза; впрочемъ еще въ концѣ VIII в. начали отливать колокола изъ мѣди. Большіе колокола явились только въ XI и XII в., а колокола въ сотни пудовъ стали лить только въ XV в. ⁽¹⁶⁾.

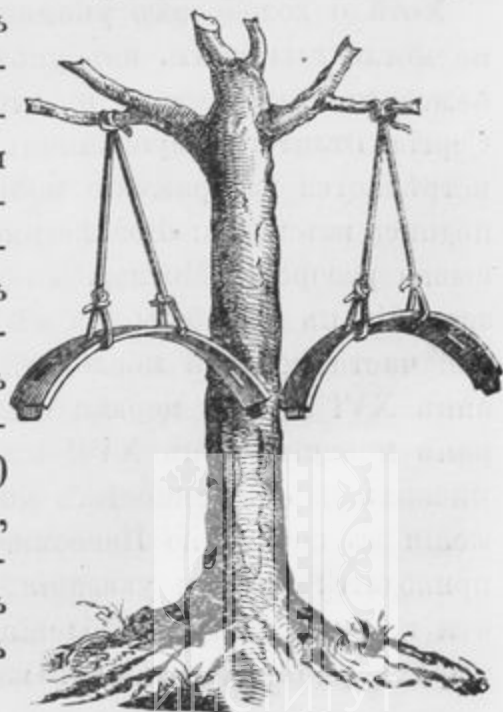
Есть извѣстіе, что у Грековъ вошли колокола въ употребленіе въ концѣ IX в. Въ Венеціанской хроникѣ Діакона Іоанна ⁽¹⁷⁾ сообщается извѣстіе, что Урсъ, дожъ Венеціи, по настоятельной просьбѣ императора Василія, послалъ въ Константинополь (877—879) двѣнадцать колоколовъ, которые императоръ помѣстилъ въ нововыстроенной имъ церкви, и съ этого времени Греки начали имѣть колокола. О постройкѣ церкви Василіемъ Македоняниномъ есть извѣстія Византиковъ. Константинъ Порфирородный пишетъ: «Въ то же время (876 г.) онъ началъ строить красивѣйшую и великолѣпную церковь, которую мы обыкновенно называемъ новой базиликой и которая воздвигалась во имя Спасителя нашего Іисуса Христа и Архистратига Ми-

хаила и Иліи Θεσвιтянина. Эта церковь въ 14 (879) г. царствованія Василя, въ маѣ мѣсяцѣ, была освящена патріархомъ Фотіемъ. Въ лѣтописи Симеона Магистра и у Георгія Монаха исчисляются украшенія, пожертвованныя въ эту церковь Василіемъ, но о колоколахъ не упоминается, хотя естественно было ожидать извѣстія о семъ по новости дѣла ⁽¹⁸⁾. Поэтому мы сомнѣваемся, чтобы колокола, если и были присланы Урсомъ императору Василю, вошли въ церковное употребленіе въ Греціи.

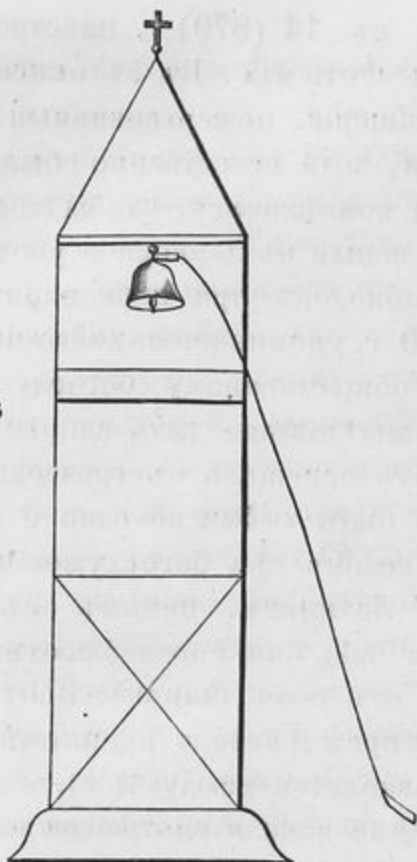
Алліцій доказываетъ употребленіе колоколовъ при церковномъ богослуженіи въ Константинополѣ тѣмъ, что здѣсь въ 1040 г. упоминается *κῳδων ἱερὸς* и позже неоднократно *κῳδῶνες*, которыми сзывали къ общественному богослуженію. ⁽¹⁹⁾ Но были ли *κῳδῶνες* колокола? На этотъ вопросъ мы должны дать скорѣе отрицательный отвѣтъ, чѣмъ утвердительный ⁽²⁰⁾. Колоколъ перешелъ въ греческій языкъ съ своимъ латинскимъ названіемъ *καμπάνα*,—стало быть *κῳδων* не одно и то же, что *καμπάνα*. Вальсамонъ (XIII в.) употребленіе колоколовъ при богослуженіи называетъ латинскимъ обычаемъ, чуждымъ Грекамъ. «У Латинянъ, пишетъ онъ, существуетъ другой обычай созывать народъ въ храмы; ибо они употребляютъ одинъ знакъ, разумѣю кампанъ, который названъ такъ отъ поля (*κἄμπη*). Ибо, говорятъ они, какъ поле для желающаго путешествовать не представляетъ препятствій, такъ и высокій звукъ мѣдноустаного звонца (*κῳδῶνος*) разносится всюду» ⁽²¹⁾.

Надобно впрочемъ признать, что позднѣе начали употребляться колокола и въ Греческой церкви, хотя никогда не вытѣсняли они совершенно билъ; такъ, въ началѣ XV в. въ Солунѣ, Симеонъ указываетъ на удареніе въ деревянное било, какъ на единственный призывный знакъ къ богослуженію. Турки, покорившіе Греческую имперію, не терпѣли колоколовъ, а потому едва начавшееся употребленіе ихъ было прекращено ⁽²²⁾. Только въ 1856 г. дозволено въ Константинополѣ имѣть колокола христіанамъ.

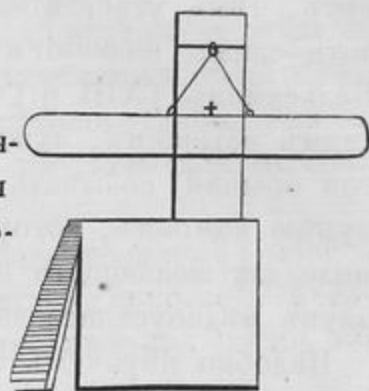
Если колокола не были употребительны на Востокѣ, то не было нужды и въ колокольняхъ. Для помѣщенія двухъ билъ, деревяннаго и желѣзнаго, требовалось не много мѣста. По словамъ Алліція и Гоара, вѣшали ихъ по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей ⁽²³⁾. Турнефоръ представляетъ изображеніе оригинальной бильницы: это сучковатый пенъ дерева, на сучьяхъ котораго съ двухъ сторонъ повѣшено по билу. Вверху, гдѣ надвѣваются веревки билъ, прицѣпленъ *ρόπιρα*, молотокъ, которымъ бьютъ въ била ⁽²⁴⁾. Встрѣчается упоминаніе и объ отдѣльныхъ колокольняхъ, которыхъ латинское названіе *καμπαναρίου*, хотя бы и не висѣли на нихъ кампаны, показываетъ, что образцы ихъ заимствованы съ Запада. Правда у нихъ есть и свое названіе—*κῳδωνοστάσιον*. У Неизвѣстнаго (Anonymus) писателя о мѣстахъ Іерусалимскихъ, писавшаго около 1400 г., есть свидѣтельство, что къ церкви Св. Града была придѣлана ⁽²⁵⁾ (*κἑκωλλόμενον*) прекрасная колокольня. Около 1550 г., на кааедральномъ храмѣ Патріархіи константинопольской была колокольня, крестъ которой видѣнъ былъ издалека, даже плывущимъ по морю. Визирь велѣлъ патріарху Діонисію снять его ⁽²⁶⁾.

Устроенная нынѣ
въ Константинополѣ
колокольня имѣетъ
такой видъ:

Бильницы же кон-
стантинопольскія
устроены слѣдую-
щимъ образомъ:

III.

При устройствѣ первыхъ церквей въ Россіи, по примѣру Греціи сзывали къ бого-
служенію также удареніемъ въ било. Прямые указанія на то, что въ Печерскомъ
монастырѣ были била, есть въ лѣтописи. Предъ кончиною Θεодосія, братія «ударивша
въ била и собравшася вси» (П. С. Л. I, стр. 80); о Матвѣѣ Прозорливомъ сказано: «сѣде
опочивая подъ биломъ» (стр. 82), или по Никоновской лѣтописи: «подъ бильницею»
(П. С. Л. IX, 104).

Хотя о колоколахъ упоминается еще въ XI в., но они были рѣдки, малы и долго
не могли вытѣснить изъ употребленія била и клепала. По житію Преп. Сергія Радонежскаго видно, что и въ его обители употребляли било. Въ лицевомъ житіи Преп.
Сергія, отлитографированномъ Сергіевою Лаврою, на л. 109-мъ и 173-мъ на оборотѣ,
встрѣчается изображеніе монаха, ударяющаго въ ручное било. Внизу изображена
подпись изъ житія: «Возвѣстиша же святому, блаженный повелѣ въ било ударити». Опи-
сывая разореніе Москвы Тохтамышемъ въ 1382 г., лѣтописецъ говоритъ, что «не бѣ
звоненія въ колоколы, ни въ била» (П. С. Л. VI, 102). Слѣдовательно въ значитель-
ной части церквей московскихъ тогда употреблялись била. Въ Новгородѣ, въ поло-
винѣ XVI в., въ церкви Филиппа клепало желѣзное замѣнено колоколомъ. Въ Звѣ-
ринѣ монастырѣ, въ XVII в., вмѣстѣ съ колоколами были и доски желѣзныя. Въ вы-
пискахъ изъ переписныхъ книгъ Новгородской области, напечатанныхъ въ прило-
женіи къ сочиненію Неволіна: О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI в.,
приводятся прямые указанія, что во второй половинѣ XVI в. колокола совѣстѣ по-
чти не были въ употребленіи. Не только въ приходскихъ церквахъ, но и въ мона-
стыряхъ упоминаются однѣ клепала (стр. 72, 78, 83, 284, 285, 286, 307, 308, 314).

А въ концѣ XVII в. по сельскимъ церквамъ колоколовъ было не много, и они малаго вѣса; встрѣчаются и клепала, напримѣръ: Вельскаго уѣзда въ Шаготскомъ стану, въ 1681 г. у двадцати церквей было 11 колоколенъ рубленыхъ и въ обрубахъ на столбахъ, на нихъ 48 колоколовъ; вѣсу во всѣхъ 112 пудовъ 26 фунтовъ, да клепало (Извѣстія Имп. Арх. Общ. V, 130, 131).

Не безъ причины въ уставахъ нашихъ удержано указаніе ударять въ било. Чѣмъ древнѣе списки уставовъ, тѣмъ рѣже встрѣчаемъ упоминаніе камвана или кампана. Такъ, изъ трехъ просмотрѣнныхъ нами уставовъ, писанныхъ въ XV—XVI вѣкахъ, только въ двухъ, по одному разу, упоминается кампанъ; обыкновенно же пишется: «клеплетъ въ малое древо, въ великое древо, въ желѣзное, біеть въ клепало, клеплетъ въ желѣзо, клеплетъ въ великое древо и прочая, аще суть». Въ одномъ уставѣ Іосифова монастыря, вѣроятно начала XVI в., составленномъ болѣе свободно и прямо приспособленномъ къ Іосифову монастырю, главнымъ звономъ поставляется звонъ въ колокола, но и тутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приказывается иногда ударять въ било (ручное), иногда въ доску. Только въ дни Пасхи *доска не живетъ*, но въ било ручное бьютъ предъ каждою утренею (Рк. М. Д. Ак. изъ Волок., N 342).

Желѣзныя била, употреблявшіяся въ Россіи, сходны были по формѣ съ греческими, какъ видно изъ описаннаго въ матеріалахъ для Археологическаго Словаря била, находящагося въ слободѣ Плотной подъ Пронскомъ: это дугообразная полоса. Вѣроятно были и просто доски желѣзныя.

Поэтому и въ древнихъ русскихъ церквахъ не было нужды въ какихъ-либо пристройкахъ для колоколовъ. Била вѣшались у входныхъ дверей церковныхъ. Сторожевыя чугунныя доски, которыя и теперь висятъ у многихъ церквей при входныхъ дверяхъ, служатъ, можетъ быть, памятникомъ древнихъ билъ церковныхъ. Первые колокола вѣшались подъ кровлю входа.

ЗАМѢТКА О ДРЕВНѢЙШИХЪ КОЛОКОЛЬНЯХЪ ВЪ РОССІИ.

О колоколахъ въ Россіи упоминается по лѣтописямъ въ первый разъ въ 1066 г. (27), но о колокольняхъ встрѣчается извѣстіе только въ концѣ XIV в. Видно, что колокола считались рѣдкостью и были небольшихъ размѣровъ. Они составляютъ предметъ военной добычи. Выраженія: «сѣма колколы, принесе колоколы» могутъ указывать на незначительный ихъ вѣсъ. Можетъ быть, первые колокола помѣщались въ самой церкви, какъ греческіе кодоны. О Всеславѣ сказано: «сѣма паникадилы и колоколы»; паникадила, висящія внутри церкви, исчисляются вмѣстѣ съ колоколами.

Въ первый разъ о колокольнѣ упоминается въ Псковѣ: 1394 г. «кончаны быша перши у Крому, и колокольницу поставиша» (П. С. Л. IV, 194). Чтобы имѣть понятіе, какого рода была эта колокольня, нужно опредѣлить, что такое перши или перси у Крому ибо, спустя 32 года, мы встрѣчаемъ новое извѣстіе въ Псковской лѣтописи: «колоколы повѣшаху Псковичи на першихъ ко Святѣй Троицы, на новой колокольницѣ, на новой стѣнѣ, и три года стоявшие распадашася перси. Послѣ сего поставлена бысть колокольница деревяная, на старомъ мѣстѣ, ко Святѣй Троицѣ, на першихъ, и колоколы повѣшены быша» (П. С. Л. IV, 203; V, 24).

Что же такое перши или перси? Карамзинъ, приводя слова лѣтописи: «придѣлаша перси у дѣтинца», въ скобахъ замѣчаетъ: «часть нынѣшняго укрѣпленія». Шимкевичъ подъ персями разумѣетъ переднія укрѣпленія при стѣнѣ. По Словарю Даля, это грудное укрѣпленіе или перила ⁽²⁸⁾.

Объясненіе Карамзина ничего не объясняетъ еще, ибо трудно понять—какія онъ разумѣетъ нынѣшнія укрѣпленія. Объясненія Шимкевича и Даля тоже не точны и съ текстомъ лѣтописи не согласуются.

Надобно припомнить, что кремль Псковскій есть возвышенная плоскость, частію насыпная, длиною отъ юга къ сѣверу на 200 сажень, шириною отъ востока къ западу около 30 сажень. Скаты ея, около 10-ти сажень въ отвѣсѣ, такъ круты и обрывисты, что представляются сами какъ бы стѣнами. Какія-либо переднія укрѣпленія могли строиться только внизу обрыва, но тогда колокольню тамъ устроить не стали бы.

Нынѣшняя Псковская колокольня находится на восточной сторонѣ кремля, на одной линіи съ его стѣною, проведенною по окраинѣ возвышенности, и какъ бы перерѣзываетъ стѣну. Вѣроятно и въ древности она была здѣсь же.

Значеніе, усвояемое въ греческомъ языкѣ слову *στήθεα* и въ латинскомъ *pectorale*, кажется даетъ ключъ къ уразумѣнію слова: перси въ архитектурѣ русской. *Στήθεα* означаетъ небольшія колонны, въ порядкѣ расположеннымъ брусомъ или архитравомъ вверху соединенныя, служащія перегородкою, съ промежутками. То же значеніе имѣетъ и *pectorale* ⁽²⁹⁾.

Въ укрѣпленіи—русское: перси есть брустверъ. «На верху стѣнъ», говорится въ Энциклопедическомъ Военномъ Лексиконѣ подъ словомъ: поліорустика, «въ древнихъ укрѣпленіяхъ былъ ходъ, прикрытый съ внѣшней стороны небольшимъ брустверомъ съ зубцами; для обороны же подошвы главной стѣны выдавались зубцы на подобіе балкона».

На этихъ зубцахъ и были повѣшены колокола, когда устроена стѣна; для колокольни зубцы или столбы эти были возвышены. Потому-то и можно было сказать: когда перси распадашася и выстроена была деревянная колокольня, колокола опять повѣшены были на персехъ, т. е. деревянныхъ столбахъ. Архитектура новгородская и псковская вообще сходны одна съ другою, а потому неясное въ одной можно пояснять другою. Не записано въ Новгородскихъ лѣтописяхъ—когда при Софійскомъ соборѣ выстроена была колокольня, но записано паденіе колокольни: Въ 1437 г. «въ Новгородѣ стѣна камена падеса и колокольница отъ Волхова» (П. С. Л. III, 112). Слѣдовательно колокольня была въ Новгородѣ, также какъ и въ Псковѣ, на стѣнѣ, и тоже на востокъ отъ храма Софій.

Въ настоящее время Софійская въ Новгородѣ звонница поднята подъ общій карнизъ и покрыта одною крышей, посреди которой на осмигранномъ барабанѣ красуется глава въ видѣ луковицы; древняя же форма ея—пять высокихъ фронтонычъ съ большимъ крестомъ надъ среднимъ изъ нихъ, какъ видно изъ древняго изображенія и изъ текста описанія Софійскаго собора 1635—46 г. (Изв. Имп. Арх. Об. V, 149). Колокола висятъ между 6-ю столбами (на персехъ) и 5-ю окнами.

Такого же устройства: колокольня въ Ростовѣ, въ Спасо-Евфиміевскомъ еуздалскомъ монастырѣ и Ивановская московскаго кремля, если отдѣлить отъ нея самую башню, именуемую Иванъ Великій,—также на восточной сторонѣ отъ Успенскаго собора находящаяся.

Это—колокольни длинныя, узкія, которымъ по преимуществу усвояютъ наименованіе звонницъ; онѣ устроились на стѣнахъ.

Частью устройство стѣны, а можетъ быть и образецъ древнихъ бильницъ, гдѣ поперегъ вѣшаемыя деревянныя, въ сажень длины, била требовали длиннаго, но не широкаго помѣщенія, привели къ подобному виду колоколенъ, составившему потомъ особый типъ.

Другая форма колоколенъ, часто встрѣчающаяся въ древней русской архитектурѣ,—это круглая не высокая башня съ остроконечнымъ верхомъ.

Въ Хутынскомъ монастырѣ, близъ Новгорода, до 1535 г. была церковь Григорія Арменскаго, «не вельми высока и кругла яко столпъ, противу сѣверныхъ дверей (собора), и не велика, токмо сажени единыя внутри и со алтаремъ, на ней же колоколы въ версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ, но не велики и нѣкоторыя лѣпоты не имуще». Въмѣсто этой колокольни, въ 1535 г., противъ южныхъ дверей большой церкви «выстроена была церковь о единомъ версѣ вельми чудна, яко таковы нѣсть дѣломъ въ Новгородской области: яко окольная стѣна, еже округъ церкви, имѣя угловъ восемь, а двери пятеры, въ высоту весьма высока; на ней же въ версѣ колоколы уставиша, два колокола большихъ, егда начнутъ звонити—яко страшнымъ трубамъ гласящимъ, тако и прочіе колоколы уставиша» (П. С. Л. VI, 296).

Колокольни, сохранившіяся отъ XV и XVI в. или извѣстныя по описаніямъ, имѣютъ эту форму.

Вѣроятно образцы подобныхъ колоколенъ заимствованы съ запада. Хотя тамъ отъ XII-го до XIV в. рѣдко строили отдѣльныя колокольни, довольствуясь только башенкою надъ церковію или аркою, сдѣланною надъ западнымъ фронтономъ⁽³⁰⁾, но встрѣчаются образцы колоколенъ, прямо напоминающихъ наши круглыя древнія колокольни. Изображеніе двухъ круглыхъ башенъ при одной сельской XII в. церкви въ Гессенѣ, приложенное въ сочиненіи Отте, какъ будто указываетъ на первообразъ этого рода русскихъ колоколенъ.

Надобно полагать, что даже при каменныхъ церквахъ не часто строили отдѣльныя колокольни. Въ рядной записи о построеніи церкви въ 1553 г. на Бѣлѣозерѣ говорится: «А церковь ставить, какъ въ Кириловѣ монастырѣ церковь Успенія Пресвятыя, гладкимъ дѣломъ, и въ стѣнахъ доспѣти мѣсто колоколамъ большимъ и меньшимъ, и часовню намъ поставить на церковь» (Москвитянинъ 1848 г., № 11-й, стр. 102). Въ Сольвычегодскѣ въ XVII в., при описаніи болѣе чѣмъ 20-ти церквей, упоминается только при одной отдѣльная колокольня (Записки Арх. Общ. Т. VIII, Перечень за сѣд. 53). Въ 1681 г. во всемъ Шиготскомъ стану, у 20 церквей, было 11 колоколенъ рубленыхъ и въ обрубкахъ на столбахъ (Изв. Археол. Общ. V, 130, 131). Деревяныя колокольни и просто устроились изъ четырехъ столбовъ, обитыхъ тесомъ, иногда—на двухъ (Зап. Арх. Общ. X, 305; VIII, 97). Тамъ, гдѣ не было колоколенъ, колокола висѣли въ паперти часовой (Изв. Арх. Общ. V, 133).

Едва ли существовалъ особый принятый обычай строить колокольни на той или другой сторонѣ церкви. Мы видѣли уже, что колокольни строили и на востокъ отъ церкви и на сѣверъ, что принято правиломъ для колоколенъ въ Болгаріи, и на югъ, какъ выстроенная въ Хутынскомъ монастырѣ въ 1535 г. колокольня. Кажется, опредѣлялось мѣсто построенія колокольни удобствомъ мѣстности. Такъ въ Обнорскомъ монастырѣ, при игуменѣ Адріанѣ, построена колокольня каменная между соборною

и Чудотворца Павла папертью. Прежде колокольня была надъ церковію Павла Обнорскаго (Изв. Арх. Общ. V, 174). При Пятницкой церкви, что подлѣ ограды Сергіевой Лавры, построенной въ половинѣ XVI в., колокольня находится на западной сторонѣ въ ряду съ церковію. Встрѣчающееся многократно (св. л. 142) изображеніе колокольни въ лицевомъ житіи Преп. Сергія повидимому даетъ возможность заключать, что она должна находиться на западной сторонѣ церкви. Бывшая прежде нынѣшней, колокольня въ Лаврѣ Сергіевой стояла на востокъ отъ Троицкаго собора.

Почти вездѣ, гдѣ говорится о колокольняхъ, прибавляется, что—верхъ шатровой. Не безъ значенія поэтому показаніе Алимпія Давыдова въ книгѣ: *Θεοσαντ* и его время, стр. 484: «церкви не по старому обычаю, но шпиромъ строить и во образъ органовъ на колокольняхъ играть,—никогда не говаривалъ».

Что касается до формы крестовъ на колокольняхъ и церквахъ, то въ этомъ отношеніи замѣчательное указаніе даетъ просьба прихожанъ Усть-Кулуйскаго погоста отъ 7195 г. Испрашивая дозволеніе строить церковь, они пишутъ: «а крестъ на той церкви поставить четверо-конечный, по преданію св. Апостолъ и св. Богоносныхъ Отецъ и по древнему обычаю, таковъ, каковъ крестъ златый на Москвѣ на Соборной церкви на большой главѣ, или у великихъ Государей на сѣняхъ построенъ изъ давнихъ лѣтъ благовѣрными Великими князи» (Зап. Арх. Об. VIII, Переч. зас. 90).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Амаларій Мецкій († 837 г.), бенедиктинецъ изъ Меца, ученикъ Алкуина, въ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 820 г.: *De divinis sive ecclesiasticis officiis*, L. 4. 21, пишетъ, что въ первыя времена христіанства вѣрующіе созывались къ богослуженію стукомъ такихъ деревянныхъ орудій, какія въ его время употреблялись въ послѣдніе три дня страстной недѣли. Католическая церковь въ эти дни, стукотнею трещотокъ, постоянно напоминала о времени гоненія и угнетенія. Но справедливо еще Бароній замѣтилъ (*ad annum* 58, n. 103), что нѣтъ никакого историческаго свидѣтельства объ этомъ, и что такой стукъ тогда, какъ имѣли особенную заботливость скрывать свое богослуженіе отъ язычниковъ, невѣроятенъ.

2. Въ посланіи къ діакону Герону, приписываемомъ неправильно Игнатію Богоносцу, между обязанностями діакона поставляется и созываніе вѣрующихъ къ богослуженію, каждаго отдѣльно. На это можно находить указаніе и въ подлинномъ посланіи Игнатія къ Поликарпу (с. 4): «*πονητέρον συναγωγαὶ γενέσθωσαν, ἐξ ὀνόματος πάντας ζῆτε*».

3. Августин думаетъ (*Denkwürd.* XI, 410), что *θεοδρόμος*, упоминаемый въ посланіи Игнатія къ Поликарпу, именно имѣлъ своею обязанностію возвѣщать дни и часы богослуженія. Но вотъ слова этого посланія: «*πρέπει συμβῆλιν ἀγαγεῖν θεοπροπέστανον καὶ χειροτονῆσαι τινὰ, ὃν ἀγαπητὸν λίαν ἔχετε καὶ ἀοκνον, ὃς δοῦνῃσεται θεοδρόμος καλεῖσθαι, τοῦτον καταξιώσαι, ἵνα πορευθεῖς εἰς Συρίαν δοξάσῃ ὑμῶν ἀοκνον ἀγάπην εἰς δόξαν Χριστοῦ*». Очевидно, Θεοдромъ предназначается не возвѣщать христіанамъ дни и часы богослуженія, но изъ Смирнской церкви, гдѣ былъ епископомъ Поликарпъ, отправиться въ Сирію, дабы для славы Христовой доказать тамошнимъ христіанамъ любовь Смирнскихъ братій.

Бинтеримъ держится того мнѣнія, что созывавшій къ богослуженію назывался: *cursor dominicus*. Броверъ (*Annal. Trevirens.*, Т. I) приводит надпись: *Ursacius cursor dominicus*,—название *dominicus* указываетъ на церковную должность. У Тертуліана, въ книгѣ о бѣгствѣ во время гоненія (cap. 14), повидимому есть указаніе на это название: «*Si colligere inter diu non potes, habes noctem. Non potes discurrere per singulos? Sit tibi et in tribus ecclesia*». Блаженный Иеронимъ (*ad Eustoch. epist. 22*) упоминаетъ о *praeco*, который приглашаетъ къ евхаристіи: «*Cum ad Agapen vocaverit praeco, conducitur*». Евсевій Александрійскій (V в.), въ словѣ о воскресномъ днѣ, пишетъ: «*Vocat ad ecclesiam praeco, et omnes socordiam protendunt atque impossibilitatem*» (Binterim Т. IV, p. 281, ed. 1827.). Нѣкоторые изъ словъ Иеронима въ письмѣ къ Павлѣ (*Epist. Paulae 19*): «*Post Allelúia cantatum, quo signo vocabantur ad collectam, nulli recidere licitum erat*», заключаютъ, что чрезъ пѣніе аллилуія означалось начало богослуженія.

Въ числѣ чиновъ великой Константинопольской церкви въ седьмомъ пяткѣ упоминается *λαοσυνάχτης*—созыватель народа. Еще Тертуліанъ призывъ вѣрующихъ къ богослуженію называлъ: *convocatio* (*Lib. 2 ad uxorem*). Не осталось ли это название какъ памятникъ древняго времени? Обязанность лаосинакта опредѣляется такъ: «*Οἱ δύο λαοσυνάχται συνάγουσι τὰς διακόνους καὶ ἀναγορεύουσι ἵνα μὴ λείπει κανεὶς, συνάγουσι γὰρ τὰς ἀρχοντας καὶ τὸν λαὸν εἰς τὴν ἐκκλησίαν*» (*Ducange Gloss. Graec. Sub voce: λαοσυνάκτης Sretz. Tom. XV, edit. 1741, p. 8*).

Въ Константинопольской церкви и нынѣ существуетъ чинъ лаосинакта. Это клирикъ или мірянинъ, но почти всегда рясофорный. Онъ на праздники созываетъ православныхъ на всенощное бдѣніе и литургію словами: *ὀρίσατε τὴν ἐκκλησίαν*; онъ же и звонитъ въ било къ богослуженію. Изъ замѣчаній Вальсамона на 17 правило Апостольское видно, что въ XIII в. обязанность лаосинакта лежала на клирикахъ низшаго разряда. Онъ замѣчаетъ, что второбрачные клирики, для которыхъ высшія степени клира недоступны, могутъ съ разрѣшенія митрополита, писаннаго имъ собственною рукою (*διὰ πῖτταχίῳ γραμμάτων*), занимать должности domestica и лаосинакта; нынѣ лаосинактъ называется также *κράκτης* (отъ *κράζω*).

4. *Pachomii Regula*, c. 3 (*Holsteini Cod. Regul. T. IV, p. 26*): «*Cumque audierit vocem tubae ad collectam vocantis, statim egrediatur cellulam suam, de scripturis aliquid meditans usque ad ostium conventiculi*». Въ греческомъ текстѣ житія Пахомія (*Act. ss. Maji Tom. III, Appendix p. 35—36*) читаемъ (п. 39): «*Καὶ ὅτι ἐκρῆσαν εἰς τὴν σύναξιν*. (п. 43) *Διὸ τέως ὅτε κρῆσιν ἡμέρας εἰς τὸ φαγεῖν τοῖς ἀδελφοῖς*.» У Иоанна Лѣствичника въ 19 степени упоминается труба: «когда по гласу духовной трубы видимо собираются на богослуженіе братія»; но это труба духовная, и нѣтъ еще необходимости принимать ее за вещественную. У Θεодора Студита било деревянное называется также трубою; въ стихахъ своихъ онъ пишетъ: «*Σάλπιζε καὶ τὸ ξύλον καθὼς θέον*», и въ другомъ мѣстѣ: «*ἐπειδὴν σαλπίζει τις τὸ ξύλον*» (*Ducang. sub voce: ξύλον*).

5) Въ Лавсаикѣ Палладія (*Palladius, Hist. Lausaica, c. 104. Cotell. Monum. graec. T. III, по русскому переводу—гл. 89*) говорится о монахѣ Адулфѣ, жившемъ въ Иерусалимѣ въ IV в.: «*Πληρώσας τὸν συνήθη τῶν εὐχῶν κανόνα, τὸ τηλικαῦτα τῷ ἐξουπιαστικῷ σφοδρῶς τὰς πάντων ἐκρῆε κέλλας, συνάγων αὐτὰς εἰς τὰς ἐκκλησίας οἰκας πρὸς ὀρθρινὴν δοξολογίαν*». Кассіанъ (*De instit. coenob. IV, 12*) говоритъ подобное о египетскихъ монастыряхъ: «*Itaque considentes inter cubilia sua et operi ac meditationi studium pariter impendentes, quum sonitum pulsantis ostium ac diversorum cellulas percutientis audierint, ad ora-*

tionem eos scilicet seu ad opus aliquid invitantis, certatim a cubilibus suis unus quisque prorumpit». И въ началѣ V в. повидимому употреблялся этотъ способъ созыванія братіи. Въ 17-й книгѣ Пелагія говорится, что настоятель сдѣлалъ приказъ созвать братію словами: *percute signum in cella fratrum* (Rosweid. Uit. Patr. fol. 634, p. 20) и въ третьей книгѣ Іоанна № 2: *circa horam nonam significavit percutiens* (ibid. fol. 652). Отсюда произошло названіе самаго призыва къ богослуженію: *крѣσμα*, *крѣма*. Кириллъ Скиѳопольскій (V в.) въ жизни св. Саввы Освященнаго, гл. 42, пишетъ: «ἐν μίᾳ νυκτὶ ἀναστὰς ὁ ἅγιος πρὸ τῆς τῆς κρῆσματος ὥρας» (Ducange Gloss. Graec., sub hac voce). Такъ какъ подобный ударъ былъ знакомъ призывнымъ для службы, то это дѣйствіе означалось глаголомъ *σημαίνειν* (Du sang Gloss. Graec., p. 1360) «знаменать», каковое слово въ послѣдствіи преимущественно употреблялось въ Греціи, и въ нашемъ церковномъ уставѣ удерживается и теперь.

6. Въ житіи Θεодосία В. († 529), писанномъ современнымъ ему Θεодоромъ еп. Петрейскимъ, читается: «Μοναχοὶ τινες ἐκ τῆ οἰκίᾳ θεασάμενοι μοναστηρίῳ, οἱ τινες τῆ Σεβήρῃ τῆ ματαίφρονος ἐνόσων αἵρεσιν, πρὸς κνίσμα καὶ ἔριν τῶν μαχαρίων ἐχείνων ἀνδρῶν ἀναιδῶς τῷ ξύλῳ ἔκρουν παρὰ τὴν εἰωθεῖαν παντελῶς ὥραν»; и ниже: «ἔπω γὰρ ἦν δευτέρα τῆς ἡμέρας ὥρα, τῆ οἰκίᾳ προκύψας θαλάμῳ κρῆειν τὸ ξύλον ἐκέλευσε τῷ τὴν πνευματικὴν ταύτην ἐπιτετραμμένῳ λειτουργίᾳ». Іоаннъ Мосхъ, говоря о монастыряхъ палестинскихъ въ концѣ VI в., неоднократно упоминаетъ о билахъ (Pratum Spirit. с. 11, 50, 104, 105; по русскому переводу Лугъ Духовный, гл. 103). Изъ главы 11-й Духовнаго Луга (по греч. тексту) видно, что билъ въ дерево канонархъ: «κρῶσαντος τῆ κανονάρχῃς τὸ ξύλον, ἐφ' ᾧ πάντας τὴς ἀδελφῆς συνάχθηται». Есть многочисленныя указанія, что била употреблялись въ монастыряхъ синайскихъ, египетскихъ, константинопольскихъ. См. Leo Allatius, de templis Graecor. p. 5—6, Ducange sub voce: *крѣσμα*, *ξύλον* (σήμαντρον). Била назывались иногда *σύμβολον*. Можетъ быть это—древнѣйшее названіе, изъ временъ первенствующей Церкви взятое, *ξύλον ἱερόν* и просто *ξύλον*, *σήμαντρον*, *σημαντήριον*, *σημαντήρ*. *Σημαντήρ*, вѣроятно, значило молотокъ, которымъ ударяли въ доску. Било, по изъясненію Софронія патріарха Іерусалимскаго († 630), знаменуетъ трубы ангельскія, въ которыя вострубить ангелы въ послѣдній день и звукомъ ихъ возбудятъ всѣ народы, и, какъ дополняетъ Германъ патріархъ константинопольскій (VIII в.),—подвижники возбуждаются къ борьбѣ съ невидимыми врагами. *Σημαντήρ*, по изъясненію Германа, есть образъ гвоздей, которыми были прободены руки и ноги Господа, что отозвалось во всѣхъ концахъ вселенной. У Михаила Глики (Anpal., p. 302) и у Скилицы (p. 637) встрѣчается выраженіе: «взявъ въ руки *σημαντήριον* церковный, напалъ на выходящихъ и многихъ поранилъ». Очевидно здѣсь разумѣется молотокъ.

7. Въ началѣ VII в. изъ Персіи принесены были мощи мученика Анастасія въ Кесарію Палестинскую. Когда приблизилось къ городу священное шествіе, то «ἀπαντες ἀναστάντες τὰ τε ἱερὰ ξύλα σημαίναντες συνηθροίσθησαν ἀπαντες (4-е Дѣяніе VII Всел. Собора).

8. Типики, дошедшіе до насъ подъ именемъ Іерусалимскаго или Саввы Освященнаго, по своей редакціи—не ранѣе половины XVIII вѣка. По словамъ Симеона Солунскаго, уставъ Саввы Освященнаго былъ затерянъ, Софроній въ VII в. написалъ его вновь, а Іоаннъ Дамаскинъ исправилъ и дополнилъ его. Въ началѣ X в. Маркъ Отрантскій сдѣлалъ дополненіе и исправленіе устава, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Марковыхъ главъ, прилагаемыхъ къ тріодямъ постной и цвѣтной. Уставъ Студитскій записанъ былъ только въ половинѣ XI вѣка патріархомъ Алексіемъ для основан-

наго имъ Богородичнаго монастыря. Потому Дюканжъ обыкновенно называетъ его при своихъ ссылкахъ: Turic. monasterii *κεχαρισμένης*. Въ нашемъ уставѣ печатномъ, равно и въ триюдахъ постной и цвѣтной, сохранены все указанія на удареніе въ било изъ греческихъ типиковъ, только вмѣсто била желѣзнаго нерѣдко поставляется кампанъ. Что были желѣзные била, это ясно видно и изъ устава Саввы, и изъ главъ Марка, напр. Marci Hierom., с. 36: «σημαίνει τὰς βαρέας τὸ μέγα καὶ τὸ σιδηρὸν»; типикъ Саввы, с. 19: «κρῖει τὰς βαρέας τὸ μέγα τὸ σιδηρὸν». Въ настоящее время въ Греціи деревянное било называется *σήμαντρον*, а желѣзное *σιδηρόν*. Αἱ βαρέαι Аллаций объясняетъ: «Vareae istae non campanae, sed pulsus sunt campanarum, qui ita dicuntur, quod intento pulsu graviter ferantur ictus graves sejunctimque abacti, et quibus jam finitis, tempus incipiendis officiis praescriptum, expectatione qualibet sumnota, adesse notatur; et hae sive in ferreum, sive in ligneum signum imprimebantur». Дюканжъ повторилъ это объясненіе не безъ нѣкотораго сомнѣнія; но все позднѣйшіе писатели, у кого случилось намъ читать объясненіе этого слова, слѣдуютъ Аллацию. Въ нашихъ уставахъ: τὰς βαρέας обыкновенно переводится: «во вся тяжкая», что указываетъ на удареніе во все большія била. Греки говорятъ, приказывая звонить: *κτύπατε τὰς βαρέας, κτύπατε!* Поэтому выходитъ, что «варен» — общее названіе била деревяннаго и желѣзнаго. Если это слово существительное, или разумѣтся при немъ, какъ прилагательномъ *βαρὺς*, другое существительное, не можемъ сказать. Но въ греческихъ уставахъ никогда не употребляется: *πάσας βαρέας*, но просто: *κρῖει τὰς βαρέας*, напр. Euchol.: «ὁπέρχεται ὁ κανδιδάπτης καὶ κρῖει τὰς βαρέας ἐπὶ τὸ σιδηρὸν, ποιῶν στάσεις τρεῖς, καὶ ὅτῳ συνάγονται πάντες οἱ ἀδελφοὶ (στάσεις τρεῖς», т. е. три раза онъ прекращаетъ удареніе, каждый разъ минуты на три — такъ и теперь бываетъ на Аѳонѣ); типикъ о утрени, с. 5: «κρῖει τὰς βαρέας πρῶτον σχολαιότερον... μετὰ γὰρ τὴν τῶν βαρέων συμπλήρωσιν κατέρχεται». Въ рукописныхъ уставахъ нашихъ переводится: τὰς βαρέας *тяжкимъ* просто, или съ прибавленіемъ: *тяжкимъ удареніемъ*. Рук. Моск. Дух. Акад. изъ Волокол. мон., уставы XV в., № 326, л. 9 и № 140, л. 398.

Въ настоящее время въ монастыряхъ Эллинскаго королевства предъ заутренею кандило-возжигатель обходитъ келліи иноковъ, обыкновенно не запираемые, зажигаетъ въ каждой лампаду и потомъ начинаетъ бить *βαρέα*, двадцать одинъ медленный ударъ, въ промежуткахъ между которыми кладетъ по пяти земныхъ поклоновъ, а братія въ это время читаютъ по келліямъ утреннія молитвы; по пробитіи варей, начинаетъ благовѣсть. Въ большіе праздники, послѣ начала обычнаго частаго благовѣста, ударяютъ 12 разъ медленно въ честь, какъ говорятъ, Апостоловъ, и это называется также ударять варей.

9. Типикъ monasterii *κεχαρισμένης*, сар. 38: «μεσονυκτίς ὁμνωδίας ὁμῶν τελεσθείσης κρυθήσεται τὸ μέγα σήμαντήριον προσεπίτηδες καὶ τὸ χαλκῶν, καὶ ὅτῳ ἀπάρετε τῆς ὀρθρινῆς ἀκολουθίας» и сар. 39: «μετὰ τὸ κρυθεῖναι τὸ χαλκῶν σήμαντήριον ὁ ἱερεὺς εὐλογήσῃ τὸν Θεόν» (Ducang. Gloss., p. 1360). Вальсамонъ перечисляетъ три била: деревянное, желѣзное и мѣдное (Curs. Patr. Graec. Tom. 138, p. 1074, 1075). Въ уставѣ Саввы Сербскаго говорится, что послѣ вечерни братія отходятъ ко сну, «дондеже восклепаетъ въ малое бильце, возбуждая васъ на полунощную службу, иже и той (клепающій) самъ поетъ, вжигая въ церкви кандила и свѣщи, также въ великое клепало клеплетъ, потомъ и въ мѣдное, сзываетъ всѣхъ васъ на утреннее славословіе, ему же начало тако подобаетъ творити. По удареніи въ звонъ, благословляется Богъ отъ дневнаго іерея» (Гласникъ XX, 172).

10. Leo Allatius de templis Graec. p. 4, 5. Здѣсь Алляцій приводитъ стихотвореніе къ билу Аѳанасія, имбросскаго архіепископа, въ которомъ стоитъ замѣчаніе одно выраженіе: «руки благочестивыхъ діаконовъ держатъ меня», т. е. било.

11. Hieronymi Magii de tintinabulis, c. 15. August. T. XI, p. 419—422. Въ описаніи Іеронима Магія страннымъ представляется изображеніе того, какъ держитъ бьющій деревянное било. Положивъ на лѣвомъ плечѣ, онъ не можетъ бить лѣвою рукою, а тѣмъ болѣе по обоимъ концамъ била. Объ его ἀγιοσίδηρον нѣтъ кромѣ него нигдѣ еще свидѣтельства, и какъ усиленно мы ни собирали свѣдѣнія: нѣтъ ли въ настоящей практикѣ Востока чего либо подобнаго, всегда получали отвѣтъ отрицательный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Болгаріи и на островѣ Митиленѣ, малое желѣзное било служить ясакомъ.

12. Goari Euhol., p. 560.

13. Ducang. Gloss. Graec., sub voce: σήματρον. Іоаннъ Рейскій, въ примѣчаніи къ кн. 1, гл. 31, сочиненія Константина Багрянороднаго объ обрядахъ двора Византійскаго, приводитъ свидѣтельства арабскихъ писателей о томъ, что деревянные била были въ употребленіи по всему Востоку у христіанъ. Именно, арабскій поэтъ Гериръ, въ стихотвореніи къ поэту христіанскому изъ Арабовъ Ахталу, говоритъ: *expergefascit me cantus gallorum et pulsatio pasusorum*. Греческое σήματρον Арабы называютъ «накузь». Когда Византійцы хотѣли выкинуть изъ могилы тѣло Абу-Эйба, погребеннаго Арабами близъ Константинополя, то Езидъ, вождь Аравитянъ, сказалъ: клянусь Богомъ, что если выроете тѣло его снова, то ни въ одинъ накузь не дозволимъ ударять во всѣхъ областяхъ своихъ, пока надъ ними будемъ владычествовать. Самъ Магометъ сначала употреблялъ било для призыва къ богослуженію. Рейскій приводитъ свидѣтельства и на то, что на Западѣ также прежде колоколовъ употреблялись била (*Curs. Patr. Graecor., compl. edit. Mign. Tom. 112, p. 409, 410*).

14. Прежде, основываясь можетъ быть на латинскомъ названіи колоколовъ: *campana*, *pola*, введеніе ихъ въ церковное употребленіе приписывали епископу Нолы въ Кампаніи Павлину († 431). Но такъ какъ Павлинъ, въ 12 письмѣ своемъ къ Северу, подробно описывая выстроенный имъ храмъ, ни слова не говоритъ о колоколахъ, то это мнѣніе оставлено. Не пытаюсь приписать какому-либо извѣстному лицу изобрѣтеніе колоколовъ, ограничиваюся только указаніемъ на древнѣйшія извѣстія объ нихъ, которыя встрѣчаются у Григорія Турскаго (*Lib. 3, c. 22; lib. 2, c. 28 de miraculis S. Martini, Historia Francorum, cap. 23*).

15. О епископѣ Ирландскомъ Дагеѣ († 586) записано въ календарѣ: *Hic Dagdus fuit faber tam in ferro, quam in aere, fabricavit enim trecenta campanas. Acta SS. Bolland. August. Tom. III, p. 657*.

16. У Otte (*Handbuch der kirchlichen Kunst-Archäologie* (Leipzig. 1863, S. 244) есть изображеніе колокола, скованнаго гвоздями изъ трехъ полосъ желѣза, высотой въ 15 $\frac{1}{2}$ дюймовъ, а шириною въ овалѣ 13 $\frac{3}{4}$ и 8 $\frac{3}{4}$ дюйма. Здѣсь же есть указаніе и о постепенномъ увеличеніи объема колоколовъ. Отто замѣчаетъ, что колоколъ, прилитъ котораго Карлъ Великій велѣлъ прибавить сто фунтовъ серебра вмѣсто олова, долженъ былъ вѣсить не болѣе 400 фунтовъ. Слѣдовательно, на этомъ извѣстіи нельзя основывать предположеніе о большомъ вѣсѣ колоколовъ въ то время.

17. *Curs. Patrol. comp. edit. Mign. Tom. 139, p. 910*. Пертицъ, изъ изданія котораго перепечаталъ эту хронику Минъ, отзываясь о ней, что ближайшія событія въ ней описаны хорошо, но отдаленнѣйшія невѣрно. Андрей Дандуло въ хроникѣ своей,

писанной около половины XIV в., измѣняетъ нѣсколько сказаніе древнѣйшей хроники. Онъ пишетъ, что Урсъ послалъ колокола императору Михаилу для храма Св. Софіи. Гоаръ пишетъ (Euchol., p. 560), что Михаилъ для этихъ колоколовъ выстроилъ башню у храма Софіи, и что Турки, по взятіи Константинополя, сломавъ крышу съ сей башни, обратили ее въ минареть.

18. Curs. Patrol. Graec. comp. Tom. 109, p. 335. Theophanes continuatus, n. 319. Symeonis Magistri, n. 691, 692, p. 753. Georgii Monachi, n. 843—845, p. 904, 905.

19. Вотъ указанія Аллация: Михаилъ Пселлъ въ рѣчи къ Мономаху, въ 1040 г., говорить: ἐξεγερεῖ σε μέσης νυκτός ὁ κώδων ἱερός καὶ τοῖς θείοις ἐνστηλωθήσῃ ἐδάφειν (возбудить тебя священный кодонъ, и ты повергнешся на священный помостъ). Пахимерь, говоря (Lib. VII, с. 3) о возвращеніи патріарха Іосифа, замѣчаетъ, что онъ вступилъ въ Патріархію, сопровождаемый множествомъ народа, καὶ τῶν τῆς ἐκκλησίας συνακτρίων κωδώνων, и что на другой день клирики, прийдя къ утрени, нашли запертымъ храмъ ὡς μηδὲ σημάτων καὶ κωδῶσι ἡθροισμένοι. Къ указанію Аллация прибавимъ еще указанія Дюканжа. Іоаннъ Беккъ (de injusta sui depositione, с. 20) говоритъ: τὰ δὲ τῶν ρηθέντων κωδώνων ἡχὼν τὰ κηρύγματα. Никиф. Грегор. Lib. 9, с. 3: τὸς ἱερεῦς κρῆσας κωδῶνας (Ducang., sub voce: κώδων). У Евстаѳія, митр. солунскаго, въ его сказаніи о взятіи Солуны Латинянами встрѣчается извѣстіе о томъ, что къ богослуженію въ Солуни призывали ударами въ деревянную доску, и эти удары всегда производили тревогу въ Латинянахъ: «Οἱ δ' αὐτοὶ καὶ τὸ ξύλον, ὅπερ εὐθετόν ἐστι, κήρυκος δίκην σημαίνειν τῷ λαῷ τὴν ἐπ' ἐκκλησίας ἀθροῖσιν, κωλύειν ἡθέλον.... τὸ περὶ τὴν μητρόπολιν συνθηματίζον ξύλον τὴν ἱεράν σύναξιν βαρέως φέρειν, ἐσήμαναν τῷ ξύλῳ ἐορτήν... ξύλα τοιαῦτα κροταλιζόμενα». Напротивъ, Латиняне не смущались, когда слышали при храмѣ св. Димитрія Μυροτόχου σημαντικὰς τῆς φάλλειν μεγάλας κωδῶνας. (Eustath. Thessal. de Thessal. a Latinis capta, n. 122. Curs. Patr. Comp. Tom. 136, p. 121). Изъ словъ Евстаѳія видно, что іерокирики входили на кровли храма, чтобы ударять въ дерево.

20. Слово κώδων часто встрѣчается еще у классическихъ писателей Греціи, какъ показываютъ примѣры, приведенные въ лексиконѣ Стефана. Это слово иногда означаетъ вообще звонокъ, которымъ пугали лошадей, приучали ихъ къ битвѣ и возбуждали сторожей (Pauly Real-Encyclop. подъ словомъ: vigilia); иногда оно означаетъ широкое устье трубы или даже самую трубу, напр: σάλπιγξ ἔχευε τὸν τε κώδωνα καὶ γλωσσίδα, или: τὸν κώδων τῆς σάλπιγγος συμβαλεῖται αὐτῷ πωμάσαι μολιβδῶ. Отсюда κωδωνίζω значить: звоню или звономъ что-либо испытываю.

Въ переводѣ LXX κωδῶνες назывались позвонки у одежды іудейскаго первосвященника («при пугвицѣ златъ звонецъ». Исх. XXVIII 33, 34), вѣроятно такіе же, какіе дѣлаютъ нынѣ на саккосахъ архіерейскихъ, т. е. бубенчики. На это указываетъ особенно 2 Парал. IV, 13, гдѣ слова: шипокъ златый и звонецъ соединяются въ одно въ еврейскомъ словѣ: Беамень-рамень. На одеждѣ первосвященника шипокъ златый и звонецъ слѣдовали попеременно, какъ на архіерейскомъ саккосѣ слѣдуютъ попеременно простыя пуговицы и бубенчики. «Окружи ихъ, говоритъ Сирахъ, шипки златыми и звонцы многими окрестъ, глашати гласъ въ ступаніихъ его, слышанъ творити гласъ въ церкви въ память сыномъ людей своихъ» (Сир. 45, 11, а по греческому тексту стихъ 9-й). Гезихій κώδων толкуетъ: σάλπιγξ ἡχων, κύμβαλον, μηχανή, κάλυξ. Августинъ замѣчаетъ (Denkwürd. XI, p. 414): «сравниваютъ употребляемые при жертвоприношеніяхъ тазы (lebetes), мѣдь додонскую (δωδωναῖον χαλκῶμα), godones (κωδῶνες) и petassos (ἀτεπας, большой

звонокъ) съ богослужебнымъ значеніемъ колоколовъ и даютъ имъ то же значеніе или подобное. Но такое сравненіе не состоятельно, потому что, хотя цѣль и намѣреніе сходны, но орудія эти не были колоколами въ собственномъ смыслѣ. Сравненіе идетъ только къ малымъ богослужебнымъ и монастырскимъ колоколамъ.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Пахимера видно, что *κωδωνες* сопоставлялись съ *σῆμαντρα*, и вѣроятно означали то же, что въ уставахъ называлось *σιδηρόν*. Въ настоящее время у Грековъ *κωδων* называется малый колокольчикъ. Какъ скоро въ колоколѣ болѣе трехъ фунтовъ, онъ называется *καμπάνα*. Колокольни, на которыхъ висятъ била, называются *κωδωνοστάσιον*. На Аѳонѣ въ алтаряхъ есть звонокъ церковный, имѣющій форму опрокинутой чашки съ молоточкомъ сверху, въ родѣ нашихъ комнатныхъ колокольчиковъ, который называется *κωδων*. Въ него ударяютъ три раза послѣ совершенія общей проскомидіи; тогда братія, стоя каждый на своемъ мѣстѣ, скинувъ клобуки и наклонясь, поминаютъ своихъ родныхъ живыхъ и усопшихъ, а служащій въ алтарѣ вынимаетъ части. Еще во время преждеосвященной литургіи, когда Святые Дары переносятся съ престола на жертвенникъ, ударяется въ *κωδων* и всѣ въ храмѣ падаютъ ницъ; по совершеніи перенесенія, опять ударяютъ и всѣ встаютъ.

Въ Болгаріи употребляется при богослуженіи церковный звонецъ въ видѣ колпака съ язычкомъ внутри, въ который ударяютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. по совершеніи освященія святыхъ даровъ, какъ у насъ ударяютъ въ колоколъ на «Достойно». Это кодонъ греческій.

Думаемъ мы, что упоминаемая въ нашемъ уставѣ «кандія» есть искусственное названіе *κωδων*. Слова кандія нѣтъ ни въ древнемъ греческомъ языкѣ, ни въ нынѣшнемъ. Въ нашемъ уставѣ, л. 33, о трапезѣ иноковъ говорится: «на коеждо послушаніе предлагаемыхъ настоятель ударяетъ въ кандій или звонецъ; л. 34: «на вечернюю трапезу настоятель ударяетъ въ кандій». Въ рукописномъ типикѣ Никона Черногорца написано: «въ праздникъ къ трапезѣ ударяютъ въ большой трапезный звонецъ, а въ будни въ малый». Въ Цвѣтной тріоди, въ уставѣ о чтеніи Евангелія на литургіи въ первый день Пасхи, говорится: «на всякомъ возгласѣ или статіи Евангелія ударяютъ въ церкви по единожды въ кандію, параклисіархъ же внѣ церкви въ великое било и великій кампанъ». Кандія, изображеніе которой приложено къ первому отдѣленію № 74 Древностей Россійскаго государства, не имѣетъ ли уже измѣненную форму? Въ грамотѣ Всеволода Юрьеву монастырю (Доп. къ Ак. Ис. I, № 2) кандія называется блюдомъ. Въ статьѣ о колоколахъ (Моск. Вѣд. 1850 г. № 49, стр. 569) приводится извѣстіе, что въ Абиссиніи вмѣсто колоколовъ употреблялись *тазы* глиняные, въ которые ударяли палкою. Въ нашихъ монастыряхъ кандіи бывали булатныя, что видно изъ описи Обнорскаго монастыря (Извѣстія Имп. Арх. Общ. Т. V, стр. 160—297), гдѣ упоминаются четыре кандіи и всѣ булатныя.

21 Curs. Patr. Graec. Comp. edit. Mign. T. 138, p. 1074, 1075. Объясненіе названія: *самрана* отъ *самрус*, приводимое Вальсамономъ, встрѣчается на Западѣ; другіе объясняютъ тѣмъ, что большіе колокола выливались на полѣ, *in campo*. Болѣе принято мнѣніе, что кампанъ получилъ названіе отъ мѣди Кампанской, изъ которой отливались лучшіе колокола; иные хотятъ производить отъ *κἀμπω*, *κἀμπη*, *κἀμπυες*. Какъ въ латинскомъ: *campanula*, такъ и въ рускомъ: колокольчикъ—названіе цвѣтка, имѣющаго форму колокола,—заимствовали ли свое названіе отъ колокола или передали ему?

22. Алляцій говорить, что въ его время (въ XVII в.) были весьма рѣдки колокола на Востоку; они встрѣчаются при церквахъ, удаленныхъ отъ жилищъ Турокъ, но что на Аѳонѣ есть весьма древніе колокола. Последнее извѣстіе не подтверждается другими извѣстіями. Правда, въ замѣткахъ Паломника Святой горы (стр. 199) приводится переводъ устава, писаннаго Аѳанасіемъ Аѳонскимъ, въ которомъ упоминаются колокола: «По минованіи третьей стражи ночи, падаетъ звонокъ водяныхъ часовъ, и при звукѣ его немедленно встаютъ и стучать въ било. Братія собираются въ притворъ соборнаго храма; стр. 206. Подобаешь знать, что когда братія по звуку колокола отправляются обѣдать...; стр. 207. Кушанья подаютъ по звонку». Не имѣя греческаго текста, не можемъ мы знать, какое слово о. Антонинъ переводитъ словомъ колоколъ; а потому, при археологическомъ изслѣдованіи, давать какое-либо значеніе сему свидѣтельству мы не можемъ.

23. Goari Evchol., p. 24. Allat. de templ. Graec., p. 6.

24. Relation d'un voyage du Levant par Pitton de Tournefort. T I, p. 137. Прилагаемъ снимокъ съ рисунка. На островѣ Митиленѣ било виситъ на двухъ столбахъ.

25. Ducang., Gloss. Graec. sub voce: χαμπανάριον.

26. Crusii, p. 160. О Крестѣ сказано: ὁπὲρ ἤτοι ἀπάνω εἰς τὸ χαμπανάριον.

27. Прилагаемъ выписку изъ лѣтописей съ указаніемъ годовъ, когда упоминается о колоколахъ:

1066 г. Приде Всеславъ и взя Новгородъ и колоколы съима у святыя Софіи и паникодиль съима (П. С. Л. III, 2).

Подъ 1146 г. Изяславъ въ Кіевѣ взялъ колоколы (П. С. Л. II, 27).

Въ приписи къ новгородскому Евангелію XII в., современной Евангелію, встрѣчается упоминаніе о пожертвованіи колоколовъ (Ист. Р. Ц. Макарія III, пр. 190).

Въ Ипатіевской Лѣтописи подъ 1259 г. говорится, что князь Даниилъ Галицкій въ Холмѣ колоколы принесе изъ Кіева, другія ту солье (П. С. Л. II, 196).

1288 г. Князь Владиміръ Васильковичъ въ Любомлѣ поля и колоколы дивны слышаніемъ, какихъ же не бысть во всей земли (П. С. Л. II, 293).

1290 г. Князья ростовскіе Димитрій и Константинъ Борисовичи послали на Устюгъ Великій колоколъ Тюрникъ (Кар. IV, пр. 182).

1305 г. Избишася въ Ростовѣ два колокола великіе (П. С. Л. I, 228).

1408 г. (Отъ пожара) въ Ростовѣ церкви каменная сборная святая Богородица падеся и колоколы разліяшася (П. С. Л. I. 134; VI, 135).

1342 г. Повелѣ владыка Василій сліяти колоколъ великъ къ Святѣй Софіи и приведе мастера съ Москвы, челоуѣка добра, именемъ Бориса (П. С. Л. III 81, 125).

1346 г. На Москвѣ слиты быша три колоколы большихъ, да два меньшихъ, а лилъ мастеръ Бориска (П. С. Л. VII, 210). Никоновская Лѣтопись называетъ сего Бориску Римляниномъ.

1382 г. Въ Москвѣ сотвориша вѣче, позвониша во вся колоколы (П. С. Л. IV, 97; VI, 99).

1403 г. Въ Твери слить бысть колоколъ Святому Спасу благовѣстникъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ, и бысть гласъ его красенъ (П. С. Л. XV, 470).

1410 г. Во Владиміръ у церкви Богоматери колоколы разліяшася (П. С. Л. VI, 139).

1412 г. Колоколы политы въ Ростовѣ (VI, 140).

Въ развалинахъ Десятинной церкви въ 1838 г. найдены два колокола: одинъ изъ нихъ коринѣской мѣди, уцѣлѣвшій исключая дужки, къ которой привѣшивается языкъ. Высота этого колокола 9 вершковъ, высота ушей три, нижній поперечникъ десять, верхній семь, толщина стѣны $\frac{5}{8}$ вершка. Вѣсу два пуда 10 фунтовъ. Это вѣроятно древнѣйшій уцѣлѣвшій колоколъ (Описание Кіева Закревскаго, стр. 289).

За недостаткомъ мѣди или по причинѣ неумѣнья лить колокола, были колокола и желѣзные.

Въ описи Обнорскаго монаст. XVII в. упоминается восемь колоколовъ желѣзныхъ (Извѣст. Арх. Общ. V, 299).

28. Приводимъ мѣста Псковской Лѣтописи, гдѣ встрѣчается слово: перши или перси.

1337 г. Солоча посадникъ съ Псковичи починиша (въ другихъ спискахъ: поченши) дѣлати перси у Дѣтинца; по второй Псковской: придѣлаша персей у Дѣтинца.

1393 г. Заложиха псковичи перши у Кромѹ, стѣну каменѹ.

1394 г. Кончаны быша перши у Кромѹ и колокольную поставиша.

1400 г. Псковичи поставиша другій костеръ (башню) Кутскромѹ на стрѣлици, отъ рѣчнаго костра до персей толще и выше.

1407 г. Сдѣлаша стѣну возлѣ Псковѹ противу персей отъ гребли до сторожевой избы толще и выше.

1420 г. Скончаны быша перси у Кромѹ и дѣлаша 200 мужъ полчетверта года, и взяша за дѣло свое 1000 рублевъ, а плиту которіи жгли, даша тымъ 200 рублевъ; или какъ сказано во второй Псковской Лѣтописи (П. С. Л. V. 24): кончана бысть стѣна камена, перси Кромскія.

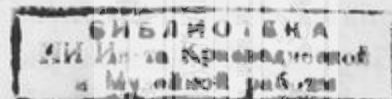
1426 г. Поставиша на персехъ колокольную и колоколы повѣсиша, и три года стоявши распадашася перси.

Того же лѣта поставлена бысть колокольная деревянная на старомъ мѣстѣ ко Святѣй Троицѣ на персехъ и колоколы повѣшены быша.

1433 г. Загорѣся два костра: одинъ кутнѣ въ Кромѹ, другой на персехъ отъ Великой рѣки.

29. Ducanq Glos. У Патріарха Германа въ толкованіи на литургію колонны, отдѣляющія алтарь отъ народа, называются *στήθεα, τὰ χιόνια, ἤτοι τὰ στήθεα διαχωρίζοντα τὸ βῆμα ἀπὸ τῆ λοιπῆ λαῖ καὶ καυχέλλα*. Pectorale у Dueang. Gloss. Latin. объясняется примѣромъ: Gesta Innocentii III: «Super novos gradus constituens novum altare, novaque Pectoralia fallens ante chorum».

30. Въ статьѣ о колоколѣ, помѣщенной въ Енциклопедіи Ерша и Грубера, съ нѣкоторой ироніею отзываются о томъ, что въ Россіи строятъ отдѣльныя колокольни, тогда какъ главы на церквахъ стоятъ безъ всякаго назначенія. Ссылаясь на свидѣтельство Зонары о томъ, что императоръ Θεοφίλѣ любилъ арабскую архитектуру, въ этихъ главахъ видятъ подражаніе арабскимъ минаретамъ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

